UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324445 6

HANDBOUND
AT THE

UNIVERSITY OF
TORONTO PRESS

Б. М. МАРКЕВИЧЪ.

arkevich, Boleslav Mikhaĭlovich

Polnoe sobranie sochineniĭ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Б. М. МАРКЕВИЧА.

t. 9-11

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія (бывшая) А. М. Котомина, Фонтанка, д. № 93.
1885.

PG
3467
M327
1885
t. 9-11

790590

Содержаніе

ДЕВЯТАГО ТОМА:

	стран.
Бездна. (Часть вторая).	1—293

БЕЗДНА.

БЕЗДНА.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРІЯ.

Посвящается Еленѣ Сергѣевнѣ Рахмановой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

— Все тотъ же вы?
— Зачѣмъ мѣняться мнѣ!
Горе отъ ума.

Владиміру Петровичу Ашанину уже перевалило за пятьдесятъ лѣтъ, но „безпощадное крыло времени", какъ говорилось встарь, коснулось лишь словно pro forma этого „баловня природы" съ той поры, когда мы впервые познакомились съ нимъ, благосклонный читатель мой. Въ порѣдѣвшей довольно замѣтно шапкѣ его волосъ начинали кое-гдѣ проглядывать серебряныя нити, но волосы эти все такъ же живописно кудрявились вокругъ смуглаго, все еще свѣжаго чела, и большіе черные глаза горѣли все тѣмъ же юношески-пылкимъ, соблазняющимъ женщинъ огнемъ, какъ въ тѣ давно минувшіе годы, когда въ полупрозрачной тьмѣ майскихъ ночей поджидалъ онъ Ольгу Акулину въ аллеяхъ Сицкаго. „Обломокъ старыхъ поколѣній", онъ оставался неизмѣнно вѣренъ традиціямъ своего былаго донъ-жуанства и, вопреки всякимъ „новымъ вѣяніямъ", плѣнялъ теперь *демократокъ*-дочекъ все тѣми же вкрадчиво дерзкими пріемами обольщенія, какими въ оны дни завоевывалъ сердца маменекъ-„барынь". Въ свѣтъ

онъ давно пересталъ ѣздить, да и какой же теперь „свѣтъ“ въ Москвѣ? А въ послѣднее время всѣ часы, остававшіеся у него свободными отъ занятій по театру, проводилъ въ *Стрѣльнѣ* за Тверскою заставой, или въ одномъ скромномъ домикѣ на Патріаршихъ прудахъ: очень ужь полюбилъ Владиміръ Петровичъ цыганское пѣніе за этотъ годъ...

Мы застаемъ его въ настоящую минуту у себя дома, въ его изящно убранной, холостой квартирѣ въ мѣстности, сосѣдней съ Большою Дмитровкой. Десять часовъ только-что пробило въ его кабинетѣ, отдѣлявшемся отъ спальни большою ковровою занавѣсью. За нею, въ спальнѣ, происходитъ обычное здѣсь утреннее священнодѣйствіе. Дюжій русскій парикмахеръ Ѳедоръ, переименовавшій себя „для репутаціи“ во французскаго „Théophile, coiffeur“, *наводитъ красоту* на своего кліента: брѣетъ ему подбородокъ, подвиваетъ усы и выливаетъ на его расчесанную волосокъ къ волоску голову цѣлый флаконъ *eau athénienne*... Но вотъ онъ кончилъ. Старый красавецъ, оглянувъ себя въ послѣдній разъ въ широкое туалетное зеркало, у котораго сидѣлъ, скинулъ съ плечъ пудермантель и, отпустивъ „Теофиля“, направился въ уголъ къ висѣвшей тамъ большой иконѣ Спасителя, предъ которою теплилась неугасимая лампада, и сталъ благоговѣйно на молитву, обернувшись спиной къ увѣнчанной гроздіями гологрудой вакханкѣ, глядѣвшей пьяными глазами съ противоположной стѣны... Тотъ же двойственный характеръ набожности и *грѣховности* носило и все остальное здѣсь: на столѣ предъ зеркаломъ, между цѣлою массой англійскихъ щетокъ, черепаховыхъ гребней, ногтяныхъ пилокъ и всякихъ иныхъ принадлежностей тщательнаго туалета, гранатовыя четки лежали рядомъ съ маленькимъ блѣднорозовымъ башмачкомъ, очевидно скинутымъ „на память“ съ ножки молоденькой балерины; перламутровые крестики изъ Іерусалима, финифтяные образки отъ кіевскихъ святынь висѣли надъ кроватью, покрытой жемчужнаго цвѣта атласнымъ одѣяломъ, расшитымъ по краямъ гирляндой розъ изъ сирени и съ огромнымъ вензелемъ владѣльца его по срединѣ,—работа и подарокъ влюбленной мастерицы рукодѣлья. Запахъ лампаднаго масла пробивалъ сквозь

своеобразный букетъ только-что откупоренной большой стклянки духовъ, содержавшей въ себѣ какую-то смѣсь иланъ-иланга, ландыша и вервены, которую Ашанинъ приготовлялъ самъ по изобрѣтенному имъ особому рецепту... Во всемъ этомъ было что-то, невольно говорившее о типахъ *кавалеровъ* давно исчезнувшихъ временъ, когда религіозный энтузіазмъ и земныя страсти переплетались органически въ какое-то одно, цвѣтистое цѣлое. Недаромъ прозывалъ Ашанина „un *raffiné* *) du temps de la Saint-Barthélemy петербургскій пріятель его, князь Щенятевъ, большой зубоскалъ, острословъ и неудачникъ...

Въ кабинетѣ ждали хозяина похолодѣвшій уже стаканъ чая и актеръ Ростиславцевъ, сѣдовласый и добродушный мудрецъ, за потерей голоса перешедшій безъ малѣйшаго неудовольствія съ амплуа перваго тенора московской оперы на роли *податчика писемъ* и *гостя* въ труппѣ Малаго Театра, совершенно довольный пятью рублями разовыхъ, которые получалъ за выходъ, благодаря особому предстательству за него Ашанина. Онъ, въ изъявленіе благодарности и преданности Владиміру Петровичу, являлся къ нему аккуратно каждый день въ десять часовъ утра, присаживался къ круглому столу, за которымъ тотъ отпивалъ свой чай изъ стакана медленными глотками, дымя въ интервалахъ изъ пѣнковой трубки, изображавшей нагую сирену съ рыбьимъ хвостомъ; вынималъ изъ стоявшаго тутъ же футляра затасканныя отъ частаго употребленія карты и принимался за пасьянсъ, за которымъ хозяинъ въ свою очередь слѣдилъ зоркими глазами. Разговоры между ними были коротки и относились исключительно къ ихъ домашнимъ, театральнымъ дѣламъ. Съ первымъ ударомъ одиннадцати часовъ Ростиславцевъ также аккуратно вставалъ, раскланивался и отправлялся на репетицію. Не видя у себя утромъ за пасьянсомъ Ростиславцева, Ашанинъ по всей

*) Названіе *raffinés*, или болѣе опредѣлительно, *raffinés d'honneur* носили во Франціи въ царствованіе Карла IX придворные молодые люди, отличавшіеся особливымъ изяществомъ и вкусомъ своихъ костюмовъ, многочисленностью любовныхъ приключеній и количествомъ противниковъ, убитыхъ на дуэли. Это были *львы* той эпохи.

вѣроятности удивился бы въ такой же мѣрѣ, какъ если-бъ ему сказали, что воры прошедшею ночью похитили Царь-пушку изъ Кремля.

— Здравствуйте, Петръ Михайловичъ, говорилъ онъ, выходя, омовенный тѣлесно и духовно, изъ спальни и садясь на свое плетеное кресло у стола:—что новаго?

— Три декораціи разрѣшено написать для новаго балета, отвѣтилъ тотъ, укладывая червонную даму на трефоваго короля.

— Вы почемъ знаете? быстро спросилъ Ашанинъ:—у насъ офиціально ничего нѣтъ изъ Петербурга.

— Шрамъ, декораторъ, письмо получилъ, встрѣтилъ его сейчасъ, идучи сюда; самъ хотѣлъ къ вамъ быть съ этимъ, пріятель у него тамъ въ конторѣ есть: вмѣсто семи, пишетъ, декорацій, на какія просятъ у васъ въ Москвѣ разрѣшенія, баронъ согласенъ на три, а представленную смѣту въ десять тысячъ изволилъ сократить на двѣ съ половиной.

— Я зналъ это, съ какою-то словно торжествующею улыбкой проговорилъ на это Ашанинъ.

Ростиславцевъ поднялъ на него съ изумленіемъ глаза:

— Какъ такъ, вѣдь вы, говорите, ничего офиціально не получали?

— Я и не офиціально... Варвара Аѳанасьевна открыла, примолвилъ какъ бы таинственно старый красавецъ.

— Гадалка? въ самомъ дѣлѣ? давно это?

И отставной теноръ, смѣшавъ карты не вышедшаго пасьянса, принялся торопливо тасовать ихъ, не отрываясь взглядомъ отъ своего собесѣдника, откровеніе котораго видимо заинтересовало его.

— Вчера заѣзжалъ къ ней предъ театромъ... Есть тутъ одно обстоятельство, безпокоящее меня, примолвилъ, слегка морщась, Ашанинъ.

— Насчетъ Зильбермана? участливо спросилъ Ростиславцевъ.

Тотъ махнулъ рукой:

— Я о немъ и думать забылъ! Коли отсрочить не хочетъ,

пусть подаетъ ко взысканію... Пусть всѣ они подаютъ! Рано-ли, поздно-ли, одинъ конецъ—опишутъ... Нѣтъ, я о другомъ...

Ростиславцевъ качнулъ головой: знаю-молъ о чемъ.

— Такъ что-жь вамъ Варвара-то Аѳанасьевна напророчила?

— Я вамъ говорю, просто удивительно, что за даръ прозрѣнія у этой женщины! Глядитъ въ гущу,—она на кофейной гущѣ гадаетъ,—будто въ зеркалѣ все такъ и проходитъ предъ ней... „У васъ, говоритъ, много теперь заботъ всякихъ и безпокойства, только вы напрасно не тревожьтесь, потому все это должно къ вашему удовольствію кончиться. Перво-на-перво, говоритъ, женщина тутъ одна, съ которою вы въ близости состоите, брюнетка, пѣвица она или изъ актерокъ, не знаю, а только не изъ вашего дворянскаго сословія показываетъ... И молодая она, изъ себя красивая и большую къ вамъ преданность имѣетъ“. Сколько времени, можете сказать, спрашиваю, состою я съ этою женщиной „въ близости?“ „Въ августѣ четыре года будетъ“, отвѣчаетъ. Именно такъ, какъ вамъ извѣстно.

— Удивительно! вскрикнулъ Ростиславцевъ, слегка даже перемѣняясь въ лицѣ подъ вліяніемъ суевѣрнаго чувства.

Ашанинъ, съ выраженіемъ подобнаго же суевѣрнаго благоговѣнія въ чертахъ и тонѣ голоса, продолжалъ:

„— Вы, говоритъ, сами спервоначала очень любили эту женщину и привыкли, но теперь она вамъ въ тягость, а вамъ совѣсть мѣшаетъ кинуть ее и отъ этого самаго вы себѣ покою не знаете. Только все это неожиданно для васъ развяжется какъ нельзя лучше, такъ что вы сами удивитесь“. „Какъ же это можетъ развязаться?“ спрашиваю я ее опять. „Очень просто: такой будетъ случай, что она васъ будетъ ожидать къ себѣ по обѣщанію, а вы не пріѣдете; она очень разсердится за это и сама пожелаетъ разойтись съ вами“...

— Что же, Владиміръ Петровичъ, воскликнулъ, прерывая, Ростиславцевъ,—если такъ, то дѣйствительно чего же лучше! Съ одной стороны Зильберманы всякіе, а тутъ женщина на рукахъ... Коли сама васъ развяжетъ, благословляйте Создателя...

Старый Донъ-Жуанъ усмѣхнулся:

— Погодите, я не досказалъ. Разрывъ, какъ уже знаете, долженъ произойти изъ-за того, что я не пріѣду *къ ней* по обѣщанію, но главная тутъ причина „другая женщина“...

— Ну такъ! комически вздохнулъ отставной теноръ.

— И это въ связи съ представленіемъ моимъ въ Петербургъ о декораціяхъ для новаго балета.

Ростиславцевъ даже руками всплеснулъ:

— Что вы! все это она въ гущѣ видитъ?

— „Показываетъ“, повторяя выраженіе Варвары Аѳанасьевны, подтвердилъ Ашанинъ съ полнымъ убѣжденіемъ въ несомнѣнности такого „показанія“ кофейной гущи.—„Вы, говоритъ, хлопочете на счетъ какихъ-то денегъ и будто какъ бы не для себя собственно, а въ какомъ-то чужомъ интересѣ. Деньги эти вы получите, только не всѣ, и узнаете объ этомъ чрезъ одну молодую даму, а въ скорости послѣ того изъ-за самой этой дамы выйдетъ у васъ ссора съ вашимъ предметомъ“.

— Что за притча! засмѣялся Ростиславцевъ:—дама-то эта выходитъ—я; потому объ отказѣ барона сообщено вамъ сейчасъ мною.

Въ кабинетъ въ эту минуту донесся изъ передней звонъ колокольчика, и вслѣдъ затѣмъ вошелъ въ комнату дежурный капельдинеръ въ придворной ливреѣ, съ письмомъ и визитною карточкой въ рукѣ.

Анастасія Дмитріевна Ларина, прочелъ Ашанинъ на карточкѣ, взглянулъ на письмо... „Отъ Ошмянскаго“, быстро выговорилъ онъ, взглянувъ на Ростиславцева, вскрылъ поспѣшно конвертъ и, обращаясь къ дежурному:

— Попроси эту госпожу въ гостиную! приказалъ онъ и принялся читать. Но едва пробѣжавъ первыя строки, онъ задрожавшею мгновенно рукой протянулъ письмо Ростивлавцеву:

— Читайте: вѣрно или нѣтъ *видитъ* Варвара Аѳанасьевна.

Письмо было изъ Петербурга отъ состоявшаго въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Ашанинымъ секретаря всевластнаго въ ту пору въ театральномъ вѣдомствѣ лица и начиналось такъ:

„Пользуясь случаемъ отъѣзда подательницы, г-жи Лари-

ной, которая сама изъяснитъ вамъ о предметѣ своихъ желаній и для которой, не сомнѣваюсь, вы сдѣлаете все, что отъ васъ зависитъ, какъ и для всѣхъ, кто только прибѣгаетъ къ вамъ, я со своей стороны считаю не безполезнымъ извѣстить васъ до полученія вами формальнаго о томъ извѣщенія, что на послѣднее представленіе ваше о новыхъ декораціяхъ его высокопревосходительство...“ Слѣдовало буквальное повтореніе того, что писалъ декоратору Шраму пріятель его изъ той же канцеляріи главнаго театральнаго управленія.

— Удивительно! повторилъ спирающимся голосомъ отставной теноръ, нервно дернувъ плечомъ.

Ашанинъ принималъ очень горячо къ сердцу всѣ интересы театра, и скаредничанье барона, постоянно отказывавшаго, въ прямой ущербъ дѣйствительныхъ выгодъ дѣла, тамъ, гдѣ расходы на оное представлялись совершенно необходимыми, приводило его всегда въ крайнее раздраженіе. Но въ настоящемъ случаѣ чувство досады сводилось у него на „нѣтъ“ въ виду того удовлетворенія, которое доставляло ему „поразительное“ доказательство несомнѣннаго пророческаго дара гадалки, въ совѣщаніяхъ съ коею онъ проводилъ цѣлые часы по нѣскольку разъ въ недѣлю; онъ, чуть не ликуя, направился своими торопливо-мелкими шажками въ гостиную, гдѣ его ожидала госпожа Ларина.

Это была еще весьма молодая, но съ усталымъ, блѣднымъ и худымъ лицомъ особа, одѣтая въ скромное, хорошо скроенное, шерстяное платье темнаго цвѣта и въ такой же скромной, но свѣжей шляпкѣ съ полуопущенною вуалеткой, сквозь которую сквозили большіе и прекрасные, сколько можно было судить, глаза.

— Не знаю, узнаете-ли вы меня, Владиміръ Петровичъ? проговорила она, увидавъ его и подымаясь съ турецкаго дивана, роскошно расшитаго шелковыми узорами по красному сукну, какъ и вся остальная мебель этой парадной пріемной пожилаго московскаго Донъ-Жуана.

— Ахъ, Боже мой, конечно! воскликнулъ онъ, протягивая руку и дружески пожимая ея тонкіе пальцы:—карточка ваша мнѣ ничего не сказала; *Ларина* я никакой не знаю, но по

голосу и лицу узналъ васъ съ первой минуты... Вы замужъ вышли вѣроятно съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ здѣсь—тому два года, кажется,—на этомъ самомъ мѣстѣ? примолвилъ Ашанинъ, съ ласкательнымъ оттѣнкомъ въ улыбкѣ и тонѣ рѣчи.

Она усмѣхнулась слегка:

— Нѣтъ, я все также не замужемъ; *Ларина* — мой театральный псевдонимъ... который я возобновляю теперь, примолвила она сквозь слезы.

— Возобновляете? повторилъ вопросительно Ашанинъ.

— Да, я цѣлый годъ... я была за Дунаемъ во время войны, какъ бы застыдясь объяснила она.

— Въ Красномъ Крестѣ?... И вернулись оттуда цѣлы и здравы? спросилъ онъ съ живымъ участіемъ.

— Нѣтъ, у меня былъ тифъ... какъ у всѣхъ тамъ, добавила она съ новою легкою усмѣшкой, — но, какъ видите, жива... Я изъ Петербурга привезла вамъ письмо отъ господина Ошмянскаго, поспѣшила она перемѣнить разговоръ.

— Какъ же, благодарю васъ очень! Онъ мнѣ пишетъ, прося о моемъ содѣйствіи вамъ... Но въ чемъ—вы сами мнѣ должны объяснить, говоритъ онъ... Для этого мнѣ рекомендаціи его не нужно, молвилъ улыбаясь Ашанинъ, — мы съ вами старые знакомые и чрезъ посредство человѣка, котораго я ото всей души люблю и уважаю, Бориса Васильевича Троекурова... Давно не было его въ Москвѣ, и я въ послѣднее время не имѣю о немъ никакихъ извѣстій... А вы?

— Я слышала, онъ за границей съ дочерью.

— Сами вы не были въ его мѣстахъ?

— Нѣтъ, я прямо изъ Болгаріи проѣхала въ Петербургъ съ общиною сестеръ, въ которой состояла.

— Навидались вы тамъ всякихъ ужасовъ, за Дунаемъ, воображаю, сказалъ Ашанинъ, все внимательнѣе вглядываясь въ свою собесѣдницу.

— Да, подтвердила она, — но съ тѣмъ вмѣстѣ пришлось видѣть столько самоотверженія, покорности, столько (она какъ бы искала выраженія,)... святыхъ чувствъ, что о темныхъ сторонахъ забываешь... Нельзя не полюбить ото всей души рус-

скаго простаго человѣка, когда узнаешь его такъ, какъ *намъ* дано было узнать его теперь, пояснила дѣвушка. Въ голосѣ ея слышалась трогательная нота; она приподняла вуалетку, и предъ Ашанинымъ сверкнули, какъ двѣ звѣзды, ея загорѣвшіеся глубокіе каріе глаза.

Онъ видѣлъ ихъ тому два года, эти глаза, это все такъ же какъ и теперь блѣдное и выразительное лицо, но они въ ту пору не произвели на него никакого впечатлѣнія. Въ настоящую же минуту онъ чувствовалъ, что его „подмываетъ“, какъ выражался онъ внутренно. „Изъ-за *этой* женщины“, по предсказанію Варвары Аѳанасьевны, долженъ былъ произойти у него разрывъ съ тою „*фараонкой*“ *) изъ Стрѣльны, которую „совѣсть не позволяла ему до сихъ поръ покинуть“, и онъ глядѣлъ теперь на эту ниспосылаемую ему таинственною судьбой „избавительницу“ съ полною уже готовностью предоставить ей со своей стороны всякое право и основаніе споспѣшествовать его *избавленію*.

— Вы надолго теперь въ Москву? поспѣшилъ онъ спросить въ соотвѣтствіе тому, что̀ роилось у него теперь въ головѣ.

— Это будетъ отчасти отъ васъ зависѣть, отвѣчала она на это какъ бы не совсѣмъ увѣренно.

— Отъ меня? Въ такомъ случаѣ вы отсюда никогда не уѣдете! вскликнулъ Ашанинъ, и лицо его, по давнишней привычкѣ, приняло тотчасъ же то елейное, вызывающее выраженіе, напоминавшее нѣсколько *заигрываніе* старой кокотки, которое до сихъ поръ производило, какъ онъ зналъ, неотразимый эффектъ на женщинъ, удостоиваемыхъ имъ своего вниманія.

Но дѣвушка въ отвѣтъ на это взглянула на него такимъ „невинно“ удивленнымъ взглядомъ, что ему стало тутъ же совѣстно (ему припомнилось письмо отъ Бориса Васильевича Троекурова, которое она привезла ему въ первый разъ, и мѣсто въ этомъ письмѣ, гдѣ говорилось о полномъ *уваженіи* и

*) Выраженіе Полежаева.

участіи, коихъ достойна эта молодая особа"), и, опустивъ свои лукавые глаза, онъ продолжалъ уже надлежащимъ тономъ:

— Съ Краснымъ Крестомъ вы теперь покончили и думаете опять на сцену, такъ-ли?

— Да.

— Имѣете вы ангажементъ куда-нибудь?

— Я бы могла, если бы захотѣла, поступить опять въ *** (Ларина назвала одинъ изъ большихъ русскихъ университетскихъ городовъ): тамошній антрепренеръ очень просилъ меня объ этомъ, когда я собралась въ *сестры*...

— Вы тамъ большой успѣхъ имѣли, я знаю, перебилъ ее Ашанинъ: — васъ видѣлъ одинъ мой знакомый въ *Маріи Стюартъ* и отзывался съ восхищеніемъ о вашей игрѣ.

Лицо Лариной заалѣло слабымъ румянцемъ: отзывъ этотъ видимо вызывалъ въ ней давно не испытанное ощущеніе радости.

— Тамошняя публика, дѣйствительно, была очень благосклонна ко мнѣ, сказала она и какъ бы невольно добавила:— но положеніе провинціальной актрисы ужасно тяжело!..

— Не тяжелѣе все же, думаю, усмѣхнулся ея собесѣдникъ,— того креста, который взялись вы нести въ военномъ госпиталѣ, среди умирающихъ и зараженныхъ, при всевозможныхъ лишеніяхъ и изнуряющемъ трудѣ?

— Ахъ, какъ можно! вскликнула горячо недавняя *сестра:*—тамъ о лишеніяхъ не думаешь, тамъ рядомъ съ трудомъ такое душевное спокойствіе... такое *удовлетвореніе*, примолвила она, безсознательно подчеркивая: — знаешь, что ты нужна, что ты истинному дѣлу служишь, и какъ въ семьѣ себя чувствуешь, среди братьевъ: всѣ тебя любятъ, радуются тебѣ...

Она оборвала вдругъ и отвела глаза въ сторону, будто говоря себѣ: „къ чему объ этомъ распространяться!"

Ашанинъ качнулъ головой:

— Въ театральномъ быту приходится испытывать совершенно противоположное: не удовлетвореніе и братскія чувства, а терзанія и вражду... А все же васъ опять туда тянетъ?

— Тянетъ, Владиміръ Петровичъ! вырвалось неудержимо изъ устъ Настасьи Дмитріевны. И столько искренности и неожиданной наивной какой-то прелести сказалось въ эту минуту во всей ея наружности, что въ вѣчно юной головѣ пожилаго красавца снова закопошилась мысль: а вѣдь по гаданію непогрѣшимой Варвары Аѳанасьевны выходитъ, что никакая иная, какъ *эта* „женщина", должна его вызволить изъ узъ „*фараонки*"...

— И если бы вы нашли возможность, говорила она между тѣмъ,— исполнить теперь то, на что давали вы мнѣ нѣкоторую надежду два года назадъ...

Онъ не далъ ей договорить:

— Зависѣло бы это отъ меня, вы бы завтра приняты были въ труппу Малаго Театра. Но мы здѣсь лишенныя всякаго значенія пѣшки на шашечницѣ: слоны и ферязи, орудующіе нашимъ злополучнымъ театральнымъ дѣломъ, сидятъ въ Петербургѣ и будто единственно для того, чтобы тормозить и придушивать все, что можетъ служить преуспѣянію его... Вы не были тамъ у барона Книппера?

— Онъ меня не принялъ, и меня въ его канцеляріи направили къ секретарю его, господину Ошмянскому.

— Который, въ свою очередь, какъ они всегда тамъ дѣлаютъ, направляетъ васъ ко мнѣ, зная наперед, что станемъ мы отсюда просить о принятіи васъ въ труппу, патронъ его сочтетъ непремѣннымъ своимъ долгомъ, въ виду все того же соблюденія экономіи, à tout prix, отказать намъ въ этомъ наотрѣзъ, желчно выговорилъ Ашанинъ, оборачиваясь машинально въ то же время на входившаго въ эту минуту въ комнату камердинера своего Максима, маленькаго, юркаго и смѣтливаго малаго, съ птичьимъ лицомъ и плутоватымъ пошибомъ наружности слугъ старинныхъ французскихъ комедій,—un Frontin digne de son maître, какъ говорилъ про него все тотъ же князь Щенятевъ... Онъ быстро подошелъ къ барину, сунулъ ему какое-то письмо въ пальцы, и по одной игрѣ его физіономіи Ашанинъ догадался, кѣмъ оно было ему писано.

— Извините, проговорилъ онъ, поспѣшно вставая и подходя къ окну прочесть письмо.

Оно содержало лишь нѣсколько словъ:

„Два дня не видала. Если не можешь обѣдать, пріѣзжай *непремѣнно* сегодня вечеромъ. Жду отвѣта".

— Кто принесъ? спросилъ вполголоса Донъ-Жуанъ.

— Кухарка ихняя, отвѣтилъ еле слышно Лепорелло:—говоритъ, весь вчерашній день проплакали, ожидамши васъ.

— Хорошо, скажи, что обѣдать не могу, а вечеромъ буду... *непремѣнно*, промолвилъ Ашанинъ, безсознательно повторяя подчеркнутое „фараонкою" въ запискѣ слово. Но лицо его замѣтно омрачилось...

— Извините, повторилъ онъ, возвращаясь къ своему мѣсту противъ дивана, на которомъ сидѣла его гостья.

— Не задерживаю-ли я васъ? проговорила она:—у васъ дѣло, можетъ быть...

— Ахъ нѣтъ, пожалуйста! вскликнулъ онъ, какъ-то вдругъ страшно испугавшись, что она „сейчасъ встанетъ и уйдетъ:"— никакого у меня дѣла нѣтъ въ эту минуту, кромѣ вашего, и я весь къ вашимъ услугамъ.

— Что же мое дѣло, промолвила она печально,—когда я вижу изъ вашихъ словъ, что нѣтъ надежды...

— Надежды никогда терять не надо, усмѣхнулся онъ: — представленіе о васъ мы во всякомъ случаѣ сдѣлать можемъ, а тамъ, быть можетъ, и вывезетъ... У насъ на драматическія роли европейскаго репертуара исполнителей нѣтъ, а возобновить этотъ репертуаръ моя всегдашняя мечта... Вѣдь это просто позоръ: какой-нибудь антрепренеръ въ губернскомъ городѣ находитъ возможность поставить *Марію Стюартъ*, напримѣръ, а московская Императорская сцена не можетъ этого сдѣлать—сыграть некому!... Нашъ бытовой репертуаръ погубилъ у насъ цѣлое поколѣніе актеровъ, воскликнулъ съ горечью старый театральный энтузіастъ: — воспитавшись на Любимахъ Торцевыхъ, да на Подхалюзиныхъ,—пойди, подымись на высоту *Гамлета* или *Валленштейна!* Геніальный актеръ былъ покойный Провъ Михайловичъ Садовскій, а вздумалъ попробовать себя въ *Лирѣ*,—срамота вышла... Школа,

традиція, воспитательное значеніе театра, — все это у насъ сметено съ лица сцены, хоть сначала начинай!... Да, что объ этомъ говорить! перебилъ онъ себя, проводя рукою по лбу,— не поможешь!... Возвратимся къ вамъ, это гораздо интереснѣе. Мы будемъ просить о васъ отсюда, я уговорю это сдѣлать нашего здѣшняго набольшаго; но вамъ слѣдовало бы прежде самимъ заявить о себѣ...

— Дайте мнѣ дебютъ! поспѣшила она сказать на это.

Онъ усмѣхнулся:

— Заставьте насъ дать вамъ его поневолѣ, а не изъ милости.

— Я васъ не понимаю, промолвила дѣвушка, глядя на него съ удивленіемъ.

— Я вамъ открою одну изъ нашихъ тайнъ, отвѣтилъ онъ ей шутливо:—вотъ видите, начальство у насъ терпѣть не можетъ печати, но вмѣстѣ съ тѣмъ страшно ея боится, и всякій невѣжда и оборвышъ, пишущій театральныя рецензіи въ газетахъ по двѣ съ половиною копѣйки за строчку, представляется ему силой, съ которою слѣдуетъ-де считаться... Интриганы знаютъ это хорошо и проводятъ и поддерживаютъ этимъ путемъ всякую бездарность и мерзость на сценѣ... Воспользуемся же этимъ орудіемъ и мы въ интересахъ хорошаго дѣла. Вамъ прежде всего надо было бы показать себя на частной сценѣ, въ Артистическомъ Кружкѣ, напримѣръ, и въ піесѣ, которая у насъ не идетъ, — въ той же хотя бы *Маріи Стюартъ*. Объ успѣхахъ вашихъ въ этой роли въ *** было не разъ уже говорено въ газетахъ, и я не сомнѣваюсь, что такой же успѣхъ вы будете имѣть и здѣсь. Въ Артистическій Кружокъ вы будете приглашены, когда только захотите, — я берусь это устроить. А какъ только вы тамъ сыграете, мы и пустимъ сейчасъ въ ходъ „благодѣтельную гласность“. Возьму я за бока одного знакомаго мнѣ здѣшняго корреспондента петербургской газеты *Призывъ*,—она вѣдь тамъ за Евангеліе идетъ у лицъ *правительственныхъ;* — онъ про васъ и протрубитъ въ своемъ московскомъ фельетонѣ, благо ему случай этимъ лишній выйдетъ выругать правительственное вѣдомство... Дрянь вѣдь, по правдѣ вамъ сказать, весь

этотъ людъ невообразимая! презрительно засмѣялся Ашанинъ:— самъ онъ чиновникъ и рода, и нрава чиновническаго, и отъ казны норовитъ какъ бы побольше жалованья получить, а посмотрите, чего онъ тутъ не настрочитъ: и про казенную монополію, и про чиновничій произволъ въ сферѣ искусства, и про гибель молодыхъ талантовъ „вслѣдствіе печальныхъ условій нашего общественнаго устройства", и такъ далѣе, и такъ далѣе... Намъ-то все это на благо будетъ, оживленно договорилъ онъ: — я постараюсь повести дѣло такъ, чтобы какъ разъ вслѣдъ за его фельетономъ пришло въ Петербургъ наше представленіе о принятіи васъ на драматическія роли классическаго ренертуара, и тогда является огромнѣйшій шансъ, что намъ на откажутъ изъ-за боязни, чтобы дирекцію по поводу васъ не выбранили еще разъ въ газетѣ *Призывъ*.

Настасья Дмитріевна тихо засмѣялась.

— Для моего самолюбія пожалуй и не очень лестно изъза такихъ поводовъ добиться чести поступить на Императорскую сцену; но я самолюбію моему давно велѣла смолкнуть, промолвила она съ полувздохомъ.

— Помилуйте, ему въ этомъ случаѣ и говорить нечего! поспѣшно вскликнулъ Ашанинъ:—безъ рекламъ, подкупа или устрашенія ничего не добьешься въ нашъ вѣкъ; все и вся поневолѣ должны подчиняться этому закону.

Изъ передней раздался опять звонъ колокольчика, и вслѣдъ за тѣмъ быстрыми шагами, не замѣчая или дѣлая видъ, что не замѣчаетъ разговаривавшихъ въ гостиной, прошелъ мимо ихъ въ кабинетъ декораторъ Шрамъ, красивый малый и закулисный сердцеѣдъ Ашанинской школы, съ какою-то папкой подъ мышкой.

Ларина поднялась съ мѣста:

— У васъ дѣла, Владиміръ Петровичъ, я васъ совсѣмъ заговорила... Когда же вы позволите мнѣ зайти опять къ вамъ узнать?...

У него еще разъ пронеслось въ головѣ о Варварѣ Аѳанасьевнѣ и ея предсказаніяхъ... Онъ поспѣшилъ отвѣтить:

— Позвольте мнѣ самому явиться къ вамъ... Я надѣюсь еще сегодня устроить дѣло о приглашеніи васъ Артистиче-

скимъ Кружкомъ... Я бы могъ привезти вамъ вечеромъ отвѣтъ. Можно?

— Очень вамъ буду благодарна... если не очень поздно, примолвила она, какъ бы нѣсколько поколебавшись.

— Гдѣ вы остановились?

— У Харитонія въ Огородникахъ, домъ Срѣтенской... Я тамъ у старушки хозяйки живу, Лизавету Ивановну спросите, ее всѣ тамъ знаютъ.

— Лизавета Ивановна, „анделъ мой“! вскликнулъ онъ смѣясь,—да я ее издавна знаю... Вы съ нею чрезъ Александру Павловну Троекурову познакомились?

— Нѣтъ, когда я два года тому назадъ покидала деревню, чтобъ ѣхать сюда, я встрѣтилась въ нашемъ городѣ съ докторомъ Ѳирсовымъ, что̀ живетъ у Троекуровыхъ,—онъ лѣчилъ моего покойнаго отца и очень хорошій человѣкъ;—онъ меня и направилъ съ запиской къ этой старушкѣ, такъ какъ я... не знала, гдѣ мнѣ пристать въ Москвѣ, добавила дѣвушка съ нѣкоторою запинкой,—а теперь я у нея опять остановилась.

— Божья душа! промолвилъ Ашанинъ, видимо тронутый.— Все та же она за всѣхъ радѣлица и богомолица?

— Все та же, подтвердила съ такою же въ свою очередь тронутою улыбкой Настасья Дмитріевна;—у нея вѣдь маленькое состояніе послѣ отца осталось, но оно у нея все на бѣдныхъ ушло. Александра Павловна ей этотъ домикъ купила съ полнымъ хозяйствомъ и взяла съ нея слово сохранить все это въ цѣлости до смерти, а то она бы опять все раздала... Ноги теперь у нея слабы стали; бѣгать по больнымъ и нуждающимся, какъ бывало прежде, ей уже тяжело становится, такъ она квартиру свою въ странноприимный домъ обратила. Вѣчно у нея какія-то старушки недужныя живутъ, да дѣти-сироты, которыхъ она какъ-то удивительно всегда умѣетъ пристраивать къ добрымъ людямъ... Мнѣ тамъ очень хорошо живется! вырвалось какъ бы помимо воли у дѣвушки.

Ашанинъ пристально взглянулъ на нее своими большими черными глазами и вздохнулъ почему-то во всю грудь.

— Такъ я къ вамъ и Лизаветѣ Ивановнѣ отъявлюсь се-

годня непремѣнно, Настасья Дмитріевна, сказалъ онъ,—и надѣюсь съ добрыми вѣстями.

Онъ крѣпко пожалъ ей руку, проводилъ до передней, раскланялся съ оттѣнкомъ какой-то особой почтительности — и, Богъ вѣсть чѣмъ необыкновенно довольный, вернулся своими мелкими шажками въ кабинетъ, гдѣ Ростиславцевъ въ ожиданіи его раскладывалъ уже третій пасьянсъ.

II.

Mihi praeter omnes angulus ridet.
Horat.

Захочу, одинъ въ четырехъ каретахъ поѣду.
Островскій. *Бѣдность не порокъ.*

Это былъ одинъ изъ тѣхъ, выросшихъ какъ грибы послѣ пожара Двѣнадцатаго Года, деревянныхъ, оштукатуренныхъ въ позднѣйшее время, одноэтажныхъ домиковъ, комнатъ въ пять-шесть, съ мезониномъ въ двѣ „свѣтелки", надъ скрипучею лѣстницей, какихъ еще не мало—и слава Богу!—осталось въ Москвѣ бѣлокаменной;—одинъ изъ тѣхъ домиковъ съ крошечнымъ садикомъ и цвѣтничкомъ подъ самыми окнами, гдѣ въ комнатахъ вѣчно пахнетъ жженымъ кофе и геранью, и по чисто вымытому полу, отъ двери къ двери, бѣжитъ дорожка изъ толстой парусины; на почетномъ мѣстѣ въ гостиной, чинно уставленной старинною краснаго дерева мебелью, висятъ литографированныя изображенія императора Николая I или митрополита Филарета, оклеенныя чернымъ бордюромъ по стеклу, да глядитъ съ почернѣвшаго полотна какой-нибудь дѣдъ, секундъ-майоръ въ екатерининскомъ мундирѣ,—одинъ изъ тѣхъ тишайшихъ *уголковъ*, въ которыхъ пришлаго, усталаго отъ жизненной битвы человѣка охватываетъ внезапно неотразимымъ ощущеніемъ мира и забытья... „Такъ бы, кажется, и опочилъ здѣсь до втораго пришествія", проносится у него на мигъ въ головѣ.—„Если до этого не успѣешь ты тутъ десять разъ умереть со скуки", скептически договариваетъ онъ себѣ, вздыхая, минуту спустя...

Лизавета Ивановна Срѣтенская не скучала въ своемъ „пріютѣ“, какъ называла она принадлежавшій ей домикъ у Харитонія въ Огородникахъ. Она чувствовала себя въ немъ „какъ въ Царствіи Небесномъ“ и смущалась порою лишь мыслью о томъ, что „вотъ ей дано такъ много, а у другаго ни крова, ни хлѣба“, и что она этимъ „можетъ соблазняетъ иного на зависть“, а въ Писаніи именно сказано, чтобы не быть для ближняго предметомъ соблазна... Она очень боялась всегда „приступа“ этой мысли, такъ какъ за нею постоянно слѣдовалъ въ мозгу маленькой особы прямой изъ нея выводъ: „отдай все во имя Его“, побудившій ее уже разъ въ молодости обратить себя добровольно въ нищую. А *отдать* она не почитала себя теперь въ правѣ, такъ какъ „анделъ“ ея, Александра Павловна, „уготовавъ ей этотъ пріютъ для мирнаго въ старости житія и кончины“, очень бы уже очорчилась, если-бъ она, Лизавета Ивановна, этимъ „пренебрегла“... „Анделъ Александра Павловна“, къ тому же, въ не частыя побывки свои въ Москвѣ постоянно останавливалась у нея въ этомъ домикѣ (домъ на Покровкѣ, наслѣдіе Остроженковъ, оставался все также никогда Троекуровыми не обитаемымъ) съ сыномъ своимъ Васей,—„Христовымъ избранникомъ“, какъ называла его Лизавета Ивановна, питавшая къ мальчику какое-то восторженно благоговѣйное чувство вслѣдствіе одной особенности, о которой въ свое время узнаетъ читатель... Она поэтому тщательно старалась не допускать себя „путаться мыслями на счетъ дома и прочаго“, хотя бы и „спасенья себя ради“.

Помѣщалась она сама „на верху“, въ одной изъ „свѣтелокъ“ мезонина, съ десятилѣтнею тщедушною дѣвочкой, дочерью одной помершей знакомой ея просвирни, которую пріютила она у себя, спасая сначала малютку отъ побоевъ вѣчно пьянаго отца, а послѣ его смерти и просто ради того, что „куда же ей, пичужкѣ Божіей, дѣться-то“! На томъ же простомъ основаніи „скрипѣла“ у нея второй годъ въ сосѣдней комнатѣ древняя, бездомная и сирая „странница“, Таисія Филипповна, „подобранная“ ею въ одинъ большой праздничный день въ церкви, гдѣ она отъ изнеможенія и духоты пала въ

толпѣ безъ чувствъ. „Не давать же ей помирать тутъ, анделъ мой, аль чтобы въ участокъ ее стащили“, объясняла по этому случаю Лизавета Ивановна, „а у меня въ ту пору и свѣтелка-то рядомъ съ моею свободная стояла; я и попросила добрыхъ людей снести ея сюда, благо отъ церкви-то до меня рукой подать; и ничего, отошла тутъ сейчасъ, а только въ скорости потомъ ноги у нея отнялись... Такъ такъ вотъ и живетъ съ того дня у меня, сердечная“... „Сердечная“ стонала съ утра до ночи, не то отъ боли въ ногахъ, не то отъ скуки по прежней бродячей жизни, и привередничала какъ малый ребенокъ, но какъ бы тѣмъ паче вызывала заботы и нѣжность своей хозяйки, „баловавшей“ ее неустанно чаемъ съ „варенѣицемъ“, или „манною кашкой съ сахарцемъ и корицей“ изъ обильнаго запаса всякихъ сластей и деревенской провизіи, которыя, вѣрная обычаямъ старины, высылала „по первопуткѣ“ цѣлыми возами Александра Павловна Троекурова изъ Всесвятскаго старой своей пріятельницѣ въ Москву.

Внизу, въ зальцѣ, довольно пространной комнатѣ съ лѣпнымъ карнизомъ, узенькими кисейными занавѣсями на окнахъ и небольшимъ количествомъ какихъ-то очень старинаго фасона съ рѣзными спинками стульевъ, стояла узкою стороной къ свѣту пара длинныхъ пялецъ и такой же длинный липоваго дерева столъ съ гладкою, некрашеною поверхностью. Тутъ вѣчно шла та или другая работа „Бога для“, какъ выражалась хозяйка. На столѣ кроились ризы для священниковъ какихъ-то бѣдныхъ деревенскихъ приходовъ изъ „остаточковъ“ парчи и „муаре“, которые добывала Лизавета Ивановна ото всякихъ доброхотовъ „купецкой націи“, ситцевыя рубашки и платьица для той или другой „пичужки“ изъ сиротъ. Вышивать въ пяльцахъ *воздухи* или коврики подъ иконы, въ четыре, иной разъ въ восемь рукъ, собирались по утрамъ дѣвочки и взрослыя дочери всякихъ отставныхъ чиновницъ и офицерскихъ вдовъ, сосѣдокъ Лизаветы Ивановны, въ средѣ которыхъ пользовалась она огромною популярностью и уваженіемъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и почитали нужнымъ за глаза—отъ „духа вѣка“ не уйдешь и у Харитонія въ Огородникахъ,—относиться о ней какъ о „совсѣмъ *безъ развитія*

и даже въ нѣкоторомъ родѣ юродивой особѣ"... По обѣимъ сторонамъ зальца расположены были двѣ выходившія на улицу комнаты, изъ которыхъ одна, по правой сторонѣ, съ прилегавшею къ ней каморкой въ видѣ алькова, составляла „покой Александры Павловны". Сюда, „окромѣ какъ если кто изъ Всѣхсвятскаго", хозяйка никого никогда не пускала и самый ключъ отъ двери въ это отдѣленіе дома постоянно носила у себя въ карманѣ. Комната слѣва, уютно уставленная скромною,, но покойною мебелью, занимаема была теперь Настасьею Дмитріевною Лариной. Подлѣ нея, въ небольшой столовой, собиралась въ урочный часъ трапезовать вся сборная семья жилицъ Лизаветы Ивановны; къ ней же принадлежалъ еще двѣнадцатилѣтній гимназистикъ, сынъ одного дальняго родственника хозяйки, изъ духовнаго званія, порученный ей состоявшимъ на службѣ гдѣ-то въ Рязанской губерніи отцомъ, и котораго она устроила въ выходившей окномъ на дворъ, рядомъ со столовой, узенькой, заставленной шкапами комнаткѣ, служившей первоначально *буфетною*. „Въ тѣснотѣ люди живутъ и счастливы бываютъ, анделъ мой", говорила она ему какъ бы въ видѣ утѣшенія каждый разъ, какъ входила въ его „дырочку" наблюсти, держитъ-ли онъ ее и себя „въ чистотѣ"...

— Съ тетей тутъ господинъ какой-то васъ дожидаются, говорилъ этотъ гимназистикъ, выбѣжавъ отворить дверь съ улицы на звонокъ вернувшейся отъ Ашанина Настасьи Дмитріевны.

— Кто такой? машинально спросила она, быстро входя въ сѣни.

— Не знаю, большущій такой, здоровый... И тетя его не знаетъ. Онъ васъ спрашивалъ, такъ она посылала меня сказать ему, что вы обѣщались скоро быть, а потомъ и сама къ нему сошла, объяснялъ мальчикъ, подымаясь на цыпочки, чтобы снять ей съ плечъ тяжелый, омоченный только-что полившимъ дождемъ бурнусъ.

— Спасибо, Петя милый, вотъ какой ты дамскій угодникъ! съ ласковою улыбкой молвила она ему, сбрасывая калоши съ ногъ:—а что же ты не въ гимназіи самъ?

— Праздникъ большой сегодня, Покрова Богородицы, отвѣтилъ онъ, словно съ упрекомъ, показалось ей, взглянувъ на нее:—мы съ тетей только изъ церкви вернулись, какъ этотъ пріѣхалъ.

— Да, да, торопливо проговорила она, и какъ бы невольно домолвивъ: — я не успѣла быть въ церкви, у меня дѣло было очень нужное,—прошла въ зальце.

Тамъ у рабочаго стола, посреди комнаты, сидѣлъ насупротивъ хозяйки дома человѣкъ, котораго она менѣе всего думала увидать здѣсь.

— Провъ Ефремычъ! вскликнула она, быстро направляясь къ нему:—вы вернулись... давно?.. А Тоня гдѣ же?

— Здравствуйте, сестрица, какимъ-то поразившимъ ее съ перваго раза дѣланнымъ тономъ выговорилъ онъ въ отвѣтъ, подымаясь съ мѣста и церемонно подходя ей къ ручкѣ. — Сестрица ваша Антонина Дмитріевна за границей продолжаетъ пребывать, добавилъ онъ тутъ же съ насилованною усмѣшкой.

У Лариной ёкнуло сердце отъ какого-то дурнаго предчувствія...

— Лизавета Ивановна, голубушка, здравствуйте, мы съ вами еще не видались сегодня, поспѣшно промолвила она, проходя къ ней и цѣлуясь съ ней щека въ щеку.—Шуринъ это мой, указала она на гостя, — сестры мужъ, Провъ Ефремовичъ Сусальцевъ.

— Знаю, анделъ мой, знаю, сказывали они мнѣ. Чрезъ Николая Иваныча, золотаго моего, узнали, что вы у меня стоите, и пріѣхали они вотъ, объяснила маленькая особа съ оживленнымъ выраженіемъ на своемъ сморщенномъ, какъ печеное яблоко, старческомъ личикѣ.

Ей далеко еще шестидесяти лѣтъ не было, но, глядя на нее, невольно приходилъ въ голову вопросъ: „въ чемъ у нея душа держится?“ какъ говорятъ въ народѣ. Эта ея вѣчно болѣвшая за все и всѣхъ душа словно спалила ея хрупкій физическій организмъ и „держалась“ въ разрушенномъ тѣльцѣ, дѣйствительно, словно лишь въ силу какихъ-то еще невѣдомыхъ наукѣ физіологическихъ законовъ; вся она была точно

прозрачная, безъ кровинки подъ кожей, худая и хилая, какъ малый ребенокъ, но попрежнему бодрая и свѣтлая духомъ, вѣчно озабоченная ближнимъ и забывающая о себѣ, никогда не жалуясь и каждаго утѣшая, — утѣшая тѣмъ именно *донимающимъ* душу словомъ, что извлекаетъ воду живую изъ камня безчувственнаго...

— Вотъ вы съ братцемъ и поговорите, анделъ мой, поговорите по душѣ, лепетала она съ болѣзненнымъ напряженіемъ въ чертахъ, опираясь обѣими руками о столъ, чтобы приподняться со своего мѣста, — а мнѣ еще къ отцу Павлу надо, къ благочинному, насчетъ дьячихи-вдовы попросить...

— Какъ же это вы пойдете, милая? Дождь какъ изъ ведра льетъ, заботливо замѣтила ей Настасья Дмитріевна, — и ноги у васъ слабы такъ...

— И ничего, поплетусь помаленьку — дойду; недалечко вѣдь, за проулокъ сейчасъ и къ крылечку его выйдешь... Коли нужно — Богъ завсегда силу дастъ; это вы безъ сумленія будьте, анделъ мой... До пріятнаго свиданія, сударь, обернулась она на Сусальцева,—займите сестрицу словомъ хорошимъ утѣшнымъ: не весела все она у насъ, задумчивая... Извѣстно, каждому крестъ нести дано, заключила она нежданно, пристально глянувъ ему въ лицо, — *и сердце знаетъ горе души своей*, въ Притчахъ премудраго Царя-Соломона сказано... До пріятнаго свиданія!..

И она тихо поплелась изъ комнаты.

Сусальцевъ проводилъ ее долгимъ взглядомъ:

— Почтеннѣйшая старушенція надо быть! какъ бы безсознательно вырвалось у него громко.

— Ее „Божьею душой“ зовутъ, и совершенно справедливо, молвила Настасья Дмитріевна:—я не знаю, какъ и благодарить Николая Ивановича Θирсова за то, что далъ онъ мнѣ случай сойтись съ нею... Вы чрезъ него узнали, что я въ Москвѣ и здѣсь? поспѣшила она спросить.

— Чрезъ него; онъ мнѣ письмо ваше къ нему показывалъ.

— Такъ вы изъ нашихъ сторонъ теперь, не прямо изъ-за границы?

— Я полтора мѣсяца какъ оттуда вернулся, мрачно отвѣтилъ Сусальцевъ.

— Изъ Парижа? спросила дѣвушка какъ бы съ тѣмъ лишь, чтобы спросить что-нибудь: она чуяла, что онъ пріѣхалъ къ ней недаромъ, не изъ какой-нибудь „родственной учтивости", а съ чѣмъ-то, что должно было принести съ собою новую печаль ея давно пріобыкшему къ однѣмъ печалямъ сердцу, и инстинктивно отдаляла моментъ, когда это что-то сдѣлается ей извѣстнымъ.

— Изъ Венеціи прямымъ путемъ, отвѣтилъ онъ на ея вопросъ.

— Тоня тамъ... осталась? спросила она опять слегка дрогнувшимъ голосомъ.

— Была тамъ-съ, когда я уѣзжалъ, а теперь гдѣ — мнѣ не извѣстно.

„Вотъ оно"! пронеслось въ мозгу Настасьи Дмитріевны, и губы ея побѣлѣли.

— Она вамъ не пишетъ? растерянно пробормотала она.

— Собственноручныхъ строкъ своихъ не удостоиваетъ, словно прошипѣлъ Сусальцевъ,—вмѣсто нихъ за то на дняхъ пріятную цидулку въ видѣ банкирскаго перевода имѣлъ счастіе получить.

Дѣвушка недоумѣвая поглядѣла на него только.

— Я объ Антонинѣ Дмитріевнѣ желалъ именно объясниться съ вами, сестрица, началъ чрезъ мигъ Провъ Ефремовичъ, укладывая могучія длани свои на колѣни, между тѣмъ какъ она устало опускалась на стулъ, только-что оставленный Лизаветой Ивановной;—я всегда почиталъ васъ за вполнѣ уважительную особу и смѣю надѣяться, что могу дѣйствительно поговорить съ вами *„по душѣ"*, какъ сказала отлично эта ваша почтенная хозяйка, съ которою имѣлъ я сейчасъ удовольствіе бесѣдовать.

Онъ видимо старался говорить „красно" и степенно".

— Конечно можете, тихо произнесла она.

Онъ опустилъ голову и, слегка вздохнувъ, поднялъ ее опять:

— Какъ если, заговорилъ онъ своеобычнымъ оборотомъ,— были бы вы, сестрица, мужняя жена и отъ этого своего мужа, кромѣ ласки, уваженія и, можно сказать, полнаго баловства, ничего не видали съ самаго дня замужства, почли-ли бы вы, что за это надо вамъ быть ему благодарной?

— Я полагаю... Да, конечно, я была бы ему за это благодарна, твердо выговорила дѣвушка, подумавъ.

— Такъ-съ. А теперь, съ другой стороны, если жена и *этого* (Провъ Ефремовичъ щелкнулъ ногтемъ большаго пальца о ноготь безыменнаго,)· не можетъ найти сказать въ упрекъ мужу, обязана-ли она по закону и совѣсти... по совѣсти и закону, повторилъ онъ,—исполнить его требованіе, когда онъ при этомъ имѣетъ въ виду единственно ихъ, можно сказать, *коллективный* интересъ?

— Въ чемъ же требованіе? спросила Настасья Дмитріевна, избѣгая прямаго отвѣта.

— Очень просто-съ: за два года пребыванія нашего съ Антониной Дмитріевной за границей, или такъ прямо сказать, съ самаго перваго дня нашего брака, истратили мы до милліончика франковъ, по нынѣшнему курсу на наши деньги около 400 тысячъ серебра выходитъ. Въ два года, хорошо-съ? А въ дѣлахъ у себя дома между тѣмъ полное, можно сказать, неглиже, чуть не до совершеннѣйшаго разстройства довели довѣренные въ мое отсутствіе; я даже ужаснулся, какъ пріѣхалъ... И давно бы пора было мнѣ, по истинѣ сказать, расточенію этому нашему конецъ положить, да все малодушествовалъ, знаете, къ стыду моему признаюсь. Вижу, сестрица ваша, а моя супруга законная, такъ въ эту жизнь веселую нашу втянулась, что ни о чемъ другомъ и думать не желаетъ, я такъ все и откладывалъ со дня на день объясниться съ нею насчетъ этого... Наконецъ, вотъ въ этой самой Венеціи, объявляетъ она при мнѣ чужимъ, со мною словомъ предварительно не обмѣнявшись, что думаетъ она на зиму во Флоренцію ѣхать,—значитъ, опять въ ту же волну должны мы попасть... Я тутъ, оставшись съ нею наединѣ, и говорю ей, что замѣсто этого намъ окончательно до дому, въ Россію требуется... Такъ вы что же думаете она мнѣ на это?...

И глаза Сусальцева засверкали мгновеннымъ, острымъ блескомъ.

— Тоня не захотѣла ѣхать? съ тоскливою усмѣшкой и словно помимо воли отвѣтила ему свояченица.

— Въ точку-съ! вскликнулъ онъ, кривя судорожно губы:— „я, говоритъ, не поѣду, а вы какъ знаете“... Пречудесно это, какъ находите?... Мало того-съ!... „Какъ же это вы не поѣдете,“ прямо говорю ей, „какъ если я вамъ денегъ не согласенъ буду давать на дальнѣйшее пребываніе ваше за границей?“ А она мнѣ на это: „Дадите“, говоритъ...

Слова спирались у него въ горлѣ. Воспоминаніе обиды съ новою, жгучею силой рвало его за сердце.

— „Не захотите добровольно“, говоритъ, прохрипѣлъ онъ черезъ силу, — „такъ васъ, молъ, заставятъ дать“... *Заставятъ*, а!...

Онъ вскочилъ внезапно съ мѣста, красный какъ ракъ, потрясая сжатыми въ кулакъ руками:

— И заставила вѣдь, дѣйствительно заставила! истерически захохоталъ онъ.

— Провъ Ефремовичъ, успокойтесь, ради Бога! вскликнула испуганно дѣвушка.

Онъ какъ-то разомъ овладѣлъ собою, провелъ рукой по лицу, усмѣхнулся черезъ силу:

— Извините меня, я дѣйствительно... отъ природы горячъ маленько, много себѣ этимъ порчу даже, можно сказать... Только сами разсудите, сестрица, какъ, напримѣръ, къ такому поступку отнестись: 20 числа прошлаго мѣсяца получаю я чрезъ Ахенбаха и Колли трансфертъ по векселю въ 25 тысячъ франковъ, выданному госпожею Антониною Сусальцевой одному тамъ въ Венеціи банкирскому дому, и предлагается мнѣ при этомъ на волю платить по немъ или нѣтъ, такъ какъ вѣрность платежа обезпечена другою подписью.

— И вы заплатили?

Онъ нервно передернулъ плечами:

— Не заплатить было нельзя-съ. У насъ вѣдь тоже честь своя купеческая есть, фирмой своею дорожимъ... Разсчетъ у Антонины Дмитріевны вѣрный былъ. Деньги-то эти, 25 ты-

сячъ франковъ, не облыжно получила законная моя, Прова Ефремова Сусальцева, супруга; такъ какъ же это я могу допустить, чтобъ ихъ кинула ей въ подачку, съ милости своей большой, какая-нибудь аристократка трехъэтажная, графиня фонъ-деръ-Драхенбергъ!

— Елена Александровна Драхенбергъ, вдова, которая была въ Красномъ Крестѣ за Дунаемъ? вскликнула Настасья Дмитріевна.

— Та самая.

— Я у нея въ госпиталѣ была тамъ...

— Родственница вѣдь она вамъ.

— Какая родственница? удивилась дѣвушка.

— Этого уже объяснить я вамъ не могу, а только что онѣ съ сестрицей вашею постоянно „кузинами“ величались, и даже меня, иронически промолвилъ Сусальцевъ, — удостоивала барыня сія большая, въ *интимности*, то-есть когда никого кругомъ не было, чтобъ ей этого стыдиться, меня удостоивала „кузеномъ“ называть.

— Она свѣтская, легкомысленная, но очень доброй души женщина, замѣтила Ларина.

— Чего ужь добрѣе, когда женѣ противъ законнаго мужа бунтовать помогаетъ, подъ ея векселями поручительницей подписывается! Настоящая *грандама*, что говорить!...

— Я сестру мою въ образѣ ея дѣйствій относительно васъ нисколько не оправдываю, молвила Настасья Дмитріевна, — и графиня, конечно, гораздо лучше бы сдѣлала, если бы близость свою съ нею постаралась употребить на примиреніе ея съ вами; но сама она слишкомъ поверхностно относится и къ своимъ, и къ чужимъ дѣламъ, а Тоня слишкомъ самостоятельна и упорна, чтобъ изъ этого могло выйти что-либо серіозное. Разъ же та рѣшилась просить ее помочь ей, такая женщина, какъ она, я совершенно понимаю, ни минуты не могла подумать ей отказать.

Провъ Ефремовичъ язвительно засмѣялся; онъ видимо особенно золъ былъ на графиню Драхенбергъ.

— Это дѣйствительно, что она ни себѣ, ни другимъ ни

въ чемъ отказать не можетъ. Денегъ у нея попросятъ—извольте; любезный ей потребуется — первый съ улицы пожалуйте!

— Этого быть не можетъ! горячо запротестовала дѣвушка, вынесшая изъ отношеній своихъ съ молодою вдовою въ Болгаріи впечатлѣніе, далеко не соотвѣтствовавшее подобному отзыву о ней.

— Отъ вашей же сестрицы слышалъ, поспѣшилъ объяснить Сусальцевъ:—язычекъ-то у Антонины Дмитріевны изволите вѣдь знать какой! Нѣтъ, нѣтъ, да и отпуститъ вдругъ, какъ ножомъ пырнетъ. Отыскала теперь эта графиня ваша молодца какого-то, мальчишкѣ ея будто бы русскій языкъ преподавать, а Антонина Дмитріевна по этому случаю такъ прямо мнѣ про нее и отрѣзала: „Новаго Альфонса, говоритъ, взяла себѣ изъ нигилистовъ“... А „Альфонсъ“, знаете,—ѣздили мы съ нею въ Парижѣ на *премьеру* *) этой самой піесы Дюма-фиса смотрѣть,—насчетъ любовницы своей живущій человѣкъ значитъ.

— Видѣли вы этого учителя? съ тревожнымъ любопытствомъ въ глазахъ спросила дѣвушка.

— Видѣлъ, какъ же. Ничего себѣ, молодой, бѣлокурый, лицомъ не дуренъ. Предъ самымъ это моимъ отъѣздомъ, на площади Святаго Марка, вечеръ онъ съ нами со всѣми въ компаніи провелъ. Былъ тутъ даже одинъ изъ высокопоставленныхъ особъ, князь Іоаннъ; такъ она, графиня-то, представила и его вмѣстѣ съ прочими: „Monsieur Поспѣловъ“, назвала его, и тотъ ему руку далъ... Мнѣ не далъ, хихикнулъ Провъ Ефремовичъ:—а ему далъ, удостоилъ чести...

— И Тоня была тутъ съ вами?

— Само собой.

— И говорила съ нимъ?

— Съ кѣмъ это, съ учителемъ? Дожидайтесь, какъ же! Антонина Дмитріевна съ одними принцами да королевичами привыкла разговаривать, промолвилъ Сусальцевъ съ какою-то странною смѣсью самодовольства и иронiи въ тонѣ: — этотъ

---

*) *Première*—первое представленіе. *Monsieur Alphonse*—названіе комедіи Александра Дюма-сына.

самый князь Іоаннъ все ее тутъ подъ ручку водилъ... Станетъ она какимъ-нибудь Поспѣловымъ, или какъ его тамъ по настоящему зовутъ, заниматься!.. Она его, сказываю вамъ, „кузининымъ Альфонсомъ“ называетъ...

— Ахъ, эта безсердечная Тоня! негодующимъ, ѣдкимъ кликомъ вырвалось на это у Настасьи Дмитріевны.

— Задача, дѣйствительно, сестрица ваша, Антонина Дмитріевна! подхватилъ Провъ Ефремовичъ, натолкнутый опять этими словами на главный предметъ своей заботы:— нутро у нея каменное какое-то, справедливо изволили замѣтить... не пронять ее ничѣмъ!.. Только и меня вѣдь не легко доѣхать! вскрикнулъ онъ вдругъ съ новымъ взрывомъ, вскакивая съ мѣста: — разъ удалась ей штука, а теперь шалишь, не поддѣнешь!..

Онъ прошелся по комнатѣ, судорожно потеръ рукою лобъ, подошелъ къ столу и сѣлъ опять.

— Вы вѣдь совершенно правильно пишете по-французски, сестрица? озадачилъ онъ Ларину неожиданнымъ вопросомъ.

— Да, а что? недоумѣло проговорила она.

— Просьбица у меня къ вамъ покорнѣйшая: составить отъ моего имени письмо къ этой вашей графинѣ; я бы его переписалъ и послалъ къ ней.

Настасья Дмитріевна невольно усмѣхнулась.

— Зачѣмъ же по-французски? развѣ не все равно вамъ его самому по-русски написать?

— Русское письмо она пожалуй и читать не станетъ: „дѣловое“, скажетъ, и къ управляющему своему въ Петербургъ отошлетъ... Да и вообще, по-французски напишешь, гораздо внушительнѣе такой барынѣ покажется.

— Въ чемъ же должно заключаться это письмо?

— А вотъ въ чемъ-съ. Сказать требуется ей отъ меня, что вотъ, молъ, получивъ къ уплатѣ выданный женою моею, за ея, графини Драхенбергъ, поручительствомъ вексель банкиру такому-то (онъ поспѣшно вытащилъ изъ кармана портфель, а изъ него уплаченный трансфертъ и передалъ его свояченицѣ), я, единственно изъ уваженія моего къ ней, не желая вводить ее безполезно въ убытокъ, рѣшился оную уплату учи-

нить, но такъ какъ (Сусальцевъ поднялъ при этомъ вверхъ указательный палецъ правой руки,) жена моя, оставаясь за границей вопреки моему желанію, на дальнѣйшее такое баловство съ моей стороны претендовать никакъ не въ правѣ, то я и считаю долгомъ извѣстить ее, графиню, что не намѣренъ впредь ни гроша платить за Антонину Дмитріевну, и буде вздумается имъ опять на меня такой же трансфертъ послать, такъ я его возвращу ей обратно, пусть сама по поручительству за любезнѣйшую „кузину“ и платитъ... А чтобъ она, заключилъ Провъ Ефремовичъ съ надменнымъ выраженіемъ вскидывая голову,—а чтобъ она меня за то скаредникомъ обругать не могла, напишите ей, что я въ тотъ же часъ сумму, равную той, въ какой ей вздумается поручиться за мою супругу, отпишу въ пожертвованіе на госпиталь, либо школу какую-нибудь... Пусть она, эта барыня трехъэтажная, знаетъ, что мнѣ, Прову Сусальцеву, на расходъ наплевать, а что только ей съ моею Антониной Дмитріевной объегорить меня никогда не удастся... Никогда-съ! повторилъ онъ во весь голосъ, ударяя своею могучею пятерней по столу такъ, что мирно покоившіеся на немъ катушки нитокъ, наперстки и ножницы вспрыгнули, зазвенѣли и покатились.—Извините-съ! пробормоталъ онъ тутъ же, сконфуженно наклоняясь къ полу подымать упавшее.

III.

Въ тѣни таинственнаго храма
Учусь сквозь волны ѳиміама
Словамъ наставниковъ внимать,
И, забывая гулъ народный,
Ввѣряясь долѣ благородной,
Могучимъ вздохомъ ихъ дышать.

Фетъ.

Настасья Дмитріевна безмолвно слушала, неподвижно устремивъ глаза въ какую-то точку на противоположной стѣнѣ. Старая, знакомая тоска сжимала ей грудь. Эта „безсердечная“ сестра ея, этотъ „нигилистъ“,—она опять надрывалась сердцемъ, думая о нихъ... „Имъ суждено было встрѣтиться въ чужомъ краю, и Тоня, безъ жалости къ *мученичествамъ*, чрезъ которыя прошелъ *онъ*, имѣетъ духъ позорить его въ глазахъ другихъ!“... А онъ? Онъ, какъ оказывается, пристроился пока — и къ такой милой женщинѣ, какъ эта графиня Елена Александровна, „которую“, вспоминала дѣвушка, „всѣ мы такъ любили тамъ, въ госпиталѣ, за ея *милоту* душевную, искренность и горячность“—но надолго-ли?.. Да и какой онъ учитель!.. „Графиня, конечно, свѣтская, *не глубокая* женщина, но вѣдь и она это пойметъ съ первыхъ его педагогическихъ пріемовъ съ ея ребенкомъ... Или она въ самомъ дѣлѣ влюбилась въ него? Онъ *интересенъ*, женщина можетъ увлечься имъ... Но какая же дѣйствительно роль въ такомъ случаѣ предстоитъ ему въ ея домѣ?“ И Настасья Дмитріевна чувствовала, какъ внезапный румянецъ выступалъ вслѣдъ за этою мыслью на ея блѣдныхъ щекахъ...

Она знала, что *онъ* успѣлъ бѣжать за границу... Онъ состоялъ въ числѣ подсудимыхъ въ извѣстномъ процессѣ *ста девяноста трехъ*... Настасья Дмитріевна ѣздила нарочно въ ту пору въ Петербургъ, присутствовала при томъ судбищѣ... Предреченное ей Троекуровымъ въ бытность ея во Всесвятскомъ блистательно оправдалось теперь: защитники, прокуроры, судьи дружно вели дѣло къ тому, чтобы свести вину судимымъ на „нѣтъ“... *Онъ* былъ оправданъ вмѣстѣ со всѣми почти остальными, но вскорѣ потомъ послѣдовало административное распоряженіе о водвореніи его на жительство въ одинъ изъ сѣверныхъ городовъ Вологодской губерніи. Она видѣлась съ нимъ предъ этимъ, предлагала сопутствовать ему въ ссылку, поселиться съ нимъ въ этомъ городкѣ, съ тайною мыслью „помирить его съ жизнью“, утишить злобное раздраженіе его духа, но онъ наотрѣзъ отклонилъ ея предложеніе. „Я уйду оттуда, ты мнѣ только помѣшать можешь“, объявилъ онъ ей напрямикъ. Съ несказанною тревогой въ сердцѣ уѣхала она тогда въ ***, куда, благодаря усиленному ходатайству о ней Ашанина у тамошняго антрепренера, получила ангажементъ въ его труппу на ничтожное жалованье—и вся погрузилась въ свое искусство... Тяжелы были для нея первые шаги на театральныхъ подмосткахъ. Ей суждено было пройти весь тотъ скорбный эволюціонный путь, испить всю ту отравленную чашу, что достаются въ удѣлъ девяти-десятымъ провинціальныхъ лицедѣевъ, прежде чѣмъ успѣютъ они *завоевать* себѣ „любовь публики“, а съ этимъ и извѣстное матеріальное обезпеченіе. Что тайныхъ слезъ пролила она въ тѣ дни, сидя надъ тою или другою *пустою* ролью въ убогой и сырой квартирѣ въ двѣ комнаты, которую нанимала она *отъ хозяевъ* въ самой грухой части города, сберегая деньги, оставленныя ей графиней Лахницкой,—для *него* же сберегая... „Онъ насилу, насилу согласился взять у меня изъ нихъ нѣсколько, когда вышелъ изъ тюрьмы безъ гроша,—и Тоня рѣшается такія мерзости говорить про него!“ съ новою горечью проносилось въ ея мысли по этому поводу... Дебюты Лариной прошли съ успѣхомъ, но ея тотчасъ же *оттерла* отъ *настоящихъ* ролей занимавшая первое женское амплуа въ труппѣ „артистка“

Фіоринская-Ларапиніеръ, тридцативосмилѣтняя очаровательница, плѣнявшая издавна сердца ***скихъ любителей драматургіи. Красивая женщина и актриса „не безъ игры“, выражаясь техническимъ терминомъ, она состояла въ ближайшихъ отношеніяхъ съ извѣстнымъ всей провинціальной Россіи „знаменитымъ первымъ сюжетомъ“—Славскимъ, человѣкомъ, какъ и она, не лишеннымъ таланта и нахаломъ неслыханнымъ. Они вдвоемъ держали злополучнаго антрепренера подъ настоящимъ терроромъ и самовластно распоряжались судьбами остальныхъ членовъ труппы (Славскій, въ видѣ „милой шутки“, разсказывалъ между прочимъ въ мѣстныхъ салонахъ, куда извѣстность его и бойкій французскій языкъ давали ему доступъ, будто онъ съ содержателями театровъ заключалъ контракты не иначе, какъ со включеніемъ въ нихъ спеціальнаго пункта, по которому ему предоставляется-де право „поучать *собственноручно* своихъ собратьевъ по искусству“). Выбиться изъ-подъ этого гнета долго, мучительно долго, казалось невозможнымъ Лариной,—руки у нея падали... Одно нежданное обстоятельство выдвинуло ее другъ.

Она выходила однажды изъ театра послѣ утренней репетиціи и натолкнулась на крыльцѣ на одного бородатаго молодаго человѣка въ круглой шляпѣ, по всѣмъ признакамъ студента, который видимо ждалъ ее тутъ, такъ какъ, завидѣвъ ее, тотчасъ же обратился къ ней со словами:

— Госпожа Ларина, я бы желалъ переговорить съ вами.

Она ужасно испугалась; разговоръ съ молодымъ, незнакомымъ человѣкомъ здѣсь, на театральномъ подъѣздѣ, въ минуту разъѣзда актеровъ, когда изъ этого могла вырости за кулисами цѣлая сплетня...

— Извините, мнѣ некогда, я спѣшу домой, торопливо пролепетала она, направляясь къ стоявшему вблизи извощику.

Онъ пошелъ за нею:

— Вы, можетъ быть, думаете, я по части ферлакурства намѣренъ, такъ выкиньте это изъ головы, грубовато вымолвилъ онъ: — мнѣ вамъ нѣчто передать требуется о близкомъ вамъ человѣкѣ...

Онъ оглянулся кругомъ и прибавилъ:

— Здѣсь, пожалуй, дѣйствительно неудобно: я могу къ вамъ отъявиться. Гдѣ вы живете?

Она сказала...

Чрезъ полчаса студентъ входилъ къ ней въ комнату.

Сердце у нея усиленно билось. „Близкій человѣкъ“ могъ быть никто иной, какъ тотъ ссыльный,—она это впередъ знала. Что̀ суждено ей узнать о немъ?..

— Вамъ настоящая-то фамилія Буйносова, вѣрно? спросилъ ее съ-оника студентъ.

— Вѣрно.

— Настасья Дмитріевна?

— Да.

— Такъ вотъ что̀: поручено передать вамъ, что Владиміръ Буйносовъ — Владиміръ Дмитріевичъ, братъ вашъ значитъ, — сосланный въ городъ Вельскъ, благополучно удралъ оттуда и находится въ настоящее время за границей, въ Вѣнѣ.

— Удалось! вскрикнула она съ радостнымъ въ первую минуту чувствомъ:—отъ кого вы узнали?

Онъ зорко глянулъ ей въ лицо.

— Вы изъ *нашихъ*, или нѣтъ? подчеркнулъ онъ.

Она поняла и подняла на него глаза въ свою очередь.

— Нѣтъ, твердо произнесла она.

— Странно! процѣдилъ онъ сквозь зубы и полупрезрительно, полунасмѣшливо примолвилъ:—*Искусству для искусства* служите въ вашемъ театрѣ, значитъ... Ну, въ такомъ случаѣ достаточно вамъ знать то, о чемъ вамъ мною сообщено, и ничего болѣе.

— Какъ онъ успѣлъ уйти оттуда? вырвалось у нея.

— И этого сказать вамъ не могу, потому не знаю. Я не тамошній, здѣшній; что̀ приказано передать вамъ, то я и передалъ.

— Писать ему какъ, не научите-ли меня? спросила она опять:—по почтѣ нельзя вѣдь?

Студентъ разсмѣялся:

— Еще бы! На чей адресъ, перво-на-перво, вы бы туда писали? Не по своему же волчьему паспорту онъ тамъ живетъ, какъ полагаете!.. Если вздумаете, добавилъ онъ, поду-

мавъ,—занесите письмо въ швейцарскую университета на мое имя, Ивану Николаеву Коробкину, юристу втораго курса, для передачи Владиміру Дмитріеву; я буду знать...

— Какъ же вы доставите?..

— Ну, это опять-таки вамъ знать не для чего... А только благонадежны будьте: по нашей почтѣ дойдетъ, прибавилъ онъ съ видимымъ самодовольствомъ.

— Благодарю васъ!..

— Не за что.

Онъ поднялся съ мѣста.

— Не роскошно жительствуете! молвилъ онъ, оглядываясь:—ходу вамъ въ театрѣ не даютъ?..

Она невольно усмѣхнулась этой безцеремонности тона.

— Не даютъ, это правда, вздохнула она тутъ же.

— У Фіоринской рукъ не лижете, извѣстное дѣло!.. А у васъ ничего, *правда* въ игрѣ есть... Вы только важность-то по боку; попростѣе, знаете...

— „Важность?“ повторила въ изумленіи Ларина:—въ чемъ же это вы замѣтили у меня?

— А вотъ, напримѣръ, я васъ на дняхъ *Въ чужомъ пиру похмѣлье* видѣлъ. Вы кого изображать должны? Дочь бѣднаго учителя, честную демократку, значитъ. А у васъ нѣтъ, нѣтъ да и проглянетъ барышня съ манерами... Это, говорю вамъ, по боку надо!.. А впрочемъ, поощрительно заключилъ уходя студентъ,—узнавъ теперь, чья вы сестра, мы положили васъ поддерживать, можете разсчитывать...

Обѣщаніе это оказалось не пустою фразой. Съ того дня въ *** скомъ театрѣ противъ общей до тѣхъ поръ „любимицы публики Фіоринской-Ларапиніеръ“ образовалась и быстро разрослась многочисленная, состоявшая преимущественно изъ универтитетской молодежи, партія протестантовъ, которымъ присвоена была кличка *Ларинцевъ*, соотвѣтственно фамиліи молодой актрисы, избранной ими предметомъ новаго поклоненія „за честное отношеніе къ реальной идеѣ въ искусствѣ“, въ противоположность Фіоринской, тѣмъ же рѣшеніемъ разжалованной въ представительницу старой буржуазной рути-

ны". Верхи театра разражались теперь все чаще и чаще неистовыми плесками и кликами одобренія каждый разъ, какъ Ларина выступала на сцену; ее вызывали при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, вызывали по несчетному числу разъ и въ антрактахъ, и по окончаніи спектакля, и въ теченіе его, прерывая и нарушая сценическую иллюзію этими лихорадочными, насилованными восторгами; вздумали даже вызвать однажды, когда она не принимала участія въ представленіи, во время одной изъ наиболѣе удававшихся Фіоринской сценъ въ *Бойкомъ мѣстѣ*. Въ театрѣ произошелъ скандалъ. Бывшая „любимица" очень эффектно упала тутъ же въ обморокъ. Губернаторъ, присутствовавшій на спектаклѣ, послалъ полицію „вывести и переписать нарушителей порядка". Ихъ оказалось человѣкъ двадцать. Одного изъ посланныхъ исполнить губернаторское приказаніе полицейскихъ „помяли" довольно сильно. Составленъ былъ о семъ протоколъ и переданъ на рѣшеніе мироваго судьи. Мировой судья приговорилъ двухъ изъ „мявшихъ" къ трехрублевому штрафу, а остальныхъ освободилъ „за недоказанностью вины". Нѣсколько молодыхъ офицеровъ полка, стоявшаго въ городѣ, остававшіеся вѣрными культу „божественнаго бюста" Фіоринской и возмущенные „оскорбленіемъ Ларинцами въ ея лицѣ артистки и женщины", не удержались въ свою очередь шикнуть ея „соперницѣ" въ первый разъ, какъ она выступила на сцену послѣ „происшествія". Полковой командиръ отправилъ ихъ за этотъ поступокъ на недѣлю на гауптвахту. Но *Ларинцевъ* это не удовлетворило: они искали всякаго случая „заводить исторіи" съ „представителями *грубой силы*". Одна изъ такихъ „исторій" дошла чуть не до побоища... Деликатное военное начальство „въ виду сего" авторитетно „посовѣтовало своимъ подчиненнымъ воздержаться на время отъ посѣщенія театра и *вообще публичныхъ мѣстъ*". *Наука* такимъ образомъ восторжествовала надъ *грубою силой*... Остальные старовѣры Фіоринской-Ларапиніеръ изъ *штатскихъ* стушевались, со своей стороны, запуганные мѣстною „прессой", ставшей само собою на сторону *науки* и „честной" служительницы „реальной идеѣ въ искусствѣ".

Нѣкій Левіаѳановъ изъ *удаленныхъ* учителей *), состоявшій подъ надзоромъ полиціи и редижировавшій въ то же время издававшійся на казенную субсидію мѣстный листокъ, помѣстилъ въ немъ, подъ заглавіемъ: *Современныя задачи искусства*, цѣлый трактатъ по поводу исполненія въ первый разъ Лариною роли *Катерины* въ *Грозѣ*. Въ трактатѣ доказывалось, что въ тотъ-молъ *могучій* моментъ развитія, до котораго достигло современное человѣчество, *производительность*, носящая названіе *художественной*, потеряла всякое самостоятельное значеніе и въ правѣ существовать лишь какъ послушное орудіе иныхъ *гражданскихъ* цѣлей,—что-молъ „давно и доказано генеральнымъ критикомъ *Темнаго Царства*“ **). „Изъ этого совершенно ясно“, говорилось далѣе, „что каждое литературное, а тѣмъ паче драматическое (какъ наиболѣе непосредственно дѣйствующее на *массовые инстинкты*) произведеніе заслуживаетъ вниманія лишь потолику, поколику имѣетъ важность заключающійся въ немъ *гражданскій мотивъ*“. Разумѣя „важнѣйшими“ изъ такихъ „мотивовъ“ тѣ, въ коихъ изображается „борьба личности съ пригнетающею ея свободу неправдой существующихъ соціальныхъ условій“, и признавая въ этомъ отношеніи *Грозу* Островскаго „*вещью* по силѣ протеста не имѣющую себѣ равной во всей литературѣ“, г. Левіаѳановъ переходилъ затѣмъ „къ игрѣ молодой артистки, появленіе которой въ роли *Катерины*“, восклицалъ онъ, „было цѣлымъ откровеніемъ для интеллигентной части ***ской публики“... Объ „откровеніи“ впрочемъ говорилось мало, но очень много и пространно опять о „*честности* служенія идеѣ“, проявлявшейся-де въ каждомъ словѣ, жестѣ, взглядѣ г-жи Лариной-Катерины, которые и вызывали-молъ поэтому особенно восторженныя выраженія сочувствія со стороны нашей дорогой университетской молодежи, всегда столь чутко относящейся къ каждому проявленію высокихъ идеаловъ свободы. (стоявшее вслѣдъ за этимъ слово „равенства“ было почему-то единственное во всей статьѣ, вычеркнутое вице-

*) *Марина изъ Алаго Рога.*
**) Добролюбовъ.

губернаторомъ, цензуровавшимъ газету, и братства человѣческихъ отношеній"... Статья заканчивалась весьма „ядовитымъ" намекомъ на всѣмъ извѣстную въ городѣ компанію нѣкоторыхъ отставныхъ военныхъ и *статскихъ* генераловъ, холостяковъ, доживавшихъ въ *** остатокъ своихъ веселыхъ и даже бурныхъ когда-то дней. Гласилось именно слѣдующее: „Одни старики-жуиры и отставные бонвиваны, которыхъ обрѣтается еще малая толика въ нашемъ губернскомъ бомондѣ, состоящіе и понынѣ въ рангѣ пѣтуховъ-цѣнителей *античныхъ* прелестей г-жи Фіоринской-Ларапиніеръ,—да простятъ намъ читатели этотъ каламбуръ, невольно просящійся подъ перо, когда заходитъ рѣчь о столь *заслуженной* артисткѣ, какъ г-жа Фіоринская,—однѣ эти превосходительныя руины оставались равнодушными къ блестящему успѣху г-жи Ларипой и даже видимо старались выражать противъ него протестъ своимъ комильфотнымъ молчаніемъ и кислыми улыбочками. Но да не смутится этою беззубою манифестаціей наше восходящее театральное свѣтило: сіи послѣдніе Могикане крѣпостническихъ временъ—уже не люди; это живыя мощи, которыхъ пренебрегла убрать съ лица земли безпощадная, выражаясь языкомъ московскихъ классиковъ, коса времени. Sit eis terra levis!"

Статья произвела въ городѣ эффектъ необычайный. „Жуиры" и „бонвиваны" отправили одного изъ своихъ съ выраженіемъ негодованія на нее и жалобой къ губернатору. Губернаторъ принялъ посланнаго въ объятія и, чуть не плача, выразилъ ему со своей стороны „глубочайшее соболѣзнованіе о такой *непріятности*".—„Но какъ же вы, ваше превосходительство, можете допускать, чтобы подобные пасквили печатались въ газетѣ, издающейся на казенныя деньги, подъ вашимъ ближайшимъ наблюденіемъ?" спросилъ его тотъ. — „Je n'y puis rien, mon cher, je n'y puis rien", и почтенный администраторъ судорожно пожалъ плечами: „въ статьѣ антиправительственнаго я ничего не нахожу, да и вообще"... Онъ наклонился къ уху своего собесѣдника и прошепталъ: „Я могу вамъ показать, noir sur blanc, секретную инструкцію, вмѣняющую намъ, начальствующимъ лицамъ, въ обязанность: *не раздражать*

прессу“... Представитель генераловъ „жуировъ“ съ тѣмъ и отъѣхалъ, какъ говорится, а сами генералы перестали посѣщать театръ, равно какъ и губернаторскій домъ... *Ларинцы* въ свою очередь послали редактору мѣстнаго листка трехъ „депутатовъ“ изъ своей среды для выраженія ихъ „глубочайшаго сочувствія его гражданскому мужеству“ и врученія ему „почетнаго“ билета на имѣвшій быть вскорѣ послѣ того студентскій балъ. На балѣ этомъ послѣ ужина, вслѣдъ за обильными возліяніями пива и иныхъ вдохновительныхъ напитковъ, торжествущаго Левіаѳанова—его тутъ же единогласно провозгласили „вторымъ Добролюбовымъ“,—„дорогая молодежь“ подвергла качанію до безчувствія и отвезла мертвецки пьянаго домой...

Соотвѣтственно всему этому внѣшнему возбужденію, въ самомъ театрѣ произошла цѣлая революція. Сообразительный антрепренеръ увидѣлъ себя вдругъ свободнымъ отъ тисковъ, въ которыхъ держали его до сихъ поръ соединенныя силы двухъ главныхъ его *сюжетовъ*... „При томъ громадномъ сочувствіи, которое такъ быстро съумѣла завоевать себѣ Настасья Дмитріевна Ларина со стороны здѣшней интеллигентной публики, сборы мои до конца сезона обезпечены“, говорилъ онъ уже прямо, тономъ дружеской откровенности г-жѣ Фіоринской-Ларапиніеръ, давая ей *тонкимъ образомъ* понимать, что если бы, молъ, тебѣ опять вздумалось требовать мѣсячной прибавки или втораго бенефиса, такъ знай, что я и вовсе могу теперь безъ тебя обойтись... „Заслуженная артистка“, безсильная бороться съ „новымъ свѣтиломъ“, слегла въ постель; у у нея разлилась желчь. Лариной пришлось одной держать репертуаръ. Гонораръ ея со ста пятидесяти рублей въ мѣсяцъ повышенъ былъ до трехсотъ. „Знаменитый“ Славскій беззастѣнчивымъ вольтомъ перекинулся тутъ же отъ оставшейся, какъ нахально выражался онъ, за флагомъ наѣздницы на сторону взявшей первый призъ и повелъ немедленно же аттаку на ея сердце. Онъ почиталъ дѣломъ самолюбія своего, равно какъ и разсчета, покорять и обращать себѣ въ „рабу“ каждое первое женское амплуа той труппы, въ которой игралъ онъ въ данный моментъ, и, не взирая на свои далеко не молодые

годы, каждый разъ „безъ промаха“ достигалъ своей цѣли, благодаря той „овечьей способности бабьей натуры“, говорилъ онъ все тѣмъ же своимъ циническимъ языкомъ, въ силу которой женщина неизмѣнно-де „спотыкается о тотъ же камень на дорогѣ, о который споткнулись бѣжавшія предъ нею“... Но перезрѣлому закулисному ловеласу пришлось на этотъ разъ разочароваться въ своихъ чаяніяхъ. Онъ возбуждалъ одно отвращеніе въ Лариной... Славскій не допускалъ впрочемъ, чтобы какая бы то ни была женщина могла испытывать къ нему подобное чувство, и приписывалъ брезгливость молодой актрисы „слабому развитію въ ней мозговъ“. „По глупости своей не въ мѣру долго въ честность играетъ“, разсуждалъ онъ...

Но она была дѣйствительно честна,—*честна* въ смыслѣ нѣсколько болѣе серьезномъ, чѣмъ то „служеніе идеѣ“ въ роли Катерины въ *Грозѣ*, о которомъ трубили Левіаѳановы и К°, и умна въ придачу. Она нисколько не обольщалась на счетъ внезапнаго своего „блестящаго успѣха“ и отнюдь не удовлетворялась имъ. Въ немъ было даже что-то колючее, чуть не оскорбительное для нея, — сознаніе несоразмѣрности награды съ заслугой. Всѣ эти чествованія и шумъ, поднятый изъ-за нея, были—это было ей совершенно ясно,—нѣчто, не имѣющее ничего общаго съ дѣломъ искусства, дѣломъ, которому она дѣйствительно стремилась *служить*. Овація „дорогой университетской молодежи“ имѣли въ виду не ее лично, не ея „далеко еще незрѣлую игру“, строго говорила она себѣ,—а того удачливаго „политическаго агитатора“, съумѣвшаго „удрать“, по выраженію студента Коробкина, изъ мѣста ссылки своей за границу. На нее очевидно возлагались лавры, заслуженные въ понятіяхъ этой молодежи „подвигомъ“ ея брата „въ борьбѣ съ автократіей“; она, по тѣмъ же понятіямъ, должна была быть „поддерживаема“ не потому, что она *талантъ*, а на основаніи того, что она имѣетъ честь быть *его* сестрой... Сама Настасья Дмитріевна сомнѣвалась въ себѣ, въ этомъ талантѣ, который превозносили теперь въ ***,—сомнѣвалась именно потому, что та, носившая названіе „интеллигентной“, часть публики, въ которой чаяла она найти себѣ компетентныхъ цѣните-

лей и судей, видимо *подчеркивала* своими рукоплесканіями почти исключительно мѣста, заключавшія въ себѣ, или въ которыхъ эта публика думала видѣть, намекъ на все ту же „идею“ извѣстнаго пошиба. До художественности, доброкачественности, *отдѣлки* ея игры интеллигентамъ этимъ видимо никакого дѣла не было, — да „едва-ли и понимали они что-либо въ этомъ“,—должна она была весьма скоро убѣдиться... Самый репертуаръ, который приходилось исполнять ей, все это наводненіе піесъ изъ русскаго современнаго быта, порожденное *театромъ* Островскаго, съ ихъ „направленіемъ“, съ ихъ плоскимъ, неумѣлымъ, часто и совсѣмъ безграмотнымъ *разговоромъ*, съ ихъ все тѣми же, вездѣ, до отчаянія шаблонными *характерами* плута капиталиста, „барина“ развратника и глупца, учителя мученика „гражданскихъ убѣжденій“ и „развитой“ дѣвицы въ образѣ гувернантки или „курсистки“, представляло собою такое поразительное однообразіе мотивовъ, такое отсутствіе данныхъ, изъ которыхъ могло бы въ исполненіи создаться сценически жизненное, оригинальное и интересное *само по себѣ* лицо, что ей „рѣшительно“, чувствовала она, „не на чемъ было настоящимъ образомъ испробовать себя“... „Неужели“, говорила она себѣ внутренно въ тѣ минуты тоскливаго раздраженія нервовъ, которыми такъ обилуетъ жизнь артиста, „не отбиться мнѣ никогда отъ протестующаго хныканія *Воспитанницъ* и *Бѣдныхъ Невѣстъ*, отъ этихъ все тѣхъ же жалкихъ словъ, все той-же слезливой жертвы родительскаго или общественнаго гнета! Хотя бы дали разъ расправить крылья на *настоящей* роли“!.. Ее все настоятельнѣе тянуло къ поэзіи женскихъ типовъ Шекспира и Шиллера. „Сыграть Корделію, Дездемону, королеву въ *Донъ-Карлосѣ;* говорить этимъ благороднымъ, изящнымъ языкомъ, чувствовать себя на сценѣ *женщиной*, а не все тою же *овцой* покорною или возмущенною,—о, только послѣ этого могла бы она сказать себѣ вѣрно, призвана-ли она дѣйствительно быть актрисой *художницей* своего дѣла“!..

Этому желанію ея суждено было осуществиться: „Знаменитый“ Славскій, имѣвшій лично претензію „умѣть носить костюмъ“ и „подъѣзжавшій“, какъ говорится, къ ней со всѣхъ

сторонъ, надумалъ поставить въ свой бенефисъ, въ угоду ей, *Марію Стюартъ*, въ которой предназначалась ей главная роль. Фіоринская, еще желтая послѣ болѣзни, но разсчитывавшая произвести эффектъ на публику количествомъ имѣвшихся у нея настоящихъ и фальшивыхъ брилліантовъ, безъ особаго неудовольствія согласилась играть Елизавету. Самъ Славскій игралъ Лейстера.

Дни, посвященные Лариной изученію своей роли, были счастливыми днями въ ея существованіи. Она въ первый еще разъ дѣйствительно „уходила вся въ чужую жизнь“, осуществляла ту свою мечту художественнаго воспроизведенія, о которой говорила Троекурову во Всесвятскомъ. Она чувствовала себя объятою какимъ-то „священнымъ пламенемъ восторга“. Какую личность, какую *женщину* приходилось ей изображать, какое богатство, какое безконечное разнообразіе мотивовъ, оттѣнковъ, *звуковъ* заключалось въ этомъ „характерѣ“, какая игра взаимно противорѣчащихъ побужденій и чувствъ, сведенныхъ въ одинъ гармоническій, неотразимый аккордъ: нѣжность, страсть, обольщеніе, гордость, мстительность, жажда жизни и презрѣніе смерти!.. И все это въ широкихъ, изящныхъ рамахъ царственности и культуры, въ высшихъ формахъ той *воспитанности*, которая ей, Лариной, ставилась въ упрекъ студентомъ Коробкинымъ, отъ которой приходилось и точно чураться ей на сценѣ въ виду „реальнѣйшаго“ изображенія *типовъ* современной отечественной драматургіи... „Марія Стюартъ — отъ одного этого имени будто розами вѣетъ“, говорила она себѣ со счастливою улыбкой, и уста ея невольно шептали Шиллеровскіе стихи, заученные ею еще въ дѣтствѣ,— обращеніе плѣнной королевы къ облакамъ, пробѣгавшимъ по небу надъ ея темницей, съ мольбой отнести привѣтъ ея Франціи, „отечеству ея молодости (mein Jugendland)“:

Ich bin gefangen, ich bin in Banden,
Ach, ich hab'keinen andern Gesandten,
Frey in Lüften ist eure Bahn,
Ihr seyd nicht dieser Königin Unterthan!..

Она добыла все, что можно было достать въ городѣ историческихъ матеріаловъ, относящихся до шотландской королевы,

перечла два извѣстные романа Вальтеръ-Скотта (*Аббатъ* и *Монастырь*), въ которыхъ, по свидѣтельству Минье *), „великій романистъ съумѣлъ изобразить ея обаятельную личность въ такой полнотѣ и правдивости красокъ, до которыхъ не могли достичь самые тщательные и подробные историческіе этюды о ней“,—перечла, подолгу останавливаясь на каждой страницѣ, вдумываясь въ каждую черту, въ каждое слово, вложенное авторомъ въ уста Лохлевенской узницы. **) Только послѣ этой предварительной подготовки перешла она къ самой драмѣ, къ изученію своей роли. Въ первый разъ при этомъ воспользовалась она своимъ первенствующимъ теперь положеніемъ въ театрѣ: она потребовала отъ антрепренера и Славскаго „не менѣе осьми полныхъ репетицій“, объявляя рѣшительно, что „въ противномъ случаѣ отказывается участвовать въ бенефисѣ“. Не довольствуясь этимъ, она то-идѣло зазывала къ себѣ репетовать отдѣльныя сцены того или другаго изъ участвовавшихъ въ драмѣ товарищей (ее любили въ труппѣ, сколько могутъ актеры любить другъ друга, и довольно охотно дѣлали ей пріятное), а въ томъ числѣ игравшаго роль Мортимера молоденькаго *женпремье* Печорина, актера съ миловидною наружностью и *горяченькимъ* темпераментомъ, котораго ненавидѣлъ и почиталъ соперникомъ своимъ у Лариной Славскій. Отставной корнетъ, прослужившій не болѣе двухъ лѣтъ въ полку и поступившій на сцену, какъ сама Ларина, по врожденной страсти къ лицедѣйству, Печоринъ (псевдонимъ) четвертый годъ перекочевывалъ съ одного провинціальнаго театра на другой, не находя до сихъ поръ, какъ и она, роли *по душѣ* во всемъ томъ злополучномъ репертуарѣ, который выпадалъ на долю его амплуа. Онъ ухватился теперь за Мортимера со всѣмъ пыломъ молодаго честолюбія, рвавшагося „выйти на большую дорогу“. Онъ былъ мало образованъ, крайне наивенъ и недалекъ по природѣ, но у него имѣлось то неизъяснимое аристократическое чутье, которымъ *угадывается* многое, чтò не дается

*) Mignet, *Histoire de Marie Stuart.*

**) Лохлевенъ — замокъ въ Шотландіи, изъ котораго бѣжала Марія Стюартъ въ Англію—на новый, нежданный плѣнъ.

часто самому добросовѣстному и тщательному труду другаго. Ларина замѣтила это въ немъ съ первыхъ же дней ихъ совмѣстнаго служенія. Она теперь въ интересахъ піесы сочла нужнымъ „заняться“ имъ, „понаправить его“... Онъ выслушивалъ ея совѣты, принималъ ея указанія съ глубокимъ вниманіемъ, съ пылавшими отъ удовольствія и благодарности глазами, и съ каждымъ разомъ становился все болѣе и болѣе удовлетворительнымъ... „Знаете“ сказала ему однажды поощрительно Настасья Дмитріевна, оставшись съ нимъ вдвоемъ у себя,—„вы гораздо лучше сыграете Мортимера, чѣмъ этотъ вѣчный позёръ Славскій—Лейстера.“ У Печорина мгновенно все лицо покрылось краской и задрожали губы. „Все это, вы, вы“... прерывающимся голосомъ пролепеталъ онъ, схватилъ шапку и выбѣжалъ изъ комнаты...

На бенефисъ Славскаго собрался весь городъ. Сами генералы „жуиры“, которымъ бенефиціантъ, весьма потѣшавшій ихъ всегда за ужиномъ въ клубѣ своей „blague de tous les diables“, развезъ билеты по домамъ со „слезною“ просьбой „не испортить ему праздника своимъ отсутствіемъ“, рѣшили нарушить на этотъ разъ данный ими вслѣдъ за статьей Левіаѳанова обѣтъ „ne plus remettre les pieds dans cette sale boutique“ (то-есть театръ) и заняли in corpore свои прежнія мѣста въ первомъ ряду креселъ. Въ качествѣ людей бывалыхъ, „вкусившихъ наслажденія исскуствомъ на *всѣхъ извѣстныхъ сценахъ Европы*“, они не ожидали особеннаго удовольствія отъ „старомодной, *сентиментальной* нѣмецкой драмы“ и еще менѣе отъ исполненія ея провинціальною труппой; но зрѣлище „великолѣпныхъ плечъ“ Фіоринской и состязаніе ея съ Ларіной, „cette petite morveuse prétendant jouer du vrai tragique“, должны были въ ихъ понятіи послужить имъ нѣкоторою „компенсаціей“ за чаемую скуку... Ларинцы, со своей стороны, готовились дружно „всею партіей“ *поддержать* „свою“ актрису: въ этомъ въ сущности заключался для нихъ весь интересъ предстоявшаго спектакля. *Что* должно было даваться на этомъ спектаклѣ, было для нихъ безразлично... Да и въ самомъ дѣлѣ, *Марія Стюартъ*, Шиллеръ, „этотъ добрый пошлякъ Шиллеръ“ (sic), какъ выражался

одинъ изъ „*отцевъ* умственнаго движенія въ Россіи“ въ шестидесятыхъ годахъ *),—что могли сказать имъ эти имена? Счастливые сыны реальнаго вѣка, воспитанные своими авторитетами на презрѣніи исторіи и „эстетики“,—для нихъ все это было звукъ пустой, нѣмыя этикетки на сосудахъ съ невѣдомымъ содержаніемъ...

При такомъ „настроеніи“ своихъ зрителей вышла предъ ними Ларина въ темныхъ тканяхъ заключенной въ англійскомъ замкѣ королевы-красавицы, съ длиннымъ чернымъ вуалемъ, падавшимъ съ головы ея до колѣнъ... Въ залѣ воцарилась мгновенно мертвая тишина. Съ первыхъ же словъ разговора Маріи съ приставленнымъ надзирать за нею суровымъ пуританиномъ (сэръ Амміясъ Паулетъ) зазвенѣла какая-то всѣмъ сочувственная, находившая себѣ эхо въ каждомъ изъ присутствовавшихъ нота. Это былъ именно *тотъ* тонъ, *тотъ* звукъ голоса, который приличествовалъ *этой* женщинѣ, *этому* долголѣтнему, истомившему, но не сломившему царственный духъ ея страданію, и эта же внимавшая ей неподготовленная, равнодушная или враждебная „эстетикѣ“, толпа зрителей поняла это тѣмъ таинственнымъ чутьемъ *высшаго*, что хранитъ въ глубинѣ своей каждая человѣческая душа и что внезапно, часто безсознательно, но неотразимо исторгаетъ изъ нея отзвукъ на все отмѣченное печатью этого *высшаго* на землѣ... Ларину не прерывали теперь представители „дорогой университетской молодежи“ обычными неистовыми рукоплесканіями, они жадно и нѣмо прислушивались къ падающимъ съ устъ ея размѣреннымъ періодамъ стихотворной рѣчи, и странное обаяніе производила на нихъ рѣчь эта и заключавшееся въ ней содержаніе. Въ этомъ ничего не было знакомаго имъ, близкаго, *своего*, никакого отношенія къ „злобѣ дня“, никакой „гражданской идеи“,—предъ ними разыгрывалась скорбная повѣсть „давно замолкнувшихъ страстей“, давно отошедшей во мракъ прошлаго борьбы двухъ властительницъ, двухъ непримиримыхъ женскихъ темпераментовъ: безпощаднаго разсчета и преступнаго легкомыслія, ледянаго ума и

*) *Зайцевъ.*

обольстительнаго въ самыхъ ошибкахъ своихъ сердца; а между тѣмъ эта „безыдейная“ драма, помимо ихъ воли, „захватывала“ ихъ, уносила въ струяхъ своего трагическаго теченія. Отъ нея вѣяло для нихъ чѣмъ-то, чего не дано было имъ вкушать отъ произведеній отечественныхъ драмокропателей, чѣмъ-то глубоко-трогательнымъ и незлобивымъ, чѣмъ-то высоко-человѣческимъ, спокойнымъ и *благороднымъ*. Въ узкую, душную область ихъ *убѣжденій* врывалось живое представленіе иныхъ двигавшихъ людьми идеаловъ и побужденій, героическихъ самопожертвованій во имя задачъ и вѣрованій, не имѣющихъ ничего общаго съ тѣми, которыя учили ихъ чествовать Левіаѳановы и К°, съ высоты каѳедръ, со столбцовъ своихъ „просвѣтительныхъ“ изданій... Обаяніе художественной концепціи держало ихъ въ своей власти; какимъ-то благодатнымъ, умиряющимъ умиленіемъ проникалась нежданно для себя теперь эта безпрестанно раздражаемая и раздраженная „молодежь“...

Ларина съ каждою новою сценой крѣпла въ своей роли. Она, со своей стороны, чутьемъ чуяла тотъ магнетически взаимодѣйствующій токъ, образующійся въ данные моменты между актеромъ и его публикой, при которомъ у исполнителя словно выростаютъ неодолимыя крылья, на которыхъ онъ можетъ унести всѣхъ. Она уже не боялась за успѣхъ *піесы*, забыла о *роли*, она не *играла*,—она сама переживала чувствомъ, кровью, нервами, психическій процессъ изображаемаго ею лица... Въ знаменитой сценѣ встрѣчи съ Елизаветою (Фіоринская особенно старательно и удачно вела свою роль въ этой сценѣ), когда, вся горя негодованіемъ и гордостью, отплативъ язвительнымъ, непрощаемымъ словомъ за оскорбленіе *), Марія заставляетъ вѣнчанную обидчицу свою удалиться, „унося остріе стрѣлы ея въ груди“, и кидается въ судорожномъ порывѣ на шею старой няни (Анны Кеннеди) со словами:

---

*) Въ подлинникѣ:

Der Thron von England ist durch einen Bastard
Entweiht, der Britten edelherzig Volk
Durch eine list'ge Gauklerin betrogen. Act. 3 sc 4.

„О, какъ мнѣ сладко, Анна! Наконецъ,
За годы униженій и страданья,
Мигъ торжества, отмщенья былъ мнѣ данъ“!

она залилась *настоящимъ*, неудержимымъ, жгучимъ рыданіемъ. Вся зала огласилась въ отвѣтъ продолжительнымъ стономъ восхищенія. Сами генералы не выдержали и апплодировали „à tout rompre“... Въ послѣднемъ актѣ, въ сценахъ исповѣди и прощанія Маріи, предъ тѣмъ, какъ итти ей на эшафотъ, барыни въ ложахъ плакали навзрыдъ. Заколовшійся въ предыдущемъ актѣ Мортимеръ-Печоринъ (онъ имѣлъ въ своей роли, какъ предсказывала ему Ларина, большой и вполнѣ заслуженный успѣхъ,) стоялъ въ кулисѣ блѣдный какъ смерть, кусая себѣ губы до крови, чтобы не разрыдаться тоже на весь театръ... Онъ кинулся къ Лариной, едва успѣла она сойти со сцены, и безъ словъ судорожно приникъ губами къ ея рукѣ. Она ухватилась въ свою очередь за его руку—ноги ея подкашивались отъ волненія и усталости,—и вывела съ собою предъ занавѣсъ на неистовый ревъ „требовавшей“ ее публики, забывъ о бенефиціантѣ, только-что отрисовавшемся въ своей роли двуличнаго Лейстера... Она ничего не помнила; вызовамъ ея не было конца. Добравшись наконецъ до уборной, она упала тамъ на диванъ въ обморокъ.. Конца трагедіи, происходящаго во дворцѣ Елизаветы, никто не дослушалъ. Студенты гурьбой ждали у актерскаго крыльца, на улицѣ, выхода Лариной изъ театра. Ее подхватили, едва показалась она, усадили въ сани съ отпряженною лошадью и довезли до ея квартиры десятки рукъ этой обезумѣвшей отъ восторга толпы.

Да, это былъ знаменательный, незабвенный для молодой актрисы вечеръ. Она впервые тутъ почувствовала свою силу и *ширь*, на которую была способна она. То, что̀ удалось теперь передать ей, были уже не тѣ грубые сколки или карикатуры съ дѣйствительности, не тѣ вѣчныя варіаціи на все тотъ же мотивъ *погребенія кота*, какъ выражался ядовито одинъ старый русскій актеръ про отечественныя *драмы* новѣйшихъ временъ,—которыя приходилось ей исполнять до сихъ поръ,—это было вдохновенное созданіе великаго поэта, это было *искусство*... Невѣдомымъ ею до сихъ поръ удовлетвореніемъ

исполнена была она теперь; успѣхъ ея представлялся ей чѣмъ-то въ родѣ награды за доброе дѣло. Дѣйствительно, было нѣчто благотворное—она это чуяла, угадывала, осязала какъ-бы,—въ томъ впечатлѣніи, какое произвела на своихъ зрителей. Хотя бы лишь на этотъ вечеръ, на нѣсколько часовъ, она оторвала ихъ отъ пошлости жизни, ото лжи и потугъ искалѣченной мысли и унесла съ собою въ свѣтлый міръ искусства, гдѣ та же вѣчная игра человѣческихъ страстей облекается въ чарующія и возвышающія человѣка изящество и благородство формы. „Какія у всѣхъ у нихъ были *хорошія, разнѣженныя* лица“, говорила себѣ Ларина съ мягкою улыбкой, вспоминая выраженіе всѣхъ этихъ юныхъ „демократовъ“, когда они, примчавъ на себѣ сани до ея квартиры, вошли чинною толпой въ ея маленькую гостиную, прося „въ знакъ благодарности за дарованное имъ наслажденіе“ дозволенія „пожать на прощаніе“ и—совсѣмъ уже не по-демократически—„поцѣловать“ ея руку... Никто изъ нихъ очевидно не чествовалъ въ ней въ эту минуту *сестру ея брата*. Въ ея лицѣ Марія Стюартъ, безсмертная обольстительница, влекла къ себѣ эти молодыя, нежданно пробужденныя сердца...

Трагедія прошла восемь разъ въ теченіе мѣсяца, дѣлая полные сборы,—явленіе почти небывалое въ провинціальныхъ театрахъ. Руководители ***ской „интеллигенціи“ почуяли даже въ успѣхѣ „такого сорта вещи“ нѣчто въ родѣ бревна на пути шествія „освободительныхъ идей“ въ любезномъ имъ отечествѣ. Нѣкій очень рьяный маленькій профессоръ израильскаго рода, похожій не то на майскаго жука, не то на уличную тумбу, читавшій въ то время въ университетѣ „о Карамзинѣ“ и *„распатронивавшій“* между прочимъ, какъ выражались его слушатели, бѣднаго исторіографа „на всѣ корки“ за его *Письма русскаго путешественника*, въ которыхъ-молъ онъ, „распространяясь на цѣлыхъ страницахъ объ игрѣ видѣнныхъ имъ въ Парижѣ актеровъ, какъ бы нарочито *просмотрѣлъ* совершавшуюся тамъ въ то же время на глазахъ его *революцію, это священнѣйшее право народовъ, доросшихъ до сознанія своихъ правъ*“, профессоръ этотъ, по тому же поводу, упомянулъ на лекціи весьма ловко о томъ „горячемъ

сочувствіи", которое другой, „германскій, писатель покрупнѣе господина *симбирскаго дворянина* Карамзина", а именно Шиллеръ, питалъ „къ великому дѣлу свободы, вынесенному на плечахъ своихъ Франціей на исходѣ XVIII вѣка". „Это былъ", подчеркивалъ маленькій человѣкъ, меча громы сквозь очки и потрясая кулачкомъ надъ лоснившеюся будто отъ ваксы головой, „это былъ не позднѣйшій, *офилистрившійся* Шиллеръ какой-нибудь *Мессинской Невѣсты* или *Маріи Стюартъ*, — это былъ Шиллеръ первыхъ лучшихъ временъ своихъ, Шиллеръ *Разбойниковъ* и *Коварства и Любви*, въ которыхъ горитъ благотворнымъ пожаромъ святая ненависть къ угнетенію и эксплуатаціи слабаго и бѣднаго сильнымъ и богатымъ!"... Слушатели поняли намекъ „либеральнаго" наставника: иные опустили смущенно голову, другіе улыбнулись. Одному изъ ультра-*Ларинцевъ* намекъ даже и вовсе не понравился, онъ сложилъ обѣ руки въ трубочку и свистнулъ въ нее на всю аудиторію. Либеральный профессоръ, въ свою очередь, ощутилъ нѣкоторое смущеніе, закашлялся и перешелъ опять къ *распатроніванію* Карамзина... Левіаѳановъ, между тѣмъ, поучалъ публику въ своемъ листкѣ, что выходящій-молъ изъ ряда талантъ г-жи Лариной способенъ конечно подкупить ея зрителей во всякой, какую ей ни вздумается исполнить, роли", но что не слѣдуетъ забывать, что *Марія Стюартъ* вмѣстѣ съ *Орлеанскою дѣвой* принадлежатъ къ числу самыхъ неудачныхъ драмъ нѣмецкаго поэта какъ по неинтересности вообще ихъ сюжетовъ, такъ и по *мѣщански рутинному* отношенію къ нимъ самого автора. „Вѣроятно поэтому", *ядовито* говорилось въ заключеніе, „піесы эти и пользуются свободнымъ обращеніемъ на россійскихъ театрахъ, между тѣмъ какъ произведеніе съ такимъ міровымъ значеніемъ, какъ *Вильгельмъ Телль*, находится у насъ и понынѣ подъ строжайшимъ запретомъ"...

Лариной въ то же время приходилось расплачиваться за свои лавры. Отвергаемый ею Славскій не могъ простить ей ни своей неудачи, ни еще менѣе тотъ „дерзкій *пассажъ*" съ нимъ въ вечеръ его бенефиса, когда она, на вызовъ ея публикой, вывела съ собою не его, бенефиціанта, перваго сюжета

и „знаменитость“, а „мозгляка актеришку, сволочь, цѣна которому *грошъ*“... „Это я вамъ припомню-съ!“ отпустилъ онъ ей, стиснувъ зубы, тогда же за кулисами, въ ту минуту, какъ она, чуть не падая на каждомъ шагу отъ изнеможенія, проходила со сцены мимо его въ свою уборную, а публика, вспомнивъ наконецъ о „виновникѣ праздника“, выкликала теперь и его, Славскаго... Расшатавшаяся было связь его съ Фіоринской съ этой минуты окрѣпла сильнѣе прежняго. Достойная чета пустила тутъ же въ ходъ двойную кознь, имѣвшую въ виду донять врага, какъ говорится, „не мытьемъ, такъ катаньемъ“. Съ одной стороны, о любовныхъ отношеніяхъ Ларионой и Печорина повѣствовалось не только какъ о „фактѣ“, не допускающемъ никакого сомнѣнія, но и сообщались при этомъ подробности, изъ которыхъ можно было заключить, что онѣ поступили въ общее свѣдѣніе не иначе, какъ благодаря хвастливой невоздержности языка самого Печорина. Съ другой, въ одно изъ пріемныхъ matinées губернаторши, милостивымъ расположеніемъ которой пользовался Славскій, имъ была разсказана самымъ невиннымъ и сочувственнымъ къ предмету его разсказа тономъ „романическая исторія“ одного бѣднаго юноши (онъ не назвалъ его фамилію,) изъ судившихся по *Жихаревскому* процессу“ *(ста девяноста трехъ)*, который-де, не будучи самъ ни въ чемъ замѣшанъ, принялъ на себя добровольно вину одной страстно любимой имъ особы, принадлежавшей къ организаціи нигилистовъ и игравшей даже, какъ говорятъ, очень значительную роль между ними, и сосланъ былъ такимъ образомъ вмѣсто нея—она не была даже привлечена къ суду,—въ Сибирь или куда-то на сѣверъ“.

— Ah, quel héros, quel noble caractère! воскликнули на это его слушательницы,—а она, за которую пострадалъ несчастный, она что?

— А она ничего, благоденствуетъ, иронически отпустилъ Славскій.

— Гдѣ же она, кто? Вы ее знаете?

Онъ значительно усмѣхнулся:

— Знаю.

— Можете сказать намъ кто?

— Нѣтъ, ужь увольте, mesdames!

— Можете, по крайней мѣрѣ, сказать, къ какому кругу общества она принадлежитъ.

Онъ какъ бы заколебался:

— Она... она — актриса, какъ бы помимо воли вырвалось у него.

Губернаторша, петербургская барыня среднихъ лѣтъ и общества, съ остатками „пикантной“ красоты и большою юркостью въ характерѣ, вонзилась ему глазами въ лицо:

— Она здѣсь эта актриса, въ вашей труппѣ?

— Н-нѣтъ, почему вы думаете! уклончиво проговорилъ онъ, продолжая улыбаться.

— Я увѣрена... я угадала... Это Ларина, notre charmante *Marie Stuart!*..

И она даже руками всплеснула.

Славскій какъ бы испуганно вскинулъ свои вверхъ.

— Я ее не называлъ, прошу замѣтить! счелъ онъ нужнымъ заявить.

Губернаторша, особа „развитая“, какъ и подобаетъ быть русской сановницѣ послѣдней формаціи, величаво пожала плечами на это.

— Вы могли бы назвать ее безо всякой опасности для себя и для нея: я допускаю *всѣ* убѣжденія, когда они искренни, подчеркнула она, и, обратившись къ сидѣвшимъ тутъ двумъ, тремъ дамамъ изъ ея *intimité*: — я хочу пригласить ее завтра обѣдать къ намъ; nous la ferons causer, voulez vous?

Дамы единогласно и шумно изъявили на это согласіе. Славскій ожидалъ, что вслѣдъ за тѣмъ хозяйка обратится и къ нему съ тѣмъ же приглашеніемъ, но таковаго не послѣдовало. Онъ тотчасъ же поднялся и ушелъ въ великой досадѣ, „сыгравъ лишь на руку“, какъ говорилъ онъ себѣ, „этой недотрогѣ проклятой“.

Сановница между тѣмъ отправила въ тотъ же день съ полицейскимъ „милую записку“ къ Лариной, въ которой заключалось приглашеніе на обѣдъ, исполненное изощреннѣйшихъ любезностей. Записка пришла въ очень тяжелую для

получившей ее минуту. У молодой актрисы сидѣлъ студентъ Коробкинъ, который, въ качествѣ горячаго приверженца ея и перваго покровителя, счелъ нужнымъ притти „предварить ее о *мерзостяхъ*, распространяемыхъ Фіоринскою и Славскимъ насчетъ ея и Печорина". Дѣвушка была глубоко взволнована и возмущена этимъ; вслѣдъ за постановкой *Маріи Стюартъ* на сцену Печоринъ даже ни разу не былъ у нея; она видѣлась съ нимъ только въ театрѣ и никогда не вела съ нимъ бесѣды a parte. „Извините меня предъ генеральшей", молвила она растерянно, со стоявшими еще у нея въ глазахъ слезами, торопливо влетѣвшему къ ней посланному губернаторши, „но я нездорова и не въ силахъ принять ея приглашенія; я очень благодарю ее, но не могу у нея быть („сплетня пошла теперь по всему городу, *тамъ* еще пожалуй будутъ мнѣ на это намеки дѣлать", проносилось у нея болѣзненно въ головѣ, „да и на что мнѣ эти свѣтскія барыни!"), никакъ не могу"... „Генеральша" была поражена какъ громомъ нежданною „дерзостью" этого отказа, этимъ „manque comlet de savoir vivre". „Развѣ она писать не умѣетъ, не знаетъ, что на письмо отвѣчаютъ письмомъ"? Она потребовала, чтобъ ей было *подробно* доложено, „*какъ* исполнено было ея порученіе и *что* именно было сказано въ отвѣтъ на ея записку". Полицейскій Меркурій, отставной *унтеръ*, не старый и видимо шустрый, держа руки по швамъ, но бойко пяля зрачки на генеральшу, доложилъ ей все „до малости".

— Одна она была или кто-нибудь былъ тутъ еще? спросила сановница.

— Былъ-съ! гаркнулъ онъ.

— Много было?

Генеральша даже покраснѣла отъ мысли, что афронтъ, сдѣланный ей этою не умѣющею жить лицедѣйкой, имѣлъ свидѣтелей...

— Никакъ нѣтъ-съ: одинъ всего гость тутъ съ ними сидѣлъ.

— Не знаете кто?

— Не могу знать, ваше пр—ство... Изъ самыхъ изъ этихъ

нигилистовъ, надо полагать, ваше.. нежданно домолвилъ онъ, какъ бы сообразивъ.

Она изумленно вскинула на него глаза.

— Почему вы полагаете?

— А какъ намъ по примѣтамъ хорошо извѣстно, ваше—ство, потому нечесаный и шляпа, значитъ, широкая, и одѣяло этто опять на плечахъ, все какъ слѣдоваетъ у студентовъ ихней націи...

„Mon billet est venu la déranger dans sa conférence politique ou amoureuse“, со злою ироніей проговорила мысленно губернаторша и, отпустивъ проницательнаго унтера, прошла къ мужу въ кабинетъ передать ему о своей „déconfiture“.

Начальникъ губерніи, послѣ совѣщанія съ супругой, отправилъ въ свою очередь посланнаго за антрепренеромъ театра и, по прибытіи сего послѣдняго, приступилъ тотчасъ же къ разспросамъ о томъ, что̀ ему извѣстно о личности и прошломъ состоящей въ его труппѣ актрисы Лариной,—„по всей вѣроятности псевдонимъ“? ввернулъ губернаторъ мимоходомъ,—о которой дошли до него кое-какія *неблагопріятныя* свѣдѣнія.

— Въ какомъ отношеніи, ваше пр—ство? спросилъ огорошенный содержатель театра.

Губернаторъ, нѣсколько кисло усмѣхнувшись, заявилъ, что онъ „разумѣется, не намѣренъ, да и не считаетъ себя въ правѣ касаться частной жизни молодой артистки“, которая „впрочемъ, сколько ему извѣстно, и не заслуживаетъ въ этомъ отношеніи никакого упрека“, любезно промолвилъ онъ, но тутъ же, слегка поморщившись, добавилъ:—„къ сожалѣнію, этого, кажется, нельзя сказать про ея *воззрѣнія* на существующій государственный и общественный порядокъ“...

Антрепренеръ со своей стороны заявилъ, что о „воззрѣніяхъ“ г-жи Лариной ему ничего не извѣстно, кромѣ того, что по театральной своей службѣ она весьма исправна, роли свои знаетъ *на зубокъ* и на репетиціи никогда не опаздываетъ; а что также и насчетъ знакомствъ весьма осторожна и мало кого къ себѣ принимаетъ, такъ какъ постоянно занята ролями. О „прошедшемъ“ ея онъ равно ничего не имѣлъ со-

общить его превосходительству, кромѣ того, что познакомился съ нею въ Москвѣ въ началѣ зимняго сезона, принявъ ее въ труппу по рекомендаціи одного извѣстнаго въ московскомъ театральномъ мірѣ лица, а что „настоящая ей фамилія, какъ значится въ ея видѣ, Буйносова, дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника и камергера".

— Буйносова! вскрикнулъ губернаторъ:— такъ я отца ея зналъ, Дмитрія Васильевича Буйносова... Большую игру велъ въ Московскомъ Англійскомъ клубѣ и въ свое время чуть въ посланники не попалъ... И это его дочь, скажите пожалуйста!..

Почтенный сановникъ вздохнулъ, задумчиво пожалъ руку „вызваннаго" и отпустилъ его на этомъ съ миромъ. Но, встрѣтившись въ тотъ же вечеръ въ клубѣ съ жандармскимъ штабъ-офицеромъ его губерніи, онъ отвелъ его въ сторону и, передавъ о „ходящихъ довольно *странныхъ* слухахъ относительно *политическаго прошлаго* этой милой молодой актрисы Лариной", оказывающейся дочерью очень извѣстнаго въ свое время и хорошо ему знакомаго человѣка, просилъ сообщить ему „келейно, помимо всякой официальности", имѣются-ли по *ихъ* вѣдомству какія-либо подтверждающія такіе слухи данныя. Штабъ-офицеръ озабоченно сжалъ брови, собирая свои воспоминанія, и, припомнивъ, объявилъ категорично, что по процессу *ста девяноста трехъ* судился дѣйствительно нѣкій студентъ Буйносовъ, — „по всей вѣроятности братъ нашей здѣшней Рашели", засмѣялся онъ, — былъ судомъ оправданъ и сосланъ затѣмъ административно въ Вологодскую губернію, откуда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ успѣлъ бѣжать и скрыться за границей, но что о какой-либо дѣвицѣ Буйносовой у *нихъ* никакого рѣшительно производства не было, и что поэтому то, что̀ разсказывается объ актрисѣ Лариной слѣдуетъ объяснить „*подвохомъ* подъ нее", устроеннымъ кѣмъ-либо изъ „ея же *театральныхъ*". Губернаторъ вспомнилъ со своей стороны, что „*это* было *пущено* въ гостиной его жены *знаменитымъ* Славскимъ".

— Ну такъ, извѣстный интриганъ! прибавилъ штабъ-офицеръ:—я его къ себѣ въ домъ пускать пересталъ.

— Да и я велю ему съ'нынѣшняго же дня запереть мою дверь, строго сказалъ на это губернаторъ.

Вмѣстѣ съ этимъ изгнаніемъ его изъ салоновъ ***скихъ властей, Славскаго ожидалъ въ театрѣ новый и даже сугубо непріятный „пассажъ“. Возмущенные пущенною имъ клеветой на предметъ ихъ культа, *ларинцы* торжественно освистали его на другой же день послѣ визита Коробкина у Настасьи Дмитріевны, — освистали такъ, что онъ, не доигравъ сцены, долженъ былъ уйти за кулисы. Весь зеленый отъ бѣшенства подъ своими румянами, выскочилъ онъ туда, *ища кого поглотить.*

— Это все изъ-за вашей ст...! рявкнулъ онъ площадною бранью попавшемуся ему подъ глаза Печорину.

Лицо молодаго человѣка стало блѣдно какъ саванъ; онъ двинулся съ мѣста, не помня себя:

— Что̀ вы сказали... про кого? еле въ силахъ былъ онъ выговорить.

— Ваша ст... Ларина устроила—извѣстно, повторилъ тотъ.

Оглушающая оплеуха чуть не сшибла его съ ногъ. Онъ пошатнулся, схватился за щеку... Присутствовавшіе оттащили отъ него Печорина.

— Если угодно вамъ будетъ потребовать отъ меня сатисфакціи, крикнулъ ему отставной корнетъ,—я во всякое время къ вашимъ услугамъ.

Но „знаменитый артистъ“ былъ уже снова въ полномъ обладаніи своей прирожденной наглости. Онъ окинулъ своего оскорбителя полнымъ презрѣнія взглядомъ и, ударивъ себя ладонью по груди:

— Чиномъ не вышелъ еще, чтобъ отъ тебя *Славскій* сатисфакціи требовалъ! надменно произнесъ онъ, повернулся на длинныхъ ногахъ своихъ и величественно зашагалъ къ своей уборной...

„Сокрушеніе врага и торжество добродѣтели въ лицѣ дѣвицы Лариной“, какъ выражались ***скіе шутники, разумѣвшіе подъ этимъ новыя восторженныя овваціи, которыя были сдѣланы молодой актрисѣ при выходѣ ея на сцену вслѣдъ за сдѣлавшимся тотчасъ же извѣстнымъ въ залѣ театра „наказані-

емъ“ Славскаго за оскорбленіе ея, не въ силахъ были разогнать то тяжелое, подавляющее настроеніе духа, которое владѣло ею теперь. „Послѣ того, что̀ суждено мнѣ было испытывать въ жизни, ничто меня не устрашитъ и все отъ меня отскочитъ“, похвалялась она Борису Васильевичу Троекурову въ молодой самонадѣянности своей, когда наканунѣ поступленія ея на театральное поприще говорилъ онъ ей объ ожидавшихъ ее тамъ тяжкихъ испытаніяхъ... Въ дѣйствительности оказывалось, что ничто отъ нея не „отскакивало“, а каждая малость, напротивъ, причиняла ей рану и засѣдала въ ней надолго. Мотивы къ вѣчно новымъ душевнымъ мукамъ какъ бы находили въ ней тѣмъ болѣе воспріимчивости, чѣмъ давнѣе знакома она была со страданіемъ. Ее еще съ первыхъ дебютовъ начало гнести сознаніе безпомощности ея и *сиротства* среди этихъ „товарищей по искусству“, съ которыми не связывало ее ничего, кромѣ взаимныхъ *репликъ* на подмосткахъ сцены. Ее постоянно коробило внутренно отъ ихъ „нравовъ“ и привычекъ, отъ ихъ „ремесленническаго“ отношенія къ своему дѣлу. Ей подчасъ казалось, что она рано или поздно должна задохнуться въ этой атмосферѣ раздраженныхъ самолюбій, лютой зависти и безпощадныхъ клеветъ, среди этой разнузданности рѣчей, въ невылазномъ омутѣ этихъ мелкихъ интригъ и грязныхъ кляузъ... Но ее лично щадило все это относительно, пока случай, а затѣмъ и несомнѣнный ея талантъ не выдвинули ея на первый планъ, пока не объявлена она была „свѣтиломъ“. Мелкая букашка, она могла кой-какъ пройти стороною отъ лужи; ей роковымъ образомъ слѣдовало быть обрызганною съ ногъ до головы, разъ ей приходилось переѣзжать поперекъ этой лужи на золотой колесницѣ успѣха... Имя ея теперь было на всѣхъ устахъ,—а много-ли чистыхъ человѣческихъ чувствъ въ этомъ мірѣ! Злостная, грубая, нелѣпая клевета, пущенная на нее,—она знала, она помнила извѣстную апофтегму Бомарше,—отъ нея „всегда что-нибудь останется“... „Найдутся всегда люди, десятки, сотни людей, которые радостно ей повѣрятъ и станутъ злорадно повторять ее другимъ“... Ларина была умна, мы уже сказали, и слишкомъ изстрадалась, изстрадалась съ дѣтства,

чтобы не вынести изъ опыта жизни значительной доли горечи и недовѣрія къ людямъ. Въ тотъ самый вечеръ, когда послѣ „пассажа„ со Славскимъ привѣтствовала ее публика шумными рукоплесканіями и кликами, очевидно выражая этимъ и неизмѣнное расположеніе свое къ ней, и негодующій протестъ противу взведенной на нее въ двойномъ видѣ напраслины (объ „анекдотѣ“ Славскаго у губернаторши зналъ тоже весь городъ), а она низко присѣдала, приложивъ руку къ груди и поводя благодарными глазами съ высоты сцены на всѣ стороны залы, внутренній голосъ неотступно шепталъ ей: „Сколько изъ этого хора привѣтствующихъ тебя голосовъ слѣдуетъ отнести на долю любителей гама и скандала, по поводу чего бы онъ ни производился, и многіе-ли изъ этихъ неистово апплодирующихъ тебѣ теперь искренно убѣждены въ томъ, что ты заслуживаешь уваженія“?... Самое заступничество за нее этой публики представлялось ей въ глубинѣ души чѣмъ-то обиднымъ; какія-то вспышки родовой гордости загорались въ ней; „она не изъ тѣхъ, кому нужны защитники въ *толпѣ*“... Такое же недоброе чувство, какъ ни старалась она побороть его въ себѣ, внушалъ ей выступившій за нее рыцаремъ Печоринъ: она избѣгала его, насколько это было въ ея власти, не обмѣнялась съ нимъ словомъ послѣ той *исторіи*. Молодой человѣкъ въ свою очередь точно прятался отъ нея въ театрѣ и, когда приходилось ему репетовать съ ней, упорно глядѣлъ въ землю, боясь встрѣтиться съ ней глазами... У себя дома Ларина теперь ни души уже болѣе не принимала.

Она сидѣла дома одна и жадно зачитывалась вѣстей съ театра войны, которыя обильно сообщались въ тѣ дни газетами обѣихъ столицъ. Какая-то неодолимая сила все лихорадочнѣе влекла мысль ея „*туда*“, гдѣ люди теперь гибнутъ тысячами за святое дѣло“, и все настойчивѣе шептала ей, что „*тамъ* теперь *настоящая задача*, *тамъ* — призваніе“... Измученная, раздраженная безпрерывною сутолокой и ядовитыми уколами театральной жизни, она въ какомъ-то невыразимо заманчивомъ свѣтѣ рисовала себѣ это „высшее изо всѣхъ существующихъ для женщины“ *призваніе*. Тамъ, далеко, въ *баракѣ*, среди раненыхъ, въ поглощающихъ все время и

всѣ физическія силы занятіяхъ, никому невѣдомая *сестра*,— тамъ для нея „миръ душевный и *удовлетвореніе*“...

Послѣ „второй Плевны“ она не выдержала. Годовой срокъ контракта ея съ антрепренеромъ ***скаго театра кончался. Труппа собиралась перекочевать на Нижегородскую ярмарку; на время пребыванія ея тамъ Лариной предложенъ былъ ангажементъ въ 600 рублей и бенефисъ. Она отказалась и уѣхала въ Одессу. Тамошнее отдѣленіе Краснаго Креста опредѣлило ее *сестрой* и переслало недѣли черезъ двѣ за Дунай.

По пути туда, на какой-то станціи не доѣзжая Унгенъ, къ окну вагона, изъ котораго она разсѣянно глядѣла на толпу пассажировъ ея поѣзда, высыпавшую на платформу, подошелъ къ ея окну какой-то съ отроставшею бородой молодой человѣкъ въ кителѣ и военной фуражкѣ.

— Вы тоже туда... *на театръ войны*, Настасья Дмитріевна? произнесъ онъ робкимъ, слегка даже дрожавшимъ голосомъ, прикладывая руку къ козырьку.

— Печоринъ! невольно вскликнула она, увнавая недавняго „товарища“.

— Ряполовскій, чуть-чуть усмѣхнулся онъ: — настоящую мою фамилію ношу опять... Я въ прежній мой полкъ поступилъ, поспѣшилъ объяснить онъ.

— Гдѣ же онъ? спросила она.

— А и самъ не знаю, отвѣтилъ Ряполовскій съ какою-то совсѣмъ ребяческою интонаціей и съ видимою благодарностью за вопросъ: — гдѣ-то тамъ, говорятъ, въ самомъ центрѣ дѣйствій...

— Въ Нижній не захотѣли? спросила она, усмѣхнувшись тоже.

Онъ какъ-то мгновенно вскинулъ на нее глаза, весь заалѣвъ.

— Нѣтъ... что же, васъ ужь нѣтъ въ труппѣ...

И, такъ же мгновенно испугавшись недовольнаго, показалось ему, выраженія ея лица, торопливо приложилъ опять пальцы къ фуражкѣ, пролепеталъ какія-то неразслышанныя

ею слова прощанія—и исчезъ... Онъ такъ и не показывался болѣе Настасьѣ Дмитріевнѣ...

Четыре мѣсяца спустя, въ госпиталь Краснаго Креста, въ которомъ она, за отбытіемъ графини Драхенбергъ, оставалась одно время старшею, привезли послѣ сраженія подъ Горнимъ Дубнякомъ значительную партію раненыхъ. Въ одномъ изъ нихъ она узнала Ряполовскаго. Онъ былъ тяжело раненъ въ голову и долго не приходилъ въ сознаніе. „Такъ и отойдетъ, не очнувшись“, отвѣтилъ сквозь зубы осматривавшій его рану врачъ на вопросительный взглядъ стоявшей у койки Настасьи Дмитріевны... Но предсказаніе оказалось не совсѣмъ вѣрнымъ. Раненый очнулся поздно вечеромъ, открылъ глаза. Женскій ликъ, съ повязанною бѣлою косынкой головой, съ большими устремленными на него темными глазами, полуосвѣщенный мерцаніемъ лампы, спускавшейся съ потолка, наклонялся надъ нимъ... Какимъ-то лучомъ освѣтилось внезапно его мертвенно блѣдное лицо. „Марія Стюартъ“, еле слышно пролепеталъ онъ...—„Вамъ надо повязку перемѣнить“, дрогнувшимъ голосомъ проговорила она... Онъ не отрывался отъ нея потухающимъ взглядомъ. Она потянулась осторожною рукой къ его повязкѣ... „Сестрица... Настасья Дмитріевна... благословите меня!“ угадала она скорѣе, чѣмъ разслышала... Перемѣнять перевязку было уже не къ чему...

IV.

— Такъ какъ же, сестрица, спрашивалъ Сусальцевъ впавшую въ глубокую задумчивость Наталью Дмитріевну,—согласны вы будете?

— На что? воскликнула она какъ съ просонья.

— А насчетъ этого самаго письма къ графинѣ Драхенбергъ, что я вамъ сейчасъ говорилъ...

— Ахъ да, вспомнила дѣвушка:—что же, если вы считаете это непремѣнно нужнымъ, я готова...

— По-французски-съ, начерно, поспѣшилъ онъ напомнить,—а я ужь собственноручно перепишу потомъ.

— Хорошо. Когда оно вамъ нужно?

— Да если бы возможно, поскорѣе... что-жь съ этимъ медлить? Если бы, къ примѣру, къ завтрему могли вы заготовить?...

Настасья Дмитріевна кивнула въ знакъ согласія. Провъ Ефремовичъ схватилъ ея руку и пожалъ ее до боли въ своей могучей длани.

— И не могу вамъ сказать просто, сестрица, какъ благодаренъ вамъ за родственныя ваши ко мнѣ чувства! воскликнулъ онъ разстроеннымъ тономъ: — я человѣкъ не дурной, повѣрьте, и если-бъ Антонина Дмитріевна понимать это хотѣла...

Онъ оборвалъ короткимъ вздохомъ, прищурился слегка на свояченицу и заговорилъ опять какъ бы нѣсколько смущенно:

— Позвольте васъ, сестрица, обезпокоить однимъ моимъ вопросомъ.

— Какимъ? спросила она, подымая на него глаза въ свою очередь какъ бы чуть-чуть испуганно.

— Не нуждаетесь-ли вы въ чемъ теперь?

Она не успѣла отвѣтить.

— Потому, продолжалъ онъ торопливо,—вы бы меня смертельно оскорбили и огорчили сердечно, если-бъ обошли меня въ такомъ случаѣ... Я всею моею душой, могу сказать, всегда готовъ по-родственному... по-братски...

— Спасибо вамъ, прервала его Ларина, морщась и краснѣя;—мнѣ ничего не нужно...

Но у него былъ такой просящій и какъ бы оробѣвшій вмѣстѣ съ тѣмъ видъ, что она тутъ же прибавила:

— Я не изъ гордости, Провъ Ефремовичъ, право... Если-бъ я очутилась когда-нибудь въ большой нуждѣ, я скорѣе бы, конечно, обратилась къ вамъ, чѣмъ къ кому-либо другому за... за *временнымъ* одолженіемъ, чуть-чуть подчеркнула она.

Онъ еще разъ ухватилъ ея руку обѣими своими:

— И повѣрьте, не то чтобъ я, *вы* одолжите меня этимъ превыше мѣры... Потому я, сестрица, расположеніемъ вашимъ дорожу, чрезвычайно и близкое себѣ лицо вижу въ васъ. Я лаской не избалованъ: *родительницы* лишился еще въ дѣтствѣ, батюшка мой былъ человѣкъ суровый... Такъ если такая особа, какъ вы, которую я по всѣмъ правамъ долженъ уважать, оказываетъ мнѣ дружественное чувство, то я со своей стороны всю душу, кажется, готовъ положить...

Онъ смолкъ отъ нахлынувшаго на него умиленія и отвернулся, мигая влажными глазами...

Настасья Дмитріевна вдумчиво глядѣла на него: въ мысли ея слагалось какое-то соображеніе:

— Вы добрый человѣкъ, Провъ Ефремовичъ, молвила она,—вашимъ словамъ вѣрить можно, и я вамъ вѣрю дѣйствительно... Я не въ нуждѣ, повторяю, и съ этой стороны мнѣ не о чемъ у васъ просить, но вы, быть можетъ, могли бы мнѣ послужить добрымъ совѣтомъ въ одномъ обстоятельствѣ...

Она какъ бы вдругъ заколебалась продолжать...

— Говорите, сестрица, сдѣлайте милость, воскликнулъ Сусальцевъ:—я радъ-радешенекъ буду, если только чѣмъ могу...

Она еще разъ зорко воззрилась ему въ лицо:

— Знаете-ли вы, начала она дрогнувшимъ голосомъ,—кто этотъ молодой человѣкъ, Поспѣловъ, котораго вы видѣли въ Венеціи у графини Драхенбергъ... и про котораго Тоня говорила вамъ такія гадости? примолвила дѣвушка со мгновенно выступившимъ у нея опять при этомъ воспоминаніи румянцемъ негодованія на щекахъ.

Онъ раскрылъ широко глаза:

— Нѣтъ, не знаю-съ, впервой и увидалъ его только тутъ на самомъ канунѣ моего отъѣзда... А вамъ, что же, извѣстенъ онъ развѣ?

— Это братъ нашъ съ Тонею, медленно прошептала она, безсознательно озираясь кругомъ,—Володя... Владиміръ Дмитріевичъ Буйносовъ.

Провъ Ефремовичъ руками всплеснулъ и даже поблѣднѣлъ весь:

— Сосланный?

Ларина утвердительно кивнула.

— Уйти значитъ успѣлъ, и теперь... въ Венеціи... А Антонина Дмитріевна „Альфонсомъ“ его зоветъ, роднаго-то брата!..

Онъ вскочилъ съ мѣста, прошелся, пробѣжалъ въ лихорадочномъ волненіи по *залу*, сѣлъ опять:

— Вамъ какъ же это извѣстно, сестрица?

— Я отъ него письмо получила.

— Оттуда?.. по почтѣ? промолвилъ тутъ же испуганно Сусальцевъ.

— Нѣтъ; я была еще тогда въ Болгаріи. Письмо доставлено мнѣ было по случаю...

Она опять пріостановилась, почитая *неудобнымъ* сообщить ему подробно о „случаѣ“. А произошло это такъ:

На первыхъ порахъ службы ея въ госпиталѣ, послѣ извѣстнаго дѣла на Зеленыхъ горахъ, привезенъ былъ въ числѣ раненыхъ молодой пѣхотинецъ изъ вольноопредѣляющихся, довольно тяжело раненый въ ногу. Это былъ субъектъ непри-

влекательной наружности и жестокаго нрава, мрачно относившійся ко всему его окружавшему и переносившій какъ бы съ досадой уходъ и заботы о немъ врачей и сестеръ. Настасья Дмитріевна была поэтому весьма удивлена, когда однажды послѣ перевязки,—дѣло было вечеромъ, большинство раненыхъ кругомъ спало,—человѣкъ этотъ, какимъ-то страннымъ, какъ бы испытующимъ взглядомъ посмотрѣвъ ей въ глаза, тихо проговорилъ:

— Возьмите у меня подъ подушкой письмо,—это вамъ отъ брата.

— Отъ... вашего брата? спросила она, не понявъ.

— Отъ *моего!* фыркнулъ онъ:—никакого брата у меня не имѣется; отъ вашего, отъ Буйносова.

Она поспѣшно сунула руку подъ подушку, ощупала и вытащила конвертъ.

— Какъ оно къ вамъ попало? невольно спросилось ею.

— Изъ Горнаго Студня доставлено, какъ бы также невольно сорвалось у него съ языка.

— Отъ кого?

Онъ вдругъ весь пришелъ въ раздраженіе:

— Вамъ этого нисколько знать не нужно, прошипѣлъ онъ,—и не старайтесь... и оставьте меня, прошу; вы свое дѣло сдѣлали, и мнѣ съ вами разговаривать нечего...

Она удалилась въ большомъ недоумѣніи. Какимъ путемъ могло это письмо попасть въ Горный Студень, письмо отъ русскаго бѣглаго ссыльнаго, и очутиться теперь для передачи ей въ рукахъ темнаго армейца, не имѣющаго очевидно никакихъ точекъ соприкосновенія съ блестящею средой, пребывавшею въ ту пору тамъ, въ томъ неказистомъ болгарскомъ мѣстечкѣ? „Неужели это въ связи съ тѣми толками?“ спрашивала она себя, вспоминая слышанное ею что-то за нѣсколько дней назадъ отъ пріѣзжавшаго изъ Горнаго Студня врача о прибытіи-де туда какого-то „довѣреннаго отъ русскихъ эмигрантовъ“, благосклонно будто бы выслушаннаго въ продолжительной аудіенціи и уѣхавшаго съ какими-то надеждами... Все это очень походило на сказку, и Настасья Дмитріевна, озабоченная своимъ насущнымъ дѣломъ, пропустила въ ту

пору эти „розказни“, какъ говорится, мимо ушей. Они теперь невольно приходили ей на память.

Но ей не удалось провѣрить ихъ: проѣзжавшій врачъ уже вернулся къ мѣсту своей службы, а мрачный передатчикъ письма умеръ нѣсколько дней спустя отъ воспаленія венъ... Въ самомъ же письмѣ не заключалось ни слова о способѣ, какимъ оно доставлялось ей. Володя въ нѣсколькихъ строкахъ извѣщалъ сестру, что онъ благополучно пребываетъ въ Вѣнѣ, гдѣ имѣлъ случай поступить учителемъ въ одно русское семейство, съ которымъ уѣдетъ по всей вѣроятности на зиму въ Италію. „Письмо твое изъ ***, говорилось далѣе (она отправила его чрезъ посредство Коробкина), въ которомъ ты сообщаешь о *патріотическомъ* (прилагательное это было въ подлинникѣ подчеркнуто) намѣреніи твоемъ поступить въ госпиталь за Дунаемъ, я получилъ и пишу тебѣ на всякій случай туда, отвѣчать же мнѣ, если вздумаешь, очень прошу не по почтѣ, дабы ты себя совершенно безполезно не компрометтировала, ибо не сомнѣваюсь, что гдѣ русская власть, тамъ всѣ письма читаются. А такъ какъ особенныхъ оказій доставить мнѣ письмо частнымъ образомъ ты легко не найдешь, то и воздержись вообще отъ писанія. Впрочемъ можешь и такъ поступить: напиши, вложи въ конвертъ съ адресомъ *Василію Ивановичу Поспѣлову* (значусь нынѣ подъ сею кличкой), а конвертъ вложи въ другой на имя *Степана Михайловича Мурзина* въ Москвѣ, и отошли опять-таки не по почтѣ, а если найдешь кого ѣдущаго прямымъ путемъ въ Москву, то съ нимъ. Тамъ пусть спроситъ Мурзина, его всѣ знаютъ, а онъ ужь найдетъ средство переслать мнѣ письмо за границу, гдѣ бы я ни былъ“.

Настасья Дмитріевна воспользовалась указаніемъ и отправила „съ оказіей“ отвѣтъ брату въ Москву на имя указаннаго имъ лица. Получилъ-ли письмо Володя или нѣтъ, осталось неизвѣстнымъ, такъ какъ она затѣмъ до настоящей минуты не получала отъ него ни строчки и, по возвращеніи ея въ Россію, узнала о судьбѣ его впервые изъ того, что̀ пришлось ей услышать отъ Прова Ефремовича Сусальцева.

— Ахъ, вѣчная для меня мука эта мысль о братѣ! гово-

рила она теперь сочувственно и жадно внимавшему ей зятю;— я бы, кажется, полжизни отдала съ радостью, если бы могла его спасти!

— То-есть, какъ это „спасти?“ спросилъ недоумѣло тотъ:— конечно, какъ если-бъ онъ рѣшился просить помилованія... такъ и тогда вѣдь...

Дѣвушка скорбно улыбнулась.

— Развѣ такіе люди, какъ онъ, на это способны? Онъ въ *свое* вѣритъ, какъ язычникъ какой-нибудь въ идоловъ своихъ... а если и пересталъ вѣрить, все равно, умретъ, а не сознается, самолюбіе!... Нѣтъ, я объ этомъ и думать не могу... Но вотъ то, что о немъ говоритъ Тоня,— это ужасно!.. И какой онъ педагогъ, чему онъ со всѣми этими идеями своими можетъ научить ребенка этой бѣдной доброй графини? Вѣдь это также безсовѣстно... испортить, отравить молодую жизнь.. Самъ онъ пропалъ, зачѣмъ же чужихъ губить!... У меня все это не выходитъ изъ головы... И вотъ объ этомъ я и хотѣла бы посовѣтоваться съ вами, Провъ Ефремовичъ... Нельзя-ли было бы его тамъ, за границей, пристроить къ какому-нибудь занятію, работу ему найти, а то что же это за бродячее, безцѣльное... позорное наконецъ существованіе! горячо воскликнула она, судорожно заламывая руки.

— Чего ужь хуже, когда человѣкъ изъ себя дѣлаетъ, что не знаетъ! утвердительно закачалъ головой Провъ Ефремовичъ и прибавилъ, подумавъ: — занятіе, почему же, можно найти ему и за границей, и даже не то чтобы какимъ-нибудь ремесленникомъ, а по коммерческой части... Языки вѣдь онъ знаетъ?

— Такъ же хорошо, какъ Тоня и я.

— И чудесно! Такъ вотъ я бы могъ предложить прямо: по нашему дѣлу, напримѣръ, постоянно требуются свѣдѣнія изъ Франціи и Англіи насчетъ новыхъ образцовъ, красокъ и всего прочаго. Какъ если-бъ онъ захотѣлъ этимъ заняться, я бы его на свой счетъ туда отправилъ, пусть бы поучился, а тамъ коммиссіонеромъ бы его назначилъ, и отъ другихъ фирмъ современемъ могъ бы онъ заказы получать. Не то что пропитаться, капиталецъ бы такимъ способомъ, и даже не въ

очень продолжительное время, могъ бы зашибить Владиміръ Дмитричъ, жизнь свою навсегда обезпечить.

Наталья Дмитріевна привскочила даже на стулѣ отъ радости.

— Какъ мнѣ благодарить васъ за это, Провъ Ефремовичъ, какъ благодарить, я ужь право не знаю! Это именно спасенье для него, исходъ... Я ему сейчасъ же объ этомъ напишу...

— По почтѣ! еще разъ испуганно воскликнулъ Сусальцевъ.

— Нѣтъ, невольно усмѣхнулась она:—тутъ есть, въ Москвѣ, одно лицо, чрезъ которое я уже однажды переслала ему письмо...

— Смотрите, сестрица, и Провъ Ефремовичъ закачалъ головой,—вы осторожнѣе съ этимъ народомъ, потому, по нынѣшнему времени, сами знаете, кавардакъ у насъ по государству идетъ, путаница; кто вѣрный, кто измѣнникъ, разобрать даже трудно; такъ чтобы какъ-нибудь вамъ, да и мнѣ, не вляпаться во что-нибудь неподходящее?..

— Васъ я даже и не назову въ письмѣ, сказала на это дѣвушка,—скажу просто, что дѣлаютъ ему такое-то предложеніе, а что отъ кого оно идетъ, онъ узнаетъ впослѣдствіи, если будетъ согласенъ принять его .. А насчетъ того человѣка, чрезъ котораго я думаю писать, примолвила она, подумавъ,—то я не знаю, имѣю-ли я право сообщить вамъ его имя...

— А Богъ съ нимъ! воскликнулъ Сусальцевъ:—знать мнѣ его нисколько не требуется, я вѣдь единственно изъ опасенія относительно васъ собственно, чтобы вамъ не нажить себѣ какой непріятности изъ-за этого.

— Авось я миную ее, усмѣхнулась Настасья Дмитріевна,—а во всякомъ случаѣ великое вамъ спасибо за все!

Провъ Ефремовичъ поднялся съ мѣста и вытащилъ часы:

— Въ добрый часъ, сестрица!.. А я, будьте ужь въ этомъ вполнѣ благонадежны, во всякое время готовъ служить вамъ, чѣмъ могу... Съ вами я теперь прощусь, ждутъ меня по одному дѣлу...

Онъ протянулъ ей руку и крѣпко пожалъ ея тонкіе пальцы:

— Какъ если дозволите опять заѣхать къ вамъ... Позвольте однако объ одномъ спросить васъ, сестрица, вспомнилъ

онъ вдругъ:—почтенная старушенція ваша сказывала мнѣ, что вы думаете теперь на нашу Малую сцену поступить. Очень было бы хорошо, коли-бъ такъ, и я даже всею душой порадовался... На чемъ же дѣло стоитъ въ настоящую пору, желалъ бы знать?

Ларина передала ему о разговорѣ своемъ утромъ съ Ашанинымъ.

— Ашанинъ, Владиміръ Петровичъ, засмѣялся Сусальцевъ,—милый человѣкъ...

— Вы его знаете?

— Кто-жь его по Москвѣ-то не знаетъ! Стараго закала, хорошій баринъ, благородный... Только ужь вы, сестрица, того... поосторожнѣе съ нимъ, нежданно принимая вдумчивый видъ, выговорилъ Провъ Ефремовичъ.

— Въ какомъ же это отношеніи? удивилась Настасья Дмитріевна.

— А какъ вы дѣвушка, пролепеталъ онъ нѣсколько смущенно, и однѣ... потому насчетъ женскаго пола они тутъ съ Николаемъ Григорьичемъ Эдельштейномъ, съ капельмейстеромъ, первые ходоки...

— Сердце у меня за семью замками, Провъ Ефремовичъ, полувздохнула, полуулыбнулась въ отвѣтъ ему она:—добраться до него и этому всеобщему покровителю не удалось бы, если только допустить, что ему бы это взумалось.

— И чудесно, скажу вамъ-съ, что подъ замками держите, вздохнулъ въ свою очередь Сусальцевъ, потому золотое оно у васъ, такъ и хранить его надо для достойнаго... А какъ вотъ если, какъ у супруги моей, у Антонины Дмитріевны, вмѣсто сердца булыжникъ съ мостовой имѣется...

Онъ не договорилъ, махнулъ рукой и, торопливо пожавъ еще разъ руку свояченицы, вышелъ быстрыми шагами изъ комнаты.

Настасья Дмитріевна прошла въ свою и принялась за письма.

V.

Ne nous faisons pas d'illusions, le monde est gouverné par les sociétés secrètes.

Napoléon III.

Было еще не поздно, когда она дописала. На небѣ прояснѣло. „Съѣздить къ этому Мурзину сейчасъ, попросить переслать скорѣе письмо къ Володѣ“, пришло ей въ голову.

Она его никогда не видала, но „вѣдь не наобумъ же указалъ Володя на него, какъ на лицо, чрезъ которое могутъ быть доставляемы ему письма“ и которому она уже разъ послала изъ Болгаріи такое письмо для передачи брату,—„не прогонитъ же онъ ее отъ себя“!...

Въ казенномъ домѣ, куда она прежде всего отправилась, швейцаръ какъ-то особенно предупредительно (лицо, о которомъ она спрашивала, внушало ему видимо большой *респектъ*,) сообщилъ ей адресъ Мурзина, сказавъ, что „Степанъ Михайлычъ должны быть безпремѣнно у себя дома теперь“.

Мурзинъ жилъ въ Старой Конюшенной, въ нововыстроенномъ домѣ, и занималъ довольно большую квартиру во второмъ этажѣ, куда и направилъ дѣвушку дебелый парень въ синей сибиркѣ, состоявшій здѣсь на положеніи привратника.

Она подошла къ указанной имъ двери налѣво, дернула за пуговицу колокольчика... Но въ то же самое время дверь внезапно отворилась, чуть не задѣвъ ея по головѣ, и на площадку лѣстницы быстро вышла женская особа въ пальто и низко надвинутой на брови шапочкѣ, повязанной внизъ къ подбородку чернымъ вязанымъ шарфомъ, который она какъ

бы инстиктивно потянула себѣ на лицо испуганнымъ движеніемъ при неожиданномъ видѣ Настасьи Дмитріевны.

За нею на порогѣ показался очевидно хозяинъ квартиры, проводившій ее до передней, средняго роста, лѣтъ тридцати пяти, съ продолговатыми, блѣдно-голубыми глазами, словно застывшими подъ своими недвижными вѣками. Онъ не то смущенно, не то подозрительно глянулъ на стоявшую предъ нимъ въ недоумѣніи Ларину и тотчасъ же перевелъ глаза на торопливо сбѣгавшую внизъ по ступенькамъ лѣстницы недавнюю гостью свою. Ему видимо хотѣлось остановить ее, сказать ей нѣсколько словъ, но онъ не рѣшался въ присутствіи посторонней...

— Вы ко мнѣ? скороговоркой обратился онъ къ Настасьѣ Дмитріевнѣ, когда шаги той смолкли за отворенною ей привратникомъ дверью на улицу.

— Господинъ Мурзинъ... Степанъ Михайловичъ? проговорила Ларина.

— Я.

— Мнѣ бы хотѣлось переговорить съ вами... неувѣреннымъ голосомъ объяснила она.

Онъ еще разъ подозрительно оглянулъ ее снизу вверхъ.

— Фамилія моя Буйносова... Вы изъ Болгаріи получили отъ меня въ началѣ этого года письмо для передачи...

— А, знаю! не далъ онъ ей кончить:—не угодно-ли будетъ войти?...

Онъ пропустилъ ее впередъ, въ темную переднюю, вошелъ самъ, заперевъ за собой дверь на крюкъ.

Она скинула пальто, калоши. Онъ повелъ ее въ свой кабинетъ, довольно просторную комнату, съ полками библіотеки кругомъ и цѣлымъ ворохомъ газетъ, брошюръ и бумагъ на столахъ и стульяхъ.

— Не угодно-ли вамъ присѣсть будетъ? коротко проговорилъ онъ, указывая кресло у письменнаго своего стола.

Она опустилась въ него.

Онъ сѣлъ насупротивъ, уставившись на нее пристальнымъ, смущавшимъ ее своею неотступностью, взглядомъ и видимо ожидая, чтобъ она начала разговоръ.

Но она оставалась безмолвна, какъ-то безсознательно ожидая въ свою очередь, чтобъ онъ *поощрилъ* ее говорить.

Такъ прошло съ полминуты.

— Я письмо ваше своевременно отправилъ, сухо, какъ бы официально проговорилъ онъ наконецъ,—и, какъ мнѣ извѣстно, оно дошло по назначенію.

— Я чрезвычайно благодарна вамъ, поспѣшно отвѣчала она,—и прошу извиненія, что такъ прямо, безо всякаго съ моей стороны объясненія, отправила его на вашъ адресъ... Мнѣ такъ сказано было сдѣлать въ письмѣ, полученномъ мною отъ брата предъ этимъ...

— Вы гдѣ его получили, прервалъ ее Мурзинъ:—въ Горнемъ Студнѣ?

— *Изъ* Горняго Студня, объяснила она:—я была въ госпиталѣ въ **.

— Развѣ онъ тамъ былъ? воскликнулъ изумленно ея собесѣдникъ.

— Кто? съ неменьшимъ удивленіемъ спросила дѣвушка.

Мурзинъ не отвѣчалъ; брови его сжались, и блѣдные глаза вскинулись опять съ тѣмъ же выраженіемъ подозрительности на Ларину.

— *Какъ* именно доставлено вамъ было это письмо, можете мнѣ сказать?

— Чрезъ одного раненаго послѣ второй Плевны, котораго привезли къ намъ...

Онъ еще разъ поморщился.

— Знаете, кто это былъ?

— Нѣтъ; мы фамилій никогда не спрашивали тамъ... Онъ умеръ притомъ чрезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ передалъ мнѣ это письмо.

— Онъ ничего вамъ не говорилъ, передавая его?

— *Ровно ничего!* подчеркнула Настасья Дмитріевна.

— Писалъ вамъ опять братъ съ тѣхъ поръ? спросилъ онъ обрывисто.

— Нѣтъ, но я имѣю о немъ извѣстіе... стороной, онъ въ Венеціи былъ въ послѣднее время, на мѣстѣ...

Мурзинъ повелъ головой, какъ бы говоря: „знаю“.

— И мнѣ теперь необходимо извѣстить его объ одномъ обстоятельствѣ, продолжала Ларина, быстро доставая изъ кармана заготовленное письмо къ брату: — мнѣ ужасно совѣстно безпокоить васъ опять, но если вы имѣете все также возможность доставить его...

— Очень нужное? не давая ей договорить, кивнулъ онъ на конвертъ, который она съ какою-то невольною робостью протягивала ему черезъ столъ.

— Да, очень, подтвердила она: — у насъ съ нимъ родственникъ есть одинъ... зять, онъ имѣетъ дѣла съ за-границей и хочетъ доставить тамъ брату мѣсто по своей торговлѣ...

На лицѣ Мурзина выразилось очевидное для Лариной безпокойство.

— Развѣ онъ не доволенъ своимъ теперешнимъ положеніемъ? воскликнулъ онъ поспѣшно.

— Я не знаю... не думаю, возразила она,—и даже полагаю напротивъ: графиня Драхенбергъ—онъ поступилъ учителемъ къ ея сыну,—очень хорошая женщина; я съ ней познакомилась въ Болгаріи... Но братъ мой вовсе не созданъ... не подготовленъ быть педагогомъ... особенно воспитателемъ. Но если-бъ онъ былъ и другой даже, какое будущее въ учительствѣ, притомъ за границей, гдѣ Русскіе живутъ лишь проѣздомъ?.. Разъ ужь онъ принужденъ жить въ изгнаніи, вздохнула тяжело дѣвушка,— надо подумать, какъ ему лучшимъ образомъ устроиться тамъ.

— А я полагаю, молвилъ на это Мурзинъ, *ехидно*, показалось ей, прищурившись на дѣвушку,—я полагаю, что человѣкъ тѣхъ убѣжденій, которыхъ держится вашъ братъ, и которыя вы вѣроятно раздѣляете...

Онъ пріостановился на мигъ, пытливо глядя ей прямо въ глаза.

„Не раздѣляю, нѣтъ!“ чуть не крикнула она на это въ первую минуту, но тутъ же, въ силу какого-то инстинкта, прикусила губы и опустила глаза. „Пусть договоритъ!“ проносилось у нея въ головѣ.

— Такой человѣкъ, я полагаю, докторально продолжалъ Мурзинъ,—имѣетъ въ виду „занятія“ нѣсколько болѣе широ-

каго и общеполезнаго характера, чѣмъ эгоистическую заботу о собственномъ „устроеніи“ по какой-нибудь торговой части .. и мы съ вами, съ этой стороны, никакъ не въ правѣ отрицать raison d'être его настоящаго „учительства“:—оно, весьма можетъ быть, заключаетъ въ себѣ очень серіозную и *опредѣленную* цѣль, вѣско заключилъ Мурзинъ.

Настасья Дмитріевна не поняла и пытливо въ свою очередь взглянула на говорившаго.

— Если это состоитъ въ томъ, что онъ мальчику, котораго поручили ему учить, станетъ проповѣдывать тѣ же „убѣжденія“, какія самого его заставили бѣжать за границу, то, по моему, это... *(не добросовѣстно*, срывалось у нея съ языка, но она удержалась,) слишкомъ рано во всякомъ случаѣ.

Ученый собесѣдникъ ея двусмысленно усмѣхнулся.

— Это зависитъ отъ взгляда. Нѣкоторые полагаютъ, что на той стадіи гражданскаго развитія, на которой находимся мы въ настоящую пору, наука вообще къ дѣлу не важна, а что главное развивать съ юныхъ лѣтъ въ наростающемъ поколѣніи критическое отношеніе къ существующему соціальному порядку...

— Ахъ, вотъ за это самое и расплачивается теперь братъ! скорбно вырвалось теперь у Настасьи Дмитріевны;—вѣдь онъ оторванъ ото всего близкаго, роднаго... и это безвозвратно, на всю жизнь...

— Кто же вамъ это сказалъ? съ какимъ-то не то ироническимъ, не то вызывающимъ оттѣнкомъ въ звукѣ голоса промолвилъ на это Мурзинъ.

Она вскинула на него изумленно свои большіе глаза.

— Онъ стоекъ, онъ не повинится никогда! пролепетала она недоумѣло.

Онъ повелъ плечомъ.

— Это отъ него и не потребуется.

— Но тогда какъ же?...

Мурзинъ поднялъ руку на высоту глазъ, поглядѣлъ на свои ногти и чуть-чуть усмѣхнулся еще разъ.

— Мало-ли какія перемѣны могутъ быть! лѣниво уронилъ онъ. Но какая-то необыкновенная увѣренность въ чемъ-то,

что, въ его убѣжденіи, должно было непремѣнно случиться, слышалась въ этихъ словахъ.

— Амнистія? радостно вскликнула подъ впечатлѣніемъ ихъ дѣвушка.

— Н-да... то или другое, загадочно произнесъ Мурзинъ, и тутъ же, какъ бы спохватившись:—Вы пишете здѣсь (онъ указалъ глазами на положенное ею на столъ письмо ея къ „Володѣ“,) объ этомъ... коммерческомъ мѣстѣ, которое предлагается вашему брату?

— Пишу, да.

Онъ помолчалъ.

— Вы продолжаете желать, чтобъ оно было ему доставлено?

— Да, желаю... если это васъ не безпокоитъ, добавила она, невольно смущенная холодностью его тона.

Онъ въ первую минуту не отвѣчалъ, и на лицѣ его она прочла самое искреннее удивленіе тому, что она упорствовала въ желаніи своемъ отправить письмо о томъ, что онъ, Мурзинъ, почиталъ почему-то безполезнымъ сообщать эмигранту.

— Хорошо-съ, процѣдилъ онъ наконецъ, закуривая папироску и медленно пуская изъ нея струйки дыма въ воздухъ,— я постараюсь найти случай... препроводить... это письмо... по адресу...

И вдругъ воззрился въ нее съ какимъ-то суровымъ, чуть не угрожающимъ выраженіемъ въ чертахъ.

— Вы понимаете, что было бы совершенно не умѣстно съ вашей стороны повѣрять кому бы то ни было, чрезъ кого вы нашли средство переписываться съ вашимъ братомъ... Я съ нимъ не знакомъ, не принадлежу къ его... фракціи и оказываю вамъ услугу единственно изъ того, что порядочные люди... какіе бы ни были во мнѣніяхъ ихъ *оттѣнки*, ввернулъ онъ подчеркивая,—должны по возможности давать другъ другу руку помощи въ виду.... общей цѣли, уже словно проглотилъ онъ.

Настасья Дмитріевна вспыхнула вся и поднялась съ мѣста.

— Меня еще никто въ жизни не былъ въ правѣ упрекнуть въ нескромности, дрогнувшимъ голосомъ вымолвила она.

Мурзинъ всталъ тоже.

— Вы меня извините, я говорилъ на всякій случай... а заподозривать васъ я не имѣю никакого права, хотя...

— „Хотя“? повторила она вопросительно.

Насилованная усмѣшка пробѣжала по его губамъ.

— Хотя собственно о вашихъ *личныхъ* убѣжденіяхъ мнѣ ничего не извѣстно.

— Это должно быть для васъ совершенно безразлично, съ такою же улыбкой отвѣтила она.

— Однако же...

Она не дала ему времени продолжать.

— Я актриса, была одно время сестрой милосердія, и въ томъ и въ другомъ положеніи ни о чемъ, кромѣ своего дѣла, не думала.

— А-а! какимъ-то страннымъ возгласомъ протянулъ Мурзинъ.

Она протянула ему руку:

— Позвольте мнѣ еще разъ искренно благодарить васъ, молвила она, пожимая его тонкіе и холодные пальцы, наклонила голову въ знакъ прощанія и направилась къ двери.

Онъ вышелъ молча за нею въ темную переднюю, подалъ ей пальто...

— Если бы вамъ, промолвилъ онъ весьма неожиданно для нея, налагая руку на крюкъ отворить ей двери на лѣстницу,— если бы вамъ пришла когда-нибудь охота „думать серіозно“, я буду всегда радъ помочь вамъ, какъ и чѣмъ могу.

Она не отвѣчала, поклонилась еще разъ и поторопилась уйти.

„На что же *они* надѣются всѣ“? стояло у нея неотступно въ головѣ во все время проѣзда своего отъ Мурзина къ Харитонію въ Огородникахъ:—„есть же у нихъ что-то опредѣленное, положительное въ виду, чего они увѣрены достигнуть... Вѣдь вотъ не мальчикъ... человѣкъ, пользующійся здѣсь извѣстностью, и онъ такъ убѣжденно говорилъ о перемѣнахъ, послѣ которыхъ Володя могъ бы будто вернуться въ Россію открыто, не боясь за прежнее... Страшно даже!“ сказа-

ла она себѣ вдругъ, и нервная дрожь пробѣжала у нея по тѣлу...

Она вернулась вся озабоченная домой.

Въ зальцѣ у Лизаветы Ивановны сидѣли за пяльцами, подъ наблюденіемъ хозяйки (шла спѣшная работа ковра), три молодыя особы. Всѣ онѣ, завидя входящую, съ любопытствомъ подняли на нее глаза. Двухъ изъ нихъ Лариной уже случалось видѣть здѣсь; третья, высокая, тонкая брюнетка, съ роскошными темными волосами и блѣднымъ лицомъ, была ей не знакома, но она тотчасъ же узнала ее: это была та самая особа, съ которою она встрѣтилась у дверей Мурзина.

Дѣвушка видимо узнала ее въ свою очередь, зардѣлась мгновенно румянцемъ по самые глаза и низко, низко склонила голову надъ своею работой.

Настасья Дмитріевна, не останавливаясь, поспѣшила пройти къ себѣ.

— Ну что, анделъ мой, каковы дѣла? заговорила, входя за нею, Лизавета Ивановна:—хлопочете вы?

— Да, нужно мнѣ было съѣздить опять... по одному обстоятельству, пролепетала она.—Скажите, кто это у васъ новая, блѣдная такая, красивая, за пяльцами сидитъ? спросила она тутъ же.

— Красивая, точно, анделъ мой, и хорошая, больно хорошая, благочестивыхъ родителей дочь, завздыхала вдругъ маленькая особа, — я за нее каждый день особливо молюсь, потому... начала и не договорила она.

Ларина поглядѣла на нее съ удивленіемъ:

— Потому... *что?*

Та озабоченно замотала головой.

— А чтобы, значитъ, Царица Небесная, прошептала она своимъ своеобразнымъ языкомъ,—прикрыла ее ризою Своею, душу ея отъ соблазна и навожденія лукаваго отвела...

— Какъ ее зовутъ?

— Курсакова, анделъ мой, Курсакова, Лидія Петровна. Отецъ ея казначеемъ служитъ... Хорошей фамиліи люди, старинные, пожилые ужь, по-Божески живутъ. Младшая это дочь у нихъ; старшія замужъ хорошо выданы... И этой вотъ самой

Лидіи Петровнѣ отличныя партіи представлялись, да вотъ тутъ это самое... не договорила она опять.

— Несчастная любовь? сказала съ полуусмѣшкой Настасья Дмитріевна.

— Несчастная, именно что несчастная! вскликнула Лизавета Ивановна,—потому, первое, женатый человѣкъ...

— Женатый?

— Съ женой они, пононѣшнему, врозь живутъ; она съ другимъ, съ мужемъ родной сестры въ связь вошла, и дѣти у нихъ даже, — нонѣ-вѣдь это, анделъ мой, очень просто, безъ стыда, потому страха Божескаго въ людяхъ нѣту ужь нисколько, и кто законъ блюдетъ, того даже глупымъ почитаютъ... Ну, а самъ онъ тоже вотъ этимъ самымъ занимается, какъ бы душу невинную дѣвичью съ пути истиннаго совратить...

„Мурзинъ“! чуть не произнесла громко Ларина.—Влюбилъ ее въ себя? спросила она.

Лизавета Ивановна скорбно закачала головой:

— Влюбилъ, или чѣмъ инымъ смутилъ, только какъ потерянная она ходитъ, не ѣстъ, не пьетъ, родителей своихъ ажъ до отчаянія сокрушаетъ. Потому понять нельзя: въ домъ къ нимъ самый этотъ человѣкъ не вхожъ, и о немъ даже, можно сказать, болѣе догадываючись дошли, а не такъ, чтобы доподлинно, то-есть... Можетъ, даже и напрасно на него поклепъ взвели (маленькая особа набожно перекрестилась при этомъ), а только-что съ того самаго времени у нея это и пошло, какъ начала она разными науками заниматься.

— Что же она, лекціи что-ли слушаетъ?

— Нѣ, отецъ пущать пересталъ. Самъ онъ человѣкъ съ понятіемъ, доходить до всего можетъ... Ну, и полюбопытствовалъ онъ въ эти тетрадки заглянуть, и замѣтилъ онъ,—что именно, не скажу вамъ, анделъ мой, потому я *отъ Писанія* сколько-нибудь могу, а насчетъ этихъ наукъ и прочаго свѣтскаго темна-темнешенька, прямо говорить надо; а только-что онъ мнѣ,—я съ нимъ въ давнемъ пріятельствѣ нахожусь,— „это, говоритъ, и не такую молодую голову съ толку сбить можетъ, потому наболтано тутъ всяческаго; лучше, говоритъ,

пусть поменьше знаетъ, да чтобы въ Бога и законъ вѣру не потеряла". Такъ и запретилъ ей ходить. Тутъ и затосковала она не въ мѣру, однако противу отца съ матерью не супротивилась, какъ они люди почтенные, настоящіе, и она ихъ дѣйствительно душой уважаетъ, да и нравъ-то у нея вообще, какъ у голубки, знаете, самый это тихій, ласкательный... А только, завздыхала опять Лизавета Ивановна,—узнали намнясь ея родители, что она съ какимъ-то ученымъ гдѣ-то видается и всѣ ночи на пролетъ книжки какія-то отъ него читаетъ, и отъ того самаго и сонъ, и аппетитъ потеряла совсѣмъ...

— Голубушка, Лизавета Ивановна, сказала Ларина,—познакомьте меня съ этою дѣвушкой! Ея душевное состояніе интересуетъ меня... и понятно мнѣ, я сама чрезъ все это прошла, я бы, можетъ быть, могла ей быть полезна.

— Ахъ, анделъ вы мой, на словѣ на этомъ вашемъ душевномъ спасибо! воскликнула радостно та:—дай-то вамъ Царица Небесная въ эвтомъ предметѣ благоспоспѣшенія всякаго!.. Сейчасъ, сейчасъ я вамъ ее сюда приведу...

— Куда же вы? я сама могу къ ней пойти туда; ноги вы свои берегите! удерживала ее Настасья Дмитріевна.

Но старушка съ юношескою торопливостью поднялась на эти слабыя ноги свои и поплелась въ зальцу.

— Ушла! объявила она, разводя руками, чрезъ нѣсколько минутъ возвращаясь оттуда:—васъ испужалась-ишь, говорятъ дѣвушки.

— Меня! промолвила Ларина машинально; ей было совершенно понятно, изъ-за чего именно видъ ея „испугалъ" эту заинтересовавшую ее собой жертву той же умственной путаницы, изъ которой сама она „выкарабкалась какимъ-то чудомъ", говорила она себѣ теперь.

— Какъ теперь чужой кто, объяснила Лизавета Ивановна,—такъ она и прочь, аль вся въ себя, какъ улитка, уйдетъ, слова отъ нея не добьешься. Ко мнѣ даже рѣдко ходить стала, какъ-анъ прежде всѣхъ чаще, бывало, по сосѣдству—на Чистыхъ Прудахъ они тутъ живутъ, домикъ у нихъ свой,—всѣхъ чаще за пяльцами шить приходила, аль другую какую работу возьметъ, потому насчетъ жалости, если помочь кому

нужно, первая это она завсегда бывала... Ну, а ноньче развѣ въ недѣльку разъ на часокъ забѣжитъ, да и опять домой, эти *его* книги читать, что отъ нихъ покой потеряла она совсѣмъ.

Маленькая особа глубоко-печальнымъ взглядомъ глянула на свою собесѣдницу, примолкла на мигъ и заключила нежданно:

— Что это, анделъ мой, какъ нынче свѣтъ мудренъ сталъ! Умныхъ-то да ученыхъ почитай развелось видимо-невидимо, а только я такъ спрошу: кому нонче жить хорошо?

„Кому, въ самомъ дѣлѣ?“ — словно никогда не представлялся ей этотъ вопросъ съ той высшей, *душевной* точки отправленія, съ которой, чувствовала она, дѣлался онъ ей теперь Лизаветой Ивановной,—пронеслось въ головѣ Настасьи Дмитріевны. И обѣ онѣ тяжело задумались и примолкли.

Часу въ одиннадцатомъ вечера—половина дома уже отошла на покой, и сама хозяйка, уложивъ свою сиротку и разцѣловавшись на сонъ грядущій съ привередницей Таисіей Филипповной, собиралась опочить на узкомъ и жесткомъ диванчикѣ, служившемъ ей ложемъ,—никогда небывалый въ такую позднюю пору звонъ колокольчика въ передней поднялъ переполохъ въ укромномъ обиталищѣ Лизаветы Ивановны. Таисія Филипповна привскочила и застонала на своемъ *сѣнникѣ;* проснувшаяся дѣвочка заплакала; гимназистикъ въ одной рубашенкѣ растерянно метнулся въ сѣни отворять, по привычкѣ, дверь. Лизавета Ивановна принялась испуганно креститься, но, тутъ же вспомнивъ слышанное ею утромъ отъ Лариной, что къ ней вечеромъ обѣщался пріѣхать „по дѣлу“ Ашанинъ, успокоила своихъ домочадцевъ и спустилась со своей свѣтелки внизъ, какъ-то вдругъ инстинктивно разсудивъ, что съ такимъ „кавалеромъ“, какимъ она помнила „Владиміра Петровича“ (она его лѣтъ пятнадцать не видала), „не годится оставлять *дѣвицу* одну“, да еще „въ ночной часъ“.

Поздній гость былъ дѣйствительно Ашанинъ. Маленькая особа (онъ ее едва узналъ, но привѣтствовалъ самымъ дружескимъ образомъ,) пригласила его въ зальцу, куда вышла изъ своей комнаты и Ларина, и усадила все къ тѣмъ же пяльцамъ, составлявшимъ какъ бы *центръ тяжести* этого покоя.

Вѣсти, привезенныя Ашанинымъ, очень обрадовали Настасью Дмитріевну:

— Артистическій кружокъ, говорилъ онъ, — чрезвычайно доволенъ, узнавъ, что вы согласны будете дать въ немъ нѣсколько представленій. Условія такія: вамъ—половина чистаго сбора; выборъ піесъ предоставляется вамъ, а они со своей стороны подберутъ подходящихъ актеровъ. Завтра утромъ будетъ къ вамъ старшина-распорядитель, съ которымъ, если вамъ будетъ угодно,—и это я вамъ совѣтую,—вы можете заключить формальное условіе.

— Не знаю, какъ и благодарить васъ, Владиміръ Петровичъ!...

Онъ надѣялся, что вслѣдъ за этимъ у нихъ завяжется „артистическая бесѣда“, съ которой ничего не будетъ уже легче перейти на обычныя ему *амурныя* темы, но дѣвушка ограничилась этою „благодарностью“; она очевидно не была вообще расположена теперь *разговаривать*. Онъ попробовалъ было „приняться“ за Лизавету Ивановну, заговорилъ о покойной Марьѣ Яковлевнѣ Лукояновой, о Троекуровыхъ,—но маленькая особа умирала отъ сна и то-и-дѣло крестила маленькимъ крестомъ свои позѣвывавшія ноблеклыя губы. Старый красавецъ повертѣлся еще минутъ пять на своемъ стулѣ, всталъ наконецъ, простился и въ довольно кисломъ настроеніи духа отправился прямо спать домой.

Это нисколько не помѣшало ему внрочемъ, два дня спустя, сидя за утреннимъ пасьянсомъ съ актеромъ Ростиславцевымъ и распространяясь опять о „необыкновенномъ прозрѣніи“ гадалки Варвары Аѳанасьевны, разсказывать пріятелю съ самымъ искреннимъ внутреннимъ убѣжденіемъ слѣдующее:

— И вообразите, какъ напророчила, такъ въ-точію и исполнилось. *Моя* (онъ разумѣлъ *Фараонку*,) третьяго дня, какъ вамъ извѣстно, написала мнѣ, чтобъ я непремѣнно пріѣзжалъ къ ней вечеромъ. Я обѣщалъ и непремѣнно хотѣлъ исполнить, но мнѣ послѣ театра необходимо было заѣхать къ этой Лариной, которой я устроилъ спектакли въ Артистическомъ клубѣ. *Я тамъ у нея засидѣлся такъ долго*, что ѣхать къ моей было уже поздно. Отправляюсь къ ней вчера. Пріі-

ѣзжаю, — мебель куда-то перетаскиваютъ; выбѣгаетъ ея кухарка и объявляетъ мнѣ, что „Татьяна Николаевна *уѣхали* на новую квартиру, а на случай я буду, приказала мнѣ сказать, чтобъ я не трудился болѣе ѣздить къ ней“...

— Что вы! вскликнулъ отставной теноръ:—такъ, значитъ, у васъ съ ней кончено?

— На вѣки вѣчные! торжественно возгласилъ Ашанинъ, сверкая глазами,—буквально по предсказанію Варвары Аѳанасьевны, что выйдетъ у насъ ссора изъ-за той самой дамы, которая привезетъ мнѣ изъ Пятербурга извѣстіе объ отказѣ намъ барономъ въ декораціяхъ.

— Удивительно! глухо произнесъ Ростиславцевъ, качнулъ значительно головой и перенесъ даму пикъ на короля червей.

VI.

Кто герой? Тотъ, кого не потрясетъ взглядъ женщины.
(Изъ индійской рукописи I вѣка по Р. Х.).

Въ третьей изъ залъ галлереи palazzo Pitti *), предъ *Видѣніемъ Іезекіиля* Рафаэля, этою *маленькою* картиной, по грандіозности замысла и очаровательности исполненія не имѣющей себѣ равной въ мірѣ, стояли въ одно свѣтлое октябрьское утро бѣлокурый молодой человѣкъ и молодая же дама въ круглой, черной шляпѣ съ перомъ, изъ-подъ которой выбивались въ изящномъ безпорядкѣ пряди вьющихся рыжеватыхъ волосъ. Оба они равно молча и недвижно глядѣли на возносимаго „поверхъ облакъ“ апокалиптическими звѣрями и ангелами-дѣтьми *Бога силъ*, но далеко не равное повидимому впечатлѣніе производило на нихъ это геніальное полотно. Между тѣмъ какъ въ жадно взиравшихъ на него, широко раскрытыхъ глазахъ молодой женщины сказывался неподдѣльно-страстный художественный восторгъ, на лицѣ ея спутника выражалось не то какое-то тоскливое утомленіе, не то досадливое сознаніе чего-то удручающаго и раздражающаго.

Она быстро обернулась на него, вся сіяющая.

— Что вы про это скажете? проговорила она по-русски въ полголоса, въ виду цѣлой стаи Американокъ, облеченныхъ во всѣ цвѣта радуги, въ сопровожденіи своихъ кавалеровъ и

*) Во Флоренціи.

подъ водительствомъ *чичероне* подвигавшихся въ это время къ картинѣ.

— Символика какая-то! процѣдилъ онъ сквозь зубы и какъ-то неестественно щурясь.

— Ну да, конечно, живо возразила она,—такъ и должно быть: вѣдь это видѣніе пророка... въ Библіи... Развѣ вы не читали?

— А вы? спросилъ онъ ухмыляясь.

— Что̀ я?

— Читали сами?

Нѣтъ, она, бѣдная, „сама“ не читала, или хорошо не помнила, и залепетала, видимо сконфузясь:

— Все равно... Вещь сама за себя говоритъ... Эта такая прелесть, такое величіе и поэтичность концепціи!...

— Принято восхищаться, извѣстно!...

— The famous vision of Hezekiel! скверным̀ англійскимъ акцентомъ произнесъ за ними водившій американскую компанію чичероне.

Заатлантическія дѣвы и Джонатаны такъ и ткнулись всѣ вооруженными pince-nez глазами на картину.

— Beautiful indeed!... O-o, the lovely painting! *) загоготали кругомъ ихъ птичьи гортани.

— Тоже вотъ, пропустилъ бѣлокурый, — не сказать бы имъ—онѣ бы такъ и прошли мимо, не замѣтивъ; а на, молъ, говорятъ имъ, вотъ этимъ самымъ восхищаться требуется,—онѣ и въ пискъ!...

— Такъ на то онѣ и изъ той страны, гдѣ ничего *этого* нѣтъ и быть не можетъ, проговорила дама чуть-чуть пренебрежительно и скороговоркой, отходя и направляя шаги въ слѣдующую залу.

„Да и не нужно вовсе никому“, чуть не добавилъ къ словамъ ея молодой человѣкъ, но почему-то сдержался и поплелся за нею, устало передвигая ноги.

Она повела его прямо къ очаровательному портрету гер-

*) Превосходно, ослѣпительно, какая милая картина.

догини Урбино, извѣстному подъ названіемъ: „La bella di Tiziano“ *), остановилась и опять спросила:

— Ну, а это какъ вамъ нравится?

Онъ посмотрѣлъ на полотно, потомъ на нее и усмѣхнулся слегка.

— Въ родѣ васъ нѣсколько!...

Она вся вспыхнула отъ удовольствія.

— Развѣ потому, что и она рыжа, какъ я.!. Это любимѣшій цвѣтъ женскихъ волосъ у мастеровъ венеціанской школы, какъ бы поучительно вставила она,—но гдѣ же мнѣ съ моей frimousse итти въ сравненіи съ этою идеальною красавицей! Я никакъ не ожидала, что вы способны льстить.

— Льстить? повторилъ онъ:—а я думалъ, напротивъ, вы на меня разсердитесь.

— За что?

— Да потому, что лицо у этой госпожи самое неинтеллигентное.

— Ахъ, вы съ *этой* стороны нашли у нея сходство со мною? расхохоталась молодая женщина.

Онъ не смутился:

— Нѣтъ, у васъ все же больше смысла въ выраженіи.

— Mercі beaucoup!... Но скажите, перемѣняя тонъ, молвила она, глядя ему съ любопытствомъ въ глаза,—неужели вы и къ этой, просто *женской*, прелести остаетесь равнодушны, какъ и ко всему остальному?

Молодой человѣкъ засмѣялся:

— Съ чего же приходить въ восторгъ отъ нѣмаго полотна!

— А если-бъ она была живая, влюбились бы? быстро спросила она.

— Не знаю... Я не влюбчивъ, почелъ онъ какъ бы нужнымъ прибавить.

Она видимо хотѣла что-то сказать на это, не сказала, и только съ неопредѣленнымъ выраженіемъ пожала полными плечами своими:

---

*) Въ галлереѣ Degli Uffizii находится не менѣе извѣстная нагая Венера того же мастера, писанная съ той же красавицы.

— Поѣдемте домой, васъ ничѣмъ не разшевелишь.

— Поѣдемте! усмѣхнулся онъ опять.

Они вышли, спустились съ лѣстницы. Ливрейный слуга въ штиблетахъ и culotte courte кинулся за ожидавшимъ на площади ландо нашей дамы... Но она уже перемѣнила намѣреніе.

— Не хотите-ли на полчаса сюда, въ Boboli? *) обратилась она къ своему спутнику:—у меня есть билетъ для входа отъ префекта.

— Извольте.

— Предложите мнѣ руку, по крайней мѣрѣ, засмѣялась она опять.—Quel sauvageon! прибавила она, глядя ему еще разъ прямо въ глаза.

Онъ молча подставилъ ей локоть; она продѣла въ него руку и такъ и повисла на его рукѣ...

У входа въ садъ разгуливалъ полицейскій стражъ. Взглянувъ на пропускной билетъ, поданный ему молодою женщиной, онъ почтительно приложилъ руку ко лбу и указалъ вслѣдъ за тѣмъ на раздваивавшуюся впереди аллею, какъ-бы говоря: „вправо или влѣво, куда угодно“!

Въ саду было пустынно, какъ на Робинзоновомъ островѣ. Тѣнь и свѣжесть такъ и манили укрыться отъ жгучаго италіянскаго солнца подъ густолиственную сѣнь вѣковыхъ платановъ. Наша чета усѣлась на скамью у мраморнаго Фавна...

— Ахъ, какъ хорошо! заговорила дама, сладостно вдыхая полный аромата воздухъ: — когда подумаю, какая теперь гадость въ Петербургѣ!.. А здѣсь „лавромъ и лимономъ пахнетъ“. Это у Пушкина, кажется, гдѣ-то...

— Не знаю.

— Въ *Каменномъ Гостѣ*, да, вспомнила... Вы читали?

— Н-нѣтъ, кажется...

— Вы и поэзіи не любите? вскликнула она чуть не въ отчаяніи.

— Отчего же! Некрасова даже и очень люблю.

---

*) Садъ при дворцѣ Pitti.

— Не-кра-сова, протянула она съ гримаской неудовольствія на алыхъ губахъ.

— Ну, конечно, „мужицкій поэтъ“, по-вашему? скривилъ онъ губы въ свою очередь.

— Развѣ онъ „мужицкій“ въ самомъ дѣлѣ? удивилась она:—я ничего его не читала... Нѣтъ, нѣтъ, погодите: „Что ты жадно глядишь на дорогу“, что Цыгане поютъ,—это вѣдь его?

— Его.

— Ну, вотъ это я знаю. Ce n'est pas mal du tout... И все въ такомъ родѣ, въ демократическомъ, у него?

— „Муза мести и печали“, какъ-то невольно изысканно проговорилъ молодой человѣкъ: — настоящій поэтъ своего... *нашего*, какъ бы поправился онъ,—поколѣнія.

— Да-а? Ахъ, я непремѣнно въ такомъ случаѣ хочу прочесть его всего. Я хоть и старуха сравнительно съ вами, но все же еще не далеко отстала отъ этого *вашего поколѣнія*... Мы заѣдемъ отсюда къ Vieusseux *), и я скажу ему выписать для меня...

— Хорошо сдѣлаете! одобрилъ онъ, качнувъ головой,—просвѣтитесь.

— Вы находите, что мнѣ это нужно? промолвила она серіознымъ тономъ, межъ тѣмъ какъ глаза ея смѣялись.

— Вы, разумѣется, говорите это насмѣхъ, возразилъ онъ нѣсколько раздраженнымъ тономъ,—и полагаете, что вамъ черезчуръ достаточно того, что вы знаете и въ чемъ, по-вашему, вся мудрость человѣческая заключается, а что вотъ меня, напротивъ, требуется выдрессировать къ разумѣнію всѣхъ тѣхъ прелестей, которыя мнѣ не доступны... по великой тупости моей, конечно,—такъ вѣдь это? заключилъ онъ съ насилованною ироніей.

— За что же вы разсердились, Василій Иванычъ? жалобнымъ голосомъ произнесла молодая женщина:—я ничего про себя не думаю, кромѣ того, что ничего серіозно не знаю,

*) Извѣстный во Флоренціи кабинетъ для чтенія, одинъ изъ богатѣйшихъ въ Европѣ по числу выписываемыхъ имъ повременныхъ изданій и книгъ на всевозможныхъ языкахъ.

какъ всѣ мы, свѣтскія, а ужь никакъ не имѣю претензіи „дрессировать“ васъ къ чему-то... А мнѣ просто жалко... ну да, жалко, что такой молодой человѣкъ... молодая душа не находитъ въ себѣ никакого отклика на всѣ эти чудеса искусства, которыя я вожу васъ показывать вотъ ужь сколько дней, а вы, какъ слѣпой какой-то, точно не видите совсѣмъ... Вѣдь все это наслажденія, autant de jouissances, которыя вы будто нà-зло отбрасываете отъ себя, а мнѣ это больно... не разсердитесь на меня опять! — больно за васъ... Вы не можете же мнѣ запретить de vous porter intérêt, какъ бы неудержимо досадливо вырвалось у нея, и легкій румянецъ выступилъ подъ бѣлоснѣжною кожей ея лица.

Та же внезапная краска покрыла на мигъ и его блѣдныя щеки; глаза сверкнули... Но онъ тотчасъ же опустилъ ихъ.

— Чтò же дѣлать, не такъ воспитанъ, видно, чтобы понимать *изящное*, подчеркнулъ онъ, стараясь сохранить тотъ же ироническій тонъ.

— Не правда! горячо вскликнула она: — вы не семинаристъ какой-нибудь, чтобы не понимать...

— Бывшій семинаристъ именно, перебилъ онъ ее: — вы мой паспортъ видѣли: „Не кончившій курса въ Казанской Духовной Академіи, сынъ священника“...

Она замахала руками.

— Не правда, не правда, vous parlez le français tout aussi bien que moi, я не вѣрю вашему паспорту!..

— Вы полагаете, онъ... фальшивый?

Молодой человѣкъ измѣнился въ лицѣ...

— Оставьте, какое мнѣ дѣло! торопливо, не доканчивая фразъ, заговорила она:— я знаю *васъ*, а имя все равно... Вы имѣете свои причины, и я уважаю... Когда-нибудь потомъ... когда я заслужу ваше довѣріе... вы мнѣ скажете. А теперь я не хочу, не хочу, и не смѣйте говорить объ этомъ!.. Я знаю только que vous êtes aussi bien né que moi, и совсѣмъ не то, чтобы вы не были въ состояніи понимать, а просто vous vous faites fort de mépriser l'art, и вотъ это самое я и хотѣла бы знать, почему вы считаете нужнымъ его презирать?

Невольная усмѣшка пробѣжала въ складкахъ губъ Поспѣ-

лова (читатель, не сомнѣваемся, давно успѣлъ узнать его, равно какъ и его собесѣдницу): слова ея видимо польстили его самолюбію. Но брови его въ то же время сжались съ какимъ-то сосредоточеннымъ, чтобы не сказать мрачнымъ, видомъ.

— Я ваше *искусство*, „l'art", не презираю, началъ онъ съ замѣтно дидактическимъ оттѣнкомъ въ рѣчи,—и не скажу, какъ сказано это было нѣсколько лѣтъ назадъ, впрочемъ совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какой былъ данъ этимъ словамъ во враждебномъ лагерѣ, что „сапоги выше Шекспира". Я даже нахожу, что оно имѣло свою raison d'être въ прежнее время, когда человѣчество не было такъ развито, или, говоря опредѣлительнѣе, когда изъ этого человѣчества почиталось *людьми* лишь извѣстное привилегированное меньшинство, — все же остальное были илоты, рабы, вассалы, порабощенныя, безправыя, безгласныя существа, потерявшія всякій образъ человѣческій. Для этого меньшинства *искусство* дѣйствительно представляло собою нѣкій облагороживающій элементъ. Заказывать картину какому-нибудь Рафаэлю или Тиціану все же былъ шагъ впередъ противъ гладіаторской рѣзни или глупыхъ рыцарскихъ турнировъ, хотя бы уже потому, что тутъ уважался человѣкъ безотносительно къ его происхожденію и за трудъ его платили деньги, а не брали его даромъ. Наконецъ это давало производящей этотъ трудъ личности возможность выходить изъ состоянія илотизма, въ которомъ находились ея собратія...

— Отчего же „илотизма?" возразила графиня Драхенбергъ: — искусство въ Италіи разцвѣло именно въ ту эпоху, когда почти каждый городъ былъ отдѣльною республикой и граждане этихъ городовъ пользовались полною свободой. Здѣсь, во Флоренціи, я читала, было даже время междоусобныхъ ея войнъ, когда самый низшій классъ народа,—его такъ и называли „i popolani",—взялъ верхъ надъ остальными и правилъ ими сколько-то мѣсяцевъ или лѣтъ, уже не помню.

— Ну, это все равно! нетерпѣливо вскликнулъ эмигрантъ, въ своемъ качествѣ революціонера не вѣдавшій да и не почитавшій нужнымъ знать никакихъ историческихъ фактовъ:— полнаго соціальнаго равенства здѣсь, какъ и въ остальномъ

мірѣ, никогда не было; свободой пользовались только богатые умѣвшіе тѣмъ или другимъ путемъ накопить себѣ капиталы, которыми они, какъ всюду и всегда, эксплуатировали трудъ бѣдняка, наживались потомъ его и кровью.

— Да, это конечно... недоумѣло пролепетала сбитая съ позиціи молодая женщина; — и это „всюду, всегда“, comme vous dites, бываетъ avec les pauvres gens!... вздохнула она самымъ искреннимъ образомъ при этомъ.

Голосъ Поспѣлова зазвенѣлъ внезапнымъ, горячимъ увлеченіемъ:

— И вамъ, скажите, никогда не приходило на мысль, что этотъ вѣчный гнетъ богатаго надъ бѣднымъ не можетъ быть долѣе терпимъ, что соціальныя условія, при которыхъ возможенъ онъ, должны быть низвергнуты?...

— Une révolution, да? прошептала она дрогнувшимъ голосомъ, забѣгая впередъ того, что̀ ожидала отъ него услышать. Мурашки пробѣжали у нея по тѣлу, ей стало разомъ и жутко, и въ то же время сладко, сладко отъ того именно чувства неопредѣленнаго страха, которое заставило ее вздрогнуть.

— Вамъ это кажется очень страшно? чуть-чуть насмѣшливо сказалъ онъ.

Она подняла на него глаза съ какимъ-то внезапнымъ и очень забавнымъ выраженіемъ отваги:

— Совсѣмъ нѣтъ; en France, sous la Terreur, женщины, которыхъ вели на гильйотину, удивляли всѣхъ своимъ безстрашіемъ. Если les gens de notre classe должны погибнуть въ Россіи, я не побоюсь, soyez sûr... Мнѣ кажется даже, что эта мысль умереть на эшафотѣ, предо всѣми, должна экзальтировать такъ, что на него пойдешь весело, какъ на балъ... „Décolletée et manches courtes“, пронеслось у нея тутъ же капризнымъ зигзагомъ мысли, „чтобы показать имъ себя въ послѣдній разъ dans tous mes avantages“, и сама она чуть не расхохоталась громко этому своему „сумасшедшему“ представленію.

— Для чего же вамъ погибать, когда вы могли бы, напротивъ... вскликнулъ было и тутъ же оборвалъ эмигрантъ.

— Что̀ могла бы, что̀, говорите... говорите же! съ лихо-

радочнымъ нетерпѣніемъ въ глазахъ, въ звукѣ голоса приставала она къ нему: — вы можете все мнѣ говорить, все, я умру скорѣе, чѣмъ васъ выдать... я вѣдь знаю...

— Что вы знаете? быстро обернулся онъ на нее, въ свою очередь, съ изумленнымъ и недовольнымъ выраженіемъ въ чертахъ.

Она мгновенно сложила руки на груди какимъ-то дѣтски умоляющимъ движеніемъ:

— Ради Бога, не сердитесь на меня, я нечаянно... слышала...

— Что слышали?...

— Вашъ разговоръ съ товарищемъ въ гондолѣ, въ Венеціи... помните, на серенатѣ?... Вы не подозрѣвали, что подлѣ васъ были Русскіе и говорили между собою громко... Со мною была Тону, ея мужъ и маркизъ. Но всѣ они слушали музыку, и я одна... Я никому изъ нихъ не сказала, никому, клянусь вамъ... И мнѣ такъ захотѣлось послѣ этого познакомиться съ вами...

— Такъ, значитъ, смущенно спросилъ Поспѣловъ,—маркизъ не случайно нашелъ меня въ моемъ отелѣ?

— Нѣтъ, я его послала, сказавъ, что мнѣ нуженъ русскій... наставникъ для моего сына... Мнѣ и нужно было дѣйствительно, поспѣшила она прибавить,—и что я слышала отъ моего курьера, что въ отелѣ Бауеръ есть одинъ такой... Онъ васъ нашелъ тамъ... и привелъ тогда...

Поспѣловъ поникъ головой и какъ-то неопредѣленно развелъ руками.

— Я узнала изъ вашего разговора, съ лихорадочнымъ одушевленіемъ продолжала между тѣмъ графиня, — что вы были сосланы куда-то на сѣверъ... C'est inique cela! вскликнула она какъ бы въ скобкахъ, — но ушли съ какимъ-то мужикомъ и чуть не погибли въ лѣсу отъ холода, и васъ только спасъ un flacon de cognac, который вамъ дала эта дочь кого-то... я не разслышала... Скажите мнѣ, пожалуйста: c'était une jeune fille, или замужняя?...

— Она была дочь становаго... и не замужняя, какъ-то само собою сорвалось съ устъ молодаго человѣка. Его словно

вдругъ захватило и понесло что-то, чему онъ противостоять уже не могъ.

— И она любила васъ?

— Думала вѣроятно... Во всякомъ случаѣ я былъ не первый, кажется, прибавилъ онъ не то пренебрежительно, не то какъ бы въ чемъ-то извиняясь.

— Вамъ не было жаль ее покидать?

Онъ пожалъ плечами:

— Въ нашемъ исключительномъ бытѣ, промолвилъ онъ съ извѣстною долей полунапущенной, полуискренней театральности, — субъективныя чувства каждаго изъ насъ такъ привыкли подчиняться верховной, *гражданской* идеѣ, которой всѣ мы посвятили жизнь, подчеркнулъ онъ,—что о нихъ никому изъ насъ просто не думается, да и какъ бы стыдно думать... Особа эта къ тому же и не имѣла ничего привлекательнаго для меня... Она мнѣ была нужна, какъ соглядатай за отцомъ, которому поручено было наблюдать за мною, и какъ пособница для моего бѣгства; и я воспользовался ея... расположеніемъ.

Графиня словно только и ждала этого, на иной взглядъ безсердечнаго, чтобы не сказать циническаго признанія. Она всплеснула руками и воззрилась восхищеннымъ взглядомъ въ своего собесѣдника:

— Вы герои всѣ, герои!... Знаете, вѣдь я всю жизнь мечтала встрѣтить кого-нибудь такого, какъ вотъ вы, un citoyen, un Brutus, который отдалъ бы себя всего на служеніе d'une noble idée, восклицала она, вполнѣ убѣжденная въ эту минуту, что ни о чемъ иномъ дѣйствительно не мечтала „всю жизнь“:—я даже думала, что cara patria ихъ вовсе производить не можетъ... но теперь я вижу, что есть они, есть!...

Эмигрантъ съ видимымъ изумленіемъ вперилъ въ нее глаза.

— Я этого никакъ не ожидалъ, признаюсь, промолвилъ онъ радостно зазвенѣвшимъ голосомъ: — вы, аристократка, петербургская барыня... какимъ образомъ могли сложиться у васъ такія честныя убѣжденія?

— Ахъ, именно потому, что я петербургская и все это тамъ наизусть знаю... весь нашъ *мондъ*... Понимаете, вѣдь

они всѣ тамъ „рабы“, comme vous dites... хуже — лакеи! Ils vous disent de belles paroles, такіе либеральные на словахъ, а на дѣлѣ... Alexis Толстой такъ хорошо про нихъ сказалъ, что у нихъ въ натурѣ у всѣхъ „ползать предъ тѣмъ или этимъ на брюхѣ“... *) Я всю жизнь провела съ ними, насмотрѣлась на войнѣ... Патріотизма, des sentiments élevés, ни на грошъ ни у кого; смѣлаго, честнаго слова никто сказать не смѣетъ; только и въ мысли, какъ бы ножку подставить своему же collègue, и самому сѣсть на мѣсто повыгоднѣе, entrer en faveur, да денегъ, денегъ побольше сорвать, жалованья, арендъ, земель съ лѣсами, тамъ ихъ теперь тысячами десятитъ раздаютъ, кто только выпросить сумѣетъ... Вы понимаете, что когда все это видѣла вблизи и всю эту изнанку знаешь, можно получить отвращеніе къ Петербургу и тѣмъ, кто въ немъ держитъ le haut du pavé?...

И алыя, полныя какъ спѣлая вишня, губы молодой вдовы сложились въ очень милое въ своей искренности и весьма шедшее къ характеру ея подвижнаго лица выраженіе гадливости.

Эмигрантъ не отрывался теперь глазами отъ этого свѣжаго лица съ румянцемъ объявшаго ее внутренно волненія, и Богъ вѣсть, что въ эту минуту преобладало въ его чувствѣ: восхищеніе-ли *женщиною*, или уваженіе ко *гражданкѣ*, которую „прозрѣвалъ“ онъ въ ней теперь... Онъ усмѣхался какою-то счастливою улыбкой:

— Безполезно было бы, слѣдовательно, говорилъ онъ,— объяснять вамъ raison d'être революціонной партіи въ русской молодежи, партіи, прямо положившей себѣ задачей, coûte que coûte, низвергнуть ту монгольскую власть и азіятскіе порядки, при которыхъ у насъ плодиться и множиться могутъ только рабы и лакеи; вы сами это теперь должны понимать.

— О да, я понимаю!... И это у васъ все такъ интересно, вскликнула она снова:—заговоры, тюрьмы, бѣгства, точно въ романѣ Александра Дюма-père... Я говорила это тогда же маркизу... *вообще*, разумѣется, говорила, поспѣшила она при-

*) *Потокъ-Богатырь*, баллада.

бавить,—мы съ нимъ послѣ этой серенаты поѣхали въ гондолѣ подъ Pont des soupirs, и мнѣ такъ страшно сдѣлалось, вспомнивъ, что̀ тутъ прежде происходило... Скажите, неожиданно вдругъ спросила она,—вы не надѣваете масокъ, когда собираетесь для вашихъ совѣщаній въ какомъ-нибудь souterrain?

— Н-нѣтъ... для чего это? проговорилъ онъ, нѣсколько огорошенный.

— Я думала... Прежде всегда такъ, кажется, дѣлали, чтобы не могли узнать лицъ, въ случаѣ, если бы тутъ случился какой-нибудь шпіонъ...

— Правительство такъ мало даетъ денегъ на своихъ шпіоновъ, и всѣ они такъ глупы, кромѣ тѣхъ, которые для пользы дѣла поступаютъ иногда въ эту должность изъ нашихъ же, что всѣхъ мы ихъ наперечетъ знаемъ, возразилъ на это не то хвастливымъ, не то пренебрежительнымъ тономъ Поспѣловъ:—изъ нашей же собственной среды предателей быть не можетъ, потому каждый знаетъ, что за малѣйшую измѣну его ожидаетъ смерть.

— Смерть! повторила протяжно графиня съ омрачившимся внезапно лицомъ и вздрагивая,—да, это конечно... Но зачѣмъ, скажите, пронеслось у нея и громко сказалось тутъ же,—зачѣмъ этого бѣднаго Мезенцова убили,—un si brave homme! Я его хорошо знала.

— Убили не *бравома*, не вашего знакомаго, а официальную личность, шефа царскихъ шпіоновъ.

— Вы же сами говорили, что всѣ они такъ глупы...

Поспѣловъ нахмурился.

— Тутъ вопросъ въ принципѣ, докторáльно проговорилъ онъ:—надо было доказать правительству, что ни brave homme'а ссылки, ни преслѣдованія не въ силахъ сломить энергію и живучесть революціонной партіи. Смерть генерала Мезенцова—это вызывная перчатка, смѣло брошенная теперь революціонною молодежью въ лицо автократіи! подвернулась ему подъ языкъ бойкая фраза, уже сказанная имъ въ разговорѣ съ Волкомъ, и фраза эта произвела теперь желанное дѣйствіе:

графиня опустила глаза, закачала головой и убѣжденно произнесла:

— Oui, certainement, le principe est une grande chose...

— Борьба началась, продолжалъ Поспѣловъ торжественнымъ тономъ,—борьба на жизнь и смерть...

Она, мгновенно забывъ о „principe“, схватила его за локоть, глядя ему съ какимъ-то жаднымъ перепугомъ въ глаза:

— Да? Вы знаете? Кого-нибудь еще будутъ убивать?...

— Я ничего не знаю, а только... Послушайте, Елена Александровна, перебилъ онъ себя, говоря себѣ мысленно, что „ее требуется нѣсколько просвѣтить“,—если только вы, какъ я въ правѣ заключить изо всего того, что вы сейчасъ говорили, личность вполнѣ развитая, вы должны понимать, что есть высшія требованія и что жертвы, приносимыя имъ, представляются для каждаго истиннаго революціонера вопросомъ совершенно второстепеннымъ. Русская пословица говоритъ: „дрова рубятъ, щепки летятъ“, а французская: „qui veut la fin veut les moyens“. Прямая задача состоитъ въ достиженіи побѣды революціонныхъ, *избавительныхъ* началъ, пояснилъ онъ,—а что при этомъ придется устранить нѣсколько личностей, такъ вѣдь это только необходимое... весьма печальное, можетъ быть, я согласенъ, но необходимое, повторяю, неизбѣжное, естественное послѣдствіе самаго революціоннаго процесса. Ни одинъ изъ фазисовъ поступательнаго движенія человѣчества къ своему освобожденію не обходился безъ крови,—ничего съ этимъ не подѣлаешь, Елена Александровна... Въ мірѣ насѣкомыхъ даже, вспомнилось ему вдругъ смутно прочитанное имъ въ какой-то популярной зоологической статьѣ нѣчто, могшее, по его мнѣнію, „итти къ дѣлу“ въ эту минуту,—есть породы, въ которыхъ абсолютнымъ условіемъ рожденія особей является повальная смерть всѣхъ роженицъ.

Фантастическая зоологія увѣнчалась полнымъ успѣхомъ:

— Это ужасно, что вы мнѣ говорите, тяжело вздохнула графиня,—mais c'est bien intéressant! И она еще разъ склонила покорную голову предъ „неотразимою“, представлялось ей, аргументаціей своего собесѣдника. „Онъ такъ хорошо го-

ворилъ и такъ умно *смотрѣлъ* при этомъ", что она „все бы, кажется, слушала, слушала его... и глядѣла"...

Новый вопросъ, имѣвшій вызвать новое съ его стороны „краснорѣчивое" возраженіе, готовъ былъ уже слетѣть съ ея устъ, когда вдругъ изъ-за поворота аллеи донесся до нихъ скрипъ чьихъ-то торопливыхъ шаговъ по песку и сквозь зелень вѣтвей мелькнулъ свѣтлосѣрый цилиндръ...

— Маркизъ! вскрикнула графиня, и все говорившее въ ней за мигъ предъ этимъ оживленіе слетѣло разомъ съ ея лица.

Эмигрантъ какъ-то безсознательно быстро поднялся съ мѣста, которое занималъ рядомъ съ нею на скамьѣ, но тотчасъ же оправился и всталъ, вытянувшись въ ростъ, чуть не въ боевую позицію.

Быстро подходившій къ нимъ между тѣмъ маркизъ Каподимонте отнюдь впрочемъ не вызывалъ своимъ наружнымъ видомъ необходимость такой позиціи. Свѣжій, точно сейчасъ изъ ванны, элегантный отъ прюнелевыхъ ботинокъ и до этого своего сѣраго цилиндра, которымъ, скинувъ его съ головы за десять шаговъ не доходя графини, онъ салютовалъ ее (saluer du chapeau) какъ шпагой, откидывая руку въ сторону, съ бѣлымъ цвѣткомъ въ петлицѣ и широкою улыбкой подъ красиво прикрученными усами,—онъ, казалось, былъ весь веселость, любезность... и безпечность.

— J'arrive de Rome, говорилъ онъ, съ какою-то особенною изысканною почтительностью пожимая протянувшуюся къ нему руку молодой вдовы и самымъ дружескимъ образомъ привѣтствуя въ то же время заморгавшими глазами ея *кавалера*,—et je tenais à vous donner le plus vîte possible des nouvelles de madame Tony... Я узналъ въ отелѣ, гдѣ вы останавливались, объяснилъ онъ,— что вы взяли окончательно ту виллу на *Colli* *), на которую я вамъ указывалъ, и уже переселились туда. Я ѣхалъ къ вамъ, когда, проѣзжая мимо Pitti, узналъ ваше ландо,—et me voici!

— Grand merci, cher marquis! преодолѣвая, насколько

*) Возвышенная часть города по лѣвому берегу Арно.

могла, свою досаду, улыбалась ему она:—что Tony, хорошо ей въ Римѣ живется?

— Отлично повидимому; нашла очень приличное и теплое помѣщеніе—въ Римѣ холодно зимой,—и до весны не думаетъ оттуда трогаться.

— Le prince Jean toujours? какъ-то вдругъ разсмѣялась графиня.

— Toujours! подтвердилъ, сдержанно, какъ бы только изъ учтивости улыбнувшись со своей стороны, маркизъ и тутъ же воскликнулъ:—Но какая неосторожность, графиня! вы сидите на мраморной скамьѣ; это гибельно въ нашемъ климатѣ и этого никогда не слѣдуетъ забывать здѣсь. Я вижу, что monsieur Pospelof, примолвилъ онъ съ самою любезною улыбкой по адресу молодаго человѣка, — гораздо предусмотрительнѣе васъ: онъ очевидно все время стоялъ на ногахъ, пока вамъ вздумалось отдохнуть здѣсь отъ вашей... вѣроятно продолжительной... прогулки sous ces ombrages fleuris (онъ указалъ кругомъ рукою), но въ этомъ случаѣ я осмѣливаюсь думать, что къ его courtoisie примѣшивалась нѣкоторая доля эгоизма (un petit grain d'égoisme),—ему слѣдовало бы предварить васъ.

— Никакой courtoisie и никакого эгоизма! отрѣзалъ, впрочемъ видимо смущенно, эмигрантъ:—я не подумалъ... да и не зналъ въ сущности, что не слѣдуетъ садиться...

Маркизъ только взглянулъ на него и все такъ же вѣжливо усмѣхнулся опять.

Графиня Драхенбергъ была уже на ногахъ. „Противный человѣкъ“! проносилось у нея въ мысли: „всегда все видитъ и все угадываетъ!“...

— Merci pour le bon avis, сказала она громко: — намъ, Русскимъ, никогда не мѣшаетъ напоминать о здоровьѣ: мы нисколько не привыкли беречь его... Можетъ быть потому, промолвила она нежданно, прищурившись куда-то вдаль,—потому, что мы вообще не дорожимъ жизнью...

У Поспѣлова почему-то дрогнули вѣки. Маркизъ вопросительно, чуть не тревожно вперилъ глаза въ говорившую.

Но алыя губы ея улыбались теперь опять съ тѣмъ „certo

non so ché di voluttuoso“ *), что̀ неотразимо чаровало его въ этой „сѣверной женщинѣ“, и лепетали любезно и лѣниво:

— Вы ѣхали ко мнѣ съ визитомъ, cher marquis; я предлагаю вамъ мѣсто въ моемъ экипажѣ и обѣдъ à la fortune du pot; вы мнѣ за столомъ разскажете подробно о Тону и о „вѣчномъ городѣ“.

Прозорливый Италіянецъ былъ обезоруженъ. Онъ молча, съ радостно забившимся сердцемъ поклонился въ знакъ согласія и, подставивъ, не откладывая, локоть молодой женщинѣ, повелъ ее мѣрнымъ шагомъ къ выходу.

Она усадила его рядомъ съ собою въ ландо. Поспѣловъ занялъ мѣсто на передней скамьѣ; во все время пути онъ поводилъ глазами то вправо, то влѣво, тщательно избѣгая встрѣтиться ими со своими спутниками, и, сложивъ губы трубочкой, свисталъ неслышно какую-то арію.

---

*) *Чѣмъ-то сладострастнымъ.*

VII.

Шесть недѣль прошло уже со дня поступленія Поспѣлова на должность учителя къ маленькому сыну графини Елены Александровны Драхенбергъ, но въ первый еще разъ сегодня довелось ей разговориться съ нимъ въ волю. До этой минуты ей какъ-то не удавалось оставаться съ нимъ рядомъ вдвоемъ. Прежде всего ее, когда они жили въ Венеціи, „стерегли, точно двѣ цѣпныя собаки“ (мы повторяемъ то, что̀ говорила она себѣ внутренно), маркизъ Каподимонте и г-жа Сусальцева, — одинъ изъ ревности, другая изъ того „бившаго въ глаза“ чувства недоброжелательности къ молодому эмигранту, которое, по объясненію пылкаго воображенія графини, происходило, „какъ это почти всегда бываетъ dans les grandes passions, вслѣдствіе страсти, испытанной ими первоначально другъ къ другу“... Долгъ безпристрастнаго повѣтствователя обязываетъ насъ впрочемъ замѣтить, что г-жа Сусальцева, проводя въ ту пору всѣ дни и вечера съ „кузиной“, менѣе всего заботилась о чувствахъ ея къ кому бы то ни было. Послѣ размолвки съ мужемъ и внезапнаго его отъѣзда въ Россію, „кузина“ представлялась ей нѣкіимъ спасительнымъ берегомъ, къ которому удобно было ей до поры до времени подтянуться со своею еще не совсѣмъ надежно оснащенною наново ладьей. Разсчетъ тутъ былъ самый прямой. Во-первыхъ, нужны были деньги, которыя, какъ мы уже знаемъ, и ссужены ей были банкиромъ подъ поручительство графини. Во-вторыхъ, князь Іоаннъ, во слѣдъ которому стремилась она во Флоренцію, долженъ былъ, какъ оказывалось, провести

тамъ не болѣе трехъ, четырехъ дней, предполагая затѣмъ ѣхать въ Римъ и пробыть тамъ до русскихъ святокъ. Надлежало слѣдовательно вмѣсто Флоренціи, куда сначала предполагали ѣхать „этаблироваться“ на зиму обѣ молодыя женщины, склонить „Нелли“ къ переселенію въ италіянскую столицу, куда звалъ ее и князь Іоаннъ, говоря, что „иначе у него во всей тамошней русской колоніи не будетъ ни одной интимной знакомой“. На основаніи сдѣланнаго имъ при этомъ перечисленія лицъ, составлявшихъ въ ту пору эту колонію въ Римѣ, Сусальцева сообразила, съ другой стороны, что это были по большей части все незнакомыя ей, къ тому же принадлежавшія къ самой fine fleur петербургскаго свѣта особы, съ которыми войти въ близость было бы для нея гораздо затруднительнѣе тамъ, особенно при той сравнительно весьма скромной обстановкѣ, въ какой она находилась теперь, чѣмъ на берегахъ Сены, гдѣ она соперничала, благодаря мужней расточительности, со всѣми свѣтилами парижской vie mondaine. Ей нуженъ былъ поэтому въ Римѣ, какъ на будущее время и въ Петербургѣ, женскій, твердо поставленный въ свѣтѣ, chaperon, подъ покровомъ и при содѣйствіи котораго она могла бы быть признана тамошнимъ русскимъ людомъ „своею“, и почувствовать себя „tout aussi à l'aise qu'à Paris“. Chaperon этотъ былъ готовъ въ лицѣ все той же „кузины Драхенбергъ“, состоявшей по родству, воспитанію и отношеніямъ въ ближайшихъ связяхъ съ большинствомъ этихъ лицъ изъ fine fleur. Она перезнакомитъ ее со всѣми. Она же „въ случаѣ чего приметъ на свой страхъ и тѣ „assiduités“ князя Іоанна, которыхъ чаяла прекрасная Антонина Дмитріевна видѣть себя лично предметомъ въ Римѣ, гдѣ при тѣхъ же условіяхъ (то-есть за тою же удобною ширмой *старой дружбы* его къ „Нелли“) нѣтъ никакой причины, весьма правильно разсуждала она, не быть продолженію того, что такъ хорошо началось въ Венеціи“... Объ этомъ своемъ новомъ plan d'installation на зиму г-жа Сусальцева толковала каждый день графинѣ, которую, съ другой стороны, старался всячески склонить на то же маркизъ, принужденный ѣхать самъ въ Римъ по какимъ-то весьма для него важнымъ и не терпѣвшимъ отлагатель-

ства дѣламъ. Но молодая вдова оказывалась неподатливою. Климатъ въ Римѣ, утверждала она, былъ по мнѣнію докторовъ, съ которыми она совѣтовалась еще въ Петербургѣ, вовсе не благопріятенъ для здоровья ея мальчика. Къ тому же она должна была бы тамъ представиться ко двору, такъ какъ лично знакома съ королемъ и королевой Италіи, при которыхъ состоялъ покойный мужъ ея въ пору пребыванія ихъ величествъ въ Петербургѣ. „Это неминуемо повлекло бы за собою то, что я была бы принуждена aller dans le monde, а этого именно я вовсе не хочу“, заключила она самымъ рѣшительнымъ тономъ.

— Но почему не хочешь, почему? приставала къ ней однажды болѣе обыкновеннаго Антонина Дмитріевна: — твой трауръ кончается, ты недостаточно еще стара, чтобъ отказаться вдругъ отъ свѣта безо всякой разумной причины, и если бы ты это сдѣлала, всѣ стали бы отыскивать эту причину,— а такъ какъ люди злы прежде всего, то и нашли бы ее въ томъ, по всей вѣроятности, чего у тебя и въ головѣ нѣтъ, можетъ быть...

Графиня поняла намекъ и вся вспыхнула:

— Причину, ты хочешь знать причину! пылко вскликнула она,—такъ я тебѣ скажу: въ Римѣ проводитъ эту зиму моя мать, графиня Пршехронщевская, имѣвшая безуміе выйти замужъ уже бабушкой за человѣка, годящагося ей по лѣтамъ въ сыновья, который безстыдно обираетъ ее и обманываетъ и котораго она, какъ я видѣла это въ проѣздъ мой чрезъ Вѣну, ревнуетъ какъ тигрица; а я, ты должна это понимать, отнюдь не желаю ни поощрять смѣшныя стороны моей матери (les ridicules de ma mère), ни краснѣть за нихъ...

Елена Александровна не лгала, не прибѣгала къ изворотту, чтобы скрыть свою тайную мысль; и мнѣніе петербургскихъ докторовъ о климатѣ Рима, и то, что графиня Пршехронщевская, наполовину разоренная своимъ gandin-супругомъ и ревновавшая его „какъ тигрица“, проводила тамъ зиму, все это было совершенно справедливо,— но все же того, что составляло главную, хотя, можетъ быть, и для нея самой не совсѣмъ ясную сущность ея помысловъ графиня не высказы-

вала... А высказать ее могла бы она въ двухъ словахъ: „на что̀ мнѣ теперь свѣтъ, дома гораздо любопытнѣе“.

Любопытство, страстное желаніе узнать, „изучить“ новый, незнакомый ей и „во всякомъ случаѣ интересный типъ“, — „l'attrait de la saveur particulière du nihiliste russe“, какъ объяснялъ это со своей стороны съ саркастическою улыбкой маркизъ Каподимонте въ интимныхъ разговорахъ своихъ объ этомъ съ m-me Tony.—вотъ что̀ несомнѣнно стояло теперь первымъ пунктомъ въ мысленномъ процессѣ молодой вдовы. Она дѣйствительно „знала наизусть“ все, что̀ называютъ свѣтомъ, и чѣмъ-то безвозвратно постылымъ вѣяло для нея теперь ото всего, что̀ носило на себѣ его печать. Какъ старому gourmet, ищущему какою-нибудь особою пряностью доставить еще невѣдомое наслажденіе своему давно пресыщенному вкусу, ея дремавшей со временъ „венгерскаго тигра“ и воспрянувшей теперь съ новою силой жажды жизни и фантазіи требовалось именно то нѣчто, ни съ чѣмъ ей знакомымъ не схожее, не укладывающееся ни въ какія извѣстныя рамки, рѣзко характерное, полустрашное, полузахватывающее, что̀ сказывалось ей нѣмымъ, но уже краснорѣчивымъ для нея языкомъ въ усталомъ лицѣ, въ молчаливой, но высокомѣрной усмѣшкѣ этого бѣлокураго „заговорщика, съ которымъ,“ говорила она мысленно съ какою-то сладостною дрожью по всему тѣлу, „свело ее тайное предопредѣленіе судьбы“...

Но, какъ мы уже сказали выше, образъ жизни ея въ Венеціи не представлялъ ей удобнаго случая къ сближенію съ нимъ, къ тѣмъ „интимнымъ разговорамъ“, которые въ ея чаяніи должны были открыть ей такъ много „d'absolument neuf“, такъ много безконечно интереснаго. Маркизъ, являвшійся къ ней каждый день въ часъ пополудни для поѣздокъ къ антикваріямъ и неизмѣнно сопровождавшій ее по вечерамъ на площадь Святаго Марка, г-жа Сусальцева, съ отъѣзда мужа раздѣлявшая всѣ трапезы съ нею и ея домочадцами, „вѣчно стояли между ею и имъ“, досадливо жаловалась себѣ самой Елена Александровна. Посѣловъ со своей стороны отнюдь, повидимому, не питалъ намѣренія выходить изъ строго опредѣленной роли учителя-наемника. Онъ аккуратно приходилъ

къ свому ученику въ 10 часовъ утра, диктовалъ ему „изъ Ушинскаго“, выслушивалъ со строгимъ вниманіемъ заданный „разсказать собственными словами“ урокъ изъ *Краткой Священной Исторіи* (графиня непремѣнно требовала, чтобъ „этотъ предметъ“ входилъ въ программу занятій русскаго преподавателя,) и безучастно, но по возможности совѣстливо объяснялъ урокъ „на слѣдующій разъ“ изъ этой же *Исторіи*, видимо стараясь не подымать глазъ на неизмѣнно присутствовавшую при этомъ мать мальчика. То же повторялось за завтракомъ и обѣдомъ: онъ сидѣлъ, опустивъ глаза въ тарелку и разжимая ротъ лишь для необходимыхъ и по возможности кратчайшихъ отвѣтовъ на робкіе вопросы, съ которыми изрѣдка обращалась къ нему хозяйка. Но самолюбіе, а съ нимъ какое-то всегда присущее женщинамъ въ подобныхъ случаяхъ чутье говорило графинѣ, что источникъ этой чрезмѣрной, ледяной сдержанности съ нею молодаго человѣка слѣдуетъ искать ни въ чемъ другомъ, какъ въ тѣхъ странныхъ, становившихся съ каждымъ днемъ непонятнѣе для нея отношеніяхъ, въ которыхъ находился онъ съ неразлучавшеюся съ нею Тону, и что пока она, эта Тону, будетъ *тутъ*, слѣдуетъ отказаться ото всякой надежды, что онъ перемѣнитъ свою явно предвзятую manière d'être.

Лишенная возможности „заглянуть ему въ душу, voir clair dans son âme“, какъ выражалась она внутренно, она тѣмъ прилежнѣе наблюдала за нимъ съ его внѣшней стороны—и приходила все къ болѣе и болѣе благопріятнымъ для него заключеніямъ. „Онъ революціонеръ“, говорила она себѣ (и мы знаемъ, что въ этомъ заключалась для нея не малая доля притяженія), „но *порядочный человѣкъ*, un homme comme il faut, вмѣстѣ съ этимъ. У него ничего нѣтъ общаго съ тѣми *нигилистами*, которыхъ изображаютъ намъ всегда такими грязными, съ длинными волосами и ногтями вѣчно въ траурѣ. У него ногти круглые, taillés en amande, и длинная аристократическая рука; онъ за столомъ никогда не ѣстъ съ ножа, какъ эти бѣдные мои госпитальные доктора въ ***, которые такъ лязгали бывало ножами своими по зубамъ за обѣдомъ, что у меня просто дѣлались des nausées, и я вставала и ухо-

дила, подъ предлогомъ головной боли, чтобы не видѣть этой гадости; его скромный *единственный* костюмчикъ,—бѣдный у него нѣтъ средствъ имѣть ихъ много, а то я увѣрена, онъ не уступилъ бы самому маркизу въ элегантности своей tenue,—костюмчикъ его сидитъ на немъ свободно и красиво... И ко всему этотъ его pur accent français! Сомнѣнія быть не можетъ: онъ—un jenne homme de bonne maison, приставшій по искреннему убѣжденію къ *новымъ теоріямъ*, и изъ-за этого вѣроятно разсорился съ родными, покинулъ ихъ и все, et comme les nobles chevaliers errants d'autrefois, отправился искать правды въ этомъ скверномъ мірѣ, а за это попалъ въ тюрьму и изгнаніе, pauvre jeune homme!...“ И все сильнѣе разгоралось у молодой вдовы желаніе „повѣрить все это въ дѣйствительности“, услышать подтвержденіе своихъ предположеній изъ собственныхъ устъ „бѣднаго *жёнома*“.

Съ неотвязчивою Топу и союзникомъ ея, маркизомъ, графиня согласилась наконецъ на томъ, что она пріѣдетъ въ Римъ, „но не надолго и не сейчасъ, такъ какъ намѣрена прежде всего устроиться le plus chaudement possible во Флоренціи, которую избираетъ своею главною *кантониръ-квартирой*, какъ говорилъ ея покойный мужъ, и откуда она уже будетъ дѣлать, если только позволитъ здоровье сына,—„ceci avant tout“, внушительно объясняла она,—непродолжительныя поѣздки въ то или другое мѣсто, въ Римъ, Неаполь, можетъ быть, въ Палермо, котораго она никогда еще не видала... Антонина Дмитріевна не спорила болѣе, такъ какъ заручилась формальнымъ обѣщаніемъ „кузины“ дать ей письмо къ проводившей зиму въ Римѣ пріятельницѣ своей Lizzy Ваханской, самой живой и извѣстной изо всѣхъ петербургскихъ mondaines, которая знала Топу еще въ Петербургѣ, когда та жила у старушки Лахницкой, всегда была мила съ нею, „и будетъ теперь въ восхищеніи, я тебѣ за это отвѣчаю“, горячо утверждала Елена Александровна, „сдѣлать тебѣ les honneurs de Rome и не только познакомить, но и подружить тебя со всею русскою колоніей“. Кромѣ того, положено было, что Сусальцеву будетъ провожать въ Римъ маркизъ, который брался устроить ее тамъ наикомфортабельнѣйшимъ образомъ

и содѣйствовать ея вступленію въ общество мѣстной римской аристократіи, съ которою связывали его многія дружескія и даже родственныя связи, такъ какъ мать его была Римлянка родомъ.

Въ силу такой комбинаціи вся наша компанія перекочевала съ венеціанскихъ лагунъ на берега Арно, съ тѣмъ, чтобы прожить еще тамъ вмѣстѣ недѣли двѣ... Когда, собираясь туда, графиня, замѣтно краснѣя и съ тревогою на душѣ, сообщила русскому учителю Никса о предположенномъ отъѣздѣ, спѣша оговорить при этомъ, что „это впрочемъ будетъ въ значительной степени зависѣть отъ того, согласится-ли онъ, Василій Иванычъ, переселиться съ *ними* во Флоренцію и продолжать давать тамъ уроки своему ученику", Поспѣловъ счелъ почему-то нужнымъ изобразить на лицѣ своемъ какъ бы нѣкоторое недоумѣніе и колебаніе... Елена Александровна ужасно заволновалась.

— Если бы вы имѣли жестокость мнѣ отказать, вскликнула она жалобнымъ тономъ,—я просто не знала бы, что дѣлать! Никсъ сдѣлалъ съ вами такъ много успѣховъ et je tiens tant, чтобъ онъ хорошо учился по-русски... Насчетъ условій, вы понимаете, и она, заикаясь, смущенно отвела голову въ сторону, не зная, „какъ деликатнѣе приступить къ этому отвратительному вопросу о деньгахъ",—я тамъ хочу нанять виллу... вы будете жить *съ нами* et quant aux honoraires, вы, понимаете, уже не по урокамъ... а помѣсячно, я думаю... Я впрочемъ не знаю, словно испуганно перебила она себя тутъ же,—какъ вы захотите... И сумму тоже назначьте, ради Бога сами... сколько хотите... Я все съ радостью готова, когда идетъ дѣло объ образованіи моего сына...

— Нѣтъ, ужь это вы какъ знаете, обрывисто промолвилъ эмигрантъ,—а ѣхать мнѣ все равно.

— Я даю нашему Англичанину trois cent livres *) par an, заторопилась сказать графиня,—и если вы найдете, что это достаточно...

---

*) Триста фунтовъ стерлинговъ.

„Много!“ невольно сказалось въ первую минуту въ сознаніи молодаго человѣка, но онъ вспомнилъ о Волкѣ, какъ-то безсознательно вздохнулъ... и кивнулъ въ знакъ согласія.

Она обернулась теперь на него вся сіяющая.

— Mercі de toute mon âme!...

И протянула ему свою мягкую, бѣлую руку съ узоромъ синенькихъ жилокъ, будто разрисованныхъ подъ ея тонкою кожей.

Онъ прикоснулся къ ней оконечностью пальцевъ, глядя куда-то поверхъ головы ея и силясь не моргнуть, между тѣмъ какъ кровь внезапнымъ приливомъ била до боли въ его виски.

Угадала-ли это молодая вдова, не знаемъ; но никогда еще съ тѣхъ поръ, какъ познакомился онъ съ ней, не случалось Поспѣлову подслушать въ ея голосѣ такихъ радостно звенящихъ нотъ.

— Маркизъ и Топу, дѣйствительно точно пѣла она какой-то торжествующій гимнъ,—пробудутъ съ нами тамъ только двѣ недѣли, а потомъ уѣдутъ въ Римъ.

— И вы тоже? какъ бы невольно вторя ей, зазвучалъ въ свою очередь голосъ эмигранта какою-то нежданною, ребяческою шутливостью. „Она не поѣдетъ“, говорило ему внутреннее чутье съ неотразимою увѣренностью. „Ни за что не поѣдетъ“!..

Онъ былъ правъ: она отвѣтила ему такимъ же ребяческимъ, беззавѣтнымъ смѣхомъ и задвигала отрицательно указательнымъ пальцемъ по воздуху.

— Ни, ни, ни, никакъ! Я имъ обѣщаю и буду говорить до конца, что буду, и пусть они меня тамъ ждутъ, а я... я ихъ *надую*... надую! повторила она, какъ бы чувствуя какую-то особую потребность и удовольствіе выразиться теперь именно этимъ вульгарнымъ, смѣшнымъ“ въ ея понятіи словомъ.—Я жажду тихой домашней жизни послѣ нашей здѣшней toute en dehors... Развѣ что вамъ очень скучно будетъ? не то вызывающимъ, не то робкимъ тономъ домолвила она вопросительно.

Поспѣловъ хотѣлъ что-то отвѣтить... и не нашелъ... Глаза ихъ встрѣтились на мигъ и разомъ опустились у обоихъ.

Разговоръ на этомъ оборвался и не возобновлялся болѣе. А въ первое время по переѣздѣ во Флоренцію, графиня, повидимому, и думать позабыла о намѣреніяхъ своихъ вести „тихую домашнюю жизнь“. Тамъ, во многочисленной колоніи соотечественниковъ, нашлось у нея такъ много давнихъ друзей, а тѣ, кого встрѣчала она здѣсь впервые, выражали такъ искренно и сердечно желаніе сблизиться съ нею и ея красавицей „кузиной“, что дамы наши еще болѣе, чѣмъ въ Венеціи, охвачены были и унесены круговоротомъ свѣтской разсѣянности; имъ не хватало дня для всѣхъ тѣхъ matinées, luncheons, обѣдовъ и parties de campagne, которые давались и устраивались въ честь ихъ... Такъ продолжалось до отъѣзда г-жи Сусальцевой въ „вѣчный городъ“, куда рыцаремъ-охранителемъ отправился съ нею маркизъ Каподимонте. На слѣдующій же день графиня Драхенбергъ перебралась всѣмъ домомъ изъ hôtel Victoria въ нанятую ею виллу подъ городомъ, по сосѣдству съ San Miniato, знаменитымъ во дни флорентинской независимости монастыремъ-цитаделью, гдѣ на разрушенныхъ нынѣ валахъ, возведенныхъ въ тѣ дни всетворящимъ геніемъ Микель-Анжело, стоялъ великій художникъ съ фитилемъ у пушекъ, отстаивая родной городъ отъ осаждавшаго его врага,—и увѣдомила знакомыхъ, что назначила у себя пріемные дни и вечера по пятницамъ. „Иначе“, говорила она любезно и весело,—„тѣ, кого я желаю и кто желаетъ меня видѣть, рискуютъ, совершая цѣлое путешествіе сюда, не заставать меня почти никогда дома: я жадна до искусства, а его цѣлыя сокровища въ этихъ итальянскихъ Аѳинахъ, какъ говорятъ Нѣмцы, и ихъ мнѣ въ цѣлый годъ не пересмотрѣть“. Эти обязательно посвященныя *свѣту* пятницы давали ей возможность располагать свободно своимъ временемъ во всѣ остальные дни недѣли. „Наконецъ-то!“ воскликнула она съ радостнымъ всплескомъ рукъ, сообщая Василію Ивановичу о томъ, какъ она „хитро распорядилась“...

Наконецъ!.. Надо было прежде всего, по ея понятіямъ, растормошить его, заставить зазвенѣть въ немъ артистическую

струнку, а то „онъ черезчуръ уже какъ-то кажется ко всему равнодушнымъ“, разсуждала молодая женщина... И начались у нихъ тѣ художественныя странствованья по галлереямъ и храмамъ Флоренціи, обращикъ которыхъ мы имѣли случай представить читателю въ предыдущей главѣ и о конечныхъ послѣдствіяхъ коихъ онъ узнаетъ изъ слѣдующихъ.

VIII.

Какое счастіе: и ночь, и мы одни.
Фетъ.

— Вы устали, графиня? говорилъ въ десятомъ часу послѣ обѣда на виллѣ молодой вдовы маркизъ Каподимонте, исчерпавъ весь свой запасъ новостей о Римѣ и о „M-me Tony", которая, какъ оказывалось изъ его передачи, при содѣйствіи Lizzy Ваханской, воспылавшей къ ней съ первой минуты ея пріѣзда самою горячею симпатіей, была тамъ отлично принята, успѣла представиться ко двору и весьма даже понравиться королевской четѣ, и „плыла теперь на всѣхъ парусахъ по волнамъ самаго неоспоримаго успѣха".

— Да, признаюсь, отвѣчала полулежавшая въ длинномъ креслѣ хозяйка, улыбаясь и сдерживая зѣвокъ, прорывавшійся сквозь ея пышныя губы:—это путешествіе по переходамъ изъ Uffizii въ Pitti съ ихъ нескончаемыми подъемами и спусками m'a cassé bras et jambes.

— Если прибавить еще къ этому вашу продолжительную прогулку въ Boboli, чуть-чуть подчеркивая пропустилъ онъ лукаво,—можно только удивляться вашей неутомимости.

— Мой спутникъ за то, живо возразила она, все такъ же улыбаясь и насмѣшливо кивая на Поспѣлова, который, опершись о косякъ открытыхъ на обѣ половины дверей, выходившихъ на широкій балконъ-террасу, увитый пахучими розами и козьею жимолостью, глядѣлъ куда-то вдаль, не принимая участія въ разговорѣ, — мой спутникъ никакъ не въ правѣ этимъ похвалиться: онъ до сихъ поръ не можетъ притти въ себя отъ утомленія.

— Или отъ избытка (le trop plein) перечувствованнаго имъ... *артистическаго* наслажденія, съ легкою задержкой, какъ бы затруднившись на мигъ въ выборѣ надлежащаго прилагательнаго, и самымъ любезнымъ тономъ промолвилъ Каподимонте:—monsieur Pospelof ne nous a pas fait ses confidences.

— Я не художникъ, для меня этихъ наслажденій не существуетъ, отрѣзалъ тотъ, не перемѣняя положенія.

Маркизъ усмѣхнулся недоброю усмѣшкой подъ своими прикрученными усами, но не почелъ нужнымъ отвѣтить и, обращаясь къ графинѣ:

— Я осмѣлюсь дать вамъ совѣтъ пораньше спать лечь сегодня, сказалъ онъ: — вы собираетесь, кажется, завтра опять на довольно утомительную экскурсію. Vous allez à Vallombrosa *) avec la comtesse Gamba, n'est-ce pas?

— Какъ это вы успѣли узнать, едва пріѣхавъ? засмѣялась она.

— Мнѣ сказала сама графиня, которую я встрѣтилъ на Lungarno **), ѣдучи съ желѣзной дороги въ мой отель, и которая даже имѣла любезность пригласить меня быть ея кавалеромъ... если только, разумѣется, *вы* будете на это согласны, добавилъ онъ, почтительно склоняя свою тщательно расчесанную и раздушенную голову.

— Ah, marquis, pouvez vous en douter! протянула она въ свою очередь съ шутливою преувеличенностью акцента и движенія округло приподнявшихся рукъ. И тутъ же: — Что за прелестная женщина эта графиня Гамба! вскликнула она:— je suis plus que jamais sous son charme... И какая наружность, красивая, умная и характерная! Да, это дѣйствительно дочь вашего жгучаго неба, вашей плодородной земли...

— Вы и она — равной величины свѣтила въ созвѣздіяхъ противоположныхъ полушарій: въ ней, вы правы, жгучій и рѣзкій пламень нашего юга; въ васъ—обаятельно мягкая пре-

---

*) Одна изъ очаровательныхъ окрестностей Флоренціи. Старинное бенедиктинское аббатство XI вѣка, на склонѣ холма Prato magno, въ густомъ лиственномъ лѣсу; съ высоты его открывается великолѣпная панорама всей долины Арно.

**) Набережная Арно, обычное мѣсто прогулки Флорентинцевъ.

лесть вашихъ задумчивыхъ сѣверныхъ сіяній, проговорилъ на это маркизъ съ тою цвѣтистостью и образностью рѣчи, которыя такъ неподготовленно и заурядъ, въ силу генія самой народности ихъ, срываются съ языка людей его страны и сопровождая слова свои страстнымъ взглядомъ по адресу „della bella Russa".

Она звонко разсмѣялась:

— Monsieur Pospelof, vous entendez? Вотъ какъ надо говорить съ женщинами, а ваше поколѣніе этого не умѣетъ; хуже, пренебрегаетъ этимъ!...

— У нашего поколѣнія задачи посерьезнѣе, чѣмъ говорить любезности женщинамъ, все также не двигаясь, уронилъ на это эмигрантъ точно съ башни.

„Che brutta bestia (какое животное")! чуть не произнесъ громко изящный Италіянецъ, и губы его сложились въ выраженіе какой-то неодолимой гадливости.

— Вотъ почему, можетъ быть, возразилъ онъ, медленно и вѣско, но все съ тою же благовоспитанною сдержанностью въ тонѣ,—и оказывается оно, къ сожалѣнію, такимъ безплоднымъ до сихъ поръ въ своихъ попыткахъ всякаго рода создать что-либо могущее стать на высотѣ его претензій (pouvant s'élever à la hauteur de ses prétentions).

Онъ сидѣлъ, полуобернувшись къ дверямъ балкона, въ какой-то выжидательной позѣ, какъ бы готовясь къ новому, *рѣшительному* возраженію на то, что̀ ожидалъ услышать отъ своего оппонента... Графиня, со внезапною тревогой, готовая со своей стороны, въ качествѣ хозяйки дома, тотчасъ же остановить (mettre le holà) чаемую ею „стычку" между этими двумя — она давно это разумѣла, — взаимно враждебными по натурѣ своей лицами, быстро перебѣгала взглядомъ отъ одного къ другому...

Но никакой „стычки" не послѣдовало. Молодой человѣкъ какъ бы и вовсе не слыхалъ „вражьей отповѣди". Онъ невозмутимо продолжалъ глядѣть со своего мѣста куда-то въ даль, весьма эффектно облитый золотымъ сіяніемъ полнаго мѣсяца, глядѣвшаго на балконъ со своей недосягаемой высоты.

Каподимонте поднялся не спѣша съ кресла, взялъ шляпу и протянулъ руку хозяйкѣ:

— A demain, comtesse!... Monsieur, j'ai bien l'honneur de vous saleur, примолвилъ онъ съ холодною учтивостью, кивая головой въ сторону Поспѣлова и не ожидая возвратнаго поклона того,—мнѣ его не нужно, молъ,—направился изъ гостиной по пути къ сѣнямъ.

— Au revoir, cher marquis! крикнула ему въ слѣдъ графиня и, обернувшись на эмигранта:—Проводите его, по крайней мѣрѣ! сорвалось у нея досадливо.

— На то у васъ лакеи есть, отрѣзалъ онъ какъ ножомъ и, словно сорвавшись съ привязи, быстро зашагалъ по комнатѣ къ дверямъ, противоположнымъ тѣмъ, откуда вышелъ гость.

— Погодите, куда же вы!... не то испуганно, не то жалобно вскликнула она.

Онъ остановился на порогѣ сосѣдней залы.

— За что вы разсердились... Василій Иванычъ? пролепетала она.

— Не разсердился... А только я у васъ не... мажордомъ... или какъ это у васъ тамъ называется, раздраженно отвѣтилъ онъ.

Прищуренные глаза ея побѣжали за нимъ чрезъ все разстояніе покоя:

— Подите сюда!... Сядьте... вотъ тутъ, противъ меня...

И такъ повелительно и въ то же время ласкательно звучалъ въ эту минуту ея голосъ, что Поспѣловъ, внезапно затихнувъ, молча и послушно двинулся къ ней и опустился, потупивъ вѣки, на указанное ею мѣсто.

— Мажордомъ... какъ вамъ не стыдно! Развѣ я васъ когда-нибудь... развѣ кому-нибудь можетъ притти въ голову de vous traiter en subalterne?... Я обратилась къ вамъ, какъ къ близкому... другу дома, прося васъ оказать любезность человѣку... моему гостю... съ которымъ, passez-moi le terme, вы были просто неучтивы...

Онъ слегка покраснѣлъ.

— Чѣмъ это? Я не вашъ свѣтскій, тонкостей вашихъ не понимаю.

— Неправда! перебила она:—я вамъ еще утромъ сказала, что я думаю о вашемъ *семинарствѣ*. Вы очень хорошо все понимаете и только нарочно... Вы наконецъ и на меня за что-то вознегодовали: я старалась всячески втянуть васъ въ разговоръ; вы упорно молчали, или когда удостоивали насъ съ маркизомъ отвѣтомъ, то такъ, что онъ ни на минуту не могъ усомниться, что онъ вамъ противенъ...

— За то онъ вамъ необыкновенно пріятенъ! съ какою-то безудержною вдругъ запальчивостью такъ и вылетѣло у Поспѣлова.

„Ревность"!... У молодой вдовы забилось сердце...

— Ужа-сно! насмѣшливо протянула она:—оттого мнѣ такъ и досадно, что вы дѣлаете все, чтобы внушить ему о васъ дурное мнѣніе.

— Очень мнѣ его мнѣніе нуж... Да что вы это дразнить меня вздумали? перебилъ онъ себя на полусловѣ и весь насупился опять.

— А немножко подразнить нельзя развѣ? спросила она нежданно, полушопотомъ, наклоняясь къ нему и снизу вверхъ, словно впиваясь смѣющимися глазами въ его глаза. По лицу его пробѣжало благоуханною струйкой ея свѣжее дыханіе...

У него задвоилось въ глазахъ и ссохлось какъ-то разомъ во рту будто отъ приступа жестокой лихорадки... Но онъ не хотѣлъ поддаться... Нѣтъ, не такъ, не *этимъ путемъ*, „какъ бы тамъ ни злосовѣтовалъ Волкъ", разсчитывалъ онъ, „человѣкъ *убѣжденія*", достичь власти надъ нею...

Онъ откинулъ голову назадъ, провелъ себѣ по лбу слегка дрожавшею рукой...

— Вамъ все смѣшки, Елена Александровна (онъ, въ силу все тѣхъ же своихъ „убѣжденій", избѣгалъ постоянно называть ее ея титуломъ), смѣшки да потѣхи, все тотъ же вашъ свѣтскій обычай, хоть и увѣряли вы меня сегодня же, предъ появленіемъ этого вашего фата-Италіянца, что надоѣло все это вамъ давно до смерти... Не даромъ, видно, говорится,

что горбатаго одна могилка исправитъ, примолвилъ онъ съ видимо намѣренною грубоватостью.

Но пресыщенную свѣтомъ петербургскую барыню чаровала въ немъ именно эта непривычная ея слуху грубоватость. Какая-то высшая сила мнилась ей въ этомъ... Она съ принявшимъ мгновенно выраженіе виноватости лицомъ, безмолвно, чуть не благоговѣйно внимая, глядѣла на него теперь...

— Вы меня поймали сегодня на эту вашу удочку, продолжалъ онъ все такъ же,—я вамъ открылъ, и самъ не знаю какъ, многое, чего вамъ знать вовсе не нужно... что̀, какъ вижу я теперь, можетъ лишь развѣ на часъ какой-нибудь занять, faute de mieux, ваше праздное любопытство...

Она уже чуть не плакала.

— Нѣтъ, ради Бога, не говорите такъ, молила она.— Vous me faites mal!... То, что̀ я вамъ сказала утромъ, я вамъ повторю теперь: вы для меня toute une révélation, я поняла, что вы... и такіе же, какъ вы, благородные молодые люди... toute une jeunesse généreuse... что вы поклялись всѣ спасти Россію отъ этихъ ея взяточниковъ и чиновниковъ, et rendre tout le monde heureux, и что васъ за это гонятъ, сажаютъ въ тюрьмы и посылаютъ Богъ знаетъ куда... Я это, клянусь вамъ, Василій Иванычъ,—и ея бѣлоснѣжныя, сквозившія до плечъ сквозь легкую ткань платья руки сложились крестомъ на груди,—такъ уважаю... И что̀ это вамъ вздумалось про меня?... Такъ уважаю, je sens en moi tant d'échos à ces nobles aspirations, что я Богъ знаетъ, кажется, что̀ дала бы, чтобы помочь вамъ всѣмъ, чтобы добиться того, къ чему вы стремитесь!...

У нашего революціонера судорожно заморгали вѣки. „Неужели такъ просто, безъ труда и *работы* съ его стороны, сами козыри просятся въ руки?“ проносилось у него въ мозгу.

— Вы, говорите, готовы были бы... *помочь?* глухо произнесъ онъ, будто не разслышавъ...

— О, да, всѣмъ, чѣмъ могу! восторженно подтвердила молодая женщина.

— И могли бы многимъ!... съ какою-то внезапною, нервною торопливостью выговорилъ Поспѣловъ.

— Чѣмъ, чѣмъ, говорите, я готова...

Онъ задвигался въ своемъ креслѣ, собираясь начать... И вдругъ, словно какою-то иголкой, кольнуло его внутренно. Слова Волка предъ разставаньемъ съ нимъ въ Венеціи звенѣли въ его ухѣ: „Ты тамъ съ нею свои барскіе выкрутасы сумѣешь продѣлать!“ И въ то же время почувствовалось ему, что „это самое, столь справедливо презираемое въ *партіи* барство“, переданное ему въ кровь отъ рожденія, „будто какая-то наслѣдственнаа язва“, стоитъ теперь „бревномъ“ между имъ и тѣмъ, что̀ поручено ему исполнить, что „языкъ у него вдругъ какой-то *суконный* сталъ“ и не поворачивается, не въ силахъ „*просить денегъ у женщины*... и еще у этой женщины, которую онъ“... А между тѣмъ онѣ необходимы *имъ тамъ*, деньги, онъ это знаетъ. Не далѣе какъ два дня назадъ получено имъ было отъ Волка письмо изъ Лемберга, писанное шифромъ, въ которомъ, разобравъ его посредствомъ условленнаго ключа, прочелъ онъ слѣдующія, обрывистыя какъ телеграммы, но многознаменательныя строки: „Застрялъ здѣсь по пути; за грошами дѣло. Пришли, что̀ можешь, скорѣе, ждутъ меня тамъ. Предпріятія задуманы великолѣпныя. Средства *Лорда* (это былъ псевдонимъ молодаго, богатаго энтузіаста, принадлежавшаго къ *партіи*), всѣ туда пойдутъ. На твой источникъ полныя надежды всѣхъ; не ударь лицомъ въ грязь. Говорилъ, большой авторитетъ пріобрѣсти можешь, отъ тебя зависитъ“... Поспѣловъ поторопился тотчасъ по означенному въ письмѣ подробному адресу выслать товарищу четыреста франковъ изъ шести сотъ, которые по счастливой случайности принесены ему были въ то же утро „въ счетъ жалованья“ курьеромъ графини, Джіакомино, исправлявшимъ у нея должность приходорасходчика... Но дальше, но задуманныя „великолѣпныя предпріятія“, о которыхъ говорилъ Волкъ, на нихъ не сотни, а тысячи нужны, и ихъ необходимо достать: на его „источникъ“, прямо сказано, разсчитываютъ *всѣ*“, и будущее положеніе его въ революціонной іерархіи зависитъ безусловно отъ той великой услуги, которую онъ въ настоящемъ случаѣ можетъ оказать *партіи*... И самый благопріятный моментъ для этого насталъ: *она* сама чуть прямо не

предлагаетъ, говоритъ, что „готова всѣмъ, чѣмъ можетъ“ и жадно ждетъ отъ него указанія... Но все же просить у нея денегъ, *денегъ*... когда ей можетъ притти въ голову, что тутъ не *партія*, а онъ, онъ самъ для себя... *вымогаетъ*...

Онъ заговорилъ спѣша, съ „насилованною горячностью“, „взвинчивая себя“, какъ говорится, шумихою собственныхъ словъ, въ надеждѣ какъ-нибудь *съ-разлета*, какъ скакуны на охотѣ переносятся черезъ ровъ и ограды, оставить за собою то чувство неодолимой, „барской“ брезгливости, что̀ сковывало ему языкъ, не дозволяло ему съ первой же минуты прямо, открыто, „какъ требовалъ его революціонный *долгъ*“, приступить къ дѣлу.

— Чѣмъ вы можете помочь, спрашиваете? говорилъ онъ:— всѣмъ! Апостолатомъ, миссіонерствомъ, распространеніемъ въ вашемъ кругу тѣхъ честныхъ убѣжденій, которыми руководится революціонная молодежь и лучшіе люди нашей интеллигенціи, тѣхъ „nobles aspirations“, какъ вы выражаетесь, которымъ, какъ говорите, вы вполнѣ сочувствуете...

— О да, да! закивала она и головой, и руками,—я всегда была d'opinions libérales и объявляла это громко, sans me gêner, всѣмъ... Au prince Jean сколько разъ, et il était même toujours de mon avis... Миташевъ, когда онъ *былъ* министромъ, называлъ даже меня за это écureuil révolutionnaire“, écureuil, потому что бѣлки рыжи какъ я,—ce qui au fond n'était pas très aimable pour moi, и что эту бѣлку непремѣнно когда-нибудь повѣсятъ въ клѣткѣ на окно III Отдѣленія... Je m'en moquais comme de raison и продолжала, и буду теперь „распространять“ plus que jamais!..

— Вашъ либерализмъ до сихъ поръ былъ ни на что̀ не нужное свѣтское фрондерство pour passer le temps, перефразировалъ въ болѣе мягкихъ выраженіяхъ эмигрантъ грубый приговоръ по этому предмету, высказанный ему Волкомъ,— отъ этого ни на шагъ не можетъ двинуться впередъ дѣло революціи. Если вы дѣйствительно желаете служить этому дѣлу, итти вмѣстѣ съ нами къ тѣмъ же освободительнымъ цѣлямъ, вы не должны, не имѣете болѣе права довольствоваться этимъ либеральнымъ дилеттантствомъ. Вы обязаны проникнуться

искреннею, святою ненавистью къ нашему азіятскому правительству, къ соціальному строю, держащемуся имъ и для него, къ тѣмъ преступнымъ порядкамъ, подъ гнетомъ которыхъ изнываютъ милліоны живыхъ человѣческихъ организмовъ... Вы обязаны постоянно помнить, что по всему лицу Россіи ежедневно, ежечасно, стонутъ разбитыя груди бѣдняковъ, текутъ слезы по изнеможеннымъ лицамъ страдальцевъ...

Бойкія слова и готовыя формулы изъ революціоннаго катихизиса кипучимъ и обильнымъ ключемъ полились изъ его устъ; онъ заговорилъ о „неисходной *страдѣ* народной“, о „голодныхъ желудкахъ массъ“ и о „разжирѣвшихъ *на потѣ ихъ и крови кулакахъ и хищникахъ* на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы“, о „бездарности“, о „тупости правителей“ и о „доводимыхъ до полнаго отупѣнія, до лишенія всякаго человѣческаго образа населеніяхъ“...

— Oh, c'est affreux! вскрикивала отъ времени до времени внимавшая ему свѣтская барыня. Вся трепетная, блѣдная отъ волненія, глядѣла она не отрываясь на этого краснорѣчиваго и прекраснаго „tribun populaire“... Mirabeau, Mirabeau“! проносилось у нея въ головѣ, „какъ онъ хорошъ былъ бы à la chambre des députés, на возвышеніи, съ этимъ выразительнымъ лицомъ и чудесными глазами, et que la Russie serait heureuse“!..

— Но часъ избавленія близокъ, продолжалъ онъ съ улыбкой чаемаго торжества на устахъ:—съ каждымъ днемъ пріобрѣтаемъ мы все болѣе и болѣе приверженцевъ въ интеллигентной средѣ русскаго общества, въ печати и вліятельныхъ кругахъ, и съ каждымъ часомъ все очевиднѣе начинаетъ пасовать правительство предъ силой общественнаго сознанія, примыкающаго къ революціи...

— И вы побѣдите, весь народъ пойдетъ за вами! произнесла въ энтузіазмѣ своемъ она, всплескивая ладонями.

— Народъ, повторилъ машинально эмигрантъ и словно поперхнулся на этомъ словѣ... Въ памяти его, во всемъ ея *безобразіи* возставала сцена въ кабакѣ, въ эпоху „хожденія въ народъ“, три дня его революціонной проповѣди...—Народныя массы, заговорилъ онъ оправясь,—опять доведены вѣко-

вою тиранніей до полускотскаго состоянія,—относительно этого нечего себя обманывать. У насъ была своя пора розовыхъ иллюзій, страстной вѣры въ народъ, когда намъ казалось легко мирною пропагандой соціальныхъ идей уяснить ему его экономическія условія и гражданскія права, пробудить въ немъ сознаніе своей силы и тѣмъ вызвать его самого на борьбу съ автократіей, но мы должны были убѣдиться, что на это потребовались бы годы, а насъ по пятамъ преслѣдовало правительство... Мы попрежнему теперь служимъ народу, какъ бы въ чемъ-то извиняясь, добавилъ эмигрантъ,—но уже не разсчитываемъ на его иниціативу. Побѣда революціи безо всякаго спроса его дастъ ему свободу и счастіе...

Графиня не спрашивала, *въ чемъ же* именно должно было состоять то „счастіе“, на которое не требовалось никакого предварительнаго „спроса“ у тѣхъ, кому предполагалось дать оное, и хорошо дѣлала. Ей не съумѣлъ бы отвѣтить ея бѣлокурый Мирабо. Для него, какъ и для всей *партіи*, это всегда составляло „вопросъ второстепенный“, *подробность*, которую предоставлялось разрѣшить „самой жизни“. Ему достаточно было какъ-то огульно вѣрить, что стоило только „революціи“ побѣдить „автократію“ — и потекутъ отовсюду млеко и медъ по селамъ и весямъ пространной Россіи, и неизъяснимымъ блаженствомъ исполнятся немедля тѣ „разбитыя груди“, засіяютъ тѣ „изнеможенныя лица бѣдняковъ“, о которыхъ говорилъ онъ своей слушательницѣ... И никогда еще такъ искренно, такъ всецѣло не вѣрилось ему въ это близкое „наступающее“ счастіе *всѣхъ*, какъ въ эту минуту, въ этомъ высокомъ, слабо освѣщенномъ одною лампой покоѣ, съ его обтянутыми старинною шелковою тканью стѣнами, расписнымъ плафономъ и широко открытыми на балконъ дверями, сквозь которыя вмѣстѣ съ запахомъ цвѣтовъ словно врывалась къ *нимъ* вся млѣющая нѣга италіянской ночи...

Въ голосѣ его нежданно зазвучала какая-то умиленная нота:

— Недаромъ, по крайней мѣрѣ, скажемъ мы себѣ тогда, потребовала отъ насъ эта борьба съ деспотизмомъ столько силъ, столько жертвъ... А если бы вы знали, сколько луч-

шихъ изъ нашихъ братьевъ, пока еще не пришелъ нашъ часъ, томится теперь въ изгнаніи, голодаетъ, зябнетъ, изнываетъ въ казематахъ, въ центральныхъ тюрьмахъ!..

— C'est affreux, affreux! даже всхлипнула на этотъ разъ глубоко растроганная молодая женщина:— такая преданность à une noble idée и такая награда за это!.. Но, скажите, неужели нельзя сдѣлать такъ, чтобъ эти несчастные ссыльные имѣли, по крайней мѣрѣ, чѣмъ топить у себя и что̀ ѣсть?..

— Какъ сдѣлать! Насъ много, а ограниченныхъ денежныхъ средствъ, которыми можетъ располагать *партія*, едва достаетъ на самое дѣло революціи. Теперь же болѣе чѣмъ когда-нибудь, въ виду задуманныхъ *предпріятій*, таинственно подчеркнулъ онъ,—нужны ей средства, большія средства... и ихъ могло бы доставить ей лишь какое-нибудь очень состоятельное лицо, сочувствующее нашимъ цѣлямъ, внезапно „съ-разлета“, какъ онъ и чаялъ, сорвалось у него само собою съ языка.

— Что̀ же, не дала ему передохнуть графиня,—я первая буду ужасно рада дать, что̀ могу... что̀ нужно...

— А рады, такъ чего же лучше!..

Рубиконъ былъ перейденъ, и такъ легко, такъ просто! Словно птицы запѣли на душѣ Поспѣлова.

— Я ничего не *вымогаю* у васъ, Елена Александровна, замѣтьте, вы сами предлагаете, какъ бы для *очистки совѣсти* вымолвилъ онъ съ веселою улыбкой и въ первый разъ съ начала разговора обнимая ее всю широко-раскрывшимся горячимъ взглядомъ.

Она чуть-чуть прижмурила глаза, какъ бы отъ внезапнаго свѣта...

— Я бы хотѣла, чтобы мнѣ это стоило хоть какой-нибудь жертвы, но у меня больше денегъ, чѣмъ надо... Я не проживала здѣсь и половины моихъ доходовъ, и мой управляющій пишетъ, что за прошлое полугодіе у него оказалось невысланныхъ мнѣ двадцать восемь тысячъ, которыя онъ положилъ въ банкъ на текущій счетъ... Disposez-en по мѣрѣ того, какъ нужно будетъ, я вамъ дамъ чекъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, живо возразилъ онъ, — я отстраняюсь. Этимъ распорядиться могутъ только на мѣстѣ. Я напишу, если позволите, кому слѣдуетъ... со всѣми предосторожностями, разумѣется, чтобы вашего имени никогда не было... а тамъ можно будетъ выслать вашъ чекъ тому лицу, которое будетъ уполномочено *партіей*.

— Дѣлайте, какъ найдете лучшимъ, небрежно уронила графиня и поднялась съ мѣста, какъ бы съ тѣмъ, чтобы прекратить *дѣловой* разговоръ. — А ночь какая, посмотрите, и видъ отсюда при этомъ освѣщеніи! молвила она чрезъ мигъ, выходя на бѣломраморныя плиты, устилавшія балконъ.

Молодой человѣкъ послѣдовалъ за нею...

Вся потонувшая въ морѣ луннаго свѣта, у ногъ ихъ лежала вѣчно юная, убранная во всѣ сокровища своей художественной красоты Флоренція и, разсѣкая ее пополамъ, желтый Арно катилъ по узкой ея долинѣ свои рябившія золотомъ воды. Узорчатая цѣпь обнимающихъ ее горъ бѣжала темно-синею грядой по всей линіи горизонта. „Какъ мужъ на стражѣ въ тишинѣ“, выступалъ вѣнчанный хвоями Monte Senario съ пріютившимся на его склонѣ мирнымъ Фіезоле, родиною Fra Angelico. На противоположной окраинѣ, справа надъ холмомъ, гдѣ нѣкогда, спасаясь отъ ужасовъ чумы, внималъ Бокаччіо изъ устъ очаровательныхъ синьйоръ и лукавыхъ кавалеровъ соблазнительнымъ разсказамъ своего *Декамерона*, неслись блѣдно-лиловою дымкой пары вечерняго осенняго тумана... А прямо, прямо насупротивъ, поверхъ десятковъ тысячъ крышъ, памятниковъ, башенъ, изъ самаго сердца города, какъ лучшая его жемчужина, какъ бы синтезъ всей изшедшей отъ него творческой силы искусства, несся къ серебрянымъ звѣздамъ волшебный Campanile (колокольня) Джотто, съ надвигавшимся на него сзади осьмиугольнымъ куполомъ Santa Maria del fiore... А надо всѣмъ этимъ небо, темно-лазурное, словно окаменѣвшее, италіянское небо, и тишь, блаженная тишь какъ въ могилѣ... какъ въ раю... Тамъ, внизу, будто гдѣ-то неизмѣримо далеко отъ *нихъ*, горятъ огни, снуютъ кучками люди. А здѣсь кругомъ ни звука человѣческаго, ни струи въ воздухѣ, ни шелеста въ листкахъ розъ, цѣпляющихся по

пиластрамъ терассы и доносящихъ до *нихъ* свой упоительный запахъ...

Графиня уронила руки на перила и налегла на нихъ своею пышною грудью.

— Ахъ, какъ хорошо! вылетѣло у нея глубокимъ счастливымъ вздохомъ.

— Да... хорошо! вырвалось за ней у эмигранта.

Она, не измѣняя положенія, быстро повернула къ нему шею.

— А! наконецъ-то нашелся такой моментъ, когда и васъ *зацѣпило*, monsieur l'indifférent au beau!..

— Попался, нечего дѣлать! засмѣялся онъ въ отвѣтъ весело звенѣвшимъ смѣхомъ.

Такого „момента“, такого свѣтозарнаго *луча*, дѣйствительно, еще не бывало, не сверкало еще никогда на мрачномъ фонѣ его жизни... Онъ еще не вполнѣ могъ разобраться въ своихъ ощущеніяхъ, но его уже охватывало чувство какого-то никогда еще неиспытаннаго имъ удовлетворенія. Онъ исполнилъ все, что отъ него ожидалось, болѣе, чѣмъ могли ожидать отъ него: *партіи* теперь открывался кредитъ на такую крупную сумму, что успѣху „предпріятій“ ничто уже не могло помѣшать.. И достигнуто это прямо, „честно“, побѣднымъ словомъ „гражданскаго убѣжденія“, а не тѣмъ протившимъ его „барству“ циничнымъ путемъ, на который злорадно указывалъ ему Волкъ... Да, онъ совершилъ все, что предписывалъ ему его „революціонный долгъ“, — и въ правѣ теперь дать наконецъ волю своему „субъективному чувству“, пойти, широко раскрывъ жадныя объятія, на соблазнъ этой ночи, этой женщины...

— Попались, повторила она трепетнымъ голосомъ, какъ бы вся млѣя и *ожидая* въ свою очередь...

Онъ безъ словъ подошелъ къ самымъ периламъ, полусклонившись надъ ней, со страстнымъ, едва сдерживаемымъ желаніемъ прильнуть тутъ же поцѣлуемъ къ отдѣлявшейся отъ ворота платья нѣжной кожѣ ея затылка, à la naissance des cheveux, какъ говорятъ Французы, къ той черточкѣ, на кото-

рой безчисленными колечками вились ея роскошные пахучіе волосы.

— Одна Топу никогда не пойметъ этой прелести, говорила она тѣмъ временемъ, какъ бы задумавшись на мигъ. И вдругъ, со мгновенно засверкавшимъ взглядомъ обернулась къ нему всѣмъ тѣломъ, очутясь при этомъ въ такомъ близкомъ разстояніи отъ него, что онъ невольно подался шагъ назадъ: — скажите, вы ее очень любили?

— Топу?

И онъ повелъ съ усмѣшкою плечомъ:—Топу мнѣ сестра, и мы терпѣть не могли другъ друга съ самаго дѣтства.

Она всплеснула руками въ невыразимомъ изумленіи:

— Ваша сестра?...

— Да... Настоящее имя мое: Владиміръ Буйносовъ.

— Такъ вы... вы тотъ ея братъ, о которомъ она мнѣ какъ-то разъ сказала en passant, что онъ давно пропалъ безъ вѣсти... Vous êtes mon cousin?...

— Если хотите...

— Что?

— Давать мнѣ это названіе.

— А вы?

И лихорадочно раскрывшіеся глаза ея съ поблѣднѣвшимъ внезапно лицомъ такъ и вонзились въ его глаза...

— Я... мнѣ этого мало, едва былъ онъ въ силахъ выговорить отъ подымавшагося ему къ горлу внутренняго трепета.

Она вскинулась вся, вздрогнула...

— О, я это знала, я предчувствовала! вырвалось у нея какимъ-то кликомъ торжества.

— Что... что предчувствовали?...

— Что?... Что ты будешь мой—вотъ что! пролепетала она, нежданнымъ движеніемъ закидывая ему руку за голову и притягивая ее къ своимъ пылавшимъ губамъ...

IX.

Nec defuit fides.
Tacit. *Annales.*

Вѣяло весной. Жаворонки уже звенѣли въ разрѣженномъ воздухѣ. Стаявшій снѣгъ журчалъ и прядалъ ручьями по канавамъ и оврагамъ. Теплый вѣтеръ несся въ лицо и кое-гдѣ на *взлобкахъ* паровыхъ полей ложилась уже маслянистыми пластами взрѣзанная земля подъ сохой прилежнаго крестьянина...

Но въ кабинетѣ Бориса Васильевича Троекурова во Всесвятскомъ еще трещалъ каминъ,

...отливами огня
Минувшій тѣсный міръ зимы напоминая, *)

и у этого камина не то въ усталомъ, не то въ угрюмомъ безмолвіи сидѣли самъ хозяинъ и два пріятеля его, Павелъ Григорьевичъ Юшковъ и князь Пужбольскій, вернувшійся изъ Италіи позднею осенью съ Борисомъ Васильевичемъ и его дочерью и прогостившій всю зиму во Всесвятскомъ.

Они только-что вернулись всѣ трое пѣшкомъ изъ церкви, гдѣ, въ присутствіи почти трехтысячнаго населенія крестьянъ окрестныхъ деревень и рабочихъ Троекуровскаго сахарнаго завода, отслуженъ былъ благодарственный молебенъ за „чудодѣйственное спасеніе Освободителя-Царя отъ руки злодѣя“...

Всѣ трое равно казались поглощенными тѣми глубоко захватывавшими ощущеніями, которыя вынесли они изъ храма,

*) Гр. А. Толстой.

и менѣе всего, видимо, хотѣлось каждому говорить о томъ, чѣмъ были вызваны они у него на душѣ, — а на языкъ не шло ничто другое.

Троекуровъ прервалъ молчаніе первый. Онъ прищурился на стоявшіе на каминѣ старинные Нортоновскіе часы:

— Второй часъ, сказалъ онъ,—а Гриши все нѣтъ.

— На Савельевской греблѣ застрялъ, пари держу, быстро возразилъ на это Павелъ Григорьевичъ: — тамъ теперь проѣхать—адъ!

— Я все ждалъ, признаюсь, что онъ къ молебну подъѣдетъ... началъ было опять и тутъ же замолкъ Борисъ Васильевичъ.

На мигъ настало опять молчаніе.

— Да, прислали-бъ ихъ сюда посмотрѣть, какъ этотъ народъ молился... неопредѣленно, понуривъ голову и какъ бы про себя, проговорилъ старый морякъ.

Пужбольскій понялъ и такъ и привскочилъ на своемъ креслѣ.

— И отдали-бъ ихъ на его, *на его* судъ! воскликнулъ онъ: — онъ бы имъ *показывалъ* настоящій jugement de Dieu, какъ dans le moyen âge!

Онъ пропустилъ пальцы въ свою огненную бороду и дернулъ ее свирѣпо внизъ, словно желая испытать на самомъ себѣ предвкушеніе того, что могло ожидать *ихъ* при такомъ „средневѣковомъ“ судѣ народномъ.

Дверь изъ гостиной въ эту минуту шумно отворилась. На порогѣ ея, вся сіяющая, показалась красавица Маша, крикнула: „Пріѣхалъ!“ и стремительно понеслась назадъ.

Сидѣвшіе поднялись съ мѣста и пошли навстрѣчу пріѣзжему.

Онъ стоялъ посреди гостиной, наклонясь надъ протянувшеюся къ нему рукой Александры Павловны и, цѣлуя ее, въ помятомъ дорожномъ пальто, успѣвшій уже загорѣть докрасна отъ вѣтра и весеннихъ лучей въ продолженіе двадцативерстнаго переѣзда въ коляскѣ изъ города, гдѣ онъ вышелъ изъ вагона Московско-Курской желѣзной дороги.

— Наконецъ-то, Гриша, наконецъ! лепетала радостно Александра Павловна, цѣлуя его въ свою очередь въ лобъ.

Маша стояла подлѣ, широко раскрывъ свои вишневые глаза, и глядѣла на него съ какимъ-то недоумѣлымъ выраженіемъ, точно спрашивая себя: все тотъ-ли онъ, не подмѣнили-ли ей его?.. Она съ нимъ около году не видалась. По возвращеніи своемъ съ отцомъ изъ-за границы она не застала Гриши въ ихъ странахъ: онъ уѣхалъ въ ноябрѣ въ Петербургъ по тяжебному дѣлу въ одномъ изъ департаментовъ стараго Сената о какой-то лѣсной пустоши, доставшейся ему по наслѣдству отъ матери, и только теперь возвращался съ береговъ Невы въ родные края.

„Красный такой... и бороду отпустилъ... и совсѣмъ не идетъ къ нему“, проносилось у нея короткими абзацами въ головѣ, „и начнутъ они теперь всѣ обнимать его и разспрашивать... и до самаго вечера не успѣешь съ нимъ поговорить“...

Его дѣйствительно всѣ спѣшили обнять теперь: и отецъ, и Борисъ Васильевичъ, и достигшій за два послѣдніе года размѣровъ пивной бочки докторъ Ѳирсовъ, и большой пріятель его, Mr. Blanchard, едва переводившій дыханіе отъ спѣха, съ которымъ прибѣжалъ съ завода на звонъ бубенцовъ его ямщицкой тройки. Гриша едва успѣвалъ отвѣчать и улыбался съ тѣмъ растеряннымъ, словно опьянѣвшимъ видомъ, какой имѣется всегда у человѣка въ этихъ случаяхъ, на возгласы, спросы, предложенія, сыпавшіяся на него со всѣхъ сторонъ:

— Цѣлъ вернулся, здоровъ?

— Слава Богу, какъ видите!.. Телеграмму мою когда получили?

— Третьяго дня вечеромъ... Что такъ долго изъ города ѣхали?

— Дорога ужасная...

— На Савельевской греблѣ, воображаю...

— Два часа бились, едва вывезли лошади...

— Проголодался? Завтракъ тебѣ готовъ.

— Нѣтъ, благодарю, позавтракалъ на станціи желѣзной дороги, ѣсть не хочется. А чаю выпилъ бы съ удовольствіемъ.

— Сейчасъ, сейчасъ!...

И Анфиса Дмитріевна Ѳирсова, бывшая тутъ же, кинулась распорядиться.

— Мы васъ поджидали къ молебну, говорила Александра Павловна.

— Къ молебну? вопросительно повторилъ Гриша и тутъ же, вспомнивъ, слегка вздрогнулъ, потеръ себя рукой по лицу:—да, ужасно!...

— Ужасно!.. На такомъ близкомъ разстояніи... пять пуль— и ни царапины...

— Одна впрочемъ, какъ говорятъ, нашлась въ подкладкѣ пальто.

Александра Павловна крестилась:

— Чудо Божіе, чудо!... Какъ зато и молились за *него* у насъ сегодня, Гриша! Старики, молодые, дѣти, все плакало...

— Vous l'avez vu? съ жаднымъ любопытствомъ въ глазахъ и голосѣ допытывался Blanchard.

— Qui?

— L'assassin... Le prestoupnik? счелъ онъ нужнымъ перевести по-русски.

— Потомъ, потомъ! прервалъ хозяинъ дома, — дайте ему прежде всего привести себя въ порядокъ и напойте чаемъ, а тамъ милости просимъ ко мнѣ.

Чрезъ полчаса пріѣзжій, умытый и переодѣтый, сидѣлъ на диванѣ подлѣ хозяйки въ кабинетѣ ея мужа, куда собрались всѣ обитатели дома внимать вѣстямъ о страшномъ событіи, привезенномъ имъ изъ Петербурга. Онъ передавалъ ихъ взволнованнымъ голосомъ, еще весь подъ впечатлѣніемъ видѣннаго имъ тамъ и слышаннаго. Напряженно, не отрывая отъ него глазъ, съ лихорадочнымъ волненіемъ на лицахъ, слушали его всѣ. Одинъ Борисъ Васильевичъ, сидя къ нему въ полоборота, какъ бы разсѣянно слѣдилъ, прищуривъ вѣки, за колечками табачнаго дыма, срывавшимися съ его губъ и уносимыми теченіемъ воздуха въ пылавшій предъ нимъ каминъ. Чѣмъ озабоченнѣе бывалъ онъ внутренно, тѣмъ по обыкновенію невозмутимѣе казался его наружный видъ... Молодая дочь его, въ свою очередь, видимо не намѣрена была выдавать то впечатлѣніе, которое производили на нее слова гово-

ривша́го: она сидѣла поодаль ото всѣхъ, у окна, и, наклонивъ голову, складывала быстро двигавшимися пальцами *пѣтушо́къ* изъ какого-то листочка печатной бумаги, поднятой ею съ пола.

Я былъ на Дворцовой площади, разсказывалъ Гриша, когда Государь, часа уже три послѣ происшествія, выѣзжалъ изъ Зимняго Дворца; онъ ѣздилъ къ часовнѣ у Лѣтняго сада въ память 4 апрѣля, оттуда въ Казанскій соборъ и затѣмъ вернулся. Я стоялъ у самаго Салтыковскаго подъѣзда и видѣлъ его близко, когда коляска его съѣзжала и въѣзжала потомъ опять подъ крыльцо. Онъ былъ совершенно спокоенъ... нѣсколько блѣденъ,—онъ страдаетъ астмой и, говорятъ, иногда совсѣмъ задыхается, — въ шинели и бѣлой конногвардейской фуражкѣ. Площадь съ утра кипѣла народомъ: часть толпы успѣла уже разойтись, но еще много оставалось, тысячи двѣ, я думаю, а когда онъ возвращался изъ Казанскаго, все, что̀ было на Невскомъ проспектѣ, ринулось бѣгомъ за его экипажемъ... И все это стономъ стонало *ура*, пополамъ со слезами... которыя всѣхъ насъ, признаюсь, равно душили и никто удержать не могъ. Подлѣ меня у самыхъ перилъ стоялъ старикъ съ длинною бѣлою бородой, какой-то лабазникъ или мелкій торговецъ, по одеждѣ судя. Онъ обѣими руками такъ и уцѣпился за эти перила, чтобы не сбили его напиравшіе сзади, и захлебывался громкимъ рыданіемъ: „Батюшка, Божій Помазанникъ, храни тебя Отецъ Небесный“!.. Поразилъ-ли Государя этотъ старческій голосъ среди общаго клика, только онъ вдругъ обернулся, кивнулъ въ нашу сторону съ высоты коляски и чуть-чуть усмѣхнулся... Я этой усмѣшки забыть не могу: такая безконечная доброта и глубокая, глубокая печаль... А старикъ, какъ стоялъ, такъ и рухнулъ на колѣни... Государь тутъ же вошелъ во дворецъ, сказавъ нѣсколько словъ полицейскому офицеру, стоявшему на подъѣздѣ. Тотъ подошелъ къ намъ: „Его величество, говоритъ, изволилъ приказать всѣхъ благодарить, но проситъ разойтись, такъ какъ императрица не здорова и можетъ быть потревожена шумомъ“. Все смолкло въ одну минуту и стало расходиться. Я помогъ моему старику подняться на ноги,—но онъ до того былъ взволнованъ, что

шатался, отъ слабости, и мы его съ какимъ-то парнемъ изъ рабочихъ насилу довели до Адмиралтейскаго бульвара, гдѣ и усадили чуть живаго на скамейку. Парень побѣжалъ къ Невѣ за водой, принесъ ему. Онъ выпилъ, отдышался и опять свое началъ: „Грѣхъ-то, грѣхъ на всю Россію какой, въ Помазанника Божія палятъ... Убивцы, измѣнники“! И до сихъ поръ такъ и звенятъ у меня въ ухѣ его голосъ и эти слова, „измѣнники“, примолвилъ Гриша, нервно передернувъ плечами.

— И это, воскликнулъ Пужбольскій,—dans sa propre capitale, въ трехъ шагахъ отъ своего дворца, Русскій царь... И все это возможно, все это будто такъ *должно быть* у нихъ!...

— Именно такъ, продолжалъ молодой Юшковъ;—я въ тотъ же вечеръ встрѣтился въ одномъ домѣ съ однимъ чиновнымъ лицомъ, тайный совѣтникъ какой-то... Разговоръ, разумѣется, шелъ о томъ, что произошло утромъ. Каждый сообщалъ, что ему пришлось узнать, услышать въ теченіе дня, всякія подробности, слухи. Господинъ этотъ сидѣлъ, развалясь въ своемъ креслѣ, молча и позѣвывая, какъ человѣкъ, которому все это ужасно надоѣло. И вдругъ слышу: „Ну да“, говоритъ онъ самымъ равнодушнымъ тономъ, „духъ вѣка, повѣтріе на царствующихъ лицъ: прошлою осенью стрѣляли въ Италіянскаго короля, мѣсяцъ спустя въ Испанскаго... у насъ сегодня этотъ Соловьевъ“... И посмотрѣли бы вы, съ какимъ пренебреженіемъ взглянулъ онъ при этомъ на всѣхъ и плечами пожалъ: „стоитъ-ли, молъ, толковать о такомъ вздорѣ“!...

— Что же, сказали вы ему, что онъ... вся запылавшая крикнула съ мѣста Маша, и, не досказавъ, поспѣшно отвернулась къ окну, учащенно дыша высоко подымавшеюся грудью.

— Не успѣлъ бы, если-бъ и вздумалъ, отвѣтилъ Гриша:—ему въ это время сунулъ въ руки карту хозяинъ дома, и они преспокойно отправились къ ломберному столу. И какая польза говорить,—мало-ли ихъ такихъ въ этомъ миломъ городѣ Петербургѣ!...

— Да, раздраженно промолвилъ Павелъ Григорьевичъ,—вѣдь то, что выросло и выплодилось на этомъ болотѣ, мы ни въ какомъ другомъ углу вселенной не увидимъ. Ни одного вѣдь живаго мѣста въ этой ходячей мертвечинѣ, что зовутъ

петербургскимъ человѣкомъ, не осталось. Для чего, на какую потребу живетъ такой человѣкъ и какъ самому ему не придетъ въ голову никогда, что онъ зловредный паразитъ на русскомъ организмѣ, я никогда не понималъ.

— Скажите: гангрена, Павелъ Григорьевичъ, замѣтилъ докторъ,—съ каждымъ днемъ все сильнѣе заражающая организмъ этотъ своимъ гніеніемъ.

Троекуровъ, все также не оборачиваясь и задумчиво глядя въ пламя камина, усмѣхнулся унылою улыбкой:

— Въ Петербургѣ люди изъ породы вашего тайнаго совѣтника обросли словами, будто мхомъ какимъ-то непроницаемымъ, и ихъ тараномъ не прошибешь. Способность къ самостоятельному сужденію въ нихъ такъ слаба, что они ни минуты не могутъ продержать никакой идеи въ головѣ и тотчасъ же роняютъ ее на полъ... Не всѣ же они отъ природы дураки и негодяи, и у многихъ изъ нихъ, я полагаю, должно было не разъ являться мучительное сознаніе своей несостоятельности во всемъ, къ чему только прилагаютъ они руки. Но уяснить себѣ ея причины никто изъ нихъ не въ состояніи, какъ не въ состояніи разгрыть орѣха беззубый старческій ротъ.. Возникла въ мозгу мысль—и тутъ же и вылетѣла вонъ, по непривычкѣ, по неспособности къ самому простому собственному логическому построенію. Рука злодѣя подымается на русскаго вѣнценосца. Въ здравомъ, ничѣмъ постороннимъ не исковерканномъ сужденіи какого-нибудь лабазника тотчасъ же совершенно правильно и притомъ исторически-вѣрно складывается понятіе, что покушеніе на его Царя, „на Помазанника Божія“, есть „грѣхъ *на всю Россію*“ и что въ какой бы мѣрѣ ни былъ къ этому грѣху причастенъ русскій подданный, дѣломъ ли, словомъ или хотя бы помышленіемъ однимъ, онъ все равно *измѣнникъ* предъ своею страной, своимъ народомъ... У петербургскаго *чина* изъ того же даннаго факта слагается въ мозгу нѣчто невыразимо корявое. „Въ Европѣ“, разсуждаетъ онъ, „носятъ высокіе цилиндры и длиннополыя пальто, — и мы носимъ пальто и такіе же цилиндры; ergo, если въ Европѣ стрѣляли и въ Италіянскаго, и въ Испанскаго короля, то почему же не стрѣлять и у насъ?“

И онъ этимъ выводомъ своимъ совершенно удовлетворенъ и успокоенъ. Онъ доказалъ себѣ лишній разъ, что онъ настоящій „Европеецъ“ и „современный“ человѣкъ, и ничего ему больше не нужно, и онъ благодушно отправляется затѣмъ играть въ карты, такъ какъ, въ убѣжденіи его, онъ безаппелляціонно все рѣшилъ и спорить съ нимъ можетъ притти въ голову лишь какому-нибудь „московскому ретроградству!“

— Et remarquez, заораторствовалъ опять Пужбольскій на своемъ миѳическомъ русскомъ языкѣ,—что этотъ петербургскій Européen меньше всего Européen dans le sens высшей культуры, что онъ ничему никогда серіозно не *учивается*, никогда ничего durch und durch не знаетъ, а помнитъ опять-таки только одни „слова“, которыми онъ „поросъ“, comme vous dites très bien, mon cher, какъ мухоморъ какой-нибудь, не *разумѣвая*, что они *настоящее* (то-есть настоящимъ образомъ) значутъ, изъ чего вышли и къ чему дѣйствительно могутъ *примѣниваться*...

— Имъ оттого и царь ни по чемъ, что его у нихъ въ головахъ нѣтъ, хихикнулъ какимъ-то глухимъ смѣхомъ докторъ Ѳирсовъ.

Пужбольскій схватился обѣими руками за голову:

— Oh mon Dieu, mon Dieu, что за путаница, и какою все это скверною штукой un jour ou l'autre *разыграться будетъ!*..

Гриша утвердительно кивнулъ:

— Симптомы скверные, дѣйствительно. Наканунѣ отъѣзда моего, утромъ, проѣзжаю я по набережной Мойки на Пѣвческій мостъ; вижу, — на тротуарѣ у зданія Гвардейскаго Штаба стоитъ толпа, человѣкъ пятьдесятъ, уткнувшись глазами въ стѣну. Я соскочилъ съ извощика, — туда. На этомъ самомъ мѣстѣ, какъ вамъ извѣстно изъ газетъ, произошло покушеніе... Въ стѣнѣ, вдавленныя въ известь штукатурки, три углубленія: первое въ три четверти человѣческаго роста и въ одинъ почти дюймъ глубины; другія перпендикулярно надъ нимъ, одно другаго выше и слабѣе. Это слѣды удара и рикошетовъ одной изъ пуль... И съ ранняго утра до поздней ночи, какъ говорилъ мнѣ стоявшій тутъ на мосту горо-

довой, третій ужь день стоятъ предъ этимъ и глядятъ, одна смѣняя другую, толпы кафтановъ и чуекъ, — *народъ*... Подошелъ я, слышу громкій разговоръ, не стѣсняясь... Не молодой какой-то, видимо рабочій, скуластый и сухой, въ фуражкѣ и синей поддевкѣ, руки въ карманъ запущены, голосъ хриплый, но не пьяный,—ни одного тутъ пьянаго не было,—и глаза моргаютъ съ какимъ-то очень злымъ и рѣшительнымъ выраженіемъ,—прямо около меня стоитъ. Стоитъ и возглашаетъ: „Не долга расправа—въ Неву всѣхъ"!.. Я привыкъ къ рѣчи рабочаго нашего, крестьянина; только тутъ тонъ какой-то совсѣмъ особый — нахальный... Заинтересовало это меня. „Кого это, говорю, собираетесь топить, ребята"? спрашиваю и улыбаюсь нарочно... Посмотрѣли бы вы, какъ онъ на меня обернулся, какъ взглянулъ, — точно раздавить меня этимъ взглядомъ хотѣлъ. „А это чьихъ рукъ дѣло"? спрашиваетъ, тыча пальцемъ на стѣну. Я не успѣлъ отвѣтить, какъ загалдѣла уже чуть не вся толпа. Съ другой моей стороны очутился какой-то, судя по закоптѣлому лицу и рукамъ, слесарь,—такой же на языкъ бойкій. И пошли вдвоемъ,—а остальные поддакиваютъ и словечки свои ввертываютъ... Ну, и наслушался я!.. „Кто, говорятъ, постоянно бунты затѣваетъ? А на Казанскомъ мосту въ позапрошломъ году что было?.. А нонече зимой какъ даже черезъ мостъ ихъ не пускали, медицинскихъ этихъ самыхъ, что вздумали они, очумѣлые, къ самому Наслѣднику Цесаревичу продрать?... А какъ эту поганку, что въ генерала Трепова стрѣлила, судъ отпустилъ, что было? кто въ жандармовъ камнями пущалъ"?.. „Извѣстно, *господа, студенты!* Царь-Батюшка народъ отъ крѣпости избавилъ, такъ этто они со злости на него убивцу послали", подкрикивали уже со всѣхъ сторонъ и все громче... Даже городовой подошелъ и сталъ увѣщевать: „потише, что галдите!" но съ видимою робостью и рго forma,—полиція въ Петербургѣ теперь „въ полномъ конфузѣ", какъ говорятъ... Попробовалъ я однако возразить: „злодѣй, говорю, показывая на стѣну,—и не *господинъ*, и не *студентъ*"... „Все одно", кричатъ, „изъ ихняго сословія, одного гнѣзда воронье. Всѣхъ бы на одну осину"!..

— На чистоту, значитъ! ввернулъ еще разъ докторъ.

— Такъ я и отошелъ, не добившись возможности быть выслушаннымъ. А городовой стоитъ тутъ, глядитъ на меня и только плечами пожимаетъ: ничего, молъ, баринъ, съ ними не подѣлать!

— На этомъ весь разсчетъ основанъ, сказалъ Борисъ Васильевичъ:—люди, держащіе нити того, что̀ у насъ происходитъ теперь,—люди глупые и *оппортунисты* не хуже самого monsieur Gambetta. Попробовали они произвести смуту пропагандой въ народѣ. Ничего изъ этого не вышло, но изъ получившагося отъ этихъ попытокъ опыта вынесли они себѣ въ будущее руководство два равно и совершенно вѣрныя положенія: *народъ крѣпокъ*, но *правительство слабо*. Ergo: народъ надо оставить въ сторонѣ, а всѣ усилія направить къ тому, чтобы это правительство „сдѣлать окончательно невозможнымъ“. Пошли убійства правительственныхъ лицъ, „терроръ“, въ Харьковѣ, Кіевѣ... нагнали дѣйствительно страха на мѣстныя власти; въ Петербургѣ сконфузились... Изо всего этого все-таки никакого переворота, никакого бунта, никакого прямаго успѣха для *анархіи* не произошло. Надо очевидно *выше взять*, надо прямо схватиться съ тѣмъ, на чемъ зиждется весь смыслъ, вся мощь, всѣ упованія страны. То, чего не въ состояніи была достигнуть „пропаганда“, разсудили они, сдѣлаетъ цареубійство. Оно подыметъ этотъ народъ во имя этого же царя, противъ всего, что̀ стоитъ между нимъ, народомъ и престоломъ, наводнитъ кровью Россію... Да, недурно, недурно разсчитано! какъ-то вдругъ оборвавъ, заключилъ устало Троекуровъ и снова повернулся лицомъ къ камину.

Павелъ Григорьевичъ Юшковъ судорожно провелъ рукой по лицу:

— „Русскій бунтъ, безсмысленный и безпощадный“, повторилъ онъ, вспоминая, слова Пушкина.

— О назначеніи временныхъ генералъ-губернаторовъ съ чрезвычайными полномочіями вы знаете? спросилъ Гриша.

— Какъ же читали: трехъ...

— Для *единства* власти, договорилъ Борисъ Васильевичъ,

совершенно повидимому серіозно, но на всѣхъ устахъ въ то же время пробѣжала улыбка.

— А Ветлянская чума что же? спросилъ въ свою очередь Оирсовъ.—Налетѣлъ орелъ, все въ порядокъ привелъ?.. А ужаса-то какого нагнали на все государство! Въ Петербургскомъ *Таймсѣ* телеграмма изъ Царицына помните: „Крикните кличъ къ Русскому народу. Люди мрутъ безпомощно“. И ни слова правды не оказалось... Вотъ вы не объясните-ли намъ, провинціаламъ: на что *эта* штука понадобилась? Европу пугать что-ли?

— Ну да, ну да, визгнулъ Пужбольскій,—лишній дать ей *резонъ* кричать о нашемъ варварствѣ...

— И безсиліи, прибавилъ Троевуровъ,—это тоже въ разсчеты входитъ...

— C'est ça! Я уже и читалъ въ *Débats* или какой-то другой газетѣ: „Un nouveau fléau vient de s'abattre sur la malheureuse Russie, déjà dévorée par le double lèpre de la banqueroute et du nihilisme“...

— Въ Петербургѣ разсказываютъ, сказалъ молодой Юшковъ, — что въ Германіи одинъ очень умный человѣкъ про наши теперешнія дѣла выразился очень зло и, по несчастію, не безосновательно: „Dummheit ist eine Gottes Gabe, doch miszbrauchen darf man sie nicht *).

Всѣ улыбнулись опять...

— И въ Петербургѣ всѣ этимъ ужасно довольны и другъ другу сообщить спѣшатъ? какъ бы уронилъ Борисъ Васильевичъ.

— Я человѣкъ отъ десяти слышалъ.

— Непремѣнно! Это удивительная черта русскихъ, и по преимуществу петербургскихъ, современныхъ людей: они въ оплеваніи ихъ чужими и собой самими находятъ какое-то высшее наслажденіе и цинически гордятся этимъ. Геніальнѣйшій, напримѣръ, и любимѣйшій для нихъ отечественный писатель—Щедринъ, который имъ изъ года въ годъ, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ безъ церемоніи говоритъ, что всѣ они или

*) Глупость—Божій даръ, но злоупотреблять ею все же не слѣдуетъ.

взяточники, или идіоты, когда не то и не другое вмѣстѣ. Это уже не Гоголевскій „видимый смѣхъ и невидимыя слезы“; это безкорыстное самоуслажденіе своимъ умственнымъ и нравственнымъ холопствомъ, ничего не имѣющее общаго съ трезвымъ сознаніемъ своихъ недостатковъ, которое влечетъ за собою и стыдъ, и естественное желаніе отрѣшиться отъ нихъ...

— Нѣтъ, ни отчего они не отрѣшатся и ничему не научатся! вырвалось на это у стараго моряка такимъ глубоко скорбнымъ тономъ, что всѣхъ какъ бы разомъ обдало холодомъ: — явятся новые злодѣи, новое покушеніе, и *онъ*, и съ *нимъ* Россія очутятся въ томъ же безпомощномъ положеніи!

— Вася, что съ тобою! вскликнула безмолвно внимавшая до этой минуты разговору Александра Павловна, испуганно воззрясь въ сына.

Юноша (ему только-что минуло 17 лѣтъ) сидѣлъ за угломъ камина, полускрытый кресломъ отца отъ расположившихся кругомъ его собесѣдниковъ, но матери его съ ея мѣста онъ весь былъ виденъ; отъ заботливаго взгляда ея не ускользнуло то алчное и болѣзненное выраженіе, съ какимъ прислушивался онъ къ словамъ говорившихъ... Она давно уже слѣдила за нимъ: она видѣла полтора часа тому назадъ, съ какимъ страстнымъ умиленіемъ молился онъ въ церкви за молебномъ, знала, что съ самаго дня полученія во Всесвятскомъ извѣстія о покушеніи на царскую жизнь онъ „самъ не свой сталъ“, какъ выражалась она мысленно... Она всегда боялась за его здоровье — онъ былъ всегда такой тонкій, *деликатный*, росъ такъ быстро, такой былъ воспріимчивый и *чувствительный*, — а тутъ онъ аппетита лишился... или нарочно морилъ себя голодомъ, можетъ быть, ѣлъ за обѣдомъ черезъ силу, когда она ему замѣчала объ этомъ, плохо спалъ... Вячеславъ Хлодоміровичъ Павличекъ, наставникъ его, съ которымъ онъ жилъ въ одной комнатѣ, передавалъ ей, что, проснувшись третьяго дня среди ночи, увидѣлъ его, Васю, на колѣняхъ предъ стуломъ, на которомъ онъ разложилъ Евангеліе и читалъ при свѣтѣ зажженной имъ свѣчи,—и Павличекъ счелъ нужнымъ сдѣлать ему за это замѣчаніе, сказавъ ему, что „на все есть время“... Сама она всегда была на-

божна, и Вася унаслѣдовалъ это отъ нея. Онъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ „думалъ о Богѣ, но въ послѣднее время это приняло такой характеръ... Особенно съ тѣхъ поръ какъ попалъ ему въ руки *Дневникъ* Достоевскаго... Она, конечно, „должна благодарить Отца Небеснаго за такого сына“: онъ ни единожды еще въ жизни не подалъ повода ни ей, ни отцу упрекнуть его въ чемъ-нибудь, онъ не по годамъ строгъ къ себѣ, разсудителенъ и серіозенъ... Но *это... это...* Странно!.. Не въ монахи же онъ себя готовитъ... И „Борисъ это давно замѣтилъ“, она видитъ, „и его тоже безпокоитъ это“. Онъ ей до сихъ поръ ничего не говорилъ,—„онъ, можетъ быть, думаетъ, что я это одобряю“, проносилось у нея въ головѣ,—но онъ видимо старается отвлечь его отъ его *мыслей*, разсѣять его, сталъ много ѣздить съ нимъ верхомъ, бралъ его зимой всегда съ собой на охоту. И Вася одно время какъ бы встрепенулся, не такъ безучастно глядѣть сталъ на все... Но вотъ „этотъ ужасъ“ въ Петербургѣ, и онъ опять... И не нужно было ему совсѣмъ здѣсь сидѣть въ эту минуту. Они говорятъ о *томъ*, а онъ слушаетъ,—и ни кровинки у него въ лицѣ, и руки дрожатъ, она это чуетъ... Господи, онъ чуть со стула не свалился...

— Вася, что съ тобой!..

И она кинулась къ сыну.

Борисъ Васильевичъ съ судорожно заморгавшими глазами быстро обернулся къ нимъ на колескахъ своего кресла. Все встревожилось, вскинулось...

— Ничего, мама, ничего... усталъ немножко... голова закружилась, лепеталъ Вася, борясь, что было силъ.

Маша уже летѣла къ нему съ захваченными ею на столѣ графиномъ съ водой и стаканомъ.

— Усталъ, да и спалъ, вѣрно, дурно опять, и въ церкви потомъ... говорила, сама дрожа вся, Александра Павловна.

— Марія Борисовна, захватите-ка въ уборной папеньки флаконъ съ одеколонцемъ и дайте братцу понюхать, да ужь и мамашѣ кстати... она вѣдь рада случаю изъ-за вздора въ отчаяніе приходить... А молодца сейцасъ въ постель—и спать безпробудно до самаго обѣда, а за обѣдомъ бифштексъ по-

краснѣе и рюмку добраго портвейну — и онъ у насъ изъ-за стола какъ встрепаный встанетъ, успокоивалъ всѣхъ толстякъ докторъ наливая „молодцу“ воды и посмѣиваясь со своимъ грубоватымъ и веселымъ добродушіемъ.

Юноша отпилъ, поднялся разомъ на ноги, оглянулся кругомъ не то застѣнчиво, не то задумавшись,—глаза его какъ-то вдругъ загорѣлись и засверкали,—и прямо направился къ креслу старика Юшкова.

— Павелъ Григорьевичъ, трепетнымъ голосомъ проговорилъ онъ,—вѣдь этого не будетъ, не можетъ быть...

— Чего это, мой голубчикъ, о чемъ ты? воскликнулъ недоумѣвая тотъ.

— Что еще разъ... въ Государя?.. Вѣдь Богъ этого не можетъ дозволить?.. Вѣдь это грѣхъ, грѣхъ „на всю Россію“, какъ говорилъ этотъ старикъ Гришѣ...

— И ничего не будетъ, и нечего вамъ объ этомъ думать, и сейчасъ спать, а не то мушку на все тѣло налѣплю! закричалъ на него докторъ, схватилъ за плечи, повернулъ къ себѣ спиной и затолкалъ къ двери.

— А ты, Вася, хорошій, я тебя люблю!..

И Маша съ разбѣга кинулась къ брату, охватила его шею обѣими руками, прижалась щекой къ его щекѣ, — и оба они разомъ залились дѣтски неудержимыми, внезапными и стремительными слезами...

X.

Маша пришла въ себя первая и, съ краской стыда во всю щеку за свою „глупость“, вылетѣла вонъ изъ комнаты. Братъ и Александра Павловна послѣдовали за нею.

Павелъ Григорьевичъ Юшковъ какимъ-то безсознательнымъ движеніемъ— на его старческихъ вѣкахъ дрожали блестящія росинки,—обернулся къ сыну:

— Это поколѣніе лучше, чѣмъ ваше, будетъ, Гриша!..

Пужбольскій не далъ ему говорить далѣе, путаясь самъ въ словахъ и съ трудомъ разбираясь въ хаосѣ мыслей, приливавшихъ ему въ голову:

— Да много-ли ихъ, много-ли такихъ! Вѣдь это... Comment dites vous ça?.. Это *отпрыскъ* отъ оставшихся еще кое-гдѣ хорошихъ корней... послѣ общей рубки. Mais la forêt n'est plus! Было, fuit — и нѣтъ больше. De profundis отпѣли и сдали въ архивъ... Мы вотъ всѣ тутъ, мы—les dernières épaves, выкинутые на берегъ,—на новый берегъ, гдѣ такъ скверно... Не намъ однимъ скверно — lisez Nekrassof: *кому на Руси жить хорошо! Его* дѣти (онъ кивнулъ подбородкомъ на хозяина,) не могутъ думать, чувствовать иначе, какъ самъ онъ, какъ мы... У насъ, comme on dit, связующія нити были, вѣковыя связи, и съ верхомъ, и съ низомъ, des attaches et des traditions... „Грѣхъ на всю Россію“ — это прямо изъ народнаго чувства *выскакивало*, и мы это всѣ тутъ понимаемъ in imo pectore, потому мы то же самое чувство съ молокомъ матерей нашихъ *сосали*, et le jeune homme a fondu en larmes, потому что онъ le fils de son père... А le современный петер-

бургскій тайный совѣтникъ, la satanée *„интеллигенція“* qui se croit l'Europe и ни съ одной серіозной европейской книгой *слаживать* (сладить) не можетъ, — они себя съ дѣтства какимъ молокомъ *питывали?* визжалъ уже пламенный князь на самыхъ высокихъ нотахъ своего фальцета: — Они лягушки du Базаровъ de monsieur Tourguenef *сасывали* вмѣсто молока, потому что у ихъ матерей, у стриженыхъ, и молока никакого не можетъ быть, а должна *прыскивать* изъ грудей одна желчь пополамъ съ чернилами изъ аптеки — самыя скверныя de toutes comme on sait, пояснилъ онъ въ заключеніе.

Смѣшливый толстякъ-докторъ не выдержалъ и покатился со смѣху на всю комнату.

Пужбольскій вперилъ въ него широко раскрывшіеся, недоумѣлые глаза, не зная, разсердиться-ли на него, или расхохотаться самому...

Вошедшій торопливо слуга подалъ въ это время Борису Васильевичу крупнаго размѣра визитную карточку.

Визитная карточка—въ деревнѣ... Это было такъ необычно, что Троекуровъ, не дотрогиваясь еще до нея, поднялъ глаза и спросилъ:

— Что такое?

— Господинъ Свищовъ изволили пріѣхать, отвѣтилъ слуга,—а съ ними этотъ самый... графъ...

— Какой графъ?..

Троекуровъ поднялъ съ подноса карточку и прочелъ громко:

Графъ Петръ Капитоновичъ
Снядецкій-Лупандинъ
Двора Е. И. В. Камергеръ.

Онъ чуть-чуть пожалъ плечами, прижмурился:

— Проси! сказалъ онъ:—да спроси прежде, не желаютъ-ли они закусить или переодѣться, и въ такомъ случаѣ отведи въ отдѣленіе для гостей.

Слуга вышелъ.

— Ты знаешь этого господина? поспѣшилъ спросить любопытный Пужбольскій.

— Понятія не имѣю.

— Еще одинъ изъ symptômes du temps! хихикнулъ князь:— всѣ демократы, привилегіи и титулы презираютъ, и въ то же время то-и-дѣло выростаютъ, какъ грибы, Dieu sait comme et pourquoi, какіе-то графы, которыхъ никто не знаетъ...

— Я вамъ скажу, кто этотъ, вспомнилъ Павелъ Григорьевичъ:—у насъ въ уѣздѣ вдова-старушка, помѣщица жила, бездѣтная,—умерла недавно, — Слуцкая по фамиліи, рожденная Лупандина; такъ онъ ей племянникъ родной, и имѣніе отъ нея наслѣдовалъ, во владѣніе вступать пріѣхалъ изъ Петербурга. А графомъ сдѣлался года три почитай тому назадъ, по матери: Полька она была, послѣдняя въ родѣ, стало быть... Только онъ какъ-то добился, чтобъ ему ея фамилію съ титуломъ дозволили присоединить къ своей. Старушка Слуцкая разсказывала мнѣ, помню, это очень подробно, да я забылъ... И не интересно впрочемъ... Ну-съ, а вотъ Свищовъ для чего къ вамъ явился, обратился онъ къ Троекурову,—курьезно!...

— Le général Suichof, усмѣхнулся Борисъ Васильевичъ.

— Да, засмѣялся и Юшковъ,—дѣйствительно, по фамиліи: *свищъ*. А знаете, что ему нужно?

— Не знаю.

— Пари готовъ держать: въ мировые судьи баллотироваться вздумалъ, а не то и въ предсѣдатели управы.

— Вы полагаете?

— Посмотрите! Съ тѣхъ поръ, какъ пріятель его Троженковъ провалился торжественно второй разъ на выборахъ, и вся ихъ партія разбита въ пухъ и не смѣетъ головы поднять, благодаря вамъ...

— Отчего же *мнѣ?* запротестовалъ, прерывая его, Троекуровъ: — скажите, благодаря тому, что вы у насъ четвертое трехлѣтіе предводитель и предсѣдатель земскаго собранія и что съ вами готовы служить всѣ порядочные люди въ уѣздѣ.

— А не будь васъ и вашего *тузоваго* положенія, засмѣялся старый морякъ, — при которомъ никто не почитаетъ для себя выгоднымъ быть съ вами въ оппозиціи, давно бы и я не сидѣлъ на своемъ консульствѣ, всѣ „порядочные люди“ прогнаны бы были на чернякахъ на выборахъ, и въ управѣ распоряжалась бы на полной своей волюшкѣ извѣстная орда

охочихъ до земскихъ денегъ. Нечего вамъ скромничать, довольно и того, что сами вы никакой должности принять не хотите.

— Помилуйте, возразилъ весело Борисъ Васильевичъ,—я гласный, да и кандидатомъ къ вамъ подбаллотированъ на послѣднихъ выборахъ...

Онъ не успѣлъ докончить. Дверь изъ гостиной отворилась, и изъ нея, расшаркиваясь на-ходу, выступили въ кабинетъ пріѣзжіе: Свищовъ, какъ *интродукторъ*, впереди, за нимъ графъ съ польско-русскою фамиліей.

Хозяинъ съ вѣжливою поспѣшностью всталъ и пошелъ имъ навстрѣчу.

— Графъ Петръ Капитоновичъ Снядецкій-Лупандинъ, нашъ новый землевладѣлецъ и согражданинъ, пылая горячимъ желаніемъ знакомства съ вашимъ превосходительствомъ, какъ главнымъ представителемъ крупнаго землевладѣнія... а также, смѣю сказать, интеллегенціи въ нашемъ уѣздѣ, просилъ меня доставить ему случай... явиться предъ васъ, si j'ose m'exprimer ainsi, широко округляя руки, произнесъ Свищовъ напыщеннымъ тономъ, въ которомъ чуткое ухо Троекурова тотчасъ же различило извѣстный оттѣнокъ шутовства, того, что Французы называютъ blague и что было ему всегда особенно ненавистно.

— Я не губернаторъ и не архіерей, ко мнѣ просто *пріѣзжаютъ*, а не „являются", медленно промолвилъ онъ, но съ такимъ оттѣнкомъ въ свою очередь, что мгновенно „потерявшій контенансъ" Свищовъ отскочилъ отъ него и стремительно кинулся жать руку только теперь замѣченнаго имъ Павла Григорьевича Юшкова.—Очень радъ! сказалъ тутъ же Борисъ Васильевичъ, протягивая руку „новому согражданину".

— Enchanté, промурлыкалъ тотъ, садясь въ кресло, на которое указывалъ ему хозяинъ, и, видимо, также не совсѣмъ увѣренный въ своемъ „контенансѣ".

Это былъ средняго роста, гладко выбритый и подчесанный, съ красненькими щечками, похожій на подержаннаго вербнаго херувима, господинъ, которому при этой наружности можно было равно дать въ иные дни тридцать пять лѣтъ,

какъ въ другіе — пятьдесятъ, смотря по тому состоянію, въ которомъ находилось его пищевареніе (онъ, какъ истый Петербуржецъ, страдалъ катарромъ желудка), и по количеству сна, отпущеннаго ему капризною судьбой за прошлую ночь. Самъ онъ всячески изощрялся придать себѣ какъ можно болѣе моложавости, такъ какъ со времени полученія имъ графскаго титула чрезвычайно озабоченъ былъ мыслію „передать его въ дальнѣйшее потомство“, для чего требовался прежде всего *прямой* „законный наслѣдникъ“, — новоиспеченный же графъ былъ холостъ, а слѣдовательно ближайшій in spe продолжатель его рода могъ явиться у него не иначе какъ продуктомъ брака, притомъ „выгоднаго“, къ чему онъ и стремился всѣми задушевными помыслами своими. Графскій титулъ, скажемъ къ слову, былъ для Петра Капитоновича источникомъ безконечнаго самоуслажденія — и такой же неустанной муки: онъ съ нимъ, если можно такъ выразиться, потерялъ всякій центръ тяжести. Неважный и небогатый чиновникъ одного изъ безчисленныхъ петербургскихъ министерствъ, онъ прожилъ лучшую часть своей жизни въ той сѣренькой атмосферѣ тамошняго „втораго общества“, изо всѣхъ силъ напрягающагося корчить *первое*, гдѣ равныя тамъ и здѣсь претензіи и скука не искупаются у подражающихъ тою безукоризненностью формъ, внѣшней культурности и обстановки, которою по крайней мѣрѣ могутъ похвалиться подражаемые; гдѣ представительницы прекраснаго пола смахиваютъ на *грандамъ* Александринскаго театра, или *шикозны* (sic) на манеръ героинь романовъ г. Боборыкина и въ счастливомъ смѣшеніи французскаго языка съ нижегородскимъ называютъ другъ друга „madame Гринева“, „madame Булыжникова„; гдѣ на *суареяхъ* ведетъ мазурку неистово ревностный и топочущій гвардейскій юнкеръ и въ кабинетѣ хозяина, превращенномъ въ коптильную печь, меланхолическіе столоначальники, облеченные (говоря языкомъ тѣхъ же романовъ,) въ „безукоризненныя „*фрачныя пары*“, и сумрачные военные академисты въ поручичьихъ погонахъ ведутъ „дебаты“ о „соціальныхъ вопросахъ“, а *козыремъ* вечера (извѣстно, что въ каждомъ петербургскомъ домѣ, на какой бы ступени общественной

іерархіи ни стоялъ онъ, есть всегда кто-то вышепоставленный, которымъ *козыряютъ* хозяева,) является какой-нибудь „дяденька статсъ-секретарь“ или „дипломатъ“ изъ турецкаго или бразильскаго посольства... Петръ Капитоновичъ почитался въ этомъ обществѣ „вполнѣ *комильфотнымъ кавалеромъ*“, съ прекраснымъ французскимъ *прононсомъ* (sic) и „настоящими камеръ-юнкерскими манерами“... Но, увы! этимъ манерамъ и „прононсу“ долгіе годы дано было являть себя на свѣтскомъ поприщѣ никакъ не выше салона madame Егушев*ой*, жены сенатора и чьего-то *товарища*, весьма рѣшительной и расписанной барыни, принимавшей „по середамъ“ въ своей огромной казенной, казной же омеблированной квартирѣ, гдѣ у каждой двери стоялъ *по службѣ* министерскій курьеръ съ горящею какъ жаръ мѣдною бляхой во всю грудь... И вдругъ, благодаря вліятельному ходатайству за него той же благоволившей къ нему „madame Егушев*ой*“, министръ особымъ докладомъ испрашиваетъ ему высшее соизволеніе присоединить къ своей фамилію его матери съ принадлежавшимъ ей титуломъ,—мечтой всей его жизни, въ осуществленіе которой онъ до послѣдней минуты вѣрить не смѣлъ. Онъ — графъ, *графъ*, „его сіятельство“... Петръ Капитоновичъ недѣли двѣ кряду не могъ притти въ себя отъ восторга и метался въ наемной каретѣ по городу, развозя знакомымъ новыя свои карточки, украшенныя короной „о девяти жемчужинахъ“, заказывалъ и покупалъ себѣ по магазинамъ платки, бѣлье, бумагу, бювары, костяные ножи, всякую нужную и ненужную *штуку*, лишь бы можно было налѣпить на нее въ томъ или другомъ видѣ все ту же корону надъ вычурнымъ шифромъ... Но вслѣдъ затѣмъ настали часы „серьезнаго размышленія“ о новомъ своемъ положеніи, въ теченіе коихъ новый графъ, вспомнивъ прочтенное имъ во всякихъ французскихъ романахъ о томъ, что „noblesse oblige“ и что „on doit frayer avec ses pairs“, рѣшилъ, что для него *нѣтъ болѣе общества* въ томъ „кругу“, гдѣ онъ вращался до сихъ поръ; что разъ онъ теперь „вельможа“ (онъ даже усмѣхнулся не то радостно, не то нѣсколько совѣстясь, когда это именно слово „вельможа“ влетѣло ему какъ-то въ голову), ему „такъ и нужно держать себя“! Вслѣдствіе этого Петръ

Капитоновичъ, весьма аккуратно до тѣхъ поръ соображавшій свои расходы съ получаемымъ имъ жалованьемъ и процентами съ капитала, тысячъ въ двадцать пять, наслѣдованнаго имъ отъ родителей, ухлопалъ въ первый же годъ половину этого капитала на омеблированіе нанятой имъ на Сергіевской („въ аристократическомъ кварталѣ“, какъ онъ выражался,) квартиры въ rez-de-chaussée, покупку „по случаю“ кареты и саней съ медвѣжьею полостью и заказъ выѣздной съ гербовыми басонами ливреи своему слугѣ. Устроившись такимъ образомъ, перекрасивъ заново карету, на дверцахъ которой велѣлъ, само собою, намалевать опять-таки свой графскій гербъ, и нанявъ мѣсячнаго извощика, онъ увидѣлъ себя вполнѣ готовымъ и достойнымъ „frayer avec ses pairs“... Но къ нѣкоторому, нѣсколько нежданному, удивленію своему, новый графъ на первомъ же вечерѣ въ свѣтѣ, въ *настоящемъ*, куда повезъ его одинъ изъ его сослуживцевъ, не „титулованный“, какъ онъ, но давно *свой* въ этомъ мірѣ, долженъ былъ прійти къ печальному убѣжденію, что его *перы* отнюдь не выражали особенной радости, ни даже удовольствія видѣть его въ своей средѣ, что на ледяныхъ устахъ обольстительныхъ дамъ, которымъ *называли* его, пробѣгала, при этомъ неслыханномъ ими до тѣхъ поръ имени: „графъ Снядецкій-Лупандинъ“, не то удивленная, не то—о ужасъ!—насмѣшливая улыбка... Петру Капитоновичу стало какъ-то вдругъ до очевидности ясно, что въ этомъ высокомѣрномъ въ своемъ рабскомъ тщеславіи и всезнающемъ въ суетливой мелочности своей петербугскомъ grand-monde ему не суждено пустить корней, что онъ для этого *монда* останется на вѣки вѣковъ все тотъ же какой-то чиновникъ, „изъ тѣхъ, изъ которыхъ никогда не дѣлаются министры“, безъ состоянія и *родства*, и не совсѣмъ уже молодой притомъ, и даже „не élégant de tournure“... и, наконецъ, просто „ridicule“, смѣшной, съ этимъ, ни къ селу, ни къ городу, пристегнутымъ къ нему *графствомъ*... Онъ вернулся, весь желтый съ того вечера, проклиная все и вся. „Вотъ если-бъ я, говорилъ онъ, кривя губы отъ горечи, чувствуемой имъ во рту,—вотъ если-бъ я съумѣлъ подцѣпить сиротку съ полумилліончикомъ дохода, какъ какой-нибудь „duc“ de-Печенѣговъ,

да притомъ апломбомъ бы его владѣлъ, такъ они бы всѣ мнѣ подошвы вылизали, а я... я бы имъ показалъ тогда"... Невѣдомо что̀ бы показалъ *имъ* нашъ графъ, если бы „владѣлъ апломбомъ" *дюка*, но во всякомъ случаѣ „сиротки" съ подобающимъ доходомъ, имѣвшей служить ему первою ступенью къ тому, чтобы „показать", у него никакой въ виду не имѣлось. Петръ Капитоновичъ весьма благоразумно разсудилъ поэтому, что „до поры до времени надо касательно свѣта попридержаться", и рѣшилъ искать пока себѣ „перовъ" въ клубѣ, куда какъ разъ выбаллотированъ былъ къ этому времени.

Тамъ онъ, дѣйствительно, въ качествѣ *винтёра*, играющаго „по четверти point, при малыхъ онёрахъ", тотчасъ попалъ въ желанный соусъ aux fines herbes. Партнеры его, конечно, не всѣ были графы и князья, но за то все тайные совѣтники или генералъ-адъютанты, „Александровскіе кавалеры,"—шутка! „Да-съ, это не то, что *каротировать* по сороковой съ madame Буряткиной, моей директоршей департамента", говорилъ онъ себѣ мысленно, съ нѣмою, но блаженною гордостью обѣгая взглядомъ троицу сановныхъ лысинъ, сидѣвшихъ съ нимъ за однимъ зеленымъ столомъ, и тщательно изучая при этомъ самоувѣренный пошибъ ихъ сужденій и рѣчей, тотъ, выражаясь его языкомъ, отличавшій ихъ „форсъ", котораго не доставало ему самому, да и на который, смиренно сознавалъ онъ внутренно, онъ и „претендовать" не могъ до тѣхъ поръ, пока носимый имъ теперь титулъ „не уравнялъ положеній"...

Съ практической же точку зрѣнія судя, „титулъ" скорѣе ухудшилъ, чѣмъ вознесъ „положеніе" Петра Капитоновича. Продолжавшая все также оказывать ему протекцію „madame Егушева выхлопотала ему, правда, камергерскій ключъ; но министръ, чрезъ котораго должно было итти объ этомъ представленіе, человѣкъ свѣтскій и *чрезъ свѣтъ* попавшій на свой высокій постъ, скорчилъ весьма кислую гримасу, когда *товарищъ* его повелъ ему объ этомъ рѣчь. „Я не хочу отказывать вамъ, mon cher", заявилъ онъ,—„но, пожалуйста, чтобъ ужь это было *послѣднее*. Я видѣлъ вашего Лупандина dans le monde: il y fait triste figure, сказать по правдѣ, и камергерство такъ

же мало, какъ и графство, которое мы ему выхлопотали, поможетъ ему съ этой стороны... Онъ къ тому же и способностями не боекъ, кажется, а?...“ Вслѣдствіе такого приговора графъ обойденъ былъ денежною наградой къ Новому Году, на которую онъ весьма разсчитывалъ, такъ какъ его „перы“ въ клубѣ нещадно обыгрывали его въ винтъ „по четверти съ малыми онёрами“. Съ другой стороны, министерскіе сослуживцы его, частью завидуя, частью негодуя на тотъ самый „форсъ“, который онъ дѣйствительно начиналъ мало-по-малу „напускать на себя“, честили его на всѣхъ перекресткахъ „индюкомъ въ графскомъ званіи“, „камергеромъ царя Бобеша“ *) и тому подобными изысканными наименованіями, и устраивали ему по службѣ всякіе, какъ выражались они, „камуфлеты“, имѣвшіе цѣлью заставить его „перейти въ другое вѣдомство“... А остатки капитала его въ то же время таяли у него въ рукахъ съ каждымъ днемъ все замѣтнѣе, и близокъ уже былъ, съ трепетомъ сознавалъ онъ, тотъ часъ, когда послѣдній отъ нихъ грошъ вылетитъ изъ его изукрашеннаго короной „о девяти жемчужинахъ“ бумажника.

Внезапная смерть еще не совсѣмъ древней скопидомки тетки,—онъ былъ единственный ея наслѣдникъ,—оставлявшей ему сотъ пять десятинъ хорошаго чернозема, не заложенныхъ ни въ какомъ банкѣ, и кое-какія деньги въ бумагахъ, выручила его. Онъ возликовалъ душой и немедленно понесся на крыльяхъ пара въ обѣтованный край, къ той землѣ, о которую, новый Антей, ему стоило, разсчитывалъ онъ, лишь ударить ногой, чтобы воспринять отъ нея новую, невѣдомую силу... Да, онъ теперь землевладѣлецъ, ландлордъ, „представитель крупной собственности“,—ему предстоитъ теперь, „настоящая, соотвѣтствующая *его фамиліи* карьера“: онъ „распрощается съ министерствомъ“ и перейдетъ на службу по выборамъ... Его изберутъ сначала въ уѣздные—даже можетъ быть, прямо въ губернскіе—предводители, а тамъ... Тамъ уже, само собою, говорилъ онъ себѣ въ радужныхъ мечтахъ, придутъ и „сиротка“, и связи, и „лизаніе у него подошвъ

*) Персонажъ изъ *Barbe-bleue* Оффенбаха.

петербургскимъ *мондомъ*“,—вся возобновленная для него справедливою судьбой одиссея *дюка*, „le duc de Petschenégof“,—этого вѣчнаго образца, этой лучшей жемчужины петербургской *умѣлости*...

Въ одномъ съ нимъ вагонѣ ѣхалъ, возвращаясь изъ-за границы „въ родныя палестины“, говорилъ онъ, давно знакомый читателю, если не позабытый имъ за давностью времени, Свищовъ *). Московскій „браво“, какъ называли его смѣясь знакомые, успѣлъ совершенно околдовать за это время новаго ландлорда.

Все тотъ же коренастый короткошея, чрезмѣрно по мѣрѣ накопленія лѣтъ раздавшійся въ ширь, Свищовъ, со своею щетиной полусѣдыхъ волосъ на плоской головѣ, густою *барбишкой* и „угрожающими небу“ усами, дѣйствительно подходилъ теперь характеромъ своего облика подъ типъ средневѣковаго наемнаго убійцы, но еще вѣрнѣе напоминалъ стараго французскаго зуава, повидавшаго и продѣлавшаго *всякое* въ жизни... Этой наружности соотвѣтствовало и то *духовное* содержаніе, которое заключалось подъ нею. Его безцеремонные пріемы и безшабашное благёрство давало, по мнѣнію многихъ, полное основаніе называть его „среднимъ братомъ между Хлестаковымъ и Ноздревымъ“. Но онъ во всякомъ случаѣ былъ умнѣе Хлестакова и тоньше, даже добродушнѣе въ своей наглости, чѣмъ Ноздревъ. Онъ всегда умѣлъ кстати самъ посмѣяться надъ своимъ враньемъ и почти всегда находилъ какой-нибудь остроумный выходъ, когда чувствовалъ себя уже слишкомъ тѣсно припертымъ къ стѣнѣ. Принятый въ гомеопатической дозѣ, онъ былъ даже иногда забавенъ, но не было человѣка, который послѣ *пріема* его не пришелъ бы въ извѣстное раздраженіе нервовъ... Кромѣ благёрства, его одолѣвала вѣчная страсть „помистифицировать“ ближняго, и требовалось съ перваго же раза „lui donner sur les pattes“, какъ говорятъ Французы, чтобъ отнять у него охоту къ дальнѣйшимъ попыткамъ навязать своему собесѣднику смѣхотворную роль... Онъ былъ, впрочемъ, довольно остороженъ и дозволялъ себѣ

*) *Четверть вѣка назадъ.*

разыгрывать свои „штучки“ на полной волюшкѣ только съ тѣми, кто, какъ наивный въ самомнѣніи своемъ графъ Петръ Капитоновичъ Снядецкій-Лупандинъ, довѣрчиво совалъ голову въ его крокодилову пасть.

Что онъ дѣлалъ, чѣмъ наполнялъ жизнь съ того времени, какъ видѣли мы его въ числѣ исполнителей *Гамлета* въ Сицкомъ, мы не беремся сказать. Онъ нѣсколько лѣтъ сряду пропадалъ изъ Россіи. Злые языки увѣряли, что онъ былъ во Франціи актеромъ, торреадоромъ въ Испаніи и что, проигравшись однажды въ пухъ въ Гомбургѣ, поступилъ въ должность *крупье* въ то же милое заведеніе, гдѣ „пропустилъ“ онъ до послѣдняго гроша свои кровныя русскія деньги. Все это сильно отзывалось фантазіей, но отнюдь нельзя было поручиться, чтобы самъ онъ, Свищовъ, въ пылу своего неудержимаго привиранья, не распустилъ про себя эти слухи... Несомнѣнно было то, что въ парижскомъ театральномъ и газетномъ мірѣ, гдѣ у него видимо были какія-то знакомства, онъ разсказывалъ про себя невѣроятныя вещи, чему служила доказательствомъ одна попавшая случайно въ руки Борису Васильевичу Троекурову за границей книжонка, посвященная, подобно сотнямъ подобныхъ ей, появляющихся въ наши дни въ Парижѣ, закулисной жизни „столицы міра“, а въ книжонкѣ этой, между прочимъ, повѣствовалось о нѣкоемъ „извѣстномъ кавказскомъ генералѣ Свищовѣ,—le général Suichof, une vieille illustration des guerres de la Russie au Caucase“, состоявшемъ будто бы въ должности „главнаго агента Императорскихъ русскихъ театровъ во Франціи“, „agent général des théâtres Impériaux russes en France“. Генералъ этотъ, читалось далѣе, „извѣстный въ своемъ отечествѣ многочисленными сочиненіями по исторіи и архитектурѣ, состоитъ вмѣстѣ съ тѣмъ руководящимъ редакторомъ (directeur) одного изъ вліятельнѣйшихъ московскихъ журналовъ (une des revues politiques les plus influentes de la vieille cité des czars) и владѣетъ, при этомъ, сотнею тысячъ десятинъ дѣвственныхъ лѣсовъ (une centaine de milliers d'hectares de fôrets vierges) подлѣ этого города“... „Сотни тысячъ десятинъ дѣвственнаго лѣса“ *генерала* Свищова соотвѣтствовала, увы! въ дѣйствительности, про-

порціи 1.000:1, такъ какъ изъ довольно порядочнаго имѣнія, наслѣдованнаго имъ отъ отца, онъ, послѣ всѣхъ „эволюцій“ и „трибуляцій“ своей жизни, успѣлъ сохранить полуразрушенную усадебку верстахъ въ десяти отъ Всесвятскаго, съ количествомъ въ ней земли, едва достигавшимъ нормы ценза, установленнаго въ этой мѣстности для пользованія полнотой земскихъ правъ... Этотъ лоскутъ земли далъ ему возможность нѣсколько лѣтъ назадъ попасть, какъ говорится, „фуксомъ“ въ члены уѣздной управы вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ Троженковымъ, вернувшимся въ то время изъ Западнаго края, гдѣ бывшій корреспондентъ Герцена, затѣмъ пламенный „руссификаторъ“, пріобрѣлъ отъ казны на „льготныхъ правахъ“ конфискованную ферму, которую тутъ же тайною сдѣлкой передалъ за приличную мзду во владѣніе мѣстному Поляку-помѣщику, вслѣдствіе чего и былъ удаленъ „безъ шума“ отъ занимаемой имъ должности... Ни онъ, ни Свищовъ не продержались долго и на земскихъ должностяхъ своихъ, и завалены были „черняками“ на слѣдовавшихъ за тѣмъ выборахъ, не смотря на то, что Троженковъ успѣлъ составить себѣ довольно большую партію среди избирателей-крестьянъ, благодаря кабакамъ, коихъ держалъ цѣлыхъ пятнадцать въ уѣздѣ, и ростовщичеству, въ которомъ никакой выжига-„міроѣдъ“ не могъ съ нимъ сравняться. Послѣ этого пораженія Свищовъ, владѣвшій счастливою способностью всякое непріятное для него обстоятельство обращать въ шутовство, объявилъ тутъ же въ буфетной земскаго собранія, что, „за такимъ *проваломъ*, ему ничего другаго не остается дѣлать, какъ удалиться на берега Гвадалквивира“.

— Не въ Пиренеи-ли? спросилъ его случившійся подлѣ него въ ту пору докторъ Ѳирсовъ.

— Почему „въ Пиренеи?“ удивился онъ въ первую минуту.

— Контрабанду перевозить, невозмутимо отвѣтилъ тотъ.

— Отличное занятіе, отличное, непремѣнно попробую! во всю глотку, не смутясь нисколько, расхохотался Свищовъ.

И, дѣйствительно, улетѣлъ опять года на два къ какимъ-то невѣдомымъ берегамъ...

Онъ только теперь возвращался оттуда въ родныя мѣста,

съ намѣреніями, которыя дальнѣйшій разсказъ разъяснитъ намъ по всей вѣроятности...

— Вы недавно изъ Петербурга? спрашивалъ хозяинъ графа Снядецкаго-Лупандина, познакомивъ его первоначально съ лицами, находившимися въ комнатѣ, и учтивымъ движеніемъ указывая ему затѣмъ на ящикъ папиросъ, стоявшій на столѣ, подлѣ котораго они сидѣли.

Графъ повелъ молча головой въ знакъ благодарности, взялъ папироску, помялъ ее въ рукахъ и, еще не закуривая:

— Третьяго дня... Я впрочемъ еще на прошлой недѣлѣ думалъ выѣхать, но тутъ случилось это... покушеніе, выговорилъ онъ таинственно и внушительно:—неловко, знаете, надо было во дворецъ показаться,—я и отложилъ на нѣсколько дней...

— Отсутствіе графа во дворцѣ было бы слишкомъ замѣтно, вы понимаете, тономъ серіознѣйшаго убѣжденія поспѣшилъ объяснить стоявшій за нимъ Свищовъ, высовывая языкъ и плутовски подмигивая въ то же время Николаю Ивановичу Ѳирсову, съ которымъ только-что успѣлъ обмѣняться рукопожатіемъ.

— Д-да, меня знаютъ... скромно промямлилъ въ подтвержденіе Петръ Капитоновичъ и счелъ нужнымъ тутъ же перемѣнить разговоръ: — Я такъ благодаренъ... (Онъ запнулся на мигъ, такъ какъ никакъ не могъ вспомнить имени и отчества Свищова,) à monsieur Свищовъ за то, что онъ доставилъ мнѣ случай пред... (онъ опять запнулся, сообразивъ, что выраженіе „представиться“ было бы не совсѣмъ прилично его *графскому* достоинству,) случай... войти въ сношенія съ такими лицами, какъ... Онъ не договорилъ, но обвелъ глазами всѣхъ присутствовавшихъ, любезно и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы нѣсколько снисходительно улыбаясь, вспомнивъ кстати „очаровательную манеру“, съ которою улыбался въ подобныхъ случаяхъ *генералъ* Павановъ, подъ начальствомъ котораго онъ имѣлъ счастіе начать свою службу.—Вы мнѣ позволите, обратился онъ тутъ же къ Павлу Васильевичу Юшкову,—явиться лично къ вамъ, какъ къ достойному представителю здѣшняго дворянства, къ которому я въ настоящую пору имѣю тоже честь принадлежать...

Павелъ Васильевичъ молча поклонился.

— И вашей... почтенной... вашей семьѣ тоже? повернулся графъ къ хозяину, кланяясь въ свою очередь изящнымъ кивкомъ внизъ.

— Что „моей семьѣ?“ спросилъ озадаченный Борисъ Васильевичъ, который разсѣянно слушалъ его фразы.

— Je voudrais avoir l'honneur de me présenter à madame de Troëkourof et aux autres personnes de votre famille, произнесъ графъ отчетливо и галантерейно, но съ такимъ оттѣнкомъ, что въ этомъ, молъ, случаѣ „честь“ не для одного меня.

— Ахъ, да, конечно!... Троекуровъ взглянулъ на часы:— мы будемъ скоро обѣдать, вы ихъ увидите всѣхъ...

Петръ Капитоновичъ повелъ еще разъ уже съ полнымъ самодовольствомъ головой внизъ.

— И надолго вы къ намъ? спросилъ его старый морякъ.

— Самъ еще опредѣлить не могу... Я просилъ Савву Леонтьевича — нынѣшняго моего министра — отпустить меня недѣльки на три безъ формальнаго отпуска, разумѣется, по моимъ домашнимъ обстоятельствамъ; но, можетъ быть, пробуду долѣе... Во-первыхъ, всякія тутъ формальности по вводу во владѣніе меня въ имѣніе покойной тетки моей Лупандиной, а кромѣ того (графъ при этомъ широко и съ тѣмъ же выраженіемъ нѣкоторой снисходительности осклабился и перекинулъ правую ногу на лѣвую,) я совершенный новичекъ въ провинціальной жизни и ея, такъ сказать, интересахъ... и желалъ бы поучиться... У васъ, я слышалъ, на дняхъ выборы.

— 14 числа экстренное земское собраніе по случаю избранія новаго предсѣдателя управы на мѣсто... недавно скончавшагося, проговорилъ какъ бы нехотя Павелъ Григорьевичъ,— Ѳедора Ивановича Бароцкаго!...

— Да, который застрѣлился?... бухнулъ прямо графъ.

— Никто не отвѣтилъ ему.

— Какая-то, говорятъ, была усмотрѣна въ управѣ растрата земскихъ суммъ? продолжалъ онъ, понижая голосъ.

— По ревизіи, назначенной тотчасъ по его смерти, оказалось все на лицо до копѣйки, сухо выговорилъ на это Юшковъ.

— Конечно, такъ какъ... началъ было Петръ Капитоно-

вичъ, поднялъ глаза на Свищова и замолкъ, внезапно сконфуженный киваніемъ и морганіемъ, которыми очевидно приглашалъ его тотъ прикусить языкъ.

Дѣло состояло въ томъ, что покойный Бароцкій, служившій когда-то во флотѣ, подъ командой Павла Григорьевича, человѣкъ честный, но слабый, вовлеченъ былъ безпутнымъ сыномъ въ какую-то спекуляцію, въ результатѣ которой обоимъ имъ грозилъ судъ. Чтобы выкарабкаться изъ волчьей ямы, въ которую попали они, надо было немедленно внести куда-то или кому-то деньги... Предсѣдатель управы имѣлъ слабость воспользоваться имѣвшимися у него въ распоряженіи земскими деньгами, разсчитывая немедленно же пополнить ихъ чаемою имъ въ самомъ скоромъ времени какою-то „получкой“. Получка, какъ всегда бываетъ въ этихъ случаяхъ, оказалась призракомъ, а слухи о растратѣ уже бѣжали по уѣзду, и „оппозиціонная“ партія, съ Троженковымъ во главѣ, кричала крикомъ о *„мошенничествѣ* пресловутыхъ *охранителей“* и о безотлагательной необходимости ревизіи денежной отчетности управы. При такихъ обстоятельствахъ явился въ одинъ прекрасный день Бароцкій къ Борису Васильевичу Троекурову. „Спасите мою ничѣмъ до сихъ поръ незапятнанную честь“, началъ онъ съ перваго слова и разсказалъ ему все. Троекуровъ выслушалъ молча до конца, поднялся съ мѣста, вынулъ изъ бюро свою банковую книжку и, не подымая глазъ, коротко спросилъ: „Сколько?“—„Двѣнадцать тысячъ“. Онъ надписалъ эту сумму на чекѣ, оторвалъ его и, все такъ же не глядя, передалъ черезъ столъ Бароцкому. Тотъ взялъ листикъ дрожащими пальцами, съ выступившимъ на лбу холоднымъ потомъ. „Скажите откровенно“, вырвалось у него вдругъ стономъ, „вы презираете меня?“—„Нѣтъ... Я васъ жалѣю“, промолвилъ чрезъ мигъ Борисъ Васильевичъ.—„На моемъ мѣстѣ вы не поставили бы себя въ такое положеніе?“ Троекуровъ подумалъ. „Не знаю... не думаю“.—„Съ вами бы и случиться не могло: вы такъ богаты“. Троекуровъ подумалъ опять. — „Конечно, это принять въ соображеніе надо“... Бароцкій всталъ, протянулъ руку. — „Спасибо, я изъ города пришлю вамъ законный документъ“.—„Къ чему?“...—„Нѣтъ, милостыни я не

прошу; не съ меня, такъ съ наслѣдниковъ моихъ взыщете". Онъ уѣхалъ изъ Всесвятскаго прямо въ Москву, получилъ по чеку, положилъ, вернувшись, недостававшія деньги въ сундукъ управы и въ тотъ же вечеръ застрѣлился. Онъ сознавалъ себя „спасеннымъ" въ чужихъ, но не въ собственныхъ глазахъ...

Ни единымъ словомъ никому о томъ, что произошло между ними, не проговорился Борисъ Васильевичъ. Но когда ревизія, назначенная Павломъ Григорьевичемъ вслѣдъ за смертью Бароцкаго, засвидѣтельствовала, къ немалому удивленію всѣхъ, что всѣ числившіяся по книгамъ управы суммы состоятъ „полностью" въ кассѣ, старый морякъ тотчасъ же сообразилъ, *какъ* это могло произойти. Сообразили это и другіе, и Троженковъ (къ которому первымъ дѣломъ отправился Свищовъ по пріѣздѣ, захвативъ съ собою „по пути" и спутника своего графа), передавая имъ „веселенькую исторію управскихъ грошей", объяснилъ прямо, что „выкраденныя *ихнимъ* (то-есть „охранителей") предсѣдателемъ управы деньги пополнены были „ихнимъ же атаманомъ, *магнатомъ*" (подъ этою кличкой значился Троекуровъ), причемъ повѣствовалось, что хотя „магнатъ этотъ, опосля того, что Бароцкій у него два часа въ ногахъ валялся, и согласился дать ему взаймы тѣ деньги по два процента въ мѣсяцъ, одначе такъ унизилъ притомъ *сего бѣднягу* своею грубостью, что тотъ стерпѣть не могъ и *съ гонору своего большаго* застрѣлилъ себя *на финалъ*".

Сообразивъ изъ знаковъ Свищова, что продолжать разговоръ о „семъ бѣднягѣ" въ *этомъ* домѣ не удобно", Петръ Капитоновичъ счелъ нужнымъ перевести его „на болѣе такъ сказать общій сюжетъ", какъ выразилъ онъ это себѣ мысленно.

— Замѣчательно, какъ въ наше время люди часто и легко лишаютъ себя жизни, началъ онъ съ озабоченнымъ выраженіемъ въ физіономіи, и какъ бы сообразивъ въ тотъ же моментъ, отчего это можетъ происходить, пріятно усмѣхнулся и добавилъ:—все отъ роскоши; дороговизна жизни все увеличивается...

— А честность все *упадываетъ*, выпалилъ какъ изъ пистолета, прерывая его, князь Пужбольскій, какъ рыба молчавшій все это время и наблюдавшій изподлобья за пріѣзжимъ,

въ которомъ съ первыхъ же его словъ призналъ родовые признаки ненавистнаго ему петербургскаго „*чина*“.

— Д-да, конечно... пролепеталъ графъ, словно съ нѣкоторымъ испугомъ взглянувъ на него, и тотчасъ же перемѣнилъ разговоръ, обратившись съ вопросомъ къ старику-предводителю: — будутъ-ли въ губерніи въ этомъ году дворянскіе выборы?

— Въ декабрѣ, да, будутъ, отвѣтилъ тотъ и спросилъ въ свою очередь:—думаетъ-ли графъ пріѣхать на нихъ?

— Непремѣнно-съ... Я бы вообще почелъ для себя честью... послужить *моему* дворянству... насколько хватило бы у меня... способностей, скромно опустивъ глаза и слегка заикаясь, заявилъ Петръ Капитоновичъ.

— Изъ Петербурга? буркнулъ опять Пужбольскій.

— Что-съ?...

— Изъ Петербурга *служить?*

— Почему же „изъ Петербурга?“... Я намѣренъ *очень много* жить въ деревнѣ, почитая это, такъ сказать, наиболѣе раціональнымъ и даже въ видахъ общей, государственной пользы для дворянина-*собственника* съ извѣстными средствами... и именемъ, какъ бы слегка подчеркнулъ графъ Снядецкій-Лупандинъ и, улыбнувшись въ сторону хозяина,—чему я даже вижу такой поощрительный примѣръ здѣсь, галантерейно примолвилъ онъ.

— Что же, отлично съ! одобрительно проговорилъ Павелъ Григорьевичъ, чуть-чуть усмѣхаясь подъ сѣдыми усами.

— Я полагаю, что дворянству предстоитъ въ настоящую пору стремиться возвратить себѣ утерянное имъ значеніе, продолжалъ Петръ Капитоновичъ, входя постепенно „въ форсъ“:— я конечно не отрицаю благодѣтельности совершенныхъ у насъ реформъ, и даже съ большимъ вниманіемъ постоянно читаю газету *Призывъ*, которая именно стоитъ на этой точкѣ... Я самъ даже, могу сказать, либералъ... какъ долженъ быть всякій образованный человѣкъ въ наше время... Но у меня есть имя, я понимаю que je ne suis pas un chacun... И потомъ вѣдь это нельзя же, въ каждомъ государствѣ должно быть высшее сословіе, une aristocratie, а у насъ...

— У *васъ* въ Петербургѣ „интеллигенція“; mein Liebchen was willst du noch mehr? не удержался ввернуть опять Пужбольскій, котораго раздражала уже одна мысль, что „ce monsieur“ принималъ на себя роль защитника русской аристократіи.

— Да-съ, возразилъ графъ,—но вѣдь все это, entre nous, сбродъ; я имѣлъ случай со многими изъ нихъ встрѣчаться... хотя ни съ кѣмъ изъ этого міра, разумѣется, близко не знакомъ, поспѣшилъ онъ объяснить:—у нихъ нѣтъ того чувства, которое у насъ, напримѣръ, у людей de bonne maison... того, что̀ Французы такъ хорошо выражаютъ словами *noblesse oblige*...

— А „интеллигенція“ n'oblige pas!... громко расхохотался неугомонный князь.

— Именно, именно! довѣрчиво разсмѣялся и Петръ Капитоновичъ,—у нихъ нѣтъ того, знаете... въ одной московской газетѣ, которую я впрочемъ не люблю, очень хорошо было сказано разъ „прѣемство“... У нихъ „преемства“ нѣтъ... А безъ этого развѣ можно?... Возьмите англійскую палату лордовъ, все тамъ на этомъ стоитъ. Особенно теперь это у насъ чувствуется, когда...

Онъ пріостановился на мигъ.

— Когда что̀?

Румяненькое лицо графа приняло еще разъ выраженіе необыкновенно значительное и таинственное.

— Когда мы идемъ къ конституціи...

— Да-а? загадочно протянулъ Борисъ Васильевичъ своимъ спокойнымъ тономъ.

— Такъ и „идемъ?“ хихикнулъ за нимъ Пужбольскій.

— Непремѣнно-съ! Огромные шансы *за*... въ самыхъ высшихъ сферахъ...

— Можетъ быть, не спорю, есть и въ самомъ персоналѣ нынѣшнихъ правительственныхъ лицъ такія, которыя объ этомъ мечтали, нѣсколько раздраженнымъ голосомъ сказалъ на это Павелъ Григорьевичъ,—по теперь, послѣ этого покушенія...

— Напротивъ! не далъ ему кончить графъ, чувствовавшій себя въ этотъ моментъ уже на апогеѣ „форса“ въ присутствіи этихъ провинціаловъ, которымъ, сознавалъ онъ съ тор-

жествомъ, не могли быть извѣстны тѣ закулисные ходы петербургской интриги, о коихъ онъ почерпалъ свѣдѣнія у „перовъ“ своихъ въ клубѣ. — Нужныя мѣры для внѣшней безопасности, само собою, приняты: генералъ-губернаторы, безсмѣнное дежурство дворниковъ у воротъ, и прочее; но всѣ понимаютъ, что это мѣры „профилактическія“, какъ говоритъ le comte Pavanof, со своимъ всегдашнимъ краснорѣчіемъ, а не радикальныя... Одно лицо... я не хочу назвать его по фамиліи... Андреевскій кавалеръ, прекрасно даже сказалъ по этому случаю, что „на событіе 2 апрѣля надо смотрѣть какъ на второе предостереженіе абсолютному режиму?“

— „Предостереженіе“ въ чемъ? и почему „второе“?

— Первое — Каракозовъ, прошепталъ Петръ Капитоновичъ,—а „въ чемъ“ (и онъ покровительственно усмѣхнулся опять) понимается само собою... У насъ объ этомъ именно былъ очень интересный разговоръ въ клубѣ. Играемъ мы: Basile Шастуновъ—въ должности шталмейстера, объяснилъ онъ въ скобкахъ, — Михаилъ Иванычъ Луповъ, генералъ-адъютантъ, статсъ-секретарь Мольскій и я. На второмъ робберѣ подходитъ къ намъ баронъ Фицгеймъ—Александровскій кавалеръ—и говоритъ: „я...“

Борисъ Васильевичъ, поглядѣвъ на часы, поднялся съ мѣста.

— Вы докончите намъ интересный вашъ разсказъ за столомъ, учтиво сказалъ онъ:—четыре часа, мы въ деревнѣ обѣдаемъ рано.

Графъ поспѣшно поднялся въ свою очередь, галантерейно шаркнувъ и склоняя голову на-бокъ...

Хозяинъ направился первый къ двери, указывая ему дорогу. Остальные потянулись за ними.

Послѣднимъ шелъ Пужбольскій, пресеріозно взбѣшенный, и ругался сквозь зубы, что̀ было мочи, по адресу „de ce comte pour rire“ *).

— Oh l'animal, le cuistre, le чиновникъ! Я бы на мѣстѣ Троекурова къ чорту его *посылалъ*, а онъ его обѣдать *приглашивалъ*, и онъ будетъ намъ свои писарскія глупости *отмочитъ!...*

*) Непереводимый каламбуръ: *comte*, графъ; *conte*, сказка.

XI.

Въ столовой собрался весь тотъ же знакомый уже читателю кругъ домочадцевъ Всесвятскаго, окружавшихъ вмѣстѣ съ хозяйкою и ея дочерью только-что прибывшаго новаго гостя, человѣка лѣтъ двадцати шести, одутловатаго и отъѣвшагося какъ купчикъ изъ Зарядья, и съ совершенно *купецкимъ* пошибомъ наружности и пріемовъ, хотя онъ и видимо тщился изображать собою то, что̀ Французы называютъ fine fleur d'élégance. Подстриженные à la Capoul волосы; отложные, длинными мысками спускавшіеся на бѣлый пластронъ рубашки воротнички (онъ былъ во фракѣ и бѣломъ галстукѣ), надъ которыми гораздо болѣе чѣмъ нужно выставлялась жирная бѣлая шея; улыбочки сердечкомъ и вылощенные пудрой ногти сдобныхъ рукъ, которыми онъ то-и-дѣло проводилъ по рыжеватой продушенной иланг-иланговъ бородкѣ, свидѣтельствовали прежде всего о необыкновенно лестномъ мнѣніи, которое внушала ему его собственная особа, а затѣмъ и о непреклонномъ желаніи внушить о себѣ такое же мнѣніе въ *этомъ* домѣ.

Степанъ Гавриловичъ Островетовъ принадлежалъ къ породѣ тѣхъ фонъ-Визинскихъ недорослей, типъ которыхъ, постепенно измѣняясь во внѣшнихъ чертахъ съ теченіемъ десятилѣтій, отдѣляющихъ насъ отъ вѣка Екатерины, и приживаясь къ „требованіямъ времени“, остается по сущности все тѣмъ же и въ наши блаженные дни. Сынъ богатой, взбалмошной и не отличавшейся избыткомъ нравственныхъ правилъ матери, это былъ ничему серьезно не учившійся, ни-

гдѣ не успѣвшій кончить курса и ни на что дѣльное не пригодный малый, съ огромными претензіями на „шикъ“ и „эффектъ“,—въ чемъ, какъ извѣстно, выражается, увы! весь духовный идеалъ современнаго человѣчества. Онъ не былъ лишенъ своего рода даровитости, владѣлъ большою памятью, пѣлъ звучно мягкимъ баритономъ разухабистый репертуаръ „Стрѣльненскихъ Цыганъ“ съ надлежащими придыханіями, присвистами и притопываніями, и сыпалъ риѳмами какъ бисеромъ, уснащая ими самодѣльные куплеты на мотивы всякихъ *Маленькихъ Фаустовъ*, *Зеленыхъ острововъ* и иныхъ классическихъ произведеній опереточной музы. Онъ вылѣпливалъ при этомъ изъ воска или глины всякія „пикантныя“ женскія головки, рисовалъ каррикатуры, выкрадывая мотивы ихъ изъ стараго *Musée Philippon* и „занимался *египтологіей*“, то-есть покупалъ всякія трактующія объ Египтѣ дорогія изданія съ рисунками и атласами, пріобрѣлъ „подлинную“ мумію и вздѣвалъ на голову по утрамъ какой-то ржавый чугунный горшокъ, который выдавалъ за пріобрѣтенный имъ будто бы цѣною золота въ Булакскомъ музеѣ подлинный шлемъ Рамзеса II. Въ силу этихъ данныхъ Острометовъ почиталъ себя не въ шутку „артистомъ“, и даже большимъ артистомъ, талантамъ котораго удивился бы несомнѣнно міръ, если-бъ его „боярскій родъ“ дозволилъ ему явить ихъ „предъ толпою“. Въ это свое боярство Острометовъ вѣрилъ такъ же искренно, какъ и въ свою артистичность, хотя въ дѣйствительности выходило, что изо всѣхъ его именитыхъ предковъ извѣстенъ былъ лишь одинъ его дѣдъ, безпощадный кулакъ и ростовщикъ, успѣвшій всякими неправдами „отъ двухсотъ душъ нажить цѣлыя пять тысячъ“, какъ выражались мѣстные старожилы, и пять или шесть заложенныхъ ему и просроченныхъ платежомъ домовъ въ Москвѣ, а артистичность сводилась на мелкотщеславную, увлекающуюся à froid, неустойчивую и лживую *актерскую* натуру... Онъ въ прошломъ году лишился матери и пріѣхалъ на весну въ унаслѣдованное имъ отъ нея имѣніе Борисово, верстахъ въ 12 отъ Всесвятскаго, навезя съ собой туда цѣлую компанію непризнанныхъ поэтиковъ, печатавшихъ произведенія свои въ московскихъ мелкихъ лист-

кахъ по 7 копѣекъ за стихъ, учениковъ консерваторіи съ сомнительнымъ голосомъ и провинціальныхъ актеровъ, не добившихся ангажемента. Все это пило, ѣло, скакало по полямъ на рабочихъ лошадяхъ, голосило опереточныя аріи, било посуду, нахлеставшись ликеромъ, и состояло съ хозяиномъ въ тѣхъ „амикошонскихъ“ отношеніяхъ, которыя возможны между людьми только въ наше просвѣщенное время и при той убогой долѣ воспитанности, какая дается девяти-десятымъ нашего теперешняго такъ называемаго „интеллигентнаго“ общества. Степанъ Гавриловичъ, или, какъ называла его компанія, „Степа Говориловъ“, словно въ благовонномъ маслѣ купался въ этомъ морѣ гама, сиплаго смѣха, циническихъ разговоровъ и заискивающей лести подъ замаскированною грубостью выраженій. Онъ чувствовалъ себя орломъ, парящимъ надъ этимъ стадомъ „умственнаго пролетаріата“, и считалъ нужнымъ поражать его каждый день новыми доказательствами изобрѣтательности своего „художественнаго“ воображенія. Онъ выходилъ утромъ въ столовую, куда собиралась завтракать компанія, облеченный съ ногъ до головы въ старобоярскую одежду, въ парчевомъ охобнѣ и *аксамитовомъ* полукафтаньѣ, въ желтыхъ кожаныхъ сапогахъ и высокой собольей шапкѣ, садился къ столу и, треснувъ пятерней по спинѣ сосѣда, говорилъ ему: „А плесни-ка мнѣ щецъ, парень“!... А на другой день вылеталъ Испанцемъ, въ короткихъ штанахъ и цвѣтной сѣткѣ севильскаго цирюльника на головѣ, съ гитарой въ рукѣ и со свѣжеиспеченною серенадой на мотивъ *Мандолинаты*... Онъ нисколько не стѣснялся являть себя во всемъ шутовствѣ этихъ переодѣваній и по окрестнымъ селамъ и деревнямъ, на тройкѣ грохочущихъ бубенцами лошадей, или верхомъ на лошади, увѣшанной яркими кистями и золочеными бляхами какого-то „марокскаго“ конскаго прибора. Крестьянскія бабы высыпали съ хохотомъ на улицу поглазѣть на невиданное зрѣлище; босоногіе мальчишки стремительно бѣжали за нимъ, визжа отъ удовольствія и указывая на него пальцами, но Степа нисколько этимъ не возмущался. Онъ съ торжествующею улыбкой, медленно проѣзжалъ мимо курныхъ избъ печальной родины подъ своимъ испанскимъ sombrero, въ пол-

номъ сознаніи своихъ неотъемлемыхъ правъ на общее вниманіе: каковъ-молъ ни на есть и хоть бы предъ мужичьемъ, а все же шикъ....

Но въ одинъ недавній прекрасный день Степа „Говориловъ" предсталъ предъ сонмъ своихъ гостей въ новомъ и нежданномъ воплощеніи. Онъ вышелъ къ завтраку въ безукоризненномъ утреннемъ туалетѣ нашихъ дней, застегнутый на всѣ пуговицы, нахмуренный и важный, обвелъ компанію строгимъ взглядомъ и въ глубокомъ безмолвіи принялся за ѣду. Никто въ первую минуту не счелъ нужнымъ обратить на это вниманіе,—но вслѣдъ за послѣднимъ блюдомъ, опрокинувъ себѣ въ горло стаканъ вина и отеревъ усы салфеткой, Степа повелительно кашлянулъ, прерывая этимъ обычные звуки смѣха и легкаго разговора, раздававшихся кругомъ стола, откинулся въ спинку своего сѣдалища и началъ такъ:

— Ну, ребята, довольно погуляно, довольно повыпито и всяческой ерунды наболтано; пора и честь знать!

Дюжины двѣ изумленно раскрывшихся глазъ разомъ устремились на него:

— Это насчетъ чего ты?

— Кому это ты вздумалъ нотацію прочесть?

— Самъ-то ты ерунда нумеръ первый! заголосили кругомъ.

— Оставьте, господа, сказалъ, приглашая къ молчанію движеніемъ руки, актеръ Костяковъ, остроумный малый, напоминавшій широкимъ лысымъ лбомъ и вьющимися кругомъ затылка длинными кудрями чуть-чуть сѣдѣвшихъ волосъ извѣстный портретъ поэта Беранже, и спеціальностью котораго было „рѣзать" Степу при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ,—оставьте! Вы не видите развѣ, что онъ намъ импровизатора хочетъ представить? Теки словомъ, Степа, теки, да не проливай, гляди!

Все расхохоталось.

— Презрѣнье — мой отвѣтъ на *глупыя* слова, возразилъ трагическою интонаціей Островетовъ, высокомѣрно глядя на актера,—а слово мое такое, что гульбѣ моей съ вами конецъ... А потому—никого не гоню, но и никого не удерживаю! до-

говорилъ онъ, такимъ же театральнымъ жестомъ руки указывая на дверь.

Компанія такъ и завыла вся:

— Что-ò?

— Какъ?...

— За такую дерзость можно и въ физію получить, хрипѣлъ пьяный съ утра быкообразный эксъ-телеграфистъ, писавшій обличительныя статьи въ одномъ изъ листковъ малой прессы подъ всевдонимомъ „Коломенскій Монперъ“.

— Какая блестящая импровизація! невозмутимо хохоталъ Костяковъ, одобрительно кивая головой Степѣ.

— Vous êtes bête, Степа! прошепелявилъ въ то же время съ мѣста, вскидывая плечомъ, недоучившійся студентъ Пятковъ, лучшій его пріятель.

— Господа, *па гро мо, па!* примирительно воскликнулъ на это Пельцъ, декораторъ одного изъ московскихъ театровъ, бывшій въ числѣ компаніи.

Степа вскочилъ, принялъ подходящую, по его мнѣнію, къ данному случаю позу, а именно: сунулъ правую руку за бортъ своего моднаго застегнутаго сюртука, а вытянутыми пальцами лѣвой забарабанилъ по стоявшей предъ нимъ тарелкѣ.

— Répétez! возгласилъ онъ, грозно уставясь глазами на своего обидчика.

— Чего это?

— Répétez! пробасилъ еще разъ Остромстовъ.

— Je vous répéte que vous êtes bête, Степа, повторилъ въ ритму все тѣмъ же своимъ шепелявымъ языкомъ Пятковъ, спокойно глядя ему въ лицо.

Воинственность нашего героя спасовала разомъ за этими словами. Но нельзя же было такъ-таки и поджать хвостъ предо всѣми. Онъ величаво и избѣгая упорно направленнаго на него взгляда Пяткова, проговорилъ, щурясь на противоположную стѣну:

— Вы понимаете, милостивый государь, что потомокъ бояръ Остромстовыхъ не можетъ требовать удовлетворенія отъ перваго встрѣчнаго.

— А ты попробуй, я, можетъ быть, и согласенъ буду, громко засмѣялся на это студентъ.

— Ну-ка, бояринъ, ну-ка, вывернись!.. Тащить тебѣ что-ль царя Рамсая шлемъ, или суповою крышкой голову прикроешь, а то вѣдь тебя Пятковъ пополамъ расшибетъ,—онъ у насъ Бова-королевичъ, надрывался отъ хохота Костяковъ.

Степа быстро повернулся, кинулся къ двери и, полуотворивъ ее, крикнулъ съ порога:

— Убирайтесь вы всѣ къ чорту!..

Коляска была по его приказанію заблаговременно запряжена; онъ вскочилъ въ нее и уѣхалъ.

Невообразимый гамъ и ругня поднялись въ компаніи... „Такъ на вотъ тебѣ, подлецу“, крикнулъ Коломенскій Моншеръ, ухватываясь за скатерть и скидывая ее на полъ со всею стоявшею на столѣ посудой... Костяковъ насилу удержалъ расходившихся протестантовъ отъ дальнѣйшаго разора Степинаго обиталища...

Къ вечеру компанія кой-какъ угомонилась и потянулась, кто какъ успѣлъ, на дрогахъ или въ деревенскихъ телѣгахъ, въ городъ, отстоявшій отъ Борисова въ нѣсколькихъ верстахъ, и укатила съ вечернимъ поѣздомъ въ Москву.

Причины, побудившія Острометова такъ безцеремонно изгнать отъ себя живую коллекцію „талантовъ“, которыхъ почиталъ онъ себя меценатомъ, исходили изъ нѣкоего романическаго источника. Еще въ прошломъ году въ Москвѣ, зимой, онъ однажды въ Маломъ театрѣ увидѣлъ въ ложѣ бель-этажа, рядомъ съ графинею Бородинскою, одною изъ почтеннѣйшихъ особъ московскаго большаго круга, бѣлокурую съ темными глазами и бровями дѣвушку, всю отмѣченную тѣмъ высшимъ изяществомъ, о которомъ до сихъ поръ и не снилось никогда нашему недорослю въ томъ разнузданномъ мірѣ, въ которомъ онъ былъ рожденъ, повитъ и вскормленъ. Она была предметъ общаго вниманія и любопытства. Изъ креселъ въ антрактахъ всѣ глаза и бинокли оборачивались то-и-дѣло на ложу, въ которой сидѣла она. „Кто это, кто?“ спрашивалъ Степа, спрашивали и кругомъ его. Но никто не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта. Юная красавица была очевидно

не Москвичка, а пріѣзжая, „какая-нибудь петербургская родня графини Бородинской“, а изъ знакомыхъ Степы никто, какъ и самъ онъ, не былъ вхожъ въ домъ графини... „Погодите, сейчасъ узнаемъ“, объявилъ онъ, выбѣжалъ въ корридоръ бель-этажа, отыскалъ глазами единственнаго ливрейнаго лакея, находившагося тамъ, и поманилъ его къ себѣ кончиками пальцевъ. Высокій, благообразный слуга, со внушительными бакенбардами и физіономіей, исполненною чрезвычайной важности, только поглядѣлъ на него и не шевельнулся съ мѣста. Степа въ свою очередь изобразилъ на лицѣ своемъ важность и, подойдя къ нему близко, спросилъ его небрежнымъ тономъ:

— Вы графини Бородинской человѣкъ?

— Такъ точно, съ видимою неохотой пропустилъ тотъ сквозь зубы.

— Кто это съ графиней сидитъ молодая особа, не можете мнѣ сказать?

— Не могу знать, отрѣзалъ слуга и отвернулся.

У Степы сжались кулаки, и губы дрогнули въ безсильномъ гнѣвѣ. А дѣлать было нечего: онъ повернулъ налѣво кругомъ и удалился.

Графиня Бородинская и ея спутница поднялись съ мѣста уѣзжать до окончанія спектакля. Степа, не сводившій бинокля съ ихъ ложи, соскочилъ тотчасъ же со своего мѣста и понесся къ подъѣзду. Но дамы уже садились въ карету. „Montez, Marie!“ донесся до него изъ глубины ея старческій голосъ. Дѣвушка легкимъ, словно птичьимъ движеніемъ порхнула въ дверцы; ручка щелкнула, лакей вскочилъ на козлы къ кучеру, лошади тронули...

Ее зовутъ „Marie“: ничего другаго не могъ узнать Степа. Напрасно искалъ онъ случая новой встрѣчи, ѣздилъ каждый день по театрамъ, добился приглашенія на одинъ большой балъ, на который непремѣнно, по его соображеніямъ, должна была пріѣхать графиня Бородинская. Графиня Бородинская была тамъ дѣйствительно, но одна, совершенно одна, и никто на *тонкіе* разспросы его не сумѣлъ отвѣтить, гостила-ли у нея въ послѣднее время какая-нибудь ея петербургская

родня. Степа впалъ даже въ нѣкоторое уныніе и каждый день, закатывая глаза подъ лобъ, присаживался къ фортепіано и тоскливо запѣвалъ:

Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье...

Видѣнье такъ и *улетучилось*, какъ говорятъ теперь, съ тѣмъ, казалось, чтобы никогда уже болѣе не представать предъ его очарованныя очи...

И вдругъ опять, на дняхъ, среди еле зеленѣющихъ весеннихъ полей, на границѣ своихъ владѣній, онъ встрѣтился съ нею,—она промчалась мимо него на гнѣдомъ англійскомъ скакунѣ, свѣжая, какъ майскій день, подъ своею мягкою шляпой, украшенною вороньимъ крыломъ,—промчалась и тутъ же черезъ минуту сдержала лошадь, остановилась и обернулась, глядя на него издали съ выраженіемъ глубокаго изумленія и едва сдерживаемаго смѣха... А онъ—онъ ѣхалъ шутомъ, въ боярской своей шапкѣ и обшитомъ галунами охобнѣ, на своей гремящей бубенцами тройкѣ,—ѣхалъ къ какому-то мелкопомѣстному сосѣду изъ отставныхъ поручиковъ, состоявшему въ числѣ все той же его „забубенной“ компаніи. Степа покраснѣлъ по самые глаза: сознаніе этого своего шутовства въ первый еще разъ сказалось у него въ мысли. „Пошелъ“! крикнулъ онъ кучеру, машинально опустивъ голову и съежась какъ бы съ тѣмъ, чтобъ умалиться, стаять, исчезнуть отъ этихъ направленныхъ на него издали дѣвичьихъ глазъ. Онъ мчался такъ съ версту, погоняя своего возницу и рискуя сто разъ сломать дроги и колеса своего экипажа на рытвинахъ и колеяхъ размытой тающими снѣговыми ручьями дороги. Когда онъ рѣшился наконецъ глянуть назадъ, наѣздница уже исчезла. „Легче“! приказалъ онъ и вздохнулъ не то радостнымъ, не то тяжелымъ вздохомъ.

Кучеръ, бойкій молодой парень, обращавшійся съ бариномъ съ тою фамильярностью, которую современный прогрессъ внесъ въ нравы молодаго поколѣнія русскаго простонародья (со Степой впрочемъ никто иначе не обращался), обернулся къ нему, широко осклабясь:

— Лихо ѣздитъ барышня! подмигнулъ онъ съ видимымъ одобреніемъ,—первый сортъ!

— Не знаешь кто? быстро спросилъ Степанъ Гавриловичъ.

— Какъ не знать! Перваго, значитъ, богача по здѣшнему мѣсту, генерала Троекурова, дочка будетъ...

Онъ еще разъ обернулся и подмигнулъ барину:—Посвататься бы вотъ вамъ, Степанъ Гавриловичъ.

— А ты помалчивай лучше, своротишь сейчасъ! крикнулъ какъ бы гнѣвно на него Остромeтовъ.

Но слова парня такъ сочувственно откликались въ глубинѣ его души, что онъ въ то же время чуть не прыгалъ на своемъ сидѣньи... „Дочь генерала Троекурова, перваго богача по здѣшнему мѣсту, вліятельнѣйшаго лица по всей губерніи, со связями, значеніемъ въ Петербургѣ, гордеца, не желающаго принять никакой, ни дворянской, ни земской должности, а между тѣмъ вертящаго всѣмъ и всѣми“,—объ этомъ довольно наслушался Степа отъ сосѣдей со времени пріѣзда своего въ деревню: да кому же и въ самой Москвѣ не извѣстно было имя этого *аристократа*... „Вотъ этакую *кралю* подхватить, да сѣсть съ нею рядомъ въ ложѣ бельэтажа, или проѣхать на тысячныхъ рысакахъ въ коляскѣ, на гуляньѣ въ Паркѣ,—фу ты, *шикъ* какой“! стояло у него неотразимо въ головѣ... Да и чѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, не женихъ онъ ей? Онъ и самъ богатъ, и „именитъ родомъ“, и „собой картина“, и „артистъ“,—онъ не видитъ причины, которая могла бы ему помѣшать стать претендентомъ на руку этой красавицы, дочери этого „аристократа“... Надо конечно покончить тотчасъ же съ тѣмъ безобразіемъ, съ тою компаніей, въ которой протекала его жизнь до сихъ поръ: это сказалось какъ-то разомъ, какъ бы какою-то извнѣ налегавшею на него властью въ эту минуту. Кучеръ его поэтому былъ весьма удивленъ, когда, не доѣзжая полуверсты до усадьбы сосѣда, къ которому отправлялись они, баринъ велѣлъ ему свернуть направо и править на Углы, имѣніе предводителя Юшкова, съ которымъ Остромeтовъ уже былъ знакомъ, какъ съ лицомъ официальнымъ, являвшись къ нему по случаю ввода его во владѣніе имѣніемъ послѣ смерти матери.

Но бойкій парень удивился еще болѣе и даже вознегодовалъ нѣсколько, когда, не отъѣхавъ и нѣсколькихъ саженъ по новому направленію, баринъ отдалъ новое ему приказаніе повернуть назадъ.

— Куда-жь это опять? грубовато спросилъ онъ.

— Домой.

Парень круто и сердито дернулъ вожжами.

— Ну вы, баламуты!.. невѣдомо по какому адресу пропустилъ онъ сквозь зубы.

— А баринъ въ это время разсуждалъ про себя, оглядывая свой боярскій костюмъ: „Нельзя въ этомъ, нельзя; старыхъ понятій господинъ, за *ряженаго* приметъ, въ серьезъ теперь играть требуется“...

Онъ вернулся домой, а на другой день, облачившись съ утра *въ серьезный* туалетъ, вышелъ къ завтраку, за которымъ и произошла та сцена, о которой мы только что доложили читателю и послѣ коей Степанъ Гавриловичъ, во избѣжаніе дальнѣйшихъ непріятностей, выскочилъ изъ столовой и укатилъ изъ Борисова во всю прыть своихъ лошадей.

Онъ на этотъ разъ направился прямо въ Углы, засталъ Павла Григорьевича Юшкова дома и, принявъ, насколько это было въ его силахъ, скромный видъ, сообщилъ ему заискивающимъ тономъ, что онъ, рѣшившись поселиться на постоянное жительство въ деревнѣ, желалъ бы имѣть честь познакомиться съ достойнѣйшими представителями мѣстнаго дворянскаго сословія, а потому и счелъ нужнымъ явиться прежде всего къ нему, Павлу Григорьевичу, а затѣмъ осмѣливается просить представить его, какъ новаго помѣщика, и „его превосходительству генералу Троекурову“, о которомъ онъ такъ много слышалъ, „какъ о лицѣ замѣчательномъ во всѣхъ отношеніяхъ“.

Старый морякъ, чуть-чуть нахмурившись, поглядѣлъ на него (о безсмысленномъ образѣ жизни „новаго помѣщика“ въ его Борисовѣ дошли до него слухи); не нравился ему этотъ жирный, бѣлый, купеческаго склада франтъ, но отказать ему въ просьбѣ онъ не считалъ возможнымъ уже по своему званію предводителя относительно дворянина его уѣзда.

— Извольте-съ, проговорилъ онъ скороговоркой:—я сейчасъ самъ собираюсь во Всесвятское, такъ если вамъ угодно будетъ...

Огоньки запрыгали отъ радости въ глазахъ Степы:

— Съ наслажденіемъ! точно захлебываясь, проговорилъ онъ.

Но, къ немалому его огорченію, тому, на что такъ страстно надѣялся онъ, не суждено было сбыться на этотъ разъ. Во Всесвятскомъ дома была одна Александра Павловна; Троекуровъ съ дочерью уѣхали верхомъ въ городъ, гдѣ у Бориса Васильевича было какое-то дѣло по заводу, и должны были вернуться только вечеромъ. Сама хозяйка страдала мигренью, и Островетовъ понялъ, что было бы съ его стороны совершенно безтактнымъ продолжить свой визитъ болѣе, чѣмъ этого требовало строгое приличіе. Онъ поднялся чрезъ полчаса совершенно безцвѣтнаго разговора и принялся прощаться. Александра Павловна протянула ему руку:

— Борисъ Васильевичъ будетъ очень сожалѣть, что вы не застали его дома. Но, надѣюсь, вы у насъ не послѣдній разъ... Пріѣзжайте по-просту, по-деревенски, какъ-нибудь обѣдать, примолвила она съ обычною ей доброжелательностью и ласковостью обращенія.

— Съ наслажденіемъ! вскликнулъ Степа, поднося руку къ сердцу и расшаркиваясь настоящимъ театральнымъ маркизомъ.

Боясь возвратиться въ Борисово,—гдѣ гости его могли бы остаться на-зло ему, его могла ожидать „нѣкоторая трепка“, какъ говорилъ онъ себѣ мысленно,—онъ отправился изъ Всесвятскаго къ тому сосѣду, къ которому не доѣхалъ наканунѣ, и остался у него ночевать, отправивъ кучера въ Борисово за вѣстями и съ приказомъ пріѣхать за нимъ на слѣдующій день на свѣжихъ лошадяхъ. Парень вернулся съ докладомъ объ отбытіи компаніи, причемъ, молъ, перебита была ею вся фаянсовая и стеклянная посуда, стоявшая на столѣ въ минуту *сцены*.

— Ну ее и съ ними къ чорту! махнулъ на это молодецки рукой Степанъ Гавриловичъ и, сіяющій какъ піонъ, отправился съ успокоеннымъ сердцемъ восвояси.

И вотъ онъ теперь чистокровнымъ Европейцемъ, во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, продушенный илангъ-илангомъ, прикатилъ въ каретѣ четверкой къ обѣду во Всесвятское и, округляя руки, раскланивался направо и налѣво и жалъ руки незнакомымъ ему до этой минуты лицамъ, которыхъ ему поименно называла Александра Павловна: „monsieur Blanchard“, „Владиміръ Христіановичъ Пецъ“, „Петръ Петровичъ Молотковъ“...

— А вотъ и мужъ мой, обернулась она ко входившему въ столовую Троекурову;—monsieur Острометовъ, Борисъ... Ахъ, скажите мнѣ пожалуйста ваше имя и отчество; такъ не ловко безъ этого, улыбнулась она.

— Степанъ Гавриловичъ, низко кланяясь, проговорилъ молодой человѣкъ.

Троекуровъ протянулъ ему руку:

— Очень радъ...

И, обернувшись въ сторону шедшаго за нимъ лица, подвелъ его легкимъ движеніемъ руки къ женѣ:

— Графъ Снядецкій-Лупандинъ, ma chère... А это дочь моя, Марья Борисовна Троекурова, примолвилъ онъ, съ улыбкой указывая гостю на Машу.

Что-то словно шиломъ кольнуло Степу Острометова въ грудь.

Хозяйка представила его до сихъ поръ всѣмъ, кромѣ дочери. А тутъ отецъ первымъ дѣломъ знакомитъ съ нею этого какого-то графа, „навѣрно ужь петербургскаго“, и несомнѣнно, чуялъ онъ съ невыразимою тревогой, пріѣхавшаго сюда въ тѣхъ же цѣляхъ, съ тѣми же намѣреніями, съ какими онъ самъ... Но лицо его тутъ же просіяло:

— Pardon, Степанъ Гавриловичъ, поспѣшно проговорила Александра Павловна:—я забыла познакомить васъ съ моею Машей.

Дѣвушка, широко усмѣхаясь своими румяными устами, протянула ему руку и пожала его слегка задрожавшіе пальцы быстрымъ и твердымъ, какъ бы мужскимъ, движеніемъ, между тѣмъ какъ графъ, съ которымъ она только-что обмѣнялась такимъ же рукожатіемъ *на мужской манеръ*, продолжалъ рас-

шаркиваться, склонивъ почтительно голову нѣсколько на-бокъ, словно никакъ не желая уступить въ изяществѣ самому ему, Островетову.

— Ты помнишь господина Свищова? сказалъ Троекуровъ женѣ, указывая на быстро подходившаго къ нимъ „московскаго браво".

— Certainement... Какъ васъ давно не видать было! Вы не живете болѣе въ нашихъ странахъ? спросила она.

— Je suis comme les paladins, toujours par monts et par vaux, отвѣтилъ Свищовъ, молодцовато приподнимая вверхъ одинъ изъ разбойничьихъ усовъ своихъ, наклоняя галантно голову и слегка пристукивая каблукомъ.

— Vous revenez de France, comme toujours? спросилъ его, въ свою очередь, смѣясь, M. Blanchard.

— Un peu, mon neveu! отвѣтилъ тотъ, подмигивая, чистѣйшимъ пошибомъ парижскаго гарiп *).

Blanchard только поглядѣлъ на него и чуть-чуть повелъ плечомъ.

— Господа, милости просимъ, сказалъ хозяинъ, направляясь къ столу.

Александра Павловна сѣла, пригласивъ взглядомъ петербургскаго графа занять мѣсто около себя съ лѣвой стороны (съ правой постоянно сидѣлъ подлѣ нея за столомъ Павелъ Григорьевичъ Юшковъ, когда бывалъ во Всесвятскомъ).

Островетова хозяинъ посадилъ подлѣ себя. Маша заняла свое обычное мѣсто по другой бокъ отца, — и восхищенный Степа имѣлъ такимъ образомъ возможность увидать вблизи предметъ своего тайнаго обожанія. Онъ находился, впрочемъ, въ довольно угнетенномъ состояніи духа. Онъ еще въ первый разъ въ жизни видѣлъ себя въ настоящемъ порядочномъ обществѣ. Все, начиная отъ хозяевъ и кончая послѣднимъ изъ слугъ, носило на себѣ печать той *почтенности*, внутренняго достоинства и какого-то величаваго устоя жизни, о какихъ и понятія не могъ онъ себѣ составить въ богатомъ, но безалаберномъ домѣ своей матери, съ его грубымъ госте-

*) Ученикъ или подмалевщикъ въ мастерской художника.

пріймствомъ и распущенностью, полнымъ съ утра гама, сутолоки и сброда всякихъ, Богъ вѣсть откуда и какъ являвшихся и пропадавшихъ, гостей, имена которыхъ часто едва помнила его хозяйка. Это были совершенно русскіе семья и домъ въ ихъ лучшемъ, возведенномъ въ „перлъ созданія", по выраженію Гоголя, образѣ, въ которыхъ жилось честно и истово, по завѣтамъ дѣдовской старины, безъ всякихъ уступокъ наслѣдственной правды безпочвенной суетѣ новыхъ временъ. Степа не былъ въ состояніи отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что чувствовалось имъ въ этихъ стѣнахъ, но что-то похожее на испугъ овладѣло имъ въ первыя минуты,—первый разъ въ жизни почувствовалъ онъ боязнь за свою „порядочность"... Но присущее ему самомнѣніе тотчасъ же взяло верхъ надъ этимъ проблескомъ внутренней скромности, и онъ, поднявъ глаза, обвелъ ими смѣло широкій кругъ своихъ сотрапезниковъ. Вниманіе его привлекалъ болѣе всего „петербургскій графъ", въ которомъ онъ почему-то чуялъ себѣ соперника и который въ свою очередь испытывалъ, казалось, такое же чувство нѣкоторой неувѣренности въ себѣ. Онъ съ видимымъ стараніемъ тщился попасть въ настоящій тонъ грансеніорства, какой почиталъ для себя обязательнымъ въ своемъ новомъ званіи, отвѣчая на далеко не сложные вопросы хозяйки о томъ, давно-ли онъ изъ Петербурга и долго-ли думаетъ оставаться въ ихъ странахъ. Островетовъ не могъ не замѣтить при этомъ, что глаза этого соперника, обращаясь къ матери, то-и-дѣло искрились косымъ лучомъ по направленію дочери и что выраженіе ихъ не оставляло ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ впечатлѣніи, какое производила на него юная красавица. Самъ Степа едва смѣлъ глядѣть на нее, а тѣмъ болѣе завести съ нею разговоръ. Сидѣвшій между ними хозяинъ, учтиво обмѣнявшійся съ нимъ нѣсколькими словами безсодержательнаго разговора и впавшій затѣмъ въ какое-то озабоченное повидимому молчаніе, счелъ бы это вѣроятно неприличнымъ, разсуждалъ Степа... Маша видимо также не испытывала никакого особеннаго желанія завести съ нимъ рѣчь и съ серьознымъ лицомъ разговаривала въ полголоса съ высокимъ Французомъ Бланшаромъ, чертившимъ кончикомъ ножа

по своей тарелкѣ какой-то воображаемый планъ (планъ строившейся во Весвятскомъ новой школы, находившейся подъ особымъ попеченіемъ дѣвушки). Отъ времени до времени глаза ея, какъ замѣтилъ Степа, отрывались на мигъ отъ этой тарелки ея сосѣда и, чуть-чуть прищурившись, устремлялись на противоположную сторону стола, гдѣ, между сѣдовласою дамой съ англійскимъ типомъ облика и плотнымъ господиномъ съ огненною бородой и сердитымъ выраженіемъ лица, сидѣлъ бѣлокурый и нѣжнолицый молодой человѣкъ, который въ свою очередь задумчиво и украдкой вскидывалъ отъ времени до времени глаза на Машу и тотчасъ же какъ бы боязливо опускалъ ихъ... „Это еще кто?“ спрашивалъ себя Остометовъ, покусывая озабоченно усы.

Маша и Гриша Юшковъ поглядывали другъ на друга съ какимъ-то страннымъ чувствомъ любопытства и какъ бы нѣкоторой безсознательной тревоги. Они давно не видались, почти годъ цѣлый. Что-то совсѣмъ новое сказывалось молодому человѣку въ выраженіи, во взглядѣ, въ сдержанныхъ движеніяхъ этой дѣвушки, успѣвшей за время его отсутствія разцвѣсти во всю полноту своей женской прелести. Онъ не имѣлъ еще случая говорить съ нею, но чувствовалъ заранѣе, что въ ней не оставалось уже и тѣни тѣхъ угловатостей, тѣхъ ребяческихъ вспышекъ и выходокъ, которыхъ такъ часто въ прежнее время былъ у нея предметомъ и „жертвой“, какъ говорилъ онъ ей тогда смѣясь. „Совсѣмъ, совсѣмъ женщина стала“, думалъ онъ, и ему отъ этой мысли становилось какъ будто неловко, и онъ какъ-то невольно морщился и опускалъ глаза. Въ ушахъ его, нежданнымъ наплывомъ воспоминанія, звенѣли слова, сказанныя ему отцомъ въ одну мучительную минуту его недавняго прошлаго, въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда, послѣ свадьбы и отъѣзда Антонины Дмитріевны Буйносовой, онъ не зналъ, куда дѣваться отъ снѣдавшей его тоски. Не выдержалъ старикъ однажды, глядя на него. „Не въ томъ бѣда“, сурово проговорилъ онъ, „что муку терпишь, а въ томъ, что счастье ты свое на вѣки погубилъ.“ Озадаченный Гриша поднялъ на него блѣдное лицо свое. „Коли-бъ теперь Борисъ Васильевичъ и Александра Павловна и думали о тебѣ по-

прежнему для Маши", объяснилъ старый морякъ, „такъ я бы самъ по долгу совѣсти счелъ нужнымъ положить этому конецъ..." Хотя ни слова никогда объ этомъ до сихъ поръ не было говорено ему отцомъ, Гриша зналъ, что этотъ бракъ съ Машей былъ сладостнѣйшею мечтой и пламеннымъ чаяніемъ старика и что того же ждали Троекуровы, мужъ и жена, съ самыхъ юныхъ лѣтъ Маши. Онъ зналъ, что въ этой семьѣ не выдадутъ дочери иначе, какъ за человѣка, котораго будутъ знать вдоль и поперекъ, прошлая жизнь котораго будетъ открытою книгой для озабоченныхъ *дѣйствительнымъ* ея счастіемъ родителей. А онъ—его Александра Павловна называла прямо своимъ старшимъ сыномъ, въ немъ Борисъ Васильевичъ видѣлъ своего воспитанника, довѣренное лицо, которому поручалъ онъ ближайшіе свои интересы и надзоръ за управленіемъ своими имѣніями во время своихъ отсутствій изъ Россіи. Онъ зналъ при этомъ, что въ гордомъ сознаніи своей духовной и матеріальной независимости, при своемъ своеобразномъ взглядѣ на обязанности человѣка его положенія *къ землѣ*, Троекуровъ менѣе всего склоненъ былъ прельщаться тѣми преимуществами, которыя давало бы будущимъ претендентамъ на руку его Маши то „свѣтское положеніе", на которое ловятся девяносто девять сотыхъ папенекъ и маменекъ въ Россіи. Ему не нужно было въ зятѣ ни титула, ни денегъ, ни шифра на эполетахъ: онъ хотѣлъ благовоспитаннаго человѣка и работника, который могъ бы быть ему преемникомъ въ той дѣйствительно *земской* дѣятельности, которой посвятилъ онъ всего себя и къ которой, какъ бы предчувствовалъ Борисъ Васильевичъ, его прямой наслѣдникъ, сынъ, питалъ мало склонности. „Къ иному тянетъ Васю"! вырвалось у него однажды въ присутствіи Гриши съ какимъ-то болѣзненнымъ вздохомъ... Все это зналъ Гриша, и давно, не придавая даже этому какого нибудь особеннаго значенія, считалъ какъ бы дѣломъ порѣшеннымъ, что ему въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ предстоитъ сдѣлаться мужемъ этой подраставшей бойкой дѣвочки, съ которою онъ постоянно находился въ какихъ-то дружескихъ отношеніяхъ, ссорясь и мирясь съ нею по десяти разъ на день... Страсть къ Антонинѣ Буйно-

совой вырвала какъ бы всесокрушающимъ ударомъ грома изъ души его всѣ его мирныя прежнія помышленія. Читатель уже знаетъ изъ первыхъ главъ нашего разсказа, какое смущеніе вызвала эта страсть въ томъ тихомъ интимномъ мірѣ, среди котораго жилъ до сихъ поръ молодой человѣкъ.

Онъ понялъ тогда изъ словъ отца, что имъ разбито было цѣлое зданіе иллюзій и надеждъ. Но въ ту пору онъ равнодушно, чуть не пренебрежительно отнесся къ этимъ словамъ... А теперь, теперь они звучали въ его воспоминаніи чѣмъ-то щемящимъ и назойливымъ и вызывали рядъ новыхъ воспоминаній всякихъ мелкихъ, ничтожныхъ по себѣ фактиковъ, но изъ совокупности которыхъ слагалось во внутреннемъ его сознаніи убѣжденіе, что отецъ его былъ правъ, что въ намѣреніяхъ родителей Маши относительно его, Гриши, произошло существенное измѣненіе, что „ими потеряна въ него вѣра", что, обращаясь съ нимъ все такъ же, какъ съ близкимъ, они не видѣли уже въ немъ того, кто такъ долго былъ для нихъ исключительно, родственно дорогъ... И все темнѣе становилось на душѣ молодого человѣка... Время успѣло сдѣлать свое: развращающее, болѣзненное чувство, которое внушила ему Антонина Буйносова, успѣло замереть, оставивъ въ немъ лишь какой-то осадокъ желчныхъ сожалѣній и стыда за себя, за „позорную роль", въ которую она поставила его относительно себя. Онъ если еще и не забылъ ея, то вспоминалъ какъ сонъ, какъ тяжелый сонъ, подъ впечатлѣніемъ котораго человѣкъ долго не въ состояніи очнуться и войти въ обычную колею жизни. Онъ почиталъ себя теперь радикально исцѣленнымъ, возвращеннымъ къ жизни, „къ здоровой, нормальной жизни", какъ выражался онъ внутренно. Онъ съ какимъ-то особенно радостнымъ чувствомъ ѣхалъ изъ Петербурга во Всесвятское; онъ тамъ, на берегахъ Невы, жадно стремился „скорѣе, скорѣе опять въ ту родную, здоровую атмосферу, подальше отъ тамошняго безсмыслія и безсердечія, отъ цинизма этого себялюбія, тщеславія и мошенничества"... И вотъ онъ пріѣхалъ, онъ здѣсь,—но это уже не то, не то, онъ это чувствовалъ какими-то тончайшими фибрами своего существа. А она, эта недавняя „бѣдовая" дѣвочка, какъ она хороша стала съ этою

ея теперь сдержанностью движеній и спокойнымъ взглядомъ!..

Что думала въ то же время Маша—трудно сказать. Она сама не разбиралась въ путаницѣ мыслей, мгновенно набѣгавшихъ и такъ же быстро исчезавшихъ въ ея головѣ. Это были даже не мысли, а какіе-то обрывки мыслей, какія-то недочувствованныя, торопливыя, рѣзко противорѣчившія другъ другу ощущенія. „И гораздо лучше, если-бъ онъ остался себѣ тамъ, въ Петербургѣ, а то, о чемъ намъ теперь говорить съ нимъ?... Бороду отпустилъ и красный такой... И что онъ тамъ дѣлалъ въ Петербургѣ,—опять въ какую-нибудь влюбился... Папа говорилъ, что ему онъ процессъ выигралъ въ Сенатѣ и что онъ свое дѣло, за которымъ ѣздилъ, хорошо ведетъ, что онъ становится очень *дѣловымъ*,—это очень хорошо... И совсѣмъ не идетъ къ нему борода, зачѣмъ онъ старитъ себя!... Я ему разскажу, непремѣнно разскажу, что я видѣла *ее* за границей... Онъ какой-то сердитый пріѣхалъ, миссъ Симпсонъ говоритъ съ нимъ, а онъ едва отвѣчаетъ; это даже не учтиво... И какъ долго я его не видѣла, цѣлую вѣчность!... Какъ будетъ съ нимъ maman теперь, любопытно. А то она въ послѣднее время будто избѣгала совсѣмъ говорить о немъ... Да и папа тоже...“

— Вы недавно изъ-за границы вернулись, Борисъ Васильевичъ? спрашивалъ между тѣмъ Острометовъ, тяготясь молчаніемъ, которое считалъ нужнымъ хранить до этой минуты.

— Да, отвѣтилъ Троекуровъ, словно съ просонковъ,—я былъ за границей.

— Avec mademoiselle? продолжалъ тотъ, взглядывая на Машу съ видимымъ желаніемъ вызвать ее на отвѣтъ.

— Да, и я была тоже, сказала она.

— Въ первый разъ?

— Въ первый, да.

Степа выразилъ на лицѣ своемъ необыкновенное удовольствіе:

— Я воображаю ваше восхищеніе!

— Чему?

— Ah mon Dieu, всѣмъ... Помилуйте, Европа... Послѣ нашего-то...

Маша подняла на него весело загорѣвшіеся глаза:

— Я наше предпочитаю... Да и вы тоже, кажется?

— Я? Почему вы такъ думаете?

— Я васъ встрѣтила на дняхъ...—вѣдь это были вы? въ такой большой шапкѣ, наряженные въ до-петровскій костюмъ... Я такъ и разсудила, что вы непремѣнно должны быть славянофилъ.

Подъ усами Бориса Васильевича скользнула невольная улыбка; онъ повелъ чуть-чуть взглядомъ въ сторону Степы и затѣмъ осторожно покачалъ головой по адресу дочери.

Степа покраснѣлъ до самыхъ ушей, но нашелся:

— Это у меня фамильный нарядъ, отъ предка моего, Ефрема Острометова, бывшаго стольникомъ при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ.

— Скажите, пожалуйста, какъ онъ у васъ хорошо сохранился! самымъ серьезнымъ тономъ проговорила Маша:—я думала, вы его изъ театра взяли.

Хозяинъ счелъ нужнымъ положить конецъ этому разговору:

— Monsieur Blanchard, обратился онъ къ Французу,—въ какую вышину полагаете вы вывести стѣны школы?

Blanchard пустился въ техническія объясненія.

Но и до хозяйки, и до ея гостя съ лѣвой стороны донесся черезъ раздѣляющее ихъ отъ Маши пространство стола хвостикъ разговора ея съ потомкомъ „стольника Острометa“. Александра Павловна вспомнила, какъ Маша на дняхъ, по возвращеніи съ прогулки, разсказывала ей хохоча объ этой встрѣчѣ съ нимъ, и съ ужасомъ, широко окрывъ глаза, устремила ихъ теперь на дочь. Графъ Снядецкій-Лупандинъ повелъ въ свою очередь глазами на смутившееся на мигъ лицо Степы—и ухмыльнулся. Степа поймалъ на-лету этотъ взглядъ и вскипѣлъ съ этой минуты непримиримою ненавистью къ петербургскому „аристократу“...

— Вы объ этомъ съ Борисомъ Васильевичемъ поговорите, громко промолвилъ въ это время Павелъ Васильевичъ Юш-

ковъ, отвѣчая этими словами на цѣлую рѣчь, которую велъ ему съ самаго начала обѣда сидѣвшій подлѣ него Свищовъ.

— О чемъ это? спросилъ оборачиваясь Троекуровъ.

— О желѣзной дорогѣ на ***, которая должна примкнуть къ магистральной линіи у нашего города.

— А развѣ такая линія предполагается?

— Это будетъ въ значительной мѣрѣ зависѣть отъ вашего превосходительства, полушопотомъ, какъ бы таинственно, произнесъ „московскій браво“ и даже подмигнулъ слегка.

Борисъ Васильевичъ вопросительно взглянулъ на него только, и обратился снова съ какимъ-то вопросомъ къ Бланшару.

XII.

Въ гостиной, куда перешли пить кофе, общество разбилось на группы. Хозяйка, ужасно озабоченная мыслью объ „incovenance“ Маши съ этимъ „бѣднымъ молодымъ человѣкомъ, который въ первый разъ пріѣхалъ въ домъ обѣдать“, всячески старалась собственною своею любезностью изгладить въ немъ „дурное впечатлѣніе“, какое, по ея мнѣнію, должна была произвести на него ея дочь. Она посадила его теперь подлѣ себя, разспрашивала подробно обо всемъ, что въ ея понятіяхъ могло интересовать его: о его матери, о которой она слыхала, какъ о большой музыкантшѣ, о мѣстѣ его воспитанія, о томъ, живалъ-ли онъ и прежде въ деревнѣ и нравится-ли ему природа ихъ мѣстностей. Степа, состоявшій всегда съ матерью въ отношеніи двухъ враждующихъ лагерей, ни въ какихъ мѣстахъ воспитанія не пробывшій долѣе шести мѣсяцевъ и любившій природу единственно на холстѣ театральной декораціи, отвѣчалъ на это, закатывая глаза къ потолку, что, молъ, потеря матери нанесла ему „зіяющую рану, которую никакое время не въ состояніи будетъ закрыть“, что „счастливѣйшими годами его жизни будутъ конечно всегда его студенческіе годы“ и что „жизнь онъ разумѣетъ только *въ природѣ и для природы*“. Александра Павловна даже нѣсколько умилилась, услыхавъ такія хорошія, хотя и не совсѣмъ понятныя ей, слова.

А графъ Снядецкій-Лупандинъ между тѣмъ расточалъ всѣ цвѣты своей петербургской свѣткости предъ взиравшею на него безмолвно и какъ бы пытливо Машей. Она будто

изучала его, она „такихъ“ еще не видала. „Говори, говори, любопытно!“ прочелъ бы онъ, если бы былъ способенъ къ наблюдательности, въ эту минуту въ ея голубыхъ, искрившихся и внимательныхъ глазахъ. Но онъ, сидя противъ нея на кончикѣ кресла съ чашкою кофе въ рукахъ, до горячей влаги котораго не рѣшались еще притронуться его губы, онъ объяснялъ себѣ внимательное выраженіе этихъ глазъ тѣмъ выгоднымъ впечатлѣніемъ, которое очевидно производили на нее его особа, его „свѣтское положеніе“, интересъ, вносимый въ ея „скучную деревенскую жизнь“ тѣмъ, что онъ разсказывалъ ей о столичной жизни, о томъ высшемъ мірѣ, о которомъ, говорилъ онъ себѣ, „она не можетъ имѣть никакого понятія“... Онъ со своего чиновничьяго міровоззрѣнія не въ состояніи былъ угадать, что эта воспитанная въ деревенской глуши дѣвушка складывала въ умѣ своемъ изо всего того, что сообщалъ онъ ей, заключеніе о немъ самомъ, не далеко расходившееся съ тѣмъ, какое о немъ вывелъ большой петербургскій свѣтъ, вслѣдъ за его появленіемъ въ гостиныхъ въ его новоприобрѣтенномъ графскомъ званіи. Онъ почиталъ себя ровней, чуть даже не выше стоящимъ на іерархической лѣстницѣ („вѣдь она же не титулованная“, разсуждалъ онъ) этой дочери „никакой должности незанимающаго отставнаго генерала“, которой повѣствовалъ онъ теперь все о тѣхъ же александровскихъ кавалерахъ, партнерахъ его въ клубѣ, о послѣднемъ выходѣ въ „Зимнемъ“ и о назначеніи графа Паванова, — „этого véritable homme d'état“, пояснялъ онъ внушительнымъ тономъ,—на высшій государственный постъ.

— Павановъ? повторила вопросительно Маша: — ахъ да! вспомнила она,—онъ еще родня папа.

— Род-ня? протянулъ Петръ Капитоновичъ съ особымъ оттѣнкомъ уважительности и впалъ даже въ нѣкоторую задумчивость по этому случаю.

„Тутъ все, все, — красота, воспитаніе, богатство, связи, большія связи!“ перебиралъ онъ мысленно,—„и къ тому еще какой-то оригиналъ или лѣнтяй отецъ, который держитъ ее взаперти въ деревнѣ и ждетъ, чтобы петербургскіе женихи явились къ нему сюда за лакомымъ кусочкомъ... Ну, и пре-

красно, прекрасно, я тутъ теперь, тутъ и посмотримъ теперь, посмотримъ"...

И Петръ Капитоновичъ умильно, искательно прижмуривая глазки отъ сладости охватывавшихъ его чаяній, обращался снова къ дѣвушкѣ съ разсказами о шталмейстерѣ князѣ Шастуновѣ и статсъ-секретарѣ Мольскомъ, съ которыми онъ былъ „tout à fait intime"...

А на противоположномъ концѣ гостиной „Московскій браво", стоя покачиваясь на каблукахъ и вздергивая молодцоватымъ движеніемъ руки зуавскіе усы свои вверхъ, объяснялъ безмолвно курившимъ, сидя на диванѣ, хозяину дома и Павлу Васильевичу Юшкову „неисчислимыя выгоды", обѣщаемыя новопредполагавшеюся желѣзною дорогой, о которой, многозначительно подчеркивалъ Свищовъ, „онъ уполномоченъ переговорить съ ними".

— Кѣмъ же это? коротко спросилъ Троекуровъ.

— Позвольте до поры до времени умолчать объ этомъ, съ тѣмъ же многозначительнымъ видомъ отвѣтилъ тотъ: — *для насъ* прежде всего важно, чтобы ваше превосходительство и многоуважаемый Павелъ Васильевичъ, какъ лица, вліятельныя не только въ здѣшнемъ уѣздѣ, но и во всей губерніи, дали, такъ сказать, моральную опору нашему проекту.

— „Вашему?" Кто же это *вы?* спросилъ опять Борисъ Васильевичъ; — извините меня, я съ анонимами имѣть дѣло не люблю.

Свищовъ сдвинулъ брови:

— Позвольте васъ спросить прежде всего, Борисъ Васильевичъ, признаете-ли вы въ принципѣ полезность этой линіи?

— Это будетъ зависѣть отъ того, на какое серьозное количество грузовъ можетъ разсчитывать она, а слѣдовательно отъ степени ея доходности.

— У насъ все это выработано до малѣйшей подробности. Со мною здѣсь въ портфелѣ подробное исчисленіе, данныя, карта, смѣты, словомъ, всѣ нужныя и точнѣйшія свѣдѣнія... Я все это вамъ сейчасъ же представить могу... Вы на

цифрахъ убѣдитесь, что она будетъ одна изъ доходнѣйшихъ для своихъ акціонеровъ линій въ Имперіи.

— Мѣстности, черезъ которыя должна пройти она, могутъ дѣйствительно доставить ей значительное число зерна, но едва ли чего-либо другаго, замѣтилъ старый предводитель.

— А заводъ его превосходительства, воскликнулъ восторженно Свищовъ,—что онъ одинъ на нее грузовъ дастъ.

Троекуровъ холодно усмѣхнулся:

— Ну-съ, обо мнѣ вы пожалуйста не хлопочите; я и безъ желѣзной дороги могу обойтись.

— Знаю-съ, знаю-съ, воскликнулъ опять тотъ: — у васъ на пятнадцать верстъ къ городу шоссе проводится на собственный вашъ счетъ; вы, по принципу Смайльса, все самопомощью, подмигнулъ онъ по привычкѣ, склоняя преувеличенно голову и прихлопнувъ каблуками.—Я впрочемъ, прошу вѣрить, никакъ бы и не осмѣлился выразить что-либо, что могло бы быть сочтено за captatio benevolentiae, если смѣю такъ выразиться, съ моей стороны. Ваши гражданскіе принципы извѣстны... Я и имѣю единственно въ виду всѣмъ извѣстную ревность вашего превосходительства объ общемъ благѣ...

— Но позвольте, съ видимымъ неудовольствіемъ перебилъ его Троекуровъ, — прежде всего надо знать: входитъ-ли эта линія въ предполагаемую правительствомъ сѣть?

— Нѣтъ-съ, не входитъ... Но ее включатъ, если только земство нашей губерніи согласно будетъ взять на себя инициативу этого дѣла, вѣско произнесъ Свищовъ.

— Вотъ какъ. То-есть, какъ это было въ Орлѣ и Саратовѣ? Но съ тѣхъ поръ, если не ошибаюсь, состоялось именное повелѣніе, чтобы никакихъ *земскихъ* дорогъ не строить и не гарантировать.

Свищовъ ухмыльнулся съ нѣкоторою уже торжественностью:

— Ни строить, ни гарантировать земству и не нужно будетъ. Желается только, чтобъ отъ него получено было формальное постановленіе, что оно считаетъ линію эту необходимою для пользы края.

— И такъ ему и поднесутъ ее, по щучьему велѣнью, вы полагаете? засмѣялся Павелъ Васильевичъ.

— Такъ и „поднесутъ“, какъ вы изволите говорить, подтвердилъ, вторя его смѣху и садясь противъ него на стулъ, Свищовъ.

— Вы увѣрены? протянулъ, все болѣе и болѣе хмурясь, хозяинъ дома.

— Безъ этой увѣренности я бы и не осмѣлился заговорить съ вами объ этомъ предметѣ... Я для этого нарочно посланъ сюда изъ Петербурга...

— Въ качествѣ чего же? спросилъ Борисъ Васильевичъ такимъ тономъ, который какъ бы сразу сбилъ съ позиціи петербургскаго посланца.

Онъ даже чуть-чуть покраснѣлъ:

— Я состою участникомъ въ компаніи, которой можетъ быть отдана постройка предполагаемой линіи, отвѣтилъ онъ не сейчасъ, — я предъ вами не считаю нужнымъ это скрывать... Каждый, вы понимаете, при общемъ нашемъ теперешнемъ дворянскомъ разореніи, принужденъ стараться пристроиться, какъ можетъ... Я не полагаю впрочемъ, счелъ онъ нужнымъ примолвить уже бравурно, — я не полагаю, чтобы было стыдно принимать участіе въ дѣлѣ, гдѣ выгода, которую можешь самъ получить отъ него, сопряжена съ прямымъ благомъ цѣлыхъ сотенъ тысячъ населенія... Я вотъ въ этихъ самыхъ видахъ и уполномоченъ моими довѣрителями войти въ сношеніе съ вліятельнѣйшими лицами въ земствѣ нашей и сосѣдней губерній, дабы склонить ихъ къ принятію *активнаго*, такъ сказать, участія въ предпріятіи, дѣйствительно обѣщающемъ—ваше превосходительство никакъ не можете отвергнуть это,—развитіе величайшаго благосостоянія во всей окрестной странѣ.

Троекуровъ пристально воззрился въ него и—неожиданно разсмѣялся:

— Скажите откровенно, кому это нужно въ Петербургѣ?

„Московскій браво“ не былъ рѣшительно способенъ къ дипломатической выдержкѣ. Распущенность и благёрство его

натуры тотчасъ же сказались во всемъ выраженіи его задергавшагося лица, его плутовски замигавшихъ глазъ:

— Нужно-съ, до зарѣза нужно кое-кому высокопоставленному...

Но онъ тутъ же смекнулъ, что это была далеко не подобающая серьезности предмета „tenue“ съ его стороны, и, быстрымъ превращеніемъ придавъ чертамъ своимъ глубокомысленность и таинственность, примолвилъ шопотомъ:

— Я могу вамъ только сказать, Борисъ Васильевичъ, что гарантіей въ успѣхѣ нашего дѣла служитъ ближайшее участіе въ немъ одной прекрасной особы... которой отказа быть не можетъ... И онъ подмигнулъ еще разъ.

Хозяинъ не далъ ему договорить. Онъ какъ-то весь разомъ поднялся съ мѣста:

— Ну, знаете, mon cher monsieur Свищовъ, мы лучше этотъ разговоръ оставимъ. Попробуйте ужь вашу агитацію—такъ вѣдь это, кажется, называется теперь въ газетахъ?—начать съ другихъ уѣздовъ или губерній; тамъ вы, можетъ быть, найдете „вліятельныхъ людей“ посговорчивѣе насъ съ Павломъ Васильевичемъ... Потому что, примолвилъ Троекуровъ, взглянувъ на стараго моряка, — мы съ нимъ вѣроятно и теперь, какъ всегда, не разойдемся во мнѣніи...

— Само собой! кивнулъ только подбородкомъ въ отвѣтъ старый морякъ—и поднялся тоже.

Они молча прошли чрезъ всю гостиную къ столу, за которымъ одиноко сражались въ пикетъ докторъ Ѳирсовъ и князь Пужбольскій, продолжавшій все также внутренно дуться на этихъ наѣхавшихъ во Всесвятское гостей, которыхъ онъ на своемъ энергичномъ французскомъ діалектѣ называлъ мысленно огуломъ „une collection d'infects personnages“.

Свищовъ, сильно озадаченный, но видавшій на своемъ вѣку и не такія, какъ говорится, „взбучки“, язвительно поглядѣлъ во слѣдъ отходившимъ отъ него послѣднимъ „Могиканамъ стараго режима“, дернулъ презрительно плечомъ, и безъ васъ, молъ, обойдется дѣло, и направился, улыбающійся, словно распредовольный, къ группѣ, сидѣвшей около хозяйки.

Онъ взялъ стулъ, усѣлся прямо противъ нея и, подмиг-

нувъ по неизмѣнному обыкновенію сидѣвшему подлѣ нея Острометову, съ которымъ, не смотря на разницу лѣтъ, издавна состоялъ на ты, и, обращаясь къ Александрѣ Павловнѣ:

— А вы не слышали, спросилъ онъ съ-оника,—какъ поетъ другъ мой Etienne?

— Вы поете? спросила въ свою очередь Степу она.

— Второй Форъ и Котоньи, помилуйте! *) захихикалъ Свищовъ не то восторженно, не то насмѣшливо.

— Ахъ, тогда пожалуйста laissez vous entendre!

И Александра Павловна повела глазами по направленію стоявшаго посреди гостиной большаго рояля:—вы сами аккомпанируете?.. А то Маша могла бы.

— Я давно отказался ото всякой итальянщины и пою только свое родное, сказалъ на это, какъ бы отговариваясь, Степа.

— Чайковскаго романсы поете? быстро отнеслась къ нему съ вопросомъ Маша,—я обожаю всю его музыку.

— Д-да, небрежно отвѣтилъ онъ, — но это не моя спеціальность.

Она открыла большіе глаза:

— А какая же ваша?

— Я *цыганистъ*, отвѣтилъ онъ, снисходительно улыбаясь.

— А!..

— Да-съ, вмѣшался Свищовъ,—и доходитъ въ этомъ жанрѣ до геніальности. C'est épatant de galbe! присовокупилъ онъ фигурнымъ языкомъ парижскихъ gommeux *) и потянулъ усъ кверху.

— Не понимаю! проговорила дѣвушка, вопросительно глядя на него.

Онъ самодовольно ухмыльнулся:

— Языкъ мой все еще не можетъ отвыкнуть отъ своей

---

*) Форъ—извѣстный баритонъ французской парижской оперы; Котоньи—тоже баритонъ, хорошо извѣстный Петербургу и Москвѣ.

*) Та порода модниковъ, что въ 30-хъ и 40-хъ годахъ обозначалась во Франціи кличкой *львовъ*, „lions“, получила затѣмъ постепенно прозвища „gandins“, „petits crevés“, „cocodès“ и наконецъ „gommeux“, подъ каковымъ нынѣ и состоятъ (отъ „*gomme*“ клей).

парижской рѣчи, je vous demande grâce pour lui, mademoiselle. Я хотѣлъ сказать... Но не скажу,—вы сами поймете, когда услышите моего друга Etienne... Матрена Ивановна съ тобой? обратился онъ къ Остометову съ нежданнымъ вопросомъ, отъ котораго ничего не понявшей въ немъ Александрѣ Павловнѣ сдѣлалось даже въ первую минуту жутко.

— Обязательно; мы съ ней не разстаемся, отвѣтилъ, осклабясь въ свою очередь, Степа.

— „Матрена Ивановна“ другъ моего Этьена, поспѣшилъ объяснить Свищовъ, во успокоеніе замѣченнаго имъ ужаса хозяйки,—не есть какая-либо женская особа plus ou moins *pschut*, *) а нѣкое мусикійское орудіе, которымъ онъ владѣетъ не хуже знаменитаго Сихры **). А „Матреной Ивановной“ названо оно Этьеномъ изъ присущаго ему чувства патріотизма, расхохотался невѣдомо къ чему Свищовъ.—Теки за Матреной Ивановной, Etienne!

Степа всталъ и поспѣшно направился изъ гостиной въ переднюю.

Графъ Петръ Капитоновичъ Снядецкій-Лупандинъ счелъ нужнымъ заявить о своемъ недоумѣніи относительно того, что довелось ему слышать сейчасъ:

— О какомъ это „орудіи“ вы говорили и почему оно должно называться „Матреной Ивановной“, не понимаю!...

И онъ съ нѣкоторымъ ироническимъ намѣреніемъ приподнялъ плечи и прищурился на „московскаго браво“.

— Есть много на землѣ и небѣ, другъ мой графъ, что и не снилось вамъ на берегахъ Невы, возразилъ на это находчивый Свищовъ; — воззрите и уразумѣйте! примолвилъ онъ, указывая на Степу, возвращавшагося въ комнату съ крупною, украшенною перламутромъ, семиструнною гитарой въ рукѣ.

— Гитара! Все же не понимаю, почему она должна называться Матреной Ивановной, игриво началъ опять графъ:— инструментъ преимущественно испанскій; ее бы скорѣе слѣдовало назвать Инезильей или Пахитой, n'est-ce pas, ma-

*) Словцо, въ новѣйшіе дни замѣнившее въ Парижѣ прежнее „chic“.
**) Извѣстный гитаристъ.

demoiselle? обратился онъ съ этимъ вопросомъ и умильною улыбкой къ Маріи Борисовнѣ.

Она ничего не отвѣтила, съ видимымъ молодымъ любопытствомъ вся устремившись глазами на Остромётова и его „орудіе“.

— Такъ прикажете? спросилъ тотъ хозяйку, усаживаясь на прежнее мѣсто.

— Ахъ пожалуйста, я очень рада...

— Съ чего же начать? говорилъ онъ, натягивая колки на ручкѣ гитары.

— А вотъ сейчасъ графъ про Испанію сказалъ: ты и поднеси ему изъ андалузской поэзіи, посовѣтовалъ Свищовъ.

Степа запѣлъ. Голосъ его, уже значительно надорванный, звучалъ все еще прелестными звуками мягкаго груднаго баритона съ теноровымъ тембромъ и наусканнымъ цыганскимъ пошибомъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ по качеству голосовъ, которые, какъ большинство получаемыхъ русскими людьми отъ природы даровъ, гибнутъ безвременно отъ нерадѣнія и недостатка школы... Пѣлъ онъ на весьма извѣстный, дѣйствительно *испанскій* мотивъ какія-то невозможныя слова:

За любовь мою въ награду
Ты мнѣ слезку подари,—
И помчусь я съ ней въ Гренаду
На крылахъ моей любви.

Разсѣянные по угламъ гостиной чада и домочадцы Всесвятскаго торопливыми и осторожными шагами потянулись къ поющему и сомкнулись кругомъ него внимательною тѣсною стѣной. Пужбольскій, сдававшій въ эту минуту карты, откинулся, не додавъ прикупки, въ спинку своего стула, восклицая:

— Tudieu, quelle voix!... Но что̀ это за слова, какія онъ слова поетъ?

Тамъ я въ перстень драгоцѣнный
Эту слезку заключу,
И за талисманъ чудесный
Своей кровью заплачу.

продолжалъ заливаться Степа.

— Non, c'est un peu fort, это чортъ знаетъ, что̀ такое!

такъ и прыснулъ пламенный князь, вскакивая съ мѣста;—онъ хочетъ летѣть въ Гренаду со слезкой, съ одною слезкой, pour la fourrer dans une bague... Да вѣдь она по дорогѣ сто тысячъ разъ успѣетъ *высыхать* „на крылахъ его любви“... И онъ за это будетъ свою кровь проливать; oh l'imbécile, l'imbécile!...

Онъ кинулся съ мѣста къ пѣвцу, сопровождаемый смѣшливымъ докторомъ, которому и голосъ Острометова, и этотъ комическій взрывъ его партнера доставляли равно не малое удовольствіе.

— Pardon, monsieur, обратился князь къ Степѣ, едва допустивъ его допѣть до конца,—кто эти слова сочинилъ, которыя вы сейчасъ пѣли?

Степа какъ бы смущенно опустилъ глаза:

— Пріятель мой одинъ...

— Самъ, самъ творилъ, прервалъ его Свищовъ, надрываясь отъ хохота и подмигивая спрашивавшему обоими глазами:— все его, и слова, и *музыка*, подчеркнулъ онъ лукаво.

— Ah!... Alors je n'ai rien à dire, проговорилъ, кланяясь, Пужбольскій и быстро зашагалъ назадъ къ покинутому имъ игорному столу.

Инцидентъ этотъ нисколько впрочемъ не помѣшалъ дальнѣйшему успѣху „втораго Фора“. Несомнѣнно красивый голосъ его и самый этотъ цыганскій пошибъ его пѣнія, неотразимо дѣйствующій на русскіе нервы, произвели на зрителей самое чарующее впечатлѣніе. Маша, не отрываясь, слѣдила за переборами руки его по струнамъ гитары, какъ будто отъ нихъ, отъ этихъ струнъ, неслись тѣ живые звуки, которые глубоко хватали его за душу; но глазъ она не поднимала. „Взглянешь на его лицо — и разочаруешься“, проносилось у нея въ мысли... Самъ Борисъ Васильевичъ, опустившись въ отдаленіи въ кресло и закрывъ глаза рукой, словно ушелъ весь во мглу какихъ-то далекихъ, щемящихъ воспоминаній. Учитель Молотковъ, самъ весьма музыкальный и обладавшій хорошимъ голосомъ молодой человѣкъ, билъ безсознательно ладонями по воздуху, намѣчая ладъ пѣсни и весь словно потонувъ въ ея забирающей мелодіи...

Но вотъ Степа оборвалъ вдругъ, шевельнулъ плечами, огля-

нулся кругомъ какимъ-то строгимъ взглядомъ. Руки его мягко притронулись къ струнамъ опять...

Ай, ту, береза...

Началъ онъ pianissimo, и чѣмъ-то неотразимо жгучимъ ударило теперь по сердцамъ у всѣхъ. Что-то, ни съ чѣмъ не сравнимое, родное, самобытное, несущее къ какой-то далекой, таинственной старинѣ, что-то бодрящее и сладко томительное въ одно и тоже время плыло и сверкало въ волнѣ этихъ звуковъ, приправленныхъ какими-то безсмысленными, дикимй словами... Все замерло на мигъ въ лихорадочномъ ожиданіи, готовое тутъ же пристать на самой вершинѣ постепенно крѣпчавшаго crescendo...

Ай, ту, береза,
Ту мира береза,
Ай, ту, матессе,
А я тверeза.
Ой, думала, думала,
Ой, гадала, гадала! *)

И дѣйствительно, Островетовъ внезапно метнулъ еще разъ взглядомъ кругомъ, и всѣ, Маша, Молотковъ, Пецъ, Гриша, докторъ Θирсовъ, сіяя мгновенно загорѣвшимися глазами, подхватили разомъ:

Ай, ту, береза...

— Народъ, сочинившій такую вещь—великій народъ, батенька мой! вскликнулъ докторъ Θирсовъ, швыряя карты свои на стомъ въ порывѣ восторга.

— Не сочинилъ, закипятился тутъ же Пужбольскій, — а занесъ съ какихъ-нибудь вершинъ Памира, или въ Золотой Ордѣ ей научился. Это Востокъ, чистый Востокъ, mon cher monsieur...

— Россія-матушка, ширь, русская, необъятная ширь, стоялъ на своемъ Θирсовъ, смаргивая съ рѣсницъ выкатившіяся на нихъ слезы.

*) Цыганскія пополамъ съ русскими слова: „*Ту*“, ты; „*мира*“, моя „*матессе*“, пьяна (на томъ основаніи, что береза *качается*).

Одинъ графъ Снядецкій-Лупандинъ не примыкалъ впечатлѣніями своими къ такому потоку общаго увлеченія. Онъ даже удивлялся, что „дѣвушка хорошаго дома, какъ дочь генерала Троекурова, могла такъ прямо, вмѣстѣ съ какими-нибудь служащими у ея отца“ подпѣвать „глупой цыганской пѣснѣ“... „Ужь конечно въ Петербургѣ она себѣ этого сдѣлать не позволила бы... но тутъ, конечно, провинція“... А „этотъ поющій купчикъ“, на котораго „точно на Патти глазѣетъ и съ ума сходитъ здѣшняя деревенщина“, — онъ ему рѣшительно не нравился...

Подсѣвшій къ нему Свищовъ еще болѣе разбередилъ проступавшее у него чувство нерасположенія къ „этому купчику“:

— Талантъ-съ своего рода, шепнулъ онъ ему на ухо, подмигивая и хихикая,—соперникъ опасный!

Петръ Капитоновичъ огрызся:

— Не нахожу, и притомъ къ чему тутъ вы о какомъ-то соперникѣ говорите!..

И онъ отвернулся отъ него, изображая на лицѣ своемъ оскорбленное достоинство.

— Тридцать тысячъ дохода и отъ поротыхъ Татарами знаменитыхъ бояръ происходитъ, хихикнулъ еще разъ ему подъ ухо, не смущаясь, нахалъ.

— Еще, еще, пожалуйста!... раздавалось кругомъ между тѣмъ.

— „Чаруй меня, чаруй“! запѣлъ даже съ мѣста, къ общему хохоту, своимъ фальшивымъ голосомъ Өирсовъ, на припѣвъ извѣстнаго романса Даргомыжскаго.

Пѣніе продолжалось до истощенія всего, имѣвшагося въ запасѣ у Степы, репертуара. Общее настроеніе притомъ поднято было до той точки возбужденія, за которою неминуемо должно слѣдовать утомленіе. Но всѣ еще глаза горѣли, и что-то разнѣженное сказывалось у всѣхъ на лицахъ...

— А гдѣ же Вася? спросила вдругъ Александра Павловна, обернувшись къ наставнику сына, Павличку, тихо въ эту минуту подошедшему и опустившемуся на стулъ за ея кресломъ;—онъ тутъ былъ сейчасъ...

— Онъ сказалъ мнѣ, что къ себѣ пойдетъ, отвѣтилъ тотъ какъ бы нѣсколько недовольнымъ тономъ.

— Здоровъ онъ? тревожно спросила она.

— Совсѣмъ здоровъ, я спрашивалъ...

— Такъ отчего же... не договорила она.

— „Шумно“, говоритъ, „слишкомъ“.

Она вздохнула.

— Я его удерживалъ... Но полагаю, что было бы вредно, если бы принуждали его къ тому, что̀ противно его наклонностямъ. Это только заставило бы его упорнѣе слѣдовать имъ, объяснилъ, будто извиняясь въ чемъ-то, Павличекъ.

— Да, да, конечно, прошептала Александра Павловна, подавляя новый вздохъ.

— Ну-съ, пора, Троженковъ ждетъ насъ, шепнулъ, подходя опять къ графу, „московскій браво“,—десятый часъ въ началѣ, пока доѣдемъ...

Петръ Капитовичъ растерянно (ему даже жутко стало отъ мысли, что „вотъ-вотъ сейчасъ и уѣхать отсюда надо“,) взглянулъ на него, но тутъ же послушно поднялся съ мѣста и сталъ прощаться.

— Развѣ вы не поужинаете съ нами? спросила любезно, удерживая его, хозяйка.

— Mille mercis, madame, отвѣтилъ за него расшаркиваясь Свищовъ,—луна взошла, какъ разъ время пуститься въ путь по нашимъ отвратительнымъ *путямъ прегражденія*, сострилъ онъ;—au clair de la lune mon ami Pierrot и покорный вашъ слуга будутъ имѣть, по крайней мѣрѣ, возможность знать, на какомъ именно мѣстѣ обречены они сломить себѣ шею, громко захохоталъ онъ въ заключеніе, между тѣмъ какъ исполненное все того же достоинства лицо его товарища по путямъ *прегражденія* стало вдругъ чернѣе тучи.

Степа, перекинувъ черезъ плечо орденскую ленту, на которой подвязана была его „Матрена Ивановна“—что̀ придавало ему нѣкій видъ маскараднаго трубадура,—принялся прощаться въ свою очередь.

— Спасибо вамъ, ото всей души спасибо! горячо проговорила Маша, протягивая ему руку и крѣпко, своимъ муж-

скимъ движеніемъ, сжимая ее, — вы намъ всѣмъ доставили сегодня такую радость... Я говорю *радость*—это больше, чѣмъ удовольствіе... Надѣюсь, это не въ послѣдній разъ?

Онъ не успѣлъ отвѣтить.

— N'ayez peur, mademoiselle, возгласилъ за него Свищовъ,—другъ мой Etienne и неразрывная съ нимъ Матрена Ивановна къ услугамъ вашимъ во всѣ дни и часы ихъ музами хранимаго существованія.

— Позвольте, говорилъ тѣмъ временемъ графъ, подходя къ Борису Васильевичу и раскланиваясь съ самою отборною свѣтскостью,—позвольте выразить вашему превосходительству душевнѣйшую благодарность за ласковый пріемъ вашъ... и вмѣстѣ съ тѣмъ надѣяться, что вы не откажете мнѣ въ дозволеніи теперь, какъ сосѣду, наскучать вамъ изрѣдка моимъ посѣщеніемъ...

— Очень радъ... До свиданія! промолвилъ Троекуровъ, пожимая протянутую ему руку.—*Прощайте-съ*, замѣтно подчеркнулъ онъ, отвѣчая этими словами на прощальный поклонъ подошедшаго въ эту минуту Свищова...

„Э-э, да это, братъ, тебѣ абшидъ en toute forme", основательно объяснилъ себѣ Петръ Капитоновичъ и покосился на своего спутника, сложивъ губы въ презрительную по адресу его улыбку.

Хозяева, по неизмѣнному имъ обычаю, проводили гостей до самой передней.

— Il est vraiment tout à fait impossible, ce monsieur Свищовъ, тихо сказала мужу, возвращаясь въ гостиную, Александра Павловна, — у него со всѣми такая непріятная фамильярность...

— Всѣ они хороши, промолвилъ сквозь зубы Борисъ Васильевичъ: — образцики русской воспитанности въ послѣдовательности поколѣній.

И онъ отошелъ къ Павлу Васильевичу Юшкову и усѣвшемуся подлѣ него директору завода Пецу, оживленно о чемъ-то заговорившимъ въ эту минуту.

Александра Павловна быстро прошла чрезъ гостиную въ

свой покой, а оттуда въ отдѣленіе дома, которое занимали сынъ ея и Вячеславъ Іосифовичъ Павличекъ.

Между тѣмъ, въ тарантасѣ, увозившемъ изъ Всесвятскаго графа Снядецкаго-Лупандина съ его спутникомъ Свищовымъ, происходилъ такого рода разговоръ.

— Вы меня извините, говорилъ Петръ Капитоновичъ (онъ былъ очень возбужденъ и видимо старался поддержать въ себѣ это возбужденіе), — вы меня извините, но я принужденъ выразить... замѣтить, такъ сказать, вамъ мое удивленіе тому, какъ вы, можно сказать, странно... болѣе даже, чѣмъ странно, относились ко мнѣ въ домѣ, гдѣ я въ первый разъ... и гдѣ по моему положенію я заслуживаю, позвольте мнѣ сказать, болѣе уваженія...

— Да вы это о чемъ, съ чего вы? спрашивалъ недоумѣло „московскій браво“, стараясь въ темнотѣ разглядѣть выраженіе лица говорившаго.

— Тѣмъ болѣе, продолжалъ язвительно тотъ,—что, сколько я могъ замѣтить, сами вы не пользуетесь въ этомъ домѣ какимъ-нибудь, такъ сказать, особеннымъ расположеніемъ.

— А на чорта оно мнѣ нужно! воскликнулъ нахалъ, — плюю я на ихъ расположеніе.

— Такъ, можетъ быть, и они со своей стороны... началъ и не договорилъ графъ,—а это мнѣ, позвольте вамъ сказать, весьма не пріятно, что вы позволяете себѣ при дамахъ называть меня такимъ неприличнымъ образомъ...

— Какъ это называть... про что это вы?

— Сами, кажется, должны понять!... Если бы мы были съ вами и въ болѣе, такъ сказать, интимныхъ отношеніяхъ, такъ и тутъ... А мы съ вами недавно только на желѣзной дорогѣ познакомились, и вы позволяете себѣ при дамахъ называть меня какимъ-то Pierrot... Я для васъ не Pierrot, милостивый государь, и ни для кого не желаю быть Pierrot, и не могу дозволить вамъ этой дерзости, кипятился все болѣе и болѣе Петръ Капитоновичъ,—не могу и не хочу! кричалъ онъ уже крикомъ, стуча кулакомъ по кожанному фартуку, пристегнутому къ кузову тарантаса.

Свищовъ расхохотался самымъ безцеремоннымъ образомъ:

— Ахъ, такъ это вы вотъ изъ-за чего, изъ-за французской пѣсенки, которую всякое малое дитя знаетъ:

Au clair de la lune
Mon ami Pierrot...

— И я знаю-съ, я не хуже васъ воспитанъ:

Prête-moi ta plume

и прочее... Только вы не имѣли никакого права относить это ко мнѣ, и я покорнѣйше прошу васъ не забывать, что я въ моемъ положеніи... въ моемъ, такъ сказать, званіи, произнесъ онъ съ необыкновенною внушительностью,—не могу этого ни вамъ, ни кому иному на свѣтѣ дозволить.

— Ого, какъ грозно, ваше сіятельство! захохоталъ, не смущаясь, изъ своего угла Свищовъ;—это что же должно собою изображать: вызовъ мнѣ что-ли?

— То-есть, какъ вы это понимаете: „вызовъ?“ опѣшилъ внезапно графъ Снядецкій-Лупандинъ.

— На барьеръ, то-есть, желаете поставить меня? объяснилъ спокойно тотъ: — такъ я отъ этого никогда не отказываюсь, считаю долгомъ предварить васъ.

Петру Капитоновичу сдѣлалось холодно:

— Я полагаю, въ настоящемъ случаѣ было бы, такъ сказать, рановременно прибѣгать къ такой крайности, пробормоталъ онъ, кутаясь какъ-то особенно тщательно въ шинель свою,—но я васъ очень прошу впредь...

— Такъ что-жь объ этомъ толковать! перебилъ его спутникъ на полусловѣ.—Есть у васъ спички папироску зажечь?..

XIII.

Гриша Юшковъ въ теченіе всего вечера не проронилъ ни слова. Онъ сидѣлъ вдали отъ пѣвшаго Острометова, погруженный въ какое-то странное настроеніе духа. Волна пѣнія уносила и его вмѣстѣ съ прочими, но къ сладостному ощущенію, производимому на него этимъ пѣніемъ, примѣшивалось какое-то назойливое ощущеніе недовольства, что-то похожее на досаду не то на самого себя, не то на пѣвца, на нескрываемый восторгъ, возбуждаемый его голосомъ въ слушателяхъ его и слушательницахъ... Этотъ „концертъ", проносилось у него въ мысли, нарушалъ весь обычай, весь издавна знакомый и дорогой ему обычай вседневной жизни во Всесвятскомъ: тихіе разговоры въ тѣснодружескомъ кружкѣ или чтеніе хорошей книги за круглымъ столомъ, на которое послѣ вечерняго чая собирались всѣ жители дома, веселый смѣхъ Маши, вѣчные споры его съ нею... Онъ ѣхалъ изъ Петербурга, радостно чая найти все тѣми же эти издавна заведенные милые ему порядки. И вдругъ не то, совсѣмъ не то: новыя лица, глупая гитара какая-то... И никогда музыкантшею *она* не была, а теперь и не оторвешь ее, точно будто околдованная сидитъ... И онъ изподлобья слѣдилъ, все замѣтнѣе хмурясь и покусывая губы, за восхищеннымъ выраженіемъ искрившихся глазъ дѣвушки,—и на душѣ его становилось все тоскливѣе и тоскливѣе...

Онъ поспѣшно поднялся съ мѣста и отошелъ въ самый отдаленный уголъ гостиной, къ одному изъ оконъ, выходившихъ въ садъ, въ ту минуту, когда гости поднялись про-

щаться: ему инстинктивно претило быть вынужденнымъ подать руку этимъ незнакомымъ и уже антипатичнымъ ему людямъ.

Въ окно свѣтилъ сквозь полуобнаженныя еще вѣтви кленовъ и липъ поднявшійся на темно-голубое ночное небо мѣсяцъ, и какія-то веселыя узорчатыя тѣни бѣжали, словно играя, по дорожкамъ сада, по просохшей уже глади террасы, разстилавшейся предъ домомъ. Гриша заглядѣлся на нихъ и обернулся, лишь когда никого изъ „чужихъ“ уже не оставалось въ гостиной. Пецъ, Молотковъ, Blanchard вышли вслѣдъ за хозяевами въ сѣни провожать ихъ. Одинъ Павелъ Васильевичъ, убаюканный музыкой, остался дремать въ углу дивана, да князь Пужбольскій съ докторомъ Ѳирсовымъ продолжали сражаться въ пикетъ на противоположной сторонѣ комнаты... Но нѣтъ, вотъ и она тутъ,—Маша... Она откинулась головой въ спинку своего кресла и, уложивъ руки на его ручки, сидитъ недвижно, уставившись взглядомъ въ пространство въ какомъ-то „блаженномъ“, желчно сказалось ему въ мысли, забытьи...

Онъ подошелъ къ ней съ какимъ-то страннымъ смущеніемъ.

— Я не зналъ, началъ онъ съ напускною насмѣшливостью,—что на васъ такъ можетъ сильно дѣйствовать музыка.

— Почему же вы думали? сказала она, не перемѣняя положенія.

— Вы никогда даже и учиться ей не хотѣли. Я помню, что̀ изъ-за этого въ оны дни было у васъ слезъ и капризовъ съ маменькой, засмѣялся онъ въ отвѣтъ.

— И не хотѣла играть никогда, потому что чувствовала, что̀ никогда изъ этого у меня ничего не выйдетъ. И оттого именно, что любила всегда музыку, не хотѣла оскорблять своихъ ушей тѣмъ, что̀ могла ожидать отъ собственнаго моего исполненія.

— Оригинально, какъ и все у васъ, а впрочемъ...

Онъ не договорилъ.

— „Впрочемъ“ что̀?

И она пристально теперь остановила на немъ свои лучистые глаза.

— Вы для меня теперь почти совсѣмъ новое лицо. Я оставилъ васъ ребенкомъ...

— А теперь, перебила она его,—находите во мнѣ такую перемѣну, что узнавать болѣе не хотите. Такъ?

— Почему же „не хочу?“ возразилъ онъ съ живостью;—очень прошу напротивъ.

— Чего это?

— Позволить возобновить съ вами знакомство, насиловано засмѣялся онъ опять.

— Вы въ самомъ дѣлѣ этого желаете? спросила чуть не строго дѣвушка.

— Я полагаю, что сомнѣваться въ этомъ вы даже права никакого не имѣете, сказалъ на это Гриша, подавляя внезапное смущеніе.

Она опустила на мигъ глаза, сжавъ раздумчиво брови:

— А Петербургъ что же? какъ бы ни къ селу, ни къ городу обратилась она къ нему съ вопросомъ.

Но онъ понялъ.

— Тоска, мертвечина, отвращеніе! вырвалось у него прямо изъ души.

Она улыбнулась чуть-чуть, какъ бы одобрительно кивнула подбородкомъ, замолкла опять на минуту и вдругъ подняла на него еще разъ глаза снизу вверхъ во всю сіяющую ширину ихъ.

— А я кого-то видѣла въ Венеціи, Григорій Павловичъ!...

— Кого это? спросилъ онъ дрогнувшимъ невольно голосомъ и мгновенно вспыхивая по самые глаза.

— Вотъ этого я терпѣть не могу,—лицемѣрія! вскликнула пылко Маша:—вы очень хорошо знаете, о комъ я говорю.

— Положимъ—знаю, отвѣтилъ онъ не сейчасъ,—что-жь изъ этого?

Она въ свою очередь не сейчасъ отвѣтила:

— Это вамъ лучше знать, чѣмъ мнѣ.

— Мнѣ это все равно, произнесъ онъ съ неожиданною, поразившею дѣвушку искренностью выраженія, твердостью.

— И это правда? протянула она, глядя на него избока.

— Что же, вы полагаете, и онъ пожалъ плечами, — если

кто-нибудь схватилъ простуду, такъ ему вѣкъ и оставаться простуженнымъ.

— Такъ это часто и бываетъ, возразила она вдумчиво.

Онь усмѣхнулся опять:

— Нѣтъ, слава Богу, я изъ больницы выписался.

Чуть-чуть замѣтная улыбка пробѣжала по губамъ Маши, но она какъ бы недовѣрчиво, медлительно закивала своею бѣлокурою головкой.

— Вы не вѣрите? поспѣшно спросилъ онъ.

— Почему же, если вы говорите... Только..

Она не договорила, какъ бы о чемъ-то задумавшись вдругъ.

— Что̀ „только“?

— Нѣтъ... я думала, чѣмъ же вы жить теперь будете...

„Тобою“! чуть не сорвалось съ устъ молодаго человѣка въ какомъ-то внезапномъ порывѣ всего его охватившей нѣжности.

— Такъ вы полагали, что безъ *этого* мнѣ и жить нельзя будетъ? спросилъ онъ громко, стараясь придать голосу своему насмѣшливый оттѣнокъ;—въ мои годы есть въ жизни другіе задачи и идеалы.

— Ну да, „въ ваши годы“, это у васъ старая привычка говорить о вашихъ годахъ; только годы ничего не значатъ... Вы знаете пословицу: каковъ въ колыбелкѣ, таковъ и въ могилкѣ...

Она вдругъ вздохнула:—У васъ характера нѣтъ, Гриша, вотъ бѣда!

Гришу Юшкова всего передернуло. Ничто такъ обидно и болѣзненно не могло задѣть его, какъ подобный упрекъ, и потому именно болѣзненно и обидно, что самъ онъ въ глубинѣ сознанія не могъ не признать всей основательности этого упрека. Но все же не хотѣлось ему склонить безотвѣтно голову подъ этимъ ударомъ:

— Съ вашей стороны не великодушно, во-первыхъ, злоупотреблять превосходствомъ *характера* вашего надъ моимъ, подчеркнулъ онъ, стараясь принять шутливый тонъ; — а, во-вторыхъ, если это и дѣйствительно такъ, такъ вѣдь это относится не къ одному мнѣ, Марія Борисовна. Я сынъ своего

вѣка, а люди этого вѣка всѣ, какъ извѣстно, безхарактерны... Возьмите хоть всѣ мужскіе типы у Тургенева; развѣ въ нихъ вы найдете хоть одного героя, похожаго на тѣхъ, которыми восхищаетесь вы въ Валтеръ-Скоттѣ или даже въ вашихъ нынѣшнихъ англійскихъ романахъ? Всѣ они въ своемъ родѣ Гамлеты... или вѣрнѣе даже Гамлетики, маленькіе, узенькіе Гамлетики, прибавилъ онъ съ невеселою ироніей, — но во всѣхъ ихъ одна общая имъ черта: преобладаніе разсудка, фантазіи, „рефлективности“, какъ говорится, надъ волей, надъ дѣйствіемъ. Положимъ, самъ Тургеневъ принадлежалъ къ типамъ этого сорта, но всѣ мы воспитались на нихъ и на немъ; всѣ мы взросли подъ условіями, при которыхъ не на чемъ было развиваться въ насъ элементу воли, некуда было употребить ее...

— А отецъ мой? а вашъ отецъ? пылко перебила его Маша,—вы ими были воспитаны, а никѣмъ другимъ; развѣ есть въ нихъ хоть тѣнь чего-нибудь похожаго на ваши жалкіе „Тургеневскіе типы“?.. Я ихъ оттого-то и терпѣть не могу всѣхъ, что они такъ жалки, такъ постыдны для насъ, русскихъ!...

Горячія слова эти отозвались новымъ щемящимъ чувствомъ въ душѣ молодаго человѣка.

— Да, пробормоталъ онъ,—отецъ вашъ, мой отецъ—это другіе люди, но вы забыли о той прежней школѣ, чрезъ которую прошли они, о тѣхъ устояхъ, на которыхъ держалось все то, чему служили они. А вѣдь мы, мое поколѣніе, мы взросли на свѣжихъ обломкахъ стараго и въ хаосѣ постройки новаго, недодуманнаго, недодѣланнаго, недосказаннаго. У насъ изъ рукъ вырвали нити, связывавшія насъ съ прошлымъ, а свѣта не дали, чтобы разобраться въ темнотѣ обѣщаемаго намъ будущаго. Откуда же намъ характера набраться, Марья Борисовна?

Она медленно покачала головой:

— Не то, совсѣмъ не то вы говорите. Они, тѣ, о комъ я сказала, вынесли изъ стараго все лучшее, что можетъ служить и теперь, и чѣмъ они и теперь „служатъ“, какъ вы говорите. Ничего отъ васъ больше и не требуется—живите,

поступайте такъ, какъ они живутъ и поступаютъ,—по совѣсти и по долгу.

— Я не полагаю, чтобы съ этой стороны могъ кто-либо обвинить меня, возразилъ нѣсколько обидчивымъ тономъ Гриша.

— Ахъ, вы не понимаете меня! вскликнула нежданно со слезами въ голосѣ дѣвушка:—я видно не умѣю объяснить, но понимаете вы, что мнѣ это больно, точно ножемъ меня рѣжутъ, когда я вижу, что послѣ *того*,—вы знаете, проговорила она какъ бы въ скобкахъ,—другое совсѣмъ, чѣмъ прежде, думаютъ о васъ всѣ у насъ. Вы, можетъ быть, и не замѣтите сами, потому что васъ все такъ же любятъ, какъ прежде, но... не знаю, какъ это сказать... но уже *не вѣрятъ* въ васъ такъ, какъ до *этого*.

— Вамъ и не нужно было говорить мнѣ объ этомъ, вздохнулъ Гриша:—я чутокъ на такіе оттѣнки, я давно замѣтилъ... и не виню никого: такъ это и должно было случиться... Обо мнѣ составилось мнѣніе въ теченіе годовъ, котораго я въ дѣйствительности не заслуживалъ,—никто не виноватъ, кромѣ меня самого, въ томъ, что подо мной разбился пьедесталъ, на который возвела меня слишкомъ большая благосклонность къ моей особѣ... А теперь все кончено, Марья Борисовна, да? спросилъ онъ дрожащимъ шопотомъ, съ лихорадочною тревогой въ глазахъ.

— Ахъ, и не знаю, ничего я не знаю! вскликнула она, вскакивая нежданно съ мѣста,—ничего не могу сказать.

И она быстрыми шагами отошла отъ него.

— Куда же вы? спросилъ онъ чуть не съ отчаяніемъ.

— Къ брату Васѣ. Мама сейчасъ прошла, вы и не замѣтили... Она навѣрно къ нему, не заболѣлъ-ли онъ!...

XIV.

Онъ давно душою жаркой,
Въ перегарѣ силъ,
Всю неволю жизни яркой
Втайнѣ отлюбилъ...
И не разъ въ минуты битвы
Съ жизнью молодой,
Въ упоеніи молитвы
Находилъ покой.

Фетъ. *Легенда.*

По пути къ покоямъ брата Маша встрѣтилась съ возвращавшеюся оттуда матерью.

— Ты къ Васѣ? спросила Александра Павловна.

— Да, maman, я вижу, вы ушли къ нему, и подумала, здоровъ-ли онъ...

— Ничего, говоритъ, совершенно здоровъ, и дѣйствительно жару нѣтъ, голова свѣжа. Онъ ушелъ къ себѣ потому, говоритъ, „слишкомъ шумно“, и онъ этого не любитъ... Ахъ, Боже мой, проговорила вдругъ болѣзненно Александра Павловна, опускаясь въ кресло (разговоръ происходилъ въ ея маленькой гостиной),—я ужь и не знаю, что̀ будетъ съ нимъ дальше.

— Съ Васей, maman?... о чемъ вы безпокоитесь?

— Ахъ, Marie, развѣ ты не видишь, развѣ онъ похожъ на мальчика его лѣтъ? Ни рѣзвости, ни смѣха, безотвѣтный и смиренный какой-то, точно подстрѣленная птичка...

— Онъ прелесть просто, maman, святой какой-то! вскликнула восторженно Маша.

Александра Павловна вздрогнула вся отъ словъ дочери:

— Ахъ вотъ то, что ты говоришь, вотъ это самое мнѣ и страшно въ немъ!...

Маша, съ присущею ей порывистостью, кинулась на колѣна предъ матерью, охватила шею ея обѣими руками, цѣлуя ее въ лобъ, въ щеки, въ глаза.

— Мамочка, душечка моя, говорила она не то плача, не то смѣясь,—вѣдь это же все отъ васъ у него, эта кротость, смиреніе; онъ вамъ *настоящій* сынъ! На что же вы сѣтуете?

Александра Павловна въ свою очередь прижала обѣими руками къ груди своей бѣлокурую головку дочери.

— Нѣтъ, Маша, нѣтъ, я въ его годы не такая была, я не объ одномъ Богѣ думала.

Она сложила пальцы и хрустнула ими судорожнымъ движеніемъ.

— И ужасно то, что я не могу, я не въ правѣ... вѣдь правда, Маша, съ тревожною поспѣшностью прибавила она,— не смѣю упрекать его въ этомъ, потому всѣ мы, христіане, должны прежде всего о Богѣ думать. Но онъ, она вздрогнула опять,—онъ, прости меня Господи, онъ уже слишкомъ... И отецъ твой это видитъ, и это его мучаетъ, я знаю...

— Да о чемъ вы, maman, о чемъ? спрашивала тревожно Маша:—Вася очень чувствителенъ, на него сегодня этотъ молебенъ за Государя, и то, что разсказывалъ Гриша, очень подѣйствовало,—это правда; ему, я понимаю, представилось, что въ такой день эти гости и музыка... Онъ былъ такъ настроенъ, что это все могло показаться ему... грѣхомъ, и онъ ушелъ отъ него. Но все-таки я не вижу, почему вамъ такъ безпокоиться, maman...

Александра Павловна тихо провела рукой по лбу:

— Не знаю, Маша; если-бъ я одна была у него, я, можетъ быть, и не безпокоилась бы такъ. На все воля Божья, Онъ лучше знаетъ... Но Вася у отца единственный сынъ, и я понимаю, что Борисъ не *такого* бы хотѣлъ въ немъ видѣть...

Она примолкла на мигъ, глянула безконечно нѣжнымъ взглядомъ въ глаза все такъ же колѣнопреклоненной предъ ней дочери и чуть-чуть усмѣхнулась.

— Тебѣ бы надо было родиться мальчикомъ, Маріе, а ему

быть бы вмѣсто тебя. Ты была бы готова на всякую battle of life... *) Ты говорила съ Гришей сейчасъ? спросила она почти безъ перерыва, съ видимымъ желаніемъ перемѣнить разговоръ.

— Говорила maman, да! отвѣтила дѣвушка, прямо глядя матери въ лицо.

— Что же онъ? спросила та, какъ бы нѣсколько неувѣреннымъ голосомъ.

Маша широко улыбнулась:

— Онъ говоритъ, что „выписался изъ больницы“.

— Это что же значитъ,—развѣ онъ былъ боленъ въ Петербургѣ?

— Это онъ, мамочка, symboliquement parlant, и Маша совсѣмъ ужь разсмѣялась: — это значитъ, то-есть, что онъ о *той*, вы знаете, больше не думаетъ.

— Это онъ самъ тебѣ сказалъ, или ты объ этомъ начала? спросила ее поспѣшно мать.

— Я сказала ему, что встрѣтились съ *ней* за границей.

— Ахъ, зачѣмъ ты, зачѣмъ?...

— Потому что и теперь, какъ и во всемъ, maman, я желаю знать ясно, à quoi m'en tenir, твердо и отчетливо отвѣтила на это Маша.

Александра Павловна видимо хотѣла сказать что-то, но сочла неудобнымъ или несвоевременнымъ говорить: она только вздохнула и поднялась съ мѣста.

— Такъ иди къ Васѣ, поговори съ нимъ... Онъ тебѣ, какъ сестрѣ, больше, можетъ быть, скажетъ, чѣмъ матери, проговорила она дрожавшимъ слегка голосомъ...

Отдѣленіе дома, занимаемое Васей Троекуровымъ и его наставникомъ, состояло изъ трехъ комнатъ: первая служила „классною“, слѣдующая за ней общею имъ спальней, а третья, въ сторонѣ, съ полками обширной библіотеки по стѣнамъ и большимъ письменнымъ столомъ, занимавшимъ чуть не цѣлую треть ея, отдана была подъ кабинетъ Вячеслава Іосифовича Павличка. Онъ всѣ часы, остававшіеся ему свободными

*) Битву жизни.

отъ занятій съ его воспитанникомъ, проводилъ за писаніемъ большаго историческаго сочиненія „Объ отношеніяхъ юго-западныхъ славянскихъ народностей къ Россіи въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ, слѣдовавшихъ за эпохой апостольской миссіи Святыхъ Кирилла и Меѳодія“.

Онъ только-что вышелъ изъ классной, гдѣ оставилъ Васю одного за книгой, и прошелъ къ себѣ, заперевъ за собой, какъ это было въ его обычаѣ, дверь на ключъ.

— Можно войти? громко спросила, не входя еще, Маша, притрогиваясь къ замку двери въ классную.

— Это ты, Маруся? услышала она ласковый голосъ брата:—войди!

Она замѣтила входя, что онъ поспѣшнымъ движеніемъ отпихнулъ, сложивъ, развернутую предъ нимъ книгу и всталъ въ ростъ прѣдъ столомъ, какъ бы съ тѣмъ, чтобы закрыть ее отъ глазъ сестры. Но дальнозоркій, быстрый глазъ Маши уже успѣлъ прочесть ея заглавіе: это было извѣстное *Сказаніе о путешествіи инока Парѳенія ко Святымъ Мѣстамъ*.

— Ты одинъ? спросила она, не подавая вида, что замѣтила его маленькую хитрость.

— Одинъ, отвѣтилъ онъ, садясь опять и укладывая локоть на столъ такъ, чтобъ опять закрыть имъ книгу отъ сестры.

— А Вячеславъ Іосифовичъ? спросила она.

Вася кивнулъ въ сторону кабинета.

— И заперся, какъ всегда? засмѣялась она.

— Да, онъ говоритъ, что безъ этого онъ работать не можетъ... Мама сейчасъ у меня была, началъ онъ тутъ же, съ какимъ-то, показалось ей, безпокойствомъ глядя на сестру.

— Да, она мнѣ говорила, я съ ней сейчасъ встрѣтилась.

— Отчего это, скажи, мамаша тревожится все обо мнѣ, Маша? Она вообразила себѣ почему-то, что я не здоровъ, хотѣла непремѣнно, чтобъ я термометръ подъ мышку взялъ, температуру измѣрить... Сегодня утромъ еще, я понимаю, у папа въ кабинетѣ, я не могъ удержаться, когда говорили про это злодѣйство... и... такъ глупо расплакался... Но теперь, потому, что я ушелъ, когда начались тамъ эти пѣсни и смѣхъ... Правда, я тебѣ скажу откровенно, нервно, обрываясь на сло-

вахъ, говорилъ юноша,— въ такой день, какъ сегодня, когда мы молились утромъ въ церкви за спасеніе Государя...

— Ну вотъ, я отгадала, я такъ и сказала сейчасъ maman, не дала договорить ему Маша,— я поняла, что тебѣ это показалось... грѣхомъ, Вася. Ты строже всѣхъ въ домѣ смотришь на это... Хотя, ты понимаешь, милый, что если-бъ это было не прилично, папа не допустилъ бы у себя этого пѣнія, промолвила она, мягкимъ осторожнымъ тономъ прикрывая легкій упрекъ, заключавшійся въ этихъ словахъ.

Онъ понялъ, зарумянился весь и заволновался.

— Боже мой, Маша, неужели ты или мама можете думать, что я осмѣливаюсь судить моихъ родителей! Да я, я...

Слезы подступали къ его горлу: — для меня каждое ихъ слово, желаніе— законъ... Я просто ушелъ потому, что, сама ты знаешь, мнѣ въ большомъ обществѣ тяжело, особенно съ незнакомыми, я тебѣ прямо скажу: я больше у себя люблю сидѣть за книгой...

— Инока Парѳенія читать? досказала Маша съ чуть-чуть насмѣшливою улыбкой.

Вася вспыхнулъ еще разъ, смутился, машинально отодвигая локоть отъ книги, на которую кивала усѣвшаяся у стола сестра его, и самъ какъ бы невольно усмѣхнулся чрезъ мигъ.

— Да, я читалъ его, словно повинился онъ, и глаза его мгновенно заблистали: — Ахъ, какая это прелесть, Маша, если бы ты знала!...

Она молча, внимательно уставилась на него нѣсколько печальными глазами:

— Отчего это ты, скажи, Вася милый, только такія особенно книги и любишь читать?

— Отчего? медленно повторилъ юноша, опустивъ глаза, и глубоко задумался. — Я тебѣ скажу, тихо заговорилъ затѣмъ онъ, опять вскидывая свои серьезныя свѣтлоголубые глаза на сестру,—но я прошу тебя, умоляю, не говори объ этомъ пока ни мамашѣ, ни папа; они ничего не скажутъ, можетъ быть, но въ душѣ, я знаю, они опять станутъ безпокоиться обо мнѣ... А ты не знаешь, какъ мнѣ тяжело это видѣть, угадывать, Маруся!... Я тебѣ скажу одну ужасную вещь, зашепталъ

онъ вдругъ, блѣднѣя и съ дрожью въ голосѣ: — мнѣ иногда хотѣлось бы, чтобъ они меньше любили меня, меньше думали обо мнѣ.

— Что̀ это ты, Богъ съ тобой, Вася! промолвила испуганно дѣвушка.

Онъ закрылъ себѣ обѣими руками лицо.

— Я тебѣ сказалъ, это ужасно, я чувствую... Но ты пойми, я мучаюсь мыслью, что ихъ огорчаю, что я не отвѣчаю тому, чѣмъ бы желали они видѣть меня, особенно папа... Я понимаю, онъ такой *дѣйствующій*, сильный, а я... Что̀ же дѣлать, Маша, когда я въ жизни ничего милаго для себя не вижу, а одно беззаконіе и грѣхъ?...

— Вася, Господи, откуда это у тебя все? вскрикнула испуганно дѣвушка, схватывая его за руки и наклоняясь вся къ его заплаканному лицу.

— Ахъ, давно, Маша, давно, вотъ ужь больше года все это преслѣдуетъ меня. Я помню, когда мы были прошлою осенью съ maman въ Москвѣ, я говорилъ съ Лизаветой Ивановной разъ вечеромъ, и она мнѣ сказала вдругъ: *Въ послѣдняя времена отступятъ человѣцы отъ вѣры, внемлюще духовомъ лестчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ*,—это изъ Сираха... И я вотъ съ тѣхъ поръ сталъ думать все объ этомъ больше и больше... Ты только подумай объ этомъ, Маша, говорилъ онъ, весь горя и схватывая въ свою очередь руку сестры,—въ какія времена мы живемъ съ тобой!... Ты скажешь, домъ нашъ... Правда, у насъ „по-божески живутъ“, какъ говоритъ Анфиса Дмитріевна; но мы за то словно островъ среди бурнаго моря... Мы и вотъ у Юшковыхъ тоже... а кругомъ, а дальше по всей Россіи?... Когда Николай Ивановичъ читаетъ послѣ обѣда газеты папашѣ, развѣ это не ужасъ все, что̀ тамъ сообщается? Люди каждый день убиваютъ себя и другихъ, и все больше молодые, у которыхъ родители отъ горя послѣ этого умереть должны... Надъ Богомъ, надъ церковью, безъ стыда и страха смѣются и кощунствуютъ. Повсюду нечестіе, ненависть, неправда; невинныхъ преслѣдуютъ, злодѣевъ защищаютъ и оправдываютъ... И, наконецъ, послѣднее это... на Царя, на Помазанника Божія... По истинѣ, будто въ „послѣднія времена“, о которыхъ ска-

залъ Христосъ... Самъ папа, какъ ты думаешь, какое все это на него дѣйствіе производитъ? Ты никогда не замѣчала развѣ, какое лицо у него бываетъ иногда послѣ такого чтенія? Мнѣ представляется, точно его раскаленнымъ желѣзомъ жгутъ въ эти минуты, такъ ему больно...

— Но онъ и не склоняетъ головы предъ зломъ, Вася, горячо возразила ему сестра:—онъ старается бороться съ нимъ, сколько можетъ, чтобы все, по крайней мѣрѣ, что отъ него зависитъ, не страдало, было ограждено отъ этого зла. Народу, кормящемуся отъ него, жить хорошо, ты самъ знаешь, онъ о немъ заботится какъ о собственныхъ дѣтяхъ. У насъ крестьяне и нравственнѣе, и меньше пьютъ, и богаче живутъ, чѣмъ во всѣхъ прочихъ частяхъ губерніи. Это говорилъ, ты самъ слышалъ, за столомъ губернаторъ, когда былъ здѣсь, и онъ это прямо приписывалъ доброму вліянію папа и порядкамъ, которые заведены имъ во Всесвятскомъ.

Она на минуту примолкла, все такъ же устойчиво глядя въ глаза брату, и заговорила опять:

— Ты наслѣдникъ папа, Вася, ты долженъ быть продолжателемъ его дѣла, когда его не будетъ на свѣтѣ, и прямымъ помощникомъ его, когда пройдешь свой курсъ въ университетѣ.

— Да, я знаю, это мой долгъ, это желаніе и мечта моего отца... Но для этого нужно то, что у него есть, его твердость, его воля. Онъ какой-то богатырь, папа, вырвалось у юноши внезапнымъ, восторженнымъ взрывомъ,—вотъ какъ въ былинахъ нашихъ поется о Вольгѣ или Добрынѣ... Но я, я чувствую, во мнѣ нѣтъ силы. Мнѣ не *командовать*, какъ ему, дано, Маша; я годенъ на то только, чтобы молиться за нашъ народъ и съ нашимъ народомъ, проговорилъ онъ чуть слышно, опуская руки и глаза будто въ изнеможеніи.

— Что же это, ты въ монахи хочешь? вся блѣдная, такимъ же шопотомъ проговорила Маша.

— Нѣтъ... во священники, едва разслышала она его отвѣтъ и всплеснула руками.

— Въ священники! повторила она, какъ бы еще не вѣря ушамъ своимъ.

Онъ быстро поднялъ теперь глаза и заговорилъ лихорадочно-быстро, съ видимымъ намѣреніемъ не дать ей времени на возраженіе:

— Я знаю, знаю все, что на это могутъ мнѣ сказать: что это ни съ чѣмъ не сообразно, не согласно ни съ обычаями, ни со званіемъ, ни съ тѣмъ наконецъ, что мнѣ предстоитъ, какъ ты вотъ сейчасъ сказала, какъ „продолжателю дѣла моего отца“. Но вѣдь противъ этого я могу тебѣ сказать, что прежде, въ Малороссіи, это именно было въ обычаѣ въ дворянскомъ сословіи итти во священники. Не далѣе какъ въ нашемъ родѣ прадѣдъ папа по матери, Моисей Петровичъ Остроженко, полковникъ малороссійскаго войска, подъ старость поставленъ былъ настоятелемъ церкви своего же села, Глубокаго, которое досталось папа послѣ дяди. Ты видишь!... А ты подумай, Маша, если-бъ я тамъ же, въ Глубокомъ, или хоть здѣсь бы во Всесвятскомъ, призванъ былъ священнодѣйствовать, быть духовнымъ отцомъ нашихъ крестьянъ, развѣ я не былъ бы *настоящимъ* тогда помощникомъ въ дѣлѣ моего отца и не избралъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ лучшее, что дано человѣку сдѣлать на землѣ?

Маша безмолвно глядѣла на него; она старалась разобрать въ головѣ своей, что изъ этихъ болѣзненно волновавшихъ ее словъ брата слѣдовало отнести на долю юношескаго, временнаго увлеченія и что, съ другой стороны, заключалось въ нихъ дѣйствительно грознаго для чаянія, для будущаго ея родителей.

— Мнѣ говорила Лизавета Ивановна про одного отца Алексѣя, продолжалъ между тѣмъ Вася:—онъ теперь въ Петербургѣ въ какомъ-то приходѣ, а предъ этимъ былъ священникомъ въ одномъ селѣ той же Петербургской губерніи. Ему было не болѣе двадцати пяти лѣтъ, когда онъ поступилъ туда. Село это было самое разоренное во всемъ уѣздѣ, народъ отъ пьянства дошелъ до того, что нищенствовалъ по дорогамъ, воровалъ и разбойничалъ до того, что многихъ должны были въ Сибирь сослать, а дѣти отъ неухода и бѣдности умирали чуть не всѣ до одного, едва родясь. И, благодаря пастырскому слову этого священника, его заботамъ и участію ко всякой бѣ-

дѣ, ко всякимъ затрудненіямъ прихожанъ, въ пятнадцать лѣтъ времени село это узнать нельзя было: вмѣсто развалинъ построились крѣпкія, здоровыя избы, кабакъ общимъ приговоромъ крестьянъ закрытъ былъ на вѣчныя времена, на ихъ счетъ выстроена прекрасная каменная школа, и теперь въ этомъ селѣ нѣтъ, говорятъ, крестьянскаго дома, въ которомъ не было бы, по крайней мѣрѣ, трехъ лошадей и столько же коровъ. Зимой крестьяне эти ѣздятъ извозничать въ Петербургъ, и одинъ пріѣзжавшій оттуда знакомый Лизаветы Ивановны ѣздилъ съ такимъ извощикомъ и отъ него все это слышалъ про ихъ бывшаго пастыря, котораго тотъ назвалъ „настоящимъ учителемъ и служителемъ Божіимъ“... Какой же еще славы, какой лучше награды можетъ ожидать для себя человѣкъ въ этой жизни и вѣчной, когда дано ему такимъ истиннымъ служеніемъ слову Божьему достигнуть и духовныхъ, и матеріальныхъ результатовъ, — сама скажи, Маша!

Она все также молчала, не сводя съ него глазъ, отражавшихъ болѣзненную тревогу.

А онъ говорилъ съ тѣмъ же лихорадочнымъ одушевленіемъ и какъ бы спѣша цѣликомъ вылиться предъ этою тревожно внимающею ему сестрой:

— Мы съ тобой не знаемъ, Маша, и догадаться даже не въ состояніи, какою жаждой къ божественной истинѣ исполнена душа русскаго человѣка... Ты вотъ посмотри у Достоевскаго, въ каждомъ изъ выводимыхъ имъ лицъ, сквозь все, что онъ писалъ, проходитъ все то же исканіе вѣчной правды,— правды во Христѣ, которая дышетъ въ каждой страницѣ, и вотъ этой самой книги, молвилъ Вася, притягивая къ себѣ отпихнутое имъ въ сторону, при входѣ сестры, *Сказаніе о путешествіи инока Парѳенія* и быстро развертывая его.— Да на вотъ, какъ нарочно развернулось на такомъ мѣстѣ... И онъ принялся читать: „И такъ я, окаянный и несчастный, жаждущій капли живой воды,—напоить свою изсохшую душу, ходилъ повсюду, но все по сухимъ кладезямъ, и нигдѣ не могъ найти скорбной и юной душѣ своей утѣшенія...“ Онъ родился раскольникомъ, Маша, но съ юныхъ лѣтъ „началъ приходить въ нѣкое сумнѣніе о своей вѣрѣ или сектѣ“, гово-

ритъ онъ, „и всегда о томъ размышлялъ, что сколько я ходилъ и странствовалъ по Россіи, по своимъ монастырямъ и скитамъ, а ничего добраго не видалъ и никакой пользы душевной не получилъ, кромѣ одного соблазна и душевнаго вреда“... И мучился онъ такимъ образомъ и искалъ въ теченіе многихъ лѣтъ, пока не обратился къ истинной церкви и не успокоилъ души въ подвижничествѣ на Аѳонѣ... Въ нашемъ лживомъ, испорченномъ мірѣ до этой живой душевной стороны русскаго человѣка никому дѣла нѣтъ, о ней и не знаетъ никто... А въ ней-то все и есть,—все будущее наше—и, можетъ быть, всего человѣчества, которое нашъ народъ призванъ спасти отъ мамона, отъ владычества плоти надъ духомъ... Я тебѣ сказалъ: въ мірѣ я вижу одну злобу и отступленіе отъ законовъ Божіихъ,—но не думай однако, чтобъ я, какъ *онъ* вотъ,—Вася кивнулъ на книгу, раскрытую предъ нимъ,—хотѣлъ бѣжать отъ людей на Аѳонъ, душу свою спасать. Это... какъ тебѣ сказать,—въ этомъ было бы какъ бы что-то *эгоистичное* съ моей стороны! Не одну душу мою я хотѣлъ бы спасти, а вырвать изъ духовнаго невѣжества души братій моихъ о Христѣ, достойнымъ пастыремъ этихъ душъ сдѣлаться, Маша... Поняла ты меня?...

Она медленно, неопредѣленно кивнула головой. Она чувствовала, что прямаго, „безотносительнаго“ возраженія ему она не въ силахъ была придумать. Она чувствовала себя не только пораженною, но и словно подавленною этимъ духовнымъ подъемомъ, этимъ восторженно христіанскимъ настроеніемъ юноши брата, все *внутреннее строеніе* котораго, если можно такъ выразиться, во всей полнотѣ своей только теперь нежданно разоблачалось предъ ней. Да и какъ возражать? За него, за правоту его стремленія стояло все, что лежало краеугольнымъ камнемъ въ нравственномъ строѣ, въ быту и преданіяхъ ея семьи. Ни отецъ ея, ни мать, сознавала она, не сочли бы себя въ правѣ запретить, воспрепятствовать сыну принять духовный санъ, если-бъ онъ рѣшительно изъявилъ на это свое желаніе. „Это разбило бы всю жизнь ихъ“, говорила себѣ мысленно Маша, „но они покорились бы этому“...

Но ей все еще не хотѣлось вѣрить, чтобъ это было „со-

всѣмъ серьезно". Она старалась объяснить себѣ то, что говорилъ ей сейчасъ братъ, и впечатлѣніемъ этой книги, читаемой имъ, и тѣмъ, что дано было ему перечувствовать нынѣшнимъ утромъ при молебствіи о Государѣ, и разсказами Гриши Юшкова о страшномъ событіи... „Это въ немъ *улягется* чрезъ нѣсколько дней, онъ одумается, а спорить съ нимъ теперь значило бы только подливать масла въ огонь... Да я и не сумѣла бы"...

Она чрезъ силу усмѣхнулась:

— Ну положимъ, Вася, ты бы сдѣлался священникомъ. Вѣдь священникъ долженъ быть женатъ. Гдѣ же ты нашелъ бы дѣвушку нашего... воспитанія, которая согласилась бы сдѣлаться *попадьей?*

Вася строгими глазами взглянулъ на нее:

— А какъ ты думаешь, мамаша нашла бы противъ этого что-нибудь сказать, если бы мужу ея вздумалось сдѣлаться „попомъ", подчеркнулъ онъ съ замѣтнымъ намѣреніемъ упрека въ интонаціи этихъ словъ.

— Мамаша! вскинула головой дѣвушка: — развѣ ты найдешь такую другую теперь?

— Это правда...

Онъ уложилъ голову на обѣ руки и примолкъ.

— Ты сказала „воспитаніе", заговорилъ онъ чрезъ минуту опять: — у насъ извѣстно, что называютъ воспитаніемъ: хорошія манеры, чтобъ умѣла одѣваться по модѣ и по-англійски говорить... Мнѣ этого не нужно, я *за душу*, а не за манеры жену себѣ возьму, все равно, будь она самая простая дѣвушка... Анфиса Дмитріевна, напримѣръ, у мамаши просто горничная была, а посмотри, какъ съ нею счастливъ Николай Ивановичъ... И даже чѣмъ проще будетъ она, тѣмъ больше буду я любить ее, только бы понимала она меня и любила то, на что хочу я себя всего отдать, заключилъ вдумчиво юноша.

Маша порывисто вскочила съ мѣста и кинулась къ брату.

— Вася, голубчикъ, милый, залепетала она сквозь слезы, обнимая его и цѣлуя, — ты такой хорошій, чистый... Я тоже понимаю тебя, повѣрь... Но, ради Бога, ради Бога, не отдавайся этому... Да и ты вѣдь слишкомъ молодъ еще, и вѣдь

для этого тебѣ надо было бы въ семинарію итти, а ты долженъ поступить въ университетъ, и папа непремѣнно хочетъ, чтобы ты кончилъ курсъ... Я ничего, ничего не скажу maman о нашемъ разговорѣ. Она и такъ, ты уже знаешь, угадываетъ что-то и мучается за папа. А ему это былъ бы такой ударъ!.. И тѣмъ больше, пойми, что онъ не рѣшится никогда отговаривать тебя прямо... Вася милый, подумай ты объ этомъ, вникни и отложи хоть думать объ этомъ до времени... И ни словомъ пока, ни словомъ не давай *имъ* понимать о твоемъ намѣреніи. Вѣдь иначе это былъ бы дѣйствительно „эгоизмъ“ съ твоей стороны, — а тебѣ именно, такому христіанину, не надо забывать пятую заповѣдь: *Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ, и да долголѣтенъ будеши на земли.*

Слезы въ свою очередь брызнули ручьемъ изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ Васи:

— Маруся, душка, я все готовъ сдѣлать, все... Я ничего не скажу, я поступлю въ университетъ, какъ желаетъ папа, буду учиться прилежно, онъ будетъ доволенъ мною... Но меня зоветъ, Маша, зоветъ какой-то голосъ... Я сны все такіе вижу...

Онъ внезапно оборвалъ, какъ бы встряхнулся весь и поспѣшно отеръ глаза платкомъ...

— Ну и довольно, проговорилъ онъ твердо:—обѣщаю тебѣ, что ни ты, ни кто не услышитъ отъ меня слова объ этомъ, пока я совершеннолѣтнимъ не буду, чтобы никто не имѣлъ права попрекнуть меня ребячествомъ... А тамъ... тамъ какъ Богъ мнѣ повелитъ, такъ я и поступлю!..

Онъ усмѣхнулся, протянулъ руку сестрѣ:

— Такъ, Маша, ты довольна?

Она глубоко вздохнула:

— „Довольна“... не знаю: но, мнѣ кажется, другаго нельзя отъ тебя и требовать *пока*, отвѣтила она не сейчасъ.—Ну и прощай!.. Поздно, ты вѣрно скоро спать ляжешь?

— Да, одиннадцать, лягу сейчасъ.

Она коснулась его лба своими свѣжими губами;

— Ложись и постарайся не видать твоихъ *тѣхъ* сновъ... проговорила она ему на ухо звенѣвшимъ глубокою печалью голосомъ.

Вася довелъ ее до двери, опустилъ голову на грудь и медленными шагами подошелъ къ ближайшему, освобожденному уже отъ своей зимней рамы окну. Онъ растворилъ его на обѣ половинки и жадно потянулъ грудью струю широко ворвавшагося извнѣ свѣжаго весенняго воздуха... Мѣсячная ночь, мягкая и теплая, стояла надъ землей, вся проникнутая торжествомъ и тайною; въ неизмѣримыхъ пространствахъ неба блѣдными точками сверкали алмазныя звѣзды, міры неисчислимые какъ пески морскіе...

Вася долго и недвижно вглядывался въ эту ночь, въ эти неизмѣримо далекія звѣзды. Его уносилъ неудержимый молитвенный восторгъ... „О свѣте тихій безсмертнаго Отца Небеснаго“, шептали безсознательно уста его,—„о Христе Спасе, Сыне Божій“...

Стихи изъ *Іоанна Дамаскина* Толстаго, котораго онъ зналъ наизусть, такъ и ворвались ему въ память, въ душу, въ эту минуту:

„О, мой Господь, моя надежда,
Моя и сила и покровъ,—

началъ онъ уже громко,—

Тебѣ хочу я всѣ мышленья,
Тебѣ всѣхъ мыслей благодать,
И думы дня, и ночи бдѣнья,
И сердца каждое біенье,
И душу всю мою отдать“!..

И новыя отрадныя, блаженныя слезы заструились по нѣжному лицу его.

XV.

Въ это же время въ пятнадцати верстахъ отъ Всесвятскаго, въ низенькомъ, закопченомъ зальцѣ усадьбы, принадлежавшей давно знакомому моимъ читателямъ Степану Акимовичу Троженкову, сидѣли самъ хозяинъ и полчаса тому назадъ прибывшій къ нему гость.

Это былъ еще молодой человѣкъ, весьма невзрачнаго и мрачнаго вида, коренастый и сутулый, одѣтый въ поношенное пальто, изъ-подъ котораго, охватывая тѣсно его красновато-бурую, мясистую шею, выглядывалъ косой воротъ грязной ситцевой рубахи, и въ высокихъ сапогахъ поверхъ брюкъ. Выбритая повидимому за нѣсколько дней борода успѣла уже опять отрости рыжеватою щетиной волосъ колючихъ и жесткихъ, какъ и волосы на головѣ, очевидно одновременно съ бородою остриженные подъ гребень. Небольшіе, узкіе глазки, какъ бы неохотно подымавшіеся на говорившаго съ нимъ изъ-подъ нависшихъ надъ ними бровей, бѣгали по сторонамъ съ выраженіемъ какой-то чуткой, стоявшей вѣчно насторожѣ, подозрительности.

Хозяинъ въ свою очередь съ едва скрываемою досадой и внутреннимъ волненіемъ поглядывалъ на своего гостя. Господинъ этотъ, что говорится, какъ снѣгъ на голову упалъ къ нему въ домъ,—въ эту маленькую залу, служившую ему столовой, гдѣ онъ только-что расположился чай пить въ одиночествѣ. Вошелъ нежданно изъ сада въ отворенную туда дверь, спросилъ, не кланяясь и не снимая фуражки съ головы, такой-то ли онъ, „Троженковъ, Степанъ Акимычъ“, и, получивъ

утвердительный отвѣтъ, протянулъ ему вытащенную изъ кармана визитную карточку, а самъ угрюмо и устало опустился на стулъ, насупротивъ хозяина и, не ожидая его приглашенія:

— Налейте-ка мнѣ стаканъ, смерть пить хочется, проговорилъ онъ.

Хозяина видимо покоробила такая нежданная безцеремонность. Онъ молча и насупившись передвинулъ черезъ столъ гостю уже налитый имъ для себя стаканъ, взглянулъ небрежно на переданную имъ карточку...

На ней стояли имя, отчество и фамилія одного его, Троженкова, московскаго знакомаго и приписка рукой этого послѣдняго: „Очень прошу передать подателю сего слѣдующее съ васъ за сдѣланныя мною по вашимъ порученіямъ въ Москвѣ покупки, счеты по которымъ вамъ мною пересланы“. Приписка заканчивалась крючкомъ въ видѣ росчерка, имѣвшимъ повидимому нѣкое особенное значеніе, такъ какъ устремившіеся на него глаза Степана Акимовича какъ-то усиленно заморгали, и карточка слегка задрожала въ державшей ее рукѣ его.

— Вы въ Москвѣ... проѣздомъ были? спросилъ онъ гостя какимъ-то неопредѣленнымъ тономъ.

— Былъ въ Москвѣ, да! уронилъ тотъ, не понимая или не желая понять то именно, что̀ его спрашивали.

— Какъ нашли вы Степана Михайловича? Здоровъ онъ?

— Должно быть.

— Вы съ нимъ давно знакомы?

— Не видалъ никогда.

— Какъ же такъ?...

Троженковъ кивнулъ недоумѣло на карточку, которую все еще держалъ въ рукѣ.

— Одна личность мнѣ отъ него передала... Насчетъ подлинности не сомнѣвайтесь, какъ бы счелъ нужнымъ замѣтить гость.

— Я и не думаю... промямлилъ не договаривая хозяинъ, оглянулся кругомъ и спросилъ:—вы ко мнѣ тутъ садомъ прошли; а экипажъ же вашъ гдѣ остался? я колесъ не слыхалъ...

— И слышать не могли: пѣхтурой добрался.

— Со станціи?

— Съ полустанка***.

— Восемнадцать верстъ! изумленно вырвалось у Троженкова.

Тотъ только плечомъ вздернулъ.

— Съ утра, стало, маршировали?...

И, не дождавшись отвѣта:—Осмѣлюсь спросить имя и отчество ваше, молвилъ, искательно улыбаясь, Степанъ Акимовичъ,—такъ, знаете, не ловко въ разговорѣ, когда не знаешь...

— Зовутъ меня Левъ Гурьевичъ, по фамиліи Бобруйскій... Соотвѣтствующій сему и паспортъ имѣю при себѣ, прибавилъ онъ, съ какимъ-то дерзкимъ вызовомъ на лицѣ глядя на своего собесѣдника.

Тотъ какъ-то растерянно ухмыльнулся:

— Паспортъ, да, конечно, въ виду полиціи... Вы изъ Петербурга собственно? спросилъ онъ вдругъ.

Называвшій себя Бобруйскимъ качнулъ утвердительно головой:

— Состою студентомъ въ Технологическомъ институтѣ.

— Та-а-къ, протянулъ Троженковъ и примолвилъ:—пошла тамъ теперь травля на молодежь, а?

Бобруйскій скривилъ губы въ презрительную усмѣшку:

— Извѣстно, съ перепуга *мѣропріятія* потребовались...

Троженковъ ухмыльнулся опять:

— Какже, какже, читали, безсмѣнныхъ дворниковъ завели, нумера на фонаряхъ чтобы горѣли; генералъ-губернаторовъ по провинціямъ разогнали, добрымъ людямъ жить мѣшать...

Онъ повелъ еще разъ осторожно взглядомъ кругомъ, наклонился черезъ столъ къ гостю и выговорилъ коротко и спѣшно:—А не выгорѣло, а?

Тотъ такъ и вонзился въ него своими пронзительными глазками:

— Вы что же, радуетесь, небось? пропустилъ онъ сквозь стиснувшіеся зубы.

Троженковъ оторопѣлъ на мигъ:

— Можетъ, вы и ошибаетесь, пробормоталъ онъ.

— А коли такъ, то пословицу знаете?...

— Какую?

— Прошлаго поминаемъ, грядущаго чаемъ.

Степанъ Акимовичъ качнулъ недовѣрчиво головой вверхъ:

— Не выгоритъ и впередъ, такъ я полагаю, промолвилъ онъ унылымъ тономъ.

— Кто-жь это вамъ сказалъ? горячо возразилъ Бобруйскій, весь приходя въ движеніе.

— Да ужь такъ, извините, что обѣщаютъ синицы море зажечь, а въ результатѣ нѣтъ ничего, шишъ выходитъ, съ позволенія сказать.

„Технологъ“ съ такою злобною страстностью воззрился теперь на говорившаго, что у того дрожь даже пробѣжала по тѣлу:

— А моральное дѣйствіе, а терроръ напустили на всю Россію,—это вы ни во что считаете? Вся Европа знаетъ теперь о силѣ русской революціонной партіи и что Русскому правительству приходится съ нею считаться какъ равному съ равнымъ.

— „Партія“, конечно, произнесъ вдумчиво Степанъ Акимовичъ,—да *революціи*-то, согласитесь, нигдѣ пока не видать.

Слова эти произвели видимо извѣстное впечатлѣніе на его собесѣдника:

— Извѣстно, промычалъ онъ какъ бы про себя, — какъ если однимъ выносить все на плечахъ, а остальные по норамъ прятаться будутъ...

Троженковъ заговорилъ мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ:

— А какъ же прикажете имъ быть, вотъ этимъ самымъ, что „по норамъ“, какъ говорите вы, прячутся? Для чего-жь имъ дармо въ петлю лѣзть, когда они *настоящаго* предъ собой не видятъ. Дѣйствительно, и много, можетъ даже очень много, такихъ, которые понимаютъ и готовы (онъ видимо не находилъ надлежащаго выраженія)... готовы на дѣло... Да вѣры у нихъ полной нѣту: не видятъ еще ничего положительнаго... Потому, сами согласитесь, чего по сю пору добилася „партія“? Смѣло, отважно, что говорить! въ Харьковѣ губернатора уложили, въ Кіевѣ барона жандармскаго на тотъ свѣтъ спровадили,—да толкъ-то какой изъ того вышелъ? Ге-

роевъ перехватали, въ острогъ посадили, тѣмъ все и покончилось... Теперь опять въ Петербургѣ: пустили молодца съ револьверомъ, выпустилъ пять пуль, ни одною не попалъ, вздернутъ опять на висѣлицу, тѣмъ все и покончится... На что же послѣ того, сами скажите, надѣяться можно настоящимъ манеромъ?...

— Такъ что-жь вы этимъ глаза-то колете!... Ну, промахнулся, стрѣлять не умѣлъ болванъ... Такъ развѣ съ нимъ и міръ кончился?... Не онъ, такъ другой, не сегодня, завтра... бормоталъ, обрываясь и захлебываясь, молодой человѣкъ, весь видимо кипя обхватившею его злостью: — Ну, а коли бы попалъ онъ въ цѣль и поднялся бы затѣмъ бунтъ въ народѣ...

— Въ народѣ! перебилъ его Троженковъ (его самого теперь повело отъ злости, произнося это слово); — что такое нашъ народъ, мужикъ?... Развѣ это человѣкъ есть? Баранъ это, волъ безмозглый, скотина неразумная! Развѣ можетъ онъ понять телячьими мозгами своими, что люди ему про свободу говорятъ! Какъ если довести его до бунта, такъ онъ всякаго сюртушника, всякаго чисто одѣтаго человѣка рѣзать почнетъ...

Бобруйскій нежданно осклабился, какъ бы чѣмъ-то обрадованный, и прошипѣлъ:

— Этого самаго и требуется.

Троженковъ изумленно воззрился ему въ лицо:

— Такъ онъ вѣдь такимъ манеромъ ни одного интеллигентнаго человѣка не оставитъ въ живыхъ въ Россіи?...

— Коли не изъ нашихъ, такъ туда и дорога! фыркнулъ на это тотъ.

— Такъ какъ же въ томъ случаѣ овецъ отъ козлищъ отличишь?

— Тамъ видно будетъ, отрѣзалъ какъ ножомъ Бобруйскій.

У Степана Акимовича пробѣжали опять по спинѣ мурашки; онъ опустилъ глаза и поглядѣлъ чрезъ очки уже совсѣмъ оробѣвшимъ взоромъ на своего собесѣдника:

— Что же потомъ? спросилъ онъ еле слышно.

— Извѣстно что—анархія!

И Бобруйскій презрительно покосился на него: какъ-молъ ты самыхъ простыхъ вещей не понимаешь!...

Степанъ Акимовичъ примолкъ на мигъ, кашлянулъ...

— Такъ какъ же „анархія“, началъ онъ опять,—вѣдь то только на время можетъ годиться, а къ устройству какому-нибудь должно же притти; безъ устройства никогда еще люди не жили.

— „Устройство“, повторилъ какъ бы машинально Бобруйскій:—коли нужно оно, сама жизнь покажетъ, а намъ, революціонной партіи, то-есть, поспѣшилъ онъ поправиться,—до него дѣла нѣтъ. Ея дѣло—разрушеніе, разрушеніе, понимаете вы!

Онъ вдругъ поднялся, вскочилъ съ мѣста, выпрямился, словно выросъ; въ расширившихся глазахъ загорѣлось внезапно какое-то дикое, безпощадное вдохновеніе:

— *Легальные*, какъ вашъ Мурзинъ, какъ вы,—понимаемъ мы васъ, насквозь видимъ, не надуете! — разсчитываютъ руками партіи жаръ загрести въ свою пользу: пусть, молъ, она черную работу сдѣлаетъ, а мы плоды отъ нея пожнемъ... Такъ этому не бывать! Мы вамъ камня на камнѣ не оставимъ, изъ чего бы вамъ было зданіе свое строить... не дадимъ вамъ!... Все уничтожимъ, спалимъ, разобьемъ! глухимъ, сдавленнымъ голосомъ восклицалъ онъ;—прогнилъ старый міръ до мозга костей своихъ, мы снесемъ его съ лица земли, на то отдаемъ свою энергію, силы, жизнь, и мы побѣдимъ, побѣдимъ, побѣдимъ...

Онъ оборвалъ вдругъ, какъ бы уже безсильный говорить далѣе; губы его, руки поводило судорогами; накипь злобныхъ чувствъ, испытанныхъ неудачъ, жажды мщенія и чаемаго торжества словно заливала его до края. Онъ былъ страшенъ, и Степанъ Акимовичъ, съежась всѣмъ тѣломъ на своемъ стулѣ, чувствовалъ, какъ леденѣли у него оконечности, и опущенные глаза не смѣли оторваться отъ какого-то пятна на полу, на которое устремлены были они.

Но Бобруйскій сѣлъ опять, передохнулъ и неожиданно спокойнымъ голосомъ спросилъ:

— Ну-съ, такъ насчетъ денегъ какъ же?

— Какихъ денегъ? растерянно пробормоталъ Троженковъ.

— А по карточкѣ-то, коротко объяснилъ тотъ.

— Ахъ да... Степанъ Михайловичъ проситъ передать, что я остался ему долженъ по покупкамъ моимъ въ Москвѣ... Только я сумму не припомню...

Бобруйскій чуть-чуть ухмыльнулся:

— Я помню: четыреста.

— Что-съ?

— Четыреста рублей пожалуйте!

Степанъ Акимовичъ даже въ лицѣ измѣнился.

— Четыреста рублей!... Этого быть не можетъ!... У меня ихъ нѣтъ, ей-Богу, нѣтъ, проговорилъ онъ тутъ же, встрѣтившись взглядомъ съ устремленными на него свирѣпыми, показалось ему, глазами гостя;—время у насъ теперь рабочее настало, только выдавай, а о получкѣ раньше осени и думать нечего.

— Очень досадно, невозмутимо промолвилъ его собесѣдникъ:—въ такомъ случаѣ, извините, я буду принужденъ сидѣть у васъ тутъ, пока не добуду средствъ двинуться далѣе.

Онъ сунулъ руку въ карманъ панталонъ, вытащилъ оттуда нѣсколько мелкихъ монетъ и кинулъ ихъ на столъ:

— Съ этими куда доѣдешь?

— А вамъ далеко нужно? спросилъ Троженковъ.

— Далеко, кивнулъ утвердительно тотъ.

Троженковъ смущенно почесалъ себѣ за ухомъ:

— Сто могу предложить... Послѣдніе, ей-Богу!..

— Четыреста, ни копѣйки меньше.

— Коли нѣту у меня, нѣту! увѣрялъ, чуть не плача, Степанъ Акимовичъ.

— Какъ знаете! Ждать мнѣ, значитъ, у васъ надо.

— Чего это ждать?

— Сказано мнѣ такъ въ Москвѣ, что, на случай у васъ не окажется, вышлютъ мнѣ съ одною особой, которая должна пріѣхать въ ваши мѣста.

— Куда-жь именно-то? Уѣздъ у насъ великъ...

Бобруйскій не сейчасъ отвѣтилъ:

— Тутъ есть отъ васъ по близости село одно Юрьево, Буйносово тожь...

— Знаю...

— Такъ вотъ туда.

— Кто же такой, что̀ за личность?

— Знакомая одна Степана Михайловича... Вамъ впрочемъ это должно быть совершенно безразлично, грубымъ тономъ отвѣтилъ гость.

Троженковъ съежился весь опять и задвигался на своемъ сидѣньѣ:

— Конечно, конечно, мало-ли у него знакомыхъ... И скоро должна она быть?

— Не знаю.

— Такъ она, можетъ, и долго не будетъ? озабоченно промолвилъ Степанъ Акимовичъ.

— Можетъ и долго, со злорадною насмѣшливостью подтвердилъ Бобруйскій. — А боязно вамъ, а? тѣмъ же тономъ спросилъ онъ, — что засяду я у васъ невѣсть на сколько времени?

— Чего же мнѣ бояться, я... началъ было, пріободрясь, Троженковъ, но тутъ же смолкъ и поблѣднѣлъ, напрягая ухо къ донесшемуся до него въ эту минуту сквозь открытое окно шуму колесъ какого-то экипажа.—Тсс!..

— Ѣдутъ... Кто? спросилъ, прислушиваясь тоже, чуть-чуть дрогнувшимъ голосомъ гость.

— Темно и далеко еще, не видать, отвѣчалъ хозяинъ, подбѣгая къ окну и выставляя наружу голову: — знакомые одни тутъ мои хотѣли быть: можетъ, они.

— Кто такіе?

— Владѣльцы тутъ здѣшніе... Одинъ изъ Петербурга впрочемъ, графъ новоиспеченный,— не слыхали?— Снядецкій-Лупандинъ по фамиліи; другой—Свищовъ, по всей Москвѣ извѣстный,—знаете, можетъ?

— Не вожжаюсь я съ вашими графами! отрѣзалъ на это сердито Бобруйскій, и тутъ же: — а какъ не они? прошепталъ онъ.

Степанъ Акимовичъ не отвѣчалъ.

— Я тутъ по пути къ вамъ мѣста замѣчалъ: рѣчка у васъ вся камышемъ заросла... Въ случаѣ чего, забиться туда, самъ чортъ не сыщетъ... Развѣ выдадите, промолвилъ онъ съ засверкавшимъ еще разъ грознымъ пламенемъ въ глазахъ, такъ вѣдь вамъ въ такомъ случаѣ мѣсяца не прожить, хихикнулъ онъ въ заключеніе.

— Они, они! радостно воскликнулъ въ отвѣтъ на эти слова Степанъ Акимовичъ, поспѣшно возвращаясь отъ окна къ столу: — тарантасъ свой узнаю, въ немъ они поѣхали... Никуда забиваться вамъ не треба; сидите, поужинаете въ веселой компаніи... Да еще, можетъ, добудемъ отъ нихъ, что̀ вамъ нужно для путешествія вашего, говорилъ онъ, уже весело потирая руки.

— Какъ такъ? спросилъ изумленно гость.

— А вотъ...

И Троженковъ торопливо изложилъ ему планъ нѣкоего образа дѣйствій, о приведеніи коего въ исполненіе читатель узнаетъ изъ слѣдующей главы.

XVI.

Колеса новоприбывшихъ грохотали уже подъ самыми окнами. Хозяинъ выбѣжалъ встрѣчать ихъ на крыльцо.

Свищовъ первый выскочилъ изъ экипажа.

— Готовь ужинать на троихъ гостей! съ хохотомъ возгласилъ онъ:—tres faciunt collegium, кромѣ насъ двухъ съ графомъ, привезъ тебѣ третьяго,—и онъ указалъ на Острометова, вылѣзавшаго изъ своей, слѣдовавшей за тарантасомъ, кареты. — Степанъ Гавриловичъ Острометовъ, Степанъ Акимовичъ Троженковъ, разводилъ онъ театрально руками, представляя ихъ другъ другу:—два Степана, два стакана, достойные чокаться на дружеской пирушкѣ...

Edite, bibite, collegiales,
Post multa saecula
Pocula nulla,

запѣлъ онъ громкимъ и хриплымъ голосомъ, надрываясь отъ смѣха и похлопывая тяжелою какъ пудовая гиря дланью по спинѣ то одного, то другаго представленныхъ имъ другъ другу лицъ.

— Очень радъ, очень радъ! повторялъ хозяинъ, пожимая кругомъ руки.

— О немъ до тебя навѣрно вѣсти дошли, продолжалъ расписывать Свищовъ, указывая на Острометова:—Степа Говориловъ, душа-человѣкъ, милліонеръ,! поэтъ, музыкантъ, балетоманъ, на всѣ руки хватъ,

Вотъ этакихъ людей бы сѣчь-то,
И приговаривать: писать, писать, писать!..

— Ну полно тебѣ, голубчикъ, полно! прерывалъ его съ притворною скромностью Степа, весь пыжась между тѣмъ отъ удовольствія, которое причиняли ему эти шутовскія похвалы.

Графъ въ то же время, изображая на лицѣ своемъ видъ грансеніора, удостоивающаго своимъ присутствіемъ любительскій спектакль въ „буржуазномъ“ домѣ и вспоминая, „какъ очаровательно при такихъ оказіяхъ умѣлъ держать себя“ его бывшій начальникъ и вѣчный образецъ, графъ Павановъ, снисходительно и тонко усмѣхался однимъ кончикомъ губъ.

— Въ комнаты пожалуйте, господа, приглашалъ хозяинъ,— свѣженько еще на дворѣ... А у меня, прибавилъ онъ, понижая голосъ, пріѣзжій тутъ одинъ сидитъ.

— Кто такой? вопросилъ графъ, чуть-чуть морщась, но все съ тѣмъ же намѣреніемъ грансеніорской снисходительности въ интонаціи голоса.

— Рекомендованный мнѣ изъ Москвы Степаномъ Михайловичемъ Мурзинымъ...

— Три Степана, три стакана!.. запѣлъ, прерывая его съ новымъ хохотомъ, Свищовъ.

— Степанъ Михайловичъ Мурзинъ, одно изъ свѣтилъ русской науки, многодумно качнулъ головой Степа, вспомнивъ кстати о занятіяхъ своихъ „египтологіей“.

— Да-съ... Такъ вотъ онъ самый прислалъ мнѣ письмо съ этимъ молодымъ человѣкомъ... Спеціалистъ по техническимъ знаніямъ, а я мельницу думаю перестраивать, такъ вотъ... Пожалуйте, господа, пожалуйте! не договорилъ Троженковъ, пропуская гостей своихъ изъ передней въ залу.

— Левъ Гурьевичъ Бобруйскій, представилъ его хозяинъ новымъ гостямъ своимъ и назвалъ ихъ поименно тоже.

Графъ, не подавая руки, повелъ поощрительно головой въ сторону „спеціалиста по техническимъ занятіямъ“: не стѣсняйтесь, молъ, тѣмъ, что видите предъ собою такое лицо, какъ я. Свищовъ подозрительно прищурился, выводя очевидно свое какое-то особенное заключеніе изъ мрачной наружности того же „спеціалиста“.

Тотъ, со своей стороны, отвѣчалъ на поклонъ ихъ небрежнымъ, чтобы не сказать грубымъ, движеніемъ головы.

— Ну что, позабавились у нашего магната? поспѣшилъ заговорить Троженковъ, обращаясь къ графу.

— Очень пріятно было, очень, отвѣчалъ тотъ,—почтенная семья и барскій домъ въ настоящемъ смыслѣ слова.

— Отъ вонючей свѣчки стараго помѣщичьяго плантаторства послѣдній огарокъ догораетъ, вотъ такъ вѣрнѣе могли бы сказать! злобно хихикнулъ на это „московскій браво".

— Странное сравненіе!

И графъ съ недовольнымъ видомъ высоко приподнялъ плечи.

— Нѣтъ, ваше сіятельство, нѣтъ, это въ точности такъ, господинъ этотъ деспотизмомъ старыхъ предразсудковъ своихъ и реакціонерствомъ имѣетъ самое пагубное вліяніе на весь здѣшній околотокъ; настоящій врагъ прогресса...

— Насчетъ нашего проекта—полнѣйшее фіаско, сказалъ Свищовъ, значительно взглянувъ на хозяина,—въ содѣйствіи своемъ отказалъ наотрѣзъ: сахаръ свой онъ и по шоссе повезетъ, а на общій интересъ ему наплевать.

— Потому гражданинъ великій! язвительно прошипѣлъ Троженковъ:—отъ него другаго и ожидать нельзя было.

— Это на счетъ чего же? спросилъ Петръ Капитоновичъ.

— Желѣзная дорога предполагается, имѣющая принести неисчислимыя пользы всему краю, но отъ которой не ожидаетъ для себя личной выгоды нашъ генералъ, значитъ, и не треба ея!...

Графъ насторожилъ ухо:

— Желѣзная дорога! и генералъ Троекуровъ на нее не согласенъ? Удивляюсь!... Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ каждая новая линія есть, такъ сказать, новый проводникъ цивилизаціи... Я со своей стороны, господа, имѣю честь состоять нынѣ въ числѣ крупныхъ землевладѣльцевъ здѣшней мѣстности и готовъ всегда... Такъ что если бы вамъ по этому дѣлу нужна была, такъ сказать, рука въ Петербургѣ...

— Сильнѣйшею располагаемъ уже тамъ, сильнѣйшею,—и Свищовъ замигалъ обоими глазами; — согласіе отъ здѣшняго

генерала требовалось единственно pro forma; обойдемся безъ него отлично.

— Я предложилъ, а тамъ какъ вамъ угодно будетъ, сказалъ на это графъ, видимо уколотый тѣмъ, что его „рука въ Петербургѣ“ оставлялась безъ вниманія.

Свищовъ, со свойственною ему фамильярностью, потрепалъ его по плечу:

— Спасибо намъ скажете, что не почитаемъ нужнымъ воспользоваться въ настоящее время протекціей вашего сіятельства, не желая мѣшать на первыхъ порахъ дружеству вашему съ нашимъ магнатомъ... Планамъ вашимъ препятствовать не хотимъ, поймите деликатность! добавилъ онъ, понижая голосъ до шопота и лукаво подмигивая.

Петръ Капитоновичъ покраснѣлъ даже:

— Какіе планы, я васъ не понимаю? досадливо пробормоталъ онъ.

— Ну, ну, сіятельный, не притворяйтесь!... Вѣдь и ты туда же, Степа? обратился онъ къ Островетову.

— Что я?

— На счетъ культа красоты генеральской дочки, Маріи Борисовны... Губа-то у тебя не дура, братъ, почитаю обязаннымъ сознаться. Тиціановыхъ красавицъ напоминаетъ барышня, да и деньжищъ не малую толику отвалитъ въ приданое ей папаша. Такихъ невѣстъ въ Россіи много-ли!...

Степа въ свою очередь изобразилъ недовольство на своемъ сіяющемъ обыкновенно какъ мѣдный тазъ, лицѣ.

— У тебя всегда дурацкія шутки!...

Но Свищовъ продолжалъ гаерничать, какъ говорится, „во всю“.

— А ну-ка, ну-ка, поклянись графу, что не питаешь злокозненнаго намѣренія стать ему поперекъ дороги?

— Милостивый государь, позвольте, воскликнулъ, выходя изъ себя, Петръ Капитоновичъ, между тѣмъ какъ Степа растерянно хлопалъ глазами, не зная, обижаться ему или радоваться мальчишеской выходкѣ стараго нахала.

Хозяинъ счелъ нужнымъ вмѣшаться.

— Не обращайте вниманія, господа, закивалъ онъ на Сви-

щова,—не можетъ человѣкъ безъ того, *зудà* извѣстный, школьникъ и на шестомъ десяткѣ, какой былъ студентомъ...

— Я полагаю, надо знать, съ кѣмъ шутить можно, величественно отрѣзалъ на это Петръ Капитоновичъ. „И чортъ меня понесъ сюда ѣхать!“ проносилось у него въ головѣ.

— Ну, а насчетъ кормленія что же? спрашивалъ тѣмъ временемъ Свищовъ, какъ бы ничего не слыхавъ и не замѣчая.

И-онъ побѣжалъ навстрѣчу слугѣ, входившему въ эту минуту въ комнату съ грудой тарелокъ и столовыхъ приборовъ.

Компанія усѣлась за столъ.

— Вина тащи больше, Ѳедька, вина! командовалъ „московскій браво“.

— Не важное оно у меня, въ городѣ нашемъ лядащемъ купленное, извинялся Степанъ Акимовичъ, — а вотъ насчетъ вишневки, молвилъ онъ, направляясь къ одному изъ оконъ, на которомъ стояло нѣсколько засмоленныхъ бутылокъ этого напитка, — могу рекомендовать; настоящая наша хохлацкая, *съ пидъ Пивтавы*, запеканка.

— Давай, давай ее сюда, отличная штука!... А *старка* *) есть?

— И *старка* найдется, смѣялся Степанъ Акимовичъ, отправляясь къ шкафу и доставая оттуда новую бутылку.

— Восхити-тельно, упои-тельно! запѣлъ діаконскимъ басомъ Степа Островетовъ, ужасно, видимо, старавшійся изображать изъ себя въ эту минуту *лихаго малаго*.

Старка дѣйствительно оказалась отличною. Черезъ десять минутъ отъ нея не оставалось ни капли.

Ѳедька между тѣмъ внесъ, съ трудомъ держа въ рукахъ, и уставилъ на столъ блюдо съ огромнымъ кускомъ жареной говядины.

— A la française, messieurs, я буду рѣзать, заголосилъ Свищовъ, вооружаясь большимъ кухоннымъ ножомъ:—давайте ваши тарелки; побольше или поменьше—говори каждый! Вамъ

*) Старая водка.

побольше разумѣется? съ безцеремоннымъ смѣхомъ спросилъ онъ Бобруйскаго, не проронившаго ни единаго слова до этой поры и прислушивавшагося къ рѣчамъ этихъ незнакомыхъ ему людей съ нескрываемымъ выраженіемъ глубокаго къ нимъ презрѣнія въ прищуренномъ взглядѣ и судорожно подергивавшихся губахъ.

— Побольше дѣйствительно, отвѣтилъ тотъ совершенно спокойно,—а только вы-то изъ чего заключили?

— Да ужь вижу, зубы у васъ такіе, объяснилъ Свищовъ, не смущаясь.

— Какіе-жь у меня зубы, по-вашему?

— Извѣстно, волчьи, расхохотался онъ во всю мочь.

„Спеціалиста“ словно обухомъ пришибли эти слова въ первое мгновеніе. Онъ смолкъ, замѣтно поблѣднѣлъ и повелъ только на нахала взглядомъ, отъ котораго тому стало неожиданно жутко.

Лицо его тотчасъ же пріятно осклабилось, и голосъ зазвучалъ какъ бы искательно:

— Вы давно изъ Петербурга?

— Недавно! отрѣзалъ Бобруйскій, принимаясь уписывать свою порцію.

— Что у васъ тамъ дѣлается, что дѣлается въ Петербургѣ! поспѣшилъ заговорить хозяинъ, обращаясь къ графу.

— А что?

— Помилуйте, жить покойно никому не даютъ: что ночь, то у одного, то у другаго обыски производятъ, въ III Отдѣленіе таскаютъ; интеллигентное юношество подъ власть дворниковъ отдали...

Свищовъ закивалъ утвердительно головой:

— У насъ, извѣстно, никогда и ни въ чемъ мѣры не знаютъ.

Графъ Снядецкій-Лупандинъ счелъ нужнымъ протестовать:

— Вы согласитесь однако, господа, произнесъ онъ внушительно, — что послѣ того, что произошло въ день 2 апрѣля, правительство не могло не прибѣгнуть къ нѣкоторымъ исключительнымъ, такъ сказать, мѣропріятіямъ...

— Положимъ, возразилъ съ напускною горячностью Троженковъ, — оно можетъ тамъ себѣ распоряжаться для самоограженія, употреблять своихъ агентовъ на разоблаченіе *крамолы*, какъ строчатъ себѣ извѣстные московскіе публицисты, ядовито пропустилъ онъ,—но оно, позвольте вамъ сказать, не имѣетъ никакого права лишать массу гражданъ законныхъ гарантій свободы, а учащуюся молодежь даже крова и хлѣба... Тѣмъ болѣе, что и крамолы никакой нѣтъ... Какой-нибудь одиночный случай!.. А остальное одна выдумка жандармовъ и шпіоновъ того же правительства.

— Я полагаю, вы ошибаетесь, заговорилъ опять графъ съ кислою усмѣшкой (ему казалось, что онъ въ эту минуту какъ бы представлялъ собою въ нѣкоторой мѣрѣ это „правительство"),—правительство въ данномъ случаѣ менѣе всего виновато: у насъ есть партія... къ счастію немногочисленная... почитающая себя plus royaliste que le roi, какъ говорится, и которая науськиваетъ его въ своихъ газетахъ на всякое стѣсненіе свободы. Но настоящіе наши государственные люди— я, смѣю сказать, близокъ ко многимъ изъ нихъ, примолвилъ онъ съ самоувѣренною скромностью,—эти люди исполнены самыхъ либеральныхъ намѣреній и горячо отстаиваютъ во всѣхъ случаяхъ тотъ освободительный духъ, которымъ проникнуты, такъ сказать, всѣ благодѣтельныя реформы нашего царствованія... У меня даже недавно былъ по поводу этого самаго очень интересный разговоръ въ клубѣ. Играли мы: генералъ адъютантъ Луповъ, Александровскій кавалеръ, шталмейстеръ князь Шастуновъ, графъ Наташанцевъ, директоръ департамента, и я... И Наташанцевъ прекрасно тутъ сказалъ: „Я", говоритъ, „прослужилъ почти всю жизнь на дипломатическихъ постахъ, знаю Европу вдоль и поперекъ, и скажу вамъ, messieurs, что по своему демократическому духу нѣтъ страны въ мірѣ, гдѣ свободныя учрежденія имѣли бы такъ много шансовъ пустить корни, какъ въ Россіи".

И Петръ Капитоновичъ съ высокомѣрною уже улыбкой обвелъ взглядомъ своихъ собесѣдниковъ: что, молъ, можете вы послѣ этого сказать?..

Но, къ нѣкоторому его изумленію, ссылка его на автори-

тетъ такого лица, какъ графъ Наташанцевъ, „прослужившій почти всю жизнь въ Европѣ“, не произвела ожидаемаго имъ дѣйствія.

— Ваши графы могутъ ворочать себѣ языкомъ, сколько имъ угодно, буркнулъ, жуя говядину свою во всю щеку, Бобруйскій,—а настоящее-то положеніе таково, что послѣ тѣхъ „мѣропріятій“, о которыхъ вы говорили, интеллигентной молодежи въ Петербургѣ чуть не стадомъ всѣмъ приходится бѣжать оттуда, либо съ голоду помирать.

— Отчего же „съ голоду“? спросилъ Петръ Капитоновичъ, чувствуя новый уколъ отъ рѣзкаго тона, съ какимъ произнесены были эти слова,—я не понимаю...

— Само собой что не понимаете: играете въ клубѣ, жалованья, можетъ, нѣсколько тысячъ получаете, такъ гдѣ же вамъ это знать! А какъ если бы вы потрудили себя поглядѣть на тѣ конуры и углы, въ которыхъ заставляетъ нужда жить русскую молодежь... да когда еще и изъ такихъ хлѣвовъ гонитъ его вонъ хозяйка отъ страха полиціи, да если еще онъ не стипендіатъ, а кормится единственно отъ уроковъ, и ему теперь въ нихъ отказываютъ ради того, что онъ студентъ, а на студента теперь, благодаря правительству вашему, хуже чѣмъ на уличнаго мошенника смотрятъ, такъ вы вотъ это мозгами своими сообразите!..

„Невозможный тонъ, невозможный“! говорилъ себѣ графъ Снядецкій-Лупандинъ, чувствуя себя совсѣмъ уже не въ обществѣ своихъ „перовъ“.

— Я конечно не стану съ вами спорить, такъ какъ вамъ, надо полагать, это по собственному опыту извѣстно... началъ было съ видимымъ намѣреніемъ язвительности онъ...

Но Свищовъ не далъ ему продолжать.

— Нѣтъ, ваше сіятельство, нѣтъ, заговорилъ онъ какъ бы примирительно,— противъ этого возраженія нѣтъ. Положеніе нашей учащейся молодежи ужасно, это фактъ. Правительство обязано обезпечить всѣми средствами ея существованіе, а оно, напротивъ, тѣснитъ ее всячески и возбуждаетъ, и удивляется еще потомъ, что видитъ въ ней себѣ врага.

— Именно такъ, именно, подтвердилъ Троженковъ: — а эти послѣднія стѣсненія ужь ни на что не похожи...

Онъ капнулъ и какъ бы скользнулъ взглядомъ въ сторону Бобруйскаго:—Молодымъ людямъ дѣйствительно приходится теперь умирать съ голоду, и если бы, къ счастію, общество само не поняло, что оно обязано притти имъ на помощь...

Свищовъ прижмурился и зорко воззрился въ него:

— Какимъ манеромъ? коротко спросилъ онъ.

— Въ Петербургѣ и въ Москвѣ открыта въ пользу ихъ подписка.

„Московскій браво“ беззвучно повелъ губами. „Эксплуатація сейчасъ въ ходъ пойдетъ!“ тотчасъ же сообразила его сметливая голова.

— Негласная, разумѣется? сказалъ онъ чуть-чуть насмѣшливо:—иначе, само собой, полиція не дозволила бы.

Степанъ Акимовичъ кивнулъ головой внизъ:

— Само собой!.. И прекрасно идетъ, примолвилъ онъ: — вотъ спроси ихъ, указалъ онъ на Бобруйскаго.

— Нѣсколько тысячъ ужь собрано, кивнулъ тотъ утвердительно въ свою очередь.

— Господа, запеканочки повторительно! возгласилъ хозяинъ, раскупоривая вторую бутылку и разливая ее по стаканамъ гостей своихъ:—добрая запеканка, а?

— Въ голову бьетъ ужь очень, отозвался графъ.

Степа Островетовъ взглянулъ на него съ пренебрежительною улыбкой и, не отрывая отъ губъ, опорожнилъ стаканъ свой до дна.

— Вы видно въ Петербургѣ одну дамскую малагу или люнельчикъ привыкли пить, проговорилъ онъ, молодцовато стукнувъ донышкомъ стакана по столу.

— Почему вы такъ думаете, милостивый государь? тотчасъ же и огрызся на это Петръ Капитоновичъ.

— Господа, позвольте два слова, торжественно вымолвилъ въ эту минуту хозяинъ: — мы здѣсь въ дружеской компаніи, между людьми равно интеллигентными и имѣющими, смѣю доложить, право вполнѣ довѣрять гражданскимъ чувствамъ

другъ друга. Я полагаю поэтому, что никто изъ насъ сора изъ избы не вынесетъ.

— Pardieu, воскликнулъ Степа, на половину уже *готовый*,—on est gentilhomme, ou on ne l'est pas!

— На какой предметъ интродукція? захохоталъ „Московскій браво".

— Къ тому говорю, господа, пояснилъ Троженковъ, — что въ лицѣ Льва Гурьевича Бобруйскаго имѣю честь вамъ представить довѣренное лицо комитета, образовавшагося для сбора по всей Россіи пожертвованій на пользу нашей дорогой интеллигентной молодежи, изнемогающей подъ двойнымъ гнетомъ нужды и преслѣдованій правительства...

— Брррраво! крикнулъ Степа.

— Я не сомнѣваюсь, господа, продолжалъ Троженковъ,— что каждый порядочный человѣкъ, каждый, можно сказать, либеральный умъ пойметъ, какое значеніе имѣетъ эта молодежь для всего будущаго Россіи...

— Понимаемъ! рявкнулъ опять Островетовъ.

— Въ ея стремленіяхъ, въ ея неодолимой никакими препятствіями энергіи мы видимъ залогъ будущей свободы страны нашей,—страны, которая до сихъ поръ умѣла заслужить себѣ единственно названіе „большой Ѳедоры", и только при осуществленіи того, къ чему общими усиліями своими стремится эта молодежь, можетъ добыть себѣ право на то, чтобъ уважающіе себя люди назвали ее своимъ отечествомъ.

— Каковъ Демосѳенъ, каковъ! покатывался уже со смѣху Свищовъ,—острея, ядовитости-то сколько!

— Итакъ прежде всего предлагаю всѣмъ намъ равно священный тостъ, господа, выговорилъ со слезами умиленія въ горлѣ ораторъ:—за нашу дорогую молодежь!

— Урра! повторилъ Степа, топая ногами и стуча ножомъ по своей тарелкѣ.

Третья бутылка запеканки разлита была по стаканамъ. Свищовъ потянулся черезъ столъ со своимъ стаканомъ къ Бобруйскому:

— Старое студенство въ лицѣ моемъ привѣтствуетъ молодое въ лицѣ вашемъ. Viat academia et pereat... да погиб-

нетъ, то-есть, все, что стоитъ на пути его преградой къ прогрессу и свободѣ, да погибнетъ, да, урра!...

— А вы что же, ваше сіятельство, не прихлебываете? обратился хозяинъ къ графу:—смѣю думать, что тостъ мой находитъ полное сочувствіе и въ вашемъ, могу сказать, просвѣщенномъ чувствѣ?

— Конечно... помилуйте... молодежь... Это, какъ вы изволите справедливо говорить, единственная наша надежда... Я всегда радъ... бормоталъ несвязно Петръ Капитоновичъ, у котораго начинало двоиться въ глазахъ.

— Радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ; на цуфуски свои не надѣетесь, должно быть? захихикалъ Степа, вливая себѣ залпомъ въ горло третій стаканъ полтавской наливки.

— Что хотите вы этимъ сказать, милостивый государь? обернулся къ нему красный какъ ракъ Петръ Капитоновичъ.

Но хозяинъ прервалъ ихъ опять новою рѣчью:

— При такомъ очевидномъ у всѣхъ насъ единодушіи, господа, я считаю вполнѣ умѣстнымъ въ настоящую минуту обратиться къ вамъ съ приглашеніемъ выразить, такъ сказать, *вещественными доказательствами невещественныя отношенія* ваши къ нашей дорогой молодой интеллигенціи. Да будетъ здѣ предстоящій Левъ Гурьевичъ Бобруйскій живымъ очевидцемъ и свидѣтелемъ нашего общаго къ ней душевнаго расположенія и сочувствія къ неправедно претерпѣваемымъ ею мукамъ!... Вотъ моя лепта, господа! заключилъ онъ, вытаскивая изъ кармана бумажникъ, вынулъ изъ него радужную ассигнацію и кинулъ ее на столъ.

— Урра!... Бери все! завопилъ Степа Островетовъ, швыряя въ свою очередь портфель свой на столъ:—двѣсти... триста... не знаю сколько, все бери... на молодежь!

Троженковъ потянулъ къ себѣ бумажникъ и принялся считать вложенныя въ него деньги:

— Двѣсти семьдесятъ три рубля...

— Еще вотъ на, бери! гоготалъ Степа, запуская пальцы въ кармашекъ жилета и выкидывая оттуда нѣсколько мелкихъ монетъ,—и еще дамъ... Что нужно?... Мнѣ наплевать, я бояринъ... Для молодежи... я самъ, самъ... А вы что же?

уставился онъ вдругъ пьяными глазами на Петра Капитоновича,—или только что графомъ прозываетесь, а въ карманѣ фюить, вѣтеръ свищетъ?...

Тотъ даже съ мѣста вскочилъ. Губы его дрожали.

— Милостивый государь, заговорилъ онъ, задыхаясь отъ волненія,—я не могу вамъ дозволить вашего дерзкаго обращенія со мной и приглашаю васъ извиниться, а иначе...

— А ну-ка, ну-ка, что̀ „иначе“-то? Или думаете, я васъ испугался?...

— Вы пьяны, и потому разговаривать съ вами въ эту минуту я считаю лишнимъ, а когда придете въ себя... Графъ не договорилъ и только плеча приподнялъ.

— Ну, и что̀ же... ну, и приду, и все равно... Изъ Петербурга графъ... Эка невидаль!... А вы пока выкладывайте... на молодежь... выкладывайте! не унимался расходившійся Степа.

— Во хмѣлю вельми задоренъ юнецъ... хохоталъ въ свою очередь Свищовъ, которому эта грубая сцена доставляла видимо большое удовольствіе:—не обращайте вниманія, графъ!...

Петръ Капитоновичъ весь обратился въ величественность:

— Я, признаюсь вамъ, жилъ всегда въ такомъ обществѣ, гдѣ люди умѣютъ себя иначе держать и *отвѣчаютъ* за свои поступки, подчеркнулъ онъ вѣско.

„Московскій браво“ придалъ немедленно серіозное выраженіе своей физіономіи:

— На этотъ счетъ будьте покойны, прошепталъ онъ, наклоняясь къ нему: — его можно будетъ заставить дать вамъ надлежащее удовлетвореніе.

— Вы полагаете? пробормоталъ графъ Снядецкій-Лупандинъ, глядя на него уже нѣсколько растерянно...

— Убѣжденъ... и даже о̀чень радъ буду, что вы дадите ему хорошій урокъ, подтвердилъ Свищовъ тѣмъ же серіознымъ тономъ.

— А вы вываливайте, вываливайте-ка изъ кошеля, господинъ графъ петербургскій; нечего съ сосѣдомъ шептаться! повторялъ тѣмъ временемъ Степа, еле уже шевеля языкомъ и хлопая пятерней по скатерти, — на моло-дежь!.. На нашу до-доро-гую моло-дежь...

— Позвольте безъ вашихъ совѣтовъ! отрѣзалъ Петръ Капитоновичъ и, обращаясь къ Бобруйскому, съ тѣмъ же глубокопрезрительнымъ выраженіемъ въ чертахъ безобразнаго лица безмолвно внимавшему происходившей предъ нимъ стычкѣ:—Я со своей стороны, какъ бы покровительственно усмѣхнулся онъ, — весьма радъ внести и свою доброхотную лепту на предметъ, столь достойный общественной поддержки, какъ тотъ, который... на который вы уполномочены собирать... Сколько прикажете?

— Какая-жь „доброхотная лепта“, коли вы спрашиваете! фыркнулъ на это тотъ.

— Вашему сіятельству, поторопился вмѣшаться опять хозяинъ:—по званію уже вашему, смѣю думать, никакъ не приличествуетъ жертвовать въ меньшемъ объемѣ, чѣмъ такому, напримѣръ, пролетарію, какъ я, выговорилъ онъ съ кисло-сладкою улыбкой.

— Извольте-съ! героически сдерживая прорывавшуюся у него извнутри досаду, усмѣхнулся въ свою очередь графъ, вынимая изъ бумажника сторублевую бумажку.—У васъ что же, сборная книжка есть, записываются? какъ бы небрежно спросилъ онъ опять Бобруйскаго.

— Въ данномъ случаѣ книжка немыслима, ваше сіятельство, помилуйте! заспѣшилъ еще разъ отвѣтить за того Троженковъ:—собирается безъ вѣдома и какъ бы даже въ видѣ протеста противъ правительства. Если бы жандармерія какимъ-нибудь случаемъ напала на такую книжку, могли бы выйти самыя великія непріятности для всѣхъ почтенныхъ лицъ, коихъ имена прочли бы въ ней голубые шпіоны тѣ...

— Совершенно вѣрно, я этого обстоятельства не принялъ во вниманіе, согласился немедленно Петръ Капитоновичъ, ужаснувшись даже въ душѣ при мысли, что „голубые шпіоны“ могли бы прочесть его графское имя въ *такой* книжкѣ.

— Мы на вѣру, ваше сіятельство, на вѣру! глухо засмѣялся Степанъ Акимовичъ, собирая въ пачку лежавшія на столѣ ассигнаціи и передавая ихъ Бобруйскому.—Извольте получить, Левъ Гурьевичъ.

Тотъ сгребъ деньги въ комокъ и сунулъ ихъ за пазуху безъ дальнѣйшаго разговора.

— Ну, а ты, братъ, что же не присоединяешься? обратился хозяинъ къ Свищову съ замѣтно для того лукавымъ оттѣнкомъ въ шутливомъ тонѣ вопроса.

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ... еще бы! „Le général Suichef“ погрузилъ руку въ карманъ панталонъ и вытащилъ оттуда двѣ красненькія... Онъ взглянулъ на нихъ какъ бы съ удивленіемъ, усмѣхнулся и дернулъ плечомъ.

— Какъ на смѣхъ захватилъ съ собою сегодня такую малость, что не смѣю предложить... А потому сдѣлай мнѣ одолженіе, саго amico, внеси за меня такіе же сто рублей... Возвращу при первомъ свиданіи.

Троженковъ повелъ на него чуть не бѣшенымъ взглядомъ, но нашелъ силу сохранить отчасти спокойный видъ.

— Хорошо, промолвилъ онъ скороговоркой.

— Такъ пожалуйте!

И Бобруйскій, глядя на него во всѣ глаза, протянулъ тутъ же къ нему руку за деньгами.

Свищовъ закусилъ себѣ губу до боли, чтобы не расхохотаться во всю глотку: до того забавенъ былъ для него отчаянный видъ Степана Акимовича, попавшагося въ собственную ловушку. „Я, братъ, бывалый, не надуешь, камуфлеты самъ умѣю подпускать“, говорилъ онъ себѣ, мысленно торжествуя, между тѣмъ какъ Троженковъ дрожащими пальцами перебиралъ мелкія ассигнаціи въ вынутомъ имъ собственномъ портфелѣ и отсчитывалъ изъ нихъ нужную сумму подъ неотступно устремленнымъ на него взглядомъ Бобруйскаго.

— Я полагаю, однако, пора и по домамъ, сказалъ, подымаясь въ то же время съ мѣста, графъ Снядецкій-Лупандинъ:— свѣтаетъ.

Розовое сіяніе ранней весенней зари брежжило дѣйствительно уже въ окна.

— И точно, пора, подтвердилъ „московскій браво“, быстро подымаясь тоже (ему никакъ не хотѣлось дать случай Троженкову для какого-нибудь „объясненія“ съ нимъ наединѣ).— Вамъ отсюда близко, верстъ пять всего, а мнѣ восвояси цѣ-

лыхъ пятнадцать тащиться, такъ я ужь у васъ переночую, объявилъ онъ графу съ обычною своею безцеремонностью.

— Сдѣлайте милость, пропустилъ сквозь зубы тотъ.

— All right!.. Ѣдемте!.. Ѳедька, вели тарантасъ подавать!.. Ласковому хозяину за хлѣбъ-соль и дружбу спасибо въ поясъ, а за запеканку до-полу, шумно заявлялъ Свищовъ, ухватывая руку Степана Акимовича и стискивая его холодные, вырывавшіеся отъ него пальцы.

— Свищовъ, другъ сердечный, тараканчикъ запечный, застоналъ вдругъ плачущимъ голосомъ, покачиваясь на своемъ стулѣ, Степа Островетовъ, — на кого ты оставляешь меня, сироту!

— Не оставлю, братъ, не оставлю, хохоталъ тотъ въ отвѣтъ: — упакую тебя въ карету и отправлю въ Борисово поклажеобразно.

— Mercі, mon ami!... Ты... Я тебя люблю, потому ты, братъ, шельма, умный... всякаго об... оборудуешь... Я своихъ тѣхъ, дураковъ, въ шею, а тебя нѣтъ, потому я... бояринъ... Я этого петербургскаго графа... Я раздавлю!

И Степа хватилъ кулакомъ по столу такъ, что все на немъ зазвенѣло и закачалось.

— За что жь это вы, помилуйте, посуду мою бьете! вскликнулъ грубо Троженковъ, все сильнѣе и сильнѣе разгоравшаяся досада котораго какъ бы искала только случая вырваться наружу.

— Ѳедька, крикнулъ Свищовъ въ свою очередь,—а помоги ты мнѣ его поднять!..

— Извините... я заплачу, за все заплачу, мнѣ наплевать, я... бо... бояринъ! лепеталъ Степа, безсмысленно мотая рукой по воздуху.

Свищовъ и Ѳедька подхватили его подъ мышки съ обѣихъ сторонъ и вывели на крыльцо.

XVII.

Проводивъ гостей и пожавъ въ послѣдній разъ на крыльцѣ руку графа (онъ старался не глядѣть въ то же время на Свищова), Степанъ Акимовичъ вернулся въ столовую, гдѣ Бобруйскій, сидя все также за столомъ, затягивался дымомъ папироски, пуская его затѣмъ тонкими, длинными струйками въ воздухъ. Маленькіе глазки его слѣдили за ними, прищурившись и помаргивая.

— А ловокъ пріятель вашъ, ловокъ! заговорилъ онъ, насмѣшливо глядя на угрюмо вытянутую физіономію хозяина:— огрѣлъ васъ на сто рублёй-то, а?... Старая жила, видать!

— Рокамболь, — читали вы романъ французскій? — такъ вотъ онъ самый и есть Рокамболь, надувало и разбойникъ! воскликнулъ тотъ съ такимъ забавнымъ взрывомъ не остывшей еще досады на Свищова, что на лицѣ „технолога“ пробѣжала невольная усмѣшка. Но онъ тотчасъ же принялъ свой прежній мрачный видъ.

— А убѣжденій какихъ человѣкъ? коротко спросилъ онъ.

— Какихъ хотите! фыркнулъ въ отвѣтъ Степанъ Акимовичъ.

— Либералъ изъ *постепеновцевъ?* презрительно уронилъ на это гость.

— Враль, скажите, изъ самыхъ первыхъ!

Бобруйскій поморщился.

— Въ случаѣ, если-бъ о сегодняшнемъ у васъ тутъ въ окрестности болтать стали, не сбрехнетъ онъ чего... *ненужнаго?* подчеркнулъ онъ слегка.

— Н-нѣтъ, возразилъ Степанъ Акимовичъ,—насчетъ этого опасаться нечего. Во-первыхъ, потому для него выгоды въ томъ нѣтъ. Верхнее чутье у человѣка есть: *времятеченіе* какое теперь—добре тоже понимаетъ и что не извѣстно еще, *чья* возьметъ; такъ для чего ему на гибель, можетъ, обрекать себя?... А второе, нуженъ я ему, чорту, въ здѣшнемъ мѣстѣ. Вели мы съ нимъ оппозицію противъ магнатской партіи нашей, въ управу вибраны были даже, а теперь у насъ опять другое дѣло въ виду...

— А что онъ васъ огрѣлъ сейчасъ, такъ это вамъ подѣломъ! неожиданно перебилъ его собесѣдникъ.

— Чего такъ? пробормоталъ онъ неумѣло.

— Положено съ васъ четыреста рублей получить, а вы отъ скаредности своей большой ста рублями полагали отдѣлаться, а что остальные за себя дураковъ со стороны заставите заплатить... Такъ вѣдь это напрасно, скажу я вамъ.

— Что̀ напрасно?

— А такъ что триста рублей все равно съ васъ взыщутся.

Степанъ Акимычъ даже въ лицѣ перемѣнился:

— За что̀ же такъ? Вамъ требовалось четыреста цѣлкашей, получили пятьсотъ безъ малаго, чего вамъ еще больше?

— Такъ то̀ сверхъ абонемента, а свою дань вы своимъ чередомъ внести должны... Не нравится, а? злорадно взглянулъ Бобруйскій на растерянный видъ своего собесѣдника:—а пословицу знаете: взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ.

Троженковъ какъ бы встряхнулся вдругъ:

— Позвольте вамъ замѣтить, что я ни за что̀ не брался и ни къ чему въ сущности не обязанъ...

— Ну, вы это объясняйте тамъ себѣ Мурзину, или кому знаете... А только вотъ что̀ я вамъ скажу-съ: попадись къ намъ кто хоть кончикомъ волоска, такъ не уйдетъ онъ отъ насъ и до конца вѣка, протянулъ Бобруйскій такимъ тономъ, отъ котораго у Троженкова руки и ноги похолодѣли. Онъ безмолвно опустилъ голову.

Выраженіе какого-то торжества сверкнуло въ глазахъ Бобруйскаго.

— Да, сказалъ онъ, какъ бы вспомнивъ вдругъ, — а кто

этотъ „магнатъ“, о которомъ у васъ тутъ рѣчь шла съ гостями вашими? Не долюбливаете вы его съ пріятелемъ, а?

Губы дрогнули у Троженкова:

— Вотъ кого бы съ корнемъ вырывать надо, такъ это такихъ эксплуататоровъ и ретроградовъ, прохрипѣлъ онъ:—никому и ничему порядочному ходу не даетъ человѣкъ, сидитъ какъ паукъ въ своей резиденціи, паутиною своей весь уѣздъ опуталъ, да и почитай всю губернію барству своему подчинилъ. Самъ никуда, а губернаторы и власти къ нему какъ къ мощамъ прикладываться ѣздятъ.

— Что-жь онъ, важный очень?

— Троекуровъ; первымъ себя аристократомъ по всей Имперіи почитаетъ. Въ Петербургѣ самые первые люди ему ни почемъ...

— И богатство большое?

— Кабы не ограбилъ онъ меня, съ сумой теперича бы ходилъ, отвѣтилъ на это Троженковъ, и зубы его скрипнули отъ старой, не остывшей съ лѣтами злости.

— Какъ такъ „ограбилъ“ онъ васъ? спросилъ изумленно гость.

— А такъ, что законы у насъ ужь такіе мудрые въ Россіи!

И Степанъ Акимовичъ махнулъ рукой отчаяннымъ движеніемъ.

— А теперь замѣсто чѣмъ у меня, *у него* тысячъ полтораста, а не то и всѣ двѣсти доходу будетъ; заводъ одинъ чего стоитъ!

— Заводъ?

— Да, сахарный, первый по всему краю здѣшнему.

— А мѣсто-то самое какъ называется?

— Имѣніе, то-есть, его, *генерала* нашего?

— Да.

— Село Всесвятское.

— Далеко отсюда?

— Верстъ пятнадцать будетъ.

— Въ какой сторонѣ?

— Тутъ сейчасъ отъ околицы моей вправо взять, на Бли-

ново, а тамъ первый встрѣчный мальчишка укажетъ... Да вамъ на что это?

— А можетъ, я и понавѣдаюсь въ тѣ мѣста, какъ бы небрежно уронилъ Бобруйскій.

— Берегитесь! воскликнулъ Степанъ Акимовичъ.

— Чего это? Шлагбаумы у него развѣ по дорогамъ стоятъ? безъ *визы*, какъ на заграничныхъ паспортахъ, въ царство его не пускаютъ?

— Да для чего вамъ туда надо?

Тотъ встряхнулъ насмѣшливо плечами:

— Любопытенъ я очень...

— Я говорю, промямлилъ Степанъ Акимовичъ,— на случай, если бы вамъ вздумалось...

— Что „вздумалось?“

— Остаться тамъ какъ-нибудь... на время...

— А можетъ, и останусь, ухмыльнулся тотъ.

— Берегитесь! повторилъ Троженковъ:—много тому лѣтъ назадъ, до Каракозова еще дѣло было, ввернулъ онъ шопотомъ, — былъ тутъ одинъ, родственникъ ему даже по женѣ приходился, Овцынымъ звали его, изъ первыхъ еще, знаете, *дѣятелей*... Такъ его этотъ самый генералъ нашъ...

— Жандармамъ выдалъ?

И глаза Бобруйскаго сверкнули.

— Самъ распорядился, качнулъ отрицательно головой Троженковъ.

— Какъ такъ?..

— А такъ, что избилъ его нагайкой въ кровь... Говорю вамъ, звѣрь, особь допотопная!.. Хорошо его въ ту пору отработалъ за это Герценъ въ своемъ *Колоколѣ*, я ему тогда корреспонденціи отсюда посылалъ, да все-жь ничего изъ того не вышло! скорбно вздохнулъ Степанъ Акимовичъ.

— Ну, меня не изобьетъ; я его какъ курицу одною рукой задушу, пропустилъ на это сквозь зубы Бобруйскій, машинально сдвигая пальцы этой своей, испещренной канатоподобными жилами, руки.

— Какъ знаете, а только, по-моему, безполезно будетъ. Сильные у него здѣсь корни запущены.

— А сами же вы говорите: „вырвать“ ихъ надо? замѣтилъ будто уже шутливо Бобруйскій.

— Такъ-то такъ, а знаете, не промахнуться чтобы...

— Спросъ не бѣда, увидимъ!... Вотъ что, сказалъ онъ, помолчавъ съ минуту:—коли кто-нибудь изъ вашихъ этихъ, что были сейчасъ, спроситъ невзначай про меня, такъ вы такъ говорите, что выписывали вы меня изъ Москвы насчетъ вашей мельницы, да дорого я съ васъ за нее запросилъ; вы меня и отпустили, а я на родину свою, въ Воронежскую губернію, на другой же день, сегодня значитъ, и уѣхалъ. Поняли?

— Чего-жь не понять!... А какъ если кто изъ нихъ „невзначай“ же васъ во Всесвятскомъ встрѣтитъ, знакомые они всѣ тамъ, а графъ этотъ и тотъ мозглякъ, что отъ запеканки отъ моей нагрузился дѣпьяна, такъ тѣ, слышали? — на генеральской дочкѣ свататься окромя того вздумали, — таскаться, стало быть, туда будутъ, можетъ не одинъ разъ на недѣлѣ.

— А ну ихъ къ чорту!... Не захочу, не встрѣчусь! презрительно отрѣзалъ на это Бобруйскій.

Степанъ Акимовичъ поглядѣлъ на него теперь словно уже съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ:

— Отважные, какъ посмотрю я на васъ: къ волку въ пасть прямо лѣзете!

Слова эти повидимому пришлись по вкусу того, къ кому они относились. Онъ снисходительно повелъ губами:

— А какъ если тутъ даже отваги никакой нѣтъ, а разсчетъ простой?

— Разсчетъ?...

— Да. Если, напримѣръ, кого-нибудь полиція по городу ищетъ, а онъ въ это время у полицеймейстера на чердакѣ сидитъ, такъ сколько у него шансовъ будетъ противъ того, кто въ иное какое мѣсто вздумалъ бы спрятаться?...

— А *ищутъ?* внезапно вскликнулъ на это Степанъ Акимовичъ, перемѣняясь въ лицѣ.

Собесѣдникъ его, не отвѣчая, только прищурился на него.

— Спать пора, проговорилъ онъ, зѣвнувъ: — тутъ что-ли можно? указалъ онъ на узенькій и низкій угольный диванъ деревенскаго издѣлія, составлявшій, вмѣстѣ съ обѣденнымъ

столомъ и дюжиной *венскихъ* стульевъ, всю мебель зальца, въ которомъ они находились.

— Можно и здѣсь, пробормоталъ хозяинъ:—я вамъ сейчасъ постлать велю.

— Ненужно, я такъ... Подушку, коли лишняя есть, одолжите!

И Бобруйскій, видимо съ трудомъ двигая ноги отъ усталости, потащился съ мѣста къ дивану и протянулся на немъ во всю длину, закинувъ руки за затылокъ.

— Вотъ и подушка, молвилъ Троженковъ, бѣгавшій за нею въ свою спальню.

— Отлично!...

Бобруйскій сунулъ ее себѣ подъ голову, повернулся лицомъ къ стѣнкѣ и тутъ же захрапѣлъ.

Степанъ Акимовичъ въ глубокомъ раздумьи долго и недвижно стоялъ надъ нимъ, покачалъ затѣмъ головой, глухо вздохнулъ и осторожно, на цыпочкахъ, выбрался изъ комнаты въ свою опочивальню.

Но заснуть онъ долго не могъ и тревожно переворачивался на своей постели до седьмаго часа утра. Усталость взяла свое однако: онъ заснулъ тяжелымъ сномъ, полнымъ какихъ-то лихорадочныхъ сновидѣній, и проснулся къ полудню, весь въ поту.

Предъ нимъ стоялъ со стаканомъ чая на жестяномъ подносѣ слуга его, все также, не смотря на его чуть не пятидесятилѣтній уже возрастъ, сохранявшій имя „Ѳедьки", подъ которымъ познакомились мы съ нимъ впервые въ домѣ незабвеннаго Елпидифора Павловича Акулина *).

— Заспалися же вы сегодня, страхъ, говорилъ онъ,—уже не недужится-ли вамъ, даже подумалъ.

— А гостю подалъ? спросилъ Степанъ Акимовичъ, перенося стаканъ съ подноса на стоявшій подлѣ постели столъ, уложенный всякими бумагами и счетами.

Ѳедька качнулъ головой:

— И помину ихъ нѣту, гостя-то вашего.

---

*) *Переломъ*, ч. I.

— Какъ нѣту?

— А такъ что ушли... Самъ я еще подняться не успѣлъ, а ужь ихъ и слѣдъ простылъ. Какъ пришелъ, такъ и ушелъ—*моментально*, значитъ, широко осклабился Ѳедька, произнося съ видимымъ удовольствіемъ словцо, вычитанное имъ въ газетахъ, которыя онъ поглощалъ съ какимъ-то остервенѣніемъ.

Хозяинъ вдумчивымъ взглядомъ уставился ему въ лицо, прикусилъ губу и какъ бы безсознательно проговорилъ:

— Давай одѣваться, да пѣгаго вели въ телѣжку запречь!..

Онъ проѣздилъ цѣлый день по сосѣднимъ съ его усадьбами деревнямъ, гдѣ держалъ кабаки, учитывая своихъ кабатчиковъ и собирая съ нихъ выручку,—онъ доводилъ ихъ при этомъ до изнеможенія, до кроваваго пота придирчивостью своею и подозрительностью,—и вернулся домой, пообѣдавъ по пути на какомъ-то постояломъ дворѣ, къ заходу солнца.

Въѣзжая къ себѣ во дворъ, онъ увидѣлъ на немъ отпряженный тарантасъ свой, данный имъ наканунѣ для поѣздки во Всесвятское графу Снядецкому-Лупандину и Свищову и въ которомъ же они уѣхали отъ него утромъ въ имѣніе графа. Кучеръ Степана Акимовича водилъ тутъ же по двору выпряженныхъ изъ него, слегка взмыленныхъ лошадей.

— Гналъ-то чего тройку? крикнулъ онъ на него гнѣвно.

— Моя вина — *я* гналъ, раздался въ отвѣтъ съ крыльца голосъ вышедшаго изъ дома на стукъ его экипажа „московскаго браво“:—обнять тебя спѣшилъ, объяснялъ онъ со своимъ трескучимъ хохотомъ.

— Благодарю, не ожидалъ! язвительно пропустилъ Троженковъ и—даже руками развелъ.

— Ну, ну, *вертай* гнѣвъ свой назадъ, какъ говорится у васъ по-хохлацки, да ступай скорѣе сюда, продолжалъ смѣяться тотъ: — такою трагикомедіей угощу тебя, что скажешь спасибо.

Онъ подскочилъ къ телѣжкѣ, приподнялъ и стащилъ съ нея высохшаго какъ мумія подъ старость Степана Акимовича своими мускулистыми руками и облобызалъ силой въ пергаментныя его щеки:

— Вотъ такъ лучше, кричалъ онъ, не давая тому времени выговорить слова и увлекая его за собою въ знакомую уже намъ столовую:—жду тебя не дождусь.

— Чего вамъ еще треба? отрѣзалъ все также серчливо хозяинъ.

— Ну чего губы надулъ! Самъ меня на сто рублей подцѣпить хотѣлъ, когда знаешь, въ какихъ я въ настоящую минуту тонкихъ нахожусь, это дружба по-твоему называется? А съѣсть меня готовъ теперь, что я изъ того вывернулся съ обычною мнѣ дипломатическою ловкостью, лукаво подмигнулъ нахалъ и примолвилъ успокоительно:—верну ихъ тебѣ, верну, будь покоенъ!

— Отдашь, не брешешь? вскликнулъ Троженковъ, жадно впиваясь въ него глазами.

— Будь покоенъ: изъ первыхъ прибылей нашего дѣла отсчитаю радужную тебѣ въ возвратъ...

Онъ опустился разомъ на стулъ, зорко глянулъ въ свою очередь въ глаза собесѣднику своему, и понижая голосъ до шопота:

— А теперь говори настоящее: на что подписка-то эта собирается?

— На что? повторилъ морщась тотъ:—слышалъ, кажется...

Свищовъ покачалъ головой.

— Смотри, проговорилъ онъ съ разстановкой, — чтобы чего не вышло!

— Да ты что полагаешь?..

— Ничего не полагаю и полагать не хочу... а залѣзать въ чортово болото не совѣтую...

Онъ примолкъ на мигъ, повелъ какъ бы машинально взглядомъ кругомъ комнаты:

— Ѳедька говоритъ, онъ еще спозаранку ушелъ, этотъ твой...

— Ушелъ, глухо отозвался Степанъ Акимовичъ.

— Hélas, elle a fui comme une ombre,
En me disant: je re-e-viens...

запѣлъ „le général Suichef“.—Куда? кинулъ онъ вопросъ, прерывая себя на полутактѣ.

— Не знаю.

— Назадъ будетъ?

— Для чего ему назадъ быть! Въ Воронежскую губернію, на родину свою, говорилъ, ѣхать хочетъ... Не сговорилися мы насчетъ мельницы...

— А ты его „насчетъ мельницы“ выписывалъ? насмѣшливо повторилъ „московскій браво“.

— А то на что еще? уже словно обиженно возгласилъ Троженковъ: — на три постава хочу строить, настоящую, со всѣми приспособленіями современной техники. Просилъ Мурзина выслать мнѣ спеціалиста... Да такую цѣну заломилъ чортъ... Съ тѣмъ мы и разстались.

— Ну, какъ тамъ знаешь! Коли не вернется, хорошо; а коли-бъ совсѣмъ не являлся, и того лучше было бы... А теперь я тебѣ вотъ о чемъ... Лошадей твоихъ я заѣздилъ, а тарантасъ опять возьму у тебя, и пошли ты сейчасъ Ѳедьку нанять мнѣ лошадей на деревнѣ. Выпью у тебя чаю и сейчасъ же маршъ!..

— Куда?

— Къ Островетову.

— Что ты у него позабылъ?

Свищовъ вытащилъ изъ кармана письмо, запечатанное краснымъ сургучемъ, съ изображеніемъ на немъ крупнаго герба подъ графскою короной, и протянулъ его пріятелю.

— *Щожъ се таке?*

— Благородный вызовъ на барьеръ, комическимъ пафосомъ проговорилъ Свищовъ.

— Это графъ твой вызываетъ?

— Онъ самый.

— Того *телю* упитаннаго?

— Ты сказалъ!

— Отъ-то дурень! За что такъ?

— При тебѣ вѣдь поругались вчера, слышалъ...

— Такъ тотъ же пьянъ былъ. Чего съ пьянаго спрашивать?

— А гоноръ графскій на что же есть! Я ему объяснилъ, что этого такъ оставить нельзя.

Степанъ Акимовичъ пытливо глянулъ въ лицо говорившему:

— Нашто это тебѣ, объясни мнѣ, прошу!

Свищовъ ткнулъ себя пальцемъ въ лобъ:

— Соображенія высшаго порядка, многоуважаемый.

— Должны они, значитъ, на поединокъ выходить послѣ этого? спросилъ чрезъ мигъ опять Троженковъ.

— Никогда, отвѣтилъ серіознѣйшимъ тономъ его собесѣдникъ, между тѣмъ какъ всѣ черты его подергивало отъ пронимавшаго его все такъ же смѣха.

— Извиненія тотъ просить будетъ, полагаешь?

— Никакъ. Пріѣдетъ, напротивъ того, тебя въ секунданты къ себѣ просить.

Степанъ Акимовичъ испуганно замахалъ руками.

— Не пойду, ну его совсѣмъ.

— Глупо! Когда говорю я тебѣ, что ничего изъ этого не выйдетъ, комедія одна.

— Выгода же какая-жь изъ того будетъ, не дойду я до того никакъ!

— А вотъ какая: во-первыхъ, выходить они на барьеръ не выйдутъ, а разговоръ объ этомъ такой пустимъ, что до Москвы и до самаго Петербурга дойдетъ, постараться можно... Въ газеты корреспонденцію съ мѣста такого рода пустимъ, что вся, молъ, исторія вышла изъ соперничества двухъ противниковъ, претендующихъ равно на руку дочери одного извѣстнаго здѣшняго сахарозаводчика и аристократа... Понялъ теперь?

И Свищовъ подмигнулъ съ торжествующимъ выраженіемъ на лицѣ.

На лицѣ его слушателя выразилось въ свою очередь удовольствіе:

— Штука сія добрая есть! Нашему магнату не понравится...

— Такъ даже не понравится, что какъ узнаетъ онъ объ

этомъ, то велитъ своимъ лакеямъ рыцарей нашихъ за порогъ къ себѣ не пускать.

— Такъ вѣдь ты же самъ повезъ къ нему сего твоего графа? возразилъ на это изумленнымъ тономъ Степанъ Акимовичъ.

— Повезъ!.. Мало того, примолвилъ похваляяся Свищовъ:— такъ даже навинтилъ я его, что у него теперь изъ головы не вышибить, что долженъ онъ непремѣнно присвататься къ Троекуровой дочери.

— Какъ онъ теперь свататься будетъ, коли ты самъ такъ устроить *хотишь*, чтобы тотъ его къ себѣ не пускалъ?

— На то и веду, чтобы такъ вышло.

— Не разумѣю, хоть убей!

И Троженковъ недоумѣло пожалъ плечами.

„Московскій браво“ поглядѣлъ на него съ видомъ сожалѣнія:

— Эхъ, какъ посмотрю на тебя, уменъ ты, да не совсѣмъ. Такъ слушай! Пріѣхалъ этотъ господинъ сюда изъ Питера въ надеждѣ чрезъ дворянскіе выборы карьеру себѣ сдѣлать. Графство себѣ какое-то лядащее добылъ, имѣнье наслѣдовалъ порядочное, отъ природы тупъ: въ силу всего этого аристократомъ себя почитаетъ.

— Такъ! подтвердилъ Степанъ Акимовичъ.

— Въ башкѣ его, значитъ, первымъ дѣломъ сложилось, что долженъ онъ здѣсь войти въ знакомство и дружбу съ такими же *аристократами*, какимъ почитаетъ онъ себя самъ, и, разумѣется, первымъ нумеромъ является тутъ Троекуровъ, онъ о немъ еще въ Петербургѣ слышалъ. На желѣзной дорогѣ, какъ ѣхали мы съ нимъ сюда, подробно меня разспрашивалъ, что и какъ, и что непремѣнно хочетъ быть у него. „Вы, молъ, съ нимъ знакомы?“ — „Знакомъ“. — „Можете меня представить?“—„Съ удовольствіемъ“. И, дѣйствительно, я съ удовольствіемъ, и насчетъ тоже женитьбы его съ барышней такую пѣну ему сбилъ... Потому все равно, онъ не чрезъ меня, такъ чрезъ предводителя, или самъ поѣхалъ бы просто, „представился бы“. И, разумѣется, обратился бы сейчасъ въ послушнаго сателлита, безвольно вращающагося вокругъ того же

генеральскаго солнца. Въ магнатскомъ лагерѣ было бы лишь однимъ голосомъ больше... А мы на него разсчетъ свой должны вести.

— Какой разсчетъ?

— А такой, что чѣмъ больше надѣется онъ теперь на дружбу и даже родство съ Троекуровымъ, тѣмъ злѣе станетъ онъ на него, когда ему тамъ дверь предъ носомъ захлопнутъ. Понялъ?

— Понялъ! А опосля что?

— „А опосля“, передразнилъ его Свищовъ, — онъ натурально душою и тѣломъ перекинется со злости къ нашей партіи.

— Добре! А тамъ что?

— А тамъ то, что мы его въ предводители выберемъ.

— И выберемъ, и будь ты въ этомъ благонадеженъ.

Глаза такъ и загорѣлись у Свищова: — Старикъ Юшковъ за дряхлостью лѣтъ можетъ и самъ откажется, а можетъ и не доживетъ до новыхъ выборовъ. А если и захочетъ опять баллотироваться, такъ тутъ желѣзная дорога наша ему поперекъ дороги ляжетъ.

— И *онъ* на нее не согласенъ? спросилъ живо Троженковъ.

— Разумѣется; съ *генераломъ* одна душа у нихъ, какъ всегда. Тотъ такъ прямо при немъ мнѣ и сказалъ: „Мы съ Павломъ Григорьевичемъ“, говоритъ, „и на сей разъ вѣроятно во мнѣніи не разойдемся“. А олухъ старый головой киваетъ: „Само собою“, говоритъ.

— Оппозиція, значитъ, полная намъ будетъ?

— На ихъ же шею... А потому, понимаешь, половина ихъ партіи, коли еще не болѣе, перейдетъ въ этомъ вопросѣ на нашу сторону. Кто себѣ врагъ, а тутъ одинъ дуракъ не поймётъ, что выгоду можетъ себѣ, почитай, каждый выкроитъ изъ такого дѣла, гдѣ милліоны потекутъ въ губерніи. Кого прямо заинтересовать можно, а кто на поставкахъ будетъ разсчитывать пользу себѣ получить: кирпичъ, камни, шпалы, стройка будокъ и станцій, продовольствіе рабочихъ, продажа вина... Кабаковъ что ты однихъ новыхъ по линіи поставишь, многоуважаемый! воскликнулъ онъ съ новымъ смѣхомъ, ударяя въ

порывѣ восторга пріятеля своего по плечу съ такою силой, что тотъ даже вскрикнулъ:

— А ну тебя, сиволапаго! и принялся тереть плечо ладонью.—Выгоду, конечно, каждый свою понять долженъ, подтвердилъ онъ по нѣкоторомъ молчаніи,—и они могутъ, дѣйствительно, на выборахъ въ меньшинствѣ остаться.

— А какъ когда мы имъ представимъ человѣка новаго, петербургскаго, каммергера... Да и самый его этотъ титулъ, что̀ конечно, говорю опять, гроша въ сущности не сто̀итъ, а на уѣздную-то массу все же эффектъ онъ свой произведетъ... А какъ еще шепнуть ловко, что онъ-де нарочно присланъ сюда изъ Петербурга извѣстною *особой*, подчеркнулъ таинственнымъ тономъ Свищовъ,—которой ни въ чемъ отказа не можетъ быть, чтобы добиться *для формы* заявленія земства насчетъ этой дороги... Такъ если всю эту обстановку устроить надлежащимъ образомъ, можемъ мы ихъ сломить, какъ ты полагаешь?

Онъ говорилъ спѣшно, обрывисто, съ лихорадочнымъ оживленіемъ, весь словно приподнятый накипью назрѣвшаго въ немъ интрижнаго замысла.

Троженковъ, видимо разожженный горячностью рѣчей пріятеля, покачивался на своемъ стулѣ, раздумывая и соображая:

— Д-да, выговорилъ онъ наконецъ,—можетъ пройти, можетъ... Выберутъ въ предводители, чтобъ онъ на земскомъ собраніи предсѣдалъ по этому самому вопросу... Даже огромнымъ большинствомъ пройти можетъ, какъ бы уже про себя промолвилъ онъ чрезъ мигъ, потирая себѣ руки нервнымъ движеніемъ.

— То-то же, дошелъ, наконецъ, своимъ умомъ! Ну, а теперь посылай скорѣе лошадей мнѣ нанять; хочу еще сегодня поднести *картель* другу моему Степѣ Говорилову.

— Въ ночь пріѣдешь; спать ужь онъ будетъ.

— А я его съ постели подниму: пусть терзается отъ страха смертнаго! злорадно отозвался на это „московскій браво“.

XVIII.

Пошла стряпня, рукава встряхня!
Пословица.

Троженковъ ошибался: Степа Островетовъ еще не спалъ, когда подъ крыльцо его деревенскаго дома подъѣхалъ, еле-еле дотащившись до него на скверныхъ крестьянскихъ лошаденкахъ, Свищовъ.

Степа, въ халатѣ, всклоченный, съ помятою еще послѣ вчерашней попойки физіономіей, ужиналъ или, вѣрнѣе, обѣдалъ, такъ какъ поднялся съ постели часу въ девятомъ вечера, въ своемъ кабинетѣ, въ компаніи нѣкоего сосѣда своего и пріятеля, „отставнаго унтеръ-офицера изъ дворянъ“ (такихъ не мало развелось въ наши дни), по фамиліи Плеханова, малаго лѣтъ двадцати пяти, съ красненькимъ какъ яблочко, безбородымъ личикомъ и румяными губками рта, похожаго на пуговку. Предъ ними лежали на тарелкахъ обглоданные остатки только-что *покончeнныхъ* цыплятъ и стояла на три четверти уже пустая бутылка мадеры.

— Свищура, друже сердечный, здорово! радостно вскликнулъ Степа, увидавъ входящаго:—откуда ты? Отъ хохла твоего?.. Ну, накатилъ онъ меня, братъ, запеканкой своею! И добрая же была она, покойница! хрипло загоготалъ онъ: — ты такой, Плеша, въ *жистъ* не пивалъ, обратился онъ къ своему компаньйону,—да и не по силишкѣ тебѣ! На что ужь я питухъ, молодцовато крякнулъ онъ,—да и то съ ногъ сшибло.

Свищовъ тѣмъ временемъ опустился на стулъ, уткнулся глазами въ полъ и принялся обѣими руками крутить *зуав-*

скіе усы свои съ такимъ мрачнымъ видомъ, что Островетовъ удивленно поглядѣлъ на него:

— Что молчишь, усталъ, *питаться* хочешь? Я велю сейчасъ... Эй, человѣкъ, кликнулъ онъ слугу:—приборъ, и подавай, что тамъ есть.

— Я къ вамъ, какъ бы не почитая нужнымъ отвѣчать на такіе суетные вопросы, проговорилъ гробовымъ голосомъ Свищовъ, — я къ вамъ отъ графа Петра Капитоновича Снядецкаго-Лупандина.

— Это ты, значитъ, къ нему послѣ вчерашняго поѣхалъ... Я вѣдь, братъ, ничего не помню, примолвилъ все съ тою же самодовольною молодцоватостью Степа, махнувъ рукой.

— Отъ котораго я уполномоченъ передать вамъ письмо, продолжалъ тотъ, какъ бы опять пропуская сказанное мимо ушей.

— Письмо?..

У Степы какъ-то вдругъ екнуло сердце отъ этого страннаго, офиціальнаго тона человѣка, съ которымъ онъ состоялъ въ обычной ему „амикошонской“ дружбѣ.

Тотъ вынулъ конвертъ изъ кармана, поднялся съ мѣста, передалъ его Островетову, кивнулъ при этомъ короткимъ холодно-учтивымъ поклономъ и, усѣвшись, принялся опять все также мрачно крутить усы свои.

Степа задрожавшими пальцами сорвалъ обложку письма... Предъ нимъ смутно пронеслось представленіе о чемъ-то происшедшемъ между нимъ и тѣмъ, кто писалъ ему теперь, но что именно произошло, онъ никакъ этого не могъ возстановить въ своей памяти.

Письмо, писанное по-французски (оно отъ слова до слова продиктовано было Петру Капитоновичу Свищовымъ), гласило между тѣмъ слѣдующее:

„Милостивый государь, — ваше невыразимое поведеніе (Votre inqualifiable conduite) относительно меня вчера за ужиномъ у господина Троженкова (monsieur de Trojenkof) ставитъ меня въ неизбѣжную необходимость просить у васъ удовлетворенія, которое приличествуетъ благороженнымъ людямъ (qui est d'usage entre gens bien nés), а потому покор-

нѣйше прошу васъ поручить избранному вами лицу уговориться объ условіяхъ имѣющей быть между нами встрѣчи съ подателемъ сего, господиномъ Свищовымъ (monsieur de Svistchof), сдѣлавшимъ мнѣ честь принять на себя званіе моего секунданта".

Это было, какъ говорится, коротко и ясно... Слишкомъ ясно! Роковыя строки запылали въ глазахъ Степы Говорилова въ видѣ огненной надписи, начертанной невидимыми перстами на стѣнѣ пиршеской залы царя Валтасара. Почтовый листокъ выпалъ у него изъ рукъ.

— Что это... что я ему сдѣлалъ? пролепеталъ онъ, мѣняясь въ лицѣ.

— Это вы должны сами знать, произнесъ Свищовъ на глубочайшихъ басовыхъ нотахъ своего голоса.

— Ничего не знаю... Не помню, Христосъ мнѣ свидѣтель! принялся креститься обѣими руками „потомокъ бояръ Остромётовыхъ".

— Вы позволили себѣ, *при трехъ свидѣтеляхъ*, тщательно подчеркнулъ тотъ, — наговорить графу такихъ дерзостей, которыя могутъ быть омыты только кровью одного изъ васъ.

— Да я былъ пьянъ, до положенія ризъ пьянъ, самъ ты видѣлъ! принялся въ волненіи колотить себя кулакомъ въ грудь Степа, въ вящшее убѣжденіе посланца отъ своего врага:—ты, пожалуйста, другъ мой, объясни ему это, образумь... Что-жь, въ самомъ дѣлѣ, изъ-за такой глупости... Я могу даже написать ему, ты только помоги мнѣ изложить получше...

— Вы забываете, кажется, произнесъ съ высшимъ достоинствомъ „московскій браво", — что я состою секундантомъ, а въ настоящую минуту и представителемъ вашего противника, и что вы поэтому не имѣете никакого права разсчитывать на какія-либо пріятельскія услуги съ моей стороны. Тѣмъ болѣе, что никакихъ ни устныхъ, ни письменныхъ объясненій отъ васъ графъ принимать не намѣренъ; онъ такъ меня и просилъ вамъ передать.

— Чего-жь онъ хочетъ? взвизгнулъ отчаяннымъ голосомъ Степа Говориловъ.

— Крови, я вамъ сказалъ, пробасилъ Свищовъ, закусывая

губу до боли, чтобы не разразиться хохотомъ удовольствія, которое доставляло ему зрѣлище террора, напущеннаго имъ на свою жертву. — И полагаю, что для вашей ре-пу-таціи, протянулъ онъ,—лучше будетъ отложить всякія такія объясненія въ сторону и приступить прямо къ дѣлу.

— „Къ дѣлу“, повторилъ растерянно Степа, безсознательно разводя руками.

— Да... Иначе довѣритель мой, и я самъ, можемъ подумать, что вы только на оскорбленіе храбры.

Слова эти внезапно словно хлыстомъ хлестнули по больному тщеславію Степы. Поблѣднѣвшее лицо его заалѣло мгновенно выступившею на немъ краской. *Онъ* повелъ быстрымъ взглядомъ на говорившаго, на кругленькое личико Плеханова, безмолвно, съ наивнымъ любопытствомъ въ ребяческихъ чертахъ внимавшаго непонятному для него на половину разговору, и поднявъ голову съ очевиднымъ намѣреніемъ показать себя со своей стороны на высотѣ положенія. Ему достало даже силы вызвать *на уста* что-то въ родѣ небрежной улыбки, которая по его мнѣнію какъ нельзя болѣе приличествовала въ данномъ случаѣ „настоящему джентльмену:“

— Что же, театрально проговорилъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ,— если вашему графу непремѣнно требуется кровь, я для его удовольствія могу пролить мою.

— Или *его*, докторально добавилъ „le général Suichef“:— въ честномъ бою шансы противниковъ совершенно одинаковы.

— Какъ случится... Хотя *его* крови я нисколько не жажду, отвѣтилъ на это Островетовъ, и съ такою повидимому спокойною твердостью, что вражій посланецъ какъ бы съ недоумѣніемъ покосился на него: не ошибся-ли я, молъ, въ разсчетѣ на его трусость?

— Намъ остается, значитъ, приступить къ обсужденію условій дуэли... Имѣете-ли вы въ виду секунданта?

— Секунданта?.. Да вотъ другъ мой, Ахиллъ Аггеевичъ Плехановъ, позвольте васъ познакомить... Плеша, ты не откажешься быть моимъ секундантомъ... на полѣ чести, сказалъ Степа, стараясь придать этимъ словамъ тотъ же небрежно-шутливый тонъ; но шутливости, ниже небрежности на

этотъ разъ *не вышло*, и въ голосѣ его зазвучала какая-то дѣтски жалобная нота.

— Имѣете-ли вы опытность въ подобнаго рода дѣлахъ, спросилъ Свищовъ, глядя изподлобья на „Плешу“ суровымъ взглядомъ и медленно покручивая „грозный усъ“.

— Я въ военной службѣ былъ, зарядить пистолетъ и стрѣлять, все это могу, скороговоркой, видимо польщенный и обрадованный предстоявшею ему ролью, поспѣшилъ отрапортовать тотъ.

Свищовъ поднялся, покачался на каблукахъ, все такъ же сурово поглядывая на него изъ-подъ нахмуренныхъ бровей.

— Такъ пройдемте въ другую комнату, рѣшилъ онъ и наставительно прибавилъ:—секунданты всегда отдѣльно, безъ посредства противниковъ, совѣщаются и опредѣляютъ условія.

— Мнѣ извѣстно! утвердительно закивалъ, словно весь сіяя отъ восхищенія, „отставной унтеръ-офицеръ“.

— Захватите свѣчку, тамъ темно! скомандовалъ Свищовъ, направляясь въ другую комнату.

Плехановъ торопливо схватилъ одинъ изъ двухъ шандаловъ, стоявшихъ на столѣ, и, высоко подымая его надъ головой, поспѣшилъ за нимъ.

Степа остался одинъ.

Ему хотѣлось подняться, пройтись по комнатѣ, „размять ноги“. Но эти ноги, онъ чувствовалъ, были холодны и недвижны, какъ ледяная глыба; руки дрожали, вся кровь приливала къ сердцу, и оно мучительно, невыносимо билось у него въ груди. А предъ внутренними очами, in the mind's eye, по выраженію Гамлета, — пробѣгали картины одна другой страшнѣе... Вотъ онъ стоитъ на полянкѣ въ лѣсу... Заря, птички поютъ, утренніе лучи играютъ и трепещутъ по распускающимся листьямъ березъ и такъ мирно кругомъ, такимъ счастьемъ и довольствомъ дышетъ эта нарождающаяся жизнь весны... А противъ него, о ужасъ! стоитъ „петербургскій графъ“ со своимъ желтымъ „чиновничьимъ лицомъ“ и наводитъ на него пистолетъ,—какой-то длинный, ужасно длинный пистолетъ, по ярко гладкому стволу котораго искрится ослѣпительная струйка свѣта, и отъ нея онъ, Степа, не можетъ

оторвать глазъ своихъ... А Свищовъ рядомъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, накручивая усъ на палецъ, считаетъ какимъ-то медленнымъ, роковымъ, безпощаднымъ голосомъ: „Разъ, два, три!..“ Дымъ, выстрѣлъ, что-то толкнуло его въ грудь... Онъ падаетъ и слышитъ, какъ бы въ самой глубинѣ уха своего слышитъ испуганный крикъ Плеханова: „Прямо въ сердце, на повалъ, убитъ!“ И все это такъ живо представлялось ему, такъ *реально*, чуть не осязательно.. Не даромъ высшею волей Неба дана была Степѣ *артистическая натура*.

Ледяная дрожь пробѣгала по всему его тѣлу... Онъ уставилъ локти на столъ и уронилъ въ ладони лицо, по которому ручьемъ внезапно полились изъ его глазъ жгучія, неотразимыя слезы...

Но вотъ какъ-то вдругъ, нежданно, слезы изсякли, лицо отдѣлилось отъ рукъ, Степа какимъ-то пріободреннымъ и какъ бы вопросительнымъ взглядомъ прищурился на дальній, полуисчезавшій во мракѣ уголъ просторной комнаты, — и въ кончикахъ губъ его заиграло что-то похожее на лукавую улыбку.

— Эй, кликнулъ онъ!—кто тамъ?

Изъ передней на зовъ этотъ вышелъ полусонный слуга.

— Чего прикажете?

— Освѣтить, что̀ это за темь здѣсь! Лампу зажги и принеси сюда!

Голосъ Степы звучалъ теперь властно и повелительно, какъ у человѣка, стоявшаго въ полномъ обладаніи своего *я*... Онъ пододвинулъ къ себѣ одинокую свѣчу, остававшуюся на столѣ, закурилъ о пламя ея папироску и, откинувшись въ спинку своего сѣдалища, принялся пускать кольца дыма вверхъ, въ совершенно уже терпѣливомъ теперь ожиданіи окончанія переговоровъ секундантовъ.

Слуга внесъ зажженную лампу и поставилъ ее на столъ.

— Хорошо, можешь удалиться, уронилъ Степа.

„А, вотъ они!“ сказалъ онъ себѣ съ новымъ, невольнымъ біеніемъ сердца, услыхавъ шаги входившихъ изъ сосѣдней комнаты въ кабинетъ Свищова и Плеханова.

— Ну, чѣмъ же вы рѣшили, господа? спросилъ онъ, без-

заботно затягиваясь и закидывая ногу одну на другую;—считаю нужнымъ сказать вамъ, cher monsieur Swistchof, прибавилъ онъ съ театральнымъ жестомъ,—что я напередъ согласенъ на всѣ условія вашего графа, такъ какъ онъ, судя по его письму, почитаетъ себя обиженнымъ и ему поэтому предоставляется, по правиламъ дуэли, предлагать ихъ.

— Мы уже все рѣшили, Степа, все. Отлично будетъ! заявилъ, радостно разводя руками, Плехановъ: — барьеръ на двадцать шаговъ; каждый изъ васъ можетъ пройти пять шаговъ впередъ, а стрѣлять по сигналу... У меня и пистолеты есть, настоящіе, кавалерійскіе, надо ихъ только почистить отдать, заржавѣли очень, въ кладовой они у меня, сыро тамъ очень... Я въ городъ для этого съѣзжу, тамъ у меня охотникъ есть знакомый, Кондратій... Отлично будетъ все, Степа, отлично!

Степа слушалъ, глядя по сторонамъ и позѣвывая съ видомъ человѣка, которому прежде всего смертельно спать хочется.

— Очень хорошо, лѣниво произнесъ онъ, слегка потягиваясь.

„Да онъ, чортъ его возьми, совсѣмъ молодцомъ держится!“ говорилъ себѣ Свищовъ, мрачно и безмолвно поглядывая на него въ это время:—„клялся я тому и божился, что струситъ онъ непремѣнно и будетъ на мѣстѣ прощенія у него просить, а тутъ пожалуй окажется, что тотъ со страха въ Петербургъ удеретъ... Ужь очень глупо выйдетъ въ такомъ случаѣ“...

— Намъ остается поэтому рѣшить только насчетъ времени и мѣста, сказалъ онъ громко.

— Когда угодно, исключая завтрашняго дня, поспѣшно отвѣтилъ Острометовъ:—вы понимаете, надо же имѣть время сдѣлать кое-какія распоряженія на случай...

Онъ какъ бы не счелъ нужнымъ договорить. — А затѣмъ когда вамъ угодно!

— Насчетъ мѣста, началъ опять секундантъ графа Снядецкаго-Лупандина,—я предложилъ бы для удобства противниковъ среднее разстояніе entre leurs résidences respectives,

ввернулъ онъ почему-то по-французски, — а именно, лѣсокъ въ имѣніи общаго знакомаго нашего Степана Акимовича Троженкова, будто самою природой устроенный для подобнаго рода пріятнаго времяпрепровожденія, уже нѣсколько игриво объяснилъ онъ.

— Мнѣ все равно, промолвилъ все съ тѣмъ же джентльменскимъ равнодушіемъ Степа, — всякое мѣсто годится pour se couper la gorge, щегольнулъ и онъ подходящею ad hoc французскою фразой.

Свищовъ отвѣчалъ на это поклономъ по всѣмъ правиламъ рыцарскаго обычая: аппробую, молъ, и хвалю.

Разговаривать дальше было не о чемъ.

Свищовъ кашлянулъ, поклонился еще разъ:

— Мнѣ остается затѣмъ, проговорилъ онъ, выдерживая до конца принятую имъ на себя офиціальную роль, — пожелать вамъ доброй ночи и вернуться къ пославшему меня, который уже рѣшитъ окончательно, въ какой именно день быть предстоящей между вами встрѣчѣ. Я буду имѣть честь, обратился онъ къ Плеханову, — извѣстить васъ объ этомъ письменно никакъ не позднѣе завтрашняго вечера.

— Отлично, отлично будетъ! блаженно заголосилъ тотъ:— я рано утромъ съѣзжу въ городъ къ Кондратію съ пистолетами, и пуль у него возьму, и всего...

— Да, сдѣлайте милость, это ужь на васъ возлагается; у графа никакого оружія нѣтъ, а у меня револьверъ одинъ,— съ этимъ выходить въ дуэли не полагается.

— Не полагается, поспѣшилъ подтвердить „отставной унтеръ-офицеръ“ съ видомъ знатока,—какъ можно съ револьверомъ! Смѣшно даже...

И онъ залился вдругъ раскатистымъ, тоненькимъ смѣхомъ, похожимъ впрочемъ болѣе на крысій пискъ, чѣмъ на настоящій человѣческій смѣхъ.

— Итакъ имѣю честь кланяться, господа! сурово произнесъ „le général Suichef“, какъ бы протестуя этимъ тономъ противъ неприличной въ такую минуту веселости. Онъ кивнулъ присутствующимъ короткимъ кивкомъ, повернулся и за-

шагалъ по направленію къ передней, весьма недовольный въ душѣ результатомъ своего браннаго посольства.

— Вы могли бы переночевать у меня, крикнулъ ему въ слѣдъ хозяинъ дома:—а то что же вамъ ночью ѣхать.

— Позвольте на сей разъ отклонить ваше гостепріимное предложеніе, отвѣтилъ на это съ достоинствомъ тотъ: — я уже имѣлъ случай замѣтить вамъ, что въ настоящую минуту обязанъ забыть мои личныя, какъ давнишняго знакомаго вашего, отношенія къ вамъ... Sauf à les reprendre plus tard, если вамъ угодно будетъ, милостиво заявилъ онъ въ заключеніе и вышелъ на этой фразѣ съ побѣднымъ лицомъ въ переднюю.

Плехановъ выбѣжалъ провожать его въ переднюю, но Степа не счелъ нужнымъ сдѣлать то же. Онъ остался сидѣть на своемъ стулѣ, придавъ теперь лицу своему новое, печально вдумчивое выраженіе, имѣвшее въ его разсчетѣ произвести надлежащее впечатлѣніе на пріятеля, такъ „неприлично“, находилъ онъ, радовавшагося выпадавшей ему долѣ участія въ предстоящей дуэли.

— Ну вотъ и устроили все отличнѣйшимъ образомъ, Степа, заговорилъ, дѣйствительно будто ногъ подъ собою отъ удовольствія не чувствовалъ, „Плеша“, возвращаясь въ кабинетъ,—мы сейчасъ положили съ этимъ господиномъ, что мнѣ нечего оставаться у тебя теперь ночевать, а непремѣнно надо ѣхать скорѣе къ себѣ, гдѣ у меня пистолеты, чтобы попасть утромъ рано-рано къ Кондратью.

— Вотъ пистолеты ужь блеснули,
Гремитъ о шомполъ молотокъ,

вспомнилъ изъ Онѣгина Степа и ухмыльнулся трагическою усмѣшкой.—Тебѣ это, кажется, большое удовольствіе доставляетъ? проговорилъ онъ съ нѣкоторою язвительностью.

— Что же, Степа, возразилъ ему на это тотъ, оскабляясь въ свою очередь широкою, счастливою улыбкой, — я очень радъ, дѣйствительно, сослужить тебѣ службу... Вѣдь это весело, Степа, знаешь!

— Весело! глухо, по театральному, отозвался Островетовъ.

— Конечно, храбрость свою испытаешь... То-есть, нервы хотѣлъ я сказать, потому что собственно *храбрости* никакой нѣтъ на свѣтѣ, а только нервы; это намъ физіологія доказываетъ, съ профессорскою важностью пояснилъ Плехановъ.

Степа даже съ нѣкоторымъ изумленіемъ поглядѣлъ на него:

— Эхъ ты, Ахиллъ!.. А у самого у тебя нервы есть или нѣтъ, какъ ты думаешь?

— А не знаю, право, не думалъ никогда... Кажется, нѣтъ, добродушно разсмѣялся онъ:—мнѣ все равно.

— Все равно, то-есть, жить или умереть?

— Конечно... Нѣтъ, вотъ я тебѣ разкажу, случай былъ одинъ, когда я служилъ въ полку, вспомнилъ вдругъ „отставной унтеръ-офицеръ“:—мы вотъ такъ вечеромъ разъ сидѣли на квартирѣ у одного изъ нашихъ вольноопредѣляющихся. Славный такой малый, звали его Пеструшкинъ, не бѣдный былъ и веселый такой, душа общества мы его все звали. И вотъ именно объ этомъ самомъ, о храбрости, пошелъ у насъ разговоръ. И кто-то тутъ сказалъ, что все же для каждаго должна быть смерть хоть немножко страшна. А Пеструшкинъ говоритъ на это: „А вотъ я“, говоритъ, „ни чуточки ея не боюсь; скажи мнѣ кто-нибудь хоть сейчасъ застрѣлиться, я такъ и сдѣлаю“... А у насъ былъ другой вольноопредѣляющійся, Шефельсонъ, изъ крещеныхъ Евреевъ,—и Жидъ же, я тебѣ скажу, Жидъ!—онъ и говоритъ Пеструшкину: „Такъ вы, можетъ, застрѣлитесь отъ того, что у васъ денегъ нѣтъ?“ и смѣется, знаешь, такъ глупо... А Пеструшкинъ вынулъ изъ кармана конвертъ и вытащилъ изъ него деньги,—онъ только утромъ получилъ съ почты,—триста рублей было:—„Ошиблись“, говоритъ, „вотъ видите“. Жидъ и расхохотался: „Ну“, говоритъ, „теперь, значитъ, вы ни за что не застрѣлитесь“.—„Пари“?..

— Это, то-есть, кто же, Жидъ предложилъ? спросилъ Островетовъ, сильно заинтересованный разсказомъ.

— Нѣтъ, самъ Пеструшкинъ это ему предлагаетъ...

— Серьезно?

— А вотъ слушай! Сидитъ онъ себѣ, какъ теперь вижу, на стулѣ верхомъ, толстую папироску куритъ, — самъ онъ, знаешь, вертѣлъ всегда,—и смѣется. „Снимите“, говоритъ, „пожалуйста со стѣны вотъ этотъ револьверъ“. Тотъ снялъ. „Заряженный“? спрашиваетъ. „Не могу сказать навѣрно“, говоритъ Пеструшкинъ: „я недавно изъ него стрѣлялъ, а всѣ-ли заряды выпустилъ, не помню; кажется, не всѣ“.—„Такъ какое же вы пари предлагаете“? спрашиваетъ опять Жидъ. „А такое, что я сейчасъ вложу револьверъ въ ротъ и буду дергать курокъ на всѣ шесть зарядовъ. Не выстрѣлитъ, деньги эти“, показываетъ,—„ваши, а выстрѣлитъ,—вы товарищамъ въ память мою пирушку устройте и чтобы вина на ней было столько, сколько въ кого влѣзетъ“... И Жидъ этотъ, можешь себѣ представить, началъ еще съ нимъ тутъ торговаться, вынулъ двадцать пять рублей и говоритъ, что онъ больше „ни гроша не можетъ *пожертвовать* на пари“. А глаза у подлеца такъ и впились въ деньги на столѣ. Пеструшкинъ вынулъ изъ пачки двадцатипятирублевую бумажку. „Ну, вотъ“, говоритъ, „мои противъ вашихъ, а остальныя все равно пусть идутъ компаніи на тризну по мнѣ. Согласны“? спрашиваетъ. Жидъ даже вздрогнулъ: онъ, знаешь, разсчитывалъ на гешефтъ: держать двадцать пять противъ трехсотъ. „Что же“, говоритъ, „дѣлать, согласенъ“. Пеструшкинъ взялъ револьверъ и сунулъ его себѣ въ ротъ...

— И ему позволили? воскликнулъ, весь даже поблѣднѣвъ, Степа.

— Кто?

— Да всѣ вы... Сколько васъ тутъ было?

— Человѣкъ шесть.

— Какъ же вы могли дозволить... не былъ онъ даже въ силахъ договорить.

— А какъ же не дозволять было, когда человѣкъ хочетъ? Вѣдь это было бы же нарушеніе свободной воли человѣка, Степа, самымъ убѣжденнымъ тономъ отвѣтилъ на это Плехановъ.

Степа рукой махнулъ:

— Ну, ну, продолжай!..

— Вотъ онъ положилъ его въ ротъ и началъ за курокъ дергать. Разъ — ничего, другой — ничего, третій опять ничего... А Жидъ, знаешь, стоитъ противъ него, даже лицо его все дергаетъ. „Не заряженный“, говоритъ... Вдругъ, какъ грянетъ...

— Черепъ въ дребезги? договорилъ за него Степа, совершенно отчетливо, съ переворачивавшимъ всю его внутренность ужасомъ воспроизводившій всю эту сцену въ своемъ *артистическомъ* воображеніи.

— Да, знаешь, кровью его и мозгомъ такъ и обрызгало одного тутъ, Грекъ у насъ такой былъ, Психаки, который ближе къ нему сидѣлъ... Такъ вотъ я къ тому это разсказалъ, Степа, заключилъ „Плеша“, улыбаясь своею дѣтски наивною улыбкой,—что развѣ это храбростью слѣдуетъ называть? Это просто у кого только нервы крѣпки.

Степа, уложивъ локти на столъ, сидѣлъ, ухватившись руками за голову и закрывъ глаза. Невозмутимое спокойствіе пріятеля производило на него какое-то подавляющее впечатлѣніе.

Такъ прошло нѣсколько времени... Онъ поднялъ наконецъ голову и воззрился на своего собесѣдника, который между тѣмъ, все съ тою же улыбкой на алыхъ губахъ рта, похожаго на пуговку, выбиралъ съ неприбранныхъ еще со стола тарелокъ съ остаткими ужина цыплячьи косточки и кидалъ ихъ въ широко открывавшуюся навстрѣчу имъ пасть большаго кудластаго тернёва Степы, вбѣжавшаго вслѣдъ за нимъ изъ передней.

— Эхъ ты, Ахиллъ! промолвилъ еще разъ Островетовъ съ какимъ-то на этотъ разъ страннымъ оттѣнкомъ не то удивленія, не то зависти, — ты, пожалуй, готовъ при случаѣ такую же штуку отмочить?

Тотъ беззаботно плечами пожалъ:

— Что же, Степа, конечно, если-бъ я въ такомъ же положеніи былъ... Пиль, Блекъ! крикнулъ онъ, приловчаясь кинуть новую косточку такъ, чтобъ она попала прямо въ носъ собакѣ.

— Да вѣдь тутъ какое же „положеніе“, Плеша? Изъ-за чего, подумай, сдѣлалъ эту глупость человѣкъ?

„Плеша“ посмотрѣлъ на него какъ бы съ удивленіемъ:

— Да какже, Степа, вѣдь обидно, что какой-нибудь Жидъ смѣетъ говорить, что ты можешь застрѣлиться только потому, что у тебя денегъ нѣтъ.

„Степа Говориловъ“ не нашелъ ни единаго слова отвѣтить на такой *резонъ*. Но изъ разговора съ пріятелемъ онъ вынесъ окончательное убѣжденіе, что „трагическія рѣчи“, которыя онъ было намѣренъ былъ повести съ нимъ относительно грозившей ему-молъ „гибели“ на поединкѣ съ графомъ Снядецкимъ-Лупандинымъ, были бы совершенно излишними. „Плеша“ просто не понялъ бы ихъ. „Ему, дураку, и въ самомъ дѣлѣ все равно, что̀ жить, что̀ умереть; а я“... не договорилъ себѣ Степа, и какъ-то высокомѣрно усмѣхнулся только.

— Вотъ что̀, Плеша, сказалъ онъ послѣ новаго молчанія,— ты оставайся у меня преспокойно ночевать, а завтра утромъ мы съ тобой поѣдемъ къ тебѣ; я возьму у тебя пистолеты и самъ повезу въ городъ къ твоему Кондратію, ты мнѣ только адресъ скажи... Или даже, я думаю, можно будетъ тамъ достать получше чѣмъ твои: вѣдь твои, ты говоришь, старые очень, заржавленные: можетъ быть, и совсѣмъ не годиться будутъ...

— Я ужь объ этомъ думалъ, Степа, поспѣшилъ заявить тотъ: — въ городѣ стоитъ пѣхотный баталіонъ; у какого-нибудь офицера непремѣнно, я думаю, найдутся пистолеты. Я отыщу, у всѣхъ перебываю, отличные достану, увидишь, отличные!...

— Я самъ это все сдѣлаю, перебилъ его Островетовъ,— а ты долженъ оставаться.

— Къ чему же это, Степа! визгнулъ Плехановъ плаксивымъ голосомъ ребенка, у котораго отбираютъ любимую игрушку.

— Ты долженъ ждать извѣщенія отъ секунданта моего противника, развѣ не помнишь? Онъ тебѣ сказалъ, что ты долженъ ждать его никакъ не позднѣе завтра вечеромъ: ты

слѣдовательно весь день долженъ ждать его. А то вдругъ письмо еще до обѣда придетъ, а тебя нѣтъ...

— Такъ вѣдь ты же вернешься изъ города до обѣда?

— Конечно, но что-нибудь... непредвидѣнное можетъ задержать меня... А ты долженъ сейчасъ же, немедля, отвѣтить на то, что̀ онъ напишетъ, что мы очень рады и будемъ на мѣсто въ тотъ часъ, въ какой они тамъ въ письмѣ назначатъ... Ты понимаешь, Плеша, надо тутъ показать, что мы съ тобой de vrais gentilshommes, промолвилъ онъ, откидывая назадъ голову движеніемъ, исполненнымъ все той же неисправимой въ немъ театральности, и забывая при этомъ, что „Плеша“, какъ говорится, „ни въ зубъ не зналъ“ никакого иностраннаго діалекта.

Но непонятая имъ французская фраза произвела тѣмъ не менѣе рѣшающій эффектъ на „отставнаго унтеръ-офицера“: онъ склонилъ покорно голову, вздохнулъ изо всей груди и пробормоталъ:

— Такъ гдѣ же мнѣ ждать, Степа: у себя, или опять пріѣхать сюда?

— Сюда, разумѣется. Онъ сюда пришлетъ непремѣнно... Ты мнѣ у себя отдашь пистолеты, я съ ними поѣду въ городъ, а ты сейчасъ же на своихъ лошадяхъ возвращайся сюда и жди письма и меня.

— Хорошо, пролепеталъ печально Плехановъ.

Степа поднялся съ мѣста, потягиваясь и зѣвая во всю глотку:

— Ну, а теперь по постелькамъ... Какую же я высыпку сейчасъ задамъ! *браво* примолвилъ онъ къ этому, косясь на пріятеля съ желаніемъ подмѣтить, какое впечатлѣніе произведутъ на него эти слова.

Но румяному Ахиллу было не до его *бравости:* онъ сидѣлъ, надувши губки, готовый заплакать. Ему такъ хотѣлось къ Кондратію, и такія пріятныя хлопоты предстояли ему было: достать пули, порохъ и прочее, къ „разнымъ офицерамъ“ съѣздить (можетъ быть, какой-нибудь изъ нихъ знакомый найдется, или „веселенькій анекдотикъ“ ему разскажетъ между прочимъ, думалъ бѣдняжка); а тутъ „сиди одинъ цѣлый день съ Блекомъ!“...

XIX.

Много загублено заячьихъ душъ.
Слава усердному гону тявкушъ.
Слава тебѣ, неизмѣнный Нахалъ,
Ты словно вѣтеръ пустынный леталъ!

Некрасовъ.

Рано утромъ, переночевавъ на полпути у Троженкова, неутомимый Свищовъ прибылъ въ Бѣлево, усадьбу, унаслѣдованную графомъ Петромъ Капитоновичемъ Снядецкимъ-Лупандинымъ отъ покойной тетки. Старуха прожила всю жизнь въ деревнѣ, и домъ ея былъ, какъ говорится, полная чаша. Древняя чета, изъ бывшихъ дворовыхъ, мужъ и жена, прослужившая ей съ юности до самой смерти и оставленная ея наслѣдникомъ на прежнихъ должностяхъ своихъ, содержала этотъ домъ въ чистотѣ и „аккуратности", переносившихъ невольно воображеніе того, кто входилъ въ него въ первый разъ, къ мирнымъ временамъ стародавняго дворянскаго житья. Петръ Капитоновичъ со своей петербургской точки зрѣнія находилъ, что ему „здѣсь недостаетъ современнаго комфорта" и что для этого „нужно будетъ со временемъ выписать кое-что отъ Гальпена *), перемѣнить обои и обивку, и вообще переставить все *понынѣшнему*", но въ сущности находилъ эту обстановку „довольно приличною для своего званія". А Свищовъ, входя теперь въ эти чистыя и свѣтлыя комнаты, съ полинялымъ отъ лѣтъ, но безъ пятнышка стариннымъ штофомъ мебели и занавѣсей, горками фарфора и серебра въ углахъ гостиной и

*) Извѣстный мебельщикъ въ Петербургѣ.

дубовымъ поломъ, лоснившимся какъ паркетъ, думалъ со своей стороны: „И совсѣмъ даже какъ слѣдуетъ быть для уѣзднаго предводителя дворянства".

Онъ засталъ хозяина въ его кабинетѣ совсѣмъ одѣтымъ, хотя было еще очень рано, съ похолодѣвшимъ стаканомъ чая на письменномъ столѣ, у котораго, погрузившись въ глубину стариннаго вольтеровскаго кресла, читалъ онъ, высоко приподнявъ книгу къ прищуреннымъ глазамъ, *Исторію города Глупова*, сочиненіе господина Щедрина.

Онъ быстро закрылъ ее, кинулъ на столъ и обернулся на заслышанные имъ шаги входившаго.

— А, вы!... Я васъ еще ночью поджидалъ, какъ вы обѣщали пріѣхать... И, признаюсь, нѣсколько безпокоился, спалъ даже дурно.

— Да, вы какъ-то ужь очень желты сегодня, отозвался насмѣшливо Свищовъ:—что-жь, вы полагали, сократили меня на пути разбойники?

— Нѣтъ, а все же, знаете... Отечественныя дороги, да еще въ ростепель... Могли васъ на какой-нибудь калдобинѣ вывернуть...

— Насилу до Троженкова на возвратномъ пути дотащился; клячи мужицкія попались невозможныя, объяснилъ Свищовъ, не садясь, взялъ безцеремонно папироску изъ ящика, стоявшаго на столѣ, закурилъ ее и принялся, молча и насупясь, расхаживать по комнатѣ.

Петръ Капитоновичъ, дѣйствительно какъ-то „особенно желтый" послѣ дурно проведенной ночи, съ видимою тревогой слѣдилъ за нимъ глазами.

Прошло нѣсколько минутъ. Его такъ и порывало заговорить, но словно что-то задерживало слова его въ горлѣ.

— Что же письмо? промолвилъ онъ наконецъ чрезъ силу.

— Передалъ, коротко отвѣтилъ на-ходу тотъ.

— Передали! Господину Островетову?...

— А то кому же еще? По адресу, извѣстно.

— Я, то-есть, хотѣлъ спросить, лично-ли ему... въ руки? сказалъ, слегка заикаясь, графъ.

— Въ собственныя, подчеркнулъ съ новою насмѣшливою

нотой въ тонѣ Свищовъ, продолжая, не глядя на говорившаго, маршировать по комнатѣ отъ двери до двери.

У Петра Капитоновича сперло дыханіе еще разъ.

— Что же онъ? скорѣе угадалъ, чѣмъ услышалъ его гость.

— Согласенъ, точно отрубилъ онъ.

— Драться?

— Само собой!

Петръ Капитоновичъ судорожно ерзнулъ въ своемъ креслѣ, подаваясь всѣмъ тѣломъ впередъ:

— Безъ разговору?

— Былъ разговоръ у меня съ его секундантомъ объ условіяхъ...

— Нѣтъ, поспѣшно перебилъ графъ, — я говорю насчетъ извиненій... У насъ съ вами именно была рѣчь о томъ, что вы отъ него прежде всего потребуете... des excuses écrites въ его глупомъ поведеніи... и только въ случаѣ, если-бъ онъ отказался, тогда ужь отдадите ему мое письмо... Вы мнѣ даже честное слово давали, что онъ напишетъ все, непремѣнно все, что вы только сочтете нужнымъ продиктовать ему.

„Московскій браво“ остановился посреди комнаты, закрутилъ усъ на палецъ и, покачиваясь съ каблука на носки и обратно, выговорилъ, отчеканивая отдѣльно каждое изъ своихъ словъ:

— Я ему сказалъ, что вы никакихъ, ни устныхъ, ни письменныхъ извиненій отъ него принимать не намѣрены, а требуете его всенепремѣнно къ барьеру. Dixi! заключилъ онъ, глядя теперь уже во всѣ глаза на Петра Капитоновича.

Тотъ въ неописанномъ волненіи вскочилъ съ мѣста и схватилъ себя за волосы:

— Что вы со мной дѣлаете, что дѣлаете!... Если-бъ я могъ знать, я бы никогда не поручалъ вамъ... Помилуйте, это, что называется, abus de confiance съ вашей стороны! Я васъ никогда объ этомъ не просилъ... Помилуйте, растерянно воскликалъ онъ,—въ моемъ положеніи итти на настоящую дуэль съ какимъ-то молокососомъ... который можетъ меня увѣчнымъ сдѣлать, или даже застрѣлить самымъ глупымъ образомъ... какъ какого-нибудь зайца... Я васъ послушался относительно

этого... вызова, довѣряя вашимъ словамъ, что онъ „испугается“—вы мнѣ въ этомъ клялись и божились,—и поспѣшитъ „униженно извиниться“, говорили вы мнѣ именно въ этихъ выраженіяхъ, или не говорили?... А вы, вы...

Онъ нервно, болѣзненно закашлялся, замахалъ отчаянно руками, упалъ опять въ кресло, блѣдный и вздрагивающій не то отъ негодованія, не то отъ страха, — „отъ страха того глупаго положенія, въ которое ставитъ его теперь этотъ наглецъ“, объяснялъ онъ себѣ мысленно.

Свищовъ въ свою очередь взиралъ на него невозмутимо и безмолвно, тѣшась въ душѣ всею этою, нагнанною имъ на слабонервнаго и умоограниченнаго человѣка, душевною тревогой. Его мистификаторская натура находила въ этомъ зрѣлищѣ какое-то спеціально удовлетворявшее ее наслажденіе.

— Я полагалъ, заговорилъ онъ не сейчасъ, — что въ вашемъ „положеніи“ и въ виду того, что̀ вы изъ этого положенія думали сдѣлать, переселяясь изъ столицы въ провинцію, вамъ именно не прилично будетъ стерпѣть при *свидѣтеляхъ* дерзости отъ „какого-нибудь молокососа“, какъ вы весьма резонно выражаетесь, и что поэтому вамъ слѣдуетъ дать ему приличную острастку, заявить себя, такъ сказать, съ перваго же раза, въ назиданіе впредь и во страхъ всѣмъ ему подобнымъ, такъ какъ время, извѣстно вамъ это, или не извѣстно— не знаю, пошло теперь грубое, и кулачное право, вопреки *прогрессу*, болѣе чѣмъ когда-нибудь у насъ въ ходу... Зубы надо показывать теперь, ваше сіятельство, прежде всего зубы!... Насчетъ извиненій я вамъ говорилъ и, конечно, имѣя всѣ данныя предполагать, что молокососъ этотъ дѣйствительно придетъ въ перепугъ отъ вашего картеля... Но, признаюсь, нежданно расхохотался „наглецъ“, я тутъ „*маленькимъ ошибка давалъ*“, передразнивая армянскій говоръ, выразился онъ словами одного ходячаго анекдота.

— На неожиданный отпоръ изволили наткнуться? желчно отозвался на это графъ.

— Д-да... Съ начала и совсѣмъ было ошалѣлъ онъ, казалось, отъ испуга, а тамъ вдругъ, невѣсть откуда, прыть какая-то нашла, мы-молъ самъ съ усамъ, драться, такъ драться,

и „напередъ“, говоритъ, „на всѣ условія согласенъ“. Удивилъ даже, признаюсь!... И ничего теперь съ этимъ не подѣлать, развелъ Свищовъ руками,—выходить вамъ теперь на барьеръ необходимо.

— Чортъ знаетъ, что такое! крикнулъ Петръ Капитоновичъ, ударяя по столу костянымъ ножомъ, схваченнымъ имъ тутъ же, и переламывая его при этомъ на-двое.

Онъ швырнулъ его куски на полъ и словно уронилъ себя въ спинку своего кресла.

— Искалѣчитъ, говорю, пожалуй, или и совсѣмъ отправитъ... глухо простоналъ онъ, — вѣдь это же глупо, согласитесь, глупо!

— А какъ если вы его, напротивъ? продолжалъ потѣшаться Свищовъ.

— Судъ, значитъ, тогда, скамья подсудимыхъ, скандалъ...

— Судъ оправдаетъ, объ этомъ разговаривать нечего.

— Ахъ, оставьте пожалуйста! занылъ Петръ Капитоновичъ, оборачиваясь къ нему спиной.

Свищовъ вытянулъ языкъ по адресу этой спины, покачался еще разъ съ пятки на носокъ и обратно, и проговорилъ громко:

— Ну-съ, вотъ что: выйти на барьеръ, какъ я уже имѣлъ честь донести, вамъ необходимо, а насчетъ того, что изъ сего далѣе произойти можетъ, у насъ теперь съ вами другой разговоръ пойдетъ.

— Какой еще разговоръ?..

— А такой, началъ, медленно роняя слова, Свищовъ,— что дѣйствительно, какъ вы говорите, вышло бы въ концѣ концовъ довольно „глупо“, если бы затѣянная нами исторія, совершенно впрочемъ основательно затѣянная, поспѣшилъ онъ добавить,—привела къ какому-нибудь нежеланному, чтобы не сказать печальному, исходу... требуя поэтому направить дальнѣйшій ходъ нашихъ дѣйствій по другому, такъ сказать, каналу... Какъ вы объ этомъ полагаете?

— Ничего не полагаю, ибо ничего не понимаю, досадливо отрѣзалъ Петръ Капитоновичъ, не оборачиваясь.

— Да, я вообще уже замѣтилъ, что вы насчетъ пониманія нѣсколько туги...

— Однако позвольте, милостивый государь,— и уколотый графъ перекинулся теперь всѣмъ туловищемъ въ сторону дерзкаго своего собесѣдника, — вы себѣ позволяете со мною такой тонъ...

— La paix, la paix, monsieur le comte! прервалъ его въ свою очередь со смѣхомъ тотъ: — я, знаете, тоже не люблю, когда меня слушаютъ, оборотившись ко мнѣ неподобающею частью тѣла, а вы вотъ почитаете это, кажется, признакомъ хорошаго воспитанія.

Петръ Капитоновичъ покраснѣлъ какъ ракъ:

— Прошу меня извинить, пробормоталъ онъ,—я... именно... слишкомъ хорошо воспитанъ, чтобы... въ моемъ собственномъ домѣ... Вы о чемъ-то начали говорить? спѣшилъ онъ перемѣнить рѣчь:—я дѣйствительно не совсѣмъ понялъ, виноватъ.

Свищовъ засмѣялся опять:

— И не трудно впрочемъ: я пока присказку велъ, а сказка у насъ впереди.

— Сказка? повторилъ недоумѣло графъ.

Свищовъ подошелъ къ стулу, стоявшему у стѣны, переволокъ его къ столу, за которымъ сидѣлъ хозяинъ, сѣлъ, оперся подбородкомъ на сложенныя имъ на столъ руки и, глядя не на слушателя своего, а прямо чрезъ окно на синѣвшую на дворѣ подъ яркими лучами солнца большую лужу, заговорилъ полушопотомъ:

— Если-бъ я, напримѣръ, попросилъ у васъ лошадей и какой-нибудь экипажъ, хотя бы телѣгу, съѣздить немедленно въ городъ, что бы вы сказали?

Петръ Капитоновичъ продолжалъ недоумѣвать:

— Могу вамъ служить. Коляску мою, которую я посылалъ чинить туда, вчера вечеромъ, послѣ вашего отъѣзда, привезли обратно. Кромѣ того, я узналъ, тутъ у тетушки были старыя крытыя дрожки, очень покойныя и совсѣмъ еще крѣпкія; такъ если вамъ угодно будетъ воспользоваться ими... Но зачѣмъ вамъ въ городъ и даже „немедленно?“ спросилъ онъ съ видимымъ уже любопытствомъ.

— Тамъ можно будетъ съ кое-кѣмъ переговорить, загадочно промолвилъ на это „le général Suichef".

— Съ кѣмъ же? дрогнулъ голосъ у графа.

— Съ кѣмъ потребно будетъ...

Петръ Капитоновичъ сразу теперь, *огуломъ*, понялъ все— и покраснѣлъ пуще прежняго:

— Послушайте однако, залепеталъ онъ,—вѣдь это, знаете...

— Что знаю?

— Это какъ-то не совсѣмъ... Могутъ сказать...

— Кто сказать, что?

— Я ужь не знаю, право; но, вы понимаете, un homme bien né...

— Дальше же что, хихикалъ, подгоняя какъ бы споткнувшагося на этомъ „bien né" графа, его безцеремонный собесѣдникъ.

— Этотъ господинъ... Островетовъ — мальчишка... фатъ... Онъ можетъ распустить слухи, что я, такъ сказать, испугавшись его, предварилъ... Вы понимаете, человѣку въ моемъ положеніи... прибѣгать къ такимъ средствамъ...

— Къ какимъ это? невозмутимо проговорилъ „московскій браво".

— Вѣдь это, согласитесь, въ нѣкоторомъ родѣ... доносъ...

— На кого же это, на себя самого, то-есть? Вѣдь вы же Островетова вызвали, а не онъ васъ.

Графъ растерянно уперся въ него глазами:

— Да, къ несчастію, послушался вашего совѣта... А теперь, вы согласитесь, я поставленъ, такъ сказать, въ безвыходное положеніе...

— Я вамъ на это пословицей отвѣчу.

— Пословицей?...

— Да-съ: честь приложена, а отъ убытка Богъ избавитъ.

Петръ Капитоновичъ заметался опять:

— Глупѣйшее положеніе, глупѣйшее!

— Какъ знаете! Можно дѣло и совсѣмъ безъ послѣдствій оставить.

— Какъ же такъ?

— Въ городъ я не поѣду, о времени встрѣчи, о которой

я долженъ былъ извѣстить Острометовскаго секунданта, ничего не напишу: на этомъ и замретъ.

— Но вѣдь онъ въ такомъ случаѣ при первой со мной встрѣчѣ будетъ имѣть право меня... трусомъ, такъ сказать, назвать...

— Ну, это конечно можетъ случиться, и онъ даже навѣрно это сдѣлаетъ, самымъ спокойнымъ тономъ подтвердилъ Свищовъ.

— Вы видите!.. Каково же это въ моемъ положеніи!..

И такое отчаяніе зазвучало при этомъ въ голосѣ злополучнаго графа Снядецкаго-Лупандина, что нашему мистификатору даже какъ будто жаль его стало теперь:

— Послушайте, ваше сіятельство, сказалъ онъ, — отчего не хотите вы допустить, что въ нашемъ богоспасаемомъ отечествѣ имѣется у предержащихъ властей извѣстная доля и собственной иниціативы? Развѣ не можетъ полиція, хотя бы и не столичная, а наша простая, уѣздная, безо всякаго, какъ вы безпощадно выражаетесь, „доноса“, провѣдать о томъ, что вотъ тамъ-то и тамъ-то готовится между такими-то извѣстными въ мѣстности лицами то-то и то-то? А въ такомъ случаѣ слѣдуетъ-ли ей, или нѣтъ, принять къ *прегражденію сего*, плутовски подчеркнулъ онъ,—подобающія со своей стороны мѣры?

У слушавшаго эту рѣчь начинало мало-по-малу проясняться чело:

— Конечно, если она сама, такъ сказать... я не имѣю средствъ препятствовать... Но иначе, вы понимаете, въ моемъ положеніи...

— Сама, конечно, подтвердилъ Свищовъ, прикусывая губу,—я иначе и не понимаю... Только ей, знаете, помочь надо немножко... Такъ я поѣду, графъ, послѣ какой-то особенно вѣской паузы примолвилъ онъ, поднимаясь съ мѣста.

Петръ Капитоновичъ почему-то почувствовалъ себя въ эту минуту какъ-то необыкновенно бодрымъ и даже отважнымъ духомъ:

— Лошади мои и экипажъ къ вашимъ услугамъ, а въ

томъ, что̀ вы намѣрены тамъ учинить, уже нѣсколько игриво прибавилъ онъ,—я умываю руки, предваряю васъ.

— Пилатъ, проконсулъ, осторожный, travesti et illustré! воскликнулъ на это Свищовъ, безпрепятственно уже оглашая воздухъ давно мутившимъ его внутренно хохотомъ.

Петръ Капитоновичъ тоже засмѣялся. На унылой еще за нѣсколько мгновеній назадъ душевной нивѣ его начинали разцвѣтать опять ландыши и незабудки...

Разговоръ затѣмъ перешелъ какъ-то вдругъ на всякіе „веселенькіе“ мотивы. Графъ отдалъ приказаніе запрягать лошадей въ старыя дрожки тетки, на которыхъ гость его изъявилъ готовность „пропутешествовать“ въ городъ. Но онъ такъ увлекся пріятностью бесѣды со своимъ хозяиномъ, что отправился въ путь лишь въ первомъ часу пополудни.

XX.

Изъ Бѣлева до города было верстъ двадцать пять, и Свищовъ пріѣхалъ туда часу въ пятомъ. Онъ велѣлъ везти себя на станцію желѣзной дороги, пообѣдалъ тамъ наскоро котлеткой съ картофелемъ, выпилъ бутылку пива и, приказавъ кучеру графа дать лошадямъ корму и ожидать его возвращенія, вышелъ самъ на улицу.

Городъ былъ ему хорошо знакомъ, и онъ своею размашистою походкой направился по главной его улицѣ прямо къ дому, который занимаемъ былъ земскою управой въ ту пору, когда онъ состоялъ въ ней членомъ. Управа и теперь помѣщалась въ этомъ домѣ, и онъ, подходя къ нему, увидѣлъ сидѣвшаго на ступенькѣ крыльца, съ коротенькою трубкой въ зубахъ, стараго солдата-сторожа, съ самаго введенія земскихъ учрежденій состоявшаго здѣсь въ этой должности.

— Здорово, Ефимычъ! сказалъ онъ.

— Здравія желаю, вашесбларолдіе, проговорилъ старый служивый, поспѣшно вставая и вытягиваясь и почтительно пряча трубку свою за спину.

— Бравый ты все, попрежнему, милостиво ухмыльнулся Свищовъ,—здоровъ все?

— Покорнѣйше благодарю вашесбла... Богъ по грѣхамъ терпитъ, отвѣтилъ, видимо польщенный комплиментомъ, тотъ, пріосаниваясь.

— Ну, и отлично!.. А ты вотъ что мнѣ скажи: гдѣ тутъ у васъ исправникъ живетъ?

— А тутъ, ваше-сбла... по близости, переулочекъ направо

минете, тутъ сейчасъ и будетъ купца Толстопятова домъ, ставни расписныя, фигуристый такой.

— Знаю.

— Такъ вотъ въ эвтомъ самомъ домѣ, вашесбла...

— Вѣдь онъ у васъ теперь новый, исправникъ? спросилъ опять Свищовъ.

— Такъ точно, недавно, съ полгода не болѣ какъ назначены сюда; а то былъ у насъ допрежъ того Сливниковъ господинъ, изъ гвардейскихъ...

— Знаю, при мнѣ былъ, славный малый.

— Легкій господинъ, дѣйствительно, осклабился не то одобрительно, не то какъ бы насмѣшливо сторожъ.

— Легкій, повторилъ машинально Свищовъ... „Какой вѣдь всегда мѣткій эпитетъ умѣетъ найти нашъ народъ!“ пронеслось у него въ мысли. — Ну, а нынѣшній каковъ? сказалъ онъ громко.

— Ничего, начальникъ настоящій можно сказать. Съ Балкановъ они, майоръ.

— Какъ „съ Балкановъ“?

— Съ генераломъ Скобелевымъ, значитъ, въ походъ туда ходили, Егорья даже достали себѣ тамъ; потому рука у нихъ прострѣленная, и даже по сей часъ не владѣютъ.

— Молодчина, значитъ?

— Ничего, аккуратные...

— Зовутъ его какъ?

— Фамилія имъ Ипатьевъ будетъ, Ѳедоръ Иванычъ.

— Что онъ теперь дома, не знаешь?

— Должно, дома, пообѣдамши; они завсегда въ третьемъ часу обѣдаютъ.

— Ну прощай, Ефимычъ, очень радъ, что видѣлъ тебя.

— Счастливо оставаться, вашес...

Свищовъ направился къ квартирѣ исправника.

— Дома Ѳедоръ Иванычъ? спросилъ онъ у отворившей ему дверь въ сѣни пожилой, чисто-одѣтой женщины.

— Дома-съ, пожалуйте; какъ объ васъ сказать?

— Скажите: изъ уѣзда землевладѣлецъ одинъ, фамилію я самъ ему скажу.

— Пожалуйте, повторила женщина, вводя его въ небольшую, чисто, какъ она сама, но бѣдно глядѣвшую комнату, съ разставленными чинно по стѣнкамъ дешевыми стульями, крытыми полосатымъ тикомъ, крашенымъ столомъ, покрытымъ ярославскою салфеткой, и окнами безъ занавѣсей и сторъ.

— Они сейчасъ пожалуютъ, сказала женщина, уходя въ сосѣднюю комнату.

Изъ нея дѣйствительно вышелъ чрезъ минуту исправникъ, человѣкъ лѣтъ сорока пяти, высокій и худой, съ нѣсколько болѣзненнымъ и строгимъ лицомъ и подвязанною черною шелковою полосою рукою, застегнутый на всѣ пуговицы сюртука и съ Георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ.

Онъ привѣтствовалъ вошедшаго учтивымъ наклоненіемъ головы и вопросительно уставился на него большими, серіозными и умными глазами.

— Позвольте вамъ представиться: Свищовъ, вашего уѣзда.. помѣщикъ, какъ говорилось въ крѣпостныя времена...

И онъ щелкнулъ каблуками на военный манеръ.

Исправникъ молча кивнулъ подбородкомъ.

— Желалъ бы, если позволите, продолжалъ тотъ, покручивая усъ и какъ бы шутливо,—получить отъ васъ аудіенцію минутъ на десять разговору.

— Имѣете ко мнѣ надобность?

— Въ нѣкоторомъ, такъ сказать, родѣ, если милость ваша на то будетъ.

— Не угодно-ли будетъ пожаловать ко мнѣ въ кабинетъ, отвѣтилъ майоръ, видимо нѣсколько морщась отъ гаерическаго пошиба тона и пріемовъ обращающагося къ нему лица.

То, что называлъ онъ „кабинетомъ“, была такъ же скромно, какъ и предшествовавшая ей, убранная комната. У окна на двухъ *козлахъ* уставлена была широкая и длинная площадка сколоченнаго изъ досокъ стола, на которыхъ натянута была, обитая по бортамъ гвоздиками съ мѣдною шапкой, американская клеенка желтоватаго цвѣта. На столѣ, въ сѣрыхъ обложкахъ, съ наклеенными на нихъ заголовками, аккуратно сложенныя горкой лежали *дѣла* и *текущія* „къ подписи“,

рядомъ съ двумя-тремя томами Свода Законовъ въ затасканныхъ переплетахъ. Къ стѣнѣ, прямо насупротивъ плетенаго кресла съ круглою спинкой, на которое сѣлъ теперь хозяинъ, приглашая движеніемъ руки посѣтителя занять мѣсто на другомъ стоявшемъ подлѣ стола, обитомъ такою же клеенкой креслѣ, прикрѣплены были простыя, некрашеныя полки съ книгами, а надъ ними на темносѣромъ фонѣ обоевъ виднѣлись хромолитографированный портретъ Царствующаго Государя и въ рѣзной деревянной рамочкѣ изображеніе красиваго молодаго генерала съ бѣлымъ орденомъ на шеѣ,—генерала Скобелева.

— Чѣмъ могу служить? началъ исправникъ.

— Это требуетъ нѣкотораго развитія, если позволите мнѣ такъ выразиться, счелъ почему-то нужнымъ засмѣяться Свищовъ и, вытаскивая изъ кармана портъ-сигаръ, набитый имъ предъ отъѣздомъ изъ ящика графа Снядецкаго-Лупандина:

— Позволите закурить? промолвилъ онъ pro forma, зажигая тутъ же спичку и закуривая папиросу о пламень ея.

Хозяинъ молча глядѣлъ на него только.

— Дѣло, изволите видѣть, заговорилъ опять „московскій браво“,—свойства самаго *конфиденціальнаго*, какъ выражаются у васъ на службѣ, а потому я считаю нужнымъ просить васъ заранѣе хранить его пока подъ замкомъ, какъ говорится... Во всякомъ случаѣ не проговориться какъ-нибудь, что вы узнали объ этомъ отъ меня.

— Я не имѣю привычки „проговариваться“, сухо отрѣзалъ въ отвѣтъ исправникъ.

Свищовъ чуть-чуть смущенно моргнулъ глазами:

— Я не сомнѣваюсь, пробормоталъ онъ,—но вы изволите усмотрѣть изъ моего разсказа, что здѣсь требуется нѣкоторая особенная осторожность.

— Въ чемъ дѣло? такъ же сухо опять спросилъ тотъ.

— Вамъ вѣроятно не безъизвѣстно, что въ числѣ здѣшнихъ землевладѣльцевъ состоитъ, недавно получившій наслѣдство отъ тетки, каммергеръ, чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ, графъ Снядецкій-Лупандинъ... почти сановникъ, хихикнулъ неисправимый мистификаторъ не совсѣмъ кстати,

но тутъ же принялъ многозначительный видъ и примолвилъ вѣско:—лицо во всѣхъ отношеніяхъ почтенное.

Исправникъ кивнулъ еще разъ:

— Имѣлъ честь видѣть, былъ у меня по дѣлу о вводѣ его во владѣніе.

— Д-да... Такъ вотъ съ этимъ вполнѣ почтеннымъ лицомъ случилось на дняхъ весьма непріятное приключеніе.

— Приключеніе?...

— Или, выражаясь правильнѣе, *столкновеніе* съ другою *личностью*... такъ какъ „лицомъ“ его собственно назвать нельзя. Представьте себѣ недоросля изъ дворянъ, какъ говорилось встарь, богатаго и ни къ чему негоднаго маменькинаго сынка,—и этотъ мальчишка позволилъ себѣ наговорить графу въ одномъ домѣ, при *свидѣтеляхъ*, весьма неприличныя вещи, которыя не могутъ быть терпимы никакимъ порядочнымъ человѣкомъ... Вы конечно согласны съ этимъ? примолвилъ онъ, глядя прямо въ лицо Ипатьева.

Тотъ не отвѣчалъ и внимательно глядѣлъ ему въ свою очередь въ глаза.

— Что оставалось дѣлать графу послѣ этого, сами скажите?

И не ожидая отвѣта: — онъ потребовалъ отъ него, какъ водится между порядочными людьми, надлежащихъ извиненій, или такого же... надлежащаго, то-есть, удовлетворенія.

— Такъ! коротко проговорилъ на это майоръ;—дальше-съ?

— Недоросль нашъ... фамилія его Островетовъ, я, кажется, забылъ назвать его...

Исправникъ качнулъ головой.

— Знаю-съ, сказалъ онъ.

— Знаете?

И Свищовъ вперилъ въ него изумленные глаза.

— Такъ что же вамъ угодно было мнѣ сообщить? невозмутимо промолвилъ тотъ.

Свищовъ раздумчиво повелъ на него взглядомъ еще разъ и продолжалъ:

— Господинъ Островетовъ не счелъ нужнымъ извиниться, какъ это ему слѣдовало, такъ какъ сказаны были имъ графу

дерзости въ пьяномъ видѣ, въ чемъ онъ могъ сознаться, нисколько не роняя своего достоинства, а очень обрадовался, напротивъ, повидимому, какъ это часто бываетъ въ его годы, случаю показать себя храбрецомъ и...

Какая-то тѣнь усмѣшки пробѣжала на мигъ по безцвѣтнымъ губамъ исправника. Зоркіе глаза Свищова какъ бы налету поймали ее; онъ пріостановился.

— И?... повторилъ холодно и уже совершенно серьезно тотъ.

— Дуэль назначена, вымолвилъ „московскій браво“ словно черезъ силу:—фактъ глупѣйшій, согласитесь? счелъ онъ нужнымъ примолвить, высоко вздергивая плечами.

Исправникъ въ свою очередь не почелъ нужнымъ отвѣчать на этотъ возгласъ.

— Позвольте васъ спросить, сказалъ онъ, — изъ какого источника доставлены вамъ свѣдѣнія, о которыхъ вы сообщаете мнѣ въ настоящую минуту?

Свищовъ какъ бы оторопѣлъ нѣсколько, но тотчасъ же овладѣлъ собой и засмѣялся принужденнымъ, обрывистымъ смѣхомъ:

— Вы мнѣ позволите быть совершенно откровеннымъ съ вами, заговорилъ онъ, наклоняясь и притрогиваясь пальцами фамильярно къ колѣнкѣ своего собесѣдника (причемъ Ипатьевъ невольнымъ, какъ бы гадливымъ движеніемъ отодвинулся отъ него и поморщился):—я въ нѣкоторомъ родѣ играю активную роль въ этой трагикомической исторіи, такъ какъ графъ Снядецкій-Лупандинъ просилъ меня передать письмо его господину Острометову, а затѣмъ, если тотъ не согласится на извиненіе, быть его... секундантомъ... Вы понимаете, что порядочный человѣкъ не можетъ отказать въ подобныхъ случаяхъ... Я и согласился, надѣясь привести къ соглашенію... Но такъ какъ оно приняло этотъ оборотъ, я, понимаете, считаю долгомъ, такъ сказать, совѣсти сдѣлать все возможное, чтобы не допустить встрѣчи... совершенно безсмысленной, согласитесь, по вызывающему ее мотиву, а которая можетъ привести между тѣмъ къ какому-нибудь весьма... печальному исходу... Вы согласны, не такъ-ли? съ какимъ-то будто искательствомъ въ тонѣ заключилъ онъ.

Исправникъ, сидя въ-полоборота къ столу и опираясь на него лѣвымъ локтемъ, невозмутимо внималъ этимъ рѣчамъ. Только въ серьезныхъ, нѣсколько какъ бы усталыхъ, глазахъ его пробѣгало что-то не то безпокоившее, не то раздражавшее Свищова...

— Надѣюсь, что сообщеніе мое во всякомъ случаѣ будетъ принято вами въ надлежащемъ смыслѣ и не подастъ повода какому-нибудь истолкованію, могущему набросить тѣнь на мои намѣренія, произнесъ онъ съ выраженіемъ словно оскорбленнаго даже предположеніемъ этой „тѣни“ достоинства.

Исправникъ отдѣлилъ локоть отъ стола, потеръ руки одна о другую и проговорилъ своимъ ровнымъ, негромкимъ голосомъ, съ едва опять уловимою усмѣшкой:

— Мнѣ объ этомъ ужь было извѣстно.

— Какъ извѣстно! вскликнулъ ошеломленный Свищовъ:— когда же вы успѣли...

— Сегодня утромъ я получилъ извѣщеніе...

— У васъ былъ Островетовъ!...

И Свищовъ ударилъ себя ладонью по лбу. „Какъ я не догадался, что онъ непремѣнно отмочитъ эту штуку“! чуть не вслухъ выговорилъ онъ.

— У васъ былъ Островетовъ! повторилъ онъ утвердительно и разражаясь внезапнымъ смѣхомъ.

— Я вамъ этого не говорилъ-съ, а предполагать вы можете, что̀ вамъ угодно, строго отрѣзалъ ему на это въ отвѣтъ исправникъ.

— Ну конечно, хихикнулъ безцеремонно нахалъ,—вы по должности своей обязаны изъ такихъ вещей дѣлать тайны...

Но острый и холодный какъ сталь взглядъ остановившихся на немъ глазъ „майора съ Балканъ“ прервалъ его на полусловѣ. „Съ этимъ человѣкомъ шутки плохи“, сказалось ему внутренно.

Онъ поднялся съ мѣста.

— Вамъ, значитъ, теперь извѣстно все съ обѣихъ, такъ сказать, сторонъ, примолвилъ онъ съ явнымъ, но плохо выходившимъ въ дѣйствительности, намѣреніемъ придать словамъ своимъ шутовской тонъ,—и я могу къ имѣющимся у

васъ свѣдѣніямъ прибавить лишь то,—такъ какъ относительно сего пункта вамъ ничего еще не могло быть доставлено,—что встрѣча между противниками имѣетъ быть завтра, въ восемь часовъ утра, подчеркнулъ онъ,—въ лѣсу, близъ усадьбы деревни Быково, принадлежащей Степану Акимовичу Троженкову, о которомъ вы вѣроятно слышали, если не знакомы лично...

Исправникъ поднялся тоже и кивнулъ подбородкомъ:

— Это теперь безразлично, сказалъ онъ:—я послалъ часа уже два тому назадъ становаго къ графу Снядецкому-Лупандину и къ господину Островетову потребовать отъ нихъ подписки, что они драться не будутъ.

— А!... такъ вы не полагаете сами... или тотъ же становой... выѣхать на мѣсто? пролепеталъ сбитый очевидно съ позиціи Свищовъ.

— Полагаю безполезнымъ: господа эти драться не будутъ, отвѣтилъ на это исправникъ тономъ, презрительный оттѣнокъ котораго не ускользнулъ отъ чуткаго уха „московскаго браво“; его слегка покоробило.

— За симъ мнѣ остается только просить у васъ извиненія за безпокойство, сухо промолвилъ онъ, кланяясь и быстро поворачиваясь на каблукахъ въ сторону двери.

Хозяинъ проводилъ его до порога, сухо поклонился въ свою очередь и вернулся къ своему столу.

Дурное расположеніе Свищова, вызванное не совсѣмъ удачною бесѣдой съ этимъ „Скобелевскимъ ежомъ“, какъ выражался онъ мысленно, продолжалось впрочемъ недолго. Выходя на улицу, онъ уже ухмылялся подъ *зуавскими* усами своими. „Такъ и лучше, пожалуй, вышло“, разсудилъ онъ,—„въ газеты можно будетъ пустить, что дуэль не состоялась по вмѣшательству полиціи, которую извѣстилъ о ней отецъ особы, изъ-за которой должна была произойти она“...

И, совершенно довольный такою своею „комбинаціей“, онъ, весело посвистывая, направился обратно къ станціи желѣзной дороги, сѣлъ въ ожидавшія его тамъ дрожки графа и велѣлъ кучеру ѣхать, но не домой, а въ сторону, въ Троженковское Быково.

XXI.

Владиміръ Христіановичъ Пецъ, управляющій сахарнымъ заводомъ Всесвятскаго, сидѣлъ у себя утромъ въ конторѣ и занимался провѣркой какихъ-то счетовъ, когда пришли ему доложить, что его „кто-то“ спрашиваетъ.

— Кто такой? спросилъ онъ, не отрывая глазъ отъ лежавшаго предъ нимъ листа, исписаннаго цифрами.

— Не знаю-съ, отвѣтилъ вошедшій съ докладомъ молодой малый изъ состоявшихъ въ конторѣ писарей,—фамилію не сказалъ, а только говоритъ, что пришелъ изъ Москвы и желаетъ васъ видѣть.

— Сейчасъ!

И, провѣривъ послѣдніе итоги, Владиміръ Христіановичъ поднялъ глаза и сказалъ:—Проси.

Писарь вышелъ и, проговоривъ „пожалуйте“, пропустилъ въ комнату лицо, совершенно незнакомое управляющему заводомъ, но съ которымъ читатель нашъ встрѣтился недавно у Степана Акимовича Троженкова и котораго мы будемъ продолжать называть тою же фамиліей, подъ которою онъ значился тамъ.

Владиміръ Христіановичъ, не подымаясь съ мѣста, отвѣтилъ наклоненіемъ головы на довольно почтительный поклонъ, которымъ привѣтствовалъ его вошедшій, и вопросительно и молча уставился на него глазами.

Наружный видъ этого „неизвѣстнаго“ не понравился ему на первыхъ порахъ. „Очень ужь онъ невзрачно глядѣлъ и хамовато“... Но Владиміръ Христіановичъ былъ весьма мяг-

кій и „жалостливый“ человѣкъ. „Нужда“! подумалъ онъ тутъ же...

А тотъ заговорилъ между тѣмъ:

— Извините меня, что рѣшился васъ обезпокоить, не имѣя къ тому никакого права, можно сказать... И даже единственно чѣмъ могу въ нѣкоторой степени оправдать себя, такъ это тѣмъ, что отношусь къ вамъ какъ къ человѣку, получившему, мнѣ извѣстно, образованіе въ томъ же заведеніи, гдѣ и я самъ находился.

— Вы технологъ? живо спросилъ Пецъ.

— Былъ имъ дѣйствительно, вздохнулъ ему въ отвѣтъ тотъ.

— Не кончили курса?

Бобруйскій вздохнулъ еще разъ:

— Обстоятельства не дозволили...

Онъ сунулъ руку за бортъ своего поношеннаго пальто, вытащилъ изъ кармана сложенный вчетверо листъ бумаги большаго формата и подалъ ее черезъ столъ Владиміру Христіановичу.

Тотъ развернулъ его и пробѣжалъ глазами.

Это было форменное, за надлежащими подписью и печатью, увольнительное свидѣтельство, выданное начальствомъ заведенія „состоявшему студентомъ третьяго курса технологическаго института, сыну крестьянина, Льву Гурьеву Бобруйскому“, помѣченное однимъ изъ чиселъ августа 1878 года.

— Что же вамъ помѣшало кончить курсъ? вамъ всего годъ оставался! спросилъ участливо Пецъ.

— Голь непролазная и нездоровье, отвѣтилъ съ горечью „технологъ“: — уроженецъ я, изволите видѣть, Воронежской губерніи, гимназію тамъ прошелъ, а затѣмъ куда же!... Къ техническимъ знаніямъ всегда имѣлъ охоту, потащился въ Петербургъ, въ институтъ поступилъ... А средства, сами понимаете, какія у нашего брата! Отецъ прасолъ, какъ у Кольцова поэта, и онъ скривилъ при этомъ губы въ видѣ усмѣшки,—еле концы съ концами сводитъ, семья большая... Думалъ я, само собой, уроками пробиваться, да только, сами знаете, какая теперь конкурренція, особенно если ты еще не *клас-*

сикъ, подчеркнулъ онъ язвительно, — а къ тому ещѐ сталъ я катарромъ горловыхъ связокъ страдать, иной разъ по цѣлымъ мѣсяцамъ безъ голоса сижу, такъ какіе ужь тутъ уроки!.. Три года однако проскрипѣлъ, надѣялся все до выходнаго экзамена продержаться... Не вывезло, и онъ махнулъ рукой безнадежнымъ движеніемъ,—слегъ, тифъ у меня тутъ голодный сдѣлался, пролежалъ въ больницѣ съ полгода...

— Вы теперь откуда же, изъ Петербурга? спросилъ Пецъ, котораго этого разсказъ, дышавшій, казалось ему, несомнѣнною искренностью, заставлялъ забывать неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на него въ первую минуту наружнымъ обликомъ говорившаго.

— Я изъ Петербурга еще прошлою осенью выбылъ, продолжалъ тѣмъ временемъ тотъ,—потому докторъ въ больницѣ сказалъ мнѣ, что тамъ мнѣ и мѣсяца не прожить въ сырости и холодѣ, а чтобъ ѣхать мнѣ немедленно поправляться на родину. Я и послушался, поѣхалъ, прожилъ тамъ по настоящее время, поправился дѣйствительно... А какъ почувствовалъ себя лучше, такъ, знаете, и потянуло опять туда, курсъ кончить, права настоящія получить.

— Ну и что же?..

— Дотащился я до Москвы... Знакомый тамъ у меня есть одинъ изъ нашихъ воронежскихъ, думалъ у него малую толику добыть на проѣздъ въ Питеръ. Вдругъ узнаю: въ Царя стрѣляли! — Бобруйскій даже вздрогнулъ. — Я, знаете, въ ужасъ пришелъ... Потому, извѣстно, какъ бы счелъ онъ нужнымъ объяснить,—первое дѣло, въ подобныхъ случаяхъ подвергается подозрѣнію вся учащаяся молодежь; винная она или невинная,—полиція все одно преслѣдуетъ, на шеѣ, почитай, сидитъ... И въ самой молодежи, надо такъ сказать, отъ этого самаго неудовольствіе и ропотъ... а какъ если ты не раздѣляешь ея мнѣній...

Онъ оборвалъ, будто застыдясь прорвавшейся у него откровенности.

— Не вся же однако молодежь, я полагаю, замѣтилъ тихо Владиміръ Христіановичъ, — придерживается крайнихъ мнѣній.

„Бывшій студентъ“ словно ужасно обрадовался этимъ словамъ.

— Не вся, это вы совершенно справедливо говорите, далеко не вся! вскликнулъ онъ, но тутъ же вздохнулъ и прибавилъ:—только вѣдь, сами знаете, противъ рожна не прать. Общій тонъ ужь такой: не либеральный человѣкъ въ глазахъ товарищей все равно, что̀ шпіонъ и подлецъ: говорить съ тобой перестанутъ, а не то и публично обругаютъ послѣдними словами... А съ моимъ характеромъ этого не выдержать, самъ я обругаю... Не то, что другіе, что̀ въ душѣ такъ же, какъ и и я, протестуютъ противъ... противъ этого *больнаго* теченія мыслей, проговорилъ онъ напирая, какъ бы очень довольный подвернувшемуся ему на языкъ подходящему выраженію.

Владиміръ Христіановичъ внималъ ему, одобрительно покачивая головой. Онъ самъ былъ въ свое время въ числѣ этой учащейся молодежи, зналъ ея нравы и тотъ ложный стыдъ, который большинству изъ нея препятствуетъ открыто и отважно заявлять свое личное, независимое мнѣніе наперекоръ дѣйствительно „больному теченію мыслей“, навязываемому ей ничтожнымъ по большей части, но обладающимъ дерзостью и глоткой меньшинствомъ.

— Знавъ все это, продолжалъ Бобруйскій,—да еще какъ я въ разсчетѣ своемъ на полученіе денегъ нѣсколько ошибся, меня, знаете, и взяло раздумье; слова Писанія припомнились: *удались отъ зла и сотвори благо.* Въ Петербургъ попасть теперь, прямо въ жерло значитъ... Да и къ тому же, говорю, не съ чѣмъ. Тутъ я и разсудилъ окончательно поискать себѣ занятія какого-нибудь по технической части, чтобы, знаете, хоть и на самой небольшой должности, да пожить въ спокойствіи, пока все это смятеніе пройдетъ, и чтобы сколотить себѣ грошъ ко грошу хоть небольшія средства для поступленія опять, чрезъ годъ что-ли или даже позднѣе, въ институтъ, курсъ кончить.

Все это носило опять въ сознаніи „души-человѣка“ Пеца, какъ называлъ его Николай Ивановичъ Θирсовъ, печать „такой задушевности“, что онъ чувствовалъ себя все болѣе и болѣе расположеннымъ принять участіе въ этомъ, такъ мало

возбудившемъ въ немъ къ себѣ на первыхъ порахъ сочувствія, „несчастномъ“ человѣкѣ.

— Кто васъ къ намъ сюда направилъ? спросилъ онъ.

— Случай. Ѣхалъ со мной изъ Москвы какой-то коммиссіонеръ что-ли; такъ онъ тутъ разсказывалъ въ вагонѣ, положенія ваши здѣшнія хвалилъ очень... Я и вздумалъ на счастье: можетъ, найдется какое-нибудь мѣстечишко... Онъ мнѣ, этотъ человѣкъ, про васъ очень даже сочувственно отзывался, примолвилъ Бобруйскій, скорчивъ какую-то особенную, не то заискивающую, не то пренебрежительную улыбку: ты, молъ, не думай во всякомъ случаѣ, что это я изъ подлости:—„свое“, говоритъ, „дѣло насквозь знаетъ и жить подъ его началомъ людямъ хорошо“... Я и рѣшился окончательно, особенно узнавъ отъ него, что вы тоже изъ Технологическаго.

— Позвольте эти добрыя слова, усмѣхнулся Владиміръ Христіановичъ,—отнести по ихъ настоящему адресу: я творю лишь волю поставившаго меня. У насъ, дѣйствительно, людямъ жить хорошо, могу это прямо сказать, но все это прямо же исходитъ отъ того, кому мы здѣсь всѣ служимъ. Борисъ Васильевичъ Троекуровъ, которому принадлежитъ имѣніе это и заводъ, превосходный человѣкъ въ полномъ объемѣ этого слова, примолвилъ онъ съ какою-то растроганною нотой въ голосѣ.

— Слышалъ, какже: этотъ ѣхавшій со мной человѣкъ не находилъ даже словъ достаточно прославлять его. Видно дѣйствительно изъ ряда вонъ выходящій господинъ, выговорилъ тотъ самымъ убѣжденнымъ тономъ.

Владиміръ Христіановичъ былъ окончательно заполоненъ этимъ сочувственнымъ отзывомъ о его патронѣ.

— Я долженъ предварить васъ, началъ онъ раздумчиво,— что отъ насъ люди отходятъ рѣдко, и подходящаго для васъ занятія собственно по заводу я въ настоящую минуту не могу вамъ предложить никакого, тѣмъ болѣе, что, извините меня за откровенность, теоретическія познанія, которыя пріобрѣтаются нами вообще въ Технологическомъ институтѣ, равняются, къ сожалѣнію, нулю, какъ только принимаемся мы за какое-нибудь спеціальное дѣло. Тутъ-съ, у насъ, требуется просто

навыкъ, вниманіе и аккуратность. При всемъ моемъ желаніи, хотя бы и имѣлась у меня свободная по заводу должность, я могъ бы предоставить вамъ ее лишь послѣ полнаго ознакомленія вашего съ процессомъ нашего производства, а для этого не недѣля и не мѣсяцъ нужны... А вотъ что-съ могу предложить вамъ: у меня письмоводитель, очень хорошій молодой человѣкъ изъ нашихъ здѣшнихъ крестьянъ, призванъ отбывать воинскую повинность и долженъ былъ покинуть насъ по этому случаю. Такъ вотъ если хотите... Тридцать рублей въ мѣсяцъ, къ Рождеству и Пасхѣ наградныя *по заслугѣ*, подчеркнулъ онъ, усмѣхаясь,—хорошая, свѣтлая комната съ бѣльемъ, обѣдъ общій для всѣхъ конторскихъ... Сыты будете, провизія у насъ хорошая и кухарка мастерица своего дѣла, засмѣялся уже и совсѣмъ добрякъ.

Лицо „технолога“ словно все расплылось отъ умиленія.

— Помилуйте, пробормоталъ онъ прерывающимся какъ бы отъ нежданной радости голосомъ,—да я и не на такое положеніе готовъ бы былъ съ восторгомъ... Постараюсь оправдать ваше довѣріе. Пишу я грамотно, могу прямо сказать, а за неопытность на первыхъ шагахъ простите; пригляжусь, не хуже другаго орудовать стану, надѣюсь.

— И приглядываться-то долго не придется, возразилъ на это весело Пецъ,—не хитромудрая канцелярщина... А только вотъ что-съ: я принять васъ готовъ и, какъ это мнѣ предоставлено Борисомъ Васильевичемъ, имѣю полную на то власть, такъ какъ за подвѣдомыхъ мнѣ лицъ отвѣчаю я, а слѣдовательно право выбора ихъ и увольненія должно натурально принадлежать мнѣ. Но у меня ужь такъ положено, что я никого не назначаю и не смѣщаю, не предваривъ о томъ сперва моего генерала. А потому ужь вы мнѣ позвольте сходить къ нему... Мнѣ же къ нему и нужно кстати.

И Пецъ, собравъ лежавшіе предъ нимъ на столѣ листки счетовъ, вложилъ ихъ въ большой конвертъ и поднялся съ мѣста.—А вы меня тутъ подождите... Не проголодались-ли вы съ дороги, заморить червяка не хотите-ли?...

— Если будетъ на то милость ваша, будто смущенно промолвилъ Бобруйскій:—я, знаете, со вчерашняго вечера, кромѣ

стакана чаю, ничего... притомъ со станціи пѣшкомъ, отощалъ дѣйствительно нѣсколько.

— Сейчасъ, сейчасъ! засуетился Владиміръ Христіановичъ:—пойдемте со мной.

Онъ отворилъ дверь, позвалъ сидѣвшаго тамъ молодаго писаря, докладывавшаго ему о посѣтителѣ:—отведи ихъ сейчасъ, голубчикъ, въ столовую, поспѣшилъ онъ закомандовать, — и вели тамъ подать, что̀ есть, позавтракать... Я къ генералу и чрезъ полчаса назадъ буду. До свиданія, Левъ Гурьевичъ!

И онъ, быстро шагая, направился ближайшимъ путемъ, то-есть черезъ садъ, въ домъ своего „генерала“.

Борисъ Васильевичъ сидѣлъ за большимъ столомъ въ своей библіотекѣ и выписывалъ карандашемъ на бумажкѣ какія-то статистическія цифры изъ лежавшей предъ нимъ книги. Онъ тотчасъ же отложилъ свое занятіе, увидавъ входившаго, и ласково привѣтствовалъ его.

— Балансъ за прошлый мѣсяцъ, сказалъ Пецъ, кладя на столъ принесенный имъ конвертъ.

— Хорошо-съ. Ничего болѣе, Владиміръ Христіановичъ? спросилъ Троекуровъ, которому хотѣлось скорѣе возвратиться къ своему дѣлу.

Пецъ замѣтилъ это и поспѣшилъ заговорить:

— На мѣсто нашего Алексѣя Пѣвцова, письмоводителя, явился тутъ ко мнѣ одинъ бывшій студентъ-технологъ, такъ я хотѣлъ доложить вашему превосходительству...

— А развѣ изъ нашихъ молодыхъ людей некого вамъ назначить? прервалъ Борисъ Васильевичъ съ нѣкоторомъ изумленіемъ.

— Соловцова бы можно было, или Безпятаго, да они, какъ и Пѣвцовъ, подлежатъ повинности; назначишь, а его тутъ чрезъ мѣсяцъ въ присутствіе потребуютъ...

— Да, это такъ... А этотъ что̀ же, „технологъ“ вы говорите? Какъ же онъ на такую мелкую, писарскую должность итти хочетъ?... Вѣдъ у нихъ всегда претензіи большія...

— Нѣтъ-съ!

И управляющій передалъ о плачевной одиссеѣ явившагося

къ нему за мѣстомъ.—Толковый и здравый понятіями, повидимому, человѣкъ, заключилъ онъ.

Троекуровъ неопредѣленно качнулъ головой:

— Что же, если онъ на васъ хорошее впечатлѣніе производитъ...

Владиміру Христіановичу сдѣлалось вдругъ какъ бы чего-то страшно; ему вспомнилось, что „впечатлѣніе“, произведенное на него въ первую минуту этимъ явившимся къ нему „съ вѣтра“ незнакомцемъ, было именно *не хорошее*, и что онъ только потомъ, подкупленный разсказомъ его о бѣдственности своего положенія, подавилъ въ себѣ это впечатлѣніе... Онъ хотѣлъ сказать объ этомъ, „оговориться на всякій случай“... Но въ эту минуту дверь изъ кабинета отворилась, и на порогѣ ея показалась Александра Павловна.

— Ты занятъ, Борисъ?... Ахъ, здравствуйте, Владиміръ Христіановичъ, молвила она, входя и подавая этому руку.

— Нѣтъ, мы кончили, сказалъ ей мужъ:—тебѣ нужно переговорить со мной?

— Да, я хотѣла...

Онъ обернулся къ Пецу:

— Такъ вы, пожалуйста, распорядитесь насчетъ этого, какъ вы знаете; мнѣ въ выборъ чиновниковъ вашей государственной канцеляріи, шутливо сказалъ онъ,—вмѣшиваться даже не прилично какъ-то.

Пецъ поклонился и вышелъ съ неуспокоившеюся смутой въ мысляхъ. До сихъ поръ „чиновники его государственной канцеляріи“ были все *туземцы*, крестьянскіе юноши, бывшіе воспитанники пріятеля его, Молоткова, главнаго руководителя школы во Всесвятскомъ, за добронамѣренность каждаго изъ которыхъ могли отвѣтить и этотъ воспитатель ихъ, и самъ онъ, какъ за свою собственную. А тутъ онъ въ первый разъ беретъ подъ ближайшее себѣ начало человѣка, совершенно чужаго,—„съ вѣтра, съ вѣтра“, проносилось у него опять въ мозгу,—и притомъ вполнѣ зрѣлаго, даже не молодаго сравнительно съ его „безусою командой“, у котораго слѣдовательно сложились насчетъ всего вполнѣ опредѣленныя понятія, и съ ними, пожалуй, еще считаться придется... „Да нѣтъ, онъ,

кажется, въ самомъ дѣлѣ человѣкъ хорошій, добрыхъ правилъ, хотя съ виду дѣйствительно на дикообраза смахиваетъ", старался доказать себѣ добрякъ, возвращаясь въ конторскую столовую, въ которой будущій его письмоводитель жадно доѣдалъ поданный ему большой кусокъ мяса и запивалъ его квасомъ изъ объемистаго деревяннаго жбана.

Но прорывавшаяся въ чертахъ управляющаго озабоченность не ускользнула отъ зорко направившихся на него глазныхъ щелокъ „технолога". Онъ поспѣшно всталъ со стула, утеръ усы верхомъ руки и проговорилъ глухо и тревожно:

— Отказъ получили?

— Отчего вы думаете? живо возразилъ на это Пецъ и даже покраснѣлъ чуть-чуть:—генералъ, какъ всегда, предоставилъ моему усмотрѣнію, и я принимаю васъ... на свой страхъ, подчеркнулъ онъ какъ бы невольно.

— Постараюсь заслужить, повѣрьте!.. Кусокъ хлѣба дали... залепеталъ дрожавшимъ голосомъ, словно не находя словъ для выраженія своей благодарности, тотъ.

„Несчастный!" подумалъ опять Владиміръ Христіановичъ, „можетъ быть, дѣйствительно пропалъ бы иначе"...

— Пойдемте, я вамъ комнату вашу покажу, можете сейчасъ же поселиться.

Бобруйскій, торопливо и неловко поклонившись, затопоталъ, идя ему вслѣдъ, своими грубыми, забрызганными грязью сапогами.

XXII.

Оставшись одна съ мужемъ, Александра Павловна поглядѣла, слегка сожмурившись, на дверь, изъ которой только-что вышелъ Владиміръ Христіановичъ, какъ бы съ тѣмъ, чтобъ увѣриться, что онъ заперъ ее за собой, и обернулась затѣмъ къ Троекурову:

— Можно говорить, Борисъ?

— Конечно, другъ мой, что̀ такое? поспѣшно отвѣтилъ онъ, въ свою очередь глядя на нее вопросительно.

— Я хотѣла... насчетъ Маши, начала она съ замѣтною робостью.

— Насчетъ Маши? повторилъ онъ уже съ тревогой въ голосѣ.

— Да... и Гриши, добавила глухо Александра Павловна.

— А!.. Что̀ же? спросилъ онъ, зная впрочемъ заранѣе, о чемъ именно хочетъ говорить она.

Она подняла на него свои, все такъ же еще прекрасные, съ ихъ строгою вдумчивостью выраженія, глаза и слегка вздохнула:

— Мы говорили съ тобой объ этомъ въ прошломъ году... Ты тогда очень перемѣнилъ твое мнѣніе о Гришѣ, послѣ этого его несчастнаго amour mal placé къ mademoiselle Буйносовъ...

— Ну да, съ какимъ-то болѣзненнымъ оживленіемъ прервалъ ее Борисъ Васильевичъ, — и ты со мной согласилась тогда... Дѣло не въ амурѣ, безъ этого не обойтись никому въ молодости, а Гриша къ тому же гораздо моложе своихъ

лѣтъ,—даже не въ предметѣ его страсти, а въ безхарактерности, въ *тряпичности*, которую онъ показалъ тутъ...

— Она не хорошая, Борисъ, испорченная, она его нарочно съ ума сводила, привлекала, чтобъ отвлечь его отъ насъ, она нашъ домъ терпѣть не могла и рада была возможности сдѣлать что-нибудь для насъ непріятное, она знала, что мы любимъ Гришу какъ роднаго, и что намъ будетъ больно видѣть...

Борисъ Васильевичъ перебилъ еще разъ:

— А онъ, зная все это лучше, чѣмъ она, давалъ себя прельщать и водить за носъ, играть собой какъ мальчишкой такой барынѣ, какъ эта, у которой изъ-подъ красоты живаго существа такъ и дышетъ духовною мертвечиной и гнилью? И онъ ничего этого не видѣлъ, не чуялъ, разобрать не могъ, игралъ у нея не стыдясь роль d'amoureux transi... Развѣ такого мужа достойна наша Маша!...

И онъ досадливо вздернулъ плечи вверхъ.

— Ахъ, Борисъ, тоскливо промолвила Александра Павловна:—дурныя женщины, къ несчастію, умѣютъ всегда губить мущинъ, даже самыхъ лучшихъ.

Онъ внезапно смутился, воззрился въ нее быстрымъ, полнымъ тревоги и какой-то острой муки взглядомъ... Но онъ ошибся: она сказала это безъ задней мысли, не намекомъ; да и была-ли бы способна на *намекъ* эта „голубиная душа?“ подумалось ему тутъ же;—у нея просто вырвалось изъ устъ невинное общее мѣсто, truизмъ прописной сентенціи... Но въ душевномъ сознаніи ея мужа воспрянула опять при этомъ память прошлаго, живое представленіе тѣхъ дней, когда и онъ шелъ на такую „гибель“, уносимый водоворотомъ безсмысленной страсти...

— И не дурныя губятъ, глухо проговорилъ онъ,—поддайся только человѣкъ на искушеніе...

Онъ еще разъ пристально вперилъ глаза на свѣтлый съ тихою озабоченностью въ чертахъ обликъ жены... Вѣки его судорожно моргнули:

— Ты это сама по опыту знаешь, Саша... Неужели не боишься ты того же для твоей дочери?...

Она поблѣднѣла вся вдругъ, вскинула въ свою очередь съ

выраженіемъ чуть не испуга глаза на мужа... Въ первый разъ послѣ шестнадцати лѣтъ, послѣ той ночи, когда онъ, раненый, въ томъ жидовскомъ мѣстечкѣ Царства Польскаго, просилъ ее „простить ему", напоминалъ онъ ей о прошломъ, о томъ близкомъ ей и роковомъ существѣ, съ *ея* русалочьими зелеными глазами, исчезнувшемъ навсегда подъ мрачными сводами католическаго монастыря, которое дѣйствительно чуть не на вѣкъ погубило ея счастье...

— Борисъ, къ чему ты это вспомнилъ! вскликнула она тревожно,—все это давно минуло... Ты настрадался тогда еще болѣе, чѣмъ я...

Его точно что-то вдругъ подхватило, понесло... Онъ схватилъ руки жены, прижимаясь къ ихъ ладонямъ горячими устами:

— Ты—ангелъ, другъ мой, ты—вся любовь и прощенье... Но такова-ли Маша, простила-ли бы она въ подобномъ случаѣ, пронесла-ли бы она, какъ ты, сквозь испытанія свою чистоту душевную?

— Маша, повторила Александра Павловна и задумалась,— Маша въ тебя, Борисъ, промолвила она чрезъ мигъ съ тихою улыбкой:—она будетъ всегда *голова* dans son ménage.

Троекуровъ утвердительно кивнулъ:

— Да, она сильна духомъ, она знаетъ, чего хочетъ... Но есть-ли это залогъ счастья для нея — и, напротивъ, не будетъ-ли для нея вѣчный источникъ душевной тоски въ томъ, что будетъ она сознавать вѣчно превосходство свое надъ мужемъ?

— Ахъ, не знаю, Борисъ, тоскливо проговорила Александра Павловна,—я была бы *несчастная*, если бы со мною такъ было... Но она знаетъ, какой онъ, и все-таки любитъ его.

— Гришу? произнесъ машинально Борисъ Васильевичъ:— она тебѣ говорила?

— Нѣтъ, но я чувствую... Я впрочемъ ошибаюсь, можетъ быть: она привыкла къ нему съ дѣтства, какъ къ брату, какъ къ Васѣ... Но мнѣ кажется... я вчера съ той минуты, какъ онъ вернулся, наблюдала за нею и потомъ спрашивала.

Она передала разговоръ съ дочерью наканунѣ вечера.

— Ты умнѣе меня, Борисъ, заключила она,—разсуди самъ, какъ это понимать. Какъ ты скажешь, такъ и надо будетъ дѣйствовать.

— Ахъ, пожалуйста, не говори ты мнѣ про мой умъ! какимъ-то пылкимъ взрывомъ вырвалось на это нежданно въ отвѣтъ у Троекурова:—у насъ, кажется, съ тобою до сихъ поръ существуетъ какое-то недоразумѣніе на этотъ счетъ. Умъ мой гроша не стоитъ сравнительно съ тѣмъ, что подсказываетъ тебѣ инстинктъ твоего сердца. Его будемъ слушаться, а не того, чего въ силахъ я достигнуть холоднымъ соображеніемъ разсудка... Ты пойми это, другъ мой, пойми, и вѣрь въ себя больше, какъ я въ тебя вѣрю! заключилъ онъ, завладѣвая опять ея нѣжными руками и глядя любовно въ самую глубь ея вишневыхъ зрачковъ.

Все ея лицо зардѣлось румянцемъ: на рѣсницахъ заискрились блестки слезъ... Она высвободила свои руки и закинула ихъ за шею мужа:

— Борисъ, милый мой!..

Она чувствовала: это было нежданное, внезапное разрѣшеніе того чего-то, что стояло между ними въ теченіе стольких лѣтъ, колючаго, необъясненнаго... Ледъ прорвался, и свободная волна довѣрія и счастья охватывала ихъ обоихъ теперь въ свои живительныя объятія.

— Умъ, все умъ, повторялъ Троекуровъ, выговаривая вслухъ наплывавшія къ нему въ голову спѣшно и безпорядочно мысли,—безплодныя потуги времени, потерявшаго вѣру во все иное... И въ которомъ именно менѣе всего видно этого ума, которому всѣмъ жертвуется, горько улыбнулся онъ.—Старая вѣчная правда не изъ ума вышла, а изъ того вотъ, что ты душой своей понимаешь...

Онъ въ свою очередь ухватилъ голову жены обѣими руками, приникъ къ ея лбу крѣпкимъ поцѣлуемъ, всталъ, словно пріободренный весь, *отряхнувшійся* отъ какого-то тяжкаго, назойливаго бремени, отягощавшаго его.

— Ты права, заговорилъ онъ снова, расхаживая по комнатѣ:—Маша жизнью своей съ самаго дѣтства приготовлена

къ тому, чтобы любить его, да и мы сами съ тобою видѣли въ немъ давно будущаго ей мужа. Не опрометчивы-ли мы были въ этомъ случаѣ, не знаю...

— Онъ все же добрый, благородный, честный, Борисъ, поспѣшила сказать Александра Павловна,—и любитъ насъ, особенно тебя, avec fanatisme...

— Да, и я знаю, что по крайней мѣрѣ то, что̀ создано мною здѣсь, во Всесвятскомъ, я могу передать ему послѣ моей смерти съ полною увѣренностію, что онъ будетъ продолжать его, какъ говорится, свято и ненарушимо, между тѣмъ какъ Вася...

Онъ не договорилъ и, сжавъ какъ бы болѣзненно брови, уставился взглядомъ куда-то въ окно.

— О Васѣ я хочу съ тобой особо какъ-нибудь переговорить, а теперь вотъ что̀: я первая, какъ ты видишь, je tiens à Гриша, сказала Троекурова,—но я такъ же очень хорошо понимаю его недостатки... И опять то еще, что Маша, кромѣ него, никакого молодаго человѣка, можно сказать, не видѣла, она своего сердца еще не испытала... Не думаю, признаться, но она можетъ какъ-нибудь встрѣтиться съ другимъ, который ей больше понравится.

— Не въ родѣ-ли этого пѣвца, который у насъ былъ вчера съ гитарой? засмѣялся на это Борисъ Васильевичъ.

Засмѣялась и Александра Павловна:

— Нѣтъ, Маша a trop bon goût pour cela...

— Или этотъ другой вербный херувимъ изъ петербургскаго департамента, продолжалъ шутить онъ,—который рапортовалъ намъ вчера обо всѣхъ Александровскихъ кавалерахъ, состоящихъ въ числѣ его знакомыхъ?

— Ну, этотъ и не думаетъ, кажется...

Троекуровъ иронически усмѣхнулся:

— Надѣюсь во всякомъ случаѣ, что ни одинъ изъ нихъ не рѣшится явиться къ тебѣ или ко мнѣ просить ея руки.

— Ужь конечно Маша не дастъ ни одному изъ нихъ повода надѣяться... Но я говорю, Борисъ, не о такихъ, которые, само собой, не могутъ быть для Маши des partis sérieux, а о томъ, что, мнѣ кажется, для того, чтобъ у насъ съ тобой

на совѣсти ничего не оставалось, надо было бы дать ей случай видѣть другихъ молодыхъ людей, *настоящихъ*, какъ-то наивно-забавно подчеркнула Александра Павловна,— хотя бы для того, чтобъ она могла провѣрить, насколько дѣйствительно серіозно нравится ей Гриша.

Какая-то тѣнь пробѣжала на мигъ по лицу Троекурова:

— Она заграницей имѣла случай видѣть такихъ.

— Иностранцевъ?.. Боже сохрани ее и насъ отъ нихъ!..

— Нѣтъ, и Русскихъ, *настоящихъ*, подчеркнулъ онъ насмѣшливо въ свою очередь, — изъ самой петербургской fleur des poix.

— Она, когда вы вернулись, называла мнѣ многихъ изъ нихъ, которыхъ вы видѣли въ Италіи и въ Парижѣ, но ни одинъ изъ нихъ не произвелъ на нее впечатлѣнія, я это знаю.

— Вотъ видишь!

— Да, но вѣдь не всѣхъ же она тамъ видѣла. Борисъ, которые въ Россіи есть?

Онъ не могъ не засмѣяться опять:

— Совершенно справедливо, и намъ поэтому остается съ тобой потребовать со всей Имперіи жениховъ на смотръ нашей дочери, какъ это водилось встарь относительно невѣстъ для русскихъ царей.

— Этотъ легкій, насмѣшливый тонъ отозвался какимъ-то особенно радостнымъ ощущеніемъ въ душѣ Александры Павловны. Онъ напоминалъ ей тѣ первые, счастливые дни ея супружества, когда она съ такимъ блаженнымъ покорствомъ преклонялась предъ умственнымъ превосходствомъ мужа и нетерпѣливо ожидала и радостно старалась давать ему случай „подразнить ее“...

— Ты хоть и царь во Всесвятскомъ et autres lieux, Борисъ, весело возразила она ему,—но власть твоя на всю Россію еще не простирается, да и къ чему же собирать, когда ихъ можно такъ увидѣть.

— Жениховъ? Гдѣ же это?

— Въ Москвѣ, напримѣръ...

— Какіе же тамъ женихи, студенты?

— Ну въ Петербургѣ...

— Ты бы хотѣла въ Петербургъ ѣхать? воскликнулъ онъ изумленно.

— Я! не то испуганнымъ, не то негодующимъ тономъ отвѣтила она:—ужь конечно, если бы какое-нибудь несчастіе заставило меня покинуть наше гнѣздо здѣсь, я бы менѣе всего подумала переѣхать туда. Я бы тамъ просто жить не могла, не умѣла, я такъ отвыкла отъ толпы, отъ свѣта... И я съ ужасомъ думаю, если-бъ намъ пришлось туда ѣхать на одну зиму... Но я думаю опять, чтобы Маша потомъ не могла насъ внутренно упрекнуть, что мы не дали ей возможности видѣть, выбрать...

— Кого, изъ какого міра выбирать тамъ? съ замѣтнымъ волненіемъ, принимаясь опять ходить по комнатѣ, заговорилъ Борисъ Васильевичъ:—изъ флигель-адъютантовъ или церемоніймейстеровъ что-ли? Тамъ другаго сорта людей нѣтъ въ *нашемъ* обществѣ... Они съ дѣтства ни къ чему иному не готовятся. Старыя имена, дворяне, владѣльцы еще чуть не цѣлыхъ уѣздовъ—и ничего, кромѣ холопства, подвоховъ другъ подъ друга, лакейской интриги, ни у кого у нихъ въ предметѣ нѣтъ! Мятутся, добываютъ всякими низостями чины и кресты, о которыхъ тутъ же отзываются съ „либеральнымъ“ презрѣніемъ, вымаливаютъ какъ нищіе, если не крадутъ, деньги у безсмысленно тароватой казны и тратятъ ихъ такъ же безсмысленно, какъ она, на роскошь безъ пользы, безъ величія и безъ вкуса... И никому изъ этихъ набитыхъ вѣтромъ головъ, изъ этихъ холопствующихъ soi disant „grands seigneurs“ не втемяшешь въ голову, что ему мѣсто не тамъ, не въ дворцовыхъ и министерскихъ передняхъ, а у себя въ имѣніи, среди народа, на почвѣ той земли, которая одна можетъ дать ему и силу, и значеніе, и уваженіе, въ которомъ ему по всей справедливости отказываетъ теперь Россія... А они еще, безмозглые, въ своемъ клубѣ о конституціи теперь толкуютъ!.. Ахъ, да что тутъ говорить! раздраженно оборвалъ вдругъ Троекуровъ и махнулъ рукой какимъ-то безнадежнымъ движеніемъ.

— Неужели всѣ такіе, всѣ? печально выговорила Але-

ксандра Павловна; — но вѣдь еще недавно какъ-то говорили у насъ, что въ послѣднее время многіе уже, особенно между молодыми людьми, переѣзжаютъ жить изъ столицъ къ себѣ въ имѣнія, и у насъ въ губерніи много даже такихъ.

— Да, кое-гдѣ дѣйствительно являются такіе... *піонеры*,— но отъ того-ли, что пробудился у нихъ здравый смыслъ, или просто потому, что имъ въ Петербургѣ нечѣмъ болѣе жить мнѣ до сихъ поръ не извѣстно.

— А я думаю, именно потому, что тамъ начинаютъ понимать теперь то, что̀ ты понялъ давно.

— Если такъ, усмѣхнулся онъ опять, то, я полагаю, намъ нечего съ Машей искать тамъ тѣхъ, которые этого *еще* не понимаютъ.

Александра Павловна задумалась:

— Я тебѣ говорила... я думала, pour l'acquit de notre conscience, чтобъ она была не въ правѣ упрекнуть насъ потомъ...

Борисъ Васильевичъ остановился на-ходу. Глаза его усиленно заморгали: обычный у него признакъ помысла, тревожившаго его въ данную минуту:

— Ты боишься, она можетъ пожалѣть впослѣдствіи... не договорилъ онъ.

Она поняла, задумалась на мигъ опять:

— Нѣтъ, разъ полюбитъ Маша, она сожалѣть не станетъ, и бояться ей нечего. Гриша не такой человѣкъ, чтобъ уйти когда-нибудь изъ-подъ ея вліянія: онъ будетъ любить и вѣрить въ нее до смерти.

— Что̀ же, слегка вздохнулъ Троекуровъ,—довѣримся ея инстинкту... А что онъ будетъ у нея подъ башмакомъ, это вѣрно, усмѣхнулся онъ тутъ же съ невольно прорвавшимся выраженіемъ какой-то презрительности въ тонѣ.

— Что̀ же дѣлать, Борисъ, печально проговорила на это Александра Павловна, — когда у насъ теперь у однѣхъ женщинъ остался характеръ.

— У однѣхъ женщинъ, да!.. уныло повторилъ онъ. Маша умна, началъ онъ опять чрезъ мигъ,—она во всякомъ случаѣ приглядываться станетъ къ нему, не рѣшится сразу. Они почти

годъ не видались, она тогда была еще ребенокъ, и онъ для нея чуть не новый человѣкъ...

Онъ какъ-то разомъ оборвалъ и замолкъ. Александра Павловна вскинула на него на мигъ глаза и тотчасъ же опустила ихъ...

— Я ожидала, что ты такъ рѣшишь, Борисъ, сказала она послѣ долгаго молчанія,—а теперь мнѣ вдругъ страшно сдѣлалось.

— Страшно?

— Да; будетъ-ли тутъ, дѣйствительно, счастье?..

Борисъ Васильевичъ нервно передернулъ плечами:

— Что ей придется стоять на-сторожѣ его, это болѣе чѣмъ вѣроятно; но для такой натуры, какъ Маша, это, можетъ быть, и нужно... Помнишь у Лермонтова:

А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Б. М. МАРКЕВИЧЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Б. М. МАРКЕВИЧА.

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія (бывшая) А. М. Котомина, Фонтанка, д. № 93.
1885.

Содержаніе

ДЕСЯТАГО ТОМА:

	стран.
Бездна. (Часть третья)	1—283.

БЕЗДНА.

БЕЗДНА.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРІЯ.

Посвящается Еленѣ Сергѣевнѣ Рахмановой.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

C'est moins l'amitié qui assemble les gens d'aujourd'hui que la sympathie des haines communes.
G. Droz.

I.

...Car les destins et les flots sont changeants.
Béranger.

Часу въ одиннадцатомъ утра, свѣтлымъ, теплымъ днемъ, въ половинѣ мая, старая дребезжавшая, очевидно извощичья коляска вкатилась подъ въѣздныя ворота давно знакомаго нашему читателю Сицкаго *). Все тотъ же грубо отесанный левъ разѣвалъ надъ ними свою каменную пасть, но на позолоченной мѣдной доскѣ, на которую опирались его лапы, вмѣсто бывшаго историческаго герба князей Шастуновыхъ, красовались теперь двѣ вычурно переплетенныя главныя буквы имени теперешняго его владѣльца: П. и С. За то прежняя чугунная *дрекольемъ* рѣшетка замѣнена была новою, не отличавшеюся особеннымъ вкусомъ, но блестѣвшею такою же позолотой по изгибамъ и выпуклостямъ фантастическаго своего рисунка. Выступавшій за нею массивный домъ, съ его ши-

*) См. *Четверть Вѣка Назадъ*. Глава II.

рокимъ, опиравшимся на тяжелыя колонны балкономъ и висячими галлереями, соединявшими его съ длинными параллелограмами стоявшихъ о-бокъ его флигелей, блестѣли подъ солнцемъ, словно только-что вымытые, въ своей свѣжей съ глянцевитымъ отливомъ свѣтло-сѣрой краскѣ. Прежніе каменные сплошные парапеты галлерей замѣнены были рѣшетками одного рисунка съ рѣшеткой льва, и надъ каждымъ изъ пересѣкавшихъ ихъ поставовъ сѣроватаго мрамора возносилась высѣченная изъ такого же мрамора ваза полная цвѣтовъ. Ярко горѣвшій невысокій куполъ съ крестомъ виднѣлся на правомъ флигелѣ, надъ церковью, которую устроила покойная княгиня Аглая Константиновна Шастунова въ память дочери, на мѣстѣ той самой залы бывшаго театра, гдѣ нѣкогда княжна Лина, въ образѣ Офеліи, промелькнула на мигъ падучею звѣздой... Провъ Ефремовичъ Сусальцевъ стремился очевидно обратить мѣсто своего жительства въ нѣкую царскую резиденцію.

Но этотъ возобновленный видъ старой барской усадьбы вызвалъ далеко не отвѣчавшее ожиданіямъ ея новаго владѣльца впечатлѣніе на молодую, замѣчательно красивую барыню въ щегольскомъ costume de voyage, съ опущенною до рта синею вуалеткой и въ маленькой круглой шляпѣ, сидѣвшую въ коляскѣ рядомъ со скромною, но тоже не безъ извѣстнаго щегольства одѣтою дѣвочкой лѣтъ шестнадцати, горничною своею. Барыня возвращалась изъ Италіи, и на глаза ея, пріобыкшіе къ чудесамъ тамошняго искусства, все это золото и глянецъ отзывались крайнею безвкусицей.

— Купецъ такъ и виденъ! презрительно уронила она сквозь зубы.

Спутница ея, будто очень обрадованная, одобрительно закивала головой и засмѣялась нѣмымъ смѣхомъ, широко раскрывая свои алыя губы.

Коляска между тѣмъ, обогнувъ большую раскинутую посередь двора клумбу, усаженную сплошь кустами высаженныхъ изъ оранжереи розъ въ цвѣту, подкатила на двухъ тощихъ извощичьихъ клячахъ къ подъѣзду дома.

На грохотъ ея выбѣжалъ изъ-за большихъ стеклянныхъ

дверей, ведшихъ въ сѣни, молодой парень, остриженный въ скобку, въ безукоризненно чистой бѣлой рубахѣ, подпоясанной краснымъ снуркомъ надъ нестрядевыми панталошками, всунутыми въ сапоги.

— Европейскія претензіи—и прислуга изъ трактира! произнесла какъ бы про себя опять, но совершенно громко пріѣзжая дама, насмѣшливо окидывая его чуть-чуть прижмурившимися глазами.—Провъ Ефремовичъ дома? спросила она.

— Въ поля, съ часъ времени будетъ, выѣхали... А вамъ что̀ требуется, сударыня?

— *Требуется* прежде всего, чтобы ты зналъ, что надо высаживать дамъ, когда онѣ дѣлаютъ честь пріѣзжать къ твоему господину, отрѣзала она ему въ отвѣтъ, приподымаясь въ колескѣ:—не учили тебя, видно, этому?

Оторопѣлый малый бросился, вскинувъ руки вверхъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ подхватить ее подъ мышки.

Но она быстрымъ скачкомъ выпрыгнула сама мимо этихъ рукъ на гладкія плиты широкой площадки подъѣзда.

Горничная ея, также быстро соскочивъ съ другой стороны, подбѣжала къ ней, глядя лукаво смѣющимися глазами на оторопѣвшую фигуру парня въ бѣлой рубахѣ.

— Когда-жь онъ пріѣдетъ *изъ полей?* подчеркнула барыня.

— Это вы, то-исть, насчетъ хозяина спрашиваете? Такъ эвтово я не могу знать, проговорилъ онъ, встряхиваясь,—потому они какъ случится, иной разъ къ обѣду, а то и...

Она нетерпѣливо перебила его:

— Да что̀ у васъ никого толковѣе тебя нѣтъ въ домѣ?

— Никандра Панкратьичъ, клюшникъ, у насъ есть, окромя другихъ прочихъ, торопливо отвѣтилъ онъ,—а какъ если милость ваша прикажете, такъ я могу къ Евгенію Владиміровичу сею минутой *избыгать.*

— Евгеній Владиміровичъ? повторила она:—это господинъ Зяблинъ, то-есть... Онъ еще живъ?

И она чуть-чуть усмѣхнулась.

— Въ полномъ здравіи находятся, видимо уже ободренный отвѣтилъ парень, проводя верхомъ руки по губамъ съ тѣмъ, чтобы прикрыть слагавшуюся на нихъ такую же улыбку. —

Да вотъ-съ они и сами идутъ, примолвилъ онъ уже шепоткомъ, кивая въ сторону одного изъ флигелей на выходившаго оттуда, еще моложаваго издали глядя, но видимо тяжело опиравшагося на твердую бамбуковую трость господина въ изящно скроенномъ лѣтнемъ костюмѣ перловаго цвѣта, легкомъ голубенькомъ галстучкѣ и широкополой панамѣ, защищавшей отъ лучей солнца его примигивавшіе глаза и коротко остриженную голову.

Это былъ Зяблинъ, нашъ старый другъ Зяблинъ, разочарованный „бригантъ“ пятидесятыхъ годовъ, безподобный „Eugène“ бывшей владѣлицы Сицкаго,—попрежнему изящный, все такъ же строго послушный послѣдней модной картинкѣ и нынѣ, не смотря на подагру, катарръ желудка и прочія невзгоды его семидесятилѣтняго возраста.

Изъ оконъ помѣщенія, занимаемаго имъ въ этомъ флигелѣ, онъ увидѣлъ пріѣзжую, узналъ ее и спѣшилъ теперь къ ней,—спѣшилъ, несказанно изумленный и озадаченный этимъ ея пріѣздомъ, не зная, чѣмъ будетъ отвѣчать на чаемые имъ „неизбѣжные“ съ ея стороны вопросы, но чувствуя присущимъ ему чутьемъ благовоспитаннаго *по-старому* человѣка, что „нельзя же такъ оставить даму на подъѣздѣ“...

— Madame... какой неожиданный сюрпризъ! залепеталъ онъ, скидывая съ головы еще по пути шляпу и слабо шаркая плохо уже повиновавшимися ему ногами.

— Здравствуйте, monsieur Зяблинъ!... Вы, кажется, удивляетесь, что я пріѣхала? нѣсколько высокомѣрнымъ тономъ спросила она тутъ же.

Зяблинъ мгновенно оробѣлъ:

— Помилуйте, я, напротивъ, могу сказать, tout à fait enchanté, madame... Но вы такъ нечаянно, не предваривъ... Мы съ Провомъ Ефремовичемъ никакъ не ожидали...

Она насмѣшливо прищурилась на него:

— Вы съ нимъ думали, можетъ быть, что я навсегда сбѣжала?

Старый „бригантъ“ окончательно растерялся.

— Mon Dieu, madame, можете-ли вы полагать!.. вскрикнулъ онъ, шаркая опять и прижимая руку къ сердцу.

— Что же я однако стою здѣсь! перебила она дальнѣйшее изліяніе его протеста:—мои комнаты внизу, надѣюсь, никѣмъ не заняты?

— Никѣмъ, помилуйте... Мы здѣсь въ домѣ одни съ Провомъ Ефремовичемъ... Вы желаете тамъ... остановиться? спросилъ онъ съ нѣкоторымъ уже, тотчасъ же и подмѣченнымъ ею, колебаніемъ.

Брови красивой барыни сдвинулись мгновеннымъ и гнѣвнымъ движеніемъ:

— А гдѣ же по-вашему можетъ „остановиться“ *хозяйка*, вѣско подчеркнула она,—какъ не въ своемъ покоѣ?

— Mais certainement, madame, certainement, весь изогнулся онъ любезнымъ поклономъ, разсудивъ мысленно совершенно правильно, что пока другъ его Провъ Ефремовичъ „не разсудитъ иначе“, онъ, Зяблинъ, не въ правѣ видѣть въ его женѣ „другое что, какъ именно *хозяйку*“. Онъ притомъ же „un gentilhomme“, а она—дама, слѣдовательно...

— Я на тотъ предметъ только говорю, поспѣшилъ онъ заявить, — что будетъ-ли вамъ тамъ покойно... Вы насъ не предварили, и вашъ appartement, какъ я полагаю, находится въ совершенно неприбранномъ видѣ, запертъ наглухо, какъ изволите видѣть,—и онъ указалъ старчески дрожавшею уже рукой на длинный рядъ оконъ нижняго этажа по лѣвой сторонѣ крыльца, наглухо дѣйствительно закрытыхъ внутренними ставнями,—съ вашего отъѣзда за границу въ такомъ видѣ... не открывали. Провѣтрить, полагаю, прежде всего надо...

— Такъ распорядитесь, я устала!

Зяблина видимо покоробило отъ этого тона. Онъ пріосанился, взглянулъ на нее какъ бы съ удивленіемъ и, обращаясь къ малому въ бѣлой рубахѣ, стоявшему все такъ же съ недоумѣлымъ видомъ на крыльцѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ:

— Сбѣгай скорѣе, любезный, проговорилъ онъ съ достоинствомъ,—за Никандромъ Панкратьевичемъ, скажи, что супруга Прова Ефремовича изволила пріѣхать и желаетъ...

Но въ то же время, выходя изъ сѣней, появился самъ

Никандръ, высокій и здоровый, со свѣжимъ и серьезнымъ лицомъ, человѣкъ лѣтъ сорока съ чѣмъ-то, въ такой же русской рубахѣ на *выпускъ* и высокихъ сапогахъ, подпоясанный утыканнымъ мѣдными головками ремнемъ, къ которому, соотвѣтственно занимаемой имъ въ домѣ должности, подвѣшена была цѣлая связка ключей.

— Супруга Прова Ефремовича, повторилъ отчеканивая Зяблинъ,—желаютъ занять свои комнаты.

Ключникъ съ величавою почтительностью повелъ головой внизъ и проговорилъ спокойно:

— Пожалуйте, сударыня!..

— Dites moi, je vous prie qu'est-ce que tous ces половые que je trouve ici? спросила досадливо Антонина Дмитріевна, взглянувъ на старца, пріятеля ея супруга.

„Бригантъ" опустилъ глаза въ землю и чуть-чуть шевельнулъ плечами: *„половые"* самому ему претили давно; „эти волоса въ скобку, смазныя голенища, косые вороты въ этомъ старомъ княжьемъ гнѣздѣ,—профанація"!.. говорилъ онъ себѣ мысленно не разъ.

— Пожалуйте! повторилъ ключникъ, отворяя во всю ширину стеклянную дверь въ сѣни.

Варя (читатель, надѣемся, узналъ въ горничной г-жи Сусальцевой нѣмую дѣвочку, съ которою онъ имѣлъ случай встрѣтиться въ началѣ нашего разсказа) притронулась слегка пальцами къ рукѣ своей госпожи, глядя ей въ глаза и беззвучно шевеля губами.

Антонина Дмитріевна поняла.

— Съ нами одинъ чемоданъ, сказала она ключнику;— велите его внести ко мнѣ, а за сундуками пошлите сейчасъ подводу на станцію, чтобъ они непремѣнно были здѣсь къ вечеру.

Варя, быстро прижавъ два пальца лѣвой руки, подняла вверхъ три остальные вмѣстѣ съ пятью пальцами правой.

— Восемь мѣстъ всего, объяснила барыня, между тѣмъ какъ нѣмая проворно вытаскивала изъ кармана портмоне, а изъ него багажный билетъ и передавала его Никандру.

— Слушаю, пошлемъ-съ, промолвилъ тотъ съ тѣмъ же невозмутимымъ спокойствіемъ:—пожалуйте!

Полный *аппартаментъ* въ нижнемъ этажѣ, состоявшій изъ пяти комнатъ, — большой гостиной, кабинета, будуара, спальни, туалетной съ мраморною ванной и комнаты для горничной,—уготованный Провомъ Ефремовичемъ для молодой супруги и въ которомъ пробыла она лишь нѣсколько дней предъ вѣнчаніемъ и отъѣздомъ своимъ за границу, оставался наглухо запертымъ съ самой минуты этого отъѣзда. Раза два лишь въ годъ рачительный ключникъ входилъ въ него съ однимъ изъ *молодцовъ*, состоявшихъ слугами въ домѣ, и приказывалъ выколотить мебель и смести пыль съ пола, чехловъ и холста, прикрывавшаго обитыя шелкомъ и дорогимъ французскимъ кретономъ стѣны гостиной и будуара,—выбирая всегда для этого время, когда „хозяинъ“ уѣзжалъ изъ Сицкаго. Самъ Профъ Ефремовичъ, проходя большими сѣнями мимо наружныхъ, запертыхъ и укрѣпленныхъ теперь широкимъ поперечнымъ желѣзнымъ болтомъ съ большимъ висячимъ на немъ замкомъ дверей, какъ-то невольно каждый разъ отворачивался и морщился...

— Что же это, изъ моихъ комнатъ кладовую сдѣлали? сердито вскрикнула Антонина Дмитріевна, остановившись предъ этими незнакомыми ей еще, обитыми крупными головками гвоздей, дверями.

— На всякъ случай, сударыня, объяснилъ своимъ спокойнымъ тономъ Никандръ, выбирая ключъ изъ своей связки и поднося его къ замку,—потому какъ у насъ во всемъ нижнемъ этажѣ никто не помѣщается...

Двери съ визгомъ заржавѣвшихъ петель и лязгомъ желѣза о желѣзо отворились настежъ.

На пріѣзжихъ пахнуло какъ изъ погреба сырымъ и затхлымъ запахомъ... Антонина Дмитріевна брезгливо откинула голову назадъ. Ѣдучи сюда, она готовилась „пережить нѣсколько непріятныхъ минутъ,“ но этого перваго, *физическаго* впечатлѣнія она не ожидала,—и оно показалось ей какъ-то особенно тяжелымъ.

Ключникъ спѣшилъ между тѣмъ отворять оконныя ставни.

— Да и окна скорѣе, вскликнула она,—тутъ задохнуться можно!...

Теплый воздухъ и солнечный свѣтъ ворвались разомъ, словно торжествующее войско на валъ непріятельской крѣпости, въ глубокій до этой минуты мракъ просторной комнаты.

Хозяйка ея какъ бы въ изнеможеніи опустилась на стоявшее посреди гостиной pâté, обводя унылымъ взоромъ кругомъ.

Стѣны, мебель, золотыя рамы блестящихъ зеркалъ, художественныя очертанія *булевыхъ* шкафиковъ и столовъ съ флорентійскою мозаикой—все исчезало подъ однообразнымъ, „мертвящимъ“, казалось ей, покровомъ желтовато-сѣраго холста и грубой кисеи; съ консолей и этажерокъ убраны были знакомыя и любезныя ей груды фарфора и бронзы; полъ безъ ковра рѣзалъ глаза непригляднostью кое-гдѣ разщелившихся досокъ своихъ... Чѣмъ-то мертвящимъ, дѣйствительно, вѣяло отъ этого запустѣнія. „Я его не предварила, конечно,“ проносилось въ головѣ молодой женщины; „но тогда онъ, можетъ быть, уѣхалъ бы нарочно, чтобы не встрѣтиться со мною, а теперь je suis maîtresse de la place,“ сказала она себѣ тутъ же, и что-то въ родѣ усмѣшки пробѣжало на мигъ по ея озабоченному лицу.

Зяблинъ, войдя вслѣдъ за нею въ комнаты, стоялъ съ панамой своею и палкой въ рукѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея и слегка покачивалъ головой, какъ бы угадывая ея ощущенія и слагая съ себя и съ пріятеля своего отвѣтственность за нихъ: мы-молъ вѣдь, вы понимаете, не могли святымъ духомъ знать, что вамъ вздумается пріѣхать.

Варя тѣмъ временемъ успѣла скользнуть въ слѣдующія за гостиной комнаты и возвратиться оттуда. Подбѣжавъ къ барынѣ, она, съ видимымъ неудовольствіемъ въ чертахъ, быстро зашевелила губами и пальцами.

— У меня въ туалетной воды нѣтъ въ кранахъ, обратилась съ новою досадой Сусальцева къ ключнику.

— Накачаемъ сейчасъ, коротко отрѣзалъ онъ, проходя далѣе въ будуаръ открывать ставни и окна.

— Да велите скорѣй внести мой чемоданъ, я переодѣться

хочу... Будьте такъ добры, обратилась она по-французски къ Зяблину, — когда мужъ мой вернется, велѣть мнѣ доложить объ этомъ чрезъ мою горничную.

— Приказаніе ваше будетъ, сударыня, исполнено, отвѣтилъ „бригантъ“, галантерейно склоняя свою подкрашенную въ цвѣтъ воронова крыла голову.

— Да нельзя-ли пока хотя въ моемъ будуарѣ снять эти противные чахлы; я не привыкла сидѣть на этой гадости.

— Сымемъ-съ, отозвался на это изъ-за дверей будуара Никандръ.

Антонина Дмитріевна, въ сопровожденіи Вари, прошла въ туалетную. Зяблинъ вышелъ на крыльцо, надвинулъ шляпу на самыя брови и, усѣвшись въ одно изъ стоявшихъ тутъ желѣзныхъ креселъ, уложилъ подбородокъ на сложенныя надъ набалдашникомъ палки руки и вперилъ по направленію *льва* свои примигивавшіе отъ слабости глаза, въ тревожномъ ожиданіи возвращенія своего пріятеля. „Лишь бы только баталіи какой не произошло“, думалъ онъ: „человѣкъ онъ хорошій, конечно, только все же за это мужичье отвѣчать нельзя“...

II.

Титъ Титычъ.

Чтобъ я перенесъ такую обиду надъ собой!... Да что̀ это за времена пришли! Нѣтъ, стой!... Настасья, смѣетъ меня кто обидѣть?

Настасья Панкратьевна.

Никто, батюшка, Китъ Китычъ, не смѣетъ васъ обидѣть. Вы сами всякаго обидите.

Титъ Титычъ.

Я обижу, я и помилую, а то деньгами заплачу.

Островскій. *Въ чужомъ пиру похмѣлье.*

Прошло часа полтора. Старый „бригантъ“, сладко пригрѣтый весеннимъ солнцемъ, опустивъ голову на грудь и выпустивъ палку изъ рукъ, начиналъ подремывать на своемъ желѣзномъ сѣдалищѣ, когда грохотъ знакомаго ему экипажа по каменной настилкѣ *льва* вырвалъ его внезапно изъ тѣсно уже начинавшихъ обнимать его объятій сна. Онъ встрепенулся, усиленно приподнялъ вѣки, устремляя зрачки впередъ...

Провъ Ефремовичъ Сусальцевъ, огибая клумбу, катилъ къ крыльцу на бѣговыхъ дрожкахъ, запряженныхъ доброю, сытою пѣгашкой, лоснившеюся отъ пота. Хозяинъ ея, подъ стать ей, держа вожжи одною рукой, вытиралъ другою большимъ фуляромъ свое влажное, точно послѣ бани, и загорѣлое до цвѣта мѣди лицо.

— Ну, баринъ, весело заголосилъ онъ, завидя Зяблина,— откаталъ же я кругъ сегодня, верстъ двадцать, безъ передышки, почитай... Бери Пѣгаша, крикнулъ онъ выбѣжавшему изъ сѣней парню въ бѣлой рубахѣ,— да, гляди, сказать Ар-

тешкѣ кучеру, чтобы до проводки вытереть его досуха, а опосля второй разъ!..

Парень поспѣшно взялъ лошадь подъ уздцы, между тѣмъ какъ Сусальцевъ, тяжело перекинувъ ногу черезъ сидѣнье дрожекъ, спускался наземь и расправлялъ члены съ какимъ-то блаженнымъ чувствомъ здоровой усталости.

— Ну, веди!.. Здорово, баринъ, не видались еще сегодня, поднявшись по ступенькамъ, подалъ онъ свою широкую руку пріятелю: почивали какъ прошлою ночью?

— Благодарю!.. Я все поджидалъ васъ, торопливо промямлилъ тотъ.

— Во!.. Аль что у васъ особенное есть? спросилъ нѣсколько удивленно Провъ Ефремовичъ.

— Дѣйствительно... Неожиданное даже совершенно, пролепеталъ опять одолѣваемый смущеніемъ „бригантъ“.

Сусальцевъ дернулъ нервно плечами:

— Да что у насъ, неблагополучіе какое? Такъ говорите прямо, чего тутъ!..

И онъ машинально повелъ кругомъ себя вопросительнымъ взглядомъ.

Зяблинъ не успѣлъ отвѣтить.

— Это что-жь? проговорилъ дрогнувшимъ голосомъ Сусальцевъ, указывая рукой на открытыя сплошь окна по лѣвой сторонѣ нижняго этажа.

— Антонина Дмитріевна прибыла, выговорилъ чуть слышно „бригантъ“.

— Антонина Дмитріевна!..

Сусальцевъ поблѣднѣлъ какъ полотно подъ своимъ загаромъ.—Давно?

— Часа два... Приказала сейчасъ же предварить ее, когда вы вернетесь, таинственно прибавилъ Зяблинъ и съ видимымъ безпокойствомъ глянулъ въ лицо пріятелю: — вы ужь пожалуйста...

Голосъ его оборвался.

— Что? будто разсѣянно спросилъ тотъ.

— Сдержите себя! еле слышно произнесъ Зяблинъ.

Въ глазахъ Сусальцева мелькнула какая-то жгучая искра.

Онъ выпрямился, какъ бы пріосанился, откидывая голову и плечи назадъ, и внезапнымъ движеніемъ, словно купальщикъ, собирающійся кинуться въ студеную воду, зашагалъ своею быстрою, подрагивавшею походкой къ аппартаменту Антонины Дмитріевны.

Онъ вошелъ въ гостиную. Она была пуста, но изъ-за двери сосѣдняго будуара донесся до него хорошо ему знакомый съ его гортанными звуками голосъ,—голосъ жены. Она о чемъ-то спрашивала у бывшей очевидно съ нею тамъ нѣмой дѣвочки, горничной ея, такъ какъ отвѣтовъ на вопросы ея не слышалось и она продолжала говорить одна... Сусальцевъ остановился посреди комнаты, тяжело переводя дыханіе.

Но шумъ его шаговъ донесся до будуара.

— Кто это, mon mari? услышалъ онъ ея вопросъ и смѣхъ,— свѣжій, беззаботный смѣхъ...

— Я! постарался онъ произнести какъ можно спокойнѣе.

— Такъ войдите же, я одѣта.

Онъ вошелъ.

Будуаръ, со снятыми уже со стѣнъ его и мебели чахлами и разложенными по столамъ и диванамъ кипами бѣлья и *туалетовъ*, только-что вынутыхъ изъ прибывшаго съ г-жею Сусальцевой чемодана, походилъ теперь на какой-то не то модный, не то ювелирный магазинъ. Яркіе лучи солнца перебѣгали струйками по нѣжнымъ цвѣтамъ юпокъ, корсажей и накидокъ, горѣли искристыми блестками на брилліантовой грани брошекъ и фермуаровъ, покоившихся на синемъ бархатѣ своихъ раскрытыхъ футляровъ... Антонина Дмитріевна, наклонившись надъ круглымъ столомъ посреди комнаты, разбиралась въ цѣломъ кладѣ лежавшихъ на немъ кружевъ.

— Bonjour, Probe! не перемѣняя положенія, проговорила она тѣмъ спокойнымъ тономъ, съ какимъ здороваются съ людьми, съ которыми видѣлись еще вчера.

„Probe“ недвижно и безмолвно глядѣлъ на нее: языкъ его не ворочался, въ глазахъ стоялъ туманъ...

Она подняла на него смѣющіеся глаза:

— Можете къ ручкѣ подойти, я дозволяю...

— Къ ручкѣ!..

Лицо его сдѣлалось вдругъ страшно: яблоки глазъ словно хотѣли выскочить изъ-подъ вѣкъ; въ углахъ губъ закипѣла пѣна...

— Вонъ отсюда! крикнулъ онъ неестественнымъ, визгливымъ фальцетомъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Антонина Дмитріевна, повидимому, предвидѣла этотъ ожидавшій ее пріемъ и заранѣе приготовилась къ нему. Она поблѣднѣла слегка, но не смутилась, не отвела глазъ, поднявшихся на мужа, и тѣмъ же спокойнымъ тономъ, съ какимъ сейчасъ привѣтствовала его своимъ „bonjour, Probe“:

— Принеси Прову Ефремовичу стаканъ воды, Варя! сказала она нѣмой дѣвочкѣ, откладывавшей въ особый картонъ на другой сторонѣ стола кружева, отбираемыя барыней.

Варя злыми какъ у дикой кошки глазами глянула въ свою очередь прямо въ лицо Сусальцева и съ глухимъ мычаніемъ вышла изъ комнаты.

— Если бы вы были порядочный человѣкъ, твердо выговорила Антонина Дмитріевна, все также не отрываясь взглядомъ отъ мужа,—вы бы знали, что одни варвары могутъ такъ обращаться съ *женщиной!*..

Сусальцева какъ-то невольно повело отъ этихъ словъ; зрачки его усиленно заморгали...

Она стояла предъ нимъ, блѣдная и свѣжая, какъ бѣлая роза, въ восхитительномъ, шитомъ гладью батистовомъ matinée на шелковомъ подбоѣ моднаго цвѣта vieil or, съ такого же цвѣта пышными бантами и кружевами valenciennes отъ горла и до крошечныхъ *mules*, обувавшихъ ея ноги поверхъ ажурныхъ *bas chinés*. Изъ-подъ широкихъ рукавовъ, бѣлѣя снѣжнымъ оттѣнкомъ на золотистомъ фонѣ подкладки, выглядывали ея словно выточенныя, безукоризненной формы руки, съ блестѣвшими на длинныхъ породистыхъ пальцахъ драгоцѣнными кольцами. Какъ бы небрежно собранные въ одинъ огромный узелъ, роскошные волосы, вившіеся кудрявою франьей надо лбомъ, словно едва держались на верху головы подъ воткнутымъ въ нихъ гребнемъ изъ écaille blonde въ формѣ графской короны. Тонкій, знакомый Сусальцеву запахъ вервены вѣялъ отъ нея, отъ этихъ ея тканей и

бѣлья, разложенныхъ въ комнатѣ, и билъ ему какъ вино въ голову...

Но чувство обиды все такъ же нестерпимо ныло еще въ немъ:

— Для чего вы пріѣхали, что вамъ отъ меня нужно? спросилъ онъ сквозь судорожно стиснувшіеся зубы.

— Я вернулась *домой*, къ мужу, очень просто, невозмутимо отвѣтила она на это.

— Къ мужу! нервно захохоталъ онъ:—изволили вспомнить, что у васъ мужъ есть, когда, видно, отказала вамъ въ дальнѣйшемъ кредитѣ ваша графиня.

Антонина Дмитріевна спокойно улыбнулась:

— Мнѣ ея болѣе не нужно было; я просто взяла у банкира 30,000 франковъ,—вы на дняхъ трансфертъ получите.

У Прова Ефремовича искры запрыгали въ глазахъ.

— Да съ чего-жь вы взяли, что я платить буду! крикнулъ онъ, затопотавъ ногами.

Варя возвращалась со стакакомъ воды на подносѣ.

— Совѣтую вамъ охладиться, иначе вы заболѣете...

И, обращаясь къ дѣвочкѣ, между тѣмъ какъ Провъ Ефремовичъ машинальнымъ движеніемъ схватывалъ стаканъ и проглатывалъ воду однимъ глоткомъ:

— Уложи цѣлыя опять въ картонъ, Варя, кивнула она на лежавшія на столѣ кружева,—и запри его въ спальнѣ въ шифоньерку, а порванныя отложи въ особый пакетъ; надо будетъ отослать ихъ въ Москву къ Минангуа, тамъ хорошо чинятъ...

— Слушаю! отвѣтила кивкомъ нѣмая, собрала кипу кружевъ въ картонъ и вышла съ нимъ въ сосѣднюю спальную.

— Пріучись запирать за собою двери, крикнула ей шутливо вслѣдъ барыня:—одни коронованныя лица и собаки не запираютъ дверей.

Дѣвочка поспѣшила исполнить приказаніе.

Антонина Дмитріевна лѣниво потянулась, чуть-чуть зѣвнула, при чемъ блеснулъ жемчугомъ на солнцѣ двойной рядъ ея маленькихъ, ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ, и опустилась на близъ стоявшую кушетку, закинувъ за голову свои до локтя

при этомъ движеніи опроставшіяся изъ-подъ рукавовъ пышныя, матово-блѣдныя руки.

Выпитая вода если и не совсѣмъ „охладила“, такъ дала нѣсколько остыть бѣшеному гнѣву Сусальцева. „Плюнуть ей опять въ безстыжіе глаза и уйти“, проносилось въ мозгу его. Но нѣтъ, разсудилъ онъ, „не теперь, такъ позже, а дѣло на чистоту вывести съ нею надо будетъ; она меня теперича думаетъ хладнокровіемъ одолѣть, такъ еще посмотримъ, кто кого!“...

Онъ опустился на низенькое кресло въ трехъ шагахъ отъ ея кушетки, заложилъ ногу за ногу и, охвативъ колѣнку обѣими руками, закачался на своемъ сидѣньи:

— Такъ это вы какъ же-съ, „домой“, изволите говорить, „къ мужу“ вернулись. На кой прахъ, позвольте спросить?

— Красивое выраженіе! уронила на это съ презрительною усмѣшкой Антонина Дмитріевна.

— Мы мужики-съ, по-мужицки и выражаемся, вамъ это до замужства вашего должно было быть извѣстно, возразилъ онъ ей съ такою же усмѣшкой.

Она искоса повела на него взглядомъ и безсознательно поморщилась: *этотъ* тонъ, поняла она, заключалъ въ себѣ гораздо болѣе опасности, чѣмъ то, чего могла она ожидать отъ его запальчивости.

— Да, я знаю, что вы охотно надѣваете на себя личину „мужика“, когда хотите забыть то, что̀ предписываетъ вамъ долгъ порядочнаго человѣка.

— Ну-съ, мы этого „порядочнаго человѣка“ отложимъ покамѣстъ въ сторону, иронически перебилъ онъ ее, — а обратимся къ сути. Для чего, спрашиваю опять, опосля того, что вы почитай въ продолженіи почти что года не удостоили меня ни единой строчки...

— А вы писали мнѣ? перебила она его въ свою очередь.

— Мнѣ что̀ же писать было, когда вы, противно моей волѣ, рѣшились остаться тамъ,—то-есть, значитъ, прямо начихались надъ законнымъ мужемъ вашимъ?

Антонина Дмитріевна приподнялась на своей кушеткѣ, растянулась затѣмъ на ней опять вся, съ ногами, уложивъ го-

лову на тонкую, съ длинными оборками наволочку пуховой подушки, и, упершись щекой на руку, обернулась въ сторону мужа.

— „Противъ вашей *воли*“, повторила она: — вѣдь такъ прежде съ крѣпостными объяснялись, а теперь гдѣ-нибудь на Востокѣ въ гаремахъ съ рабынями развѣ говорятъ, — да и туда ужь прогрессъ доходитъ. А вы... я по крайней мѣрѣ такъ думала... вы все-таки человѣкъ современный, вы должны понимать, кажется, что супружескій деспотизмъ не допускается въ наше время, что „воля“ мужа еще не все, а требуется еще *согласіе* съ другой стороны, подчеркнула она: — вы не можете не знать, что никто въ просвѣщенной Европѣ иначе не смотритъ на брачныя отношенія.

Провъ Ефремовичъ, продолжая все также покачиваться на своемъ креслѣ, охвативъ колѣнку руками, выслушалъ терпѣливо до конца это поучительство.

— Европа Европой-съ, сказалъ онъ въ отвѣтъ,—а и у насъ въ Россіи тоже свой смыслъ имѣется, и даже пословица такая есть, можетъ слышали: со своимъ-молъ уставомъ въ чужой монастырь не ходи... А окромя того, сами мы въ Европѣ были, какъ вамъ извѣстно,—знаемъ-съ: тамъ жена не въ примѣръ даже болѣе въ покорствѣ у мужа состоитъ, чѣмъ у насъ. Такъ вы это напрасно на тамошніе порядки ссылаетесь... Я же, сказать къ слову, не изъ каприза какого пустаго просилъ васъ тогда вернуться со мной въ *отечество:* прожито было нами, сами знаете, не въ мѣру много; къ тому же безъ хозяйскаго присмотра дѣловъ нельзя было оставлять долѣе...

— Тратили тамъ вы, а не я „не въ мѣру“, воскликнула она:—безъ васъ я въ восемь мѣсяцевъ времени прожила тысячъ шестьдесятъ франковъ,—ужь, кажется, нельзя скромнѣе!

— Это мы опять-таки въ сторону отложимъ, сударыня,— онъ нервно передернулъ плечами,—да и вообще пространно намъ съ вами разговаривать пользы не имѣется. Взялъ я васъ за себя, почитая, что будете вы соблюдать свои супружескія обязанности, какъ слѣдуетъ вѣнчанной женѣ, по закону христіанскому, а какъ если вы полагаете, что состоите со

мною въ родѣ этого нынѣшняго „фиктивнаго брака“, такъ, можетъ, вы по этому предмету очень ошибаетесь, ибо я на оное рѣшительно не согласенъ.

— Какой „фиктивный бракъ“, что̀ вы за вздоръ говорите!...

Онъ всталъ въ ростъ, глядя на нее сверху внизъ усиленно помаргивавшими глазами:

— Какъ бы ни сказалъ-съ, все одно,—вы понимать должны.

— Что̀ понимать, вскликнула она:—какія ваши намѣренія?

Онъ не нашелъ отвѣта въ первую минуту. „Намѣренія“? Онъ самъ себѣ опредѣлить не могъ: были-ли какія такія у него? Онъ до этого ея вопроса чувствовалъ только „обиду“ свою „во всѣхъ суставчикахъ“, чувствовалъ, что жена своимъ поступкомъ всю душу „вымотала изъ него“; онъ послѣ первоначальныхъ мукъ и тоски, снѣдавшихъ его по возвращеніи изъ-за границы, тщился всѣми силами отогнать отъ себя самую мысль о ней, понуждалъ себя видѣть въ ней „отрѣзанный ломоть, не стоящій того, чтобъ о немъ думать“. И онъ дѣйствительно, говоря его языкомъ, „только начиналъ теперь отходить маленько“, позабывать ее „на вольной волюшкѣ деревенскаго житья, въ мирномъ житіи съ пріятелемъ-*баринома*, безо всякихъ заботъ окромя хозяйственныхъ“... И вдругъ она опять тутъ вернулась, все такая же, „дерзкая и красивая“, и „куражится“ надъ нимъ „въ этихъ своихъ кружевахъ, шелку и батистѣ“ и, „будто правая, допрашиваетъ его о его намѣреніяхъ“...

— Вамъ направо, мнѣ налѣво—и вся не долга! отрѣзалъ онъ какъ-то вдругъ, скороговоркой, какъ бы спѣша скинуть скорѣе съ плечъ непосильное бремя.

Она приподнялась на локтѣ, не то изумленно, не то скорбно воззрившись въ него своими широко открывшимися аквамариновыми глазами:

— Вы не шутя гоните меня прочь отъ себя, Proбe?...

И слезы послышались ему въ трепетныхъ звукахъ этихъ словъ.

„А хороша-то какъ, негодница“! пробѣжало у него тутъ же дрожью по спинѣ.

Но онъ весь тотчасъ же словно ощетинился противъ этого „соблазна“, сурово сдвинулъ брови:

— Если законному мужу покориться не хотѣли, такъ и пріѣзжать вамъ незачѣмъ было.

Она закрыла глаза рукой, опустивъ голову къ колѣнямъ... Плечи ея вздрагивали словно отъ рыданья...

Сусальцевъ этого не ожидалъ никакъ. Новое „надсмѣяніе“, колкости, угрозы, „какъ тогда, въ Венеціи“,—все это не удивило бы его. Но этотъ безмолвный плачъ...

— О чемъ это вы? спросилъ онъ съ невольною мягкостью.

Она не отвѣчала, не подымала головы...

На душѣ у него заскребла жалость... Онъ подошелъ ближе къ самой ея кушеткѣ:

— Перестаньте, нечего... Сами должны понимать...

— Я понимаю, что вы жестоко, незаслуженно поступаете со мной, промолвила она, не отнимая руки отъ глазъ. И вдругъ, чрезъ мигъ,—разомъ привстала, уронила эти руки, подняла на него слегка покраснѣвшія вѣки:—И не умно при этомъ, добавила она совершенно для него неожиданно.

Онъ оторопѣло устремилъ на нее вопрошающій взглядъ.

— Да, не умно, не разсчетливо, повторила она:—вы лишаетесь во мнѣ, я уже не говорю жены, ничѣмъ въ сущности серьезно не виноватой предъ вами, но помощницы, хорошаго друга, который могъ бы быть вамъ настоящимъ образомъ полезенъ.

— Въ чемъ это-съ? все такъ же изумленно спросилъ Сусальцевъ.

Антонина Дмитріевна усмѣхнулась. Слѣды слезъ успѣли какъ-то уже совершенно исчезнуть съ ея свѣжаго, оживленнаго лица.

— Вы имѣете время меня выслушать?

— Сдѣлайте милость, проговорилъ онъ машинально въ отвѣтъ.

— Такъ садитесь тутъ и слушайте.

И она указала ему на кресло подлѣ самой кушетки, на которой сидѣла она теперь, нѣсколько наклонившись впередъ, съ опирающимися на колѣни руками. Она опустила глаза и

начала, раздумчиво перебирая кольца на выточенныхъ пальцахъ своихъ:

— Выходя за васъ замужъ, я, повѣрьте, прельстилась не вашимъ состояніемъ... За бѣднаго человѣка я не вышла бы, конечно, добавила она тутъ же съ новою усмѣшкой,—бѣдный человѣкъ въ моихъ понятіяхъ безсильный человѣкъ, а я всегда выше всего на свѣтѣ, я вамъ это говорила еще до замужства, ставила и ставлю въ человѣкѣ *силу*.

— „Сила силу ищетъ", дѣйствительно слышалъ я тогда отъ васъ, вспомнилъ Провъ Ефремовичъ, кивнувъ головой.

— Я надѣялась, я вѣрила, что въ васъ именно заключается это качество, которое я такъ цѣню въ людяхъ и котораго такъ недостаетъ у насъ, куда ни взглянешь. Я была стараго дворянскаго рода дѣвушка,—то, что вы называли „кисейная барышня", воспитанная, вы знаете, какимъ отцомъ, *аристократомъ*... и пьяницею, промолвила она брезгливо и поспѣшно, какъ бы предупреждая то, что самъ онъ могъ бы замѣтить на ея слова;—вы человѣкъ не знатный, *купецъ* просто, я говорю это вамъ не въ укоръ, напротивъ: меня это именно влекло въ васъ, что вы человѣкъ, не связанный ничѣмъ съ прошедшимъ, свѣжій, „почвенный", какъ говорятъ теперь, человѣкъ,—что до чего бы вы ни дошли, вы всегда будете сынъ вашихъ дѣлъ, enfant de vos oeuvres, какъ говорятъ Французы. Дворянство наше отжило свой вѣкъ, отъ него нечего болѣе ждать; будущее, разсуждала я, принадлежитъ именно людямъ, какъ вы, сильнымъ по характеру и независимымъ по средствамъ.

„Куда это она ведетъ"? недоумѣвалъ Сусальцевъ, слушая ее и въ то же время съ какимъ-то невольно сладостнымъ ощущеніемъ вдыхая вѣявшее отъ нея тонкое благоуханіе.

— Вы человѣкъ умный, безспорно, говорила она между тѣмъ, все съ тѣмъ же выраженіемъ въ наклоненномъ къ кольцамъ пальцевъ своихъ лицѣ,—но погруженный до сихъ поръ весь въ личныя ваши дѣла, вы не имѣли времени, или просто пренебрегали, обращать вниманіе на общія, на то, куда теченіе времени и обстоятельствъ ведетъ теперь все наше государство.

— Наше дѣло коммерческое, возразилъ онъ полушутливо

на это,—а куда итти государству, на это есть у насъ Царь съ архистратигами своими!

— А если оказывается, что задача превыше способностей ихъ и средствъ, если прежній порядокъ сталъ ни на что болѣе не годенъ, и сами эти, какъ вы выражаетесь, „архистратиги“ сознаютъ это вполнѣ,—что вы на это скажете?

— А скажу-съ все таки, что дѣло наше сторона; какой бы тамъ порядокъ ни былъ, у насъ про то совѣтовъ спрашивать не будутъ.

— Кто же вамъ это сказалъ? А если, напротивъ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, какъ имѣю я полное основаніе думать, должны будутъ прибѣгнуть къ созыву лучшихъ по опытности своей и практическому знанію людей, которымъ предоставлено будетъ обсудить настоящее положеніе дѣлъ въ Россіи и спасти ее отъ окончательной гибели, почему — или никогда въ самомъ дѣлѣ вы объ этомъ не думали?—не могли бы вы быть въ числѣ этихъ призванныхъ?

— Я-съ! могъ только вскрикнуть озадаченно Сусальцевъ.

— Вы, мой *мужъ*, протянула она, озаряя его всего лучистымъ взглядомъ,—тотъ, для кого я была всегда такъ честолюбива и кто такъ не благодаренъ мнѣ теперь за это!...

Голосъ ея задрожалъ, какъ бы не одолѣвая охватившаго ее волненія.

„Probe“ былъ совершенно сбитъ съ толку. Къ чему „выкладывала“ она все это, „на какой конецъ“ и „что правды“ могло быть дѣйствительно въ томъ, что говорила она? Да и давно-ли стала она такъ „честолюбива для него?“ Въ первый еще разъ со дня первой ихъ встрѣчи, когда онъ пріѣхалъ къ покойному ея отцу по дѣлу закладной на Юрьево, говорила она ему этимъ языкомъ и объ „этихъ предметахъ“. Давно-ли сама стала разсуждать „о другомъ чемъ, какъ о тряпкахъ и о связяхъ съ высокопоставленными особами... Не даромъ видно“, говорилъ себѣ Провъ Ефремовичъ, стараясь внутренно иронизировать, „воспользовалась барыня милостивыми разговорами князя Іоанна и ему подобныхъ великихъ господъ міра сего“... Но вмѣстѣ съ тѣмъ эти нежданныя откровенія ея задѣвали за какую-то живую струну его существа, драз-

нили въ немъ что-то еще неясное для него самого, но несомнѣненно копошившееся уже въ его душевной глуби.

— Какъ же это, позвольте спросить васъ, я по вашему мнѣнію могъ бы быть „призванъ“ къ этому самому дѣлу, о которомъ вы говорите, въ силу какихъ правъ моихъ?

— Чрезъ земство; вы вѣдь, кажется, членъ его здѣсь?

— Состою гласнымъ, дѣйствительно.

— Вамъ надо быть предсѣдателемъ.

— Чего это: земскаго собранія то-есть? Такъ, по закону, предсѣдаетъ въ немъ нашъ предводитель дворянства, старецъ нашъ почтеннѣйшій, Павелъ Григорьевичъ Юшковъ.

— Вѣдь есть *управа;* такъ, кажется, называется?

— Это само по себѣ.

— Ну такъ вотъ тамъ, развѣ вамъ нельзя быть предсѣдателемъ?

— Коли выберутъ, — конечно, да и какъ если будетъ на то мое согласіе; только я никогда на это согласиться не намѣренъ былъ.

— Это почему?

— А очень просто, что въ жалованьи земскомъ я не нуждаюсь, а временемъ своимъ дорожу-съ; такъ изъ чего мнѣ его тратить на дѣлопроизводство пустое?

— Если бы такое положеніе должно было заключать въ себѣ конечную для васъ цѣль, вы были бы правы; но я вамъ не даромъ указываю на него: оно можетъ служить для васъ ступенью для того, что̀ я мечтаю для васъ...

Антонина Дмитріевна понизила голосъ и еще ближе наклонилась къ сидѣвшему противъ нея мужу:

— Я видѣлась въ Римѣ съ людьми, которые очень скоро должны будутъ играть у насъ первостепенную роль... Вы объ Алексѣѣ Сергѣевичѣ Колонтаѣ слышали, напримѣръ? спросила она какъ бы въ скобкахъ.

— Какъ не слыхать-съ! Человѣкъ вліятельный и, можно даже сказать, между правителями нашими по уму выдающійся!

— Ну такъ вотъ вы будете имѣть случай познакомиться съ нимъ лично. Онъ еще зимой вернулся въ Петербургъ и

думаетъ послѣ окончанія сессіи въ Государственномъ Совѣтѣ ѣхать въ свое Орловское имѣніе. Онъ обѣщалъ мнѣ заѣхать по пути въ Сицкое и провести у насъ нѣсколько дней, примолвила Сусальцева, какъ бы вовсе позабывъ или просто пренебрегая вспомнить, что за нѣсколько еще минутъ предъ этимъ шелъ у нея съ мужемъ вопросъ о томъ, чтобы самой ей отправляться изъ Сицкаго, куда глаза глядятъ.

Провъ Ефремовичъ со своей стороны словно вовсе позабылъ о томъ, что̀ сейчасъ „вышло“ у него съ женой. Слова ея видимо заинтересовывали его все болѣе и болѣе.

— Такъ что̀ же этотъ самый Колонтай, Алексѣй Сергѣичъ, говорилъ вамъ-съ? спросилъ онъ.

— Все это само собою пока еще секретъ, да и окончательно не оформлено и заключается собственно въ однихъ предположеніяхъ. Но на то и данъ намъ умъ, чтобы въ томъ, что̀ еще представляется гадательнымъ, распознать признаки имѣющаго за собою дѣйствительное raison d'être, того, то-есть, что̀ по естественному духу вещей должно осуществиться въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

— Самый этотъ „созывъ“, то-есть, какъ вы говорили? переспросилъ Сусальцевъ.

— Да. Правительство, прижатое къ стѣнѣ нигилистическимъ движеніемъ, съ одной стороны, съ другой — всякими злоупотребленіями, неспособностью и ненадежностью собственныхъ своихъ агентовъ, принуждено будетъ обратиться за помощью и совѣтомъ къ самой странѣ... Конституціи прямо оно не рѣшится дать: слишкомъ сильно связано оно еще традиціонными привычками своего самодержавства, вымолвила съ многозначительнымъ видомъ Антонина Дмитріевна, повторяя очевидно наизусть разсужденія, слышанныя ею отъ „людей, съ которыми она видѣлась въ Римѣ“,—оно на первый разъ прибѣгнетъ къ полумѣрѣ, въ родѣ усиленія Государственнаго Совѣта выборными людьми, находящимися у него подъ руками: соберетъ, напримѣръ, предводителей дворянства и предсѣдателей управъ.

— Губернскихъ однихъ, или и уѣздныхъ тоже?

— И тѣхъ, и другихъ, вѣроятно... Это впрочемъ—подроб-

ность, поспѣшила сказать Сусальцева:—главное, чтобъ у васъ къ этой порѣ была уже нога въ стремени.

— То-есть, чтобъ я попалъ въ предсѣдатели нашей уѣздной управы?

— Именно.

Провъ Ефремовичъ уронилъ въ раздумьи голову на грудь.

— Это, пожалуй, устроить и можно какъ-нибудь, промолвилъ онъ чрезъ нѣсколько времени.—Мѣсто самое это теперь у насъ вакантно; бывшій предсѣдатель — Бароцкій былъ нѣкто—изъ моряковъ, старикъ хорошій, запутался только какъ-то черезъ сына, растрата у него въ кассѣ оказалась. Деньги-то внесъ за него, говорятъ, Борисъ Васильевичъ Троекуровъ, потому по назначенной послѣ смерти его ревизіи суммы всѣ оказались налицо. Одначе все же онъ застрѣлился съ этого самаго сраму, а опосля того на четырнадцатое число прошлаго мѣсяца назначено было экстренное собраніе для выборовъ на его мѣсто. Только тутъ случилось, что у Павла Григорьевича Юшкова старичекъ братъ очень больной сдѣлался и такъ онъ этимъ теперь озабоченъ, что должностью своею и по нонѣшній день даже заниматься не можетъ. Такъ, по общему къ нему уваженію, рѣшено у насъ было съ этимъ дѣломъ выборовъ отложить до сентября, какъ при томъ время теперь лѣтнее, собираться гласнымъ, особливо изъ крестьянъ, тяжело очень. И даже скажу вамъ-съ, мнѣ даже и говорено было, чтобъ я баллотировался, только я оставилъ тогда втунѣ, потому не разсчетъ...

— Огромный „разсчетъ“, вскрикнула Антонина Дмитріевна, — въ виду того, что я вамъ говорила сейчасъ... и о чемъ вы, надѣюсь, никому, никому не промолвите ни слова: вѣдь это величайшая еще тайна!

— Для чего говорить, сами понимаемъ!

Сусальцева примолкла на мигъ въ свою очередь.

— Что у васъ тутъ, все такъ же, какъ и прежде, вліятеленъ Троекуровъ? спросила она затѣмъ.

— Извѣстно, по званію своему и богатству, а и болѣе того-съ, надо сказать, по большому разуму своему, человѣкъ большой вѣсъ имѣетъ.

— Онъ, пожалуй, усмѣхнулась она недоброю усмѣшкой,— самъ бы пошелъ вамъ въ конкурренты, если бы зналъ то, о чемъ я вамъ передала?

Профъ Ефремовичъ пожалъ плечами:

— Борисъ Васильевичъ? Какъ если-бъ онъ захотѣлъ, давнымъ-давнешенько былъ бы у насъ губернскимъ предводителемъ. Только политику онъ такую держитъ, что никакихъ должностей ни по дворянской, ни по земской службѣ принимать не желаетъ. Гласнымъ уѣзднымъ и губернскимъ единственно дозволилъ себя выбрать.

— И всѣми при этомъ вертитъ? злобно договорила за него жена.

— Что же, дурнаго совѣта никому не дастъ господинъ этотъ.

— А съ вами какъ онъ? спросила она, сожмуривая брови.

— Во взаимномъ уваженіи состоимъ съ его превосходительствомъ, чуть-чуть усмѣхнулся Сусальцевъ.

— Интриговать не будетъ, чтобы васъ не выбрали?

— Съ чего-жь это ему!.. Можетъ, конечно, ему и пріятнѣе было бы видѣть своего брата-дворянина на этой самой должности, а только я вполнѣ надѣюсь, что онъ противъ меня ничего имѣть не будетъ, потому прямо могу сказать, ничего дурнаго, окромя хорошаго, ему про меня не извѣстно.

— Ну, такъ скорѣе принимайтесь за хлопоты, чтобы вамъ къ сентябрю подготовить себѣ большинство на выборахъ, вскрикнула молодая женщина:—вѣдь это вы можете сдѣлать?

— Въ моей власти, надѣюсь, отвѣтилъ онъ протяжно,—а только, знаете, стоитъ-ли это самое дѣло труда, потому навяжешь себѣ обузу на плечи, отъ своего дѣла оторвешься, а тамъ, можетъ, пшикъ одинъ выйдетъ?

— Ахъ, Боже мой, заметалась даже съ несвойственною ей суетливостью движеній Антонина Дмитріевна, — неужели думаете вы, что я вамъ все это съ вѣтру говорю? Такъ вотъ, когда пріѣдетъ Алексѣй Сергѣевичъ, вы изъ его устъ можете услышать... И не отъ одного его: къ этому времени будетъ сюда вашъ новый губернаторъ; онъ Алексѣю Сергѣевичу племянникъ...

— Фамилія ему Савиновъ будетъ?

— Да, Аполлонъ Савельевичъ Савиновъ, очень милый человѣкъ... Онъ мнѣ сказалъ, что поѣдетъ ревизовать уѣзды и распорядится такъ, чтобы къ концу имѣть возможность заѣхать къ намъ.

— Слышали про него, какже-съ, въ сосѣдней губерніи вице-губернаторомъ былъ, промолвилъ Сусальцевъ, какъ бы насмѣшливо проведя губами.

Антонина Дмитріевна замѣтила это:

— Что же такое слышали вы?

— Да такъ, говорятъ, свистунъ великій, карьеристъ петербургскій... А, впрочемъ, можетъ и врутъ, равнодушно добавилъ онъ.

— Онъ на стараго чиновника не похожъ, это правда, нѣсколько рѣзко возразила ему жена: — я съ нимъ ѣхала изъ Вѣны: онъ совсѣмъ Европеецъ, а теперь такіе нужны Россіи люди.

— На этотъ счетъ, пожалуй, можно и другое сказать, какъ бы недовѣрчиво промолвилъ Провъ Ефремовичъ и тутъ же замолкъ, не почитая почему-то нужнымъ распространяться далѣе объ этомъ предметѣ.

Антонина Дмитріевна повела еще разъ на мужа ласковымъ до нѣжности взглядомъ:

— Я могу ошибаться, проговорила она чуть не робко,— но во всемъ этомъ для меня главное была мысль о васъ, Probe, о томъ, чтобъ устроить вамъ положеніе, соотвѣтствующее тѣмъ способностямъ, которыя даны вамъ отъ природы. Вы имѣли возможность до сихъ поръ прикладывать ихъ лишь въ тѣсной сферѣ личныхъ интересовъ... Вамъ представляется теперь случай послужить благу всего отечества... а мнѣ гордиться вами, Probe...

Бѣдный „Probe“ чуялъ чутьемъ, что это были „слова одни“, что ни до какого блага отечества, ни до его, Прова, службы оному ей въ сущности дѣла нѣтъ, что во всемъ этомъ преслѣдовала она свои особенныя, чуждыя ему цѣли,—но чувствовалъ въ то же время, что онъ безсиленъ предъ этими пріятно щекотавшими его самолюбіе словами ея, что онъ

„прямо идетъ на ея удочку, *пасуетъ* предъ ея женскою ловкостью"... Гнѣвъ его, „законный гнѣвъ", смолкалъ въ его душѣ, или, вѣрнѣе, рокоталъ уже глухими, съ минуты на минуту все слабѣвшими перекатами, какъ удаляющаяся гроза. Другія ощущенія насильственно и побѣдно врывались мало-по-малу въ существо его. Съ тонкимъ запахомъ вервены, вѣявшимъ отъ „этой красавицы-жены его", вносилось въ него и впечатлѣніе ея женской прелести, проникалъ его насквозь забирающій пламень не отрывавшихся отъ него блѣдно-голубыхъ ея глазъ. Легкая дрожь пробѣгала по его членамъ, пальцы рукъ, уложенныхъ на колѣни, судорожно подергивались, словно барабаня какую-то боевую тревогу.

— Какъ бы вы обо мнѣ ни судили, Proбe, но лучшаго друга себѣ, повѣрьте, вы все же не найдете, говорила она тихимъ, дрожащимъ, умиленнымъ голосомъ, протягивая руку и притрогиваясь оконечностями пальцевъ къ его рукѣ.

У него замутилось въ глазахъ; онъ схватилъ эти пальцы, сжимая ихъ въ своихъ до боли.

— Вѣрно это вы говорите, вѣрно? едва былъ онъ въ силахъ выговорить.

— А вы, не отвѣчая на вопросъ, залепетала она нѣжно-укорительнымъ тономъ,—какъ приняли вы меня, неблагодарный! Вы надѣялись, вы желали, чтобъ я никогда не вернулась, чтобы кончено все было между нами!

— Для чего вы это теперь говорите! вырвалось уже у него неудержимо:—можетъ, я кажный день ждалъ тебя сюда, кажный часъ ждалъ... и ждать переставалъ, и мучился этимъ безмѣрно!..

— Да-а? протянула она тѣмъ же дрожащимъ голосомъ,— я, значитъ, хорошо сдѣлала, что вернулась?

Онъ уже не владѣлъ собою, онъ съ мѣста, съ глухимъ стономъ, стономъ счастія, скользнулъ къ ея ногамъ, погружая голову въ пахучія складки ея батистовой юпки.

Она тихимъ движеніемъ руки приподняла за подбородокъ его большую, остриженную голову, глянула, наклонившись къ ней, прямо глазами ему въ глаза, покачала медленно го-

ловой съ какою-то снисходительною улыбкой и поднесла розовую ладонь свою подъ его пылавшія губы.

Онъ такъ и впился въ нее ими...

— Ну, а теперь довольно, сказала она чрезъ мгновеніе,— садитесь!

Онъ повиновался, вздыхая и весь еще вздрагивая отъ волненія.

Она продолжала улыбаться:

— И признайтесь, что это вы сейчасъ выдумали изъ любезности, а въ дѣйствительности нисколько не ждали меня, не думали даже обо мнѣ.

— Тоня, и не совѣстно тебѣ? вскликнулъ онъ съ невыразимымъ внутреннимъ услажденіемъ произнося это „Тоня“ и это „тебѣ“, и говоря себѣ, что онъ теперь „во всѣ старыя права свои вступилъ опять“.

— Нѣтъ, потому, что иначе бы позаботились бы вѣроятно, чтобъ я могла въѣхать сюда въ приготовленныя для житья въ нихъ комнаты, а не въ какой-то подвалъ, и чтобы были у меня, какъ я привыкла, приличные слуги, а не половые какіе-то изъ московскаго трактира...

Провъ Ефремовичъ ужасно сконфузился и почувствовалъ себя уколотымъ въ то же время.

— Что же, Тоня, какъ мы тутъ одни съ Евгеніемъ Владиміровичемъ жили, пріемовъ я никакихъ не дѣлалъ... А люди извѣстные мнѣ, вѣрные...

„Притомъ съ родни“, могъ бы онъ даже прибавить, такъ какъ нерѣчистый ключникъ Никандръ, чествовавшій его „вашею милостью“ и собственноручно только-что занимавшійся сниманіемъ чахловъ въ аппартаментѣ Антонины Дмитріевны, приходился ему троюроднымъ братомъ по отцу.

Красивая барыня слегка поморщилась.

— Ваши „вѣрные люди“ могутъ при васъ оставаться; только мнѣ ужь вы пожалуйста дайте *настоящихъ* и чтобъ я этихъ рубашекъ и подстриженныхъ головъ болѣе не видала: вы понимаете, что съ такою прислугой никого порядочнаго принимать у себя нельзя.

— Хорошо, Тоня, выговорилъ покорно Сусальцевъ, — я выпишу людей изъ Москвы.

Она одобрительно кивнула:

— Я вамъ дамъ списочекъ, какихъ и сколько ихъ мнѣ именно нужно... Да, вспомнила она тутъ же,—я хотѣла вамъ сказать (она говорила теперь короткою, владычною рѣчью, тономъ хозяйки, вошедшей опять въ обладаніе всѣми своими правами): я полагаю помѣстить губернатора и дядю его на той половинѣ, которая называется у васъ почему-то „князь-Ларіоновыми комнатами“, такъ вы пожалуйста распорядитесь, чтобъ онѣ къ этому времени были прибраны, какъ слѣдуетъ, и чтобы занавѣси навѣсили... Такая гадость эти голыя окна! брезгливо заключила она, щурясь и отворачиваясь отъ свѣта, вливавшагося дѣйствительно ослѣпительною волною въ будуаръ сквозь окна, кретоновыя занавѣси къ которымъ, только что вынутыя изъ хранившаго ихъ сундука, усиленно разглаживались теперь въ сосѣдней комнатѣ, по приказанію ключника Никандра, двумя дебелыми прачками въ ситцевыхъ сарафанахъ.

Прова Ефремовича видимо коробило опять отъ этихъ рѣчей. Онъ чувствовалъ, что ему не слѣдовало дозволять ей принять опять этотъ повелительный тонъ, слѣдовало протестовать, не допускать сводить себя съ положенія полновластнаго хозяина на степень „какого-то подневольнаго женѣ прикащика“... Но онъ менѣе всего въ эту минуту способенъ былъ сосредоточиться на мысли объ оскорбленіи его хозяйскаго достоинства. Она такъ неотразимо красиво возлежала теперь предъ нимъ въ этихъ кружекахъ своихъ и батистѣ, такъ чудно томенъ, казалось ему, былъ взглядъ обращавшихся на него глазъ ея, такъ свѣжо и сочно алѣли ея влажныя губы...

Онъ потянулся къ ней съ повернутою вверхъ ладонью:

— Ручку можно? проговорилъ онъ съ замирающимъ голосомъ.

Она чуть-чуть усмѣхнулась опять и лѣниво опустила на нее руку.

Онъ сжалъ ее почти до боли, приникая къ ней всѣмъ лицомъ своимъ.

— Тоня... ты моя? уже едва слышно прошепталъ онъ опять.

— Ахъ, оставьте!...

Она быстро высвободила свои пальцы изъ его желѣзной длани.

— Успѣете, какъ бы одумавшись и смягчаясь вдругъ, примолвила она тихо:—я устала, спать хочу...

„Успѣете“ звенѣло райскимъ звукомъ въ ушахъ влюбленнаго мужа.

— Краля ты моя, прелесть неописанная, спи, голубка, спи, залепеталъ онъ глухою интонаціей старой няни, убаюкивающей ребенка:—сама проснешься, или велишь разбудить когда?

— Да, къ обѣду... Въ которомъ часу у васъ здѣсь обѣдъ?

— Когда прикажешь. Въ пять что-ли?

— Пожалуй... Хорошъ у васъ поваръ? спросила она, не раскрывая глазъ.

— У насъ тутъ безъ тебя кухарка готовила... Искусная впрочемъ на русскія блюда, поспѣшилъ онъ прибавить въ извиненіе.

— Фи, гадость, я такъ отвыкла отъ грубой кухни... Вы ужь непремѣнно, сегодня же, подчеркнула она сквозь одолѣвавшій ее повидимому сонъ,—выпишите изъ Москвы повара... *хорошаго!..*

— Сегодня же исполню, Тонечка, успокоительно промолвилъ Провъ Ефремовичъ, осторожно подымаясь съ мѣста и окидывая въ послѣдній разъ жаднымъ взглядомъ соблазнительный обликъ жены.

Она чуть-чуть кивнула ему подбородкомъ:

— До свиданія, Probe, я сплю...

Онъ вышелъ на цыпочкахъ изъ комнаты. Кровь била ему въ виски, глаза застилалъ радужный, блаженный туманъ... Онъ спѣшилъ на воздухъ.

На площадкѣ подъѣзда, на томъ же желѣзномъ стулѣ, держа палку между ногъ, со сложенными на набалдашникъ ея руками, сидѣлъ все такъ же подъ широкополою панамой

своею Зяблинъ, видимо ожидая его и съ замѣтнымъ безпокойствомъ въ напряженномъ выраженіи лица.

— Ну что, благополучно? поспѣшилъ онъ спросить, завидѣвъ выходившаго изъ сѣней пріятеля.

— А вы что же думали, катавасія какая-либо произойдетъ, засмѣялся въ отвѣтъ на это Сусальцевъ.

— Нѣтъ, а все же, зная вашъ... пылкій характеръ...

— Мужикъ, прямо говорите, думали, кулаки сейчасъ въ ходъ пуститъ. Угадалъ, баринъ, а?

— Вы ошибаетесь, Провъ Ефремовичъ, отвѣтилъ какъ бы уже нѣсколько обиженно „бригантъ“:—я такого мнѣнія про васъ никогда не имѣлъ и не желалъ имѣть...

— Напрасно, баринъ, напрасно, потому какъ случится; въ иную минуту я за себя не отвѣчу... Ну, а тутъ не то вышло, совсѣмъ не...

Онъ оборвалъ на полусловѣ и, какъ-то вдругъ болѣзненно сморщивъ свое широкое загорѣлое лицо, устремилъ безцѣльно глаза въ пространство... *То*, съ чѣмъ онъ вышелъ изъ будуара жены, словно развѣивалъ теперь свѣжій вѣтерокъ, несшійся ему въ лицо изъ-подъ надвигавшейся по небу съ сѣвера дождевой тучи. Онъ жадно втягивалъ его себѣ въ легкія, словно послѣ пьяной ночной пирушки выходя изъ спертой атмосферы трактира. И чѣмъ бодрѣе физически начиналъ онъ себя чувствовать, тѣмъ тяжелѣе становилось у него на душѣ.

— Плоть-человѣкъ, духомъ немощенъ,—вотъ что, баринъ! выговорилъ онъ неожиданно, обернувшись къ Зяблину.

Тотъ вскинулъ на него недоумѣло свои старческіе глаза.

— Что такое?

Но пріятель его не отвѣтилъ. Онъ махнулъ рукой и направился быстрыми шагами подъ одну изъ висячихъ галлерей по пути къ конюшнямъ.

III.

O, zarte Sehnsucht, süsses Hoffen,
Der ersten Liebe goldne Zeit...
Schiller. *Das Lied von der Glocke.*

Мирно попрежнему текла жизнь во Всесвятскомъ. Но къ прежнему прибавилось теперь еще нѣчто новое, какая-то струя молодаго, животрепещущаго счастья. Нужно-ли докладывать догадливому читателю, изъ какого источника изливалась и текла она? Нужно-ли говорить ему притомъ, что не била она искрометными брызгами, не шумѣла грохотливымъ потокомъ, а неслась свѣтлымъ, еле еще замѣтнымъ для постороннихъ глазъ, но „отражавшимъ уже небо“ ручьемъ, какъ говорили въ старину поэты? Маша Троекурова и Гриша Юшковъ переживали еще ту первоначальную пору, ту зарю любви, когда чувство, какъ листья на деревьяхъ весной, только завязываетъ свои нѣжныя почки и, словно не вѣря еще себѣ самому, ждетъ, когда „съ востока яркаго все шире налетающіе дни“, по выраженію Фета, принесутъ ему достаточно тепла и силы для полнаго роста и цвѣтенія. Дружеская, почти братская пріязнь дѣвушки къ Гришѣ еще какъ бы робко, какъ бы колеблясь, отдавалась наплыву иного чего-то, болѣе проницающаго и захватывавшаго ее, внезапное ощущеніе чего иной разъ нежданно покрывало все лицо ея румянцемъ. Отношенія ея къ нему зачастую отзывались прежнимъ, привычнымъ ей ребяческимъ задоромъ, *дразненіемъ*, полунасмѣшливымъ, полунаставительнымъ тономъ, нѣсколько комическимъ тономъ какого-то превосходства, который она издавна приняла

въ обращеніи съ нимъ. Онъ, со своей стороны, старался держаться съ нею своей прежней манеры, чуть-чуть высокомѣрной снисходительности къ „балованному ребенку“, какъ называлъ онъ ее, „выходки“ котораго, какъ бы иногда и ни были онѣ колки для его самолюбія, „не могли, само собою, быть принимаемы имъ *въ серьезъ*“... Но оба они чувствовали особымъ, внутреннимъ чутьемъ, что все это, этотъ тонъ, эти насмѣшки, были не что иное, какъ какая-то игра, какая-то *комедія*, которую они „ломали“, *Богъ вѣсть для чего*, другъ предъ другомъ, и что „не то, не то совсѣмъ“ говоритъ у нихъ иной разъ языкъ и смѣхъ, „глупый смѣхъ“, вырывавшійся у нихъ изъ устъ, между тѣмъ какъ глаза его съ невольнымъ, всего его озарявшимъ восхищеніемъ останавливались на ней, а она досадливо чувствовала, что рдѣетъ вся, какъ маковъ цвѣтъ, подъ этимъ его прикованнымъ къ ней взглядомъ.... Ихъ встрѣчи и разговоры притомъ были не долги и всегда какъ-то спѣшны, хотя уже шла вторая недѣля, какъ жили они подъ однимъ кровомъ. Всѣ трое Юшковы, оба старика и Гриша, по приглашенію Троекуровыхъ, переѣхали къ нимъ на жительство изъ своихъ Угловъ, послѣ того, какъ Николай Ивановичъ Ѳирсовъ, испугавшись сильнаго припадка грудной жабы у почти восьмидесятилѣтняго теперь Василія Григорьевича, объявилъ имъ, что дни почтеннаго старца изочтены, и что ихъ продлить на нѣкоторое еще время можно лишь при самомъ тщательномъ и безпрерывномъ уходѣ за нимъ и постоянномъ наблюденіи врача, а что между тѣмъ самъ онъ, Ѳирсовъ, связанъ своею больницей во Всесвятскомъ и можетъ бывать въ Углахъ лишь наѣздомъ, а слѣдовательно отсутствовать въ ту самую минуту, когда больному понадобиться можетъ болѣе всего его присутствіе. Слѣдовало поэтому или выписать особаго „практиканта“ изъ Москвы, или перевезти страждущаго во Всесвятское, „гдѣ и онъ, медикъ, да и, что лучше его, всѣ женскіе *мозги* и руки дома будутъ къ услугамъ страдальца“, объяснялъ ни въ какія тяжелыя минуты не переставшій буфонить докторъ... Никакого „практиканта“, разумѣется, не выписали, а больнаго съ величайшими предосторожностями перевезли во Всесвятское, гдѣ онъ съ бра-

томъ и племянникомъ помѣщенъ былъ со всевозможнымъ удобствомъ въ одномъ изъ выходившихъ въ садъ павильйоновъ, значившихся „для гостей“, гдѣ жила когда-то княжна Кира Кубенская. Тамъ дѣйствительно нѣжныя женскія руки мягкимъ прикосновеніемъ своимъ заставляли его почти забывать свои страданія,—чуткіе женскіе „мозги“ угадывали заранѣе, предупреждая ихъ, его болѣзненныя прихоти... Троекуровы мать и дочь дежурили у него весь день, смѣняясь чрезъ каждые два часа. Анфиса Дмитріевна являлась вечеромъ и ночевала у него въ комнатѣ на большомъ диванѣ за его кроватью, невидимая имъ, но готовая каждую минуту, прерывая свою полудремоту, подбѣжать къ нему, перевернуть его своими сильными руками на другой бокъ, растереть затекшую руку, приподнять безсильно съѣхавшую съ подушки голову... Старецъ, впрочемъ, не испытывалъ мучительныхъ страданій: онъ тихо угасалъ, тяжелѣе дыша каждый день, начиная „не чувствовать уже болѣе ни рукъ, ни ногъ“. Но духомъ онъ былъ все также свѣтелъ; покрывавшіеся мутною пеленой, большіе голубые глаза теплились все еще не угасшимъ пламенемъ. „Я счастливъ“, говорилъ онъ, когда одышка давала ему быстротечный отдыхъ, — „я не надѣялся такъ умирать; сладко, когда точно ангельскія крылья вѣютъ надъ тобой“, улыбался онъ, со стоявшими на волоскахъ рѣсницъ блестящими слезками, наклонявшимся надъ нимъ этимъ женскимъ, старавшимся въ свою очередь успокоительно улыбаться ему, лицамъ. Къ полдню ему почти всегда становилось легче. Всѣ обитатели дома собирались въ тѣ часы кругомъ его кровати. Онъ любилъ видѣть ихъ тутъ „всѣхъ“, слушать „живой разговоръ“, стараясь вызвать на какое-нибудь „разсужденіе“ брата своего и Бориса Васильевича, а самому безмолвно внимать, не отрываясь въ то же время взглядомъ отъ Маши, отъ „этой другой, явившейся ему райскимъ видѣніемъ на разстояніи четверти вѣка“, какъ выражался онъ ей, когда она была еще пятнадцатилѣтняя дѣвочка, своимъ романтическимъ языкомъ временъ Свѣтланы... Но теперь эти тускнѣвшіе глаза его съ какимъ-то особымъ, какъ бы тревожнымъ вниманіемъ перебѣгали отъ нея къ сидѣвшему тутъ же, часто рядомъ съ

нею, племяннику, словно допытываясь, словно вопрошая и говоря ему: „Принялъ-ли ты во внутрь всю ея душевную прелесть, будешь-ли ты вѣкъ, всю жизнь, разумѣть и цѣнить даруемое тебѣ отъ неба сокровище?“...

Изо всѣхъ присутствовавшихъ словно одинъ только понималъ и въ свою очередь „принималъ себѣ во внутрь“ значеніе этихъ нѣмыхъ вопросовъ отходившаго къ вѣчности старика. Этотъ одинъ былъ Борисъ Васильевичъ Троекуровъ, и одинъ онъ глубоко задумывался и поникалъ челомъ отъ охватывавшей его затѣмъ душевной заботы, между тѣмъ какъ и Александра Павловна, и старый морякъ, обнимая тѣмъ же сочувственнымъ взглядомъ больнаго и молодыхъ людей, обмѣнивались мгновеннымъ взглядомъ и тихо улыбались угадываемой каждымъ у другаго мысли.

Разумѣли-ли, въ свою очередь, молодые люди сокровенный смыслъ этихъ допрашивавшихъ ихъ старческихъ взглядовъ, мы не знаемъ, но въ отвѣтной на нихъ улыбкѣ Маши не сказывалось, во всякомъ случаѣ, смущенія. „Не бойтесь за меня, я съумѣю постоять за свое счастье“, гораздо скорѣе говорили, казалось, ея прямо смотрѣвшіе глаза и твердо очерченныя линіи алыхъ губъ и круглаго, широкаго подбородка...

Такъ сидѣли они всѣ однажды кругомъ больнаго, когда вошедшая съ урочной чашкой молока, которымъ единственно питался теперь онъ, Анфиса Дмитріевна Ѳирсова передала въ полголоса бывшей своей „барынѣ“, что пріѣхала „одна особа“ и желаетъ видѣть ее, Александру Павловну, или Бориса Васильевича, не болѣе какъ на четверть часа, такъ какъ знаетъ, что имъ теперь не до постороннихъ и сидятъ они постоянно, какъ сказывали ей люди, у больнаго.

— Кто такой? спросила нѣсколько изумленно Александра Павловна: она какъ-то давно не имѣла случая принимать визиты.

— *Онѣ* теперь другую фамилію носятъ, Лариной называются, а только-что онѣ ужь были прежде у васъ; изъ Юрьева барышня, Настасья Дмитріевна...

— Борисъ, слышишь, Anastasie Bouinossof... L'artiste,

сочла нужнымъ объяснить Александра Павловна, поспѣшно вставая.

— А!.. Очень радъ... Изъ Москвы она? спросилъ онъ машинально Ѳирсову.

— Отъ сестры, должно быть, отъ Сусальцевой, отвѣтила та, ухмыльнувшись;—вернулась вѣдь та недавно изъ-за границы къ мужу.

Троекуровъ улыбнулся въ свою очередь:

— Это ужь, должо быть, молитвамъ вашимъ онъ обязанъ: вы вѣдь у нея съ Николаемъ Ивановичемъ посажеными были.

Ѳирсова закачала головой и рукой махнула.

— Однако я пойду къ ней... Она и тебя желаетъ видѣть, Борисъ, сказала Александра Павловна, — извините, Василій Григорьевичъ, милый!

— Ахъ вы, мои дорогіе, да развѣ вы изъ-за меня стѣснять себя будете? проговорилъ онъ сквозь одышку, глядя на нее съ безконечнымъ умиленіемъ и благодарностью...

— Какъ я рада, какъ я рада видѣть васъ, милая! говорила Александра Павловна, входя въ гостиную и издали еще протягивая обѣ руки быстро шедшей ей навстрѣчу Лариной.

Онѣ обнялись.

— Наконецъ-то вздумали вы вернуться въ родныя мѣста... Вы изъ Москвы теперь?

— Да.

— Прямо?

— Съ желѣзной дороги прямехонько, улыбнулась дѣвушка.

— Вотъ это прелестно, спасибо, милая,—это значитъ, вы насъ не забыли.

— Никогда, Александра Павловна, никогда не забуду васъ и Бориса Васильевича! вскликнула тронутымъ голосомъ Настасья Дмитріевна:—вы были для меня утѣшителями, поддержали мою бодрость въ самую тяжелую минуту моей жизни, это не забывается...

— Полноте, милая! поспѣшила прервать ее Троекурова.— Вы у насъ поживете?

— Ахъ, нѣтъ, мнѣ надо къ сестрѣ, въ Сицкое... И при-

томъ, я знаю, вамъ не до гостей, у васъ тяжело больной другъ въ домѣ...

— Да, глубоко вздохнула Александра Павловна, — онъ, бѣдный, доживаетъ послѣдніе дни; ему вѣдь ужь восемьдесятъ лѣтъ скоро, и такая болѣзнь... Но вы вѣдь добрая, вы не взыщете, мы перемежаемся у него съ Машей, а когда у меня свободные часы, я была бы такъ рада быть съ вами... Видите, какая я эгоистка, примолвила она, пожимая руки молодой гостьи.

— Вы ангелъ! задушевно отвѣтила та,—и побыть съ вами, прямо говорю, было бы для меня счастье; я вотъ только-что вошла въ ваши стѣны, а ужь на меня повѣяло чѣмъ-то успокоительнымъ и чистымъ... Все равно, какъ у Лизаветы Ивановны... Вѣдь я у нея жила все время въ Москвѣ, прибавила она съ тихою усмѣшкой.

— Да, я знаю, она мнѣ писала... Я такъ рада этому, если бы вы знали! Я скажу вамъ откровенно,—и Александра Павловна какъ бы нѣсколько смутилась тѣмъ, что желала сказать:—когда вы такъ рѣшительно объявили мнѣ, что хотите сдѣлаться... *артисткой* (она словно не смѣла сказать „актрисой“), мнѣ было ужасно страшно въ первое время за васъ... Можетъ быть очень глупо съ моей стороны, но у меня ужь такія *старыя* понятія; вы меня заинтересовали съ перваго того раза, когда пріѣзжали къ намъ après la mort de monsieur votre père; я все мучилась мыслью, все думала, что такая жизнь для дѣвушки... но когда я узнала потомъ,—Николай Ивановичъ имѣлъ про васъ постоянныя извѣстія и вы ему даже писали,—какъ вы себя умѣли поставить и что вы въ Москвѣ живете у моей доброй Лизаветушки, тогда я совсѣмъ успокоилась... Такъ неужели же вы у насъ нисколько не останетесь? прерывая себя, оживленно спросила она опять.

Ларина умиленными глазами глядѣла на „андела Сашеньку“, какъ продолжала называть Троекурову хозяйка ея въ Москвѣ. „Вотъ здѣсь, дѣйствительно, душой отдохнешь“, проносилось у нея въ мысли; „а *тамъ*, я знаю, пытка ждетъ“...

Она уѣхала изъ Москвы послѣ послѣдняго, блестящаго представленія *Коварства и Любви*, даннаго въ пользу какого-

то благотворительнаго дѣла въ театрѣ Секретарева, и на которомъ она въ роли *Луизы* произвела, какъ говорится, „настоящій фуроръ“,—уѣхала, вызванная письмомъ шурина своего, Прова Ефремовича Сусальцева, заключавшагося въ слѣдующихъ, довольно лаконическихъ строкахъ:

„Любезная сестрица, Анастасія Дмитріевна! Всегдашнее уваженіе мое къ вамъ и какъ вы самая разсудительная и способная всякое обстоятельство обсудить здраво и въ настоящемъ разумѣ, то я осмѣлюсь васъ просить въ особую мнѣ милость, а также въ удовольствіе, полагаю, вашей сестрицѣ, а моей супругѣ Антонинѣ Дмитріевнѣ, прибывшей на дняхъ сюда изъ чужихъ краевъ, пожаловать къ намъ погостить въ усадьбу мою Сицкое, гдѣ все готово для встрѣчи вашей съ честью и великою къ тому, какъ не можете сомнѣваться, съ моей стороны радостью. А также и со стороны сестрицы вашей безъ сомнѣнія. Если благоволите телеграфировать, когда полагаете прибыть, за вами на станцію вышлются лошади.

„Съ моею постоянною къ вамъ уважительностью и братскимъ, смѣю сказать, расположеніемъ, пребываю вашъ готовый къ услугамъ, П. С.

Сестра ея вернулась къ мужу?.. Она со дня посѣщенія ея Сусальцевымъ на ея квартирѣ у Лизаветы Ивановны не имѣла никакой вѣсти о ней. А теперь шуринъ обращается къ ней за помощью,—„за помощью“, да: онъ очевидно не ждалъ ея возвращенія и теперь „не знаетъ, какъ быть съ этою своевольною, капризною, безсердечною Тоней“; онъ чувствуетъ, что она, Настя, нужна ему, *имъ*, что безъ нея, можетъ быть, пойдетъ, если ужь не идетъ, такая сумятица, „такой кавардакъ...“ Она собралась въ два дня и поѣхала.

— Я не могу оставаться у васъ долго, добрѣйшая Александра Павловна, объясняла она, вздыхая,—за мною выслалъ beau frère мой лошадей на станцію прямо везти меня къ нимъ въ Сицкое, а я, вотъ видите, свернула на нихъ вмѣсто того къ вамъ, хотѣла скорѣе обнять васъ, увидѣть опять ваши милыя мѣста...

— Вы ихъ отошлите сейчасъ, а васъ потомъ наши лошади отвезутъ... — Нѣтъ, впрочемъ, перебила себя тутъ же

Троекурова и даже покраснѣла слегка,—это можетъ ихъ обидѣть, я понимаю, они вѣроятно нетерпѣливо ждутъ васъ, а мы васъ точно нарочно на дорогѣ перехватили.

— Я имъ нужна, я думаю, да, сказала на это раздумчиво дѣвушка,—и думаю даже объ этомъ со страхомъ, признаюсь вамъ, добавила она съ какою-то внезапною откровенностью,—я, ѣдучи сюда, говорила себѣ, что надо мнѣ будетъ объ этомъ именно посовѣтываться съ вами и Борисомъ Васильевичемъ; вы показали мнѣ оба такъ много расположенія, что я рѣшаюсь...

— Да вотъ онъ самъ, Борисъ, перебила ее хозяйка, указывая на входившаго въ гостиную мужа.

Настасья Дмитріевна быстро поднялась съ мѣста, направляясь къ нему. Онъ крѣпко, дружески пожалъ ея руки и, не выпуская еще ихъ изъ своихъ, внимательно и ласково, съ легкою улыбкой, глянулъ ей въ лицо:

— Хорошо живете? Нѣсколько пополнѣли даже, и на лицѣ ни слѣда сценическихъ передрягъ, ниже притираній, промолвилъ шутливо онъ;—очень радъ васъ видѣть, молодая особа. Объ успѣхахъ вашихъ знаю, читалъ; не сомнѣвался, впрочемъ, никогда и даже, какъ помните, благословилъ на дѣло, не смотря на оппозицію моей генеральши.

И онъ съ ласковою насмѣшливостью взглянулъ на жену, вызывая видимо въ ней этимъ какую-то радостную отвѣтную усмѣшку.

— И кончилось тѣмъ, что сама „генеральша“, засмѣялась Ларина,—помирилась съ нимъ, съ этимъ моимъ *ужаснымъ* дѣломъ, подчеркнула она тѣмъ же веселымъ тономъ.

— А теперь, Борисъ, наша милая артистка ѣдетъ къ своимъ въ Сицкое и хочетъ опять посовѣтоваться съ тобою о чемъ-то, поспѣшила сказать ему жена.

Онъ опустился на стулъ противъ нихъ.

— И отлично; говорите, а мы будемъ слушать, барышня.

„Ахъ, какіе милые люди“! говорила себѣ дѣвушка, вспоминая опять, что „*тамъ* ждетъ ее пытка“. И она торопливо, какъ бы не желая пропустить того добраго настроенія, которое побуждало ее теперь „*выложить все, все*“ предъ этими

„*милыми людьми*“, передала имъ о несогласіи, „вышедшемъ между сестрой ея и ея мужемъ“, о причинѣ этого несогласія, о „*трудномъ* характерѣ Тони, съ которымъ не одному Прову Ефремовичу не легко справиться“, о ея нежданномъ теперь пріѣздѣ къ нему послѣ того, какъ она противъ его воли осталась одна за границей и цѣлые полгода не давала ему знать о себѣ, „точно пропала совсѣмъ, въ воду канула“.

— И вотъ что онъ мнѣ теперь пишетъ, молвила она, вынимая изъ кармана письмо шурина и протягивая его Троекурову.

Онъ пробѣжалъ его глазами, чуть-чуть невольно усмѣхаясь его своеобразной, *купецкой* редакціи.

— Человѣкъ онъ не дурной и не глупый, этотъ вашъ beau frère.

— Даже и очень не дурной, лучше Тони, прямо скажу, хотя она мнѣ и сестра родная, подтвердила, вздохнувъ опять, Настасья Дмитріевна.

— Я съ нимъ встрѣчался за границей въ прошломъ году. Онъ, скажу вамъ откровенно, возбуждалъ во мнѣ всегда жалость къ себѣ. Запрегъ себя самъ конь въ короткія оглобли, длиненъ шагъ, а ходу нѣтъ, и наѣздникъ помыкаетъ имъ какъ опоенною клячей, сестрица, то-есть, ваша въ этой должности наѣздника, если позволите мнѣ такъ выразиться.

— Именно такъ! качнула головой она,—и то страшно, что въ одинъ прекрасный день конь этотъ потеряетъ терпѣніе и можетъ лягнуть такъ, что и конь, и наѣздникъ разлетятся въ дребезги.

Борисъ Васильевичъ не то презрительно, не то печально шевельнулъ плечомъ:

— Вы это что же, по *Китъ Китычамъ* Островскаго судите? Но типы Островскаго въ настоящую пору ужь пережитой историческій моментъ. Россійскій „прогрессъ“ проникъ и до Китая-города, купеческія дочки зачитываются Дарвиномъ, а маменьки ихъ разсуждаютъ о послѣднемъ романѣ Zola по прочтенному ими фельетону петербургской газеты, а не то даже и по оригиналу. Никто ужь въ этомъ мірѣ по Домострою жизни своей не правитъ, а тѣмъ паче *передовики* въ

родѣ почтеннаго Прова Ефремовича, вкусившаго всласть отъ прелестей парижскихъ бульваровъ. *Отечественный нервъ* давно ужь у него притупился: „покуражится“, какъ выражаются они, малую толику, это еще пожалуй, а въ уздѣ все-таки останется: сестрица ваша дѣло свое знаетъ.

— Мнѣ жаль его и совѣстно за нее, проговорила уныло Ларина:—я знаю наперед, что онъ будетъ мнѣ на нее жаловаться и просить „уговорить“ ее... Но въ чемъ уговаривать? Отказаться отъ своей и подчиниться *его* волѣ? Такъ развѣ она на это способна, если бы даже и признала это *въ принципѣ* правильнымъ? Она родилась владычицей.

Троекуровъ утвердительно качнулъ подбородкомъ. Молча внимавшая разговору Александра Павловна какъ-то жалостливо вздохнула и тихо закачала головой: есть же, молъ, такія женщины.

— А если хотите принять мой совѣтъ, сказалъ онъ въ отвѣтъ гостьѣ,—постарайтесь отстраниться ото всякаго вмѣшательства и предоставьте имъ разобраться самимъ. Сестрица ваша во всякомъ случаѣ въ накладѣ не останется, а онъ...

— Можетъ кончиться тѣмъ, что они разведутся, проговорила она какъ бы испуганно.

Онъ засмѣялся.

— Это опять-таки, думаю, вышло бы Антонинѣ Дмитріевнѣ на руку. Но и это едва-ли предполагать можно: въ концѣ концовъ почтенный Провъ Ефремовичъ чувствуетъ себя въ душѣ польщеннымъ имѣть женой такую *Европейку*, какъ ваша сестрица.

Она поникла головой и еще разъ вздохнула.

— А что же *вы*, вы намъ *о себѣ* разскажите, участливо заговорилъ опять Борисъ Васильевичъ.

— Я все вамъ разскажу, все, когда-нибудь въ другой разъ, если позволите. А теперь я точно на иголкахъ, все думаю, что меня тамъ ждутъ, безпокоятся... Я только хотѣла бы на вашу Марью Борисовну прелестную взглянуть, если можно, обратилась она къ Троекуровой.

— Я ее велю позвать сейчасъ, сказала та, протягивая руку къ пуговицѣ воздушнаго звонка у стѣны...

Но въ эту самую минуту, быстро отворяя дверь, выходившую въ садъ, внеслась въ комнату сама Маша съ огромнымъ букетомъ ландышей въ рукѣ.

— Не дамъ, не дамъ ни цвѣточка, кричала она, полуобернувшись лицомъ къ саду, кому-то, очевидно бѣжавшему за нею; она вся запыхалась и ускоренно переводила дыханіе; широкополая соломенная шляпа ея, зацѣпившись бокомъ за дверь, съѣхала на сторону, и она со смѣхомъ сорвала ее съ головы;—можете сами нарвать, я не для васъ старалась!

— Маша! кликнула ее мать.

Она быстро обернулась, прищурилась со свѣта въ сравнительную темноту комнаты.

— Ахъ, Настасья Дмитріевна! вскрикнула она, узнавая и кидаясь къ гостьѣ,—я и не знала, что вы здѣсь!

Она своимъ мужскимъ рукожатіемъ дружески, то-есть чуть не до боли, стиснула тонкіе пальцы актрисы, радостно улыбаясь ей, между тѣмъ какъ та съ нескрываемымъ восхищеніемъ любовалась во всѣ глаза ея сіяющею, молодою красотой.

— Ахъ, сколько я о васъ слышала прошлою зимой въ Москвѣ, у тетки Бородиной! Тамъ кажется всѣ влюблены въ васъ, и мущины, и женщины, всѣ въ восторгѣ отъ вашего таланта, и мнѣ такъ хотѣлось, такъ хотѣлось васъ видѣть, но мнѣ не удалось, я всего оставалась тамъ три дня, а въ это время вы не играли...

Она тутъ же обернулась на входившаго теперь, въ свою очередь, въ гостиную изъ сада молодаго человѣка и разсмѣялась своимъ звонкимъ, дѣвичьимъ смѣхомъ.

— Ландышей вамъ ни-ни, не стоите, а ступайте скорѣе сюда и поднесите ихъ отъ моего имени большому русскому таланту; жалую васъ въ званіе моего портъ-букетмейстера, выговорила она нарочно словно давясь.

Гриша Юшковъ, нѣсколько смущенно и неловко принявъ букетъ изъ рукъ юной красавицы, передалъ его Лариной съ поклономъ и насилованною усмѣшкой. Онъ никакъ не ждалъ видѣть ее въ эту минуту, да и вообще *здѣсь*, и его словно кольнуло, какъ это бывало каждый разъ съ нимъ при воспоминаніи объ отношеніяхъ своихъ къ Буйносовымъ.

Какая-то, тутъ же впрочемъ потухшая, искорка пробѣжала и въ глазахъ актрисы. Но смятенія въ душѣ ея не подняла эта нежданная встрѣча съ нимъ: то *прежнее* „безслѣдно“, сказывалось ей въ эту минуту, исчезло изъ души ея.

— Спасибо вамъ, моя прелестная, весело промолвила она, — и вашему porte-présent то же. Здравствуйте, Григорій Павловичъ.

Она протянула ему правую руку, принимая другою подносимые имъ ландыши и погружая въ нихъ лицо.

— Прелесть!... Вѣдь эти ландыши почти все равно, что̀ ваша фотографическая карточка, Марья Борисовна, улыбнулась она, все съ тѣмъ же искреннимъ *любованіемъ* глядя на нее.

Маша комически присѣла и раскланялась.

— Вы ее окончательно испортите, закачала головой Александра Павловна:—она у насъ и такъ самонадѣянна.

— Не „надѣянна“, а „стоятельна“: са-мо-сто-я-тельна, отчеканила слогораздѣльно и смѣясь дѣвушка, — спросите у Григорія Павловича.

— Самовольны, еще вѣрнѣе, отвѣтилъ онъ на это съ полуусмѣшкой.

Борисъ Васильевичъ прищурился на обоихъ и какъ-то машинально, про себя, качнулъ головой въ свою очередь.

Маша искоса поглядѣла на молодаго человѣка, опустила голову и слегка прикусила себѣ губу: могла бы, молъ, многое тебѣ на это сказать, да не хочу.

Настасья Дмитріевна между тѣмъ собралась уѣзжать. Она перецѣловалась еще разъ съ Троекуровой и ея дочерью, пожала руки мущинамъ и, повторивъ, что ее ждутъ сестра и шуринъ, обѣщала „непремѣнно пріѣхать опять, какъ только обстоятельства позволятъ“, и торопливо направилась къ передней. Ее пошли провожать всѣ на крыльцо.

Александра Павловна по ея отъѣздѣ вернулась опять на свое „дежурство“ къ больному; Борисъ Васильевичъ прошелъ въ кабинетъ. Молодые люди остались на крыльцѣ, какъ бы не зная, что̀ дѣлать и куда итти.

— Вамъ когда очередь? спросилъ Гриша.

Она подняла голову на большіе часы башенки, возвышавшейся надъ фронтономъ дома.

— Чрезъ часъ и двадцать пять минутъ;—а что?

— Такъ, я спрашиваю...

— Pour passer le temps?

— А до того времени что вы полагаете съ собой дѣлать?

Она лукаво прищурилась на него.

— Другими словами, вы желаете, чтобъ этимъ еще свободнымъ моимъ временемъ я пожертвовала вамъ?

Голосъ у него чуть-чуть дрогнулъ.

— А съ вашей стороны это будетъ „жертва?“

— Смотря какъ! Если вы обѣщаете мнѣ быть большимъ умникомъ...

— А по-вашему что подъ этимъ понимается?

Они, между тѣмъ, какъ бы безотчетно спустившись съ крылечныхъ ступенекъ, медленно шли бокъ-о-бокъ мимо фасада дома, направляясь къ калиткѣ сада, откуда за нѣсколько минутъ предъ этимъ вбѣжали въ гостиную послѣ прогулки въ самой глуби его за рѣчкой, гдѣ Маша, въ какомъ-то внезапно налетѣвшемъ на нее капризномъ настроеніи духа, молча набирала роившіеся въ изобиліи подъ старыми кленами благоухающіе цвѣты, изъ которыхъ „ни одного“, какъ мы уже знаемъ, не хотѣла отдать Гришѣ, отвѣчая на его просьбы объ этомъ, что онъ „самъ нарвать можетъ, а не *сентиментальничать по-нѣмецки*“. Въ настоящую минуту настроеніе это, казалось ему, „успѣло соскочить съ нея“; но онъ дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, и только поглядывалъ на нее осторожно избока, стараясь угадать, о чемъ именно думала она въ этотъ мигъ.

Но она молчала, оставивъ его вопросъ безъ отвѣта, и шла дальше, опустивъ глаза и вертя около губъ сорванную ею мимоходомъ вѣточку сирени.

Они вошли въ садъ подъ густолиственную сѣнь старыхъ, тихо шелестившихъ липъ.

Она вдругъ остановилась, обернулась на него и зорко глянула ему въ лицо.

— Вы не ожидали увидѣть эту даму? спросила она быстро, какъ бы обрывая.

— Нѣтъ, нѣсколько озадаченно отвѣтилъ онъ, хотя еще только сейчасъ на крыльцѣ говорилъ себѣ мысленно, что у нея съ нимъ будетъ непремѣнно разговоръ „объ этомъ“.

— И что же вы, ничего?

— То-есть что именно? усмѣхнулся онъ нарочно.

— Сердце не ёкнуло?

Онъ пожалъ плечомъ:

— Вы опять за то же!...

— Не нравится „тревожить язвы старыхъ ранъ“... У кого, бишь, это сказано, не помните?

— Не помню.

Она покачала головой и засмѣялась:

— Разгнѣвались!... Какъ вамъ это не идетъ, если бы вы знали!...

— Нѣтъ, послушайте, Маша... Марья Борисовна, счелъ онъ почему-то нужнымъ поправиться,—пора наконецъ этому положить конецъ. Неужели ничего другаго не имѣемъ мы сказать другъ другу?... Неужели, поправился онъ опять,—почитаете вы своею непремѣнною обязанностью *донимать* меня этимъ вѣчнымъ напоминаніемъ о томъ, что давно прошло, сгинуло, стаяло, какъ прошлогодній снѣгъ...

— Такъ-ли? протянула, перебивая его, дѣвушка;—послушайте, Гриша, заговорила она вѣско, какъ бы обдумывая каждое свое слово,—вы слышали, сейчасъ она говорила: сестра ея вернулась, та, ваша *прежняя;* вы можете опять съ нею встрѣтиться, она васъ опять... завертитъ, вы такой... безпомощный!

— Да что-жь это за мука, Господи! вскликнулъ онъ тоскливо,—за кого же вы меня наконецъ принимаете!...

— Я это не для себя говорю, тѣмъ же вѣскимъ тономъ возразила она;—если-бъ *это* случилось, вы знаете, вы бы совсѣмъ уже пропали въ глазахъ рара, да и maman тоже; вы знаете, что и теперь... Я не знаю, какъ это сказать по-русски: il y a hésitation chez eux...

Гриша схватилъ ее за обѣ руки: онъ загорѣлся весь, глаза его блистали:

— А у васъ, Маша, у васъ, говорите, ради Бога! У васъ этой hésitation, этого колебанія нѣтъ, вы вѣрите въ меня?

Вѣки ея судорожно моргнули. Она не отняла рукъ своихъ и въ свою очередь глянула ему прямо въ глаза:

— Меня заслужить надо, Гриша, это вы поймите, проговорила она съ какимъ-то страннымъ смѣшеніемъ гордости и нѣжности въ звукѣ дрогнувшаго голоса и обернулась, вся заалѣвъ...

IV.

Es ist kein leerer schmeichelnder Wahn
Erzeugt im Gehirne der Thoren,
Im Herzen kündet es laut sich an:
Zu was Besserm sind wir geboren;
Und was die innere Stimme spricht,
Das täuscht die hoffende Seele nicht.

Schiller. *Hoffnung.*

Больной угасалъ съ каждымъ днемъ. Онъ говорилъ все рѣже, все медленнѣе, все съ бо́льшимъ усиліемъ. Онъ зачастую задыхался, такъ что съ мгновенія на мгновеніе можно было ожидать *послѣдняго.* Докторъ Ѳирсовъ уже не отходилъ отъ него и не допускалъ болѣе „собираться *гуртомъ*“ вокругъ его постели: „ему и такъ мало воздуху“, говорилъ онъ. Кислородъ, который давали вдыхать страдальцу, уже не облегчалъ его, какъ прежде. „Атрофія нервовъ“, объяснялъ сквозь зубы Николай Ивановичъ... Уже былъ священникъ: исповѣдалъ и причастилъ его... Глубокое уныніе завладѣло всѣмъ домомъ: господа и люди равно скорбѣли сердцемъ о „святомъ старичкѣ“, какъ называла его Анфиса Дмитріевна.

И вотъ минута настала. Утромъ, въ десятомъ часу, въ столовой только собрались къ первому завтраку, поспѣшно вошла въ нее заплаканная Ѳирсова со словами: „Пожалуйте, желаетъ видѣть всѣхъ“.

Всѣ вскочили съ мѣстъ.

— Отходитъ? еле слышно, поблѣднѣвъ какъ полотно, проговорилъ Павелъ Григорьевичъ... Ноги его подвернулись отъ внезапной слабости, и онъ опять упалъ въ свое кресло.

Сынъ и сидѣвшій подлѣ него учитель Молотковъ кинулись къ нему.

— Ничего, ничего, усиленно пролепеталъ онъ, стараясь улыбнуться и приподымаясь опять при ихъ помощи.

Они взяли его подъ руки.

— Спасибо, самъ пойду, говорилъ, бодрясь, старый морякъ, и зашагалъ за выбѣжавшею уже изъ столовой семьей Троекуровыхъ; но Гриша чувствовалъ, какъ тяжело опиралась на его локоть рука отца и съ какимъ замѣтнымъ трудомъ передвигалъ онъ дрожавшія отъ волненія ноги. „Господи, неужели и онъ...“ пронеслось съ ужасомъ въ мысли молодаго человѣка.

Умирающій лежалъ, или, вѣрнѣе, сидѣлъ въ своей постели, съ горой подушекъ за спиной, на верхней изъ нихъ покоилась, слегка завалившись назадъ, его большая, худая голова съ широко открытыми глазами, словно въ какомъ-то пушистомъ облакѣ облегавшихъ ее какъ снѣгъ бѣлыхъ, длинныхъ и все еще кудрявившихся волосъ. На лицѣ скрывалось изнеможеніе, не мука. Потухавшій взглядъ направленъ былъ на приходившуюся прямо противъ его кровати дверь, изъ которой, притаивъ дыханіе, съ тѣмъ чувствомъ растерянности и неловкости, которое овладѣваетъ людьми въ этихъ случаяхъ, входили одинъ за другимъ друзья его проститься съ нимъ навѣки...

Николай Ивановичъ Ѳирсовъ, сумрачный и важный, какимъ еще никогда не видали его, держалъ пульсъ у кисти безжизненно лежавшей на бѣломъ пикейномъ одѣялѣ руки его, не отрываясь глазами въ то же время отъ стрѣлки дорожныхъ бронзовыхъ часовъ въ футлярѣ, стоявшихъ на столикѣ по другой сторонѣ кровати.

— Дорогіе мои! послышался задыхавшійся голосъ старика...

Медлительная, съ выраженіемъ какого-то таинственнаго, одному ему будто понятнаго, счастія улыбка складывалась на его синѣвшихъ уже губахъ:

— Отхожу въ лоно Вѣчнаго, къ Творцу моему... Простите, всѣ!..

Померкшіе глаза его остановились на Александрѣ Павловнѣ:

— Благословите... меня... чистая! внятно прошепталъ онъ.

Она быстро подошла, подняла сложенные пальцы, широко перекрестила его и приложилась губами къ его лбу, глотая слезы, удерживая чрезъ силу душившее ее рыданіе.

— Маша, пролепеталъ онъ тутъ же.

Маша, скользнувъ изъ-за плеча матери и судорожно кривя губы, припала лбомъ къ его подушкѣ, цѣлуя его сѣдые, шерстившіе нѣжныя щеки ея, волосы.

Онъ послѣднимъ усиліемъ какъ бы прижался къ ней; рука, которую онъ видимо хотѣхъ поднять надъ головой ея, съ мучительною натугой шевелила безсильными, костенѣвшими уже пальцами...

— Тамъ... *съ нею*... о тебѣ... пролепеталъ онъ какъ въ бреду. Но Маша поняла: на порогѣ иной жизни это было у него все то же представленіе о какой-то идеальной связи между ею и *тою*, давно отошедшею въ вѣчность княжною Линой Шастуновой, „съ которой встрѣтится онъ тамъ...“

— За отцомъ Матвѣемъ послали? отойдя отъ постели, торопливо спрашивала между тѣмъ Александра Павловна на ухо Анфисы Дмитріевны.

Та утвердительно кивнула.

Высокій, строгаго вида священникъ входилъ въ эту же минуту въ комнату.

Окружавшіе постель разступились, давая ему пройти... Лучъ солнца, пробиваясь изъ-подъ опущенныхъ сторъ, блеснулъ на позолотѣ креста, поднятаго имъ надъ умиравшимъ...

— *Вѣровахъ, тѣмъ же возлаголахъ*, явственно и умиленно произнесъ тотъ.

Докторъ, не выпуская руки его изъ нажатыхъ на пульсъ пальцевъ своихъ, обвелъ окружающихъ быстрымъ, строгимъ взглядомъ: „Сейчасъ конецъ“, говорилъ этотъ взглядъ...

— Василій, братъ!.. неудержимо вскликнулъ, роняя голову на одѣяло, Павелъ Григорьевичъ, котораго сынъ опустилъ на кресло подлѣ постели...

— Голубчикъ... прощай!.. Всѣ... простите... послышался

опять предсмертно хрипѣвшій уже голосъ старца. Мутные глаза его какъ бы старались обнять, собрать въ одинъ фокусъ эти всѣ наклонившіяся надъ нимъ милыя ему лица...

И вдругъ, словно весь озаренный неземнымъ уже восторгомъ, усиленно моргая вѣками, какъ бы отстаивая свой остатный мигъ жизни для послѣдняго завѣта:

— Да не гаснутъ свѣточи въ рукахъ вашихъ!.. проговорилъ онъ и затихъ весь...

— Отходную, батюшка, шепнула Анфиса отцу Матвѣю.

— *Владыко Господи Вседержителю, Отче Господа нашего Іисуса Христа, иже не хотяй смерти грѣшному, но обращенія и живота, молимся и Ти дѣмъ...* полушопотомъ началъ священникъ.

— *Господи помилуй!* раздался дрожащій юношескій голосъ, голосъ Васи. Онъ стоялъ за всѣми, скрестивъ опущенныя руки и не отрываясь полными слезъ глазами отъ изнеможеннаго лика отходившаго, какъ бы воспринимая внутрь себя это зрѣлище безбоязненной, „непостыдной, мирной“ кончины...

— *Душу раба Твоего Василія отъ всякія узы разрѣши и остави прегрѣшенія ему, яже отъ юности, вѣдомая и невѣдомая...*

Николай Ивановичъ Ѳирсовъ выпустилъ изъ своей руку Василія Григорьевича, поднялъ голову и перекрестился.

Всѣ единымъ движеніемъ опустились на колѣни... Женщины зарыдали... Все также не отрывавшіеся отъ усопшаго глаза Васи сіяли какъ двѣ звѣзды.

— Праведникъ былъ! прошепталъ какъ бы про себя отецъ Матвѣй...

Смерть брата произвела на Павла Григорьевича Юшкова поражающее впечатлѣніе, какъ ни былъ онъ приготовленъ къ ней издавна. Но самъ онъ былъ далеко не молодъ, а прежняя трудовая морская жизнь и Севастопольское *сидѣнье* конечно не даромъ были имъ прожиты... Его должны были на рукахъ поднять со смертнаго одра брата, на который безсильно рухнулъ онъ грудью въ минуту послѣдняго цѣлованья: у него

отнялись ноги... Докторъ увѣрялъ впрочемъ и его, и всѣхъ остальныхъ въ домѣ, что это „локальное“ и временное нервное пораженіе, не грозящее нисколько общему состоянію организма, и которое непремѣнно должно уступить лѣченію электричествомъ и массажемъ, „превосходно приспособляемыми теперь наукой къ такого рода случаямъ“ (изъ Москвы поэтому поспѣшно выписанъ былъ для сего какой-то извѣстный массажеръ, а молодой, недавно поступившій въ больницу Всесвятскаго помощникомъ къ Николаю Ивановичу, врачъ, спеціально занимавшійся въ Москвѣ электротерапіей, являлся каждое утро въ комнату Павла Григорьевича пользовать его по всѣмъ правиламъ ея), но съ женой онъ былъ болѣе откровененъ: „Въ эти годы подшибленнаго танцоромъ опять не поставишь“, говорилъ онъ со своимъ всегдашнимъ добродушнымъ шутовствомъ,—„ну, а на облегченіе все же надѣяться можно“...

Усопшаго повезли хоронить въ Углы, рядомъ съ покойною Вѣрой Ѳоминичной Юшковой. Старый морякъ, не смотря ни на какія увѣщанія доктора и Троекуровыхъ, присутствовалъ при отпѣваніи и погребеніи, вися на плечахъ сына и слугъ, поддерживавшихъ его съ обѣихъ сторонъ, такъ какъ сѣсть въ кресло во время службы онъ ни за что не согласился... Подлѣ могилъ жены и брата онъ тутъ же велѣлъ вырыть заранѣе третью для себя, и долго не соглашался переѣхать опять во Всесвятское, какъ о томъ настоятельно просили Троекуровы и, чуть не бранясь, требовалъ Николай Ивановичъ. „Оставьте меня съ *ними* послѣдніе дни доживать“, говорилъ онъ, указывая на эти родныя ему могилы... Одно „простое разсужденіе“ Маши, какъ выражалась она, заставило его уступить. „А какъ же Гришѣ быть?“ говорила она: „вѣдь если-бъ онъ не остался съ вами въ Углахъ, я бы его *презирала*, а безъ него также мнѣ... и всѣмъ намъ“, поспѣшила она прибавить, „скучно будетъ“. Какъ ни глубоко печаленъ былъ старый морякъ, онъ не могъ не усмѣхнуться. „Противъ васъ, какъ при Нордъ-Остѣ, никакіе паруса не устоятъ“, отвѣтилъ онъ и переѣхалъ опять въ павильонъ Всесвятскаго, занявъ себѣ теперь подъ спальню именно ту комнату, гдѣ отошелъ въ жизнь вѣчную „праведникъ-братъ“...

V.

Дни, слѣдовавшіе за возвращеніемъ Троекуровыхъ и Павла Григорьевича изъ Угловъ, были тяжелы и для него, и для нихъ. Домъ съ утра до вечера былъ полонъ гостей. „Весь уѣздъ“, какъ говорится, мѣстное дворянство и земство сочли нужнымъ перебывать во Всесвятскомъ у почтеннаго старика предводителя, котораго дѣйствительно любили весьма многіе, а не уважать не могъ никто, для выраженія своихъ соболѣзнованій по случаю кончины его брата и приключившагося съ нимъ самимъ недуга. Кромѣ участія, не малое число „соболѣзновавшихъ“ побуждены были къ этому желаніемъ узнать, настолько-ли этотъ недугъ важенъ, чтобы заставить старика рѣшительно отказаться отъ лежавшей на немъ должности, и дѣйствительно-ли въ такомъ случаѣ вступитъ въ исправленіе ея, какъ подбаллотированный къ нему кандидатъ, „генералъ“ Троекуровъ, такъ упорно и въ теченіе столь долгихъ лѣтъ отказывавшійся ото всякой общественной службы. Вопросъ этотъ былъ весьма важенъ для нѣкоторыхъ явныхъ и тайныхъ уѣздныхъ честолюбцевъ и интригановъ. Свищовъ, узнавъ о случившемся, возликовалъ душой: предъ нимъ открывалось теперь обширное поле дѣйствій...

Поединокъ, устроенный стараніями его между графомъ Снядецкимъ-Лупандинымъ и Островетовымъ, въ видахъ нужнаго ему „скандала“, не перешелъ, какъ мы уже знаемъ, за границу предварительныхъ переговоровъ. Посланный исправникомъ становой для отобранія отъ противниковъ подписки о томъ, что они драться не будутъ, получилъ отъ обоихъ эти

подписки безъ малѣйшаго возраженія. Графъ счелъ только нужнымъ пожать плечомъ, какъ бы говоря: „нѣмѣю предъ закономъ“, а Степа не то надменно, не то иронически усмѣхнулся и, уронивъ сквозь зубы: „я крови этого господина не жажду“,—предложилъ становому водки. Вышла совсѣмъ не та „картина“, какую, затѣвая эту *исторію*, рисовало себѣ пылкое воображеніе „московскаго браво“. Но онъ не даромъ возился съ парижскимъ театральнымъ міромъ и заимствовалъ отъ драматурговъ его способность строить интригу „на кончикѣ иголки“. Имѣющихся подъ рукой данныхъ достаточно ему было для дальнѣйшаго успѣшнаго развитія „политико-бытовой драмы“, какъ говорилъ онъ самъ себѣ, заранѣе потѣшаясь веселымъ зрѣлищемъ, которое должна была она доставить ему. Пущены были прежде всего, и довольно ловко, весьма неясные, имѣвшіе подать поводъ самымъ обильнымъ варіантамъ, слухи о *чемъ-то*, происшедшемъ между молодымъ владѣльцемъ Борисова и наслѣдникомъ старушки Лупандиной, петербургскимъ графомъ, пріѣхавшимъ-де нарочно съ цѣлью присвататься къ дочкѣ генерала Троекурова; говорилось даже, что самъ „генералъ“ *выписалъ* означеннаго графа изъ Петербурга, но что дочкѣ его весьма естественно нравится не графъ, а болѣе его юный Степанъ Гавриловичъ; — и что изъ этого *все и вышло*. Но о томъ, въ чемъ именно состояло это „все“, шла большая разноголосица: большинство толковало о дуэли, но обыватели духа болѣе мрачнаго и уѣздныя кумушки утверждали, что Степа „со своею пьяной компаніей“ собрался *поджечь* своего „ривала“ и подъѣхалъ къ нему ночью на „четырехъ тройкахъ“ съ цѣлью привести этотъ „ужасный замыселъ“ въ исполненіе, но графъ и гостившій у него въ то время Свищовъ, еще не спавшіе въ эту минуту, выбѣжали-де встрѣчать враговъ и стрѣляли въ нихъ „изъ револьверовъ“, вслѣдствіе чего тѣ постыдно обратились въ бѣгство... Самъ Свищовъ, рыскавшій теперь по уѣзду въ видахъ пропаганды привезеннаго имъ изъ Петербурга проекта желѣзной дороги, когда спрашивали его про *эту „исторію“*, облекался въ самую непроницаемую таинственность и ограничивался однимъ отвѣтомъ: „Во всякомъ случаѣ до тра-

гическаго не доходило еще.“ *Враги* со своей стороны никуда не казали глазъ, сидѣли дома безвыѣздно: графъ, занимаясь повѣркой старыхъ счетовъ и инвентаря унаслѣдованнаго имъ имѣнія, а Степа Говориловъ за лѣпкой изъ воска статуетки-*шаржа*, изображавшей его „ривала“ въ видѣ стрекозы въ мундирномъ фракѣ, съ перомъ за ухомъ, въ просительной позѣ, съ протянутою въ рукѣ бумагой, на которой начертано было: „Une *demoiselle* à marier“ *).

Вмѣстѣ съ тѣмъ отправлена была Свищовымъ „со всевозможными предосторожностями“, то-есть переписанная рукой какого-то дьячка, корреспонденція на имя пріятеля своего, нѣкоего Клейна, мооковскаго агента газеты *Призывъ*. Этотъ Клейнъ, ловкій и беззастѣнчивый малый, примѣняя вполнѣ „образцовые порядки европейской печати“ къ порученной ему службѣ „отечественному *Таймсу*“ (руководители *Призыва* иначе и не разумѣли своего листка какъ „русскимъ *Times*“), умѣлъ обратить это агенство въ очень выгодную для себя оброчную статью. Онъ отыскивалъ и поставлялъ газетѣ корреспонденціи изо всѣхъ угловъ Россіи, платя писавшимъ ихъ по три и оставляя себѣ двѣ изъ полныхъ пяти копѣекъ, платимыхъ за строку газетой. Эти двѣ копѣйки шли ему „за просмотръ“ и *ядовитость*, которую обязанъ онъ былъ подпускать въ тѣ изъ этихъ корреспонденцій, добродушные составители которыхъ не успѣвали еще воспріять себѣ въ плоть и кровь требуемый „оппозиціонный тонъ“. Но въ недостаткѣ „сметки“, какъ извѣстно, менѣе всего можно обвинить русскихъ людей, особенно послѣдней формаціи. Незлобивѣйшіе изъ легіона корреспондентовъ *Призыва* такъ изловчались въ самомъ скоромъ времени напускать надлежащаго „оппозиціоннаго яда“ въ свои писанія, что всѣ они до единаго представлялись читателю какъ бы писанными одною рукой, сообщались-ли въ нихъ извѣстія изъ Архангельска или Эривани, изъ Екатеринбурга или Бреста-Литовскаго, и о чемъ бы ни говорили они: о рыболовствѣ или о конокрадствѣ, о самоубійствѣ гимнази-

*) По-французски, какъ извѣстно, *дѣвица* и *стрекоза* называются равно „demoiselle“.

ста IV класса, не выдержавшаго экзамена изъ греческаго языка, или о тонкорунныхъ овцахъ въ Новороссійскомъ краѣ. Державшему главный камертонъ агенту оставалось такимъ образомъ просматривать эти вымуштрованныя, какъ солдаты на плацу, одна подъ одну строки съ улыбкой достодолжнаго одобренія и упрятывать въ карманъ свои двѣ копѣйки безъ дальнѣйшаго труда... Свищовъ, умѣвшій при случаѣ „жертвовать малымъ для большаго“, предоставилъ пріятелю получить и всѣ пять за доставляемое имъ въ газету чрезъ его посредство „Письмо изъ ***каго уѣзда“, прося только „доставить ему скорѣе мѣсто въ нашемъ уважаемомъ органѣ“. Онъ жадно вскрывалъ теперь у Троженкова или графа Петра Капитоновича, у которыхъ поперемѣнно гостилъ въ это время, бандероли нумеровъ обоими или получаемаго *Призыва*, но не находилъ пока въ нихъ своей корреспонденціи и начиналъ безпокоиться.

Объ „исторіи“ какимъ-то глухимъ эхомъ дошло и до Всесвятскаго, но въ домѣ были такъ поглощены заботой объ умиравшемъ Василіи Григорьевичѣ, что она, какъ говорится, „прошла мимо ушей“ у всѣхъ. Самъ Николай Ивановичъ Өирсовъ, котораго Троекуровъ называлъ „ходячею газетой“, не обратилъ на нее никакого вниманія. Онъ былъ поэтому очень удивленъ, когда однажды утромъ, нѣсколько дней послѣ похоронъ старика, возвращаясь изъ павильйона послѣ обычнаго своего утренняго визита Павлу Григорьеву (ноги котораго находились въ томъ же безжизненномъ состояніи), нашелъ у себя Владиміра Христіановича Пеца, который, быстро поднявшись со стула, подошелъ къ нему съ какою-то газетною вырѣзкой и со словами:

— Прочтите-ка, Николай Ивановичъ, только-что въ письмѣ изъ Петербурга отъ брата получилъ; что за мерзость!

Өирсовъ вздѣлъ на носъ pince-nez и протянулъ руку.

— Откуда это?

— Изъ *Призыва*, само собою; если ложь и клевета, такъ ужь само собою тамъ!

Онъ принялся читать:

Изъ ***каго уѣзда (*отъ нашего корреспондента*). Въ нашемъ богоспасаемомъ, съ немалыми претензіями на „аристократизмъ“, углу (въ которомъ, впрочемъ, дѣйствительно многіе держатся еще упорно затхлыхъ понятій и склада жизни *добрыхъ* крѣпостническихъ временъ) чуть не состоялось на дняхъ нѣчто обѣщавшее повести за собою довольно печальныя, быть можетъ, послѣдствія, но къ счастію кончившееся пока ничѣмъ, или, по крайней мѣрѣ, очень малымъ, какъ говорится, благодаря вмѣшательству нашей уѣздной полиціи. Объ этомъ весьма загадочномъ впрочемъ до сихъ поръ происшествіи весьма много толкуютъ по здѣшнимъ весямъ. Въ общихъ чертахъ дѣло сводится къ тому, что между двумя весьма состоятельными, принадлежащими къ фалангѣ крупныхъ нашихъ землевладѣльцевъ лицами, изъ которыхъ одинъ еще очень молодъ, а другой постарѣе и гораздо починовнѣе, должна была произойти на дняхъ кровавая встрѣча, главную причину которой слѣдуетъ, какъ увѣряютъ, искать въ амурномъ совмѣстничествѣ. Amour, tu perdis Troie! сказалъ не даромъ французскій поэтъ. Предметомъ страсти обоихъ нашихъ уѣздныхъ рыцарей называютъ нѣкую молодую особу, дочь одного господина, занимающаго, такъ сказать, первую ступень нашей локальной іерархической лѣстницы и держащаго себя, въ силу ранга своего и богатства, чѣмъ-то въ родѣ божка или венгерскаго магната. Не извѣстно, насколько дѣйствительно поощряла вельможная дѣвица исканіе того или другаго изъ двухъ претендателей на ея руку, если и не обоихъ разомъ, такъ какъ и это бываетъ иногда въ обычаѣ прекраснаго пола. Но видно однако, что каждый изъ рыцарей нашихъ почиталъ себя въ правѣ разсчитывать на взаимность этой новой Елены Троянской, вслѣдствіе чего положили они рѣшить оружіемъ вопросъ о томъ, чье изъ нихъ чело должна окончательно наградить вѣнкомъ la dame de leurs pensées. День и часъ поединка былъ уже назначенъ, когда, какъ говорятъ, отецъ прекрасной, узнавъ случайно объ этомъ, поспѣшилъ обратиться, къ кому слѣдуетъ, перепугавшись скандала, невыгоднаго во всякомъ случаѣ для дочери его и его самого. Отъ соперниковъ отобраны были надлежащія въ сихъ случаяхъ „подписки“; тѣмъ и кончилась эта тра-

ги-комедія, о которой упоминаю здѣсь ради отсутствія всякихъ у насъ иныхъ, заслуживающихъ дѣйствительнаго интереса извѣстій. Въ такой странѣ, какъ наша (эти строки пристегнуты были сюда, въ видахъ все того же „общаго тона газеты“, уже рукою самого *ядовитаго* агента Клейна), гдѣ общественная жизнь лишена всякихъ серьезныхъ задачъ, и мыслящія существа обречены влачить почти животную жизнь, и такого рода, увы, жалкія приключенія какихъ-то двухъ вздыхателей, собиравшихся уничтожить другъ друга, по преданіямъ давно отжитыхъ временъ, изъ-за прекрасныхъ глазъ своей синьоры, могутъ, за неимѣніемъ лучшаго, служить предметомъ оживленныхъ толковъ въ этихъ нашихъ забытыхъ прогрессомъ „палестинахъ“!

Ѳирсовъ нервно сощелкнулъ пальцемъ pince-nez съ переносицы и швырнулъ вырѣзку на-земь:

— Это изъ Троженковскаго Быкова идетъ! гадливо вымолвилъ онъ:—негодяй!... Не въ первый разъ отъ него эти пакости!

— Раздавить бы его въ ступѣ за это! пылко воскликнулъ въ негодованіи своемъ Пецъ.

— Стрихнина бы я ему за этакую штуку въ рецептѣ прописалъ, заявилъ со своей стороны комически докторъ,—да въ Сибирь, пожалуй, за то погонятъ дураки присяжные, а у меня и рука бы не дрогнула, ей Богу: міръ отъ зловреднаго бы животнаго избавилъ... Ну-съ, а только вотъ что: надо, чтобъ эта мерзость не дошла какъ-нибудь до Бориса Васильевича.

— Откуда же дойдетъ? газеты этой онъ не получаетъ, а мы съ вами докладывать ему объ этомъ конечно не станемъ.

Докторъ поднялъ съ пола вырѣзку и принялся опять ее читать:

— „Претендатели!“ Разумѣются тутъ само собою этотъ пѣвецъ цыганствующій и графъ изъ петербургской министеріи... И этимъ будто чучеламъ наша Марья Борисовна надежды подавала! Станетъ она, этакая краля! Да и разъ-то всего на всего и видѣла она ихъ.

— А что у нихъ что-то вышло, объ этомъ ужь нѣсколько дней толки идутъ, замѣтилъ Владиміръ Христіановичъ.

— Слышалъ, можетъ, что̀ и вышло дѣйствительно, такъ причемъ же тутъ Марья Борисовна! Да они, чортъ ихъ дери, понастоящему-то не то что думать о ней, а подошвы ея лизать не должны смѣть, выходя уже совсѣмъ изъ себя вскликнулъ толстякъ, все болѣе и болѣе разгораясь негодованіемъ.

— О комъ это вы? раздался за его спиной голосъ вмѣстѣ съ шумомъ отворившейся двери, и въ комнату вошелъ Борисъ Васильевичъ Троекуровъ.

Докторъ такъ растерялся, что не способенъ былъ произнести ни единаго слова въ отвѣтъ, и торопливо и неловко закинулъ за спину руку съ корреспонденціей *Призыва*.

— Здравствуйте, Владиміръ Христіановичъ, коротко проговорилъ вошедшій, подавая Пецу руку и обращаясь къ доктору:—я къ вамъ зашелъ за какими-то каплями, которыя вы обѣщали женѣ.

— Ахъ да, да, виноватъ, необычайно засуетился тутъ же докторъ, видимо ужасно обрадованный этою *диверсіей:*—нарочно вѣдь домой пришелъ за ними... да вотъ засталъ пріятеля и заболтался... Сейчасъ, сейчасъ, онѣ у меня тутъ въ аптечкѣ.

И онъ засѣменилъ своими короткими ножками по направленію сосѣдней комнаты.

— Погодите, остановилъ его на-ходу Троекуровъ, — что̀ это у васъ за бумажка въ рукѣ?

— Ка... какая бумажка? заикнулся тотъ во весь ротъ.

— Да вотъ эта, кусочекъ газеты какой-то.

— Это... ничего, такъ, ничего не значащій клочекъ, пробормоталъ опять докторъ.

— Дайте мнѣ его сюда; разъ напечатано, секрета тутъ быть не можетъ, съ улыбкой, но настойчивымъ, не допускавшимъ возможности отказа тономъ, выговорилъ Троекуровъ.

Пецъ даже поблѣднѣлъ весь. Голосъ Николая Ивановича Ѳирсова застоналъ какою-то дѣтскою фистулой.

— Ваше превосходительство! Борисъ Васильевичъ! Не читайте, ради Бога! Не стоитъ, клянусь вамъ!

— Дайте сюда, я знаю, что̀ это.

Онъ былъ совершенно спокоенъ, только блѣдные глаза у

него, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, моргали усиленнѣе обыкновеннаго.

Онъ только-что получилъ письмо отъ Пужбольскаго... Пламенный князь дней за десять до смерти старика Юшкова уѣхалъ въ Петербургъ, по дѣлу залога послѣдняго своего имѣнія въ Обществѣ Взаимнаго Поземельнаго Кредита, и, встрѣтивъ тамъ какія-то затрудненія, сообщалъ о нихъ пріятелю, прося совѣта; въ заключеніе же едва разборчиво, видимо отъ волненія, водившаго перомъ его въ эту минуту, приписывалъ слѣдующее (письмо разумѣется писано было по-французски):

„Мнѣ говорили въ одной гостиной объ одной корреспонденціи изъ вашихъ мѣстъ, касающейся между прочимъ тебя и твоихъ. Я прочелъ и еще весь дрожу. Дорого бы далъ, чтобы знать имя автора и наклеить ему это пакостное писанье посредствомъ оплеухи на харю (et lui coller son infâme libelle au moyen d'un soufflet sur la face)“.

„Libelle“ этотъ очевидно для Троекурова заключался именно въ томъ клочкѣ газеты, который докторъ держалъ въ рукахъ, и о немъ разсуждали домочадцы его въ ту минуту, когда онъ входилъ въ комнату.

Онъ взялъ вырѣзку изъ дрожавшихъ пальцевъ Ѳирсова, поднесъ ее къ глазамъ, съ какою-то безсознательною брезгливостью поведя при этомъ поджавшимися губами, и прочелъ до конца. Ни одинъ мускулъ не шевельнулся въ эго лицѣ, только само оно стало страшно блѣдно...

— Такъ дайте же капли, пожалуйста, такъ же невозмутимо произнесъ онъ, протягивая руку съ печатными строками, которыя возвращалъ ему.

Но докторъ, избѣгая встрѣтиться съ нимъ глазами, уже мчался въ другую комнату, откуда вылетѣлъ чрезъ мигъ опять съ требуемымъ въ зажатыхъ пальцахъ руки.

— Вотъ-съ; чрезъ два часа по десяти капель. Я говорилъ Александрѣ Павловнѣ, и женѣ тоже, чтобы въ темномъ мѣстѣ пузырекъ держали, отъ свѣта портятся.

— Спасибо! сказалъ Борисъ Васильевичъ, кивнулъ въ видѣ поклона и вышелъ.

Управляющій заводомъ чуть не восторженнымъ взглядомъ поглядѣлъ ему вслѣдъ:

— Воля надъ собою у человѣка какая! Видѣли, вѣдь бровью не шевельнулъ!

Докторъ озабоченно качнулъ головой.

— Да-съ, а въ душѣ-то этой его гордой что дѣется теперь... Подлецы! вскликнулъ онъ, харкая во весь ротъ въ вырѣзку изъ газеты *Призывъ*, выпавшую изъ руки Троекурова, неистово топча и растирая ее ногой...

Борисъ Васильевичъ шелъ по двору изъ флигелька, занимаемаго докторомъ, по направленію къ павильону Павла Григорьевича Юшкова, съ которымъ оставилъ жену, нарочито замедляя шаги, чтобы дать остыть нѣсколько первому накипу хватившаго его негодованія. Безполезно, чтобы кто-нибудь догадывался, что онъ въ данную минуту тѣмъ или другимъ взволнованъ,—стояло первымъ правиломъ въ его житейскомъ обиходѣ, а болѣе всего съ этой стороны боялся онъ нѣжной душевной чуткости Александры Павловны, угадывавшей всегда какимъ-то тончайшимъ инстинктомъ все, что происходило въ немъ.

Быстро приближавшійся лошадиный топотъ заставилъ его поднять глаза и обернуться.

Къ крыльцу подъѣзжалъ на взмыленной тройкѣ небольшой тарантасъ съ кѣмъ-то сидѣвшимъ въ немъ въ форменныхъ пальто и фуражкѣ. Троекуровъ узналъ не очень еще давно назначеннаго въ уѣздъ исправника, майора Ипатьева, съ которымъ впрочемъ онъ имѣлъ уже случай познакомиться.

Майоръ, узнавъ его въ свою очередь, вылѣзъ изъ своего экипажа и направился не спѣша къ нему, учтиво прикладывая въ то же время руку къ козырьку.

Его сдержанные пріемы и нѣсколько строгій видъ нравились Борису Васильевичу. Къ тому же онъ былъ *Кавказецъ*, почти товарищъ. Онъ радушно протянулъ ему руку:

— Очень радъ видѣть васъ у себя... Хотя, примолвилъ онъ съ ласковою улыбкой,—я едва-ли ошибусь, предполагая, что на сей разъ удовольствіемъ видѣть васъ я обязанъ гораздо

болѣе желанію вашему навѣстить нашего дорогаго больнаго, чѣмъ меня и моихъ собственно.

— Я, дѣйствительно, отвѣтилъ не смущаясь исправникъ,— желалъ узнать лично о состояніи здоровья Павла Григорьевича... Но мнѣ тѣмъ болѣе пріятно...

Онъ поклонился.

Они пожали еще разъ другъ другу руки.

— А я тѣмъ болѣе радъ вамъ, началъ затѣмъ Борисъ Васильевичъ,—что думалъ самъ на дняхъ ѣхать въ городъ, чтобы поговорить съ вами объ одномъ... обстоятельствѣ.

— Всегда къ услугамъ вашего превосходительства, проговорилъ на это нѣсколько офиціально тотъ.

Троекуровъ взялъ его подъ руку:

— Павелъ Васильевичъ живетъ въ павильонѣ, въ саду; я васъ проведу, а по пути потолкуемъ.

— Сдѣлайте милость!...

— Въ одной петербургской газетѣ помѣщена на дняхъ корреспонденція изъ нашихъ мѣстъ, въ которой передается о дуэли, предполагавшейся якобы быть между двумя здѣшними землевладѣльцами и которая остановлена была своевременнымъ распоряженіемъ уѣздной полиціи, то-есть, вами.

— Знаю-съ, читалъ, сказалъ коротко исправникъ.

— А!.. Признаете-ли вы, что фактъ этотъ вѣренъ?

— Не солгу, вѣренъ, отвѣтилъ не сейчасъ исправникъ.

— Говорится тамъ дальше, что полиція, то-есть, вы же опять, извѣщены были объ этомъ *фактѣ* отцомъ той особы, изъ-за которой будто бы должна была произойти эта дуэль. И это вѣрно?

— Безстыднѣйшая ложь! вскликнулъ на это майоръ, быстро поднимая на собесѣдника своего вопрошающіе и какъ бы даже нѣсколько испуганные глаза.

Троекуровъ чуть-чуть усмѣхнулся:

— Изъ тона вашего отвѣта не трудно понять, что вы заключающійся въ этой корреспонденціи болѣе чѣмъ прозрачный намекъ на этого отца и дочь отнесли по настоящему его адресу. Это избавляетъ меня отъ необходимости объяснять вамъ,

почему счелъ я себя въ правѣ обратиться къ вамъ съ настоящими моими вопросами.

— Это грязныхъ рукъ дѣло, Борисъ Васильевичъ! вырвалось какъ-бы невольно у „майора съ Балканъ“.

Новая, горькая усмѣшка скользнула по губамъ бывшаго Кавказца:

— И не въ нашей власти казнить ихъ за это,—таково положеніе вещей у насъ! пропустилъ онъ сквозь сжатые зубы.— Позвольте еще одинъ вопросъ... послѣдній, примолвилъ онъ.

— Извольте...

— Считаете-ли вы возможнымъ сказать мнѣ, изъ какого именно источника получили вы свѣдѣніе о томъ, что предполагается эта дуэль? Именъ имѣвшихъ драться я не спрашиваю: они всему уѣзду извѣстны.

Игнатьевъ еще разъ поднялъ на него глаза.

— Нѣтъ, Борисъ Васильевичъ, отвѣтилъ онъ, подумавъ:— я полагаю, что обязанности мои не даютъ мнѣ на это права.

Троекуровъ одобрительно кивнулъ:

— Да, вы честный чеговѣкъ, и другаго отвѣта я не долженъ былъ ожидать отъ васъ... Но вотъ что я вамъ скажу, добавилъ онъ нежданно, пристально воззрясь самъ теперь въ лицо своего собесѣдника: — вы презираете того... или *тѣхъ*, подчеркнулъ онъ,—кѣмъ доставлено вамъ это свѣдѣніе.

Исправникъ не отвѣчалъ, но что-то дѣйствительно презрительное сказалось на мигъ на его серіозномъ и блѣдномъ лицѣ.

VI.

Тяжелы были живому, дѣятельному старому моряку недвижность и бездѣйствіе, на которыя былъ онъ облеченъ своимъ недугомъ. Еще тяжелѣе, быть можетъ, отзывалась въ душевной глубинѣ его смерть нѣжно любимаго брата и сознаніе, что и для него самого съ потерею ногъ наступало „начало конца“. Но тѣмъ спокойнѣе, тѣмъ *безтревожнѣе* старался онъ являть себя въ глазахъ другихъ. Онъ, улыбаясь, чуть не весело привѣтствовалъ входившаго къ нему съ хозяиномъ дома исправника, сидя у открытаго окна въ выписанномъ для него изъ Москвы креслѣ о двухъ колесахъ, съ накинутымъ ему на колѣни Александрой Павловной, въ огражденіе отъ сквознаго вѣтра, пледомъ.

— Здравствуйте, майоръ, очень радъ; спасибо, что не забыли инвалида... Да-съ, вотъ видите, какъ подрѣзало, указалъ онъ на свои ноги, протягивая ему руку и сжимая пальцы ему до боли.

Ипатьевъ чуть-чуть поморщился даже.

— По рукѣ судя, сила не преминетъ вернуться вамъ и въ ноги скоро, усмѣхнулся онъ слегка, почтительно кланяясь въ то же время Александрѣ Павловнѣ и дружелюбно Гришѣ, сидѣвшимъ на низенькомъ диванѣ подлѣ недужнаго.

— Дай Богъ, дай Богъ, какъ бы небрежно проговорилъ тотъ,—а только полагаю, что данный мнѣ непрошенно отдыхъ отъ службы слѣдуетъ мнѣ разумѣть, какъ безсрочный отпускъ... Я уже подалъ формальное заявленіе объ увольненіи моемъ отъ должности...

— Знаю-съ... Въ исправленіе ея, значитъ, вступитъ его превосходительство? указалъ глазами исправникъ на Троекурова.

— Не надолго, сказалъ тотъ:—я подаю со своей стороны заявленіе о болѣзни... Пусть бремя власти, усмѣхнулся онъ,—падетъ на молодыя плечи нашего депутата отъ дворянства, здѣ предстоящаго,—и онъ кивнулъ на Гришу,—пусть поработаетъ на пользу общую.

Давно уже и Троекуровъ, и Павелъ Григорьевичъ, никогда впрочемъ не сговариваясь объ этомъ другъ съ другомъ, питали желаніе видѣть Гришу преемникомъ отца въ должности предводителя ихъ уѣзда. Состоя депутатомъ отъ дворянства уже второе трехлѣтіе, онъ въ прошлые выборы (за три безъ малаго года до настоящаго момента нашего разсказа) долженъ былъ быть подбаллотированъ кандидатомъ къ отцу, но предъ самыми выборами принужденъ былъ ѣхать въ Петербургъ, какъ и въ настоящемъ году, по дѣламъ своего процесса,—и Троекуровъ принужденъ былъ согласиться на баллотированіе самого его въ эту должность, чтобы не дать враждебной партіи возможности провести имѣвшагося у нея своего кандидата (съ тѣхъ поръ умершаго), въ лицѣ нѣкоего отставнаго подполковника Нахгольца, завѣдомаго пьяницы, но „господина", державшагося за то самыхъ „современныхъ убѣжденій", чтò и требовалось его сторонникамъ. На ожидавшихся нынѣшнею осенью выборахъ Павелъ Григорьевичъ (это было рѣшено уже давно) долженъ былъ окончательно отказаться отъ баллотированія, а Борисъ Васильевичъ предложить на его мѣсто Гришу, выборъ котораго былъ обезпеченъ, такъ сказать, напередъ при томъ большинствѣ, которымъ до сихъ поръ располагала партія „охранителей", какъ называли ее Троженковъ и К°. Въ виду этого теперь представлялось совершенно умѣстнымъ, чтобы, за выходомъ въ отставку отца его и отказомъ его кандидата, Григорій Павловичъ вступилъ въ отправленіе предводительской должности и имѣлъ такимъ образомъ случай заявить о себѣ на дѣлѣ заранѣе, нѣсколькими уже мѣсяцами службы въ ней, имѣвшему избрать его окончательно дворянству.

Исправникъ видимо понялъ эту комбинацію и какъ бы одобрительно качнулъ головой, но ни слова не сказалъ при этомъ. Ни Павелъ Григорьевичъ, ни Троекуровъ со своей стороны не нашли нужнымъ продолжать на эту тему. Разговоръ примолкъ.

Въ дверяхъ въ эту минуту показался слуга съ докладомъ.

— Графъ Лупандинъ пріѣхали; спрашиваютъ, могутъ-ли видѣть господина предводителя.

— Охъ, ужь эти мнѣ визиты сожалѣнія! досадливо морщась, воскликнулъ старикъ, тутъ же смущенно поведя взглядомъ на Ипатьева, и поспѣшно протянулъ ему руку: —*вамъ* я искренно радъ, а тутъ человѣкъ, котораго я едва знаю, петербургской породы ..

Троекуровъ обернулся къ слугѣ:

— Скажи, что Павелъ Григорьевичъ утомлены, принять не могутъ.

Слуга было двинулся итти и вернулся:

— Они спрашивали также на счетъ вашего превосходительства и генеральши...

Александра Павловна поднялась съ мѣста:

— Я пойду сейчасъ, Борисъ, въ домъ...

— Безполезно! проговорилъ онъ властнымъ, рѣзкимъ голосомъ. Глаза его мгновенно блеснули своимъ давнишнимъ, стальнымъ блескомъ.

Она недоумѣло, почти испуганно воззрилась въ него.

Но онъ уже усмѣхался слегка дрожавшими, показалось ей, губами:

— Не лишайте насъ вашего пріятнаго общества, проговорилъ онъ съ насилованною шутливостью;—мы всѣ васъ объ этомъ просимъ, не такъ-ли, господа? обратился онъ къ старому моряку и Ипатьеву.

— Само собою! добродушно засмѣялся Павелъ Григорьевичъ.

Исправникъ повелъ головой внизъ, искоса взглянувъ на Троекурова: онъ еще болѣе, чѣмъ Александра Павловна, имѣлъ основаніе не разумѣть какъ шутку слышанное имъ сейчасъ.

— Скажи, что извиняются, не принимаютъ, взглянулъ еще

разъ Троекуровъ на слугу, кивнулъ и, какъ бы вспомнивъ о чемъ-то вдругъ, вышелъ за нимъ изъ комнаты, затворивъ за собою дверь.

— И когда бы этотъ господинъ ни пріѣзжалъ, говорить тоже: не принимаютъ... А также если... другой этотъ... господинъ Островетовъ... пріѣхалъ бы, тоже не принимать. Понимаешь?... И другимъ скажи, чтобы ни генеральшѣ, ни мнѣ никогда объ нихъ не докладывали.

— Слушаю-съ, выговорилъ слуга, робко потупляя глаза предъ „страшнымъ", чувствовалось ему въ эту минуту, взглядомъ барина.

Борисъ Васильевичъ вернулся въ комнату.

Александра Павловна, слегка поблѣднѣвшая, жадно, но осторожно слѣдила за нимъ изъ-подъ вѣкъ, опущенныхъ на кусокъ канвы, по которому водила она иглой. Гриша въ свою очередь, безмолвный и сосредоточенный, старался объяснить себѣ, „что все это должно было значить". Предводитель и исправникъ вели бесѣду о какомъ-то новомъ случаѣ конокрадства, при которомъ еще разъ судъ оправдалъ преступниковъ.

Троекуровъ, уже совершенно овладѣвшій собою, вмѣшался въ разговоръ.

Но не прошло пяти минутъ, какъ тотъ же слуга вошелъ съ новымъ докладомъ хозяйкѣ дома:

— Госпожа Ларина пріѣхали.

— Ларина? повторилъ недоумѣло Павелъ Григорьевичъ.

— Это Настенька, Настасья Дмитріевна Буйносова, ея театральная фамилія, поспѣшно объяснила Александра Павловна. И глаза ея вопросительно обернулись на мужа.—Что же, ее принять, или не принять?

— Да, да, вспомнилъ... Я бы радъ былъ ее видѣть, вскликнулъ Павелъ Григорьевичъ,—интересная особа, знаете! прибавилъ онъ по адресу Ипатьева.

— Такъ ее, если желаете, можно попросить сюда къ вамъ, живо отозвался на это Троекуровъ, взглянувъ въ свою очередь на жену какъ-бы съ отвѣтомъ: — это совсѣмъ другое дѣло!

— Я приведу ее сейчасъ!

И она, какъ-то радостно торопясь, вышла принимать гостью.

Настасья Дмитріевна была видимо тронута пріемомъ, который былъ сдѣланъ ей старымъ морякомъ. Она знала, какъ въ оны дни недружелюбно относился онъ ко всей семьѣ ея, помнила, что при первой встрѣчѣ ея съ нимъ здѣсь, во Всесвятскомъ, не смотря на всю повидимому любезность, съ которою онъ говорилъ съ ней, онъ, казалось ей тогда, только перемогалъ въ себѣ внутреннее чувство враждебности къ ней, *Буйносовой*, изъ-за дружбы и уваженія къ хозяевамъ дома, дружески принявшимъ ее подъ свой кровъ. Теперь чувствовалось ей совершенно иное: Онъ съ какою-то почти нѣжною внимательностію говорилъ съ нею, разспрашивалъ объ ея „артистической дѣятельности“, поощрялъ ее на „дальнѣйшіе успѣхи“, какъ бы совершенно позабывъ о той брезгливости, съ которою въ ту первую встрѣчу ихъ выражался о „грязи, которую придется ей видѣть“ на избираемомъ ею поприщѣ. Но она ошибалась: почтенный старецъ, именно потому, что помнилъ, что̀ говорилъ ей тогда, старался „заставить ее теперь забыть объ этомъ“... Опухшіе старческіе глаза его съ какимъ-то особымъ выраженіемъ мягкости и ласки глядѣли на дѣвушку, такъ бодро выносившую свою дѣвичью честь и достоинство сквозь „рифы и скалы“, невзгоды и соблазны своей тяжелой карьеры...

Исправникъ между тѣмъ собрался уѣзжать, отказавшись рѣшительно отъ приглашенія хозяевъ остаться обѣдать. Гриша пошелъ проводить его.

— А Марья Борисовна? спросила Ларина по ихъ уходѣ.

Маши не было дома: она уѣхала верхомъ верстъ за десять отъ Всесвятскаго, къ больной женѣ одного знакомаго ей священника, которой повезла стклянку лѣкарства, предписаннаго ей докторомъ Θирсовымъ.

— Что̀ же у васъ, милая, въ Сицкомъ? спросила вполголоса Александра Павловна гостью.

Та слегка усмѣхнулась.

— Ничего... Лучше, чѣмъ я думала, примолвила она чрезъ

мигъ и громко, какъ бы говоря этимъ, что она готова на полную откровенность предъ *всѣми ими*, такъ явно доброжелательными ей людьми.

— Я не ошибся, усмѣхнулся Троекуровъ,—предсказывая вамъ заранѣе, что почтенный Провъ Ефремовичъ впряжется опять въ свои оглобли.

— Почти, ухмыльнулась она опять.—Онъ, впрочемъ, какой-то странный: очень мнѣ обрадовался и съ первыхъ же почти словъ объявилъ мнѣ, что хочетъ „*много по душѣ* мнѣ разсказать“,—но такъ во все время, пока я тамъ была теперь, ничего не разсказалъ и даже, какъ я могла замѣтить, избѣгалъ случаевъ остаться со мной наединѣ.

— Какъ и слѣдуетъ, подтвердилъ кивкомъ Троекуровъ:—смирился... и хорошо сдѣлалъ, примолвилъ онъ не то иронически, не то серіозно.

— Онъ, узнавъ о вашемъ несчастіи, обратилась Ларина къ старику Юшкову,—на другой же день послѣ похоронъ брата вашего поѣхалъ къ вамъ въ Углы, но уже не засталъ васъ и теперь собирается опять...

Она запнулась и какъ-то вдругъ примолкла.

— Что же, я очень радъ, онъ человѣкъ хорошій, Провъ Ефремовичъ, сказалъ какъ бы поощрительно Юшковъ.

— Онъ хотѣлъ бы также и васъ, и Александру Павловну видѣть, заговорила опять та, поднявъ на хозяевъ будто чего-то робѣвшіе глаза.

— Мы съ нимъ давно знакомы, сказалъ Троекуровъ:—добро пожаловать!..

Настасья Дмитріевна опять помолчала: она видимо чѣмъ-то затруднялась...

— Вотъ видите, рѣшилась она наконецъ выговорить: — Прова до сихъ поръ знали всѣ здѣсь, какъ холостаго человѣка, а потомъ онъ женился, уѣхалъ съ женой за границу и вернулся сюда опять безъ нея... Но она теперь пріѣхала, будетъ жить съ нимъ здѣсь... Онъ бы желалъ повезти ее ко всѣмъ знакомиться...

Александра Павловна безсознательно качнула головой, не-

вольно какъ бы одобряя законное чувство мужа, стремящагося „поставить жену на настоящій путь“.

Ларина замѣтила это движеніе и видимо обрадовалась.

— Онъ прежде всего желалъ бы ее представить вамъ, но не знаетъ... будетъ-ли вамъ это пріятно.

Троекурова совершенно растерянно взглянула еще разъ на мужа.

Его какъ бы передернуло слегка теперь отъ этого нѣмаго вопроса.

— Мы не имѣемъ никакого права отклонить такое желаніе вашего beau frère... Для насъ во всякомъ случаѣ очень лестно, вымолвилъ сухо, но свѣтски-учтиво онъ.

— Конечно, конечно, милая, заспѣшила обрадованно Александра Павловна, завладѣвая рукой гостьи и пожимая ее обѣими своими.

Павелъ Григорьевичъ въ это время обратился къ мужу ея съ какимъ-то вопросомъ, относившимся къ суду надъ конокрадами, о которомъ у нихъ-только что была рѣчь съ исправникомъ. Тотъ подсѣлъ за столикъ у окна насупротивъ его. Дамы продолжали разговаривать, сидя другъ подлѣ друга на диванѣ, какъ-то безсознательно понизивъ голоса до шопота.

— Что же сестра ваша? спрашивала Троекурова.

Ларина чуть-чуть повела плечами:

— Все та же спокойная, самоувѣренная, повелительная... какъ всегда!

— Было у нея какое-нибудь объясненіе съ мужемъ по пріѣздѣ, вы не знаете?

— Я ей говорила, съ какимъ раздраженіемъ онъ отзывался мнѣ прошлою осенью, когда былъ у меня въ Москвѣ, о томъ, что она противъ его воли осталась за границей, и что я увѣрена была тогда, что онъ не захочетъ болѣе никогда видѣть ее.

— Что же она вамъ сказала на это?

— Засмѣялась только. „И неужели же, спросила я, онъ тебѣ ничего не сказалъ про это, когда ты теперь такъ нечаянно для всѣхъ насъ вернулась сюда, не упрекалъ тебя, не сдѣлалъ тебѣ сцены?“ Она мнѣ на это говоритъ: „Да, онъ

что-то тамъ было началъ, зашипѣлъ, но вѣдь это со мною не беретъ; ты видишь, какой онъ теперь шелковый, какъ слѣдуетъ". И, дѣйствительно, между ними какъ будто ничего и не происходило... Только все же я предвижу, что̀ ни говори Борисъ Васильевичъ, а у нихъ когда-нибудь дурно кончится.

И Настасья Дмитріевна вздохнула.

— Дѣтей у нихъ нѣтъ, вотъ что̀ дурно и для нея, и для него, сердобольно вздохнула и Александра Павловна, и добавила чрезъ мигъ какимъ-то скачкомъ мысли и какъ бы нѣсколько конфузливо: — вѣдь про нее, кромѣ того только, что она все по-своему хочетъ дѣлать, ничего дурнаго нельзя сказать... про вашу сестру, n'est-ce pas? Я, по крайней мѣрѣ, ничего такого не слыхала никогда.

— И никогда не услышите, я такъ полагаю, отвѣтила Ларина: — увлекающіяся страстью женщины подаютъ поводъ къ невыгоднымъ толкамъ о нихъ, а Тоня никогда въ жизни не увлечется... во всякомъ случаѣ не выдастъ себя, медленно промолвила она по минутномъ размышленіи.

— Какъ я васъ понимаю, милая, заговорила опять Троекурова,—pardon pour ma franchise, вамъ, должно быть, не очень *по себѣ* было тамъ у нихъ?...

— Нѣтъ, прямо отвѣтила та,—не „по себѣ", именно; тяжело и одиноко я тамъ себя чувствовала.

— Поживите съ нами! Я увѣрена, что вы у насъ отдохнете; мы всѣ душой, какъ видите, расположены къ вамъ.

Ларина обняла ее:

— Знаю, дорогая Александра Павловна, и воспользуюсь, если позволите, вашимъ предложеніемъ,—подышу вашимъ цѣлебнымъ воздухомъ нѣсколько дней... Только хотѣла бы я все-таки съѣздить хоть на сутки къ себѣ въ Юрьево... къ бѣдному отцу моему на могилу, домолвила она дрогнувшимъ голосомъ.

— Когда хотите, милая, когда хотите, скажите только наканунѣ, чтобы лошади были для васъ готовы.

VII.

Вечеромъ предъ сномъ въ тотъ же день, оставшись одна съ мужемъ, Александра Павловна приступила къ разговору, къ которому готовилась съ утра:

— Борисъ, ты не хотѣлъ, чтобъ я приняла сегодня этого графа изъ Петербурга... я всегда забываю его фамилію... Я такъ поняла, что ты вообще не желаешь, чтобъ онъ ѣздилъ къ намъ. Такъ это?

— Совершенно такъ, подтвердилъ онъ, кивнувъ.

— Ты имѣешь что-нибудь противъ него?

Онъ поморщился.

— Имѣю во всякомъ случаѣ причину не желать его видѣть въ моемъ домѣ... Ни того тоже, этого пѣвца съ гостинодворскою физіономіей...

— И его также?... Ты узналъ, что они *нехорошіе* люди? протянула она, глядя на него тревожно своими большими глазами.

— *Хорошаго* въ нихъ дѣйствительно не много, полагаю, но до этого мнѣ дѣла нѣтъ,—и онъ повелъ пренебрежительно губами,—а нахожу просто, что имъ не для чего сюда ѣздить.

Александра Павловна потупилась на мигъ, вскинула опять глаза на мужа и вскликнула:

— Борисъ, c'est à cause de Маша?

Онъ коротко повелъ только головой опять.

— Бѣдные! нежданно вздохнула она.

Онъ поглядѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Ну да, Борисъ, если они въ самомъ дѣлѣ влюбились въ нее,—все-таки жалко...

Онъ досадливо дернулъ плечомъ:

— Какая тутъ любовь, мерзость одна!

Воспоминаніе о прочтенномъ имъ утромъ въ *Призывѣ* подняло ему опять всю желчь въ голову.

— Понимаешь ты, обрывисто и злобно вырывались у него слова,—они вздумали драться изъ-за нея... и не дрались... И разгласили... И объ этомъ въ газетахъ подлѣйшіе намеки... Довольно тебѣ знать?

Она всплеснула руками, вздрогнувъ вся отъ волненія:

— Въ газетахъ! Господи, какъ же смѣютъ печатать такія вещи! Маша, развѣ она подала какой-нибудь поводъ...

— А имъ развѣ какой-нибудь поводъ нуженъ?.. Они все могутъ теперь, все, и ничего къ огражденію тебя отъ нихъ не существуетъ! Выносить имя твое на площадь, врываться въ семейную твою святыню имѣетъ теперь право каждый наглецъ, и ты безсиленъ противъ него, безсиленъ, понимаешь?

Онъ сталъ вдругъ страшно блѣденъ, губы его тряслись, вѣки судорожно моргали и сжимались.

Перепуганная Александра Павловна принялась крестить его:

— Борисъ, голубчикъ, успокойся, ты себѣ только вредъ дѣлаешь...

Онъ налилъ себѣ стаканъ воды изъ графина, стоявшаго на столѣ подлѣ его кровати, выпилъ его залпомъ, медленно провелъ рукой по лицу и усмѣхнулся:

— Ты права. Пора бы мнѣ привыкнуть давно къ тому, что все у насъ теперь возможно... Пора спать, прощай.

Но ни онъ, ни жена не смыкали почти глазъ въ эту ночь.

Въ этотъ же день, по возвращеніи графа Снядецкаго-Лупандина къ себѣ въ усадьбу послѣ неудачнаго его визита во Всесвятское, произошло между нимъ и остававшимся ждать его „московскимъ браво“ довольно бурное объясненіе.

Свищовъ ждалъ его нетерпѣливо. Въ отсутствіе Петра Капитоновича привезены были изъ города письма и газеты и въ томъ числѣ *Призывъ*, въ которомъ, едва успѣлъ онъ развер-

нуть листъ,. кинулась ему прямо въ глаза его корреспонденція. Онъ самодовольно и жадно перечелъ ее въ ея печатномъ видѣ, снисходительно улыбнулся пристегнутому къ ней пріятелемъ его Клейномъ „обязательно либеральному припѣву“ и радостно сталъ тереть себѣ руки. „Какъ разъ приспѣло вовремя, какъ разъ!“ ликовалъ онъ. Недаромъ подъ всякими предлогами старался онъ со дня на день оттянуть этотъ визитъ своего пріятеля-жертвы къ Троекуровымъ, чтобы пришелся онъ никакъ не ранѣе того времени, когда „камуфтетъ“, пущенный *Призывомъ*, успѣетъ уже тамъ произвести свое дѣйствіе. „Лишь бы только успѣли они сегодня же прочесть это, да и получаютъ-ли они *Призывъ?*“ тревожилъ его теперь только вопросъ.

У него даже сердце отъ удовольствія усиленно забилось, когда увидѣлъ онъ изъ окна въѣзжавшую во дворъ коляску возвратившагося графа и, по разсчету времени прошедшаго между отъѣздомъ его и возвращеніемъ, разсудилъ, что „онъ, молъ, тамъ и четверти часа не успѣлъ пробыть“... Не приняли! побѣднымъ возгласомъ вырвалось изъ груди Свищова, и онъ выбѣжалъ встрѣчать вернувшагося хозяина на крыльцо.

— Что такъ скоро? спросилъ онъ съ притворнымъ изумленіемъ.

Петръ Капитоновичъ, не отвѣчая, чтобы не признаться въ своемъ злоключеніи предъ кучеромъ и выбѣжавшимъ встрѣтить его слугой, медленно вылѣзъ изъ экипажа, поднялся по ступенькамъ и, подхвативъ Свищова подъ руку, вошелъ съ нимъ въ домъ.

Онъ остановился въ первой комнатѣ и, снимая съ головы щеголеватый лѣтній фѣтръ, пріобрѣтенный въ Петербургѣ у Брюно, широко отнесъ вмѣстѣ съ державшею его рукой въ сторону:

— Вообразите, не приняли! проговорилъ онъ упавшимъ голосомъ.

— Гм! промычалъ многозначительно Свищовъ и, опустивъ голову, принялся наматывать усъ свой на палецъ:—какъ это, то-есть, не приняли, не могли по какой-нибудь... основательной... причинѣ, или *намѣренно*, вы полагаете? отчеканилъ онъ.

Тотъ руками развелъ:

— Да вотъ какъ было. Спросилъ я сначала, можно-ли видѣть старика предводителя. Побѣжали... Онъ не въ домѣ, а гдѣ-то во флигелѣ или въ саду живетъ... Времени прошло довольно, знаете, ждать меня заставили въ коляскѣ... Возвращается наконецъ лакей: „Утомился, говоритъ, они, принять не могутъ...“

— Ну что же, это, можетъ, и дѣйствительно такъ...

— Я такъ и понялъ... Только спрашиваю я его послѣ того: А генералъ, спрашиваю, а супруга его? А онъ мнѣ на это такъ рѣшительно, знаете: „Извиняются, говоритъ, не принимаютъ“. Да вы, говорю, докладывали обо мнѣ? — „Точно такъ-съ, отвѣчаетъ, они изволили сказать, что извиняются, не могутъ принять“. Мнѣ, знаете, это такъ странно показалось.— Что, говорю, вашему больному не хуже-ли стало?—„Нѣтъ-съ, говоритъ, все въ томъ же положеніи...“ И даже, я вамъ скажу, показалось мнѣ при этомъ, будто онъ какъ-то... улыбается... Я, разумѣется, не сталъ съ нимъ больше разговаривать и уѣхалъ... И, долженъ вамъ сказать, всю дорогу объ этомъ думалъ... и рѣшительно недоумѣваю, что это можетъ значить.

— Значитъ, прочесть уже успѣли, нежданно для Петра Капитоновича промолвилъ ему на это въ отвѣтъ его постоялецъ.

Онъ вперилъ въ него широко раскрывшіеся зрачки:

— Что прочесть?...

— А вотъ пойдемте въ кабинетъ: въ послѣднемъ нумерѣ *Призыва*... Увидите!..

Графъ кинулся туда со всѣхъ ногъ.

Нумеръ газеты, развернутый на третьей страницѣ, съ отмѣченною краснымъ карандашомъ корреспонденціей изъ ***скаго уѣзда, лежалъ на самой серединѣ его письменнаго стола, противу самаго его кресла (Свищовъ старательно подготовилъ „полный эффектъ“).

Онъ грузно, разомъ, опустился въ него и принялся жадно за чтеніе.

„Московскій браво“, ставъ къ нему въ полоборота по дру-

гой сторонѣ стола, молча и внимательно слѣдилъ, косясь на него избока, за выраженіемъ его физіономіи, продолжая крутить свой безконечный усъ и покачиваясь, по обыкновенію, съ носковъ на пятки и обратно.

Петръ Капитоновичъ поперемѣнно блѣднѣлъ и краснѣлъ по мѣрѣ чтенія. Онъ за послѣднею строкой вскочилъ внезапно съ мѣста, сгребъ лихорадочною рукой газету въ комъ и швырнулъ ее бѣшено наземь.

— Это чортъ знаетъ, что̀ такое, скандалъ на весь міръ... Кто это писалъ, кто... Вы! крикнулъ онъ, глядя на Свищова такъ, будто готовился вцѣпиться ему тутъ же въ глаза.

— Коли-бъ я, такъ я бы васъ объ этомъ предварилъ заранѣе, возразилъ тотъ, не смущаясь.

И вѣки, и руки Петра Капитоновича безпомощно опустились за этимъ отвѣтомъ. Онъ разсудилъ, что, молъ, дѣйствительно „какая могла бы произойти изъ этого польза для Свищова..“

— Вѣдь это же все-таки, очевидно, кѣмъ-нибудь здѣшнимъ написано... пробормоталъ онъ.

Мистификаторъ нашъ принялъ вдумчивый видъ.

— Можетъ быть да, а можетъ и нѣтъ. Къ дѣйствительному факту, какъ видите, примѣшана чистѣйшая ложь; это, напротивъ, должно было бы намъ указать, что корреспонденція писана лицомъ не изъ здѣшнихъ, или, по крайней мѣрѣ, изъ такихъ, которыя, по пословицѣ, слышали звонъ, да не знаютъ, гдѣ онъ... Но, съ другой стороны, можно полагать и то, что написано это такъ, намѣренно, для отвода глазъ...

— Но кѣмъ же это тогда, кѣмъ? восклицалъ растерянно Петръ Капитоновичъ.

— А старую юридическую формулу не помните: *fecit cui prodest?* Кому выгодно, тотъ и настрочилъ.

Графъ еще разъ развелъ руками:

— Не понимаю!... Неужели же господинъ Островетовъ? проговорилъ онъ шопотомъ:—но вѣдь его это точно такъ же задѣваетъ, какъ и меня... съ весьма, можно сказать, оскорбительной для каждаго благороднаго человѣка стороны... Конечно, въ моемъ званіи это особенно чувствительно, чуть

не плачущимъ уже голосомъ простоналъ онъ,—но и для него все же, хотя онъ и...

— Безъ титула и безъ придворнаго мундира, договорилъ за него Свищовъ, лукаво подмигивая обоими глазами;—а если, положимъ, онъ, разсудивъ, что ему съ такимъ соперникомъ, какъ вы, не въ силу тягаться,—положилъ, что коли ему уже приза не взять, такъ пусть онъ и вамъ не достанется,—и подвелъ вотъ эту мину (и Свищовъ при этомъ отшвырнулъ кончикомъ сапога подкатившійся ему подъ ноги комъ смятой графомъ газеты), отъ которой, въ его разсчетѣ, должны вы были оба взлетѣть на воздухъ. Я, впрочемъ, вы понимаете, никого не считаю себя въ правѣ обвинять, счелъ нужнымъ онъ тутъ же прибавить съ пошибомъ perfect gentleman'a въ интонаціи и движеніи вскинутой небрежно въ воздухъ руки,—je pose des arguments vis-à-vis des vôtres, voilà tout.

Но Петръ Капитоновичъ его не слушалъ:

— Я этого никакъ не могу оставить такъ, восклицалъ онъ, принимаясь шагать безпорядочно вдоль и поперекъ кабинета,—не могу... въ моемъ положеніи... оставить это безъ протеста... Я долженъ имѣть объясненіе съ генераломъ Троекуровымъ... Если онъ не захочетъ лично выслушать меня, я напишу ему...

— Что вы ему напишете?

И Свищовъ, быстро повернувшись на каблукахъ, очутился лицомъ къ лицу съ метавшимся по комнатѣ собесѣдникомъ своимъ.

— Что-съ? Что напишу? воскликнулъ на это тотъ съ какимъ-то взмахомъ новаго злобнаго отчаянія,—это все вы-съ, вы, съ вашею дуэлью... Я долженъ былъ презрѣть... въ моемъ положеніи... съ такимъ мальчишкой!... А тутъ полиція понадобилась... Не благовидно вѣдь это, вы понимаете, у меня имя... Генералу могло быть передано...

Онъ схватился вдругъ за голову и упалъ въ изнеможеніи въ подвернувшееся ему по пути кресло:

— Онъ тамъ именно былъ въ ту минуту, когда я пріѣхалъ... Вотъ только теперь вспомнилъ я...

— Кто?

— Исправникъ.

— У Троекурова?

— У предводителя, мнѣ сказали. Стояла тутъ тройка въ тарантасѣ; я спросилъ, чья... Его, мнѣ сказали. Теперь понимаю, почему этотъ... афронтъ мнѣ... Онъ передалъ о... о вашемъ визитѣ ему...

Свищова видимо передернуло; онъ сдвинулъ озабоченно брови и просунулъ безсознательно языкъ между губъ.

— Не полагаю, не такой, повидимому, человѣкъ... А впрочемъ, чортъ ихъ знаетъ! пробурчалъ онъ.

Петръ Капитоновичъ раскинулъ руками во всю ширину ихъ:

— Понимаете вы теперь, милостивый государь, въ какое положеніе вы меня поставили! Вѣдь я теперь, такъ сказать, на днѣ рѣки, на самомъ днѣ рѣки нахожусь, какъ говоритъ гдѣ-то Тургеневъ... или кто-то другой... изъ извѣстныхъ писателей...

Къ немалому его удивленію, наперсникъ его отвѣчалъ на это громкимъ взрывомъ смѣха:

— А я такъ полагаю, что при всей вашей петербургской опытности вы лишены, можно сказать, всякой нужной въ рѣшительныя минуты жизни сообразительности.

— Это что-жь такое значитъ? совершенно растерявшись опять, пробормоталъ графъ.

— А то-съ, что, вмѣсто того, чтобы бить тревогу и приходить въ лихорадочный трепетъ, весьма не соотвѣтствующій вашему *положенію*, soit dit en parenthèse, иронически протянулъ онъ, — вы должны были бы отслужить молебенъ за то, что, благодаря именно всему этому нашему эпизоду, создается теперь для васъ уже не фиктивное, не фигуральное, такъ сказать, а настоящее положеніе, une vraie situation, на которомъ у васъ уже всѣ шансы помѣряться съ генераломъ Троекуровымъ, какъ равный съ равнымъ, а не состоять у него, при вашемъ имени и званіи, въ роли сенда или мальчика на побѣгушкахъ, какъ стремились вы къ этому очевидно — и во что вы бы непремѣнно и обратились, не случись того, на что вы такъ слабодушно теперь жалуетесь.

— Позвольте, милостивый государь, позвольте, у васъ тутъ какой-то выходитъ потокъ совершенно не имѣющихъ смысла фразъ, заявилъ, не понимая, Петръ Капитоновичъ.

Свищовъ еще разъ иронически захихикалъ:

— Говорю, сообразительности вамъ недостаетъ. Такъ вотъ вамъ-съ просто-на-просто: желаете вы въ нынѣшнемъ же году попасть въ предводители дворянства здѣшняго уѣзда?

— Въ предводители... въ нынѣшнемъ году... повторилъ машинально графъ.

Читатель уже знаетъ изъ объясненій московскаго „браво“ съ пріятелемъ его Троженковымъ о *комбинаціи*, при которой „петербургскій графъ“ имѣлся въ виду, какъ номинальный вождь „протестантовъ“ ***скаго уѣзда противъ партіи „охранителей“, во главѣ которой стоялъ ненавистный имъ „магнатъ“. Недугъ и несомнѣнный затѣмъ выходъ въ отставку старика Юшкова, „его послушнаго орудія“, являлись теперь для нашихъ интригановъ исходнымъ пунктомъ для начала рѣшительныхъ дѣйствій. Необходимо было прежде всего не допустить, чтобы на предводительскую должность была опять избрана „генеральская креатура“, какъ выражался Свищовъ, для котораго, въ виду *проводимой* имъ желѣзной дороги, весьма было важно то, чтобы въ имѣвшемъ быть осенью земскомъ собраніи предсѣдало лицо, не враждебное его планамъ. Онъ имѣлъ въ настоящую пору, послѣ многочисленныхъ его экскурсій съ этою цѣлью по уѣзду, довольно основательныя причины надѣяться, какъ предсказывалъ онъ это и ранѣе Троженкову, что на приманку выгодъ, обѣщанныхъ всякими работами при чаемой постройкѣ этой дороги, „подловятся“ и такія лица, которыя до сей минуты примыкали всецѣло къ „Троекурово-Юшковскому лагерю“. Соотвѣтственно этому, голоса этихъ лицъ должны были въ его разсчетѣ на дворянскихъ выборахъ перейти на сторону оппозиціи въ пользу имѣемаго быть ею выставленнымъ кандидата.

— Оппозиція эта, доказывалъ теперь Свищовъ Петру Капитоновичу,—не могла вообще взять верхъ надъ *охранителями* не по недостатку популярности въ уѣздѣ, — напротивъ, этотъ нашъ здѣшній генералъ гнететъ, можно сказать, здѣсь

все и всѣхъ и внушаетъ къ себѣ общее омерзѣніе,—а потому главнымъ образомъ, что некого было ей до сихъ поръ выставить во главу свою. Подходящаго лица не было, *представительнаго* лица, вы понимаете, подчеркнулъ онъ опять, — соединяющаго въ себѣ условія, необходимыя для такой вліятельной и почетной въ данной территоріи должности, какъ предводитель... Ma-ré-chal, протянулъ онъ съ хохотомъ:—поѣзжайте только въ Парижъ и карточки ваши покажите съ такимъ титуломъ, maréchal de la noblesse de и прочая, и посмотрите, какіе вамъ тамъ *падамъ до ногъ* будутъ дѣлать... А вы у насъ теперь этотъ *марешаль* tout trouvé, особою благостью Провидѣнія дарованный намъ отъ береговъ Невы.

— Позвольте однако, скромно пытался возразить Петръ Капитоновичъ,—я полагаю, что, какъ человѣкъ новый, совершенно еще незнакомый господамъ дворянамъ уѣзда, которому нынѣ имѣю честь принадлежать, я не могу смѣть надѣяться на успѣхъ тамъ, гдѣ, по собственнымъ же словамъ вашимъ, такое *подавляющее* вліяніе имѣло до сей минуты лицо, о которомъ мы говоримъ... Я не прочь, конечно,—мы уже имѣли случай объ этомъ съ вами говорить,—послужить моимъ... согражданамъ, но я первоначально думалъ, признаюсь вамъ, опереться, такъ сказать, именно на это лицо, какъ на представителя партіи... или, чтобы выразить мою мысль вѣрнѣе, представителя тѣхъ мнѣній, которыхъ я, вы согласитесь, при положеніи моемъ и званіи, *обязанъ*, такъ сказать, держаться, многозначительно домолвилъ онъ.

„Московскій браво“ въ отвѣтъ на это уперъ руки въ бока и громко фыркнулъ:

— Sancta simplicitas! „Опереться“ на генерала Троекурова, чтобы попасть къ намъ въ предводители, ха-ха-ха!... Такъ неужели-жь вы не знаете, что у него давнымъ-давно кандидатъ свой готовъ, отъ юности своея на то воспитанный и вспоенный...

— Кто такой? тревожно зазвучалъ голосъ графа.

— А будущій зять его...

Это былъ окончательный ударъ.

— Зять! повторилъ, замирая весь, Петръ Капитоновичъ,— кто такой?

— Да сынъ того же закадычнаго друга его, предводителя бывшаго...

— Этотъ бѣлокурый молодой человѣкъ, котораго звали Гриша и который все время пребывалъ въ молчаніи?

— Онъ самый... А вы и не догадались? Эхъ вы, петербургскіе Юпитеры! надрывался Свищовъ, наслаждаясь растеряннымъ видомъ своей жертвы.

— Вы мнѣ однако, везя меня въ этотъ домъ, ничего объ этомъ не говорили, вскинулся вдругъ „петербургскій Юпитеръ“,—и даже напротивъ...

— Что „напротивъ?“

— Поощряли... въ нѣкоторомъ родѣ.

— А если я, напримѣръ, отвѣтилъ на это мистификаторъ, едва удерживавшій смѣхъ, не перестававшій пронимать его,— знавъ обо всемъ этомъ, не счелъ нужнымъ предварять васъ, чтобы не смущать васъ заранѣе, надѣясь со своей стороны, что, какіе бы тамъ планы ни строилъ нашъ генералъ насчетъ своей дочери, но что, увидѣвъ васъ, и онъ, и она перемѣнятъ свои намѣренія, оцѣнятъ и положеніе ваше, и званіе... и наконецъ личныя ваши качества и преимущества предъ такимъ, можно сказать, ничтожнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, сравнительно съ вами, субъектомъ, какъ этотъ Гриша Юшковъ. Такъ я не виноватъ, что вы...

Графъ не далъ ему договорить очевидно нелестной для него фразы:

— А что онъ дѣйствительно изъ себя изображаетъ, этотъ господинъ? спросилъ онъ, стараясь придать въ свою очередь ироническій оттѣнокъ своему, все еще обрывавшемуся отъ внутренняго волненія, голосу.

— Ничего ровно: въ деревнѣ при папашѣ, депутатъ отъ дворянства нашего уѣзда.

— Только-то! высокомѣрно ухмыльнулся графъ.

— Да-съ, и вотъ изволите видѣть, какую Василису-царевну уготовляютъ ему въ супруги... А вы вотъ со всѣми вашими петербургскими авантажами за флагомъ остались, до

того, что и въ щелочку-то теперь взглянуть вамъ на нее не дозволяется.

И Свищовъ даже языкъ ему высунулъ въ видѣ пріятельской шутки.

Петръ Капитоновичъ вспыхнулъ весь, заерзалъ на мѣстѣ, хотѣлъ отвѣтить, рѣзко отвѣтить, „положить конецъ этому *нахальству*“... Но ничего не сказалъ и уныло поникъ головой. Онъ вспомнилъ вѣ-время, что „опереться“ можетъ только теперь на этого человѣка, на этого *нахала*. „Онъ во всякомъ случаѣ уменъ и *прожженъ*“, разсудилъ постулянтъ на предводительскую должность: а ему, Петербуржцу, нельзя обойтись безъ проводника, безъ нити для прохожденія сквозь мытарства предстоявшей ему выборной одиссеи. Притомъ это былъ заядлый врагъ его недруговъ, а Всесвятское со всѣми его обитателями представлялось уже теперь Петру Капитоновичу не то ястребинымъ, не то вороньимъ гнѣздомъ, подлежавшимъ разору и уничтоженію. Воспоминанія о тѣхъ „мнѣніяхъ“, которыхъ онъ за пять минутъ предъ этимъ, „въ виду положенія своего и званія“, считалъ себя „обязаннымъ держаться“, успѣли и вовсе вылетѣть у него изъ головы. Графъ Снядецкій-Лупандинъ весь уже теперь принадлежалъ „*оппозиціи*“.

VIII.

Проживъ съ недѣлю во Всесвятскомъ, Настасья Дмитріевна Ларина собралась ѣхать въ свое Юрьево. Шелъ третій годъ, какъ она покинула его. Театральныя странствованія по Россіи и пребываніе сестрой милосердія за Дунаемъ не давали ей до сихъ поръ достаточно свободнаго времени для исполненія давнишняго желанія посѣтить это мрачное, покинутое, но все же „родимое гнѣздо“, помолиться надъ покоившимся тамъ прахомъ „несчастнаго“ и все же дорогаго ей отца. Къ тому же шуринъ ея Сусальцевъ, когда она была въ Сицкомъ, просилъ ее объ этомъ. „Побывайте“, говорилъ онъ ей; „поставленъ мною туда вѣрный человѣкъ дѣло вести. А все же хозяйскій глазъ не мѣшаетъ“. — „Какая я хозяйка“, возражала на это Ларина. „А такая, что однѣ. Супруга моя, Антонина Дмитріевна, ни во что это входить не хочетъ; братецъ же вашъ... въ безвѣстной отлучкѣ“, объяснялъ полуиронически, полусожалительно Провъ Ефремовичъ... Настасья Дмитріевна почуяла въ этихъ словахъ деликатный намекъ на то, что какъ бы ни былъ мало достоинъ уваженія въ глазахъ его „Володя“, онъ не считаетъ его de facto лишеннымъ тѣхъ правъ на наслѣдство послѣ отца, которыхъ, какъ „выбывшаго самовольно за предѣлы отечества“, лишилъ его законъ. „Хорошій вы человѣкъ!“ сказала она ему, тотчасъ же и прерывая этотъ разговоръ.

Благодарность къ „хорошему человѣку“ вызвала у нея уже слезы на глазахъ, когда однимъ свѣтлымъ вечеромъ, послѣ ранняго обѣда у Троекуровыхъ пріѣхала она въ Юрь-

ево. Она едва узнавала его. Мрачный, почти развалившійся домъ, изъ котораго выѣхала она, растерзанная мукой, глядѣлъ теперь почти веселю, свѣжеокрашенный, подъ новою, желѣзною крышей, съ чисто выметеннымъ предъ нимъ и усаженнымъ липками *краснымъ дворомъ*, по другой сторонѣ котораго тянулся цѣлый рядъ исправленныхъ или нововыстроенныхъ хозяйственныхъ построекъ. Запущенный садъ, въ которомъ въ ту пору безпрепятственно разгуливали и паслись крестьянскія лошади и скотъ ближайшей деревни, обнесенъ былъ теперь здоровою оградой, *частоколомъ*, съ вырытою предъ нимъ широкою и глубокою канавой, чрезъ которую никакой шаловливый жеребенокъ или парнишка не рѣшились бы перескочить; всѣ аллеи были возобновлены, расчищены и посыпаны песочкомъ; предъ террасой, выстроенною вновь на каменныхъ столбахъ, раскинутъ былъ цвѣтникъ съ кустами алѣвшихъ на немъ подъ лучами заходившаго солнца піоновъ... На всемъ лежала печать порядка, обдуманности и *присмотра*, „какъ бы ожидающаго“, показалось Настасьѣ Дмитріевнѣ, „похвалы съ минуты на минуту имѣющаго прибыть хозяина“.

Вышелъ ее встрѣчать плечистый и загорѣлый мущина лѣтъ 40, въ коротенькомъ пиджакѣ поверхъ рубахи съ косымъ воротомъ, съ пушистою бѣлокурою бородкой и весело улыбавшимися живыми глазами—„поставленный“ Сусальцевымъ „прикащикъ“, прирожденная *смышленость* котораго говорила съ перваго раза въ этихъ умныхъ глазахъ и каждомъ движеніи его бодраго и чрезвычайно подвижнаго тѣла.

Онъ почтительно высадилъ пріѣзжую изъ экипажа, какимъ-то ловкимъ движеніемъ руки и локтя отворилъ предъ нею настежь обѣ половинки входныхъ дверей и, пропустивъ ее въ сѣни, старательно заперъ опять эти половинки во избѣжаніе сквознаго вѣтра.

Внутри дома поразило ее то же *возрожденіе*, какъ и въ наружномъ его обликѣ. Всѣ полы были перестланы и свѣже выкрашены, паркетъ возобновленъ въ пріемныхъ комнатахъ, стѣны оклеены красивыми обоями, мебель исправлена и отянута ситцемъ *подъ обои* или пеньковою матеріей пріятнаго цвѣта для глазъ, на всѣхъ окнахъ навѣшены занавѣси и сто-

ры... Ее видимо ждали: въ столовой на кругломъ столѣ посреди комнаты лежали тщательно выглаженныя и уложенныя скатерть и салфетки, стекло и полдюжины серебряныхъ приборовъ, имѣвшихъ очевидно служить трапезѣ, заказанной для нея, въ какой бы часъ она ни пріѣхала.

Она медленно переходила изъ одного покоя въ другой, не находя при этомъ новомъ видѣ ихъ ни одного изъ тѣхъ колючихъ ощущеній, къ которымъ готовилась она, ѣдучи сюда всю дорогу и мучась уже однимъ предвкушеніемъ ихъ... „Добрякъ, видимо, заботился все время, чтобы ничто тутъ слишкомъ тяжело не напомнило мнѣ о прежнемъ", думала она теперь, вся растроганная, замѣтивъ, что въ бывшемъ кабинетѣ ея отца оставлена была вся бывшая въ немъ мебель, но разставлена въ совершенно иномъ порядкѣ, и большое кресло, на которомъ онъ такъ печально покончилъ съ жизнью, отставлено было, съ замѣтнымъ намѣреніемъ не привлечь на него ея перваго взгляда, въ самый темный уголъ горницы, за перегородку.

Но она отыскала его глазами, слегка вздрогнула и, проведя себѣ рукой по вѣкамъ, обвела взоромъ опять кругомъ свѣжо и весело глядѣвшихъ на нее теперь темно-синихъ стѣнъ кабинета съ золотымъ багетомъ, бѣжавшимъ у его карниза... „Ахъ, Володя, Володя", неслось у нея въ мысли,—„вѣдь могъ же бы ты"...

Она не договорила себѣ своей мысли и обернулась къ провожавшему ее и остановившемуся на порогѣ комнаты прикащику:

— Давно это все... передѣлано?

— Собственно домъ или и прочее? спросилъ онъ въ свою очередь.

— Да... это все? повела она неопредѣленно рукой.

— Ремонтъ-то мы собственно начали въ позапрошломъ году, по заграничному приказу Прова Ефремовича. Больно ужь было все упавши, объяснилъ онъ, — почитай, что однѣ стѣны цѣлы оставались. Службы тоже, по хозяйству, это ужь первымъ дѣломъ требовалось, потому хозяйство повели мы теперича въ полномъ видѣ, какъ слѣдуетъ. А насчетъ собствен-

но дома, такъ что̀ изволите видѣть здѣсь, обои и матеріи — все это они сами по собственному скусу выбирали въ Москвѣ осенью прошлою.

„Это онъ тогда, послѣ свиданія со мною въ Москвѣ, когда говорилъ мнѣ, что не избалованъ онъ лаской и готовъ всю душу положить за того, кто окажетъ ему ее“, вспоминала Настасья Дмитріевна;—„я отклонила помощь, которую онъ предлагалъ мнѣ, такъ вотъ онъ нашелъ средство устроить такъ, что я на этотъ разъ отказаться не могу: Юрьево принадлежитъ женѣ его, какъ и мнѣ... какъ и Володѣ“, тутъ же примолвила она мысленно.

— Прикажете чего покушать, сударыня? спрашивалъ ее между тѣмъ прикащикъ.

— Я не голодна... развѣ позднѣе захочется...

— Когда прикажете. У меня супружница завсегда можетъ—за настоящаго повара, въ Москвѣ училась; довольны останетесь.

— Большое вамъ спасибо, сказала Настасья Дмитріевна;— скажите мнѣ пожалуйста, какъ зовутъ васъ.

Крупные, ровные, бѣлые зубы сверкнули изъ-подъ раскрывшихся въ широкой улыбкѣ губъ управителя:

— А зовутъ меня, какъ и хозяина, Провомъ.

— Отчество ваше и фамилія?

— И фамилія тоже Сусальцевъ.

— Сусальцевъ? повторила невольно дѣвушка.

— Такъ точно: Провъ Сусальцевъ, только отчество будетъ у насъ разное, потому онъ отъ Ефрема, а я отъ Панкрата; онъ Ефремовичъ, а я Панкратьичъ. Никандру ключника изволите знать въ Сицкомъ?

— Видѣла, да...

— Такъ онъ мнѣ братъ родной, а мы съ нимъ хозяину троюродными будемъ, изъ одного роду, значитъ.

„Новая Россія!“ сказалось почему-то въ мозгу Настасьи Дмитріевны, между тѣмъ какъ „троюродный“ прикащикъ ея шурина глядѣлъ на нее какимъ-то добродушно насмѣшливымъ взглядомъ, какъ бы забавляясь внутренно тѣмъ изумленіемъ, которое угадывалъ въ ней. Но она понимала, что онъ ни ма-

ло не оскорблялся этимъ изумленіемъ ея, какъ и не думалъ внушать ей какого-либо особаго *респекта* къ своей особѣ этимъ указаніемъ на родство свое съ „хозяиномъ“. Онъ видимо самъ не придавалъ этому никакого значенія. „Ефремовичъ“ — *самъ*, выражаясь купеческимъ словомъ, а „Панкратьичъ“ у него наемникъ и слуга, хотя оба они Провы и оба Сусальцевы, и ничего тутъ удивительнаго и неестественнаго нѣтъ, потому „каждому свой предѣлъ, его же не прейдеши“.

Было еще свѣтло, и Настасьѣ Дмитріевнѣ не захотѣлось откладывать до завтра того, что̀ составляло главную побудительную причину ея пріѣзда въ Юрьево.

— Я хочу на батюшкину могилу сходить, сказала она:— чрезъ садъ можно?...

— Пожалуйте-съ; на тотъ случай, что пожелаютъ хозяева ближайшимъ путемъ въ храмъ Божій, калитка въ оградѣ продѣлана и мостикъ чрезъ канаву; прямо на дорогу выйдете.

Она поблагодарила его дружественнымъ кивкомъ и, выйдя на новую террасу, спустилась съ нея въ садъ, направляясь чрезъ него къ знакомой читателю изъ начала нашего разсказа церкви.

И здѣсь узнала она щедрую и заботливую руку шурина. Наружный видъ стараго, чуть не развалившагося три года тому назадъ храма былъ не узнаваемъ; стѣны, крыша были исправлены, подштукатурены и выкрашены, ограда поставлена новая, надгробныя плиты предковъ ея очищены ото всякаго хлама и сора временъ *господскаго* оскудѣнія... „Тѣни бояръ Буйносовыхъ, благодарите попавшаго къ вамъ въ родство мужика за то, что могилъ вашихъ не топчутъ болѣе коровьи копыта!“ съ невольною горечью пронеслось въ головѣ дѣвушки.

Подъ стать общему характеру этихъ фамильныхъ плитъ, лежала гладко выполированная доска изъ темно-сѣраго мрамора надъ могилой отца ея. *Дмитрій Сергѣевичъ Буйносовъ родился 1811, † 1876 года*, читалось на ней, и ниже два слова: *Господи помилуй*. Памятникъ этотъ поставленъ былъ ею, Настей (она отдала на него четвертую часть денегъ, полученныхъ ею въ наслѣдство отъ тетки Лахницкой), и ника-

кой другой надписи на немъ она не хотѣла: чего, кромѣ *помилованія*, могла она просить за *него*, и о чемъ вспоминать въ его многогрѣшной жизни?..

Она опустилась предъ нимъ на колѣни, низко склонила голову, и вся ушла въ сосредоточенную, глубокую и умиленную молитву.

Когда, отеревъ наконецъ обильно лившіяся въ теченіе ея слезы свои, она перекрестилась въ послѣдній разъ, поднялась и отошла отъ могилы, она увидала Прова Панкратьевича Сусальцева, поджидавшаго ее у калитки ограды. Онъ держалъ въ рукѣ наскоро видимо собранный, но довольно искусно связанный букетъ изъ красныхъ и бѣлыхъ піоновъ пополамъ съ сиренью, который и подалъ ей со словами:

— Можетъ, пожелаете на могилку положить? Цѣлъ останется лежать хоть до весны до будущей, потому у насъ теперь калитка на погостъ запирается, и ключъ я къ батюшкѣ отнесу опять.

— Спасибо вамъ отъ души!.. А я бы желала видѣть батюшку, примолвила она поспѣшно, — попросить его завтра отслужить заупокойную обѣдню...

— Такъ чтò-жь вамъ безпокоиться, я ему сейчасъ объясню; въ которомъ часу прикажете?

— Въ какомъ ему удобнѣе будетъ, скажите ему, а я весь день свободна...

Настасья Дмитріевна легла спать въ этотъ вечеръ въ какомъ-то давно ею не испытанномъ умиротворенномъ настроеніи духа.

На другой день, отслушавъ заказанную ею заупокойную обѣдню, она вернулась домой и, открывъ старое бюро, ключъ отъ котораго привезла съ собою, принялась перебирать хранившіяся тамъ письма и бумаги покойнаго отца. Это дѣло такъ заняло ее, что она не замѣтила, какъ летѣли часы, и что она, кромѣ чашки чая, оставалась безъ пищи съ самаго утра. Рачительный управитель пришелъ ей напомнить объ этомъ. Она наскоро пообѣдала и тотчасъ вернулась къ своему бюро.

Провъ Панкратьевичъ пошелъ за нею.

— Хозяинъ приказывалъ, когда вы пожалуете, сударыня,

сказалъ онъ ей,—представить вамъ всѣ книги и счеты по имѣнію; можетъ, что̀ пожелаете замѣтить или перемѣнить...

— Нѣтъ, нѣтъ, живо перебила его Настасья Дмитріевна,—нечего мнѣ смотрѣть и замѣчать нечего. Имѣніе при отцѣ моемъ ничего не приносило, а если приноситъ теперь, такъ это потому, что Провъ Ефремовичъ вложилъ въ него деньги, и слѣдовательно доходъ не что̀ другое, какъ процентъ съ его капитала, а я въ его денежныя дѣла не имѣю ни права, ни желанія вмѣшиваться.

Онъ поглядѣлъ на нее:

— Мнѣ это не извѣстно-съ, потому у насъ по книгамъ такъ значится, что на вашу часть, сударыня, изъ чистаго дохода отсчитывается третья доля...

— А я не хочу, не хочу объ этомъ слышать! воскликнула она досадливо и, тутъ же смягчая тонъ:—И я васъ очень буду просить написать ему... потому что я всегда стѣсняюсь сама говорить о деньгахъ... Напишите, что мнѣ ничего не нужно, что я зарабатываю достаточно, чтобы жить безъ нужды, и что я ему очень благодарна, но не могу принять отъ кого бы то ни было то, на что̀ я ни съ какой стороны не имѣю права. Онъ и безъ того сдѣлалъ для насъ слишкомъ много, заключила она невольно, поведя взглядомъ кругомъ комнаты.

— Какъ вамъ будетъ угодно, сударыня, промолвилъ управитель сочувственнымъ и, какъ почуялось ей, одобрительнымъ тономъ въ голосѣ.—Побудете здѣсь еще? спросилъ онъ чрезъ мигъ,—или желаете обратно ѣхать, потому въ такомъ случаѣ насчетъ лошадей въ которомъ часу прикажете?

— Да такъ часу въ седьмомъ, чтобы засвѣтло туда пріѣхать.

— Слушаю-съ.

Онъ вышелъ. Она принялась опять за отцовскія бумаги. Но не прошло получаса, какъ онъ опять, осторожно отворяя дверь, вошелъ въ комнату.

— Извините, сударыня, за безпокойство; тутъ васъ одинъ спрашиваетъ.

— Кто такой? изумленно обернулась она на него.

— Не сказывается. „Желаю, молъ, говоритъ, видѣть ба-

рышню, Настасью Дмитріевну". Я его даже совсѣмъ пущать не хотѣлъ, потому много ихъ теперь, проходимцевъ этихъ, шляется. Только кучеръ, что̀ привезъ васъ отъ генерала, говоритъ, онъ у нихъ въ конторѣ на заводѣ служитъ, такъ я такъ подумалъ, что онъ, можетъ, къ вамъ за дѣломъ за какимъ.

— Не случилось-ли чего во Всесвятскомъ, не дай Богъ! представилось дѣвушкѣ. — Просите его, пожалуйста, что̀ ему надобно?

Чрезъ пять минутъ вслѣдъ за управителемъ вошелъ человѣкъ, увидавъ котораго, Настасья Дмитріевна внезапно дрогнула и какъ бы смутилась.

Это до безобразія некрасивое лицо, эти зловѣщіе, съ какимъ-то выраженіемъ лукавства и хищности глядѣвшіе изъ-подъ нависшихъ бровей глаза,—она ихъ видѣла еще недавно во Всесвятскомъ. Раза два или три, на прогулкахъ по аллеямъ обширнаго тамошняго сада, представала предъ нею фигура этого человѣка гдѣ-нибудь на перекресткѣ дорожекъ или за какимъ-нибудь кустомъ, и всегда какъ бы не ненарокомъ, а словно, говорило ей какое-то внутреннее чутье, съ намѣреніемъ встрѣтиться, подойти, заговорить съ ней. Но онъ не подходилъ и скрывался тутъ же, замѣтивъ, что она была не одна, видимо избѣгая попасть на глаза другимъ. Она однажды даже прямо наткнулась на него на поворотѣ какой-то аллеи и съ безсознательнымъ испугомъ отшатнулась назадъ. Онъ какъ-то странно ухмыльнулся, готовясь очевидно начать разговоръ съ нею. Но въ ту же минуту раздался голосъ нагонявшей ее Маши. Онъ быстро повернулся и исчезъ; но она успѣла указать Машѣ на его неуклюжій, заворачивавшій въ боковую дорожку обликъ и спросила кто это. „Я его не знаю", отвѣтила та: „какой-то новый, въ конторѣ у Владиміра Христіановича служитъ". Настасья Дмитріевна съ этой встрѣчи никогда не выходила уже одна гулять въ садъ.

Онъ стоялъ теперь предъ нею, неловко и угрюмо отвѣсивъ ей при входѣ короткій поклонъ, и зорко глядѣлъ на нее своими узкими, недобрыми глазами.

Далекое уже воспоминаніе мелькнуло внезапно въ ея памяти, и сердце мгновенно сжалось острою болью. Она видѣла

его еще раньше, чѣмъ теперь во Всесвятскомъ, видѣла въ Москвѣ, въ годы первой юности, у брата, „у Володи“. „Волкъ!“ проговорила она мысленно, и нервная дрожь пробѣжала еще разъ у нея по тѣлу.

Читатель въ свою очередь узналъ, не сомнѣваемся, въ нежданномъ посѣтителѣ то загадочное лицо, которое въ настоящую пору разгуливало по Россіи съ законнымъ видомъ въ карманѣ, выданнымъ на имя студента третьяго курса Технологическаго института Бобруйскаго.

— Вы желали меня видѣть? проговорила Ларина, насколько могла спокойнѣе.

— Точно, отрѣзалъ онъ коротко и грубо.

— Что вамъ угодно?

Онъ повелъ изподлобья глазами на стоявшаго съ нимъ рядомъ Прова Панкратьевича.

— Имѣю сообщить о братѣ вашемъ, прохрипѣлъ онъ.

— О Володѣ?

Онъ только кивнулъ на это.

Она смущенно взглянула на управителя, который въ свою очередь, подозрительно и внимательно устремивъ глаза на введеннаго имъ гостя, видимо опредѣлялъ его теперь окончательно въ мозгу своемъ однимъ изъ тѣхъ „шляющихся проходимцевъ“, о которыхъ только-что говорилъ своячениць „хозяина“.

Но онъ не счелъ возможнымъ *ослушаться* нѣмой просьбы, сказывавшейся въ ея глазахъ, и тутъ же медленно вышелъ изъ комнаты, притворивъ за собою дверь наполовину, дабы „въ случаѣ чего“ быть тутъ „наготовѣ“.

Но Бобруйскій замѣтилъ это и, презрительно усмѣхнувшись, быстрыми двумя шагами сталъ прямо предъ лицомъ дѣвушки.

— Шпіоновъ тутъ не надобится; желаю разговора съ вами наединѣ, прошепталъ онъ скороговоркой.

Она, молча повинуясь, направилась нервною, неровною походкой изъ гостиной, въ которой находились они, въ кабинетъ, опустилась на стулъ у окна, лицомъ къ двери и проговорила, овладѣвая смущеніемъ первой минуты:

— Что вы знаете о Володѣ?

— Имѣю отъ него письмо къ вамъ, отвѣтилъ онъ, уставившись ей глазами прямо въ лицо.

Она быстро протянула руку:

— Давайте.

— Подавайте прежде свое! рѣзко выговорилъ онъ.

— Что это „свое?“ воскликнула она въ недоумѣніи.

— Извѣстно что: съ чѣмъ вы сюда Мурзинымъ присланы.

— Я... Мурзинымъ... прислана?... Вы съ ума сошли!

Лицо его все повело.

— Аль шутки шутить со мною вздумали?... Такъ ужь лучше оставьте, потому я этого не терплю, вымолвилъ онъ грозно.

Но у Настасьи Дмитріевны натура была не робкая: она безстрашно воззрилась въ него теперь въ свою очередь.

— Тутъ недоразумѣніе какое-то; я господина Мурзина не видала съ прошлой осени и не имѣю съ нимъ никакихъ сношеній. Предъ моимъ отъѣздомъ изъ Москвы, я вспоминаю теперь, у меня была одна... одна общая моя съ нимъ знакомая и просила меня отъ его имени взять письмо для передачи здѣсь какому-то неизвѣстному мнѣ лицу, но я отказалась.

— Отказались? протянулъ онъ не то недовѣрчиво, не то глубоко изумленно:—почему такъ?

— Имѣю на то свои причины, твердо произнесла она.

— Во-какъ! хихикнулъ онъ злобно. — А приходилъ отъ него кто же къ вамъ?

— Не полагаю нужнымъ называть, тѣмъ же недопускавшимъ дальнѣйшаго объ этомъ разговора тономъ отвѣтила она.

Приходила къ ней дѣвушка, съ которою познакомилась она у Лизаветы Ивановны Срѣтенской, Лидія Петровна Курсакова. Изъ разговора маленькой особы съ нашею актрисой мы уже знаемъ о тѣхъ таинственныхъ отношеніяхъ не то любви, не то чего-то иного, быть можетъ, болѣе опаснаго, которыя существовали между этою дѣвушкой и вліятельнымъ въ извѣстныхъ московскихъ кружкахъ, ученымъ юристомъ, котораго звали Мурзинымъ. Ларина, которую она очень интересовала своею молодостью, миловидностью и замѣтною въ ней какою-то нравственною растерянностью, не разъ пыта-

лась вызвать ее на откровенность, съ доброю цѣлью „облегчить ей душу, если возможно“. Но Лидія Петровна съ видимымъ страхомъ уклонялась отъ всякаго разговора, въ которомъ могла бы она дать возможность чужому оку заглянуть хоть на мигъ въ душевный тайникъ свой. Она или просто не отвѣчала на иные, казавшіеся ей *опасными* вопросы Настасьи Дмитріевны, или сжимая ей крѣпко руку, говорила, глядя на нее влажными карими глазами: „Нѣтъ, милая, оставимъ, для васъ не интересно“... Ларина поэтому невольно удивилась, когда однажды, очутившись съ нею вдвоемъ въ зальцѣ Лизаветы Ивановны, молодая знакомая ея сообщила ей торопливымъ тономъ, что имѣетъ до нея „большую, большую просьбу“.—„Рада служить вамъ, въ чемъ дѣло?“ отвѣтила она ей.—„Вы ѣдете на дняхъ къ себѣ въ деревню, въ ***скій уѣздъ“.—„Да, я говорила вамъ“.—„Не можете-ли вы“—и голосъ дѣвушки уже чуть не болѣзненно задрожалъ при этомъ,—„взять на себя доставку одного письма...“—„Кому?“ „Тутъ написано“. Она осторожно вытащила изъ кармана довольно объемистый пакетъ, адресомъ внизъ, и какъ бы не смѣя протянуть его прямо своей собесѣдницѣ: — „Это *вы* посылаете?“ пожелала узнать та, не отрывая отъ нея взгляда.—„Нѣтъ... меня просили“...—„Я знаю, кто“, вѣско произнесла Ларина. Дѣвушка вспыхнула по самыя брови; руки ея протянулись впередъ безсознательнымъ, умоляющимъ движеніемъ. — „Я не назову его“, успокоительно промолвила Настасья Дмитріевна,—„но не возьму на себя никакого его порученія и, по тому искреннему участію, которое вы мнѣ внушаете, не совѣтую и вамъ, милая“... Она не успѣла договорить: Лидія Курсакова вскинулась однимъ прыжкомъ съ мѣста и, какъ испуганная лань, выбѣжала изъ комнаты.

Непрошенный гость тѣмъ временемъ продолжалъ глядѣть на Ларину своими злыми, полуприщуренными глазами.

— Такъ, значитъ, не имѣю я отъ васъ ничего получить? пропустилъ онъ сквозь зубы.

— Ничего, потвердила она.

— Значитъ, и письма Володькинаго не получите, объявилъ онъ, подымаясь съ мѣста.

Она вспыхнула даже отъ негодованія:

— Да какое же право имѣете вы не отдавать его мнѣ?

— А такое, что не отдамъ: велѣно въ обмѣнъ; коли-бъ отъ васъ что получилъ, такъ и я бы вамъ предоставилъ, а какъ отъ васъ ничего нѣтъ, такъ и съ меня требовать вамъ нечего.

Онъ злорадно ухмылялся, видимо потѣшаясь надъ нею.

Ее взорвало.

— И не надо! сказала она, вставая въ свою очередь: — прощайте.

Онъ этого никакъ не ожидалъ. „Характеръ—дѣвка!“ пронеслось у него въ головѣ.

— На аккомодацію что-ль итти съ вами? пробурчалъ онъ, между тѣмъ какъ она, не глядя на него, направлялась назадъ въ гостиную.

Она пріостановилась на мигъ, полуобернулась.

— Что еще? съ невольною гадливостью уронила она.

Онъ зашипѣлъ отъ злости:

— Да вы, госпожа, съ этимъ вашимъ барскимъ презрѣніемъ не могите глядѣть на меня, потому я, можетъ, еще болѣе всѣхъ васъ, господъ-то, презираю, а окромя того вамъ это и отозваться можетъ...

— Я не боюсь васъ и... и ненавижу! вскликнула Настасья Дмитріевна въ неудержимомъ порывѣ: — вы погубили моего брата, вы заставили его вести преступную... и позорную жизнь, домолвила она какъ бы уже помимо воли.

— Ага, узнали! хихикнулъ онъ опять своимъ противнымъ, язвительнымъ смѣхомъ.

— Да, я вспомнила, я видѣла васъ тогда... Онъ гимназистомъ еще былъ, а вы уже давно взрослый... Вы ловите этихъ простодушныхъ, довѣрчивыхъ мальчиковъ...

— Не ловимъ—сами просились, истины искали, аки елень къ источникамъ воднымъ сами бѣжали ко мнѣ за нею, съ нежданнымъ эмфазомъ и засверкавшимъ взглядомъ возгласилъ онъ, — я имъ и далъ ее... А и сами-то вы не единымъ духомъ развѣ съ братомъ дышали въ ту пору? я вѣдь тоже помню!

— Да! горячо вскликнуяа она на это,—мы въ тѣ дни истины искали съ Володей, всею душой алкали ея... Мы смущены были нашею жизнью дома, горемъ, непосильными испытаніями; мы ребячески думали, что міръ можетъ быть перестроенъ на началахъ справедливости, общей для всѣхъ и каждаго... не вашими путями, нѣтъ, не тѣмъ, во что̀ увлекли вы его!

— Такъ вотъ вамъ, на-те же, читайте! къ немалому ея изумленію, поспѣшно вытаскивая изъ кармана и протягивая ей письмо въ порванной обложкѣ, возразилъ на вспыльчивую рѣчь ея „технологъ“:—коли вы отъ истины отвернулись опять къ вашей старой барской лжи, такъ вотъ что̀ вамъ братъ вашъ пишетъ на поученіе ваше.

— Вы прочли его письмо ко мнѣ? негодуя вскликнула она опять.

— *Мы* прочли, дѣйствительно, подчеркнулъ онъ:—семейныхъ тайнъ для насъ нѣтъ;—открыто и прозрачно какъ стекло должно быть каждое дѣйствіе каждаго, и все обязаны знать высшія *партіи*... А вы полагали, перебилъ онъ себя, язвительно ухмыляясь еще разъ, — что правительство ваше одно пользуется правомъ *перлюстраціи?*

Ларина его не слушала болѣе: она вся погрузилась въ чтеніе братниnаго письма.

Это былъ весьма опоздалый отвѣтъ на письмо ея, писанное еще въ прошломъ октябрѣ, послѣ разговора ея о немъ съ Провомъ Ефремовичемъ Сусальцевымъ. Онъ извинялся за этотъ поздній отвѣтъ тѣмъ, что не находилъ до настоящей минуты (письмо его по датѣ отправлено было три недѣли тому назадъ, изъ которыхъ болѣе двухъ, заключила она, пролежало у Мурзина и въ карманѣ „Волка“) *вѣрнаго* случая для доставки его ей „въ собственныя руки“, и затѣмъ прямо приступалъ къ главному мотиву ея письма. „Я долженъ быть очень благодаренъ супругу *прекрасной госпожи Сусальцевой*“, иронически писалъ онъ, „съ которымъ не имѣю чести быть знакомымъ, хотя и встрѣчались мы каждый день въ разныхъ мѣстахъ Италіянскаго государства, такъ какъ супруга его не только не сочла нужнымъ познакомить насъ, но и сама не нашла для себя удобнымъ признать во мнѣ единоутробнаго, о чемъ я

впрочемъ, какъ ты можешь себѣ представить, сожалѣю мало, а удивляюсь еще менѣе. Удивляюсь болѣе тому, что ты мнѣ пишешь о предложеніи ея мужа. Тебѣ должно быть извѣстно, что я эмигрировалъ изъ *кары патріи* не для того, чтобы набивать себѣ карманы коммерческими предпріятіями, а чтобы служить честному дѣлу, которому посвятилъ всю жизнь. Убѣжденія мои тебѣ извѣстны, и никакія силы въ мірѣ, ни личныя соображенія не заставятъ меня измѣнить имъ какъ здѣсь, такъ и въ Россіи, куда я могу очень неожиданно для тебя вернуться въ *болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.*"

Послѣднія слова эти были два раза подчеркнуты въ подлинникѣ.

— Онъ пишетъ, что, можетъ быть, скоро будетъ въ Россіи! испуганнымъ голосомъ воскликнула Настасья Дмитріевна, дойдя до этого мѣста.

— Вызовутъ, такъ само собой вернется, повелъ на это плечомъ „технологъ".

— „Вызовутъ!"... Кто?

Онъ поглядѣлъ на нее сверху внизъ:

— Извѣстно, кто: мы.

— Для чего, на что онъ нуженъ вамъ?

— Ну, ужь это дѣло не ваше!

Она поледенѣла вся; ей ясно представилось, что *они* могутъ вызвать *его* лишь для какого-нибудь темнаго, „ужаснаго" дѣла. Рыданіе сперлось въ ея горлѣ.

— Уходите, довольно! махнула она ему отчаяннымъ движеніемъ.

— Это съ чего вы? хрипло спросилъ онъ, насупившись и кусая губы.

— Оставьте вы его, пощадите! растерянно вырвалось у нея.

— Эхъ вы! гражданскаго-то чувства ни на грошъ не осталось! Поганый, узкій эгоизмъ семейнаго курятника... А вѣдь изъ васъ, пожалуй, могъ бы толкъ выйти, добавилъ онъ чрезъ мигъ, какъ бы съ сожалѣніемъ окидывая ее новымъ взглядомъ.

Она какъ бы встряхнулась вся отъ этихъ словъ.

— Довольно, я вамъ сказала, перебила она его:—мнѣ говорить съ вами болѣе не о чемъ.

— И мнѣ-то болѣе нечего съ вами толковать, высокомѣрно возразилъ онъ,—а только вотъ что: болтать о томъ, что я къ вамъ сюда приходилъ, я вамъ не совѣтую.

— Я отъ васъ совѣтовъ никакихъ принимать не намѣрена и ни къ чему не обязываюсь.

— Ну, это вы лжете, самоувѣренно и дерзко отрубилъ онъ,—потому знаете, что у насъ по Моисееву закону: око за око, зубъ за зубъ; за себя не боитесь, такъ вѣдь руки у насъ длинныя, до Володьки достанутъ.

И такъ дѣйствительно безпощадно-страшно сверкнулъ пристально остановившійся на ней взглядъ его при этомъ, что слова замерли въ ея горлѣ и вѣки сожмурились во мгновенномъ, нервномъ испугѣ, побороть который въ эту минуту была она не въ силахъ.

Когда открыла она ихъ опять, „Волка“ уже не было въ комнатѣ.

IX.

„Волкъ“, выходя отъ Настасьи Дмитріевны, походилъ дѣйствительно на того звѣря, названіемъ котораго окрещенъ былъ въ обществѣ своихъ единомышленниковъ. Онъ весь, словно ощетинясь и сверкая запламенѣвшими глазами, быстро шагалъ по пыльной дорогѣ, направляясь обратно ко Всесвятскому по тому же образу пѣшаго хожденія, по которому пришелъ и оттуда въ Юрьево. Десяти, пятнадцативерстные переходы были шуточнымъ времяпровожденіемъ для человѣка, исходившаго сотни такихъ вертъ по Забайкальскимъ вершинамъ и низямъ, въ пору бѣгства его съ каторги. Онъ воспользовался сегодня отлучкой дня на два по заводскимъ дѣламъ начальника своего, Владиміра Христіановича Пеца, въ Москву и, выйдя изъ села съ палочкой въ рукѣ какъ бы для прогулки, *отмахалъ* въ три часа разстояніе, которое мужицкая лошадь едва успѣла бы пробѣжать своею мелкою рысцой за это время. Неутомимъ былъ „Волкъ“ и тѣломъ, и вѣчною кипѣнью своего духа. Но духъ этотъ былъ возмущенъ въ настоящее время перенесенной имъ сейчасъ „неудачей“. Онъ никакъ не ожидалъ, что будетъ возвращаться „отъ этой особы“ *ни съ чѣмъ*. Ему въ Москвѣ, откуда отправлялся онъ съ извѣстною намъ карточкой Мурзина къ Троженкову, было „положительно“ сказано, что онъ „въ весьма непродолжительномъ времени получитъ извѣстныя *инструкціи* и деньги чрезъ эту самую *особу*, имѣвшую ѣхать въ ту мѣстность“. Онъ зналъ особу эту издавна, зналъ за сестру „Володьки“ Буйносова, „выученика“ своего въ „дѣлѣ революціи“, и которая въ „тѣ дни“ единомыслила съ братомъ во многомъ“,

а теперь, полагалъ онъ, послѣ ссылки этого любезнаго ей брата, и „совсѣмъ, должно быть, *готова*,—не даромъ же состояла она", по соображенію его, „въ *кружкѣ* такого человѣка, какъ Мурзинъ"... И вдругъ—„осѣчка": никакихъ инструкцій", и не *своя*, а врагъ—прямой врагъ, и къ тому же „характеръ", съ которымъ ничего не подѣлаешь (онъ былъ слишкомъ опытенъ въ практикѣ борьбы съ чужою волей, чтобы не понять сразу, съ кѣмъ приходилось ему имѣть дѣло). Онъ и не пытался, какъ мы видѣли, переубѣждать, ни даже вовлечь ее въ серьезное разсужденіе; „плюнулъ и ушелъ", говорилъ онъ себѣ теперь *фигурально*, „зарубивъ ей только на память, что руки *у нихъ* длинны и что, *въ случаѣ чего*, не сдобровать ни ей, ни Володькѣ". „И придушимъ, коли что", бормоталъ онъ на-ходу сквозь судорожно стиснутые зубы. Но въ груди его шевелилось и что-то другое, похожее на безпокойство. Онъ былъ не доволенъ и Мурзинымъ, и собою... „Какъ же такъ, зря, прямо указать, что вотъ такая-то передастъ тебѣ... А она вонъ что за *тварь* выходитъ... И теперь она меня съ лица признала, и чортъ ее еще знаетъ, не способна-ли она дѣйствительно"... „Волкъ" не договаривалъ и нервно надувалъ щеки. „И никакого извѣщенія ни изъ Москвы, ни изъ Питера, оставаться, аль *махнуть* въ Кіевъ, на свиданіе съ *тамошними*, какъ было о томъ предположеніе. Деньги теперь есть, какъ бы опять на слѣдъ свой жандармовъ не навести... Нѣтъ хуже, какъ вотъ такъ, Иваномъ Царевичемъ, на перепутьи стоять, вправо аль влѣво итти — не знать, а настоящее дѣло, можетъ, въ это самое время у тебя изъ рукъ выплыло". „Волкъ" былъ въ нѣкоторомъ родѣ романтикъ этого своего *дѣла*. Оно влекло, обнимало, поглощало его всего этою своею именно романическою стороной, мрачною поэзіей подпольнаго житья, безпрерывнымъ напряженіемъ нервовъ въ безпрерывной битвѣ за существованіе, блаженными минутами только-что избѣгнутой смертельной опасности и торжества изощренныхъ обмановъ надъ вражьими предосторожностями и розысками. Онъ въ самыхъ неуспѣхахъ *партіи* почерпалъ каждый разъ новую бодрость, находилъ новые поводы къ убѣжденію себя и товарищей въ неминуемости ея ближайшей по-

бѣды, умѣя съ какою-то особою проницательностью отыскивать Ахиллесову пяту противника и изобрѣтать новые виды и способы *предпріятій*, направленныхъ противъ него. Въ *партіи*, или, говоря вѣрнѣе, въ средѣ высшихъ руководителей ея, столько же цѣнили эти неотъемлемыя качества „Волка“, сколько боялись безграничной дерзости его замысловъ, въ ту пору еще казавшихся слишкомъ смѣлыми „многимъ“. Онъ почитался „ничѣмъ не замѣнимымъ орудіемъ“, но „господиномъ о двухъ головахъ, бьющимъ слишкомъ на рискъ“, а потому до самаго sanctum sanctorum революціоннаго дѣла онъ не допускался. Тотъ таинственный Далай-Лама, въ рукахъ котораго, по догадкамъ „Волка“, должны были сходиться въ одинъ узелъ всѣ раскинутыя по Россіи нити „движенія“, оставался ему неизвѣстенъ, какъ не извѣстенъ былъ тѣмъ пѣшкамъ, которыми самъ „Волкъ“ самовластно двигалъ, личный персоналъ того загадочнаго „*исполнительнаго комитета*“, во имя котораго командовалъ „Волкъ“... Его до болѣзненности развитое самолюбіе и алчность ко власти мирились не легко съ тою оппозиціей, которую нерѣдко встрѣчали его предложенія у лицъ, занимавшихъ равное съ нимъ положеніе въ революціонной іерархіи, и которую объяснялъ онъ „несомнѣннымъ“-де вліяніемъ этого высшаго для нихъ, а ему невѣдомаго и ненавистнаго уже поэтому авторитета; онъ и дѣйствовалъ, гдѣ могъ, на свой страхъ, не совѣтуясь съ другими и пользуясь лично имѣющимися у него подъ руками средствами и подначальною ему группой чистыхъ „анархистовъ“. Въ замыслѣ и подготовленіи покушенія 2 апрѣля онъ игралъ значительную роль, успѣвъ съ замѣчательною обдуманностью замести слѣды свои настолько, что дѣйствительное участіе его въ немъ осталось не только не доказаннымъ, но даже проблематическимъ для производившагося по этому дѣлу въ то время слѣдствія. Обстоятельство это объяснялось главнымъ образомъ тѣмъ, что настоящее имя „Волка“, то, подъ которымъ судился онъ и осужденъ былъ въ процессѣ *ста девяноста трехъ*, не значилось болѣе въ судебно-полицейскихъ спискахъ политическихъ преступниковъ. Онъ помѣченъ былъ тамъ утонувшимъ въ одномъ изъ прито-

ковъ Ангары во время бѣгства съ завода, на которомъ долженъ былъ отбыть назначенный ему судомъ срокъ каторги, чему основаніемъ послужило полученное отъ сибирскаго начальства донесеніе съ обстоятельнымъ изложеніемъ подробностей этого *случая* и законно засвидѣтельствованными показаніями двухъ Бурятъ и какого-то казака, представившихъ даже выброшенную на берегъ теченіемъ шапку бѣжавшаго, послѣ того какъ самъ-де въ виду ихъ, свидѣтелей, преслѣдовавшихъ его, „пошелъ ключомъ ко дну, не доплывъ и до половины рѣки“. Насколько при этихъ показаніяхъ обманывали, или сами обмануты были помянутые свидѣтели — вопросъ, на которомъ мы останавливаться не станемъ. Но законно засвидѣтельствованный фактъ смерти извѣстнаго по *Жихаревскому* процессу революціонера отнималъ естественнымъ образомъ у слѣдователей всякій поводъ узнать его въ лицѣ, промелькнувшемъ *какъ-то сбоку* въ разслѣдованіи настоящаго преступнаго дѣла. „Волкъ“ былъ для нихъ лицо новое, безъ *живаго образа*, съ неизвѣстнымъ прошлымъ, на которомъ можно было бы построить какую-нибудь близкую къ истинѣ гипотезу для уразумѣнія степени его личнаго участія въ преступленіи. Онъ могъ поэтому безъ особенныхъ затрудненій выбыть изъ Петербурга и найти въ Москвѣ указаніе, куда итти дальше для исчезновенія *и вовсе* на время съ „главной арены *движенія*“... У Троженкова, какъ намъ извѣстно, узналъ онъ о заводѣ во Всесвятскомъ и о владѣющемъ онымъ „магнатѣ“, и весьма основательно разсудилъ, что надежнѣйшее на нужное ему время отдыха убѣжище можетъ онъ найти подъ кровомъ этого „аристократа“, подъ которымъ „менѣе всего“, конечно, станутъ искать его „*шпіоны*“.

Въ разсчетѣ своемъ „Волкъ“ не ошибся и мирно проживалъ уже третью недѣлю подъ крыломъ Владиміра Христіановича Пеца, занимаясь немудренымъ дѣломъ заводской переписки, трапезуя здорово и сытно и внушая возрастающее съ каждымъ днемъ довѣріе ближайшему начальнику своему тѣмъ усердіемъ и „безотвѣтностью“, съ которыми онъ велъ свое письменное дѣло и исполнялъ кое-какія порученія, которыя давались ему собственно по заводу... На заводѣ онъ

близко присматривался и прислушивался къ нравамъ, настроенію и сужденіямъ рабочихъ—и со свойственною ему сообразительностью смекнулъ съ первыхъ же разовъ, что „никакой пропаганды“ тутъ вести нельзя. Рабочимъ было слишкомъ жить хорошо при тѣхъ „Лассалевскихъ“ порядкахъ, какъ выразилась когда-то Настасья Дмитріевна Буйносова Владиміру Христіановичу *), которые введены были въ заводское положеніе Всесвятскаго, чтобъ оставалась малѣйшая надежда возбудить среди нихъ смуту. Да „Волкъ“ и не думалъ о „пропагандѣ“. Онъ одинъ изъ первыхъ въ партіи уразумѣлъ ложь и тщету *хожденія въ народъ* и давно обозвалъ ее „идилліей тупоголовыхъ барановъ“. „Не съ того конца, по-дурацки начато“, проповѣдывалъ онъ *своимъ*: „бей по головѣ, и во имя ея же веди массы къ анархіи“... Не даромъ же Володя Буйносовъ, послушный ученикъ его, еще до ссылки ихъ обоихъ говорилъ сестрѣ, что Русскій народъ можно поднять только „*изъ-за* царя, а не *противъ* царя“... **) „Волкъ“ поэтому внимательно выслѣживалъ то впечатлѣніе, какое недавнее покушеніе на жизнь „Государя-Освободителя“ должно было произвести на это многочисленное и почти все грамотное, слѣдовательно „болѣе развитое“, заводское населеніе. Но случаевъ разговаривать съ нимъ представлялось ему мало: на работѣ каждому было не до болтовни. А на „откровенныя бесѣды“ въ кабакѣ разсчитывать было нечего, такъ какъ и кабаковъ-то ни одного верстъ на пять кругомъ „Троекуровскаго царства“ не существовало. Оставались одни воскресные дни, въ которые имѣлась возможность, прогуливаясь вечеркомъ по ближайшимъ деревнямъ, присѣсть на заваленкѣ къ „калякающимъ старикамъ“ и мало-по-малу навести искусно разговоръ на желанную тему.

Такъ и удалось сдѣлать на дняхъ „Волку“, но воспоминаніе объ этой недавней его бесѣдѣ съ „мужичьемъ“, рядомъ съ тѣмъ, что онъ только-что вынесъ изъ разговора съ Лариной, усиливало еще въ немъ теперь то „сознаніе неудачи“ и

*) См. *Прологъ*, гл. XVI.
**) Тамъ же, гл. VI.

назойливое какое-то чувство безпокойства, съ которыми возвращался онъ во Всесвятское.

Онъ шелъ быстрымъ, гимнастическимъ шагомъ, глядя себѣ подъ ноги, весь погруженный въ невеселыя размышленія.

Шумъ мчавшагося за нимъ по дорогѣ экипажа заставилъ его первымъ, безсознательнымъ движеніемъ кинуться въ сторону за кусты, мимо которыхъ, рядомъ съ дорогой, лежала протоптанная пѣшеходами тропинка, и, уже скрытый этими кустами, глянулъ онъ на перегонявшую его коляску четверкой, въ которой, глубоко задумавшись въ свою очередь и прямо глядя предъ собою изъ-за опущенной вуали, ѣхала по одному съ нимъ направленію сестра „Володьки Буйносова“.

„У, проклятое барское отродье“! пробурчалъ ей „Волкъ“ во слѣдъ съ невыразимою ненавистью.

Былъ уже часъ осьмой на исходѣ. Экипажъ Лариной давно перегналъ его. Вотъ и послѣдняя, верстахъ въ двухъ отъ Всесвятскаго, лежащая на пути его деревня Бужарово. Онъ зашагалъ по длинной, единственной улицѣ ея, заворачивавшей крутымъ поворотомъ къ мосту, перекинутому черезъ протекавшую тутъ грязную рѣчку, и, очутившись за этимъ колѣномъ ея, остановился внезапно подъ инстинктивнымъ впечатлѣніемъ какой-то сразу почуянной имъ опасности.

У крайней, тотчасъ имъ узнанной, большой чистой избы, на приставленной къ стѣнѣ скамейкѣ сидѣлъ его патронъ, „генералъ“, а рядомъ съ нимъ длиннобородый, сѣдой какъ лунь старикъ, котораго „Волкъ“ точно такъ же узналъ,—хозяинъ этой избы. Уложивъ руки на колѣни и обернувъ опущенную голову къ своему собесѣднику, онъ повидимому передавалъ ему нѣчто, чему тотъ внималъ, не отрываясь отъ него взглядомъ. Расположившіеся по другой сторонѣ улицы нѣсколько человѣкъ пожилыхъ крестьянъ слѣдили оттуда съ замѣтнымъ любопытствомъ за этимъ разговоромъ, представлявшимъ для нихъ, надо было полагать, какой-то особый интересъ. Одинъ изъ нихъ держалъ подъ уздцы красиваго караковаго иноходца, впряженнаго въ легкій кабріолетъ, въ которомъ очевидно пріѣхалъ сюда „генералъ“.

Первымъ, такимъ же инстинктивнымъ побужденіемъ „Вол-

ка“ было—бѣжать. Но онъ былъ слишломъ опытенъ и властенъ надъ собою, чтобы отдаться этому первому движенію. Бѣжать приходилось бы по той же улицѣ, впередъ или назадъ, на-виду у всѣхъ... Къ тому же тутъ лошадь: „нагонитъ, сшибетъ сразу. А тутъ, можетъ, и вовсе не о томъ“... пронеслось и не досказалось въ его мозгу.

— Да вотъ этотъ самый человѣкъ и есть, громко проговорилъ въ эту минуту сѣдой старикъ, увидавъ его первый своими зоркими мужицкими глазами, выпрямилъ свою согбенную спину и указалъ на него быстро протянувшимся въ сторону подходившаго пальцемъ.

Троекуровъ такъ же быстро обернулся на него.

Будто только ожидая этого, группа любопытствовавшихъ двинулась къ нимъ стѣной чрезъ улицу.

„Волкъ“, какъ бы не слыхавъ сказаннаго и не обращая ни на кого вниманія, зашагалъ опять впередъ, небрежно помахивая палочкой.

Но пройти мимо самого „генерала“ и притвориться, что не замѣтилъ его или не узналъ, было бы черезчуръ „нелѣпо“, разсудилъ онъ, и, не доходя шаговъ пяти до Бориса Васильевича, снялъ шляпу, не замедляя шага и прищуриваясь какимъ-то невольнымъ морганіемъ вѣкъ на лѣсную чащу, зеленѣвшую по другую сторону моста, къ которому направлялся онъ.

— Пожалуйте сюда! услыхалъ онъ повелительный голосъ.

Онъ остановился, поводя глазами съ видомъ человѣка неувѣреннаго, что кличутъ именно его.

— Подойдите, я васъ зову, повторилъ Троекуровъ.

„Волкъ“ двинулся еще на шагъ, поднося опять руку къ шляпѣ.

— Вы состоите у Владиміра Христіановича въ конторѣ въ должности письмоводителя?

— Такъ точно, отвѣтилъ онъ, какъ бы съ нѣкоторымъ удивленіемъ: ты, молъ, знаешь, такъ зачѣмъ спрашивать?

— Фамилія ваша Бобруйскій?

— Бобруйскій.

„Генералъ“ обернулся къ старику:

— Онъ?

— Самый онъ и есть, какъ сказывалъ тебѣ, ваше превосходительство. Не одинъ я, вотъ сосѣдей спроси, указалъ старикъ на подошедшихъ крестьянъ,—всѣ тутъ слыхали, какъ онъ этто ономнясь расписывалъ.

— Чаво это?

— А на счетъ того самаго, что господа быдто на Царя убивцу выслали.

— Такъ, такъ, знамо тотъ самый. Безпремѣнно, баитъ, господское это дѣло, потому некому какъ имъ... Батюшка-Царь народъ изъ-подъ земли вырылъ, всѣмъ трактъ показалъ, землей одѣлилъ, такъ за эвто, молъ, самое господа извести его хотятъ, милостивца нашего, загалдѣли крестьяне.

Приземистый, кривой мужиченко подползъ подъ самое ухо Бориса Васильевича:

— Смутьянъ, ваше превосходительство баринъ, возмущалъ насъ поистинѣ!...

— Можетъ, самъ онъ изъ ихнихъ, изъ эвтихъ самыхъ некудашекъ, пробасилъ другой, взирая на „Волка“ съ лютымъ лицомъ и неестественно вытягивая шею въ его сторону.

— Хорошо, вымолвилъ Борисъ Васильевичъ своимъ властнымъ голосомъ, подымаясь со скамьи:—не откажетесь подтвердить это, коли спросятъ васъ?

— Это, тоись, кто же, батюшка?

— Исправникъ, слѣдователь, все равно, кому требоваться будетъ.

Крестьяне не успѣли отвѣтить.

„Волкъ“ браво выступилъ впередъ.

— Что̀ это вы показывать будете? спросилъ онъ, поводя кругомъ искривившимися злымъ пламенемъ глазами.

Крестьяне какъ бы смутились на мигъ и подались назадъ, не отвѣчая.

— Чаво вы, испужались что-ли? выговорилъ укорительно все такъ же оставшійся сидѣть на скамьѣ старикъ:—при васъ говорилъ, сами сейчасъ предъ генераломъ показывали.

— Да что̀ я говорилъ, дурачье? принялся вдругъ смѣяться „Волкъ“,—сами болтали: „Баютъ, говорили, что царя господа

извести хотятъ",—а я вамъ на это: „И я, говорю, слыхалъ, да только мало-ли что люди врутъ"...

— Нѣ... неправда твоя... Самъ объ этомъ зачалъ. Доподлинно сказывалъ, что господа... И про присягательную господчину тоже, и про все прочее таковое... заголосили кругомъ.

— Врете вы, олухи! протестовалъ со своей стороны обвиняемый.

— Подай, братъ, сюда лошадь! крикнулъ Троекуровъ державшему ее.—Вы во Всесвятское шли? обернулся онъ къ „Волку".

— Домой, пробормоталъ неувѣреннымъ голосомъ тотъ.

— Такъ я васъ довезу. Садитесь.

— Къ чему-жь это? я и самъ дойду... Для чего вамъ безпокоиться, ваше превосходительство! поспѣшилъ онъ принять тонъ, имѣвшій соотвѣтствовать подначальному положенію его относительно „патрона".

— Садитесь, говорю вамъ! повторилъ Борисъ Васильевичъ тономъ, въ свою очередь не допускавшимъ возраженія.

„Волкъ" быстрымъ взглядомъ обѣжалъ еще разъ окружавшихъ и молча вскочилъ въ кабріолетъ.

Троекуровъ сѣлъ подлѣ него, подобралъ вожжи.

— Пусти, спасибо!

Крестьянинъ, державшій лошадь подъ уздцы, отошелъ въ сторону.

— Прощай, Капитонъ... Сиди, сиди, ноги у тебя плохи! крикнулъ онъ владѣльцу избы, пытавшемуся подняться съ мѣста на прощаніе съ бариномъ, „генераломъ".

— До свиданія, ребята!

— До свиданія, батюшка, ваше превосходительство, счастливо оставаться! зазвучали хоромъ голоса, закивали усердно крестьянскіе бороды и затылки.

Добрый конь понесся, плавно перебирая ногами. Мостовыя бревна гулко задрожали подъ ними... Дорога пошла лѣсомъ.

— Я, ваше превосходительство, заговорилъ вдругъ Бобруйскій,—никакъ не могу понять смысла того, что̀ сейчасъ тутъ произошло. Я въ чемъ-то будто обвиняюсь, между тѣмъ какъ...

— Я съ вами не говорю, не далъ ему продолжать Борисъ Васильевичъ.

Онъ не глядѣлъ на него и правилъ, рачительно сдерживая иноходца на рытвинахъ и колеяхъ плохой лѣсной дороги.

„Задушить тутъ тебя сразу, а самъ въ лѣсъ“... промелькнуло опять въ мозгу „Волка“. Но онъ тутъ же машинально дернулъ плечомъ и погрузился въ размышленія. „Попался, да не совсѣмъ еще. Разсчитаетъ, само собою, бѣда не большая: на первое время у этого Троженкова схорониться можно, а тамъ увидимъ... Вотъ если полиціи выдать думаетъ, такъ тутъ опять вопросъ: къ чему придраться могутъ? Разговоръ съ крестьянами—ерунда; на томъ и стоять буду, что они же говорили, а я только то и сказалъ, что дѣйствительно уже объ этомъ слышалъ, но что это, молъ, однѣ людскія враки“.

И „Волкъ“ съ проясненнымъ уже челомъ глянулъ искоса на сидѣвшаго рядомъ съ нимъ „генерала“... „Безстрашный тоже!“ промолвилъ онъ мысленно, съ какою-то странною смѣсью одобренія и прирожденнаго чувства ненависти къ „барской породѣ“ взирая на невозмутимо спокойный обликъ этого „господина“, которому очевидно и въ голову не приходило, что помѣщавшійся рядомъ съ нимъ человѣкъ не обинуясь задушилъ бы его тутъ же, въ этомъ лѣсномъ безлюдьи, если-бъ это дѣйствительно понадобилось ему въ эту минуту.

Изъ-за деревьевъ мелькнули красныя стѣны и высокая дымящаяся труба завода Всесвятскаго, и кабріолетъ, огибая его, подкатилъ ко крыльцу небольшаго флигеля, служившаго помѣщеніемъ Владиміру Христіановичу Пецу. На крыльцѣ его, съ сигарой въ зубахъ, сидѣлъ кто-то, одѣтый въ полицейскій мундиръ, видъ котораго заставилъ „Волка“ безсознательно сморщиться. „Вотъ оно что, ждалъ меня, чортъ!... Обыскъ, знать, произвелъ ужь“, сообразилъ онъ тотчасъ же— и тутъ же усмѣхнулся: „да найти-то ничего не нашелъ“.

Онъ угадалъ не совсѣмъ вѣрно.

— Вотъ господинъ Бобруйскій, проговорилъ Борисъ Васильевичъ, кидая вожжи выбѣжавшему на стукъ его кабріолета слугѣ управляющаго и подымаясь по ступенькамъ крыльца къ исправнику.

Тотъ приложилъ учтиво руку къ фуражкѣ въ знакъ благодарности и, не теряя времени, обратился къ „Волку“:

— Господинъ Бобруйскій, такъ?

— Сказали вамъ сейчасъ! грубо вырвалось у того въ первую минуту.

— Состоите здѣсь письмоводителемъ въ конторѣ? продолжалъ исправникъ совершенно спокойно.

— Состою.

— Давно?

— Третья недѣля будетъ.

— Паспортъ имѣете?

— Безъ того не приняли бы, полагаю, уже какъ бы шутливо и спокойнымъ, въ свою очередь, тономъ возразилъ спрашиваемый.

— Гдѣ онъ?

— Взятъ отъ меня, какъ водится, управляющимъ здѣшнимъ, господиномъ Пецомъ.

— Онъ, къ сожалѣнію, въ Москву уѣхалъ дня на два, сказалъ на это Троекуровъ.

— Все равно-съ, ваше превосходительство, улыбнулся „Волкъ“,—поспортъ я сейчасъ могу предоставить, потому онъ у меня же со всѣми прочими въ конторскомъ шкапу.

Исправникъ и Борисъ Васильевичъ невольно переглянулись: „что у такихъ людей всегда паспорты въ порядкѣ, само собою разумѣется“, пронеслось у обоихъ ихъ въ мысли.

— Я васъ попрошу, отнесся опять исправникъ къ „письмоводителю,“—провести меня въ занимаемое вами здѣсь помѣщеніе.

— Сдѣлайте милость.

И онъ, повернувшись, зашагалъ къ заводу, гдѣ въ особомъ флигелѣ для служащихъ отведена была ему комната.

Исправникъ и Троекуровъ пошли за нимъ.

Навстрѣчу имъ попался шедшій изъ своей школы учитель Молотковъ съ однимъ изъ механиковъ завода.

— Я попрошу васъ, сказалъ имъ Борисъ Васильевичъ,—послѣдовать за господиномъ исправникомъ; ему нужны бу-

дутъ понятые люди, добавилъ онъ, чуть-чуть усмѣхаясь, и, кивнувъ имъ, направился къ себѣ въ домъ.

Проворный отставной служивый, состоявшій сторожемъ по корридору, на который, въ числѣ другихъ, выходила комната, занимаемая Бобруйскимъ, поспѣшно отворилъ ее имѣвшимся у него двойнымъ ключомъ. Въ ней, кромѣ мебели и бѣлья, съ которыми отдавались эти помѣщенія подъ жительство всѣхъ служащихъ на заводѣ должностныхъ лицъ, не оказалось на первый взглядъ ни одного предмета, принадлежащаго лично постояльцу ея, ни платья, ни сапоговъ, ниже чего-либо иного.

— Что же вашего тутъ есть? спросилъ у него невольно исправникъ.

Бобруйскій засмѣялся.

— Что на мнѣ видите, подчеркнулъ онъ,—то и есть.

— Дѣйствительно, что ничего у нихъ нѣту, ваше вскородіе, окромя что на себѣ, да перемѣны одной изъ бѣлья, счелъ нужнымъ подтвердить сторожъ, отворяя на обѣ половинки вдѣланный въ стѣнѣ шкапъ, въ которомъ „дѣйствительно“ оказалась одна свѣже вымытая ситцевая рубаха съ косымъ воротомъ.—Сакъ-вояжъ былъ съ ними такой махонькій, какъ они прибыли къ намъ, а больше ничего и не видалъ я у нихъ.

На лицѣ учителя Молоткова выразилось чувство какой-то щемящей жалости къ „несчастному:“

— Я слышалъ точно отъ Владиміра Христіановича Пеца, что господинъ Бобруйскій явился къ нему въ крайней нуждѣ, съ тѣмъ, что имѣлъ на тѣлѣ... и даже сутки не ѣвши.

Лицо исправника осталось безстрастнымъ.

— Гдѣ вашъ этотъ сакъ-вояжъ? спросилъ онъ.

— Можете полюбопытствовать, ухмыльнулся еще разъ Бобруйскій, шагнувъ къ кровати и вытаскивая изъ-подъ лежавшей на ней подушки подержаную до ветхости кожаную сумку съ плохо державшимся на ней мѣднымъ ободочкомъ замка, который онъ тотчасъ же и раскрылъ на обѣ стороны. Въ ней оказалось нѣсколько мѣдныхъ пятаковъ и десятокъ папиросъ, завернутыхъ въ оборванный кусокъ газетнаго лист-

ка, на оголовкѣ котораго въ глаза исправника тотчасъ метнулся день его выхода: 3 апрѣля 1879 года.

Онъ быстро и зорко взглянулъ въ лицо „письмоводителю“. „Что взялъ!“ прочелъ онъ какъ-то инстинктивно на этомъ лицѣ.

Исправникъ тутъ же опустилъ глаза на высокіе, забрызганные грязью сапоги „Волка“.

— Я попросилъ бы васъ разуться, сказалъ онъ.

Всклокоченная голова Бобруйскаго вскинулась вверхъ неудержимымъ движеніемъ:

— Это вамъ на что же?

— Я васъ попрошу исполнить мое требованіе, медленно, но съ неотразимою настойчивостью произнесъ тотъ.

— Да что вы меня въ воровствѣ какомъ подозрѣваете! вскликнулъ тотъ, сверкая глазами.

— Сапоги долой, говорятъ вамъ!

Дикая натура „Волка“ не выдержала. Быстрымъ, мгновеннымъ движеніемъ запустилъ онъ руку въ сапогъ подъ сгибъ голени... Что-то блестящее, металлическое сверкнуло въ немъ— и тутъ же звякнуло на полъ, выбитое кулакомъ кинувшагося на него сторожа.

— А-а, револьверъ, такъ и надо было ожидать, невозмутимо проговорилъ исправникъ.

— Разувайтесь, господинъ, коли сказываютъ, говорилъ между тѣмъ бравый служивый, стискивая „для предосторожности“ кисть руки Бобруйскаго до боли.

Механикъ, вошедшій съ Молотковымъ, шагнулъ къ нему въ свою очередь, видимо возмущенный оказавшимся въ сапогѣ револьверомъ и готовый со своей стороны воспрепятствовать всякой дальнѣйшей попыткѣ виновнаго къ сопротивленію.

— Это не законно, я протестую! хрипѣлъ въ бѣшеномъ сознаніи своего безсилія тотъ.

— Выворачивай! скомандовалъ коротко исправникъ сторожу, между тѣмъ какъ Молотковъ, волнуемый самыми противоположными чувствами жалости, негодованія, брезгливости, отворачивался морщась къ окну.

— Пакетъ какой-то, ваше вскородіе! вскликнулъ сторожъ, отворотивъ голенище и запуская руку до локтя въ глубь одного изъ сапоговъ: — деньги, стало быть, доложилъ онъ тутъ же, вытаскивая оттуда и протягивая исправнику пачку ассигнацій, обернутую въ порванный лоскутъ носоваго платка.

Исправникъ взялъ ихъ и, обернувшись къ Молоткову:

— Не потрудитесь-ли пересчитать? сказалъ онъ, кидая пакетъ на близъ стоявшій столъ.

Молодой учитель, съ замѣтнымъ отвращеніемъ перекидывая ассигнаціи ногтемъ указательнаго пальца, перечелъ ихъ.

— Четыреста семьдесятъ пять рублей, выговорилъ онъ тихо и какъ бы чрезъ силу.

— Это ваши деньги? отнесся исправникъ къ Бобруйскому.

— Значитъ мои, коли у меня нашли, отрѣзалъ грубо тотъ.

— Это не резонъ, чуть-чуть усмѣхнулся исправникъ: — сейчасъ было заявлено, что вы пришли сюда „въ большой нуждѣ“ и даже голодный.

— А съ тѣхъ поръ я могъ и получить, почемъ вы знаете!..

— Бумажка какаясь, доложилъ въ это время сторожъ, шарившій въ другомъ сапогѣ.

— Покажи!

— Это былъ обрывокъ какого-то, наполовину вылинявшаго письма, нѣкоторыя строки котораго можно было однако прочесть безъ затрудненія. Затрудненіе, какъ могъ тотчасъ же въ этомъ убѣдиться исправникъ, заключалось въ ихъ содержаніи: онѣ не представляли никакого смысла и походили на какой-то безсвязный подборъ словъ, какія пишутся иной разъ для пробы новаго пера. „Шифръ“, сказалъ онъ себѣ мысленно.

— Больше ничего? спросилъ онъ опять у сторожа.

— Ничего, а ни-ни, ваше вскородіе, отвѣтилъ тотъ, захватывая сапоги за подошвы и встряхивая ихъ, обернувъ голенищами внизъ.

— Позволите обуть, значитъ, опять? иронически и съ полнымъ уже хлоднокровіемъ спросилъ „письмоводитель“.

— Можете... А затѣмъ попрошу васъ передать мнѣ вашъ паспортъ:—вы говорили, что онъ у васъ гдѣ-то въ шкапу.

— Въ конторѣ, точно такъ... Могу свободно итти, или

почтете сперва нужнымъ связать мнѣ руки назадъ, какъ мазурику? спросилъ „Волкъ“ тѣмъ же хладнокровно глумящимся тономъ.

— Мы пойдемъ за вами, отвѣтилъ на это просто исправникъ, давая ему этимъ понять, что не считаетъ нужнымъ принимать съ нимъ какія-либо „экстраординарныя мѣры“.

Слухъ объ „обыскѣ у письмоводителя“ успѣлъ уже между тѣмъ разнестись по всему заводу. Цѣлая толпа набралась въ корридоръ, тѣснилась у дверей комнаты....

— Позвольте пройти, господа, говорилъ исправникъ, выходя изъ нея вслѣдъ за Бобруйскимъ,—и ничего любопытнаго нѣтъ, я попросилъ бы васъ разойтись.

Оттѣснились, но не послушались, и вся толпа длиннымъ хвостомъ потянула за направлявшимися въ контору лицами.

Извѣстное уже намъ свидѣтельство, выданное изъ Технологическаго Института бывшему студенту Бобруйскому, оказалось дѣйствительно въ шкапу въ числѣ конторскихъ бумагъ.

— Хорошо-съ, сказалъ исправникъ, укладывая его въ карманъ:—я попрошу васъ подождать меня здѣсь минуту.

— А мои деньги! вскликнулъ „письмоводитель“.

— Онѣ будутъ переданы мною здѣшнему владѣльцу и, если окажутся дѣйствительно вашими, будутъ возвращены вамъ въ свое время.

— Это когда же, то-есть? крикнулъ „Волкъ“.

Исправникъ не отвѣчалъ, обвелъ глазами комнату съ набившимся въ нее народомъ и вышелъ, направляясь къ дому.

„Волкъ“ въ свою очередь повелъ вокругъ себя взглядомъ звѣря, попавшагося въ клѣтку. „Уйти нельзя“, это было для него ясно. Онъ презрительно ухмыльнулся, опустился на стулъ и, обернувшись на Молоткова:

— Папироску можете дать? уронилъ онъ высокомѣрно, будто одолжая его этимъ обращеніемъ къ нему.

Тотъ молча, стараясь не глядѣть на него, протянулъ ему свой портъ-сигаръ...

— Владиміра Христіановича нѣтъ, и я не могу сказать навѣрное, отвѣчалъ Троекуровъ на сообщеніе зашедшаго къ нему для этого исправника о результатахъ обыска,—но заранѣе

поклясться готовъ, что найденныя вами деньги не похищены у насъ. Эти люди подкапываются подъ казначейства, но не таскаютъ платковъ изъ кармана. Во всякомъ случаѣ вопросъ о воровствѣ слѣдуетъ, мнѣ кажется, вовсе устранить. Онъ пришелъ сюда съ этими деньгами...

— И я то же думаю, кивнулъ утвердительно исправникъ.

— А нужда и голодъ пущены были въ дѣло въ виду разжалобить моего добраго Пеца. Надо было ему усѣсться тутъ, найти надежный центръ, откуда могъ бы онъ раскинуть свою паутину...

— И не глупо придумано, усмѣхнулся его собесѣдникъ:— если его ищутъ, такъ менѣе всего, разсчитывалъ онъ, сунутся сюда...

— Во владѣнія такого извѣстнаго ретрограда, какъ вашъ покорный слуга, усмѣхнулся слегка Борисъ Васильевичъ:— это вѣрно. И дѣйствительно могъ бы онъ прожить здѣсь долго въ полной безопасности: мой добрякъ Пецъ въ восхищеніи былъ отъ его исправности и скромности. Да натура не выдержала, языка сдержать не могъ.

Троекуровъ передалъ о показаніи крестьянъ и о предварительномъ разговорѣ своемъ со старикомъ Капитономъ, умнымъ и степеннымъ домохозяиномъ, котораго онъ давно зналъ и любилъ и который со своей стороны питалъ къ „генералу“ полное, такъ рѣдко теперь встрѣчаемое въ отношеніяхъ „народа“ къ „господамъ“, довѣріе.

— Спасибо вашему превосходительству, сказалъ исправникъ,—безъ вашего содѣйствія, на формальный спросъ, который нужно мнѣ будетъ имъ сдѣлать, крестьяне, пожалуй, не стали бы отвѣчать откровенно, а теперь имъ отказаться нельзя: я сошлюсь на то, что они вамъ говорили.

— Пожалуй. Вы человѣкъ новый въ уѣздѣ, они васъ еще не знаютъ. Ну, а мнѣ они съиздавна привыкли вѣрить... А впрочемъ они такого франта ни въ какомъ случаѣ покрывать бы не стали: не любитъ у насъ народъ этихъ *некудашекъ*.

— „Некудашекъ“? повторилъ вопросительно исправникъ.

Борисъ Васильевичъ усмѣхнулся.

— Не слыхали до сихъ поръ? Удивительно мѣтокъ нашъ

народъ на прозвища. *Некуда* итти, *некуда* дѣваться, ни на что̀ негодный человѣкъ...

— Да, видно не долюбливаетъ онъ ихъ. Я, признаюсь, нѣсколько удивился даже поспѣшности, съ которою прибѣжалъ мнѣ объ этомъ донести сотскій изъ той деревни, прямо, помимо становаго...

— Тутъ все того же Капитона рука. Безъ ногъ ужь старикъ, еле движется, а все знаетъ, все видитъ и всѣмъ ворочаетъ тамъ... Когда вы заѣхали сегодня сообщить мнѣ объ этомъ, я разсудилъ, что я скорѣе, или вѣрнѣе, ближе узнаю отъ него всю подноготную, и просилъ васъ обождать меня здѣсь, пока самъ съѣзжу. Оказывается, что этотъ „некудашка“ дѣйствительно подъ видомъ прогулки являлся уже нѣсколько дней сряду по вечерамъ въ деревню, прилаживался къ крестьянамъ и заводилъ издалека разговоръ о событіи 2 апрѣля, которое гораздо болѣе волнуетъ народъ, сказать кстати, чѣмъ это вообще могутъ думать. Норовилъ онъ поддѣлаться совершенно подъ негодующее чувство крестьянъ и страхъ ихъ за любимаго Царя, такъ что на первыхъ порахъ они относились къ нему какъ бы даже сочувственно. Ну, а затѣмъ онъ и началъ на тему „господскаго“, будто бы, заговора „противъ Царя-Батюшки, желающаго-де надѣлить народъ остающеюся у помѣщиковъ землей, а господъ взять всѣхъ на жалованье“. Тутъ они и насторожились; проповѣдь эта въ нашей мѣстности никакого успѣха имѣть не можетъ... И съ этой стороны, смѣю сказать, выговорилъ Борисъ Васильевичъ съ какою-то невольною гордостью,—мое почти двадцатилѣтнее пребываніе здѣсь не осталось безъ добраго вліянія. Что ни толкуй наши умники о прирожденномъ, исторически развившемся будто недовѣріи и недобрыхъ чувствахъ „мужика“ къ „барину“, я смѣло скажу, что это ложь, будь только *баринъ* настоящій, а не прощалыга-эксплуататоръ или не петербургскій верхоглядъ. Меня здѣсь знаютъ крестьяне на сто верстъ кругомъ и изъ-за ставерстъ приходятъ за совѣтомъ...

— И за помощью, Борисъ Васильевичъ, я это знаю, въ которой вы никогда не отказываете.

— Не отказываю, нѣтъ, потому что знаютъ, что я даю ее

только тѣмъ, кто въ ней истинно нуждается, а дармоѣдовъ, норовящихъ сорвать „что изъ милости“ у человѣка имущаго, гоню въ шею. И это народъ здѣсь понимаетъ и, позволю себѣ сказать опять, уважаетъ меня, можетъ быть, болѣе всего за то именно, что я никакимъ дряннымъ людишкамъ потачки не даю...

Онъ оборвалъ вдругъ, какъ бы застыдясь того, что такъ долго говорилъ о себѣ...

— Вы, говорите, нашли у него лоскутокъ письма какого-то шифромъ?

Исправникъ вынулъ этотъ лоскутокъ изъ кармана и протянулъ ему:

— Да, и такой же клочокъ оборваннаго газетнаго нумера отъ 3 апрѣля,—дня, то-есть, когда въ газетахъ сообщены были первыя извѣстія о покушеніи... Это конечно ничего не значитъ: онъ могъ, какъ и всякій другой изъ публики, купить экземпляръ газеты, гдѣ бы то ни было, изъ любопытства узнать подробности событія, всѣхъ поразившаго... но мнѣ что-то говоритъ, что купленъ онъ былъ въ Петербургѣ, а что слѣдовательно молодецъ этотъ прибылъ оттуда прямымъ путемъ въ нашу мѣстность.

— Очень можетъ быть, по времени сходится... Вы его увезете съ собою?

И глаза Троекурова заморгали.

— Непремѣнно.

— И?..

— Отберу показанія отъ крестьянъ, а его посажу, а затѣмъ сдамъ жандармамъ.

Борисъ Васильевичъ только кивнулъ.

— До свиданія, еще разъ благодарю, ваше превосходительство.

Исправникъ пожалъ протянутую руку хозяина и вышелъ.

Въ конторѣ состояло все попрежнему. Бобруйскій, сидя у конторскаго стола, молча и сосредоточенно курилъ папиросы одну за другою, безцеремонно вынимая ихъ изъ оставшагося лежать на столѣ портъ-сигара Молоткова. Молодой учитель, отвернувшись отъ него, барабанилъ машинально пальца-

ми по стеклу закрытаго окна, предъ которымъ стоялъ. Въ душѣ его продолжало бороться чувство жалости съ воспоминаніемъ о непріятномъ впечатлѣніи, какое произвелъ на него „письмоводитель“ при первой его встрѣчѣ съ нимъ у Владиміра Христіановича Пеца и объ одномъ случайномъ его разговорѣ съ нимъ на совмѣстной прогулкѣ по саду Всесвятскаго, въ которомъ „этотъ человѣкъ“—Молотковъ это еще тогда замѣтилъ, но пропустилъ безъ вниманія,—какъ бы старался вывѣдать, какихъ именно „убѣжденій“ держится онъ, Молотковъ... Еще увеличившаяся толпа любопытствующихъ все такъ же наполняла комнату и сосѣдній корридоръ.

— Я прошу рѣшительно, господа, выйти отсюда, съ неудовольствіемъ выговорилъ исправникъ, входя:—ваше присутствіе здѣсь совершенно лишнее... .Не угодно-ли вамъ будетъ собраться ѣхать со мною? отнесся онъ къ своему арестанту.

— Куда это? спросилъ тотъ съ тою же опять презрительною усмѣшкой безобразныхъ губъ, которая давала его наружности какой-то особенно антипатичный характеръ.

— Пожалуйте! сказалъ на это исправникъ, движеніемъ руки показывая ему на дверь.

— Сила солому ломитъ, хихикнулъ „Волкъ“ во весь ротъ, подымаясь съ мѣста:—будь по-вашему.

И онъ неспѣшнымъ, тяжелымъ шагомъ вышелъ въ корридоръ.

У крыльца стояла тройка подъ тарантасомъ исрпавника.

— Ваше высокородіе, подбѣжалъ къ нему и залепеталъ механикъ, свидѣтель при обыскѣ,—не прикажете-ли къ вамъ на козлы сѣсть? Дорога у насъ, куда ни ѣхать, скрозь лѣсомъ пойдетъ, такъ чтобы не вздумалъ на ѣздѣ-то выскочить и бѣжать.

— А что же, пожалуй, садись!..

„Волкъ“ самъ между тѣмъ вскочилъ въ тарантасъ и разсѣлся, продолжая дымить папироской въ углу его, съ видомъ человѣка, собирающагося въ пріятное путешествіе и желающаго совершить его самымъ комфортабельнымъ образомъ.

Исправникъ сѣлъ въ свою очередь. Механикъ полѣзъ на козлы.

— Трогай!

— Куда прикажете? обернулся кучеръ.

— Въ деревню Вужарово. Знаешь?

— Я знаю, отозвался механикъ:—изъ воротъ направо.

— Кланяйтесь Владиміру Христіановичу, авось скоро увидимся, крикнулъ бравурно „Волкъ“, подымая голову къ окну конторы, изъ котораго отворившій его Молотковъ глядѣлъ невеселымъ взглядомъ на отъѣзжавшихъ.

Тарантасъ покатилъ.

X.

Dem bösen Geist gehört die Erde,
Nicht dem guten.
Schiller. *Wallensteins Tod.*

Степанъ Акимовичъ Троженковъ стоялъ на крыльцѣ своего дома въ Быковѣ, готовясь сѣсть въ поданную ему телѣжку и ѣхать по своимъ кабакамъ, когда хорошо знакомыя ему старыя дрожки покойной тетки графа Снядецкаго-Лупандина, въ которыхъ совершалъ теперь свои путешествія по окрестнымъ весямъ пріятель его Свищовъ, вкатили на дворъ, и самъ онъ, завидѣвъ издалека еще хозяина, замахалъ ему поспѣшно шляпой съ видомъ человѣка, имѣющаго сообщить важную, нетерпящую отлагательства новость.

Троженковъ, велѣвъ своей телѣжкѣ отъѣхать отъ крыльца, къ которому подкатывалъ экипажъ гостя, торопливо въ свою очередь сбѣжалъ со ступенекъ къ нему.

— Случилось что? спрашивалъ онъ не то съ любопытствомъ, не то съ какою-то невольною тревогой, объяснявшеюся сильно озабоченнымъ, чтобы не сказать мрачнымъ, выраженіемъ лица московскаго „браво“.

Тотъ соскочилъ съ дрожекъ своихъ наземь, подхватилъ его подъ руку и, подымаясь съ нимъ вмѣстѣ опять вверхъ по ступенькамъ крыльца, зашепталъ ему на ухо многозначительно и угрюмо:

— Нарочно къ тебѣ изъ города свернулъ, предупредить въ случаѣ, что ты тутъ можешь быть замѣшанъ...

— Что такое... въ чемъ замѣшанъ? повторилъ Троженковъ дрогнувшимъ голосомъ.

Свищовъ оглянулся, нагнулся еще ниже къ самому его уху:

— Этотъ твой-то, изъ Москвы, что̀ собиралъ деньги на студентовъ...

— Ну?..

— Забрали!

Троженковъ поблѣднѣлъ:

— Жандармы?

— Исправникъ вчера вечеромъ изъ Всесвятскаго привезъ.

— Въ острогъ?

— Извѣстно.

— Съ чего это?

— Не знаю. Фактъ только тотъ: привезъ и посадилъ... А ты надуть меня вздумалъ намедни: „въ Воронежскую, молъ, губернію, на родину свою отправился“. А онъ во куда затесался: къ самому магнату на заводъ!

— Такъ я почемъ же зналъ! Какъ сказывалъ онъ мнѣ, такъ и я тебѣ...

— Ври больше!..

— Да ты говори настоящее, заметался Степанъ Акимовичъ:—видѣлъ ты его самъ что-ли?

— Гдѣ-жь самъ! Говорю, вчера привезли, а я только сейчасъ ѣздилъ туда... Сторожъ управскій, Ефимъ, передавалъ...

— А съ чего-жь Ефимъ этотъ его знаетъ, *того?*

— И не знаетъ онъ его совсѣмъ, а только видѣлъ, какъ пріѣхалъ съ „какимъ-то“ исправникъ, а отъ кучера исправникова узналъ, что „съ завода съ генеральскаго“. „Повезъ, говоритъ, его сначала на квартиру жандармскаго подполковника, да того дома не было: уѣхалъ къ кому-то въ гости въ деревню. Слѣдователя тоже въ городѣ нѣтъ. Такъ онъ его въ острогъ и сдалъ отъ себя“... И какъ описывалъ его съ лица Ефимъ, никто это другой, какъ онъ.

Троженковъ слушалъ, видимо смущенный и растерянный, устремивъ на говорившаго какъ бы вдругъ совершенно потухшіе глаза.

— Что̀, братъ, штука скверная, проговорилъ его пріятель съ какою-то смѣсью иронiи и сожалѣнія, косясь на него въ свою очередь:—говорилъ я тебѣ, не сдобровать... А я, поспѣ-

шилъ онъ вдругъ прибавить,—такъ это напередъ и знай, коли потянутъ меня къ допросу, все покажу, какъ было, что онъ у тебя съ нами ужиналъ и собиралъ пожертвованія на „преслѣдуемую правительствомъ учащуюся молодежь“, и что я одинъ на это денегъ не хотѣлъ дать, потому я приверженецъ порядка, законности и прочаго...

— Ну, это брешешь, отвѣтилъ нежданно Троженковъ, подымая голову и какъ бы совершенно уже совладавъ со своимъ первымъ впечатлѣніемъ, — не покажешь, потому что деньги давалъ и твой графъ петербургскій, а онъ у тебя теперь первый козырь въ игрѣ.

Московскій „браво“ расхохотался теперь уже во весь ротъ.

— Не напугаешь вѣдь тебя, старую лису, всякую штуку знаешь... А все же дѣло скверное и для тебя, какъ я понимаю, заговорилъ онъ опять серьезнымъ тономъ: — если станутъ выслѣживать и доберутся, что онъ у тебя тутъ былъ... Самъ онъ конечно не покажетъ, люди эти не выдаютъ своихъ.

— Да ты съ чего-жь взялъ, что я ему „свой“? воскликнулъ съ какимъ-то даже не совсѣмъ лицемѣрнымъ негодованіемъ Степанъ Акимовичъ:—видѣлъ я его тутъ, какъ и ты, въ первый разъ отъ роду; отъявился онъ ко мнѣ съ карточкой одного знакомаго...

Онъ опять задумался:

— Треба дѣло сіе справить, пробормоталъ онъ и, поднявъ глаза на Свищова:—въ Москву треба сейчасъ ѣхать, пояснилъ онъ.

— Эй, Ѳедька!

Выбѣжавшему на этотъ зовъ малому онъ приказалъ уложить ему въ сакъ перемѣну бѣлья, гребешокъ и щетку и ждать его домой къ завтраму вечеромъ.

— Ну, заявилъ ему московскій „браво“, когда они остались опять на крыльцѣ,—а я, такъ и знай, раньше къ тебѣ не буду, какъ когда все это ты „справишь“, не то, пожалуй, еще попадешься съ тобою, а у меня, братъ, кожа одна, не купленая, такъ я ее беречь долженъ.

— И береги, и береги себѣ ее, и ничего отъ тебя я и не

прошу; тилипайся *) соби, якъ знаешь, язвительно засмѣялся на это Хохолъ,—ловкій ты, ловкій самъ какъ лисъ и шельма прожженая.

— Не даромъ я, братъ, хохоталъ на это въ свою очередь тотъ, — всѣ части свѣта произошелъ, людей насквозь видѣть научился.

Пріятели затѣмъ, покивавъ другъ другу самымъ дружелюбнымъ образомъ, сѣли каждый въ свой экипажъ и покатили одинъ вслѣдъ за другимъ въ ворота, за которыми разъѣхались одинъ вправо, другой влѣво.

Дорога была гладкая, лошади добрыя, и Степанъ Акимовичъ успѣлъ прибыть въ городъ за цѣлый часъ до отхода поѣзда въ Москву. Онъ за это время повидался со сторожемъ Ефремомъ, шустрымъ и пронырливымъ малымъ, знавшимъ всегда и все, что происходило въ маленькомъ городкѣ, и отъ котораго за „цѣлковый рупь“ можно было все провѣдать, и съ секретаремъ мироваго съѣзда, желчнымъ господиномъ изъ бывшихъ учителей уѣзднаго училища, ненавидѣвшимъ „по принципу“, какъ выражался онъ, *администрацію*, — и убѣдился изъ ихъ сообщеній (секретарь жилъ прямо насупротивъ квартиры исправника и видѣлъ привезеннаго имъ вчера арестанта), что „забранный“ во Всесвятскомъ былъ дѣйствительно, какъ говорилъ Свищовъ, не кто иной, какъ явившееся къ нему съ карточкой Мурзина лицо, назвавшееся ему технологомъ Бобруйскимъ.

Въ одиннадцатомъ часу вечера поѣздъ привезъ его въ Москву. Онъ взялъ извощика и велѣлъ везти себя въ Старую Конюшенную.

Не доѣзжая шаговъ на двадцать до дома, гдѣ жилъ тотъ, къ кому онъ ѣхалъ, Троженковъ отпустилъ извощика, далъ ему проѣхать далѣе и исчезнуть въ ночной тмѣ, а самъ неспѣшнымъ и осторожнымъ шагомъ дошелъ до этого дома и дернулъ такимъ же неторопливымъ движеніемъ за пуговку

---

*) *Тилипаться*, по-малороссійски: мотаться, барахтаться, качаться.

звонка, блестѣвшаго мѣднымъ ободкомъ при свѣтѣ уличнаго фонаря.

Дверь полуотворилась и въ ней показалась рослая фигура парня въ сибиркѣ, служившаго въ домѣ привратникомъ.

— Къ кому вамъ-съ? какъ бы недовѣрчиво оглянувъ быстрымъ взглядомъ прибывшаго, спросилъ онъ.

— Желалъ бы видѣть Степана Михайловича Мурзина, отвѣтилъ тотъ скороговоркой:—дома онъ?

Парень отвѣтилъ не сейчасъ:

— Дома-съ... Только они въ этотъ часъ не принимаютъ, потому заняты...

— Меня онъ приметъ, я знаю, живо возразилъ Троженковъ.

— А какъ о васъ сказать? спросилъ, подумавъ, тотъ.

Степанъ Акимовичъ подумалъ въ свою очередь. Онъ почиталъ „излишнимъ“ называть себя этому „подозрительному“ привратнику...

— Погоди, вотъ сейчасъ.

Блестящая мысль осѣнила его. Онъ вытащилъ изъ кармана бумажникъ, а изъ бумажника сохранявшуюся тамъ карточку самого Мурзина, съ которою явился къ нему арестованный во Всесвятскомъ, быстро надписалъ на ней карандашемъ „отъ Бобруйскаго“ и передалъ ее парню.

— Снесите ему сейчасъ.

Тотъ молча пропустилъ его въ сѣни, заперъ за собою и за нимъ входную дверь и, указавъ ему рукой на ясеневый плетеный диванъ, приставленный къ одному изъ боковъ подымавшейся вверхъ широкой лѣстницы,—посидите, молъ, пока,—неспѣшно поднялся самъ во второй этажъ.

„Какъ до министра какого, сразу не допустятъ“, язвительно говорилъ себѣ Степанъ Акимовичъ въ ожиданіи его возвращенія.

Дѣйствительно, прошло минутъ десять, пока послышались ему опять шаги на лѣстницѣ и голосъ привратника, звавшаго его сверху:

— Пожалуйте, просятъ.

Невзрачнаго вида пожилая женщина, съ недобрымъ взгля-

домъ и подтянутыми къ низу углами рта, приняла отъ него пальто въ передней и молча кивнула подбородкомъ на дверь первой комнаты, служившей гостиною, неосвѣщенной, или, вѣрнѣе, освѣщенной только свѣтомъ, исходившимъ изъ сосѣдняго съ нею кабинета хозяина. Троженковъ вошелъ, направляясь на этотъ свѣтъ.

Но въ это время вышелъ къ нему изъ кабинета самъ хозяинъ, держа свѣчу надъ головой:

— А, это вы... Я никакъ не могъ понять... Что-жь это вы прямо себя не назвали?

— Да у васъ тутъ швейцаръ такимъ лютымъ глядитъ, будто на мазурика какого, пускать даже не хотѣлъ. Можетъ, подумалъ я себѣ, вы чего опасаетесь, такъ я для вѣрности вашу же карточку послалъ.

Мурзинъ сожмурился съ видимымъ неудовольствіемъ:

— Опасаться мнѣ нечего, пропустилъ онъ сквозь зубы.— А къ чему вы это приписали „отъ Бобруйскаго“? быстро спросилъ онъ тутъ же.

— А оттого написалъ, что пріѣхалъ нарочно изъ села поговорить объ этомъ съ вами.

Тотъ внимательно глянулъ на него своими холодными, блѣдноголубыми глазами и, указавъ ему на кабинетъ:

— Войдите пожалуйста, медленно выговорилъ онъ.

Онъ пропустилъ его впередъ и, затворивъ за собою дверь, спустилъ обѣ половинки висѣвшихъ надъ нею занавѣсей.

Гость усѣлся, по его нѣмому приглашенію, въ креслѣ, стоявшемъ близъ письменнаго стола, покрытаго всякимъ печатнымъ и рукописнымъ матеріаломъ. Самъ хозяинъ опустился въ свое рабочее кресло съ деревяннымъ сидѣньемъ и спинкой и, наклонясь быстрымъ движеніемъ къ гостю, спросилъ полушопотомъ:

— Гдѣ онъ теперь, во-первыхъ?

— Въ острогѣ сидитъ, быстро прошепталъ тотъ въ свою очередь.

— Во... Бобруйскій? тутъ же поправился спрашивавшій, и его какъ бы застывшіе обычно глаза мгновенно блеснули и широко раскрылись.—Давно?

— Вчера взяли.

— Гдѣ, какъ случилось? спрашивалъ Мурзинъ, проводя себѣ рукой по лицу съ видимымъ намѣреніемъ не дать замѣтить охватившаго его волненія:—говорите!

— Что самъ знаю, то и вамъ передамъ, отвѣтилъ, поводя плечами, Степанъ Акимовичъ, стараясь тоже казаться совершенно спокойнымъ, между тѣмъ какъ глаза его тревожно допрашивали лицо собесѣдника, стараясь угадать по выраженію его, насколько дѣйствительно грозилъ имъ обоимъ опасностью арестъ „этого человѣка“.

Мурзинъ внимательно выслушалъ его разсказъ. Онъ только слегка поморщился опять, когда Степанъ Акимовичъ счелъ нужнымъ повиниться ему въ томъ, что произнесъ его имя при представленіи Бобруйскаго своимъ гостямъ — „для авторитета“, объяснялъ онъ, „потому безъ того, съ какой стороны было мнѣ рекомендовать сего неизвѣстнаго“,—но не обратилъ видимо на это особаго вниманія, весь поглощенный важностью самаго факта.

— Онъ арестованъ незаконно! воскликнулъ Мурзинъ, когда Троженковъ кончилъ: — исправникъ не въ правѣ былъ motu proprio взять его безъ предварительнаго соглашенія съ судебнымъ слѣдователемъ... и въ данномъ случаѣ съ уѣзднымъ жандармскимъ начальникомъ, присовокупилъ онъ съ брезгливою гримасой,—такъ какъ предполагается тутъ, разумѣется, *политическое*, а не какое-либо иное злое дѣяніе. Онъ можетъ быть тотчасъ же освобожденъ на основаніи этого прокурорскимъ надзоромъ.

— И я то самое въ головѣ держалъ, закивалъ одобрительно Степанъ Акимовичъ: — коли-бъ умница нашъ, Семенъ Семеновичъ Тарахъ-Таращанскій, товарищъ прокурора, былъ сейчасъ въ городѣ, я-бъ и къ вамъ сюда не пріѣхалъ, потому онъ сего *небога* сейчасъ выпустилъ бы; я знаю... онъ ихъ всѣхъ, бисовыхъ дѣтей, становыхъ да исправниковъ якъ чортъ ладону не терпитъ.

— Онъ теперь въ Москвѣ и въ эту минуту даже *винтитъ* въ клубѣ, сказалъ Мурзинъ, подымая глаза на стоявшіе у

него на столѣ часы: — можно было бы сейчасъ его повидать, промолвилъ онъ, какъ бы соображая.

— Доброе дѣло! закивалъ опять Троженковъ, примолкъ на мигъ, а затѣмъ:

— Время только теперича очень скверное, вздохнулъ онъ вдругъ,—самое жандармское; можетъ, онъ и не рѣшится теперь, а?

И маленькіе глаза его такъ и впились въ лицо собесѣдника.

Та же мысль очевидно копошилась въ это время и въ мозгу Мурзина. Онъ весь какъ бы ушелъ въ себя; острые бѣлые зубы его нервно покусывали поджавшіяся губы, недвижные зрачки не отрывались отъ тѣхъ же часовъ, на которые устремились они за минуту предъ тѣмъ.

Такъ прошло еще нѣсколько мгновеній.

— А дать его увезти въ Петербургъ нельзя... Нельзя, повторилъ онъ какъ-то странно вѣско.

— Нельзя? повторилъ за нимъ вопросительно и гость, впиваясь въ него опять глазами.

— Нѣтъ... Человѣкъ нужный, отвѣтилъ тотъ какъ бы про себя, все такъ же не отводя глазъ отъ часовъ.

Троженковъ пододвинулся къ нему съ кресломъ на самое близкое разстояніе и выговорилъ таинственно:

— Изъ главныхъ онъ, а?

Мурзинъ, словно пробужденный внезапно ото сна, встряхнулъ головой и обернулъ ее въ сторону гостя:

— Что̀ это вы спрашиваете?... И кто-жь его знаетъ: главный онъ, или не главный?... И на *что̀* онъ главный? Пустой это разговоръ только, извините! уронилъ онъ досадливо и пожалъ плечами.

— Такъ вы-жь сами говорите, возразилъ нѣсколько обиженно Троженковъ,—что нельзя его дать на съѣденіе жандармамъ.

— Ну да, говорю; грѣшно давать губить людей способныхъ, преданныхъ дѣлу, на которыхъ партія прогресса можетъ возлагать твердыя надежды и...

Онъ вдругъ разомъ оборвалъ и закусилъ губу.

— А онъ же погибнетъ, когда Тарахъ не выпуститъ его сейчасъ изъ острога, ядовито выговорилъ Степанъ Акимовичъ.

Мурзинъ обернулся на него теперь уже всѣмъ тѣломъ и проговорилъ, словно отчеканивая:

— А въ такомъ случаѣ придется вѣроятно его оттуда вызволить.

Троженковъ какъ-то невольно откинулся на спинку своего кресла.

— Кто-жь это его „вызволять“ будетъ? машинально выговорилъ онъ.

— Не знаю... Вамъ, можетъ быть, поручатъ.

— Мнѣ? А не дай Боже! привскочилъ онъ даже на своемъ мѣстѣ.

— Вы были бы не одни, конечно, если-бъ это потребовалось, тѣмъ же медлительно вѣскимъ тономъ молвилъ на это Мурзинъ,—но содѣйствіе ваше, какъ человѣка, хорошо знакомаго съ мѣстностью и имѣющаго тамъ нужныя отношенія, признаютъ, можетъ быть, необходимымъ.

Степанъ Акимовичъ и руками замахалъ:

— А ну ихъ всѣхъ!

— Не захотите, протянулъ Мурзинъ,—такъ такъ и скажете; ваше дѣло... Разумѣется, примолвилъ онъ затѣмъ такимъ тономъ, отъ котораго у Троженкова пробѣжала мгновенно дрожь по спинѣ,—принимая уже на себя и всю отвѣтственность за тѣ послѣдствія, которыя можетъ повлечь вашъ отказъ.

„Зарѣжутъ, отравятъ, сѣрною кислотой обольютъ!“ проносилось въ перепуганномъ мозгу Степана Акимовича...

— Подумайте, залепеталъ онъ,—какъ же это я... никогда еще такой активной роли не приходилось мнѣ играть...

— Потому что до сихъ поръ не имѣлось въ васъ нужды. Но никто, принадлежащій къ извѣстному... лагерю, выговорилъ, какъ бы затруднившись на мигъ найти подлежащее выраженіе, Мурзинъ,—никто не въ правѣ отказать въ личномъ своемъ содѣйствіи, когда этого требуютъ общія цѣли.

— Общія цѣли, повторилъ, заикаясь отъ волненія, Троженковъ:—я, конечно, сочувствовалъ всегда, и не отказывалъ...

У Герцена еще корреспондентомъ былъ, не страшился никого...

Собесѣдникъ его усмѣхнулся пренебрежительною улыбкой:

— Ну, дѣло-то теперь посерьезнѣе выходитъ, чѣмъ въ розовую эпоху Герцена. Вѣдь вы идилліи съ нимъ разводили въ тѣ дни; это младенческое состояніе мысли давно пережито русскимъ... *освободительнымъ* движеніемъ, договорилъ онъ, опять пріостановившись на мигъ на выборѣ соотвѣтствующаго прилагательнаго.

— Я до вашихъ тайнъ никогда допущенъ не былъ, не знаю, отозвался на это Степанъ Акимовичъ.

Мурзинъ поглядѣлъ на него недовольнымъ взглядомъ, точно такъ же, какъ нѣсколько часовъ тому назадъ глядѣлъ самъ Степанъ Акимовичъ на пріятеля своего Свищова, когда тотъ назвалъ Бобруйскаго ему „своимъ“, и отвѣтилъ ему почти такими же словами:

— Отчего же до *моихъ*, и какія такія тайны вы предполагаете? Я, какъ и всѣ сочувствующіе идеѣ прогрессивнаго движенія, служу ей и борцамъ за нее, насколько позволяетъ мнѣ это мое общественное, не только легальное, но и служебное положеніе, подчеркнулъ онъ,—а про тѣ какія-то особенныя „тайны“, на которыя вы почему-то намекаете, я ничего не знаю.

— Такъ все-жь больше, чѣмъ я, *знаете*, уже съ нѣкоторою ядовитостью возразилъ Троженковъ.

Тотъ чуть-чуть усмѣхнулся опять.

— Немногимъ, можетъ быть, больше. Ступеней много на этой лѣстницѣ, до верху не добраться, вырвалось у него какъ бы невольно.

Но Степанъ Акимовичъ чутьемъ почуялъ, что загадочность этихъ словъ была намѣренна и имѣла въ виду произвести на него наибольшее впечатлѣніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ что это впечатлѣніе и произведено на него дѣйствительно, и что его тутъ же объялъ опять какой-то неотразимый терроръ этой незримой, но безконечно вверхъ тянущейся „лѣстницы“, съ одной изъ „ступеней“ которой, можетъ быть, ему изрѣчена

гибель за ослушаніе... „Убьютъ, какъ пить дадутъ“, пронеслось у него опять въ мысли...

— Такъ вотъ что-съ, заговорилъ послѣ нѣкотораго молчанія Мурзинъ:—не придумаетъ-ли онъ самъ средства уйти... Человѣкъ онъ находчивый, прибавилъ Мурзинъ, которому, очевидно для Степана Акимовича, былъ хорошо извѣстенъ „человѣкъ“, со своей стороны говорившій ему, Троженкову, что онъ Мурзина „никогда не видалъ“.

— А кто-жь его знаетъ, можетъ, и придумаетъ, я про то ничего не могу сказать.

— А передать ему туда записку можете?

— Передать...

— Ну да, уже нетерпѣливо проговорилъ Мурзинъ:—и въ центральныхъ тюрьмахъ съ ихъ инквизиторскимъ надзоромъ находятъ средство, а не то что въ какомъ-нибудь первобытномъ уѣздномъ острогѣ... И не такую даже простую вещь, записку, а всякій инструментъ, нужный для данной цѣли, отчеканилъ онъ въ заключеніе.

Степанъ Акимовичъ громко вздохнулъ:

— Постараюсь.

— Нѣтъ, ужь вы пожалуйста такъ не говорите, — это *должно быть* сдѣлано.

И отъ „грознаго, какъ блескъ кинжала“, показалось Троженкову, звука этихъ словъ пробѣжала у него опять дрожь по спинѣ.

— Хорошо, исполню, промолвилъ онъ чуть слышно.

Хозяинъ поднялся со своего мѣста.

— Я попрошу васъ подождать меня здѣсь нѣсколько. Не поскучайте, примолвилъ онъ уже съ любезною улыбкой: — вотъ тутъ лежитъ послѣдній нумеръ *Глашатая Европы*: прочтите тамъ во „внутреннемъ обозрѣніи“ очень бойкую выходку противъ нашихъ московскихъ генераловъ отъ обскурантизма.

Онъ направился къ маленькой, незамѣченной до сихъ поръ его гостемъ, оклеенной обоями двери, ведшей изъ кабинета въ его спальню—довольно большую комнату, служившую ему, повидимому, другимъ, *интимнымъ*, кабинетомъ, судя по за-

валенному бумагами столу, стоявшему у стѣны, противоположной той, у которой виднѣлась кровать, покрытая большимъ вязанымъ одѣяломъ, падавшимъ до полу.

За этимъ столомъ, опершись локтями о покрывавшее его сукно и уронивъ голову въ ладони, сидѣла молодая женщина, наклонившись надъ лежавшимъ предъ ней вырѣзаннымъ изъ какой-то газеты и слегка уже пожелтѣвшимъ отъ времени печатнымъ столбцомъ, рядомъ съ какимъ-то письмомъ.

Она такъ была погружена въ чтеніе или въ свои мысли, что не повернулась, очевидно не слыхавъ, на шумъ шаговъ вошедшаго Мурзина.

Онъ стоялъ теперь у самаго стола и съ мягкою усмѣшкой спрашивалъ ее тихо и ласково:

— Что, разобрали, Лидія Петровна?

Она вздрогнула вся, откинулась назадъ и какъ бы испуганно подняла на него свои темные, красиваго очерка глаза, казавшіеся особенно большими и блестящими отъ худобы и блѣдности ея красиваго, глубоко-печальнаго лица.

— Да, разобрала, произнесла она трепещущимъ голосомъ.

— Что же?

— Говорится, что назначено собираться въ Липецкѣ и когда... Больше ничего, прибавила она съ какимъ-то изнеможеніемъ.

— Ничего больше и не нужно, одобрительно закивалъ онъ:— въ Липецкѣ—хорошо, мѣсто центральное... Можете вы мнѣ сдѣлать удовольствіе, дитя мое?

Она, не отвѣчая, подняла только опять на него свои печальные глаза.

— Надо тѣмъ же шифромъ передать это свѣдѣніе въ запискѣ... къ одной личности, и прибавить къ этому слѣдующія слова: „Можете-ли бѣжать сами, или нужна помощь, извѣстите“.

Дѣвушка (читатель, не сомнѣваемся, узналъ въ ней ту Лидію Петровну Курсакову, съ которой онъ имѣлъ уже случай встрѣтиться у Харитонія въ Огородникахъ, въ домѣ Лизаветы Ивановны Срѣтенской,) все также молча взяла крошечный листикъ почтовой бумаги изъ стоявшаго на столѣ

картона и принялась писать, вскидывая отъ времени до времени глаза на печатный столбецъ, заключавшій въ себѣ, надо было полагать, ключъ къ тѣмъ непонятнымъ для обыкновеннаго смертнаго строкамъ, которыя выписывала она на этомъ листкѣ.

— Спасибо, сказалъ Мурзинъ, принимая его изъ протянувшейся къ нему руки, когда она кончила, и нѣжно тутъ же пожимая эту руку. — Чтò, устали? спросилъ онъ, внимательно глядя ей въ лицо.

— Нѣтъ, слабо выговорила она, высвобождая пальцы свои изъ-подъ его губъ и проводя ими медленнымъ движеніемъ по лбу.

Онъ наклонился къ ней съ улыбкой, плохо скрывавшею досадливое выраженіе, сказывавшееся въ его надвинувшихся бровяхъ:

— Упреки совѣсти опять!

Она не отвѣчала.

— Я, видно, безсиленъ успокоить ваши внутреннія возмущенія... И противъ чего, подумайте! Противъ того святаго дѣла, которому вы служите! тономъ упрека промолвилъ онъ.

— „Святаго"! повторила она глухо, какимъ-то надтреснутымъ звукомъ.

Лицо его потемнѣло:

— Вы его можете всегда оставить, вы знаете, вы ничѣмъ не связаны, холодно уронилъ онъ.

Она быстро, страстно вскинула на него глаза:

— И тогда чтò же... кончено? зазвенѣлъ, обрываясь, ея голосъ.

Онъ пожалъ плечами:

— Разъ порвано будетъ то существенное, чтò связывало насъ, остальное исчезаетъ само собою.

Она закрыла себѣ лицо руками и припала ими къ столу. Плечи ея, спина вздрагивали отъ прорывавшихся у нея изъ груди рыданій.

Мурзинъ глядѣлъ на нее, опустивъ голову и нервно покусывая губу. Но ни единаго слова не почелъ нужнымъ выговорить въ успокоеніе бѣднаго созданія.

Такъ прошло нѣсколько мгновеній.

— Виноватъ, Лидія Петровна, сказалъ онъ наконецъ, отыскивая глазами картонъ на столѣ и вынимая оттуда обложку, въ которую вложилъ взятый у нея листикъ бумаги:—у меня тамъ въ кабинетѣ посѣтитель ждетъ эту записку; я пойду...

Она быстро откинулась отъ стола и повела кругомъ себя растерянным взглядомъ:

— Который часъ? вскрикнула она какъ съ-просонковъ.

Мурзинъ вынулъ часы изъ кармана.

— Половина двѣнадцатаго.

— Ахъ, Боже мой,—она вскочила съ мѣста,—дома что подумаютъ! Я отпросилась къ одной знакомой... У нея я никогда такъ поздно не сижу. Папаша встревожится, пошлетъ за мною, а меня тамъ не будетъ...

Мурзинъ видимо встревожился въ свою очередь:

— Зачѣмъ вы мнѣ ранѣе не сказали? я бы не задержалъ васъ этимъ писаньемъ...

Онъ поспѣшно подалъ дѣвушкѣ лежавшія на стулѣ шляпку ея и мантилью, которую накинулъ ей на плечи.

— Ну, до свиданія, дитя мое, успокойтесь и спите хорошо, какъ можно ласковѣе старался онъ выговорить и, наклонившись къ ней, поцѣловалъ ее *отечески* въ лобъ.

Она безъ словъ припала этимъ лбомъ къ его плечу и залилась новыми слезами.

Онъ давно привыкъ властвовать надъ собою, но на лицѣ его помимо воли сказалось, что онъ охотно вышвырнулъ бы ее въ эту минуту за окно... Онъ осторожно отстранилъ ее отъ себя и, прошептавъ ей на ухо: „Однако вамъ въ самомъ дѣлѣ пора, милая“, быстро прошелъ въ корридоръ, соединявшій жилыя комнаты съ кухней и чернымъ ходомъ.

— Афимья! кликнулъ онъ прислуживавшую ему пожилую женщину:—доведи барышню до перваго извощика.

Лидія Петровна вышла за нимъ.

— Прощайте, какимъ-то внезапно сухимъ, обрывистымъ голосомъ произнесла она, проходя мимо него и протягивая ему руку.

Онъ хотѣлъ поцѣловать ее, но она вырвала у него свои холодные какъ ледъ пальцы и исчезла вслѣдъ за Афимьей.

„Чистое мученье!“ сказалъ онъ про себя, поглядѣвъ ей вслѣдъ, и быстрыми шагами повернулъ обратно въ кабинетъ, гдѣ Троженковъ, въ ожиданіи его, наслаждался „бойкою выходкой“ *Глашатая Европы* противъ „московскихъ генераловъ отъ обскурантизма“.

— Вотъ-съ вамъ, сказалъ онъ ему, передавая обложку:— постарайтесь, чтобы завтра же онъ ее получилъ. Времени терять нечего; пожалуй, они его увезутъ въ Петербургъ, прежде чѣмъ успѣешь что-нибудь сдѣлать.

— Такъ и передать, незаклеенною? спросилъ тотъ.

Мурзинъ вспыхнулъ даже:

— Послушайте, вы или притворяетесь, или совершеннѣйшій агнецъ чистоты и невинности. Не въ обложкѣ, кажется, дѣло, а въ томъ, чтобы записка дошла, а мнѣ не извѣстно, какимъ путемъ сочтете вы удобнымъ доставить ее. Можетъ быть просто изъ руки въ руку чрезъ сторожа, а то потребуется въ хлѣбъ запечь или въ сапогъ зашить... Мало-ли какъ это дѣлается! Для удобства видите, на какой мелкаго формата бумагѣ написано,—онъ вынулъ ее изъ конверта и показалъ,— а что въ ней написано, пойметъ только тотъ, къ кому она адресована.

— Такъ, такъ, подтвердилъ сконфуженно Степанъ Акимовичъ, кивая и укладывая бережно ее въ свой бумажникъ.

— И вотъ-съ, на всякій случай, еще, нежданно для него примолвилъ Мурзинъ, выдвигая одинъ изъ ящиковъ своего письменнаго стола и доставая оттуда какой-то завернутый въ бумагу небольшой, узкій, повидимому металлическій, предметъ,—это вы доставите ему вмѣстѣ съ запиской... Ну-съ, а теперь извините, сказалъ онъ безцеремонно:—я думаю еще въ клубъ, поймать тамъ Тараха. До свиданія, — онъ протянулъ ему руку:—вы ужь пожалуйста завтра съ первымъ же поѣздомъ уѣзжайте: передать надо непремѣнно завтра, а тамъ увидимъ!

Степанъ Акимовичъ уложилъ переданное ему въ карманъ, вздохнулъ и раскланялся.

XI.

Настасья Дмитріевна Ларина, которую Троекуровы удерживали со дня на день во Всесвятскомъ, вошла однажды рано утромъ къ Александрѣ Павловнѣ съ записочкой, полученною ею только-что съ нарочнымъ, посланнымъ къ ней Провомъ Ефремовичемъ Сусальцевымъ изъ Сицкаго.

— Beau-frère меня спрашиваетъ, не обезпокоитъ-ли онъ васъ сегодня своимъ посѣщеніемъ... Онъ хочетъ привезти вамъ Тоню, сестру, промолвила она съ легкою запинкой.

— Ахъ, милая, разумѣется, поспѣшила отвѣтить Александра Павловна, замѣтивъ это:—я... мы очень будемъ рады увидать и его, и ее.

— Такъ я ему такъ и напишу.

— Конечно, конечно... Надо будетъ предварить Бориса, чтобъ онъ куда-нибудь не уѣхалъ.

Выходя изъ покоя Александры Павловны, Настасья Дмитріевна наткнулась въ гостиной на Бориса Васильевича, входившаго туда изъ сада, гдѣ онъ съ нѣкотораго времени принялъ привычку пить послѣ завтрака чай подъ тѣнью одной старой, очень любимой имъ липы; она сообщила ему о запискѣ Сусальцева.

Онъ учтиво склонилъ голову:

— Милости просимъ, мы дома, сказалъ онъ при этомъ сдержанно.

Она склонила голову въ свою очередь и хотѣла итти далѣе. Онъ остановилъ ее движеніемъ руки:

— Настасья Дмитріевна, два слова.

— И побольше, Борисъ Васильевичъ, усмѣхнулась она:— я каждому вашему слову рада, вы знаете.

— Такъ вотъ что: я проведу васъ до вашего павильйона (она помѣщалась во флигелѣ насупротивъ того, въ которомъ жили Юшковы) и переговоримъ по пути.

— Очень рада.

Они спустились въ садъ.

— Третьяго дня, началъ онъ, — когда у насъ за завтракомъ заговорили объ этомъ бывшемъ у Владиміра Христіановича въ конторѣ письмоводителѣ, котораго наканунѣ арестовалъ исправникъ, всѣ были такъ заняты этимъ происшествіемъ, что не имѣли времени наблюдать другъ за другомъ. Но я—не знаю, замѣтили-ли вы это? — не покидалъ васъ глазами...

— Я чувствовала на себѣ этотъ взглядъ вашъ, Борисъ Васильевичъ, быстро отвѣтила она,—и понимала, что волненіе, которое я дѣйствительно испытывала въ эту минуту, не ускользнуло отъ васъ...

— Вы знали этого человѣка? быстро спросилъ и онъ, заморгавъ вѣками.

— Я встрѣтила его раза два, три здѣсь у васъ, въ саду,— но только въ тотъ самый день, когда его взяли, имѣла случай припомнить, что я его гораздо раньше еще этого видѣла... знала...

— Но позвольте, вы въ этотъ день были у себя въ Юрьевѣ и проѣхали оттуда обратно мимо меня въ Бужаровѣ за какіе-нибудь полчаса предъ тѣмъ, какъ я его оттуда увезъ сюда?

— Онъ приходилъ туда ко мнѣ, въ Юрьево, какимъ-то невольнымъ шопотомъ проговорила дѣвушка.

— А!.. Будетъ-ли съ моей стороны нескромностью спросить васъ, въ силу чего позволилъ себѣ онъ это?

Она какъ бы смутилась на мигъ, но, тотчасъ же преодолѣвъ себя, отвѣтила твердымъ голосомъ:

— Онъ доставилъ мнѣ письмо отъ брата.

— Отъ сосланнаго?

— Отъ эмигранта: онъ успѣлъ бѣжать за границу.

— Въ Женеву?

— Нѣтъ, онъ въ Италіи... на мѣстѣ.

И голосъ Лариной замѣтно дрогнулъ.

— Чѣмъ же онъ тамъ занимается?

— Онъ учитель у одного мальчика, сына одной знакомой мнѣ русской дамы...

Борисъ Васильевичъ какъ-то безсознательно покачалъ головой.

— Удивительно!... Вы меня извините, молодая особа, поспѣшилъ онъ сказать тутъ же,—но умѣютъ же вѣчно русскія дамы выискивать именно *такихъ* наставниковъ для своихъ дѣтей!

— Не извиняйтесь, Борисъ Васильевичъ, вскликнула она болѣзненно,—меня не мало мучитъ эта мысль! Я ее знаю, эту даму, служила у нея подъ начальствомъ въ госпиталѣ за Дунаемъ; ее зовутъ графиня Елена Александровна Драхенбергъ. Вы ее, можетъ быть, также знаете?

— Графиня Драхенбергъ? Конечно знаю и постоянно встрѣчался съ нею въ прошломъ году за границей... Да я, должно быть, и вашего брата въ такомъ случаѣ видѣлъ, вспомнилось мгновенно Троекурову: — на площади Св. Марка, однажды вечеромъ, въ тотъ самый день, когда получено тамъ было извѣстіе о смерти Мезенцова, сидѣлъ за нею одинъ бѣлокурый, красивой наружности молодой человѣкъ...

— Это былъ онъ, навѣрное, Володя, братъ мой.

— И онъ еще тутъ затѣялъ съ пріятелемъ моимъ Пужбольскимъ разсужденіе о томъ, что правительство въ Россіи не въ силахъ справиться съ революціоннымъ движеніемъ. А эта барыня видимо сочувствовала ему, одобрительно кивала и вскрикивала „браво“! Но, усмѣхнулся Борисъ Васильевичъ,— мнѣ приходится еще разъ просить у васъ извиненія: мнѣ представилось въ то время, что этотъ красивый ораторъ состоялъ при ней далеко не на скромномъ положеніи учителя ея сына.

Болѣзненное чувство сказалось еще разъ на лицѣ Лариной. Она нервно провела по немъ рукой:

— Ахъ, не говорите!... Я не могу этого не сознавать, и

это гложетъ меня. Я ему писала именно въ виду этого... Мой beau-frère, онъ истинно добрый человѣкъ, хотѣлъ было его устроить тамъ по моей просьбѣ, найти ему мѣсто по торговлѣ... Но онъ не хочетъ принять, онъ пишетъ мнѣ, что ушелъ изъ Россіи не для того, чтобы набивать себѣ карманы, а чтобы служить все тому же своему *дѣлу*...

— И весьма вѣроятно, служитъ ему дѣйствительно, промолвилъ раздумчиво Борисъ Васильевичъ: — эта его рыжая барыня очень богата, а революціи нужны деньги... Такъ вотъ это самое письмо съ отказомъ вашего брата, обратился онъ снова къ первоначальному предмету ихъ разговора,—и приходилъ къ вамъ въ Юрьево передать этотъ Бобруйскій... Бобруйскій, само собою, не его настоящая фамилія.

— Нѣтъ! вѣско произнесла Ларина.

— А настоящую вы знаете?

— Знаю, по крайней мѣрѣ, прозвище, подъ которымъ онъ извѣстенъ былъ брату Володѣ, когда въ Москвѣ—Володя тогда вольнослушателемъ въ университетъ ходилъ,—онъ бывалъ у него, и я его видѣла тогда, разговаривала даже съ нимъ... Я вѣдь тогда тоже, Борисъ Васильевичъ, мечтала о переустройствѣ общественнаго зданія, договорила Настасья Дмитріевна съ какою-то полувиноватою, полусмущенною улыбкой.

Что-то милое, чистосердечное и просящее сказывалось при этомъ въ ея большихъ коричневыхъ глазахъ, и слабый румянецъ заигралъ при этомъ на ея желтовато-блѣдномъ, задумчивомъ лицѣ.

Троекуровъ сочувственно взглянулъ на нее и усмѣхнулся опять:

— И это прозвище?... спросилъ онъ.

Она остановилась на-ходу, поднесла руку къ глазамъ.

— Позвольте мнѣ не называть его, Борисъ Васильевичъ... Я боюсь, объяснила она прямо.

— Чего это? воскликнулъ онъ, сдвигая брови.

— Онъ мнѣ прямо пригрозилъ, что малѣйшая нескромность моя выместится на братѣ, на Володѣ.

— Они на это дѣйствительно способны, сказалъ на это,

подумавъ, Борисъ Васильевичъ, — но я спросилъ васъ не съ цѣлью передать его имя слѣдователю.

— Лучше въ такомъ случаѣ, чтобъ оно осталось для васъ неизвѣстнымъ, поспѣшно возразила Ларина: — если онъ окажется, можетъ быть, очень важный преступникъ, вы не будете, по крайней мѣрѣ, мучительно колебаться между желаніемъ помочь розыскамъ, открывъ его имя, и боязнью довести этимъ до отчаянія страхъ мой за брата... О, если бы не этотъ страхъ! вскликнула она въ неудержимомъ порывѣ, съ загорѣвшимся мгновенно пламенемъ во взглядѣ, — съ какимъ блаженствомъ предала бы я... да, предала этого преступнаго человѣка, погубившаго моего несчастнаго Володю!

Борисъ Васильевичъ повелъ одобрительно головой.

— Мысль ваша основательна, и на этомъ мы покончимъ нашъ разговоръ.

Они доходили до ея павильйона. Онъ пожалъ ей руку.

— А знаете, судя по тому, какъ выразилось у васъ въ звукѣ голоса и въ выраженіи чертъ негодованіе на этого негодяя, вы должны быть дѣйствительно очень хороши въ роли Маріи Стюартъ.

Она вся заалѣла даже отъ удовольствія:

— Надѣюсь, что какъ-нибудь зимой въ Москвѣ вы меня увидите; я была бы такъ счастлива, Борисъ Васильевичъ!

* * *

Часу въ третьемъ пополудни щегольская дорожная карета четверкою крупныхъ, сытыхъ лошадей, подкатила подъ крыльцо дома Всесвятскаго. Изъ нея прытко выскочилъ одѣтый съ иголочки Провъ Ефремовичъ Сусальцевъ и, вытягивая впередъ могучія свои руки, бережно высадилъ всю потонувшую въ изящныхъ складкахъ накидки и самомоднѣйшаго визитнаго туалета красавицу жену. Онъ подставилъ ей затѣмъ локоть и повелъ вверхъ по ступенямъ лѣстницы съ ловкостью самаго завзятаго свѣтскаго *элеганта*. Пребываніе въ Парижѣ такъ и отзывалось въ томъ особомъ *шикѣ*, очень похожемъ на то, что на православномъ языкѣ называется „съ кондачка“, сказывавшемся въ его подрагивавшей при этомъ походкѣ и осо-

бой старательности, съ которою онъ норовилъ итти въ ногу съ медленно двигавшеюся, благодаря узкимъ своимъ юпкамъ, спутницей своей.

Хозяйка ждала ихъ въ гостиной.

Провъ Ефремовичъ, никогда не видавшій ее до тѣхъ поръ (онъ до того времени бывалъ во Всесвятскомъ единственно по дѣламъ и видѣлся тамъ только съ Борисомъ Васильевичемъ), расшаркнулся предъ нею еще за десять шаговъ, откинувъ лѣвую со шляпой руку въ сторону, а правую приложивъ къ сердцу. Антонина Дмитріевна спокойно и величаво, будто королева, осчастливившая посѣщеніемъ своимъ домъ одного изъ ея подданныхъ, подошла къ Александрѣ Павловнѣ и, неторопливымъ движеніемъ склоняя голову, произнесла не громко:

— Je tenais à me rappeler à votre souvenir, madame, en qualité de voisine.

— Prenez place, je vous prie, пролепетала на это въ отвѣтъ та съ какою-то робостью.

И дѣйствительно, эта блестящая свѣтская женщина, этотъ поражающій „прелестью ансамбля и гармоніей подробностей“ туалетъ, самоувѣренность каждаго движенія, взгляда и вмѣстѣ съ тѣмъ „несомнѣнная distinction“, вѣявшая, казалось, отъ этой женщины вмѣстѣ съ исходившимъ отъ нея едва слышнымъ, но сладко проницающимъ запахомъ ея духовъ, навели на бѣдную Александру Павловну, такъ давно не бывавшую dans le monde“, какой-то инстинктивный страхъ. Она почувствовала себя „такою провинціалкой“ предъ этою представительницей „de toutes les élégances“, какъ выражались, вспоминала она теперь, французскія газеты, про эту сидѣвшую у нея теперь въ гостиной „русскую звѣзду всемірнаго Парижа“... „О чемъ говорить мнѣ съ нею?“ думала она съ тоской.

Но та, будто нисколько не замѣчая ея замѣшательства, поставила ее тотчасъ же à l'aise, заговоривъ о братѣ ея, генералѣ Лукояновѣ, много уже лѣтъ состоявшемъ военнымъ агентомъ при одномъ изъ европейскихъ правительствъ и котораго Антонина Дмитріевна „очень часто видала въ Парижѣ, а нынѣшнею зимой и въ Римѣ“.

— Мы съ нимъ такъ давно не видались, вздохнула Троерова,—что я бы его, кажется, теперь и не узнала совсѣмъ; онъ и не пишетъ никогда, точно чужой сталъ...

— Большой поклонникъ моей супруги! пріятно осклабился Провъ Ефремовичъ.

— Je l'aime beaucoup, уронила въ свою очередь его „супруга со своею царственною величественностью.

— Борисъ Васильевичъ! воскликнулъ въ то же время громко мужъ, поднимаясь навстрѣчу входившаго въ комнату Троекурова.

— Здравствуйте, Провъ Ефремовичъ, очень радъ васъ видѣть.

Онъ пожалъ ему руку и склонился предъ женой его холоднымъ, но изощренно учтивымъ поклономъ благовоспитаннаго человѣка и хозяина.

Она медленно протянула ему руку и, какъ бы не замѣчая, пожимаетъ-ли онъ ее или нѣтъ, обернулась къ хозяйкѣ:

— Вашъ мужъ рѣшительно избѣгалъ меня за границей, mais j'espère que vous le ramenerez à de meilleurs sentiments pour moi, chère madame, et que nous ferons bon voisinage.

Троекуровъ притворился, будто не слышалъ, но Александра Павловна совершенно сконфузилась отъ этихъ словъ:

— Mais certainement, madame... Я такъ люблю сестрицу вашу...

— Да, я знаю, вы и генералъ всегда ее предпочитали мнѣ, когда я еще въ дѣвушкахъ бывала здѣсь съ нею; вѣдь мы съ вами очень давнишніе знакомые, примолвила она къ этому такимъ неожиданнымъ тономъ bonne enfant, что у Александры Павловны и сердце размякло. „Она очень много выиграла съ тѣхъ поръ, какъ замужемъ“, подумалось ей.

— Да вотъ и сама mademoiselle Anastasie! воскликнула она, ласково кивая на входившую Ларину.

— Здравствуй, Тоня, привѣтствовала сестру та и, обмѣнявшись рукопожатіемъ съ шуриномъ, присѣла къ дивану, на которомъ бесѣдовали гостья съ хозяйкой.

— А какъ чувствуетъ себя нашъ почтеннѣйшій Павелъ Григорьевичъ? спрашивалъ между тѣмъ Бориса Васильевича

Сусальцевъ:—узнавъ о смерти его братца, я разлетѣлся было къ нему въ Углы, да узналъ тамъ, что и съ нимъ этотъ недугъ приключился и что онъ въ настоящую пору находится подъ вашимъ дружескимъ, такъ сказать, кровомъ. Очень бы желалъ засвидѣтельствовать мое высокопочитаніе этому достопочтеннѣйшему патріарху нашему.

— Нѣсколько позднѣе развѣ: онъ объ эту пору обыкновенно отдыхаетъ.

— Искренно уважаю человѣка... Во всякомъ случаѣ, очень прошу ваше превосходительство выразить ему отъ меня мое искреннѣйшее...

Онъ не договорилъ слова, шаркнулъ, сидя, ножкой и приложилъ руку къ сердцу.

Антонина Дмитріевна между тѣмъ полуиронически, полуодобрительно сообщала Троекуровой о страсти мужа ко всякимъ передѣлкамъ, украшеніямъ и улучшеніямъ, производимымъ имъ въ своемъ Сицкомъ:

— Cela tourne à la monomanie, усмѣхнулась она чуть-чуть своими пышными и надменными губами.

— Смѣю надѣяться, ввернулъ тутъ же Провъ Ефремовичъ, чувствовавшій себя какъ-то особенно въ ударѣ вслѣдствіе мало почему-то ожиданнаго имъ ласковаго пріема жены его „генеральшей“,—смѣю надѣяться, что вы, сударыня, съ его превосходительствомъ Борисомъ Васильевичемъ... и со всею семьей, не откажете пососѣдски пріѣхать къ намъ на денекъ хлѣба-соли нашей откушать...

— Ахъ, Боже мой, конечно, я непремѣнно... залепетала опять Александра Павловна, взглядывая на мужа.

— Да ужь позвольте, безъ церемоній безъ этихъ визитныхъ, а понастоящему, какъ водится въ деревнѣ.

Антонина Дмитріевна повела головой:

— Sans façons, oui, n'est-ce pas?

— Да вотъ-съ позвольте, продолжалъ совсѣмъ уже расходившійся Сусальцевъ,—мы съ женой ждемъ на будущей недѣлѣ одного ея хорошаго знакомаго, Борисъ Васильевичъ съ нимъ навѣрное тоже знакомъ, Алексѣй Сергѣевичъ Колонтай... Изволите навѣрное знать, ваше превосходительство?

Троекуровъ усмѣхнулся:

— Знаю съ ротмистрскаго чина.

— Изволите видѣть, угадалъ... Такъ онъ вотъ обѣщалъ быть, и съ племянникомъ своимъ, Савиновымъ, Аполлономъ Савельичемъ, что назначенъ къ намъ губернаторомъ... Можетъ, повидаться съ ними вамъ интересно будетъ, такъ милости просимъ въ ту пору на скромную трапезу, чѣмъ Богъ послалъ.

Вѣки Бориса Васильевича нервно моргнули, но онъ не почелъ себя въ правѣ отказывать и наклонилъ молча голову въ знакъ согласія.

Внимательный наблюдатель могъ бы замѣтить по легкому дерганью лицевыхъ мускуловъ сидѣвшей на диванѣ красивой барыни, насколько коробилъ ее внутренно *купецкій* тонъ приглашеній ея мужа, но она со свойственнымъ ей тактомъ не почитала удобнымъ *осадить* его въ „этомъ домѣ“.

— Laissez moi de mon côté vous dire sans phrase: venez, chère madame, сказала она, протягивая любезно руку Александрѣ Павловнѣ.—Et avec votre charmante demoiselle, n'est ce-pas? примолвила она, оглядываясь, какъ бы ища глазами ту, къ которой относился этотъ лестный эпитетъ.

— Я не знаю, гдѣ она, Маша... Не уѣхала-ли верхомъ? обернулась Троекурова къ Настасьѣ Дмитріевнѣ.

— Нѣтъ, я ее видѣла съ четверть часа тому назадъ въ саду, отвѣтила та.

— А вы, сестрица, обернулся на нее въ то же время шуринъ, — вернетесь къ намъ къ этому времени?.. Совсѣмъ отбило васъ отъ нашего Сицкаго прекрасное Всесвятское, широко засмѣялся онъ, поводя глазами на хозяевъ: понимаю, молъ, и не могу не извинить.

— Вернусь, вернусь, не безпокойтесь! отвѣтила весело Ларина.

Сестра ея съ какимъ-то страннымъ вниманіемъ устремила на нее глаза:

— А!... Я очень рада...

— Чему это?

— Нѣтъ, я почему-то думала, что ты отсюда прямо собираешься назадъ, въ Москву, небрежно уронила „Тоня“.

Настасья Дмитріевна вспыхнула по самые глаза... Она поняла: сестра считала для себя нисколько не желательнымъ вводить ее, *актрису*, въ общество ожидаемыхъ ею друзей изъ „гранъ-монда“.

Александра Павловна поняла тоже. Она схватила руку артистки:

— Нѣтъ, мы ее отъ себя ни за что такъ скоро не отпустимъ! вскликнула она, притягивая ее къ себѣ за эту руку и нѣжно цѣлуя Ларину въ разгорѣвшуюся отъ обиды и боли щеку.

Провъ Ефремовичъ взглянулъ на жену и со своей стороны покраснѣлъ какъ ракъ: онъ охотно побилъ бы въ эту минуту эту невозмутимо и разсѣянно глядѣвшую куда-то въ уголъ, сіяющую въ своемъ шелку и бархатѣ, красавицу.

Онъ хотѣлъ что-то сказать, *заявить*, что „и онъ съ женой точно такъ же будутъ стараться удержать *сестрицу* какъ можно долѣе въ *здѣшнихъ странахъ*“... Но въ это время изъ передней раздались торопливые шаги, и въ гостиную вошелъ, увидѣлъ гостей и, весь перемѣнившись въ лицѣ, остановился недоумѣло и неловко посреди комнаты Гриша Юшковъ.

Борисъ Васильевичъ метнулъ на него съ мѣста зоркимъ и безпокойнымъ взглядомъ.

Александра Павловна насилованно засмѣялась:

— Что же вы, Гриша, испугались? Подойдите!

— Нѣтъ, я... я не ждалъ... пробормоталъ онъ растерянно, стараясь усмѣхнуться въ свою очередь и подходя къ дивану.

Онъ быстро наклонился поцѣловать руку хозяйкѣ и, успѣвъ кое-какъ справиться съ собой, раскланялся предъ гостьей глубокимъ поклономъ.

— Вамъ представлять Григорія Павловича не нужно вѣдь, не правда-ли? сказала Александра Павловна.

— Нѣтъ, мы давно знакомы, отвѣтила та съ короткою усмѣшкой и повела милостиво головой въ сторону молодаго человѣка, не подавая ему руки.

Сусальцевъ за то стиснулъ его тонкіе пальцы въ своей могучей длани такъ, что тотъ чуть не крикнулъ.

— Радъ васъ видѣть, Григорій Павловичъ, отъ души радъ, повѣрьте, всегда! Только вы вотъ насъ знать не хотите, никогда побывать въ Сицкомъ не желаете!

Гриша неопредѣленно мотнулъ своею бѣлокурою головой... Онъ былъ золъ донельзя, золъ прежде всего на себя. „И съ чего онъ это смутился, растерялся такъ глупо при видѣ *ея*? Что *она* теперь ему"?... И онъ мгновенно, смѣло вскинулъ и остановилъ на *ней* глаза. „Прямо съ модной картинки соскочила, такая же бездушная и красивая, какъ она, какъ размалеванная бумага", иронически поторопился прибавить онъ мысленно... Нѣтъ, она для него „ничто", ничто теперь, онъ глядитъ на нее теперь спокойно, „невозмутимо спокойно, сердце не колыхнется", и какая-то побѣдная улыбка заиграла у него на губахъ. Онъ былъ уже доволенъ собою...

— Вы изъ Угловъ, Гриша? спрашивала его между тѣмъ Александра Павловна, съ тайною тревогой слѣдя за нимъ взглядомъ.

— Да, отвѣтилъ онъ, взирая на нее въ свою очередь какими-то счастливыми глазами,—возился тамъ три дня съ наймомъ рабочихъ на косовицу, насилу вырвался... А гдѣ же Марья Борисовна? спросилъ онъ, оглядываясь и какъ бы подчеркивая имя дѣвушки съ особою старательностью.

— Не знаю, говорятъ—въ саду... Она вѣрно не знаетъ, что у насъ... любезные гости... Вы бы ее сыскали и привели, Гриша...

Онъ вскочилъ съ мѣста:

— Сейчасъ!..

И побѣжалъ въ садъ.

— Марья Борисовна! крикнулъ онъ въ большой аллеѣ, оглядываясь во всѣ стороны.

— Ау! раздалось въ отвѣтъ не издалека, и сквозь вѣтви мелькнуло голубенькое кисейное платье, летѣвшее къ нему по газону черезъ лужайку.

— Вы вернулись... когда... сейчасъ? спрашивала его Маша,

протягивая ему обѣ руки и внимательно заглядывая ему въ глаза.

— Сейчасъ, да,—онъ торопливо, нѣжно, не выпуская этихъ рукъ изъ своихъ, цѣловалъ ихъ поперемѣнно одну за другою:—а у васъ гости; вы не знали?

— Нѣтъ, напротивъ, знала и нарочно не пошла.

Она продолжала все такъ же глядѣть на него вопросительнымъ взглядомъ... Но онъ улыбался такъ „ясно“, такъ „искренно“! Все лицо ея освѣтилось:

— Я такъ рада, Гриша, что вы вернулись!..

— Маman васъ требуетъ туда, послала меня за вами, говорилъ онъ.

— „Послала“... И вы сейчасъ и побѣжали?

— Сейчасъ, какъ видите.

— А если бы не послала, сами бы не вздумали?... Вы тамъ долго безъ меня сидѣли?

Онъ весело, юношески расхохотался:

— Дѣвка косы не успѣла бы расплести, какъ говорятъ крестьяне.

— То-то! И она съ комическою строгостью погрозила ему пальцемъ:—Безъ меня не смѣть!

— Такъ пойдемте вмѣстѣ, васъ ждутъ.

— Да не хочу я, топнула она ногой,—не хочу, понимаете, видѣть эту женщину!

— А какая она разодѣтая, изящная, поддразнивалъ ее молодой человѣкъ:—вотъ вы также изъ Парижа что̀ туалетовъ, я думаю, себѣ навезли, а противъ нея, нѣтъ, вамъ далеко!

— А вамъ туалеты нужны, тряпки! вскрикнула она полусердито, полусмѣясь:—вы *духовную* красоту цѣнить не умѣете? протянула она съ самымъ забавнымъ эмфазомъ.

— Стремлюсь къ ней всею душой, да не нахожу, продолжалъ онъ блаженно подтрунивать:—какая же у васъ „духовная красота“, когда вы родной матери приказанія не хотите исполнять?

— Ну такъ пойдемте-жь! вспорхнула она сразу, какъ птица съ вѣтки, и понеслась бѣгомъ къ дому.

Онъ поспѣшилъ за нею.

Добѣжавъ до террасы, она мигомъ остановилась, обернулась къ нему и, усиленно переводя дыханіе:

— Смотрите же! многозначительно проговорила она и, медленно поднявшись по ступенькамъ, вошла, спокойная и сдержанная, *en grande demoiselle*, въ отворенныя на обѣ половинки двери гостиной.

Антонину Дмитріевну даже кольнуло будто что-то при видѣ этой свѣжей, какъ весенній цвѣтъ, дѣвичьей красоты. „Она еще похорошѣла съ-за границы“, подумалось ей.

— Je suis heureuse de vous revoir, mademoiselle Marie, выговорила она, любезно вмѣстѣ съ тѣмъ протягивая ей руку, и, обернувшись къ ея матери, произнесла тѣмъ шопотомъ, которымъ говорятъ *въ сторону* на сценѣ:

— Plus charmante que jamais!...

Маша, не отвѣчая, опустила глаза и, будто не замѣчая или не смѣя взять эту протянувшуюся къ ней руку, присѣла предъ гостьей церемоннѣйшимъ, низкимъ реверансомъ и опустилась, все такъ же не отрывая глазъ отъ полу, на самый кончикъ стула, стоявшаго подлѣ Настасьи Дмитріевны Лариной.

И та, и мать оглянулись на нее съ изумленіемъ: Маша теперь очевидно нарочно изображала изъ себя пугливую и глупенькую пансіонерку, не знающую, куда дѣть руки, ноги въ присутствіи „чужихъ“.

Сусальцева чуть-чуть прищурилась на нее, потомъ на Гришу, на лицѣ котораго прочла тотчасъ же какое-то необычное ему „праздничное“ оживленіе, и слегка прикусила нижнюю губу своими острыми бѣлыми зубами. „Все это“ ей очень не нравилось.

Она повела усталымъ взглядомъ на мужа: довольно, молъ, сидѣли.

Онъ послушно поднялся съ мѣста. Поднялся за нимъ и хозяинъ.

Александра Павловна подумала: „Слѣдовало бы, кажется, изъ учтивости удержать, просить остаться“, но вслѣдъ затѣмъ разсудила, что „такъ, должно быть, теперь принято и въ деревнѣ пріѣзжать съ визитомъ на четверть часа“,—и не удерживала.

Стали прощаться.

— Родители ваши, обратилась еще разъ къ Машѣ на томъ же французскомъ языкѣ Антонина Дмитріевна, — обѣщали пріѣхать къ намъ обѣдать на будущей недѣлѣ. Надѣюсь, что и вы сдѣлаете намъ это удовольствіе?

Маша отвѣтила новымъ церемоннымъ реверансомъ:

— Pardon, madame, но меня еще никуда не возятъ въ свѣтъ.

— Какой же „свѣтъ“ обѣдать запросто у сосѣдей?... Впрочемъ я понимаю, добавила она тутъ же съ едва уловимымъ, тонкимъ, какъ остріе иголки, намѣреніемъ укола, — вамъ и дома хорошо.

Глаза Маши блеснули какимъ-то торжествомъ, вскинувшись мгновенно на красавицу барыню:

— Очень хорошо, да... очень! повторила она, напирая.

Мать испуганно уставилась на нее опять.

„Elle se moque de moi, la péronnelle!“ пронеслось въ головѣ Антонины Дмитріевны. Но она только усмѣхнулась и равнодушно отвела глаза. „Что, молъ, съ дурочкой дольше говорить, думаетъ она про нее“, объяснила себѣ Александра Павловна.

Хозяева пошли провожать гостей до передней. Сусальцевъ заторопился принести женѣ ея модный, шелковый съ большими перламутровыми пуговицами и бантами *„cache-poussière“*.

Она, совершенно автоматично давая себя ему укутывать и застегивать, лѣниво повернула голову въ сторону молодаго человѣка, машинально двинувшагося вслѣдъ за прочими.

— А вы, Григорій Павловичъ, уронила она съ губъ, — могу-ли я надѣяться тоже видѣть васъ у себя?

Онъ подошелъ, кланяясь и не зная, что отвѣтить...

— Пріѣзжайте, а то я могу подумать, что вы меня боитесь, засмѣялась она самымъ незлобивымъ, казалось, смѣхомъ, но тайный, вызывающій смыслъ котораго рѣзнулъ какъ ножомъ по сердцу Маши.

— Вы поѣдете? точно выстрѣлила она тутъ же, между тѣмъ какъ красивая барыня, уже отвернувшись отъ того, съ кѣмъ говорила, и, подавъ въ послѣдній разъ руку Александрѣ

Павловнѣ, выходила вслѣдъ за мужемъ на крыльцо, къ которому подъѣзжалъ ея блестящій дорожный экипажъ.

Гриша не успѣлъ отвѣтить.

— А почему же бы не поѣхалъ онъ? раздался за нимъ строгій голосъ возвращавшагося изъ передней Бориса Васильевича: — или въ самомъ дѣлѣ ты думаешь, что для него опасенъ одинъ ужь видъ этой обольстительной особы? Но вѣдь это былъ бы тогда окончательный ему приговоръ!

И онъ прошелъ мимо въ свой кабинетъ.

Молодой человѣкъ засмѣялся не совсѣмъ искренно.

— Ну что вы скажете, Марья Борисовна?

Она подумала, подняла на него глаза (она ему ужасно напоминала отца своего въ эту минуту).

— Папа правъ, какъ всегда... Увидимъ!...

XII.

...Tous ces baladins qui dansent sur la phrase.
Barbier.

Новый губернаторъ, пріѣхавшій въ знакомый намъ уѣздный городъ для ревизіи, только-что вернулся со смотра пожарныхъ лошадей и инструментовъ въ домъ городскаго головы, гдѣ была приготовлена ему квартира. Онъ отпустилъ любезнымъ поклономъ на крыльцѣ сопровождавшихъ его уѣздныхъ чиновъ и быстрыми шагами вбѣжалъ въ комнату, служившую ему кабинетомъ и спальней. Скинувъ широкополую шляпу съ орлинымъ перомъ, привезенную имъ изъ Тироля, въ которомъ *вояжировалъ* мѣсяцъ тому назадъ, онъ кинулъ ее на столъ, отирая тончайшимъ батистовымъ платкомъ нѣсколько запотѣвшій лобъ (день былъ жаркій), и опрокинулся въ кресло съ блаженнымъ видомъ человѣка, только-что отдѣлавшагося отъ скучнаго и, въ его понятіяхъ, ни на что въ сущности не нужнаго занятія. Это былъ прыткій и юркій, средняго роста, худой и темнорусый человѣкъ лѣтъ 36—37, одѣтый въ безупречный парижскаго фасона черный, бархатный *veston*, свѣтло-синіе панталоны и прюнелевыя *escarpins* (ботинки), тѣсно охватывавшіе довольно маленькую ногу, которою онъ очень щеголялъ... Аполлонъ Савельевичъ Савиновъ былъ сановникъ послѣдней формаціи, считалъ *форму* вещью совершенно несовременною и готовъ былъ бы пожалуй скорѣе отказаться отъ своей должности, чѣмъ рѣшиться воздѣть на свою „интеллигентную“ и раздушенную голову ту безобразную фуражку съ краснымъ околышемъ и кокардой, въ которую

облекаются „по старой рутинѣ“ въ пору своихъ официальныхъ разъѣздовъ по губерніи иные „допотопные“, какъ выражался онъ презрительно, изъ его коллегъ. Онъ въ этомъ „veston“, „escarpins“ и тирольской шляпѣ ѣздилъ по дорогамъ, городамъ и селамъ ввѣренной просвѣщенному управленію его части Россіи, въ нихъ же ревизовалъ подвѣдомыя ему учрежденія, поощрялъ или „давалъ нагоняи“ подначальнымъ ему лицамъ.

Молоденькій, съ годъ тому назадъ выпущенный изъ Петербургскаго лицея, почти такъ же безукоризненно *элегантный*, какъ и его патронъ, чиновникъ особыхъ порученій усталою походкою вошелъ за нимъ въ комнату и словно выронилъ изъ рукъ на столъ довольно объемистый портфель съ бумагами, вынесенный имъ изъ экипажа, въ которомъ они разъѣзжали все утро по всякимъ „присутствіямъ“.

— Quelle corvée, mon cher, hein! взглянулъ на него съ улыбкой губернаторъ, потягиваясь и зѣвая во всю глотку. Говорилъ онъ какъ-то особенно мягко и *сочно*, точно карамельку сосалъ въ это время.

— Sale métier, va! отвѣтилъ ему на это въ тонъ чиновникъ, старательно подражая голосу и ухваткамъ опереточнаго буффа Ру, котораго съ особенною любовью изучалъ въ послѣдній годъ пребыванія своего въ лицеѣ, и, скорчивъ брезгливую гримасу, взглянувъ на свои руки, посѣрѣвшія на оконечностяхъ пальцевъ отъ пыли, покрывавшей портфель:—je vais fourrer mes doigts dans votre cuvette, mon général, продолжалъ онъ все тѣмъ же комическимъ тономъ, направляясь къ столику, на которомъ разставленъ былъ выложенный изъ дорожнаго несессера серебряный умывальный приборъ изящнаго его начальника.

— Faites, mon cher, faites! засмѣялся опять тотъ, вытягивая ноги и туловище уже въ совершенно горизонтальное положеніе.

У дверей послышались шаги.

— Кто та-амъ? пѣвуче протянулъ губернскій сановникъ, не перемѣняя положенія и устремивъ въ потолокъ свои небольшіе, но чрезвычайно живые, блестящіе, какъ у мышенка

зоркіе и постоянно съ какимъ-то безпокойствомъ бѣгавшіе кругомъ глаза.

Показался урядникъ, исправлявшій на время ревизіонной поѣздки его превосходительства должность разсыльнаго.

— Товарищъ прокурора, Тарахъ-Таращанскій, доложилъ онъ,—желаютъ видѣть ваше...

— Тарахъ, а! Проси... Une forte tête, mon cher, обратился онъ къ чиновнику,—et à convictions très avancées.

— Вашему превосходительству... протянулъ, входя въ комнату, товарищъ прокурора съ тѣмъ особымъ оттѣнкомъ *аллюра* и произнесенія словъ, который значится на простонародномъ языкѣ подъ выраженіемъ „неглиже съ отвагой“. Онъ былъ въ вицъ-мундирѣ и бѣломъ галстукѣ; тяжелый золотой pince-nez надменно сверкалъ надъ мясистою пуговочкой, служившей ему вмѣсто носа.

— Привѣтъ вамъ, солнце юстиціи! фамильярно-веселымъ тономъ отвѣтилъ на это губернаторъ, приподымая туловище съ кресла и, обративъ его разомъ изъ горизонтальнаго въ вертикальное положеніе, протянулъ гостю своему руку:—никакъ не ожидалъ, очень радъ! Какими судьбами?

Онъ указалъ ему рукой на другое кресло.

Тарахъ сѣлъ, вытянулъ въ свою очередь ноги во всю длину, снялъ pince-nez съ носа и, держа его въ рукѣ, глянулъ сквозь стекла замигавшими глазами на молодаго чиновника, только-что успѣвшаго отереть руки о губернаторское полотенце и поглядывавшаго со своей стороны на Таращанскаго лѣнивыми и нѣсколько оловянными глазами.

— Прескучная исторія... Какъ всѣ онѣ, впрочемъ, какъ бы гадливо уронилъ онъ:—я впрочемъ зналъ, что вы будете здѣсь къ этому времени...

Мышиные глазки Аполлона Савельевича перебѣжали мигомъ отъ него на чиновника:

— Mon cher Соловцовъ, сказалъ онъ,—портфель надо передать Ивану Ивановичу (Иванъ Ивановичъ былъ правитель канцеляріи, сопровождавшій его превосходительство въ *вояжѣ*).

Соловцовъ кивнулъ, подошелъ къ двери:

— Урядникъ! крикнулъ онъ:—возьмите, отнесите къ Ивану Ивановичу.

И вслѣдъ за нимъ вышелъ изъ комнаты.

— Мы одни, обратился теперь губернаторъ къ Тараху, подвигая къ нему ящикъ съ папиросами, стоявшій на сосѣднемъ столѣ,—если имѣете что сообщить мнѣ, прошу, я васъ слушаю.

Тотъ взялъ папироску, помялъ ее въ пальцахъ, вздѣлъ опять свои оптическія стекла на носъ и заговорилъ все тѣмъ же скучающе-гадливымъ тономъ:

— Все то же опять, глупо, не современно... Та же вѣчная повадка администраціи къ произвольнымъ дѣяніямъ, къ стѣсненію человѣческой свободы... Я вамъ говорю это безъ церемоніи: вы недавно назначены, не солидарны съ тѣмъ, что если не заведено, то поддерживалось во всемъ традиціонномъ безобразіи своемъ вашимъ предшественникомъ.

— Что такое: взятки? быстро вскрикнулъ молодой сановникъ, и лицо его тутъ же облеклось въ выраженіе самой неумолимой строгости.

— Ну что это! вскинулъ пуговкою своей вверхъ товарищъ прокурора: стоитъ-ли, молъ, говорить о такомъ вздорѣ!—нѣтъ, у васъ тутъ исправникъ какой-то безкорыстный Торквемада оказывается.

— Хорошій человѣкъ, говорятъ, возразилъ Аполлонъ Савельевичъ:—Скобелевскій герой, примолвилъ онъ не то снисходительно, не то чуть-чуть насмѣшливо.

Тарахъ досадливо дернулъ плечомъ:

— А я вотъ этихъ самыхъ „героевъ“, воспитанныхъ на автоматической деревянности своего милитаризма, никогда бы не назначалъ на должность, гдѣ прежде всего требуется *человѣкомъ* быть, вѣско подчеркнулъ онъ,—и умѣть сдерживать излишнее усердіе своего вѣрноподданничества.

— Пожалуйста, передайте, что онъ учинилъ, торопливо выговорилъ губернаторъ:—я самъ... вы меня давно знаете... я ненавижу и никакъ не намѣренъ терпѣть въ моемъ управленіи этого нестерпимаго „trop de zèle“, лежащаго вообще

во плоти и крови представителей нашего административнаго элемента.

— А то учинилъ, отвѣчалъ все такъ же досадливо товарищъ прокурора,—что поставилъ меня въ положеніе самое затруднительное,

— Именно?...

— Исторія состоитъ въ слѣдующемъ, началъ тотъ, хмурясь и нервно перебирая плечами:—владычествуетъ тутъ въ окрестностяхъ нѣкто генералъ Троекуровъ, сахарозаводчикъ, богачъ... Ну-съ и держитъ себя тутъ въ родѣ, знаете, какого-то Екатерининскаго вельможи...

— Слышалъ,—Савиновъ слегка кивнулъ,—умный человѣкъ говорятъ.

— Тѣмъ хуже-съ, возразилъ язвительно его собесѣдникъ:—этой кастѣ людей подобаетъ по существу самаго дѣла быть дураками, а какъ если выродится ненарокомъ какой-либо изъ нихъ неглупымъ, такъ совсѣмъ выходитъ дѣло дрянь.

Аполлонъ Савельевичъ чуть-чуть насмѣшливо прищурился на него:

— Не любите вы эту „касту“...

— Не люблю-съ, злобно отрѣзалъ Тарахъ:—я демократъ-съ и горжусь этимъ.

Губернаторъ поспѣшилъ успокоить его:

— Въ нашъ вѣкъ, конечно... я совершенно понимаю васъ... Такъ что-жь этотъ генералъ Троекуровъ?

— Поступилъ къ нему въ контору письмоводителемъ не кончившій курса студентъ Технологическаго Института, Бобруйскій нѣкто... Студентъ, само собою, какъ есть, не преображенецъ или кавалергардъ какой-нибудь, воспитанный на „преданности“: идеи молодыя, свѣжія... Отецъ прасолъ, мужикъ, ненависть къ „барамъ“ съ молокомъ матери впиталъ... Такъ вѣдь этакихъ теперь сотни тысячъ, все молодое поколѣніе, можно сказать...

Аполлонъ Савельевичъ пустилъ струйку дыма вверхъ и еще разъ одобрительно качнулъ головой.

— А *генералу* это претитъ? усмѣхнулся онъ.

— Не любятъ-съ эти господа, не любятъ-съ, громко хи-

хикнулъ и товарищъ прокурора и продолжалъ:—Пошелъ онъ какъ-то вечеромъ отъ скуки погулять по деревнѣ, присѣлъ у избы къ крестьянамъ; разговоръ пошелъ. Затолковали объ этомъ глупомъ покушеніи 2 апрѣля: кому, молъ, нужно Царя Батюшку извести. Извѣстно кому—у народа это изъ головы не выбьешь—*господамъ*, въ отместку за лишеніе ихъ крѣпостныхъ правъ надъ народомъ. А ты, молъ, что думаешь? спрашиваютъ письмоводителя. Ну, а у того, понятно, прирожденная злоба заговорила: „И я, говоритъ, слышалъ тоже, что господа"...

— Позвольте однако, перебилъ губернаторъ,—вѣдь это ложь, и онъ очень хорошо долженъ былъ знать, что ложь. Какой же этотъ Соловьевъ „господинъ"! Сынъ придворнаго служителя, во всѣхъ газетахъ напечатано.

— Я его съ этой стороны и не защищаю. Съ прирожденной злости, говорю, сказалъ... Такъ вѣдь въ этомъ и дѣло-съ, чтобъ отличать степени и оттѣнки преступнаго дѣянія. Ну, замѣчаніе можно было сдѣлать, выговоръ, отказалъ бы, наконецъ, отъ должности,—это понятно. Нѣтъ-съ, почувствовалъ себя баринъ въ самомъ принципѣ, въ самомъ существѣ своего кастоваго міровоззрѣнія задѣтымъ, потребовалось ему неосмотрительное слово возвести въ государственное преступленіе. Самъ на мѣсто выѣхалъ, барскими ручками своими забралъ раба Божьяго и сдалъ его вашему исправнику, покорному послушнику своему и раболѣпцу. А тотъ его своею властью въ острогъ посадилъ.

— Гм! неопредѣленно промычалъ на это губернаторъ, раздумчиво сдвигая брови.

— И совершенно незаконно-съ, замѣтьте, вскликнулъ Тарахъ:—лицъ, заподозрѣваемыхъ въ участіи въ политическомъ преступленіи, полиція имѣетъ право задерживать лишь съ обоюднаго соглашенія жандармскаго начальства и судебнаго слѣдователя. Въ данномъ случаѣ исправникъ вашъ арестовалъ это лицо по первому донесенію какого-то деревенскаго сотскаго и просьбѣ этого здѣшняго ландлорда, съ собственной иниціативы, не истребовавъ на то разрѣшенія подлежащихъ властей. Онъ извиняется тѣмъ, что въ эту минуту ни одного изъ нихъ не было въ городѣ, но что на слѣдующій же день

онѣ были имъ объ этомъ извѣщены и со своей стороны не протестовали противъ его распоряженія. Но во всякомъ случаѣ арестъ по буквѣ закона не имѣлъ надлежащаго основанія... и я могъ бы, въ сущности, сейчасъ же отпустить этого несчастнаго...

Онъ не договорилъ и досадливымъ движеніемъ скинулъ пальцемъ pince-nez со своей пуговки...

— И прекрасно бы сдѣлали,—я-бъ ужь конечно не протестовалъ со своей стороны, засмѣялся губернскій сановникъ, спрашивая себя мысленно въ то же время, имѣлъ-ли бы онъ въ этомъ случаѣ самое право протестовать.

— Да-съ, вамъ легко говорить, возразилъ раздраженно товарищъ прокурора, — а не угодно-ли вамъ въ нашу кожу влѣзть, ваше превосходительство, когда въ настоящую пору судебное вѣдомство служитъ козломъ отпущенія за всѣ безобразія русской жизни и всѣ промахи, произволы и стѣсненія этой жизни нашимъ убогимъ правительствомъ. Отпусти я теперь этого неосторожнаго болтуна, вся-то вина котораго состоитъ въ сущности въ томъ, что онъ не сходится понятіями съ аристократическимъ оптимизмомъ генераловъ Троекуровыхъ, такъ одна ужь эта московская печать подыметъ такой гвалтъ... Вотъ гдѣ она у насъ сидитъ, эта печать! хрипнулъ онъ, проводя себѣ пальцемъ по горлу.

— Злая сила, дѣйствительно! подтвердилъ многодумно Аполлонъ Савельевичъ.

— Въ настоящую минуту въ особенности, послѣ этого покушенія, надо всѣмъ верхъ взяла, въ трубы и литавры трубитъ и звонитъ, грозитъ и пугаетъ; мы, молъ, предупреждали, мы, молъ, всегда говорили, внѣ насъ, *охранителей* и сикофантовъ, нѣсть спасенія!

И Тарахъ даже раскашлялся отъ хватавшей его за горло злости.

— Вы понимаете, что при такихъ условіяхъ приходится, стиснувъ зубы, какъ говоритъ Тургеневъ, уступать беззаконію и произволу и поступаться голосомъ совѣсти... Положеніе трагическое, повѣрьте!

Аполлонъ Савельевичъ Савиновъ сочувственно вздохнулъ:

— Да-съ, всѣмъ порядочнымъ людямъ въ Россіи надо подать другъ другу руки и тѣсно сплотиться противъ этого обскурантизма и мракобѣсія...

Онъ оборвалъ, задумался—и все лицо его вдругъ освѣтилось лучомъ какой-то внезапно налетѣвшей на него мысли:

— Враги прогресса, заговорилъ онъ нежданно конфиденціальнымъ и многозначительнымъ тономъ, — враги прогресса слишкомъ рано, впрочемъ, заторопились торжествовать побѣду. Ихъ дѣло далеко еще не выгорѣло. Настоящей реакціи не будетъ, я могу васъ въ этомъ завѣрить. Послѣ перваго, понятнаго смущенія, произведеннаго этимъ фактомъ покушенія, правительство само пойметъ, что, для избѣжанія повторенія таковыхъ, оно должно пойти откровенно на уступки, требуемыя духомъ времени и возрастающею съ каждымъ днемъ возмужалостью русскаго общества.

— Э, полноте, ваше превосходительство, возразилъ, кривя губы, представитель юстиціи, — давно морочатъ насъ этими обѣщаніями; ничего изъ этого не выходило и не выйдетъ!

— Посмотримъ! выговорилъ какъ бы противъ воли губернаторъ.

Тарахъ внимательно воззрился въ него:

— А вамъ развѣ что-нибудь новое по этому предмету извѣстно?

— Ничего ровно! произнесъ тотъ съ какою-то искусственною торопливостью;—а что далеко не въ угоду партіи, говорящей въ московской печати, начинаютъ искать людей, лучшимъ доказательствомъ этому можетъ вамъ послужить хотя бы мое назначеніе, промолвилъ онъ шутливо и самодовольно.

Товарищъ прокурора молча повелъ головой: аргументъ юркаго его собесѣдника мало удовлетворялъ его повидимому.

— Ну-съ, такъ какъ же вы думаете насчетъ этого студента? спросилъ черезъ мигъ губернаторъ, возвращаясь къ первоначальному предмету ихъ разговора.

— Что мнѣ думать!.. Я даже не былъ въ состояніи допросить его настоящимъ образомъ: сіатика у него, боль до крика, повернуться не можетъ. Велѣлъ перевести его въ земскую больницу... Поправится, препроводятъ въ Московскій

тюремный замокъ... Ели что окажется такое, отъ чего его выгородить нельзя будетъ,—процедура извѣстная: *нашимъ* судомъ судить будутъ—присяжные, по всей вѣроятности, оправдаютъ; военнымъ — сошлютъ безо всякаго сомнѣнія въ таръ-тарары. Какъ Господь Богъ имъ тамъ въ Петербургѣ на душу положитъ, отъ того и будетъ зависѣть судьба человѣка. Во всякомъ случаѣ успѣетъ озлиться въ тюрьмѣ до бѣшенства, пока еще рѣшатъ, какому суду его подвергнуть...

— У него, само собою, долженъ былъ быть сдѣланъ обыскъ? Нашли что-нибудь?

— Деньги, четыреста рублей, и какой-то обрывокъ письма.

— Компрометтантнаго для него?

— Нельзя ничего сказать пока... Шифромъ писано, ключъ котораго мнѣ не извѣстенъ, отвѣтилъ небрежно Тарахъ со все болѣе и болѣе скучающимъ видомъ на лицѣ, — въ Москвѣ разберемъ.

— А денегъ у него откуда столько, изъ жалованья накопилъ?

— Нѣтъ, онъ всего три недѣли какъ поступилъ на этотъ Троекуровскій заводъ. Говоритъ, получилъ ихъ отъ одного должника отца его для передачи ему... Это, впрочемъ, не важно...

— Интересная онъ личность по впечатлѣнію вашему?

— Субъектъ интеллигентный, во всякомъ случаѣ... Мнѣ о немъ еще въ Москвѣ говорилъ Мурзинъ, Степанъ Михайловичъ. Слышали о немъ?

— Мурзинъ, кому же не извѣстенъ онъ по репутаціи?.. заторопился заявить Аполлонъ Савельичъ, выражая въ лицѣ какъ бы даже нѣкоторое неудовольствіе за предположеніе, что ему могло быть неизвѣстно такое „свѣтило“: — онъ знаетъ этого студента?

— Не лично, говоритъ, но слышалъ съ очень похвальной стороны о немъ... А ты тутъ вотъ, вскликнулъ съ новымъ взрывомъ досады товарищъ прокурора, — лишай такого человѣка свободы, тащи на судъ, распинайся, чтобъ ему обвинительный приговоръ вынесли присяжные... Вѣдь это мы, сказать правду, ваше превосходительство, лучшій цвѣтъ и сокъ

молодой Россіи приносимъ въ жертву правительственному Молоху!..

— Люди идеи, сознаться надобно, таинственнымъ шопотомъ поддакнулъ губернскій сановникъ, уныло разводя руками: что же, молъ, съ этимъ дѣлать!

Тотъ поглядѣлъ на него сквозь свои стекла:

— Мы все-таки надѣемся, уронилъ онъ,—что вы, какъ человѣкъ порядочныхъ убѣжденій, нѣсколько умѣрите, по крайней мѣрѣ, безтолковое по большей части рвеніе къ „долгу службы“ вашихъ полицейскихъ чиновъ?

— Въ этомъ не сомнѣвайтесь, отвѣтилъ на это, вѣско качнувъ головой, губернаторъ:—девизомъ моего управленія я поставилъ: примиреніе администраціи съ судебнымъ вѣдомствомъ и земствомъ, или даже вѣрнѣе скажу: полное подчиненіе административнаго орудія руководящей функціи этихъ двухъ живыхъ либеральныхъ элементовъ, отъ которыхъ Россія единственно можетъ ожидать свѣта.

— И въ накладѣ не останетесь, повѣрьте, захихикалъ вдругъ, какъ бы вспомнивъ что-то очень пріятное, Тарахъ:—какъ тамъ ни грызи насъ московская печать, а предшественника-то вашего мы сковырнули... Да и въ Казани воеводу тоже снесли. Жить съ нами въ ладахъ не мѣшаетъ, ваше превосходительство... А этотъ у васъ здѣшній исправникъ Ипатьевъ, скажу вамъ-съ, — и онъ еще разъ скривилъ губы на сторону, — настоящій салдафонъ, безо всякаго гуманнаго развитія, топорщина.

— Что же, его устранить можно, зѣвнулъ на это Аполлонъ Савельевичъ, поднося руку къ глазамъ и прищуриваясь на свои щегольски-отточенные ногти.

— И хорошо сдѣлаете! одобрилъ товарищъ прокурора, вставая и подавая ему руку на прощанье.

Губернаторъ поднялся въ свою очередь проводить его до дверей:

— Я воображаю, какъ его скверно кормятъ, этого вашего арестованнаго, въ здѣшнемъ отвратительномъ острогѣ,—я сегодня мелькомъ его видѣлъ... Одною изъ главныхъ задачъ предстоящей мнѣ дѣятельности, счелъ онъ нужнымъ заявить,—

будетъ улучшеніе вообще въ моей губерніи содержанія арестантовъ и вообще мѣстъ заключенія. Я, бывши вице-губернаторомъ въ ***, исправлялъ тамъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ должность губернатора и успѣлъ устроить за это время въ тамошней тюрьмѣ буфетъ и кабинетъ для чтенія. Въ настоящую пору, когда въ этихъ мѣстахъ содержится такъ много лицъ интеллигентнаго класса, нельзя ихъ оставлять безъ тѣхъ извѣстныхъ удобствъ жизни, которыми они привыкли пользоваться на свободѣ. Они—арестанты, конечно, но все же люди-съ,—этого забывать не надо!

— *Люди*, именно, подтвердилъ Тарахъ, — и при другихъ соціальныхъ условіяхъ были бы, можетъ быть, лучшимъ украшеніемъ и славою общества своей страны... До свиданія, ваше превосходительство, до пріятнаго!..

Не успѣлъ онъ исчезнуть, какъ урядникъ вошелъ съ новымъ докладомъ:

— Господинъ Свищовъ.

— Свищовъ... Свищовъ.... повторилъ молодой сановникъ, прищуренно взглянувъ на него, потомъ на потолокъ: — кто такой?..

— Не могу знать, ваше...

— А, вспомнилъ, знаю!

И веселая улыбка сложилась на губахъ Аполлона Савельевича:—Проси!

„Московскій браво“ внесся гимнастическимъ шагомъ въ комнату, склонилъ голову, шумно пристукнулъ каблуками и поднялъ вверхъ до высоты глаза свой безконечный усъ:

— Позвольте напомнить вамъ собою, превосходительный губернаторъ, веселые вечера въ Ambigu, ужины у Bréban't и mademoiselle Amanda de folle mémoire.

— Здравствуйте, cher monsieur Свищовъ, отозвался тотъ, протягивая ему руку со смѣхомъ,—какъ я радъ васъ видѣть!.. Que bon temps vous me rappelez!..

— Вѣкъ юный, прелестный...

запѣлъ глубокимъ басомъ Свищовъ. — Да-съ, времечко хорошее было, бремя государственныхъ заботъ не придавливало еще тогда юной главы вашей къ долу, примолвилъ онъ своимъ обычнымъ нахально-шутовскимъ тономъ.

— Ну, какія тамъ „государственныя заботы!“ съ небрежною скромностью заявилъ Аполлонъ Савельевичъ:—un pauvre préfet, исполнитель высшихъ предписаній.

— И въ губерніи своей „магъ и волшебникъ“, загоготалъ гость,—къ которому я являюсь ходатаемъ о благѣ ввѣреннаго ему края.

Губернаторъ комически всплеснулъ руками:

— Какъ! Et toi, Brutus, aussi! Боже мой! На что же надѣяться послѣ этого! Увидѣвъ васъ, я было совсѣмъ забылъ мою официальность и перенесся душою къ счастливымъ днямъ моей парижской жизни десять лѣтъ тому назадъ...

— Ohé, l'amant d'Amanda! подмигнулъ на это и присвистнулъ Свищовъ,—quelle noce, crédié, въ тѣ дни!... А помните, какъ она, бывало, подопьетъ и затянетъ своимъ визгливымъ французскимъ фальцетомъ:

Lon, lon, la, quand ma tasse est pleine,
Lon, lon, la, de vin d'Argenteuil,
Lon, lon, la, que l'orage vienne,
Lon, lon, la, moi je m'en bats l'oeil...

— Отличная дѣвочка была, и не жадная!

Аполлонъ Савельевичъ, съ видимо элегическимъ намѣреніемъ, испустилъ глубокій вздохъ и закачалъ раздушенною головой:

— Les myrtes sont flétris, les roses mortes, произнесъ онъ на распѣвъ стихъ изъ Гюстава Надо.

— „Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ!“ выпалилъ въ отвѣтъ изъ Шиллера Свищовъ и вскинулъ ногой вверхъ.

— Да вы мнѣ скажите прежде всего, началъ опять губернаторъ,—чему обязанъ я удовольствіемъ видѣть васъ здѣсь, въ этой трущобѣ? Вы что: здѣшній обыватель, землевладѣлецъ, земскій дѣятель, или просто проѣзжій, опоздавшій на поѣздъ,—гдѣ собственно обрѣтается теперь вашъ центръ тяжести? Вѣдь

вы, кажется, до сихъ поръ были лишь блаженный cytoyen de l'univers?

— „И здѣсь, и тамъ, вездѣ я твой“,

запѣлъ снова въ отвѣтъ „московскій браво“, уже изъ Варламовскаго романса, и приложилъ руку къ сердцу, — а въ настоящую минуту пребываю въ этихъ палестинахъ съ цѣлью даровать неблагодарнымъ соотчичамъ ближайшее средство сообщенія съ Европой... Вамъ, вѣроятно, не безъизвѣстно, какъ говорится на вашемъ офиціальномъ языкѣ, объяснилъ онъ тутъ же, упершись многозначительнымъ взглядомъ въ самые глаза своего собесѣдника, — о предполагающейся въ Петербургѣ желѣзнодорожной линіи, имѣющей пройти чрезъ всю вашу губернію на ***?

Губернаторъ насторожилъ уши.

— Слышалъ какъ-то дѣйствительно, осторожно пропустилъ онъ своимъ женски-мягкимъ голосомъ.

— Знаете, *кто* этимъ интересуется? протянулъ таинственнымъ шопотомъ тотъ, все также не отрываясь отъ него глазами.

Мышиные глазки губернскаго сановника такъ и забѣгали: „Ты-то почему знаешь и какую роль играешь при этомъ?“ говорили они.

— Я полагаю, всѣ, отвѣтилъ онъ съ дипломатическою ловкостью,—кто только желаетъ наиполнѣйшаго развитія желѣзной сѣти въ Россіи.

— Vivent les gens d'esprit, мы другъ друга поняли!

И Свищовъ, лукаво прижмуривая правый глазъ, трепнулъ широкою ладонью своей, въ видѣ одобренія, по лядвеѣ посадившаго его подлѣ себя „хозяина губерніи“.

Тотъ даже привскочилъ на мѣстѣ отъ этой неожиданной и далеко не показавшейся ему лестною „фамильярности“:

— Однакоже вы... не договорилъ онъ, хмурясь и вскидывая плечами.

— Мы поняли другъ друга, превосходительный, повторилъ Свищовъ, будто ничего не замѣчая:—вы видите во мнѣ агента компаніи, къ которой примыкаетъ извѣстная вамъ особа, подчеркнулъ онъ,—а я съ этой минуты уже не сомнѣваюсь, что

вы всѣмъ вліяніемъ вашимъ будете содѣйствовать нашимъ планамъ.

— Позвольте, проговорилъ съ достоинствомъ Аполлонъ Савельевичъ, — мое „вліяніе“ здѣсь ни причемъ; я не инженеръ и не директоръ департамента желѣзныхъ дорогъ.

— Laissez donc, mon cher *préfet*, иронически напирая, перебилъ его съ хохотомъ „московскій браво“;—вы очень хорошо знаете, чѣмъ можете быть въ этомъ случаѣ полезны. Дѣло теперь стоитъ такъ...

И онъ быстро, въ жару изложенія безпрестанно тыкая пальцами въ ногу или туловище своего собесѣдника,—во избѣжаніе чего тотъ откатилъ отъ него наконецъ кресло свое на нѣкоторое разстояніе,—сообщилъ ему то, что уже извѣстно нашему читателю: о „необходимости“ имѣть официальное заявленіе земства тѣхъ уѣздовъ, чрезъ которые должна была пройти предполагаемая линія, относительно чаемой отъ нея пользы для края; о томъ, что здѣсь предвидится такому заявленію сильная оппозиція со стороны „охранительной партіи“, во главѣ которой стоитъ генералъ Троекуровъ, „человѣкъ, рѣшительно враждебный всякому прогрессивному вчинанію, и *эксплуататоръ* народнаго труда всей здѣшней мѣстности“, но „вредное вліяніе котораго можетъ быть парализовано благопріятными для *прогрессивной партіи* новыми выборами на земскія должности“,—къ чему онъ, Свищовъ, и прилагаетъ теперь всѣ свои старанія...

Губернаторъ внимательно прислушивался къ его словамъ, покусывая губу и разбѣгаясь глазами во всѣ стороны, но лицо его при этомъ выражало какъ бы полную безучастность. Онъ отнюдь не намѣренъ былъ „компрометтировать“ себя „avec un quidam de cette espèce“, какъ называлъ онъ мысленно Свищова, и досадовалъ на „неосторожныхъ“, довѣрившихъ такому „quidam'у“ закулисную тайну предполагаемой постройки, содѣйствіе которой имъ было обѣщано, кому слѣдовало, въ Петербургѣ при назначеніи его на воеводство.

— Вы понимаете, mon cher monsieur Свищовъ, засосалъ онъ свою карамельку, когда тотъ кончилъ,—что желаемое вами заявленіе зависитъ единственно отъ свободнаго рѣшенія *гос-*

подина земства ввѣренной мнѣ губерніи... Говорю „господина“, какъ говорилось въ старину: „господинъ Великій Новгородъ“, „господинъ Псковъ Великій“, ввернулъ онъ, любезно смѣясь,—и *гнести*, такъ сказать, моимъ губернаторскимъ авторитетомъ на соображенія этихъ господъ я и не въ правѣ, и не намѣренъ никакъ. Je tiens en trop haute estime les assemblées publiques, я нѣмѣю предъ ними, voilà ma devise! Могу только сказать поэтому, что, каково бы ни было тамъ рѣшеніе, протеста съ моей стороны не будетъ: это я могу обѣщать вамъ положительно заранѣе.

— Ну-съ, а *направить*, а шепнуть, *какъ* сами вы и въ *Петербургѣ какъ* объ этомъ думаютъ, подмигнулъ еще разъ Свищовъ,—вы полагаете несогласнымъ съ вашею haute impartialité?

— Я своего мнѣнія не скрываю, уже съ нѣкоторою величественностью произнесъ просвѣщенный губернаторъ:—въ какомъ бы пунктѣ и между какими бы пунктами ни вздумалось современному прогрессу провести желѣзнодорожное сообщеніе, я бы только порадовался и содѣйствовалъ бы этому всею зависящею отъ меня властью.

— Слушаю-съ! протянулъ гаерническою интонаціей Свищовъ и, ухвативъ руку сановника, потрясъ ею сверху внизъ, точно тыкая пестомъ въ ступѣ,—nous nous entendons!..

Тотъ вырвалъ у него съ сердцемъ свои помятые пальцы, готовясь протестовать самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ этого нахальнаго обращенія съ собою.

Но въ то же время у дверей комнаты раздался еще разъ голосъ урядника:

— Провъ Ефремовичъ Сусальцевъ!

Губернаторъ вскочилъ съ мѣста и, съ нахмуреннымъ еще челомъ, пошелъ навстрѣчу входившему.

— Почтеннѣйшій Провъ Ефремовичъ, вы предупредили меня, возгласилъ онъ сладчайшимъ голосомъ, протягивая ему обѣ руки:—сегодня же съ вечернимъ поѣздомъ я жду сюда дядю, съ которымъ мы должны были тотчасъ же ѣхать въ ваше *княжеское*, какъ его здѣсь всѣ называютъ, Сицкое.

Провъ Ефремовичъ не понялъ льстиваго намѣренія, заключавшагося въ этихъ словахъ:

— Оно дѣйствительно, *допрежъ того* какъ мною куплено, Шастуновыхъ князей было, отвѣтилъ онъ.

— Ахъ, я не въ этомъ смыслѣ, засмѣялся тотъ:—оно, говорятъ, у васъ удивительно устроено и великолѣпно содержится.

— Ничего-съ, уголокъ сносный, скромно и небрежно ухмыльнулся на это Провъ Ефремовичъ.

Онъ держалъ себя холодно, чтобы не сказать *строго:* ты, молъ, губернаторъ, да мы и не такихъ видали.

— Достопочтеннѣйшему мануфактуристу и землевладѣльцу мое высокопочитаніе! ворвался тутъ же въ разговоръ неугомонный Свищовъ, подбѣгая къ Сусальцеву съ протянутою рукой. И, не давая тому времени отвѣтить на его привѣтствіе, обратился къ губернатору:

— Вотъ, превосходительный, мы сейчасъ съ вами говорили о мѣстныхъ интеллигентныхъ силахъ: вы видите предъ собою крупнѣйшую, можно сказать, изъ нихъ: капиталъ, умъ, энергія—все-съ соединено въ предстоящемъ здѣсь человѣкѣ.

— Это ужь вы слишкомъ, позвольте... залепеталъ Сусальцевъ.

— Такой отзывъ не долженъ васъ удивлять, поспѣшилъ любезно заявить со своей стороны „начальникъ губерніи“, хмурясь въ то же время въ сторону „московскаго браво“,— этотъ отзывъ всеобщъ... Вы, смѣю думать, земецъ, и усердный, примолвилъ онъ торопливо, съ видимымъ намѣреніемъ не дать говорить Свищову.

— Гласный, и даже изъ самыхъ послѣднихъ *по дѣятельности,* какъ бы смѣясь надъ самимъ собой отвѣтилъ Провъ Ефремовичъ.

— Ахъ, это стыдно, стыдно! засосалъ карамельку Аполлонъ Савельевичъ:—въ настоящее время, когда въ дальнѣйшемъ развитіи нашего государства земскимъ учрежденіямъ предстоитъ играть такую важную роль...

Свищовъ не далъ ему договорить:

— Эгоистъ онъ, превосходительный, захихикалъ онъ,—о

приращеніи своихъ милліоновъ единственно помышляетъ. А мы его вотъ на зло возьмемъ, да и выберемъ въ предсѣдатели нашей управы; поневолѣ придется послужить общему благу.

Сусальцевъ даже покраснѣлъ слегка:

— Что же... я служить никогда не отказывался... Не выбирали до сихъ поръ, проговорилъ онъ съ искусственнымъ смѣхомъ.

— И прекрасно, прекрасно, закивалъ головой губернаторъ:—такіе люди, какъ вы, должны принимать на себя общественныя функціи... именно *такіе*, подчеркнулъ онъ,—свѣжіе, можно сказать... Мы объ этомъ уже говорили съ Антониной Дмитріевной, наклонился онъ къ нему на ухо съ этимъ сообщеніемъ.

„Понялъ! отъ тебя, должно, и идетъ!“ вспомнилъ Сусальцевъ разговоръ свой съ женой. Но продолжать на эту тему въ присутствіи „такого хлыща безпардоннаго“, какимъ былъ въ его понятіяхъ давно знакомый ему „по дѣяніемъ своимъ“ Свищовъ, было бы, по его мнѣнію, излишне.

— Когда вамъ будетъ угодно, обратился онъ къ Савинову,—лошади и экипажи къ вашимъ услугамъ. Они прибыли со мной и будутъ ждать тутъ у васъ на дворѣ... Дядюшку вашего, Алексѣя Сергѣевича, позвольте мнѣ встрѣтить на станціи. Буду туда къ часу прибытія поѣзда.

— Ахъ, зачѣмъ вамъ безпокоиться, онъ врагъ всякихъ официальностей, счелъ нужнымъ заявить громко Аполлонъ Савельевичъ: „Еще бы ты не поѣхалъ встрѣтить!“ говорилъ онъ себѣ мысленно въ то же время.

— Считаю долгомъ... *хозяина*, отчеканилъ съ достоинствомъ Провъ Ефремовичъ, вставая и расшаркиваясь.

Губернаторъ, пожимая и не выпуская его руки до самыхъ дверей, провелъ его до половины сосѣдней комнаты, раскланялся и быстрымъ шагомъ вернулся въ кабинетъ.

Остававшійся тамъ Свищовъ кивнулъ ему головой по адресу уходившаго, потянулъ пальцемъ къ низу уголъ праваго глаза и высунулъ языкъ во всю его длину.

Но Савинову онъ успѣлъ уже надоѣсть какъ горькая рѣдька.

— Pardon, monsieur Свищовъ, безцеремонно отнесся онъ къ нему:—мнѣ еще надо заняться съ моимъ правителемъ канцеляріи... Наши дебаты, кажется, съ вами кончены.

Нѣсколько огорошенный „московскій браво“ поглядѣлъ на него:

— Vous me mettez à la porte?

Изящный сановникъ пожалъ плечами:

— Извините меня, но у меня есть обязанности... Nous ne sommes plus à Paris...

— „Ахъ, тяжела ты, шапка Мономаха“! Понимаю-съ! До пршіемнѣго видзенья, пане вельможный!..

И, повернувъ налѣво кругомъ, „le général Suicheff“ вышелъ тѣмъ же своимъ гимнастическимъ шагомъ изъ комнаты, не оборачивая головы.

XII.

Прибавилось духа,
Затихла тоска,—
И слушаетъ ухо,
И пилитъ рука.

Фетъ.

„Волкъ“ нервно и озабоченно, склонивъ голову и покусывая крупныя губы, расхаживалъ вдоль и поперекъ небольшой камеры въ одно окно съ желѣзною рѣшеткой, имѣвшейся для арестантовъ въ земской больницѣ города ***. Онъ съ видимою осторожностью ступалъ по доскамъ пола, разминая свои обутыя въ войлочныя больничныя туфли ноги, во избѣжаніе шума, могущаго выдать обманъ, которому одолженъ онъ былъ переводомъ сюда изъ острога. Онъ очень ловко тамъ, на другой же день послѣ своего ареста, притворился пораженнымъ ревматическимъ припадкомъ, лишившимъ его будто бы способности не только двигаться, но и подняться съ досокъ наръ, на которыхъ лежалъ онъ, когда утромъ смотритель острога зашелъ взглянуть на него. Онъ казался такимъ страдающимъ и безпомощнымъ, что тотъ счелъ нужнымъ послать за докторомъ. Докторъ явился, осмотрѣлъ... Это былъ еще довольно молодой и взъерошенный парень, не глупый, очень разсѣянный съ виду и весьма себѣ на умѣ въ дѣйствительности, страстный поклонникъ Щедрина и самъ пописывавшій обличительно-юмористическія статейки въ разныхъ московскихъ и петербургскихъ сатирическихъ листкахъ подъ псевдонимами „Малъ да удалъ“ и „Панургъ козлинаго стада“. „Политическій арестантъ“ вызвалъ въ немъ тотчасъ же, само собою, пол-

ное сочувствіе къ себѣ. Повѣрилъ онъ или не повѣрилъ его недугу, но видъ онъ не медля принялъ подобающій, „серьезный“, и, отведя смотрителя нѣсколько въ сторону, объяснилъ ему, что „держать человѣка при такомъ страданіи въ этомъ *клоповникѣ* безсовѣстно и что его необходимо положить на койку въ больницѣ... Вѣдь и каторжнымъ милосердіе оказываютъ“, говорилъ онъ съ нѣкоторою уже язвительностью, „а тутъ человѣкъ можетъ быть еще и совсѣмъ невинный“... Смотритель, придерживавшійся также убѣжденій „самыхъ гуманныхъ“, пришелъ въ великое отъ такихъ словъ смущеніе, отвѣчая, что онъ „конечно самъ вполнѣ раздѣляетъ“, но что онъ лицо подначальное и что объ этомъ надо доложить жандармскому *помощнику*, а не то, какъ онъ слышалъ, долженъ прибыть самъ товарищъ прокурора, господинъ вполнѣ *либеральный*, такъ тотъ непремѣнно велитъ перевести... „Вы ужь потерпите крошечку“! обратился онъ съ просительнымъ видомъ къ арестанту.

Тотъ только страдальчески замычалъ въ отвѣтъ.

Товарищъ прокурора, вызванный еще наканунѣ изъ Москвы телеграммой жандармскаго подполковника, заѣхалъ въ тотъ же день въ тюрьму. Мы уже знаемъ изъ разговора его съ губернаторомъ, что въ виду болѣзненнаго состоянія арестанта онъ не счелъ возможнымъ продолжать начатаго было имъ допроса и, отложивъ „формальность“ до выздоровленія его, велѣлъ немедленно перевести въ больницу.

„Волкъ“ провелъ тамъ ночь на покойномъ матрацѣ, спалъ отлично и, совершенно бодрый духомъ, размышлялъ теперь, расправляя члены послѣ долгаго насильнаго лежанья, о томъ, какъ онъ „выберется изъ этого мѣста“. А что онъ выберется такъ или иначе, въ этомъ онъ не сомнѣвался. Не въ такихъ „передѣлкахъ“ случалось ему бывать. Къ тому же у него были и основанія надѣяться.

Отъ него сейчасъ только ушелъ докторъ, заставшій его лежавшимъ на кровати.

— Ну что, батенька, не полегчило за ночь? спросилъ онъ фамильярно веселымъ тономъ, присаживаясь ему къ ногамъ.

— Ломитъ все, простоналъ тотъ.

— А нуте-ка, дайте я васъ маленечко ощупаю... Болитъ? спросилъ онъ, надавливая на какой-то нервъ на бедрѣ.

— Да-а...

— А тутъ?

— Тоже.

Докторъ посмотрѣлъ ему вдругъ прямо въ глаза и засмѣялся:

— На койкѣ-то у насъ попокойнѣе будетъ лежать, чѣмъ въ острогѣ?

„Волкъ“ не отвѣтилъ и зорко въ свою очередь глянулъ ему въ лицо.

Тотъ безцеремонно трепнулъ его ладонью по якобы больному мѣсту и хихикнулъ опять:

— Полежите у насъ, батенька, полежите, ничего... Въ Московскій замокъ не хочется небось, прошепталъ онъ тутъ же скороговоркой, лукаво прижмуривая правый глазъ...

И, не дождавшись отвѣта, обратился ко входившему въ эту минуту фельдшеру:—натереть бокъ скипидарнымъ масломъ, да суконкой докрасна... Пріятели у васъ тутъ, проговорилъ онъ опять со своимъ разсѣяннымъ видомъ, когда они остались одни:—Троженкова, Степана Акимовича, знаете?

— Знаю.

— Ну вотъ!.. Въ обѣдъ полную порцію! скомандовалъ онъ возвращавшемуся со стклянкой своему подчиненному,—коли булки свѣжей нѣтъ, ко мнѣ пошлите, саекъ мнѣ изъ Москвы привезли...

— Спасибо, докторъ, счелъ нужнымъ простонать опять мнимый больной, подставляя бокъ подъ суконку фельшера.

— Ну чего тамъ! качнулъ головой тотъ, и снова какъ бы невзначай подмигнулъ ему обращеннымъ на него глазомъ.

Онъ всталъ и направился къ двери.

— Поправляйтесь, батенька, поправляйтесь!.. У насъ тутъ спокойно, тревожить никто не станетъ, добавилъ онъ, какъ-то едва замѣтно подчеркивая, и вышелъ изъ камеры.

„Теперь ясно, отъ этого Троженкова надо ждать...“ неопредѣленно мурлыкалъ себѣ подъ носъ натертый докрасна

„Волкъ“, оставшись одинъ, осторожно подкрадываясь къ круглому со вставленнымъ въ него стекломъ отверстію двери, выходившей въ общій больничный корридоръ, по которому прохаживались въ эту минуту два выздоравливающіе больные изъ крестьянъ въ больничныхъ халатахъ и молодой солдатъ съ ружьемъ на плечѣ, поставленный на часы предъ самою его „арестантскою камерой“.

„Съ этой стороны нечего и думать“, сказалъ себѣ „Волкъ“ въ заключеніе своихъ какихъ-то особенныхъ мысленныхъ посылокъ, и, отойдя къ кровати, улегся на спину, скрестивъ руки на груди и вперивъ неподвижно зрачки въ потолокъ... Онъ ждалъ.

Такъ прошло съ часъ времени.

Замокъ въ двери щелкнулъ. Вошелъ больничный сторожъ, старый отставной солдатъ, держа въ обѣихъ рукахъ миску въ больничнымъ бульйономъ, а подъ мышками суповую тарелку и оловянную ложку.

Онъ уставилъ все это на ночной столикъ подлѣ кровати и затѣмъ полѣзъ своею заскорузлою, слегка дрожавшею—онъ былъ „въ легкомъ подпитіи“,—рукой за бортъ своего полукафтанья, откуда вытащилъ румяную, пятикопѣечную московскую сайку:

— Къ самому̀, значитъ, фершелъ посылалъ взять вамъ, пролепеталъ онъ,—нате вотъ...

— Это отъ доктора? сказалъ арестантъ:—спасибо ему.

— „Спасибо“! проговорилъ укорительно сторожъ, получившій только-что отъ доктора строгій выговоръ „за нетрезвое состояніе“, — а за что̀ ругается, спросѝте, такъ и самъ того не знаетъ...

— А онъ у васъ, видно, человѣкъ хорошій, поддразнилъ его „Волкъ“, торопливо принимая у него изъ рукъ сайку и сжимая ее инстинктивно обѣими руками.

Тотъ злобно рукой мотнулъ.

— Хорошій! Оболдуй облѣзлый, а не то что... Купилъ онъ теперича пару лошадей, заплатилъ пару полтинъ, думалъ на нихъ до неба доѣхать, а онѣ у него за городъ не успѣли выѣхать, обѣ охромѣли. Какъ есть облѣзлый!

— А развѣ онъ куда ѣздилъ сегодня? съ любопытствомъ спросилъ арестантъ.

— Нѣ! Ночевалъ у него одинъ изъ его, значитъ, пріятелевъ, вчера изъ Москвы пріѣхалъ, Острожниковъ господинъ, можетъ слышали? Такъ онъ ему этихъ самыхъ своихъ одровъ запречь велѣлъ, въ имѣніе ихъ отвезти, а они не успѣли изъ улицы выѣхать, оба и охромѣли, такъ и вернулись домой, захихикалъ ядовито старикъ.

— Почемъ ты все это знаешь? вторилъ ему „Волкъ", чувствовавшій себя все въ болѣе и болѣе хорошемъ расположеніи духа.

— Чего-жь не знать, когда онъ у насъ тутъ на дворѣ на самомъ во флигелѣ помѣщается... Квартиру тоже дала управа ему...

— Такъ этотъ, ты говоришь, Острожниковъ и не уѣхалъ?

— Лошадей у Криваго, у извощика, наняли, чего ему тутъ валандаться: богачъ, кабаковъ держитъ дюжины двѣ, за цѣной не постоитъ.

— Ну, хорошо, старина, я лопать стану, а ты иди себѣ; другое блюдо можетъ есть? сказалъ „Волкъ", желавшій теперь какъ можно скорѣе остаться одному.

— Кура, извѣстно, полагается, принесу-пойду...

Едва успѣлъ онъ выйти за дверь, какъ „Волкъ", для большей предосторожности обернувшись на кровати лицомъ къ стѣнѣ, принялся медленно разламывать принесенную ему отъ доктора сайку. Она, очевидно для него, передана была тому Троженковымъ, а слѣдовательно заключала въ себѣ нѣчто, что должно было служить его „вызволенію изъ узилища", говорилъ онъ себѣ уже шутовски мысленно.

Онъ не ошибался: внутри сайки нашелъ онъ прежде всего двѣ сложенныя въ квадратики самаго мелкаго объема записки, изъ которыхъ одна, писанная рукою Лидіи Петровны Курсаковой, уже знакома нашему читателю, а другая, начертанная чьимъ-во невѣдомымъ почеркомъ, гласила слѣдующее:

„Роща за больницей. Лошади. Нынѣшнею ночью. Тутъ нужное".

Задрожавшіе пальцы „Волка" нервно ткнули дальше въ

хлѣбную мякоть. „А!“ вырвалось у него невольно изъ груди. Онъ нащупалъ тамъ что-то узкое, металлическое, колючее, и, не глядя, не разламывая дальше, судорожно сунулъ сайку подъ подушку и прилегъ на нее головой, прижмуривъ глаза отъ усиленно забившагося у него въ эту минуту сердца. Онъ зналъ, это была тончайшая англійская пила, съ помощью которой ничего не будетъ ему стоить „сегодня ночью“ уйти „сквозь вотъ это самое окно“, говорилъ онъ себѣ, глядя на довольно жидкія и уже ржавыя желѣзныя полосы, скрещивавшіяся двойнымъ рядомъ за этимъ, отворявшимся внутрь камеры, окномъ. „Молодецъ Мурзинъ!“ Онъ не сомнѣвался, что „*это* придумано въ Москвѣ“, куда ѣздилъ очевидно Троженковъ для совѣщанія, узнавъ объ его, „Волка“, арестованіи... „За больницей, роща“, да, вотъ она зеленѣетъ своею темно-зеленою хвоей... Тамъ его будутъ ждать, очевидно; Троженковъ увезетъ его къ себѣ... „Камыши по рѣкѣ“, вспомнилъ онъ, „въ случаѣ чего не отыщутъ“... Да нѣтъ, времени терять нечего, ему надо въ Липецкъ... „Въ Липецкъ, всѣ *они* тамъ будутъ; вотъ мы и увидимъ, и увидимъ“... И глаза „Волка“ загорались и метали искры дѣйстительно, какъ у того звѣря, чье онъ носилъ названіе, когда лютою морозною ночью щелкаетъ онъ на перепутьи кровожадными зубами, чуя близость свѣжаго мяса. *Они* должны будутъ подчиниться его слову, его волѣ, его неустранимой логикѣ, онъ возьметъ верхъ, онъ станетъ во главѣ движенія, вопреки всему тому *неизвѣстному* для него, чему очевидно подчинялись *они* до сихъ поръ... У него денегъ нѣтъ: „отняли, проклятые!“, скрежеталъ онъ, вспоминая объ этомъ. Все равно, онъ у того же Троженкова возьметъ. Лишь бы добраться скорѣе... „Въ Липекъ, въ Липецкъ!...“

Нервы расходились у него страшно. Оконечности ножныхъ пальцевъ сводило какимъ-то невыносимымъ судорожнымъ замираніемъ, въ виски била кровь до боли... „Ну, вздоръ, справиться съ собой надо“, рѣшилъ онъ, вскакивая съ постели и принимаясь опять шагать въ своихъ неслышныхъ туфляхъ, держась ближе къ стѣнѣ, чтобы не попасть подъ уголъ зрѣнія часоваго, расхаживавшаго по корридору... „Добрую высыпку

надо задать до вечера", сказалъ онъ себѣ, приведя себя наконецъ ходьбой въ нѣсколько болѣе спокойное состояніе.

Онъ дѣйствительно легъ и заставилъ себя уснуть.

Солнце заходило за темно-лиловую, грозовую тучу, когда онъ проснулся. Собиралось ненастье... „Отличное дѣло!" блеснуло тутъ же въ головѣ арестанта. Камера его начинала уже утопать во мракѣ. Сквозь окно, изъ-за прогалинъ шуршавшей подъ вѣтромъ, шагахъ въ пятидесяти отъ больничныхъ зданій, рощи индѣ сверкали узкія багровыя полоски заката. Глухой гулъ далекаго еще грома доносился по временамъ до чуткаго слуха „Волка" сквозь затворенныя оконныя рамы... „Не замазаны-ли онѣ?" пришло ему вдругъ на мысль:—„какъ это я до сихъ поръ не провѣрилъ!"

И, быстро вскочивъ, онъ кинулся къ окну, но тутъ же остановился. „Нѣтъ, погодить маленько, когда совсѣмъ темно станетъ."

Онъ опять легъ... Но нетерпѣніе превозмогло. Онъ подкрался къ окну, ухватилъ обѣими руками задвижки сверху и снизу, потянулъ къ себѣ... Рама подалась, слабо визгнувъ заржавленными петлями... Онъ быстро притворилъ ее и прыгнулъ къ кровати: сквозь стекло двери косымъ лучомъ падалъ въ камеру свѣтъ только-что зажженной керосиновой лампы на стѣнѣ корридора противоположной его двери... „До окна не добѣгаетъ", съ новымъ радостнымъ ощущеніемъ замѣтилъ „Волкъ".

Замокъ двери щелкнулъ въ то же время.

Онъ уже лежалъ на своей койкѣ, скорчившись и глухо охая, какъ бы пересиливая боль.

Вошелъ фельдшеръ съ мазью и стклянкой какой-то невинной микстуры.

— Помазать вамъ еще? спросилъ онъ соннымъ голосомъ.

— Ахъ, не трогайте, я только-что покойно улегся, какъ бы чутдчку полегчало... Оставьте, если можно, я самъ потомъ могу... Не безпокойте себя.

— Извольте, я могу оставить, равнодушно проговорилъ тотъ опять.—Свѣчу вамъ принести?

— Пожалуй, только я спать хочу... Вы мнѣ спичекъ оставьте.

— Могу...

— Послушайте, началъ опять „Волкъ“ стонущимъ тономъ,—нельзя-ли попросить этого часоваго... Спать не могу, какъ начнетъ онъ ходить, точно меня въ больное мѣсто ножомъ тычетъ.

— По должности своей ходитъ, нельзя, пропустилъ фельдшеръ сквозь зубы:—а впрочемъ, я скажу... Коли вамъ какая надобность, такъ тутъ у васъ въ стѣнѣ у койки звонокъ къ сторожу, добавилъ онъ, зѣвая,—придетъ.

— Хорошо, мнѣ бы только уснуть скорѣе...

Онъ остался опять одинъ. Въ корридорѣ шаги часоваго замолкли: онъ усѣлся съ ружьемъ въ рукѣ на стоявшую тамъ скамью. Раскаты грома все чаще и все ближе рокотали за окномъ... Арестантъ лежалъ на кровати, на спинѣ, съ закинутыми за голову руками. Время неслось, а съ нимъ и тысячи мыслей, образовъ, представленій мелькали въ мозгу его, и ему казалось иной разъ, что цѣлые часы успѣли пробѣжать съ минуты ухода фельдшера... Но нѣтъ, онъ зналъ, что часовые смѣняются каждые три часа и что при новой смѣнѣ могутъ къ нему войти, для удостовѣренія, что онъ тутъ дѣйствительно. Надо поэтому дождаться ея, и тамъ уже, когда новый часовой уходится и присядетъ, какъ этотъ...

Вотъ и она, смѣна. Топотъ тяжелыхъ шаговъ, лязгъ опускаемыхъ ружей раздались за дверью. Она отворилась на мигъ, мелькнуло чье-то лицо, струя свѣта добѣжала до лежавшаго, заставивъ его невольно прижмурить глаза,—и все исчезло затѣмъ, дверь защелкнулась опять; новый часовой зашагалъ мѣрнымъ, увѣсистымъ шагомъ, съ регулярностью маятника застилая теперь тѣнью своей чрезъ каждыя полминуты тускло свѣтившее сквозь стекло двери пламя лампы въ корридорѣ. „Когда-то онъ еще *уходится*, какъ тотъ, котораго смѣнилъ онъ... а тамъ, въ роцѣ, уже ждутъ, пріѣхали навѣрное“...

Оглушающій ударъ грохнулъ словно надъ самою больницей, и крупный ливень вслѣдъ за нимъ, сопровождаемый вне-

запнымъ порывомъ вихря и дребезжащими отгулами грома, зазвенѣлъ въ стекла окна.

„Самое время!“ пронеслось въ головѣ „Волка“... Онъ подбѣжалъ къ окну, дернулъ за задвижки—и едва удержалъ въ рукахъ раму отъ ударившаго въ нее напора вѣтра. Одно изъ стеколъ треснуло, слабо звеня...

Онъ быстро обернулся, тревожно устремивъ взглядъ въ круглое оконце двери... Но тамъ, за нимъ, все тою же регулярною походкой, то застилая, то открывая вновь свѣтъ корридорной лампы, прохаживалась автоматическая фигура часоваго.

Вихрь тутъ же стихъ, словно разбитый въ прахъ неотразимою силой лившихъ съ неба потоковъ...

„Волкъ“ отворилъ теперь рамы на обѣ половины. Онъ стиснулъ вынутую имъ изъ сайки узенькую пилу, укрѣпленную на твердомъ стальномъ стержнѣ, между тѣмъ какъ каменные зубы его пережевывали въ мякоть сунутыя имъ въ ротъ найденныя въ сайкѣ записки. „Спилить края, а тамъ сами погнутся“, сказалъ онъ себѣ, пробуя рукой степень устоя одной изъ продольныхъ полосъ рѣшетки окна и чувствуя въ этой рукѣ какъ бы приливъ такой силы, которая погнула бы и не такое препятствіе.

Пила завизжала по желѣзу сквозь шумъ дождя, обливавшаго его снаружи своими брызгами... „Услышитъ!“... Онъ вспомнилъ о мази, оставленной ему фельдшеромъ, прыгнулъ къ столику и, зажавъ пузырекъ въ рукѣ, вернулся къ рѣшеткѣ.

Свѣтъ изъ двернаго оконца какъ бы мгновенно померкъ. Онъ живо обернулся. „Лампа погасла?“

Нѣтъ, она свѣтила, но между ею и окномъ онъ различилъ лицо часоваго, вглядывавшагося въ его камеру... „Волкъ“ быстрымъ шагами, наклонивъ голову, приползъ къ своей кровати, сѣлъ и принялся усиленно кашлять.

Звукъ этого кашля достигъ слуха любопытствовавшаго солдата и успокоилъ его повидимому. Онъ отошелъ отъ двери, а затѣмъ шаги его и совсѣмъ смолкли... „Уходился!“ И мгновенная усмѣшка зазмѣилась по безобразнымъ губамъ арестанта.

Смазанная скипидарнымъ масломъ пила дѣйствовала отлично. Чрезъ нѣсколько минутъ одна изъ вертикальныхъ полосъ рѣшетки была снизу подпилена. „Волкъ“ надавился на нее всею силой своихъ желѣзныхъ мышцъ. Она подалась, крякнула и, скользнувъ въ его рукѣ, грохнулась о-земь съ расщепившимся деревомъ обшивки, въ которую вбита была вверху... „Волкъ“ глухо и язвительно засмѣялся про себя: „Изъ гнилья строили, а земскія денежки въ карманъ себѣ положили...“

Онъ быстро принялся теперь за нижнюю продольную полосу... Ливень стихалъ, но рука двигалась съ какою-то словно съ каждымъ мигомъ все возрастающею силой. Еще одно послѣднее движеніе... И локоть его неосторожнымъ взмахомъ, выдергивая пилу, ударилъ о раму оконной половинки. Разбитое стекло полетѣло со звономъ на землю...

И въ то же время явственно донеслись до него тяжелые и торопливые шаги поднявшагося очевидно на этотъ звонъ часоваго въ корридорѣ.

„Волкъ“, перегнувшись чрезъ подоконникъ, навалился весь на полосу, встряхивая ее руками, погнулъ, сдвинулъ, сорвалъ ее—и вслѣдъ за нею, не выпуская ея изъ рукъ, готовый размозжить голову первому, кому вздумалось бы остановить его, очутился на землѣ, прыгнувъ изъ окна съ полуторасаженной высоты, но цѣлый и невредимый, попавъ какъ въ кашу въ густую грязь, успѣвшую образоваться на дворѣ отъ ливня.

Онъ кинулся бѣжать въ направленіи къ рощѣ.

Онъ внимательно изучилъ окружающую мѣстность въ теченіе дня, но теперь на дворѣ стояла темь непроглядная и дождь, сыпавшій въ эту минуту уже мелкими, но непрерывными и стремительными каплями, сѣкъ его по лицу, по вѣкамъ глазъ словно желѣзными опилками. Сквозь влажную пелену онъ едва различалъ огоньки въ окнахъ службъ, обнимавшихъ дворъ больницы четыреугольникомъ со свободнымъ между корпусами пространствомъ земли, обнесеннымъ со стороны поля невысокимъ заборомъ.

Но терять времени было нечего. Изъ окна, откуда выскочилъ онъ, доносились до него лязгъ замка въ двери, торопли-

вый топотъ ступней, бѣжавшихъ въ камеру, и крикъ: „Держи, держи!“ Онъ пустился бѣжать стремглавъ прямо на тѣ мелькавшіе предъ нимъ огоньки сквозь дождь и тьму и, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, круто завернулъ влѣво къ забору, гдѣ утромъ онъ запримѣтилъ калитку.

Ничего не видя попрежнему, держа одну руку впередъ на всякій случай и не выпуская изъ другой желѣзной полосы, вырванной имъ изъ окна, онъ ударился изо всей силы ладонью о заборъ, котораго не предполагалъ столь близкимъ и не удержался отъ невольнаго стона, вызваннаго болью. И въ то же время кто-то, выскочивъ изъ ближайшаго зданія, кинулся на него съ новымъ крикомъ: „Стой, кто тамъ? Держи!“ Тяжелая рука ухватила его за рукавъ, дернула...

Онъ вырвался, взмахнулъ своею полосой... Что-то грохнулось о-земь съ глухимъ воплемъ... „Волкъ“, шаркая ладонью по забору, побѣжалъ къ углу къ калиткѣ... Вотъ она: рука удачно набрела прямо на желѣзное кольцо ея. Онъ рванулъ за него—и вылетѣлъ въ поле.

А на дворѣ стояла уже тревога, изъ избъ выбѣгали люди, замелькали фонари, кто-то ударилъ въ колоколъ, созывавшій служащихъ на обѣдъ... „Волкъ“ бѣжалъ безъ оглядки, скользя и утопая въ грязи пустыря, чрезъ который несли его обутыя въ больничные „шлепанцы“ ноги. Ему чудилось преслѣдованіе, людскіе голоса, лошадиный топотъ... И онъ бѣжалъ, едва переводя духъ, потерявъ всякое сознаніе разстоянія, безсильный дать себѣ отчетъ, далеко-ли ему еще до этого лѣса, въ которомъ ждало его спасеніе...

Онъ уже достигъ его, и что-то, словно чернѣе самой ночи, зіяло оттуда на него изъ-подъ нависшихъ вѣтвей и иглъ высокихъ сосенъ, когда на-бѣгу нога его задѣла за широко раскинувшійся корень дерева, и онъ со всего размаха полетѣлъ головой внизъ, разбивъ себѣ при паденіи все лицо въ кровь. Онъ потерялъ на минуту сознаніе и, придя въ себя, вскочилъ на ноги, но тотчасъ же упалъ опять отъ нестерпимой боли зашибленнаго имъ колѣна.

Новый стонъ вылетѣлъ изъ его груди и замеръ тутъ же. До него явственно донеслось фырканье и встряхиванье ло-

шадей на самомъ близкомъ отъ него разстояніи. „Это отъ Троженкова“, сказалъ онъ себѣ; пересиливая боль, онъ поднялся опять и направился хромая на эти звуки.

— Эй, тамъ, помоги! рѣшился онъ крикнуть, хватаясь за стволъ дерева, чтобы не свалиться еще разъ.

— Тутъ, пожалуйте, отозвался на это шопотливо чей-то голосъ.

— Подойдите, я расшибся, итти не могу.

— Вы изъ больницы? спросилъ тотъ же голосъ, и чья-то рука дотронулась до него.

— А вы изъ Быкова?

— Такъ точно, Степанъ Акимовичъ прислали, я васъ два часа мѣста больше какъ жду здѣсь... Счастливо выбраться изволили? хихикнулъ къ этому знакомый читателю Ѳедька.

— Убилъ тамъ кого-то, должно быть, отвѣтилъ на это какъ бы невольно „Волкъ“;—ну, усади меня тамъ скорѣе и вези; мочи нѣтъ.

Ѳедька довелъ его до телѣжки, усадилъ, подсѣлъ къ нему, и лошади, гулко шлепая по лужамъ и промоинамъ лѣсной дороги, побѣжали крупною рысью по пути къ Быкову.

XIV.

Часу въ одиннадцатомъ утра на другой день послѣ переданнаго нами читателю, тарантасъ исправника Ипатьева подъѣзжалъ ко крыльцу большаго дома въ Сицкомъ, гдѣ молодой губернаторъ и дядя его, дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ Государственнаго Совѣта, Алексѣй Сергѣевичъ Колонтай имѣли пребываніе уже третій день.

Исправникъ выскочилъ изъ экипажа и вошелъ въ сѣни, изъ которыхъ вышелъ ему навстрѣчу благообразный слуга во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, изъ цѣлой команды слугъ, выписанной въ послѣднее время Провомъ Ефремовичемъ Сусальцевымъ изъ Москвы, по требованію его изящной супруги. Рубахи съ косымъ воротомъ, подстриженные въ скобку волосы изъяты были вовсе теперь изъ обращенія въ Сусальцевскихъ палатахъ, поставленныхъ вновь „на вполнѣ европейскую ногу“, какъ выражался Евгеній Александровичъ Зяблинъ.

— Мнѣ требуется видѣть господина губернатора, объяснилъ исправникъ,—проведите меня пожалуйста къ нему.

Слуга замялся нѣсколько:

— Они въ настоящую минуту изволятъ завтракать съ прочими господами...

— Все равно, доложите.

Тотъ какъ бы недоумѣло глянулъ на него изподлобья, провелъ рукой по весьма внушительнымъ бакенбардамъ, пушисто топырившимся по его щекамъ, и направился затѣмъ неторопливымъ шагомъ къ лѣстницѣ, уставленной кадками съ померанцовыми деревьями до самаго перваго этажа.

Прошло пять минутъ, прошло десять,—онъ не возвращался.

Ипатьевъ расхаживалъ вдоль и поперекъ пространныхъ сѣней, уткнувшись глазами въ землю и нервно пощипывая кончики усовъ. „Точно просителя какого заставляютъ ждать“, невольно приходило ему на мысль.

— Пожалуйте! раздалось наконецъ сверху.

Онъ поднялся по ступенькамъ.

— Просятъ обождать, они къ вамъ выйдутъ, объявилъ слуга, введя его въ первую гостиную, гдѣ на стѣнѣ висѣлъ все тотъ же „portrait d'ancêtre“, Екатерининскій генералъ-аншефъ князь Шастуновъ на боевомъ конѣ, повѣшенный сюда княгинею Аглаей Константиновной *) и проданный Сусальцеву вмѣстѣ со всею прочею родовою движимостью Сицкаго ея безпутнымъ „Базилемъ“.

Тутъ пришлось исправнику ждать еще минутъ двадцать, и съ каждою минутой становилось ему все тяжелѣе. Онъ мелькомъ взглянулъ на образъ свой, отражавшійся въ одномъ изъ огромныхъ зеркалъ, украшавшихъ стѣны гостиной, на цвѣтные канты своего полицейскаго мундира. „Почитаютъ за одно съ лакеемъ“. И желчная улыбка скривила его губы.

Но вотъ отворилась дверь ближайшаго покоя и въ комнату вышелъ Аполлонъ Савельевичъ Савиновъ въ лѣтнемъ, ослѣпительно бѣломъ и мастерски выглаженномъ coutil съ головы до ногъ, клѣтчатомъ шотландскомъ галстучкѣ и съ папироской въ правой рукѣ.

Онъ протянулъ два пальца лѣвой своему подчиненному и, прищурившись:

— Я завтракалъ, извините, уронилъ онъ небрежно: — вы ко мнѣ по дѣлу, или какъ добрый знакомый? добавилъ онъ въ видѣ любезной шутки.

Но „майору съ Балканъ“ шутка эта показалась неумѣстною:

— Знакомство мое съ вашимъ превосходительствомъ зависитъ единственно отъ служебныхъ отношеній, и на другое

*) *Четверть вѣка назадъ*. Ч. I.

я не почитаю себя въ правѣ претендовать, сухо выговорилъ онъ въ отвѣтъ.

Едва замѣтное смущеніе пробѣжало въ мышиныхъ глазкахъ губернскаго сановника, но онъ тотчасъ же подавилъ его, усмѣхнулся чуть-чуть насмѣшливо и склонилъ голову полупоклономъ:

— Въ такомъ случаѣ мнѣ остается только выслушать то, что вы имѣете мнѣ сообщить.

Онъ повернулъ къ себѣ близъ стоявшее кресло, уронилъ себя въ его мягкое сидѣнье, закинувъ ногу за ногу и указалъ рукой исправнику на другое кресло противъ себя:

— Сдѣлайте милость.

— Я счелъ долгомъ пріѣхать доложить вашему превосходительству, началъ медленно тотъ,—что нынѣшнею ночью изъ земской больницы въ городѣ ушелъ переведенный туда изъ острога третьяго дня, по приказанію товарища прокурора, политическій арестантъ, о которомъ вашему превосходительству извѣстно.

— А, да, этотъ Бобруйскій, знаю... Какъ же это онъ ушелъ, интересно? спросилъ губернаторъ съ тѣмъ выраженіемъ любопытства, съ какимъ досужій читатель пробѣгаетъ дневникъ происшествій въ своей газетѣ.

Исправникъ передалъ фактъ бѣгства такъ, какъ онъ уже извѣстенъ нашему читателю.

Аполлонъ Савельевичъ покачалъ головой и засмѣялся:

— Ловко однако!.. И зашибъ этого сторожа, вы говорите... Серьезно?

— Оказалось, къ счастію, не опасно... Разсѣкъ кожу на черепѣ однако...

— Удивительно рѣшительный этотъ народъ, надо признаться, заключилъ сановникъ въ видѣ морали басни.—Вы говорите, онъ скрылся въ лѣсу?

— Такъ точно. Слѣды его ногъ въ больничныхъ туфляхъ ясно отпечатались на мокрой землѣ до самой опушки лѣса.

Тамъ ждалъ его экипажъ, телѣга или тарантасъ, который увезъ его далѣе. Это видно изъ свѣжей колеи, проведенной колесами этого экипажа, и изъ того, что слѣды его подошвъ

пропадаютъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ опушки, смѣшиваясь съ отпечаткомъ ступней человѣка въ обыкновенныхъ сапогахъ, который очевидно ждалъ его тутъ съ лошадьми. Предъ тѣмъ, какъ ему влѣзть въ телѣгу, онъ, надо полагать, гдѣ-нибудь зацѣпился и поранилъ себя, такъ какъ видны слѣды крови на одномъ мѣстѣ посуше, гдѣ дождь не успѣлъ смыть ихъ.

— А вы ужь успѣли побывать на мѣстѣ?

— На зарѣ выѣхалъ произвести дознаніе.

— Д-да, протянулъ неопредѣленно губернаторъ,—и куда же это могли увезти его?

Короткая усмѣшка пробѣжала по губамъ исправника:

— Весьма недалеко-съ.

— А! Вы почемъ же знаете?... Ну да, конечно, какъ бы вдругъ догадался Аполлонъ Савельевичъ,—вы прослѣдили колеи, оставленныя этими колесами?

— Колеи дѣйствительно идутъ по тому направленію, но для меня и безъ этого совершенно ясно, что его могли увезти только въ одно мѣсто, куда я и отправилъ одного человѣка прослѣдить его окончательно и гдѣ, не сомнѣваюсь, можно будетъ арестовать его сегодня.

— Какое же это мѣсто?

И брови губернатора строго и многозначительно сдвинулись.

— Быково называется. Владѣлецъ его, по фамиліи Троженковъ, человѣкъ давно извѣстный по неблагонамѣренности своей и состоящій у насъ подъ негласнымъ надзоромъ, былъ когда-то корреспондентомъ лондонскаго *Колокола*...

— Человѣкъ интеллигентный значитъ?

Ипатьевъ чуть-чуть поморщился.

— Это ужь какъ понимать, проговорилъ онъ съ невольною пренебрежительною улыбкой,—а только что онъ тутъ въ уѣздѣ пользуется, и основательно, весьма незавидною репутаціей, держитъ цѣлую массу кабаковъ, занимается кулачествомъ, а при этомъ разыгрываетъ какого-то либерала, интригуетъ и мутитъ противъ всѣхъ здѣшнихъ порядочныхъ людей.

— А „порядочными“ кого вы именно называете? ухмыль-

нулся въ свою очередь, прищурившись на говорившаго, его собесѣдникъ.

— Я уже имѣлъ честь докладывать вашему превосходительству въ городѣ: въ настоящую пору весь должностной персоналъ дворянства и земства здѣшняго уѣзда состоитъ изъ лицъ совершенно почтенныхъ, начиная съ предводителя, который, къ сожалѣнію, принужденъ теперь по болѣзни отказаться отъ должности...

— Да, знаю, изъ бывшихъ севастопольскихъ героевъ... Ну, *генералъ* Троекуровъ само собою, о которомъ мнѣ постоянно приходится слышать теперь? подчеркнулъ съ нѣсколько насмѣшливымъ оттѣнкомъ Аполлонъ Савельичъ.

— Дѣйствительно, подтвердилъ Ипатьевъ,—человѣкъ изъ ряду выходящій.

— Вы находите?...

Губернскій сановникъ прищурился опять и закурилъ новую папироску:—онъ, говорятъ, феодаломъ какимъ-то держитъ себя здѣсь.

— Не замѣчалъ, ваше превосходительство, коротко отвѣтилъ на это тотъ.

— Такъ вы что же, заговорилъ послѣ небольшаго молчанія его начальникъ,—полагаете ѣхать арестовать этого Бобруйскаго у господина Троженкова?

— Такъ точно; я такъ думалъ даже прямо отсюда...

Губернаторъ не далъ ему договорить:

— Я смѣю думать, со своей стороны, что если онъ тамъ и дѣйствительно находится, такъ все-таки его вамъ такъ прямо руками не выдадутъ.

— Само собою; придется тщательный обыскъ произвести.

Аполлонъ Савельичъ вскинулъ голову вверхъ съ нѣкіимъ негодующимъ видомъ:

— Другими словами, ворветесь въ домъ совершенно, быть можетъ, мирнаго и непричастнаго къ дѣлу этого бѣгства гражданина, такъ какъ положительныхъ уликъ вы противъ него не имѣете и основываетесь только на личныхъ вашихъ догадкахъ, потревожите его спокойствіе, неприкосновенность его home, какъ говорятъ Англичане, и все это для того,

чтобы, по всей вѣроятности, ничего не найти и подать поводъ только къ новымъ нареканіямъ на *произволъ* администраціи... Позвольте,—и новый просвѣщенный представитель этой „администраціи“ остановилъ величественнымъ движеніемъ руки чаемое возраженіе со стороны своего очевидно придерживавшагося „старыхъ взглядовъ“ подчиненнаго,—я имѣю со своей стороны нѣкоторыя свѣдѣнія о лицѣ, котораго вы заподозриваете, какъ участника въ бѣгствѣ вашего арестанта. Господинъ Троженковъ, здѣшній землевладѣлецъ, принадлежитъ къ земской партіи, состоящей въ настоящую минуту не во власти, слѣдовательно партіи, легально *оппозиціонной*, говоря европейскимъ парламентскимъ языкомъ, и съ этой стороны придираться къ нему мы не имѣемъ никакого права. Положимъ, что, помимо этого, онъ придерживается убѣжденій нѣсколько крайнихъ, но и до этого намъ съ вами дѣла нѣтъ, позволю я себѣ замѣтить. Мы, слава Богу, дожили, кажется, въ Россіи до той степени гражданскаго пониманія, когда за убѣжденія людей не преслѣдуютъ, если за ними нѣтъ фактовъ, свидѣтельствующихъ прямо о какомъ-нибудь зломъ умыслѣ. А вѣдь вы такихъ фактовъ въ оправданіе того *насильственнаго* обыска, который вы намѣрены произвести у него, представить не можете, я полагаю. Но допустимъ, что арестантъ дѣйствительно увезенъ Троженковымъ,—кто вамъ поручится, что вы найдете его тамъ? Не слѣдуетъ-ли предполагать, напротивъ, что онъ его, въ такомъ случаѣ, въ прошлую же ночь успѣлъ отправить далѣе, или такъ припряталъ, что никакіе ваши обыски ничего не въ состояніи будуть открыть? Въ обоихъ случаяхъ изъ этого выйдетъ только скандалъ на весь уѣздъ, на всю губернію, новые крики, новое возбужденіе общественнаго мнѣнія противъ власти, которая теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, должна бояться возбуждать его противъ себя и держаться относительно его какъ можно осторожнѣе и... скромнѣе, прямо скажу.

Ипатьевъ поднялъ на начальника свои строгіе, серьезные глаза и воззрился въ него съ видомъ глубокаго изумленія.

— Какъ же быть однако, ваше превосходительство? медленно выговорилъ онъ:—фактъ тотъ, что арестованный чело-

вѣкъ ушелъ изъ мѣста заключенія, что полиція имѣетъ полное основаніе предположить, что онъ нашелъ убѣжище тамъ-то; слѣдуетъ ей, или нѣтъ, исполнить прямую свою обязанность, то-есть, употребить всѣ зависящія отъ нея мѣры задержать его тамъ, гдѣ онъ находится, или выслѣдить дальнѣйшій путь его слѣдованія, если его уже тутъ нѣтъ?

Губернатора слова эти какъ бы сбили нѣсколько съ позиціи; онъ нахмурился.

— Все это прекрасно, сказалъ онъ, пріискавъ новый аргументъ,—но здѣсь дѣло идетъ не о какомъ-нибудь простомъ арестантѣ, а о политическомъ; относительно этихъ лицъ существуютъ особыя правила; иниціатива здѣсь принадлежитъ не полиціи; она въ этихъ случаяхъ должна служить лишь послушнымъ орудіемъ распоряженія двухъ спеціально поставленныхъ для этого учрежденій: прокурорскаго надзора и жандармскаго начальства. Имѣете-ли вы отъ нихъ полномочіе на обыскъ у господина Троженкова?

— Товарищъ прокурора и здѣшній жандармскій штабъ-офицеръ уѣхали вчера въ Москву, отвѣтилъ Ипатьевъ,— я имъ телеграфировалъ по первомъ извѣстіи о случившемся, но до сихъ поръ отвѣта не имѣю ни отъ того, ни отъ другаго.

— Вотъ видите! хихикнулъ какъ бы побѣдно Аполлонъ Савельевичъ.

— Я вслѣдствіе того, холодно возразилъ исправникъ,—и счелъ нужнымъ пріѣхать доложить объ этомъ вашему превосходительству. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ смыслѣ тѣхъ отвѣтовъ, которыхъ я жду отъ этихъ господъ, но они могутъ запоздать еще, а время между тѣмъ теряется, и бѣжавшій дѣйствительно направленъ можетъ быть куда-нибудь дальше своимъ соучастникомъ.

Спокойный, самостоятельный тонъ, съ которымъ говорилъ съ нимъ этотъ его подчиненный „изъ фронтовиковъ“, рѣшительно не нравился Аполлону Савельевичу и оскорблялъ его внутренно какою-то чуемою имъ нотой какъ бы презрѣнія къ его, какъ онъ понималъ, вполнѣ „интеллигентнымъ“ и „современнымъ“ *воззрѣніямъ*.

— Вы, сдѣлайте милость, меня въ это дѣло не вмѣши-

вайте, вскликнулъ онъ раздраженно, — а поступайте на свой страхъ, какъ знаете... Я, надо вамъ сказать, врагъ всякаго лишняго усердія, такъ какъ изъ моей служебной опытности убѣдился, что оно ведетъ всегда къ послѣдствіямъ, о которыхъ приходится потомъ жалѣть... И вамъ могу предложить только тотъ же совѣтъ.

Блѣдныя губы Ипатьева дрогнули:

— Изъ этихъ словъ вашего превосходительства мнѣ слѣдуетъ заключить, что никакихъ мѣръ для поимки убѣжавшаго арестанта мнѣ принимать не слѣдуетъ? вѣско отчеканилъ онъ.

Изящный губернаторъ окончательно осердился:

— Вы ничего подобнаго изъ моихъ словъ заключать не въ правѣ; я вамъ выразилъ мое мнѣніе, а затѣмъ предоставляется вамъ поступать по вашему усмотрѣнію... А что до *усердія*, такъ я вамъ сказалъ не даромъ: мнѣ именно съ этой стороны жаловалось на васъ одно изъ спеціальныхъ лицъ, отъ которыхъ вы ждете теперь отвѣта на вашу телеграмму. Говорятъ, что при исполненіи вашихъ обязанностей вы руководствуетесь лишь однимъ жесткимъ примѣненіемъ буквы закона и совершенно пренебрегаете тою гуманною осмотрительностію, безъ которой нельзя обойтись въ нашъ вѣкъ, если мы, то-есть, администрація, не хотимъ оказаться окончательно одіозными въ глазахъ общественнаго мнѣнія.

Ипатьевъ выслушалъ до конца, чуть-чуть усмѣхнулся кончикомъ губъ и всталъ въ ростъ.

— Въ прежнее время, ваше превосходительство, люди въ моей должности получали замѣчанія отъ начальства въ случаѣ какого-нибудь упущенія по службѣ; въ настоящемъ случаѣ я получаю таковое отъ васъ за слишкомъ точное исполненіе моихъ обязанностей. Но я иначе служить не умѣю и не желаю.

Юркіе глазки губернскаго сановника забѣгали теперь съ пугливымъ выраженіемъ сторожеваго *овражка* въ новороссійскихъ степяхъ.

— Почтеннѣйшій.... онъ старался припомнить его имя и отчество и никакъ не могъ,—почтеннѣйшій... майоръ, спѣш-

но заговорилъ онъ, — вы меня не поняли... я васъ попрошу присѣсть опять и выслушать.

Голосъ его зазвенѣлъ чуть не умоляющимъ звукомъ.

Но его тутъ же откинуло какимъ-то особымъ теченіемъ мысли въ совершенно противоположную сторону. Онъ поднялся съ мѣста въ свою очередь.

— А впрочемъ, произнесъ онъ съ величавымъ движеніемъ руки, которому могъ бы позавидовать самъ графъ Павановъ, родоначальникъ *администраторовъ* того сорта, къ коему принадлежалъ Аполлонъ Савельевичъ Савиновъ,—а впрочемъ, я не привыкъ стѣснять ничьей свободы; если вы находите, что убѣжденія ваши не дозволяютъ вамъ служить со мною...

— Я буду имѣть честь прислать вамъ формальную просьбу объ увольненіи меня отъ должности сегодня же изъ города, невозмутимо выговорилъ на это исправникъ, поклонился и направился къ двери.

„А какъ же въ самомъ дѣлѣ съ этимъ арестантомъ“, вспомнилось вдругъ губернатору: „вѣдь онъ теперь станетъ всѣмъ разсказывать, что я не дозволилъ ему принять своевременныя мѣры... Можетъ дойти до московской печати...“

Онъ кинулся было вслѣдъ уходившему, но пріостановился опять. „Тарахъ au fait скажетъ мнѣ за это великое спасибо, и въ судебномъ вѣдомствѣ я буду находить послѣ этого полную поддержку... Mais quel fichu métier“, заключилъ онъ, подумавъ опять,—„не даромъ говорятъ: положеніе *хуже губернаторскаго.*“

Онъ усмѣхнулся остроумію этой ходячей поговорки, ловко швырнулъ окурокъ своей папироски въ пустой очагъ сосѣдняго камина, оглянулъ съ видимымъ удовольствіемъ въ стоявшемъ надъ нимъ зеркалѣ изящное отраженіе своего бѣлоснѣжнаго coutil и шотландскаго галстучка, и отправился, глядя по пути съ неменьшимъ удовольствіемъ на блестящіе носки своихъ escarpins, въ апартаментъ прекрасной хозяйки Сицкаго, за которою третій день отчаянно ухаживалъ.

XV.

Въ пятомъ часу въ тотъ же день Провъ Ефремовичъ Сусальцевъ забѣжалъ въ большую, отдѣланную имъ въ „русскомъ стилѣ“, столовую, взглянуть послѣднимъ хозяйскимъ взглядомъ на убранство стола къ „парадному обѣду“, который давалъ онъ въ этотъ день своимъ „именитымъ гостямъ“. „Убранствомъ“ онъ остался доволенъ и, замѣтивъ pro forma распоряжавшемуся тутъ толстопузому, весьма внушительнаго вида метрдотелю, чтобы „не перемораживать шампанскаго, а подать въ аккуратѣ“, собирался кстати зайти въ кухню для какихъ-то инструкцій повару, выписанному имъ за большія деньги изъ Москвы, но вмѣсто кухни быстро повернулся и устремился въ сѣни, завидѣвъ чрезъ окно подъѣзжавшую къ крыльцу дома коляску.

Въ колясѣ этой сидѣли Борисъ Васильевичъ Троекуровъ и Гриша Юшковъ.

— Ваше превосходительство!... Григорій Павловичъ! восклицалъ хозяинъ, встрѣчая ихъ на крыльцѣ и пожимая имъ руки съ выраженіемъ самой нелицемѣрной радости во всей своей массивной фигурѣ. — А Александра Павловна что же, а ваша прелестная барышня? залепеталъ онъ тутъ же съ видимымъ безпокойствомъ, вскидывая глаза въ даль: — или онѣ за вами ѣдутъ?

— Жена вчера, гуляя въ саду, оступилась, вытянула себѣ жилу въ ногѣ и принуждена была лечь, а Маша никуда безъ нея не выѣзжаетъ... Мнѣ очень жаль, прибавилъ учтиво Троекуровъ.

Лицо Сусальцева видимо омрачилось. Онъ подхватилъ Бориса Васильевича подъ локоть и наклонился къ нему, давая пройти впередъ его молодому спутнику:

— Ваше превосходительство, извините меня, залепеталъ онъ,—но я такъ дорожу вашимъ... добрымъ расположеніемъ, и какъ я знаю, сколько это будетъ моей женѣ больно... и, можно даже сказать, обидно, позвольте просить васъ сказать мнѣ откровенно: не имѣется-ли—„у генеральши“, срывалось у него съ языка, но онъ сдержался и сказалъ:—у Александры Павловны какой-нибудь особой причины... избѣгать, такъ сказать, знакомства съ нами?

Борисъ Васильевичъ успокоительно усмѣхнулся..

— Полноте, любезнѣйшій Провъ Ефремовичъ, я вамъ не лгу, говоря, что жена лежитъ, а какъ только поправится, она непремѣнно будетъ у вашей супруги.

— Конечно, пробормоталъ бѣдный Провъ Ефремовичъ, стараясь принять шутливый тонъ, — съ официальнымъ, такъ сказать, визитомъ... Но я полагалъ такъ, чтобы попросту, по-сосѣдски... Или, можетъ быть, она думала, что можетъ у насъ встрѣтиться за обѣдомъ съ кѣмъ-нибудь для себя... и для васъ непріятнымъ? добавилъ онъ уже совсѣмъ шопотомъ.

— Съ кѣмъ же это? спросилъ нахмурившись Троекуровъ.

Сусальцевъ сразу сконфузился. Онъ имѣлъ въ виду графа Снядецкаго-Лупандина и Острометова, съ которыми былъ знакомъ, но вслѣдствіе „отказа имъ отъ дома“ у Троекуровыхъ не пригласилъ ихъ на сегодняшній обѣдъ; — теперь же онъ сразу понялъ, что „далъ маху“, и что никакъ не слѣдовало дать разумѣть, что онъ объ этомъ знаетъ.

— Нѣтъ, принялся онъ изворачиваться, — я хотѣлъ сказать, что никого мы на сегодняшній обѣдъ не приглашали изъ здѣшнихъ, окромя вашего семейства... и само собою наши гости, губернаторъ нашъ съ дядюшкою Алексѣемъ Сергѣевичемъ Колонтаемъ и генераломъ Бахратидовымъ, получившимъ, какъ вамъ извѣстно, новое назначеніе на Югѣ. Мы съ нимъ по Парижу давно знакомы, и вотъ онъ теперь сдѣлалъ любезность женѣ заѣхать по пути къ намъ... Оказывается, онъ вашего превосходительства старый сослуживецъ и отзывается

о васъ самымъ, то-есть, дружескимъ и, можно даже сказать, восторженнымъ образомъ; жалѣетъ, что вы рано покинули службу, что васъ ожидала блестящая карьера.

Борисъ Васильевичъ слабо усмѣхнулся и качнулъ головой.

— Да, я его давно знаю...

Все это говорилось, пока они медленными шагами проходили чрезъ сѣни и подымались по мраморнымъ ступенямъ уставленной померанцовыми деревьями лѣстницы, на верхней площадкѣ которой стоялъ въ ожиданіи ихъ Гриша Юшковъ. Молодой человѣкъ былъ видимо въ самомъ скверномъ расположеніи духа. Онъ пріѣхалъ сюда единственно потому, что это было, какъ выражался онъ мысленно, потребовано у него отцомъ *Маши* „въ видѣ испытанія его *твердости*“, — и эта мысль глубоко раздражала его. „Какая-то вѣчная опека, надзоръ за мною, какъ за ребенкомъ, недовѣріе“... Онъ упорно молчалъ во все время пути отъ Всесвятскаго къ Сицкому. Борисъ Васильевичъ не прерывалъ этого молчанія: онъ угадывалъ источникъ его, и въ свою очередь, уткнувшись въ уголъ коляски, глядѣлъ прищурившимися глазами въ даль, погруженный въ свою обычную невеселую думу.

Прекрасная хозяйка Сицкаго, само собою, сочла за басню „исторію“ вытянутой жилы Александры Павловны Троекуровой (хотя тутъ дѣйствительно ничего выдуманнаго не было, и Троекурова лежала съ холодными компрессами на ногѣ въ своемъ будуарѣ,) и приняла это за прямое доказательство нежеланія со стороны этой „précoge“ вести знакомство съ нею, Сусальцевою. Но, какъ ни глубоко оскорбилась она этимъ, ни единый мускулъ не дрогнулъ въ ея лицѣ, когда Провъ Ефремовичъ, введя въ гостиную новоприбывшихъ, счелъ первымъ дѣломъ нужнымъ торопливо и вздыхая доложить ей о „прискорбномъ случаѣ, лишающемъ ихъ удовольствія“ и такъ далѣе.

— C'est bien fâcheux! произнесла она тономъ банальнаго сожалѣнія, величественно протягивая руку Троекурову съ кушетки, на которой полулежала въ волнахъ своего шелка и кружевъ, окруженная избранными лицами, гостившими въ это время подъ ея роскошнымъ кровомъ.

— Le général Troécourof, выговорила она протяжно, обнимая ихъ всѣхъ однимъ лѣнивымъ взглядомъ.

Громкія восклицанія раздались на это въ отвѣтъ.

— Троекуровъ, cher ami, какъ давно!

И Алексѣй Сергѣевичъ Колонтай, быстро поднявшись съ кресла, заспѣшилъ съ обѣими протянутыми руками къ вошедшему.

— А ну-ка, ну-ка, увидимъ, узнаешь-ли стараго камрада? засмѣялся въ свою очередь сидѣвшій подлѣ хозяйки темнокудрый генералъ съ южнымъ типомъ лица. — Въ одной палаткѣ жили, подъ одною буркой ночевать случалось, обратился онъ, лукаво почему-то подмигивая своей красавицѣ-сосѣдкѣ.

— Узнаю, перемѣнился мало наружно, а внутренно какъ, не знаю, засмѣялся со своей стороны Борисъ Васильевичъ, обмѣнявшись дружескимъ рукожатіемъ съ Колонтаемъ.

Генералъ прыгнулъ съ мѣста и кинулся обнимать его:

— Тотъ же все братъ, теплый человѣкъ, душа-человѣкъ, какъ былъ, возгласилъ онъ такимъ тономъ, что въ сущности слова эти могли равно относиться и къ „старому камраду“, и къ нему самому.

— Скажи, зачѣмъ ты совсѣмъ исчезъ съ горизонта, сколько вѣдь ужъ лѣтъ хоть бы плюнуть пріѣхалъ въ Петербургъ, говорилъ Колонтай.

— Онъ это и дѣлаетъ: плюетъ на него и дома сидитъ, острилъ весело генералъ.

— Насъ радуетъ за то его превосходительсто пребываніемъ своимъ межъ насъ, ввернулъ свое слово хозяинъ и самодовольно улыбнулся такому „ловкому“ своему комплименту.

— Нечего мнѣ у васъ дѣлать, отвѣтилъ съ насилованною шутливостью Троекуровъ.

— И правда твоя, братъ, правда, поддакнулъ генералъ,— нечего въ Петербургѣ здоровымъ людямъ дѣлать. Я и самъ не долго тамъ оставался, а какъ выѣхалъ, такъ точно изъ погреба на свѣжій воздухъ вылѣзъ.

— Не уйдешь вѣдь отъ него рано или поздно, сказалъ ему на это Алексѣй Сергѣевичъ съ какимъ то многозначительнымъ, показалось Троекурову, оттѣнкомъ въ интонаціи.

Генералъ замахалъ обѣими руками:

— Богъ съ нимъ, Богъ съ нимъ! Вотъ *временную* свою должность исполню, да и сбѣгу на хуторочекъ какой, чтобы виноградничекъ былъ, да орѣшникъ большой съ тѣнью; такъ тамъ и застряну до самой смерти.

— Какъ великіе люди древняго Рима, засмѣялась хозяйка, — уходившіе послѣ тріумфовъ къ себѣ въ имѣніе, землю пахать и капусту садить?

— Именно, именно, прекрасная женщина! расхохотался онъ горловымъ смѣхомъ и, завладѣвъ ея рукой, приникъ къ ней галантнымъ поцѣлуемъ.

— Познакомьте меня съ господиномъ Троекуровымъ, шепталъ тѣмъ временемъ Аполлонъ Савельевичъ Савиновъ, находившійся тутъ же, на ухо хозяину дома.

Сусальцевъ засуетился.

— Ахъ, Боже ты мой, извините!.. Ваше превосходительство, Борисъ Васильевичъ, позвольте познакомить: нашъ новый, молодой начальникъ губерніи, Апо...

— Мой племянникъ, обернулся Колонтай къ Троекурову,— прошу любить и жаловать.

— Я очень радъ случаю, заговорилъ льстиво „племянникъ“,—ко мнѣ со всѣхъ сторонъ доходитъ такъ много о высшей степени полезной дѣятельности здѣсь вашего превосходительства...

— Мнѣ о *вашей* также пришлось слышать не далѣе какъ часъ тому назадъ, отвѣтилъ ему на это весьма для него неожиданно Троекуровъ.

— Вотъ какъ, молвилъ онъ съ невольнымъ ощущеніемъ, вызваннымъ далеко „не симпатичнымъ ему“, понялъ онъ тотчасъ же, выраженіемъ стальныхъ глазъ „этого господина“:— я въ губерніи безъ году недѣля, отъ кого же могли вы слышать...

— Отъ здѣшняго исправника... или вѣрнѣе *бывшаго* исправника, Ипатьева, такъ какъ онъ, кажется, принужденъ вами теперь подать въ отставку.

Глазки интеллигентнаго юнаго сановника такъ и разбѣгались; на щекахъ выступила краска:

— Это не совершенно согласно съ истиной, ваше превосходительство, началъ было онъ уже кисло, но въ то же время генералъ Бахратидовъ подхватилъ „стараго камрада“ подъ руку и быстро отвелъ его въ сторону:

— Я такъ радъ, братъ, встрѣтить тебя здѣсь; ты такой умный былъ всегда, голова твоя толковая, посовѣтоваться бы съ тобою хотѣлъ, чтобы поучилъ ты меня. Попалъ я теперь, братъ, знаешь, самъ ужь я и не знаю какъ, на высокій административный постъ, во время такое трудное, и самъ не знаю, прямо тебѣ скажу, на какомъ инструментѣ теперь играть.

Борисъ Васильевичъ засмѣялся:

— Сколько помню, здравый смыслъ у тебя всегда былъ; вотъ тебѣ и „инструментъ“.

Генералъ подмигнулъ и ущипнулъ ему локоть:

— Такъ, братъ, и я своимъ умишкомъ разумѣлъ, да вотъ какъ побылъ теперь въ Петербургѣ, такъ и совсѣмъ съ панталыку сбился: тамъ теперь совсѣмъ иное требуется.

— Чѣмъ *здравый* смыслъ? договорилъ Троекуровъ:—такъ ты что же, полагаешь, что тебѣ отъ своего отказаться нужно?

Бахратидовъ со смѣхомъ принялся трепать его по спинѣ:

— Эхъ ты, бритва старая, все также остро брѣешь!.. Поговорить мнѣ надо съ тобою по душѣ; вотъ какъ-нибудь послѣ обѣда найдется случай. Самъ бы къ тебѣ пріѣхалъ, да спѣшу на мѣсто, въ ночь отсюда выѣзжаю.

Гриша Юшковъ въ это время, войдя въ слѣдъ за Борисомъ Васильевичемъ, стоялъ нѣсколько поодаль оживленной группы говорившихъ, не замѣчаемый ими, и нѣсколько растерянно оглядывался, не зная, садиться-ли ему, или ожидать, пока „усядутся напередъ старшіе“. Онъ какъ бы сквозь туманъ видѣлъ предъ собою красивое пятно тканей, въ которыхъ утопала хозяйка; ему какъ-то безсознательно не хотѣлось вглядываться въ нее пристально.

Но она—онъ это скорѣе почуялъ, чѣмъ увидѣлъ,—подзывала его къ себѣ заморгавшими по его направленію вѣками:

— Вашъ *генералъ* одаренъ повидимому такимъ даромъ *поглощенія*, насмѣшливо сказала она ему, указывая на мѣсто подлѣ себя,—что всѣ меня, какъ видите, покинули для него.

Постарайтесь хоть вы быть нѣсколько любезнѣе... Способны? промолвила она, вглядываясь лучистымъ взглядомъ въ самую глубь его глазъ.

— Насколько съумѣю, постараюсь, отвѣтилъ онъ развязно, храбро выдерживая этотъ взглядъ и говоря себѣ: „прошла пора, напрасно!“...—Только чѣмъ занять васъ, право уже не знаю; я такъ не богатъ мотивами, а вы ихъ столько наслышались съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись, полагаю, и со стольких струнъ.

— А у васъ что же, какъ на родной балалайкѣ, засмѣялась она, — всего двѣ или даже одна? Все равно, концертируйте!

Онъ засмѣялся въ свою очередь:

— Спасибо за сравненіе.

— Балалайка, c'est peu élégant, вы находите?

— Оригинально за то, а вы всегда этимъ отличались.

— Это какъ понимать слѣдуетъ: въ поощреніе мнѣ, или въ уколъ?

— А это ужь рѣшительно какъ вамъ Господь Богъ на душу положитъ.

Она еще разъ какъ бы пытливо глянула ему въ глаза. Онъ еще разъ съ полнымъ повидимому спокойствіемъ выдержалъ этотъ взглядъ.

— Скажите, правда? нежданно спросила она.

— Что? вскликнулъ онъ съ видомъ глубокаго изумленія, хотя какъ-то разомъ угадалъ внутренно, къ чему относился этотъ вопросъ.

— У васъ все кончено, говорятъ?

— Что „кончено“, гдѣ? продолжалъ онъ наружно недоумѣвать.

— Не понимаете?

— Увѣряю васъ, нѣтъ.

Антонина Дмитріевна загадочно усмѣхнулась:

— И я, если хотите, понимаю это съ трудомъ, но это повидимому фактъ. Гнѣвъ на васъ изволили преложить на милость?

И она еле замѣтнымъ движеніемъ указала на Бориса Васильевича Троекурова.

Молодой человѣкъ неудержимо вспыхнулъ по самые глаза.

— Что же для васъ, спросилъ онъ, стараясь сохранить все свое хладнокровіе,—можетъ быть тутъ непонятнаго?

— Многое...

По губамъ ея пробѣжала новая, странная усмѣшка:

— Вы какое намѣрены теперь принять положеніе относительно меня, враждебное или *союзное?*

— „Союзное?“ повторилъ Гриша,—противъ чего или кого же это?

— Contre la malchance, неопредѣленно отвѣтила она: — или вы все того же мнѣнія, что на меня положиться нельзя?

— Сколько мнѣ помнится, вырвалось на это у него,—вы прежде всего не хотѣли сами...

Голосъ его оборвался вдругъ.

— Чего не хотѣла?

— Изображать собою каменную гору, на которую „можно положиться“, отвѣтилъ онъ, уже овладѣвъ собою и насилуя себя опять на шутливый тонъ.

— Такихъ горъ нѣтъ, во-первыхъ, потому что каждая можетъ при извѣстныхъ условіяхъ дать трещину и осыпаться, а во-вторыхъ...

Онъ ждалъ заключенія, но она не договорила и засмѣялась опять:

— Признайте во мнѣ одно доброе качество — откровенность.

Онъ преувеличенно развелъ руками:

— О, на счетъ этого отдаю вамъ полную справедливость.

— Вотъ видите!

— Вы въ этомъ отношеніи самому князю Бисмарку не уступите, продолжалъ молодой человѣкъ съ какою-то странною смѣсью тайнаго раздраженія и удовольствія за то направленіе разговора, которое давало ему возможность, какъ представлялось ему въ эту минуту, „колоть“ ее въ свою очередь.

— Признаю справедливость сравненія, съ комическою

серьозностью выговорила она, — мнѣ не даромъ приходилось слышать въ Европѣ, что я родилась pour être ambassadrice, и я чувствую дѣйствительно въ себѣ всѣ способности какой-нибудь княгини Ливенъ...

И вдругъ какая-то мгновенная искра мелькнула въ ея аквамариновыхъ глазахъ; всякій признакъ шутливости сбѣжалъ съ ея лица. Она опустила вѣки и принялась вертѣть блестящія каменьями кольца на своихъ тонкихъ пальцахъ, какъ бы въ какомъ-то невеселомъ раздумьи.

Гриша съ невольнымъ вниманіемъ глядѣлъ на ея все такъ же прелестное и какъ бы „размягченное“, казалось ему, лицо. „Достигла своего и довольна“, проносилось у него съ какимъ-то горькимъ осадкомъ въ мысли. „И отлично“, спѣшилъ онъ сказать себѣ тутъ же, „между нами теперь глубь океана.“ И онъ какъ-то преувеличенно усмѣхался и поглядывалъ въ сторону Бориса Васильевича Троекурова: „ты видишь-молъ, что я ея не боюсь.“

Но Борисъ Васильевичъ продолжалъ разговаривать съ генераломъ Бахратидовымъ и Колонтаемъ и не глядѣлъ въ его сторону.

Антонина Дмитріевна подняла голову:

— А что̀ сестра моя, все еще во Всесвятскомъ? проговорила она съ разсѣяннымъ видомъ:—отчего она не пріѣхала съ вами?

— Вы ея, кажется, не звали, подчеркнулъ все съ тѣмъ же намѣреніемъ укола Григорій Павловичъ.

Она усмѣхнулась чуть-чуть:

— Къ чему? Ей и тамъ хорошо.

— А здѣсь она вамъ не нужна?

— Нисколько, подтвердила Антонина Дмитріевна самымъ невозмутимымъ тономъ, и чрезъ мигъ:—что̀ она, не ревнуетъ?

— Къ кому это?

— Разумѣется, къ вамъ; вѣдь это такое давнее обожанье...

— У Настасьи Дмитріевны одно обожаніе—ея искусство, отвѣтилъ холодно и рѣзко Гриша,—она особа, достойная величайшаго уваженія.

— Совершенно вѣрно! кивнула одобрительно Сусальце-

ва,—и я, признаюсь, всегда удивлялась въ оны дни, какъ вы не обращали на нее того вниманія, котораго она всегда заслуживала.

— Вы ошибаетесь: то, что я вамъ выразилъ теперь про Настасью Дмитріевну, я всегда про нее думалъ.

— Ну да, засмѣялась она уже громко:—on respecte, mais on n'épouse pas... А знаете, продолжала она, не давая ему времени на возраженіе,—вѣдь она создана была для васъ; вы всегда хотѣли *души*, идеальныхъ стремленій, добродѣтели и страсти, или, вѣрнѣе, добродѣтельной страсти, la passion dans la vertu, — все это могла дать она въ изобиліи, съ придачей великолѣпнѣйшихъ въ мірѣ глазъ,—потому что у сестры моей Насти глаза необыкновенно хороши, вы согласитесь,—и прелести *„искусства“*, подчеркнула она съ эмфазомъ,—которое вы такъ высоко цѣните. А вы мимо всего этого прошли съ холоднымъ равнодушіемъ, чтобъ отдать въ ваши лѣта, говоря поэтическимъ языкомъ, паруса вашей ладьи на произволъ семнадцатилѣтняго шкипера.

Гришу Юшкова всего повело отъ этихъ словъ:

— Вы все такъ же остроумны, Антонина Дмитріевна, отчеканилъ онъ,—но личность моя, право, не стоитъ того, чтобъ объ нее притуплялись ваши стрѣлы. Есть предметъ, гораздо болѣе интересный не только для вашего собесѣдника, но и для васъ самихъ: это—сами вы. Съ тѣхъ поръ, какъ вы вышли замужъ, вы такъ много видѣли мѣстъ и людей, вынесли такъ много новыхъ своеобразныхъ впечатлѣній и радостныхъ чувствъ...

— Столько новой скуки, столько тоски! къ невыразимому удивленію его какъ бы вырвалось у нея вдругъ, съ неодолимою, показалось ему, силой искренности. На сердцѣ у него что-то екнуло. Онъ вскинулъ на нее глаза и тутъ же отвелъ ихъ.

— Никакихъ радостныхъ чувствъ и не ожидала я, выходя замужъ, договорила она какъ бы въ объясненіе, отвернулась отъ него и, прищурившись съ мѣста въ сторону мужа, подозвала его къ себѣ движеніемъ головы.

Онъ ринулся къ ней съ противоположнаго конца гостиной.

— Пора обѣдать, кажется, уронила она въ полголоса.

Онъ быстро вытащилъ часы изъ кармана:

— A la minute, madame, à la minute, поспѣшно отвѣтилъ онъ давно заученною и обычною ему съ Парижа фразой, — въ шесть часовъ ровно приказано подавать, остается до срока тридцать двѣ секунды.

Двери дѣйствительно чрезъ мигъ отворились на обѣ половинки, и пузатый метрдотель торжественно возгласилъ съ порога:

— Кушанье подано.

Хозяйка поднялась съ мѣста.

— Vos bras, messieurs! сказала она смѣясь, проходя мимо генерала Бахратидова и Колонтая:—вы оба такъ важны, что между вами я не знала бы, кого выбрать.

Оба они кинулись къ ней; она продѣла руки подъ локти ихъ справа и слѣва и направилась съ ними къ столовой.

— Ваши превосходительства, захохоталъ Провъ Ефремовичъ, обращаясь къ Троекурову и губернатору, — позвольте ужь и мнѣ, какъ хозяину, послужить вамъ кавалеромъ. И, подхвативъ ихъ подъ руки, повелъ ихъ вслѣдъ за супругой.

Внизу въ столовой присоединились къ обществу, вмѣстѣ съ безукоризненно облеченнымъ во фракъ и бѣлый галстукъ „другомъ дома“, Евгеніемъ Владиміровичемъ Зяблинымъ, два новыя лица: губернаторскій чиновникъ особыхъ порученій и нѣсколько постарше его молодой человѣкъ, красивый и здоровый, состоятельный помѣщикъ одной изъ хлѣбородныхъ русскихъ губерній, сопровождавшій генерала Бахратидова въ одной, предшествовавшей его новому назначенію, экскурсіи его по дѣлу, которому придана была въ извѣстный моментъ чрезмѣрная важность, въ видѣ добровольца, великодушно желая посвятить себя на дѣятельность живую—и опасную, какъ представлялась она въ первую минуту. Опасность и самое дѣло оказались вскорѣ призракомъ, но генералъ старался удержать при себѣ молодаго человѣка (звали его Гордынинымъ), поучаясь и заимствуя у него полезныя для себя практическія, а равно и всякія иныя свѣдѣнія о новыхъ учрежденіяхъ земли Русской, о которыхъ онъ, какъ человѣкъ военный и служив-

шій всю жизнь до сихъ поръ на отдаленныхъ окраинахъ государства, имѣлъ весьма неполныя, чтобы не сказать шаткія, понятія.

Оба молодые человѣка только-что вернулись съ прогулки по окрестнымъ полямъ и лѣсамъ, едва успѣли переодѣться къ обѣду. Провъ Ефремовичъ поспѣшилъ представить ихъ Борису Васильевичу и познакомить съ Юшковымъ, съ которымъ они и усѣлись рядомъ за столомъ.

Обѣдъ оказался великолѣпный. Алексѣй Сергѣевичъ Колонтай, тонкій гастрономъ, то-и-дѣло поглядывалъ на хозяина и кивалъ ему, съ одобрительною усмѣшкой, отвѣдавъ того или другаго тонко приправленнаго и мастерски поданнаго блюда. Онъ былъ человѣкъ весьма пріятной наружности, съ лицомъ, нѣсколько напоминавшимъ чисто русскій типъ какого-нибудь старосты былаго новгородскаго яма, но возведенный и выхоленный воспитаніемъ и довольствомъ до высшей утонченности пріемовъ, склада наружности и рѣчи. Онъ былъ крайне вѣжливъ, мягокъ и обходителенъ, отличался несомнѣннымъ умомъ и почитался спеціалистомъ по нѣкоторымъ важнымъ отраслямъ государственнаго управленія. Вдовый, бездѣтный и богатый, членъ высшаго учрежденія въ Имперіи, онъ былъ, не смотря на свои уже немолодые годы, предметомъ всякихъ искательствъ и ухищреній со стороны знатныхъ маменекъ, имѣвшихъ въ предметѣ пристроить не совсѣмъ первой молодости дочекъ, но счастливо миновалъ до сихъ поръ уготовляемыя ему съ этой стороны западни. Лѣнивый по природѣ, онъ далеко не былъ склоненъ пожертвовать благами одиночества сомнительной выгодѣ родства съ fine fleur des pois петербургскаго грандмонда. Какъ у всѣхъ холостяковъ, главную роль въ его существованіи играла привычка. Этимъ единственнымъ путемъ могла женщина привязать его, удержать, заставить „пустить корни“. Антонина Дмитріевна, съ прирожденною ей тонкостью чутья, хорошо понимала это: проживъ одновременно съ нимъ часть зимы въ Римѣ, она пріучила его являться каждый день въ извѣстный часъ въ ея гостиную, и онъ затѣмъ, вернувшись въ Петербургъ, не зналъ уже, куда дѣваться въ эти часы и томился по ней, какъ *елень*

по источникамъ воднымъ... Въ Сицкомъ онъ теперь блаженствовалъ.

Племянникъ его, губернаторъ, находился, напротивъ, въ довольно раздраженномъ состояніи духа. Онъ, во-первыхъ, ревновалъ нѣсколько дядю къ прекрасной хозяйкѣ, подлѣ которой сидѣлъ тотъ, отвлекая ея вниманіе отъ него какимъ-то забавнымъ разсказомъ, которому она видимо весело улыбалась, сверкая промежъ алыхъ губъ „жемчужными“ зубами. Во-вторыхъ, его точно сверлило отъ незастывшаго впечатлѣнія, произведеннаго на него короткимъ разговоромъ съ Троекуровымъ объ исправникѣ Ипатьевѣ; онъ не могъ не заключить, что „этотъ господинъ“ былъ видимо ему враждебенъ „изъ-за этого исправника“, и говорилъ при этомъ съ нимъ „такимъ тономъ“, который онъ считалъ рѣшительно для себя оскорбительнымъ; онъ „не намѣренъ былъ дозволять кому бы то ни было de le traiter de haut en bas“ и искалъ случая „дать это понять à ce monsieur„.

Онъ обратился громко къ хозяину, сидѣвшему между нимъ и предметомъ его недовольства:

— До меня дошли слухи, что у васъ въ уѣздѣ жалуются на бездѣйствіе мѣстной земской управы. Бывшій предсѣдатель ея отошелъ ad patres, а исправляющій его должность, почитая себя резонно калифомъ на одинъ часъ, ведетъ, говорятъ, дѣло по-канцелярски, *отписывается* и откладываетъ самые существенные вопросы до лучшаго будущаго.

— Да пожалуй что такъ, засмѣялся Провъ Ефремовичъ.

— А новаго предсѣдателя когда думаютъ выбирать?

— Да у насъ еще въ маѣ должно было быть на этотъ именно предметъ экстренное земское собраніе, но въ виду того, что почтеннѣйшій нашъ предводитель бывшій, Павелъ Григорьевичъ Юшковъ, по случаю болѣзни брата былъ совершенно разстроенъ и не могъ предсѣдать въ немъ, мы отложили собраніе до сентября.

— Кто же теперь будетъ предсѣдательствовать?

Сусальцевъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ повелъ на него глазами: должно же, молъ, быть это тебѣ, губернатору, извѣстно.

Но онъ тутъ же улыбнулся опять и наклонилъ голову въ сторону Бориса Васильевича:

— Да вотъ собственно возлежать это должно было на его превосходительствѣ, такъ какъ *они* у Павла Васильевича кандидатомъ состояли, только *они* отказались, и какъ должность предводителя исполняетъ теперь депутатъ отъ дворянства, сынъ его (Провъ Ефремовичъ понизилъ тонъ до шопота и кивнулъ чуть-чуть на сидѣвшаго по другой сторонѣ стола Гришу), такъ онъ и въ земскомъ предсѣдать будетъ.

— То-есть, замѣтилъ губернаторъ шопотомъ же, но такъ, чтобы слова его дошли до слуха Троекурова, — лицо, совершенно въ этомъ неопытное?...

— А ты ото всего отказываешься? обратился нежданно со смѣхомъ къ Борису Васильевичу генералъ Бахратидовъ, слышавшій начало этого разговора.

— Отказываюсь, коротко отрѣзалъ тотъ.

— Вотъ и разсчитывайте на участіе общественныхъ силъ, о которыхъ вы все толкуете, обернулся генералъ къ Алексѣю Сергѣевичу Колонтаю,—вѣдь вотъ человѣкъ, чего вамъ лучше, а ничего не хочетъ: моя, говоритъ, хата съ краю...

Онъ не договорилъ, замѣтивъ, какъ отъ этихъ словъ рѣзко сдвинулись брови у „стараго камрада“.

— Лучшіе и способнѣйшіе люди въ Россіи, заговорилъ своимъ мягкимъ, напоминавшимъ голосъ племянника, голосомъ Алексѣй Сергѣевичъ,—обречены роковымъ образомъ на бездѣйствіе, такъ какъ для способностей ихъ и нѣсколько живой, серьезной дѣятельности нѣтъ никакой подобающей арены, а изолированныя тамъ и здѣсь попытки этихъ людей принести свою личную долю пользы разбиваются въ прахъ о стѣну общаго застоя и апатіи. Они естественно ото всего устраняются и считаютъ безполезнымъ приложить къ чему-нибудь руки.

— Общая прострація, подтвердилъ мрачнымъ тономъ губернаторъ: — это дѣйствительно можетъ служить лозунгомъ теперешняго времени.

— Извѣстно, засмѣялся опять генералъ Бахратидовъ,—

какъ если-бъ его въ *старшую* палату въ Англіи выбрали, пошелъ бы небось!

Борисъ Васильевичъ невольно усмѣхнулся:

— Въ верхней палатѣ въ Англіи члены сидятъ не по выбору, а по наслѣдственному праву.

— Вотъ онъ чего хочетъ. Аристократъ! сказалъ на это, нисколько не смутившись, Бахратидовъ.

Колонтай внимательно чрезъ столъ уперся глазами въ лицо Троекурова.

— Неужели ты въ самомъ дѣлѣ питаешь иллюзіи о возможности палаты лордовъ въ Россіи? спросилъ онъ чуть-чуть насмѣшливо.

Бориса Васильевича всего какъ бы передернуло:

— Никакихъ палатъ и никакихъ иллюзій у меня въ головѣ нѣтъ, рѣзко выговорилъ онъ.

Все какъ-то разомъ кругомъ примолкло за этими словами; только Аполлонъ Савельевичъ не то язвительно, не то высокомѣрно ухмыльнулся про себя, да густоволосый генералъ, поведя искоса взглядомъ на Колонтая, подмигнулъ ему машинально, со свойственнымъ ему лукавствомъ выраженія.

Антонина Дмитріевна, слегка прищурившись и склонивъ голову надъ своею саксонскою тарелкой, внимала, казалось, безучастно этому разговору. Но Гриша Юшковъ, какимъ-то безвольнымъ движеніемъ подымавшій на нее отъ времени до времени глаза, не могъ не замѣтить, что разговоръ этотъ гораздо болѣе интересовалъ ее, чѣмъ это могло казаться съ перваго раза. Сама она вслѣдъ за сказаннымъ Борисомъ Васильевичемъ остановила на мигъ глаза на молодомъ человѣкѣ, и въ лицѣ ея высказалось выраженіе какого-то глубокаго пренебреженія и насмѣшки. Его внутренно укололо словно булавкой.

Аполлонъ Савельевичъ Савиновъ между тѣмъ почелъ нужнымъ заговорить опять съ Сусальцевымъ о мѣстныхъ дѣлахъ.

— Нашъ почтенный губернскій предводитель, я слышалъ, намѣренъ предложить здѣшнему дворянству собраться въ настоящее время, то-есть ранѣе обычнаго срока, для выбора

предводителя на мѣсто выбывшаго Павла Васильевича Юшкова. Этимъ, я полагаю, урегулируется, такъ сказать, и вопросъ о предсѣдателѣ имѣющаго у васъ быть земскаго собранія. Земство въ настоящую пору пріобрѣтаетъ такую важность, прибавилъ онъ уже съ паѳосомъ,—что нельзя, кажется, быть достаточно осторожнымъ во всемъ, что̀ до него касается.

Провъ Ефремовичъ растерянно взглянулъ на Троекурова и на Юшкова, которые не могли не слышать этихъ словъ, и ничего не отвѣтилъ.

Борисъ Васильевичъ очень хорошо зналъ, что губернскій предводитель былъ человѣкъ ничтожный и по характеру, и авторитету, попавшій на свою должность единственно за оскудѣніемъ *настоящаго* дворянскаго персонала въ уѣздѣ и полагавшій единственнымъ долгомъ своимъ жить въ ладу „со всѣми вѣдомствами“. „Предложеніе“ не могло итти отъ его иниціативы. Для Троекурова было совершенно ясно, что оно родилось тутъ же, за столомъ, въ головѣ самого Савинова и имѣло прямо въ виду причинить ему непріятность въ лицѣ Гриши, исправлявшаго въ настоящее время должность отца. „Либеральный“ губернаторъ почиталъ очевидно нужнымъ противодѣйствовать его, Троекурова, вліянію въ уѣздѣ и какъ бы офиціально заявлялъ заранѣе о нерасположеніи своемъ къ тѣмъ, въ которыхъ видѣлъ *его креатуръ*. „Вся здѣшняя мерзость, Троженковы и К°, все это теперь неудержимо всплыветъ вверхъ“, сказалось Борису Васильевичу, и выраженіе горечи и омерзенія сложилось на его слегка дрогнувшихъ губахъ...

XVI.

Words, words, words.
Hamlet.

По окончаніи обѣда общество перешло пить кофе въ аппартаментъ хозяйки, въ нижнемъ же этажѣ. Но неугомонный Провъ Ефремовичъ, вспоминая парижскіе обычаи, не допускающіе табачнаго дыма въ дамскихъ гостиныхъ, поднялъ своихъ „именитыхъ“ гостей, опять предложивъ имъ „попробовать отличныхъ вылежанныхъ сигаръ, пріобрѣтенныхъ имъ по случаю“, въ „курильной“, устроенной имъ подлѣ столовой.

Алексѣй Сергѣевичъ и Бахратидовъ тотчасъ же согласились: обоимъ имъ очень хотѣлось потолковать съ Троекуровымъ, о которомъ оба были издавна очень высокаго мнѣнія, по предмету, о которомъ распространяться подробно за столомъ, въ присутствіи бывшихъ тутъ молодыхъ людей, они сочли неудобнымъ. Молодыхъ людей они оставили занимать „l'aimable hôtesse.“ Изящный губернаторъ собирался было остаться тоже, но, вспомнивъ во-время, что „position oblige“, вздохнулъ, взглянулъ на Антонину Дмитріевну скорбнымъ взглядомъ—„пожалѣйте молъ меня!“—и отправился за „серіозными людьми“.

Мягкіе, низкіе диваны „курильной“, возможность разстегнуться послѣ обильнаго обѣда, превосходныя старыя сигары и тонкіе ликеры подѣйствовали отлично не только на такого сибарита, какимъ былъ Колонтай, но и на гораздо болѣе трезваго и искушеннаго лишеніями военной жизни генерала Бахратидова. Оба они чувствовали себя настроенными на

самый пріятный, дружескій и *обстоятельный* обмѣнъ мысли. Троекуровъ, со своей стороны, былъ не прочь побесѣдовать съ ними: ему было интересно познакомиться въ извѣстной подробности съ кругозоромъ и точкой отправленія этихъ двухъ старыхъ товарищей своихъ, уже и теперь весьма видныхъ по занимаемымъ ими положеніямъ и которымъ, судя по преобладавшимъ въ ту минуту теченіямъ, предстояла еще болѣе авторитетная роль въ близкомъ будущемъ.

Алексѣй Сергѣевичъ началъ первый:

— Ты драгоцѣнный человѣкъ, old fellow,—и онъ ласково прикоснулся рукой къ локтю расположившагося подлѣ него на диванѣ Бориса Васильевича,—независимый ни отъ кого и ни отъ чего, близко стоишь къ народу, къ настоящей жизни, знатокъ своего дѣла; у тебя, должно быть, сложилось цѣлое сокровище всякихъ наблюденій, практическихъ указаній и точныхъ отвѣтовъ на вопросы, которые намъ въ Петербургѣ представляются то-и-дѣло неразрѣшимою грамотой.

Троекуровъ усмѣхнулся:

— Мнѣ не отъ тебя одного приходится слышать эти комплименты по адресу моей независимости и практичности, и меня всегда удивляло одно: почему люди, которые мнѣ дѣлаютъ ихъ, ничего не предпринимаютъ, чтобы сдѣлаться въ свою очередь независимыми и практичными; вѣдь это далеко не мудрость.

— Исторія наша не пріучила насъ къ этому, возразилъ Колонтай,—не пріучила быть *гражданами*, заниматься серіозно, прочно и послѣдовательно своимъ личнымъ, имущественнымъ и въ тѣсной связи съ этимъ находящимся общимъ, *общественнымъ* дѣломъ...

— И вы, въ силу того, что исторія насъ ничему не выучила, вы наградили насъ подъ видомъ земскихъ учрежденій говорильнями, которыя внесли окончательную путаницу въ русскую жизнь?

— Ты не доволенъ земствомъ вообще, или его направленіемъ? съ какимъ-то особымъ оживленіемъ, видимо очень интересуясь чаемымъ на вопросъ этотъ отвѣтомъ, выговорилъ государственный сановникъ.

— На это, милый мой, я спрошу тебя въ свою очередь, что̀ имѣлось въ виду, даруя ихъ Россіи: создать государственный институтъ въ содѣйствіе, или въ противодѣйствіе существующей правительственной власти?

— Какъ ты странно однако ставишь вопросъ! Тутъ прежде всего, кажется, дѣло идетъ не о „власти“, а о пользѣ, о благѣ, котораго въ правѣ отъ этого „института“ ожидать тѣ, для кого онъ созданъ.

— „Благѣ“! повторилъ Борисъ Васильевичъ: — это какъ разумѣть надо: наивозможно бо̀льшая доля благоустройства и благочинія при наименьшей на нихъ суммѣ затратъ со̀ стороны обывателя? Согласенъ ты будешь на такое опредѣленіе?

— Пожалуй! неопредѣленно уронилъ его собесѣдникъ.

— Достигается-ли такой идеалъ нашими земскими учрежденіями, или нѣтъ, это должно быть и въ вашемъ государственномъ совѣтѣ извѣстно.

Колонтай поморщился:

— Конечно, сто̀ятъ они дорого, а результаты, достигаемые ими, могли бы быть болѣе существенны; но какъ же быть однако? Вѣдь это все же *самоуправленіе*, подчеркнулъ онъ,—начало воспитательное, живительное...

— Готовящее общество къ будущей, настоящей свободѣ, ввернулъ Аполлонъ Савельевичъ, забѣгавъ кругомъ себя своими безпокойными глазками.

— Къ какой? спросилъ, не глядя на него, Троекуровъ.

Тотъ какъ бы хихикнулъ слегка:

— Я полагаю, что у всѣхъ образованныхъ народовъ она одна... Формы могутъ быть другія, поспѣшилъ онъ прибавить,— формы того или другаго правительства у того или другаго народа, но сущность вездѣ одна и та же.

— Зависитъ отъ взгляда, продолжая не глядѣть на него, холодно возразилъ Борисъ Васильевичъ.

— Какъ же это однако...

— Очень просто: для иныхъ это царство политическихъ авантюристовъ, жаждущихъ власти; для другихъ—средство къ быстрѣйшей наживѣ; для третьихъ наконецъ — вѣрнѣйшій

путь къ анархіи. Этого послѣдняго вида „свободы“ Россія давно достигла, чего же намъ еще нужно?

— Ты совершенно правъ, проговорилъ торопливо Алексѣй Сергѣевичъ, находя нужнымъ *потушить* въ самомъ зародышѣ очевидное для него „раздраженіе“ стараго пріятеля своего и племянника другъ противъ друга: — Россія въ настоящую минуту находится дѣйствительно въ „анархическомъ“, какъ ты говоришь, состояніи. Какая-то общая распутица во всѣхъ углахъ, какъ и во всѣхъ отправленіяхъ государства. Такъ долго итти не можетъ, иначе впереди насъ ждетъ всестороннее, то-есть финансовое, политическое и общественное банкротство.

— Вы это начинаете чувствовать въ Петербургѣ? усмѣхнулся еще разъ Троекуровъ.

Тотъ засмѣялся въ свою очередь:

— Вы въ провинціи насъ уже слишкомъ презираете и почитаете encroutés dans le bureaucratisme въ такой степени, что мы будто бы потеряли всякую способность слышать и видѣть... Многіе изъ насъ и въ самомъ дѣлѣ застряли въ старомъ болотѣ и выкарабкаться изъ него не могутъ... Но есть же наконецъ другіе, готовые... и способные вернуться къ духу реформъ начала царствованія и довести ихъ до естественнаго заключенія. Вотъ тебѣ, напримѣръ, человѣкъ tout neuf, — и онъ кивнулъ на Бахратидова, молча, съ упершимися на говорившихъ большими любопытствующими глазами внимавшаго этому разговору, — не связанный никакими изъ тѣхъ отношеній, компромиссовъ и уступокъ, на которыхъ иступилась энергія большей части изъ насъ, прошедшихъ чрезъ всю сутолоку извѣстныхъ тебѣ, какъ и всей Россіи, колебаній и противорѣчій въ высшей сферѣ... Онъ говоритъ, что, сойдя со временнаго поста, на который назначенъ теперь, уйдетъ къ себѣ подъ тѣнь дубовъ, продолжалъ шутливо Колонтай, — но ты ему не вѣрь...

— Вѣрь, уйду, клянусь Богомъ! крикнулъ на это тотъ съ мѣста.

— Не вѣрь! Уже потому не уйдетъ, что не дадутъ уйти. Понравился онъ, во-первыхъ, такъ, вѣско отчеканилъ Алексѣй

Сергѣевичъ, — какъ рѣдко кому удавалось заполонить сразу оригинальностью, свѣжимъ взглядомъ...

— Дикаря такого не видали еще, что правду-матку съ плеча рубитъ, расхохотался на это генералъ по собственному адресу.

Алексѣй Сергѣевичъ какъ бы невольно прижмурился на него: „ахъ ты, молъ, тонкая штука!“

— Такой, „дикарь“, сказалъ онъ громко, — что патентованные *куртизаны* предъ нимъ всѣ пасъ. Между женщинами succès fou!...

— Ну, братъ, это оставь! Какія тутъ женщины для старой фигуры, какъ я; и не привыкъ я съ ними...

— А такъ „не привыкъ“, что онѣ вознесутъ тебя, куда, можетъ быть, ты и самъ не думаешь теперь. Женщины въ настоящую пору болѣе, чѣмъ когда-нибудь, сила. И я радъ, потому, что именно такой свѣжій, крѣпкій человѣкъ нуженъ намъ теперь. Очень уже дряблы всѣ мы стали, да и *приглядѣлись* къ намъ къ тому же; а тебѣ повѣрятъ, въ тебѣ будутъ видѣть какъ будто посланнаго особымъ предопредѣленіемъ судьбы разрѣшить и совершить то, на что пока не смѣютъ еще рѣшиться...

Подъ темными рѣсницами генерала блеснулъ мгновенный, какъ зарница, лучъ какой-то неодолимой радости. Но онъ тутъ же вскинулъ поспѣшно голову и замахалъ руками.

— Не слушай ты его пожалуйста, Троекуровъ! Клянусь Богомъ, насочинилъ онъ такого, что и подходящаго къ тому ничего нѣтъ.

— Ну, это намъ покажетъ близкое будущее, возразилъ Колонтай,—и говорить объ этомъ намъ болѣе нечего.

Онъ примолкъ на мигъ, затянулся сигарой и началъ затѣмъ опять:

— А общее положеніе наше скверно,—согласенъ ты, Троекуровъ?

— Не красиво, холодно подтвердилъ тотъ.

— И надобно же наконецъ серьозно подумать, какъ изъ него выпутаться.

— Не мѣшало бы, тѣмъ же тономъ проронилъ Борисъ Васильевичъ.

— Какъ ты это безучастно говоришь, съ шутливымъ упрекомъ замѣтилъ Колонтай:—ты точно не придаешь этому того серьезнаго, грознаго, можно даже сказать, значенія, какое оно имѣетъ на самомъ дѣлѣ.

Троекуровъ поглядѣлъ на него загадочнымъ взглядомъ:

— Я жду того, что̀ ты мнѣ скажешь о твоихъ соображеніяхъ по поводу этого.

— Что̀ я скажу? А вотъ, напримѣръ, самое свѣжее. На дняхъ велись у него переговоры съ Ротшильдомъ о займѣ для возстановленія нашей валюты, которая, пожалуй, можетъ скоро упасть наконецъ до цѣнности рубля за франкъ. Знаешь, что̀ онъ отвѣтилъ?

— Не знаю.

— Усмѣхнулся очень нелюбезно и сказалъ: „Quand vous aurez un gouvernement sérieux, on pourra causer; jusque là vous ne trouverez d'argent nulle part.“

— „Gouvernement sérieux“,—это должно значить, надо думать, конституціонное правительство?

— Само собою, какъ во всемъ образованномъ мірѣ.

— Такъ. Ну, а въ былую пору, когда за самое слово „конституція“ можно было въ Сибирь попасть, какъ высоко стояла наша валюта и находили-ли мы деньги за границей?

— Послушай однако, mon cher,—и собесѣдникъ его пожалъ плечами, — нельзя такъ аргументировать. Не желаешь же ты въ самомъ дѣлѣ вернуться къ Николаевскимъ временамъ, да если-бъ это кому-либо серьезно и вздумалось, развѣ это возможно было бы сдѣлать?

— Времена дикаго абсолютизма отошли, къ счастію, безвозвратно въ вѣчность, отпустилъ въ видѣ сентенціи губернаторъ и высокомѣрно приподнялъ углы губъ.

— Мы слѣдовательно, спросилъ Борисъ Васильевичъ, какъ бы вовсе не слыхавъ его возраженія,—мы слѣдовательно теперь, испугавшись, что намъ Ротшильдъ денегъ не дастъ, поспѣшимъ завести у себя „gouvernement sérieux?“

— Никто не думаетъ ничего пока „заводить“, возразилъ

своимъ все также мягкимъ голосомъ, но какъ бы съ легкимъ оттѣнкомъ нетерпѣнія, Алексѣй Сергѣевичъ; — мы говоримъ здѣсь между собою, какъ люди, равно заинтересованные въ одномъ всѣмъ намъ общемъ... патріотическомъ, можно сказать, дѣлѣ. Истины скрывать отъ себя нечего. Царствованіе приходитъ къ концу, и конецъ этотъ, къ несчастію, далеко не осуществляетъ тѣхъ радужныхъ надеждъ, на которыя давало намъ всѣмъ право его блестящее начало. Обѣщаній этихъ оно не сдержало; начавъ за здравіе, какъ говоритъ пословица, оно сводитъ за упокой. Оно оставило въ сторонѣ, откинуло, пренебрегло ту историческую логику, которая требуетъ, подъ страхомъ гибели, чтобы, принявшись за перестройку государственнаго зданія, утверждался въ немъ камень за камнемъ до самаго его clef de voûte, такъ какъ иначе возведенный сводъ обрушится и подавитъ все, что̀ подъ нимъ находится... Мы именно теперь въ этомъ положеніи. Совершенныя у насъ реформы не вытекали строго, послѣдовательно одна изъ другой, не соображались въ органически существующей между ними связи. Онѣ, какъ бы вполнѣ случайно, точно выскакивали изъ портфеля того или другаго министра и, пройдя для проформы сквозь дырявое сито нашего старья въ государственномъ совѣтѣ, насаждались на русскую почву безо всякаго участія, безо всякаго права контроля надъ ними со стороны живыхъ общественныхъ элементовъ страны. Изъ этого въ результатѣ выросъ на дѣлѣ невообразимый ералашъ. Тѣ же министры вслѣдъ затѣмъ обрѣзывали, коверкали, калѣчили ихъ, иногда до неузнаваемости, всякими произвольными толкованіями и циркулярами, заставляли ихъ служить цѣлямъ, совершенно противоположнымъ идеѣ, положенной въ ихъ основаніе... Такъ оно, или нѣтъ?

Троекуровъ утвердительно кивнулъ:

— Такъ!

— Оставить итти дальше дѣла такъ, какъ они идутъ, нельзя, ты согласенъ?

— Согласенъ.

— Само правительство сдѣлать это не въ состояніи?

— Ты находишь?

— Ты, кажется, самъ, какъ и всякій нѣсколько толковый человѣкъ въ Россіи, долженъ это видѣть. Инициатива у власти замерла окончательно. Различные представители ея идутъ врозь и въ помѣху другъ другу, общей программы не существуетъ. Колебаніе, недовѣріе къ себѣ, рѣзкій разладъ между вчерашнимъ и сегодняшнимъ сказывается въ каждой принимаемой новой мѣрѣ, въ каждомъ распоряженіи. Недовольство страны растетъ ежедневно все сильнѣе... Нечего намъ дѣлать себѣ иллюзій, милый другъ: пистолетъ Соловьева зарядило это всеобщее недовольство Россіи своимъ безпомощнымъ, сводящимъ себя на нѣтъ, правительствомъ. Наши нигилисты не что̀ иное, какъ перелившаяся чрезъ край пѣна общественнаго раздраженія. Комическимъ сидѣньемъ дворниковъ у воротъ, ниже временными генералъ-губернаторствами, съ полномочіями, которыми одинъ воспользуется, пожалуй, такъ, что заставитъ бѣжать изъ-подъ своего начала самыхъ мирныхъ и благорасположенныхъ гражданъ, а другой и вовсе не сочтетъ нужнымъ воспользоваться, — такими мѣрами дѣлу успокоенія общества не поможешь, а возбудишь развѣ только новый смѣхъ, новое глумленіе надъ собою.

— Правда, коротко выговорилъ Троекуровъ.

Алексѣй Сергѣевичъ, полулежавшій до сей минуты на диванѣ, приподнялся, кинулъ недокуренную свою сигару въ красивую майоликовую вазу-пепельницу, стоявшую на сосѣднемъ столѣ, и заговорилъ съ возрастающимъ оживленіемъ, видимо ободренный утвердительнымъ откликомъ стараго товарища:

— Ты сказалъ „правда“, и я не сомнѣвался ни единой минуты, что съ основными посылками моими ты непремѣнно согласишься. Позволь же мнѣ теперь вывести изъ нихъ заключеніе въ трехъ словахъ?

— Говори, я слушаю.

— Положеніе вещей въ Россіи долѣе терпимо быть не можетъ. Настоящая форма правительства оказывается неспособною измѣнить его къ лучшему. Ergo...

— Созовемъ *парламентъ?* договорилъ за нѐго Борисъ Васильевичъ.

По лицу его собесѣдника пробѣжала какъ бы тѣнь.

— Слово это тебѣ не нравится, но я и не имѣлъ его въ виду... До европейскаго полнаго парламентаризма намъ еще далеко, и ты, надѣюсь, не считаешь меня способнымъ увлекаться съ этой стороны юношескими мечтами. Но узнать мнѣнія самой страны о томъ, какъ спастись отъ бездны, къ которой несомнѣнно она идетъ быстрыми шагами, это я считаю неизбѣжнымъ, неотвратимымъ, произнесъ съ особымъ вѣскимъ удареніемъ Колонтай,—и чѣмъ скорѣе будутъ имѣть мужество прибѣгнуть къ этому, тѣмъ будетъ лучше!

Не отрываясь ухомъ и глазами, съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивался къ этимъ словамъ генералъ Бахратидовъ. Онъ видимо поучался и наматывалъ себѣ, какъ говорится, на усъ *суть* этой проповѣди, о предметѣ которой въ мозгу его очевидно состояли до сихъ поръ весьма еще смутныя понятія. Провъ Ефремовичъ, въ свою очередь, сложивъ руки на животѣ и опустивъ глаза, выводилъ въ своей *смѣткалкѣ* изъ этихъ словъ свои особыя, личныя заключенія, о чемъ можно было судить по нѣкоторымъ признакамъ улыбки, пробѣгавшей индѣ и тутъ же пропадавшей подъ его подстриженными усами. Глазки зоркаго губернатора такъ и бѣгали съ выраженіемъ торжествующаго сочувствія къ силѣ аргументаціи краснорѣчиваго дяди.

— A vous la parole, обратился тотъ къ Троекурову полушутливо:—признаешь-ли ты выводъ мой логическимъ?

— Совершенно, медленно выговорилъ Борисъ Васильевичъ; онъ былъ нѣсколько блѣднѣе обыкновеннаго и глаза его усиленно моргали; — *вы* ни до чего иного въ Петербургѣ додуматься и не могли.

Глаза всѣхъ въ какомъ-то словно тревожномъ ожиданіи поднялись на него.

Онъ продолжалъ, видимо насилуя себя на разговоръ, мотивъ котораго глубоко, болѣзненно волновалъ его внутренно:

— *Вы* въ Петербургѣ фатально, роковымъ образомъ приведены къ такимъ выводамъ. Колесница ваша несется къ „безднѣ“, какъ ты выражаешься, и вы не находите другаго средства, какъ посадить всадниковъ со шпорами на коней

вашихъ, чтобы тѣ какъ-нибудь сами собою, животнымъ своимъ чутьемъ, не свернули на безопасную дорогу. Реформы царствованія, по-твоему, недостаточно соображены были въ общей ихъ совокупности и взаимнодѣйствіи ихъ другъ на друга. Этого вы не могли не замѣтить, это отзывается слишкомъ осязательно, грубо, слишкомъ наконецъ ежедневно въ каждомъ изъ отправленій вашей правительственной машины, чтобы васъ это наконецъ не заставило задуматься. Но пришло-ли въ голову хоть одному изъ васъ остановиться серіозно на той мысли, что всѣ реформы эти, исключая крестьянскую, какая-бы тамъ вѣрная въ абсолютномъ значеніи слова и „великодушная“, если хочешь, идея не легла въ основаніи ихъ, не вытекли изъ потребности русской жизни, а не что иное, какъ плодъ произвольнаго, въ кабинетѣ задуманнаго, сочинительства по нахватаннымъ изчужа образцамъ, по избитымъ шаблонамъ, гнилымъ уже и тамъ, откуда берутся они, и несущимъ съ собою смерть въ примѣненіи ихъ къ нашему быту...

— Позвольте, перебилъ его негодующимъ тономъ губернаторъ,—вы признаете „гнильемъ“ гласный судъ, градское и земское самоуправленіе...

— Позвольте мнѣ кончить, не оборачиваясь къ нему, проговорилъ на это Троекуровъ,—коль скоро требуютъ отъ меня откровеннаго мнѣнія.

— Parlez, mon cher, parlez, je vous prie! поспѣшилъ сказать Колонтай, неодобрительно покосясь на племянника.

Тотъ слегка покраснѣлъ и закусилъ губу.

— Ты жалуешься на колебанія, на tâtonnements, на вѣчное противорѣчіе „вчерашняго сегодняшнему“. Ни одно изъ насаженныхъ вами европейскихъ деревъ не пустило прочныхъ корней въ почвѣ, чуждой имъ по химической натурѣ своей; ни одинъ изъ настроенныхъ вашими реформами храмовъ не легъ прочнымъ фундаментомъ въ русскую землю, и ты удивляешься тому, что деревья эти не даютъ тѣни, а вѣтви ихъ засыхаютъ и обламываются подъ первымъ къ нимъ прикосновеніемъ, что въ храмахъ замѣчаются каждый день новыя трещины и что приставленные оберегать ихъ недоумѣваютъ и спрашиваютъ себя, испуганные и растерянные: какіе

контрфорсы еще нужно пристроить къ ихъ стѣнамъ, чтобъ онѣ не рухнули? Вы въ Петербургѣ роковымъ образомъ, повторяю, осуждены на этотъ государственный баламутъ и на исканіе спасенія отъ него въ лѣкарствѣ, горшемъ, чѣмъ сама болѣзнь.

— Mais, mon cher, вскликнулъ недоумѣло Алексѣй Сергѣевичъ,—вѣдь все это однако посажено и настроено, и надо всѣмъ этимъ пронеслось вотъ ужь почти четверть вѣка; не претендуешь же ты въ самомъ дѣлѣ все это снести съ лица земли теперь?

— Къ чему! Вы сами постараетесь посредствомъ *этого* привести весь государственный организмъ къ параличу и смерти.

Живая краска выступила теперь и на щекахъ государственнаго сановника:

— Послушай, сказалъ онъ, видимо сдерживая поднявшуюся въ немъ досаду, — такъ разсуждать нельзя: это даже не возраженіе, это произвольное обвиненіе людей въ томъ, отъ чего именно они желали бы предохранить свою страну.

— Кто же въ этомъ сомнѣвается? Есть совершенно добросовѣстные доктора, которые предписываютъ своимъ паціентамъ подкожныя вспрыскиванія морфія, но отъ этого средства больной почти всегда умираетъ ранѣе времени.

— А попробую я васъ помирить, заговорилъ въ эту минуту Бахратидовъ:—какъ если, по мысли Колонтая, отнестись къ самой Россіи, какъ она думаетъ себѣ помочь, такъ она, можетъ быть, такъ и рѣшитъ, какъ вотъ Троекуровъ говоритъ. Мы этого напередъ знать не можемъ.

Невольная, тутъ же сдержанная усмѣшка, вызванная этою простодушною редакціей мысли пріятеля, мелькнула на лицѣ Алексѣя Сергѣевича:

— Это только и требуется, отвѣтилъ онъ,—и каково бы ни было рѣшеніе, иредъ нимъ нужно будетъ преклониться.

— А *Россію* кто изъ себя изображать будетъ въ вашемъ соображеніи? спросилъ Троекуровъ.

— На первый разъ, полагаю, достаточно было бы созвать губернскихъ предводителей и предсѣдателей управъ.

— Губернскихъ однихъ, или тоже уѣздныхъ? такъ словно и выскочило изъ мгновенно раскрывшихся губъ Сусальцева.

— Конечно... желательно и тѣхъ, и другихъ, какъ бы нѣсколько смущенно отвѣтилъ Колонтай,—но это пока вопросъ второстепенный; важно то, чтобы самая мѣра принята была въ принципѣ.

Губернаторъ замигалъ одобрительно по адресу Прова Ефремовича:

— Одни губернскіе, само собою, не составятъ достаточно вѣской по составу массы...

— И эти предводители, и предсѣдатели, заговорилъ опять Борисъ Васильевичъ,—выскажутъ вамъ, по-твоему, живое и непреложное по существу мнѣніе Россіи объ источникахъ ея недуговъ и средствахъ къ ея исцѣленію?

— Полагаю, сказалъ Алексѣй Сергѣевичъ,—и даже *освѣщеніе* подлежащихъ вопросовъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ, такъ какъ предводители, по всей вѣроятности, внесутъ сюда элементъ чисто консервативный, а представители земствъ — убѣжденія болѣе либеральнаго или даже, если ты хочешь, нѣсколько оппозиціоннаго характера.

Троекуровъ нервно передернулъ плечами:

— Готова карета! И „консерваторы“, и „опозиція его величества“, все есть, по рецепту... Вы ихъ соберете, а они станутъ поучать васъ.

— То-есть, *изложатъ свои взгляды*, поправилъ серьезнымъ тономъ членъ Государственнаго Совѣта,—по совѣсти и крайнему разумѣнію своему, не сомнѣваюсь, поспѣшилъ онъ прибавить, какъ бы въ предупрежденіе новаго ироническаго замѣчанія со стороны своего собесѣдника.

— „По совѣсти“—хочу вѣрить. „По разумѣнію“—какому? *собственному?*.. У кого есть оно теперь, у кого осталось? Правильное разумѣніе вещей есть результатъ трезваго, послѣдовательнаго и прежде всего независимаго процесса мысли, не принимающаго ничьихъ чужихъ разглагольствій на вѣру, а подвергающаго каждое жизненное явленіе строгой оцѣнкѣ и разбору въ совокупности его съ однородными ему по природѣ и происхожденію явленіями. Гдѣ у насъ люди те-

перь, способные на самостоятельный процессъ мысли? Четверть вѣка вы употребили на то, чтобы придавить въ Россіи, осмѣять, вырвать съ корнемъ все, что̀ оставалось у ней Богомъ ей даннаго здраваго смысла. На мѣсто его вы поставили вашу уродливую, безсмысленную, гнилую *интеллигенцію*. Вы обрекли прирожденныя способности русскихъ людей на долгое, вѣковое, можетъ быть, безплодіе, воспитавъ ихъ на отрицаніи, на презрѣніи всего роднаго, древнезавѣтнаго, на развращающихъ фразахъ и отсутствіи всякаго нравственнаго идеала. Вы изъ чужеземной *цивилизаціи*, съ невыразимою горечью подчеркнулъ Борисъ Васильевичъ,—умѣли привить къ своей странѣ одну лишь гангрену отживающихъ народовъ; вы отравили русскій народъ безначаліемъ, кабаками, „аблакатами“; вы сочинили атеистическую, невѣжественную, злобную *прессу*, точащую ядъ каждою своею строкой, *прессу*—бичъ всего, еще остающагося неисковерканнымъ въ нашемъ краѣ, *прессу*, получающую прямо внушенія свои отъ революціоннаго подполья,—и предъ которою вы же, вы, сочинившіе ее, дрожите, какъ неразумные и трусливые ребята... Этотъ безобразный и пошлѣйшій изо всего имѣющагося пошлаго въ мірѣ кумиръ вы поставили на мѣсто всякой иной власти и падаете предъ нимъ ницъ, и заставляете волей или неволей покланяться ему все, что̀ ни на есть въ государствѣ. Какого же можете вы ожидать отъ людей взросшихъ, вскормленныхъ на такомъ порядкѣ вещей настоящаго, правильнаго „мнѣнія“ и „освѣщенія“? Сбитые повально съ толку, запуганные двадцатипятилѣтнею проповѣдью знаменитыхъ „освободительныхъ идей“, обращенные въ чистѣйшее Панургово стадо, лишенные давно всякой независимости характера и привычки мыслить *сами по себѣ*, что̀ способны будутъ вамъ сказать эти, „интеллигентные“ *совѣтники короны*, „консерваторы“ и „либералы“, на которыхъ возлагаете вы ваши надежды,—что̀, кромѣ тѣхъ же невыразимо пошлыхъ фразъ общегазетнаго содержанія, которыми то-и-дѣло пробавляются они на своихъ мѣстныхъ „собраніяхъ“? А если между ними и найдутся,—я допускаю и хочу вѣрить, что найдутся и такіе,—если выищутся люди, у которыхъ удержалось какимъ-нибудь чудомъ, не смотря на

общее умственное и нравственное крушеніе, достаточно здраваго толка въ головѣ, а въ душѣ мужества, чтобы выложить вамъ правду во всей ея наготѣ, такъ вы же дадите выпустить на нихъ всю стаю псовъ изъ подворотенъ той же вашей *прессы*; вы же отдадите ихъ на съѣденіе, на осмѣяніе, на опозореніе предъ всею Россіей и внесете безъ протеста этотъ фактъ въ ваши протоколы, въ силу-молъ „уваженія къ *общественному мнѣнію*“.

Просвѣщенный губернаторъ не выдержалъ и опять вломился въ разговоръ:

— Такъ неужели же, ваше превосходительство, слѣдуетъ, по-вашему, правительству заставить молчать русское печатное слово?

Троекуровъ не отвѣчалъ. Государственный сановникъ покосился еще разъ съ недовольнымъ видомъ на племянника и заговорилъ самъ:

— Mon cher, то, что ты говоришь—это... c'est un réquisitoire absolu... et *impérieux*, прибавилъ онъ какъ бы чуть-чуть колко,—противъ всего настоящаго положенія вещей... Ты, можетъ быть, нѣсколько и преувеличиваешь: я полагаю, что людей мыслящихъ здраво и независимо у насъ гораздо болѣе, чѣмъ это можетъ казаться съ перваго взгляда. Но положимъ даже, что нарисованная тобою картина и совсѣмъ вѣрна. Дальше что же? Le remède?... Я тебѣ высказалъ мое посильное мнѣніе, и могу лишь прибавить къ этому, что не я одинъ держусь его. Ты его считаешь неправильнымъ и разбиваешь въ прахъ. Прекрасно! Что же *по-твоему* нужно?

— Нужна сильная власть, только съ открытыми глазами, выговорилъ Борисъ Васильевичъ.

Впечатлѣніе чего-то похожаго на ударъ бича произвели эти слова на слушавшихъ. Алексѣй Сергѣевичъ Колонтай опустилъ мгновенно вѣки не то смущенно, не то досадливо. Генералъ Бахратидовъ съ какимъ-то инквизиціоннымъ выраженіемъ вперилъ взглядъ въ „стараго камрада“: изъ чего, молъ, братъ, ты въ эту сторону гнешь? „Quelle ganache!“ говорили, казалось, запрыгавшіе опять во всѣ стороны мыши-

ные глазки просвѣщеннаго губернатора. Одинъ Провъ Ефремовичъ кивнулъ какъ бы одобрительно головой.

Борисъ Васильевичъ провелъ рукой по глазамъ, обвелъ ими кругомъ и прочелъ эти выраженія на лицахъ:

— Что, странно вамъ кажется? *Рабъ* — готовы были бы вы сказать?

— Троекуровъ, что ты? воскликнулъ Колонтай, быстро оборачиваясь на него,—кому можетъ притти въ голову...

Тотъ усмѣхнулся въ его успокоеніе:

— Не трудись доказывать!... Ты, разумѣется, да и не одинъ ты, вырвалось у него неудержимою вспышкой гордости, — знаете, что это ко мнѣ относиться не можетъ... Но вамъ,—я разумѣю вашъ петербургскій сановный и „интеллигентный“ міръ,—вамъ, помимо воли вашей, звучатъ фальшивою нотой, чѣмъ-то подозрительнымъ такія слова въ устахъ человѣка, ничего не ищущаго у *власти*, когда вы привыкли видѣть кругомъ себя людей, которые единственно отъ нея кормятся и въ то же время употребляютъ всѣ усилія „свести ее на нѣтъ“, по твоему выраженію. Говорить о *власти*, когда у васъ послѣдній мальчишка пересталъ признавать ее!... Вы до такой степени потеряли тамъ чутье, смыслъ вашей народности,— извини за откровенность, Колонтай,—что въ вашихъ понятіяхъ монархическій принципъ въ Россіи то же, что какой-нибудь *pouvoir exécutif* въ прочихъ странахъ вселенной, что русскій *Самодержецъ* тотъ же король или президентъ, разумѣемый какъ одно изъ звеньевъ общей государственной машины и движущійся въ ней какъ въ ящикѣ, въ тѣсныхъ рамкахъ извѣстной, строго отведенной ему доли дѣятельности. А онъ, этотъ русскій Царь,—въ представленіи о немъ сказался для русскаго народа весь смыслъ его бытія, оправданіе всѣхъ его прошлыхъ жертвъ, солнце, безъ котораго заледенѣлъ бы онъ въ своихъ снѣгахъ. Безъ Царя, единовластнаго, ни предъ кѣмъ, кромѣ Бога, неотвѣтственнаго, говоритъ ему его прирожденный государственный инстинктъ, Россія—дикая бродячая орда, безначальная дебрь, добыча чужеземца, та же бывшая Польша, которую онъ такъ мѣтко окрестилъ „безголовою“. Для народа этого „*Царь*“—все: хоругвь, палладіумъ, святыня горняя, отъ

которой одной льются на него свѣтъ и милость и къ которой единственно возносятся всѣ его упованія... И вы безразсудно почитаете возможнымъ посягнуть на эту его святыню!..

— Вѣрно, ваше превосходительство, вѣрно! вырвалось вдругъ неудержимо у Сусальцева, и онъ даже весь вспыхнулъ при этомъ.

— Любезный другъ, il faut s'entendre, поспѣшно заговорилъ Алексѣй Сергѣевичъ,—разумѣешь-ли ты подъ „русскимъ народомъ“ одно крестьянство и вообще податныя сословія, или включаешь сюда и насъ, образованный классъ, то, что называется „обществомъ“, которое, ты согласись однако, имѣетъ тоже нѣкоторое право быть удовлетвореннымъ въ разумныхъ своихъ требованіяхъ?

— Нѣтъ, не имѣетъ, рѣзко возразилъ, сдвигая брови, Борисъ Васильевичъ,—не имѣетъ никакого, если требованія эти противорѣчатъ всему тому, что органически выработала исторія его страны, когда идутъ они въ разрѣзъ съ разумѣніемъ всей огромной массы ея населенія... И *что* такое сочиненное вами теперь „общество“, опредѣлите мнѣ его общую физіономію! Было когда-то дворянство; хорошо оно было, дурно-ли, но положеніе его въ общемъ составѣ государства было совершенно ясно и опредѣленно: служилое сословіе съ одной стороны, землевладѣльческое съ другой,—оно было тѣсно связано равно съ верхомъ и съ низомъ: со властью — службой, съ землепашцемъ — общими имъ интересами почвы. Естественно, болѣе образованный, чѣмъ мужикъ, помѣщикъ-дворянинъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ естественный Kulturträger, проводникъ свѣта въ обитаемой имъ мѣстности... Дворянство упразднили; его двойная традиціонная связь съ престоломъ и народомъ порвана, самое значеніе его, какъ класса передоваго по образованію, злобно отрицается нынѣшнимъ повсюду воцарившимся *разночинцемъ*... Кто же занялъ теперь его мѣсто, кто восполнилъ собою образованную его упраздненіемъ пустоту между царемъ и сермягой? Нажившійся кабатчикъ, жидъ-концессіонеръ, адвокатъ, газетчикъ, профессоръ изъ „прогрессистовъ“, чиновникъ-либералъ. Вотъ оно — ваше „*общество*“... Но спросили-ли вы себя хоть разъ, что имѣютъ

общаго интересы людей этого сорта съ настоящею, *реальною*, какъ говорится теперь, Русскою землей?.. Подумали-ли вы, наконецъ, хотя бы уже съ вашей *европейски-конституціонной* точки зрѣнія, о томъ, что ни въ одной странѣ никакое представительство не мыслимо безъ такъ называемаго „консервативнаго элемента“, а что въ теперешнемъ русскомъ общественномъ сбродѣ вы и тѣни ему подобнаго найти не въ силахъ?

— Позволь однако, возразилъ еще разъ Колонтай,—если по-твоему все то, что̀ называется у насъ теперь „интеллигенціей“, состоитъ изъ оппозиціонныхъ элементовъ, то что̀ же мѣшаетъ создать для нихъ противовѣсъ въ призывѣ къ тому же представительству наиболѣе развитыхъ и способныхъ къ обсужденію общихъ вопросовъ изъ того же крестьянства, которое ты, кажется, одно, добавилъ чуть-чуть иронически Алексѣй Сергѣевичъ,—признаешь консервативнымъ въ Россіи? Изъ него уже много есть теперь такихъ, которые сами стали помѣщиками, ворочаютъ сотнями тысячъ и посылаютъ дѣтей своихъ въ университеты.

Троекуровъ отвѣчалъ не сейчасъ:

— Ты, любезный другъ, какъ истый „Европеецъ“, привелъ мнѣ въ видѣ аргумента слова Ротшильда о необходимости для Россіи имѣть „un gouvernement sérieux“. А я, въ моемъ качествѣ простаго здравомысла, позволю себѣ передать тебѣ то, что̀ пришлось мнѣ на дняхъ слышать отъ старика Капитона, большаго моего пріятеля-мужика, объ этомъ самомъ вопросѣ.

— Вотъ какъ! воскликнулъ удивленно Колонтай:—неужели и между крестьянами ходятъ уже объ этомъ толки?

— Вы въ Петербургѣ, разумѣется, объ этомъ и не догадываетесь? А не мѣшало бы вамъ это знать и принимать коекогда къ свѣдѣнію...

— Что̀ же говорилъ тебѣ твой Капитонъ?

— А вотъ что̀. „Правда-ли“, спрашиваетъ онъ меня,—„баютъ въ народѣ, будто теперича, за-мѣсто Царя, будетъ у насъ *присягательная господчина?*“. „Что̀ такое?“ спрашиваю, не понимая. „А такъ что допрежь того господа Царю при-

сягали, а что нонче самъ онъ будто станетъ господамъ на книгѣ присягать, самъ отъ себя, значитъ, отступится и будутъ они замѣсто его править всею Рассеей".

— „Книга", это какое-то путаное понятіе о хартіи, должно быть? спросилъ Колонтай, заинтересовавшись разсказомъ.

— Само собою.

— Что же ты сказалъ ему на это: подтвердилъ, или разувѣрилъ?

— Ни то, ни другое. Я спросилъ его, что онъ самъ объ этомъ думаетъ?

— Что же онъ?

— „А коли", говоритъ, „это такъ, значитъ, надо будетъ всѣмъ народомъ итти Царя вызволять".

Словно электрическая искра пробѣжала въ глазахъ слушавшихъ; всѣ переглянулись съ выраженіемъ какого-то инстинктивнаго безпокойства.

Алексѣй Сергѣевичъ первый подавилъ въ себѣ это ощущеніе.

— Болтовня одна, разумѣется, уронилъ онъ небрежно.

— Смотря какъ... О настоящемъ настроеніи народа вы понятія не имѣете. Если бы въ самомъ дѣлѣ дошло до ограниченія Царской власти, не сомнѣвайтесь, *пойдутъ!*

— Что же, ихъ пушками встрѣтятъ! фыркнулъ величественно губернаторъ.

— Кто же это ихъ такъ встрѣтитъ: тотъ, *за кого* они пойдутъ? отвѣтилъ, оглянувъ его чрезъ плечо, Борисъ Васильевичъ.

— Ты такъ передаешь это все, cher ami, поспѣшилъ заговорить Колонтай, стараясь свести разговоръ на шутку, — будто самъ готовъ стать въ ряды этихъ... революціонеровъ особаго сорта.

— Ты не ошибаешься, вѣско выговорилъ на это Троекуровъ:—между ними и тѣмъ, что сочиняется теперь въ Петербургѣ, мой выборъ сдѣланъ давно.

Рѣшительныя слова эти привели видимо государственнаго сановника въ нѣкоторое смущеніе: онъ никакъ не ожидалъ

такой „категоричности“ въ отвѣтѣ человѣка, ни въ искренности, ни въ умѣ котораго онъ сомнѣваться не могъ. Но онъ и себя почиталъ не менѣе умнымъ и компетентнымъ въ предметѣ, о которомъ шла у нихъ рѣчь; ему стало досадно.

— Я уже тебѣ говорилъ, любезный другъ, началъ онъ, подавляя, насколько могъ, эту досаду,—что ничего въ Петербургѣ не „сочиняется“ и что за моими словами ты совершенно неосновательно предполагаешь иное что, а не мое *личное* мнѣніе, естественно вызванное тѣмъ неустройствомъ, отъ котораго страдаетъ теперь вся Россія. Могу тебя увѣрить, что ограничивать монархическую власть у насъ никому изъ *серіозныхъ людей*, подчеркнулъ онъ, — и въ голову не приходитъ.

Онъ примолкъ на мигъ и продолжалъ:

— Но допустимъ однако возможность такого положенія, что сама эта власть вздумала бы, какъ говоритъ твой Капитонъ, „отступиться отъ себя“,—что, въ виду нынѣшнихъ, возникающихъ со всѣхъ сторонъ и каждый день, все новыхъ и новыхъ затрудненій и замѣшательствъ, она, по той или другой причинѣ, избѣгала бы, не хотѣла бы принять лично на себя разрѣшеніе ихъ въ ту или другую сторону, что тогда дѣлать?

— Пусть уполномочитъ тогда избранное ею лицо, пусть довѣритъ ему дѣйствовать отъ ея имени, вскликнулъ съ необычною ему горячностью Борисъ Васильевичъ,—но да сохранитъ ее Богъ отъ иного образа дѣйствій, отъ мысли хотя на единый мигъ уронить обаяніе своего самодержавства въ глазахъ Русскаго народа!

Глаза у Колонтая мгновенно блеснули:

— Ты хотѣлъ бы, то-есть, перваго министра avec un cabinet homogène?..

— Называйте, какъ хотите,—и плечи Троекурова передернулись съ судорожнымъ нетерпѣніемъ, — но только исполнителя той же царской воли, представителя того же *единоличнаго* начала власти. Всякій иной путь, повторяю, гибель и преступленіе, котораго не проститъ вамъ народъ.

Онъ внезапно и порывисто поднялся съ мѣста:

— Однако пора и честь знать, мы заболтались, кажется, до крайнихъ предѣловъ возможнаго.

— Куда-жъ это вы, ваше превосходительство? вскликнулъ, вскакивая въ свою очередь, хозяинъ: — неужто ужь собираетесь?

— Пора, Провѣ Ефремовичъ, меня ждутъ дома. Пойду, раскланяюсь съ вашею супругой.

Только-что замолкшій разговоръ болѣзненно взволновалъ его внутренно, и онъ видимо не хотѣлъ продолжать его.

Всѣ направились изъ „курильной“ обратно къ аппартаменту хозяйки.

Генералъ Бахратидовъ подхватилъ „стараго камрада“ подъ руку и зашепталъ ему на ухо:

— Умница ты, братъ, большая умница! Удивляюсь я и тебѣ, что ты ничего не хочешь, а еще болѣе, что никто не думаетъ позвать тебя и поставить на настоящее мѣсто.

— Позвать одно, а итти на зовъ другое, отвѣтилъ на это со слабою усмѣшкой тотъ.

— Да что̀ ты? Неужели не пошелъ бы, коли-бъ попросили?

— Нѣтъ, потому что чрезъ мѣсяцъ точно также попросили бы меня убраться.

— Съ чего же ты это взялъ?

— Сообрази самъ, дипломатъ! засмѣялся уже совсѣмъ откровенно „старый камрадъ“.

XVII.

Совсѣмъ другаго рода бесѣда шла въ изящной гостиной Антонины Дмитріевны, оставленной въ обществѣ молодыхъ людей, пока старшіе занимались въ курильной „спасеніемъ Россіи“, выражаясь словами одного петербургскаго остроумца, окрестившаго такъ всѣ „политическіе“ разговоры, которымъ такъ много и повсемѣстно предаются русскіе люди въ наши дни. Прекрасная хозяйка никогда еще, казалось, не была такъ оживлена, такъ искренно расположена къ веселой, беззаботной болтовнѣ. Одному лишь Гришѣ Юшкову казалось порой, что она насилуетъ себя на эту веселость, что за ея смѣхомъ „сочится все та же давно знакомая ему рана душевной тоски и *„злобы на жизнь“*, которая между прочимъ въ „оны дни“ едва-ли не главнымъ образомъ обусловливала ея обаяніе въ глазахъ юноши... Но все же онъ едва узналъ ее: въ ней теперь было такъ много блеска, такъ много *игры;* прежное огульное отрицаніе, прежнее какое-то *тусклое* въ выраженіи своемъ раздраженіе противу всего и всѣхъ уступило мѣсто чему-то забавно остроумному въ неожиданности и колкости замѣчаній ея и намековъ. Свѣтскій навыкъ, слѣды тѣснаго общенія со всею обширною семьей космополитическаго, разношерстнаго „monde“, въ который вступаютъ нынѣ люди по праву богатства, замѣнившему прежнія привилегіи рожденія и образованія, — сказывались теперь во всѣхъ ея пріемахъ, въ складѣ рѣчей, въ каждомъ изъ ея движеній. Она не стѣснялась предъ этою молодежью; въ тонѣ ея было что-то полураспущенное, полухудожественное,

смѣсь какого-то изысканнаго внѣшняго приличія съ безудержностью мысли и слова, чуть не граничившею съ цинизмомъ,— форма, доведенная до изумительной прелести, и содержаніе, внутрь котораго „было страшно глядѣть“. Такъ, по крайней мѣрѣ, представлялось Гришѣ, „провинціалу“ Гришѣ, какъ называлъ онъ себя, вся жизнь котораго протекла подъ „отческимъ закономъ“, въ цѣломудріи старозавѣтныхъ семейныхъ преданій и *добрыхъ* примѣровъ. Онъ ужасался подъ часъ... и въ то же время слушалъ съ какимъ-то неодолимымъ, трепетнымъ любопытствомъ. Въ разсказахъ Антонины Дмитріевны проходили предъ нимъ, будто въ какомъ-то фантастическомъ калейдоскопѣ, картины невѣдомаго ему до тѣхъ поръ міра, въ которомъ княгини и пѣвицы изъ cafés chantants, жиды-биржевики и потомки крестоносцевъ сваливались въ одну пеструю кучу, лихорадочно состязаясь въ преслѣдованіи тѣхъ же грубо-матеріальныхъ цѣлей,—міра, гдѣ успѣхъ оправдывалъ все, grandes dames хвалились громко любовникомъ, отбитымъ у кокотки, вчерашній проходимецъ, нажившійся шулерствомъ или маклерствомъ всякаго рода, становился сегодня именитымъ амфитріономъ, на приглашеніе къ которому напрашивались люди самыхъ почетныхъ общественныхъ положеній, и *купить*, „en y mettant le prix voulu“, прибавляла беззастѣнчиво смѣясь, Сусальцева, можно было *все*, отъ титула и должности до чести любой матери семейства... Все это передавала красавица совершенно просто, откровенно, какъ факты, не подлежащіе протесту, ниже осужденію, и о которыхъ упоминала она лишь съ той комической стороны ихъ, которая въ данный моментъ послужила предметомъ забавы для досужихъ любителей скандала. Но во всемъ этомъ, смутно и тревожно сознавалъ молодой человѣкъ, было нѣчто, что въ ея устахъ пріобрѣтало неотразимую привлекательность, нѣчто задорное, захватывающее, говорившее о „безконечномъ, безконтрольномъ, всецѣломъ наслажденіи жизнью“, котораго не вѣдалъ онъ до сихъ поръ, не вѣдалъ „до тридцати шести годовъ своего *улиточнаго* существованія“.

Непосредственно, unreflektirt, какъ говорятъ Нѣмцы, потѣшались за то остальные два слушателя хозяйки. Все, что

разсказывала она, было для нихъ такъ тонко, забавно и „интересно!“

— Un trou-la-la universel! надрывался хохотомъ, сіяя нѣсколько воловьими глазами губернаторскій чиновникъ Соловцовъ, воспитывавшійся въ лицеѣ на философіи *Petit Faust* и эстетикѣ *Прекрасной Елены*.

— Въ сущности скверно вѣдь! вскликнулъ Гриша, встряхнувъ головой и какъ бы отгоняя этимъ движеніемъ соблазнъ, вкрадывавшійся къ нему въ душу.

— Чѣмъ „скверно?“ обернулся къ нему съ изумленіемъ тотъ:—c'est bigrement amusant, cette noce-là!

— Никакихъ цѣлей, кромѣ наживы, и все существованіе одинъ безшабашный и... *безнравственный*, какъ-то искусственно вѣско прибавилъ Гриша,—пиръ жизни.

— А на что-жь она иначе нужна? возразилъ современный юноша:—jouir, c'est vivre!

— Не всегда, впрочемъ, замѣтилъ Гордынинъ, скромный и сдержанный молодой человѣкъ, говорившій вообще мало и какъ бы неохотно.

Антонина Дмитріевна полуобернула къ нему голову:

— Нѣтъ, не всегда, но и отрекаться я не вижу причины.

— Отъ чего это?

— Отъ того, что Григорій Павловичъ называетъ „жизненнымъ пиромъ“. Какъ ни безсмысленъ религіозный аскетизмъ, его все же понять можно. Но когда ты не Антоній Печерскій и не Марія Египетская, засмѣялась она, — проходить мимо того, что можетъ намъ дать жизнь пріятнаго, я не понимаю, признаюсь... Главное, что никто тебѣ за это не скажетъ спасибо, добавила она съ ироническимъ оттѣнкомъ, который Гриша чутьемъ почуялъ относящимся къ нему.

— Да иной просто по натурѣ своей не расположенъ къ „пированію“: онъ и „отходитъ“, какъ вы говорите, возразилъ Гордынинъ.

— А я вамъ вотъ что скажу, mon cher monsieur,—и красавица такъ и освѣтила молодаго человѣка искристыми глазами своими,—il y a le baptême de la vie, безъ котораго не можетъ обойтись теперь человѣкъ, какъ не могъ обойтись

новорожденный безъ погруженія въ купель въ понятіяхъ первоначальнаго христіанства. Если-бъ я была мать дочери-невѣсты, я бы никогда не согласилась отдать ее à un petit godiche, не прошедшему ни чрезъ какой struggle of life и видящему въ жизни какой-то математическій иксъ, къ разрѣшенію котораго онъ не знаетъ формулы.

— Почему же вы думаете? счелъ нужнымъ вступить опять въ разговоръ Юпковъ:—формулъ для вывода этого икса есть много совершенно извѣстныхъ.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ... *долгъ*, произнесъ онъ нетвердымъ голосомъ, какъ бы мгновенно оробѣвъ.

— Le de-voir! протянула она съ комическимъ эмфазомъ, раскидывая руки врознь,—je m'incline... Добродѣтельно, хоть и не совсѣмъ ново!.. И далеко вы уѣдете съ этою формулой, вы полагаете? Удовлетворится ею, по-вашему, молодое существо, которое ввѣритъ судьбу свою этому вашему человѣку „долга", когда на живыя требованія ума ея и воображенія онъ будетъ отвѣчать ей цитатами изъ прописной морали? Я отвѣчаю вамъ, что не пройдетъ шести мѣсяцевъ послѣ свадьбы, какъ она повиснетъ на шеѣ перваго gandin, который заговоритъ съ нею *настоящимъ языкомъ*.

— J'crois bien, saperlipopette! расхохотался во всю силу Соловцовъ, восхищенный нескромнымъ намекомъ, заключавшимся, понялъ онъ, въ этихъ словахъ.

Гриша вспыхнулъ по самые глаза; голосъ его задрожалъ:

— Есть, къ счастью, между женщинами и такія, къ которымъ не осмѣлится подступить ни одинъ „gandin" вашъ и не пристанетъ ни одного брызга отъ его *настоящаго* языка.

Сусальцева, какъ бы не замѣчая его раздраженнаго тона, лѣниво откинулась въ расшитыя подушки дивана, на которомъ возлежала:

— Желаю вамъ такую встрѣтить, небрежно уронила она:—я не встрѣчала.

— Вы клевещете на вашъ полъ, кажется, изъ любви къ спору, тихо усмѣхнулся Гордынинъ:—вы первая, какъ говоритъ общій голосъ, оставались вѣкъ свой глухими на какія

бы ни были рѣчи, которыя говорились вамъ, и на какомъ бы языкѣ онѣ ни говорились.

Она пожала плечами:

— Uniquement parceque je suis pratique и очень рано вкусила отъ того горькаго древа, которое называютъ опытомъ... Но кто же вамъ сказалъ, примолвила она, медленно и какъ бы устало сожмуривая вѣки,—что и для меня нѣтъ языка, котораго звуки были бы въ состояніи пробудить меня отъ спячки... Повѣрьте, въ любой повѣсти женскаго *сердца*, какъ называютъ это романисты, все зависитъ отъ музыканта. Онъ не нашелся для меня,—вотъ и все!

— *Пока?* подчеркнулъ, лукаво подмигивая ей, лицеистъ.

— Пожалуй...

Она слегка кивнула и усмѣхнулась опять.

У лицеиста все лицо загорѣлось:

— Что же нужно... que faut il pour vous plaire, madame?

— Какъ вы молоды! разсмѣялась она:—развѣ существуютъ отвѣты на такіе вопросы?.. Почемъ я знаю сама!

— Но приблизительно однако, приставалъ онъ, — какія именно качества...

— „Качества?“ Que vous êtes donc naif, jeune homme! Скажите *недостатки*, это еще понятно.

— Quelque vice grandiose alors? подмигнулъ онъ почему-то, принимая видъ самаго прожженнаго roué старыхъ временъ.

— Нашъ вѣкъ такъ измельчалъ, презрительно отозвалась она,—что ни на что „грандіозное“ люди болѣе не способны ни въ хорошемъ, ни въ дурномъ... Конечно, примолвила она чрезъ мигъ съ новою, не то лѣнивою, не то надменною усмѣшкой,—если бы кто-нибудь, какъ тотъ испанскій грандъ, влюбленный въ свою королеву *), поджегъ бы свой дворецъ, чтобъ имѣть только случай пронести меня сквозь огонь въ своихъ объятіяхъ...

— Вы полюбили бы его? такъ и вскрикнулъ Соловцовъ.

— Не знаю... mais il aurait eu des chances...

---

*) Герцогъ Медина-Сидоніа.

— Дорогой шансъ, во всякомъ случаѣ! добродушно сострилъ Гордынинъ.

— А вы полагаете, что я стою дешево? спросила Антонина Дмитріевна съ невыразимою дерзостью выраженія.

Бѣдный Гордынинъ, смутившись, растерянно заворочалъ плечами. Лицеистъ за то восторженно захлопалъ въ ладоши:

— Adorable, splendide, épatant! нанизывалъ онъ подлежащіе эпитеты изъ своего опереточнаго лексикона.

Гриша сидѣлъ блѣдный, словно весь съежившись и уйдя въ себя. Онъ не могъ оторваться отъ мысли, что все это говорилось ею „для него собственно“, что *она* опять, опять, „какъ въ тѣ проклятые дни“, пробовала надъ нимъ „могущество своихъ чаръ“, манила его призракомъ соблазнительнаго „шанса“, съ тѣмъ, чтобъ и онъ „сжегъ дворецъ свой, какъ тотъ грандъ“... „Никогда, никогда!“ восклицалъ онъ внутренно въ глубокомъ смятеніи: „я не люблю ея, *презираю*... Маша, Маша!... Скорѣй, скорѣй отсюда вонъ... Когда же соберется ѣхать Борисъ Васильевичъ!“...

Антонина Дмитріевна какъ бы угадала душевное состояніе бывшаго ея обожателя. Она обернулась къ нему съ лицомъ, на которомъ уже не оставалось и слѣда того *шаловливаго* настроенія, съ которымъ вела только-что слышанныя нами изъ устъ ея рѣчи:

— Вы серьезный человѣкъ, Григорій Павловичъ et nos racontars frivoles мало васъ интересуютъ, я понимаю. Мнѣ къ тому же и нужно поговорить съ вами о предметѣ совсѣмъ иного рода.

— Что вамъ угодно? проговорилъ онъ сдержанно.

— Вотъ видите, я нахожу, что мужъ мой, при его состояніи и въ его двойномъ качествѣ *крупнаго землевладѣльца*,— такъ вѣдь это говорится офиціально?—примолвила она съ шутливымъ оттѣнкомъ,—и большаго здѣшняго фабриканта, долженъ непремѣнно сдѣлать что-нибудь для этой мѣстности, въ которой онъ живетъ; онъ даже къ этому обязанъ, по-моему, принадлежа къ земству... Я и думала, что было бы очень хорошо устроить школу въ нашемъ городѣ спеціально для дѣвочекъ. Я бы ею занялась, какъ попечительница, и могла бы

даже, когда эти дѣвочки кончатъ курсъ, пристраивать ихъ по возможности и давать бѣднѣйшимъ изъ нихъ приданое, если захотятъ онѣ выйти замужъ... Какъ находите вы мой проектъ?

Гриша съ изумленіемъ поглядѣлъ на нее и не нашелъ въ первую минуту отвѣта.

— Вамъ не нравится? быстро спросила она, пристально взглядываясь въ него въ свою очередь.

— Отвѣтить вамъ на это прямо, Антонина Дмитріевна, довольно трудно, сказалъ онъ:—школа дѣло хорошее вообще, но вопросъ въ томъ, имѣется-ли здѣсь настоящая потребность въ ней, что̀ именно имѣете вы въ виду, задумывая ее, въ какихъ размѣрахъ полагали бы вы ее учредить, и такъ далѣе.

— Конечно, конечно, tout cela n'est encore qu'à l'état d'embrion dans ma tête, мнѣ только пришла въ голову эта мысль, и я не имѣла еще времени разработать ее и дать ей опредѣленную форму. Я поэтому и подумала, что никто не можетъ быть мнѣ болѣе полезенъ въ этомъ случаѣ, какъ вы... Вы при томъ теперь и власть въ уѣздѣ... Вы не откажетесь быть моимъ совѣтчикомъ, руководителемъ?

Гриша наклонилъ голову.

— Очень благодаренъ вамъ за довѣріе, но я не спеціалистъ по школьному вопросу, и полагаю, что гораздо болѣе меня могъ бы вамъ быть полезнымъ нашъ инспекторъ народныхъ училищъ, совершенно компетентный въ дѣлѣ и при томъ очень хорошій человѣкъ.

Она перебила его быстрымъ движеніемъ руки.

— Это казенный то-есть, министерства народнаго просвѣщенія? Ни за что̀, нѣтъ, я лучше откажусь отъ всякаго моего намѣренія сдѣлать добро, чѣмъ имѣть дѣло avec ce ministère odieux!... Вотъ спросите monsieur Соловцова, что̀ говорили про него еще сегодня утромъ у меня его начальникъ и такой государственный человѣкъ, какъ Алексѣй Сергѣевичъ Колонтай.

— Le ministère de la crétinisation publique! захихикалъ лицеистъ, въ видѣ résumé того, что̀ именно говорили эти „государственные“ люди.

Гриша намѣревался возражать, но Сусальцева не дала ему на это времени.

— Нѣтъ, мы это съ вами сочинимъ и соорудимъ вдвоемъ, безо всякихъ „компетентовъ“, и прекрасно сочинимъ, вы увидите! Я хочу, чтобъ это было uniquement une oeuvre à nous deux, чуть-чуть подчеркнула она, какъ бы сочетая мысленно его съ собою въ чемъ-то особенно любезномъ ей и дорогомъ, и скользнула бархатнымъ взглядомъ по смущенному лицу молодаго человѣка:—мы съ вами такіе старые друзья, неужели вы рѣшитесь поступить со мною, какъ съ докучливою просительницей, отъ которой люди во власти прячутся, или отдѣлываются какими-нибудь казенными фразами?

Что было дѣлать Гришѣ? Онъ попытался обратить дѣло въ шутку.

— Я не „власть“, во-первыхъ, и не зналъ бы даже, какъ сложить „казенную фразу“, если бы приходилось мнѣ уклоняться отъ „докучливыхъ просительницъ“. Но вы и не принадлежите къ числу ихъ...

— J'crois ben, saperlipopette! воскликнулъ губернаторскій чиновникъ, нѣжно вскидывая глаза на хозяйку и вздыхая.

— Оставьте же говорить серьезныхъ людей! капризно крикнула она на него.—Вы что-то начали издалека, Григорій Павловичъ, но я васъ избавляю отъ предисловія; прошу отвѣчать прямо: согласны вы, или нѣтъ быть моимъ помощникомъ въ томъ, о чемъ я вамъ сейчасъ говорила?

— Если я вамъ непремѣнно нуженъ... пролепеталъ онъ.

— Нужны-ли? Еще какъ, необходимы!... Такъ вы согласны? Mercі, mercі de coeur!

И она протянула ему руку.

Онъ взялъ ее. Онъ почувствовалъ въ своей теплоту и мягкость ея нѣжной ладони, почувствовалъ, какъ сжимала она какимъ-то трепетнымъ, показалось ему, пожатіемъ его мгновенно заледенѣвшіе пальцы. Словно какіе-то огни запрыгали у него предъ глазами.

— Вѣдь это надобно скорѣе, Григорій Павловичъ, торопливо заговорила она опять,—я хочу, чтобы къ началу осени у насъ было все готово и открыто...

— Это не возможно такъ быстро, возразилъ Юшковъ, овладѣвъ еще разъ собою:—формальности берутъ у насъ всегда очень много времени, требуется утвержденіе въ Петербургѣ, теперь же время лѣтнее...

— Объ этомъ не безпокойтесь, нашъ милый губернаторъ обѣщалъ мнѣ устранить всѣ затрудненія. Надобно только намъ съ вами все сообразить хорошенько... Если бы вы могли, напримѣръ, переночевать сегодня въ Сицкомъ, мы бы завтра же утромъ могли устроить нашъ первый сеансъ.

— Это совершенно не возможно, Антонина Дмитріевна: у меня завтра занятія по опекѣ.

— Такъ послѣ завтра; пріѣзжайте завтракать vers midi.

— Право, не знаю,—у меня теперь очень мало свободнаго времени.

Она нахмурилась на мигъ, но тотчасъ затѣмъ приняла свой прежній оживленный видъ:

— Какъ хотите, но знайте, я теперь отъ васъ не отстану, буду хоть каждый день гонять къ вамъ посланцевъ во Всесвятское, чтобы напоминать вамъ, что вы мнѣ нужны, необходимы, что я безъ васъ наконецъ жить не могу! разсмѣялась она громко, раскидывая еще разъ обѣ руки движеніемъ, выходившимъ у нея какъ-то необыкновенно щеголевато.

— Epatant! вскликнулъ тутъ же Соловцовъ и тутъ же запѣлъ, подмигивая и закатывая глаза подъ лобъ, изъ извѣстнаго *письма* въ *Grande Duchesse*:

Qu'on l'aime tant,
Le brigand,
Que vraiment on en perd la tête...

Гриша растерянно и злобно уперся въ него взглядомъ, готовый разразиться какимъ-нибудь жесткимъ словомъ...

Но въ ту же минуту дверь сосѣдней комнаты широко растворилась, пропуская возвращавшихся изъ курильной „именитыхъ гостей“ Всесвятскаго, съ хозяиномъ его и Троекуровымъ.

— Enfin! воскликнула Антонина Дмитріевна, смѣясь, — cela a-t-il-été assez long! И ужь непремѣнно о политикѣ говорили, не правда-ли?

— Коснулись легонько, коснулись, нельзя же, счелъ нуж-

нымъ хихикнуть въ свою очередь въ отвѣтъ Провъ Ефремовичъ,—да вотъ его превосходительство, къ сожалѣнію, не захотѣлъ больше, уѣзжать сбирается.

И онъ указалъ на Бориса Васильевича, искавшаго свою шляпу.

— Уже! протянула Антонина Дмитріевна, и глаза ея какъ бы съ безсознательною, невольною тревогой вскинулись на Гришу Юшкова: ты, молъ, сейчасъ съ нимъ уѣдешь!

Нервная дрожь пробѣжала у него по тѣлу, но онъ только чуть-чуть усмѣхнулся, какъ бы отвѣчая: и давно пора!

— У меня къ вамъ просьба, mon général, выговорила она, протягивая руку подошедшему раскланяться ей Троекурову.

— Что прикажете? отвѣтилъ онъ съ холодною учтивостью.

— Отпустите ко мнѣ скорѣй Григорія Павловича: онъ мнѣ нуженъ для одного хорошаго дѣла, о которомъ онъ вамъ скажетъ.

Вѣки у него судорожно заморгали:

— Григорій Павловичъ не ребенокъ, отрѣзалъ онъ какъ ножемъ, — и на *отпуски его* или неотпуски я не имѣю ни правъ, ни притязаній.

Онъ поклонился и быстро отошелъ, раскланиваясь и пожимая протягивавшіяся ему руки.

Гриша въ свою очередь торопливо вскочилъ съ мѣста...

— Такъ я васъ жду, вы будете... Непремѣнно? удерживая на мигъ его руку въ своей, въ полголоса, будто сообщая ему какую-то тайну, проговорила Антонина Дмитріевна. Глаза ея такъ и впились въ его лицо.

Онъ, не отвѣчая, еще разъ поспѣшно склонилъ предъ нею голову и зашагалъ вслѣдъ за уходившимъ Борисомъ Васильевичемъ и провожавшимъ его хозяиномъ.

Гордынинъ, почувствовавшій къ нему симпатическое влеченіе съ первой минуты знакомства, и губернаторскій чиновникъ, которому внутри что-то говорило, что онъ, Соловцовъ, былъ не совсѣмъ „correct“ въ разговорѣ съ этимъ новымъ своимъ знакомымъ, и желавшій поэтому „исправить“ дурное впечатлѣніе, которое онъ могъ произвести на него, пошли въ свою очередь проводить его до экипажа.

Оставшись одна со своими *интимами*, Сусальцева быстро обернулась къ Колонтаю и спросила:

— Ну, что онъ говоритъ?

Тотъ слегка усмѣхнулся и пожалъ плечами:

— C'est un Николаевскій генералъ dans toute l'odieuse acception du terme! засосалъ вмѣсто него свою карамельку губернаторъ, неестественно хихикая:—какой-то поросшій мхомъ допотопный fossile. Онъ ничего кромѣ кулака не допускаетъ, никакихъ современныхъ потребностей не признаетъ, озлобленъ и даже... даже грубъ, добавилъ онъ, подпуская видимо уже въ карамельку уксуса.

— Умная голова, нѣтъ, не говори, твердый человѣкъ! закачалъ головой генералъ Бахратидовъ.

— Умный, несомнѣнно, mais très encroûté, уронилъ Колонтай,—не даромъ такъ долго живетъ въ провинціи; самые умные люди въ ней поневолѣ ржавѣютъ.

— Вообразите, продолжалъ горячиться Савиновъ,—вмѣсто требуемыхъ теперешними обстоятельствами мѣръ либеральнаго свойства, которыя могли бы нѣсколько успокоить общество и призвать его вмѣстѣ съ тѣмъ къ живому участію въ государственныхъ вопросахъ, онъ кричитъ о какомъ-то великомъ визирѣ съ неограниченными правами власти, диктатуры какой-то хочетъ.

— Диктатуры? протянула Антонина Дмитріевна.

Глаза ея блеснули и остановились на Бахратидовѣ.

— Mais le voilà, le dictateur tout trouvé! проговорила она побѣднымъ тономъ.

Алексѣй Сергѣевичъ усмѣхнулся и повелъ чуть-чуть головой. Генералъ замахалъ руками:

— Что вы, что вы, красавица! — и онъ приложилъ правую руку къ лѣвому боку:—я на одну диктатуру способенъ, на диктатуру сердца.

— Браво, браво,—она захлопала въ ладоши,—намъ такая именно и нужна теперь. Tout par le coeur, и Россія будетъ благословлять тотъ день, когда васъ назначатъ:—c'est moi qui vous le dis!...

XVIII.

Въ *ней* были всесильныя чары,
Была непонятная власть.
Лермонтовъ.

— Какое у этой барыни тамъ „доброе дѣло“, о которомъ вы должны передать мнѣ? спросилъ Борисъ Васильевичъ своего спутника, когда коляска ихъ выѣхала изъ Сицкаго.

— Она говорила мнѣ, желаетъ учредить въ городѣ школу для дѣвочекъ, отвѣтилъ со слабою усмѣшкой Гриша.

— Вотъ какъ! Которою сама она будетъ руководить? съ невеселою усмѣшкой примолвилъ Троекуровъ.

Гриша насилованно усмѣхнулся тоже:

— Она дѣйствительно хочетъ быть тамъ попечительницей и лучшимъ изъ выходящихъ думаетъ давать приданое.

— Поздравляю тѣхъ, кому достались бы въ жены эти воспитанницы госпожи Сусальцевой... Но полагаю, что изъ ея намѣренія ничего не выйдетъ и что на счастье нашихъ мѣщанокъ она забудетъ объ ихъ *цивилизаціи*... А вы тутъ при чемъ? спросилъ онъ чрезъ мигъ.

— Ей представилось, что я ей необходимъ, какъ исправляющій должность предводителя, для содѣйствія ея плану, какъ-то особенно торопливо поспѣшилъ сказать молодой человѣкъ.

Собесѣдникъ его примолкъ на минуту:

— Вы слышали или нѣтъ, началъ онъ опять, — что говорилъ этотъ снобъ-губернаторъ за столомъ относительно экстреннаго собранія дворянства для выбора предводителя вмѣсто Павла Григорьевича?

— Слышалъ, какъ же; онъ говорилъ достаточно громко для этого.

— И поняли, для чего это было сказано?

— Какъ не понять, Борисъ Васильевичъ: извѣстной партіи, которой этотъ господинъ видимо покровительствуетъ, хочется устранить меня скорѣе отъ исправленія этой должности и затѣмъ не допустить, чтобы меня выбрали. Интрига по уѣзду ведется очень бойко въ пользу ея кандидата.

— Лупандина?

— Да; имъ руководитъ, какъ говорилъ мнѣ всезнающій Николай Ивановичъ, наглецъ этотъ Свищовъ...

— Знаю.

— Съ губернаторомъ они знакомы были еще въ Петербургѣ, служили вмѣстѣ, и Николай Иванычъ увѣряетъ, что тотъ изъ Сицкаго долженъ проѣхать къ этому графу въ усадьбу, провести тамъ нѣсколько дней... Все это, главное, ведется въ виду извѣстной вамъ желѣзной дороги, противъ которой батюшка и вы высказались прямо, между тѣмъ какъ для весьма многихъ въ уѣздѣ она представляется источникомъ великихъ выгодъ.

— Да, единомыслить со мною въ настоящую пору вообще не разсчетливо, ироническимъ тономъ промолвилъ на это Троекуровъ и не раскрывалъ рта болѣе во всю дорогу.

Въѣзжая на широкій дворъ Всесвятскаго, они увидѣли Машу, сидѣвшую на крыльцѣ съ Анфисой Дмитріевной Ѳирсовой. Она видимо поджидала ихъ, кинулась съ мѣста обнимать отца, едва успѣлъ онъ выйти изъ коляски, крикнувъ ему: „Мама гораздо лучше, она сидитъ у себя съ Васей и Вячеславомъ Хлодоміровичемъ“,—и тутъ же, быстро обернувшись на Юшкова, впилась глазами въ его лицо и спросила, стараясь выговорить это какъ можно „проще“ и беззаботнѣе.

— Что, весело вамъ было тамъ въ княжьихъ палатахъ madame de Soussaltzef?

— Очень, чрезвычайно! насмѣшливо напиралъ онъ, пожимая и не выпуская ея руки изъ своей, между тѣмъ какъ отецъ ея направился въ покои Александры Павловны.

— Пиръ былъ на весь міръ, воображаю, les petits pots

dans les grands, говорила она тѣмъ же тономъ, продолжая допытываться въ его лицѣ того „настоящаго“ впечатлѣнія, какое онъ могъ вынести изъ Сицкаго.

Но онъ, „что бы тамъ ни произошло съ нимъ“, онъ — „она читала это теперь на лицѣ его, какъ въ книгѣ“, — былъ такимъ, „какимъ она всегда желала его видѣть:“ счастливый, оживленный, веселый. И у самой у нея на душѣ стало вдругъ такъ свѣтло, такъ лучисто-свѣтло... Но не показывать же это ему прямо, „еще *зазнается* пожалуй“...

— Посмотрите на него, обернулась она къ Ѳирсовой, — какимъ онъ глядитъ именинникомъ.

— Радъ, что вернулся, засмѣялась та.

— Совсѣмъ нѣтъ: радъ, что былъ тамъ, что видѣлъ, что слышалъ райскій голосъ.

— Ну ужь „райскій“ совсѣмъ тутъ не къ предмету, Машенька, замѣтила Анфиса Дмитріевна.

— А онъ находитъ... Не правда-ли, вѣдь вы находите, Гриша?...

— Что нахожу?

— Что „лучше Олимпіады Самсоновны барышни на свѣтѣ нѣтъ“, какъ говорится въ этой піесѣ Островскаго, которую я видѣла въ Москвѣ, хохотала Маша. — О чемъ у васъ съ нею были разговоры, говорите сейчасъ? приставала она къ нему.

— Она перещеголять васъ намѣревается по части науки, смѣялся онъ тоже: — школу женскую хочетъ завести въ городѣ, съ приданымъ вмѣсто похвальнаго листа за успѣхи ученицъ.

— И васъ приглашаетъ быть у нея помощникомъ? живо выговорила дѣвушка безъ всякаго уже слѣда веселости.

— Почемъ вы знаете? вскликнулъ онъ съ удивленіемъ.

— Какъ трудно догадаться!... Вотъ видите! обернулась она еще разъ къ Ѳирсовой! — я знала напередъ, что она непремѣнно ужь что-нибудь выдумаетъ.

— Такъ мало-ли что!

И Анфиса Дмитріевна пожала плечами:—Съ тѣмъ и останется.

Гриша взялъ опять обѣ руки Маши въ свои.

— Ну что̀, скажите, могла бы она „выдумать“, о чемъ бы стоило вамъ безпокоиться?

Но она перебила его и даже ножкой топнула.

— Нисколько я не безпокоюсь, и не воображайте, пожалуйста! Но я знаю, что она будетъ дѣлать все, чтобы привлечь васъ въ свой „cercle d'attraction“, comme on dit, и отвести отъ насъ, отъ папа. Имъ это теперь нужно... Вотъ тутъ сейчасъ Николай Ивановичъ былъ, и мы говорили съ нимъ... Противъ папа подымаютъ всѣхъ въ уѣздѣ теперь, противъ его вліянія.

— Такъ что̀ же, вы думаете, воскликнулъ Гриша, морща брови,—что я поддамся на эту интригу?

— Еще бы вы поддались!.. Но вы... вы... Я не знаю, но ужь она навѣрно не безъ какой-нибудь mauvaise arrière-pensée ищетъ теперь... *дружбы* съ вами, подчеркнула Маша съ какою-то особенною, тревожно звучавшею интонаціей.

— И конечно, сказалъ Гриша,—если допустить, что она дѣйствительно ищетъ этого, а не просто, безо всякой хорошей или дурной задней мысли, минутнаго разсѣянія отъ все той же, какъ я могъ замѣтить, снѣдающей ее внутренно скуки и тоски... Нѣтъ, Маша, вскликнулъ онъ въ какомъ-то мгновенномъ восторженномъ порывѣ, и глаза его нѣжно устремились на дѣвушку,—я провелъ тамъ три часа точно подъ душью ледяной воды, падавшей мнѣ капля за каплей на голову и отъ которой всѣ нервы мои приходили въ судорожное содроганіе. И вотъ вижу васъ опять, и снова мнѣ легко и сладко дышать, и опять чувствую себя бодрымъ, здоровымъ, вѣрующимъ...

Онъ говорилъ искренно, ото всей души, забывая въ эту минуту, подъ лучами этихъ дѣвственныхъ, любовно и тревожно глядѣвшихъ на него глазъ, что *тамъ*, къ тѣмъ „ледянымъ“ каплямъ, падавшимъ ему на голову, примѣшивалась еще иная струя, струя соблазна, и шептали внутри его презрительные звуки о его „ничего не испытавшемъ до сихъ поръ *улиточномъ* существованіи“.

— Богъ съ ней, не нужно мнѣ ихъ никого, горячо про-

должалъ онъ,—лишь бы мы попрежнему были друзьями, моя честная, чистая Маша!

Прелестное лицо ея все разцвѣло опять.

— *Ворона и лисица*, басня Крылова. Ворона выхожу я; вѣдь такъ, Анфиса Дмитріевна? а онъ лисица:

Какія перышки, какой носокъ,
И вѣрно ангельскій быть долженъ голосокъ!

— Ну ужь на лису-то вовсе не похожъ, закачала смѣясь головой Ѳирсова.

— Нѣтъ, нѣтъ, не похожъ, я шучу, Гриша! вскликнула Маша, вскидывая вверхъ свои бѣлыя, нѣсколько большія и длинныя руки и роняя ихъ на плечи молодаго человѣка:— вы у насъ бѣленькій, добренькій, мягонькій какъ овечка Божія!

Антонина Дмитріевна Сусальцева между тѣмъ, вопреки чаянію Троекурова, была повидимому рѣшительно намѣрена заняться „цивилизаціей“ женскаго населенія города ***. Дня четыре послѣ извѣстнаго намъ обѣда въ Сицкомъ, Гриша Юшковъ получилъ отъ нея записку на изящномъ, цвѣта „verre d'eau“, листкѣ, съ изображеніемъ на заголовкѣ его бѣлоснѣжной голубки съ письмомъ въ клювѣ и девизомъ: „Vole et reviens vite“, въ которой говорилось на изысканно шутливомъ французскомъ языкѣ, что „замокъ ея опустѣлъ послѣ отъѣзда разлетѣвшихся изъ него гостей и что она, свободная теперь духомъ и *движеніемъ* (libre d'esprit et de mouvement), желаетъ облечь въ плоть (donner corps) то зародившееся у нея въ идеѣ предположеніе, о которомъ она говорила ему при послѣднемъ ихъ свиданіи, вслѣдствіе чего проситъ его прибыть къ ней безъ отговорокъ и не окладывая (sans faute ni retard) для необходимыхъ объ этомъ переговоровъ“. Гриша прочелъ эту записку медленно, строку за строкой, перечелъ ее еще разъ, словно желая удержать каждое изъ выраженій ея въ памяти, но вдругъ затѣмъ нервно порвалъ ее въ мелкіе куски и вышвырнулъ ихъ въ открытое окно, а посланному красивой барыни велѣлъ передать на словахъ, что „очень извиняется, не имѣя возможности отвѣчать ей письменно,

такъ какъ сейчасъ ѣдетъ въ городъ и никакъ не можетъ обѣщать быть въ скоромъ времени въ Сицкомъ вслѣдствіе занятій по должности, требующихъ постояннаго присутствія его въ городѣ"... „Пусть называетъ меня неучемъ", сказалъ себѣ при этомъ Гриша, „а такъ по крайней мѣрѣ разомъ конецъ будетъ!.." Антонина Дмитріевна, получивъ этотъ словесный отвѣтъ, не назвала его никакъ; губы ея только слегка дрогнули и сложились въ недобрую усмѣшку.

Прошло еще нѣсколько дней. Гриша сидѣлъ однажды часу въ третьемъ пополудни на городской квартирѣ, издавна нанимавшейся отцомъ его въ домѣ, гдѣ помѣщалась и дворянская опека, съ секретаремъ которой временной предводитель въ эту минуту занимался бумагами. Они сидѣли другъ противъ друга за письменнымъ столомъ, помѣщавшимся между двухъ оконъ, выходящихъ на улицу. День былъ чудесный; солнце пекло, и на половину спущенныя въ огражденіе отъ лучей его темныя зеленыя сторы надувались и шелестили подъ взрывами набѣгавшаго въ открытыя окна отъ времени до времени вѣтра.

Легкій грохотъ подъѣхавшаго экипажа отвлекъ вниманіе обоихъ отъ лежавшихъ предъ ними *отпусковъ* и *отношеній*.

Секретарь опеки, молодой человѣкъ со взъерошенною „чортомъ" шевелюрой, какія только встрѣчаются въ провинціи, быстро откинулся съ мѣста головой къ окну, подсунулъ ее подъ стору и выглянулъ на улицу.

— Барыня какая-то, великолѣпная! объявилъ онъ шепотливо и поспѣшно, такъ же быстро оборачиваясь ликующимъ лицомъ къ своему начальнику.

И въ то же время донесся до Гриши женскій голосъ, спрашивавшій громко: — Григорій Павлычъ Юшковъ здѣсь живетъ?

Нервная дрожь пробѣжала у него по спинѣ. Онъ трепетною рукой поднялъ стору на своемъ окнѣ, выглядывая изъ него въ свою очередь.

Антонина Дмитріевна Сусальцева въ низенькомъ обитомъ внутри темно-малиновымъ атласомъ соломенномъ портшезѣ, запряженномъ парою пони модной *соловой* масти, съ коротко

остриженными гривами и букетами свѣжихъ розъ подъ ушами, держа въ одной рукѣ возжи, а въ другой длинный бичъ съ высокою рѣзною рукояткой изъ слоновой кости, между тѣмъ какъ чуть видный отъ земли грумъ въ подобающей ливреѣ соскакивалъ съ задняго сидѣнья и ухватывалъ лоснившихся какъ зеркало лошадокъ ея подъ уздцы,—Антонина Дмитріевна, въ круглой шляпкѣ съ птичьимъ перомъ на боку, въ *джерси*, тѣсно охватывавшемъ роскошныя очертанія ея бюста, вся зарумянившая отъ ѣзды и воздуха, предстала предъ нимъ во всемъ очарованіи своей вызывающей и самонадѣянной красоты. Она подняла глаза и увидѣла его:

— Вы знаете, что̀ сказалъ Магометъ, когда гора отказалась двинуться на его зовъ? крикнула она ему со смѣхомъ снизу:—вотъ я и сама явилась,—пожалуйте!

„Господи!“ досадливымъ взрывомъ сказалось внутри молодаго человѣка, между тѣмъ какъ гораздо болѣе юный секретарь его спрашивалъ черезъ столъ все тѣмъ же шопотомъ и восторженно сіяя широко раскрытыми глазами:

— Кто эта богиня, Григорій Павлычъ?

Онъ не отвѣчалъ ему, нахлобучилъ сердитымъ движеніемъ шляпу на голову и вышелъ на крыльцо.

— Что̀ угодно вамъ, Антонина Дмитріевна? спросилъ онъ, подходя къ ней и кланяясь съ холодною учтивостью.

Она отодвинулась къ другому углу портшеза и, указавъ кивкомъ на опроставшееся подлѣ себя мѣсто:

— Садитесь! сказала она.

— Куда это? спросилъ онъ, недоумѣвая.

— Развѣ объ этомъ спрашиваютъ, quand une jolie femme vous fait l'honneur de vouloir vous enlever? засмѣялась она;—садитесь!

— Извините, сказалъ онъ нѣсколько раздраженнымъ тономъ:—я занятъ, мнѣ рѣшительно не возможно...

Секретарь опеки, прислушивавшійся къ этому разговору изъ окна и котораго видъ „великолѣпной барыни“ приводилъ все въ большее и большее восхищеніе, провелъ поспѣшно рукой по растрепаннымъ своимъ вихрамъ и, стараясь придать

какъ можно болѣе развязности „свѣтскаго тона“ выраженію лица своего и рѣчи, крикнулъ ему сверху:

— Не безпокойтесь, Григорій Павлычъ, остальную *корреспонденцію* мы можемъ отложить до завтра: не къ спѣху.

Сусальцева подняла на мигъ глаза на говорившаго, чуть-чуть кивнула ему, какъ бы благодаря, и обернулась, сдвинувъ брови, на Юшкова:

— Вы видите! Ne faites donc pas l'enfant, примолвила она вполголоса:—c'est ridicule!

Онъ повиновался угрюмо и безмолвно.

— На мѣсто! скомандовала красивая барыня груму, собирая возжи.

Мальчикъ поспѣшно побѣжалъ къ своему сидѣнью.

Лошадки тронули и побѣжали крупною *разбѣжистою* рысью, какой, казалось, никакъ нельзя было ожидать отъ ихъ крохотнаго роста. Антонина Дмитріевна, натягивая сильно возжи, правила ими со всѣмъ мастерствомъ опытной наѣздницы. Утромъ шелъ крупный дождь, и недавняя пыль обратилась въ иныхъ мѣстахъ въ жидкую кашу черной грязи, но она ловко и смѣло объѣзжала ихъ, свободно ворочая своею упряжкой то вправо, то влѣво, поглощенная, повидимому, этимъ занятіемъ и какъ бы находя въ немъ какое-то особое, увлекательное удовольствіе.

Такъ проѣхали они городъ, не обмѣнявшись словомъ другъ съ другомъ.

За заставой пошла торная, успѣвшая уже обвѣтриться дорога, обсаженная старыми березами Екатерининскихъ временъ. Сусальцева стала мало-по-малу умѣрять ходъ разбѣжавшихся пони и вдругъ обернулась на своего спутника:

— Скажите, начала она по-французски:—вы почитаете нужнымъ избѣгать меня?

Онъ не отвѣчалъ.

— Потому что, продолжала она съ оживленіемъ,—эти ваши чрезмѣрныя занятія, о которыхъ вы говорили мнѣ въ Сицкомъ и въ нѣсколько неучтивомъ, позвольте это сказать кстати, словесномъ отвѣтѣ вашемъ на мою записку, оказываются, какъ это сейчасъ доказано было, вздоромъ! Но есть

положенія, понимаю, почти обязывающія на неучтивость. Почитаете-ли вы себя въ такомъ положеніи относительно меня, Григорій Павлычъ?

— Позвольте... началъ было онъ.

Но она не дала ему времени договорить:

— Нѣтъ, прошу васъ сперва отвѣчать прямо на мой вопросъ: вы рѣшили, что я такая женщина, которой лучше не видать?

Болѣзненное чувство сказалось на мигъ къ лицѣ Гриши:

— Да, Антонина Дмитріевна, вымолвилъ онъ съ усиліемъ:—вы не ошиблись, я рѣшилъ, что такъ лучше.

Она повела на него искоса ироническимъ взглядомъ:

— Сами вы, медленно роняя слова, проговорила она,—или по чьему-нибудь приказанію?

Онъ вспыхнулъ весь, готовый отвѣтить жесткимъ словомъ, но тутъ же сдержался, улыбаясь насильственною улыбкой:

— Вы ошибаетесь, Антонина Дмитріевна, сказалъ онъ,—если полагаете уязвить самолюбіе мое вашимъ намекомъ. Я вижу въ этомъ только желаніе ваше доказать мнѣ лишній разъ, что вы ненавидите тѣхъ, на кого намекаете, но я смѣю думать, что вамъ... что вообще лучше не говорить о томъ, къ чему мы не можемъ относиться безпристрастно.

Она презрительнымъ движеніемъ шевельнула своими великолѣпными плечами.

— Ненавижу, это для нихъ слишкомъ много чести; я просто не люблю тупыхъ людей... Но я пощажу деликатность вашихъ благородныхъ чувствъ, я знаю, что вы тамъ на испытаніи.

— На какомъ испытаніи, что̀ вы говорите!

— То, что̀ есть. Я все знаю, а чего не знаю, угадываю такъ же вѣрно, какъ если бы слышала собственными ушами: относительно васъ тамъ существуетъ то, что̀ сказывается въ извѣстной пословицѣ: *и хочется, и колется, и бабушка не велитъ*. Вы намѣченный женихъ несравненной Маріи Борисовны чуть-ли не съ самаго дня ея рожденія. Это совсѣмъ по традиціи, какъ въ благонамѣренныхъ старыхъ романахъ: друзья родители предназначаютъ съ колыбели дѣтей своихъ

къ будущимъ узамъ Гименея et autres exercices *patriarcaux* et touchants. Прелестно! Но вышло такъ, что въ ожиданіи той счастливой минуты нареченный будущій обладатель нашей Машеньки чуть-чуть свихнулся и запутался было въ сѣтяхъ одной жалкой особы, дочери разореннаго и пьянаго отца, которую мы поэтому имѣли полное основаніе презирать и не пускать къ себѣ въ домъ. Особа эта, отдадимъ ей справедливость, была со своей стороны горда и не хотѣла способствовать своимъ поощреніемъ этого вѣроломнаго суженаго нашей Машеньки къ окончательному разрыву съ нами и всѣмъ нашимъ міромъ: она предпочла, во избѣжаніе соблазна, выйти замужъ за человѣка, не равнаго ей ни по рожденію, ни по воспитанію...

Судорожное движеніе пробѣжало по губамъ Юшкова, но онъ не шевельнулся, не взглянулъ на нее.

— Вы этимъ огорчились тогда, Григорій Павловичъ, продолжала она,—и голосъ ея слегка будто дрогнулъ при этомъ, показалось ему:—или я ошибаюсь?

— Нѣтъ, сказалъ онъ послѣ минутнаго колебанія.

Подъ вѣками ея блеснулъ быстрѣе, чѣмъ молнія, какой-то лучъ самодовольнаго торжества.

— Мы это, само собою, замѣтили, начала она опять язвительнымъ тономъ говорить отъ имени Троекуровыхъ,—и, почятно, сильно на это вознегодовали. Машеньку мы увезли за границу, гдѣ, встрѣчаясь съ ненавистною намъ купчихой, едва удостоивали ее поклона... въ то время,—примолвила съ высокомѣрною улыбкой Сусальцева,—когда принцы крови et tout ce que l'Europe possède de grands noms почитали себя счастливыми быть принятыми въ ея гостиной... Злополучнаго суженаго послали въ ссылку въ петербургскія тундры: изнывай тамъ отъ тоски вдали отъ нашего рая. Гнѣвъ нашъ на него преложили мы на милость только недавно, и то съ оговорками и на кондиціяхъ. Онъ у насъ теперь не то женихъ, не то монастырскій послушникъ, на искусъ поставленъ: будетъ паинькой ходить въ нашихъ шорахъ, не глядя ни вправо, ни влѣво, впряжемъ пожалуй въ одну пару съ Машенькой; вздумаетъ увлечься опять свободнымъ чувствомъ,—укажемъ ему

дверь и величественно возгласимъ, какъ тотъ комическій beaupère въ *Le chapeau de paille d'Italie:* „Mon gendre, tout est rompu".

Гриша поднялъ опущенную голову съ какимъ-то, поразившимъ Сусальцеву, „знавшую его такъ *близко*", взмахомъ душевной бодрости:

— Вы забываете здѣсь одно, Антонина Дмитріевна: мою личную волю. Вы очень остроумно смѣетесь надъ „традиціями старыхъ романовъ", надъ какими-то „оговорками" и „кондиціями". Но ничего этого въ дѣйствительности нѣтъ и не нужно: я просто люблю Марію Борисовну Троекурову.

— „Любите?" страннымъ тономъ повторила она.

Она опустила возжи, обернулась еще разъ на него:

— А меня?...

— Васъ?... былъ онъ въ силахъ только пролепетать въ первую минуту.

— Меня, да,—на лицѣ ея заиграла какая-то неотразимая улыбка:—помните подчеркнутые вами однажды стихи въ томикѣ Alfred de Musset, котораго давала я вамъ читать:

Quand un coeur vous a contenue.
Juana, la place est devenue
Trop vaste pour un autre amour.

Развѣ послѣ меня можно полюбить другую? Allons donc!...

„Что же это такое, чего она хочетъ отъ меня?" спрашивалъ себя въ смятеніи Гриша. Сердце его усиленно билось, предъ глазами стоялъ какой-то туманъ... Но ему надо было „выбиться изъ такого состоянія", чувствовалъ онъ; надо было „не дать себя одолѣть этому призраку". Онъ вызвалъ опять улыбку на уста:

— Къ чему вы это говорите, Антонина Дмитріевна? на что я вамъ теперь нуженъ, на что? повторилъ онъ невольно дрогнувшимъ голосомъ.

Она попридержала лошадей:

— А если мнѣ тяжело видѣть въ васъ теперь врага, Григорій Павлычъ! воскликнула она, какъ бы одолѣваемая ка-

кимъ-то неотразимымъ желаніемъ высказаться: — если я не переношу мысли, что вы можете меня презирать!...

— „Презирать“, „врагъ“, онъ тихо закачалъ головой: — ничего подобнаго нѣтъ въ душѣ моей къ вамъ.

— Ну да, какъ бы съ горечью отозвалась она, — безграничное равнодушіе, не такъ-ли?

Онъ не отвѣчалъ, устремивъ прищуренные глаза въ бѣжавшую предъ ними даль... А сердце его все такъ же усиленно билось и въ ушахъ „невыносимымъ звономъ“, казалось ему въ эту минуту, звенѣли „предательскіе“ звуки ея проницающаго гортаннаго голоса.

Она еще разъ повела на него изъ-бока взглядомъ, и губы ея побѣлѣли:

— Наша бѣда съ вами, Григорій Павлычъ, состоитъ въ томъ, что вы слишкомъ, какъ говорится, прямолинейны, rectiligne. Въ теоріи это можетъ быть прелестно и во всякомъ случаѣ очень почтенно, за это во Франціи даютъ даже людямъ le prix Monthyon *), но дѣло въ томъ, что вашей прямой линіи въ природѣ не существуетъ вовсе, il n'y a que des courbes, а вы этого допустить до сихъ поръ не хотѣли. Я всегда была виновна въ вашихъ глазахъ тѣмъ, что не подходила подъ тотъ казенный шаблонъ, подъ который привыкли вообще люди подводить извѣстную категорію человѣческихъ существъ, къ которымъ, по видовымъ признакамъ, должна была принадлежать и я. Оказывалось, что видовые признаки одно, а въ дѣйствительности выходило нѣчто совсѣмъ иное. Все это лицемѣріе дѣвичьей скромности, въ которую никто давно не вѣритъ и которой всѣ между тѣмъ продолжаютъ требовать,—несомнѣнный будто бы признакъ d'une „jeune personne comme il faut“,—все это во мнѣ отсутствовало. Было существо, ненавидящее фальшь и условность, свободное умомъ и разумѣющее жизнь такою, какова она въ дѣйствительности, а не въ „нравственныхъ“ книжкахъ англійскихъ старыхъ или безобразныхъ blue stockings, которымъ никто въ жизни не рѣшил-

*) Премія за добродѣтель, учрежденная еще въ 1782 году филантропомъ, имя котораго она носитъ, и выдаваемая понынѣ сжегодно лицамъ, отличившимся какимъ-нибудь особеннымъ подвигомъ на пользу ближняго

ся дать случая согрѣшить... Я вамъ нравилась, не смотря на это, быть можетъ даже, именно *поэтому*, но вы все же почитали обязанностью своею „протестовать“ словомъ и мыслью противъ моей *разнузданности*... Правда?

— Я не протестовалъ, мнѣ было больно, невольно вырвалось на это у Юшкова.

— Да, потому что... я не знаю, какъ это выразить *нѣжность*, усмѣхнулась она, будто извиняясь за то, что̀ хотѣла сказать ему,—у васъ нѣтъ широкаго захвата въ мысли, l'envergure vous manque, вы слишкомъ, повторяю, прямолинейны, вы не допускаете, что большому кораблю, какъ говоритъ пословица, требуется просторъ океана, а не лужа деревенскаго пруда. А я всегда, sans me flatter, чувствовала себя большимъ кораблемъ, Григорій Павлычъ; я не могла довольствоваться малымъ, не могла переносить нищенскаго существованія въ Юрьевѣ; мнѣ нужно было все, что̀ можетъ только дать жизнь тому, кто сознаетъ себя способнымъ стать надъ нею владыкой... Я вышла замужъ; мнѣ нуженъ былъ прочный фундаментъ для моего будущаго зданія; я и взяла для него первый матеріалъ, какой давался мнѣ въ руки. Выбора у меня въ тогдашнемъ моемъ положеніи не было... Вы, промолвила она тутъ же со смѣхомъ,—„вы, принцъ“, какъ говоритъ Беатриса у Шекспира *), „годитесь только для праздниковъ“, а мнѣ нуженъ былъ мужъ для будней... Но вы ничего, ничего этого не хотѣли, не въ состояніи были понять, вскрикнула она словно съ отчаяніемъ,—вы перечеркнули меня и память обо мнѣ большимъ крестомъ съ той минуты, когда я рѣшилась, по-вашему, „продать себя“, выходя за monsieur Сусальцева.

Онъ все такъ же сосредоточенно молчалъ, уставившись машинально глазами въ ея державшую возжи лѣвую руку въ шведской по локоть перчаткѣ, застегнутой на двѣнадцать пуговицъ. „Въ какомъ романѣ“, проносилось у него въ головѣ, „читалъ я что-то совершенно похожее на эти слова?..“

— По-вашему, говорила она межъ тѣмъ съ возрастаю-

*) *Much ado about nothing.*

щимъ жаромъ, — я хотѣла богатства для богатства, а я въ немъ видѣла лишь двигательную силу...

— Она у васъ въ рукахъ теперь: счастливѣе-ли вы стали? поднялъ на нее строгіе глаза ея спутникъ.

— „Счастливѣе!“ повторила она чуть не плачущимъ голосомъ:—развѣ я въ такомъ случаѣ сидѣла бы здѣсь съ вами, увезя васъ *насильно* отъ вашихъ „занятій“, добиваясь отъ васъ тщетно хоть одного слова прежней...—она какъ-бы искала надлежащаго выраженія,—прежней... *дружбы!* Счастливые забываютъ, а я ничего не забыла, какъ видите. Въ душѣ моей все та же жажда и та же мучительная, смертельная неудовлетворенность.

— Я это угадалъ, прошепталъ Гриша,—когда вы такъ весело, повидимому, такъ цинично,—извините меня за выраженіе,—разсказывали намъ въ тотъ разъ всѣ эти невѣроятныя парижскія исторіи.

— „Цинично?“ повторила она опять,—пожалуй, если ухо ваше не дослушалось той горечи, которая говорила за этими *циническими* словами моими. Вамъ никогда не приходило въ голову, Григорій Павлычъ, какое иногда хорошее чувство скрывается подъ грубымъ ругательствомъ и что смѣхъ иной разъ надрываетъ душу хуже самыхъ горючихъ слезъ?.. Я смѣюсь и проклинаю, потому что благословить ничего не могу, поймите это!

Онъ внималъ ей, прислушиваясь со странною смѣсью изумленія и жалости къ этимъ ея спѣшнымъ, горячимъ, такъ мало обычнымъ ей рѣчамъ... „Или это ложь?“ говорилъ онъ себѣ,—„но она *прежде* никогда не лгала“...

Она неожидано засмѣялась.

— Вообразите себѣ простаго русскаго мужика, котораго какая-нибудь волшебница перенесла бы въ роскошный дворецъ подъ южнымъ небомъ и стала бы кормить каждый день самыми изысканными гастрономическими блюдами. Онъ нашелъ бы тутъ, что можетъ удовлетворить самый прихотливый вкусъ, отъ ласточкиныхъ гнѣздъ до соловьиныхъ языковъ римскаго пира, все, кромѣ одного, — своего роднаго ржанаго хлѣба. Какъ вы думаете, не зачахъ-ли бы онъ подъ

конецъ отъ этого режима? Сравненіе мое не элегантно, а между тѣмъ voilà mon cas! Я изнываю среди моей роскоши, среди всѣхъ этихъ hommages, вздоховъ и признаній, которыхъ навидѣлась, наслышалась я до оскомины, до отвращенія въ эти два года моего замужства.. Я не даромъ практична, не даромъ *реальна*, Григорій Павлычъ, ухо мое не пропуститъ ни одной фальшивой ноты, а тутъ всѣ ноты фальшивы.

Она примолкла на мигъ. Пышная грудь ея высоко и учащенно подымалась подъ тѣсно облегавшимъ ее *джерси*...

— Да, глухо зазвучалъ ея голосъ опять:—быть любимою—мечта каждой женщины, будь она чиста какъ Гретхенъ, преступна какъ лэди-Макбетъ, или продажна какъ Manon Lescaut,—любимою исключительно, самоотверженно, безумно,.. *безъ ума*, подчеркнула она въ объясненіе.

Гриша старался не глядѣть на нее, старался улыбнуться равнодушно и насмѣшливо.

— Есть женщины холодныя, сказалъ онъ,—для которыхъ ничего этого не нужно.

Она засмѣялась опять.

— Какъ я, разумѣется, un être froid et immaculé, остававшаяся до сихъ поръ глухою ко всякому слову прельщенія, изъ какихъ бы устъ оно ни исходило: мнѣ при васъ говорилъ этотъ молодой человѣкъ, Гордынинъ?

— Да, при мнѣ.

— А вы что же, вѣрите или не вѣрите?

И она взглянула на него не то надменнымъ, не то вызывающимъ взглядомъ.

Онъ какъ бы не слышалъ вопроса и, обѣжавъ безпокойными глазами окружавшее ихъ пространство:

— Куда же мы ѣдемъ, однако, Антонина Дмитріевна? спросилъ онъ поспѣшно.

— На край свѣта!..

Она хлестнула бичемъ по лоснившимся крупамъ своихъ пони, и легкій экипажъ понесся по дорогѣ чуть не съ быстротой локомотива, уносимаго паромъ.

— Антонина Дмитріевна, съ невольною тревогой прого-

ворилъ Юшковъ,—я васъ очень прошу или отвезти меня обратно въ городъ, или выпустить здѣсь на дорогѣ, я пѣшкомъ дойду.

— Къ чему! Это крюкъ, а я васъ прямо во Всесвятское доставлю.

— Не нужно этого, не нужно! воскликнулъ онъ испуганно.

Она захохотала опять своимъ злымъ смѣхомъ:

— Кого боитесь вы компрометтировать: меня, или себя самого? Обо мнѣ не безпокойтесь: репутація моя сдѣлана, ея не подорветъ сантиментальное путешествіе мое съ вами по проселкамъ ***скаго уѣзда.

Гриша внезапнымъ движеніемъ поднялся на-скаку со своего мѣста въ портшезѣ:

— Я сейчасъ соскочу, если вамъ угодно продолжать эту шутку...

— Перестаньте, вы ногу себѣ сломите! вскликнула она и откинулась всѣмъ тѣломъ назадъ, сдерживая разомчавшихся лошадокъ.

Она перевела ихъ на рысь и поворотила по направленію къ городу.

— Библейскій Іосифъ, Ипполитъ Расина, *)—не знаю ужь, на кого вы болѣе походите,—довольны-ли вы?

— Вы *себя* однако не щадите, давая мнѣ такія лестныя названія, замѣтилъ Гриша, не удерживаясь болѣе отъ желанія сказать ей въ свою очередь что-нибудь колкое.

Но она только пожала плечами на это и уронила съ какою-то величавою небрежностью:

— Да, у женщинъ бываютъ иногда самые безсмысленные и глупые капризы...

— Проходящіе, къ счастію, такъ же скоро, какъ и приходятъ, сказалось на это Юшкову какъ-то совершенно безвольно.

— И къ большему еще ихъ счастью, преимущественно къ тѣмъ, кто этимъ пользоваться не умѣетъ, добавила она въ

*) Въ *Федрѣ*.

свою очередь. И тутъ же, перемѣняя вдругъ эту беззастѣнчивую насмѣшливость рѣчи на тонъ дружескаго, заботливаго участія:

— Вы меня сейчасъ спросили, счастлива-ли я, я отвѣтила вамъ, какъ чувствовала. А votre tour maintenant, mon *ex-ami*, подчеркнула она:—счастливы-ли *вы*, скажите?

— Сколько это можетъ быть дано человѣку на землѣ, съ какою-то намѣренною преувеличенностью выраженія отвѣтилъ онъ ей.

— Примите всѣ мои поздравленія по этому случаю... И того же счастія ждете впереди?

Она глядѣла на него не смѣющимся и проницающимъ взглядомъ. Ему было не ловко отъ этого взгляда, онъ отвелъ отъ него глаза свои:

— Имѣю къ этому полное основаніе... если только ничего не перемѣнится въ моемъ настоящемъ положеніи, неопредѣленно выговорилъ онъ.

— И никакихъ *черныхъ точекъ* не предвидите на этомъ свѣтломъ горизонтѣ вашего будущаго? спрашивала она мягко, чуть не нѣжно.

Гришу начинало коробить:

— Какія тутъ могутъ быть точки!...

— Мало-ли! Разница лѣтъ, напримѣръ, нрава... Вѣдь Марья Борисовна, кажется, по папенькѣ пошла, *командиршей* смотритъ... Или вы уже такъ привыкли вѣчно жить подъ чьимъ-нибудь гнетомъ, мой бѣдный Григорій Павлычъ, что васъ эта перспектива не страшитъ?

Его окончательно взорвало:

— Подчиняться тѣмъ, въ кого глубоко вѣришь, кого безпредѣльно уважаешь,—не гнетъ, а счастье, Антонина Дмитріевна! рѣзко промолвилъ онъ:—„страшиться“ дѣйствительно пришлось бы мнѣ лишь въ томъ случаѣ, если бы рѣчи ваши были въ состояніи меня смутить.

Она выслушала эту суровую отповѣдь, не моргнувъ бровью; только уголки рта ея подергивало чуть замѣтное судорожное движеніе.

Такъ прошло нѣсколько минутъ въ натянутомъ съ обѣихъ

сторонъ молчанiи. Гришѣ становилось неловко: „грубо это вышло, грубо“, проносилось у него въ головѣ.

— Вотъ и городъ, промолвила его спутница:—мнѣ нечего тамъ дѣлать, а вы хотѣли, кажется, пѣшкомъ пройтись... Возвращаю вамъ вашу свободу, кивнула она ему, останавливая лошадей.

Онъ быстро выскочилъ изъ портшеза, снялъ шляпу и робко протянулъ ей руку.

Она подала ему свою и слабо сжала его пальцы.

— Прощайте, Григорiй Павлычъ, не знаю, гдѣ и какъ увидимся мы опять... Но помните одно—и въ голосѣ ея зазвучала не то страстная, не то надрывающая нота:—вы раскаетесь рано или поздно въ томъ, что такъ безпричинно... и безразсудно, примолвила она вѣско,—отвергли искреннее участiе къ себѣ особы, для которой вы были единственнымъ свѣтлымъ воспоминанiемъ въ ея темномъ прошломъ. Вы сочли нужнымъ и это отнять у нея,—да будетъ по вашему!

Онъ хотѣлъ отвѣтить, объяснить, извиниться... Но она поспѣшно ударила возжей, и портшезъ, описавъ большой полукругъ по дорогѣ, быстро покатилъ въ сторону Сицкаго, мелькая на солнцѣ мѣдными ободками своихъ фонарей и втулками быстро обращавшихся колесъ.

XIX.

Гриша и не замѣтилъ, какъ дошелъ до своей городской квартиры: такъ поглощенъ онъ былъ по пути къ ней одолѣвавшими его ощущеніями самаго разнорѣчиваго свойства. Внутри его было въ то же время и смутно, и бурно, и какая-то истома, будто послѣ усиленной мозговой работы. Онъ имѣлъ какъ бы полное основаніе быть довольнымъ собою, своею „неподатливостью“, своею „твердостью противъ искушенія“. Но онъ мучился уже тѣмъ, что *было* это искушеніе, что онъ *долженъ былъ* бороться противъ него и что борьба эта, сознавалъ онъ, была для него не легка. „Другому бы это было только смѣшно“, говорилъ онъ себѣ,—„а я страдалъ, страдалъ все время; этотъ голосъ со своимъ какимъ-то мѣдно-звенящимъ отливомъ, эти аквамариновые глаза, холоднымъ лучомъ своимъ проникающіе до самой глубины души твоей, они волновали меня, какъ и прежде, своею непонятною, проклятою властью. Я не далъ себя побороть ей, но еще одна такая бѣда, и я...“ Онъ не договаривалъ и болѣзненно сжималъ брови и стискивалъ зубы. Какъ всѣ слабые люди, онъ сознавалъ свою слабость и мучился ею даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ теперь, выходилъ повидимому торжествующимъ изъ испытанія. Но онъ не признавалъ себя торжествующимъ, такъ какъ коварныя рѣчи, противъ которыхъ протестовалъ онъ сейчасъ, успѣли тѣмъ не менѣе,—онъ это чувствовалъ,—влить не мало своего остраго яда ему въ душу. Онѣ подняли въ немъ опять не разъ смущавшія его мысли о „подчиненномъ“, о *подначальномъ* положеніи своемъ по отношенію къ

семьѣ Троекуровыхъ. И самолюбіе его опять начинало возмущаться противъ этой *подначальности*, и опять начинало его мучить сознаніе того *устричнаго* образа жизни „на деревенскихъ пажитяхъ“, которымъ „прожилъ онъ цѣлыя тридцать пять лѣтъ, не видавъ еще себя никогда на полной своей волюшкѣ“, такъ какъ и самыя нечастыя поѣздки его въ Москву или Петербургъ имѣли всегда характеръ дѣловой, почти обязательный, а не вызывались просто, „какъ у всѣхъ“, желаніемъ развлеченія, свободнаго пользованія жизнью... И при этомъ безсознательно, помимо его воли, проносился въ его воображеніи рой соблазнительныхъ образовъ, какъ бы вызванныхъ однимъ видомъ этой женщины, дышащей опаснымъ, но проницающимъ обаяніемъ той иной, невѣдомой ему области жизни, и ему казалось порой, что ему не совладать никогда противъ этого „навожденія“ ея лукавства, ея прелести...

Придя къ себѣ, онъ велѣлъ сейчасъ же закладывать, сѣлъ въ тарантасъ и поѣхалъ во Всесвятское.

Верстахъ въ двухъ отъ усадьбы нагнала его повернувшая съ проселка четверка подобранныхъ рысаковъ и коляска, въ которой сидѣла Александра Павловна Троекурова.

Увидавъ его, она крикнула кучеру своему остановиться и подозвала знакомъ молодаго человѣка къ себѣ.

Онъ поспѣшилъ выпрыгнуть изъ экипажа и подбѣжалъ къ ней.

— Садитесь со мною, Гриша, одной такъ скучно ѣхать, засмѣялась она.

— Откуда это вы? спросилъ онъ, повинуясь.

— Изъ Сицкаго, визитъ ѣздила отдавать, вмѣстѣ съ Настенькой Буйносовой; она собирается въ Москву и хотѣла проститься съ сестрой. Но мы ея не застали, чему я au fond была очень рада, весело подмигнула Александра Павловна:— она уѣхала въ городъ, сказалъ мнѣ ея мужъ. Вы не видѣли ея тамъ?

Гриша никакъ не ожидалъ этого вопроса:

— Н-нѣтъ, какъ-то совершенно безвольно отвѣтилъ онъ...

„Зачѣмъ, зачѣмъ я вру!“ молвилъ онъ тутъ же внутренно,

готовый взять сейчасъ же свое слово назадъ, сказать, что онъ обмолвился, что онъ не только *ее* видѣлъ, а даже... Но какъ же это сказать, объяснить, почему, выдержать, пока онъ будетъ это объяснять, пристальный взглядъ этихъ большихъ, честныхъ и печальныхъ,—„непремѣнно ужь будутъ печальны", предвидѣлъ онъ,—„глазъ Машиной матери"... „И Маша въ этомъ случаѣ сейчасъ же узнаетъ и ей придется объяснять опять..."

— А Настасья Дмитріевна тамъ осталась? поспѣшилъ онъ спросить вмѣсто объясненія.

— Тамъ, да; beau frère упросилъ ее остаться у нихъ дня два... Онъ ее гораздо болѣе любитъ, чѣмъ родная сестра... C'est un très brave homme этотъ Сусальцевъ, а она...

И Александра Павловна, не договоривъ, съ укорительнымъ какъ бы выраженіемъ закачала головой.

— Я ей отдала визитъ, сказала она чрезъ мигъ,—и, надѣюсь, этимъ между нами кончится. Общаго между нами вѣдь очень мало, не правда-ли, Гриша?.. Вы хоть и были въ нее влюблены, засмѣялась она съ добродушнымъ лукавствомъ,—но вѣдь и вы съ этимъ согласитесь?

Гриша подумалъ, что звукъ его голоса выдастъ не улегшееся еще внутри его смятеніе; онъ вмѣсто отвѣта наклонился къ рукѣ милой женщины и поднесъ ее къ губамъ.

Александра Павловна ошиблась, впрочемъ, разсчитывая на то, что послѣ ея визита въ Сицкое между блестящею его хозяйкой и обитателями Всесвятскаго „все будетъ кончено". Ровно черезъ двое сутокъ послѣ этого ея визита знакомый намъ портшезъ и соловые пони остановились у крыльца, на которомъ. Маша съ нѣкотораго времени приняла привычку усаживаться съ какою-нибудь ручною работой, рядомъ съ приходившею туда же Анфисой Дмитріевной Ѳирсовой, въ извѣстные часы дня, именно тѣ, когда исправляющій должность предводителя депутатъ дворянства возвращался, покончивъ свои занятія въ городѣ, домой; тутъ обыкновенно съ первой минуты, когда онъ выскакивалъ изъ тарантаса, и почти вплоть до самаго обѣда велись у нея съ нимъ безконечные, живые, веселые разговоры.

И теперь на шумъ колесъ экипажа, не виднаго еще ей за кустами большаго сквера, расположеннаго посреди двора, она быстро оторвала глаза отъ работы и направила ихъ въ лихорадочномъ ожиданіи въ сторону, откуда долженъ былъ появиться *онъ*.

Вѣки ея тутъ же дрогнули подъ ощущеніемъ недочета и досады, которое она не могла скрыть.

Она увидала въ этомъ подъѣзжавшемъ щегольскомъ экипажѣ, рядомъ съ Настасьей Дмитріевной Буйносовой, сестру ея—женщину, „*противнѣе* которой ничего для нея не было въ мірѣ".

А та, завидѣвъ ее въ свою очередь, закивала ей еще издалека съ очаровательнѣйшею изъ своихъ улыбокъ.

— Bonjour, chère mademoiselle, je vous ramène ma soeur, говорила она, подъѣзжая подъ самое крыльцо: — она у васъ чувствуетъ себя гораздо счастливѣе, чѣмъ въ Сицкомъ, и я не въ силахъ была удержать ее дольше. Je vous la rends....

Маша, отвѣтивъ на это холоднымъ поклономъ, сбѣжала со ступенекъ къ выходившей изъ портшеза Настасьѣ Дмитріевнѣ.

Онѣ нѣжно обнялись подъ прищуреннымъ на нихъ, „недоброжелательнымъ и насмѣшливымъ", чуяла Маша, взглядомъ Сусальцевой. Она все такъ же сидѣла на своемъ мѣстѣ съ возжами и бичемъ въ рукахъ, видимо не намѣреваясь выходить изъ экипажа, или, что, быть можетъ, было вѣрнѣе, ожидая, чтобы молодая хозяйка пригласила ее „войти въ домъ".

Маша, со своей стороны, знала, что это была ея „прямая обязанность" и что отъ матери „ей будетъ непремѣнно замѣчаніе за то, что она этого не сдѣлала",—но нѣтъ, это было „просто сверхъ ея силъ!"

— Ты когда же думаешь рѣшительно въ Москву? спросила сестру красивая барыня, — я бы могла пріѣхать проводить тебя на желѣзную дорогу.

— Ахъ, нѣтъ, пожалуйста, живо возразила Ларина, — ты вдругъ пріѣдешь, а меня нѣтъ; я еще сама навѣрно не могу сказать!..

— Какъ знаешь, равнодушно уронила та. — Желаю тебѣ

всякаго успѣха!.. Madame Ѳирсовъ, здравствуйте! милостиво кивнула она, только теперь будто замѣтивъ скромную докторшу, бывшую у нея посаженою матерью.

Та молча поклонилась ей съ высоты крыльца.

Сусальцева натянула возжи, какъ бы собираясь сейчасъ уѣзжать, но вдругъ словно вспомнила:

— Григорій Павлычъ Юшковъ здѣсь или въ городѣ? спросила она, глядя чрезъ головы дамъ на вышедшаго изъ передней на шумъ экипажа слугу.

Но за него поспѣшно, съ загорѣвшимися глазами, отвѣтила Маша:

— Онъ въ городѣ... А вамъ нужно его видѣть?

— Да, небрежо выговорила Антонина Дмитріевна, — въ тотъ разъ, когда мы ѣздили съ нимъ, я не успѣла все ему сказать...

„Вы ѣздили съ нимъ, когда, зачѣмъ?“ чуть не крикнула Маша, — у нея помутилось въ глазахъ, но она удержалась всѣмъ напряженіемъ воли, всею проснувшеюся мгновенно въ душѣ ея гордостью. Она даже нашла силу усмѣхнуться и проговорить, насколько была въ состояніи, равнодушнымъ тономъ:

— Я ему скажу, что вамъ нужно его видѣть; онъ вѣроятно поспѣшитъ сдѣлать все, что вамъ угодно.

— Mercі, vous êtes charmante! очаровательно улыбнулась ей еще разъ Сусальцева:—передайте ему пожалуйста, потому что сегодня я въ городѣ не буду, не увижу его.

Она тронула лошадокъ своихъ и укатила, между тѣмъ какъ Ларина направлялась къ павильйону въ саду, гдѣ жила она во Всесвятскомъ.

— Машенька, что съ вами! вскликнула испуганно Анфиса Дмитріевна, оставшись на крыльцѣ вдвоемъ съ дѣвушкой и вглядываясь въ ея поблѣднѣвшее какъ холстъ лицо.

— Вы слышали? онъ съ нею куда-то ѣздилъ... И ничего не сказалъ, пропустила Маша сквозь нервно стиснутые зубы.

— Такъ вѣдь и вретъ, можетъ быть, ничего ей не стоитъ, старалась успокоить ее Ѳирсова.

— Нѣтъ, погодите... Это было въ четвергъ, когда мама

ѣздила къ ней съ визитомъ въ Сицкое; ей тамъ сказали, что она уѣхала въ городъ... Я сейчасъ узнаю!

Она вскинулась съ мѣста, какъ спугнутая съ вѣтки птица, и побѣжала въ покои матери.

Александра Павловна сидѣла за письменнымъ столомъ и своимъ длиннымъ и крупнымъ англійскимъ почеркомъ писала въ Москву пріятельницѣ своей, Лизаветѣ Ивановнѣ Срѣтенской, съ которою состояла въ вѣчной перепискѣ по разнымъ дѣламъ благотворенія, на что̀ сердобольная маленькая особа постояно выпрашивала у нея денегъ. Предъ нею лежало нѣсколько крупныхъ, только-что вытребованныхъ ею изъ конторы ассигнацій, имѣвшихъ сопровождать письмо; но, заслышавъ шумъ дочернихъ шаговъ, она торопливо подсунула ихъ подъ бюваръ (никто и никогда, по ея правиламъ, не долженъ былъ знать, кому и какъ она помогаетъ).

— Мама, вскрикнула съ-оника Маша, влетая къ ней въ кабинетъ,—два дня тому назадъ, въ четвергъ, когда ты возвращалась отъ этой... отъ Сусальцевыхъ, ты съѣхалась съ *Григоріемъ Павловичемъ*, какъ бы невольно подчеркнула она это необычайное ей обозначеніе Юшкова именемъ его и отчествомъ,—онъ ѣхалъ изъ города, и ты пересадила его къ себѣ въ коляску и привезла?

— Да, конечно, отвѣтила Троекурова, глядя на дочь во всѣ глаза.

— Онъ не говорилъ тебѣ, что видѣлся тамъ съ *этою госпожей*, и что они даже ѣздили куда-то вмѣстѣ?

У Александры Павловны отъ тревожнаго изумленія даже вспыхнула краска на лицѣ:

— Нѣтъ, Маша, не говорилъ... Я даже, помню, спросила его, не встрѣтился-ли онъ съ нею въ городѣ, потому что мнѣ въ Сицкомъ сказали, что она туда уѣхала, и онъ отвѣчалъ, что нѣтъ.

— Значитъ, онъ солгалъ... Солгалъ! съ какимъ-то неодолимымъ выраженіемъ омерзѣнія выговорила дѣвушка и опустилась разомъ, будто подкошенная, на кресло противъ матери.

— Другъ мой, что̀ это ты, почемъ ты знаешь! пролепе-

тала та, стараясь сохранить все свое хладнокровіе и все сильнѣе волнуясь между тѣмъ.

— *Она* была здѣсь сейчасъ, Настасью Дмитріевну привезла обратно, и говорила прямо при ней и при Анфисѣ Дмитріевнѣ, что „въ тотъ разъ“, въ четвергъ то-есть, непремѣнно, она куда-то съ нимъ ѣздила и не успѣла всего сказать ему, что̀ хотѣла. Такъ нельзя при всѣхъ лгать... Она говорила правду! И даже спросила еще, дома-ли онъ... чтобъ опять съ нимъ куда-нибудь ѣхать, вѣрно! со взрывомъ негодованія домолвила Маша.

Александра Павловна растерянно глядѣла на дочь, не находя ни единаго слова въ отвѣтъ ей, въ утѣшеніе. Прошло нѣсколько минутъ въ какомъ-то оцѣпенѣломъ съ обѣихъ сторонъ молчаніи. Маша недвижнымъ взглядомъ уставилась въ противоположную стѣну, на которой висѣлъ въ большой золотой рамѣ по́ртретъ бабушки ея, Лукояновой, и словно такъ и замерла на немъ.

Но вотъ она внезапно оторвалась отъ него и, обернувшись къ матери чуть-чуть примигивавшими глазами (она ужасно напомнила отца своего въ эту минуту), заговорила совершенно спокойнымъ и ровнымъ голосомъ:

— Вотъ видишь, мама, тутъ, можетъ быть, ничего нѣтъ дурнаго; *она*, можетъ быть, пригласила его поѣхать съ нею въ лавки, или куда-нибудь, все равно... Но онъ солгалъ, мама, понимаешь ты, *солгалъ*, и я этого перенести не могу... Ты объяснись съ нимъ, или не объяснись, это какъ знаешь, а я не могу, не могу, я не хочу его видѣть!..

— Маша, какъ же это? вскликнула Александра Павловна:—ты сама говоришь, что тутъ, можетъ быть, ничего нѣтъ дурнаго и какое-нибудь недоразумѣніе вышло, а онъ, можетъ быть, въ разсѣянности отвѣчалъ мнѣ „нѣтъ“ вмѣсто „да“... И какъ же это ты сдѣлаешь, чтобы не „видать“ его, когда живемъ мы въ одномъ домѣ, и онъ обѣдаетъ съ нами, и все...

— Мама, какъ хочешь, и голосъ Маши зазвучалъ тѣмъ металлическимъ оттѣнкомъ, который еще разъ напомнилъ Троекуровой ея мужа въ тѣ рѣдкія мгновенія, когда не въ силахъ бывалъ онъ сдержать пронимавшаго его возбужденія мысли

или чувства,—но я сказала, какъ *есть:* видѣть его теперь я не могу. Пусти меня уѣхать отсюда!

— Куда это, куда? совсѣмъ перепугалась Александра Павловна.

— Вася давно уже просился у тебя ѣхать въ Саровскую пустынь съ Вячеславомъ Хлодоміровичемъ, и ты обѣщала ему, только все не рѣшаешься спросить папа, боясь, что это ему не понравится. Я сейчасъ къ папа схожу и скажу, что и мнѣ хочется туда и что съ нами поѣдетъ Анфиса Дмитріевна,— она конечно не откажетъ, если я попрошу ее... А не то отпусти меня къ тетушкѣ Бородиной; она тебѣ еще на прошлой недѣлѣ писала, прося, чтобы я пріѣхала погостить на недѣлю. Это даже лучше, потому что папа ее любитъ и къ ней отсюда по желѣзной дорогѣ всего два часа ѣзды.

Но бѣдная мать все еще не въ состояніи была „сообразить", уяснить себѣ, насколько „серьозны" были побужденія, вызывавшія это нежданное рѣшеніе дочери.

— Маша, заговорила она, слегка заикаясь,—въ какое же думаешь ты теперь стать положеніе съ... Гришей?.. Est-ce que tu voudrais rompre avec lui? сама, словно испугавшись своей мысли, досказала она шопотомъ.

— Не знаю, мама, ничего не знаю! пылко возразила дѣвушка,—только мнѣ надо успокоиться, а не то я Богъ знаетъ что̀ сдѣлаю, чувствую!... Папа не нужно объ этомъ говорить, будто спохватилась она тутъ же,—онъ не какъ ты, онъ *строже* смотритъ... Сходи къ нему сейчасъ, мамашечка, и скажи просто, что мнѣ очень хочется къ тетушкѣ Бородиной. Поѣздъ отходитъ на *** въ 6 часовъ 5 минутъ, я знаю, а у *него* сегодня въ городѣ присутствіе, и *онъ* раньше семи оттуда не вернется. Такъ и прекрасно будетъ: мы съ нимъ не встрѣтимся.

„Пожалуй, такъ лучше: она такая *цѣльная*, toute d'une pièce, пусть успокоится, а не то и въ самомъ дѣлѣ Богъ знаетъ на первыхъ порахъ, что̀ готова сдѣлать", рѣшила Александра Павловна послѣ видимаго долгаго колебанія, и закрыла свой бюваръ съ начатымъ письмомъ.

— Хорошо, сказала она,—я пойду къ твоему отцу. А ты пойди сюда, tête folle, я тебя поцѣлую.

Маша прыгнула съ мѣста, перебѣжала мимо стола къ матери, пала предъ нею на колѣни и со внезапнымъ рыданіемъ уронила ей голову на грудь.

Слезы ручьемъ брызнули на это въ отвѣтъ и у Александры Павловны. Она стремительно захватила обѣими руками эту бѣлокурую головку, прижимая ее къ себѣ и цѣлуя эти заплаканные глаза.

— Ну полно, Машутка, полно, сумасшедшая, шептала она,—все объяснится, все хорошо будетъ: грѣхъ такъ отчаиваться... и стыдъ, Маша.

Маша не даромъ была дочь своего отца: она вся какъ-то разомъ *собралась*, пришла въ себя; по свѣжимъ губамъ ея скользнула улыбка:

— Правда твоя, мамашенька, грѣшно и стыдно; вотъ я и тебя, мою святую, довела до слезъ...

Она вырвала платокъ изъ рукъ матери и стала въ свою очередь отирать имъ глаза ей и страстно цѣловать ихъ:

— Дай я благословлю тебя, голубка моя мамаша, чтобы тебѣ легче итти было предъ грознаго судію, уже смѣялась она, насилуя себя на веселость,—а я тебя тутъ подожду... И въ твои секреты заглядывать не буду, добавила она, кивнувъ на бюваръ.

Александра Павловна невольно усмѣхнулась, покачала въ видѣ шутливаго упрека головой и отправилась на половину мужа.

Онъ сидѣлъ въ библіотекѣ и читалъ, низко, по обыкновенію, склонившись надъ книгой, со слегка прищуренными глазами.

Онъ поднялъ ихъ на входившую жену и тотчасъ же замѣтилъ, какъ ни старалась казаться она спокойною, слѣды только-что испытаннаго ею волненія...

— Что такое? вырвалось у него съ невольною тревогой.

Она торопливо усмѣхнулась:

— Ничего, Борисъ, рѣшительно ничего... Отчего ты думаешь?

— Мнѣ показалось, что ты...

— Тебѣ „показалось“, именно, ничего нѣтъ... Я хотѣла тебѣ только сказать, что la cousine Borodine очень просила отпустить къ ней Машу погостить на нѣсколько дней...

— Да, знаю; ты мнѣ, кажется, еще на прошлой недѣлѣ говорила?

— Да... и Машѣ очень хочется къ ней ѣхать, не совсѣмъ твердымъ голосомъ произнесла Александра Павловна.

Онъ внимательно глянулъ ей въ лицо:

— Давно-ли это? Она тогда говорила, что ей „нѣ-зачѣмъ къ чужимъ, когда и дома хорошо“.

Она слегка покраснѣла и отвѣтила съ видомъ беззаботности, плохо ей удававшейся:

— Caprice de jeune fille, ты знаешь...

— Этого до сихъ поръ въ ней не было замѣтно, возразилъ онъ какъ бы про себя, задумался и чрезъ мигъ спросилъ опять:—когда же хочетъ она ѣхать?

— Сегодня же, Борисъ; поѣздъ изъ города отходитъ въ 6 часовъ 5 минутъ,—она пріѣдетъ къ Бородинымъ какъ разъ къ вечернему чаю... Анфиса Дмитріевна отвезетъ ее и вернется съ ночнымъ поѣздомъ.

— Когда же она объявила тебѣ о своемъ желаніи ѣхать?

— Сейчасъ вотъ приходила ко мнѣ.

Брови Троекурова сжались; онъ задумался опять, взглядывая отъ времени до времени на жену, какъ бы вызывая ее этимъ нѣмымъ вопросомъ на дальнѣйшее объясненіе. Но Александра Павловна молчала, и только краска, то сбѣгая, то покрывая опять ея щеки, свидѣтельствовала о томъ волненіи, которое снова охватывало ее всю.

— Это не спроста, не изъ „каприза“, проговорилъ наконецъ Борисъ Васильевичъ,—но я не спрашиваю, живо примолвилъ онъ, останавливая движеніемъ руки чаемый имъ отвѣтъ жены,—если ты не находишь нужнымъ сказать мнѣ, мнѣ и знать не нужно.

— Борисъ, милый, воскликнула встревоженно она, — повѣрь, что если бы было что-нибудь важное...

Онъ остановилъ ее еще разъ:

— Развѣ я этого не знаю, другъ мой! онъ протянулъ ей руку и нѣжно пожалъ ей захолодѣвшіе пальцы:—ты должна помнить, что я всегда и во всемъ вѣрю болѣе инстинктамъ твоего сердца, чѣмъ самымъ мудрымъ соображеніямъ... Да и дочери твоей инстинкту вѣрю, добавилъ онъ какъ-то особенно вѣско,—скажи ей, чтобъ она ѣхала съ Богомъ, коли разсудила, что ей такъ надо.

Онъ усмѣхнулся и прибавилъ:

— И даже можетъ не приходить прощаться со мною, если думаетъ, что почему-нибудь ей будетъ при этомъ *неловко*.

Александра Павловна охватила его шею рукой и нѣжно прижалась губами къ его лбу:

— Лучше тебя человѣка нѣтъ на свѣтѣ, Борисъ!

XX.

Гриша вернулся во Всесвятское часу въ восьмомъ — онъ пообѣдалъ въ городѣ,—и прошелъ прямо къ отцу: состояніе его здоровья съ нѣкоторыхъ поръ, какъ замѣчалъ Гриша, заставляло задумываться Николая Ивановича Ѳирсова. Онъ засталъ у него толстяка-доктора, видимо старавшагося разсѣять больнаго какими-то смѣхотворными разсказами отъ чего-то (сынъ это сейчасъ же прочелъ на лицѣ отца), явно тревожившаго старика.

Объясненіе этого чего-то не замедлило:

— А ты знаешь, едва вошелъ онъ въ комнату, обратился къ нему Павелъ Григорьичъ, — „райская-то птичка наша“, какъ называлъ ее покойный Василій...

— Марья Борисовна! вскликнулъ съ какимъ-то внезапнымъ предчувствіемъ „несчастія“ Гриша.

— Да.

— Что же... она...? не былъ въ силахъ договорить онъ.

— Улетѣла.

— Какъ улетѣла?..

Докторъ насилованно (Гриша это чутьемъ почуялъ,) расхохотался:

— Какъ взлетаютъ вообще пернатыя—взмахнутъ крыльями и прр...! Пристала къ Александрѣ Павловнѣ графиня Бородина: пришли да пришли твою красавицу погостить ко мнѣ. Той и не хотѣлось, и откладывала... а тутъ вдругъ рѣшилась, какъ это у нихъ всегда бываетъ,—возьму-молъ и поѣду. И поѣхала съ женой моею на нѣсколько дней. Очень просто.

— Нѣтъ, недовѣрчиво закачалъ головой старый морякъ, пытливо и съ новою тревогой вглядываясь изподлобья въ лицо сына,—не такъ просто, какъ вы говорите. Прибѣжала она ко мнѣ проститься, и пяти минутъ посидѣть не хотѣла. „Спѣшу“, говоритъ, „ѣхать надо“, разцѣловала въ обѣ щеки, и вонъ! Только лицо ея темнѣе тучи и сдерживается, вижу, насилу, чтобы не расплакаться... Вышло у тебя что-нибудь съ нею, суровымъ тономъ вырвалось у него вдругъ.

— Что же могло выйти, батюшка? трепетно возразилъ Гриша:—мы у васъ всѣ вмѣстѣ вечеромъ сидѣли, и вы видѣли сами, какъ она была весела и, по обыкновенію... *дружелюбна со мною.* А сегодня я уѣхалъ въ городъ до завтрака и не видѣлъ ея.

— Не знаю, протянулъ неопредѣленно старикъ и опустилъ голову опять.—Ну, а ты что же такъ поздно вернулся сегодня, спросилъ онъ чрезъ мигъ, стараясь видимо отвлечься отъ волновавшихъ его мыслей, — особенное что-нибудь было, новое?

— Н-нѣтъ, ничего особеннаго, пролепеталъ Гриша, насколько могъ твердо.

„Особенное“ и „новое“ было, напротивъ, имъ получено въ этотъ день, а именно — официальное письмо на его имя отъ губернскаго предводителя, съ предложеніемъ созвать экстраординарное собраніе ***скаго дворянства для выбора преемника выбывшему изъ должности Павлу Григорьевичу (новый, очевидно, враждебный ему губернаторъ не терялъ времени, какъ могъ изъ этого убѣдиться Гриша). Но сообщить объ этомъ отцу въ эту минуту онъ не почелъ возможнымъ: это значило бы еще болѣе растревожить старика. „Переговорю лучше прежде съ Борисомъ Васильевичемъ“, рѣшилъ онъ внутренно... Его къ тому же разбирало самое мучительное волненіе, хотѣлось скорѣе разузнать, что могло дѣйствительно побудить Машу къ этому ея внезапному, „невѣроятному“ отъѣзду „безъ слова объясненія, безъ намека на него. Она еще вчера рѣшительно не хотѣла ѣхать“, вспоминалъ онъ,— и вдругъ“...

Глаза его безпокойно перебѣгали отъ отца къ доктору.

„Онъ все знаетъ, Николай Ивановичъ“, чуялъ онъ—„и скрываетъ, и нарочно отворачиваетъ глаза отъ меня. Что же случилось, Господи!.. Неужели“... И сердце его нестерпимо забилось теперь въ груди: о *прогулкѣ* его съ Сусальцевой, сказалось ему совершенно ясно, тѣмъ или другимъ путемъ дошло до *нея*...

— Я еще никого изъ нашихъ не видалъ сегодня, сказалъ онъ громко съ притворнымъ равнодушіемъ и въ то же время стараясь еще разъ уловить видимо избѣгавшій его взгляда взглядъ доктора.

— Ступай, ступай, поспѣшно промолвилъ Павелъ Григорьевичъ, — да скажи, коли спросятъ, что я ихъ опять жду чай пить ко мнѣ сегодня.

— А я вамъ не совѣтую, воскликнулъ на это Ѳирсовъ,— вы нынче утомлены, спать вамъ лечь раньше слѣдуетъ.

— Ну, тамъ увидимъ! Сами вы сегодня соломенный вдовецъ, останетесь у меня чаевать; тамъ, коли что, скажете въ свое время, а я пока чувствую себя ничего.

Гриша поцѣловалъ руку отца и вышелъ со спокойнымъ видомъ изъ комнаты. Но съ лѣстницы слетѣлъ онъ со стремительностью двадцатилѣтняго юноши.

Онъ быстро пошелъ чрезъ садъ по направленію покоевъ Бориса Васильевича.

Въ большой аллеѣ кинулся ему въ глаза обликъ Лариной, въ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ, сидѣвшей на скамьѣ съ книгой въ рукѣ.

— Настасья Дмитріевна! проговорилъ онъ, невольно останавливаясь.

— Ахъ, это вы, Григорій Павлычъ, произнесла она въ свою очередь съ необычайною ей живостью:—вы только-что вернулись?

— Да, сказалъ онъ, подходя,—только-что...

— И знаете?..

Голосъ ея чуть-чуть дрогнулъ.

— Объ отъѣздѣ Марьи Борисовны? необинуясь договорилъ онъ за нее:—знаю... Что побудило ее къ этому, скажите ради Бога, если это вамъ извѣстно! вскрикнулъ онъ неудержимо.

Она медленно повела головой внизъ.

— Да, и могу вамъ сказать, потому что, полагаю, это вамъ нужно знать, медленно выговорила она.—Садитесь сюда, Григорій Павлычъ!

И она кивнула на мѣсто подлѣ себя на скамьѣ.

Онъ повиновался.

Въ первый еще разъ съ тѣхъ поръ, какъ гостила она во Всесвятскомъ, очутились они наединѣ. Они до этой минуты словно по какому-то нѣмому соглашенію избѣгали другъ друга. Въ присутствіи ея Гриша чувствовалъ какую-то странную неловкость, которую и онъ едва былъ въ силахъ скрывать, и на первыхъ же порахъ подмѣтили все видѣвшіе глаза Маши, не разъ подсмѣивавшейся надъ нимъ по этому поводу. „Не похожа на старшую сестрицу, такъ и не имѣетъ счастья вамъ нравиться“, говорила она ему... Что̀ сказывалось въ сердцѣ Ларионой при видѣ человѣка, перваго, „единственнаго“, о которомъ въ мучительные дни многострадальной жизни своей въ Юрьевѣ думала она съ размягченнымъ, полнымъ невѣдомой ей до тѣхъ поръ сладостной тревоги чувствомъ, мы не знаемъ. Но дни эти были уже далеки, и ничего не хотѣла теперь болѣе *любить* Настасья Дмитріевна, ничего, кромѣ своего искусства... Ничто и въ настоящую минуту не говорило въ ней, кромѣ горячаго желанія „помочь“ *ему*, „помирить“ съ *нею*,—съ этимъ „прелестнымъ молодымъ созданіемъ“, къ которому влеклась она какимъ-то двойнымъ чувствомъ сердечнаго сочувствія и артистическаго восхищенія.

— Сестра была здѣсь сегодня, начала она прямо.

— Сестра ваша! повторилъ, замирая, Гриша.

— Да... и спрашивала про васъ, говоря, что не успѣла сказать вамъ все, что̀ хотѣла, когда вы—она не сказала, когда именно,—ѣздили куда-то вмѣстѣ, и что ей надобно поэтому опять васъ видѣть...

— При Марьѣ Борисовнѣ говорила? съ судорожною поспѣшностью спросилъ онъ.

— Она ее именно просила передать вамъ.

Онъ схватился за голову:

— Что̀ же сказала на это... Маша?..

— Что она исполнитъ ея порученіе.

— А потомъ?..

— Я тутъ ушла къ себѣ переодѣться послѣ дороги, а затѣмъ зашла къ Александрѣ Павловнѣ и узнала отъ нея, что Марья Борисовна сегодня же ѣдетъ къ теткѣ...

— Какъ же, какъ же говорила она вамъ объ этомъ? спрашивалъ онъ самъ не свой: — не говорила, не намекала ни на что?

— Я не могла не замѣтить, что на душѣ у нея было не хорошо, и мнѣ тутъ же пришло въ голову, что этотъ внезапный отъѣздъ имѣлъ причиной то, что сказала сестра. Но сама Александра Павловна ни словомъ не намекнула на это, а я конечно не рѣшилась спросить.

— А Маша?.. Марья Борисовна что? Видѣли вы ее предъ отъѣздомъ?

— Она забѣгала ко мнѣ проститься, извинялась, милая, за „неучтивость“, говоря, что „должна, непремѣнно должна уѣхать“.

— И не объяснила, почему?..

— Объяснила, Григорій Павлычъ, отвѣтила не сейчасъ Ларина и вздохнула:—я спросила ее, отчего же такъ внезапно, такъ неожиданно рѣшилась она на этотъ отъѣздъ. „Спросите вашу сестрицу“, отвѣтила она и тутъ же убѣжала стремглавъ, видимо не желая ни слова сказать больше.

— Ахъ, эта ваша „сестрица“! вырвалось у Гриши стономъ.

Онъ схватилъ обѣ ея руки, сжавъ до боли.

— Такъ слушайте же, слушайте, что она со мной сдѣлала; я считаю себя въ полномъ правѣ разсказать это вамъ!

Онъ передалъ ей спѣшно, горячо, стараясь не забыть ни малѣйшей подробности и постоянно путаясь въ словахъ отъ волненія, весь эпизодъ „нежданной, негаданной“ прогулки своей съ Антониной Дмитріевной, этой „проклятой прогулки“, говорилъ онъ, безсильный уже умѣрять свои выраженія.

Ларина слушала его глубоко внимательно и печально; горькая улыбка поводила то-и-дѣло углы ея сжатыхъ губъ. Она „узнавала сестру“ въ этомъ холодномъ, въ этомъ лукавомъ прельщеніи...

— Да, протянула она, когда онъ кончилъ,—Тоня не перемѣнилась, она все та же, безсердечная, безпощадная... Берегитесь ея, Григорій Павлычъ, вырвалось у Настасьи Дмитріевны какимъ-то глухимъ взрывомъ,—она сама несчастна въ душѣ и не переноситъ счастья другихъ... Я понимаю теперь, она нарочно захотѣла сама отвезти меня сегодня сюда, чтобъ имѣть случай сказать Марьѣ Борисовнѣ то, что̀ сказала, зная, что встревожитъ этимъ пылкое молодое сердце.

— Вѣдь это просто изъ одного желанія зла, безо всякаго сколько-нибудь уважительнаго побужденія! вскликнулъ Гриша.

Ларина покачала головой.

— Не совсѣмъ такъ! Уязвить, нанести сердечную рану она намѣрена была, это само собою; но при этомъ, повѣрьте, и сама она страдаетъ. Любить она едва-ли кого въ состояніи, но едва-ли кѣмъ, я убѣждена, дорожитъ она въ эту минуту болѣе, чѣмъ вами, потому именно, что вы ушли изъ-подъ ея власти и отдали сердце другой.

— Она въ этомъ сомнѣвается, сказалъ онъ съ горечью,—она прямо говоритъ, что послѣ ея нельзя полюбить другую.

— И говоритъ это, вполнѣ въ этомъ увѣренная, я знаю, и въ то же время терзается не то ревностью, не то досадой; душа ея—темный лабиринтъ, изъ котораго сама она не знаетъ, какъ выйти на свѣтъ солнечный... Берегитесь ея, Григорій Павлычъ! горячо произнесла Ларина.

— Я надѣюсь никогда болѣе не имѣть случая встрѣтиться съ нею! чуть не закричалъ въ возбужденіи своемъ Гриша,—она поступила со мною, какъ злѣйшій врагъ, предательски постыдно... но это должно разъясниться для всѣхъ, для Маши, и вы, именно вы можете это сдѣлать. Она, Марья Борисовна, полюбила васъ, Настасья Дмитріевна, я знаю, и очень уважаетъ; она повѣритъ вамъ, если вы ей напишете *все*, какъ я вамъ разсказалъ, и узнаетъ, почему въ первую минуту я ничего не сказалъ объ этой прогулкѣ Александрѣ Павловнѣ, не придавая этому значенія и смущаясь въ то же время... ну да, *смущаясь* передавать объ этой попыткѣ сестры вашей... *искусить* меня что-ли... не знаю ужь право, какъ сказать, но вы понимаете меня, надѣюсь?

Она слабо усмѣхнулась.

— Понимаю, Григорій Павлычъ, и объясню Марьѣ Борисовнѣ, какъ съумѣю. Я напишу ей сегодня же, чтобъ она завтра утромъ получила письмо.

— Спасибо вамъ отъ души!

Онъ встряхнулъ ей руку крѣпкимъ дружескимъ пожатіемъ и поднялся съ мѣста.

— Я еще никого не видѣлъ сегодня; иду къ Борису Васильевичу... ни онъ, ни Александра Павловна, это напередъ можно сказать, ни словомъ, ни взглядомъ не намекнутъ мнѣ обо всемъ этомъ; я со своей стороны никакого объясненія вызывать не стану, надѣясь на благотворную силу вашего письма, договорилъ Гриша съ умоляющимъ оттѣнкомъ въ голосѣ,—которое избавитъ меня, надо полагать, отъ тяжелаго... и глупаго положенія какого-то подсудимаго на скамьѣ обвиняемыхъ.

— Я сейчасъ же пойду писать,' отвѣтила она ему на это, подымаясь съ мѣста въ свою очередь.

У Бориса Васильевича Гриша засталъ бывшаго исправника Ипатьева, гостившаго уже третьи сутки во Всесвятскомъ и поступавшаго, по предложенію Троекурова, главноуправляющимъ его малорусскими имѣніями. Они были заняты разсмотрѣніемъ всевозможныхъ документовъ по этимъ имѣніямъ, которые хозяинъ вынималъ одинъ за другимъ изъ особаго большаго портфеля и, окинувъ ихъ взглядомъ, передавалъ затѣмъ Ипатьеву, дѣлавшему по нимъ какія-то отмѣтки въ своемъ бумажникѣ.

— Вы заняты? сказалъ Юшковъ, входя и раскланиваясь.

— Сейчасъ кончаемъ... Вы не мѣшаете, Гриша, и знакомы со всѣмъ этимъ, примолвилъ Троекуровъ (молодой человѣкъ дѣйствительно былъ досконально знакомъ со всѣми дѣлами Бориса Васильевича и ревизовалъ даже раза два на мѣстѣ, по его порученію, управляющихъ этими его имѣніями въ Малороссіи).

Гриша присѣлъ. Борисъ Васильевичъ передалъ послѣдній документъ изъ лежавшихъ въ портфелѣ Ипатьеву и обернулся къ нему:

— Засидѣлись сегодня въ городѣ! произнесъ онъ своимъ обычнымъ спокойнымъ тономъ, но въ которомъ Гришѣ, въ его душевной тревогѣ, почуялось будто что-то холодно насмѣшливое.

— Бумагу получилъ отъ губернскаго предводителя, поспѣшилъ онъ отвѣтить, — съ предложеніемъ созвать дворянство для новыхъ выборовъ на мѣсто батюшки.

— А, успѣли ужь!

Ипатьевъ записалъ въ бумажникъ нумеръ переданнаго ему документа и поднялъ голову:

— Объ этомъ самомъ, должно быть, и писалось господиномъ губернаторомъ предводителю въ *губернію* изъ Лупандинской усадьбы, когда онъ тамъ былъ. Въ пакетѣ съ бумагами, доставленномъ мнѣ оттуда отъ него, было и это письмо для отправки по почтѣ.

— А тотъ, само собою, поспѣшилъ исполнить желаніе его превосходительства, презрительно уронилъ Троекуровъ.

— И не совсѣмъ законно, замѣтилъ Юшковъ:—по 247 статьѣ тома IX о дворянствѣ, „если кандидатъ уѣзднаго предводителя, имѣющій замѣнять его въ случаѣ отсутствія или болѣзни, не можетъ по той или другой причинѣ исправлять эту должность, то она поручается депутату дворянства, а если и этотъ не можетъ, то въ должность вступаетъ старшій засѣдатель опеки“—до новыхъ выборовъ, разумѣется.

— Да, но въ предъидушей статьѣ, взгляните — и Борисъ Васильевичъ кивнулъ на одну изъ полокъ библіотеки, на которой разставлена была вся многотомная коллекція Свода Законовъ, — сказано, что „когда откроется вакансія уѣзднаго предводителя дворянства, и для замѣщенія ея не будетъ кандидата, или онъ занять ее не можетъ, то она замѣщается во *всякомъ случаѣ* по выборамъ дворянства, подъ руководствомъ депутата, хотя бы и до общей баллотировки оставалось менѣе года“. Назначить новые выборы со стороны губернскаго предводителя совершенно законно, какъ и со стороны губернатора имѣется законное основаніе напомнить ему объ этомъ... Само собою, если бы тутъ не было задней мысли, они оста-

вили бы status quo до общихъ выборовъ въ ноябрѣ, но отступленія отъ закона тутъ нѣтъ никакого.

Гриша снялъ съ полки IX томъ, перечелъ указанную статью и послѣднія, не приведенныя Троекуровымъ, строки ея редакціи:

„При семъ дворянству предоставляется избирать предводителя или только до общихъ выборовъ, или вмѣстѣ съ тѣмъ и на слѣдующее трехлѣтіе".

— Да, въ этомъ весь фортель, сказалъ Ипатьевъ,—имъ требуется скорѣе выбрать своего человѣка, и они, разумѣется, потребуютъ избрать его на трехлѣтіе. Онъ же у нихъ готовъ въ лицѣ этого *protégé* губернатора. Въ уѣздѣ большая агитація идетъ въ пользу его.

Троекуровъ молчалъ, медленно проводя рукой по усамъ.

— Что же, какъ-то невольно вскрикнулъ Гриша,—пусть его и выбираютъ, я баллотироваться не стану.

— Это почему же? поднялъ на него холодно вопросительные глаза Борисъ Васильевичъ.

— Что же за охота проѣхаться на воронихъ!

— А еслибъ и такъ! убудетъ васъ, что-ли, отъ этого?

— Для чего же итти прямо на униженіе, Борисъ Васильевичъ.

— Пасть въ правомъ бою почиталось прежде всегда подвигомъ; не знаю, какъ на это смотрится теперь, у васъ... А впрочемъ какъ знаете.

Бывшій исправникъ заговорилъ снова:

— Для чего имъ такъ и уступать безъ борьбы, Григорій Павлычъ! На то конечно разсчитывать нечего, чтобы вамъ безъ баллотировки поднесли ящикъ съ бѣлыми шарами, но возьмутъ-ли они верхъ, это еще бабушка на-двое сказала. Батюшка вашъ такимъ общимъ уваженіемъ пользовался, что изъза одного этого многіе не рѣшатся положить вамъ налѣво; да притомъ и тѣ-то господа не особенно много почтенія къ себѣ внушаютъ. Хоть бы самый этотъ господинъ Свищовъ, который всю эту интригу ведетъ, со своею желѣзною дорогой...

— И таинственною особой въ Петербургѣ, отъ имени ко-

торой будто бы работаетъ онъ... Позоръ это все! съ неудержимымъ негодованіемъ вырвалось у Бориса Васильевича.

— Я батюшкѣ ничего еще не говорилъ о предложеніи предводителя, какъ бы робко сказалъ, взглянувъ на него, Гриша,—боялся его встревожить...

— Да, онъ не хорошъ въ эти послѣдніе дни, и брови Бориса Васильевича озабоченно сдвинулись.—Что же вы, распоряженія сдѣлали по этому предложенію? коротко спросилъ онъ чрезъ мигъ.

— Да, сегодня же повѣстки послалъ и прочее.

Разговоръ какъ-то разомъ замолкъ.

Гриша чувствовалъ, что ему нужно, „необходимо“ коснуться „такъ или иначе“ отъѣзда Маши. Это былъ слишкомъ вѣскій фактъ въ интимной жизни Всесвятскаго, и нельзя было „пройти его молчаніемъ“. Онъ нѣсколько разъ подымалъ глаза на погрузившагося въ новое молчаніе Бориса Васильевича и снова опускалъ ихъ, поводя въ сторону Ипатьева, сидѣвшаго у стола съ карандашемъ въ рукѣ, которымъ выводилъ на клочкѣ бумаги какія-то цифровыя вычисленія, и наконецъ рѣшился:

— А Марья Борисовна уѣхала? произнесъ онъ, насколько могъ спокойнѣе.

— Да... Къ двоюродной сестрѣ моей Бородиной, объяснилъ „тономъ какого-то официальнаго отчета“, показалось Гришѣ, отецъ ея.

— И надолго?..

— Не знаю.

Разговоръ опять упалъ, словно отъ собственной тяжести.

— Это такъ неожиданно... пролепеталъ Юшковъ.

— Да.

„Что же еще, что спросить“? мучительно томясь, говорилъ себѣ Гриша.

— Съ Лисьяго Дола, началъ въ эту минуту Ипатьевъ, обращаясь къ новому своему патрону,—по существующей арендной цѣнѣ, полагая даже крайнее по шести рублей съ десятины, меньше 18,000 рублей, по моему разсчету, нельзя получить, и безобидно будетъ для народа, Борисъ Васильевичъ.

— Можно было бы конечно и до половины спустить, возразилъ тотъ,—но вѣдь это значило бы прямо посягнуть на доходы всѣхъ сосѣднихъ землевладѣльцевъ.

— Само собою, ваше превосходительство.

Гриша поднялся съ мѣста и ушелъ въ садъ.

ПОСЛѢСЛОВІЕ

КЪ РОМАНУ Б. М. МАРКЕВИЧА „БЕЗДНА“ *).

На нашемъ покойномъ, незабвенномъ другѣ Б. М. Маркевичѣ, къ несчастію, еще разъ подтвердилось, что безвременная смерть вырываетъ изъ среды русскаго искусства и литературы ихъ лучшія, наиболѣе талантливыя силы какъ разъ въ моментъ ихъ наивысшаго развитія, когда впереди ожидалось отъ нихъ еще такъ много и когда онѣ, полныя энергіи и вѣры въ свое призваніе и въ свои задачи, казалось, наиболѣе были способны оправдать эти общія ожиданія. „Не везетъ на Руси талантливымъ людямъ!“ Эти грустныя слова не разъ уже раздавались въ литературныхъ некрологахъ по поводу безвременной кончины нашихъ даровитыхъ писателей, умиравшихъ въ апогеѣ своей плодотворной дѣятельности, и, вотъ, снова приходится повторить ихъ по отношенію къ нашему покойному другу. Почти внезапная смерть не дала ему окончить его послѣдній трудъ, долженствовавшій завершить собою трилогію пережитаго нами двадцатипятилѣтія, начавшагося

*) Смерть застигла Б. М. Маркевича, 18 Ноября 1884 года, прежде чѣмъ успѣлъ онъ окончить свой романъ „Бездна“. „По желанію родныхъ и друзей покойнаго“, В. В. Крестовскій принялъ на себя трудъ передать со словъ самого автора остовъ того, чѣмъ долженъ былъ кончиться романъ, и сдѣлалъ это въ „Послѣсловіи“, которое впервые было напечатано въ февральской книжкѣ *„Русскаго Вѣстника“* за текущій 1885 годъ.

18 февраля 1855 и такъ ужасно закончившагося 1 марта 1881 года. Романы: *Четверть вѣка назадъ*, *Переломъ* и *Бездна*, вытекая одинъ изъ другаго, составляютъ органически цѣльную эпопею жизни русскаго общества за время прошлаго царствованія. До окончанія *Бездны* оставалось лишь нѣсколько главъ, и „начало конца“ этого романа уже чувствуется въ тѣхъ его страницахъ, которыя появились въ прошлогоднихъ октябрьской и ноябрьской книжкахъ *Русскаго Вѣстника*.

По желанію родныхъ и друзей покойнаго, мнѣ приходится взять на себя пересказъ окончанія *Бездны*, основываясь въ этой задачѣ на словахъ самого Болеслава Михайловича, который въ общихъ чертахъ передавалъ нѣсколькимъ друзьямъ и роднымъ дальнѣйшій планъ своего произведенія. Понятно, что мой пересказъ можетъ касаться только самой конструкціи романа, его, такъ сказать, основы или скелета, и выяснить въ общихъ чертахъ ту мысль, которая заставила автора дать своему произведенію названіе *Бездна*. Поэтому пересказъ мой естественно долженъ быть кратокъ, тѣмъ болѣе, что и самый „сюжетъ“ романа весьма простъ и не сложенъ.

Послѣдняя, написанная за двѣ недѣли до смерти, глава романа заключаетъ въ себѣ разсказъ о томъ, какъ Гриша Юшковъ, возвратясь къ вечеру изъ города во Всесвятское, узнаетъ о внезапномъ отъѣздѣ Маши Троекуровой къ ея теткѣ, графинѣ Бородиной. Настасья Дмитріевна Буйносова (по сценѣ Ларина) сообщаетъ ему, что въ его отсутствіе пріѣзжала сюда ея сестра, Антонина Дмитріевна Сусальцева, и спрашивала у Маши про него, съ намѣреніемъ пояснивъ ей, что не успѣла сказать ему чего-то въ тотъ разъ, какъ ѣздила съ нимъ кататься за городъ, и что поэтому ей будто бы надо опять его видѣть. Объяснивъ Настѣ, какимъ образомъ и съ какою цѣлью случилась эта загородная прогулка, встревоженный Гриша просилъ ее объяснить, въ свою очередь, Машѣ все это дѣло письмомъ. Настя обѣщала ему написать къ ней немедленно же, чтобъ она завтра же утромъ получила письмо, а Гриша тѣмъ часомъ, надѣясь на благотворную силу Настина письма, но все же испытывая внутреннюю неловкость предъ Троекуровыми, хотя и увѣренъ,

что они ни словомъ, ни взглядомъ не намекнутъ ему обо всемъ случившемся, идетъ къ кабинету къ Борису Васильевичу Троекурову сообщить ему, что сегодня была получена имъ отъ губернскаго предводителя дворянства бумага съ предложеніемъ созвать уѣздное дворянство для выбора новаго предводителя на мѣсто отказавшагося, за болѣзнію своего отца, Павла Григорьевича Юшкова. Гриша, какъ депутатъ дворянства своего уѣзда, исполнилъ требуемую закономъ обязанность, разославъ дворянамъ повѣстки о днѣ выборовъ, и затѣмъ, въ виду агитаціи противной партіи, выразилъ Троекурову намѣреніе отказаться отъ баллотировки. Борисъ Васильевичъ, вмѣстѣ съ бывшимъ исправникомъ Ипатьевымъ, убѣждаютъ его не дѣлать этого, потому что неизвѣстно еще, возьметъ-ли противная партія верхъ, и что наконецъ пасть въ правомъ бок вовсе не униженіе. На этомъ романическая фабула покойнаго писателя прерывается; дальнѣйшее же ея теченіе, по предположенію автора, должно было идти слѣдующимъ образомъ:

Интрига, которую ведетъ московскій *браво* Свищовъ, для проведенія въ далекомъ углу, на счетъ земства, желѣзной дороги, очень выгодной лично ему и еще какой-то таинственной вліятельной особѣ женскаго пола въ Петербургѣ, но вполнѣ безполезной для мѣстныхъ нуждъ и потребностей, — интрига эта, встрѣтившая противодѣйствіе въ лицѣ Троекурова и предводителя Юшкова, въ концѣ-концовъ вполнѣ удается Свищову. Для этого нужно было прежде всего устранить людей „Троекуровской партіи“ отъ вліянія на мѣстныя земскія дѣла. Наиболѣе удобный къ тому случай представился на экстренномъ собраніи уѣзднаго дворянства для выбора новаго предводителя. Вновь назначенный хлыщъ-губернаторъ, которому пришелся не по вкусу Троекуровъ, какъ нельзя успѣшнѣе способствуетъ со своей стороны достиженію цѣлей противной партіи. Тутъ, кромѣ Свищова, работаетъ въ томъ же направленіи г. Троженковъ и другіе, пляшущіе подъ его дудку, или играющіе роль барановъ во всероссійскомъ „Панурговомъ стадѣ“. Съ помощью всѣхъ этихъ вліяній и давленій, гдѣ подкупомъ, гдѣ застращиваньемъ, гдѣ обѣщаніемъ выгодныхъ мѣстъ и назначеній при дѣлежѣ „земскаго пирога“ и бары-

шей отъ будущаго желѣзнодорожнаго предпріятія, составляется на выборахъ большинство въ пользу кандидата противной партіи, графа Снядецкаго-Лупандина. Гриша торжественно „прокаченъ не вороныхъ“. Торжествующіе противники ликуютъ на обѣдѣ въ честь новаго предводителя; здѣсь обдѣлываются разныя частныя дѣлишки людей своей партіи — тому въ видѣ вознагражденія, этому въ видѣ поощренія, сему въ видѣ „задатка“, намѣчаются кандидаты на всѣ мѣста и должности въ уѣздѣ изъ людей „своей партіи“, до уѣзднаго исправника включительно, для назначенія котораго новый губернаторъ, тоже „свой человѣкъ“, конечно не поставляетъ никакихъ препятствій. Троженковы торжествуютъ: теперь-то ихъ дѣла, явныя и тайныя, пойдутъ какъ по маслу, бояться больше некого, ждать отпора не откуда. Тутъ вскорѣ подоспѣваетъ очередное уѣздное земское собраніе, на которомъ, благодаря все тѣмъ же „новымъ“ вліяніямъ и маленькой интригѣ очаровательной Антонины Дмитріевны, а также роскошнымъ обѣдамъ и праздникамъ въ Сицкомъ, Провъ Ефремовичъ Сусальцевъ избирается на должность предсѣдателя уѣздной земской управы. Теперь самолюбіе „madame *de* Soussaltzef“ до нѣкоторой степени можетъ быть удовлетворено, такъ какъ ея супругъ-купецъ уже изображаетъ собою *нѣчто* въ мѣстномъ „политическомъ“ мірѣ: онъ теперь въ нѣкоторомъ родѣ „особа“, „земскій дѣятель“, „представитель“ извѣстной идеи, попочетное и вліятельное лицо, съ которымъ нужно считаться. На томъ же собраніи избираются якобы „отъ лица земства“ депутаты для ходатайства о концессіи на постройку „жизненно-необходимой“ вѣтви желѣзной дороги съ гарантіей отъ земства, и ходатайство это, благодаря пружинамъ таинственной особы въ Петербургѣ, получаетъ въ подлежащихъ сферахъ разрѣшеніе въ самомъ желательномъ для monsieur Свищова смыслѣ. Такимъ образомъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, весь уѣздъ перевернулся шиворотъ на выворотъ; новые „дѣятели“ и „сѣятели“ оттерли и вытѣснили со всѣхъ позицій прежнихъ работниковъ, оставшихся „за флагомъ“, безъ голоса и значенія; новая волна всеобщаго „оживленія“ захлестнула собою всю уѣздную почву; постройка желѣзной

дороги нагнала сюда новыхъ людей и все изъ „своихъ“ же, вызвала новыя „потребности“, новыя должности, новые подряды и вообще всю ту лихорадочно-алчную дѣятельность, которая въ наше время сразу обнаруживается около „предпріятія“, гдѣ можно такъ или иначе съ выгодой для себя погрѣть руки и половить въ мутной водѣ золотую рыбку. А вмѣстѣ съ этимъ „оживленіемъ“ естественно возрасли и новые земскіе налоги, по соотвѣтственной раскладкѣ, на мѣстныя „платежныя единицы“ въ силу законнаго „самообложенія“. „Платежныя единицы“ закряхтѣли, но... противъ своего же „земства“ ничего не подѣлаешь, и уѣздная полиція, которая нынѣ почти для того только существуетъ, стала по предложенію земской управы выжимать изъ „самообложенныхъ“ мужиковъ послѣдніе гроши на расширившіяся нужды мѣстнаго „самоуправленія“. За то „оживленіе“ выходило на славу; съ одной стороны, корреспонденціи въ столичныхъ газетахъ превозносили дѣятельность губернской администраціи и мѣстныхъ земскихъ оживителей, съ другой—подпольная дѣятельность разныхъ Троженковыхъ и „Волковъ“ приняла въ уѣздѣ нагло широкіе, ничѣмъ не сдерживаемые размѣры.

Извѣстіе о результатѣ новыхъ дворянскихъ выборовъ въ уѣздѣ и всѣ тѣ послѣдствія, какія они естественно повлекли за собой, такъ поразили больнаго старика Юшкова, что новый припадокъ паралича не заставилъ долго ожидать себя, и Павелъ Григорьевичъ Юшковъ скончался почти на рукахъ семейства Троекуровыхъ.

Отношенія Гриши къ Марьѣ Борисовнѣ не пострадали, какъ хотѣлось бы госпожѣ Суцальцевой. Письмо Насти Буйносовой къ Машѣ дѣйствительно возымѣло то благотворное дѣйствіе, на какое разсчитывалъ Гриша. Маша чуткимъ инстинктомъ своего сердца почувствовала въ немъ настоящую правду, на другой же день возвратилась отъ своей тетки Бородиной во Всесвятское и встрѣтилась съ Гришей попрежнему дружелюбно. Такимъ образомъ разсчетъ Антонины Дмитріевны на охлажденіе между ними и, быть можетъ, на отказъ Гришѣ въ рукѣ Марьи Борисовны не оправдался: отношенія ихъ, къ наибольшей ея досадѣ, остались тѣ же. Но не могла

такъ легко помириться съ этимъ самолюбивая и эгоистично злая натура Антонины. Снѣдающая ее внутренняя скука, тоска и мучительная неудовлетворенность окружающимъ, а въ особенности женское самолюбіе, больно уязвленное неподатливостью Гриши Юшкова, который нѣкогда такъ любилъ ее, все это заставило своенравно капризную женщину добиться своего, во что̀ бы то ни стало, „отбить“ у Маши жениха, доказать этимъ „недотрогамъ“ Троекуровымъ все обаяніе своей власти надъ ихъ барашкомъ Гришей. Случай къ этому не замедлилъ представиться. Гриша почти ежедневно посѣщалъ могилу своего отца на церковномъ погостѣ въ родовомъ имѣніи Юшковыхъ и проводилъ тамъ нѣсколько времени въ полномъ уединеніи, молясь и думая объ отцѣ, какъ бы бесѣдуя внутренно съ его духомъ. Свѣдавъ объ этомъ, Антонина Дмитріевна направила свои прогулки въ портшезѣ на парѣ своихъ соловыхъ пони въ ту сторону, и въ одну изъ таковыхъ ей удалось захватить Юшкова на кладбищѣ. Здѣсь въ объясненіи, происшедшемъ на могилѣ стараго моряка, Антонина настойчиво и рѣшительно, но съ большимъ тактомъ и самообладаніемъ пустила въ дѣло всѣ свои чары, все обаяніе своего женскаго ума и тонкаго искусства, чтобы побѣдить неподатливаго противника. Гриша еще раньше, вслѣдъ за своею прогулкой съ нею за городъ, сознавалъ въ душѣ, что его борьба изъ чувства долга противъ искушеній этой женщины была не легка, что онъ страдалъ тогда во все время этой прогулки, что „этотъ голосъ со своимъ какимъ-то мѣдно-звенящимъ отливомъ, эти аквамариновые глаза, холоднымъ лучомъ своимъ проникавшіе до самой глубины его души, волновали его, какъ и прежде, своею непонятною, проклятою властью“. Въ то время онъ превозмогъ себя и не далъ ей побороть свою волю, но чувствовалъ, что „еще одна такая бѣда“, — и онъ не устоитъ. И вотъ такая „бѣда“ пришла, подкралась къ нему нечаянно въ такую минуту, когда онъ, не приготовленный, менѣе всего могъ ожидать ее, но на этотъ разъ она пришла, вооруженная всѣмъ обаяніемъ прелестной женщины, рѣшившейся наконецъ, во что̀ бы то ни стало, добиться своей цѣли, дать торжествующее удовлетворе-

ніе своему задѣтому за живое женскому самолюбію. Искушеніе на этотъ разъ было слишкомъ велико, и бѣдный Гриша уже готовъ былъ пасть предъ магическою властью надъ нимъ этой женщины, но его спасаетъ могила отца, у которой должна была происходить эта сцена. Тутъ онъ вспомнилъ внутренно, какой грѣхъ совершаетъ предъ его священною для себя памятью, вспомнилъ о своей невѣстѣ, — и госпожѣ Сусальцевой и на этотъ разъ не удалось вполнѣ покорить его: въ самую рѣшительную минуту добыча вновь неожиданно ускользнула изъ ея рукъ. Опять свиданіе ихъ кончилось ничѣмъ, но разстались они, повидимому, не врагами, а это могло повлечь за собою возможность повторенія подобныхъ же встрѣчъ и искушеній. Теперь уже Гриша ясно почувствовалъ, что оставаться въ этихъ мѣстахъ долѣе для него крайне опасно, что онъ не устоитъ долѣе предъ обаяніемъ Антонины, которая, удовлетворивъ злому чувству своего самолюбія, онъ понималъ это, броситъ его, какъ ненужную тряпку и тѣмъ разобьетъ всю его жизнь, отниметъ навсегда все возможное для него счастье. Чувствуя себя грѣшникомъ предъ Машей, онъ не смѣетъ болѣе показаться во Всесвятское, онъ чувствуетъ нравственную невозможность встрѣтиться съ нею, невозможность прямо взглянуть ей въ глаза, и потому рѣшается задать продолжительное испытаніе самому себѣ и своему чувству; если оно выдержитъ это испытаніе и не умалится, тогда только вновь сочтетъ онъ себя въ правѣ быть для Маши тѣмъ, чѣмъ былъ до той минуты. Гриша рѣшается уѣхать за границу на годъ, да и предполагаемая свадьба его съ Машей, по случаю смерти отца, едва-ли могла бы состояться раньше этого срока. И такъ, немедленно же и наскоро собравшись, Гриша уѣзжаетъ, предупредивъ Троекуровыхъ о своемъ отъѣздѣ письмомъ, которое было отправлено послѣ того, какъ онъ сѣлъ уже въ вагонъ желѣзной дороги. Въ письмѣ, между прочимъ, были выражены и тѣ мотивы, которые заставили его рѣшиться на такую мѣру самоиспытанія.

Наступилъ 1880 годъ, произошелъ извѣстный взрывъ 5 февраля въ Зимнемъ Дворцѣ, послѣдствія коего, между про-

чимъ, были очень счастливыя для генерала Бахтіарова, еще ранѣе намѣченнаго въ высокихъ сферахъ на весьма видный постъ въ провинціи. Настали времена пресловутой „диктатуры сердца“, а вмѣстѣ съ нею возникла и особая правительственная „коммиссія“ объ упраздненіи правительства и замѣнѣ таковаго „всесословнымъ выборнымъ началомъ“, до выбора губернаторовъ и исправниковъ включительно; готовились новыя и новыя реформы, долженствовавшія собою „увѣнчать зданіе“. Весь романъ долженъ былъ закончиться катастрофой 1 марта и ея ближайшими послѣдствіями. Но тутъ пусть говоритъ самъ авторъ. Мы имѣемъ возможность привести здѣсь (съ замѣной нѣкоторыхъ собственныхъ именъ) подлинныя слова Б. М. Маркевича, касающіяся сего событія, заимствуя ихъ изъ его письма къ П. К. Щебальскому, отъ 25 января 1882 года. Вотъ что писалъ онъ:

„Теперь о будущемъ моемъ романѣ (вы были правы, предполагая, что volens-nolens, а не обойдется у меня безъ трилогіи). Его требуетъ отъ меня *Русскій Вѣстникъ*. И даже заглавіе придумали: *Надъ бездною*, то-есть la dégringolade нашего общества, въ послѣдніе годы прошлаго царствованія, эпопея „диктатуры сердца“ и 1 марта pour clôture. Задача, съ которою даже и предвидѣть не могу, какъ справлюсь“...

По ходу романической фабулы, участіе въ приготовленіяхъ къ цареубійству должны были принимать его герои: „Волкъ“ (личность, въ представленіи автора, долженствовавшая имѣть нѣчто общее съ Желябовымъ,) и тайно возвратившійся изъ-за границы Буйносовъ, которому, впрочемъ, по ходу романа и на сей разъ удалось, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ сообщниковъ, увернуться отъ законной кары.

Гриша Юшковъ, во время своего годоваго пребыванія за границей, имѣлъ случай встрѣтиться какъ съ этимъ Буйносовымъ, такъ и съ нѣкоторыми другими представителями русской анархической партіи, что̀ должно было дать автору поводъ къ нѣсколькимъ интереснымъ сценамъ. Возвратясь на родину окончательно уже окрѣпшимъ нравственно, исцѣленнымъ отъ всякаго дальнѣйшаго вліянія чаръ Антонины Дмитріевны и убѣжденнымъ въ живучести своего чувства къ не-

вѣстѣ, Гриша Юшковъ, выдержавъ наложенный самимъ на себя искусъ, въ концѣ-концовъ женится на Машѣ Троекуровой. Что до самого Бориса Басильевича Троекурова, то онъ, какъ и большинство людей его убѣжденій и образа мыслей, остается, конечно, „не у дѣлъ", въ глуши своего Всесвятскаго, безмолвнымъ зрителемъ всѣхъ „оживленій", совершившихся въ уѣздѣ подъ покровительствомъ „просвѣщенныхъ и либеральныхъ вѣяній" новаго административнаго режима, который разными мелочами даетъ ему чувствовать свою силу и дѣлаетъ поползновенія вымѣщать на немъ свои антипатіи „къ дворянской идеѣ". Замкнувшись въ тѣсномъ кружкѣ своего семейства и двухъ-трехъ служащихъ у него преданныхъ ему лицъ, Борисъ Васильевичъ, неизмѣнно остающійся на высотѣ своего нравственнаго достоинства и характера, продолжаетъ жить, какъ жилъ, и дѣлать для окружающихъ и для своихъ бывшихъ крестьянъ то, что по совѣсти считаетъ полезнымъ и нужнымъ; на всѣ мелкія и гаденькія поползновенія своихъ „антагонистовъ", очутившихся „господами положенія" въ уѣздѣ, къ величайшей ихъ досадѣ и злости, не обращаетъ никакого вниманія. Направленіе „новыхъ теченій" жизни оставило его совсѣмъ въ сторонѣ; надолго-ли?—это закрытый вопросъ будущаго, но авторъ предполагалъ дать какъ бы нѣкоторый просвѣтъ и надежду на возможность поворота къ лучшему въ томъ впечатлѣніи, какое сдѣлалъ въ провинціи манифестъ 29 апрѣля 1881 года, возвращающій верховную власть въ Россіи на ея надлежащее мѣсто и высоту.

Въ заключеніе нахожу не лишнимъ привести еще одну выдержку изъ письма Болеслава Михайловича къ П. К. Щечальскому:

„Вы меня спрашиваете: неужели нельзя найти сюжета и лицъ, къ которымъ бы можно отнестись симпатично? Какъ бы я былъ радъ, дорогой П. К., если бы вы мнѣ указали таковые въ данные года! Вы знаете, что муза моя далеко не *муза мести и печали*. Но кто же, скажите, кромѣ все тѣхъ же Могикановъ дворянскаго прошлаго, quelques rares éprаves d'un passé évanoui à jamais, кто *симпатиченъ* въ этой новой, созданной прошлымъ царствованіемъ, жизни? Гдѣ ти-

пы, гдѣ личности, гдѣ яркія черты, гдѣ, наконецъ, хотя бы абрисы новыхъ нарождающихся жизненныхъ образовъ, къ которымъ могло бы влечься сочувствіе художника? А отрицательными образами хоть прудъ пруди: либералъ-чиновникъ, адвокатъ, желѣзнодорожникъ, университетскіе Градовскіе, журнальные Стасюлевичи, пустозвоны земцы, салонные „socialistes sans le savoir", въ родѣ покойнаго А. Васильчикова, котораго такъ мѣтко прозвалъ этимъ прозвищемъ Leroy Beaulieu. Къ тому же, все это такъ мелко, казенно, шаблонно, дюжинно, что оно, какъ слизь, vous échappe des doigts, какъ только захотите вы поближе присмотрѣться къ нему. Вѣдь у насъ теперь, кромѣ мужика, да и то гдѣ-то тамъ, въ глуби Россіи, куда желѣзныя дороги не внесли *цивилизаціи*, ничего здороваго и цѣлостнаго не осталось. Знаменитыя *реформы* смололи русскую жизнь въ какую-то безобразную и вонючую муку, ни на какую потребу негодную... Да, безспорно, признаки реакціи замѣчаются; молодое поколѣніе видимо начинаетъ относиться критически къ тѣмъ возмутительнымъ формуламъ и безсодержательнымъ фразамъ, которыми подвигались на гибель ихъ ближайшіе предшественники. Но (замѣтьте это!) у этой новой молодежи слагается опять отрицательная формула въ видѣ протеста противъ отрицательнаго направленія ихъ предмѣстниковъ, а *положительнаго* идеала у нея нѣтъ,—l'idéal est à trouver, и кто знаетъ, когда и гдѣ она его обрящетъ? А то, что я говорю вамъ, я слышалъ изъ устъ самой этой молодежи.

„Героиня моего романа будетъ скверная женщина *). Типъ этотъ я уже сложилъ въ головѣ, и онъ у меня такъ уже и выпираетъ наружу. А кого противопоставить ей—и придумать даже не могу. Не поможете-ли, дорогой, какимъ-либо указаніемъ? Не встрѣчалось-ли вамъ въ кругу вашей административно-педагогической дѣятельности что-либо новое, какъ женскій типъ въ смыслѣ *добра?* Несказанно былъ бы вамъ благодаренъ за малѣйшій намекъ на нѣчто подобное"...

*) Б. М. Маркевичъ очевидно подразумѣваетъ здѣсь тотъ типъ, который сложился у него столь ярко въ образѣ Антонины Дмитріевны.
В. К.

Противовѣсъ въ смыслѣ *добра* вылился у автора въ образѣ Маши Троекуровой, этой чутко отзывчивой и неизломанной, а потому *простой* въ своихъ сердечныхъ и нравственныхъ проявленіяхъ натуры; но типъ этотъ намѣченъ у автора почти только въ зачаткѣ. Мы видимъ пока Марью Борисовну лишь въ раннемъ ея дѣвичествѣ, едва вышедшею изъ коротенькаго платьица, подъ охраной ея богобоязненной и честной дворянской семьи. Авторъ оставляетъ ее предъ читателемъ, такъ сказать, на порогѣ раскрытой двери, ведущей на арену жизненной борьбы, коей первые уколы сказываются для нея въ соперничествѣ безсердечной и обаятельной Антонины Дмитріевны. Къ сожалѣнію, безвременная смерть романиста лишаетъ насъ возможности знать, какимъ образомъ заставилъ бы онъ эту Машу, какъ представительницу новаго типа въ смыслѣ добра, по выходѣ ея замужъ, дѣйствовать и бороться въ современной жизненной битвѣ.

Что до идеи романа, лежащей въ самомъ его названіи *Бездна*, то послѣ вышеприведенныхъ выдержекъ изъ писемъ Б. М. Маркевича нѣтъ надобности особенно пояснять ее. Да и самое это названіе говоритъ за себя красновѣчивѣе всякихъ поясненій.

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ.

Б. М. МАРКЕВИЧЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Б. М. МАРКЕВИЧА.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія (бывшая) А. М. Котомина, Фонтанка, д. № 93.
1885.

Содержаніе

ОДИННАДЦАТАГО ТОМА:

	стран
Чадъ жизни	7

Разсказы и очерки.

Иванъ Сусанинъ у Мироваго	121
Цыганка Таня	131
Въ вагонѣ	141
По телеграфу	157
Въ окна	175
Дуэлисты старыхъ временъ	189
Изъ Петербургской жизни. (Домовладѣльческіе типы)	201
Изъ Петербургской жизни. (Почему Павелъ Павлычъ Ѳедосеевъ не попалъ въ камеръ-юнкеры къ Святой)	227
Свободная душа	245
Бѣлокурая красавица	287
Анекдотистъ	303
Утро карьериста	305
Изъ прожитыхъ дней I. Августъ мѣсяцъ	337
„ „ „ II. Профили старыхъ временъ	355
„ „ „ III. На югѣ въ сороковыхъ годахъ	387
„ „ „ IV. Бальзакъ и его женитьба	419

ДРАМА

и

РАЗСКАЗЫ И ОЧЕРКИ.

ЧАДЪ ЖИЗНИ.

Драма въ пяти дѣйствіяхъ.

(Заимствована изъ романа „ПЕРЕЛОМЪ“).

Маріи Гавриловнѣ

САВИНОЙ.

Въ первые десять томовъ предлагаемаго читателямъ изданія вошли всѣ большія беллетристическія произведенія, написанныя Б. М. Маркевичемъ въ теченіе *семнадцати лѣтъ* непрерывавшейся литературной его дѣятельности, считая съ 1867 по 1884 годъ.

Въ послѣдній, одиннадцатый томъ внесены въ хронологическомъ порядкѣ мелкіе разсказы и очерки, написанные имъ за тотъ же періодъ времени, но, такъ сказать, между дѣломъ, шутя и наскоро, и напечатанные въ разныхъ изданіяхъ, за тою или другою подписью, или совсѣмъ безъ подписи. Большую часть этихъ разсказовъ онъ самъ перепечаталъ, съ небольшимъ за годъ до своей кончины, въ особомъ изданіи маленькаго формата, подъ названіемъ: *Повѣсти и разсказы Б. М. Маркевича* *). Прибавка на титульной страницѣ этого изданія: *Выпускъ первый* свидѣтельствуетъ, что онъ имѣлъ намѣреніе продолжать перепечатку и другихъ, наскоро написанныхъ имъ въ пору полной литературной зрѣлости, мелкихъ разсказовъ своихъ.

Первое мѣсто въ XI томѣ отдано драмѣ „*Чадъ жизни*“, какъ единственному произведенію въ дра-

*) Тип. Товар. Общ. Польза. СПБ. 1883.

матической формѣ, передѣланному авторомъ изъ „одного изъ главныхъ эпизодовъ“ его романа „*Переломъ*“.

Немногія мелкія сценическія его произведенія, въ ранней молодости составленныя имъ однимъ, или въ сотрудничествѣ съ кѣмъ-либо и бывшія въ свое время на сценѣ, не внесены въ это изданіе.

Литературно-критическія и публицистическія его статьи и замѣтки, а равно и переписка съ литературными друзьями составятъ особое изданіе.

МНОГОУВАЖАЕМАЯ МАРІЯ ГАВРИЛОВНА,

Выраженное Вами мнѣ желаніе и чаяніе, что „роль Ольги Елпидифоровны Ранцовой станетъ лучшею ролью Вашего репертуара", окончательно побудили меня передѣлать для сцены одинъ изъ главныхъ эпизодовъ моего романа „Переломъ". Сильный Вашимъ поощреніемъ, я принялся съ любовью за работу, читалъ Вамъ мою драму актъ за актомъ, и благодарно и послушно руководился при этомъ Вашими вполнѣ артистическими и драгоцѣнными для меня съ технической стороны указаніями. Нѣкоторыя даже замѣченныя мною мѣстами въ піэсѣ длинноты я счелъ нужнымъ оставить въ цѣлости въ виду замѣчанія Вашего, что „урѣзки могутъ быть полезно дѣлаемы только на репетиціи, когда самый процессъ исполненія и сценическое чутье исполнителей укажутъ съ достодолжной вѣрностью, *гдѣ и что̀ именно* должно быть исключено, или даже измѣнено для успѣшнѣйшаго хода и интереса піэсы".

Драма моя должна была итти въ Вашъ бенефисъ и уже этимъ самымъ привлечь на первое представленіе ея воспитаннѣйшую и просвѣщеннѣйшую часть нашей публики...

Лица, которымъ ввѣрены нынѣ судьбы русскаго театра, рѣшили иначе:—драма моя была „отвергнута" литературно-театральнымъ комитетомъ.

Но, неисправимый оптимистъ, я вѣрю, что существующіе нынѣ для постановки на Императорскую сцену піэсъ порядки долго продолжаться не могутъ и что на нихъ обратятъ, наконецъ, серьезное вниманіе тѣ, кому объ этомъ вѣдать надлежитъ. Придетъ часъ, и онъ, быть можетъ, близокъ, когда

для добронамѣренныхъ писателей станетъ возможенъ доступъ къ этой сценѣ. Когда настанетъ этотъ часъ, Вамъ будетъ дано исполнить роль, желанную Вами, а мнѣ—въ числѣ безчисленныхъ поклонниковъ Вашихъ восторженно рукоплескать Вамъ въ ней.

Позвольте пока покорнѣйше просить Васъ принять посвященіе Вамъ произведенія, которое безъ Вашего рѣшающаго вызова никогда, по всей вѣроятности, не увидѣло бы свѣта.

Глубоко уважающій Васъ

Б. Маркевичъ.

ЧАДЪ ЖИЗНИ.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ *).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Елпидифоръ Павловичъ **Акулинъ**, отставной частный приставъ.
Ольга Елпидифоровна **Ранцова**, дочь его.
Никаноръ Ильичъ **Ранцовъ**, камеръ-юнкеръ, бывшій армеецъ.
Графъ Леонидъ Александровичъ **Наташанцевъ**, большой чинъ Двора.
Владиміръ Петровичъ **Ашанинъ**, московскій молодой человѣкъ.
Князь Василій Михайловичъ **Шастуновъ**, гусарскій офицеръ.
Княгиня Аглая Константиновна **Шастунова**, мать его.
Баронесса Надежда Ѳедоровна **Фицгеймъ**, свѣтская особа.
Анфиса, экономка Акулина.
Стороженко, ходатай по дѣламъ.
Терхаріанцевъ, армянинъ, купецъ.
Докторъ **Ѳирсовъ**.
Ѳедька, слуга Акулина.
Даша, горничная Ранцовой.
Алексѣй, слуга въ гостиницѣ.
Слуги.

1, 2, 3 и 5 дѣйствія происходятъ въ Москвѣ, 4—въ Петербургѣ. Между 4-мъ и 5-мъ дѣйствіями проходитъ полтора года.

---

*) Впервые напечатана въ „Приложеніи къ газетѣ Гражданинъ“ за Январь 1884 года.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Въ Москвѣ, въ домѣ Акулина (во второй половинѣ августа). Кабинетъ Акулина. Вправо отъ зрителя входная двустворчатая дверь. По той же сторонѣ венеціанское раскрытое окно. По лѣвой отъ зрителя сторонѣ едва замѣтная, оклеенная обоями подъ стать стѣнамъ комнаты (желательно краснаго цвѣта), небольшая дверь въ комнату Анфисы; за нею—другая двустворчатая дверь. На заднемъ планѣ, прямо противъ зрителя, отдергивающаяся на кольцахъ занавѣсь во всю высоту, отдѣляющая кабинетъ отъ алькова—спальни хозяина. Стѣны комнаты покрыты картинами въ потускнѣвшихъ рамахъ. Мебель сборная, цѣнная, всякихъ эпохъ и формъ; по правой рукѣ отъ алькова большой баютъ старинной рѣзьбы; на немъ всякія вазы, фарфоръ и кубки; по лѣвой—невысокій шкафъ, на которомъ графинъ съ водою, рюмка и нѣсколькихъ аптекарскихъ стклянокъ. Между дверями лѣвой стороны еще шкафъ (или старинный письменный столъ съ этажерками), на которомъ стоятъ бронзовые часы style Empire. Посреди сцены небольшая кушетка, кресло и довольно большой столъ на ножкахъ. Комната должна вообще носить характеръ нагроможденности и артистическаго безпорядка мастерской художника.

При поднятіи занавѣса Анфиса, женщина лѣтъ 28-ми, повязанная шелковымъ платкомъ по головѣ, въ шелковой кофтѣ старокупеческаго покроя, съ выбивающимися изъ плечевыхъ отверстій широкими и подобранными рукавами бѣлой сорочки, стоитъ на порогѣ алькова въ глубинѣ сцены. Занавѣсь отдернута, и зритель можетъ видѣть за нею большое кресло на колесахъ, въ которомъ спитъ Акулинъ, громоздкій человѣкъ лѣтъ 55-ти, съ большою пуховою подушкой за спиною и другой съ лѣвой стороны, на которой лежитъ недвижно парализованная рука.

СЦЕНА I.

Анфиса (*одна*). Умаялся наконецъ, заснулъ... А то, думала, и конца этому не будетъ (*задергиваетъ занавѣсь и выходитъ на сцену*). „Чего ея, дочери, до сихъ поръ нѣтъ“? А почемъ я знаю! Можетъ и вовсе пріѣхать не захотѣла... Хнычетъ, ноетъ... Ажъ истомилъ всю!.. А тутъ опять тотъ придетъ, Степа,—сказывалъ, будетъ сегодня,—съ ножомъ къ горлу пристанетъ: „исполни“, скажетъ... Исполни! Петлю онъ мнѣ, дьяволъ, на шею надѣлъ,—вотъ что! Разѣ легко на такое дѣло рѣшиться?.. (*оборачивается на шумъ шаговъ въ глубинѣ сцены*) Вотъ онъ самъ и есть!..

СЦЕНА II.

Анфиса и Стороженко.

Стороженко (*осторожно оглядываясь*). Анфиса Дмитріевна!...

Анфиса (*дѣлаетъ ему знакъ рукой*). Тише, тсс!...

Стороженко. Что это, спитъ?

Анфиса. Започивалъ только.

Стороженко. Дочку его ждете?...

Анфиса. А ты ужь знаешь!

Стороженко. Ѳедька сейчасъ въ передней сказывалъ... (*мрачно*) По телеграммѣ, по докторской, значитъ?

Анфиса. Стало быть! Вчера отъ нея отвѣтъ полученъ. „Буду-молъ завтра, радуюсь увидѣть“... Я тебѣ говорила: все равно, вторую пошлетъ, какъ если-бъ на первую молчекъ...

Стороженко (*озираясь*). Какъ же вы теперь думаете (*не договариваетъ*)...

Анфиса. Чего это?

Стороженко. Сами понимать должны.

Анфиса (*тоскливо*). Ты на счетъ все того же...

Стороженко. А то какъ еще!...

Анфиса (*со вздохомъ*). Ахъ, лукавая твоя душа; мало тебѣ, воръ ты этакой, что изъ-за тебя я совѣсть потеряла, благодѣтелю моему, замѣсто благодарности, обманомъ заплатила... а ты еще...

Стороженко (*не давая ей продолжать, ядовито*). Какому „благодѣтелю-то“? Хопугѣ этому полицейскому, что̀ васъ пять лѣтъ духомъ и тѣломъ къ крѣпости держалъ! Такъ такого „благодѣтеля“ по Владиміркѣ погнать стоитъ, а не то что...

Анфиса (*перебивая*). Оставьте! Каковъ для другихъ—не знаю, а для меня благоволительный былъ господинъ завсегда. Покудова съ тобою не связалась, какъ за кремлемъ каменнымъ жила за нимъ, что лучше не надо женщинѣ.

Стороженко (*хихикая*). Это и точно:—помретъ, такъ вы, почитай, нищая изъ дому изъ его этого выйдете, когда у него, чорта стараго, тутъ (*киваетъ на баютъ въ глубинѣ сцены*) тысячъ, можетъ, сто денегъ лежитъ.

Анфиса (*невольно*). Побольше будетъ.

Стороженко. Вотъ видите!... И все это его богатство, значитъ, законной наслѣдницѣ, дочери, перейти должно... А у нихъ у самихъ съ мужемъ деньги куры не клюютъ. (*Тише, близко подходя къ ней*) И про деньги эти отцовскія она ничего даже и не знаетъ,—сами вѣдь сказывали вы.

Анфиса. Окромя меня и никто не знаетъ: ото всѣхъ скрывалъ...

Стороженко (*горячимъ шопотомъ*). Чего-же вы смотрите! Аль и впрямь счастія своего не желаете, и всѣ ваши слова любовныя обманъ одинъ?... Такъ я этого терпѣть болѣе не хочу... За тѣмъ и пришелъ, чтобы сказать вамъ... Измаялся я отъ этого характера вашего заячьяго? Какъ если вы и сейчасъ не согласны будете,—Богъ съ вами, за двадцать тысячъ верстъ отъ Москвы уѣду!...

Анфиса (*вскрикивая*). Куда это?

Стороженко. Въ Туркестанскомъ краѣ суды новые открываются,—мѣсто тамъ получить мнѣ можно.

Анфиса. Вѣдь это гдѣ-жь, въ Азіи никакъ, Степа?...

Стороженко. Говорю: тысячъ двадцать верстъ отселева будетъ.

Анфиса (*заламывая руки*). Степа, для чего же это ты теперича меня мучаешь? Совѣсть у тебя гдѣ?...

Стороженко (*перебивая*). Эхъ, Анфиса Дмитріевна, что̀ намъ все эту старую канитель тянуть! Какъ если бы дѣйствительно у насъ съ сами было тысячъ 70, 80, больше не надо,—поженились бы мы въ тотъ же часъ, хуторочекъ бы себѣ *пидъ Пилтавою*, на родинѣ моей, аль на Сулѣ купили, „*садокъ вишневій коло хаты*“, да и сховались бы тамъ отъ всего свѣта, голубонька моя!... (*Нѣжно обнимаетъ ее.*) А вотъ какъ въ карманѣ нѣтъ ничего,—лучше врозь, чѣмъ сердце только дармо терзать!...

Анфиса (*очень взволнованно*). Ахъ, не слушала-бъ я никогда эти рѣчи твои змѣиныя! Душу ты мнѣ всю вымоталъ, мучитель ты мой, злодѣй!... (*сильное колебаніе*) Какъ же *я*, самъ посуди, шкапъ-отъ этотъ отворю, когда ключъ у него на шеѣ, съ крестомъ на цѣпочкѣ, виситъ?

Стороженко (*шопотомъ*). А развѣ снять нельзя и съ цѣпочкой? Спитъ онъ вѣдь. Все въ вашихъ рукахъ сейчасъ... и мы съ вами на вѣкъ счастливые... (*Занавѣсь алькова слегка волнуется будто отъ прикосновенія чьей-то руки.*)

Анфиса (*съ ужасомъ*). Да что̀ ты ошалѣлъ, что-ли, чтобъ я теперь, *сейчасъ* хочешь?...

Стороженко. А чего-жь время-то упущать! Мало еще его потеряли?... Послѣ этого его удара, сами знаете,—заснетъ, такъ хоть изъ пушекъ подъ ухомъ пали, не услышитъ... Минута одна вѣдь: цѣпочку сняли, шкафъ отперли... потомъ опять на него надѣнете,—и не узнаетъ николи... Я тутъ постерегу у дверей...

Анфиса (*въ сильномъ волненіи*). Да развѣ это возможно, діаволъ ты, коли дочку его, Ольгу Елпидифоровну, съ минуты на минуту ждать сюда надо. Мужъ когда еще за нею поѣдетъ.

Стороженко (*указывая на часы*). Не будетъ она сегодня: первый часъ на исходѣ, видите! Какъ бы если пріѣхала,

давно-бъ ей здѣсь надо быть... Ступайте... говорю, одна минута всего.

Анфиса (*отчаянно*). Не могу... что̀ хочешь дѣлай, не могу!...

Стороженко. А не можете—такъ прощайте... Пропадай все пропадомъ!... (*Хочетъ итти*).

Анфиса (*кидаясь за нимъ*). Степа, куда же ты? Господи, такой грѣхъ на душу принять!...

Стороженко. На свою принимаю, на свою... (*Указывая на альковъ*). Ступайте, коли любите!...

Анфиса. Ахъ ты мой мучитель, мучитель!... (*Идетъ, шатаясь, къ алькову. Стороженко крадется на цыпочкахъ за нею. Она вдругъ останавливается*). Слышишь, идутъ... Они,—пріѣхали!... Уходи ты скорѣе, уходи!...

Стороженко (*злобно*). Ахъ, чтобъ васъ всѣхъ!...

Анфиса (*тревожно*). Черезъ мою свѣтелку ступай,—нечего тебѣ ей въ глаза попадаться (*идетъ за нимъ къ двери въ ея комнату*).

Стороженко (*на порогѣ*). Глядите же: можетъ, ночью случай выйдетъ... Я зайду завтра навѣдаться... А коли вы опять на попятный, такъ и знайте: не видать вамъ меня въ жисть.

Анфиса. Да уходи ты, діаволъ, уходи!... (*Вталкиваетъ его въ свою комнату*).

СЦЕНА III.

Анфиса и Ранцовъ (*быстро входитъ*).

Ранцовъ (*радостно Анфисѣ*). Жену привезъ... Что̀ батюшка?

Анфиса (*подавляя волненіе*). Только-только започивали... Маялись все, ожидаючи Ольгу Елпидифоровну, безпокоились, что онѣ и вовсе не пріѣдутъ, или что̀, не дай Богъ, съ поѣздомъ случилось...

Ранцовъ. Пріѣхала, пріѣхала благополучно, вò-время... Только, знаете, пока тамъ въ гостиницѣ устроилась... ну, и туалетъ этотъ ихъ дамскій, какъ вамъ извѣстно... (*Смѣется*).

Анфиса. Въ гостиницѣ? Для чего-жь онѣ у насъ не пристали? Комнаты имъ, сами изволили видѣть (*указываетъ на дверь рядомъ съ дверью въ ея комнату, по лѣвой сторонѣ*), рядомъ съ вашею приготовлены. Самъ Елпидифоръ Павлычъ устраивали. Что̀ лучшаго у насъ въ домѣ изъ небели и прочаго—перенести туда велѣли.

Ранцовъ (*смутно*). Знаю, Анфиса Дмитріевна, знаю, бонбоньерку ей настоящую уготовилъ, чего ужь лучше.... Только, знаете,—барыни: у нихъ также свое... Все же, говоритъ, не у себя буду, не хозяйка.

Анфиса (*протягивая*). Та-акъ-съ! (*минута молчанія*) Чѣмъ же этто онѣ у отца роднаго, да не хозяйкою будутъ?... Если онѣ, къ примѣру, на счетъ меня, можетъ, сумлѣваются, такъ вѣдь это напрасно, сами знаете, Никаноръ Ильичъ, потому хотя я изъ купецкаго званія, а все та же слуга у папеньки у ихняго и завсегда у нихъ въ покорности остаться должна.

Ранцовъ (*поспѣшно*). Что этo вы, помилуйте, Анфиса Дмитріевна, она нисколько... Такъ, знаете, своевольице свое дамское... Привыкла въ Петербургѣ, да за границей, чтобъ на полной своей волюшкѣ, ничѣмъ не стѣсняясь.

Анфиса (*оглядываясь*). Такъ гдѣ же онѣ теперича? Вы изволите говорить, пріѣхали онѣ...

Ранцевъ. А она тамъ въ гостиной на картины залюбовалась... Я побѣжалъ впередъ,—думалъ предварить батюшку, чтобъ не взволновался онъ нечаянностью... Да вотъ и она!... (*Идетъ навстрѣчу появляющейся изъ входныхъ дверей женѣ*).

СЦЕНА IV.

Тѣ-же и Ольга Елпидифоровна.

Ольга Елп. (*входя*). У него тутъ рѣшительно цѣлый музей въ домѣ,—какія чудесныя вещи! Откуда это все?.. (*Ранцовъ смущенно опускаетъ глаза и слегка приподнимаетъ плечи.*)

Ольга Елп. (*глядитъ прищуриваясь на Анфису, которая отвѣшиваетъ ей глубокій поясной поклонъ. Оборачивает-*

ся къ мужу и скороговоркой). Это она? (*Ранцовъ утвердительно киваетъ.*)

Ольга Елп. (*Анфисѣ*). Что̀ батюшка?

Анфиса. Почиваютъ-съ.

Ольга Елп. А!.. Такъ, когда проснется, вы, пожалуйста, милая, придите сказать намъ. (*Анфиса кланяется и уходитъ къ себѣ въ комнату.*)

Ольга Елп. (*садясь въ кресло къ столу и снимая перчатки*). Красивая женщина... Я ея прежде у него не видала.

Ранцовъ (*стоя и глядя на нее съ восхищеніемъ*). Стыдилася тебя, Оленька, пряталась должно быть... Она ужь давно у батюшки живетъ... (*Минута молчанія; Ольга Елпидифоровна хмурится.*)

Ольга Елп. Вы изъ деревни когда сюда пріѣхали?

Ранц. Третьяго дня, вечеромъ. Утромъ эстафету получилъ, сейчасъ же и выѣхалъ.

Ольга Елп. Здѣсь и остановились!

Ранц. Здѣсь, Оля; батюшка настоятельно просилъ...

Ольга Елп. Что̀ съ нимъ было, ударъ?

Ранц. (*озабоченно*). Въ этомъ родѣ, Оленька, да,—лѣвыя рука и нога отнялись... А впрочемъ докторъ не отчаивается, электричество прописалъ... Голова у него второй день совсѣмъ свѣжая, про тебя все говоритъ.

Ольга Елп. Упалъ духомъ?

Ранц. Не то чтобы... А видно—занятъ мыслью на счетъ будущаго. Говоритъ, боится, что если насъ тутъ не будетъ, растащатъ у него все. (*Минута молчанія.*)

Ольга Елп. Ну, а у васъ какъ,—въ Рай-Никольскомъ?

Ранц. (*смущенно отворачивая глаза*). Да нехорошо, Оленька.

Ольга Елп. (*рѣзко*). Все та же пѣсня!.. Денегъ мнѣ привезли?

Ранц. (*чуть слышно*). Тысячи полторы собралъ.

Ольга Елп. Только? До какихъ же поръ?

Ранц. Ну, ужь право не знаю, Олечка; раньше ноября, когда хлѣбъ продамъ, никакой получки въ виду не имѣется.

Ольга Елп. Чѣмъ же я буду жить, пока у васъ будутъ опять деньги? Полторы тысячи мнѣ едва на мѣсяцъ хватитъ.

Ранц. (*опускаясь въ кресло подлѣ нея и нагибаясь къ ней*). Ты не должна сердиться на меня, Оленька, потому, сама знаешь, я всей душой, и, кажется, ты видѣла и видишь... Только мы такъ больше не можемъ, потому сама знаешь...

Ольга Елп. (*передразнивая его гнѣвно*). Что я „знаю", что „не можемъ"?

Ранц. Такъ жить, Оленька, какъ по сихъ поръ... потому доходовъ не хватаетъ, и подъ-конецъ такимъ манеромъ можно по міру пойти.

Ольга Елп. Прелестно, превосходно! Послѣ восьми лѣтъ замужства, любезный супругъ предлагаетъ мнѣ въ перспективѣ нищенскую суму.

Ранц. (*чуть не плача*). Я знаю, Олечка, что ты вспыльчива и нерезонно гнѣваешься часто,—только ты пожалѣла бы меня немножко, потому это мнѣ хуже, чѣмъ ножомъ... Мнѣ ничего не нужно, лишь бы тебя успокоить. Какъ ты всегда желала, я ни слова противъ, никогда. Сама знаешь,—доходовъ въ годъ 25, 30 тысячъ, а мы сорокъ, да и всѣ пятьдесятъ иной годъ проживали... Дошло наконецъ до того, что имѣніе все кругомъ у насъ заложено и обернуться нечѣмъ... Пойми ты это, Олечка.

Ольга Елп. (*послѣ тяжелаго раздумья*). Какой же доходъ разсчитываете вы получать на будущее время?...

Ранц. Если, какъ теперь вотъ я, входить во все самому, тысячъ 15 вѣрныхъ всегда можно получить, Оля.

Ольга Елп. (*презрительно смѣясь*). Пятнадцать тысячъ; развѣ съ этимъ можно существовать?

Ранц. (*робко*) Конечно, Олечка... если-бъ ты согласилась въ деревню, или даже сюда, въ Москву.

Ольга Елп. Не жить въ Петербургѣ?—Никогда!

Ранц. (*растерянно*). Такъ какъ же быть, когда доходы...

Ольга Елп. (*перебивая его насмѣшливо*). Доходы! У васъ никогда доходовъ не будетъ, вы не умѣете... Я вижу, мнѣ самой надо за дѣло приняться...

Ранц. (*недоумѣло*). За что это „приняться", Олечка?

Ольга Елп. Аферы дѣлать.

Ранцевъ. Какія!

Ольга Елп. (*нетерпѣливо*). Мало-ли! Развѣ вы не знаете, что въ теперешнее время женщины все могутъ, и все черезъ нихъ дѣлается, — а вы, кажется, видѣли, какіе люди мнѣ друзья и что у меня черезъ нихъ руки вездѣ.

Ранц. (*нѣжно цѣлуя ее руку*). Это точно, Олечка; ты у меня умница, всякую тонкость понимаешь, и я дѣйствительно знаю, какіе козыри у тебя въ игрѣ... Только все же, другъ мой...

Ольга Елп. (*перебивая*). Шш!... Батюшкинъ голосъ, кажется. (*За занавѣсью алькова слышится явственно голосъ Акулина:* Ан-фи-суш-ка!...)

Ольга Елп. (*вставая*). Проснулся.

Анфиса (*поспѣшно выбѣгаетъ изъ своей комнаты и отдергиваетъ занавѣсь*). Сейчасъ, батюшка мой... Ольга Елпидифоровна изволили прибыть.

СЦЕНА V.

Тѣ-же и Акулинъ.

Акулинъ (*Съ мѣста*). Оля, дочь, голубушка ты моя! Наконецъ-то!... Запоздала что?... (*Она направляется къ нему, Анфиса въ то-же время забѣгаетъ за спинку кресла и вкатываетъ его на сцену.*)

Ольга Елп. (*наклоняясь поцѣловать его*). Да такъ случилось... Все равно впрочемъ, вы вѣдь спали... Ну, вотъ и я, папа, здравствуйте, здравствуйте.

Акулинъ (*истерически всхлипывая*). Оля, Олечка!

Ольга Елп. Что это вы, папа, какъ не стыдно! Видите, вотъ я пріѣхала и очень счастлива васъ видѣть, и нечего вамъ плакать.

Акулинъ (*указывая на недвижную свою руку*). Видишь, вотъ каковъ я.

Ольга Елп. Это ничего, пройдетъ... Электричество очень помогаетъ въ этихъ случаяхъ. (*Анфиса проходитъ въ это*

время къ шкафику, на которомъ стоятъ аптекарскія стклянки, рюмка и графинъ съ водою, изъ котораго наливаетъ въ рюмку воды и капаетъ въ нее капли изъ пузырька.)

Акулинъ. Да вотъ шестой день, а все лучше нѣтъ.

(*Анфиса подходитъ къ нему съ рюмкою въ рукѣ.*)

Ольга Елп. (*вперяясь въ нее взглядомъ*). Что это такое?

Анфиса (*спокойно*). Капли-съ.

Ольга Елп. Докторъ прописалъ?

Анфиса. Такъ точно-съ.

Ольга Елп. Покажите сигнатурку. (*Анфиса идетъ къ столу и приноситъ пузырёкъ съ сигнатуркой.*)

Акулинъ. Успокоительное. (*Ольга Елп. беретъ сигнатурку, наклоняется на мигъ къ рюмкѣ, которую Анфиса держитъ въ рукѣ.*)

Ольга Елп. Это лавровo-вишневыя капли, успокоиваютъ, дѣйствительно... (*Акулинъ выпиваетъ съ помощью Анфисы, поддерживающей его руку. Ольга Елпидифоровна садится неподалеку отъ него; Ранцовъ далье, подлѣ кушетки.*)

Акулинъ. Олечка, давно вѣдь какъ, давно не видалъ я тебя!

Ольга Елп. Да, безъ малаго три года. Изъ Петербурга такъ трудно вырваться; потомъ заграницей я была, недавно вернулась только... А какъ у васъ здѣсь хорошо, папа (*обводитъ кругомъ глазами*).

Акулинъ (*вздыхая*). Ты не была у меня еще здѣсь... Да, собралъ кое-что, собралъ на аукціонахъ, да по случаю.

Ольга Елп. Давно все это у васъ?

Акулинъ. Да вотъ какъ выдалъ тебя, а самъ сюда на должность поступилъ, въ городскую часть, скука одолѣла... Ну, говорю, случаи были, началъ потихоньку, потомъ пристрастился... Домикъ купилъ, отдѣлывать сталъ. Что пріобрѣсти удастся, бывало, сюда вотъ и отправляю, ты не видала поэтому ничего на старой-то квартирѣ... Да, вотъ, думалъ, Олечка, подъ старость отдохнуть въ укромномъ уголкѣ, любуясь на эту прелесть художественную... Миньяръ тутъ у меня чудесный, погляди: портретъ маркизы Севинье; надъ шкафикомъ вотъ, надъ этимъ.

Ольга Елп. (*встаетъ и разглядываетъ*). Ахъ, да, прелесть. Лицо какое умное!... Съ нами въ поѣздѣ ѣхалъ какой-то восточный человѣкъ, любитель всякихъ старыхъ и цѣнныхъ вещей... Просто brocanteur, должно быть... Вотъ ему бы показать все это—во что бы онъ оцѣнилъ... Пресмѣшной этотъ армянинъ... Я, кажется, имѣла счастіе произвести на него впечатлѣніе: онъ пилъ чай подлѣ меня на станціи и тутъ же предложилъ мнѣ одну огромную бирюзу у него купить за какую-то баснословно дешевую цѣну.

Акулинъ (*весело*). Не удивляюсь,—гляди, какая ты у меня красавица! Не то бирюзы,—большаго рубина стоишь.

Ольга Елп. (*кланяется ему, смѣясь*). Вы любезнѣйшій изъ отцовъ во всей Россійской имперіи, папа. Это хоть любому изъ моихъ *паричковъ* подъ стать!

Акулинъ. Кто же это такіе, твои „парички"?

Ольга Елп. (*все также*). А у меня ихъ цѣлая коллекція: генералъ-адъютанты, дипломаты, статсъ-секретари разные... Все изъ старенькихъ, я потому ихъ такъ и зову „паричками"; я молодыхъ не люблю.

Акулинъ (*со смѣхомъ*). Такъ и надо, дочка, такъ и надо: мужу не такъ подозрительно. Какъ ты объ этомъ скажешь, Никанорушка?

Ранц. (*глядя страстно на жену*). Мнѣ что же,—я въ Олечкѣ увѣренъ...

Акулинъ. Вотъ это настоящее, какъ и слѣдуетъ быть,—хвалю! Не устала ты отъ дороги, Оля?

Ольга Елп. Нѣтъ... Я успѣла выспаться—и очень весело ѣхала. Мнѣ въ Петербургѣ дали цѣлое отдѣленіе, и я расположилась какъ дома. Только вѣдь одной въ вагонѣ—тоска, я и пригласила къ себѣ одну вашу московскую даму, Лукоянову, съ дочерью, съ которыми я познакомилась случайно въ Царскомъ Селѣ у графини Бородиной... да еще одного нашего стараго съ вами, папа, знакомаго, котораго я съ замужства не видала,—помните вы, онъ съ нами еще въ Сицкомъ въ *Гамлетѣ* игралъ,—Ашанинъ одинъ?

Акулинъ. Какъ не помнить! Я съ нимъ не разъ потомъ и здѣсь, въ Москвѣ, встрѣчался,—красавецъ такой, брюнетъ.

Ранц. (*какъ бы невольно*). Пустой человѣкъ!...

Ольга Елп. (*покосясь на него*). Презабавный. Онъ насъ вчера до поздняго вечера потѣшалъ своими уморительными разсказами... (*Подымаетъ глаза на стоящую за кресломъ отца Анфису*). Вы, должно быть, устали, милая, стоять. Можете себѣ итти; если что нужно батюшкѣ, я тутъ.

Анфиса. Ничего-съ, постоимъ.

Ольга Елп. (*нетерпѣливо*). Ступайте, ступайте, васъ позовутъ, если нужно будетъ. (*Анфиса кланяется и медленно уходитъ въ свою дверь. Акулинъ съ болѣзненнымъ выраженіемъ въ лицѣ слѣдитъ за ея удаленіемъ. Дочери*):

Акулинъ. За что это ты, Оля, за что?

Ольга Елп. (*морщась*). Что такое?

Акулинъ (*жалобнымъ голосомъ*). Обидѣла... женщину...

Ольга Елп. (*пристально уставясь на него*). Да что она у васъ такое, слуга или...

Акулинъ. Э... экономка у меня она...

Ольга Елп. И, какъ видно, нѣчто еще болѣе вамъ близкое?

Акулинъ (*смущенно*). Что же, Оля, всѣ мы люди, всѣ человѣки.

Ольга Елп. (*съ иронической усмѣшкой*). И вы ее даже боитесь!

Акулинъ (*отыскиваетъ глазами Ранцова и манитъ его къ себѣ. Тотъ поспѣшно подходитъ къ нему. Акулинъ ему взволнованно шопотомъ:*) Никанорушка, погляди за дверью (*киваетъ на дверь Анфисы*) и запри на ключъ, да потише... (*Ранцовъ исполняетъ приказаніе*). Садись... ближе... (*Зять и дочь подсаживаются къ нему. Онъ тѣмъ же шопотомъ:*) Вотъ ты сейчасъ сказала, Оля, я боюсь... Я точно, Оля... Недужный, какъ видишь, сталъ. Поразилъ меня Господь за прегрѣшенія. Одинъ, на чужихъ рукахъ, страшно, дѣйствительно.

Ранц. Помилуйте, батюшка, чего вамъ бо... (*не договариваетъ, остановленный взглядомъ жены.*)

Ольга Елп. Давно у васъ эта женщина?

Акулинъ. Пять лѣтъ безъ малаго... Привыкъ, весь домъ ей на руки сдалъ.

Ольга Елп. Кто она, откуда?

Акулинъ (*вздыхая*). Изъ мелкоты, изъ купеческой... Молоденькая за прикащика одного, пропоицу горькаго, выдана была. Промучилась она съ нимъ года три... Нищею послѣ него осталась... Вотъ съ тѣхъ поръ она у меня и... хозяйкой... Всѣмъ мнѣ, могу сказать, обязана, поена, кормлена, холена... Не ждалъ я отъ нея черноты такой (*захлебывается слезами*).

Ольга Елп. Вы говорили мужу, боитесь, чтобъ васъ не обокрали? Вы ее подозрѣваете?

Акулинъ (*бользненно*). Измѣнница она, неблагодарная! За мою привязанность... съ кѣмъ связалась! Есть тутъ одинъ... Вотъ Никанорушка знаетъ... видѣлъ его у меня... Змѣй! Путаетъ онъ ее, наущаетъ.

Ольга Елп. Да вы что же, узнали что-нибудь, замѣтили? Когда: давно, или теперь только?

Акулинъ (*стараясь вспомнить*). Погоди!.. Боленъ я сегодня шестой день, а ты объ этомъ когда депешу получила?

Ольга Елп. Третьягодня вечеромъ, поздно.

Акулинъ. Вотъ оно, вотъ доказательство! Раньше не получала?

Ольга Елп. Никакой.

Акулинъ. А я... когда это вотъ со мной случилось (*указываетъ на парализованную руку*), я, какъ только отошла голова,—на другой же день, значитъ,—говорю *ей* при *немъ*—языкъ-то у меня едва еще ворочался тогда: „Олѣ сейчасъ дай телеграмму, говорю, въ Петербургъ“. — „Хорошо, говоритъ, сейчасъ“. А *онъ* тутъ же съ услугою. „Позвольте, говоритъ, я напишу и отвезу самъ для вѣрности на телеграфъ“... Сѣлъ, дѣйствительно, къ столу, написалъ, показалъ мнѣ и ушелъ съ написаннымъ-то... Это, значитъ, еще въ понедѣльникъ было,—ноньче пятница... Тутъ опять сонливость на меня напала, безъ малаго двое сутокъ головы не могъ отъ подушки оторвать. И сплю я, и не сплю, а глазъ растворить не могу, лежу трупомъ безчувственнымъ... И ужь не знаю, утромъ-ли рано, ночью-ли, только слышу я вдругъ, — шепчутся, а въ уши такъ ясно мнѣ голоса звенятъ: „Не встать ему ни за что“! Это говоритъ *онъ*. „Это про меня“, думаю, и такъ страш-

но стало мнѣ тутъ; кому-жь онъ это говоритъ? Только опять слышу, *ея* ужь голосъ: „А ты послалъ ей депешу?“ *Ты!* — Она ему „*ты*“, можете себѣ представить! Я бы ее, кажется, въ другое время... а я и вѣкой моргнуть не въ силахъ, и чувствую только, лучше бы, кажется, умереть мнѣ сейчасъ...

Ольга Елп. Что же, папа, дальше?

Акулинъ. Не разслышалъ я, или забылъ, что за этимъ было, только, помню опять, она говоритъ: „Грѣхъ!“ А онъ ей на это: „А у него-то самого — у меня, то есть, значитъ, — откуда деньжищи-то“? Тутъ я опять въ безчувствіе впалъ. А пришелъ я въ себя наконецъ настоящимъ образомъ третьягодня,—въ среду, значитъ. И спрашиваю я тутъ Анфису: сколько я спалъ и какой нынче день? — „Среда“, говоритъ.—Есть отъ Оли отвѣтъ? спрашиваю. „Нѣту“.—Видно, говорю, депеша пропала. Оля непремѣнно бы отвѣтила. Молчитъ. Странно это мнѣ показалось. Докторъ тутъ былъ въ это время. Сдѣлайте милость, говорю; Акинфій Николаевичъ, вы около самаго телеграфа живете, отвезите депешу дочери, я вамъ сейчасъ продиктую. Онъ сѣлъ, написалъ. Эстафету я тутъ же продиктовалъ ему къ Никанору въ деревню... Докторъ взялъ ихъ съ собою и отправилъ.

Ольга Елп. А первую депешу вашу ко мнѣ они очевидно уничтожили.

Акулинъ (*шопотомъ*). Слушай, мало того,—вотъ сейчасъ, передъ тѣмъ, какъ ты пріѣхала, слышу опять сквозь сонъ голоса ихъ... Вотъ тутъ, въ комнатѣ, шепчутся, а все-жь ко мнѣ доходитъ нѣсколько: „Мучитель“, говоритъ, показалось мнѣ, „мучитель ты мой“... А онъ опять: „Все въ вашихъ рукахъ, говоритъ, и мы съ вами навѣкъ счастливы“... Это я добре слышалъ; руку даже, помню, къ занавѣси протянулъ, крикнуть хотѣлъ, да страхъ тутъ вдругъ на меня нашелъ и слабость, и я въ скорости снова въ сонъ впалъ.

Ольга Елп. Все это совершенно ясно теперь: они сговорились обобрать васъ.

Акулинъ (*плачущимъ голосомъ*). Все онъ, Оля, все онъ!..

Ольга Елп. Да кто онъ, скажите пожалуйста, откуда вы его добыли?

Акулинъ. Не добывалъ я его, дочь моя любезная, самъ онъ ко мнѣ за кускомъ хлѣба пришелъ. Писаремъ я его къ себѣ взялъ, пригрѣлъ, дѣлу научилъ. По мировымъ дѣламъ теперь „аблакатствуетъ“... И подбился онъ къ ней теперь, негодяй, не изъ чего больше, какъ изъ алчности своей безконечной. Вѣдь если-бъ рѣшилась она на это пойти, онъ одинъ всѣмъ бы попользовался, а ее, бѣдняжечку, ни съ чѣмъ бы по міру пустилъ...

Ранц. Зачѣмъ вы такого человѣка пускали къ себѣ, батюшка?

Акулинъ. Да развѣ я могъ подозрѣвать, Никанорушка! Вѣдь я ей вѣрилъ, какъ въ Христа ей вѣрилъ! (*Плачетъ.*)

Ольга Елп. Что же вы думаете теперь дѣлать, папа? Разъ уже въ васъ зародились такія серьезныя подозрѣнія, нельзя такъ оставаться, особенно при теперешнемъ состояніи вашего здоровья; надо на что-нибудь рѣшиться... Ее слѣдовало бы удалить, по-моему.

Акулинъ (*вздрогнувъ и испуганно*). Пожалѣй ты меня, Оленька, пожалѣй меня!.. (*Ранцовъ смотритъ на жену умоляющими глазами*).

Ольга Елп. Не я, батюшка, а вы хозяинъ въ вашемъ домѣ: я сказала вамъ мое мнѣніе, а остальное — ваше дѣло! Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, что вамъ слѣдовало бы принять мѣры, чтобы этотъ искуситель и его интересная жертва не имѣли болѣе повода соблазняться тѣмъ, что вамъ принадлежитъ.

Акулинъ (*быстро кивая головой*). Да, да!.. Ты всегда была умна, Олечка!..

Ольга Елп. У васъ есть списокъ вашимъ вещамъ?

Акулинъ. Есть, умница моя, есть! Акуратнѣйшимъ манеромъ все записано.

Ольга Елп. И деньги? Много у васъ денегъ здѣсь?

Акулинъ (*съ самодовольною улыбкою*). Есть малая толика, Олечка, есть!

Ольга Елп. Она знаетъ, гдѣ онѣ?

Акулинъ (*кивая на баютъ, стоящій у задней стѣны*). Тутъ онѣ у меня.

Ольга Елп. Ключъ у васъ?

Акулинъ. На мнѣ; сними цѣпочку! (*Отдѣляетъ голову отъ подушки.*)

Ольга Елп. Вы хотите сейчасъ?

Акулинъ. Сейчасъ, сейчасъ! Для васъ же берегъ... Берите сейчасъ, чтобъ и духу ихъ здѣсь не было!

Ранц. (*изумленно*). Какъ же такъ брать, батюшка! что мы съ ними будемъ дѣлать?

Ольга Елп. (*глядя на него недовольными глазами*). Развѣ нельзя отвезти въ банкъ на сохраненіе?

Ранц. Можно, конечно. На ваше имя, батюшка, не иначе.

Ольга Елп. (*ему рѣзко*). Безполезныя слова все говорите!..

Акулинъ (*нетерпѣливо*). Бери ключъ, Оля, отворяй!

(*Ольга Елпидифоровна снимаетъ у него съ шеи ключъ на цѣпочкѣ и идетъ съ нимъ къ бюро. Дверцы его отворяются со звономъ.*)

Акулинъ (*Ранцову*). Помоги, средній ящикъ надо вынуть. (*Ранцовъ исполняетъ приказаніе.*) Тутъ пуговку поищи, направо будетъ, и нажми пальцемъ.

Ранц. (*съ мѣста*). Другой ящикъ оттуда показался.

Акулинъ. Ну вотъ; его вынь!.. Неси сюда, и давайте какой нибудь столъ поближе; да карандашъ вонъ тамъ возьми, Оля, и бумаги. Станешь записывать, а мужъ считать будетъ.

(*Ольга Елпидифоровна подвигаетъ къ креслу отца столъ; Ранцовъ несетъ обѣими руками и ставитъ на этотъ столъ ящикъ съ уложенными въ немъ конвертами довольно большаго размѣра.*)

Акулинъ (*съ веселымъ оживленіемъ*). Ну, давайте, давайте! Считай, братъ Никаноръ, считай, а ты записывай, дочка.

Ранц. (*вынимаетъ одинъ изъ пакетовъ*). Билеты „Восточнаго займа“ 1-го выпуска.

Акулинъ. Сколько? Восемьдесять пять должно быть.

Ранц. Такъ точно; купоны за три года не отрѣзаны. (*Передаетъ женѣ, она записываетъ.*)

Акулинъ. Дальше.

Ранц. (*вынимая другой пакетъ*). Облигаціи „Главнаго

Общества желѣзныхъ дорогъ"; (*пересчитываетъ*) сорокъ пять штукъ; Курско-кіевской дороги...

Акулинъ. Сто штукъ, и считать нечего,—помню; удалось очень выгодно купить... Тутъ же и внутренняго займа билеты должно быть.

Ранц. (*вынимая опять пакетъ*). Тутъ-съ.

Акулинъ. И тѣ помню, сто двадцать штукъ перваго, да пятьдесятъ втораго; купоны отрѣзаны,—на нихъ новые билеты покупалъ. Бумаги солидныя! (*Ухмыляется*).

Ранц. Общества „Русскаго Ллойда"—пять штукъ; компаніи „Самолетъ" десять акцій.

Акулинъ. Ну, тамъ теперь все мелочь пойдетъ,—считать не стоитъ; на конвертахъ карандашемъ Анфисиной рукой цифра написана,—видѣла, Оля?

Ольга Елп. Да, я поэтому и записывала.

Акулинъ. Умница! Итогъ подведи теперь!

Ольга Елп. Сто пятьдесятъ пять тысячъ шестьсотъ пятьдесятъ два рубля (*оборачивается въ изумленіи на отца*). Откуда это у васъ столько денегъ, папа?

Акулинъ (*заливается грознымъ смѣхомъ*). А все трынка Оля, все въ трынку набилъ.

Ольга Елп. Что это такое?

Акулинъ. А игра такая дурацкая есть; купцы научили,—я ихъ и наказалъ вотъ.

Ольга Елп. И такъ много выиграть могли?

Акулинъ. А я фортель ужь такой надумалъ: что ни сядутъ со мной играть бородачи, я ихъ и взлуплю (*продолжаетъ хохотать*).

(*Шорохъ за дверью Анфисы, которую будто кто хочетъ отворить изнутри.*)

Ольга Елп. Шш! (*громко*). Насъ подслушиваютъ. (*Шорохъ смолкаетъ. На лицѣ Акулина внезапно изображается тревога.*)

Акулинъ (*торопливымъ шопотомъ, указывая глазами на пакеты*). Забирай скорѣе все, Никанорушка, вези въ банкъ!.. Тутъ въ шкафу портфель; вали туда, и съ Богомъ!.. (*Ранцовъ*

достаетъ портфель и складываетъ туда пакеты съ деньгами.)

Ранцовъ. Росписку вамъ дать, батюшка?..

Акулинъ (*поспѣшно машетъ рукой*). Что это ты! Отъ себя вези, на свое имя клади, на свое!

Ранцовъ. Да для чего же, батюшка?

Акулинъ (*упавшимъ голосомъ*). Вѣрнѣе такъ, вѣрнѣе, зятюшка мой любезный!.. Самого себя боюсь, пойми ты... Отдамъ вѣдь!.. А вы ее послѣ меня не оставите?

Ольга Елп. (*строго мужу*). Отправляйтесь скорѣе и дѣлайте, какъ вамъ сказано. (*Ранцовъ вздыхаетъ, беретъ портфель подъ мышку и уходитъ.*)

СЦЕНА VI.

Акулинъ и Ольга Елпидифоровна (*Акулинъ, видимо утомленный, валится головой на подушку*).

Ольга Елп. Вы устали, папа?

Акулинъ. Утомился, да... слабъ сталъ... ко сну клонитъ...

Ольга Елп. Хотите на постель лечь?

Акулинъ. Нѣтъ... не люблю... Я такъ... Скажи Анфи...

Ольга Елп. Что?

Акулинъ (*съ закрытыми глазами*). Анфис...

Ольга Елп. (*наклонясь надъ нимъ*). Заснулъ... мгновенно какъ! (*Задумывается, глядя на него*) Vieillard qui beaucoup dort,—mort, говорятъ французы... Эта женщина совсѣмъ извела его, бѣднаго. (*Оборачивается взглядомъ къ окну*) Солнце на склонѣ и прямо ему въ лицо... Надо повернуть кресло...

СЦЕНА VII.

Тѣ-же и Ѳедька.

Ѳедька (*съ порога входной двери*). Извощикъ васъ, барыня, спрашиваетъ.

Ольга Елп. (*быстро оборачиваясь*). Тише, не видишь

развѣ (*киваетъ на спящаго отца*)?.. Поди сюда, помоги мнѣ кресло его откатить!..

(*Ѳедька торопливо и неловко подбѣгаетъ къ ней. Они откатываютъ, поворачивая, кресло Акулина, такъ что спинка его скрываетъ совершенно спящаго отъ зрителя.*)

Ольга Елп. (*проходя на авансцену*). А теперь говори: съ чѣмъ ты пришелъ?

Ѳедька. Извощикъ, значитъ, каретный, что̀ привезъ вашу милость, не обѣдалъ, говоритъ; такъ позволите-ли ему, спрашиваетъ, отъѣхать на часокъ?

Ольга Елп. Отъѣдетъ и пропадетъ до вечера, знаю я это,—а я сама на обѣдъ звана... Развѣ нельзя его здѣсь накормить?

Ѳед. (*глупо усмѣхаясь*). Для чего-жь нельзя! Какъ если Анфиса Дмитріевна прикажутъ, кухарка ему сичасъ щей отольетъ и прочаго всего... потому у насъ насчетъ пищи вдосталь...

Ольга Елп. Ну, такъ скажи ей!

Ѳед. Анфисѣ Дмитріевнѣ доложить надоть, потому, извѣстно, кухарка безъ нея развѣ осмѣлится.

Ольга Елп. (*досадливо*). Кому знаешь „докладывай“, только чтобъ сдѣлано было!..

Ѳед. Слушаю-съ (*уходитъ*).

СЦЕНА VIII.

Ольга Елп. (*одна*). Что̀ за провинція эта Москва!.. А я одкако во̀-время пріѣхала: эта синеглазая Цирцея со своимъ любезнымъ обобрали бы меня дочиста... Такія деньги у папа,—мнѣ и въ голову никогда не приходило!..

СЦЕНА IX.

Акулинъ (*спящій*). **Ольга Елпидифоровна и Ашанинъ** (*показывается въ окнѣ*).

Ашанинъ. Тѣ же и я!

Ольга Елп. (*Быстро оборачивается на голосъ и, всплес-*

нувъ руками, со смѣхомъ). Сумасшедшій!.. Какъ вы сюда попали... и для чего?

Ашанъ. Спрашивать „для чего“ — такое лицемѣріе съ вашей стороны, что я не удостою васъ даже на это никакимъ отвѣтомъ. А „какъ“—очень просто: отыскалъ домъ, прошелъ въ садъ, для краткости, увидалъ открытое окно,—подмостился на какой-то кадкѣ,—и, какъ видите, предстою предъ вами во всей моей невинности.

Ольга Елп. (*смѣется*). Почему же, невинный человѣкъ, могли вы знать, что я тутъ непремѣнно буду?

Ашанъ. „Почему“? Да развѣ я когда нибудь въ жизни дѣлалъ себѣ подобные вопросы! Вы *должны* были тутъ быть, я зналъ это такъ вѣрно, какъ то, что сегодня пятница,—на то звѣзда у меня!.. (*Вскакиваетъ въ окно, схватываетъ ея обѣ руки и покрываетъ ихъ поцѣлуями*). Прелесть моя, прелесть, Ольга!..

Ольга Елп. (*вырываясь*). Оставьте, что вы дѣлаете... у меня тутъ отецъ больной спитъ!..

Ашанъ. (*растерянно*). Отецъ, гдѣ?

Ольга Елп. Вотъ! (*Указываетъ на кресло*).

Ашанъ. Елпидифоръ Павловичъ почтенный... артистъ великій! Помните, какъ онъ Полонія игралъ въ *Гамлетѣ* у Шастуновыхъ? Лучшаго я не видалъ никогда. А давно какъ этому,—девять лѣтъ... Что за время счастливое то было! (*шопотомъ*). Послѣ спектакля, помните?.. (*Не договариваетъ, наклоняясь къ ней и глядя на нее во всѣ глаза*).

Ольга Елп. (*смущенно улыбаясь*). Къ чему помнить? Мертвый въ гробѣ мирно спи...

Ашанъ. Это что же „въ гробѣ“-то?

Ольга Елп. Прошлое... Я впрочемъ въ особенности относительно васъ говорю это.

Ашанъ. Благодарю за отличіе. А сами вы...

Ольга Елп. Что я?

Ашанъ. (*страстно глядя на нее*). Вы! Вы все: прошлое, настоящее, будущее... Вы эсбукетъ, тройной экстрактъ; квинтъ-эссенція женщины! Любить васъ—свѣтъ, не любить—тьма... Довольно вамъ этого?

Ольга Елп. (*смѣясь, машетъ рукой*). Неисправимъ, хоть брось!.. Послушайте, вамъ нельзя однако здѣсь оставаться: отецъ можетъ проснуться съ минуты на минуту; сейчасъ долженъ вернуться мужъ мой, у насъ тутъ дѣла... Уходите, какъ пришли!

Ашан. Слушаю-съ!.. Но позвольте, у меня къ вамъ порученіе: мы обѣдаемъ съ вами сегодня у спутницы нашей, Вѣры Яковлевны Лукояновой?

Ольга Елп. Конечно: объ этомъ было условіе дорогой.

Ашан. Такъ вотъ просила она меня заранѣе извѣстить васъ, чтобъ вы не сердились на нее. Узнавъ, что вы въ Москвѣ, навязалась къ ней обѣдать съ вами старая наша знакомая, княгиня Аглая Константиновна Шастунова.

Ольга Елп. (*хохочетъ*). Аглая? о, дурища непроходимая! Она все та же?

Ашан. Обязательно. Горитъ нетерпѣніемъ допытать у васъ, восколько обходится актриса Lucie Ladrague сыну ея, извѣстному „Basile mon fils“.

Ольга Елп. Послушайте, да вѣдь это пытка будетъ! Я не поѣду на этотъ обѣдъ!

Ашан. Это нельзя,—вы Москвы не знаете!

Ольга Елп. (*все также смѣясь*). Ну, какъ хотите, а я послѣ этого обѣда тотчасъ же уѣду!

Ашан. И этого нельзя: свяжутъ и не пустятъ. Раньше вечера не выберетесь.

Ольга Елп. Это, то-есть, когда же?

Ашан. (*лукаво щурясь на нее*). Будетъ зависѣть...

Ольга Елп. Отъ чего?

Ашан. А отъ того, когда васъ голодъ пройметъ...

Ольга Елп. Что вы за вздоръ говорите! (*Анфиса выходитъ изъ гостиной; подходитъ къ креслу больнаго и наклоняется надъ нимъ, незамѣченная говорящими*).

Ашан. Нисколько. Между поваромъ Вѣры Яковлевны и знаменитой Локустой временъ Нерона — разница только въ намѣреніи, а отрава отъ ихъ кухни все одна. Вы ничего тамъ ѣсть не станете, я напередъ знаю, а потому въ данный моментъ вечеромъ вамъ непремѣнно ужинать захочется.

Ольга Елп. (*глядя на него прищурившись*). Вы полагаете?

Ашан. (*подчеркивая*). Уповаю... Въ гостинницѣ Дрезденъ, гдѣ вы остановились, вечеромъ кухни нѣтъ вовсе, а потому...

Ольга Елп. (*хохочетъ*). А потому вы приглашаете меня ужинать?

Ашан. (*съ преувеличенно низкимъ поклономъ*). Если вамъ угодно будетъ удостоить меня этой чести.

Ольга Елп. (*пожимая плечами*). Il ne doute de rien!... Куда же это, напримѣръ: въ настоящій Московскій трактиръ, съ органомъ, половыми въ рубашкахъ и подовыми пирогами?

Ашан. Безо всякаго органа и малѣйшихъ половыхъ, un petit souper fin, въ укромномъ мѣстечкѣ, гдѣ мы будемъ одни, гдѣ можно было бы попробовать воскресить то прошлое, которое вы полагаете умершимъ...

Ольга Елп. (*полушутливо*). Гдѣ же эта обѣтованная земля, гдѣ встаютъ мертвые изъ гробовъ?

Ашан. Тутъ на Софійкѣ есть одинъ благодѣтельный пріютъ (*близко наклоняется къ ней и беретъ ее за руку*)...

Ольга Елп. (*отдергивая ее*). Послушайте, Владиміръ Петровичъ, пора перестать съ этой mauvaise plaisanterie! Вы такъ привыкли къ легкимъ побѣдамъ, что въ вашихъ понятіяхъ никакая женщина ни въ чемъ вамъ отказать не можетъ.

Ашан. (*невиннымъ тономъ*). Зачѣмъ же имъ и отказывать мнѣ, Ольга Елпидифоровна?

Ольга Елп. (*хохочетъ*). Съ вами рѣшительно нельзя серьезно говорить.

Ашан. (*тѣмъ же тономъ*). Я вѣдь и не прошу, чтобъ вы серьезно, какъ въ университетѣ, а такъ просто.

Ольга Елп. Довольно однако, уходите! Ни одной минуты больше я не позволю вамъ здѣсь оставаться.

Ашан. (*комически вздыхая*). Какъ на то будетъ воля ваша... (*Идетъ къ окну и перекидываетъ ноги за подоконникъ. Оборачиваясь*). Продолженіе слѣдуетъ?..

Ольга Елп. Ну, мы это еще увидимъ. (*Подбѣгаетъ къ окну*). Не оцарапайте лица, смотрите—тутъ кусты.

Ашан. (*за окномъ, поетъ*) „Любовь хранитъ меня всегда“...

Цѣлъ и невредимъ!.. (*Анфиса, прислушивающаяся все время къ разговору, уходитъ теперь въ свою комнату*).

СЦЕНА X.

Ольга Елпидифоровна (*одна*). Все тотъ же онъ, — старый школьникъ, вѣтреникъ, дерзкій, какъ въ тѣ дни первой моей молодости, когда я познакомилась съ нимъ на репетиціяхъ въ Сицкомъ. . и онъ поймалъ меня какъ-то разъ одну въ уборной, схватилъ и поцѣловалъ въ самыя губы... а потомъ, послѣ спектакля... (*качаетъ головой съ полуусмѣшкой*) „Пустой человѣкъ“, справедливо говоритъ про него мужъ мой... (*Вздыхаетъ и задумывается*). А, какъ подумаю, кого-же, кромѣ этого, *перваго*, любила я дѣйствительно въ жизни?...

СЦЕНА XI.

Ольга Елпидифоровна, Анфиса (*выходитъ изъ своей комнаты съ салфеткою въ рукѣ*), **затѣмъ Ранцовъ.**

Ольга Елп. (*Анфисѣ*). Что это вы?

Анфиса. Кушать имъ пора, Елпидифору Павловичу.

Ольга Елп. Погодите немного; видите, онъ спитъ.

Анфиса. Все равно-съ, накрою пока (*накрываетъ столъ салфеткою, идетъ затѣмъ къ шкафику, вынимаетъ оттуда приборъ и медленно уставляетъ столовыя принадлежности одну за другою, внимательно прислушиваясь къ послѣдующему разговору. Входитъ Ранцовъ съ портфелью*).

Ольга Елп. А, вы изъ банка? Внесли батюшкины деньги?

Ранц. Внесъ, Оля, какъ сказано было... Только-только успѣлъ, а то-бъ и закрыли...

Ольга Елп. (*одобрительно кивая*). Расписку получили?

Ранц. Само собою, мой другъ.

Ольга Елп. Гдѣ она?

Ранц. Тутъ у меня въ портфелѣ.

Ольга Елп. Покажите! (*Ранцовъ вынимаетъ записку изъ портфеля и передаетъ ей*).

Ольга Елп. (*читая громко и слѣдя въ то же время за Анфисой*). Принято... года... мѣсяца... числа на храненіе отъ коллежскаго совѣтника Никанора Ильича Ранцова процентныя бумаги различныхъ наименованій, а именно: подъ N... а всего на сумму 155,652 рубля. Такъ!

Ранц. (*какъ бы извиняясь*). На мое имя выдано, какъ батюшка приказывалъ.

Ольга Елп. Такъ и слѣдовало, разъ онъ намъ эти деньги отдалъ... А я росписку къ себѣ возьму. Вѣрнѣе будетъ. (*Тарелка, которую несла Анфиса, выпадаетъ у нея изъ рукъ; она наклоняется на мигъ, какъ бы съ тѣмъ, чтобы поднять ее, но не въ силахъ это сдѣлать, и быстро уходитъ къ себѣ въ комнату. Ранцовъ поспѣшно подбираетъ куски и кладетъ ихъ на столъ*).

Ольга Елп. (*болѣе мягкимъ тономъ*). Куда это она ушла однако? Она ему нужна будетъ.

Ранц. (*робко*). Не трогать бы ее ужъ, Оля...

Ольга Елп. Кто же вамъ сказалъ, что я ее хочу „трогать“! Попросите ее сюда, пожалуйста. (*Ранцовъ идетъ къ двери Анфисы и хочетъ открыть ее; она оказывается запертою на крючекъ изнутри*).

Ранц. (*наклоняясь къ щелочкѣ, вполголоса*). Анфиса Дмитріевна! (*громче*) Анфиса Дмитріевна!... Не откликается.

Ольга Елп. (*иронически*). Разгнѣваться изволили!...

Ранц. А, можетъ быть, просто куда-нибудь по хозяйству пошла.

Ольга Елп. Ну, это все равно, придетъ... (*щурится съ мѣста на часы*). Который часъ?

Ранц. (*вынимая свои изъ кармана*). Безъ четверти четыре.

Ольга Елп. Ахъ, Боже мой, я опоздаю; мнѣ надо еще заѣхать къ себѣ переодѣться. Я обѣщала непремѣнно этой m-me Loukoianof пріѣхать къ ней обѣдать... (*почти нѣжно*) Вы не разсердитесь за это на меня, Никсъ?

Ранц. (*страстно прижимаясь губами къ ея руку*). Помилуй, другъ мой, что-жь тебѣ тутъ скучать! Батюшка спитъ, видишь, — ночь всю глазъ не смыкалъ, досыпаетъ теперь... Когда еще проснется опять!.. Поѣзжай себѣ, голубка моя!..

Я ему скажу, что ты... Развѣ вотъ вечеромъ какъ-нибудь урвешься, на минутку заѣдешь, взглянуть на него...

Ольга Елп. Ну, не знаю... Я вѣдь тоже устала, рано спать лечь хочу... А вы вотъ что: устройте, чтобы все попрежнему, какъ привыкъ папа, чтобы эта Анфиса подала ему обѣдать и все, и оставалась при немъ все время... Вѣдь вы тутъ же будете?

Ранц. Само собою тутъ, Оля, куда же мнѣ! Не безпокойся: я ужь постараюсь, чтобъ все какъ слѣдуетъ.

Ольга Елп. Ну, и прекрасно! До завтра, значитъ, Нисинька! (*Надѣваетъ шляпу.*)

Ранц. (*помогаетъ ей надѣть накидку*). Съ тобою, Олечка, мой Сергѣй за лакея можетъ поѣхать, я его привезъ съ собою изъ Никольскаго.

Ольга Елп. Безъ ливреи! (*вскидываетъ плечами*) Такъ я его и возьму! И для чего мнѣ лакей, — извощики здѣсь всѣ мѣста знаютъ. (*Уходитъ.*)

Ранц. (*идя за нею*), Вели только осторожнѣе ѣхать: мостовыя здѣсь хуже петербургскихъ. (*На сценѣ на минуту безмолвно*).

Акулинъ. (*громко*). Анфисушка!

СЦЕНА XII.

Тѣ-же безъ Ольги Елпидифоровны; затѣмъ Ѳедька.

Ранц. (*быстро возвращаясь*). Никакъ голосъ батюшки...

Акулинъ. Анфиса!

Ранц. (*подбѣгая къ креслу*). Что, проснулись, батюшка; какъ вамъ?

Акулинъ. Ничего выспался... Поверни-ка меня къ свѣту, Никанорушка!

(*Ранцовъ оборачиваетъ кресло лицомъ къ зрителямъ.*)

Ранц. Хорошо такъ?

Акулинъ. Отлично!.. Что, поздно?

Ранц. Четвертый часъ.

Акулинъ. А Оля гдѣ же?

Ранц. Все время тутъ сидѣла... Только вотъ, только въ карету сѣла, къ Лукояновой къ этой, о которой она говорила, поѣхала... Упросила ее та пріѣхать обѣдать къ ней сегодня...

Акулинъ. Лукоянова,—знаю. Боровиковскаго портретъ у нея есть одинъ... (*машетъ здоровою рукой*). Заглядѣнье! Подсылалъ я къ ней съ разныхъ сторонъ, хорошія деньги предлагалъ. Да нѣтъ, не продаетъ... фамильный, говоритъ. Изъ тѣхъ она, что еще этимъ дорожатъ... Такъ это къ ней Оля поѣхала?.. Засидится тамъ...

Ранц. Если не удержатъ ее слишкомъ поздно, она думала еще заѣхать къ вамъ вечеромъ, батюшка.

Акулинъ. Чего „заѣхать“: ночевать же вѣдь пріѣдетъ?

Ранц. (*смущенно*). Она, батюшка, никогда еще въ домѣ у васъ здѣсь не была, не знала... удобно-ли вамъ будетъ, если ей остановиться тутъ,—а потому она въ гостиницѣ Дрезденъ заняла нумеръ...

Акулинъ (*пристально глядя на него со вздохомъ*). Приготовилъ вѣдь я ей комнаты, видѣлъ самъ; отдѣльная бы ей, какъ есть, половина была съ тобой... ничего бы, кажись, этакого не могло прикоснуться до нея... А впрочемъ, она, конечно, большая очень барыня теперь стала, съ генералъ-адъютантами въ Петербургѣ возиться привыкла... (*перемѣняя тонъ*) Выпьемъ-ка мы съ тобой съ горя чайку, Никанорушка!..

Ранц. Вамъ обѣдать накрыто, батюшка (*указываетъ на накрытый Анфисою столъ*).

Акулинъ. Не хочу я обѣдать, апетиту совсѣмъ нѣтъ. А вотъ чайку выпить не вредно будетъ; у меня со сна во рту совсѣмъ сухо стало...

Ранц. Я сейчасъ прикажу.

Акулинъ. Ты скажи Анфисѣ, она сама обыкновенно въ эту пору чай пьетъ... Заваренъ ужь у нея должно быть. И что это ея здѣсь нѣтъ?.. (*озирается съ безпокойствомъ*) Я звалъ...

Ранц. (*идетъ къ двери Анфисы и берется за замокъ; она оказывается запертою изнутри; онъ слегка стучится въ нее*). Анфиса Дмитріевна (*молчаніе*)... Анфиса Дмитріевна!..

Анфиса (*за дверью тягучимъ голосомъ*). Чего вамъ, баринъ?

Ранц. Батюшка чаю проситъ.

Анфиса (*такъ же*). Хорошо, пришлю сейчасъ...

Акулинъ (*волнуясь въ своемъ креслѣ*). Что она говоритъ, что?

Ранц. Подадутъ, говоритъ, сейчасъ.

Акулинъ. Скажи, чтобъ сама шла, чтобъ сама!..

Ранц. (*наклоняясь опять къ двери*). Батюшка проситъ васъ, Анфиса Дмитріевна, самимъ притти сюда.

Анфиса (*за дверью нехотя*). Хорошо!..

Ранц. (*отходя къ креслу*). Придетъ, говоритъ. (*Акулинъ жаднымъ взглядомъ приковывается къ двери, откуда ждетъ Анфису. Она отворяется; выходитъ Ѳедька, держа поднось съ двумя налитыми стаканами чаю и корзинкою съ сушками*).

Акулинъ (*Ѳедькѣ, подходящему къ нему съ подносомъ*). Это что такое, что это, а?

Ѳедька. Чай-съ.

Акулинъ. Чай! Развѣ я такъ пью! Гдѣ кипятокъ, гдѣ чайница?.. И зачѣмъ ты, зачѣмъ ты?..

Ѳед. (*ухмыляясь*). Не могу знать-съ; послали меня подать.

Акулинъ. Кто послалъ, кто послалъ, болванъ ты этакой!

Ѳед. Извѣстно кто-съ: Анфиса Дмитріевна послали... Я имъ сейчасъ самоваръ принесъ, онѣ заварили себѣ, а какъ вы изволили потребовать, налили вотъ: „Неси имъ“, говорятъ...

Акулинъ (*заметавшись въ сильномъ волненіи*). Не смѣй, не смѣй!.. Вонъ, мурло дурацкое, вонъ, и чтобъ не смѣлъ ты никогда входить ко мнѣ!.. Анфиса, Анфиса!..

(*Ѳед. поспѣшно уходитъ въ дверь направо*).

Ран. (*наклоняясь къ тестю*). Успокойтесь, батюшка, ради Бога!..

Акулинъ (*отстраняя его здоровою рукой*). Оставь!.. Анфи-са!..

СЦЕНА XIII.

Тѣ-же и Анфиса. Подъ конецъ сцены Ѳедька.

Анф. (*появляется на порогѣ своей комнаты*) Что это вы крикомъ кричите, Елпидифоръ Павловичъ? только себѣ вредъ дѣлаете!

Акулинъ (*мгновенно утихая*). Ты не сердись, Анфисушка, безъ тебя порядку нѣтъ совсѣмъ: чаю я спросилъ, а тутъ, замѣсто тебя, Ѳедька этотъ... (*Анфиса не двигается съ мѣста*). Да что ты тамъ статуей стоишь! Подойди, скажи слово! (*Анфиса дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ и останавливается*).

Анф. Какихъ вамъ еще отъ меня словъ нужно, Елпидифоръ Павловичъ?

Акулинъ. Что это ты говоришь, сердишься что-ли? За что, Анфисушка? Говори, не томи ты мою душу!

Анфиса (*качая головой, съ глубокимъ вздохомъ*). Было времячко—да прошло, пѣла пташечка—да улетѣла. Не Анфисушка я вамъ Елпидифоръ Павловичъ, ни что!.. Была хороша, а теперь не нужна стала. Богъ съ вами!

Акулинъ (*перепуганно; волненіе его растетъ все сильнѣе*). Что это говоришь ты, что?

Анф. (*безстрастно*). Что мнѣ говорить-то? извѣстно, прощайте, счастливо вамъ оставаться!

Акулинъ. Да ты... ты съ ума сошла, ты (*языкъ его путается*).

Ранц. Батюшка, ради Бога, успокойтесь!.. Я право не понимаю, что это вздумалось Анфисѣ Дмитріевнѣ...

Анфиса. И ничего мнѣ не „вздумалось“, баринъ, это вы напрасно... А только что безъ меня *вѣрнѣе* будетъ: и сами вы себѣ спокой найдете, и прочіе всѣ...

Ранц. (*смущенно и торопливо*). Если вы это насчетъ того, что жена моя сказала давеча, такъ вы не такъ поняли, Анфиса Дмитріевна, повѣрьте слову!.. Потому она и сейчасъ вотъ, какъ уѣзжала, просила меня, чтобы непремѣнно вы остались при батюшкѣ, чтобы какъ попрежнему все. Она очень

хорошо понимаетъ, какъ онъ привыкъ къ вамъ, и что все это... такъ у васъ хорошо... Она понимаетъ, даю вамъ слово... а если иной разъ что̀ скажетъ, по живости своего характера, такъ вы не обижайтесь на нее, прошу васъ, потому она, порѣрьте, самая прекрасная по душѣ женщина...

Анфиса (*глядя на него съ жалостью*). Вамъ лучше знать, баринъ: не даромъ, знать, мужемъ ихнимъ прозываетесь. А мнѣ что-жь на нихъ обижда̀ться! Коли-бъ еще ровня, а то вѣдь не по одной дорожкѣ бѣжимъ, не изъ одной миски хлѣбаемъ... Иная скажетъ, дѣйствительно, что ножемъ пырнетъ, да и забыла тутъ же, поѣхала со милымъ дружкомъ на Софійку въ нумера проклажаться, а у другой отъ этого слова сердце все, можетъ, кровью изойдетъ...

Ранц. (*съ горячими глазами прерывая ее*). Это вы про кого же говорите? кто въ нумера ѣздитъ?..

Анфиса. Къ примѣру, баринъ, говорю, потому каждая свою политику ведетъ, а я тоже свою честь понимать должна... (*подходитъ ближе къ Акулину*). Простите, Елпидифоръ Павлычъ, какъ если чѣмъ провинилась предъ вами... А впрочемъ пять, почитай, годковъ рядышкомъ продышали, не жаловался. Счастливо вамъ оставаться! Кому прикажете хозяйство сдать?

Акулинъ (*дрожа всѣмъ тѣломъ*). Да ты что̀, обезумѣла... уходить вздумала... я... я не хочу... я не пущу тебя... Не смѣй!..

Анфиса (*надменно*). Я вамъ не раба, Елпидифоръ Павловичъ, — вольная я птица, вдова купецкая; куда хочу, туда и и иду.

Акулинъ (*внѣ себя*). А, ты къ Степкѣ своему, къ подлецу Стороженкѣ!..

Анфиса (*вздрогнувъ*). А и опять на то моя воля: захочу къ кому, къ тому и пойду. (*Оборачивается и идетъ къ своей двери*).

Акулинъ (*крича крикомъ*). Анфиса (*Она продолжаетъ итти, не обертывая головы. На крикъ Акулина выбѣгаетъ на сцену испуганный Ѳедька*).

Ранцовъ (*кидаясь къ тестю*). Батюшка, что̀ это вы!

Акулинъ. Анфи... (*валится безжизненно головой черезъ ручку кресла*).

Ранцовъ (*Ѳедькѣ*). За докторомъ лети скорѣй, за докторомъ!

Анфиса (*оборачиваясь разомъ и кидаясь въ свою очередь къ креслу*). Елпидифоръ Павловичъ, родной мой, простите!

(*Она и Ранцовъ закрываютъ собою Акулина отъ зрителей*).

КОНЕЦЪ 1-го ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Нумеръ въ гостиницѣ. Обстановка подержанная, но чистая. Коверъ. Входная дверь въ глубинѣ сцены. Въ углу направо отъ зрителя каминъ; надъ нимъ зеркало. По той же сторонѣ окно съ опущенными занавѣсями, а параллельно съ нимъ кушетка и кресло. Диванъ съ мягкими подушками. Ближе къ авансценѣ круглый столъ, накрытый на три прибора, на которомъ горятъ двѣ свѣчи. Кресла и стулья у стѣнъ.

СЦЕНА I.

Алексѣй, слуга гостиницы. Затѣмъ Ашанинъ. *(Алексѣй во фракѣ и бѣломъ галстукѣ укладываетъ салфетки на кругломъ столѣ, накрытомъ на три куверта.)*

Ашан. (*въ шляпѣ на головѣ, быстро входитъ и внезапно останавливается*). Алексѣй, что это значитъ? нумеръ этотъ занятъ?

Алексѣй (*спѣша къ нему*). Такъ точно, Владиміръ Петровичъ.

Ашан. (*досадливо*). Вѣдь это чортъ знаетъ что такое! Сколько разъ просилъ тебя оставлять его всегда въ резервѣ, на случай я пріѣду.

Алексѣй (*смущенно.*) Не моя вина, Владиміръ Петровичъ, повѣрьте слову! Хозяинъ безъ меня отдалъ утромъ еще сегодня одному тутъ.

Ашан. (*прерывая*). Кому это?

Алексѣй (*Презрительно*). Кто-жь его знаетъ! Изъ ар-

мянъ пріѣзжій... Въ 5-й нумеръ пожалуйте,—тамъ вамъ покойно будетъ.

Ашан. (*машетъ рукою*). Не хочу я въ твой 5-й нумеръ, у васъ тамъ мебель при царѣ Горохѣ строена, ни сѣсть, ни прилечь удобно не на чемъ... У васъ только и есть одна порядочная комната—эта, съ приличною обстановкой... Ну, терять мнѣ однако съ тобою время некогда! Восточнаго этого человѣка своего ты сунь, куда хочешь, а нумеръ я оставляю за собою.

Алексѣй. Помилуйте, какъ же я осмѣлюсь сдѣлать, когда хозяинъ самъ съ нимъ тутъ были и...

Ашан. (*нетерпѣливо*). Говорю тебѣ, мнѣ некогда! Дѣлай, какъ знаешь, а чтобъ было, какъ я сказалъ! Я черезъ полчаса буду сюда обратно.

Алексѣй (*таинственно*). Съ дамой-съ?

Ашан. Само собой!.. Накрыть на два куверта. Меню: саладъ изъ ершей, котелетъ-де-волайль и фрукты, какіе только есть теперь. Бутылку шампанскаго въ вазѣ со льдомъ на столъ и канделябръ въ четыре свѣчи. На каминѣ лампу... (*Въ дверяхъ показывается Терхаріанцевъ.*)

СЦЕНА II.

Тѣ же и Терхаріанцевъ.

Терхаріанцевъ (*съ порога*). Артэмій Давидычъ не пріѣзжалъ еще?

Алексѣй (*тихо Ашанину*). Самый вотъ этотъ и есть армянинъ. Попросите его честью сами, Владиміръ Петровичъ, на счетъ комнаты-съ: онъ, полагаю, согласенъ будетъ. (*Идетъ къ Терхаріанцеву*). Кого изволите спрашивать?

Терхаріанцевъ (*входя*). Артэмій Давидычъ, спрашиваю, Аварганцкаранитидовъ фамилія будетъ ему.

Алексѣй. Не знаемъ такого-съ.

Терхаріанцевъ. Артэмій Давидычъ, не знаете! Балшой торговля имѣйтъ, раскошный чалаэкъ, первый фамилья у Нахычеванъ. Я ему на ужынъ сюда приглашеньемъ давалъ.

Ашан. (*подходя къ нему*). Милостивый государь, извините меня,—вы желаете ужинать здѣсь, въ этомъ нумерѣ?

Терхаріанцевъ. Желаю, гаспадинъ, желаю, это ваша слова истинна.

Ашан. Я бы васъ просилъ,—не можете-ли вы мнѣ сдѣлать удовольствіе перейти въ другое помѣщеніе, а эту комнату оставить мнѣ?

Терх. Тц, тц, гаспадинъ, зачѣмъ оставлять, когда я самъ эта комната выбиралъ и хозяинъ задатокъ три рубля давалъ!..

Ашан. Я съ радостью готовъ вамъ сейчасъ задатокъ этотъ возвратить, и даже...

Терх. (*глядитъ на него*). Пазволте, гаспадинъ,—вы севодни со мной одинъ поѣздъ изъ Питербургъ у Москва ѣхалъ,—я сичасъ васъ фигуромъ узнавалъ.

Ашан. Да; я сегодня пріѣхалъ.

Терх. Съ харошенка дама у семейный вагонъ сидѣлы... Ахъ, какой хорошенка будетъ! Глаза какъ вышня спѣлый,—подать на блюда за ужынъ—вкусна кушанья будетъ... (*Смѣется и лукаво подмигиваетъ*).

Ашан. (*усмѣхаясь*). Понравилась она вамъ?

Терх. (*одобрительно цыкая*). Тц, тц! Красавецъ-женщинъ, настоящій... Раскошный одна бырюза у меня будетъ,—хотѣлъ ей за свой цѣна отдавать,—ей-богу! (*лѣзетъ въ карманъ*).

Ашан. Послушайте, мнѣ некогда; еще разъ прошу васъ, уступите мнѣ эту комнату... Хоть отступнаго берите, если вамъ нужно.

Терх. (*вытаскивая изъ кармана и развертывая бумажный пакетъ*). Смотри, гаспадинъ, бырюза — первый сортъ; сто рублей—послѣдній цѣна будетъ.

Ашан. (*Не глядя*). Я готовъ взять ее у васъ, если вы только сейчасъ же перейдете отсюда въ другое мѣсто.

Терх. (*любуясь камнемъ*) Харрошъ бырюза, гаспадинъ, харрошъ! Въ кольцо можна, у браслетъ можна, свой душенька подарить,—она за это много поцалуй давать будетъ!.. Бери, гаспадинъ,—себѣ самому сто рублей стоитъ, ей-богу!

Ашан. (*быстро вытаскивая бумажникъ изъ кармана и шаря въ немъ*). Вотъ вамъ 35,—больше со мной нѣтъ,—бе-

рите въ задатокъ. Камень удержите у себя покамѣстъ и приходите ко мнѣ потомъ за остальными. (*Указывая на Алексѣя*). Отъ него можете мой адресъ узнать.

Терх. (*кивая*). Эта можна, гаспадинъ, эта можна!..

Ашан. Но вы уйдете сейчасъ же отсюда!

Терх. Отчего не уходить, гаспадинъ, и эта можна... Ужынъ все равно гдѣ кушать.

Ашан. (*тихо Алексѣю*). За нумеръ и ужинъ скажи хозяину мнѣ на счетъ записать; послѣднія деньги стащилъ съ меня этотъ пучеглазый чортъ... (*Шаритъ въ карманахъ и достаетъ трехрублевую бумажку*). На, на твое счастье нашлось еще что-то... Смотри же, гляди въ корридорѣ, когда я назадъ буду, чтобъ кто-нибудь не встрѣтился... (*Быстро уходитъ*).

Алексѣй (*идя за нимъ*). Будьте покойны, Владиміръ Петровичъ!..

СЦЕНА III.

Терхаріанцевъ и Алексѣй.

Алексѣй (*возвращаясь*). Пожалуйте, господинъ купецъ, я васъ проведу.

Терх. А ты напередъ говори минэ, какъ этотъ Уладымиромъ Петровичъ фамылія будетъ?

Алексѣй. Прозваніе имъ Ашанинъ значится.

Терх. А-ша-нинъ; понымаю... Знатный человѣкъ?

Алексѣй. Какъ есть господинъ настоящій, по всей Москвѣ извѣстенъ.

Терх. Раскошный?

Алексѣй. Это на счетъ чего-съ?

Терх. Большой имѣніе имѣетъ?

Алексѣй (*смѣясь*). Какъ если у васъ лишнія деньги есть, можете имъ подъ проценты предложить: не откажутся взять. (*Идетъ къ столу, снимаетъ одинъ приборъ и переноситъ его на другой столъ въ глубинѣ комнаты*).

Терх. (*щелкая пальцемъ въ воздухъ*). Въ труба вылетэлъ, понымаю,—послѣдній деньга изъ пуртфолъ вынымалъ, мнэ за

бырюза отдавалъ (*смѣется и подмигиваетъ*). Съ мадамъ своя сейчасъ на ужинъ пріѣдетъ?

Алексѣй. Этого не могу знать-съ. (*Переноситъ на столъ стоящій на каминѣ большой канделябръ.*)

Терх. Вы не знайте, а я знаю (*тыкаетъ себѣ пальцемъ въ лобъ*), у мэне балшой воображенья у голова; въ Нахичеванъ армяне всѣ даже удывляются (*подмигиваетъ опять*)... Я этотъ дама его видалъ. Харрошенка! Глаза какъ вишня спѣлый... Не толстая только,—жалко! У Артэмій Давыдычъ... Вы Артэмій Давыдычъ знаете?

Алексѣй. Не знаю-съ.

Терх. Знатный человѣкъ, первая лавка съ восточной товаръ на Ильинка улица, земликъ мой съ Нахичеванъ. Фамылія ему Аваріанцкаранитидовъ будетъ. Я ему приглашеніемъ давалъ сегодня сюда на ужинъ съ его душенкомъ... Раскошный женщинъ, 5 пудъ 30 фунтъ вѣситъ; онъ такія женщинъ любитъ, балшой вкусъ имѣетъ человэкъ!..

Алексѣй (*прерывая*). Такъ ваша компанья, господинъ купецъ, можетъ ужь пріѣхала, а вы здѣсь попусту проклажаетесь...

Терх. (*торопливо*). Эта точно ваша слова, я немножко у голова спуталъ съ бирюза этомъ и прочимъ дэломъ... Не дай Богъ, Артэмій Давыдычъ со своимъ душенкомъ пріѣзжали, а мэня нэтъ прынимать ихъ; балшой для мэне стыдъ будитъ, балшой стыдъ!.. Комната уступилъ, другая не знаю куда итти. Показывай дорога, гаспадинъ офыціантъ!..

Алексѣй. Я васъ сейчасъ, почтеннѣйшій, другому человѣку сдамъ,—онъ васъ проведетъ и прислуживать вамъ будетъ, а я при этомъ самомъ нумерѣ нахожусь. (*Уходитъ вслѣдъ за Терхаріенцевымъ и тотчасъ же возвращается съ зажженною лампою, которую ставитъ на каминъ.*)

СЦЕНА IV.

Алексѣй (*одинъ, у камина*). Какъ если, къ примѣру, этакой азіатъ необразованный, такъ не то что изъ-за его двугривеннаго на водку, — потому, извѣстно, больше отъ него не

жди,—а давай онъ хоть синенькую, не согласенъ бы, кажется, итти ему служить. Потому унизительно даже... (*вздыхаетъ*) И то сказать, что по нонѣшнему времени, почитай, все саврасы, либо вотъ такіе пошли (*вздыхаетъ*). Настоящихъ господъ самая малость осталось... Послѣдній даже, можно сказать, этотъ вотъ самый Владиміръ Петровичъ (*смѣется*) орелъ!.. Что этого одного, къ примѣру, женскаго пола съ нимъ у насъ перебывало—страсть! Графини всякія, или изъ балета,—настоящія, значитъ, что за нее иной господинъ тысячи готовъ заплатить,—а она его даромъ любитъ, потому, извѣстно, ловокъ, на что ужь ловокъ! (*прислушиваешся*) Никакъ привезъ ужь,—его шаги (*быстро выбѣгаетъ*).

СЦЕНА V.

Ольга Елпидифоровна, Ашанинъ; затѣмъ Алексѣй.

Ольга Елп. (*быстро входитъ, укутанная, отъ макушки до стана, большою кружевною мантиліею*). Онъ меня узналъ, навѣрное узналъ!

Ашан. Чего вы испугались?

Ольга Елп. Развѣ вы не видѣли? въ корридорѣ этотъ восточный человѣкъ... Онъ съ нами вчера на поѣздѣ ѣхалъ, пилъ подлѣ меня чай на станціи и бирюзу мнѣ предлагалъ купить... (*идетъ къ зеркалу въ углу комнаты*).

Ашан. Онъ васъ узнать не могъ подъ этимъ вашимъ кружевомъ... Да и какое вамъ до него дѣло! (*Алексѣй входитъ съ вазой, въ которой стоитъ во льду бутылка шампанскаго, и ставитъ ее на столъ.*)

Ашан. (*шопотомъ ему*). Не могъ ты убрать раньше этого дьявола-армяшку? Стоитъ у дверей прямо противъ насъ, выпучивши буркулы...

Алексѣй. Помилуйте, Владиміръ Петровичъ, я его отсюда-то насилу выжилъ: расположился тутъ, языкомъ чешетъ, поди ты съ нимъ... Азіатъ, извѣстно!.. Ужинъ когда прикажете подавать?

Ашан. (*указывая глазами на колокольчикъ, стоящій на*

столъ). Я позвоню, когда нужно будетъ... А ты постой тамъ въ корридорѣ, чтобъ не ткнулся сюда кто-нибудь...

Алексѣй. Будьте благонадежны, Владиміръ Петровичъ, не впервой вѣдь (*уходитъ*)...

Ольга Елп. (*стоитъ у зеркала, пробуя вытащить булавку, закалывающую мантилію подъ подбородкомъ*). Ушелъ онъ?

Ашан. Кто: армянинъ этотъ?

Ольга Елп. Non, le domestique.

Ашан. Ушелъ; мы совершенно одни (*подходитъ и хочетъ взять ее за руку*).

Ольга Елп. (*отстраняясь отъ него и нетерпѣливо откидывая на затылокъ мантилію.* Послушайте (*оборачивается къ нему*): знайте, что я здѣсь не по своей доброй волѣ, что съ вашей стороны это былъ обманъ и насиліе... Можно-ли себѣ представить такое лукавство и дерзость! Начинаетъ у Лукояновыхъ жаловаться человѣкъ, что у него смертельно голова болитъ, беретъ шляпу, со всѣми прощается и исчезаетъ. — Черезъ полчаса я сама прощаюсь,—скука была невыносимая, эта Аглая со своимъ „Basile mon fils“ можетъ васъ довести до отчаянія! Ухожу, счастливая, что отъ нея наконецъ избавилась, спускаюсь съ лѣстницы, сажусь въ карету и уѣзжаю... И вдругъ на какой-то улицѣ лошади разомъ останавливаются, отворяется дверца, кто-то вскакиваетъ... Я хочу крикнуть, мнѣ закрываютъ ротъ...

Ашан. (*перебивая ее*). Не рукою только, согласитесь, — приличіе соблюдено.

Ольга Елп. (*невольнымъ движеніемъ проводитъ себѣ рукою по губамъ*). Да, дерзкій! У меня губы до сихъ поръ горятъ... Былъ-ли когда другой человѣкъ, способный дѣлать то, что вы сейчасъ сдѣлали!

Ашан. Если бы вмѣсто того, чтобы вскочить въ карету, я кинулся подъ нее, вамъ бы это больше понравилось?

Ольга Елп. (*смѣясь*). Можно было обойтиться и безъ того, и безъ другого.

Ашан. Никакъ! (*Поетъ:*)

Лови, лови часы любви,
Пока огонь горитъ въ крови!

Помните, какъ вы пѣвали это въ тѣ дни, въ Сицкомъ?.. Я съ ума сходилъ тогда!..

Ольга Елп. (*лукаво*). А теперь, вы въ полномъ разумѣ, полагаете?

Ашан. Не спрашивайте, пожалуйста! Вѣдь вы еще прелестнѣе, чѣмъ тогда были: всѣ обѣщанія сдержаны, всѣ лепестки распустились, разцвѣтъ полный... А я... знаете вы, *Осень*, Алексѣя Толстаго: „Не могу я высказать, какъ тебя люблю!“

Ольга Елп. (*садясь на кушетку*). У васъ одно несомнѣнное качество есть: вы горите какъ солома или смола, — весь и разомъ. Подтопокъ не нужно вамъ: кинута спичка, — вы вспыхнули и горите до конца, безъ остатка... За то и не долѣе, какъ этотъ feu de paille... Правда вѣдь?

Ашан. (*смѣясь*). Почти что... Не всегда впрочемъ... Васъ я никогда забыть не могъ!

Ольга Елп. Такъ-ли, и чему я это обязана?

Ашан. Я вамъ скажу откровенно (*опускаяся на кресло подлѣ нея*). Вы сказали мнѣ разъ какъ-то тогда: „Я не изъ тѣхъ, кого кидаютъ, я кину первая“... И вы, дѣйствительно, первая кинули меня,—чего со мною до тѣхъ поръ въ жизни ни разу не бывало! И я поэтому ни одной женщины такъ не любилъ, какъ васъ!

Ольга Елп. (*хохочетъ*). Какъ это на васъ похоже!

Ашан. Вы приняли тогда предложеніе вашего теперешняго мужа... Помните, какъ вы жестоко поступили со мной?...

Ольга Елп. Когда это?

Ашан. Я пріѣхалъ изъ Сицкаго въ вашъ городъ нарочно, чтобы только взглянуть на васъ. Отецъ вашъ и женихъ куда-то уѣхали. Вы были однѣ дома и пѣли... Я подошелъ съ улицы къ окну, назвалъ васъ по имени... До сихъ поръ не могу забыть, какъ сурово, какъ гнѣвно отвѣтили вы мнѣ на это и какъ безжалостно прогнали меня тутъ же.

Ольга Елп. А развѣ вы другаго стоили! Развѣ тогда (*чуть-чуть конфузливо*) послѣ представленія Гамлета, когда... мы видѣлись... одни... я не просила васъ, а вы не обѣщали торжественно, что послѣ этого вы смущать меня не будете...

Вѣдь я была невѣстой другаго, человѣка, котораго я не могла не уважать... И вдругъ вы являетесь опять неожиданно... съ этими вашими лукавыми глазами... И для чего? Развѣ я не знала, что вы не удовольствуетесь (*передразниваетъ его*) „Только взглянуть на меня“...

Ашан. (*комически вздыхая*). Не удовольствовался бы, Ольга Елпидифоровна, ваша правда!... Я никогда этимъ не довольствуюсь.

Ольга Елп. (*смѣясь*). А потомъ чтò? Разрывъ съ человѣкомъ, который любилъ меня посерьезнѣе, чѣмъ вы на это способны, и гарантировалъ мнѣ на всю жизнь безбѣдное существованіе, тогда какъ съ вами...

Ашан. (*договариваетъ*). Мы питались бы дикимъ медомъ и акридами,—это точно! Вы всегда были умны, Ольга Елпидифоровна, и тогда еще обѣщали стать тѣмъ, чѣмъ сдѣлались теперь...

Ольга Елп. Чѣмъ это?

Ашан. Политическою женщиной.

Ольга Елп. Вамъ про меня это говорили въ Петербургѣ?.. (*Смѣется*) Это потому, что у меня бываютъ люди высокопоставленные, какъ говорится теперь въ газетахъ, des hommes au pouvoir. Ну да, у меня салонъ интересный, скажу вамъ прямо, и всѣ они у меня бываютъ, эти люди, и очень любятъ меня и ухаживаютъ, и я много знаю... и могу черезъ нихъ... Кислыя ихъ grandes dames жены бѣсятся на меня за то, что я отбиваю будто бы у нихъ мужей, и дѣлаютъ мнѣ, гдѣ могутъ, всякія avanies,—mais je m'en fiche!...

Ашан. И очень вы счастливы всѣмъ этимъ?

Ольга Елп. (*раздумчиво*). Счастлива?—это другой вопросъ; но меня льститъ, не скрываю... Вы—старый другъ, съ вами можно говорить по душѣ. Ну да, я честолюбива... или какъ это назвать?... Сколько я себя помню, съ института, меня всегда влекло къ верхамъ, мнѣ все кругомъ меня мелко, мизерно казалось,все сіяли впереди блескъ, роскошь, блестящее положеніе... Это очень гадко—говорятъ добродѣтельные люди. Не спорю, можетъ быть,—но чтò же дѣлать, когда я такая, и не могу быть иною? Мнѣ все это нужно, безъ этого, какъ

безъ воздуха,—мнѣ жизнь не въ жизнь... И я добьюсь всего, всего, я знаю, пока только у васъ, у мужчинъ, искорки вотъ эти (*указываетъ пальцемъ на глаза*) будутъ прыгать въ глазахъ, говоря со мною...

Ашан. До конца вашего, то-есть?

Ольга Елп. (*смѣясь*). Не дологъ будетъ этотъ мой вѣкъ, я знаю... Но мнѣ это все равно,—девизъ мой все тотъ же, помните, courte, mais bonne!.. А ужь чего я достигла—вы видите! Вамъ извѣстно, съ чего я начала. Отецъ исправникъ, я—въ родѣ приживалки въ домѣ у этой дуры Аглаи... Нашелся мужъ—чиномъ отставной армейскій капитанъ. Вы его знаете,—онъ со средствами былъ, правда, но простой, не свѣтскій человѣкъ; положенія онъ мнѣ никакого дать не могъ. Надо было создавать все самой... И я создала; переѣхала съ нимъ въ незнакомый намъ обоимъ Петербургъ, гдѣ въ первое время не за кого и не за что рѣшительно было уцѣпиться,—а вы знаете, легко-ли тамъ при такихъ условіяхъ выбраться изъ неизвѣстности!.. Я все превозмогла, нашла пути, связи, доставила мужу придворное званіе, и сама... Меня весь Петербургъ теперь знаетъ, обо мнѣ говорятъ во дворцахъ... Свѣтскія барыни ненавидятъ меня, это правда; но отцы ихъ, братья, мужья,—все это у моихъ ногъ, все это каждый день сиднемъ сидитъ у меня,—и дипломаты называютъ мою синюю гостиную самымъ вліятельнымъ салономъ въ Петербургѣ.

Ашан. Весело вамъ, по крайней мѣрѣ, со всею этой компаніей?

Ольга Елп. (*не сейчасъ*). Нѣтъ, не хочу лгать,—весело рѣдко бываетъ... Ни со старыми, ни съ молодыми! Не знаю, что такое въ нихъ, но... точно недодѣланные всѣ они... Разные вѣдь они у меня: есть умные, злые, сентиментальные,—старички все больше сентиментальны, ужасно любятъ становиться на колѣни и все просятъ поцѣловать le bout de ma pantoufle,—все равно... какъ-бы это выразить?.. всѣ они сдобные какіе-то и вязкіе, точно выборгскій крендель... Любви добиваются, точно орденъ на шею себѣ просятъ... Одинъ только есть тамъ,—графъ Наташанцевъ, первый чинъ Двора, un grand seigneur,—и при этомъ идеалистъ, сказочный рыцарь...

„Обломокъ старыхъ поколѣній“, знаете! (*Усмѣхается.*) Наше положительное время такихъ ужь не родитъ болѣе...

Ашанъ. (*комично*). Да, но что же вамъ дѣлать, съ „обломкомъ“?.. Вы вѣдь не членъ археографической комиссіи?

Ольга Елп. (*вскидывая плечомъ и смѣясь*). Ну да, вы этого не поймете! для васъ ничего въ мірѣ не существуетъ, кромѣ все того же вашего...

Ашанъ. (*не давая ей договорить, соскакиваетъ со своего кресла, становится предъ нею на колѣни и захватываетъ обѣ ея руки*). Воистину такъ, потому что это *мое* одно вѣчно какъ міръ; все же остальное не надежно какъ вѣтеръ, какъ тучи въ небѣ (*привлекаетъ ее къ себѣ.*)

Ольга Елп. (*тихо*). Послушайте, вѣдь я... я *кину*, какъ и тогда...

Ашанъ. Что же! „Одинъ лишь мигъ“... Вы тоже это пѣли изъ Глинки...

Ольга Елп. (*качаетъ головой*). И какіе глаза при этомъ дѣлаетъ!.. (*Закрываетъ ему глаза ладонью.*) Зачѣмъ у васъ такіе глаза?

Ашанъ. А что отвѣчаетъ на это въ сказкѣ волкъ Красной Шапочкѣ, помните?

Ольга Елп. (*смѣется*). „Чтобъ лучше смотрѣть на тебя, внучка“...

Ашанъ. Вотъ видите!.. А дальше какъ?

Ольга Елп. (*также*). „Бабушка, зачѣмъ у тебя такія большія уши“?

Ашанъ. „Чтобы лучше слушать тебя, внучка“... И послѣднее?..

Ольга Елп. „Бабушка, зачѣмъ у тебя такой страшный ротъ“, кажется...

Ашанъ. Чтобъ зацѣловать тебя въ конецъ, моя прелесть! (*Закидываетъ ей обѣ руки за станъ.*)

Ольга Елп. (*быстро подымаясь съ мѣста и отталкивая его*). Встаньте... довольно! (*проходитъ на авансцену*) Какъ жарко! Дайте мнѣ воды напиться!

Ашанъ. (*бѣжитъ къ накрытому столу*). Съ шампанскимъ хотите?

Ольга Елп. Нѣтъ, воды просто.

Ашан. (*наливаетъ воды въ стаканъ и несетъ ей*). Я велю ужинать подать сейчасъ.

Ольга Елп. (*отпиваетъ глотокъ воды, который онъ уноситъ на столъ. Она пытается вытащить булавку, закалывающую ея кружевную мантилію*). Помогите мнѣ прежде всего вытащить булавку, которая зацѣпилась у меня въ кружевѣ... Я никакъ не могу.

(*Ашанинъ становится передъ ней и, низко наклонившись, обѣими руками расцѣпляетъ кружево. Въ эту минуту за входною дверью раздаются взволнованные голоса*).

СЦЕНА VI.

Тѣ же, Ранцовъ и Алексѣй.

Алексѣй (*за дверью*). Нельзя, господинъ, помилуйте, занято...

Ранц. (*врываясь въ комнату*). Прочь! (*вбѣгаетъ и останавливается. Черезъ силу, женѣ*). Вы, здѣсь!.. У васъ отецъ умираетъ, а вы... Гдѣ вы!..

(*Ашанинъ, отпрянувъ отъ Ольги Елпидифоровны, глядитъ полусмущенно, полуотважно на Ранцова, полуобернувшись спиною къ зрителю*).

Ольга Елп. (*мантилья падаетъ у нея съ плечъ наземь*). Никсъ!.. (*Ранцовъ безмолвно, тяжело дыша, глядитъ на нее*). Безъ скандала, прошу васъ! (*подходитъ къ нему*). Не для меня, такъ хоть для имени вашего... которое я ношу до сихъ поръ... (*Къ Ашанину*) Владиміръ Петровичъ, прошу васъ уйти... (*На лицѣ Ашанина колебаніе*). Прошу васъ... меня не тронутъ... (*Мужу*). Пропустите Владиміра Петровича!..

(*Ранцовъ машинально двигается съ мѣста*).

Ашан. (*проходя мимо него, шопотомъ*). Я всегда къ вашимъ услугамъ.

Ранц. (*дрожа отъ сдержаннаго гнѣва*). Если... не знаю какъ... вы еще живы... Вотъ, вамъ дверь! (*Договариваетъ жестомъ*).

(*Ашанинъ медленно удаляется.*)

Ольга Елп. (*опускаясь въ кресло около кушетки, самоувѣреннымъ голосомъ*). Объясните мнѣ теперь пожалуйста, какъ вы сюда попали... и къ чему вся эта трагедія?

Ранц. (*путаясь въ словахъ*). Какъ попалъ, спрашиваете, какъ попалъ? Съ отцомъ вашимъ второй ударъ былъ... До десятаго часа бились... Докторъ все надежду подавалъ... Наконецъ, „нѣтъ", говоритъ, „до утра не проживетъ"... Я за вами кинулся... У Лукояновой въ домѣ говорятъ—васъ нѣтъ, уѣхали... Я къ вамъ въ гостиницу,—нѣтъ и слуха... Мнѣ было сказано сегодня про васъ одно слово... Я не вѣрилъ, не хотѣлъ вѣрить... И вдругъ тутъ, какъ есть, на Софійкѣ, у подъѣзда карета... вашъ извозчикъ... Господи, у васъ отецъ отходитъ, а вы... вы—здѣсь, въ этой грязи!..

Ольга Елп. (*растерянно*). Отецъ отходитъ... я не поняла сначала... Ѣдемте скорѣе! (*Озирается на упавшую мантилью*) Подымите мою мантилью! (*Ранцовъ исполняетъ приказаніе и машинально надѣваетъ ей мантилью на плечи. Она укутывается въ нее*). Никсъ, я не хочу съ вами ссориться, не хочу, чтобы вы подозрѣвали меня Богъ знаетъ въ чемъ... Ну да, я сумасшедшая, я сдѣлала глупость, согласилась ѣхать ужинать съ Владиміромъ Петровичемъ... и не вдвоемъ, должны были пріѣхать еще молодые люди, — мы тамъ у Лукояновой сговорились...

Ранцовъ (*горько, указывая на столъ*). Къ чему неправда! На два прибора накрыто.

Ольга Елп. (*смущенно*). Тѣ не пріѣхали... и Владиміръ Петровичъ...

Ранцовъ (*прерывая*). Полноте! Сюда только парами и ѣздятъ,—мѣсто по всей Москвѣ извѣстное...

Ольга Елп. Такъ онъ меня обманулъ. Я не москвичка, я не знаю...

Ранцовъ (*отводя отъ нея глаза*). И не обманывалъ онъ васъ:—какой онъ человѣкъ—вы еще съ дѣвушекъ знаете!..

Ольга Елп. (*порывисто*). Никсъ, вы мнѣ простите?.. (*Ранцовъ глядитъ на нее во всѣ глаза и судорожно смѣется*). Что же это должно значить?

Ранцовъ (*встряхивая нервно плечами*). И къ чему спрашиваете! Извѣстно, вамъ одна дорога, а мнѣ...

Ольга Елп. (*вскрикивая*). Никсъ! (*Сначала сцены въ непритворенныя половинки входныхъ дверей выглядываютъ Алексѣй и другіе слуги гостинницы. Вслѣдъ за крикомъ Ранцовой Алексѣй вбѣгаетъ въ комнату съ перепуганнымъ лицомъ*).

Ранцовъ (*оборачиваясь на шумъ шаговъ*). Чего тебѣ? Деньги требуются?

Алексѣй. Никакъ нѣтъ, господинъ,—все заплачено.

Ранцовъ (*бѣшено*). Врешь, заплачу я удовольствіе! (*Выхватываетъ бумажникъ изъ кармана и, забравъ изъ него пачку денегъ, швыряетъ ихъ въ лицо слуги, который бросается поднимать ихъ съ пола. Къ женѣ:*) Идемте!.. Закройте лицо,—нечего людямъ показывать!.. (*Быстро уходятъ.*)

КОНЕЦЪ 2-го ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Декорація перваго акта (*на столѣ шкатулка, бюваръ, колокольчикъ, чернильница и перья*).

СЦЕНА I.

Даша, горничная Ольги Елпидифоровны, выходитъ изъ двери налѣво, ведущей въ покои Ольги Елпидифоровны; затѣмъ Анфиса.

Даша. Къ экономкѣ къ этой сходить. Тутъ кажется (*идетъ къ двери Анфисы и стучится въ нее*).

Анфиса (*въ черномъ, выходя изъ своей комнаты*). Звали меня?

Даша. Извините за безпокойство. Барыня въ монастырь на могилу покойнаго папеньки ихъ уѣхамши; назадъ обѣщалися сейчасъ быть, а меня въ отель, въ Дрезденъ, откуда мы сюда переѣхали, посылаютъ,—сундукъ у насъ тамъ изъ Парижа съ платьемъ большой оставленъ, такъ очень просятъ онѣ васъ подождать ихъ, что онѣ съ вами разговоръ желаютъ имѣть.

Анфиса. Пообожду, хорошо-съ!

Даша (*жеманно*). Позвольте васъ спросить: что мужъ барынинъ, не знаете, Никаноръ Ильичъ, дома? Во флигелѣ они теперь поселились, ничего намъ про нихъ не извѣстно.

Анфиса. Сейчасъ вернулись; изъ свѣтелки моей видно. Въ монастырь тоже ѣздили.

Даша (*съ любопытствомъ*). Не слыхали вы,—Сергѣй мнѣ нихній говорилъ,—правда, что они съ бариномъ собираются завтра назадъ въ деревню ѣхать?

Анфиса. Не могу вамъ сказать, потому не знаю.

Даша. Занятно это очень, почему они (*смѣется, покачивая головой*)... Отправляться мнѣ однако пора, барынину коммиссію исполнить... До пріятнаго свиданія! (*Присѣдаетъ и уходитъ въ выходную дверь направо.*)

СЦЕНА II.

Анфиса, затѣмъ Стороженко.

Анфиса (*оглядываясь кругомъ*). Пусто! Покончился сердечный мой, оставилъ меня сиротой сирою... И какъ жить-то мнѣ теперь съ этимъ съ гвоздемъ въ сердцѣ, что черезъ меня, можетъ, и Богу-то душу ранѣе времени отдалъ онъ... Жжетъ всю, какъ объ этомъ вспомню только... (*Дверь изъ комнаты Анфисы осторожно пріотворяется и въ ней показывается голова Стороженки.*)

Сторож. (*шопотомъ*). Анфиса Дмитріевна!

Анфиса. Степа!

Сторож. (*входя*). Можно? Ваша-то барыня петербургская уѣхала; сейчасъ мнѣ въ каретѣ встрѣтилась.

Анфиса. Наконецъ-то ты вздумалъ, а то и лица твоего не видала съ самаго дня съ этого... На похоронахъ даже у него не былъ.

Стороженко. Нельзя было, въ пятомъ участкѣ въ тотъ самый часъ купца одного обѣдялъ: въ пьяномъ видѣ ухо женѣ откусилъ... Ну-съ, а дѣла тутъ у васъ какъ?

Анфиса (*опуская голову*). Какъ видишь: съ чѣмъ была, съ тѣмъ и осталась.

Стороженко (*злобно*). Да?.. Богатство-то (*не договариваетъ и показываетъ на шкафъ*)...

Анфиса. Въ самый тотъ день, какъ скончаться ему, все, до копѣйки, въ банкъ отвезли.

Стороженко (*быстро*). Кто, кто отвезли?

Анфиса. Дочка съ мужемъ.

Стороженко. Вы-жь мнѣ говорили, что они про тѣ деньги ничего даже не знали.

Анфиса. И не знали точно... Только какъ ты ушелъ тогда, выслала *она* меня изъ комнаты... Самъ онъ, должно, боясь часа смертнаго, открылъ имъ, и деньги взять велѣлъ... Разговоръ у нихъ былъ большой... Слушала я, да черезъ дверь не разслышала... Только сказала потомъ при мнѣ барыня эта безстыжая, что „такъ", молъ, „вѣрнѣе будетъ"... Это на счетъ, то есть, что увезли они эти деньги, меня опасались, значитъ.

Стороженко (*со злобнымъ смѣхомъ*). Благодарю, не ожидалъ... То есть, впрочемъ, совсѣмъ наоборотъ сказать требуется, потому отъ васъ всегда этого самаго ожидать надо было!.. Дочиста, значитъ, дали обобрать себя?

Анфиса. Что-жь „обобрать",—не мои вѣдь были!

Стороженко (*передразнивая ее*)... „Не мои"! Извѣстно, какъ если были у васъ въ рукахъ козыри всѣ, а вы и тутъ съумѣли себя въ дурафьяхъ оставить... (*Минута молчанія*).

Анфиса. Степа!

Стороженко. Я!

Анфиса (*оборачиваясь къ нему*). Что же теперь, Степа?

Стороженко. А что!

Анфиса. Какое твое на счетъ меня рѣшеніе будетъ?

Стороженко (*кривя губы*). Сами, кажется, должны понимать, не маленькія! „Якъ ни у тѣбе, ни у мѣни ни гроша въ кишѣни", какъ говорятъ у насъ въ Полтавѣ (*разводитъ руками*). И радъ бы въ рай, Анфиса Дмитріевна, да грѣхи не пускаютъ.

Анфиса (*долго и зорко смотритъ на него, протяжно*). Такъ сердце мое и чуяло... А деньги же гдѣ, Степанъ Акимовичъ?

Стороженко. Какія деньги?

Анфиса. Какія! Всѣ, что были у меня, три тысячи, всѣ тебѣ передала... Съ возвратомъ бралъ, — всю душу-то свою, почитай, проклялъ, божившись, что отдашь.

Стороженко. Такъ эти деньги въ дѣлѣ у купца, не разъ, кажется, говорилъ вамъ.

Анфиса. Слышала! Документъ все обѣщалъ принести; сегодня, да завтра,— а и по сю пору нѣтъ.

Стороженко. А на что вамъ документъ?

Анфиса (*со взрывомъ негодованія и презрѣнія*). Плутъ ты, плутъ безстыжій! Проклятъ будь тотъ день, какъ забыла я, на пагубу свою, совѣсть мою съ тобой!

Стороженко. Позвольте, Анфиса Дмитріевна. Что вы, однако, такъ отчаянно...

Анфиса (*съ горькою и высокомѣрною насмѣшкою*). Небось, въ пролубь, думаешь, кинусь, черезъ большое отъ тебя горе? И не мни, — на зло тебѣ жить стану! Только ты отъ нынѣшняго часа и встрѣчаться со мною не моги, чтобъ я тебѣ при всемъ народѣ подлеца не сказала.

Стороженко (*иронически*). Встрѣчаться-то не зачѣмъ! Авось и безъ встрѣчъ вѣкъ проживемъ... Мое вамъ почтеніе! Извините, что черезъ вашъ апартаментъ опять для осторожности пройду (*уходитъ въ ея комнату*).

Анфиса (*одна, схватываясь обѣими руками за голову*). Ахъ, я бездольная, безталанная, изъ-за кого душу-то свою погубила!... (*Приходя въ себя и прислушиваясь*) Идутъ никакъ?.. Сама... Наслѣдница!.. (*Уходитъ въ ту же дверь своей комнаты*).

СЦЕНА III.

Ольга Елпидифоровна (*вся въ черномъ*); за нею Ѳедька.

Ольга Елп. (*входя*). Что, Даша уѣхала?

Ѳедька. Дѣвушка ваша, значитъ?

Ольга Елп. Да.

Ѳедька. За извощикомъ посылали меня, какъ же-съ, потому онѣ у насъ по Москвѣ улицъ не знаютъ... Я имъ привелъ, онѣ и поѣхали сейчасъ... Баринъ про васъ спрашивали.

Ольга Елп. Кто?

Ѳедька. Баринъ, Никаноръ Ильичъ.

Ольга Елп. А! они дома?

Ѳедька. Сею минутою прибыли...

Ольга Елп. Хорошо, ступай! (*Ѳедька уходитъ.*)

Ольга Елп. (*одна*). Спрашивалъ сейчасъ... А три дня видимо избѣгалъ... Видѣла я его только на панихидахъ, да при отпѣваніи,—стоитъ въ углу, молится, и тотчасъ же исчезаетъ вслѣдъ за этимъ... Теперь онъ, говорила мнѣ Даша, собирается будто бы завтра опять въ Никольское... Что-жь это будетъ?.. Я сама хочу не позднѣе, чѣмъ завтра, уѣхать въ Петербургъ; на кого же я домъ этотъ оставлю, и вещи, и распоряженія всѣ?.. И для чего онъ ѣдетъ? (*съ тревожною усмѣшкой*). Не думаетъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, разводиться со мною! (*Садится къ столу.*)

СЦЕНА IV.

Ольга Елпидифоровна и Ранцовъ.

Ранц. (*входя изъ средней двери съ листомъ бумаги въ рукѣ*). Не мѣшаю?

Ольга Елп. (*поспѣшно и любезно*). Нисколько, Никсъ,—чѣмъ же можете вы мнѣ мѣшать!.. Что вамъ?

Ранц. (*кладетъ предъ ней на столъ бумагу*). Довѣренность.

Ольга Елп. На что это?

Ранц. На полученіе бумагъ изъ банка.

Ольга Елп. Расписка у меня вѣдь?

Ранц. На мое имя положены, какъ было желаніе покойнаго, вамъ извѣстно.

Ольга Елп. Такъ не все-ли равно?

Ранц. Не мои-съ,—ваши. Полу́чите, на свое имя положите опять, или какъ вамъ будетъ угодно?

Ольга Елп. (*отпихивая отъ себя бумагу*). Да я этого вовсе не хочу,—пусть останется, какъ есть.

Ранц. Этого нельзя-съ. Мнѣ вашего не нужно, а какъ у насъ дѣтей нѣтъ, родственники мои, въ случаѣ смерти, могутъ явиться съ претензіями.

Ольга Елп. (*съ насильственною веселостью*). Не собираетесь же вы умирать завтра?

Ранц. Для чего собираться! А что только въ животѣ и смерти Богъ воленъ, такъ все предвидѣть надо... (*помолчавъ*). Если васъ это безпокоитъ, такъ пожалуйте документъ; я съѣзжу,—на ваше имя перепишутъ.

Ольга Елп. (*молящимъ голосомъ*). Никсъ, вы все еще сердитесь на меня?.. Вы мнѣ простить не можете.

Ранц. (*чуть слышно*). На что̀ вамъ мое прощеніе!.. (*громко*). Пожалуйте документъ, я сейчасъ съѣзжу.

Ольга Елп. (*пылко*). Нѣтъ, это невозможно, намъ надо объясниться!.. Правду-ли я слышала,—вы хотите уѣхать, вы меня кинуть хотите?

Ранц. Свободу предоставить вамъ хочу.

Ольга Елп. Какую свободу?

Ранц. Какъ пожелаете... потому какъ жить намъ попрежнему ужь не приходится...

Ольга Елп. Я никакъ не желаю! Я хочу, чтобы вы перестали дуться... (*Ласкательно*) Слышите? сейчасъ, сейчасъ перестать, Никсенька!

Ранц. (*съ отчаяніемъ*). Не мучьте! (*Отвертывается отъ нея, подходитъ къ окну и приникаетъ къ нему лбомъ. Оборачивается опять на нее.*) Къ чему напрасныя слова говорить! Любилъ-ли я васъ,—сами знаете... Всю душу, всѣ мысли, все... Девять лѣтъ... Ежели когда и приходило что̀ въ голову, такъ я и допустить не хотѣлъ... вѣрилъ, молился на васъ, какъ (*проводитъ рукой*)...

Ольга Елп. (*плача*). Никсъ, для чего вы это мнѣ говорите?

Ранц. Что̀ же мнѣ чужой вѣкъ заѣдать! Человѣкъ я темный, не свѣтскій вашъ. Понималъ я это хорошо, только думалъ: все-жь никто изъ нихъ... никто покоить ее такъ не способенъ. А тутъ... Обманъ-то зачѣмъ, обманъ! Сказали бы просто,—развѣ бы я не понялъ! Срамиться зачѣмъ?... Вѣдь, кажется, весь открытъ былъ, насколько меня видѣли. Сказали бы прямо: „Отступитесь“!... Вы его еще дѣвушкой любили... Вы, можетъ, полагаете на счетъ состоянія... такъ мнѣ

на что, — ваше все, берите, идите за него... я все на себя возьму.

Ольга Елп. (*рыдая*). Вы съ ума сошли! Мнѣ не нужно вашего состоянія, у меня у самой теперь есть... Но вы меня за какую-то дуру почитаете, — можете-ли вы воображать, что я пошла бы когда-нибудь замужъ за него!... Если-бъ я захотѣла... разойтись съ вами, развѣ не съумѣла бы я найти себѣ кого-нибудь лучше этого... вѣтрогона?... Но я не хочу расходиться... Я васъ люблю, Никсъ, вы добрый, благородный, вы меня вотъ до слезъ довели, — я хочу, чтобы... Пожалуйста, Никсенька, чтобъ все оставалось попрежнему...

Ранц. Да развѣ это возможно, развѣ возможно!

Ольга Елп. Все можно, Никсъ, все! Забудьте, умоляю васъ!

Ранц. (*горько усмѣхаясь*). Забыть! А довѣріе прежнее гдѣ взять?

СЦЕНА V.

Тѣ же и Даша (*входитъ изъ двери направо*).

Ольга Елп. (*досадливо*). Что вамъ нужно?

Даша. Сундукъ привезли, сударыня.

Ольга Елп. (*тѣмъ же тономъ*). Хорошо, нечего было съ этимъ входить безъ зова.

Даша (*подаетъ двѣ депеши*). На ваше имя въ гостиницѣ двѣ депеши получены были; извольте получить. (*Отходитъ и останавливается у дверей налѣво.*)

(Ранц. *глядитъ въ окно, обратившись спиной къ зрителямъ.*)

Ольга Елп. (*вскрываетъ одну изъ депешъ, читаетъ*). „Въ Петербургѣ не осталось ни одного розана, ни камеліи, всѣ цвѣтутъ у васъ на квартирѣ и ждутъ васъ. Ѣзжу туда каждый день, тоска безъ васъ хуже смерти. Если не будете, какъ обѣщали, завтра, прилечу самъ въ Москву, пасть къ вашимъ ногамъ. Отвѣтъ за сорокъ словъ уплаченъ. Базиль Шастуновъ“. (*Усмѣхаясь*). Какой сумасшедшій мальчишка!... (*Беретъ другую депешу*). А это отъ кого? (*вскрываетъ*) „Лео-

нидъ"... Отъ графа! Ахъ, онъ милый! (*читаетъ*): „Не извѣстили о своемъ отъѣздѣ. Полагаю, случилось что-нибудь для васъ непріятное. Безпокойству нѣтъ мѣры. Телеграфирую съ поѣзда, самъ ѣду въ Москву". (*Задумывается*). И старый, и молодой!... (*Обертывается къ Дашѣ*) Хорошо, ступайте!

(*Даша уходитъ въ дверь налѣво.*)

Ольга Елп. (*отыскивая глазами мужа*). Никаноръ Ильичъ!

Ранц. (*медленно подходя къ ней*). Что прикажете?

Ольга Елп. Вы, кажется, говорили сейчасъ, что потеряли довѣріе ко мнѣ,—да?

(Ранц. *только вздыхаетъ въ отвѣтъ*).

Ольга Елп. Значитъ, вы меня разлюбили, потому что нѣтъ любви безъ довѣрія. Если-бъ у васъ оставалась ко мнѣ хоть капля привязанности, вы бы не рѣшились сказать мнѣ то, что сказали.

Ранц. (*упавшимъ тономъ*). Что же говорить мнѣ было, послѣ того, какъ... (*не имѣетъ силы договорить*)...

Ольга Елп. (*иронически*). Ну да, само собою: вы рѣшились... Я рѣшилась тоже!.. Что же дѣлать, Никаноръ Ильичъ, насильно милъ не будешь!.. Вы предлагаете мнѣ разводъ, — замѣтьте *вы*, а не я... Мнѣ остается только повиноваться...

Ранц. (*мѣняясь въ лицѣ со взрывомъ, кивая на депеши*). „Нашли", значитъ, себѣ теперь мужа—настоящаго?

Ольга Елп. (*смутясь на мигъ, но затѣмъ тотчасъ оправившись*). Какое вамъ дѣло до этого, разъ вы находите, что жить намъ попрежнему не приходится, — вѣдь сами вы сказали! (*Отвѣчая на судорожное движеніе Ранцова*). Вы не въ правѣ сердиться; *вы*, повторяю, предложили мнѣ развестись съ вами. Я просила васъ помириться. Я дошла до того, что просила, наконецъ, у васъ прощенія... въ небывалой винѣ... Вы и выслушать меня не хотѣли, вы мнѣ отказали на-отрѣзъ... А я не такая женщина, чтобъ это забыть (*подчеркивая*) и простить.

Ранц. (*съ обезображеннымъ лицомъ дѣлаетъ два шага къ ней; она въ испугѣ вскакиваетъ съ мѣста. Онъ, останавливаясь, вдругъ съ судорожнымъ хохотомъ*). За что же Анфису-то эту вы такъ хаяли?

Ольга Елп. (*садясь опять*). Не забывайте, Никаноръ Ильичъ, что оскорблять женщину низко... низко, да!

Ранц. (*приходя въ себя*). „Оскорблять“... Это я васъ оскорбляю!.. А впрочемъ... (*кланяется*). Такъ какъ же прикажете?

Ольга Елп. (*не сейчасъ*). Вы въ самомъ дѣлѣ собираетесь сегодня въ деревню?

Ранц. (*утвердительно киваетъ*).

Ольга Елп. Какъ же я однако останусь съ этимъ домомъ и вещами? И съ этимъ наслѣдствомъ опять всякія формальности; я ничего не понимаю,—кто же этимъ всѣмъ займется? Я сама хочу черезъ день или два ѣхать въ Петербургъ: не пропадать же мнѣ здѣсь со скуки!

Ранц. Нужныя вамъ бумаги вы найдете въ шкафу, гдѣ деньги лежали у покойнаго Елпидифора Павловича. А насчетъ формальностей, я былъ уже у одного присяжнаго повѣреннаго,—Черновъ Николай Ивановичъ—хорошій человѣкъ, давно знаю. Онъ обѣщалъ быть сюда сегодня. Можете ему довѣриться... (*Чрезъ силу*). А я ужь сегодня уѣду!..

Ольга Елп. (*кивая на лежащую на столѣ довѣренность*). А съ этимъ какъ же?

Ранц. Дана съ передовѣріемъ; можете тому же Николаю Ивановичу Чернову поручить, если не желаете сами въ банкъ съѣздить.

Ольга Елп. Нѣтъ, я бы желала, чтобы вы ужь сами это сдѣлали; вѣрнѣе такъ.

Ранц. Чтобъ я въ банкъ съѣздилъ?

Ольга Елп. Да, будьте такъ любезны (*вынимаетъ изъ шкатулки банковую расписку и передаетъ мужу*).

Ранц. Хорошо-съ. (*Вкладываетъ расписку въ бумажникъ, киваетъ, не подымая глазъ, и уходитъ въ дверь направо*).

Ольга Елп. (*быстро направляется къ столу, садится къ нему, раскрываетъ бюваръ и принимается писать*). „Царское Село. Лейбъ-гусарскій полкъ, князю Шастунову. Вы сумасшедшій, но очень милый человѣкъ. Летѣть вамъ въ Москву совершенно безполезно. Буду скоро. Видѣла вашу матушку. Просила меня заняться спеціально вами. Я обѣщала. Думаю, вы за это не разсердитесь. Ольга“... А тотъ, самъ ѣдетъ.

Ахъ, какой онъ милый, какой прелестный! Вотъ человѣкъ, на привязанность котораго можно вполнѣ положиться! (*Звонитъ. Изъ двери налѣво выходитъ Даша*).

Ольга Елп. Даша, это надо сейчасъ послать съ кѣмъ-нибудь на телеграфъ; за это уже заплачено въ Петербургѣ.

Даша. Кого послать-то? Человѣкъ вѣдь одинъ здѣсь... Самой съѣздить развѣ...

Ольга. Елп. Хорошо, съѣздите!.. Ахъ да, что же женщина эта, Анфиса, дома она, не знаете?

Даша. Дома, какъ же-съ, я ей приказаніе ваше передала.

Ольга Елп. Что она, печальна очень?

Даша. Да-съ, видать... Сергѣй вотъ бариновъ говоритъ, собрала всѣ свои вещи въ сундукъ, сѣла на него и плачетъ. А серебро и все, что у нея было на рукахъ, она еще вчера, какъ вы приказывать изволили, сдала намъ съ Сергѣемъ, все аккуратно, по описи.

Ольга Елп. Сходите къ ней сейчасъ и попросите ее,—поучтивѣе и поласковѣе, прошу васъ,—притти ко мнѣ. Скажите, что я хочу ее *поблагодарить*. Поняли?

Даша. Слушаю-съ (*Уходитъ въ комнату Анфисы*).

(*Ольга Елп. отворяетъ свою шкатулку и роется тамъ.*)

Даша (*выходя*). Идетъ, сударыня.

Ольга Елп. Оставьте меня съ нею. (*Даша уходитъ въ дверь направо.*)

СЦЕНА VI.

Ольга Елпидифоровна и Анфиса.

Анфиса (*выходя изъ своей комнаты и останавливаясь*). Изволили спрашивать?

Ольга Елп. Я хотѣла поговорить съ вами, Анфиса Дмитріевна... Подойдите пожалуйста, вы очень устали, кажется. Утромъ вы, я знаю, въ монастырѣ были.

Анфиса. Да-съ, на могилку на ихнюю помолиться ходила.

Ольга Елп. Вы очень... преданы были батюшкѣ, я знаю.

Анфиса. Это точно-съ, потому какъ они мнѣ, можно ска-

зать, благодѣтелемъ были. Очень я несчастная была, когда мужъ мой померъ, такъ они меня тутъ вызволили.

Ольга Елп. Покойный говорилъ мнѣ отъ этомъ... Вы, можетъ быть, обо мнѣ дурно судили до сихъ поръ, но я желаю доказать вамъ, что вы ошиблись и что у меня не черствое сердце.

Анфиса. Какъ же я судить васъ смѣю, сударыня, когда, можетъ, сама я грѣшница передъ вами. Во имя Христа, Спаса нашего, простите великодушно (*кланяется въ поясъ*).

Ольга Елп. (*тронутая, подходитъ и обнимаетъ ее*). Всѣ мы грѣшны, всѣ мы нуждаемся въ прощеніи... Я бы желала поговорить съ вами о васъ, о томъ, что̀ вы думаете дѣлать... Я думала было вамъ предложить остаться здѣсь, въ этомъ домѣ, на покоѣ, и смотрѣть за нимъ. Но вы еще такъ молоды и хороши, вы можете замужъ выйти...

Анфиса. Наплакалась я, сударыня, вдосталь и въ первый-то разъ. Лучше ужь въ монастырь, за Божью ограду иттить, потому на міру соблазнъ одинъ, да обманъ.

Ольга Елп. Неужто вы, милая моя, серьезно думаете въ монастырь итти? Я никакъ этого допустить не могу,—вамъ непремѣнно надо замужъ (*Съ лукавымъ оттѣнкомъ*). Развѣ у васъ никого въ предметѣ нѣтъ?

Анфиса (*подымая глаза стремительно*). Можетъ и есть такой человѣкъ, что̀ я его проклясть должна, а не то что итти за него.

Ольга Елп. (*нѣсколько смущенно*). Я вѣдь не знаю, я только такъ сказала... Я желаю вамъ добра, Анфиса Дмитріевна... Скажите мнѣ откровенно; я знаю, что батюшка былъ щедръ,—остались у васъ какія-нибудь средства?

Анфиса. У меня свои деньги были, по наслѣдству достались, отъ дяди, за пять лѣтъ, почитай, на всемъ готовомъ жила у покойнаго, жалованье сколотила, да какія къ праздникамъ въ награду жаловалъ. Три тысячи слишкомъ было... А теперь вотъ (*вынимаетъ изъ кармана портъ-монэ*) двѣ красненькія, да мелочи сколько-то осталось.

Ольга Елп. Остальныя же деньги гдѣ?

Анфиса (*усмѣхаясь*). Кому повѣрила, не отдалъ, значитъ, и нѣтъ.

Ольга Елп. (*поспѣшно*). Послушайте, милая, я не допускаю, чтобы вы вышли нищая изъ этого дома. Если бы папа зналъ о вашемъ положеніи и не умеръ бы такъ внезапно, онъ, вы понимаете, непремѣнно бы обезпечилъ васъ... И я, во имя его и воспоминаніе, прошу васъ принять за ваши заботы о немъ полторы тысячи рублей; они вамъ на черный день пригодятся.

Анфиса. Спасибо вамъ, барыня, за милости ваши... Только это напрасно будетъ.

Ольга Елп. Какъ напрасно?!

Анфиса. Потому какъ не нужно мнѣ этого. Поминать-то его въ молитвѣ и такъ каждоденно стану, на что тутъ деньги.

Ольга Елп. (*нѣсколько обиженно*). Я вамъ ихъ и не предлагаю въ награду за ваши молитвы,—я прошу васъ ихъ принять отъ меня во имя его, на случай нужды, какъ онъ бы ихъ вамъ далъ въ такомъ случаѣ.

Анфиса (*печально усмѣхаясь*). Коли бы захотѣла я, сударыня, въ-время, онъ не то, чтобы... онъ мнѣ, можетъ, все бы отдалъ... И мнѣ теперича награды не нужно... (*растроганно*) Мнѣ можетъ, сударыня,—надумалась я такъ, — самая она и есть, награда настоящая, что какъ вошла я въ этотъ домъ нищая, такъ и ухожу теперь; можетъ, такъ отъ Господа и положено, чтобы мнѣ за грѣхи мои нужду терпѣть, такъ это я чувствовать должна.

Ольга Елп. (*изумленно смотритъ на нее*). Я, конечно, принудить васъ не могу, Анфиса Дмитріевна; но прошу васъ знать, что я положу на ваше имя въ банкъ полторы тысячи рублей и билетъ на нихъ вы можете получить во всякое время отъ меня, когда вамъ понадобится.

(*Анфиса кланяется и молчитъ. Ольга Елп. смотритъ на нее. Довольно продолжительное молчаніе*).

Анфиса. Позволите иттить?

Ольга Елп. Вы думаете ужь отправляться совсѣмъ?

Анфиса. Такъ точно, собралась совсѣмъ.

Ольга Елп. Для чего вы спѣшите? могли бы пожить здѣсь пока... А впрочемъ, какъ знаете. Прощайте въ такомъ случаѣ.

Анфиса. Счастливо вамъ оставаться, сударыня, дай вамъ Господь въ жизни вашей благополучія и всякаго споспѣшествованія. (*Подходитъ къ ручкѣ, Ранцова не допускаетъ и лѣзется съ нею щека въ щеку. Анфиса низко кланяется и уходитъ*).

Ольга Елп. (*одна, задумчиво*). Этотъ ея любезный должно быть дѣйствительно величайшій негодяй: онъ, очевидно, обобралъ ее и кинулъ теперь, лишившись надежды обокрасть покойнаго черезъ ея посредство... А она—раскольница какая-то! Отъ „награды“ отказалась и о предстоящей нуждѣ говоритъ чуть не съ восторгомъ... Пойми, поди, эти русскія души!..

СЦЕНА VII.

Ольга Елпидифоровна и Ѳедька.

Ѳедька (*стремительно вбѣгая*). Сударыня, васъ спрашиваютъ!

Ольга Елп. Кто?

Ѳедька. Баринъ какой-то, немолодые ужь. „Скажи“,—говорятъ,—„Левонъ Александрычъ Фартопьянцевъ, изъ Питербурга, оченно желаю, молъ, видѣть ихъ, такъ можно-ли къ нимъ“?

Ольга Елп. „Фартопьянцевъ“,—ахъ, какъ ты глупъ! Это графъ Наташанцевъ навѣрное, Леонидъ Александровичъ?

Ѳедька. Такъ точно-съ.

Ольга Елп. Проси скорѣе, проси!

Ѳедька. Слушаю-съ! (*Бѣжитъ такъ же поспѣшно назадъ, оставивъ за собою двери открытыми. Слышенъ вдали его голосъ*). Пожалуйте-съ, пожалуйте-съ, просятъ!

СЦЕНА VIII.

Ольга Елпидифоровна и графъ Наташанцевъ.

Ольга Елп. (*идя ему навстрѣчу*). Cher comte! И это правда, la vraie vérité,—вы изъ-за меня, для меня рѣшились пріѣхать сюда изъ Петербурга?

Наташ. (*цѣлуя ея руку*). Вы жестокая женщина! Какъ же было не предупредить стараго друга о причинѣ вашего внезапнаго отъѣзда? Пріѣзжаю къ вамъ на квартиру, узнаю отъ швейцара, что вы уѣхали съ 2-хъ-часовымъ поѣздомъ въ Москву, — и никакого объясненія при этомъ: онъ ничего не знаетъ, говоритъ, кромѣ того, что наканунѣ была получена вами какая-то телеграмма. У меня сердце такъ и сжалось: какое-нибудь несчастіе—думаю!.. И голова такъ и заработала, ни спать, ни ѣсть не могу à la lettre,—все о васъ безпокойство... Это такъ сдѣлалось несносно, наконецъ, что я рѣшился ѣхать въ Москву самъ, узнать, что съ вами; не могу-ли пригодиться я вамъ на что-нибудь... И, какъ оказывается, предчувствіе не обманывало меня: вы въ траурѣ?

Ольга Елп. (*садясь и приглашая его жестомъ занять мѣсто подлѣ себя, скорбнымъ тономъ*). Я имѣла несчастіе потерять отца...

Наташ. (*вздыхая*). Я узналъ сейчасъ объ этомъ въ отелѣ „Дрезденъ“, гдѣ вы стояли нѣсколько дней.

Ольга Елп. Да, я переѣхала сюда только, когда его не стало...

Наташ. Давно это случилось?

Ольга Елп. Два дня, какъ мы его похоронили (*Утираетъ глаза платкомъ*).

Наташ. Бѣдная вы! (*Беретъ обѣ ея руки въ свои и нѣжно смотритъ ей въ глаза*). Старъ ужь онъ былъ?

Ольга Елп. Какое старъ! Пятьдесятъ лѣтъ съ чѣмъ-то, la maturité à peine... И добрый, живой, — гвардеецъ, знаете, прежнихъ хорошихъ временъ,—страстный художникъ въ ду-

шѣ. Un homme de goût... Мы въ его кабинетѣ, — можете о немъ судить по тому, что вы здѣсь видите...

Наташ. (*оглядываясь съ удивленіемъ*). Да, тутъ есть вещи прелестныя, вижу... Какъ хорошъ этотъ Lancert, напримѣръ!

Ольга Елп. Онъ всю жизнь это собиралъ... Вышелъ рано въ отставку, поселился въ Москвѣ и весь отдался наслажденію искусствомъ.

Наташ. (*тихо и нѣжно*). Вы его очень любили?..

Ольга Елп. Не могла не любить: онъ былъ такъ добръ, такъ нѣженъ и такъ снисходителенъ ко мнѣ... А я къ этому не привыкла...

Наташ. Вы! имѣете-ли вы право жаловаться?

Ольга Елп. Нѣтъ, если рѣчь идетъ о такихъ милыхъ, о такихъ преданныхъ друзьяхъ, какъ вы (*она протягиваетъ ему руку, онъ цѣлуетъ ее*)!.. Но вѣдь не одни друзья у меня, — есть и поближе...

Наташ. (*Невольно*). Мужъ?

Ольга Елп. (*какъ бы растерянно*). Да, мужъ... Но нѣтъ пожалуйста, не будемъ говорить объ этомъ...

Наташ. Нѣтъ, напротивъ, будемъ... Вы сейчасъ назвали меня преданнымъ другомъ; вы правы; вы должны быть въ этомъ увѣрены такъ же твердо, какъ въ томъ, что земля кругла, что лѣтомъ жарко... Вы должны быть откровенны со мною, какъ были бы съ покойнымъ отцомъ вашимъ... Я однихъ лѣтъ съ нимъ.

Ольга Елп. Развѣ у васъ есть лѣта! Вы очаровательный человѣкъ, больше ничего!

Наташ. (*усмѣхаясь*). Тѣмъ развѣ, что во мнѣ въ эту минуту, „какъ солнце въ малой каплѣ водъ“, отсвѣчивается то очарованіе, которое производите вы на мнѣ... Но мы уклонились въ сторону. Я возвращусь къ тому, съ чего началъ: — вамъ не по себѣ, я это вижу... И это помимо тоски по отцѣ... Я прямо, грубо поставлю вопросъ: у васъ съ мужемъ неладно, какъ говорятъ у насъ въ простонародьи? (*Нѣжно наклоняется къ ней*). Да?

Ольга Елп. Увы, да, неладно, очень неладно (*какъ бы съ усиліемъ*)... Мы разстаемся, кажется...

Наташ. (*съ видимымъ волненіемъ*). До того дошло!

Ольга Елп. Онъ самъ этого желаетъ...

Наташ. Онъ! онъ хочетъ... онъ способенъ *желать* разойтись съ вами. Съ такимъ существомъ, какъ вы!.. Да онъ послѣ этого что же: безумецъ, или...

Ольга Елп. (*останавливая его движеніемъ руки*). Не продолжайте! я не хочу, чтобы вы о немъ дурно говорили!

Наташ. Я и не намѣренъ былъ,—я его такъ мало знаю!— Я хотѣлъ только выразить мое удивленіе. Какъ, имѣя счастіе быть вашимъ мужемъ, не умѣть оцѣнить всю вашу прелесть!

Ольга Елп. (*усмѣхаясь*). „Прелесть", c'est trop dire, можетъ быть, но есть, положимъ, кое-какія привлекательныя стороны, которыя признаютъ во мнѣ такіе люди, какъ вы... Ну, а если онъ ихъ и вовсе не видитъ, не способенъ видѣть. Виноватъ-ли онъ въ этомъ? Вѣдь не станете же вы упрекать слѣпаго за то, что онъ не отличаетъ красокъ?.. А онъ? се pauvre Ранцовъ, онъ именно не въ состояніи видѣть, а тѣмъ менѣе „оцѣнить", какъ вы говорите, тѣ краски, которыя милы *вамъ* во мнѣ... Для этого нуженъ другой кругозоръ, другое воспитаніе...

Наташ. Да, именно воспитаніе, а когда этого нѣтъ... Я не разъ, не разъ съ тоскою думалъ о васъ по этому поводу, бѣдный ангелъ мой...

Ольга Елп. Я его не виню впрочемъ, говорю опять:—онъ въ сущности хорошій, честный человѣкъ и любитъ... любилъ, по крайней мѣрѣ, меня по-своему... Если-бъ я могла измѣнить свою натуру, смотрѣть на вещи его глазами... Но я не могу, другъ мой, не могу! Я живое существо, голова моя, воображеніе требуютъ пищи, обмѣна мыслей съ умными, образованными людьми... Я умерла бы, просто умерла отъ тоски, если бы принуждена была—а онъ этого хочетъ,—зарыться на вѣки въ глуши деревни,—одна, съ человѣкомъ, для котораго весь интересъ существованія заключается въ томъ, какъ бы нанять рабочихъ подешевле и продать купцу хлѣбъ подороже,—даже безъ дѣтей, которыхъ у меня нѣтъ, и которыя, по крайней мѣрѣ, могли бы служить мнѣ тамъ занятіемъ и утѣшеніемъ!..

Dites, cher, неужели я такъ виновата, что не могу рѣшиться на это?..

Наташ. (*пылко*). Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!.. Отъ васъ требуютъ самоубійства; вы не соглашаетесь,—вы правы. Но скажите, неужели *онъ*, изъ-за того только, что вы не рѣшаетесь похорониться въ деревнѣ, думаетъ серьезно... разлучиться съ вами?..

Ольга Елп. (*чуть-чуть смущенно*). Изъ-за этого, да и... и изъ-за своей ревности, изъ-за безсмысленной ревности... которая такъ глубоко оскорбляетъ меня...

Наташ. (*взволнованно*). Отъ ревности!.. Къ кому?

Ольга Елп. (*вскидывая плечами*). Ахъ, право, и говорить не стоитъ...

Наташ. Нѣтъ, прошу васъ, говорите, говорите все!..

Ольга Елп. (*съ кокетливою грустью*). Вы этого желаете, другъ мой, — я повинуюсь... Въ одномъ поѣздѣ со мною изъ Петербурга, когда я ѣхала сюда, былъ одинъ молодой человѣкъ...

Наташ. (*быстро*). По фамиліи?..

Ольга Елп. (*небрежно*). Вы его не можете знать... Ашанинъ одинъ, здѣшній...

Наташ. Кто онъ такой?

Ольга Елп. (*съ усмѣшкой*). Кто? это трудно опредѣлить... Изъ московскихъ коптителей неба, одинъ...

Наташ. (*смѣется*). У васъ такія словечки! „изъ московскихъ коптителей неба“,—какъ это вѣрно!.. Вы съ нимъ познакомились тутъ, на желѣзной дорогѣ?..

Ольга Елп. Я его знала, когда была еще дѣвушкой... Я встрѣчала его въ деревнѣ у одной сосѣдки нашей, княгини Шастуновой,—матери этого гусарчика, котораго вы встрѣчали у меня въ Петербургѣ.

Наташ. (*смѣясь*). Который, изъясняясь по-французски, говоритъ „moi je“, какъ негры?

Ольга Елп. (*хохочетъ*). C'est ça!.. Извѣстный „Basile, mon fils“,—сынокъ достойный своей маменьки, феноменальной дуры, сказать кстати.

Наташ. И что же, этотъ вашъ „коптитель неба“ влюбленъ былъ въ васъ, само собою?

Ольга Елп. (*улыбаясь*). Само собой!

Наташ. (*тревожно*). А вы?..

Ольга Елп. (*быстро*). Никакъ! Я съ нимъ кокетничала на смерть, каюсь... Это у меня въ природѣ было. Но влюбиться я не могла. У меня съ самыхъ юныхъ лѣтъ существовало какое-то инстинктивное недовѣріе, чуть не враждебность, къ очень молодымъ людямъ; тому доказательство, что, когда этотъ Ашанинъ вздумалъ просить моей руки, я ему наотрѣзъ отказала...

Наташ. Вы встрѣчались съ нимъ послѣ?

Ольга Елп. Я вскорѣ затѣмъ вышла замужъ, переѣхала тогда же съ мужемъ въ Петербургъ и въ теченіи цѣлыхъ девяти лѣтъ ни разу не встрѣчалась съ нимъ. Въ первый разъ послѣ этого увидѣла я его, какъ сказала вамъ, на поѣздѣ, а на другой день мы провели вечеръ вмѣстѣ у одной здѣшней madame Loukoianof...

Наташ. (*полушутливо, полутревожно*). И вы, въ воспоминаніе прежняго, закокетничали опять „на смерть“ съ московскимъ „коптителемъ“, а онъ пуще прежняго влюбился въ васъ?

Ольга Елп. (*качая головой*). Ни то, ни другое. У него страшно голова болѣла, и онъ уѣхалъ съ вечера ранѣе меня. А я... вы знаете, что я разучилась кокетничать съ тѣхъ поръ, какъ поняла... какъ заставила васъ признаться, что это... вамъ не нравилось во мнѣ.

Наташ. (*глядя на нее съ восхищеніемъ*). Вы *однимъ* словомъ умѣете околдовать человѣка... вы очаровательница, une enchanteresse!.. Да, я говорилъ и говорю: въ васъ слишкомъ много содержанія, чтобы вамъ размѣнивать себя на мелкую монету кокетства, на которое обыкновенно отвѣчается такою же мелочью. А этого ли, скажите, заслуживаете вы (*страстно*), вы, имѣющая право требовать, чтобы человѣкъ, избранный вами, отдалъ бы вамъ всего себя, всю жизнь свою по малѣйшему вашему знаку!..

Ольга Елп. О, я такъ много не требую!.. Немножко до-

вѣрія, немножко нѣжности и снисхожденія къ моимъ маленькимъ женскимъ слабостямъ... Но когда изъ-за вздора... изъ-за случайной встрѣчи съ этимъ сумасбродомъ Ашанинымъ меня оскорбляютъ самыми ужасными подозрѣніями и говорятъ мнѣ: „Вамъ одна дорога, а мнѣ другая,—я возвращаю вамъ вашу свободу“... (*плачетъ*) Чего еще могу я ждать послѣ этого?..

Наташ. (*взволнованно*). Мужъ вамъ сказалъ, что возвращаетъ вамъ свободу... И это серьезно, совершенно серьезно?..

Ольга Елп. (*утирая глаза платкомъ*). Да! Онъ при этомъ даже великодушіе хотѣлъ показать: „Я“, говоритъ онъ мнѣ, „все на себя возьму, а вы можете выходить за *вашего* Ашанина“... За *моего*... Онъ просто искалъ предлога отдѣлаться отъ меня: такая жена, какъ я, ему въ тягость... Иначе надо быть самому безумнымъ, или меня почитать за совершенную сумасшедшую, представляя себѣ, что я могу подумать итти замужъ за перваго встрѣчнаго вѣтрогона, за провинціальнаго донъ-Жуана... Не къ такой цѣнности людямъ я привыкла, не такого *избрала* бы я человѣка, если-бъ получила возможность еще разъ располагать своей рукой...

Наташ. (*пылко*). Вы получите ее теперь, — если только мужъ вашъ не откажется отъ своего рѣшенія.

Ольга Елп. (*живо*). О, нѣтъ, этого бояться нечего! Рѣшено и подписано: я сама ни за что не хочу быть больше его женой.

Наташ. Остается поэтому только одна формальная сторона дѣла—и вы свободны...

Ольга Елп. (*слегка вздрагивая*). Да; но мнѣ страшно, какъ только объ этомъ подумаю.

Наташ. Страшно! Чего?

Ольга Елп. *Разведенная* женщина, — представьте себѣ только! Что толковъ, что злословія пойдетъ, какъ начнутъ позорить и рвать меня на части!..

Наташ. Кто это, что вы это воображаете себѣ?

Ольга Елп. Кто? Да всѣ ваши большія барыни первыя, вся женская половина петербургскихъ *сливокъ*, ненавидящая меня за то, что люди, какъ вы, напримѣръ, предпочитаютъ

дышать свободно въ моей гостиной, чѣмъ умирать со скуки въ ихъ salons huppés.

Наташ. Какое вамъ до нихъ дѣло! Зависть ихъ и злословіе безсильны повредить вамъ.

Ольга Елп. (*печально*). Вамъ это легко говорить, милый графъ... Я сама смѣялась до сихъ поръ, когда до меня доходило, какъ онѣ бранятъ меня. Но я была ограждена моимъ положеніемъ замужней женщины; у меня былъ законный покровитель и отвѣтчикъ... А теперь... теперь я безоружно осуждена стоять предъ клеветою. „Разведенная", скажутъ, „мужъ бросилъ, или она его бросила", — все равно, — клюйте ее вволю!.. Меня защищать даже никто не въ правѣ; выступи за меня рыцаремъ кто-нибудь изъ моихъ друзей, онъ повредилъ бы только себѣ и мнѣ... Вы сами, вы, стоящій такъ высоко и такъ уважаемый въ свѣтѣ человѣкъ, лучше, благороднѣе, прелестнѣе котораго я не встрѣчала никогда,—сами вы не вышли бы цѣлы изъ травли, которая поднялась бы на насъ, если бы вамъ вздумалось открыто вступиться за меня!.. Уже и до этого, вы знаете, что говорили о моихъ отношеніяхъ къ вамъ,— говорили въ вашей же семьѣ...

Наташ. (*горячо прерывая ее*). Что говорили, что могли они говорить! Что дороже васъ нѣтъ для меня существа въ мірѣ,—они говорили правду.

Ольга Елп. (*глядя на него нѣжно-благодарными глазами*). Говорили, что я „влюбляю" васъ въ себя съ честолюбивыми цѣлями, чтобы найти себѣ опору въ свѣтѣ, чтобы добиться черезъ васъ приглашеній во дворцы... А теперь, когда я окажусь свободною, въ правѣ вступить въ новый бракъ, скажутъ (*прерываетъ, какъ бы внезапно смутившись*)...

Наташ. (*торопливо*). „Скажутъ"?.. Договаривайте, договаривайте все, прошу васъ...

Ольга Елп. (*машетъ рукою*). Къ чему!.. Для меня ужаснѣе всего то, что насъ могутъ поставить съ вами въ такое положеніе, другъ мой, что мы увидимъ себя, наконецъ, въ необходимости не видѣться болѣе, чтобы не давать дальнѣйшаго повода къ толкамъ.

Наташ. (*испуганно*). Какъ не видѣться! что вы говорите?

Ольга Елп. Да, потому что злословіе не пощадитъ и васъ вмѣстѣ со мною, потому что если съ одной стороны будутъ разсказывать, что я развелась съ мужемъ въ безумномъ разсчетѣ выйти замужъ за васъ, то съ другой—скажутъ, что вы подстрекнули меня развестить съ нимъ для того...

Наташ. Для того...

Ольга Елп. (*смущеннымъ голосомъ*). Чтобы обладать мною безъ раздѣленія...

Наташ. (*восторженно*). Обладать вами—величайшее блаженство, какое можетъ быть здѣсь дано человѣку! Но я его никогда не принималъ иначе, какъ полнымъ, законнымъ предъ Богомъ и людьми. Я васъ любилъ, какъ только можетъ любить человѣкъ въ мои годы,—свято, безкорыстно, не смѣя разсчитывать на взаимность, не смѣя и мечтать о ней... Вы были замужемъ,—для моей любви будущаго не было; *я зналъ*— и покорялся... Но теперь... теперь, когда такъ неожиданно для меня ваши узы порваны... Ольга, ангелъ Ольга (*падаетъ передъ нею на колѣни*), дозвольте мнѣ посвятить всю жизнь мою вашему счастію!..

Ольга Елп. Графъ... Леонидъ Александровичъ, что вы дѣлаете?..

Наташ. (*такъ же*). Я знаю, я старъ, я вамъ въ отцы гожусь... вы можете встрѣтить человѣка лучше, моложе, болѣе достойнаго быть любимымъ... Но мужа, друга, раба, который любилъ бы васъ такъ преданно, такъ безконечно, какъ я,— нѣтъ, вы не найдете такого во всей вселенной, клянусь вамъ въ этомъ божественнымъ Творцомъ ея!..

Ольга Елп. (*въ радостномъ волненіи*). Что это, или брежу я, это не шутя... вы серьезно хотите, чтобы я была ваша жена?.. О, милый! (*порывисто схватываетъ его за голову обѣими руками, цѣлуетъ въ лобъ и тутъ же отталкиваетъ и вскакиваетъ съ мѣста*)... Нѣтъ, это не возможно!..

Наташ. (*вставая съ отчаяніемъ*). Вы не согласны!.. Я долженъ былъ это предвидѣть...

Ольга Елп. (*со внезапнымъ порывомъ*). Предвидѣть! О, великодушный, о слѣпой въ своемъ великодушіи человѣкъ!

Наташ. Что съ вами, ради Бога! (*схватывая ея руку*).

Ольга Елп. Что? Вы спрашиваете... Я дурная, тщеславная, испорченная женщина, а вы говорите: „я долженъ былъ это предвидѣть“... Что предвидѣть? Что ваше предложеніе подымаетъ меня на высоту, которой я не достойна, и что я этого добивалась всѣмъ существомъ моимъ!.. Я дурная, испорченная, говорю вамъ,—но у меня все же *это* не совсѣмъ еще умерло (*показываетъ на сердце*), и вы пробудили все, что тамъ еще оставалось хорошаго... Я чрезъ минуту одумаюсь, можетъ быть,—я за себя не ручаюсь,—и заговорю иначе; но вы теперь слушайте, слушайте, пока говоритъ этотъ остатокъ хорошаго во мнѣ. Быть вашею женой—это вѣнецъ моихъ желаній, но вы сами раскаялись бы въ этомъ потомъ, а я всю жизнь не могла бы простить себѣ, что была причиною вашего несчастія. Развѣ я вамъ жена, я?... Вамъ нужна чистая, безупречная, идеальная, какъ сами вы, женщина, а не грѣшница, не *авантюріерка*, какъ я... „Авантюріерка“, — это дочь ваша, княгиня Андомская, про меня сказала... и это правда!..

Наташ. О, бѣдная Магдалина моя, если бы мнѣ нужны были какія-нибудь еще новыя причины обожать васъ,—я бы ихъ нашелъ въ вашемъ смиреніи! Вы каетесь, вы называете себя грѣшницею... и тѣмъ отвратительнымъ названіемъ, которое, говорите вы, дано вамъ моею дочерью (*со внезапнымъ гнѣвомъ*). Я, впрочемъ, защищать ее не стану: она холодная, безсердечная и къ тому же ограниченная женщина; она могла сказать это,—она не знаетъ границъ своему высокомѣрію, ни удержу своей злости. Она дала себѣ трудъ родиться и не въ состояніи понять, какъ естественно, какъ законно такимъ натурамъ, какъ вы, въ силу данныхъ имъ свыше даровъ, стремиться къ тѣмъ вершинамъ, на которыхъ пребываютъ она и ей подобныя, единственно благодаря случайности этого своего рожденія...

Ольга Елп. (*всплескивая руками и глядя на него съ глубокимъ умиленіемъ*). Господи, есть-ли еще другой такой человѣкъ на свѣтѣ!.. Вы, кажется, готовы все извинить, все простить!..

Наташ. (*съ тихою улыбкой*). „Все понять—все простить,

значитъ", давно и хорошо кѣмъ-то сказано. А вамъ и прощать нечего...

Ольга Елп. (*пылко*). Мнѣ!.. Вы думаете... (*останавливаясь вдругъ*). О другъ мой, мой безцѣнный другъ, сколько любви, сколько безконечной преданности лежитъ на обязанности той женщины, которую вы назовете своею!

Наташ. Но вы не хотите (*печально*) быть этою женщиной!..

Ольга Елп. „Не хочу"!.. Скажите: не смѣю...

Наташ. Хотя бы изъ жалости! Въ мои годы не переносятъ такихъ ударовъ.

Ольга Елп. (*быстро*). Не говорите этого, ради Бога!... Милый, неужели это такъ сильно?

Наташ. Я не перенесу, чувствую.

Ольга Елп. (*поднося руку ко лбу*). Боже мой, что же мнѣ дѣлать?

Наташ. Сказать *да*.

Ольга Елп. Нѣтъ, умоляю васъ, дайте мнѣ притти въ себя... У меня въ головѣ туманъ, сердце бьется такъ, будто выскочить хочетъ изъ груди... Оставьте, оставьте меня одну теперь!..

Наташ. (*склоняя голову*). Когда позволите явиться къ вамъ за отвѣтомъ?

Ольга Елп. Завтра, на желѣзной дорогѣ; я ѣду утромъ съ почтовымъ поѣздомъ... Вы тоже?

Наташ. Еще спрашиваете!..

Ольга Елп. До завтра, значитъ... (*Наклоняетъ къ нему лобъ*).

Наташ. (*цѣлуя ея лобъ, тихо*). До завтра, моя нареченная, моя будущая жена... Такъ?

Ольга Елп. (*быстрымъ порывомъ схватывая его руки и глядя ему въ глаза*). И вы не будете раскаяваться?.. Поклянитесь, что вы никогда, никогда не раскаетесь въ этомъ!

Наташ. Клянусь всѣмъ, что для меня дорого и свято въ жизни,—клянусь любовью моею къ вамъ!

Ольга Елп. Помните же,—а не то я не перенесу, я..

Наташ. Вы ангелъ, ангелъ! (*Уходитъ*).

Ольга Елп. (*одна послѣ долгаго раздумья*). Я буду графиня Наташанцева. А вы, свѣтскія надменницы и злючки, не хотѣвшія знать меня,—увидимъ теперь!..

КОНЕЦЪ 3-го ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Гостиная Ольги Елпидифоровны въ Петербургѣ. Роскошная обстановка. Прямо противъ зрителя въ глубинѣ сцены входная дверь. Въ правомъ углу открытый рояль,—на пульпетѣ развернутая тетрадь нотъ. По той же сторонѣ два задрапированныя окна; между ними большое зеркало надъ мраморнымъ каминомъ, на которомъ стоятъ бронзовые часы. Налѣво двѣ задрапированныя же двери, ведущія одна въ столовую, другая въ спальную; въ углу горка съ цвѣтами и растеніями и рядомъ съ нею шкафъ-буль. Между дверями письменный столъ. Посреди сцены круглый диванъ (пуфъ), кресла и золоченые стулья у фортепіано, подлѣ диванов и у стѣнъ. Коверъ во всю комнату.

СЦЕНА I:

Ольга Елпидифоровна *(сидитъ у рояля; играетъ или поетъ, по выбору актрисы);* **затѣмъ княгиня Шастунова.**

Слуга (*въ ливрейномъ фракѣ, у входныхъ дверей, докладывая*). Княгиня Шастунова.

Ольга Елп. (*полуоборачиваясь*). Кто?

Слуга. Княгиня Шастунова, пріѣзжая изъ Москвы.

Ольга Елп. (*съ легкою гримасою и не сейчасъ*). Просите (*слуга уходитъ*).

Княгиня (*входя*). Ахъ, ma chère Ольга, какъ я рада, что застаю васъ дома. Я ужь нѣсколько дней въ Петербургѣ и все къ вамъ собиралась, но у меня все такія непріятности были (*вздыхаетъ*), а мнѣ такъ нужно и хотѣлось васъ видѣть. Вы знаете, какъ я васъ всегда любила.

Ольга Елп. Очень вамъ благодарна, княгиня. Prenez place, je vous prie.

Княгиня (*садясь и оглядываясь кругомъ*). Какъ у васъ хорошо, такъ богато, si riche! Я очень рада за васъ, ma chère Ольга... Вы не сердитесь, что я васъ называю попрежнему? Вы были у меня enfant de la maison, и съ моей легкой руки, можно сказать, сдѣлали такую карьеру...

Ольга Елп. (*смѣясь*). Какую же это „карьеру", княгиня? Меня еще не прочатъ въ министры, сколько мнѣ извѣстно.

Княгиня (*глупо смѣясь*). Все равно: вы выходите теперь замужъ за такого важнаго человѣка...

Ольга Елп. (*недовольнымъ голосомъ*). Кто это вамъ сказалъ?

Княгиня. Ахъ, ma chère, неужели вы будете таиться отъ такого стараго друга, какъ я! Я не петербургская, но когда пріѣзжаю сюда, мнѣ все разсказываютъ. И вы теперь, я знаю, самая модная здѣсь женщина въ свѣтѣ и à la Cour, и всѣ только и говорятъ, что вы должны на дняхъ развестись съ вашимъ мужемъ и выйти потомъ замужъ за этого милаго графа Наташанцева, который такую большую position занимаетъ.

Ольга Елп. (*пренебрежительно*). Сплетни все!.. (*съ насильованнымъ смѣхомъ*). И меня, разумѣется, по этому случаю бранятъ, на чемъ свѣтъ стоитъ?

Княгиня. Ахъ нѣтъ, ma chère, не всѣ! Я слышала, c'est vrai, что княгиня Андомская, дочь вашего графа, интригуетъ противъ васъ вездѣ, гдѣ можетъ... Но мужчины за то всѣ по васъ съ ума сходятъ просто, начиная съ моего сына, Basile mon fils.

Ольга Елп. Онъ во всѣхъ женщинъ влюбленъ, вашъ сынъ Basile.

Княгиня. Ахъ нѣтъ, ma chère! Вы могли бы, если бы только захотѣли...

Ольга Елп. „Захотѣла", что?

Княгиня. Спасите его (*вздыхаетъ*).

Ольга Елп. Отъ чего спасти?

Княгиня. (*хныкая*). Отъ двухъ вещей...

Ольга Елп. (*смѣясь*). Даже отъ двухъ?

Княгиня. Да: во-первыхъ, отъ его полка...

Ольга Елп. Отъ его полка? Мнѣ кажется, что для вашего сына только честь служить въ немъ.

Княгиня (*хныча*). Честь... certainement, — но что̀ такое честь, когда это такъ много денегъ сто̀итъ!

Ольга Елп. (*съ едва скрываемымъ отвращеніемъ*). Ну, конечно, честь—это нѣчто, чего пальцами ощупать нельзя, а деньги...

Княгиня (*не слушая и съ азартомъ*): Mon fils Basile разоряетъ меня: я ему даю тысячу рублей въ мѣсяцъ, а онъ говоритъ, что ему мало,—и онъ въ два года, что̀ онъ тамъ служитъ, сдѣлалъ 40 тысячъ долга, которыя я заплатила, и онъ теперь опять съ этой своей coquine Lucie Ladrague, о которой я вамъ говорила осенью въ Москвѣ, и...

Ольга Елп. Позвольте, княгиня, все это можетъ быть очень прискорбно для васъ,—но что̀ же *я* могу тутъ сдѣлать?

Княгиня (*заискивающимъ тономъ*). Ахъ, chère Ольга, вы все можете, если захотите...

Ольга Елп. (*хмурясь*). Напримѣръ?

Княгиня (*таинственно*). Я бы такъ хотѣла, чтобъ Базилю дали аксельбанты...

Ольга Елп. (*насмѣшливо*). Только-то?!

Княгиня. Что̀ же, ma chère, я думаю, что Basile mon fils имѣетъ на это болѣе правъ, чѣмъ другіе: онъ такую фамилію носитъ, послѣдній въ родѣ, и покойный мой beau frère, князь Ларіонъ Васильевичъ, всегда говорилъ, что Шастуновы прямо отъ перваго царя, Рюрика, происходятъ.

Ольга Елп. (*хохочетъ*). Все это чудесно, и „послѣдній изъ Шастуновыхъ“, и „царь Рюрикъ“, — но я опять васъ спрашиваю: что̀ же я тутъ могу?

Княгиня (*заискивающимъ тономъ*). Вашему графу сто̀итъ только попросить,—ему не откажутъ, я знаю: онъ въ такомъ фавёрѣ.

Ольга Елп. (*досадливо*). Если вы говорите о графѣ Леонидѣ Александровичѣ Наташанцевѣ, то, во-первыхъ, онъ мой большой другъ,— это правда; но „моимъ“ вы... да и никто

не имѣетъ права называть его. А, во-вторыхъ, онъ, какъ мнѣ извѣстно, никогда подобныхъ ходатайствъ на себя не беретъ.

Княгиня (*плачетъ*). Я никакъ не думала, ma chère Ольга, что вы такія злыя! Вамъ только слово стоитъ сказать, а вы вотъ нарочно отказываете мнѣ... Я думала, что вы пожалѣете бѣдную мать, какъ я, которую ея сынъ хочетъ по міру пустить... Я вчера узнала, что онъ этой своей coquine Lucie Ladrague на 25 тысячъ векселей подписалъ (*всхлипываетъ*)... Онъ ей попугая подарилъ, который поетъ: „J'aime les militaires", и онъ за него двѣ тысячи заплатилъ... За стараго попугая, ma chère,—у него, говорятъ, весь хвостъ вылѣзъ даже,—двѣ тысячи, figurez vous! Что же я могу сдѣлать послѣ этого?.. (*утираетъ глаза*)... Вы такая умная, я думала, вы мнѣ хоть какой-нибудь хорошій совѣтъ дадите.

Ольга Елп. Вамъ совѣты, княгиня! (*Смѣется*). Вы, я давно знаю, сами разсудите во всякомъ дѣлѣ такъ, что въ концѣ-концовъ выйдетъ для васъ не обидно.

Княгиня (*принимая опять заискивающій и притомъ нѣсколько уже лукавый видъ*). Все отъ васъ зависитъ, chère amie.

Ольга Елп. (*нетерпѣливо*). Что еще опять?

Княгиня. Вотъ видите: я думала все женить Basile mon fils,—и вы понимаете, съ его именемъ и состояніемъ, которое я ему оставлю, онъ можетъ взять за себя первую наслѣдницу во всей имперіи, и за нимъ, онъ самъ говоритъ, всѣ ваши здѣшнія маменьки такъ и бѣгаютъ... Но онъ (*умильно глядитъ на нее*)... онъ ни о комъ и слышать не хочетъ, кромѣ объ одной женщинѣ.

Ольга Елп. (*смѣется*). И эта женщина—я?

Княгиня (*вторя ея смѣху*). Oui!

Ольга Елп. А вы ему за это хорошенько уши выдерите, чтобы онъ пустыя мечтанія изъ головы выкинулъ.

Княгиня (*томно*). Нѣтъ, ma chère Ольга, я понимаю Базиля: вы такая хорошенькая, такъ хорошо живете (*киваетъ на обстановку гостиной*) и въ такой модѣ теперь... Если бы вы только захотѣли...

Ольга Елп. Что это! Выйти замужъ за вашего сына?

Княгиня (*испуганно*). Ахъ, нѣтъ, зачѣмъ выходить! Такъ просто...

Ольга Елп. (*пристально глядя на нее*). Что „просто“?

Княгиня (*ухмыляясь во весь ротъ*). Mon Dieu, вы понимаете, когда молодой человѣкъ и молодая женщина полюбятъ другъ друга...

Ольга Елп. Другими словами, чтобы я замѣнила Lucie Ladrague въ должности при вашемъ сынѣ?

Княгиня. Зачѣмъ же, ma chère,—вы une femme comme il faut, вы не будете брать у Базиля денегъ, какъ эта его кокинка!..

Ольга Елп. (*помирая со смѣха*). Аглая Константиновна, я съ удовольствіемъ вижу, что вы остаетесь все та же, неизмѣнная, какъ какой-нибудь Mont-Blanc или египетскія пирамиды. Вы все попрежнему въ невинности души вашей выстрѣлите, какъ говорится, иной разъ такъ, что всякой другой пришлось бы за это отвѣтить весьма непріятнымъ для себя образомъ... Но на васъ сердиться нельзя, — вы невмѣняемы!

Княгиня (*растерянно*). Я не знаю, ma chère Ольга, за что вы разсердились и говорите мнѣ такія вещи, и даже слова, которыя я не понимаю, чтобы меня обидѣть (*плачетъ*)... Меня теперь всѣ обижаютъ: et mon fils Basile, и вы, которую я всегда такъ любила... Я не хотѣла вамъ сказать непріятностей, au contraire: я знаю, что вы должны выйти замужъ за такого человѣка, какъ графъ Наташанцевъ, который можетъ быть всегда очень полезенъ à Basile mon fils...

СЦЕНА II.

Тѣ же, слуга и баронесса Фицгеймъ.

Слуга (*у двери*). Баронесса Надежда Ѳедоровна Фицгеймъ. (*Входитъ баронесса въ шубкѣ, шапочкѣ на головѣ и съ муфтой, изъ которой не вынимаетъ рукъ*).

Ольга Елп. (*идя ей навстрѣчу*). Ah, chère Nadine, какъ я рада!..

Баронесса. Я къ вамъ на минутку, сказать только два слова... (*Видитъ княгиню и кланяется*).

Ольга Елп. Вы знакомы? La princesse...

Баронесса. Какъ же, какъ же,—еще съ Москвы, когда мой мужъ командовалъ тамъ бригадой... Вы недавно пріѣхали сюда, княгиня?

Княгиня. Нѣсколько дней... (*Жмутъ другъ другу руки*).

Ольга Елп. Да садитесь же, Nadine, хоть и на минуту.

Баронесса (*холодно*). Да, я заѣхала только сказать, что никакъ не могу ѣхать съ вами сегодня въ Михайловскій театръ.

Ольга Елп. Отчего это?

Баронесса. Я обѣщала Toutou Андомской ѣхать съ нею къ Lizzy Ваханской.

Ольга Елп. А!.. А что у Lizzy сегодня?

Баронесса. Une petite sauterie, танцуютъ въ 12 паръ.

Ольга Елп. (*усмѣхаясь*). Что же она меня не пригласила?..

Баронесса (*опуская глаза*). Не знаю (*минута молчанія*)... Вы получили приглашеніе на балъ въ Эрмитажъ?

Ольга Елп. (*быстро и какъ бы тревожно*). Нѣтъ еще... А вы?

Баронесса. Вчера еще.

Ольга Елп. (*съ насильственнымъ смѣхомъ*). Выѣздной, видно, не успѣлъ до меня доѣхать.

Барон. (*тѣмъ же холоднымъ тономъ*). Можетъ быть... (*встаетъ*). Ахъ, да, у васъ, кажется, моя книжка „Le Nabab", Додэ?

Ольга Елп. Конечно, у меня... Я прочла и могу вамъ возвратить, avec mille mercis.

Барон. Да, пожалуйста; я обѣщала Зизи Бородиной, къ которой сейчасъ ѣду.

Ольга Елп. Я вамъ сейчасъ принесу,—она у меня въ будуарѣ... (*княгинѣ*). Pardon, princesse! (*Уходитъ въ дверь налѣво*).

СЦЕНА III.

Княгиня, баронесса.

Княг. (*съ жаднымъ любопытствомъ*). Она не приглашена въ Эрмитажъ?

Барон. (*со злою насмѣшкой*). Нѣтъ! И никуда ужь не будетъ.

Княг. Qu'est ce que vous dites! Она была въ такой faveur, мнѣ говорили, что безъ нея не обходился ни одинъ знатный балъ.

Барон. Да, благодаря сумасшедшей страсти къ ней этого бѣднаго старика Наташанцева.

Княг. C'est ça, c'est ça! Она, говорятъ, даже разводится съ мужемъ, чтобы за него выйти...

Барон. Изъ этого все и произошло. Пока думали, что это съ его стороны невинное старческое ухаживаніе, этимъ забавлялись и приглашали ее, чтобы сдѣлать ему удовольствіе. Но разъ узнали, что онъ хочетъ навязать ее, какъ свою жену. Двору и свѣту, ему дали понять, что ему предоставляется выбрать между нею и своею службой.

Княг. (*качая головой*). Oh, mon Dieu, mon Dieu! Онъ, конечно, ужь не промѣняетъ на нее свою position à la Cour.

Барон. Это ужь у него надо спросить... А я знаю только то, что со вчерашняго дня ея положеніе въ свѣтѣ навсегда потеряно: она исключена изо всѣхъ списковъ приглашеній,—мнѣ сказала это княгиня Андомская, *его* дочь,—а она (*смѣется*) главный источникъ и орудіе всего этого.

Княг. Княгиня Андомская? Да, я слышала, она была ужасно противъ нея и вездѣ ее бранила.

Барон. Она безпощадна, Toutou, это надо сказать, — но войдите однако и въ ея положеніе: ея мать, первая жена графа, рождена была княжна Краснорѣцкая, fine fleur по рожденію и... всему, — и вдругъ мѣсто ея претендуетъ занять какая-то madame Rantzof, Богъ знаетъ откуда и кто, выросшая въ одинъ прекрасный вечеръ, какъ грибъ, на паркетѣ grand mond'a...

Княг. (*захлебываясь отъ удовольствія*). C'est ça, c'est ça, chère baronne, она Dieu sait qui, Dieu sait qui, можно сказать!..

Барон. Недурная женщина, въ сущности, неглупая и веселая... Наша coterie вся очень водилась съ нею до сихъ поръ... Но теперь, вы понимаете, мы не можемъ продолжать съ нею тѣ же отношенія: это значило бы только понапрасну компрометтировать себя.

Княг. Ахъ да, chère baronne, я даже не понимаю, какъ это у васъ въ Петербургѣ допускаютъ такихъ особъ въ большой свѣтъ и еще роль играть. Я ее очень хорошо знаю; ея отецъ былъ у насъ исправникъ, и я изъ жалости приглашала ее къ себѣ въ деревню, старыя платья мои ей отдавала... И одинъ тутъ у меня сосѣдъ ее увидалъ, довольно богатый, но совсѣмъ du prostoi, изъ армейскихъ, женился на ней... И вдругъ узнаю, что эта персона у васъ въ Петербургѣ grande dame изъ себя разыгрываетъ, графинею Наташанцевою думаетъ быть.

Барон. Тс!.. Вотъ она!..

СЦЕНА IV.

Тѣ же и Ольга Елпидифоровна (*съ книгою въ рукѣ*).

Ольга Елп. (*передавая книгу баронессѣ*). Вотъ вамъ *Набабъ*, Nadine.

Барон. (*благодаритъ кивкомъ и быстро встаетъ съ мѣста*). А теперь я бѣгу, пора... Прощайте! (*княгинѣ*). Au revoir, princesse! (*идетъ къ дверямъ*).

Ольга Елп. (*ей въ слѣдъ*). До свиданія! Вы не забыли, что обѣдаете у меня съ Зизи въ пятницу?

Барон. (*пріостанавливаясь на мигъ, въ полооборота*). Никакъ не могу, и Зизи тоже: мы обѣдаемъ съ нею въ пятницу у сестры ея, графини Полинарьиной. (*Исчезаетъ за дверями*).

(*Ольга Елпидифоровна слѣдитъ глазами за ея уходомъ; на лицѣ ея изображается недоумѣніе, тревога и гнѣвъ*).

Княг. (*свысока*). Вамъ очень непріятно, ma chère, я думаю, что вы не получили приглашенія на этотъ балъ, куда всѣ ѣдутъ?

Ольга Елп. (*пораженная перемѣною ея тона, пристально глядитъ на нее съ мѣста*). Вы полагаете?

Княг. (*пренебрежительно усмѣхаясь*). Что же, это, конечно, не должно быть вамъ особенно пріятно. Васъ здѣсь избаловали очень, ma chère, и вы ужь слишкомъ много про себя вообразили.

Ольга Елп. (*сдерживаясь*). Это что же я „вообразила"?..

Княг. Я, какъ добрая, пріѣхала къ вамъ по старой памяти, когда вы у меня жили бѣдной дѣвочкой, а вы меня, княгиню Шастунову, приняли какъ просительницу какую-нибудь... Вотъ за это васъ Богъ и караетъ, что вы, не знаю уже какъ, высоко себя поставили, когда отецъ вашъ — вы должны всегда это помнить,—былъ не что иное, какъ простой исправникъ.

Ольга Елп. (*со взрывомъ*). Исправникъ, дѣйствительно,— но прежде всего старый дворянинъ и офицеръ! Я не имѣла счастья родиться Раскаталовой, не въ правѣ украсить гербъ мой штофомъ подъ княжескою короной...

Княг. (*вскакивая съ мѣста*). Ah, mon Dieu, вы смѣете мнѣ такія impertinences говорить, когда вы теперь потеряли всю вашу position dans le monde, и васъ исключили изъ всѣхъ списковъ приглашеній,—мнѣ сейчасъ эта баронесса говорила,— и сама она не хочетъ у васъ обѣдать, чтобы не компрометтировать себя съ такою персоной, какъ вы, и вся ея coterie васъ больше знать не...

Ольга Елп. А я васъ попрошу немедленно уйти отсюда: гостиная моя не прилавокъ вашего покойнаго родителя!..

Княг. И уйду, и уйду, будьте покойны... И mon fils Basile тоже: ноги его не будетъ въ вашей *гостиной*, — ему не нужно теперь... и никому не нужно болѣе у васъ бывать... *Гостиная* ваша такъ и останется при васъ однѣхъ...

СЦЕНА V.

Ольга Елпидифоровна, затѣмъ слуга и Шастуновъ.

Ольга Елп. (*одна*). Что же это такое: „исключена изъ списка приглашеній", „никому болѣе нѣтъ нужды у васъ бы-

вать"?.. И у той такой странный, ледяной тонъ?.. На меня грянула гроза,—это ясно... Эта злючка Андомская,—это ея интрига... Но онъ, — какъ же могло сдѣлаться помимо его?.. Или ему грозитъ то же?.. Боже мой (*схватывается за сердце*), какъ забилось... я когда нибудь умру отъ этой боли тутъ... (*Взглядываетъ на часы*). Четыре безъ четверти, а его еще нѣтъ... Что̀ съ нимъ случилось (*схватываетъ колокольчикъ, звонитъ и садится къ письменному столу*)! Написать... (*Входитъ слуга*). Отправьте сейчасъ же кучера къ графу Леониду Александровичу, чтобы онъ его непремѣнно отыскалъ, если не дома, и отдалъ эту записку, прося отвѣта.

Слуга. Слушаю-съ.

Ольга Елп. И никого, кромѣ графа, не принимать!

Шастуновъ (*появляясь изъ-за спины слуги, который въ то же время уходитъ*). А меня—нѣтъ?

Ольга Елп. Васъ? Менѣе чѣмъ кого нибудь. Вамъ и маменька не велитъ.

Шаст. Что̀?..

Ольга Елп. Она мнѣ объявила сейчасъ, что нога ваша не должна переступать черезъ мой порогъ.

Шаст. Мамахинища моя!—Такъ! Сейчасъ подъѣзжаю къ вамъ, а она отъѣзжаетъ и мнѣ изъ кареты—шляпка на сторону, глаза вонъ,—неистовые какіе-то жесты дѣлаетъ. Я, разумѣется, оставляю безъ вниманія,—лечу къ вамъ... А у васъ на лицѣ—allegro furioso написано. Понялъ: была игра, значитъ (*изображаетъ руками столкновеніе*)!

(*Поетъ:*) Ah, c'est donc toi, madam' Barras
Qui fait toujours de l'embarras.

Отсюда вижу: она вамъ, по обыкновенію своему, что-нибудь этакое невѣроятное отмочила; вы ее за это своимъ язычкомъ, какъ бритвой, срѣзали; она въ обиду, брыкаться... а вы... ай, ай, ай!..

Ольга Елп. Да знаете-ли вы, что она осмѣлилась предложить мнѣ сейчасъ?

Шаст. Наперед̀ъ скажу: все могла,—кромѣ *де ларжанъ*. Повѣсится скорѣе!

Ольга Елп. Mamzelle Ladrague, по ея разсчетамъ, стоитъ вамъ слишкомъ дорого, такъ она...

Шаст. (*прерывая, съ хохотомъ*). Ха, ха, ха, Lucie Ladrague... со вчерашняго вечера—фюитъ! (*щелкаетъ пальцемъ*).

Ольга Елп. Что такое?

Шаст. Сплавилъ! спустилъ Васькѣ Чернорѣцкому, — moi je ne suis pas bête!.. Такъ мамахинища что же?

Ольга Елп. Предложила мнѣ ея вакансію.

Шаст. (*недоумѣло*). Какъ это... то есть, чтобъ вы ко мнѣ... и чтобъ я... (*разражаясь внезапнымъ хохотомъ*). Ахъ, мамахинища, ахъ, непроходимая!.. И вы furioso? Да развѣ стоитъ?—Вѣдь она (*показываетъ на лобъ*) фюитъ!..

Ольга Елп. Я ей такъ прямо и сказала, что она не вмѣняема.

Шаст. Этого она не поняла; она газетъ не читаетъ.

Ольга Елп. Поняла, когда я ее попросила уйти... извините!..

Шаст. (*одобряя кивкомъ*). Сдѣлайте милость, — сколько вамъ угодно!.. Я бы самъ ее съ радостью сплавилъ... если-бъ не все тотъ же ларжанъ проклятый... Только бы вы отъ меня (*нѣжно вздыхаетъ*) ваши угольки-глазки не отворачивали.

Ольга Елп. (*усмѣхаясь*) „Угольки глазки“,—какъ остроумно!..

Шаст. А „малютки-ножки“ не глупѣе развѣ? А вотъ же сочинилъ бандуристъ какой-то и музыку подобралъ, и цыгане поютъ, и вы слушаете, и ничего!..

Ольга Елп. Довольно шутовства однако, князь,—у меня голова болитъ, и я хочу остаться одна. Прощайте!

Шаст. Permettez на два слова: moi je veux...

Ольга Елп. Что еще?

Шаст. Moi je sais, что у васъ въ головѣ только этотъ вашъ старикъ теперь...

Ольга Елп. Вы опять за прежнее?

Шаст. Permettez, дайте досказать... Онъ хочетъ на васъ жениться, et moi je veux aussi. Вы только подумайте: вы такая femme chic, — какой вамъ разсчетъ: онъ старъ, а я молодъ, и я богаче, чѣмъ онъ, буду. У мамахинищи, кромѣ имѣ-

ній въ четырехъ губерніяхъ, два милліона бумагами въ шкатулкѣ лежатъ, и какъ она тамъ на меня зубъ ни точи за долги, а никому, кромѣ мнѣ, сыну единородному, она имъ протереть глаза не дастъ, — потому *ваните*, фря! Сожжетъ ихъ скорѣе, чѣмъ въ Раскаталовскую родню завѣщать, а чтобъ на поддержку Шастуновскаго княжества шли... Moi je vous dis, согласитесь! Мы съ вами такъ заживемъ, такъ заживемъ!.. (*подмигиваетъ*). Вѣдь у нея водяная въ ногахъ... Недолго ждать.

Ольга Елп. (*гадливо*). Ну, я это пріятное ожиданіе раздѣлять съ вами не намѣрена, и прошу васъ очень—никогда,— слышите-ли, *никогда* — не возобновлять со мною этого разговора.

Шаст. (*глядя на нее съ комическимъ отчаяніемъ*). Сплавили, значитъ, еще разъ фюитъ!.. Отправлюсь сейчасъ съ горя въ Ботаническій садъ и привезу вамъ оттуда, мамахинищѣ моей на зло, цвѣтокъ *Викторіи Регіи*, который одинъ разъ во сто лѣтъ цвѣтетъ. (*Направляется къ выходной двери*).

Слуга (*входя*). Графъ Леонидъ Александровичъ Наташанцевъ.

СЦЕНА VI.

Тѣ же и графъ Наташанцевъ.

(*Шастуновъ останавливается на-ходу и отвѣшиваетъ почтительный поклонъ входящему Наташанцеву; тотъ отвѣчаетъ холоднымъ, но вѣжливымъ наклоненіемъ головы. Шастуновъ уходитъ за слугою*).

Ольга Елп. (*кидаясь къ графу*). Милый, наконецъ вы!..

Нат. (*нѣжно цѣлуя ей руку*). Что съ вами, дорогая моя? Я садился въ сани, къ вамъ ѣхать, когда мнѣ доставили вашу записку... Безпокойство какое-то...

Ольга Елп. Да, безпокойство... хуже: предчувствіе, — съ вами была какая-то непріятность... я по лицу вижу... Изъ-за меня, да? Говорите, говорите!..

Нат. Почему вы думаете?.. Дошло къ вамъ что-нибудь?..

Ольга Елп. Я не получила приглашенія на этотъ балъ... и потомъ слышала... Но я не о себѣ, — о васъ. Была непріятность, да?

Нат. (*силясь улыбнуться*). Если вы хотите это назвать такъ.

Ольга Елп. Ваша дочь... Это изъ ея лагеря вышло, я увѣрена!..

Наташ. (*взволнованно*). Мнѣ дочь моя — врагъ, она мнѣ жизнь отравляетъ, ея ничѣмъ не уговоришь, не успокоишь. Она кричитъ, всѣмъ жалуется, всѣхъ ополчаетъ...

Ольга Елп. На меня, то-есть? И меня не хотятъ болѣе тамъ?

Наташ. На это отвѣтъ такой: вы видите предъ собой свободнаго человѣка.

Ольга Елп. Вы отказались отъ своего положенія?

Наташ. Я полагалъ, что заслужилъ достаточно уваженія всей моею жизнью, чтобъ та, которая дѣлаетъ мнѣ честь принять мою руку, пользовалась въ этомъ качествѣ жены моей всѣми тѣми преимуществами, на какія должно ей дать право мое положеніе. Разъ же это можетъ кому-либо представляться спорнымъ,—покорнѣйшій слуга вашъ, я ухожу. Я тридцать лѣтъ прослужилъ вѣрою и правдой,—въ преданности моей не могутъ сомнѣваться... Но я никому, ни за какія сокровища не пожертвую моимъ чувствомъ къ вамъ!..

Ольга Елп. (*глядя на него и чуть не плача*). О милый, милый, чѣмъ заплатить вамъ за это!..

Наташ. Знать, что вы счастливы,—вотъ лучшая для меня уплата... А развѣ для этого непремѣнно нуженъ Петербургъ? Скажите, стали-ли бы вы очень жалѣть о нашей хладной столицѣ, подъ небомъ Италіи, напримѣръ?

Ольга Елп. А вы?

Наташ. Съ вами необитаемый островъ покажется мнѣ земнымъ раемъ.

Ольга Елп. (*смѣясь*). Островъ на Сенѣ подъ Парижемъ?

Наташ. Парижъ,—это само собою; вы имѣли тамъ слишкомъ много успѣха, чтобы вамъ, а слѣдовательно и мнѣ, не желать его повторенія... Но лѣтомъ, но въ тѣ дни, когда при-

рода манитъ насъ своею прелестью, и душа невольно проситъ идилліи, позволите-ли вы мнѣ увезти васъ въ какой-нибудь уединенный уголокъ земли, на островъ Уайтъ, или на Комо?

Ольга Елп. Да развѣ я не ваша? Развѣ я не буду обязана исполнять всѣ желанія моего законнаго повелителя?

Наташ. (*страстно обнимая ее*). На вѣки, на вѣки моя!.. (*озабоченнымъ тономъ*). *Онъ* здѣсь, вы знаете? Мой московскій повѣренный пишетъ мнѣ, что онъ выѣхалъ оттуда въ Петербургъ третьягодня.

Ольга Елп. Да, я получила вчера письмо отъ Захарова, котораго вы совѣтовали мнѣ взять попечителемъ по этому дѣлу. Онъ подалъ отъ меня просьбу въ консисторію и вчераже утромъ видѣлся... съ М-г Ранцовымъ... Свидѣтели, les faux témoins, vous savez, найдены, и Захаровъ говоритъ, что дѣло можетъ быть рѣшено очень скоро... Но тотъ, Ранцовъ, объявилъ ему, что желалъ бы передъ этимъ явиться самъ ко мнѣ для какихъ-то переговоровъ... онъ этого желаетъ, очень можетъ быть, но мнѣ бы этого очень не хотѣлось.

Наташ. И конечно! Надо избѣгать всякую возможность столкновенія съ людьми несдержанными и невоспитанными... Относительно времени, вы, со словъ Захарова, говорите, что дѣло не затянется... Но все же, ранѣе четырехъ, даже пяти мѣсяцевъ окончательнаго рѣшенія нельзя ждать... а это ожиданіе убиваетъ меня.

Ольга Елп. Да, это истомитъ насъ обоихъ. И говорятъ, пока совсѣмъ не кончится, присутствіе мое здѣсь необходимо и нельзя никуда уѣхать.

Наташ. Знаете, что̀ я вамъ предлагаю? Я прошусь въ долговременный отпускъ и уѣзжаю въ мое псковское имѣнье; оно подъ самымъ городомъ. Вы пріѣзжайте тоже туда черезъ нѣсколько дней... Отъ Петербурга всего 8 часовъ, и когда вамъ нужно будетъ сюда, Захаровъ напишетъ... Да и нужно-то будетъ, вѣроятно, всего на какой-нибудь день, много два... Мы дотянемъ тамъ до того срока, когда узы ваши будутъ окончательно развязаны. На другой же день послѣ полученія этого счастливаго извѣстія, мой отецъ Яковъ, почтеннѣйшій старецъ и мой духовникъ, вечеромъ въ моей домовой церкви

(*досказываетъ поцѣлуемъ на ея рукѣ*)... А изъ церкви въ дормезъ и прямо во Псковъ на желѣзную дорогу... А изъ-за границы я посылаю формальную просьбу объ отставкѣ... Надѣюсь, что графиня Ольга дастъ мнѣ на это великодушно свое дозволеніе.

Ольга Елп. (*смѣясь*). Графиня Ольга будетъ вполнѣ счастлива только тогда, когда она со своимъ графомъ Леонидомъ очутится вдвоемъ на такомъ краю свѣта, гдѣ о Петербургѣ и о суетѣ его даже во снѣ никому изъ нихъ не приснится.

Наташ. (*радостно*). Это правда, правда?..

Ольга Елп. Другъ мой, неужто же вы думали, что я выхожу за васъ замужъ изъ-за вашего придворнаго ранга.

Наташ. (*цѣлуя ея руки*). Вы ангелъ, ангелъ!..

СЦЕНА VII.

Тѣ же, слуга.

Слуга (*входя*) Никаноръ Ильичъ Ранцовъ.

Ольга Елп. (*вскрикивая*). Я не могу его принять, не могу, скажите ему!..

Слуга. Они изволятъ говорить, что если вамъ не свободно, они очень просятъ ихъ сіятельство (*указываетъ на Наташанцева*), что имъ очень нужно, говорятъ, видѣть ихъ сегодня же, такъ когда они ихъ принять могутъ?

Наташ. Проси ихъ пожаловать ко мнѣ на домъ; я сейчасъ туда буду.

Ольга Елп. Нѣтъ, погодите!.. (*слугѣ*). Просите его сюда! (*Слуга уходитъ*).

Ольга Елп. (*графу*). Я хочу узнать, что онъ будетъ вамъ говорить. Вы примите его здѣсь, а я уйду, и оттуда (*указываетъ на дверь спальной*) все услышу...

Наташ. Нѣтъ, я не согласенъ,—вы слушать не должны. Онъ, по всей вѣроятности, находится въ раздраженномъ состояніи, и никакъ нельзя отвѣчать, что при этомъ не вырвется у него что-нибудь оскорбительное для васъ...

Ольга Елп. О, это для меня все равно!..

Наташ. Нѣтъ, это не должно быть вамъ все равно... Да и къ тому же въ этомъ... подслушиваніи, passez moi le terme, chère ange... есть что-то недостойное васъ...

Ольга Елп. (*нѣсколько смущенно*). Разъ вы это находите, другъ мой, я уйду за три комнаты и заткну себѣ уши...

Наташ. (*съ нѣжной улыбкой*). Я думаю, что это будетъ благоразумнѣе... Вы отъ меня узнаете о содержаніи нашего разговора съ господиномъ Ранцовымъ, какъ только онъ уйдетъ...

Ольга Елп. *протягиваетъ ему руку; онъ цѣлуетъ; она уходитъ.*

СЦЕНА VIII.

Графъ Наташанцевъ и Ранцовъ. *(Графъ идетъ ему навстрѣчу).*

Ранцовъ. Очень прошу у васъ извиненія, ваше сіятельство, что обезпокоилъ васъ, но, узнавши, что вы находитесь здѣсь, у Ольги Елпидифоровны, и какъ мнѣ желательно съ этимъ скорѣе покончить, такъ я и осмѣлился просить, чтобы, не откладывая...

Наташ. Сдѣлайте милость!.. Ольга Елпидифоровна предоставила мнѣ право объясниться съ вами у нея въ домѣ, и я очень радъ... Садитесь пожалуйста. Въ чемъ дѣло?

Ранцовъ. Очень, признаюсь вамъ, затрудняюсь, какъ съ этимъ начать... Потому ни краснорѣчія, ни собственно даже правъ не имѣю безпокоить васъ этимъ... А только что какъ по совѣсти, и какъ мнѣ извѣстно про васъ, что вы... настоящій благородный человѣкъ, я рѣшился... Это мнѣ очень тяжело, ваше сіятельство.

Наташ. Я честный человѣкъ, вы не ошиблись, и прошу васъ поэтому говорить совершенно откровенно. Въ чемъ дѣло?

Ранц. (*переводя духъ*). На завтрашній день требуютъ меня въ консисторію, ибо, какъ вамъ вѣроятно извѣстно, дѣло начато,—о моей... супружеской невѣрности подана просьба... Я, конечно, по первому еще письму отъ... отъ Ольги Елпидифоровны извѣстилъ ее, что на все согласенъ и готовъ взять на себя, потому что же... чужой вѣкъ заѣдать?—и все это выполню,

какъ сказалъ... Я желалъ даже лично повидаться и переговорить... отъ нея самой узнать *настоящее* хотѣлъ, но она на то... почему, ужь право не знаю,—не изъявила своего согласія... Я, графъ, повѣрьте, всегда ей добра желалъ... и впредь готовъ все, что отъ меня зависитъ, лишь бы только это ей дѣйствительно на пользу... А то сами посудите, этакую муку и срамоту на себя принять... Обличать вѣдь тебя тамъ станутъ... позорить публично, негодяи подкупленные показывать будутъ на тебя, будто видѣли... Потому, чтобы *дѣйствительно*... это я ни за что не могу.

Наташ. (*невольно*). Да, я понимаю, какъ все это должно быть противно!

Ранц. (*махнувъ рукою*). Что ужь, не о себѣ я, лишь бы въ прокъ ей пошло... Я, ваше сіятельство, никогда себя на счетъ своей особы не обманывалъ, и не разъ въ жизни своей мучился, повѣрьте, тѣмъ, что не такого мужа, какъ я, требовалось ей... Только ужь очень я любилъ ее. Молоденькую ее взялъ, жизнь у нея, знаете, изо всего существа ключемъ била, и что предоставить ей жить нужно было, это я хорошо понималъ... и дѣломъ, такъ сказать, совѣсти почиталъ своей. Переѣхали мы, по ея желанію, изъ уѣзда въ Петербургъ,—кружокъ у нея составился, сами знаете, какой: и люди, и понятія,—ну, и за границу ѣздила, видѣла все, вникала... Я не то что препятствовать,—я радовался: въ свое, значитъ, настоящее теченіе попала, и слава Богу!.. Самъ я, изволите знать, и не жилъ почти въ Петербургѣ, а все больше въ деревнѣ, — въ родѣ управителя ея почиталъ себя и, могу сказать, счастливъ бы этимъ былъ до самой могилы. Впрочемъ, я напрасно васъ утруждаю этимъ разговоромъ, я даже вовсе не про то хотѣлъ... Я не про себя-съ, повѣрьте, я даже ее, Ольгу Елпидифоровну, то-есть, видитъ Богъ, за свое несчастье не виню. А что она меня никогда любить не могла, такъ вѣдь что-жь съ этимъ дѣлать? Сердце не холопъ, говорится, не повернешь его, не изломишь... Да и поистинѣ, что за такая фигура я, чтобы мною ей прельщаться!.. Всякъ въ этомъ свѣтѣ свою силу знаетъ и подъ пару этой своей силѣ ищетъ; я это очень хорошо понимаю, ваше сіятельство!

Наташ. (*взволнованно*). Никаноръ Ильичъ, для чего вы это все мнѣ говорите?

Ранц. (*съ холодною сдержанностью*). Я позволилъ себѣ говорить-съ, потому, что Ольга Елпидифоровна писала мнѣ, что отъ меня зависитъ ея счастье, что если я соглашусь развязать ее, она... она за васъ можетъ замужъ выйти. Такъ я затѣмъ и желалъ васъ видѣть, чтобы просить васъ удостовѣрить меня, дѣйствительно-ли вы намѣрены со своей стороны...

Наташ. Совершенно такъ, и это мое самое пламенное желаніе, даю вамъ въ этомъ слово.

Ранц. (*не сейчасъ*). Я впрочемъ со стороны вашей другаго не ожидалъ, а только желалъ, такъ сказать, успокоеніе себѣ дать, такъ какъ, зная Ольгу Елпидифоровну столько лѣтъ и ея слишкомъ пылкій нравъ, могъ всегда опасаться за нее... По крайности буду знать теперь положительно, что не даромъ станутъ изъ меня жилы тянуть завтра: что хоть промѣняла она меня на настоящаго человѣка, а не на какого-нибудь Ашанина. (*Голосъ его обрывается*).

Наташ. Аша... какъ вы сказали? Кто это?

Ранц. Ашанинъ, тамъ въ Москвѣ одинъ есть. (*Дверь изъ гостиной чуть-чуть растворяется; за нею стоитъ подслушивающая Ольга Елпидифоровна.*)

Наташ. Для чего вы теперь о немъ упомянули?

Ранц. (*смущенно*). Къ слову пришлось, потому когда Ольга Елпидифоровна еще въ дѣвушкахъ была, этотъ самый Ашанинъ хотѣлъ на ней жениться тоже.

Наташ. Онъ и теперь въ Москвѣ живетъ?

Ранц. Въ Москвѣ, да.

Наташ. Когда Ольга Елпидифоровна была нынѣшней осенью въ Москвѣ, она видѣла его, не знаете? (*Пытливо глядитъ ему въ глаза.*)

Ранц. (*съ видимымъ колебаніемъ*). Н... нѣтъ, не видѣла.

Наташ. Никаноръ Ильичъ, чѣмъ же слѣдуетъ объяснить тогда происшедшую у васъ въ ту пору въ Москвѣ размолвку съ Ольгою Елпидифоровною?

Ранц. (*мѣняясь въ лицѣ*). Позвольте, графъ, спросить

васъ сначала: какъ объясняетъ это сама Ольга Елпидифоровна?

Наташ. (*тревожно двигаясь въ своемъ креслѣ*). Я прежде всего, Никаноръ Ильичъ, долженъ удостовѣрить васъ моимъ честнымъ словомъ, что Ольга Елпидифоровна никогда не говоритъ про васъ иначе, какъ съ полнымъ уваженіемъ, какъ о честнѣйшемъ и благороднѣйшемъ человѣкѣ... То, какъ стоитъ теперь дѣло между вами, она приписываетъ долголѣтнимъ недоразумѣніямъ, которыя произошли отъ несходства характеровъ, а главное...

Ранц. (*переспрашивая*). Главное?

Наташ. (*почти шопотомъ*). Отъ вашего слишкомъ подозрительнаго нрава.

Ранц. (*вскакивая съ мѣста*). Отъ моего подозрительнаго нра... Да я въ нее, девять лѣтъ невступно, какъ въ Бога вѣрилъ, да я бы, кажется, истерзалъ собственными руками, кто бы мнѣ только намекнулъ... пока я самъ, самъ... (*схватывается за голову и падаетъ опять на кресло.*)

Наташ. (*въ сильнѣйшемъ волненіи*). Что же вы... *сами?..* Договаривайте!..

Ранц. (*овладѣвъ собою, пожимая плечами*). Я такъ долженъ сказать впрочемъ: никто въ своемъ дѣлѣ не судья. Можетъ быть точно, тутъ многое отъ недоразумѣнья вышло. Ольга Елпидифоровна — особа горячая, увлекающаяся, сами знаете; во вредъ себѣ иной разъ то сдѣлаетъ, за что люди осудить могутъ... Если же я по такому случаю, для ея же пользы, когда и замѣтилъ ей, можетъ быть, да своимъ простымъ языкомъ не умѣлъ выразить, какъ должно, такъ изъ-за этого вотъ и выходило... (*Смолкаетъ внезапно.*)

(*Наташ. въ глубокой задумчивости смотритъ на него. Минута молчанія.*)

Ранц. (*вставая*). Позвольте проститься, графъ.

Наташ. (*поспѣшно вставая тоже*). Вы уходите?

Ранц. Что же-съ... кажется все... Мнѣ только остается благодарить васъ (*съ насилованною усмѣшкой*). По крайности могу теперь съ покойнымъ сердцемъ на эти мытарства иттить,

такъ какъ слову такого человѣка, какъ вы, могу довѣриться вполнѣ.

Наташ. (*со внезапнымъ взрывомъ схватывая его руку обѣими своими*). А, вы меня уничтожаете этою своею благодарностью! Вѣдь вы ее безумно любите до сихъ поръ, вы идете на эти муки изъ-за нея — и благодарите меня, отнимающаго ее отъ васъ!..

Ранц. (*выхватываетъ платокъ изъ кармана и заглушаетъ имъ свои рыданья*). Жизнь моя прахомъ пошла, такъ что̀ ужь обо мнѣ говорить!.. У каждаго свой предѣлъ, сказывается, его же не прейдеши... А я, какъ истинно вамъ докладывалъ, такъ и теперь говорю: какъ знаю я характеръ Ольги Елпидифоровны, такъ для счастья ея не можетъ быть лучше, какъ теперь... за вами... я съ радостью, повѣрьте!.. Такимъ мужемъ, какъ вы, ей, разумѣется, только гордиться, не то, что нашимъ братомъ, изъ темныхъ армейцевъ. Вамъ она настоящею, вѣрною женою будетъ, вѣрьте слову!

Наташ. Вы *настоящій* человѣкъ! Дайте мнѣ вашу руку. (*Ранц. протягиваетъ*). Никаноръ Ильичъ, Ольга Елпидифоровна не согласилась видѣться съ вами; каюсь, это по моему совѣту: я дурно судилъ о васъ тогда... я боялся для нея... непріятностей... я думалъ при этомъ, что вамъ ее легко забыть будетъ...

Ранц. Забыть! Пробовалъ-съ, — не вырвешь! Видно такъ до гроба нести надо... Будьте здоровы, графъ! (*Поспѣшно уходитъ*).

СЦЕНА IX.

Графъ Наташанцевъ и Ольга Елпидифоровна.

(*Наташанцевъ по уходѣ Ранцова падаетъ въ кресло у стола и роняетъ голову на руки. Ольга Елпидифоровна, очень блѣдная, медленно выходитъ изъ гостиной и подходитъ къ нему*).

Ольга Елп. Мой другъ, что̀ съ вами?.. Васъ этотъ разговоръ совсѣмъ разстроилъ, кажется?

Наташ. (*обертываясь на нее съ измѣнившимся лицомъ*). Зачѣмъ... зачѣмъ вы меня обманывали?

Ольга Елп. Вы повѣрили ему!.. Онъ говорилъ вамъ про... про эту глупую исторію... съ... съ Ашанинымъ?..

Наташ. Вы слушали?..

Ольга Елп. (*смущенно*). Нѣтъ... Я думала, что разговоръ вашъ конченъ, и подошла къ двери, когда онъ... Я услышала, что онъ будто что-то видѣлъ... Онъ ничего не могъ видѣть, потому что...

Наташ. (*со взрывомъ*). Онъ васъ выгораживалъ, забывая себя и свои муки... Онъ великодушно лгалъ, говоря, что вы не видѣлись съ этимъ Ашанинымъ въ Москвѣ, между тѣмъ какъ вы сами тогда мнѣ объ этомъ говорили... Онъ золото, этотъ человѣкъ,—и онъ любитъ васъ безумно!.. (*Закрываетъ лицо рукою. Довольно продолжительное молчаніе*).

Ольга Елп. (*дрожащимъ голосомъ, глядя на него пристально*). Что же дальше, графъ Леонидъ Александровичъ?

Наташ. (*растерянно*). Что отвѣтить вамъ, не знаю... Я чувствую себя раздавленнымъ нравственно высотою этого человѣка. Если-бъ я зналъ, если-бъ я могъ предвидѣть, *кого* вы рѣшились покинуть...

Ольга. Елп. (*горько*). Вы бы не переступили порога этой гостиной,—вы это хотите сказать?

Наташ. О, ради Бога, не сѣтуйте на меня! Я васъ не виню. Вы женщина,—этимъ словомъ сказывается все. Женщины наивно жестоки, когда онѣ не любятъ. По ихъ безпощадной логикѣ нелюбимый человѣкъ—человѣкъ преступный, и нѣтъ мудреца на свѣтѣ, который способенъ былъ бы разувѣрить ихъ въ этомъ... Вы не хуже,—вы лучше сотенъ другихъ женщинъ,—вы отдавали, по крайней мѣрѣ, справедливость этому человѣку, называли его хорошимъ, честнымъ... но онъ все же виноватъ въ вашихъ глазахъ, — виноватъ тѣмъ, что вы его любить не можете... Вы правы по-своему, по-женски... Но я... милая, поймите, я, я люблю васъ каждымъ фибромъ, каждымъ волоскомъ моего существа; но этотъ несчастный... но образъ, призракъ этого несчастнаго, какимъ я его сейчасъ видѣлъ,

этимъ исковерканнымъ лицомъ и мутными отъ слезъ глазами,—онъ будетъ теперь преслѣдовать меня день и ночь...

Ольга Елп. (*сквозь слезы*). Этотъ человѣкъ самъ... да, онъ честный, благородный, я всегда это говорила: онъ понимаетъ, что любить насильно нельзя... онъ самъ сейчасъ добровольно уступалъ меня вамъ... Я слышала.

Наташ. (*тоскливымъ голосомъ*). И „до гроба“ изъ-за этого—слышали вы это тоже?—*до гроба* понесетъ свою муку!.. Въ правѣ-ли я... въ правѣ-ли *мы* принять такую жертву?..

Ольга Елп. Ваши слова—приговоръ мой. Любви ко мнѣ нѣтъ у васъ болѣе!...

Наташ. (*съ отчаяніемъ*). Любви! Можетъ-ли быть объ этомъ рѣчь! Въ мои годы не разлюбливаютъ. Но счастье, то безоблачное, чистое счастье, котораго мы съ вами чаяли, какою цѣной должны мы его купить теперь!... (*краткое молчаніе*). Вы молчите?

Ольга Елп. (*горько*). Что же сказать мнѣ прикажете?.. Разувѣрять васъ, опровергать доводы вашей встревоженной совѣсти, умолять васъ: женитесь только на мнѣ, а тамъ увидите, сколько счастья мы можемъ дать другъ другу?... Нѣтъ, его дѣйствительно быть не можетъ, разъ вы допустили себя сомнѣваться въ немъ... Я вамъ говорила тогда въ Москвѣ: вы раскаетесь, не такая, какъ я, нужна жена вамъ. Я—женщина, какъ сотни другихъ, сказали вы справедливо сейчасъ, а вамъ требуется шестикрылый серафимъ... (*Истерически хохочетъ.*) Благодарите баловницу, вашу судьбу: она сыграла въ руку дочери вашей, княгинѣ Андомской, и спасла васъ во-время отъ... отъ такой авантюріерки, какъ я...

Наташ. (*кидаясь къ ней*). Ольга, ради Бога, для чего вы это говорите? вы мнѣ душу на части рвете... Я люблю васъ, я далъ вамъ слово, я это слово повторилъ и *ему* сейчасъ... все остается попрежнему...

Ольга Елп. Нѣтъ, оставьте: что разъ поломано, того не исправишь... Да, я авантюрьерка, была ею съ юныхъ лѣтъ, это правда... Вы могли спасти меня, я этого ждала, я призывала это всей душою моей: объ руку съ вами для меня должна была начаться новая, чистая, честная жизнь... *Онъ*, котораго

я любить никогда не могла,—я въ этомъ не виновата!—онъ говорилъ вамъ правду: я была бы вамъ „*настоящая*, вѣрная жена“... Но вы, кого я любила какъ божество какое-то, вы не рѣшаетесь, не смѣете... Онъ, по-вашему, уступая меня вамъ, совершилъ какой-то неслыханный подвигъ. Взять меня, не смущаясь, послѣ этого было бы, вы чувствуете, чѣмъ-то въ родѣ такого же подвига съ вашей стороны, но вы—не онъ, вы на подвигъ не способны!..

Наташ. (*печально*). Я не заслуживаю такого упрека!..

Ольга Елп. (*съ возрастающимъ раздраженіемъ*). Ахъ, да я и никакихъ упрековъ вамъ не дѣлаю, я ничего не прошу у васъ... Вы — идеальный человѣкъ, вы — герой деликатности и чести, а я—гадкая, безсердечная женщина; на такой, какъ я, такіе, какъ вы, не женятся,—я предваряла васъ,—такъ и вышло!.. А теперь если я окончательно погублю себя, то этому причиной, помните, будетъ то, что судьба натолкнула меня на такого безупречнаго рыцаря, какъ вы!..

Наташ. Я умоляю васъ успокоиться, прійти въ себя!.. Вы безконечно заставляете страдать меня и сами мучаетесь; дайте мнѣ вамъ сказать...

Ольга Елп. (*прерывая*). А я прошу васъ оставить меня!.. Вамъ тяжело, можетъ быть,—но и мнѣ не легко, повѣрьте!..

Наташ. Я не могу васъ оставить въ такомъ состояніи, вы такъ разстроены...

Ольга Елп. (*топая ногой*). Да уходите же, уходите!.. Мнѣ вашей жалости не нужно!

Наташ. (*съ глубокою печалью*). Повинуюсь вамъ... А для кого изъ насъ отзовется гибелью то, что произошло сейчасъ, покажетъ будущее. Да хранитъ васъ Богъ!.. (*Кланяется и уходитъ.*)

СЦЕНА X.

Ольга Елпидифоровна одна. Затѣмъ слуга.

Ольга Елп. (*со злымъ смѣхомъ*). „Одинъ великодушнѣе другаго, а другой великодушнѣе одного“!.. Съ одной стороны, господинъ Ранцовъ, донъ Кихотъ изъ армейцевъ, съ другой—

этотъ пуританинъ, баринъ, боящійся притронуться своими бѣлыми руками къ тому, что̀ сдѣлалось вдругъ для него нечистымъ. И это нечистое — я, я, у ногъ кого онъ изнывалъ каждый день, для кого за часъ тому назадъ онъ отказывался отъ своего положенія, отъ дѣла и привычекъ всей своей жизни... О, я этого не ожидала! (*опускается въ кресло и рыдаетъ, закрывъ лицо руками*)... Вѣдь я любила его, любила этого старика съ его grand'air и этимъ самымъ рыцарскимъ его благородствомъ, которое вырываетъ меня теперь изъ его сердца, какъ негодную траву... И все это кончено, навѣки кончено!.. Такъ подняться—и вдругъ упасть такъ!.. Сегодня же узнаетъ объ этомъ весь городъ. Что̀ розказней, что̀ ядовитаго смѣха пойдетъ по этимъ милымъ салонамъ Петербурга, куда принимать меня теперь не оказывается ни для кого надобности... Нѣтъ (*вскакиваетъ съ мѣста*), въ этомъ униженіи жить нельзя, я не выдержала бы и трехъ дней... Гибнуть — такъ ужь не отъ презрѣнія, не отъ насмѣшекъ всей этой свѣтской сволочи!.. (*Схватываетъ колокольчикъ и звонитъ.*)

(*Входитъ слуга съ картономъ въ рукѣ.*)

Ольга Елп. (*торопливо*). Спросите у швейцара адресъ князя Василія Михайловича Шастунова, съѣздите къ нему и попросите сейчасъ пріѣхать ко мнѣ.

Слуга. Они здѣсь, дожидаются въ швейцарской.

Ольга Елп. Кто?

Слуга. Князь Василій Михайловичъ. Они изволили приказать передать вамъ, что были сейчасъ на Аптекарскомъ, въ Ботаническомъ саду, просятъ васъ принять это (*протягиваетъ картонъ*) за мѣсто своей визитной карточки. Какъ если позволите, говорятъ, такъ они сами пожалуютъ.

Ольга Елп. (*про себя*). Сама судьба, видно!.. (*громко*) Просите!.. (*Вынимаетъ изъ картона заключавшійся въ немъ большой букетъ и наклоняется къ нему. Слуга уходитъ.*)

СЦЕНА XI.

Ольга Елпидифоровна и Шастуновъ.

Шастуновъ *(вбѣгая и видя букетъ въ ея рукахъ)*. Весь изъ гарденій, а посреди одна роза, reine des fleurs, — вы!.. Moi j'ai bon goût, правда?..

Ольга Елп. *(съ насилованнымъ смѣхомъ)*. Вы очаровательный человѣкъ,—только и могу сказать.

Шаст. Я знаю, что я очень милый, но вы смѣетесь всегда...

Ольга Елп. Кто вамъ это сказалъ?

Шаст. Moi je vois.

Ольга Елп. *(досадливо)*. Ахъ, это ваше moi je! Вы не знаете развѣ, что французы говорятъ: „moi je est une bête“?... *(смѣется опять)*. Впрочемъ все это вздоръ, я нарочно,—какъ бы вы ни сказали, все равно... Говорите!

Шаст. Что говорить! Хотѣлъ вамъ Викторію Регію доставить, да тамъ сказали, что осталось еще 89 лѣтъ цвѣтка дожидаться. Велѣлъ записать къ будущему полученію, букетъ вотъ заказалъ и хожу себѣ въ ожиданіи одинъ, какъ Робинзонъ, подъ пальмами. Скука! Землячковъ все поджидалъ. Уговаривались въ Ботаническомъ съѣхаться, а оттуда къ Елисееву, устрицы ѣсть. Да, видно, *бюве боку* у Одинцова, — тамъ они и застряли. Я обратно—къ вамъ. „Дома?“ спрашиваю у швейцара.—„Дома-съ, не выѣзжали“.—„Однѣ“?—„Графъ, говоритъ, Леонидъ Александровичъ у нихъ“... Тьфу! Какъ засѣлъ разъ, такъ и подняться не можетъ, на цуфуски свои не надѣется, видно... Я такъ прямо и не вошелъ,—терпѣть не могу этого vieux dégoté.

Ольга Елп. *(смотря на него вызывающими глазами)*. Что дальше?

Шаст. *(недоумѣло)*. Дальше?..

Ольга Елп. Вы не имѣете мнѣ ничего... болѣе *интереснаго* сказать?

Шаст. Конечно, имѣю, — только вы вѣдь мнѣ запретили это вамъ говорить.

Ольга Елп. Запретила,—а теперь позволю. Говорите!

Шаст. Вы знаете сами: moi je veux, чтобъ вы предпочли меня этому старику раскисшему, который годенъ на то лишь, чтобъ изъ него корпію щипать, а не то чтобъ жениться ему на такой femme chic, какъ вы!

Ольга Елп. То есть, чтобъ я, разведясь съ мужемъ, вышла не за него, а за васъ?

Шаст. Pardi, само собою!

Ольга Елп. Хорошо, я согласна.

Шаст. (*вскрикиваетъ*). Вы согласны! Нор la la! Урра! Moi je savais, что такъ непремѣнно должно будетъ кончиться... Старикъ—фьюитъ, значитъ? То-то онъ точно ошпаренный котъ сходилъ отъ васъ сейчасъ по лѣстницѣ,—я глядѣлъ въ стеклышко изъ комнаты швейцара, — носъ въ три аршина. C'est chic съ вашей стороны, что вы его сплавили. Такъ ему и нужно!.. (*Ольга Елпидифоровна закрываетъ себѣ лицо руками и вздрагиваетъ отъ плача.*)

Шаст. (*удивленно*). Что это, вы плачете? Что случилось?

Ольга Елп. (*подымаетъ на него глаза*). Не тревожьтесь: это отъ радости и гордости, что у меня будетъ такой мужъ, какъ вы.

КОНЕЦЪ 4-го ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Гостиная въ нумерѣ гостиницы, занимаемомъ Ольгою Елпидифоровной. Направо входная дверь. Въ глубинѣ дверь въ спальню. Посреди сцены круглый, покрытый ковровою салфеткою столъ, на которомъ стоятъ лампа и небольшая дорожная шкатулка. На другомъ столѣ, у праваго окна налѣво, графинъ съ водою, стаканъ и вазочка съ букетомъ розъ. У стола посреди нѣ—кушетка, покрытая шалью, и кресло. Направо за дверью шкафъ. Стулья и кресла по стѣнамъ. На окнахъ и дверяхъ драпри.

СЦЕНА I.

Анфиса и Ашанинъ *(выходитъ изъ двери направо).*

Ашан. (*обращаясь къ Анфисѣ, выходящей съ рецептомъ въ рукѣ изъ двери налѣво, ведущей въ комнату Ольги Елпидифоровны,—поспѣшно*). Чтò, Өирсовъ былъ?

Анфиса. Кто это-съ?

Ашан. Докторъ, пріятель мой, къ которому я посылалъ записку.

Анфиса. Тутъ они въ сей самый часъ, у больной. Предписали имъ вотъ (*показываетъ рецептъ*).

Ашан. Чтò, какъ ей?

Анфиса. Въ одномъ положеніи... Все о томъ, скоро-ли Никаноръ Ильичъ пріѣдутъ, безпокоятся.

Ашан. Депешу ему съ эстафетой въ деревню я, по ея желанію, отправилъ вчера же вечеромъ. Онъ, по всей вѣроятности, получивъ ее, тотчасъ же выѣхалъ (*вынимаетъ часы*) и

долженъ быть, слѣдовательно, съ курьерскимъ поѣздомъ Рязанской дороги часа черезъ полтора здѣсь.

Анфиса. Дай-то Богъ!.. Армянинъ тутъ былъ какой-то безъ васъ.

Ашан. (*тревожно*). Армянинъ? Ольгу Елпидифоровну спрашивалъ?

Анфиса. Такъ точно. Только я его къ нимъ ни за что не пустила, потому слабы онѣ очень, такъ чтобъ не разстроили еще себя пуще разговоромъ...

Ашан. (*быстро*). И отлично сдѣлали!.. Если бы онъ опять явился какъ-нибудь въ мое отсутствіе, скажите ему, что княгиня предоставляетъ ему вѣдаться со мною, а объясненій съ нимъ никакихъ имѣть не желаетъ.

Анфиса. Слушаю-съ.

СЦЕНА II.

Тѣ же и докторъ (*выходитъ изъ спальной, куда за этимъ проходитъ Анфиса*).

Ашан. (*идетъ поспѣшно ему навстрѣчу съ протянутыми руками*). Какъ я тебѣ благодаренъ, что пріѣхалъ,—я тебѣ одному въ Москвѣ вѣрю. Ну, что, говори скорѣе!

Докт. Да что, братъ, говорить... Плоха!

Ашан. (*скорбно*). Очень?

Докт. Сердце, по всѣмъ признакамъ, давно обратилось въ тряпку; притомъ полное истощеніе организма.

Ашан. Не мудрено послѣ всего, что пришлось ей вынести!

Докт. Князекъ-то, мужъ, въ конецъ ее обобралъ?

Ашан. Въ тюрьму молодца тащили!—она все свое и отдала, полтораста тысячъ.

Докт. Въ Парижѣ дѣло было?

Ашан. Въ Парижѣ... До того дорвался, что посольство наше въ 24 часа выпроводило его оттуда.

Докт. Гдѣ же онъ теперь?

Ашан. Гдѣ то, подъ Оренбургомъ, въ линейномъ батальонѣ. Изъ гвардіи тѣмъ же чиномъ перевели: онъ когда вѣн-

чался съ нею, не позаботился даже у своего начальства разрѣшенія на бракъ просить... Ну, и мать тутъ его постаралась изъ злобы на его женитьбу...

Докт. Мать! Знаменитая Аглая, „кабацкая пава“ по прозванію? Знаю!.. Да, братъ, это скаредъ и ехидна не послѣдняя!

Аша. Ты вообрази себѣ только: пріѣзжаетъ эта несчастная женщина изъ Парижа въ Петербургъ со ста послѣдними à la lettre рублями въ карманѣ, и достать болѣе не откуда: все, что было у нея цѣннаго, выкрадено или заложено. Мужа услали и отъ него ни строчки и до сихъ поръ. Всѣ отъ нея отвертываются: старые друзья, возмущенные ея замужствомъ, аристократическія маменьки, прочившія дочекъ за ея Базиля. Старика Наташанцева, за котораго она чуть было не вышла передъ этимъ негодяемъ, нѣтъ уже въ живыхъ. Остается она такимъ образомъ одна, и нищая, на свѣтѣ... Это послѣ ея блестящаго-то положенія!.. Она къ Аглаѣ: „я за вашего сына, пишетъ, заплатила полтораста тысячъ долгу, что должно быть вамъ извѣстно; прошу возвратить мнѣ мои деньги“. Нѣтъ отвѣта. Она другой разъ. Письмо возвращается ей нераспечатаннымъ. Можешь себѣ представить, какъ ее взорвало! Она прямо въ Москву, лошадей и—къ свекрови, въ Сицкое. Велитъ доложить о себѣ: „Княгиня Ольга Елпидифоровна Шастунова“. Человѣкъ—возвращается: „Ихъ сіятельство, говоритъ, приказали вамъ сказать, что онѣ, кромѣ себя, никакой княгини Шастуновой не знаютъ, а знакомыхъ къ себѣ не изволятъ принимать“...

Докт. Экое вѣдь Раскаталовское отродье!..

Ашан. Такъ ее и не пустила. Вернулась она сюда чуть жива. День въ тотъ разъ, какъ нарочно, выдался сквернѣйшій: дождь какъ изъ ведра. Ее въ городской коляскѣ, безъ фартука, промочило до костей. Съ тѣхъ поръ и пошло: лихорадка каждый день, обмороки, отсутствіе аппетита,—изнуреніе полное, какъ ты говоришь.

Докт. А деньги ея, что же, такъ и пропали?

Ашан. Обратилась она тутъ къ одному присяжному повѣренному. Тотъ ее научилъ вытребовать прежде всего отъ консула въ Парижѣ и отъ банкира формальнаго засвидѣтельство-

ванія, что мужнины долги заплачены переводомъ на французскія деньги русскихъ бумагъ, лично ей принадлежавшихъ, и которыя она вытребовала изъ Петербурга, гдѣ онѣ хранились въ банкѣ. Она такъ и сдѣлала, и ждетъ этихъ документовъ съ часу на часъ... Что дальше будетъ, не знаю, а пока (*понижая голосъ*)—ни гроша. Благо еще хозяинъ здѣшній знакомый мнѣ человѣкъ,—въ кредитъ не отказываетъ.

Докт. (*жалостливо качая головой*). Она ждетъ кого-то сегодня, сказывала мнѣ. „Дайте мнѣ, говоритъ, хоть на часъ силы, мнѣ необходимо". Я ей шампанскаго предписалъ,—это ужь ты постарайся! Ну, и мускуса дозу своимъ чередомъ... Я говорилъ, какъ давать, этой женщинѣ, что при ней... Толковая, кажется?

Ашан. Отличное существо! Я и представить себѣ не могу, что бы сталось съ бѣдной больной, если-бъ не она... Она у ея покойнаго отца еще жила, и *все* была у него, понимаешь?

Докт. (*усмѣхаясь*). Какъ не понять: женщина и по сю пору *ничего!*

Ашан. А по его смерти заперлась въ какую-то келейку и оттуда никуда, кромѣ къ больнымъ и страждущимъ. Узнавъ случайно, что княгиня въ Москвѣ и не здорова, она явилась къ ней, прося словно какой милости дозволенія „послужить" ей... И вѣдь это совершенно безкорыстно, даромъ...

Докт. (*полуусмѣшкой*). Есть еще такіе на землѣ Русской, есть, что дѣлать!.. (*протягивая ему руку*). Ну, прощай! (*Хочетъ итти*).

Ашан. (*удерживая его руку*). Не зайдешь ты еще какънибудь сегодня?

Докт. Не знаю,—дѣла много... Да и не къ чему, сказать по правдѣ: ее, братъ, никакой уже наукѣ не спасти... (*Жметъ ему руку и уходитъ*).

СЦЕНА III.

Ашанинъ, Терхаріанцевъ, затѣмъ Анфиса.

Ашан. (*пораженный словами доктора, стоитъ нѣкоторое время въ печальномъ раздумьи, глядя ему вслѣдъ, вздыхаетъ*

и направляется къ спальной, но останавливается на-ходу на шумъ отворяющейся входной двери, на порогъ которой появляется Терхаріанцевъ). А, господинъ Терхаріанцевъ, вы опять сюда пожаловали,—что̀ вамъ угодно?

Терх. Зачѣмъ спрашивайтъ, гаспадинъ Ашанынъ, вы самъ знать должна.

Ашан. Я знаю, что вамъ выданъ княгинею Ольгой Елпидифоровной Шастуновой вексель, на которомъ стоитъ мой бланкъ, и что ему истекаетъ срокъ сегодня или завтра... Во всякомъ случаѣ я имѣю 10 льготныхъ дней для уплаты вамъ по немъ... Въ случаѣ я бы не заплатилъ, законъ вамъ предоставляетъ подать ко взысканію на меня.. А пока я не оказался несостоятельнымъ, вы безпокоить княгиню не имѣете никакого права!..

Терх. Зачэмъ, гаспадинъ, зачэмъ „по закону“,—я на честь хочу. Я дэнги, осемсотъ рубля, не вамъ давалъ. Я можетъ, если-бъ вы для себя просилъ, вамъ совсэмъ не давалъ, у васъ безъ мэне много кредиторъ, оченна много, будетъ. Я княгинемъ въ собственный ей рука давалъ, потому я такимъ деликатной дама балшой вваженіе имэю. А вашъ бланкъ для мэне ничего не стоитъ. (*Изъ спальной выходитъ Анфиса и останавливается, прислушиваясь.*)

Ашан. (*гнѣвно*). А я вамъ повторяю, что взыскивать по этому вы имѣете право только съ меня, а потому (*указываетъ ему дверь*) не угодно-ли вамъ будетъ, по истеченіи льготныхъ дней, явиться за уплатою ко мнѣ на домъ;—здѣсь вамъ дѣлать нечего!.. (*Анфиса вынимаетъ изъ-за пазухи пачку денегъ, завернутыхъ въ бумагу, отсчитываетъ.*)

Терх. (*громкимъ голосомъ*). Пазволте, гаспадинъ Ашанынъ, я мои дэнга давалъ, осемсотъ рубля;—княгинемъ, мнѣ говорилъ здѣсь въ гостиница, очень больна будетъ. Если вы мнэ заплатыть не будете, а она, Боже сохрани, скончаться будетъ, моя дэнга пропалъ... Я это не хочу, гаспадинъ, я хочу княгинемъ видать.

Ашан. (*выходя изъ себя*). Убирайтесь вонъ сейчасъ, говорятъ вамъ!..

Терх. Вы на мэне не можете кричать, гаспадинъ, я на мировой судья могу итти...

Анф. (*кидаясь между ними*). Позвольте, Владиміръ Петровичъ (*Терхаріанцеву*)?. Вамъ княгиня должна деньги?..

Терх. Должна,—три мѣсяцъ назадъ брала у меня...

Анф. Восемсотъ рублей?

Терх. Такъ точно,—послѣдній у мэне булъ,—ей отдавалъ.

Анф. Вексель съ вами?

Терх. Со мною, красавица сударыня, со мною!.. (*Дѣлаетъ ей глазки.*)

Анф. Княгиня приказала вамъ заплатить (*показываетъ ему пачку, которую держитъ въ рукѣ*). Пожалуйте въ коридоръ,—тамъ разсчитаемся (*идетъ къ двери*).

Терх. Съ моимъ удовольствіемъ, сударыня!.. (*Поспѣшно идетъ за нею и на порогѣ двери останавливается.*) Это гаспадинъ Ашанинъ, благородной дама значитъ, по чести;—а вы... по закону!.. (*Уходитъ вслѣдъ за Анфисой.*)

СЦЕНА IV.

Ашанинъ, Ольга Елпидифоровна, затѣмъ Анфиса.

Ольга Елп. (*въ элегантномъ пеньюарѣ, съ кружевнымъ чепцомъ на головѣ, показывается въ дверяхъ спальной, опираясь отъ слабости за притолку*). Что за шумъ тутъ?

Ашан. (*кидаясь къ ней*). Княгиня, что это вы дѣлаете? При вашей слабости сойти съ постели, одна... (*Беретъ ее подъ руку*).

Ольга Елп. Я сейчасъ выпила... шампанскаго... сильнѣй себя чувствую... Кто тутъ сейчасъ... кричалъ, мнѣ показалось?..

Ашан. (*досадливо*). Армяшка этотъ негодный, Терхаріанцевъ...

Ольга Елп. У котораго вы мнѣ достали денегъ? (*тревожно*). Онъ пришелъ... требовать?..

Ашан. Да.

Ольга Елп. И... что же?

Ашан. Заплатили ему, онъ и ушелъ...

Ольга Елп. Вы... заплатили...

Ашан. Какъ это?.. *Вы* сейчасъ прислали ему съ Анфисой.

Ольга Елп. Я?.. Откуда же я взяла бы, Владиміръ Петровичъ? Вы сами знаете, я и могла прожить эти три мѣсяца, только благодаря занятымъ мною деньгамъ у этого армянина,— а теперь, покуда не получу моего капитала...

Ашан. (*усаживая ее въ кресло и указывая на входящую Анфису*). Такъ вы вотъ спросите ее,—а я ничего не знаю...

Ольга Елп. Анфиса Дмитріевна, вы отдали... этому армянину?..

Анфиса. Уплачено-съ... Получите вексель, Владиміръ Петровичъ!.. (*передаетъ ему и покрываетъ ноги больной*).

Ольга Елп. Откуда же вы... деньги взяли, милая?..

Анфиса. Ваши, сударыня.

Ольга Елп. Мои... какъ мои?..

Анфиса. (*нѣсколько смущенно*). Такъ точно... Когда благодѣтель мой, Елпидифоръ Павловичъ, царство ему небесное, скончался, вы мнѣ, изволите помнить, полторы тычячи положили въ память его; только въ ту пору я взять ихъ не хотѣла, потому на что мнѣ!.. А вы на своемъ поставить пожелали и въ прошломъ году... какъ собирались за границу ѣхать, прислали мнѣ изъ Петербурга съ письмомъ...

Ольга Елп. Такъ это же ваши деньги...

Анфиса. Не почитала я ихъ никогда своими, сударыня... и ни рубля изъ нихъ не израсходовала, потому мнѣ не надо, говорю... Сыта, славу Богу!.. И сдѣлайте мнѣ Божескую милость, остальныя возьмите вы у меня, какъ вамъ теперича нужно, голубушка моя...

Ольга Елп. О, милая, какая вы для меня добрая! А я-то, помните, какъ судила я о васъ дурно сначала, какъ виновата передъ вами!..

Анфиса (*трепетнымъ голосомъ*). Какъ если вспоминать, сударыня, такъ я, можетъ, противъ васъ то сдѣлала, что во сто разъ я предъ вами виноватѣй!..

Ольга Елп. Ну, и не будемъ, не будемъ!.. Что за счеты передъ смертью!.. Спасибо вамъ, милая! (*Протягиваетъ ей руку. Анфиса хочетъ поцѣловать ее. Онѣ обнимаются*).

Анфиса (*утирая слезы*). Не изволите-ли еще вина выкушать... докторъ приказывалъ, чтобы...

Ольга Елп. Да, давайте, мнѣ хочется съ Владиміромъ Петровичемъ... въ послѣдній разъ...

Анфиса. Сейчасъ! (*бѣжитъ въ спальную и возвращается съ бутылкою и двумя бокалами, которые ставитъ на столъ*).

Ольга Елп. (*Ашанину*). Они всегда предписываютъ это, когда всѣ ихъ средства истощены... Нѣтъ, впрочемъ, еще то, послѣднее... Принесли изъ аптеки мускусъ, Анфиса Дмитріевна?

Анфиса. Я сейчасъ узнаю (*хочетъ итти*).

Ольга Елп. Налейте намъ сперва бокалы (*Анфиса исполняетъ приказаніе*). Чокнемся, Владиміръ Петровичъ... За нашу *молодость!* (*Чокаются. Анфиса уходитъ въ корридоръ. Больная отпиваетъ изъ бокала*). Хорошо, живитъ... Я его всегда любила, шампанское... (*Ашанинъ скорбно глядитъ на нее*). Не похожа я теперь на ту, которая чокалась такъ съ вами въ первый разъ... помните, за ужиномъ, въ Сицкомъ, послѣ представленія *Гамлета?*... Ахъ, какъ это далеко уже!.. Да, молодость,—и вотъ конецъ!.. Конецъ всему, скоро... сегодня... я знаю... Только бы онъ успѣлъ пріѣхать!.. Вы послали ему депешу?

Ашан. Вчера еще,—я вамъ говорилъ...

Ольга Елп. (*кивнувъ одобрительно головой*). Онъ не долженъ васъ видѣть... ни за что!.. Прошу васъ, когда онъ будетъ, скрыться, не показываться ему ни *до*, ни *послѣ*...

Ашан. (*скорбно*). Для чего вы это говорите?.. Живите, живите!...

Ольга Елп. (*перебивая его, съ усмѣшкой*). Жить! Къ чему?.. Взгляни на меня:—съ такимъ лицомъ... я сейчасъ видѣла себя въ зеркалѣ,—и жить? Нѣтъ, не надо!.. Мнѣ не жаль,—я пѣла, помнишь, „Мнѣ жизнь для радости дана“... Радости сгинули, впереди одна тоска ждала бы... Не хочу, нѣтъ! Какъ это у Пушкина:

Простимся дружно,
О, юность легкая моя...

Простимся!.. Ты первый... и послѣдній... Ты слабость моя былъ... Мой бѣдный графъ (*подноситъ платокъ къ глазамъ*);

онъ не перенесъ... Я бы вѣкъ вѣрна ему осталась, если-бъ была его женой. Онъ не такъ, какъ ты, умѣлъ любить... Все равно; и ты любилъ, *какъ могъ*... Больше другихъ женщинъ даже любилъ меня, да!—за то, помнишь, ты говорилъ,—что я всегда первая кину. Смѣшной ты!.. А теперь прощай; поцѣлуй... въ послѣдній разъ... (*тянется къ нему, онъ ее страстно обнимаетъ; она внезапно отталкиваетъ его*). Довольно, довольно, уходите, пора!.. (*Анфиса возвращается съ аптекарскимъ пузырькомъ въ рукѣ и останавливается въ глубинѣ сцены*).

Ашан. (*со взрывомъ*). Я еще увижу васъ, хочу видѣть!..

Ольга Елп. (*приподымаясь съ кресла, строгимъ и дрожащимъ голосомъ*). Развѣ я вамъ не сказала, развѣ не чувствуете вы: если на насъ обоихъ есть грѣхъ настоящій, такъ это предъ этимъ человѣкомъ!..

Анфиса (*подбѣгая испуганно къ Ашанину*). Владиміръ Петровичъ, уходите, Бога для!.. (*Ашанинъ ухватывается за голову и убѣгаетъ. Она поспѣшно подходитъ къ больной*). Что, голубушка моя, не дать-ли вамъ этого лѣкарства? Принесли сейчасъ...

Ольга Елп. Да, скорѣе, дайте!.. Такая слабость... (*Анфиса капаетъ мускусъ въ рюмку съ водой изъ стоящаго на столѣ графина. Больная выпиваетъ, отдаетъ рюмку и закрываетъ лицо руками. Минута молчанія*). Милая, опустите сторы и занавѣси... и зажгите тутъ все!..

Анфиса. Что это, помилуйте,—бѣлый день...

Ольга Елп. Нѣтъ, пожалуйста,—онъ будетъ сейчасъ, — при свѣчахъ я ему не такая страшная покажусь... И дайте мнѣ эти розы изъ вазы... (*Анфиса исполняетъ требуемое. Больная перебираетъ цвѣты*).

СЦЕНА V.

Тѣ же и слуга.

Слуга (*входя*). Тутъ, ваше сіятельство, княгиня одна съ господиномъ спрашиваютъ васъ.

Ольга Елп. (*изумленно*). Княгиня... какая княгиня!

Слуга. Виноватъ-съ, фамиліи я ихней не дослышалъ...

Ольга Елп. Такъ узнайте! (*Слуга исчезаетъ*). Анфиса Дмитріевна, кто тамъ, посмотрите! (*Анфиса спѣшитъ къ дверямъ, открываетъ ихъ и высовывается на половину въ корридоръ,—затѣмъ быстро возвращается*).

Анфиса. (*перепуганно*). Голубушка моя, это ваша... злодѣйка... князя вашего мать, а съ нею...

Ольга Елп. (*приподымаясь*). Аглая!.. Аглая... здѣсь! А!.. хорошо, пусть идетъ, пусть,—я съ ней поговорю!..

Анфиса. Ольга Елпидифоровна, милая, поберегите себя!.. На что вамъ съ ней говорить!.. Не съ добрымъ, вижу, она къ вамъ пріѣхала, и такого человѣка съ собой привела... Я его знаю,—воръ человѣкъ этотъ!..

Ольга Елп. (*настойчиво*). Пусть идетъ!.. Я... не безпокойтесь, милая, я себя разстроивать не буду, — я *тихо, по душѣ* съ нею поговорю (*иронически смѣется*), поговорю. (*Анфиса идетъ къ дверямъ*).

Слуга (*у дверей*). Княгиня Аглая Константиновна...

Ольга Елп. (*громко*). Госпожа Раскаталова, знаю... Проси! (*Слуга пропускаетъ входящую княгиню и уходитъ*).

СЦЕНА VI.

Тѣ же, княгиня Шастунова и Стороженко.

Княг. (*входя*). Ma chère Ольга... Ахъ, у васъ свѣчи! Вы нарочно вѣрно для глазъ?..

Ольга Елп. Позвольте мнѣ прежде всего спросить васъ, Аглая Константиновна: чему я обязана удовольствіемъ вашего посѣщенія? (*Нюхаетъ розы, которыя держитъ въ рукѣ*).

Княг. Ma chère Ольга, вы ко мнѣ писали, и я тогда ничего не могла вамъ отвѣтить, и когда вы были у меня въ Сицкомъ, я лежала въ постели и не могла васъ принять. А теперь я нарочно вотъ пріѣхала къ вамъ съ monsieur... Je vous présente: monsieur Острожный, мой повѣренный...

Стороженко (*поправляя*). Стороженко, Степанъ Іоаки-

мовичъ, ходатай по дѣламъ... (*Кланяясь больной*). Честь имѣю представиться вамъ, сударыня.

Ольга Елп. Я называюсь княгиня Шастунова, какъ и эта госпожа (*указываетъ на княгиню*), прошу не забывать прежде всего.

Стороженъ. (*сконфуженно*). Слушаю... ваше... сіятельство...

Ольга Елп. (*княгинѣ*). Что же вамъ нужно съ вашимъ повѣреннымъ?

Княг. Ma chère Ольга, monsieur Сраженкинъ вамъ все объяснитъ, — я ничего, вы знаете, въ дѣлахъ не понимаю (*садится у стола, противъ больной*).

Ольга Елп. (*съ злою усмѣшкой*). Да, я знаю!.. Говорите же, monsieur...

Княг. (*подскакивая*) Monsieur Стороженкинъ. (*Вполголоса*). Онъ лучше всѣхъ въ Москвѣ законы знаетъ, извѣстный... Parlez, monsieur Сторожкинъ!

Стороженко. (*поправляя*). Стороженко (*откашливается*). Довѣрительница моя, княгиня Аглая Константиновна, прибывши вчера въ Москву и узнавши о вашемъ нездоровьи...

Ольга Елп. (*прерывая иронически*). А, она „*прибывши* и *узнавши*“ о моемъ нездоровьи! Какъ мнѣ лестно!

Княг. (*хныча*). Oui, ma chère Ольга, я не такая злая, какъ думаете. Я узнала, что вы очень опасно больны, и я не хочу, чтобы вы на томъ свѣтѣ жаловались на меня au bon Dieu. Я хочу съ вами полюбовно, какъ говорятъ... Вы писали мнѣ, что Basile mon fils истратилъ ваши деньги... Я ничего этого не знаю, и что у васъ были деньги,—онъ въ арміи и я его не видѣла... и я не обязана за него платить... но я по моему доброму сердцу хочу вамъ предложить одну вещь... Parlez, monsieur Острожный!..

Стороженко (*больной*). Какъ должно быть извѣстно ва... вашему сіятельству, существующія въ государствѣ нашемъ постановленія не обязываютъ довѣрительницу мою платить по долгамъ, кои могутъ быть дѣлаемы сыномъ ея, княземъ Василіемъ Михайловичемъ. Тѣмъ не менѣе, движимая, такъ сказать...

Княг. (*хныча*). „Движимая“, c'est ça, да, именно „движемая“... Продолжайте, monsieur Сороченко, вы очень хорошо говорите.

Стороженко. Движимая искреннимъ желаніемъ прійти путемъ мирнаго соглашенія къ разрѣшенію существующихъ между вами недоразумѣній...

Княг. (*одобрительно кивая*). C'est ça, „не-до-ра-зумѣній", и больше ничего, замѣтьте это, ma chère!...

Стороженко. (*продолжая свою рѣчь*). Княгиня Аглая Константиновна желаетъ сдѣлать вамъ такого рода предложеніе...

Ольга Елп. Какого рода?—это будетъ любопытно!...

Княг. Вотъ вы услышите, ma chère, услышите,—увидите, что я—не то, что вы думаете... что вы писали monsieur Сарачинскій!...

Стороженко (*поправляя*). Стороженко! (*Вынимая листъ бумаги изъ кармана и протягивая больной*). Черновой проектецъ условія...

Ольга Елп. (*отстраняя рукой*). Можно на словахъ.

Стороженко. По сему условію княгиня Аглая Константиновна обязуется уплачивать вамъ пожизненно ежегодную сумму въ размѣрѣ пяти процентовъ съ искомаго вами съ сына ея, а вашего супруга, князя Василія Михайловича Шастунова, капитала въ 150 тысячъ рублей...

Княг. Ça fait въ годъ 7,500 рублей (*вздыхаетъ*), а въ мѣсяцъ 625. Вотъ, ma chère Olga, вы видите! Мнѣ кажется, что ужь послѣ этого...

Ольга Елп. (*прерывая, Стороженка*). Дальше?

Стороженко. Вы же съ своей стороны...

Ольга Елп. Да, вотъ именно это: что я должна „со своей стороны"?

Стороженко. Въ силу того же условія вы отказываетесь за себя и за своихъ наслѣдниковъ отъ всякой претензіи на полученіе какихъ бы ни было суммъ отъ супруга вашего, князя Василія Михайловича...

Ольга Елп. Такъ! (*разражается истерическимъ хохотомъ. Княгинѣ*). Я не знаю, Аглая Константиновна, что въ васъ сильнѣе: безчестность ваша, или ваша глупость?...

Княг. (*вскрикивая*). Ah, mon Dieu, что это она говоритъ!

Ольга Елп. Я до этой минуты терпѣливо вынесла при-

сутствіе ваше у меня,—мнѣ хотѣлось узнать, для чего явились вы ко мнѣ. Поводъ къ этому могъ быть только низкій,—онъ такимъ и оказался... Вы оставляли меня умирать съ голоду; вы, когда я, обворованная кругомъ вашимъ сыномъ, явилась къ вамъ въ Сицкое, вы осмѣлились велѣть сказать мнѣ, что никакой другой, кромѣ себя, княгини Шастуновой не знаете, и не пустили меня въ домъ... Меня дождемъ и вѣтромъ проняло всю, уѣзжая отъ васъ. Я съ того дня умираю... А теперь вы узнали, что мнѣ остается жить... нѣсколько часовъ... и являетесь ко мнѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, сахарная вся, „ma chère Olga", *пенсію* мнѣ предлагаете... Пенсію, когда вы знаете, что вамъ гроша изъ нея не придется заплатить мертвой... И за это я должна отказаться отъ права завѣщать, кому хочу, мои наслѣдственныя деньги?... И вы вообразили себѣ, что вамъ удастся такъ же легко поймать меня на вашу идіотскую удочку, какъ удавалось вашему папенькѣ отравлять народъ въ своихъ кабакахъ! О, подлая Раскаталовская кровь!...

Княг. (*вскакивая съ мѣста*). Какъ вы смѣете!... Я не хочу больше слушать. Уйдемте, мосье Страшненко, — эта женщина смѣетъ такъ говорить, когда она хотѣла стащить полтораста тысячъ съ Basile mon fils,—а у нея документовъ нѣтъ.

Ольга Елп. (*со злымъ смѣхомъ*). Да, на это вы разсчитывали, я знаю... Но у меня для васъ сюпризецъ готовъ... Анфиса Дмитріевна, дайте мнѣ изъ шкатулки пакетъ, который я получила вчера изъ Парижа. (*Анфиса, стоявшая все время въ сторонѣ, зорко слѣдя за Стороженкомъ, подбѣгаетъ и, вынувъ пакетъ изъ шкатулки, подаетъ ей.*) Вотъ они, свидѣтельство консула, показаніе банкира,—ихъ завтра же съ моею просьбою повѣренный мой представитъ въ судъ.

Княг. (*дрожащимъ голосомъ*). Ah, mon Dieu, что же это, скандалъ?...

Ольга Елп. На всю Россію,—тѣмъ лучше... Пусть знаютъ всѣ!...

Княг. (*растерянно*). Я не понимаю... ma chère Olga, вы такъ разсердились... я предложила, какъ думала лучше... а вы

хотите такой стыдъ поднять, когда у васъ, я знаю, никого близкаго нѣтъ, кому оставить... (*хнычетъ*) и кому бы вы могли лучше, какъ этому бѣдному Basile mon fils, который теперь Богъ знаетъ гдѣ сидитъ и получаетъ отъ меня всего сто рублей въ мѣсяцъ.

Стор. Дѣйствительно, ваше сіятельство, кому же какъ не законному супругу вашему, князю... (*Въ дверяхъ показывается Ранцовъ*).

СЦЕНА VII.

Тѣ же и Ранцовъ.

Ольга Елп. (*увидѣвъ его, вскрикиваетъ*). Никсъ!.. Наконецъ!.. (*Княгинѣ*). Кому оставлю, кому?.. Вотъ этому человѣку, котораго я, безумная, промѣняла на вашего негодяя!.. (*Ранцовъ кидается къ ней. Она удерживаетъ его, указывая пальцемъ на княгиню*). Никсъ, ты видишь эту женщину,—она его мать... Она пріѣзжала ко мнѣ въ Петербургъ просить меня сдѣлаться любовницею ея сына, потому что француженки стоили ему слишкомъ дорого... Я ее прогнала отъ себя... и вышла замужъ за этого мальчишку... Со злости вышла, — ты этого не поймешь, Божья душа,—со злости и отчаянія... Но я берегла имя, которое онъ далъ мнѣ, я всѣ деньги мои отдала, чтобъ спасти его отъ позора... Сама я слегла въ постель отъ горя и стыда, а онъ въ это время выкралъ у меня изъ ящиковъ всѣ мои брилліанты и отдалъ ихъ плясуньѣ на канатѣ, съ которою связался... (*Княгиня хочетъ говорить; она не даетъ ей.*) Эта женщина милліонщица, а она меня по міру пустить хотѣла, жену своего сына, единственнаго, обмошенничать меня думала и теперь, сейчасъ, боясь скандала, унижалась, какъ послѣдняя изъ тварей, чтобъ я ей простила то, что долженъ мнѣ ея Basile... Но этого не будетъ... не будетъ... у меня всѣ документы... Я тебѣ все оставляю, Никсъ, а у меня завѣщаніе... формальное, вчера нотаріусъ былъ... Поклянись мнѣ, что ты все съ нихъ взыщешь, все до копѣйки!..

Ранц. Княгиня... Ольга Елпидифоровна, не волнуйтесь... вамъ вредно, ради Бога!.. Мнѣ ничего не нужно.

Ольга Елп. Знаю! На помощь другимъ оставляю тебѣ. Клянись, что все исполнишь по моему завѣщанію; тамъ все написано.

Ранц. Все будетъ исполнено по вашей волѣ, клянусь Христомъ, моимъ Спасителемъ.

Княг. (*Стороженкѣ, всхлипывая громко*). А, вотъ какъ!.. Вы слышали, monsieur Острожкинъ, какія гадости смѣла наговорить мнѣ эта... *дама*... Я не могу этого терпѣть, не могу,— я сейчасъ ѣду жаловаться генералъ-губернатору... вы будете свидѣтелемъ (*Уходитъ.*)

Ольга Елп. (*съ нервнымъ смѣхомъ, откидывая голову въ спинку кресла и полузакрывая глаза*). О, несчастная,—это на умирающую!.. (*Розы, которыя держала она въ рукѣ, разсыпаются кругомъ нея.*)

Стор. Позвольте мнѣ, однако, доложить вамъ, княгиня...

Анф. (*кидаясь къ нему съ пылающими глазами*). Уходи сейчасъ вонъ отсюда, воръ, воровъ совѣтчикъ!.. (*Стороженко, пораженный ея видомъ, вздрагиваетъ и быстро удаляется.*)

Ранц. (*на колѣняхъ предъ больной, держа ея руку*). Оля, Олечка, успокойся, зачѣмъ ты такъ...

Ольга Елп. (*усталымъ голосомъ*). Что „зачѣмъ"?

Ранц. Ужь очень жестоко, Оля!.. Ты о душѣ своей подумай,—прости имъ, по-христіански, какъ Богъ велѣлъ...

Ольга Елп. (*со взрывомъ*). Никогда! Умру съ этимъ грѣхомъ на совѣсти, а не прощу!.. Я въ нихъ, пойми ты,—я въ нихъ *себя* простить не могу (*Плачетъ. Минута молчанія*)... А ты... ты простилъ мнѣ, Никсъ?

Ранц. Я?.. Да развѣ я когда-нибудь... Мнѣ только, чтобы вы вотъ поправились...

Ольга Елп. Я никому не сдѣлала въ жизни зла,—я предъ однимъ тобою виновата: я душу твою поберечь не хотѣла.

Ранц. Олечка... дорогая моя! (*Вскакиваетъ, закрывая себѣ лицо руками, и разражается громкимъ рыданіемъ.*)

Анф. (*кидается къ нимъ*). Баринъ, Никаноръ Ильичъ... Голубушка моя, что же это вы другъ друга разстраиваете!..

Ольга Елп. Оставьте... Я этого ожидала... Пусть выплачется!.. (*Анфиса отходитъ. Минута молчанія*). Довольно.

Никсъ, перестань! Или тебѣ въ самомъ дѣлѣ твоего прошлаго со мною жаль? *(съ горькою усмѣшкой)*. Нечего жалѣть, кажется!..

Ранц. Да что же это такое, развѣ въ Москвѣ докторовъ нѣтъ, нѣтъ средствъ вылѣчить тебя!.. Я сейчасъ съѣзжу...

Ольга Елп. *(мечется лихорадочно головой по подушкѣ)*. Ахъ, не понимаетъ онъ меня, не понимаетъ!.. Средствъ нѣтъ,— да и къ чему тебѣ, чтобы я жила? Или не узналъ ты меня до сихъ поръ, не понялъ, какова я? Вѣдь не умѣла я любить тебя тогда,—не смогла бы и потомъ... И какъ же сдѣлать бы: развестись съ этимъ и выходить опять за тебя *(смѣется)*. Вѣдь надъ тобой же стали бы смѣяться, Никсъ. А я не хочу... Чтобъ на тебѣ ни одного брызга не было!.. Меня въ жизни любили два чистые человѣка: мой бѣдный графъ и ты. Онъ умеръ, не перенесъ *(плачетъ)*... А ты... Я такъ и хотѣла, чтобы ты тутъ былъ одинъ, когда... когда *она* придетъ за мною,—чтобъ отошла я въ вѣчность, тобою прощенная...

Ранц. Олечка, довольно, не рви ты мнѣ душу!..

Ольга Елп. А досказать когда успѣю... не долго вѣдь осталось... Налей мнѣ шампамскаго, докторъ велѣлъ... *(Онъ наливаетъ, она пьетъ)*. Я жить хотѣла, Никсъ, — все взять отъ жизни хотѣла... Она мнѣ вѣчный праздникъ обѣщала... Вѣдь я хороша была, хороша, да? Помнишь, когда увидѣлъ ты меня въ первый разъ? Ты проѣзжалъ изъ арміи по улицѣ нашего городка; я стояла въ палисадникѣ, поливая цвѣты... Ты увидѣлъ—и вотъ съ той самой минуты... и на всю жизнь... И ты ли одинъ?.. Въ Петербургѣ, помнишь, мой „*легіонъ*“, говорили... Я силу свою знала: кого захочу—тотъ мой... покорялись всѣ... *(Прихлебываетъ изъ бокала. Мысли ея постепенно начинаютъ путаться)*. Онѣ меня ненавидѣли, тѣ, ты знаешь... а мнѣ смѣшно было... Эта Андомская... Что взяла, злюка?.. Твой отецъ... онъ мой, онъ не промѣняетъ меня на тебя... ни на кого на свѣтѣ!.. Онъ поклялся... мы ѣдемъ вѣнчаться съ нимъ въ псковскую деревню... *(Анфиса встревоженно подходитъ и становится за ея изголовьемъ)*. Что это? Нѣтъ, онъ... онъ умеръ... все это сонъ былъ, чадъ... вся жизнь въ этомъ прошла... Прошла она, завяла *(подноситъ къ лицу одну изъ розъ,*

лежащихъ на ея колѣняхъ)... какъ эти розы... Да, я хотѣла сказать тебѣ... Что я хотѣла сказать!.. Господи, куда же сбѣжала память?.. Дайте мнѣ вина еще, дайте! *(Анфиса наливаетъ, она жадно пьетъ)*. Ну, вотъ и лучше, и вспомнила. Когда я буду подъ землей, чтобъ надо мной цвѣли розы... Не такія,— пунцовыя... Ахъ, пожалуйста, пожалуйста, пунцовыя, какъ на томъ балѣ... По серебряному газу съ праваго плеча, черезъ все платье эти розы... Какая прелесть!.. какой успѣхъ былъ!.. „Вы фея, вы сама поэзія“, сказали мнѣ... и кто сказалъ!.. Тс! Вальсъ... это мой любимый, Die schöne blaue Donau... Онъ охватилъ меня, помчалъ... съ нимъ такъ ловко!.. все выше, выше... Какъ поютъ эти скрипки... дворецъ сіяетъ!.. Ахъ, какъ весело, какъ сладко жить!.. *(вздрагиваетъ)*. Кто, кто пріѣхалъ? Basile mon fils! *(гадливо)*. Ступайте, ступайте къ вашимъ... Мнѣ некогда, меня ждутъ... Что, кружево нашили?.. Даша, вѣеръ мой, перчатки... Карета подана?.. Скорѣе, скорѣй, я танцую третью кадриль съ его вы... *(Открываетъ широко глаза, воззрясь на Ранцова)*. Никсъ, это ты?.. Прости меня!.. Чадъ это былъ, одинъ чадъ!.. *(Схватывается за сердце и опрокидывается въ спинку своего кресла)*.

Ранцовъ. Олечка! *(падаетъ на колѣни и охватываетъ ея трупъ обѣими руками)*.

ЗАНАВѢСЪ ПАДАЕТЪ.

РАЗСКАЗЫ И ОЧЕРКИ.

ИВАНЪ СУСАНИНЪ У МИРОВАГО *).

Есть на свѣтѣ одинъ большой городъ. Въ этомъ городѣ большая сцена. На этой сценѣ значится между прочимъ русская опера. Для чего она значится, про то вѣдаютъ всесильные боги, правящіе отечественными театральными судьбами; на самомъ дѣлѣ эта русская опера — миѳъ, которому давнымъ-давно перестало вѣрить самое пламенное и упорное мѣстное воображеніе...

Тѣмъ не менѣе она значится; есть въ этой оперѣ пѣвцы и пѣвицы. Въ томъ числѣ значился нѣкій басъ, basso profundo, basso profundissimo. Щедрая природа одарила его видомъ богатырскимъ, такою же широкою натурою—и самою рѣшительною претензіей на нижнее fa.

Владѣвшій дѣйствительно во времена оны этимъ баснословнымъ fa, пѣвецъ, да къ тому же и республиканецъ, Формесъ,—лучшій Марсель, сказать кстати, какого удалось слышать въ „Гугенотахъ“ петербургской публикѣ, — выражался про самого себя слѣдующею скромною италіянскою на нѣмецкій ладъ фразою: „In Europa tre imperatori, ma Formes — uno!“, т. е., „въ Европѣ три императора (германскаго въ тѣ дни не было, за то былъ улетучившійся нынѣ французскій), но Формесъ—одинъ!“

Нашъ пѣвецъ въ извѣстной мѣрѣ также увѣренъ, что Европою могутъ владѣть, пожалуй, многіе вѣнчанные государи, но что она въ свою очередь ужь конечно не владѣетъ такимъ талантомъ, какой данъ Небомъ ему, русскому Формесу.

Къ его злополучію, Европа до сихъ поръ рѣшительно отка-

*) Впервые напечатано въ № 5 „С.-Петерб. Вѣд.“ 5 января 1875 года.

зывалась убѣдиться въ этомъ, а всесильные боги отечественной сцены распорядились такъ, что для убѣжденія россійской публики нашему пѣвцу назначена всего на все одна единственная роль—роль Сусанина въ „Жизни за Царя“. Понятно, что эта „Жизнь“ дорога ему, какъ своя собственная, что въ эту роль кладетъ онъ всю свою мятежную душу, что на полномъ просторѣ развертываетъ онъ при исполненіи ея всю ширь своихъ громовыхъ средствъ, весь пылъ своей разудалой натуры...

И вотъ однажды въ послѣдней борьбѣ съ заведенными Сусанинымъ въ лѣсъ Поляками, раззудилось плечо богатырское, размахнулась рука молодецкая, и могучая длань, заѣхавъ съ размаха въ ухо одного изъ враговъ, повергла его тутъ же ницъ къ ногамъ пѣвца... Патріоты верхнихъ ярусовъ на такое безспорное проявленіе русской силы отвѣтили неистовыми рукоплесканіями... Пѣвецъ уѣхалъ изъ театра торжествуя: публика видимо начинала оцѣнивать талантъ его по достоинству...

Но пораженный врагъ оказался злопамятнымъ и ехиднымъ. Сусанина на другой же день потребовали къ театральному начальству. Начальство объявило ему, что за совершенный имъ на сценѣ подвигъ во благо родины онъ отстраненъ на два раза отъ очереднаго пѣнія,—другими словами, лишается 50-ти рублей разовыхъ и кромѣ того обязанъ просить прощенія у оскорбленнаго.

Львиныя натуры, какъ извѣстно, отличаются великодушіемъ. Русскій Формесъ склонилъ послушно голову предъ приговоромъ начальства, а въ умилостивленіе заушеннаго имъ собрата по искусству сочинилъ, для большей внушительности, просьбу въ стихахъ (пѣніе и поэзія, извѣстно, музы-сестры), которую и выучилъ наизусть для произнесенія при первой съ нимъ встрѣчѣ. Случай представился весьма скоро. Хоронили умершаго дирижера той злополучной оперы. При разъѣздѣ съ похоронъ, Сусанинъ и сраженный имъ врагъ очутились носомъ къ носу.

„Законъ велѣлъ...“

возопилъ съ-оника пѣвецъ своимъ зычнымъ басомъ.

„Хоть радъ я, иль не радъ,
А предъ тобой главу склоняю, братъ...“

— Позвольте-съ, прервалъ его, весь зеленѣя, хористъ,— мы съ вами ни въ близкомъ, ни въ дальнемъ родствѣ, сколько мнѣ извѣстно, не состоимъ, слава Богу-съ, а на *ты* еще тѣмъ менѣе,—такъ я вамъ себя „братомъ“ называть не дозволяю-съ!..

— Вы братъ мнѣ по искусству! возразилъ пѣвецъ, заискивающимъ взглядомъ воззрясь на него.

— Никогда-съ! сурово отвѣчалъ тотъ: ваше искусство въ кулакѣ-съ!..

Пѣвецъ окрысился въ свою очередь.

— Это, доложу вамъ, вы говорить не въ правѣ! Не одна Россія, — Италія, Миланъ, Болонья, Падуа, Верона слушали меня и приходили въ восторгъ!

— А мнѣ на это начхать-съ! И одно мнѣ желательно знать: для чего вы теперича обращаетесь ко мнѣ?

— По приказанію начальства... и по собственному желанію, прибавилъ Сусанинъ,—желая выразить вамъ сожалѣніе о томъ, что увлеченный врожденною мнѣ страстностью и роковымъ положеніемъ изображаемаго мною лица, я...

Хористъ захихикалъ самымъ ядовитымъ образомъ:

— Страстность вашу можете при себѣ оставить-съ, а на счетъ того, если вы желаете извиненія у меня просить, такъ я намѣренъ выслушать васъ не здѣсь, передъ каретами, а въ другомъ мѣстѣ.

— Въ какомъ же это мѣстѣ? воскликнулъ озадаченно basso-profundo.

— А вотъ увидите-съ, еще злобнѣе прошипѣлъ тотъ, — въ самомъ скоромъ времени будете имѣть случай увидѣть-съ...

Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько дней благородный Сусанинъ, положившій животъ за отечество, получилъ повѣстку, приглашавшую его предстать предъ очи мироваго судьи.

Отправился туда древній Россіянинъ, сжалъ крестомъ повинныя руки на богатырской груди,—стоитъ передъ очами современной юстиціи, ждетъ: что изо всего этого выйти должно?

А вражій Полякъ, поверженный имъ въ прахъ, змѣиною рѣчью такъ и льнетъ, такъ и ползетъ въ ухо этой современной юстиціи.

— И хотя, говоритъ онъ,—они (т. е. Сусанинъ) начальствомъ уже оштрафованы, но я, такъ сказать, этимъ могу себя почитать удовлетвореннымъ единственно какъ артистъ...

— „О, сребролукій Фебъ, и ты не поразишь своими стрѣлами эту сволочь, дерзающую называть себя тоже артистомъ!“ всплываетъ кипучимъ взрывомъ на душѣ русскаго Формеса. Но онъ сдерживаетъ благородный гнѣвъ, клокочущій въ его груди, и только вздымаетъ отуманенныя очи къ нѣмому,—къ суровому небу.

— Но въ наше время, продолжаетъ змѣя между тѣмъ,— когда личность каждаго гражданина ограждена, такъ сказать, щитомъ закона, я смѣю полагать, господинъ мировой судья, что я за свою обиду долженъ получить возмездіе какъ человѣкъ, ибо эвтотъ господинъ, пользуясь своею чрезмѣрною физикою, дозволилъ себѣ въѣхать мнѣ въ самую, такъ сказать, физіономію, и даже такъ, что я, лишась равновѣсія, совершенно неподобающимъ образомъ покатился по сценѣ, господинъ мировой судья!...

— Признаете вы фактъ оскорбленія, нанесеннаго вами господину ***? вопрошаетъ юстиція, пронизывая Сусанина леденящимъ, какъ зима его родной стороны, взглядомъ.

— Фактъ—признаю, намѣреніе — отрицаю! отвѣтствуетъ онъ, спуская при этомъ голосовой звукъ чуть не до самаго знаменитаго „fa“ своего.

— Вы, значитъ, отрицаете намѣренность въ вашемъ поступкѣ. Какъ же можете вы объяснить его?

— Естественнымъ закономъ природы:—я человѣкъ страстный...

— Къ драчбѣ точно страсть имѣютъ-съ, хихикаетъ на это врагъ.

— Страстный и увлекающійся, продолжаетъ Сусанинъ,— играю нервами, переношусь всецѣло въ изображаемое мною лицо... сила чувствъ одолѣваетъ... Вижу: враги отечества, цареубійцы,—судите сами, господинъ судья!.. Пою по тексту:

„Я васъ на судъ привелъ,
Цареубійцъ!
Погибли вы всѣ—
А царь мой спасенъ!. “

Ну, и...

— И по эвтому самому, что царь спасенъ,—они меня въ ухо! Сами разсудите о ихъ чувствахъ, господинъ мировой судья!..

Современная юстиція многозначительно сжимаетъ брови и останавливаетъ пристальный взглядъ сначала на одной, а затѣмъ и на другой изъ сторонъ. Юстиція припоминаетъ извѣстную 119-ю статью, по которой „мировой судья рѣшаетъ вопросъ о винѣ или невиновности подсудимаго по внутреннему своему убѣжденію, основанному на совокупности обнаруженныхъ при судебномъ разбирательствѣ обстоятельствъ“, а затѣмъ 112-ю, гласящую, что „въ тѣхъ случаяхъ, когда, для точнаго уразумѣнія встрѣчающагося въ дѣлѣ обстоятельства, необходимы спеціальныя свѣдѣнія или опытность въ наукѣ, искусствѣ, ремеслѣ и проч., приглашаются свѣдующіе люди“.

— Вы всѣ служите въ театрѣ? обращается онъ къ полудюжинѣ свидѣтелей происшествія, приведенныхъ заушеннымъ истцомъ.

— Такъ точно, мы артисты! слышится ихъ отвѣтъ.

Сусанинъ еще разъ вздымаетъ очи къ небу.

— И принимаете участіе въ оперѣ „Жизнь за Царя“? продолжаетъ допрашивать мировой..

— Товарищи мои по хору, объясняетъ истецъ.

— Не можете-ли вы мнѣ сказать, насколько исполняемая подсудимымъ роль могла подать ему поводъ на поступокъ, по которому принесена мнѣ вашимъ товарищемъ жалоба?

Свидѣтели переглядываются и переминаются съ ноги на ногу. „Вотъ-те и задача!“ читается на ихъ недоумѣлыхъ лицахъ.

Мировой подпираетъ голову обѣими руками и пристально упирается въ нихъ взглядомъ:

— Подсудимый, медленно роняетъ онъ слова,—утверждаетъ, въ извиненіе свое, что увлекся положеніемъ изобра-

жаемаго имъ лица до того, что, такъ сказать, безвольно... Вы именно это утверждаете? строго и быстро поворачиваетъ онъ голову въ сторону Сусанина.

— Такъ точно, поспѣшно начинаетъ кивать ему тотъ,— именно по врожденной мнѣ артистической страстности...

— Прямо человѣку въ ухо? не даетъ ему договорить обиженный.

— Не извольте прерывать! со строгимъ лицомъ обращается и къ нему мировой.

— Я спрашиваю васъ, господа, какъ экспертовъ, относится снова судья къ хористамъ, — полагаете-ли вы, что въ тотъ моментъ роли, когда подсудимымъ нанесено оскорбленіе вашему товарищу, Сусанинъ, по смыслу драмы, можетъ увлечься до рукопашной борьбы съ Поляками,—или не можетъ?

Свидѣтели, обращенные въ экспертовъ, снова переглядываются. „А Богъ его знаетъ!“ говорятъ ихъ лица. Сусанинъ умоляющимъ взоромъ глядитъ на нихъ со своего мѣста.

— Никогда не можетъ! съ рѣшительностью восклицаетъ за всѣхъ истецъ.

— Не васъ спрашиваютъ! останавливаетъ его опять судья.

Одинъ изъ хористовъ выступаетъ впередъ:

— По правдѣ сказать, господинъ судья, начинаетъ онъ, почесывая въ затылкѣ,—артистъ артисту рознь... И кто какъ понимаетъ... Потому, дѣйствительно, мы его влечемъ... значитъ, убить... а онъ все же должонъ хотя видъ показать... потому для виду сцены... Не даваться онъ все же должонъ съ перваго разу...

— Само собою-съ, восклицаетъ уже чуть не фальцетомъ обрадованный Сусанинъ вслѣдъ за этимъ обѣляющимъ его показаніемъ,—вѣдь по тексту слѣдуетъ-съ...

И онъ дѣйствительно запѣваетъ вдругъ во весь голосъ:

„Туда завелъ я васъ,
Куда и сѣрый волкъ не забѣгалъ!..“

— А музыка-съ, что въ этотъ моментъ изображаетъ, что выразилъ этими звуками безсмертный Глинка? Мщеніе онъ выразилъ, адское, такъ сказать, торжество-съ...

Но судья даетъ ему знакъ умолкнуть и прислушивается къ заговорившимъ вдругъ разомъ свидѣтелямъ:

— Нѣтъ, ты это напрасно, Иванъ Ѳомичъ, потому какъ роль показана, такъ ее и играть слѣдуетъ, а не такъ, какъ кто понимаетъ! Потому я такъ могу понять роль, что какъ сыгралъ, такъ сейчасъ меня и помеломъ изъ театра вонъ погонятъ,—вотъ что!.. А драться нигдѣ Сусанину не показано въ роли!..

— Такъ я говорю что? Я говорю, для виду сцены все же слѣдуетъ ему не даваться съ перваго разу... И по музыкѣ не выходитъ, потому, что спасовать ему вдругъ нельзя, когда тутъ еще, можетъ, восемь или девять тактовъ допѣвать приходится?

— И драться, по роли, вовсе имъ не слѣдъ, господинъ судья, подошелъ вдругъ одинъ изъ свидѣтелей къ самому столу мироваго,— потому извольте по либретту свѣрить. Что они передъ самымъ этимъ мѣстомъ, когда Сусанину быть убитымъ, что они поютъ?

Хористъ взглядываетъ на Сусанина, подымаетъ руку, и медленно поводя ею въ тактъ:

— Adagio non tanto, четыре четверти...

И запѣваетъ разбитымъ голосомъ:

„Господь, меня ты подкрѣпи
Въ мой горькій часъ,
Въ мой страшный часъ,
Въ мой смертный часъ!“

— Въ этомъ мѣстѣ вы даже постоянно фальшивите, вскидываетъ онъ глаза въ сторону подсудимаго.

— Господинъ мировой судья, вскидывается въ свою очередь Сусанинъ,—это клевета, прошу васъ оградить меня отъ такихъ навѣтовъ.

Судья приглашаетъ его успокоиться и съ глубокомысленнымъ взглядомъ упирается въ лицо свидѣтеля:

— Такъ, по вашему мнѣнію, развитіе музыкальной драмы въ этотъ моментъ не можетъ послужить поводомъ къ раздраженію лица, играющаго роль Сусанина, до того преступнаго вида, въ какомъ оно выразилось въ данномъ случаѣ?

Допрашиваемый, а за нимъ и всѣ остальные свидѣтели склоняютъ головы на бокъ и, съ такимъ же глубокомысленнымъ видомъ, какъ и у самого судьи, упираются въ свою очередь взглядомъ въ его лицо.

— Раздраженія тутъ никакого не можетъ быть, слышится отвѣтъ эксперта,—потому Сусанинъ идетъ на смерть... такъ сказать, съ крестомъ въ груди-съ... Готовъ-съ! Потому знаетъ—не миновать!.. Рѣшился погибнуть,—и идетъ! Къ тому же насъ много тутъ, четверть хора,—а онъ одинъ. При сабляхъ, а онъ безоружный. Все равно, знаетъ,—не одолѣть ему!.. Такъ для чего-жь ему драться?..

Современная юстиція окончательно убѣждается такимъ доводомъ.

— Хорошо-съ! заключаетъ она допросъ свидѣтелей.—Не желаютъ-ли стороны помириться? произноситъ она официальнымъ тономъ.

— Съ моимъ удовольствіемъ! восклицаетъ тутъ же Сусанинъ, — потому что я единственно изъ артистической моей страстности... Я даже ихъ просилъ, въ стихахъ... И еще разъ готовъ... сказать

„Сказать, что виноватъ,
И предъ тобою главой склониться, братъ!..“

начинаетъ онъ декламировать, умоляющими глазами глядя на хориста.

Но врагъ безпощаденъ.

— Я, говоритъ онъ,—господинъ мировой судья, на примиреніе не согласенъ, потому я оскорбленъ какъ человѣкъ, а это для меня всего дороже-съ! Въ наше просвѣщенное время, извѣстно, каждый гражданинъ... Я не согласенъ-съ...

Судья киваетъ ему и принимается строчить свое рѣшеніе. Черезъ нѣсколько минутъ онъ поднимаетъ голову и читаетъ:

Сусанинъ приговаривается на одинъ мѣсяцъ содержанія подъ арестомъ.

Злополучный пѣвецъ даже привскакиваетъ на мѣстѣ:

— Помилуйте, вопитъ онъ,—я на первыхъ оперныхъ роляхъ, служба моя нужна театру...

— Суду до этого дѣла нѣтъ! получаетъ онъ строгій отвѣтъ:—если вы не довольны рѣшеніемъ, вамъ предоставляется двухнедѣльный срокъ для подачи апелляціоннаго отзыва въ мировой съѣздъ.

— Подамъ-съ, непремѣнно подамъ-съ... Позвольте сейчасъ... Я такъ не оставлю, лепечетъ въ негодованіи и въ волненіи русскій Формесъ.

Онъ подалъ апелляціонную жалобу.

Что̀ изъ это вышло, намъ не извѣстно, но досужіе языки того города, въ которомъ имѣлъ сей казусъ мѣсто, утверждали, что мировой съѣздъ, прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію жалобы Сусанина, запасся заранѣе надлежащимъ, по числу своихъ членовъ, количествомъ экземпляровъ либретто „Жизни за Царя“, равно какъ партитурою этой оперы, изданною г. Стелловскимъ. Въ качествѣ же экспертовъ должны-де были быть, на основаніи все той же 112 ст. (зри выше), вызваны ко дню слушанія дѣла всѣ профессоры консерваторіи и всѣ состоявшіе на лицо въ томъ городѣ драматическіе писатели. Только при помощи ихъ мировой съѣздъ и надѣялся якобы рѣшить строго-юридически вопросъ о томъ: заушенъ-ли былъ Сусанинымъ вражій Полякъ дѣйствительно по увлеченію его „артистической страстности“, или единственно по самодурству?

ЦЫГАНКА ТАНЯ *)

О Пушкинѣ и Языковѣ.

Въ Москвѣ, въ одномъ изъ переулковъ Бронной, въ углу убогаго деревяннаго флигеля доживаетъ свои дни 65-тилѣтняя, невысокая и глухая старушка, съ еще не совсѣмъ сѣдыми волосами и большими черными, сохранившими еще необыкновенный блескъ, глазами. У ногъ этой старушки (въ буквальномъ смыслѣ слова) лежалъ когда-то влюбленный поэтъ Языковъ; эту старушку воспѣвалъ онъ вдохновенными стихами:

Гдѣ же ты,
Какъ поцѣлуй насильный и мятежный,
Разгульная и чудо красоты?...
Приди! Тебя улыбкой задушевной,
Объятьями восторга встрѣчу я,
Желанная и добрая моя,
Мой лучшій сонъ, мой ангелъ сладкопѣвный,
Поэзія московскаго житья!

Пѣсни этой старушки доводили когда-то Пушкина до истерическихъ рыданій... Зовутъ ее и понынѣ прежнимъ, когда-то знаменитымъ по всей Москвѣ именемъ Тани. „Бабуся“, или просто „баба“, прибавляютъ къ этому имени нынѣшнія пѣвчія цыганскія птички, изъ которыхъ далеко не всѣ помнятъ ее... Не умираетъ она съ голоду, впрочемъ, благодаря маленькой пенсіи, выдаваемой ей княгинею Голицыною, — единоплеменницею ея...

*) Впервые напечатано за подписью В. П. въ № 131 „С.-Петерб. Вѣд.“ 15 Мая 1875 года. Цыганка Таня умерла два года спустя.

Пишущій эти строки познакомился съ „бабой Таней“ у одной изъ жилицъ того дома, въ которомъ проживаетъ она. Старушка хотя совершенно глуха, но какъ-то чрезвычайно понятлива, догадывается, или читаетъ по движенію губъ вопрошающаго,—во всякомъ случаѣ, на повторенный два или три раза вопросъ, за которымъ слѣдитъ она съ напряженнымъ вниманіемъ своихъ проницательныхъ глазъ, она какъ-то порывисто, какъ бы ужасно обрадовавшись, начинаетъ вдругъ отвѣчать, лицо оживляется чрезвычайно милою, добродушной улыбкой, и воспоминанія счастливаго прошлаго льются уже неизсякаемой струей изъ поблеклыхъ морщинистыхъ ея устъ.

„Поздно уже было, часъ двѣнадцатый, и всѣ мы собирались спать ложиться, какъ вдругъ къ намъ въ ворота постучались,—жили мы тогда съ Лукерьей и Александрой, да съ дядей моимъ Антономъ, на Садовой, въ домѣ Чухина. Бѣжитъ ко мнѣ Лукерья, кричитъ: „Ступай, Таня, гости пріѣхали, слушать хотятъ“. Я только косу расплела и повязала голову бѣлымъ платкомъ. Такой и выскочила. А въ залѣ у насъ четверо пріѣхало, — трое знакомыхъ (потому нашъ хоръ очень любили и много къ намъ ѣзжало). Голохвастовъ Александръ Войновичъ, Протасьевъ—господинъ и Павелъ Ивановичъ Нащокинъ,—очень былъ онъ влюбленъ въ Ольгу, которая въ нашемъ же хорѣ пѣла. А съ нимъ еще одинъ, небольшой ростомъ, губы толстыя и кудлатый такой... И только онъ меня увидѣлъ, такъ и померъ сѐ-смѣху, зубы-то бѣлые, большіе, такъ и сверкаютъ. Показываетъ на меня господамъ: „Поваренокъ, кричитъ, поваренокъ!“ А на мнѣ, точно, платье красное ситцевое было и платокъ бѣлый на головѣ, колпакомъ, какъ у поваровъ. Засмѣялась и я, только онъ мнѣ очень некрасивъ показался. И сказала я своимъ подругамъ по-нашему, по-цыгански: „Дыка, дыка, на не лачо, таки вашескери!“ Гляди, значитъ, гляди, какъ не хорошъ, точно обезьяна! Онѣ такъ и залились. А онъ приставать: „Что ты сказала, что ты сказала?“ — „Ничего, говорю; сказала, что вы надо мною смѣетесь, поваренкомъ зовете“. А Павелъ Войновичъ Нащокинъ говоритъ ему: „А вотъ, Пушкинъ, послушай, какъ этотъ поваренокъ поетъ!..“ А наши всѣ въ это время сѐбрались; весь-то

нашъ хоръ былъ небольшой, всего семь человѣкъ, только голоса отличные были,—у дяди Александра такой теноръ былъ, что другаго такого я уже въ жизнь больше не слыхивала. Романсовъ мы тогда мало пѣли, все больше русскія пѣсни, народныя. Стеша, покойница,—было мнѣ всего 14 лѣтъ, когда померла она,—такъ та, бывало, какъ запоетъ: „Не бушуйте вы вѣтры буйные“, или „Ахъ, матушка, голова болитъ“, безъ слезъ слушать ее никто не могъ, даже итальянская пѣвица была, Каталани, такъ и та заплакала. Однако, когда я уже пѣть начала, были въ модѣ сочиненные романсы. И главный былъ у меня: „Другъ милый, другъ милый, съ-далека поспѣши“. Какъ я его пропѣла, Пушкинъ съ лежанки скокъ—онъ, какъ пріѣхалъ, такъ и взобрался на лежанку, потому на дворѣ холодно было,—и ко мнѣ. Кричитъ: „Радость ты моя, радость моя, извини, что я тебя поваренкомъ назвалъ, ты безцѣнная прелесть, не поваренокъ!...“

„И сталъ онъ съ тѣхъ поръ часто къ намъ ѣздить, одинъ даже частенько ѣзжалъ и какъ ему вздумается, вечеромъ, а то утромъ пріѣдетъ. И все мною одной занимается, пѣть заставитъ, а то просто такъ болтать начнетъ, и помираетъ онъ, хохочетъ, по-цыгански учится. А мы всѣ читали, какъ онъ въ стихахъ цыганъ кочевыхъ описалъ. И я много помнила наизусть и разъ прочла ему оттуда и говорю: „Какъ это вы хорошо про нашу сестру, цыганку, написали!“ А онъ опять въ смѣхъ: „Я, говоритъ, на тебя новую поэму сочиню!“ А это утромъ было, на масляницѣ, и морозъ опять лютый, и онъ опять на лежанку взобрался. „Хорошо, говоритъ, тутъ,—тепло, только ѣсть хочется“. А я ему говорю: „Тутъ, говорю, по близости харчевня одна есть, отличные блины тамъ пекутъ,—хотите, пошлю за блинами?“ Онъ съ перваго раза побрезгалъ, поморщился. „Харчевня, говоритъ, грязь“. „Чисто, будьте благонадежны, говорю, сама не стала бы ѣсть“. „Ну хорошо, посылай“,—вынулъ онъ двѣ красненькія,—„да вели кстати бутылку шампанскаго купить“. Дядя побѣжалъ, все въ минуту спроворилъ, принесъ блиновъ, бутылку. Сбѣжались подруги, и сталъ насъ Пушкинъ потчевать: на лежанкѣ сидитъ, на колѣняхъ тарелка съ блинами,—смѣшной такой, ѣстъ да похваливаетъ:

„Нигдѣ говоритъ, такихъ вкусныхъ блиновъ не ѣдалъ“,—шампанское разливаетъ намъ по стаканамъ... Только въ это время въ приходѣ къ вечернѣ зазвонили. Онъ какъ схватится съ лежанки: „Ахти мнѣ, кричитъ, радость моя, изъ-за тебя забылъ, что меня жидъ-кредиторъ ждетъ!“ Схватилъ шляпу и выбѣжалъ, какъ сумашедшій. А я Ольгѣ стала хвалиться, что Пушкинъ на меня поэму хочетъ сочинять. Ей очень завидно стало: „Я, говоритъ, скажу Нащокину, чтобы онъ просилъ его не на тебя, а на меня безпремѣнно написать“. Нащокинъ пропадалъ въ ту пору изъ-за нея, изъ-за Ольги. Красавица она была и втора чудесная. Только она на любовь съ нимъ не соглашалась, потому у ней свой предметъ былъ,—казакъ гвардейскій, Орловъ, богатѣйшій человѣкъ; отъ него ребеночекъ у нея былъ. А отецъ его, какъ узналъ, что онъ съ цыганкой живетъ, вытребовалъ его домой, на Донъ, изъ гвардіи перевелъ. Онъ оттуда Олѣ жалкія письма писалъ, и на сыночка по двѣ тысячи рублей посылалъ ей каждый годъ, а уѣхать съ Дона—боялся отца. Нащокина же дѣла очень плохи были, и Пушкинъ смѣялся надъ нимъ: „Ты, говоритъ, возьми коромысло, два ведра молока нацѣпи на него и ступай къ своей Ольгѣ подъ окно; авось она надъ тобою сжалится“. А Нащокинъ очень нашелся отвѣтить ему на это: „Тебѣ, говоритъ, легко смѣяться, напишешь двадцать стиховъ, столько же золотыхъ тебѣ въ руки,—а мнѣ каково? Дѣйствительно, говоритъ, одно остается,—нацѣпить себѣ ведра на плечи“.

„Однако, тутъ онъ въ скорости поправился какъ-то, и Ольга, также не дождавшись Орлова, склонилась къ нему и переѣхала жить съ нимъ на Садовую. Жили они тамъ очень хорошо, въ довольствѣ, и Пушкинъ какъ только въ Москву пріѣдетъ, такъ сидьмя у нихъ сидитъ, а братъ его, Левъ Сергѣевичъ, такъ тотъ постоянно и останавливался у нихъ на квартирѣ. Я часто къ нимъ хаживала, меня всѣ они очень ласкали и баловали за мой голосъ,—да и смирна я была всегда, обижать-то меня будто никто и не рѣшался, не за что было!...

— Въ какихъ же годахъ происходило все это? спросили старушку.

— А вотъ считайте: мнѣ теперь шестьдесятъ пятый годъ

пошелъ, а тогда двадцатый минулъ, значитъ, сорокъ пять лѣтъ назадъ будетъ; такъ я говорю?

— Такъ. Въ 1830 году, выходитъ, поэтому?

— Должно быть такъ! Тутъ еще вскорѣ холера первая сдѣлалась; не дай Богъ, что̀ за время было,—вспомнить страшно!... Къ зимѣ все прошло, опять стали мы пѣть, и опять Пушкинъ въ Москву пріѣхалъ,—только рѣже сталъ ѣзжать къ намъ въ хоръ. Однако, нерѣдко я видала его попрежнему у Павла Войновича и Ольги. Сталъ онъ будто скучноватый, а все же, попрежнему, вдругъ оскалитъ свои большіе бѣлые зубы, да какъ примется вдругъ хохотать. Иной разъ даже испугаетъ просто, право!..

„Тутъ узнала я, что онъ жениться собирается на красавицѣ, сказывали, на Гончаровой. Ну, и хорошо, подумала, господинъ онъ добрый, ласковый, дай ему Богъ совѣтъ да любовь! И не чаяла я его до свадьбы видѣть, потому, говорили, все онъ у невѣсты сидитъ, очень въ нее влюбленъ.

„Только разъ, вечеркомъ,—аккуратъ два дня до его свадьбы оставалось,—зашла я къ Нащокину съ Ольгой. Не успѣли мы и поздороваться, какъ подъ крыльцо сани подкатили, и въ сѣни вошелъ Пушкинъ. Увидалъ меня изъ сѣней и кричитъ: „Ахъ, радость моя, какъ я радъ тебѣ, здорово, моя безцѣнная!“— поцѣловалъ меня въ щеку и усѣлся на софу. Сѣлъ и задумался, да такъ, будто тяжко, голову на руку оперъ, глядитъ на меня: „Спой мнѣ“, говоритъ, „Таня, что-нибудь на счастіе; слышала, можетъ быть, я женюсь?“—„Какъ не слыхать, говорю, дай вамъ Богъ, Александръ Сергѣевичъ!“—„Ну, спой мнѣ, спой!“— Давай, говорю, Оля, гитару, споемъ барину!...“ Она принесла гитару, стала я подбирать, да и думаю, что̀ мнѣ спѣть... Только на сердцѣ у меня у самой невесело было въ ту пору; потому у меня былъ свой предметъ,—женатый былъ онъ человѣкъ, и жена увезла его отъ мени, въ деревнѣ заставила на всю зиму съ собой жить, — и очень тосковала я отъ того. И думаючи объ этомъ, запѣла я Пушкину пѣсню,— она хоть и подблюдною считается, а только не годится было мнѣ ее теперича пѣть, потому она будто, сказываютъ, не къ добру:

Ахъ, матушка, что такъ въ полѣ пыльно?
Государыня, что такъ пыльно?
Кони разыгралися... А чьи-то кони, чьи-то кони?
Кони Александра Сергѣевича...

„Пою я эту пѣсню, а самой-то грустнехонько, чувствую и голосомъ то же передаю, и ужь какъ быть, не знаю, глазъ отъ струнъ не подыму... Какъ вдругъ слышу, громко зарыдалъ Пушкинъ. Подняла я глаза, а онъ рукой за голову схватился, какъ ребеночекъ плачетъ... Кинулся къ нему Павелъ Войновичъ: „Что съ тобой, что съ тобой, Пушкинъ?“ „Ахъ, говоритъ, эта ея пѣсня всю мнѣ внутрь перевернула, она мнѣ не радость, а большую потерю предвѣщаетъ!...“ И не долго онъ послѣ того оставался тутъ, уѣхалъ, ни съ кѣмъ не простился.

— И что же, баба, видѣлась ты съ нимъ послѣ того?

— Разъ, — разъ всего потомъ довелось мнѣ его видѣть. Мѣсяцъ, а можетъ и больше, послѣ его свадьбы, пошла я какъ-то утромъ къ Иверской, а оттуда въ городъ, по площади пробираюсь. Гляжу, богатѣйшая карета, новенькая, четвернею ѣдетъ мнѣ навстрѣчу. Я было свернула въ сторону, только слышу громко кто-то мнѣ изъ кареты кричитъ: „Радость моя, Таня, здорово!“. Обернулась я, а это Пушкинъ, окно спустилъ, высунулся въ него самъ и оттуда мнѣ ручкой поцѣлуй посылаетъ... А подлѣ него красавица писаная—жена сидитъ, голубая на ней шуба бархатная,—глядитъ на меня, улыбается. Ужь и не знаю, право, что она объ этомъ подумала, только очень конфузно показалось мнѣ это въ ту пору... Старушка разсмѣялась, будто просіявъ вся отъ того воспоминанія...

— Ну, а съ Языковымъ какъ ты познакомилась?

— Съ Языковымъ? А познакомилась я съ нимъ въ самый день свадьбы Пушкина. Сидѣла я въ тотъ день у Ольги. Вечеромъ вернулся Павелъ Войновичъ, и съ нимъ этотъ самый Языковъ. Бѣлокурый былъ онъ, толстенькій и не дурной. Они тамъ на свадьбѣ много выпили, и онъ совсѣмъ какъ не въ своемъ умѣ былъ. Какъ увидалъ меня, сталъ мнѣ въ любви объясняться. Я смѣюсь, а онъ еще хуже пристаетъ; въ ноги мнѣ повалился, голову на колѣни мнѣ уронилъ, плачетъ: „Я, говоритъ, на тебѣ женюсь. Пушкинъ на красавицѣ женился,

и я ему не уступлю, Фараонка—такой смѣшной онъ былъ,—Фараонка ты моя", говоритъ. — „Такъ съ перваго разу увидали и жениться уже хотите?" смѣюсь я ему опять. А онъ мнѣ на это: „Я тебя давно знаю, ты у меня здѣсь давно", на лобъ себѣ показываетъ, „во снѣ тебя видѣлъ, мечталъ о тебѣ!..." И не понимала я даже, взаправду видалъ-ли онъ меня гдѣ прежде, или такъ онъ только, съ хмѣлю... Павелъ Войновичъ съ Ольгою помираютъ, глядя, какъ онъ ко мнѣ припадаетъ. Однако, очень онъ меня тутъ огорчилъ... Увидалъ онъ у меня на рукѣ колечко съ бирюзою. „Что это за колечко у тебя, спрашиваетъ, — завѣтное?" — „Завѣтное".—„Отдай мнѣ его!" „На что оно вамъ?" говорю. А онъ опять присталъ, сдернулъ его у меня съ пальца и надѣлъ себѣ на мизинецъ. Я у него отнимать,—онъ ни за что не отдаетъ. „До гроба не отдамъ!" кричитъ. И какъ я ни плакала, со слезами молила, онъ не отдалъ. Павелъ Войновичъ говоритъ мнѣ: „Оставь, отдастъ, развѣ думаешь, онъ и въ самомъ дѣлѣ?..." Такъ и осталось у него мое колечко... А оно было у меня завѣтное,—далъ мнѣ его тотъ самый человѣкъ, котораго я любила и который въ деревнѣ былъ; я его, по его письму, со дня на день ждала въ Москву, и просто спать не могла, — что онъ пріѣдетъ, спроситъ про кольцо, а его у меня нѣтъ,—а еще хуже, что оно у другаго человѣка... А тотъ не отдаетъ мнѣ его ни за что. И не знала я, просто, что мнѣ дѣлать. Потому, Языковъ даже скоро пересталъ ѣздить къ намъ въ хоръ...

— Какъ же такъ, баба? Вѣдь онъ въ тебя влюбленъ былъ?

— А Богъ его знаетъ! Влюбленъ, да не милъ,—да и то не знаю даже, что такая за любовь была у него ко мнѣ... Не такъ люди любятъ! Холодный человѣкъ былъ, такъ я сужу"...

Можно заключить, что Языковъ вообще не оставилъ въ памяти старушки никакого значительнаго впечатлѣнія. Она, такъ подробно вспоминавшая о встрѣчахъ своихъ съ Пушкинымъ, гордившаяся тѣмъ, что онъ „хотѣлъ поэму на нее написать", не знала даже, что внушила Языкову мотивы къ тремъ, едва-ли не прелестнѣйшимъ и посвященнымъ ей (Т. Д.) его стихотвореніямъ,—и что однимъ изъ этихъ мотивовъ было именно то колечко, которое онъ въ минуту шалости со-

рвалъ съ ея руки. Но что̀ сказала бы глухая Таня, если бы можно было прочесть ей слѣдующія строфы·

Да, какъ святыню берегу я
Сей перстень, данный мнѣ тобой,
За жаръ и силу поцѣлуя,
Тебя сливавшаго со мной.
. . . . . .
Но что-жѣ? такъ пылко, такъ глубоко,
Такъ вдохновенно полюбя
Тебя, мой ангелъ черноокій,
Одну тебя, одну тебя,—
Одинъ-ли я твой взоръ умильный
Къ себѣ привлекъ? На мнѣ-ль одномъ
Твои объятія такъ сильно
Живымъ свиваются кольцомъ?
Ахъ, нѣтъ! Но свято берегу я и проч.

Никогда никакого „перстня“ не дарила она фантазировавшему по поводу ея поэту. По словамъ старушки, между ею и Языковымъ не только никогда не существовало близкихъ отношеній, но и во всемъ-то недолгомъ ихъ знакомствѣ увлеченіе его выразилось лишь однажды, въ тотъ вечеръ, когда онъ, вернувшись возбужденный со свадьбы Пушкина, улегся у ея ногъ и предлагалъ ей жениться, — причемъ она, разумѣется, по обычаю Цыганокъ того времени, отвѣчала поцѣлуями на его поцѣлуи, учтивости ради. Заподозривать ее въ неискренности нѣтъ никакого основанія, — она такъ простодушно говоритъ о своихъ „предметахъ“. Къ тому же въ 1831 году, въ которомъ написаны были Языковымъ упомянутыя стихотворенія къ Т. Д. (Татьянѣ Демьяновнѣ), относится и слѣдующее признаніе его въ томъ, что̀ онъ называетъ „гармоническою ложью“:

Радушно рабствуетъ поэту
Животворящая мечта;
Его любовному привѣту
Не вѣруй, дѣва красота!
. . . . . .
Вотъ день—и блѣдная ты встала,
Ты не спала, ты все мечтала...
А онъ, таинственникъ Каменъ?
Имъ не играли грезы ночи;

И бодръ, и свѣжъ проснулся онъ,
И про любовь и черны очи
Уже выдумываетъ сонъ.

Страсть къ Танѣ не была-ли точно также „выдумана“ Языковымъ?

— И такъ не отдалъ онъ тебѣ твоего колечка? спросили „бабу“.

— Отдалъ, батюшка, отдалъ! И опять же Пушкину, Александру Сергѣевичу, за то спасибо! Павелъ Войновичъ Нащокинъ нажаловался ему на Языкова, что вотъ онъ какъ нехорошо со мною сдѣлалъ. Александръ Сергѣевичъ и заступился за меня,—заставилъ его перстенекъ мой Олѣ отдать. Отъ нея я его назадъ и получила. И въ-аккуратъ такъ пришлось, что мой-то изъ деревни на другой же день пріѣхалъ... Бѣда, коли-бъ тогда перстенька его не было у меня...

Старушка примолкла, опустила свои блестящіе глаза на свои исхудалые пальцы, будто ища на нихъ слѣда того завѣтнаго колечка, и глубоко вздохнула.

— А ужь какъ мы всѣ плакали по немъ, по Александрѣ Сергѣевичѣ,—встрепенулась она вдругъ, — когда узнали, что убили его, сердечнаго... Давно вѣдь это было... Лѣтъ сорокъ, али больше будетъ?...

Слезы выступили у нея на рѣсницахъ:

— А меня-то когда Господь приберетъ отсюда!.. Охъ, какъ тяжко, какъ тяжко жить! И все бы, кажется, перенести можно,—да вспоминать, вспоминать непереносимо!..

ВЪ ВАГОНѢ *).

Спать на одномъ изъ тѣхъ прокустовыхъ ложъ, которыя называются спальными креслами въ вагонахъ I-го класса Николаевской желѣзной дороги, я рѣшительно былъ не въ состояніи. Невысокаго роста человѣкъ спалзываетъ внизъ по ихъ наклону чуть не въ 45°; высокій — принужденъ поджимать подъ себя свои, несоразмѣрныя съ длиною этихъ креселъ, ноги; и тотъ, и другой всею тяжестью своего тѣла упираются подошвами въ валикъ, устроенный на этотъ предметъ, и чувствуютъ подъ конецъ невыносимую тоску и боль въ этихъ придавленныхъ подошвахъ. Однѣ женщины умѣютъ устраиваться и примащиваться удобно, повидимому, для себя на этихъ постеляхъ - дыбахъ, которыя, купно съ московскими мостовыми, всегда заставляютъ меня переноситься воображеніемъ къ прелестямъ испанской инквизиціи и россійской тайной канцеляріи временъ Бирона.

Одна такая женщина—молоденькая, бѣлокурая, миловидная женщина — спала сномъ младенца, головкою на правой ладони, на одномъ изъ креселъ въ самомъ углу вагона, рядомъ съ дверью, выступъ которой ограждалъ ее отъ сквознаго вѣтра. Затянутый занавѣскою съ одной стороны фонарь билъ съ другой косымъ лучемъ внизъ,—и невѣрный пламень его, колеблемый воздухомъ, игралъ какими-то таинственными переливами по золотистымъ прядямъ ея нѣсколько спутанныхъ волосъ; такая же таинственная тѣнь падала изъ-подъ ея бро-

*) Впервые напечатано за подписью LIII въ № 233 „С.-Петерб. Вѣдом.“ 2-го сентября 1875 года.

вей на чуть-чуть алѣвшія и освѣщенныя ко рту щеки; ея свѣжія губки замѣтно улыбались во снѣ. Изъ-подъ покрывавшаго ее до пояса клѣтчатаго пледа выглядывали лакированные кончики тонкихъ, узкихъ, кокетливыхъ ботинокъ... Зрѣлище было дѣйствительно изящное, какъ говорилось у насъ въ книжкахъ сороковыхъ годовъ...

— Oh, la jolie femme! раздался подлѣ меня чей-то едва слышный шопотъ и глубокій затѣмъ вздохъ.

Я обернулся.

Шепталъ и вздыхалъ сосѣдъ мой по креслу и товарищъ по пыткѣ. И онъ, какъ я, ворочался уже часа два, не находя никакого средства примоститься на своемъ Монбланѣ, какъ выражался онъ.

Я успѣлъ уже до этой минуты перекинуться съ нимъ двумя, тремя словами. Онъ былъ по всѣмъ признакамъ иностранецъ, и въ первый разъ въ Россіи, хотя, какъ я могъ замѣтить, когда подходилъ къ нему кондукторъ за билетомъ, нѣсколько понималъ по-русски.

Онъ сидѣлъ теперь поперекъ своего кресла, спустивъ ноги на полъ, и глядѣлъ, упершись локтями въ колѣни и головою въ руки, какимъ-то тоскливо-любующимся взглядомъ на спавшую красавицу. Самъ онъ былъ очень не дуренъ собою, и на видъ можно было дать ему никакъ не болѣе тридцати лѣтъ (оказалось впослѣдствіи, что ему было цѣлыхъ сорокъ). Каштановые волосы кругомъ правильной, небольшой, съ тонкими чертами, головы, усы и бородка à la François I придавали какую-то молодцеватость откровенно-простодушному, нѣсколько даже наивному выраженію его лица; женщинамъ онъ долженъ былъ несомнѣнно нравиться...

— Вы не спите также? воскликнулъ онъ тотчасъ, какъ замѣтилъ мое движеніе, и какъ бы крайне обрадовавшись.

— Нѣтъ, не могу! сказалъ я.

— N'est-ce pas, monsieur, c'est impossible? обрадовался онъ, повидимому, еще болѣе. Къ счастью, продолжалъ онъ, все также по-французски, —я эту дѣйствительность предпочитаю сладчайшему сновидѣнію! И онъ моргнулъ въ сторону блондинки. Глаза, зубы, шевелившіеся подъ его кудрявыми уса-

ми, — все говорило о неподдѣльномъ восторгѣ, проникавшемъ его.

— Да, дѣйствительно, очень хорошо,—подтвердилъ я.

Онъ качнулъ головою вверхъ:

— Toutes les folies qu'on pourrait faire pour cette femme là! Голосъ его такъ былъ искренень, такъ горячъ, произнося эти слова, что я невольно засмѣялся.

— Попробуйте! Женщины всегда чрезвычайно снисходительны къ тѣмъ глупостямъ, которыя дѣлаются для нихъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ онъ, и все лицо его разомъ будто подернулось облакомъ печали,—я не могу болѣе, не въ правѣ!.. Это для меня теперь кончено...

— „Довольно, милый, перестань, ты заплатилъ безумству дань", проговорилъ я по-русски, засмѣявшись опять: онъ казался мнѣ очень забавнымъ.

— Comment avez-vous dit cela? живо спросилъ онъ.

— Я вспомнилъ стихъ одного нашего поэта,—Пушкина... вы слыхали о немъ?..

— О, да, да, я читалъ немножки, я понимай немножки русски, залепеталъ онъ, засмѣявшись въ свою очередь,—ви скажитъ encore une fois!

Я повторилъ и перевелъ ему.

— Да, да, c'est cela; воскликнулъ онъ, всплеснувъ руками,—я не долженъ болѣе безумствовать!.. Я пріѣхалъ въ Россію быть наставникомъ, неожиданно объяснилъ онъ.

— Настав—никомъ? съ невольнымъ изумленіемъ переспросилъ я.

— Oui, oui, instituteur... Я ѣду à Saratof, dans une famille riche; я съ ними знакомъ давно, еще въ Гамбургѣ... я былъ тогда въ другомъ положеніи... Que voulez-vous? Судьба!..

— Скажите мнѣ, вы не Французъ? сказалъ я,—хотя онъ очень бойко говорилъ по-французски. Это можно было замѣтить по его акценту и нѣкоторымъ оборотамъ рѣчи.

— Меня зовутъ Bernard de la Poivrière отвѣчалъ онъ на это.

— Значитъ—Французъ?

— Нѣтъ, я Австріецъ: отецъ мой былъ Италіанецъ.

— Но фамилія ваша во всякомъ случаѣ не Италіанская?

— Дѣйствительно, дѣдъ мой былъ Французъ, пришелъ съ Наполеономъ въ Италію, а затѣмъ тамъ и поселился; отецъ мой былъ уже Италіанецъ pur sang... А мать моя Хорватка,— въ жилахъ моихъ добрая доля славянской крови; оттого меня такъ всегда и тянуло къ Русскимъ, примолвилъ онъ со своею добродушною улыбкою.

— И вы до нынѣшней поры никогда педагогомъ не были? продолжалъ я безцеремонно допытывать его.

— О, нѣтъ! Я былъ сперва поручикомъ въ австрійской службѣ... но послѣ одного приключенія... гдѣ у меня было переломлено ребро... я долженъ былъ выйти въ отставку... Потому что, вы понимаете, ѣздить верхомъ не было уже для меня возможности,—а я служилъ въ кирасирахъ, — ребро у меня хотя и срослось, но я и пяти минутъ не могъ просидѣть на лошади... Оно у меня и до сихъ поръ болитъ... Я тогда оставилъ службу и сдѣлался гражданиномъ міра, былъ un peu par tout, даже въ Америкѣ прожилъ полгода, проѣдая то, что̀ мнѣ оставилъ отецъ; долго жилъ въ Парижѣ— une ville unique, monsieur! проговорилъ онъ, восторженно поднимая глаза къ потолку вагона,—нѣсколько разъ былъ въ положеніи разбогатѣть опять посредствомъ выгоднаго брака... Mais le guignon m'a toujours poursuivi, судьба постоянно преслѣдовала меня... Такъ сказать, наканунѣ счастія, оно мнѣ вдругъ, неожиданно измѣняло, и я опять видѣлъ себя vis à vis de rien.

— Наконецъ, продолжалъ онъ, послѣ многихъ такихъ неудачъ, я вспомнилъ объ образованіи, которое я получилъ,—я воспитанъ былъ въ военной школѣ, въ Вѣнѣ,—и рѣшилъ, что долженъ прибѣгнуть къ нему, чтобъ не умереть съ голода. Et ma foi,—онъ беззаботно махнулъ при этомъ рукою,—рѣшено, сдѣлано,—я вспомнилъ русское семейство, съ которымъ я познакомился въ прошломъ году въ Гамбургѣ,—тамъ много дѣтей и они всѣ меня любили, потому что я самъ очень люблю дѣтей и всегда принималъ участіе въ ихъ играхъ,—и написалъ матери ихъ,—прекрасивая еще женщина, скажу вамъ!—

предлагая себя въ наставники къ нимъ. Не прошло двухъ недѣль, какъ я получилъ въ Грацѣ, гдѣ находился въ то время, отвѣтъ, — премилый отвѣтъ: меня просили пріѣхать тотчасъ же, предлагали 1200 рублей жалованья и 600 гульденовъ на дорогу, которые я и получилъ у русскаго банкира Эфрусси, въ Вѣнѣ. Я тотчасъ же собрался въ путь, и вотъ, какъ видите, ѣду теперь черезъ Москву въ Нижній-Новгородъ и оттуда по Волгѣ къ своему назначенію.

— Не будетъ нескромностью съ моей стороны спросить васъ, къ кому вы ѣдете?

— О нѣтъ, это, навѣрно, знакомые вамъ люди, потому что, я знаю, это очень извѣстное имя въ Россіи.

Онъ назвалъ одно, дѣйствительно извѣстное имя...

— И что же вы будете преподавать вашимъ воспитанникамъ? спросилъ я опять.

— Oh, un peu de tout, vous savez, добродушно пожалъ онъ плечами:—языки, математику,—я еще до сихъ поръ не забылъ ея,—немножко по-латыни.

— Теперь у насъ не „немножко“, а много латыни требуютъ, замѣтилъ я.

— Ah, vraiment? Diable!—и онъ потянулъ себя за ухо,—я объ этомъ не подумалъ... Ну, все равно, справлюсь какъ нибудь!..

— А какихъ лѣтъ дѣти?

— Ихъ четверо было въ Гамбургѣ тогда. Старшему должно быть теперь лѣтъ четырнадцать, пятнадцать...

— Тѣмъ труднѣе будетъ для васъ, я полагаю... Вѣдь вы, надо думать, призываетесь не единственно въ качествѣ преподавателя, но и воспитателя этихъ дѣтей; вамъ поручается, вѣроятно, наблюденіе за ихъ нравственностью?

— Oh, certainement, certainement, la morale et caetera... И я буду очень строгъ, очень строгъ! И собесѣдникъ мой сжалъ съ суровымъ выраженіемъ свои правильно очерченныя темныя брови.

Мнѣ опять стало ужасно смѣшно:

— Но вѣдь, вы знаете, „la morale et caetera“ имѣютъ смыслъ лишь тогда, когда онѣ заключаются не въ словахъ, а

въ примѣрѣ... А сами вы, кажется, не непогрѣшимы по этой части? Я кивнулъ на кресло, на которомъ продолжала сладко улыбаться во снѣ миловидная блондинка при двойномъ свѣтѣ потухавшаго фонаря и загоравшейся іюльской зари.

— О, съ этой стороны вы можете быть спокойны, прервалъ меня monsieur de la Poivrière, я рѣшился быть теперь непогрѣшимымъ, какъ самъ Пресвятой Отецъ нашъ, Pio Nono. Довольно надѣлали мнѣ вреда эти милыя,—но измѣнчивыя и опасныя существа, ces fallacieuses créatures, monsieur!..

— А потерпѣли вы таки отъ нихъ? сказалъ я, прямо вызывая его на откровенность.

— О! — онъ плечами пожалъ, — все изъ-за нихъ, изъ-за нихъ! Всѣ бѣдствія моей жизни! Изъ-за чего оставилъ я военную службу? Изъ-за переломленнаго ребра. А кто мнѣ ребро переломилъ!..

— Какъ? Неужто женщина?

— Не женщина, а изъ-за женщины... Какъ же за то и хороша она была! воскликнулъ мой оригиналъ съ новымъ приливомъ внезапнаго восторга.—Я вамъ разскажу эту исторію, если вы желаете; преинтересная исторія, увѣряю васъ!..

— Сдѣлайте милость!

— Надо вамъ сказать, началъ онъ,—что австрійскія войска занимали тогда дунайскія княжества: это было не задолго до нашей несчастной войны съ Французами въ Италіи въ 1859 г. Я командовалъ полуэскадрономъ кирасиръ, который расположенъ былъ въ одномъ мѣстечкѣ, принадлежавшемъ одному очень богатому молдавскому бояру. Едва вступилъ я съ отрядомъ моимъ въ его владѣнія, какъ ко мнѣ навстрѣчу выѣхалъ его мажордомъ, приглашая меня отъ его имени остановиться въ его дворцѣ, dans son palazzo, гдѣ мнѣ приготовлены комнаты. Я, разумѣется, согласился съ большимъ удовольствіемъ и поскакалъ тотчасъ же за мажордомомъ. Самъ бояръ встрѣтилъ меня на крыльцѣ своего огромнаго дома, по размѣрамъ и по роскоши дѣйствительно заслуживавшаго названіе палаццо,—и, разцѣловавъ меня въ обѣ щеки, повелъ за руку по мраморной лѣстницѣ наверхъ, гдѣ въ великолѣпномъ залѣ, на мозаичномъ столѣ, разставлены были для меня вся-

кія яства, питія и дулчеццы (сладости). Бояръ былъ почтеннѣйшаго вида старикъ, съ длинною бѣлою бородою и въ длинноломъ, старинномъ, турецко-молдавскомъ костюмѣ, какихъ теперь уже болѣе тамъ не носятъ, съ фескою и даже тюрбаномъ изъ бѣлой кисеи на выбритой головѣ. Я былъ тогда еще молодъ, довѣрчивъ и готовъ былъ виснуть на шеѣ каждаго, кто только оказывалъ мнѣ малѣйшій привѣтъ. Мой хозяинъ показался мнѣ прелестнѣйшимъ старцемъ въ мірѣ, и я, чуть не плача отъ умиленія, благодарилъ его за гостепріимство. Онъ въ свою очередь сталъ меня лобызать снова и, когда я утолилъ апетитъ, взялъ меня за руку и повелъ въ свои внутреннія комнаты. Въ одной изъ нихъ я нашелъ большое общество; все оно сидѣло или стояло кругомъ большаго зеленаго стола, а на томъ столѣ столько навалено было золота, что я его въ такомъ числѣ не видалъ уже затѣмъ ни въ одномъ изъ игорныхъ залъ Германіи, — а я въ каждомъ изъ нихъ оставилъ частичку моего состоянія, милостивый государь! примолвилъ при семъ не безъ торжественности Bernard de la Poivrière. — У меня, признаюсь, даже въ глазахъ зарябило. „Не желаете-ли принять участіе?“ говоритъ мнѣ мой бояръ съ своею любезною улыбкою, — „игра у насъ небольшая“... Не большая! Il se fichait de moi, le sacripant! Тутъ было, по меньшей мѣрѣ, тысячъ двѣсти флориновъ на столѣ!... А у меня въ карманѣ шевелилось какихъ нибудь пятнадцать или двадцать червонцевъ. Я ихъ вытащилъ, раздѣлилъ на три части, — и присѣлъ къ столу... Трахъ! въ три раза все взяли... Очень досадно мнѣ стало, хочу встать... Бояръ, сѣвшій рядомъ со мною, суетъ мнѣ вдругъ какую-то кожаную сумку въ руки. „Тысячу червонныхъ, — шепчетъ онъ мнѣ на ухо, — на эти отыграетесь“... Я нѣсколько удивился, — однако взялъ... И что же бы вы думали, милостивый государь? На эти деньги я не только отыгралъ мои несчастные 20 золотыхъ, но въ тотъ же вечеръ взялъ 3,500 червонныхъ, понимаете? Три тысячи пять... почти сорокъ тысячъ италіанскихъ лиръ! Хорошо, ловко, а?..

— Очень счастливо! замѣтилъ я, любуясь ретроспективнымъ восторгомъ господина Bernard de la Poivrière; — и не проиграли ихъ тутъ же?

— О, нѣтъ! счастіе везло мнѣ необыкновенное, и если бы я только умѣлъ удовольствоваться этимъ!.. Но картъ мнѣ было недостаточно, въ воображеніи шевелились образы, воспоминанія... et caetera. Мнѣ недоставало женщины, домолвилъ онъ, вздохнувъ.

— Зажилъ я, разумѣется, принцемъ, заговорилъ онъ опять, —накупилъ себѣ цѣнныхъ лошадей, ковровъ, оружія... И такъ прошли двѣ недѣли. Вставалъ я, само собою, поздно, такъ какъ вся ночь проходила за игрой,—и ни разу за это время не вздумалось мнѣ выйти въ садъ, разстилавшійся на огромномъ пространствѣ передъ палацомъ моего бояра. Однако, однажды утромъ, послѣ какой-то попойки, вслѣдствіе которой я промаялся всю ночь на своихъ пуховикахъ не лучше, чѣмъ на этомъ Монбланѣ, я прямо изъ окна спальни—помѣщался я въ нижнемъ этажѣ,—выскочилъ въ кусты и очутился въ саду. Часъ былъ десятый въ началѣ; въ этомъ роскошномъ и лѣнивомъ домѣ и люди въ этотъ часъ еще храпѣли по своимъ угламъ. Я никого, разумѣется, не чаялъ встрѣтить, и костюмъ мой поэтому былъ самый, такъ сказать, первобытный: желтыя турецкія туфли, des babouches, на голыхъ ногахъ, надъ ними нѣчто невыразимое, цѣломудренно объяснилъ разсказчикъ,—des inexpressibles, изъ полотна, и затѣмъ такой же полотняный балахонъ, въ которомъ я имѣлъ привычку бриться... И вотъ-съ, иду я въ этомъ прекрасномъ костюмѣ по густымъ, темнымъ аллеямъ волошскаго орѣшника и наслаждаюсь свѣжимъ воздумомъ, отъ котораго, все ощутительнѣе для меня, разсѣявался въ моей головѣ чадъ шампанскаго и всякихъ другихъ влагъ, поглощенныхъ въ ту ночь... Иду, ни о чемъ не думая, какъ вдругъ, показалось мнѣ, кто-то заговорилъ вблизи. Я пріостановился:—дѣйствительно, голоса, и даже женскіе, и шаги невдалекѣ... Я только успѣлъ кинуться за дерево, притаиться, et caetera... Вижу, въ аллею выходятъ два женскія существа: одно старое, другое молодое. Ah, monsieur, чуть не взвизгнулъ при этомъ воспоминаніи чувствительный m-r de la Poivrière,—если-бъ вы только могли видѣть ее.... Ей было семнадцать лѣтъ... Если-бъ вы могли видѣть эти черные, густые волосы, этотъ океанъ волосъ, милостивый государь, эти

пышныя, алыя губы, эти дѣвственныя прелести, рисовавшіяся свободно подъ ея распашнымъ утреннимъ пеньюаромъ. Ah, Dieu, ah, Dieu, qu'elle était belle! Это была Маріорица, милостивый государь, дочь моего хозяина, о существованіи которой даже я не зналъ до тѣхъ поръ, а съ нею—ея служанка, няня, sa bonne, que sais-je. И онѣ говорили между собою и—представьте себѣ,—говорили про меня. Съ тѣхъ поръ, какъ мы стояли въ княжествахъ, я успѣлъ научиться понимать румынскій языкъ,—и я понялъ очень хорошо, что она, прелестная Маріорица, допрашиваетъ свою спутницу на счетъ одной моей лошади, которую наканунѣ водили передъ окнами дворца, и при этомъ,—вы можете себѣ представить мое блаженство!—изъ этихъ роскошныхъ губокъ ея ясно разслышалъ я слова: „Таль формозъ капитанъ!“ Это значитъ: онъ очень красивъ, этотъ офицеръ. Офицера, кромѣ меня, не было въ мѣстечкѣ; при томъ шло дѣло о моей лошади... Вы понимаете? И m-r de la Poivrière скромно потупилъ очи...

— Что же вы, засмѣялся я, — услыхавъ эти блаженныя слова, выскочили изъ-за своего дерева, кинулись къ ея ногамъ и...

— Oh, mon Dieu! съ настоящимъ отчаяніемъ въ голосѣ прервалъ онъ меня,—я чуть-чуть этого не сдѣлалъ, я насилу помѣшалъ себѣ это сдѣлать, я сверхъестественною силою удержалъ себя сдѣлать это. Но вѣдь это было не возможно!.. Вспомните, въ чемъ я былъ, вспомните эти несчастныя полотняныя inexpressibles, что болтались на моихъ икрахъ, sur mon gras de jambe et caetera... Объясненіе любви въ такомъ костюмѣ, согласитесь, это было не возможно.

— Да, это представляло нѣкоторыя неудобства.

— Но я на слѣдующій же день взялъ свой реваншъ! воскликнулъ тутъ же мой Донъ-Жуанъ.—Съ девятаго часа утра я былъ умытъ, выбритъ, раздушенъ, облеченъ въ тончайшій изъ моихъ кителей и гулялъ въ саду, въ ожиданіи ея... Она появилась, увидѣла меня, изумилась, вскрикнула. Но я не растерялся, извинился, представился... Ah, monsieur, съ какою очаровательною улыбкой слушала она меня, отвѣчала на мои привѣты!.. Въ это же первое свиданіе я узналъ изъ ея розо-

выхъ устъ, что отецъ держитъ ее дома чуть не взаперти, имѣя въ виду выдать ее зимою замужъ за князя Чумическо, такого же богатаго, какъ онъ, сорокалѣтняго бояра, который долженъ былъ прибыть вскорѣ въ Букарештъ изъ Парижа, но что она не любитъ этого Чумическо, что онъ слишкомъ старъ, и что ея желаніе не иначе выйти замужъ, какъ по выбору сердца. Ah, monsieur, какъ она глядѣла на меня, говоря это!.. Объ остальномъ вы догадаетесь сами, заключилъ г. de la Poivrière, передохнувъ, — она была молода, я былъ молодъ, она меня любила, я ее обожалъ...

— Et caetera? договорилъ я.

— Et caetera, пресерьезно повторилъ онъ, — потому что она была единственная дочь своего отца, а у стараго этого чорта было не менѣе, какъ тысячъ триста дукатовъ дохода. Вы понимаете, какое будущее представлялось мнѣ при этомъ!

— Совершенно понимаю.

— Мы спѣлись съ Маріорицею въ какіе нибудь три, четыре дня, началъ онъ опять;—мы сходились съ нею каждое утро безъ всякой помѣхи и объяснялись на совершенной свободѣ. Въ саду была роскошная турецкая бесѣдка, куда мы входили съ нею одни, а на порогѣ ея, въ видѣ сторожевой собаки, усаживалась обыкновенно ея старуха-прислужница, къ которой красавица моя имѣла полное довѣріе... Чтобъ не томить васъ долго моимъ разсказомъ, скажу вамъ только, что я долженъ былъ увезти Маріорицу, и что все для этого было у меня уже готово, какъ вдругъ стряслась нежданно эта ужасная бѣда.

— Ребро? спросилъ я.

Донъ-Жуанъ мрачно уставился мнѣ въ лицо.

— Вы поняли? спросилъ онъ, помолчавъ.

— То есть, не совсѣмъ... Я нѣсколько сконфузился.

— Насъ предала эта мерзостная старуха! воскликнулъ онъ. — Она прилѣзла ко мнѣ поздно ночью, едва я сошелъ сверху; мы продолжали играть тамъ каждую ночь, и коварный бояръ все также лобызалъ и ссужалъ меня деньгами,— и говоритъ она мнѣ: „Черезъ часъ времени спуститесь въ садъ и ступайте въ бесѣдку, Маріорица имѣетъ сообщить вамъ

нѣчто важное". И безъ дальнихъ словъ исчезла тутъ же... Я ничего не подозрѣвалъ и... какъ баранъ, какъ глупый баранъ, милостивый государь, предалъ себя на закланіе!.. Вмѣсто Маріорицы, въ бесѣдкѣ ждали меня три гайдука, de vrais Pandours,—я же былъ одинъ, безоруженъ!.. Не успѣлъ я крикнуть, какъ эти разбойники бросились на меня и...

— Что вы! даже вскрикнулъ я.

— Que voulez-vous! Le guignon! На другой день утромъ два кирасира моего отряда, проходя по дорогѣ мимо сада, увидали меня, лежавшаго безъ движенія подъ плетнемъ; мучители мои, доведя меня до безчувствія, перекинули меня черезъ этотъ плетень, при чемъ переломили мнѣ ребро, и даже не одно, а цѣлые два,—вотъ здѣсь! указалъ себѣ онъ на правый бокъ.—Я былъ отвезенъ въ госпиталь, въ городъ, потому что оказалось, что въ ту же ночь бояръ со своею дочерью и всѣмъ своимъ домомъ уѣхалъ въ Букарештъ; палаццо его было пустынно, какъ Робинзоновъ островъ... Я чуть не умеръ отъ этого приключенія.

— И красавицы своей больше не видали? полюбопытствовалъ я.

— Нѣтъ, громко вздохнулъ онъ,—первое извѣстіе о ней достигло до меня не ранѣе, какъ черезъ четыре мѣсяца... Я былъ тогда въ Константинополѣ съ другою женщиною...

— Ходокъ же вы однако! не могъ я не замѣтить.

— Que voulez-vous!.. Я ее увезъ изъ Яссъ изъ жалости, отъ мужа, который измучилъ ее своею ревностью...

— А Маріорица что же?

— Вышла замужъ за князя Чумическо; — вы понимаете, le guignon!

— Ну, а съ дамою изъ Яссъ, что вы сдѣлали?

— Отослалъ ее къ мужу обратно, прехладнокровно отвѣтилъ мой обольститель.

— И онъ принялъ ее?

— Съ восторгомъ! Я еще въ прошломъ году былъ у нихъ въ Вѣнѣ. Живутъ какъ два голубя, и премножество дѣтей народили...

— Вы долго жили въ Константинополѣ?

— Нѣтъ, я оттуда уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ прожилъ десять лѣтъ сряду, уѣзжая лишь лѣтомъ въ Германію на воды, т. е. гдѣ была игра... Я знакомъ былъ въ Парижѣ со всѣмъ русскимъ обществомъ, la princesse, la comtesse, le baron...

Онъ, словно басню, привелъ мнѣ наизусть дюжины двѣ извѣстнѣйшихъ именъ петербургскаго high life. A... Z...

— Какъ же это вы въ Америку попали?

— Очень просто. Случилось мнѣ какъ-то вечеромъ говорить по душѣ съ однимъ пріятелемъ; я ему признался, что у меня, изъ довольно порядочнаго капитала, оставленнаго мнѣ отцомъ, осталось ровно на одинъ годъ существованія. „Ты бы въ Америку съѣздилъ“, сказалъ онъ мнѣ шуткою,—„дѣвушки тамъ прекрасивы, пребогаты, и притомъ съ полною свободою располагаютъ собою“. „C'est une idée cela!“ воскликнулъ я,— и черезъ недѣлю плылъ на трансатлантическомъ пароходѣ изъ Гамбурга въ Нью-Іоркъ.

— И что же, нашли вы въ Америкѣ то, за чѣмъ поѣхали?

— Нашелъ! И г. de la Poivrière даже руками всплеснулъ,— только не на самомъ материкѣ, а на пароходѣ, который уносилъ меня обратно оттуда въ Европу... Et comme elle était belle, monsieur, если-бъ вы только ее видѣли!... Она была единственная дочь у матери, у которой были огромные нефтяные источники, des mines de pétrole въ Пенсильваніи, и которая была de la secte des noncorformistes, читала все время свои какія-то брошюры и оставляла насъ однихъ цѣлые дни съ Джорджиною. Она же была высокая, бѣлокурая, полная дѣвушка съ этою, знаете, американскою энергіею въ характерѣ, въ tenue своей. Во время качки она сильно страдала морскою болѣзнію, и я всегда держалъ ее за голову, когда ее... et caetera... Когда же мы ступили на европейскую почву—nous étions engagés, мы были женихомъ и невѣстою...

— И... Я не смѣлъ допросить.

— Ah voila! Toujours mon guignon! завздыхалъ онъ.—Мы отправились съ нею путешествовать по Германіи. Говорю: съ нею, потому что мать ея мы возили, какъ старый чемоданъ, который ѣдетъ, не спрашивая и не зная, куда его тащутъ.

Усадишь ее, бывало, въ вагонѣ или въ гостинницѣ, въ какой нибудь уголъ, сунешь ей въ руку одну изъ ея духовныхъ тетрадокъ, — она такъ и закостенѣетъ, до тѣхъ поръ, пока не толкнешь ее и не скажешь: обѣдать пора. Насъ съ Джорджиною всюду принимали за мужа и жену, и ей это нравилось, и сама она прямо называла меня мужемъ передъ всѣми. Мы должны были обвѣнчаться въ Берлинѣ. Но вдругъ на мое... на ея несчастіе, Джорджина вспомнила, что у нея въ Парижѣ есть какая-то старая пріятельница, и что необходимо будто бы, чтобъ эта пріятельница присутствовала на ея свадьбѣ, а изъ этого слѣдовало, что вѣнчаться намъ надо не въ Берлинѣ, а въ Парижѣ. Поѣхали въ Парижъ. Въ Кельнѣ, кажется, влѣзъ къ намъ ночью въ вагонъ какой-то господинъ, показавшійся мнѣ больнымъ, потому что онъ всю дорогу проохалъ и какъ-то странно жался и ерзалъ въ своемъ углу. У меня было какое-то странное предчувствіе, и я все время, помню, заботился о томъ, чтобы этотъ больной не дотронулся какъ нибудь до моей Джорджины... Hélas, monsieur, тщетны были тѣ заботы,—дни моей обожаемой невѣсты были сочтены! Едва пріѣхали мы въ Парижъ—мы остановились въ одномъ отелѣ rue Drouot,—какъ съ нею сдѣлался сильный жаръ, бредъ. Я послалъ тотчасъ же за докторомъ. Онъ озабоченно закачалъ головою, осмотрѣлъ ее и сказалъ, что пріѣдетъ въ тотъ же день вечеромъ. Вы находите ея положеніе опаснымъ? спросилъ я, провожая его. „Признаюсь вамъ, да, отвѣчалъ онъ, у нея оспа“. Боже мой!.. Увы, милостивый государь,—и господинъ de la Poivrière схватилъ себя за голову,—докторъ не ошибался: у нея была оспа—и даже черная. Черезъ два дня все прелестное тѣло Джорджины—я не покидалъ ея все время,—покрылось черными пятнышками; изъ пятнышекъ образовались гнойныя язвы—и какъ отъ нихъ скверно пахло, милостивый государь!—а черезъ пять дней я самъ, собственными руками, заколачивалъ свинцовый гробъ, въ которомъ заключались бренные останки моего ангела, и вмѣстѣ съ ея матерью и ея духовными брошюрами отправилъ его по Сѣверной желѣзной дорогѣ въ Гавръ, откуда все это поплыло въ Америку, къ тѣмъ mines de pétrole, которыхъ владѣльцемъ я былъ бы въ настоящее время, если-бъ

только Джорджинѣ не вздумалось вмѣсто Берлина ѣхать вѣнчаться въ Парижъ.

— Да, позволилъ я себѣ сказать,—это, дѣйствительно, было „du guignon!“ Вы, я полагаю, долго были неутѣшны?

— Je crois bien! Я уѣхалъ въ Эмсъ, гдѣ надѣялся поправиться въ trente и quarante. Но несчастіе преслѣдовало меня и тутъ... А послѣднее, затѣмъ, мое приключеніе доказало мнѣ, что противъ насмѣшливой судьбы ничего не подѣлаешь, и что мнѣ остается склонить голову—et caetera.

— Еще одно приключеніе! воскликнулъ я невольно.

— Да, и, повторяю вамъ, послѣднее! Oh, c'est bien ma dernière aventure, je vous le jure! Monsieur de la Poivrière протянулъ даже руку впередъ, какъ Рауль въ „Гугенотахъ“, въ сценѣ присяги.

— Въ чемъ же оно состояло?

— Въ одномъ отелѣ со мною жило одно очень богатое польское семейство: отецъ, мать и двѣ молоденькія дочери. Отецъ былъ здоровый, свѣжій, веселый господинъ лѣтъ пятидесяти, большой охотникъ до игры и до добраго вина; съ нимъ мы сжились и подружились въ теченіе самаго короткаго времени, такъ что онъ ни одного часа вскорѣ не могъ провести безъ меня... Женѣ его не было еще сорока лѣтъ... и ее, по всѣмъ правамъ, можно было еще назвать красивою женщиною. Изъ дочерей младшая, Октуся, была рыженькая дѣвочка на шестнадцатомъ году... Ah, elle était bien jolie, monsieur, allez! Если-бъ вы только видѣли эти огненные глаза, эти кошачьи ухватки, эту неотразимую грацію, тайна которой принадлежитъ только Полькамъ! Это была настоящая маленькая сирена! И вы можете себѣ вообразить, что̀ я долженъ былъ почувствовать, когда однажды, возвращаясь со всѣмъ семействомъ съ прогулки,—было уже темно, ночь,—эта маленькая сирена сунула мнѣ въ руку записочку, которую я поспѣшилъ прочесть, какъ только остался одинъ въ своемъ нумерѣ. Я прочелъ слѣдующія слова: „Je vous aime et ne serai qu'à vous. Octavie“. Я чуть съ ума не сошелъ отъ блаженства! На другой день мы съ ней объяснились: она повторила мнѣ своими прелестными устами то, что̀ начертала наканунѣ ея ручка,—

она меня любила, клялась, что будетъ принадлежать одному мнѣ. „Все зависитъ теперь отъ maman“, говорила она; „въ согласіи папа нѣтъ сомнѣнія: онъ превозноситъ васъ до небесъ, а въ приданое онъ даетъ мнѣ пять деревень въ Подольской губерніи; я богата; вамъ надо теперь только поговорить съ maman“... Я не сомнѣвался въ ожидавшемъ меня счастіи; я не чаялъ препятствія со стороны матери, — она была всегда со мною такъ любезна, внимательна ко мнѣ. Когда она глядѣла на меня... Hélas, monsieur, c'était encore mon guignon! прервалъ себя разсказчикъ,—и на этотъ разъ опустилъ голову на обѣ руки.

— Она вамъ отказала?

— Хуже! проговорилъ онъ глухо.

— Что же могло быть хуже? изумился я.

— Вы понимаете, началъ monsieur de la Poivrière послѣ минутнаго молчанія,—что я не могъ при всѣхъ просить у ней руки ея дочери. Я поэтому, прежде всего, намекнулъ ей, что имѣю ей передать нѣчто очень важное, и очень бы желалъ, чтобъ это произошло наединѣ. Она мнѣ тотчасъ же назначила часъ и мѣсто, а именно въ одномъ одинокомъ лѣсочкѣ, на одной изъ возвышенностей, окружающихъ Эмсъ... И тутъ, милостивый государь, тутъ... въ отвѣтъ на мое предложеніе ея дочери она кинулась мнѣ на шею, говоря, что сама любитъ меня и не уступитъ меня никому.

— Что же вы сказали? спросилъ я, покусывая губы:—отчаянный видъ, съ которымъ онъ передавалъ мнѣ это приключеніе, былъ невыразимо комиченъ.

— Eh, que voulez-vous! завздыхалъ онъ еще разъ:—человѣкъ слабъ, а эта женщина была страстна. При томъ же.. мы были одни, птицы—пѣли...

— Вы такъ и покончили съ Октусей? прервалъ я его на этомъ мѣстѣ.

— Что было дѣлать? Узнавъ отъ меня о несогласіи ея матери, она предложила мнѣ увезти ее... Но я не могъ, не могъ,— у меня уже ни гроша не оставалось въ ту пору... Говорю вамъ, mon guignon!...

— Чѣмъ же кончилась вся эта исторія?

Г. de la Poivrière неожиданно разсмѣялся.

— Я на другой же день, рано, не простившись ни съ кѣмъ, собралъ мои пожитки и уѣхалъ въ Вѣну. И вотъ теперь, закончилъ онъ,—ѣду à Saratof sur le Volga...

Солнце уже давно проникало во всѣ углы нашего вагона. Разсказы г. de la Poivrière нѣсколько утомили меня. Безсонная ночь давала себя знать. Я кое-какъ прикурнулъ на своемъ креслѣ и забылся...

Мы подъѣзжали къ Химкамъ, когда я открылъ глаза. Мой спутникъ сидѣлъ на ручкѣ порожняго кресла, сосѣдняго съ кресломъ проснувшейся блондинки, и оживленно повѣствовалъ ей о чемъ-то. Хорошенькая женщина улыбаясь слушала его.

Подъ самою Москвою онъ вспомнилъ обо мнѣ, подошелъ и, крѣпко сжимая мнѣ руку:

— Quelle chance! прошепталъ онъ, наклоняясь къ моему уху: — она ѣдетъ по одной дорогѣ со мною par Nijni et le Volga à Samara. Что ниже, вы не знаете: Саратовъ или Самара?

— Саратовъ ниже.

— Ah! diable! Все равно, рѣшилъ онъ,—я ее провожу до Самары! Мы ѣдемъ сегодня же вечеромъ...

На московскомъ дебаркадерѣ мелькнула предо мною въ послѣдній разъ его сѣрая шляпа. Онъ бѣжалъ въ-догонку за блондинкою, таща въ одной рукѣ свой мѣшокъ, въ другой— пледъ, прикрывавшій ночью ея красивыя ноги...

ПО ТЕЛЕГРАФУ *).

(РОМАНЪ НАШЕГО ВРЕМЕНИ).

2-го сентября *со Станціи Ольховки* (вторая отъ уѣзднаго города Пыльска) *въ Петербургъ*.

Вронскому.

Сегодня пріѣхалъ. Въ конторѣ нашелъ семь съ полтиною. Ужасно плохо! Успокой Бланшъ. Хоть изъ земли выкопаю двѣ тысячи.

Ольховскій.

6-го сентября. *Со ст. Ольховки въ Москву*.

Графу Спиридову.

Положеніе трагическое. Долговъ болѣе имѣнія. Сидоренко мой честенъ, но глупъ. Съ отчаянія вертѣлъ столъ. Духи совѣтуютъ принять вашъ совѣтъ. Рѣшаюсь. Пишите Захарову.

Ольховскій.

7-го сентября. *Изъ Москвы въ Ольховку*.

Ольховскому.

Мнѣ очень пріятно. Давно бы такъ. Богатъ и одна дочь. Телеграфирую ему. Поѣзжай не откладывая.

Графъ Спиридовъ.

---

*) Впервые напечатано въ № 282 „С.-Петерб. Вѣдом.“ 21-го Октября 1875 года.

7-го сентября. *Изъ Москвы въ Пыльскъ.*

Предводителю Захарову.

Не разъ въ Англійскомъ клубѣ говорилъ о племянникѣ Ольховскомъ. Предстоитъ блестящая карьера. Будетъ къ вамъ. Прелестной вашей Ольгѣ Николаевнѣ цѣлую ручку. Мнѣ будетъ очень пріятно. Графъ Спиридовъ.

8-го сентября. *Изъ Пыльска въ губернскій городъ Бѣловодскъ.*

Еленѣ Розановой.

Папа сказалъ, будетъ къ намъ гвардеецъ О. Что-то предчувствую. Бѣдная я! Ольга Захарова.

9-го сентября. *Изъ Бѣловодска въ Пыльскъ.*

Ольгѣ Захаровой.

Ради Бога, душка, будь тверда! Вспомни А. Онъ изнываетъ. Прочти въ „Вѣстникѣ Европы“ *Девятый валъ* Данилевскаго. Много тебѣ откроетъ.

Елена Розанова.

10-го сентября. *Изъ Пыльска въ Бѣловодскъ.*

Еленѣ Розановой.

О. будетъ завтра... Получаемъ одинъ „Русскій Вѣстникъ“. Прочла „*Изъ-за благъ земныхъ*“ Авсѣенко. Ничего мнѣ не открыло. Ольга Захарова.

12-го сентября. *Изъ Пыльска въ Москву.*

Графу Спиридову.

Благодарю за рекомендацію. Старикъ Захаровъ принялъ чрезвычайно любезно. Она милѣе, чѣмъ я думалъ; но, кажется, очень застѣнчива. Ольховскій.

13-го сентября. *Изъ Москвы въ Пыльскъ.*

Ольховскому.

Застѣнчивость, что̀ французы зовутъ „pudeur“, порука за добрые нравы. Мнѣ очень пріятно. Дай тебѣ Богъ!

Графъ Спиридовъ.

15-го сентября. *Изъ Пыльска въ Бѣловодскъ.*

О. еще у насъ. Онъ совсѣмъ другой, чѣмъ я думала. Леля! папа прочелъ твою телеграмму ко мнѣ. Очень сердился. Впредь, что особенное, адресуй на имя Домны Ѳедоровны.

Ольга Захарова.

16-го сентября. *Изъ Бѣловодска въ Пыльскъ.*

Домнѣ Ѳедоровнѣ Пищукъ.

Безстрастное начальство не отпускаетъ. Все равно, буду завтра. Скажите ей! Что меня ждетъ? Отвѣтъ уплаченъ.

Аристовъ.

17-го сентября. *Изъ Пыльска въ Петербургъ.*

Вронскому.

Извѣсти немедленно Бланшъ. Сейчасъ выслалъ ей двѣ тысячи. Нѣкій благодѣтель, Захаровъ, здѣшній предводитель, взялся распутать мои дѣла.

Ольховскій.

18-го сентября. *Изъ Пыльска въ Бѣловодскъ.*

Фурсикову.

Евстигней, громовый ударъ! Ей навязываютъ гвардейца. Она въ борьбѣ безсильна. Но не попущу. Рай или могила! Отвѣтъ уплаченъ.

Аристовъ.

19-го сентября. *Изъ Бѣловодска въ Пыльскъ.*

Аристову.

А ты, совѣтъ мой, не лѣзь. Потому теперь за эти дѣла отвѣчать можно.

Фурсиковъ.

19-го сентября. *Изъ Пыльска въ Бѣловодскъ.*

Фурсикову.

Ты идіотъ! Отвѣта не жду.

Аристовъ.

20-го сентября. *Изъ Пыльска въ Бѣловодскъ.*

Еленѣ Розановой.

Ольга Николаевна очень разстроилась. Папаша ихъ отказали А. отъ дому. Самъ съ гвардейцемъ уѣхали въ Ольховку.

Домна Пищукъ.

22-го сентября. *Изъ Ольховки въ Москву.* ($8^1/_2$ часовъ утра).

Графу Спиридову.

Сидоренко оказался отъявленнѣйшій мерзавецъ. Спасибо Захарову, — открыто по книгамъ. Скрылъ четырнадцать тысячъ и самъ скрылся сегодня ночью. Ѣду въ Пыльскъ просить о его задержаніи.

Ольховскій.

22-го сентября. *Изъ Пыльска въ Ольховку* ($11^1/_4$ часовъ утра).

Ольховскому.

Если вы благородный человѣкъ, поймете, чего жду отъ васъ. Пыльскъ, Ольховка, гдѣ хотите! Вы или я! Отвѣтъ уплаченъ.

Аристовъ.

22-го сентября. *Изъ Ольховки въ Пыльскъ.* (1 часъ пополудни.

Аристову.

Не имѣя чести знать лично, справился про васъ у господина Захарова. Узналъ. Много смѣялся. Впрочемъ въ Пыльскѣ, въ 6, къ вашимъ услугамъ.

Ольховскій.

22-го сентября. *Изъ Пыльска въ Ольховку* (2 часа пополудни).

Ольховскому.

Кто еще посмѣется—вѣдаетъ Аллахъ! жду въ 6. Вы или я! Отвѣтъ уплаченъ.

Аристовъ.

22-го сентября. *Изъ Петербурга въ Ольховку* (получено въ $3^1/_2$ часа пополудни).

Ольховскому.

Только сейчасъ вернулся изъ Москвы. Бланшъ за границею. Воспроизвожу телеграмму ея, ждавшую меня здѣсь.

Вронскій.

---

19 (31) septembre. *De Berlin à Pétersbourg.*

Vronski, chevaliergarde.

Assez embêtée d'attendre, merçi! Dis à Loulou, envolée pour l'Allemagne avec le petit Palof dans mes malles. Pas d'argent, pas de

Blanche.

22-го сентября. *Изъ Ольховки въ Петербургъ* ($3^3/_4$ часа пополудни).

Вронскому.

Собирался въ Пыльскъ,—махаю въ Питеръ и далѣе. Ее къ чорту, но Паловъ мнѣ отвѣтитъ!

Ольховскій.

22-го сентября. *Изъ Ольховки въ Пыльскъ* ($6^1/_2$ часовъ пополудни).

Аристову.

По депешѣ № 1,687. Адресантъ Ольховскій не отысканъ. Дежурная телеграфистка Татьяна Магеншмерцъ.

22-го сентября. *Изъ Ольховки въ Пыльскъ* ($9^1/_4$ часовъ вечера).

Домнѣ Пищукъ.

Нѣтъ и здѣсь. Скрывается. Но я найду! Онъ или я!

Куда дѣваться мнѣ отъ думъ,
Что все темнѣе и грознѣй?
„Погибнешь!“ шепчетъ тайно умъ...
Скажите ей! Скажите ей!

Отвѣтъ уплаченъ.

Аристовъ.

22-го сентября. *Изъ Пыльска въ Бѣловодскъ* (11 часовъ вечера). Еленѣ Розановой.

Ужасно! А. хочетъ умертвить О. Противный, ненавижу его! Скажи всѣмъ. Остановите! Умру, если случится.

Ольга Захарова.

23-го сентября. *Изъ Бѣловодска въ Пыльскъ.* Ольгѣ Захаровой.

Успокойся, душка, всѣмъ сказала. Но неужели ты измѣнила А.? Напрасно. Онъ увлекается энергіею чувствъ. Перечти *Боярина Оршу*, Лермонтова,—ты поймешь.

Елена Розанова.

23-го сентября. *Изъ Бѣловодска въ Пыльскъ.* Исправнику *(шифровано)*.

По свѣдѣніямъ, чиновникъ мой Аристовъ, самовольно отбывшій изъ Бѣловодска въ вашъ уѣздъ, намѣренъ вступить въ поединокъ съ офицеромъ Ольховскимъ. Примите немедленно мѣры къ предотвращенію. О послѣдующемъ тотчасъ меня увѣдомить. Губернаторъ.

24-го сентября. *Изъ Мыльска (Лебединской губерніи) въ Бѣловодскъ.*

Господину начальнику Бѣловодской губерніи (шифровано).

Проживающій въ уѣздѣ, отставной маіоръ Ольшанскій и учитель чистописанія уѣзднаго училища Аристотелевъ — обязаны мною подпискою не выходить на поединокъ. Показываютъ, впрочемъ, что, по дряхлости лѣтъ и незнакомству другъ съ другомъ, никогда таковаго намѣренія не имѣли. Оба утверждаютъ при томъ, что они въ Бѣловодскѣ никогда не бывали.

Исправникъ Торреадоровъ.

25-го сентября. *Изъ Бѣловодска въ Мыльскъ.* Исправнику.

Бѣловодскій губернаторъ проситъ разъясненія вашей депеши къ нему отъ 24-го сентября. Въ виду чего донесено

ему вами объ отобраніи подписки отъ гг. Ольшанскаго и Аристотелева, лицъ, не жительствующихъ въ предѣлахъ Бѣловодской губерніи? Правитель канцеляріи Сусликовъ.

25-го сентября. *Изъ Мыльска въ Бѣловодскъ.*

Правителю канцеляріи губернатора.

По требованію г. Бѣловодскаго губернатора въ депешѣ ко мнѣ отъ 23-го сентября, означенные въ оной Ольховскій и Аристовъ, не находясь въ Мыльскомъ уѣздѣ, полагалъ, по опискѣ телеграфиста, слѣдуетъ разумѣть Ольшанскаго и Аристотелева. Исправникъ Торреадоровъ.

26-го сентября. *Изъ Бѣловодска въ Мыльскъ.*

Исправнику.

По опискѣ на здѣшней телеграфной станціи адресована вамъ, 23-го сентября, депеша, назначавшаяся въ Пыльскъ, тамошнему исправнику. Означенныя въ оной фамиліи вѣрны.

Правитель дѣлъ Сусликовъ.

26-го сентября. *Изъ Ольховки въ Пыльскъ.*

Исправнику.

Близъ села Ольховки найдено мертвое тѣло. Лицо обезображено до неузнаваемости, частью наденіемъ въ оврагъ, частью отъ укушеній хищнаго звѣря. Нагъ. Тѣло чистое. Подъ лѣвымъ соскомъ прострѣленъ пулею.

Становой приставъ Делла Формоза.

27-го сентября. *Изъ Пыльска въ Бѣловодскъ.*

Господину губернатору (шифрована).

Считаю долгомъ донести. Близъ села Ольховки найдено никому не принадлежащее мертвое тѣло, прострѣленное пулею подъ лѣвымъ соскомъ. По показанію проживающей здѣсь дворянки, Домны Пищукъ, предполагается коллежскій секретарь Аристовъ, убитый въ противозаконномъ поединкѣ гвардіи штабсъ-ротмистромъ Ольховскимъ, оный же изъ ввѣреннаго мнѣ уѣзда скрылся.

Исправникъ Флюгеровъ.

28-го сентября. *Изъ Бѣловодска циркулярно всѣмъ уѣзднымъ исправникамъ Бѣловодской губерніи* (шифрована).

Буде во ввѣренный вамъ уѣздъ прибудетъ гвардіи штабсъ-ротмистръ Ольховскій, немедленно задержать, а меня извѣстить депешею. Губернаторъ.

28-го сентября. *Изъ Пыльска въ Бѣловодскъ.* Его превосходительству, господину губернатору.

Считаю долгомъ конфиденціально сообщить бдительному начальству. Найденный близъ Ольховки ограбленный и искаженный трупъ, по соображеніямъ моимъ, мню, есть лейбъ-гвардіи офицеръ Александръ Егоровичъ Ольховскій. Погибъ же, мнительно, отъ руки канцеляриста Аристова, злостнаго бретера и пустаго человѣка.

Предводитель Захаровъ.

29-го сентября. *Изъ Бѣловодска циркулярно всѣмъ уѣзднымъ исправникамъ Бѣловодской губерніи* (шифрована).

Буде во ввѣренный вамъ уѣздъ прибудетъ чиновникъ канцеляріи моей, коллежскій секретарь Аристовъ, немедленно задержать, а меня извѣстить депешею.

Губернаторъ.

29-го сентября. *Изъ Ольховки въ Бѣловодскъ.*

Господину прокурору (*шифрована*). Необходимо задержать черниговскаго мѣщанина Ѳому Сидоренко, бывшаго управляющимъ у помѣщика Ольховскаго. Скрылся, похитивъ у послѣдняго значительную, по показанію предводителя Захарова, сумму, въ ночь предъ открытіемъ трупа у села Ольховки. Лично мнѣ извѣстенъ. Примѣты: рыжъ, борода рѣдкая, лѣтъ сорока, роста средняго, одѣвается не чисто, носитъ фуражку чернаго цвѣта. Судебный слѣдователь Бурковъ.

30-го сентября. *Изъ Бѣловодска циркулярно всѣмъ уѣзднымъ исправникамъ Бѣловодской губерніи.*

Прошу задержать, если въ уѣздѣ, черниговскаго мѣщанина, бывшаго управляющаго имѣніемъ Пыльскаго помѣщика Ольхов-

скаго, Ѳому Сидоренко. (Слѣдуютъ примѣты, означенныя въ предъидущей телеграммѣ.)

Прокуроръ.

1-го октября. *Изъ уѣзднаго города Чернорижска въ Бѣловодскъ.*

Прокурору.

Сидоренко задержанъ.

Исправникъ Потугинъ.

1-го октября. *Изъ уѣзднаго города Грибова въ Бѣловодскъ.*

Господину Прокурору.

По предписанію вашего высокородія, мѣщанинъ Сидоровъ, очевидно Сидоренко, сегодня задержанъ.

Исправникъ Сосъ.

1-го октября. *Изъ уѣзднаго города Никотина въ Бѣловодскъ.*

Прокурору.

Личность съ примѣтами Сидоренка арестована. Именуетъ себя Матиигуменскимъ. Безъ паспорта.

Исправникъ Бодай-Телецъ.

1-го октября. *Изъ уѣзднаго города Чаломы въ Бѣловодскъ.*

Прокурору.

Сидоренку забралъ. Посадилъ къ себѣ въ баню, потому изъ острога чтобъ не ушелъ.

Исправникъ, маіоръ Амчеладзе.

1-го октября. *Изъ уѣзднаго города Новобѣльска въ Бѣловодскъ.*

Его высокородію, господину прокурору и кавалеру.

Почтительнѣйше доношу. Сего 1-го числа, означенный депешею № 1613, по примѣтамъ черниговскій мѣщанинъ, Ѳома Сидоренко, задержанъ съ опасностью притомъ для своей жизни, господиномъ приставомъ 1-го стана, Мануиломъ фонъ-Брашке. О семъ благопатріоческомъ рвеніи по его службѣ я,

вмѣстѣ съ симъ, счелъ долгомъ донести на вниманіе господина тайнаго совѣтника, начальника сей губерніи.

Исправникъ, коллежскій ассесоръ и кавалеръ,
Таубе фонъ-Таубеннестъ.

1-го октября. *Изъ уѣзднаго города Гремислава въ Бѣловодскъ.*

Господину прокурору.

По означеннымъ въ депешѣ вашего высокородія примѣтамъ мѣщанина Сидоренки, задержалъ въ уѣздѣ двухъ. Полагаю, однако, не настоящіе.

Исправникъ Староегорьевскій.

1-го октября. *Изъ уѣзднаго города Мцынска въ Бѣловодскъ.*

Прокурору.

Сидоренко захваченъ вчера въ селѣ Игнатовѣ, но, по недосмотру сотскаго, Ѳедула Мочалкина, бѣжалъ ночью изъ-подъ караула.

Исправникъ Матыга.

2-го октября. *Изъ Грибова въ Бѣловодскъ.*

Его высокопревосходительству генералу господину губернатору.

Ваше сіятельство, будьте отцомъ, за чтѳ стражду? Отъ дѣла забрали, посадилъ въ острогъ исправникъ.

Заключенный Сидоровъ.

2-го октября. *Изъ Никотина въ Бѣловодскъ.*

Господину Губернатору.

Ввержен невинный съ тати и воры. Заключилъ мя лютый Телецъ, исправникомъ ся именующій. Взываю къ Царю Небесному и къ тебѣ, власть предержащу, да падутъ оковы моя и воздастся достойное кійждому.

Духовнаго званія Іона Матиигуменскій.

2-го октября. *Изъ Чаломы въ Бѣловодскъ.*

Губернатору.

Маіоръ Амчеладзе, мня себя въ Черкессіи, невѣдомо посадилъ въ острогъ. Прошу законную гуманность, повелите мораль съ меня снять.

Купеческій племянникъ Свириденковъ.

2-го октября. *Изъ Новобѣльска въ Тамбовъ.*

Генералу Дитятину.

Будучи вы нашъ прежній баринъ, а мы рабы ваши, защитите ваше превосходительство, какъ извѣстно вамъ бондарь, и меня здѣшній нѣмецъ исправникъ посадилъ.

Иванъ Марковъ.

2-го октября. *Изъ Чернорижска въ Николаевъ.*

Господину Адмиралу, его превосходительству.

Впослѣдствіи служимши пять лѣтъ на элингѣ, какъ при рожденіи Ѳедоръ Вавиловъ, незнаемо какъ за Сидоренку попалъ въ острогъ. Прикажите, изъ послѣдняго долженъ за депешу отдать.

Отставной матросъ 27-го флотскаго экипажа
Вавила Ѳедоровъ.

3-го октября. *Изъ Тамбова въ Бѣловодскъ.*

Въ телеграфное управленіе.

Нѣкій Иванъ Марковъ проситъ меня по телеграфу изъ города Новобѣльска о защитѣ. Именуетъ меня бариномъ, себя рабомъ. Смѣха достойно! Со днемъ 19-го февраля прекратились права мои надъ Иванами Марковыми, равно и обязанности. Къ тому завели новые суды,—голосъ мой не пріемлется! Какъ попущаетъ телеграфное управленіе, вводя меня въ издержки на отвѣтъ?

Отставной генералъ-маіоръ Дитятинъ.

3-го октября. *Со станціи Ольховки въ Бѣловодскъ.*

Прокурору.

Найденный здѣсь трупъ признанъ священникомъ села Бо-

гоявленска за тѣло сына его, Прова Эмпедоклова, воспитанника Бѣловодской семинаріи. Приписываетъ смерть самоубійству, вслѣдствіе меланхоліи.

Судебный слѣдователь Бурковъ.

4-го октября. *Изъ Бѣловодска циркулярно всѣмъ уѣзднымъ исправникамъ губерніи.*

Освободите немедленно арестованное вами за Сидоренко лицо. Настоящій Сидоренко задержанъ сегодня здѣсь полиціймейстеромъ. Слѣдуетъ быть осмотрительнѣе при задержаніи вами лицъ по требованіямъ судебной власти.

Прокуроръ.

4-го октября. *Изъ Петербурга въ Москву.*

Графу Спиридову.

Одновременно получена просьба Ольховскаго объ отставкѣ и что убитъ въ Баденѣ пулею гусара Палова. Надѣюсь, преслѣдованія не будетъ.

Вронскій.

4-го октября. *Изъ Москвы въ Пыльскъ.*

Предводителю Захарову.

Племянникъ Ольховскій убитъ на дуэли за границею. Весьма не пріятно. Единственный наслѣдникъ его—я. Прошу немедленно принять законныя мѣры къ описи и опечатанію имущества его и прочее, до моего личнаго прибытія.

Графъ Спиридовъ.

5-го октября. *Изъ Пыльска въ Бѣловодскъ.*

Еленѣ Розановой.

Его нѣтъ! Убитъ! И вѣрно за женщину. А я! Только теперь поняла, какъ любила его. Прощай, жизнь! Пойду въ монастырь.

Ольга Захарова.

5-го октября. *Изъ Бѣловодска въ Пыльскъ.*

Ольгѣ Захаровой.

Вижу, душка, ты увлекаешься *Дворянскимъ гнѣздомъ* Тур-

генева. Старая гиль! Прочти *Полжизни* Боборыкина. Поймешь, какъ ты не современна.

Елена Розанова.

6-го октября. *Изъ Петербурга въ Пыльскъ.*

Домнѣ Пищукъ.

Презрѣнный гвардеецъ скрылся за границу. Хотѣлъ за нимъ,—кошелекъ пустъ. Пламенѣю неизмѣнно. Скажите ей! Отвѣтъ уплаченъ.

Аристовъ.

7-го октября. *Изъ Пыльска въ Петербургъ.*

Аристову.

Ольгѣ Николаевнѣ не до васъ. Получили извѣстіе о смерти О. Хотятъ въ монастырь.

Домна Пищукъ.

7-го октября. *Изъ Петербурга въ Пыльскъ.*

Домнѣ Пищукъ.

Не попущу! Рай или могила! Заложилъ часы. На третій классъ хватитъ. Лечу къ вамъ. Отвѣтъ уплаченъ.

Аристовъ.

8-го октября. *Изъ Пыльска въ Москву.*

Графу Спиридову.

Александръ Егоровичъ Ольховскій прибылъ сегодня изъза границы цѣлъ и невредимъ. Весьма не доволенъ, что вы такъ поспѣшили съ его наслѣдствомъ. Я самъ, признаюсь, удивляюсь.

Захаровъ.

8-го октября. *Изъ Москвы въ Петербургъ.*

Вронскому.

Весьма сѣтую, къ чему ввели въ заблужденіе извѣстіемъ о смерти племянника. Сейчасъ получилъ свѣдѣніе: живъ, въ деревнѣ. Весьма не пріятно.

Графъ Спиридовъ.

8-го октября. *Изъ Петербурга въ Москву.*

Графу Спиридову.

Очевидно, недоразумѣніе. Ничего подобнаго не сообщалъ вамъ. Справьтесь на телеграфѣ.

Вронскій.

9-го октября. *Изъ Москвы въ Петербургъ.*

Вронскому.

Справлялся. Изъ Петербурга передано: „Ольховскій убитъ пулею Палова“. Для меня весьма не пріятно.

Графъ Спиридовъ.

9-го октября. *Изъ Петербурга въ Москву.*

Графу Спиридову.

Не убитъ, а *убилъ* пулею Палова. Здѣсь переврали. Не виноватъ. Во всякомъ случаѣ извините.

Вронскій.

9-го октября. *Изъ Москвы въ Петербургъ.*

Вронскому.

Разумѣется, не виноваты. Но для меня весьма не пріятно.

Графъ Спиридовъ.

12-го октября. *Изъ Пыльска въ Петербургъ.*

Вронскому.

Я здѣсь блаженствую. Если-бъ не воспоминаніе измѣнницы Бланшъ! Дочь Захарова—сама невинность. Кажется, нравлюсь. Завтра порѣшу.

Ольховскій.

13-го октября. *Изъ Пыльска въ Москву.*

Графу Спиридову.

Считаю нужнымъ извѣстить васъ. Александръ Егоровичъ Ольховскій просилъ руки дочери моей Ольги. Далъ согласіе. Свадьба отложена до полученія имъ отставки. Пока переѣхалъ къ намъ жить.

Захаровъ.

13-го октября. *Изъ Москвы въ Пыльскъ.*

Захарову.

Примите сердечнѣйшее поздравленіе. Мнѣ очень пріятно. Племяннику писалъ. Надѣюсь, недоразумѣнія наши съ нимъ окончательно прекращены.

Графъ Спиридовъ.

13-го октября. *Изъ Бѣловодска въ Пыльскъ.*

Домнѣ Пищукъ.

Арестованъ начальствомъ за самовольную отлучку. Обскуранты! Что̀ у васъ? Томлюсь. Отвѣтъ уплаченъ.

Аристовъ.

14-го октября. *Изъ Пыльска въ Бѣловодскъ.*

Аристову.

Ольга Николаевна вчера просватаны за господина Ольховскаго.

Домна Пищукъ.

14-го октября. *Изъ Бѣловодска въ Пыльскъ.*

Домнѣ Пищукъ.

Женщина, сказалъ Шекспиръ, имя тебѣ—крокодилъ! Отправляюсь въ больницу. Отвѣтъ уплаченъ.

Аристовъ.

14-го октября. *Изъ Пыльска въ Бѣловодскъ.*

Еленѣ Розановой.

Лёля, ангелъ, я выхожу за О. Нѣтъ силъ сказать, какъ я счастлива! Цѣлую тебя несчетно разъ.

Ольга Захарова.

15-го октября. *Изъ Бѣловодска въ Пыльскъ.*

Ольгѣ Захаровой.

Увѣрена-ли ты, что честныя гражданскія убѣжденія могутъ мириться съ любовью къ гвардейцу? Прочти у Некрасова: *Тройку* и *Огородника*. А впрочемъ поздравляю. Когда свадьба?

Елена Розанова.

30 octobre (11 novembre). *De Paris à Pilsk.*

Olkovski.

Mon Loulou, Vronski m'apprend ton adresse. Si ne veux me savoir morte, viens me tirer de ma déveine. Rue Caumartin, 15. Je t'aime comme toujours, mon petit chien.

Blanche.

1-го ноября. *Изъ Пыльска въ Москву.*

Графу Спиридову.

Вчерашняго числа племянникъ вашъ, не предваривъ ни меня, ни невѣсту, невѣдомо куда скрылся. На станціи узналъ— взялъ билетъ прямаго сообщенія въ Волочискъ. Значитъ — за границу. Недоумѣваю, дочь слегла.

Захаровъ.

2-го ноября. *Изъ Москвы въ Пыльскъ.*

Захарову.

Для меня очень не пріятно. Легкомысленъ. Первое, для чего потерялъ карьеру? Второе, боюсь, увлекся старою страстью.

Графъ Спиридовъ.

7-го ноября. *Изъ Пыльска въ Бѣловодскъ.*

Еленѣ Розановой.

Онъ исчезъ, покинулъ меня. Что будетъ со мною! О, Леля, если-бъ ты знала... Какой стыдъ!..

Ольга Захарова.

7-го ноября. *Изъ Бѣловодска въ Пыльскъ.*

Ольгѣ Захаровой.

Душка, я говорила тебѣ, чего могла ты ожидать отъ гвардейца! Вспомни Печорина и княжну Мери.

Елена Розанова.

2-го ноября. *Изъ Москвы въ Пыльскъ.*

Захарову.

Племянникъ пишетъ изъ Парижа. Безумный! Проситъ извѣстить, считаетъ себя недостойнымъ руки вашей дочери.

Женится самъ на женщинѣ недостойной его имени. Понимаете, какъ для меня не пріятно?

Графъ Спиридовъ.

26-го ноября. *Изъ Пылька въ Бѣловодскъ.*

Аристову.

Женихъ, свинья безчувственный, чуть не уморилъ нашу барышню. Отъ счастья своего отказался, шлюху, француженку, за себя взялъ. Дѣла ваши могутъ поправиться. Ждите извѣщенія.

Домна Пищукъ.

26-го ноября. *Изъ Бѣловодска въ Пыльскъ.*

Домнѣ Пищукъ.

Нѣмѣю, замираю—и жду! Отвѣтъ уплаченъ.

Аристовъ.

17-го декабря. *Изъ Пыльска въ Бѣловодскъ.*

Аристову.

Пріѣзжайте.

Домна Пищукъ.

17-го декабря. *Изъ Бѣловодска въ Пыльскъ.*

Домнѣ Пищукъ.

Лечу. Отвѣтъ уплаченъ.

Аристовъ.

28-го декабря. *Изъ Пыльска въ Бѣловодскъ.*

Евстигнѣю Фурсикову.

Побѣда. Дѣлаю тебя главнымъ управляющимъ будущими моими имѣніями. Жалованья три тысячи. Довольно? Отвѣтъ уплаченъ.

Аристовъ.

28-го декабря. *Изъ Бѣловодска въ Пыльскъ.*

Аристову.

А ты не врешь?

Фурсиковъ.

28-го декабря. *Изъ Бѣловодска въ Пыльскъ.*

Фурсикову.

Ты глупъ. Пріѣзжай шафером 15-го января. Новый фракъ на мой счетъ.

Аристовъ.

15-го января. *Изъ Пыльска въ Бѣловодскъ.*

Еленѣ Розановой.

Аристовъ проситъ извѣстить, сейчасъ благополучно обвѣнчанъ съ Ольгою Николаевною. Ѣдутъ съ вечернимъ поѣздомъ, тамъ поселятся.

Фурсиковъ.

16-го января. *Изъ Бѣловодска въ Пыльскъ.*

Фурсикову.

За извѣщеніе благодарю. Весь вечеръ проиграла Маршъ Черномора и читала *Жертву вечернюю.*

Елена Розанова.

26-го августа. *Изъ Петербурга въ Пыльскъ.*

Домнѣ Пищукъ.

Сегодня жена даровала мнѣ плодъ любви, въ бракѣ полгода. Сынъ. Сходство сомнительно. Онъ или я? Отвѣтъ уплаченъ.

Аристовъ.

ВЪ ОКНА *).

Изъ записной книжки любопытнаго.

Позднія прогулки по освѣщеннымъ и полупустыннымъ „аристократическимъ“ улицамъ, тянущимся отъ Лѣтняго сада къ Таврическому, представляли всегда для меня особенный интересъ. Тамъ много домовъ, въ которыхъ первые этажи очень низки, окна не превышаютъ роста человѣческаго и, если гдѣ сторы и занавѣси не заграждаютъ взгляда, можно за стеклами подсмотрѣть много любопытнаго, собрать богатый матеріалъ для наблюденій... А наблюденія и *выводы* изъ нихъ, признаюсь вамъ,—страсть моя! Какъ тотъ дилеттантъ-сыщикъ въ романѣ Габоріо, я готовъ построить въ головѣ своей цѣлую драму по извѣстному слѣду сапога на пескѣ, по разорванной женской перчаткѣ или клочку письма, попавшемуся мнѣ на дорогѣ...

Третьяго дня вечеромъ стояла чудесная зимняя погода: градусовъ 5—6 мороза при полномъ отсутствіи вѣтра, снѣга— и мѣсяца, прибавлю я, такъ какъ это послѣднее обстоятельство особенно выгодно для того рода „наблюденій“, о которомъ я говорилъ. Самъ ты свободно глядишь съ улицы, а тебя изъ освѣщенной комнаты въ темени не замѣтятъ подъ окномъ.

Былъ часъ десятый,—часъ, когда половина ...ой улицы въ театрѣ, гулъ каретъ по ней смолкъ и послышится вновь къ полуночи, извощики на перекресткахъ праздно перекидываются

*) Впервые напечатано въ № 344 „С.-Петерб. Вѣдом.“ 22-го декабря 1875 года.

кое-гдѣ словомъ съ прижавшимся къ углу дома городовымъ, посыльные разошлись, — и въ разрѣженномъ воздухѣ гулко раздается отъ времени до времени лишь шлепанье калошъ, да кое-гдѣ кашель неторопливаго пѣшехода...

Я остановился у одного, не новаго, но, какъ говорится, внушительнаго дома. Въ его очень низкомъ rez de chaussée пять оконъ были освѣщены и сторы подняты.

Первые два были очевидно окна спальни, довольно слабо освѣщенной ручною лампою, — при свѣтѣ которой довольно смазливая, не первой юности, но, какъ можно было судить по юркости ея движеній, бойкая и „видавшая виды“ горничная пересчитывала кипу тончайшихъ женскихъ сорочекъ, кофтъ и прочаго бѣлья, только-что, видно, принесеннаго прачкою. Падавшая отъ потолка занавѣсь алькова изъ краснаго кретона съ разводами, тѣмъ же кретономъ обитыя стѣны, коверъ свѣтлыхъ цвѣтовъ во всю комнату, уютная мебель, зеркальный столъ, уставленный серебрянымъ приборомъ и всевозможными принадлежностями дамскаго туалета, — говорили какъ-то несомнѣнно, что спальня эта принадлежала молодой и красивой—непремѣнно красивой—женщинѣ.

Я не ошибался. Она сама была тутъ, въ сосѣдней, большой, въ три окна, совершенно свѣтлой отъ двухъ зажженныхъ въ ней большихъ лампъ, гостиной. Подъ бѣлымъ абажуромъ одной изъ нихъ, на угольномъ диванѣ, у стола, почтеннаго вида старушка, въ чепцѣ и въ черепаховыхъ круглыхъ очкахъ на носу, читала газету. Посреди комнаты, на большомъ, покрытомъ обюсоновскою скатертью, столѣ стояла другая лампа подъ матовымъ колпакомъ. У ближайшаго къ спальной окна, нижнее прясло котораго заставлено было ширмами изъ цвѣтнаго стекла, на крошечномъ женскомъ, обтянутомъ краснымъ бархатомъ, письменномъ столикѣ, подъ широкими листьями подымавшихся надъ нимъ тропическихъ растеній, сидѣла *она*—и быстрыми будто судорожными движеніями руки, макая золотое перо въ маленькую бронзовую чернильницу, писала письмо.

Пламя двухъ свѣчей въ довольно высокихъ подсвѣчникахъ падало плашмя на ея широкій, гладкій лобъ съ замѣтною про-

дольною морщинкою у переносья, на ея красиво очерченныя темныя брови и роскошные темнокаштановые волосы. Она изрѣдка отрывалась отъ письма и, не то гнѣвно, не то задумчиво, устремляла пристально въ уголъ свои каріе съ красноватымъ отливомъ глаза. Мнѣ вспомнились почему-то стихи давно позабытаго поэта Теплякова, въ которыхъ говорится объ „агатовыхъ очахъ"; мнѣ показалось, что ея глазамъ именно приличествовалъ этотъ эпитетъ „агатовыхъ", хотя, ей-Богу, не знаю, какого именно цвѣта бываетъ „агатъ", и эпитетъ мнѣ нравится, по правдѣ сказать, больше ради благозвучія...

Когда она такъ ихъ поднимала и, очевидно, безсознательно глядѣла въ уголъ на свои бананы, подъ лифомъ темнаго шелковаго платья вырисовывался красивый контуръ ея бюста, а надо лбомъ и на затылкѣ становились совсѣмъ видны курчавыя колечки, отдѣлявшіяся отъ массы ея волосъ, — мнѣ приходила тотчасъ же на память *Анна Каренина*... У героини графа Толстаго должна была быть именно *эта* наружность. Его созданіе не просто-ли списокъ съ *этой*, незнакомой мнѣ, изящной и красивой женщины? спрашивалъ я даже себя.

По развитію ея формъ, по темнымъ кругамъ, обводящимъ ея нѣсколько впалые глаза, по матовой бѣлизнѣ полныхъ рукъ, ей можно было дать лѣтъ тридцать съ хвостикомъ, — съ самымъ маленькимъ хвостикомъ, впрочемъ.

Старушка, сидѣвшая въ углу, опустила газету на столъ, приподняла на лобъ очки и, какъ бы отыскавъ глазами писавшую, обратилась къ ней, видимо, съ какимъ-то вопросомъ.

Та быстро обернулась, что-то сказала, — послѣ чего старушка, слегка качнувъ головою, опустила очки и принялась опять за газету, — и со сжавшимися на мигъ бровями обмакнула еще разъ перо въ чернильницу...

Но вдругъ глаза ея блеснули, какъ бы подъ вліяніемъ внезапной новой мысли. Она схватила начатое письмо, разорвала его въ мелкіе-мелкіе кусочки, кинула ихъ въ корзинку подъ столомъ и, взявъ чистый листокъ бумаги, принялась писать опять.

Визгъ подъѣзжавшихъ къ тротуару впереди меня саней заставилъ меня отпрянуть отъ окна. Изъ этихъ саней вышелъ

высокаго роста господинъ въ шубѣ и мѣховой шапкѣ и, позвонивъ у крыльца, принялся разсчитываться съ извощикомъ. Я медленнымъ шагомъ прошелъ мимо него къ сосѣднему дому и, какъ только исчезъ онъ за отворившеюся на его звонокъ дверью, вернулся къ своему посту.

Но теперь къ пяти освѣщеннымъ окнамъ прибавилось еще два. Это были окна кабинета хозяина квартиры. Онъ быстро входилъ въ него, предшествуемый старымъ, сѣдымъ слугою со свѣчою въ рукѣ.

Я видѣлъ его гдѣ-то, это выразительное и осунутое лицо съ падающими внизъ бакенбардами, глубокимъ взглядомъ печальныхъ глазъ и замѣтною сѣдью на вискахъ, — и даже не очень давно видѣлъ, казалось мнѣ, но совсѣмъ какъ бы инымъ, — свѣтлымъ, оживленнымъ, съ выраженіемъ радости жизни въ глазахъ... А впрочемъ я могъ и ошибиться. Мало-ли сколько лицъ прошло предо мною за полвѣка!..

Слуга зажегъ на столѣ четыре свѣчи подъ темнымъ зеленымъ абажуромъ. Хозяинъ все такъ же быстро сѣлъ за столъ, стоявшій бокомъ межъ двухъ оконъ, потянулъ кипу лежавшихъ на лѣвой сторонѣ его бумагъ и сразу погрузился въ чтеніе ихъ.

Старикъ слуга не уходилъ. Онъ взялъ съ другаго стола пепельницу и поставилъ ее подлѣ барина, поднялъ затѣмъ со стула кинутую тѣмъ при входѣ шапку, провелъ по ней нѣсколько разъ обшлагомъ рукава, унесъ ее на столъ, откуда принесъ пепельницу, закрылъ тамъ какую-то развернутую книгу, приподнялъ уголъ свѣсившейся надъ этимъ столомъ картины... Ему какъ будто не хотѣлось уйти...

Онъ не уходилъ—и все посматривалъ избока на погруженнаго въ свои бумаги барина.

Тотъ поднялъ наконецъ глаза. Уста его зашевелились.

Старикъ какъ бы только и ждалъ этого. Онъ старческими, коротенькими шажками подошелъ къ столу и, перегнувшись черезъ него, принялся что-то шептать, изрѣдка оглядываясь на дверь, соединявшую, какъ это было мнѣ видно, кабинетъ съ гостиною.

То, что говорилъ онъ, было, догадывался я, что-то не но-

вое, но глубоко захватывавшее его барина. Онъ откинулся на спинку своего кресла, закинулъ надъ головою сложенныя пальцъ за пальцъ руки и будто замеръ такъ, не отрывая глазъ отъ широкаго, краснаго, какъ бы испуганнаго, лица слуги.

Онъ еще долго сидѣлъ въ этомъ положеніи послѣ того, какъ тотъ, замолкнувъ и выпрямившись, уставился на него съ противоположной стороны стола все съ тѣмъ же испуганнымъ, растерянным лицомъ. Онъ словно очнулся наконецъ, быстро провелъ нѣсколько разъ, будто вытирая его, по лицу рукою, сдѣлалъ тою же рукою нетерпѣливое движеніе по направленію къ двери, откуда вошелъ въ комнату, — и снова, съ какою-то будто жадностью, устремилъ глаза на лежавшія передъ нимъ бумаги.

Широкая грудь старика-слуги высоко приподнялась отъ вздоха — и медленными старческими шажками онъ поплелся изъ кабинета. Черезъ нѣсколько минутъ читавшій поднялъ глаза, обвелъ ими комнату и, какъ бы убѣдившись, что онъ одинъ, глубоко вздохнулъ въ свою очередь, потеръ себѣ лицо еще разъ, долго затѣмъ, уложивъ его на руку, глядѣлъ на что-то стоящее у него въ рамкѣ на столѣ, — портретъ, по всему вѣроятію,—и наконецъ, какъ бы съ усиліемъ надъ собою, нехотя медленно поднялся съ мѣста и направился къ двери въ гостиную.

Я тотчасъ же перебѣжалъ къ прежнему моему окну.

Красавица моя сидѣла у него все также за письменнымъ столомъ и дописывала уже третью страничку втораго изданія своего письма.

Она быстро обернулась, — дверь изъ кабинета отворялась въ эту минуту,—и также быстро подсунула письмо свое подъ красные листы раскинутаго бювара.

— Онъ, вошедшій, прошелъ изъ двери не къ ней, а къ старушкѣ въ уголъ, наклонился и поцѣловалъ ее въ лобъ. Она захватила его за шею и прижалась къ его щекѣ, потомъ приподняла свои очки и принялась слѣдить за нимъ, пока онъ, словно разминая ноги, прогуливался по комнатѣ и опустился наконецъ въ большое, обитое трипомъ, кресло у стола, занимавшаго середку комнаты.

Молодая женщина поднялась съ мѣста и улыбаясь — она улыбалась совершенно спокойно и дружелюбно, я это хорошо замѣтилъ,—направилась къ нему. Онъ поднялъ глаза на какія-то ея слова и улыбнулся тоже. Но какая это была дѣланная,—я это также могъ хорошо замѣтить, онъ былъ освѣщенъ лампою,—не охотная, не радостная улыбка.

Онъ ей что-то сказалъ и опрокинулъ назадъ голову съ усталымъ видомъ. Старушка все глядѣла на него со своего мѣста съ приподнятыми на лобъ очками.

Красавица взяла съ большаго стола бронзовый вызолоченный колокольчикъ—извѣстное réduction кремлевскаго колокола —и задвигала имъ.

Вошелъ слуга въ бѣломъ галстухѣ. Она дала ему какое-то порученіе. Онъ вышелъ.

Черезъ нѣсколько минутъ вошли двое дѣтей—мальчикъ и дѣвочка, лѣтъ 5 — 6. За ними нянька несла на рукахъ годоваго ребенка.

Это были *ихъ* дѣти—несомнѣнно.

Они кинулись къ отцу, радостно махая ручками. Онъ посадилъ на одно колѣно розовую, съ длинными, перевязанными назади голубою лентою, свѣтлыми волосиками, дѣвочку, пока мальчикъ прижимался къ другой его ногѣ и тянулся къ золотой цѣпочкѣ его часовъ.

Нянька въ то же время протянула ему чернокудраго младенца, покоившагося головкою у нея на плечѣ.

Онъ не замѣтилъ... или не хотѣлъ замѣтить?

Онъ поспѣшно, неловко какъ-то двинулъ головою внизъ къ мальчику, копошившемуся у его ноги.

Красавица—она стояла ко мнѣ спиною въ эту минуту,— обошла кругомъ стола, взяла ребенка изъ рукъ няньки и, усѣвшись съ нимъ на диванъ, за кресломъ хозяина, стала порывисто, съ какою-то судорожною нѣжностью обнимать и цѣловать его.

Новый визгъ подъѣзжающихъ саней, раздавшійся за мною, еще разъ оторвалъ меня отъ окна.

Онѣ остановились шагахъ въ десяти у сосѣдняго дома. Я пошелъ имъ навстрѣчу.

Это были господскія сани. Изъ нихъ выскочилъ офицеръ въ бѣлой фуражкѣ и быстро прошелъ мимо, не обративъ на меня ни малѣйшаго вниманія.

Куда же это?

Онъ миновалъ крыльцо дома, у котораго стояла его лошадь, и направился къ тому самому первому окну, въ которое я наблюдалъ за смазливою горничною, считавшею бѣлье отъ прачки. Она, должно быть, все еще тамъ. Ай, да донъ-Жуанъ!..

У меня очень хорошее зрѣніе, какъ и подобаетъ моему Fach, какъ говорятъ Нѣмцы:—остановившись въ нѣкоторомъ разстояніи за санями донъ-Жуана, я разглядѣлъ оттуда, какъ рука его въ бѣлой перчаткѣ, выскользнувъ изъ-подъ бобровыхъ лацкановъ шинели, потянулась и какъ бы прошла вдоль по стеклу того окна.

Отвѣчали-ли ему, или, напротивъ, побоялся онъ быть узнаннымъ, — только онъ тутъ же сбѣжалъ съ тротуара и, описавъ довольно большой кругъ по снѣгу улицы, мелькнулъ своею бѣлою фуражкою уже за крыльцомъ *моего* дома, остановившись у его воротъ. Онъ очевидно ждалъ оттуда свою Дульцинею.

Разстояніе теперь между нами было достаточно велико, чтобъ не давать мнѣ возможности видѣть, что тамъ происходило. Итти же *на него* я на этотъ разъ побоялся: — я человѣкъ любопытный, но все-таки осторожный. Такъ прошло минутъ съ десять. Я проминался съ ноги на ногу, начиная зябнуть отъ бездѣлья... Только вижу, онъ, опять кругомъ, по снѣгу улицы, идетъ назадъ къ своимъ санямъ. Я въ свою очередь двинулся съ мѣста, норовя, какъ бы, пользуясь свѣтомъ близъ горѣвшаго фонаря, глянуть ему, проходя, въ лицо.

Но это мнѣ не удалось: онъ стоялъ на улицѣ, у саней, и тѣнь отъ толстаго его кучера заслоняла его всего.

— Куда теперь, ваше сіятельство? спрашивалъ кучеръ, удерживая затопотавшую длинную ворону.

— Нѣтъ, вотъ что, отвѣчалъ звучный, пріятный голосъ, на баритонныхъ нотахъ, — ты теперь ступай домой, а завтра утромъ пріѣдешь за мною. Не опаздывай,—ученье завтра!..

— Къ Бертѣ Ѳедоровнѣ, ваше сіятельство?

— Ну да, отрывисто проговорилъ баритонъ, вбѣгая на тротуаръ,—и лязгъ его палаша раздался по выметеннымъ плитамъ, удаляясь по направленію Лѣтняго сада.

„Знаю, гдѣ и Берта Ѳедоровна живетъ“! подумалъ я — и уже безъ опаски отправился вновь къ своему обсерваціонному пункту,—только зачѣмъ же ему тогда эта горничная?..

Я прошелся теперь вдоль всего ряда оконъ.

Въ спальнѣ не было никого.—Дульцинея бѣлой фуражки, очевидно, не успѣла еще вернуться изъ-подъ воротъ;—въ гостиной, изъ которой уже ушли дѣти, все также въ углу читала газету старушка, а красавица на своемъ крошечномъ письменномъ столѣ дописывала свою четвертую страницу; въ кабинетѣ хозяинъ тоже писалъ подъ темнымъ абажуромъ своихъ четырехъ свѣчей, быстро перекидывая лѣвою рукою листы лежавшаго передъ нимъ *дѣла*.

Наблюдать дальше не обѣщало мнѣ особеннаго интереса. Меня тянуло теперь подъ окно Берты Ѳедоровны,—она также низко живетъ, и притомъ близёхонько, въ параллельной съ—ой улицѣ... Развѣ посмотрѣть еще разъ, единственно уже эстетическаго наслажденія ради, на открытый мною оригиналъ *Анны Карениной*.

Только-что я прильнулъ къ стѣнкѣ, въ тѣни которой ей нельзя было замѣтить меня изнутри, какъ увидѣлъ, что дверь въ гостиную изъ спальной была отворена, и бойкая горничная манила ее къ себѣ оттуда рукою.

Красавица какъ бы не поняла въ первую минуту;—я видѣлъ только затылокъ обращенной къ этой двери прелестной головки ея, но я угадывалъ недоумѣніе въ ея лицѣ...

Вдругъ она вскочила, схватила свое письмо и исчезла въ эту дверь, которая тотчасъ же затворилась за нею.

Я перебѣжалъ къ слѣдующему окну.

Горничная передавала ей другое, въ четвертушку сложенное и запечатанное, письмо...

„Эге-ге, вотъ оно что!“ пробормоталъ я, къ стыду моему понявъ только теперь.

Она быстро сорвала конвертъ—горничная поспѣшила тутъ-же подобрать его клочки и сунула ихъ себѣ въ карманъ,—и,

поднеся листокъ письма къ маленькой ручной лампѣ, стоявшей на невысокомъ булевскомъ шкапчикѣ, такъ и прильнула глазами къ его строкамъ.

Руки ея все сильнѣе и сильнѣе дрожали по мѣрѣ того, какъ подвигалось ея чтеніе; писанное ею письмо, которое она не успѣла еще сложить, выпало теперь изъ нихъ. Горничная еще разъ наклонилась къ полу, подняла его, тщательно сложила и сунула въ тотъ же карманъ свой... Она, прислонившись къ стѣнѣ у окна, рядомъ съ булемъ, съ жаднымъ вопросомъ въ глазахъ, съ нагло-улыбавшимися губами глядѣла на свою барыню.

Бѣдняжка, мнѣ даже страшно сдѣлалось, когда она, дочитавъ до конца, подняла глаза и устремила ихъ на свою *конфидентку*. Она сдѣлала это такъ быстро, что улыбка не успѣла еще сбѣжать съ лица у той и поразила ее вѣроятно своимъ сквернымъ выраженіемъ. Этимъ я объяснилъ себѣ ту бѣшеную вспышку гнѣва, которая изобразилась на ея лицѣ. Зрачки ея будто хотѣли выкатиться изъ-подъ вѣкъ, губы слились въ одинъ со щеками мертвый цвѣтъ полотна, подбородокъ трясся судорожно и некрасиво... Какія-то, должно быть, не хорошія, неприличныя въ устахъ ея слова вырвались изъ нихъ, — они произвели такой же взрывъ съ той стороны, къ которой обращались они. Горничная поблѣднѣла и затряслась въ свою очередь: губы, щеки, плечи, — все заходило у нея разомъ. Она сунула руку въ карманъ и, вытащивъ оттуда всю подобранную ею только-что бумагу, письмо и клочки конверта,—швырнула ихъ чуть не въ носъ барынѣ и, чуть не сбивъ ея съ ногъ, пробѣгая мимо, исчезла за занавѣсомъ ея алькова...

Красивая женщина закрыла глаза обѣими руками, уперлась локтями въ верхнюю доску шкафчика, и долго, недвижно, оставалась въ этомъ положеніи.

Она, наконецъ, отняла руки, мутнымъ, ошалѣлымъ взглядомъ повела кругомъ себя, и, шатаясь, добравшись до мягкаго угольнаго дивана, на противоположной сторонѣ комнаты, упала на него

„Comme un corpo morto cádde.. "

какъ падаетъ мертвое тѣло—по выраженію Данта.

Слабый свѣтъ лампы чуть освѣщалъ ее теперь. Лица не было видно, и я могъ различать только общій очеркъ ея откинувшагося головою назадъ тѣла. Оно не содрогалось, не двигалось,—она не плакала, это было для меня ясно... Мнѣ становилось жутко...

Я перешелъ еще разъ къ окну гостиной. Старушка все сидѣла на своемъ диванѣ, но не читала болѣе. Передъ нею стояла нянька, которую за четверть часа передъ этимъ я видѣлъ тутъ съ ребенкомъ на рукахъ. Она теперь что-то поспѣшно передавала, размахивая руками и часто поднося ихъ къ горлу...

Старушка вдругъ сдернула со лба очки, кинула ихъ на столъ и, разомъ поднявшись съ мѣста, еще бодрыми и торопливыми шагами вышла изъ комнаты вмѣстѣ съ нянькою.

Въ кабинетѣ хозяинъ, все также перекидывая лѣвою рукою лежавшее передъ нимъ *дѣло*, правою уписывалъ строку за строкою...

Пока я останавливался подъ его окномъ, кто-то выбѣжалъ изъ воротъ дома на улицу:

— Эй, извощикъ!

Двое саней, скрипя полозьями, подкатили тотчасъ же на зовъ его.

— На канаву... дѣтскую больницу знаешь?

— Знаемъ, батюшка... Двугривенничекъ положьте!

— Ну, безъ торга,—садись!..

Сани укатили.

А красавица моя что же теперь?

Въ спальной, кромѣ лампы, стояла еще теперь на небольшомъ столикѣ подлѣ дивана зажженная розовая парафиновая свѣча въ серебряномъ, съ туалета, подсвѣчникѣ. Рядомъ со свѣчею поставлена была небольшая севрскаго фарфора ваза,—и моя *Анна Каренина*, лицомъ къ окну, сожигала надъ нею одинъ за другимъ кучку тонкихъ исписанныхъ листковъ, лежавшихъ тутъ же на столѣ. Она старалась дожечь ихъ безъ малѣйшаго остатка и разжимала пальцы, лишь когда пламя совершенно близко касалось ихъ. Истлѣвшая бумага падала въ вазу...

На ея освѣщенномъ теперь лицѣ изображалась какая-то холодная, злая рѣшимость.

Нетерпѣніе кончить скорѣе видимо разбирало ее. Она сунула вдругъ все, что̀ оставалось еще писемъ, въ вазу и зажгла ихъ спичкою. Пламя разомъ вылетѣло оттуда длиннымъ, голубоватымъ языкомъ... Она дала ему погаснуть, глянула, наклонилась внутрь вазы, и, взявъ ее осторожно подъ низъ, отнесла на свой булевый шкапчикъ. Затѣмъ она открыла и потянула его откидную доску. Шкапчикъ открылъ свое нутро розовыхъ, нѣжно отдѣланныхъ, выдвижныхъ ящиковъ. Она открыла и вытащила совсѣмъ вонъ одинъ изъ нихъ, просунула далеко руку въ оставленную имъ пустоту—и вынула затѣмъ эту руку съ чѣмъ-то крѣпко сжатымъ между ея пальцами... и сейчасъ же оглянулась на дверь въ гостиную за своею спиною и, не довольствуясь этимъ, побѣжала къ той двери. Но, какъ видно, она уже успѣла, пока я ходилъ *наблюдать* у кабинета, запереть эту дверь на задвижку. Она только протянула къ ней свободную свою руку и тотчасъ же опустила ее...

Успокоенная будто теперь, она повела опять взглядъ кругомъ и, какъ бы вспомнивъ, подошла къ туалету, взяла съ него тонкій богемскій стаканчикъ, налила въ него воды изъ такого же графина—и перенесла его на столикъ со свѣчею.

И тутъ же опустилась опять на диванъ, будто ноги у нея подкосились...

Пальцы ея правой, упавшей на колѣни, руки все также сжимали невидимый предметъ, взятый ею изъ шкапчика.

Она вдругъ медленно приподняла ее—и, еще не двигаясь сама, уронила ее на столъ. Пальцы разжались, рука снова упала на колѣни. На столикѣ, подъ розовымъ свѣтомъ парафина, очутился маленькій, всунутый на половину въ отрѣзанный палецъ перчатки, съ темнымъ горлышкомъ, закупоренный пузырекъ...

Это что̀? У меня у самого ноги подкашивались.

Внезапно красавица моя выпрямилась вся, словно изъ-подъ пружины, нажалась грудью къ столику, потянула стаканъ къ себѣ, къ самому краю, взяла пузырекъ, сорвала съ него пробку...

Я вскрикнулъ отъ ужаса... Я не зналъ, звать-ли мнѣ городоваго, или просто самому, сейчасъ, не теряя мгновенія, разбить стекло, остановить, испугать ее на-смерть...

Въ это время она сама, судорожно зажавъ опять въ пальцахъ таинственную стклянку, обернулась лицомъ къ двери, какъ бы прислушиваясь... И вдругъ вскочила, торопливо обѣжала диванъ, потянула задвижку...

Въ комнату вошла старушка. Ленты чепца ея развязались. Въ лицѣ, въ быстро задвигавшихся губахъ явно говорила тревога.

Красавица схватилась за голову, замахала ею, рукою, какъ бы говоря: „сейчасъ, сейчасъ!..“

Старушка скрылась.

Молодая женщина побѣжала къ окну, — я едва успѣлъ укрыться въ тѣнь, — отворила форточку, и что-то мимо меня мелькнуло и звякнуло, ударившись о тумбу тротуара...

Я низко нагнулся, ища глазами. Что-то темнѣло на снѣгу у самаго края тротуарной плиты. Я поднялъ:—это былъ палецъ перчатки съ уцѣлѣвшимъ въ немъ донышкомъ пузырька, издававшимъ довольно сильный запахъ горькаго миндаля...

Я держалъ это разбитое стекло, по правдѣ сказать, не зная, что̀ съ нимъ дѣлать. Я обернулъ его наконецъ въ платокъ, бывшій у меня въ бекеши, и сунулъ въ карманъ. Я его храню до сихъ поръ на память.

Въ спальной, съ открытой еще форточкою, никого уже не было. Изъ гости́ной дверь въ кабинетъ была открыта, и старушка, стоя у этой двери, сообщала что-то съ тою же тревогою на лицѣ сидѣвшему у своего трудоваго стола хозяину.

Онъ внималъ ей, поднявъ глаза и машинально выводя какой-то рисунокъ по бумагѣ, за которою сидѣлъ онъ съ карандашемъ въ рукѣ. Онъ покачивалъ головою съ видомъ сожалѣнія, но то, что̀ сообщалось ему, не затрогивало, повидимому, его личнаго чувства. Въ его большихъ, темныхъ глазахъ говорила все прежняя, глубокая, старая печаль,—не тревога...

Старушка ушла; онъ принялся опять за письмо.

„Однако!“ могъ я только сказать себѣ послѣ пережитыхъ мною ощущеній,—„ребенокъ-то во̀-время заболѣлъ.“

И тутъ же отправился на —ую, подъ окна Берты Ѳедоровны. Почему *Ѳедоровны*, — я уже никакъ не знаю. Самое имя Берты приняла она недавно. Я знавалъ ее, какъ и всѣ, лѣтъ десять сряду подъ именемъ Loulou, или подъ кличкою Caniche, данною ей за ея большіе и острые зубы. Это— изъѣзженная, какъ старая почтовая лошадь, желтоволосая, выкрашеная отъ пятокъ до корня волосъ женщина, владѣющая непомѣрною „blague, et d'un chien sans pareil", какъ выражаются ея товарки, а за ними—вся эта прелестная jeunesse dorée невскихъ береговъ...

Изъ-за этой-то Цирцеи сейчасъ тамъ, черезъ улицу, чуть-чуть... Она живетъ, я уже сказалъ, очень низко, и апартаментъ ея былъ весь освѣщенъ. Только на всѣхъ окнахъ подъ шелковыми драпри опущены были густыя, кисейныя, богато расшитыя занавѣски, изъ-за которыхъ ничего нельзя было разглядѣть въ комнатахъ. Къ счастію, въ крайней изъ этихъ комнатъ открыта была форточка,—и сквозь нея долетали до улицы звуки того птичьяго, картаваго и визгливаго говора, какимъ отличаются парижанки.

Eh ben, mon p'tit, t'as bien fait, tu sais, d'avoir lâché les chiens (отпустить) à ta mijaurée. Quand on a l'honneur de posséder une femme comme moi...

— Veux tu bien finir! раздался черезъ нѣсколько мгновеній смѣхъ и звукъ удара рукою по чему-то мягкому. Знакомый уже мнѣ баритонъ просилъ ее громко теперь позволить ему закрыть форточку. — А то, говорилъ онъ со смѣхомъ же и стараясь картавить ей въ подобіе,—ничего нѣтъ легче, какъ простудиться et passer l'arme à gauche (умереть).

— Eh ben, mon p'tit, s'il te prend fantaisie de tirer la langue, j'en serai bien fachée, mais je n'en mourrai pas, comme dit la chanson, tu sais! грубо отрѣзано было ему на это. J'aime les bains d'air, moi!..

Слушать далѣе я уже не хотѣлъ...

И неужели это всегда, всегда будетъ, и должно происходить такъ?..

ДУЭЛИСТЫ СТАРЫХЪ ВРЕМЕНЪ *).

Лѣтомъ 1850 года я жилъ въ Одессѣ, гдѣ по утрамъ цѣлые часы проводилъ въ купальнѣ, въ обществѣ такихъ же, какъ и я, праздныхъ и изнемогавшихъ отъ жары пріятелей,— а вечеромъ ходилъ, ради ужина, въ англійскій клубъ, куда меня обыкновенно записывалъ тогда уже очень больной, — а годъ послѣ того и скончавшійся,—Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ (братъ поэта). Не смотря на мучившую его одышку, онъ еще каждый вечеръ приходилъ въ клубъ, на обычную партію преферанса. Самъ я не игралъ, но, присаживаясь обыкновенно къ нему, слѣдилъ за его игрою. Меня привыкли тутъ видѣть, и я вскорѣ перезнакомился со всѣми его партнерами. Въ числѣ ихъ былъ одинъ, не высокаго роста, коротко обстриженный, въ усахъ (что тогда было почти исключительно принадлежностью военныхъ и отставныхъ военныхъ), и весьма близорукій господинъ, лѣтъ пятидесяти съ чѣмъ-то, съ чрезвычайно кроткою и симпатичною улыбкою, которою онъ, ни словомъ не возражая при этомъ, отвѣчалъ каждый разъ на жалобы и упреки обремиженнаго имъ игрока или вистера... Фамилія его была Муравьевъ; онъ былъ херсонскій помѣщикъ, женатъ, служилъ когда-то въ арміи и пользовался репутаціею очень хорошаго и честнаго человѣка.

— Вотъ ужь воды не помутитъ! выразился я однажды о немъ, возвращаясь ночью съ Пушкинымъ изъ клуба.

Онъ отвѣчалъ на это своимъ порывистымъ горловымъ смѣ-

*) Впервые напечатано въ № 91 „С.-Петерб Вѣд.“ 1-го апрѣля 1876 г.

хомъ (чрезвычайно напоминавшимъ, какъ говорили мнѣ, смѣхъ его брата).

— Что не помѣшало ему, сказалъ онъ, убить въ молодости знаменитѣйшаго бретера того времени!

— Что вы?

— Попросите его когда нибудь, онъ самъ вамъ разскажетъ,—вы же все ужинаете вмѣстѣ.

Дѣйствительно, послѣ партіи, Муравьевъ обыкновенно садился ужинать рядомъ со мною, что я не могъ не приписывать весьма лестному для меня, тогда еще очень молодаго человѣка, нѣкоторому расположенію его ко мнѣ.

Любопытство мое было сильно возбуждено, и я однажды, послѣдовавъ совѣту Льва Сергѣевича, рѣшился обратиться къ нему прямо...

Онъ весьма обязательно и простодушно заговорилъ такъ:

Было это въ концѣ царствованія государя Александра Павловича. Я служилъ въ александрійскихъ гусарахъ; стояли мы тогда въ Волынской губерніи, и штабъ нашей дивизіи находился въ Бердичевѣ. Въ ту пору въ арміи, въ особенности въ гусарахъ, служило очень много богатыхъ людей, и изъ лучшихъ фамилій; полки десятками считали у себя сверхкомплектныхъ офицеровъ; по эскадронамъ, въ деревняхъ, окромя командировъ, да юнкеровъ, почитай никого не оставалось,—начальство у насъ было на это невзыскательное,—все въ Бердичевѣ проживало... Жизнь тамъ была какая,—можетъ, сами слышали, потому многимъ памятно еще это время,—вавилонское столпотвореніе, просто скажу вамъ. Игра, пьянство, гульба... Что съ этими жидками одними выдѣлывали! Женъ хорошенькихъ и дочерей изъ-подъ носу у нихъ въ бѣлый день увозили, верхами на спинахъ ихъ ѣздили; придетъ не во-время жидъ за деньгами, такъ расписку или вексель заставятъ его разжевать и съѣсть, иначе бороду ему холостымъ зарядомъ изъ пистолета спалятъ, заставятъ въ лужу, въ грязь головою впередъ лѣзть и тому подобное... Въ накладѣ, разумѣется, народецъ этотъ не оставался, и я такъ скажу, что

съ этого самаго, полагаю, времени и пошелъ настоящимъ образомъ богатѣть Бердичевъ. Доставали они намъ всякую вещь, диковину какую хотите, потому сейчасъ тутъ граница, контрабанда шла страшная. За то и драли они съ насъ немилосердно, а въ концѣ концовъ офицеръ въ иной часъ хоть и спалитъ ему бороду, за то по векселямъ по этимъ переплатитъ ему чортову тьму:—у самого нѣтъ, такъ товарищи выручатъ. У насъ на этотъ счетъ первое дѣло было—товарищество и честь полка... За то, можно сказать, и мѣсяца не проходило, чтобъ кого либо не прострѣлили на поединкѣ или голову саблей не разможжили...

Служилъ я такимъ образомъ въ полку уже восьмой годъ, штабсъ-ротмистромъ уже былъ. А отецъ жилъ у меня въ Москвѣ. Вотъ онъ мнѣ разъ и пишетъ: „давно мы съ тобою не видались, не пріѣдешь-ли въ отпускъ?“ Я подалъ—и поѣхалъ. Ну, тамъ, разумѣется, всякія удовольствія, театры, балы; офицеру же, танцору, всегда въ Москвѣ рады. Только я, знаете, свѣтскимъ человѣкомъ никогда не былъ, танцовать не гораздъ былъ; стало меня скоро тянуть обратно въ полкъ, къ товарищамъ. Собрался ѣхать... А надо вамъ сказать, у отца моего былъ задушевный пріятель, графъ Толстой одинъ, человѣкъ съ состояніямъ, тоже домъ свой въ Москвѣ имѣлъ, неподалеку отъ нашего. И у этого графа Толстаго былъ сынъ, котораго я ребенкомъ зналъ. Было ему въ ту пору лѣтъ восемнадцать, и собирался онъ, какъ вся тогдашняя молодежь, въ военную службу. Вотъ-съ отцы-то наши и разсудили, что самое лучшее будетъ опредѣлить его въ нашъ полкъ, подъ мое, такъ сказать, попечительство и наблюденіе, какъ офицера уже опытнаго, и который, по дружбѣ нашихъ семействъ, будетъ молодому человѣку въ родѣ брата старшаго. Я конечно не прочь былъ. Мальчикъ-то былъ славный, воспитанный, благородный, настоящее барское дитя. Въ службу, бѣдняжка, такъ и рвался. „И отличнѣйшій офицеръ будетъ!“ думалъ я про себя, потому это, знаете, сейчасъ видно...

Снарядили его тутъ сейчасъ. Бумаги его, деньги,—все это мнѣ поручили... Что тутъ слезъ было однѣхъ при разставаньи,—потому любимый сынъ, разлука въ первый разъ...—„Сберегите

намъ его, сохраните!"... Мать его въ послѣднюю минуту отпускать его отъ себя просто не хочетъ, безъ чувствъ упала... Старикъ—графъ кричитъ только мнѣ: „съ Богомъ, скорѣе, а не то конца этому не будетъ!.." Такъ я его и увезъ... До сихъ поръ все это такъ живо помнится мнѣ!..

Привезъ я его въ полкъ,—и въ самомъ скоромъ времени сталъ онъ любимчикомъ всего полка. И по службѣ, и по товариществу—малый отличный вышелъ. Все „птенчикомъ" моимъ звали его, смѣясь. Что же, такимъ птенчикомъ гордиться можно было, и я дѣйствительно любилъ его въ родѣ того, какъ если-бъ онъ мнѣ братъ или даже сынъ былъ: — противъ него годами я десятью былъ старше... И пока онъ юнкеромъ былъ, я его отъ себя, почитай, не отпускалъ. Эскадронъ я тутъ получилъ, и онъ у меня въ эскадронѣ на одной со мною квартирѣ и жилъ...

Произвели его въ офицеры... Ну, сами вы знаете, что это такое для молодаго человѣка!.. Ногъ подъ собою не чувствовалъ онъ отъ радости... Въ Бердичевъ, разумѣется, экипироваться. Жидки тутъ разомъ обшили его, и птенчикъ мой надѣлъ въ первый разъ офицерскіе эполеты *); отправились мы съ нимъ обѣдать въ лучшій тогда трактиръ въ Бердичевѣ, къ жиду Іоськѣ.

Офицерства тутъ, по обыкновенію, было множество, въ томъ числѣ нашихъ полковыхъ нѣсколько человѣкъ. Увидѣли Толстаго, вскочили. Поздравленія пошли, обниманія... Сѣли мы всѣ за особый столъ; шампанскаго, разумѣется, первымъ дѣломъ... И идетъ у насъ товарищескій, веселый разговоръ и смѣхъ... Любъ онъ былъ, знаете, всѣмъ, такой молоденькій, свѣжій, радостный. Кто-то и говоритъ: „А на птенчикѣ, господа, поистинѣ, мундиръ нашъ—заглядѣнье!" Онъ же на это, съ радости, — да и выпито было уже порядочно, — вскочилъ съ бокаломъ въ рукѣ: „Господа!"—кричитъ, знаете, этимъ своимъ молодымъ, звонкимъ голосомъ,—„виватъ александрійскій мундиръ, самый красивый и благородный во всей русской арміи!" **).

*) Въ то время гусарскіе офицеры имѣли вицмундиры и сюртуки съ эполетами.

**) Форма александрійскаго гусарскаго полка, дѣйствительно, очень изящна: черный съ серебромъ мундиръ и красный киверъ.

Не успѣлъ онъ это сказать, какъ вдругъ съ другаго стола раздался голосъ, громко и рѣзкимъ, нѣмецкимъ выговоромъ: „Это, говоритъ, одинъ мальчишка и молокососъ можетъ осмѣливаться сказать такихъ словъ предъ господамъ офицерамъ, имѣйщимъ честь носить другіе мундиръ!“

Какъ держалъ бокалъ въ рукѣ Толстой, такъ и полетѣлъ онъ изъ нея моментально въ этого говорившаго,—только стекло о стѣну зазвенѣло...

— Гельмерсенъ! шепнулъ мнѣ тутъ одинъ изъ обѣдавшихъ съ нами товарищей... Самъ же я, по близорукости моей, и не замѣтилъ, что онъ тутъ неподалеку отъ насъ сидитъ.

А Гельмерсенъ былъ вотъ что̀ за человѣкъ: имѣлъ онъ на своемъ вѣку семнадцать дуэлей, въ которыхъ девять человѣкъ уложилъ на мѣстѣ, а остальныхъ покалѣчилъ; два раза разжалованъ былъ за это въ солдаты, ссылался на Кавказъ, выслуживался и опять поступалъ въ полкъ, въ гусары... Было ему въ ту пору уже давно за сорокъ, а состоялъ онъ штабсъ-ротмистромъ въ *** полку *), въ нашей же гусарской дивизіи. Росту онъ былъ высокаго, худой, съ рыжими усищами чуть не по поясъ, глаза мутные, — этакая, знаете, злющая нѣмецкая фигура!.. И всѣмъ онъ настоящій терроръ этою своею фигурою и свирѣпостью внушалъ, потому, какъ самъ онъ хвалился, ему человѣка все равно, что бекаса было застрѣлить.

Задѣло его бокаломъ, или нѣтъ, ужь не знаю. Только поднялся онъ преспокойно съ мѣста, подошелъ къ нашему столу и, воззрясь на Толстаго, протяжно, знаете, будто ядомъ капаетъ: „Вы, говоритъ, за это будете получайть урокъ, господинъ молодой офицеръ!“

— Еще посмотримъ, кто получитъ! отвѣтилъ тотъ такъ, что вотъ сейчасъ, думаю, онъ еще въ усища ему вцѣпится. Я его за руку и сѣсть заставилъ.

— Хорошо, сказалъ Гельмерсенъ,—я къ вамъ сегодня буду имѣть честь прислать моихъ секундантовъ.

— А вотъ мои! Толстой указалъ на меня и другаго товарища...

*) За отдаленностью времени, имя этого полка, названнаго мнѣ Муравьевымъ, никакъ теперь припомнить не могу.

Уладить дѣло не было никакой возможности. Обоюдное оскорбленіе, публично... Къ тому же птенчикъ нашъ ни за что бы и не согласился... Намъ съ товарищемъ, секундантамъ его, оставалось только одно: насколько это было лишь согласно съ его и нашимъ достоинствомъ, при обсужденіи условій дуэли стараться уменьшить невыгодные шансы для Толстаго. Но и этого достигнуть было не легко. Мы начали было съ того, что Толстому, какъ оскорбленному словами: „мальчишка“ и „молокососъ“, слѣдовало стрѣлять первому. Но на это секунданты Гельмерсена возразили намъ, что „Гельмерсенъ этими словами отвѣчалъ на слова Толстаго объ александрійскомъ мундирѣ, оскорбительныя-молъ для офицеровъ всѣхъ остальныхъ гусарскихъ полковъ, такъ какъ онъ не удовольствовался сказать, что онъ „красивѣе“ другихъ мундировъ, что зависитъ отъ вкуса каждаго, а еще то—что онъ „благороднѣе,—значитъ мундиры другихъ полковъ не такъ благородны, какъ александрійскій“... Противъ этого намъ спорить было нельзя, — дѣйствительно, это вырвавшееся въ юношескомъ жарѣ слово было неосторожное слово. При щекотливости понятій тогда у нашего офицерства, стараться намъ съ этой стороны оправдывать Толстаго—значило задѣвать такой предметъ, что всему нашему полку, пожалуй, изъ-за того пришлось бы перевѣдаться съ остальными полками дивизіи. Мы поэтому объ этомъ и не начали, а только доказывали, что если-бъ ихъ Нѣмецъ, вмѣсто бранныхъ словъ, потребовалъ сначала у Толстаго объясненія, то въ такомъ случаѣ мы первые заставили бы молодаго человѣка дать удовлетворительное объясненіе, даже извиниться за вырвавшуюся неловкость. Секунданты Гельмерсена, въ свою очередь, противъ этого не спорили, но говорили, что на „рѣзкія выраженія“ того Толстой отвѣчалъ такимъ „дѣйствіемъ“, которое-молъ высшая степень оскорбленія, какое только можно нанести офицеру, и что Гельмерсенъ былъ даже въ правѣ за это изрубить его на мѣстѣ...

Долго мы спорили, однакожь добились того, что шансы были уравновѣшены. Противники должны были стрѣляться на 18-ти шагахъ, до первой раны, и стрѣлять оба разомъ, по третьему удару въ ладоши. Боясь, чтобъ какъ-нибудь не вмѣ-

шалось начальство,—потому исторія ужь слишкомъ публично произошла, — положено было, что Гельмерсенъ, со своими секундантами, сейчасъ же выѣдетъ изъ мѣстечка, и будутъ они ждать насъ въ 25-ти верстахъ отъ Бердичева, въ деревнѣ одного, всѣмъ намъ знакомаго, польскаго пана, — а мы выѣдемъ ночью, чтобъ на зарѣ прибыть на мѣста... Такъ и сдѣлали...

Ну-съ, и дрались они... и, какъ предчувствовалъ я съ первой минуты, такъ и случилось! Угодилъ онъ нашего птенчика въ самое сердце: какъ стоялъ тотъ, такъ и покатился навзничь, не пикнувъ...

Я ужь и не съумѣю теперь передать вамъ, что со мною тутъ было... Какъ мы его тогда подняли, повезли, хоронили на другой день,—ничего изъ этого у меня въ памяти не осталось. Ходилъ я какъ во мглѣ, знаете, безъ сознанія,—докторъ, послѣ похоронъ, взялъ меня, усадилъ и пустилъ кровь. Только все же не миновалъ я горячки, и все это мнѣ мать его, бѣдняжка, въ бреду представлялась, какъ она, отпуская его со мною, молила меня: „сберегите мнѣ его, сохраните!“ А я вотъ какъ его сберегъ!.. Девятнадцати лѣтъ... да и того ему не было,—мѣсяца до девятнадцати не хватало!..

Вылѣчили меня; только я, знаете, будто изъ какого другаго міра вернулся, опротивѣла мнѣ жизнь и военная служба до того, что я серьезно въ монастырь, въ монахи собирался итти. Только чтобъ отца не огорчить, не пошелъ!.. А къ нему, въ Москву, ѣхать—вы понимаете, каково бы мнѣ это было...

Товарищи,—жили мы всѣ въ полку очень дружно, — видя мое состояніе духа и что мнѣ необходимо мѣсто перемѣнить, разсѣяться, разсудили, что лучше всего послать меня за ремонтомъ. Я согласился охотно, поѣхалъ... Однако большаго облегченія это мнѣ не принесло,—только что за дѣломъ, знаете, меньше времени было думать... А останешься одинъ, опять все тѣ же мысли и чувства... И тутъ все чаще и чаще стало мнѣ приходить въ голову, что у меня съ тѣмъ Нѣмцемъ счеты не покончены, что мы еще когда-нибудь съ нимъ встрѣтимся,—а встрѣтимся, такъ я не выдержу, скажу ему... И тутъ я положилъ себѣ не искать съ нимъ встрѣчи, потому я пони-

малъ, что онъ непремѣнно убьетъ меня, — а мнѣ жаль было старика-отца моего, котораго я очень любилъ... А, надо вамъ кстати сказать, послѣдствій для него дуэль съ Толстымъ не имѣла: начальство тогда старалось по возможности не давать хода производству по такого рода дѣламъ,—къ тому же командиры нашего и Гельмерсена полковъ были пріятели, и сами старые рубаки: его въ тотъ же день отправили въ четырехмѣсячный отпускъ, а у насъ „птенчика“ показали умершимъ отъ воспаленія. Тѣмъ и кончилось, и мнѣ даже, въ бытность мою за ремонтомъ, писали изъ полка, что, по слухамъ, Гельмерсенъ выходитъ въ отставку, получивъ какое-то наслѣдство въ своей Курляндіи, гдѣ будто навсегда и остается...

Черезъ годъ времени вернулся я въ полкъ съ ремонтомъ,— и отличный привелъ, доложу вамъ: ни единой лошади у меня не забраковали!.. Генералу нашему дивизіонному двухъ чудныхъ выѣздныхъ въ Тамбовѣ купилъ по случаю,—такая парочка выдалась, что онъ, повѣрите, чуть не прослезился отъ радости, когда доставилъ я ихъ ему въ Бердичевъ!.. И въ этотъ самый день, отъ генерала, знаете, выходя,—часу это было въ двѣнадцатомъ,—захотѣлось мнѣ поѣсть чего-нибудь, и пошелъ я въ трактиръ къ Іоськѣ... Тутъ мнѣ еще одинъ товарищъ встрѣтился,—дошли вмѣстѣ... Только у самаго крыльца, намъ навстрѣчу, по ступенькамъ сходитъ офицеръ. Поравнялся съ нами, глядитъ на меня—и приложилъ руку къ козырьку... Гельмерсенъ!.. Видно, судьба ужь того хотѣла!.. У меня, знаете, даже въ глазахъ помутилось... Однако я сдержался и, какъ бы не замѣтивъ его, прошелъ вверхъ, не отвѣчая на его поклонъ.

А онъ мнѣ снизу вдругъ: „Штабсъ-ротмистръ Муравьевъ“.

Я обернулся.

— Что вамъ угодно?

— Я, говоритъ, имѣлъ честь сейчасъ вамъ покланиться.

— А я, говорю, кланяться вамъ не желаю.

Онъ поднялся опять по ступенькамъ, сталъ противъ меня и спрашиваетъ:

— Что это значитъ, господинъ штабсъ-ротмейстеръ?

Злость, знаете, на него такъ и душила меня!

— А то, говорю, что вы не офицеръ,—а палачъ!

Хладнокровіе у этого человѣка, скажу вамъ, было адское! Точно змѣя, спокойно и ядовито, поглядѣлъ онъ только на меня, и съ улыбкою:

— Вы, говоритъ, понимаете, штабсъ-ротмейстеръ, что за такихъ словъ вы должны мнѣ отвѣтъ давайтъ?

— Какъ вамъ угодно!

Повернулся я къ нему спиною и вошелъ къ Іоськѣ...

И, повѣрите,—сдѣлалось мнѣ вдругъ такъ легко и весело, какъ уже и не помнилъ я себя съ самой той минуты, когда, годъ тому назадъ, въ этомъ же трактирѣ тотъ же Гельмерсенъ... Я не сомнѣвался, что онъ положитъ меня на повалъ,—а вотъ, подите, точно гора у меня съ плечъ свалилась!.. И ужасно досадно мнѣ было, помню, на моего спутника, который никакъ не могъ скрыть своей тревоги за меня и все норовилъ не глядѣть мнѣ въ глаза... Я потребовалъ вина, заставилъ его пить, и самъ пилъ много,—но не пьянѣлъ. Все такъ же ясно было у меня въ головѣ, и на душѣ спокойствіе такое: „что же, думаю,—онъ меня убьетъ, и прекрасно, а я все же ему сказалъ, что онъ палачъ, — палачъ онъ и есть“!..

Товарищъ, разумѣется, предложилъ мнѣ быть моимъ секундантомъ, а что вторымъ будетъ другой нашъ однополчанинъ, за которымъ онъ съѣздитъ...

— Хорошо, говорю, спасибо, только на счетъ условій прошу предоставить мнѣ лично окончательное рѣшеніе.

Гельмерсенъ дѣло откладывать не любилъ. Въ тотъ же вечеръ, въ заѣзжій домъ, гдѣ я остановился, явились отъ него два офицера съ формальнымъ письменнымъ вызовомъ, на французскомъ даже языкѣ. Я указалъ имъ на моихъ секундантовъ—и вышелъ въ другую комнату, предоставляя имъ выслушать сначала предложенія противника. Минутъ черезъ десять, пришли они мнѣ передать, что секунданты Гельмерсена претендуютъ, чтобъ ему, какъ обиженному, предоставлено было право перваго выстрѣла, но что они, мои секунданты, въ виду моей близорукости и того, что я никогда не стрѣлялъ изъ пистолета, полагаютъ, что шансы дуэли должны быть уравно-

вѣшены и первый выстрѣлъ рѣшенъ на жребій; относительно дистанціи обѣ стороны соглашались, чтобъ драться намъ на 18-ти шагахъ, какъ въ дуэли Толстаго.

— Такъ теперь вотъ на какихъ условіяхъ я желаю драться съ г. Гельмерсеномъ, господа, сказалъ я, выходя къ его посланцамъ:—такъ какъ онъ въ двадцати пяти шагахъ безъ промаха въ туза бьетъ, то ему совершенно все равно попасть въ меня въ 18-ти, какъ и въ 2-хъ шагахъ, а я на осьмнадцати, при моемъ слабомъ зрѣніи, пожалуй и не различу его совсѣмъ. А потому я ему предлагаю слѣдующее: стрѣляться намъ на пяти шагахъ, причемъ мнѣ не должно быть воспрещено употребленіе моего лорнета, безъ котораго мнѣ трудно обходиться,—а кому стрѣлять первому—предоставить рѣшить жребію.

Секунданды его въ первую минуту опѣшили...

— Это неслыханныя условія, говорятъ,—такъ никто не дерется!

— А я на иныхъ драться не стану!

— Такого рода предложеніе, говорятъ они опять,—ни г. Гельмерсенъ, ни мы предвидѣть не могли, а потому мы должны просить у васъ позволенія съѣздить къ нему за новыми полномочіями.

— Сдѣлайте милость, съѣздите!

Вернулись съ такимъ отвѣтомъ, что ихъ довѣритель находитъ мое предложеніе противнымъ всѣмъ дотолѣ принятымъ обычаямъ дуэлей, но что онъ готовъ, для уравновѣшенія шансовъ, уменьшить разстояніе съ 18-ти на 10 шаговъ, и стрѣлять противникамъ одновременно, по сигналу.

— На послѣднее я согласенъ, сказалъ я, но стрѣляться не дальше, какъ на *пяти* шагахъ. А если господину Гельмерсену не угодно принять будетъ это мое безповоротное условіе, такъ я буду считать себя въ правѣ назвать его публично трусомъ и негодяемъ!

Ну, знаете, послѣ этого ему трудно было не согласиться...

Дрались мы на другой день, неподалеку отъ Бердичева, въ лѣсу, на полянкѣ... Утро было сѣрое, за туманцемъ солнца не видать было... Оттого-ли, или отъ предчувствія, только какъ поставили насъ на дистанцію и, поднеся лорнетъ къ глазамъ,

взглянулъ я на противника, показалось мнѣ, что прозябъ онъ весь въ своемъ китель, морщится, а глаза мутнѣе обыкновеннаго... Мнѣ тутъ въ первый разъ пришло въ голову: „а ну, какъ онъ промахнется?“ И я, все не отводя лорнета отъ глазъ, поднялъ свой пистолетъ. Гляжу, и онъ свой поднялъ и наводитъ на меня... Только опять показалось мнѣ,—ходитъ у него въ рукахъ этотъ пистолетъ, какъ бы не можетъ онъ уставить его въ точку. Однако я зналъ, что у многихъ отличныхъ стрѣлковъ *ходитъ* такимъ манеромъ долго пистолетъ въ рукѣ передъ настоящимъ моментомъ прицѣла. Ничего это не значило, а все же...

Въ эту минуту слышу, кричитъ мнѣ мой секундантъ: „Муравьевъ, attention, слушать сигнала!“... И въ то же время вижу,—длинная рука Гельмерсена, съ прижатымъ къ боку локтемъ, какъ камень недвижная теперь, цѣлитъ мнѣ дуломъ пистолета прямо въ грудь. А на пяти шагахъ дистанціи, почитай, что въ упоръ стрѣлять...

— Ну, подумалъ я, теперь мнѣ конецъ!..

Секундантъ его—изъ Нѣмцевъ тоже, баронъ одинъ былъ,—ударилъ въ ладоши:

— Разъ!.. Два!..

Я невольнымъ движеніемъ прижмурилъ глаза...

— Три...

Въ одинъ и тотъ же моментъ услыхалъ я разомъ „три“, страшный вороній каркъ и гулъ выстрѣла, — и что-то, будто хлыстомъ, ожгло меня по лѣвому плечу... Я вздрогнулъ, раскрылъ глаза—и дернулъ за курокъ...

Сквозь дымъ выстрѣла мнѣ показалось, что Гельмерсенъ, какъ стоялъ, такъ и перевернулся на одной ногѣ,—а затѣмъ...

Секунданты кинулись къ нему со всѣхъ ногъ... Я стоялъ, ничего не понимая... Стая вороновъ немилосердно каркала кругомъ и шумѣла въ вѣтвяхъ, перелетая съ дерева на дерево...

Этотъ каркъ ихъ, меня потомъ хотѣли увѣрить, спасъ меня: — у Гельмерсена будто рука дрогнула, какъ начали они вдругъ разомъ, послѣ перваго удара въ ладоши, — и, вмѣсто груди или сердца, пуля его оттого меня только поверхъ пле-

ча задѣла... Только я, знаете, полагаю такъ, что въ нашихъ человѣческихъ дѣлахъ простымъ случаемъ ничего не объяснишь. Вѣдь оттого же, что и у меня дрогнута рука, попалъ я ему, не цѣлясь, прямо въ високъ?..

— Имѣла для васъ какія нибудь послѣдствія эта дуэль? спросилъ я Муравьева, когда онъ кончилъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: — на это, я вамъ уже сказалъ, смотрѣли въ то время не строго,—такое понятіе было, что это боевой духъ арміи поддерживаетъ... Только я самъ тутъ же вышелъ изъ полка,—опротивѣло...

ИЗЪ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНИ.

ДОМОВЛАДѢЛЬЧЕСКІЕ ТИПЫ *).

I.

У Пяти Угловъ.

Кабинетъ домовладѣльца Пучкова, отдѣленный отъ передней деревянною перегородкою. Столъ съ чернильницею и грудою счетныхъ книгъ; несгараемый шкафъ, вдѣланный въ стѣну; диванъ вдоль перегородки; нѣсколько креселъ. Въ передней слышится звонъ колокольчика.

Пучковъ (*строгій брюнетъ, въ усахъ, вида болѣе военнаго, чѣмъ статскаго. Изъ кабинета*). Дарья, Дороте! Звонятъ.

Дарья, горничная (*выбѣгая изъ внутреннихъ комнатъ въ переднюю*). Слышу! (*Отворяетъ входную дверь*).

(*Входитъ жилецъ. Лѣтъ среднихъ; не то бѣлокурый, не то сѣдой; ростъ, какъ и чинъ, не слишкомъ большой и не слишкомъ малый; видъ не то оробѣлый, не то сердитый; страдаетъ хроническимъ кашлемъ*).

Дарья (*не ожидая вопроса*). Дома, пожалуйте-съ!

(*Жилецъ въ передней заливается кашлемъ*).

Пучковъ (*изъ кабинета*). Узнаю коней ретивыхъ по вспотѣвшимъ я бокамъ (*выбѣгаетъ въ переднюю*)... Милости просимъ! Запыхались? Надѣюсь не отъ лѣстницы? У меня во всемъ домѣ ступеньки самыя отлогія,—спеціальное вниманіе обратилъ при постройкѣ!..

---

*) Впервые напечатано въ № 103 „С.-Петерб. Вѣд.“, 15-го Апрѣля 1877 г.

Жилецъ. Нѣтъ... я... я... бо... каш... хро... хрони...

Пучковъ. Хронически? Такъ-съ! Извѣстная петербургская спеціальность... Главное—къ медикамъ не обращаться! У меня у самого сынъ по этой части,—такъ мнѣ это до глубины извѣстно... Милости просимъ (*вводитъ его въ кабинетъ*)! Чѣмъ угостить прикажете? Папироску?..

Жилецъ (*тяжело переводя духъ*). Благодарю, пересталъ курить... Водицы бы хлебнулъ, если позволите...

Пучковъ (*стремительно*). Дарья! Дороте! Воды!.. Съ ромкомъ прикажете? Или хересу, — у меня отличный, я по этой части спеціалистъ, ха, ха, ха!..

(*Жилецъ пьетъ воду и отдувается. Дарья поспѣшно вноситъ бутылку хереса и ставитъ на столъ. Пучковъ наливаетъ двѣ рюмки*).

Жилецъ. Благодарю, пересталъ... Запрещено мнѣ.

Пучковъ (*презрительно*). Указъ отъ медицинской коллегіи изволили получить? Понимаю-съ,—и искреннее осмѣлюсь питать къ вамъ сожалѣніе, потому вижу, что вы къ этой спеціальности имѣете самое пагубное пристрастіе (*опорожняетъ залпомъ свою рюмку*).

Жилецъ (*окончательно оправившись и принимая рѣшительный видъ*). Я къ вамъ, Николай Алексѣевичъ, съ весьма непріятнымъ для меня сообщеніемъ!

Пучковъ (*воззрясь недоумѣло на него*). Съ чѣмъ это? Въ семьѣ у васъ все-ли благополучно? Не дай Богъ...

Жилецъ (*не давая ему кончить*). Да, именно семья моя... и я самъ, всѣ мы, съ тѣхъ поръ, какъ переѣхали въ вашъ домъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ переболѣли. Жена моя весь день задыхается; кашляю я, какъ видите, не въ примѣръ хуже прежняго; у старшаго сына постоянная головная боль, маленькая дочь...

Пучковъ (*перебивая его*). Понятное дѣло! Видѣлъ я, видѣлъ-съ сына вашего: сидитъ, бѣдняжечка, передъ нимъ греческая книжка и таблица логариѳмовъ, не то одна,—двѣ такія премудрости; такъ какъ же головѣ его-то не болѣть? А?

Жилецъ (*нѣсколько озадаченный*). Однако, позвольте... сынъ мой въ гимназіи уже третій годъ, и ничего, идетъ хорошо... и

никогда на голову не жаловался до того времени, какъ переѣхали мы въ вашъ домъ...

Пучковъ *(колотя себя въ грудь рукою)*. Нѣтъ-съ, ужь вы мнѣ позвольте! Я по этому вопросу спеціалистъ, именно я и два мои сына были мы въ этихъ учебныхъ лубочкахъ, прошли-съ: въ продолженіе, могу сказать, всего ученія голова у насъ не переставала трещать, потому что не по силамъ пылкому юношеству. Ему жизни требуется, реальной жизни, а вы ему... А вы на мой домъ. Мой домъ тутъ не причемъ, милостивый государь!

Жилецъ *(нѣсколько смущеннымъ голосомъ,—онъ, видимо, перепуганъ тономъ и сверкающими глазами господина Пучкова)*. Я, почтенный Николай Алексѣевичъ, повѣрьте, ничего для васъ предосудительнаго, конечно... Но войдите, однако, въ мое положеніе: моя семья, и я... Докторъ намъ положительно...

Пучковъ *(вскакивая съ мѣста)*. Вотъ оно! Договорились! Такъ давно бы и сказали: докторъ *(выпиваетъ залпомъ вторую рюмку хересу)*! Я вотъ вамъ сейчасъ покажу, что̀ именно это такое — докторъ *(быстро отворяетъ дверь въ сосѣднюю комнату)*, Ѳеофилактъ Николаичъ, а, Ѳеофилактъ Николаичъ, благоволите явить свою персону!..

(Въ дверяхъ показывается бѣлесоватый, длинный и худой молодой человѣкъ въ мундирѣ студента медико-хирургической академіи; онъ сонными глазами и съ лѣнивою улыбкою глядитъ на жильца и слегка позѣвываетъ).

Пучковъ. Честь имѣю рекомендовать: чадо мое любезное, старшій въ родѣ, будущее свѣтило русской врачебной науки; черезъ два года имѣетъ получить законный дипломъ—отправлять безнаказанно ближняго на тотъ свѣтъ. Нравится это вамъ?

Жилецъ *(смущенно)*. Я... я... позвольте...

Студентъ *(къ отцу)*. За этимъ только я вамъ и нуженъ былъ?

Пучковъ. Именно! Потому — горжусь. Doctor medecini, Ѳеофилактъ Пучковъ, ха, ха, ха... Да еще, затѣмъ, Ѳеофилактъ Николаичъ, чтобы вы вотъ имъ *(указываетъ на жильца)* ученымъ свидѣтельствомъ вашимъ подтвердили, какъ у васъ отъ

тригонометріи и какого-нибудь Саллюстія постоянно голова трещала во время ученія вашего въ гимназіи.

Студентъ. Никогда она у меня тамъ не трещала,—а вотъ всѣ эти дни трещитъ дѣйствительно отъ угара, потому у васъ въ домѣ дрова вѣчно сырыя... (*Обращаясь со смѣхомъ къ жильцу*). А онъ вамъ что-нибудь таки разсказалъ? Вы не вѣрьте, потому онъ у насъ по этой части извѣстенъ,—изобрѣтатель перваго сорта! (*Скрывается въ своей комнатѣ, захлопнувъ за собою дверь*).

Пучковъ (*презрительно глянувъ ему вслѣдъ*). Изволили слышать?.. И вы вотъ на такіе, съ позволенія сказать, плевые *авторитеты*, какъ нынче говорится, ссылаться изволите, чтобъ произносить позорящія, такъ сказать, меня и мой домъ сужденія? Прикажете рюмочку? (*Жилецъ мотаетъ отрицательно головою; Пучковъ опоражниваетъ третью рюмку хереса*). Домъ мой строенъ по самоновѣйшимъ правиламъ архитектурной науки и согласно требованіямъ избалованнаго современнаго человѣка, со всѣми удобствами, ваннами и прочими водопроводными мѣстами, какъ для господъ, такъ и для прислуги... Такъ и для прислуги спеціально, милостивый государь, замѣтьте, спеціально,—не какъ въ прочихъ домахъ... Не прикажете-ли балычка?.. У меня отличный, потому я по этой части...

Жилецъ (*съ улыбкою*). Спеціалистъ?

Пучковъ (*хохоча*). Именно, именно!.. Балычка бы, право, попробовали!.. И по части постройки тоже. Собственнолично выстроилъ. Прикажите любую стѣну разломать, если вы хоть песчинку мусорка, какъ сплошь и рядомъ теперь строятъ, у меня тамъ найдете, такъ я готовъ въ мой же домъ дворникомъ поступить. У меня всюду настоящій англійскій цементъ, чистѣйшая кипѣлка...

Жилецъ (*который тѣмъ временемъ, забравъ шапку, выбрался въ переднюю, быстро накидываетъ на себя шубу и скороговоркою*). И сырость, отъ которой грибы по стѣнамъ ростутъ.

Пучковъ. Что-съ? Сырость? Это вы, что же, со словъ моего, доктора medecini, Ѳеофилакта Николаича, изволите гласить? Такъ вѣдь, онъ же... Я вамъ этого не дозволю, мило-

стивый государь! (*ударяетъ себя ладонью по груди*)... Это съ вашей стороны личное мнѣ оскорбленіе. Оскорбленія я, милостивый государь, не потерррплю!..

Жилецъ (*поспѣшно открывая выходную дверь и выбѣгая на лѣстницу*). Никакого оскорбленія нѣтъ, а я зашелъ, „спеціально“, съ цѣлью предувѣдомить васъ, что я не намѣренъ рисковать здоровьемъ, самою жизнью семьи моей (*закашливается на всю лѣстницу*)...

Пучковъ. (*въ дверяхъ со злобнымъ хохотомъ*). Вотъ васъ Богъ и наказалъ за неправду!

Жилецъ (*отмахиваясь отчаянно руками, сквозь кашель*). Вамъ уплачено... по первое число... Нынѣ четырнадцатое... Предваряю, по условію... съ нонѣшняго дня я буду... искать квартиру (*торопливо спускается съ лѣстницы, крѣпко прижимаясь къ периламъ руками и бокомъ*).

Пучковъ. (*съ трескомъ захлопывая за собою дверь*). Ракалія!..

II.

У Спаса Преображенія.

Плохо содержимая лѣстница трехъэтажнаго стараго дома.

(*Знакомый намъ жилецъ дома Пучкова сходитъ съ нея въ сопровожденіи угрюмаго на видъ и не сговорчиваго дворника*).

Жилецъ. (*размахивая руками*). Вѣдь такъ же нельзя, любезный! Квартира мнѣ, пожалуй, и подходящая, да самъ ты признаешься—трубы дымятъ, въ печахъ вьюшекъ нѣтъ...

Дворникъ. (*словно камни ворочая языкомъ*). И завсегда были...

Жилецъ. Что это?

Дворникъ. Вьюшки эвти самыя.

Жилецъ (*начиная горячиться*). Такъ вѣдь нѣтъ же ихъ, мы съ тобой видѣли!..

(*Дворникъ молчитъ*).

Жилецъ. А безъ вьюшекъ вѣдь нельзя! Самъ понимаешь, нельзя... И къ тому трубы дымятъ, самъ ты говоришь?

Дворникъ (*тѣмъ же пришибленнымъ тономъ*). Какъ ежели, значитъ, вѣтеръ... извѣстно... задуваетъ...

Жилецъ (*передразниваетъ его*). Задуваетъ!.. Такъ вѣдь въ такомъ видѣ нельзя сдавать квартиру... нельзя... Или, по твоему, такъ и слѣдуетъ, а? Такъ и слѣдуетъ: безъ вьюшекъ и съ никуда негодными трубами, а?

Дворникъ. Не могимъ знать... Этто ужь вы съ хозяиномъ... потому мы въ эвтомъ не властны...

Жилецъ (*выходя изъ себя*). И, конечно, съ хозяиномъ, а не съ такимъ... тупицею, какъ ты... Гдѣ онъ у васъ тутъ живетъ?.. Веди!..

Дворникъ. Пожалуйте, они тутъ съ переулка.

(*Выходятъ на площадь, заворачиваютъ въ Баскову улицу, и изъ нея въ Манежный переулокъ. Нѣсколько рабочихъ стоятъ на тротуарѣ передъ деревяннымъ домомъ съ мезониномъ. Изъ ближайшаго ко входной двери окна высовывается въ форточку большая и мясистая, съ оголеннымъ кадыкомъ и безо всякаго признака волосъ какъ на черепѣ, такъ и на лицѣ, голова древняго старца*).

Голова (*фальцетомъ*). Что это вы тутъ, ребятушки, кого вамъ надо?

Одинъ изъ рабочихъ (*охрипшимъ голосомъ*). Хозяина надоть, извѣстно... За разсчетомъ пришли!

Другой. Сколько, почитай, мѣсяцовъ ходимъ-то, съ лѣта съ самаго...

Голова (*такъ же*). А не знаю, ребятушки, не знаю... Дома нѣтъ хозяина.

Одинъ изъ рабочихъ. Такъ что-жь это, какъ ни придешь, дома ихъ нѣтъ? Четвертый мѣсяцъ дармо ходимъ-то.

Другой. У колоколъ звонишь, звонишь, такъ и тута не выйдетъ-то никого къ тебѣ.

Третій (*молодой и бойкій*). А очень просто, значитъ: по нашимъ правамъ можемъ сичасъ къ мировому съ просьбою.

Голова. Умница, парень, умница!.. А въ просьбѣ-то къ мировому ты что пропишешь?

Молодой рабочій. Извѣстно что̀: какъ, значитъ, остались они намъ, по условію, должны семдесятъ шесть съ полтиной...

Голова (*перерывая его*). А онъ вамъ развѣ въ уплатѣ этихъ денегъ отказываетъ?

Молодой рабочій. Такъ что̀-жь, что не отказываетъ, когда все единственно...

Другой (*толкая его въ бокъ*). Погоди, паря... (*Головѣ*). А вы, то есть, кто будете сами-то?

Голова. Ишь любопытный какой: знать будешь все, скоро состаришься.

Рабочій. Извѣстно, какъ если на счетъ нашихъ дѣловъ разговаривать...

Голова. Никакого разговора съ вами у меня нѣтъ. Дома нѣтъ хозяина, сказано вамъ. Ступайте, голубчики, къ мировому; съ носомъ вернетесь (*всовывается въ глубь комнаты и захлопываетъ форточку*).

(*Озадаченные рабочіе почесываютъ себѣ въ затылкахъ, недоумѣло поглядывая въ окно*).

Дворникъ (*подошедшій тѣмъ временемъ съ жильцомъ ко входной двери дома*). Ну, чего вы тутъ, на тротуарѣ проклажаетесь, чего не видали?..

Молодой рабочій (*хихикая и писклиро*). Этто ты, братецъ, въ точности, что *не видали*, потому въ надежѣ, что увидаемъ...

Дворникъ. Кого это?

Молодой рабочій. А самого, то-исъ, Аристарха Лександрыча, хозяина вашего.

Дворникъ. Сказано, дома нѣтъ. Проваливай!

Молодой человѣкъ. А ты, братецъ, потише!

Дворникъ (*наступая на него*). А въ участокъ, хошь, поведу сею минутой?

Молодой человѣкъ (*отодвигаясь, но все еще куражась*). Въ уча-а-стокъ, ишь ты? За что̀ вести-то, скажи, дурья твоя голова?

Дворникъ (*замахиваясь на него*). А вотъ, чтобъ не разговаривалъ!

Молодой рабочій (*плюетъ и быстро отходитъ отъ него*). Гайда! ребята, къ мировому!..

Другой. А и то къ мировому, потому что-жь еще вожжаться-то?..

Третій. Какъ, значитъ, на обманѣ на одномъ...

Дворникъ (*грозно*). Ну, ну, проваливайте, пока цѣлы! Съ тротувара вонъ!..

(*Рабочіе, тѣсною кучею и галдя, всѣ разомъ переходятъ черезъ снѣгъ по ту сторону улицы, направляясь къ Надеждинской*).

Дворникъ (*жильцу*). Извольте пообождать чуточку. Я къ хозяину сичасъ чернымъ ходомъ...

Жилецъ. Да его дома нѣтъ, слышалъ?

Дворникъ (*На угрюмомъ лицѣ его внезапно выступаетъ выраженіе неодолимаго желанія прыснуть со смѣха*). Сами этто они и были.

Жилецъ (*тараща на него изумленные глаза*). Кто самъ?

Дворникъ (*уже шопотомъ*). Хозяинъ, Листратъ Лександрычъ.

Жилецъ (*все такъ же изумленно*). Этотъ безволосый старикашка, который говорилъ *имъ* — про себя такимъ образомъ значитъ?—что его дома нѣтъ?..

(*Дворникъ киваетъ съ тѣмъ же просящимся наружу внутреннимъ смѣхомъ, и исчезаетъ въ калиткѣ наглухо запертыхъ воротъ во дворъ дома. Черезъ нѣсколько минутъ входная дверь въ домъ отворяется настежь. Появляется молодой человѣкъ въ куцомъ сѣромъ фракѣ съ бѣлыми металлическими пуговицами*).

Слуга (*глупое и ухмыляющееся во весь ротъ лицо; онъ только-что узналъ отъ дворника о разговорѣ барина съ рабочими*). Пожалуйте (*напираетъ*): *дома-съ* они!

Зальце у Елистрата Александровича Силицына—четыреугольная комната въ три окна на Манежный переулокъ, съ двумя, рядомъ стоящими посреди нея, фортепіанами, горшками цвѣтовъ между оконъ и симметрично вдоль стѣнъ разставленными старомодными стульями.

(*Входитъ жилецъ. Изъ сосѣдней съ зальцемъ комнаты идетъ ему навстрѣчу хозяинъ. Онъ въ вышитыхъ туфляхъ, въ фланелевыхъ широкихъ панталонахъ, подвязанныхъ высоко на животѣ, шерстянымъ, съ длиннопущенными внизъ кистями, снуромъ и въ канифасномъ бѣломъ халатѣ, изъ-подъ котораго растегнутая на груди рубаха, съ подшитымъ къ ней старомоднымъ и измятымъ жабо, дозволяетъ свободно лицезрѣть красномясистую старческую грудь. Онъ по пути натягиваетъ на виски только-что вздѣтый имъ на голову парикъ съ хохолкомъ на боку фантастическаго бурокаштановаго оттѣнка.*)

Силицинъ (*любезно и мягко баритоннымъ голосомъ*). Извините за неглиже. Видите передъ собою, такъ сказать, обломокъ „временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма“... Туалетъ представляетъ для меня уже нѣкоторое стѣсненіе... А впрочемъ еще бодръ... и сохранилъ даже эту, знаете, шаловливость, espièglerie (*смѣется и подмигиваетъ*) молодыхъ дней... Не угодно-ли присѣсть (*указываетъ на стулъ и садится самъ къ открытому изъ двухъ фортепіанъ, на которомъ беретъ лѣвой рукою въ басу полное трезвучіе.*) Каковъ тонъ, замѣчаете? Беккеръ съ парижской выставки.

Жилецъ (*съ какою-то безсознательною насмѣшливостью*). Не васъ-ли это сейчасъ имѣлъ я удовольствіе видѣть въ форточкѣ?

Силицинъ. (*быстро вскидывая на него глаза*). Меня en personne и au naturel,—то есть, безъ этой искусственной прикрышки (*показывая на парикъ*). Удивились зрѣлищу, полагаю?.. (*Встаетъ вдругъ, становится въ позу и машетъ театрально рукою*). Помните у Озерова, въ *Эдипѣ:*

Воззри ты на главу, лишенную волосъ,—
Ихъ изсушила грусть и вѣтеръ ихъ разнесъ...

Жилецъ (*весело*). Я удивился, признаюсь, какъ вы рѣшаетесь въ ваши... почтенные годы и *декольте*, такъ сказать (*указываетъ взглядомъ на его раскрытую грудь*), на морозъ прямо головою... Сегодня градусовъ пятнадцать, по меньшей мѣрѣ...

Силицинъ. Суровый аквилонъ противъ меня безсиленъ (*ударяетъ себя ладонью по груди*); кованый! У Александра Сергѣевича Пушкина извотите помнить (*таинственно понижая голосъ*): „Лемносскій богъ тебя ковалъ...“ и прочее... Къ себѣ могу вполнѣ отнести (*смѣется*); могъ бы даже прибавить: скованъ желѣзной рукой Вулкана для нѣжныхъ цѣпей Аполлона... Артистъ, милостивый государь, съ юности и понынѣ!.. Изволите помнить дуэтъ Морлакки на слова Касти (*садится опять къ фортепьяно и поетъ, аккомпанируя себѣ, разбитымъ старческимъ голосомъ съ безконечными фіоритурами и закатывая глаза*):

E pur amabile
La marchesina
Se ride o chiachera
Siede o camina..

Мы съ Този, въ десятомъ году, пѣли его въ салонѣ Маріи Антоновны Нарышкиной, при самомъ государѣ покойномъ, Александрѣ Павловичѣ...

Жилецъ (*неудержимо прерывая его*). Въ десятомъ году!.. Да который же вамъ годъ, извините за нескромность?

Силицинъ (*отчеканивая*). Родился марта семнадцатаго, тысяча семьсотъ осемдесятъ девятаго года; извольте считать!

(*Жилецъ только руками разводитъ и кланяется*).

Силицинъ. (*встряхиваетъ плечами*). И вотъ, какъ видите, toujours jeune et espiègle... Бывало у танцовщицы Истоминой, по четвергамъ... Былъ у меня, надо вамъ сказать, одинъ романсъ моего сочиненія на чудеснѣйшія слова извѣстнаго нашего поэта, князя Ивана Михайловича Долгорукаго (*поетъ опять, округляя губы колечкомъ*):

О вы, правители вселенной,
Цари, подобные богамъ!
Сложите дома видъ надменный,
Падите всѣ къ ея ногамъ!

(*Жилецъ чуть сдерживается отъ хохота. Силицинъ продолжаетъ*):

На что̀ подъ власть свою стараться
Востокъ съ Полуднемъ съединить?
Чтобъ вѣчно въ радости смѣяться—
Довольно съ Сонюшкою жить.

Любимый, надо вамъ сказать, былъ это романсъ графа Милорадовича, и онъ всегда заставлялъ меня пѣвать его (*прерывая себя вдругъ*)... Вы вѣдь графа Милорадовича изволите помнить?

Жилецъ (*ошеломленный*). Какого Милорадовича?.. который убитъ былъ...

Силицинъ (*утвердительно кивая*). Якубовскимъ, четырнадцатаго декабря,—онъ, онъ самый...

Жилецъ. Да помилуйте, мать моя еще въ панталончикахъ ходила въ ту пору!..

Силицинъ (*покачивая головой съ видомъ сожалѣнія*). Ахъ, какой же вы еще въ такомъ случаѣ мальчикъ!.. Извините за откровенность... Не имѣю чести знать вашего званія...

Жилецъ (*быстро*). Статскій совѣтникъ...

Силицинъ. (*привстаетъ и протягиваетъ руку*). Извините, ваше превосходительство!..

Жилецъ (*подаетъ свою и скромно опускаетъ глаза*). Не совсѣмъ еще „превосходительство“...

Силицинъ. Позвольте почитать какъ бы уже имѣющаго на то право... Самъ съ 1828 года нахожусь въ чинѣ отставнаго коллежскаго совѣтника, но въ домахъ моихъ состоятъ жильцами, окромѣ въ подвальныхъ этажахъ, все особы высшаго ранга... Очень пріятно, ваше превосходительство, если удостоите меня съ вашей стороны... Слышалъ, желаете занять квартиру нумеръ восьмой, въ домѣ за нумеромъ первый? Останетесь довольны; генеральша Полюмбецкая шесть лѣтъ за послѣднее время прожила въ этой квартирѣ... Дома мои, ваше превосходительство, вообще долженъ сказать, какъ и хозяинъ ихъ (*смѣется*), прочны и надежны; въѣдете, — не выѣдете. Покойный генералъ-губернаторъ графъ Эссенъ, у котораго я часто пѣвалъ на вечерахъ съ извѣстнымъ нашимъ теноромъ Самойловымъ, отцомъ нынѣшняго молодаго актера Василья Васильевича...

Жилецъ (*перебивая его*). Я именно желалъ бы нанять квартиру, въ которой могъ бы прожить хоть до смерти... или до полученія казенной... если это мнѣ суждено когда-нибудь... Квартира въ вашемъ домѣ по мѣсту и числу комнатъ мнѣ

подходящая... Низка, едва $4^1/_2$ аршина... но что̀ дѣлать! я осьмнадцать квартиръ осмотрѣлъ... зимнее время... Усталъ-съ! Я даже о цѣнѣ вашей спорить не буду... но квартира въ такомъ видѣ...

Силицынъ (*смотритъ на него съ видомъ изумленія*). Въ чемъ находите недостатокъ?

Жилецъ (*приходя въ волненіе*). Помилуйте, обои порваны, трубы дымятъ, въ печахъ ни одной вьюшки нѣтъ... Въ зимнее время нѣтъ вьюшекъ!..

Силицынъ (*разводя руками*). Удивляюсь! При генеральшѣ Полюмбецкой вьюшки были... Каждое воскресенье собирались даже у нея „потанцовать подъ фортепіано“, какъ говоритъ Софья Павловна въ безсмертной комедіи Грибоѣдова... Развѣ какой-нибудь изъ ея гостей подшутилъ...

Жилецъ (*нетерпѣливо вскидывая глазами*). Помилуйте... Елистратъ Александровичъ... вы это совершенно несообразной фантазіи предаетесь. Какой же гость въ порядочномъ домѣ станетъ для шутки вьюшки изъ печей таскать?

Сицилинъ (*словно ужасно обрадованный*). Именно, именно, „фантазія“ могла прійти въ голову... Понимаю,—потому самъ такой... Имѣлъ уже честь вамъ докладывать: toujours jeune et espiègle... Сейчасъ изволили видѣть, съ рабочими, хе, хе, хе... безъ парика, мистифировалъ... не узнали (*заливается смѣхомъ*)...

Жилецъ (*уже съ нѣкоторою желчью*). Какже-съ, слышалъ, изъ за 76 рублей съ августа мѣсяца ходятъ къ вамъ... Для нихъ „мистификаціи“ ваши не сладки... да и для васъ тоже можетъ разыграться... непріятностью! Они на васъ къ мировому судьѣ пошли жаловаться.

Силицынъ (*продолжая смѣяться*). Глупые люди, зачѣмъ раньше не жаловались? Я предъ закономъ нѣмъ: мировой судья вызоветъ меня; я не явлюсь; онъ постановитъ заочное рѣшеніе получить имъ съ меня 76 рублей, выдастъ имъ исполнительный листъ, я заплачу; но пока-то еще взыщутъ съ меня, пройдутъ лишнія недѣли двѣ, три, а всего со времени, какъ я имъ остался долженъ, выигрываю я, такимъ образомъ, 5 мѣсяцевъ,—такъ-съ?

Жилецъ (*повторяетъ недоумѣло*). Пять мѣсяцевъ...

Силицинъ (*съ торжествомъ*). А въ пять мѣсяцевъ коммерческій оборотъ на эти 76 рублей, сколько, думаете вы, принесъ мнѣ барыша?

(*Жилецъ пожимаетъ плечами; кто тебя-молъ знаетъ!*)

Силицинъ. Двадцать пять рублей,—сорокъ пять процентовъ, хе, хе, хе... Я артистъ знакомый съ ариѳметикою, ваше превосходительство. Копѣечками одна къ одной пять домовъ въ сѣверной Пальмирѣ пріобрѣлъ-съ.

Жилецъ (*вставая и очень сухо*). Не сомнѣваюсь... И, не располагая лишнимъ временемъ, позволю себя просить у васъ категорическаго отвѣта: въ случаѣ я возьму вашу квартиру, угодно-ли вамъ будетъ привести ее, прежде нежели я въ нее въѣду, въ достодолжный порядокъ?

Силицинъ. Это насчетъ чего же-съ?

Жилецъ (*досадливо*). Я уже вамъ говорилъ: обои порваны, трубы дымятъ, въ печахъ вьюшекъ нѣтъ.

Силицинъ (*жалобно всплескивая руками*). Ваше превосходительство, да не угодно-ли вамъ будетъ самимъ... по вашему вкусу?..

Жилецъ. Я готовъ, на вашъ счетъ.

Силицинъ (*словно готовый заплакать*). Пощадите, ваше превосходительство,—пощадите старца, осмѣливающагося выражаться о себѣ словами нашего великаго барда, Гавріила Романовича,—имѣлъ удовольствіе знать лично,—что онъ

Ни родомъ, ни богатствомъ,
Ни знатнымъ чиномъ, а пріятствомъ
Себѣ почтенье заслужилъ...

Жилецъ (*рѣшительно*). Извините меня... Елистратъ Александрычъ, я о „пріятствѣ“ вашемъ не спорю, но ремонтъ въ вашемъ домѣ дѣло ваше, а не мое, и я принять его на себя не согласенъ (*кланяется и направляется къ двери*).

Силицинъ (*идя за нимъ*). Я могу доставить вашему превосходительству вьюшки, не достающія въ 8-мъ нумерѣ, по цѣнѣ лома въ чугунныхъ рядахъ.

Жилецъ (*быстро и сердито оборачиваясь*). То-есть, вы велѣли ихъ вынуть и хотите теперь заставить меня заплатить за нихъ!

Силицинъ *(посмѣиваясь)*. Хе, хе, хе, копѣечка къ копѣечкѣ, ваше превосходительство...

Жилецъ *(уже совсѣмъ гнѣвно)*. Отъ меня и полушки не наживете!

(Выходитъ въ переднюю).

Силицинъ *(на порогѣ залы)*. Не теряю надежды имѣть удовольствіе видѣть васъ еще у себя: болѣе удобной для себя квартиры не найдете въ нашемъ холодномъ Петрополѣ... Если изволите любить музыку, я почту себѣ за особенную честь видѣть васъ у себя по средамъ... *(Жилецъ, не отвѣчая, надѣваетъ пальто и всовываетъ ноги въ калоши)*. Дочери мои— превосходныя піанистки, исполняютъ піэсы на двухъ фортепіано...

Жилецъ *(надѣвая шляпу)*. Прощайте!..

Сицилинъ (*кланяясь и настойчивымъ голосомъ*). До свиданія, ваше превосходительство, до свиданія, не сомнѣваюсь... Помните, какъ это пѣла великая Каталани *(поетъ съ жестами)*:

Mi ri-i-i vedrai,
Ti ri-i-i vedro,
Mi ri i-i...

Жилецъ (*въ сѣняхъ, ожидающему тамъ дворнику*). Ну, ужь хозяинъ у васъ!..

Дворникъ (*угрюмо и шопотомъ*). Бѣда!..

III.

Въ Большой Милліонной.

Богатая гостиная въ домѣ и квартирѣ генеральши Сырцовой. (*Сама хозяйка, не молодая, но съ остатками красоты, барыня, въ чепцѣ съ лентами, сидитъ въ углу на атласномъ гранатоваго цвѣта диванѣ и читаетъ „Голосъ“ сквозь золотой пэнснэ*). Серебряный чайникъ кипитъ на камфоркѣ на столѣ, у дивана. Слуга въ бѣломъ галстукѣ почтительно стоитъ у дверей.

(*Входитъ управляющій домомъ. Изъ бывшихъ дворовыхъ, лысый, толстый, плутоватый и бывалый, лѣтъ 50-ти, субъектъ; сапоги безъ каблуковъ, не производящіе ни малѣйшаго шума на-ходу: одѣтъ со степеннымъ щегольствомъ, на шеѣ черный шарфъ, приколотый булавкою изъ окисленнаго серебра, съ изображеніемъ на ней головы Вольтера*).

Сырцова (*отнимая пэнсне отъ глазъ*): Ну, что?..

Управляющій. Осмотрѣли, ваше превосходительство.

Сырцова. И что же?

Управляющій. Подходящая, говорятъ.

Сырцова. Цѣну сказалъ?

Управляющій. Какъ изволили приказывать, тысяча шестьсотъ.

Сырцова. Согласенъ?

Управляющій (*улыбаясь свысока*). Извѣстно—морщится. Потому для такихъ—разсчетъ!

Сырцова. А онъ кто?

Управляющій (*презрительнымъ тономъ*). Изъ статскихъ совѣтниковъ.

Сырцова. Значитъ, ужь не молодой человѣкъ, солидный? Для меня главное—чтобы въ моемъ домѣ спокойствіе и приличіе!..

Управляющій. Слушаю-съ (*послѣ нѣкотораго молчанія*). На квартиру есть еще въ виду-съ...

Сырцова. Кто такой?

Управляющій (*съ нѣкоторою задержкою*). Французинка тутъ одна... просила...

Сырцова. Француженка? (*оборачивается и глядитъ на него во всѣ глаза*). То-есть?..

Управляющій (*поникая взглядомъ*). Изъ парижскихъ-съ...

Сырцова (*строго и рѣзко*). Я даже удивляюсь, Платонъ Николаевъ, какъ ты, находясь у меня въ услуженіи болѣе двадцати лѣтъ и зная меня, осмѣлился предложить мнѣ въ домъ такую... гадость?..

Управляющій (*покорнымъ голосомъ*). Слушаю-съ!

Сырцова (*все еще взволнованно*). А этотъ... наниматель гдѣ?

Управляющій. Въ залѣ, тутъ-съ.

Сырцова. Проси ко мнѣ!

(*Входитъ тотъ же жилецъ дома Пучкова. Онъ въ вицъ-мундирѣ и съ крестомъ на шеѣ*).

Жилецъ (*кланяясь по пути отъ самыхъ дверей и до угла, въ которомъ возсѣдаетъ хозяйка; почтительно развязнымъ тономъ*). Смѣю просить извиненія у вашего превосходительства за то, что осмѣливаюсь предстать въ... въ, такъ сказать, казенномъ видѣ... Но занятія по службѣ ежедневно... едва нашелъ часъ урваться... Я насчетъ...

Сырцова. Знаю. Сдѣлайте милость, садитесь! (*Онъ кланяется и садится на низкомъ креслѣ противъ нея*). Понравилась вамъ квартира?

Жилецъ. Я буду просить ваше превосходительство дозволить мнѣ быть совершенно откровеннымъ... Меня, такъ сказать, обстоятельства заставляютъ рѣшиться на эту квартиру въ вашемъ домѣ... что мнѣ очень лестно, конечно... не смотря на нѣкоторыя неудобства... Я принужденъ, посреди зимы, переселиться изъ дома, въ которомъ нынѣ живу, вслѣдствіе здоровья моей семьи и моего собственнаго... (*продолжаетъ, ужасно торопясь, такъ какъ замѣтилъ, что хозяйка морщится и слегка позѣвываетъ*). Двадцать семь квартиръ въ теченіе четырехъ дней осмотрѣлъ... Сами согласитесь. Все же я не молодой... лѣстницы... Усталъ искать, ваше превосходительство. У васъ конечно... но семья у меня, жена, мать старуха, дѣтей двое. Уголъ каждому надо. Тѣсненько! Комнату одну бы лишнюю...

Сырцова (*смѣется*). Да, это ужь извѣстно, аксіома, что въ каждой квартирѣ il y a toujours une chambre qui manque. Вы говорите по-французски?

Жилецъ. Понимаю-съ!. Это вы изволите, дѣйствительно (*смѣется*)... И можно, конечно, поприжавшись... Но вотъ какъ же, осмѣлюсь сказать, насчетъ цѣны?

Сырцова. Вы находите—дорого?

Жилецъ. Сами изволите согласиться, всего семь комнатъ съ переднею,—съ переднею семь...

Сырцова. Внизу, и на такой улицѣ? Баронъ Функендорфъ

жилъ у меня тутъ восемь лѣтъ сряду, до смерти, и всегда говорилъ мнѣ: „я у васъ даромъ живу“!..

Жилецъ (*съ улыбкою*). Онъ холостой былъ, баронъ, и одного жалованья тысячъ десять получалъ, — онъ могъ и не такія деньги на квартиру тратить.

Сырцова. А вы его знали, милаго моего барона?

Жилецъ. Какъ же-съ, онъ тещѣ моей родной братъ былъ.

Сырцова. Родной братъ? Его сестра была замужемъ за...

Жилецъ. За генераломъ Кладищевымъ, отцомъ моей жены.

Сырцова. Боже мой, Кладищевъ, un ami! Вѣчный танцоръ мой въ молодости, когда я еще (*вздыхаетъ*)... Ваша жена—его дочь! Въ самомъ дѣлѣ? (*съ нѣкоторымъ недовѣріемъ глядитъ на него*).

Жилецъ. Точно такъ-съ. Я женился въ Полтавѣ, въ бытность его тамъ дивизіоннымъ командиромъ... Самъ я въ то время управлялъ палатою...

Сырцова (*прерывая его вздохомъ*). Ce pauvre ami!.. Да не хотите-ли чаю? (*наклоняется къ чайнику*). Я очень, очень буду рада познакомиться съ вашей женою!.. Насчетъ комнаты, если вамъ недостаетъ, это можно, кажется, устроить... Платонъ Николаевъ!

Управляющій (*все время стоящій у дверей*). Что прикажете-съ?

Сырцова. Ты, пожалуйста, устрой. Сходи къ графинѣ (*Къ жильцу*)... Тутъ съ вашею квартирою рядомъ живетъ графиня Аракчина, Марья Ѳедоровна, une amie à moi и, какъ я, вдова и бездѣтная,—отъ нея можно будетъ отдѣлить одну комнату; она, я знаю, будетъ согласна, у нея лишняя... Платонъ Николаевъ, ты смотри же, это сейчасъ сдѣлай!.. (*Къ жильцу*). Кладищевъ—вашъ тесть, скажите! Я... и покойный мой мужъ... были такъ дружны съ нимъ... Я очень рада, очень, имѣть васъ въ своемъ домѣ!

Жилецъ. Я не имѣю словъ выразить вамъ мою благодарность, madame (*съ усиліемъ*)... madame la générale... Еще комната—это все, что намъ нужно... Но я желалъ бы знать окончательно... на счетъ цѣны?..

Сырцова. Ахъ, Боже мой, что объ этомъ говорить! Вы

будете платить мнѣ ce que vous voudrez... Кладищевъ, скажите, я совсѣмъ не знала,—вашъ тесть! Бѣдный, il n'est plus (*вздыхаетъ и подымаетъ глаза къ потолку*)... Такъ вы, пожалуйста...

Лакей (*входя*). Князь Егоръ Ларіоновичъ Шамахинскій!

Сырцова. (*досадливо*). Ахъ, какъ скучно!.. Мнѣ такъ хотѣлось бы поговорить еще съ вами..... Ce pauvre Кладищевъ!.. А нельзя не принять,—онъ мнѣ нуженъ для моего пріюта... (*Лакею*) Проси князя!..

Жилецъ (*вставая*). Не смѣю васъ долѣе безпокоить, madame la générale. Такъ вы мнѣ дозволите считать эту квартиру за мною?

Сырцова. Ахъ, Боже мой, разумѣется! Переѣзжайте скорѣе и скажите вашей женѣ, что... что она можетъ заранѣе разсчитывать на меня, какъ на друга, на стараго друга...

Жилецъ. Непремѣнно передамъ ей ваши лестныя слова... А на счетъ условія, какъ прикажете,—контрактъ или...

Сырцова. Ахъ, да, эти формальности! Вы ужь, пожалуйста, это съ Платономъ Николаевымъ... Впрочемъ, нѣтъ, я ему прикажу (*очаровательно улыбаясь*), я хочу, чтобъ вы дѣло имѣли со мной... Ce pauvre Кладищевъ, я никакъ не знала, что ваша жена... Если можно, заходите ко мнѣ завтра... Нѣтъ, я завтра все утро въ пріютѣ, потомъ обѣдъ у... Послѣ завтра, vers 4 heures... Я буду очень рада.

(*Въ дверяхъ показывается гость; онъ весь въ звѣздахъ, держится прямо и говоритъ дискантомъ*).

Сырцова (*съ мѣста*). Mon cher prince!

Князь (*въ дверяхъ*). Прямо изъ совѣта—и къ вамъ просителемъ!

Сырцова (*смѣется*). Ко мнѣ,—*вашей* вѣчной просительницѣ?.. (*Къ жильцу*). И такъ au revoir, до послѣ-завтра? (*протягиваетъ ему руку*).

(*Жилецъ почтительно жметъ ее, также почтительно кланяется, еще почтительнѣе нагибаетъ голову, проходя мимо звѣздъ, сіяющихъ на груди шествующаго къ углу хозяйки гостя, и исчезаетъ*).

Черезъ два дня. Парадная лѣстница въ томъ же домѣ Сырцовой, но съ другаго крыльца. Дверь въ квартиру нижняго этажа отворена. Въ нее носятъ мебель. Изъ квартиры доносится крикъ картаваго парижскаго говора: „Dites donc, vous autres, n'allez pas me déteriorer mon boule!“

(*Входитъ нашъ жилецъ. Швейцаръ лѣниво сходитъ съ ступенекъ навстрѣчу къ нему*).

Жилецъ. (*глядя съ изумленіемъ на вносимую мебель*). Что же это такое, любезный?

Швейцаръ (*грубовато*). Чего-съ?

Жилецъ. Кто же въ эту квартиру переѣзжаетъ?

Швейцаръ (*также*). Извѣстно кто, — наняла... мадамъ одна.

Жилецъ. Какъ „мадамъ“? Квартира эта обѣщана мнѣ (*раскашливается отъ волненія*).

Швейцаръ. Не могу знать!

Жилецъ (*сквозь кашель*). Мнѣ... сама... генеральша... третьяго дня...

Швейцаръ. Намъ про то не извѣстно!

Жилецъ. Гдѣ... гдѣ вашъ управляющій?

Швейцаръ. Управляющій?

Жилецъ. Ну, да, ну, да, управляющій (*ужасно волнуется*); такъ... поступать не возможно... Я требую объясненія... Я двадцать семь квартиръ осмотрѣлъ... я... я... Подай мнѣ вашего управляющаго!

Швейцаръ (*сквозь зубы*). Они тутъ-съ (*киваетъ на дверь квартиры, въ которую переносятъ мебель*).

Жилецъ. Вызови его сейчасъ! Я, я... требую объясненія.

(*Швейцаръ неохотно поднимается на ступеньки. Жилецъ бѣжитъ за нимъ. Въ дверяхъ квартиры показывается управляющій, Платонъ Николаевъ. Улыбка на мигъ пробѣгаетъ по его губамъ при видѣ жильца, но онъ тотчасъ затѣмъ принимаетъ строгій видъ.*)

Жилецъ (*задыхаясь отъ волненія*). Вы, кажется, управляющій этимъ домомъ?...

Управляющій. Что вамъ угодно?

Жилецъ. Вѣдь это же вамъ-съ, вамъ приказывала гене-

ральша отдать мнѣ... эту квартиру... и даже лишнюю комнату... отъ графини Аракcиной...

Управляющій (*подаваясь впередъ на площадку лѣстницы и указывая на женскую особу, выбѣжавшую изнутри квартиры*). Квартира отдана имъ вотъ-съ!..

Особа (*Ей лѣтъ подъ тридцать. Живые, слегка подкрашеные, французкіе глаза, замѣчательно развитый бюстъ. Руки въ муфтѣ. На головѣ соболья шапочка. Изъ подъ нея лимоннаго цвѣта шиньонъ*). Eh bien, qu'y a t'il donc?

Жилецъ (*ужасно путаясь отъ негодованія и непривычки говорить по-французски*). Madame la générale... Comprenez... à moi... promettait à moi ce quartier. Comprenez?

Особа (*помирая со смѣху и дѣлая видъ, что не понимаетъ*). Le quartier où nous sommes? Le plus beau de l'amirauté? Elle vous l'a donné? Mon compliment, monsieur,—vous voilà donc bien riche?

Жилецъ (*захлебываясь*). Pas, pas! Ce quartier, *ce*. Comprenez pas? (*указываетъ на двери, въ которыхъ стоитъ она*)

Особа. Ah, vous parlez de cet appartement!.. (*подчеркиваетъ*).

Жилецъ. Вуй! вуй!..

Особа. Quant à ça, mon cher monsieur, c'est bien à moi! Ви понимайтъ, мой квартиръ, мой, payé, six mois d'avance, sonnant, понимайтъ? (*дѣлаетъ рукою жестъ выкладыванія монеты*). C'est dur pour vous, je le veux bien, mais c'est comme cela, mon vieux loulou! (*прыщетъ со смѣху.*)

Управляющій (*поддакивая ей головою и презрительно улыбаясь, какъ бы про себя, но слышно*). Пустые разговоры одни!..

Жилецъ (*такъ и накидываясь на него*). Пустые! Какъ пустые? Какъ вы смѣете!.. Генеральша вамъ именно приказывала мнѣ... А вы... Я двадцать семь квартиръ смотрѣлъ... Посреди зимы... Этого нельзя,—вы не имѣете права!..

Управляющій (*хихикая*). Задатка отъ васъ не получали, всегда въ нашей волѣ...

Жилецъ. Въ вашей волѣ! А слово генеральши,—вы, кажется, слышали, вамъ сказано было, или нѣтъ? (*Съ горечью и упрекомъ*). Значитъ, теперь уже и слову благородной жен-

щины вѣрить нельзя? Но я такъ не могу оставить!.. я двадцать семь квартиръ... посередь зимы... Я пойду требовать объясненія у... у вашей *барыни* (*произноситъ это послѣднее слово съ явнымъ намѣреніемъ уколоть его*).

Управляющій (*равнодушнымъ голосомъ*). Какъ вамъ будетъ угодно-съ! Только, осмѣлюсь вамъ доложить, излишнее безпокойство и имъ-съ, и себѣ изволите причинить. Потому, если генеральша теперича рѣшилась отдать эту квартиру имъ (*киваетъ на особу*), такъ на это, значитъ, у нихъ свои резоны есть (*лицо его принимаетъ строго внушительное выраженіе*). А на ихъ резоны ваши слова-съ дѣйствовать не могутъ-съ,— такъ или нѣтъ-съ?

(*Особа внимательно слѣдитъ за его словами, насмѣшливо переводя взглядъ съ него на его собесѣдника. Ее очевидно очень забавляетъ растерянное и возбужденное лицо сего послѣдняго*).

Жилецъ. Вотъ мы это увидимъ (*быстро спускается по ступенькамъ*), услышимъ, какіе это могутъ быть резоны у... у *вашей* генеральши (*гнѣвно швейцару*)! Что же ты шубу не подаешь, братецъ (*исчезаетъ*)!

Особа (*съ громкимъ смѣхомъ обращаясь къ управляющему*). Dites donc, est-il bête, ce vieux rhinoceros?

Управляющій (*презрительно пожимая плечами*). Совсѣмъ необразованный индивидю-съ!..

Квартира генеральши Сырцовой.

(*Въ передней раздается сильный ударъ звонка. Лакей въ выѣздной ливреѣ, со шляпою на головѣ, поспѣшно отворяетъ дверь. Врывается жилецъ; онъ отъ кашля едва переводитъ духъ*).

Жилецъ. Ге... ге... гене... генераль-ша... до... дома?

Лакей. Не принимаютъ-съ; сейчасъ изволятъ уѣзжать.

Жилецъ. Мнѣ... мнѣ на... на пять минутъ... не... необходимо!..

Лакей. Никакъ нельзя-съ; не приказывали докладывать.

Жилецъ (*отмахиваясь отъ новаго прилива кашля и опускаясь на деревянный стулъ*). Мнѣ не... необ... необходимо (*вдругъ и рѣшительно*)... Я не уйду, не повидавшись съ генеральшею! (*Закашливается на всю переднюю и уже судорожно машетъ руками*).

(*Изъ залы выбѣгаетъ горничная съ теплыми башмаками въ рукѣ*).

Горничная (*лакею*). Идутъ, подавай шубу!

(*Жилецъ срывается съ мѣста и стремительно направляется въ комнаты. Лакей кидается за нимъ: „Куда вы, позвольте!“ Но онъ его не слушаетъ. Въ залъ навстрѣчу идетъ Сырцова. Она очень нарядна, ѣдетъ съ визитами*).

Жилецъ (*отчаянно и сконфуженно въ одно и то же время*). Madame la générale, тысячу разъ у прошу васъ извиненія... Но я... въ такомъ положеніи... посередь зимы... двадцать семь квартиръ... изнемогъ, смѣю сказать... Ваше слово... поистинѣ, воскресило меня... и семью мою... Въ полной надеждѣ были... И вдругъ вашъ управитель... квартиру отдалъ... Какая-то личность... И... изви... извини... (*задыхается отъ кашля*)...

Сырцова (*жалостливо и смущенно глядя на него*). Mon Dieu, comme vous toussez! Хотите стаканъ воды... и капель? У меня есть... (*горничной*). Настя, принеси скорѣе, ты знаешь, Датскаго короля капли...

(*Жилецъ быстро и часто кланяется, все продолжая кашлять. Оба они другъ противъ друга, посреди комнаты. Горничная приноситъ стаканъ воды и пузырекъ съ каплями. Жилецъ жадно приникаетъ губами къ стакану*).

Сырцова. Скорѣе налейте 15 капель: онѣ очень помогаютъ.

Жилецъ. Покорнѣйше благодарю... онъ у меня хро... хроническій... Я хотѣлъ... Бога ради, войдите въ мое положеніе... Сами изволите видѣть, каково мое здоровье... И двадцать семь квартиръ осмотрѣвши, въ зимнюю пору... И вдругъ вашъ управляющій... наперекоръ слову, данному мнѣ вашимъ (*снова закашливается*) пре... превосхо...

Сырцова. Ахъ, Боже мой, мнѣ это такъ не пріятно...

Налейте капель, 15 капель... Но я теперь должна ѣхать... Меня ждутъ, у меня пріютъ, вы знаете,—обязанности.

Жилецъ (*перебивая ее*). Вы меня извините, ваше превосходительство,—я не намѣренъ васъ задерживать... но я бы желалъ только узнать, услышать отъ васъ лично: съ вашего-ли согласія отдана вашимъ управляющимъ квартира, обѣщанная вами мнѣ?

Сырцова. Ахъ, Боже мой, мнѣ такъ трудно, право, отвѣчать вамъ... Мы, женщины, вы знаете, безвольныя, on fait de nous ce que l'on veut. Меня такъ просили, а... а съ вами у насъ не было еще кончено...

Жилецъ (*съ легкою примѣсью ироніи*). Извините меня, madame la générale, но, выходя отъ васъ, третьяго-дня, я, напротивъ, смѣлъ думать, что у насъ именно *все* кончено. Послѣ того, смѣю сказать, совершенно неожиданнаго вниманія, которое вамъ угодно было выразить мнѣ... и даже относительно моей семьи...

Сырцова (*взволновавшись вдругъ*). Ah, mon Dieu, неужели вы думаете, что я не помню!.. Ваша жена — la fille de ce pauvre Кладищевъ!.. О, если бы вы знали, сколько это мнѣ напоминаетъ!.. Я такъ радовалась мысли познакомиться съ нею... И, я увѣрена, она на него похожа. Ce pauvre ami!.. Но послушайте (*глядитъ на него съ выраженіемъ ребяческой милоты,—выраженіе это очень удавалось ей тому двадцать лѣтъ*), — развѣ этого нельзя и теперь... не живя въ одномъ домѣ, — развѣ вы не можете сдѣлать мнѣ удовольствіе привезти ко мнѣ вашу жену...

Жилецъ (*иронія все сильнѣе прорывается въ его тонѣ*). Женѣ моей, конечно, очень было бы лестно, ваше превосходительство... Но хотя она и дочь человѣка, бывшаго очень свѣтскимъ, сама она выѣзжать не любитъ; у нея дѣти, обязанности... настоящія (*подчеркиваетъ*).

Сырцова (*вздыхая*). Вы на меня сердитесь, я вижу,— вы злой,—это не хорошо!.. Но, право, я не виновата; меня такъ интересовали...

Жилецъ. Кѣмъ это-съ?

Сырцова. Тою особою...

Жилецъ. Которой вы квартиру изволили отдать?.. Чѣмъ же она вамъ такъ интересною показалась?

Сырцова. Какъ же, мнѣ говорили, une jeune personne, одна, безъ матери, артистка...

Жилецъ. Чего же это она „артистка“, смѣю спросить?

Сырцова. Пѣвица,—голосъ, говорятъ, премиленькій.

Жилецъ (*хихикнувъ*). Откуда-съ пѣвица: отъ Берга, или изъ „Минерашекъ“?

Сырцова (*смущенно и нетерпѣливо*). Ахъ, Боже мой, я не спрашивала... и, право, не понимаю, что̀ вы хотите сказать (*Направляется къ передней*)!

Жилецъ (*слѣдуетъ за ней и совсѣмъ уже озлившись*). Ничего я не хотѣлъ сказать-съ, окромѣ выразить истинное мое удивленіе, что такому лицу, какъ вы, угодно было предпочесть отдать квартиру въ вашемъ домѣ *такого рода* „особѣ“ (*подчеркиваетъ*).

Сырцова (*нервно и спѣша, пока горничная надѣваетъ теплые сапожки*). Ah, mon Dieu, не разстраивайте меня, пожалуйста! Я ничего этого не знаю и не хочу знать!.. Въ домѣ моемъ я не потерплю безнравственности, tout le monde le sait... Я не знаю, что̀ вамъ наговорили, но вы должны знать, какъ свѣтъ золъ и какъ легко очернить ближняго... Не осуждай, да не осужденъ будешь, comme dit l'Evangile? (*Застегиваетъ крючки собольей шубки, которую сзади одергиваетъ горничная*). Я понимаю, что вамъ не пріятно... и, повѣрьте, очень жалѣю... Но, можетъ быть, не теперь, а позже, лѣтомъ, cela pourra s'arranger. (*Выходитъ на лѣстницу и видитъ входящаго въ дверь съ улицы управляющаго*). Платонъ Николаевъ, не будетъ-ли у насъ свободныхъ квартиръ къ лѣту?

Управляющій. Едва-ли, ваше превосходительство.

Жилецъ (*кланяясь*). Не извольте ужь и безпокоиться, ваше превосходительство!

Сырцова (*вызывая опять „милоту“ на лицо*). Вы продолжаете сердиться, я вижу, et je n'y puis rien, но, съ моей стороны, вы видите, la bonne volonté y est...

Швейцаръ (*широко раскрывая входную дверь*). Карета подана, ваше превосходительство!..

Сырцова (*поднимая обѣими руками мѣховой воротникъ къ носу и спѣшно спускаясь со ступенекъ*). Прощайте! Sans rancune, j'espère!.. Супругѣ вашей, пожалуйста, напомните обо мнѣ!.. Се pauvre Кладищевъ (*исчезаетъ*)!

Управляющій (*подходя къ жильцу, который тѣмъ временемъ злобно всовывалъ ноги въ калоши*). Объясненіе отъ генеральши изволили получить-съ?

Жилецъ (*насилу удерживаясь, чтобы не хватить его кулакомъ по лицу*). „Изволилъ, изволилъ получить-съ!“ Настоящій генеральскій отвѣтъ,—и ей, и вамъ величайшую честь приноситъ! Заинтересовалась, изволите видѣть, сироткою невинною, „безъ отца, безъ матери, артистка!“ Ха, ха, ха... Невинность крашеная, сиротка изъ Минерашекъ... Къ чести вашей, дѣйствительно, отнести можно... Въ генеральскомъ домѣ... Тьфу! (*плюетъ съ ожесточеніемъ*).

Управляющій (*строго*). Напрасно это вы изволите ко мнѣ относить,—потому дѣло мое, извѣстно, подначальное... А сами вы, положительно, какъ состоите на службѣ, политику должны понимать... Генеральша у насъ самая добродѣтельная и, можно сказать, насчетъ этой нравственности самыхъ даже жестокихъ правилъ... А все же онѣ также должны свой разсчетъ вести. Потому если, къ примѣру, такое лицо, какъ князь Егоръ Ларіоновичъ Шемахинскій за эту Француженку изволилъ просить,—и этто такъ деликатно, *вдаль*, такъ сказать, что единственно, значитъ, изъ любви къ пѣнію протежируютъ,—такъ, какъ полагаете, должны имъ сдѣлать генеральша предпочтеніе противу васъ, или нѣтъ?..

Жилецъ (*злобно ухмыляясь*). Гдѣ уже намъ противъ такой „политики!“

Управляющій (*не разжимая бровей*). То-то-съ! А вы на меня изволите...

Жилецъ (*все также злобно*). И за тѣ же 1,600 отдали,—или, можетъ быть, еще сбавили?

Управляющій (*мгновенно озаряясь улыбкою*). Ну, нѣтъ-съ, это опять другой разговоръ выходитъ. Князю сподручно, потому ближе имъ нѣтъ мѣста, изъ совѣта и прочая, и на такой притомъ улицѣ;—намъ, поэтому, тоже можно свою выгоду на-

блюсти (*подмигиваетъ*)... Противу, что̀ просили съ васъ, на 900 рублей набавили, двѣ тысячи пятьсотъ квартирѣ теперь цѣна-съ!..

Жилецъ. Поздравляю! Это уже собственно вы оборудовали?

Управляющій (*скромно потупляя очи*). Конечно, моя обязанность... Только генеральша сами очень прекрасно понимаютъ... Потому, сами знаете, какой вѣкъ теперича. „Вѣкъ прагресса“, не даромъ сказано (*самодовольно улыбается*)!

Жилецъ *взглядываетъ на него, нахлобучиваетъ шляпу на брови и быстро исчезаетъ за выходною дверью.*

ИЗЪ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНИ *).

Почему Павелъ Павлычъ Ѳедосьевъ не попалъ въ камеръ-юнкеры къ Святой.

Въ Петербургѣ есть нѣкій департаментъ. Въ этомъ департаментѣ—директоръ. У директора — супруга Татьяна Дмитріевна.

Татьянѣ Дмитріевнѣ подъ—если и не всѣ—тридцать. Она женщина красивая, воспитанная,—воспитанная у госпожи Труба, c'est tout dire,—и вполнѣ свѣтская.

Въ этомъ своемъ качествѣ вполнѣ свѣтской и притомъ петербургской женщины, Татьяна Дмитріевна не имѣетъ, разумѣется, ничего общаго съ героинями г. Боборыкина и подобныхъ ему *свѣтскихъ* россійскихъ писателей. Татьяна Дмитріевна, подобно своей знаменитой тезкѣ,—вѣрный снимокъ du comme il faut,

„Безъ этихъ маленькихъ ужимокъ,
Безъ взора наглаго для всѣхъ",

притомъ умна, честолюбива — какъ и слѣдуетъ быть при ея рангѣ,—и добродѣтельна... Такъ добродѣтельна, что сама графиня Иглова-Далматова, самая злющая изъ злющихъ ветеранокъ петербургскаго хайлайфа (high life), только чихаетъ, когда о ней говорятъ въ ея присутствіи, не находя рѣшительно ничего отпустить по ея адресу въ неистощимомъ запасѣ своего злословія. Добродѣтельна Татьяна Дмитріевна по классическому

*) Впервые напечатана въ № 141 „С.-Петерб. Вѣд." 23-го мая 1876 г.

правилу, что жена Цезаря не должна быть подозрѣваема, — а Цезаремъ почитаетъ она своего мужа, который, имѣя отъ роду не болѣе сорока лѣтъ, давно тайный совѣтникъ, а на дняхъ получилъ третью звѣзду.

Цезарь, въ свою очередь, неукоснительно вѣренъ Татьянѣ Дмитріевнѣ, и хотя и позволяетъ себѣ лукаво и даже нѣсколько по-гусарски подмигивать и дергать плечомъ, когда генералъ Мирашевскій, извѣстный „coureur“ и знатокъ по части „легкой любви“, передаетъ ему въ театрѣ о прелестяхъ какой нибудь Suzette,—но это чистѣйшее фатовство съ его стороны... и даже не фатовство, а болѣе—дань уваженія, оказываемаго имъ этимъ средствомъ генералу Мирашевскому, имѣющему надъ Цезаремъ превосходство на цѣлыя двѣ звѣзды. Въ сущности Цезарь не только не знаетъ никакихъ Сюзетъ, но отъ младыхъ ногтей питаетъ ко всѣмъ очаровательницамъ этого рода тотъ благотворный страхъ (crainte salutaire), который божественный Менторъ всуе старался внушить царственному воспитаннику своему къ прекрасной нимфѣ Эвхаридѣ.

Кто же бы послѣ этого могъ подумать, что такая именно Сюзета будетъ—косвеннымъ образомъ, заранѣе предваряю, косвеннымъ образомъ, читатель,—будетъ причиною вопіющей несправедливости, оказанной на дняхъ Цезаремъ одному изъ своихъ юныхъ и наиболѣе взысканныхъ дарами Провидѣнія подчиненныхъ.

Такихъ юныхъ и взысканныхъ свыше подчиненныхъ у Цезаря не малое количество. Департаментъ, которымъ призванъ онъ править, принадлежитъ къ числу „видныхъ“. Самъ онъ славится щедростью наградъ, напоминающею баснословныя времена извѣстнаго этимъ въ свою пору „штатскаго генерала“ Прыткова. Ко всему этому Татьяна Дмитріевна, принадлежащая къ числу тѣхъ пяти-шести „femmes intelligentes“, къ которымъ государственные сановники заходятъ запросто, послѣ Совѣта, для отдохновенія въ аттической бесѣдѣ, — подобно тому, какъ въ свое время заходилъ изъ агоры Периклъ къ Аспазіи, — Татьяна Дмитріевна пользуется репутаціею женщины, которой стоитъ только захотѣть, чтобъ посадить своего протеже на какое хотите мѣсто,—хотя бы даже туда, куда Калигула поса-

дилъ своего коня. Понятно, что, при такомъ стеченіи благосклонныхъ обстоятельствъ, золотыя и серебряныя медали привилегированныхъ учебныхъ заведеній сѣверной Пальмиры такъ и рвутся подъ начало Цезаря и Татьяны Дмитріевны. Департаментъ, правимый Цезаремъ, представляетъ собою такимъ образомъ какъ-бы нѣкій вертоградъ такъ называемыхъ „многообѣщающихъ молодыхъ людей“,—обѣщающихъ, т. е. неоскудѣніе и впредь все тѣхъ же прекрасныхъ чиновниковъ, которымъ со времени Сперанскаго дано судити и правити въ великой землѣ святорусской!

Татьяна Дмитріевна—дама вообще убѣжденій прогрессивныхъ, но „безнравственность современной молодежи“, тѣмъ не менѣе, сильно ее озабочиваетъ. „Противъ этой отравы“, говоритъ она, „одно противоядіе—la bonne société“, и вслѣдствіе этого требуетъ, чтобъ подчиненные ея мужу „многообѣщающіе“ непремѣнно ѣздили въ свѣтъ. Указъ прекрасной директорши исполняется подчиненными тѣмъ съ большимъ усердіемъ, что, какъ извѣстно, привилегированные штатскіе настолько же вообще падки на приманки хайлайфа, сколько, напротивъ, пренебрегаютъ ими болѣе свободномыслящіе привилегированные военные, — на которыхъ даже печатно печаловалась однажды, по этому случаю, одна почтенная мать семейства газетѣ „Гражданинъ“.

Павелъ Павлычъ Ѳедосьевъ—самый намѣченный изъ „многообѣщающихъ“. Онъ завѣдомо, до этого послѣдняго времени, имѣлся въ виду на мѣсто дышащаго на ладанъ начальника 1-го отдѣленія, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гнилошкина, чиновной кочерги стараго закала, оставленнаго въ наслѣдіе Цезарю его предшественникомъ, и котораго уже за одну фамилію Цезарь, разумѣется, давно выжилъ бы изъ своего департамента, если-бъ за него не стояло одно очень вліятельное лицо, начавшее службу подъ начальствомъ этого самого Гнилошкина, и чѣмъ-то тогда имъ обязанное. Въ ожиданіи имѣвшаго открыться повышенія, Павелъ Павлычъ, третій годъ состоящій столоначальникомъ и имѣющій уже чинъ надворнаго, долженъ былъ къ нынѣшней Святой быть представленнымъ въ камеръ-юнкеры. Но тутъ случилось одно происшествіе...

Надо вамъ сказать, что взысканный Павелъ Павлычъ, кромѣ личныхъ достоинствъ, пользуется и вещественными дарами слѣпой фортуны, наслѣдованными имъ законно отъ своего папаши, бывшаго когда-то тоже директоромъ департамента и нажившаго таковые тоже законно — отъ благодарности лицъ, интересы которыхъ, въ томъ или въ другомъ случаѣ, зависѣли отъ мудрости его рѣшеній. Папаша оставилъ по пятнадцати тысячъ дохода каждому изъ своихъ двухъ сыновей. Провидѣніе въ свою очередь благословило потомство отъ сего праведнаго:— старшій Ѳедосьевъ служитъ въ одномъ изъ самыхъ блестящихъ полковъ гвардіи и принятъ какъ свой у самой princesse Betsy; о Павлѣ Павлычѣ, избравшемъ гражданскую часть, мы уже знаемъ, какая блестящая карьера открывалась передъ нимъ...

О, если-бъ онъ только неукоснительно держался совѣтовъ Татьяны Дмитріевны и время, свободное отъ служебныхъ занятій, посвящалъ единственно „à la bonne société!“. Но, къ несчастію, онъ находилъ еще довольно этого времени и для „легкихъ побѣжекъ“ за тѣ общественные предѣлы, за которыми начинается веселое и опасное царство демимонда. Недаромъ же, въ самомъ дѣлѣ, былъ онъ взысканъ 15,000 дохода:— сладко было Павлу Павловичу мчаться на тройкахъ къ Дороту въ морозныя ночи, внимать картавому говору и пронзительному хохоту перекликавшихся изъ саней въ сани желтоволосыхъ поѣзжанокъ; сладко было, когда ихъ, натертыя губною помадою, уста обзывали его „mon gros bêtâ“ и „mon loulou chéri“; сладко было „рвать поцѣлуи“ съ этихъ напомаженныхъ устъ за ужиномъ у Дюссо, на верху, пока сѣдой татаринъ Simon разсказываетъ все ту же „сонъ петитъ истуаръ“, которою потѣшаетъ онъ чуть не четвертое поколѣніе петербургскихъ „суперовъ“... Высокая поэзія этихъ блаженныхъ мгновеній вознаграждала алчущую душу Павла Павлыча за ту немилосердную скуку, которую испытывалъ онъ на вечерахъ хайлайфа, и тѣмъ болѣе была дорога ему, что, въ виду извѣстныхъ принциповъ Татьяны Дмитріевны насчетъ нравственности современной молодежи, онъ отдавался ей съ постоянною оглядкою назадъ, съ постоянною боязнью, чтобъ какой нибудь департаментскій завистникъ не довелъ о его „побѣжкахъ“ до свѣдѣнія строгой, хотя и

прекрасной, начальницы. И такъ искусно маневрировалъ Павелъ Павлычъ, что, въ продолженіи цѣлыхъ двухъ лѣтъ, уклоненія его со стезей добродѣтели оставались тайною для его начальства, и игривые цвѣты наслажденія, срываемые имъ въ садахъ Дорота и К°, сплетались безнаказанно въ его вѣнкѣ съ вѣскими колосьями его департаментскаго усердія.

Но „не ровенъ часъ“, и „на каждую старуху бываетъ проруха“, гласитъ русская народная мудрость. Павелъ Павлычъ прорвался вдругъ самымъ непростительнымъ образомъ...

Было это въ началѣ поста, въ театрѣ Буффъ. Эме пѣла въ „Grande duchesse“, любимомъ произведеніи демимонда. Представительницы его сіяли обычными звѣздами въ ложахъ бенуара, а среди нихъ недавняя гостья невскихъ береговъ, темноокая Испанка, Juana d'Aranjuez. Понимаете-ли вы, прозаикъ-читатель, чего одно это имя стоитъ для человѣка, одареннаго, какъ Павелъ Павлычъ, пламеннымъ воображеніемъ! Juana d'Aranjuez, — вѣдь это такъ-таки прямо изъ Шиллера, „Die schönen Tagen in Aranjuez“ и проч. — такъ и обдаетъ тебя тѣмъ воздухомъ, гдѣ „лавромъ и лимономъ пахнетъ“. Хотя Павла Павловича и увѣряли, что Испанка эта родилась въ Парижѣ, въ улицѣ Mouffetard, отъ прачки и поваренка изъ ресторана du Veau qui tette, но ему гораздо охотнѣе вѣрилось, что въ дѣлѣ этого рожденія принимали ближайшее участіе: съ мужской стороны—самъ бывшій президентъ испанской республики Кастелларъ, а съ женской—какая нибудь дочь маршала Эспартеро. Да какъ было этому и не вѣрить Павлу Павлычу? У Juana d'Aranjuez такая чисто испанская забористость, „sal“ (соль), какъ говорятъ на берегахъ Мансанареса, такое „chien de tous les diables“ во всей ея особѣ,—квинтессенція современной женской прелести,—что знакомому съ Дарвиномъ „привилегированному“ молодому человѣку, какъ Павелъ Павлычъ, все это иначе объясняться не могло, какъ результатомъ подбора мѣстныхъ особей самаго перваго нумера,—а изъ таковыхъ по газетамъ ему въ Испаніи только и были извѣстны президентъ Кастелларъ и маршалъ Эспартеро.

Очаровательная Испанка позволила представить ей Павла Павлыча только за нѣсколько дней передъ этимъ, чѣмъ Па-

велъ Павлычъ былъ очень польщенъ, такъ какъ madame Juana состояла, какъ было ему вѣдомо, подъ непосредственнымъ покровительствомъ князя Питера Биберштейна, который, говорили, былъ очень строгъ насчетъ выбора тѣхъ лицъ, которыхъ дозволялъ ей принимать въ свой салонъ. Павелъ Павлычъ былъ у нея съ церемоннымъ визитомъ утромъ и былъ принятъ ею съ такою величавостью, съ такою оффиціальностью цѣломудрія, что ему показалось, будто сидитъ онъ въ самой недоступной петербургской гостиной, у самой princesse Hélène, подъ ея раззолоченными карзинками, на берегу Фонтанки.

Тѣмъ сладостнѣе теперь билось сердце Павла Павловича: Juana d'Aranjuez посылала ему со своего мѣста самые несомнѣнно зажигательные взгляды... Онъ не выдержалъ и—въ первомъ же антрактѣ подошелъ къ ея ложѣ.

Началъ, какъ водится, со здоровья, причемъ старался говорить какъ можно развязнѣе, любезнѣе—и картавѣе.

— Merci, monsieur, отвѣчала очаровательница, улыбаясь;—передъ очарованнымъ молодымъ человѣкомъ такъ и блеснулъ ослѣпительный рядъ ея бѣлыхъ, ровныхъ острыхъ зубовъ, способныхъ въ одну ночь прожевать три наслѣдства,—je vais assez bien pour une veuve.

Павелъ Павлычъ не понялъ въ первую минуту.

— Eh bien, mon Pita (такъ называла она своего князя) est parti pour Paris, объяснила она.

Онъ бойко взглянулъ ей въ глаза:

— А вы не поѣдете за нимъ?

— Cela dépendra! отвѣтила она, отпустивъ ему при этомъ такой испанскій взглядъ, что онъ въ ту же минуту почувствовалъ себя способнымъ не только Казанову, но самого Геркулеса за поясъ заткнуть. И, дѣйствительно, князя Питера Биберштейна обратить въ Менелая—какое торжество для департаментскаго Париса!

Разговоръ шелъ самый оживленный: страстный съ его стороны, полный недоговоренныхъ обѣщаній со стороны ея...

Она сняла между тѣмъ одну изъ своихъ перчатокъ;—на

безъименномъ пальцѣ ея обнаженной руки засверкали два великолѣпные рубина, окруженные брилліантами.

— Какъ хороши ваши кольца! сказалъ Павелъ Павлычъ.

— Oh, j'adore les rubis! сказала она, сама любуясь ими;— mais il m'en faut un encore pour faire trio complet, примолвила она съ невинно-кокетливою улыбкою шестнадцатилѣтней дѣвочки.

— Ваши прелестные пальцы споютъ этотъ тріо завтра же, отпустилъ ей на это Павелъ Павлычъ съ грансеньерскою развязностью, которой позавидовалъ бы самъ дюкъ де-Ришелье, знаменитѣйшій покоритель сердецъ всего XVIII столѣтія.

Въ эту самую минуту заигралъ оркестръ. Павелъ Павлычъ, получивъ въ награду за свою догадливость взглядъ, отъ котораго его пробрало всего насквозь, обернулся итти на свое мѣсто въ креслахъ, какъ вдругъ, о, ужасъ! встрѣтился съ другимъ взглядомъ, отъ котораго разрумянившееся лицо его обрѣло внезапно бѣлизну бѣлѣйшаго голландскаго полотна.

Съ противоположной стороны, изъ ложи внизу, ближайшей къ сценѣ, печально изумленными глазами глядѣла на него Татьяна Дмитріевна!..

Татьяна Дмитріевна въ театрѣ-буффъ!—это было такъ не вѣроятно, что въ первое мгновеніе Павелъ Павлычъ себѣ не повѣрилъ.

Но это была она, точно, съ толстенькою графинею Ваханскою. Татьяна Дмитріевна питала какую-то слабость къ этому enfant terrible петербургскаго хайлайфа. Эксцентричная „кокодетка“ увлекла сюда политическую женщину,—это было ясно для Павла Павлыча.

Первымъ невольнымъ движеніемъ его было опустить глаза. Но онъ тутъ же рѣшилъ, что это—„глупость“, и смѣло поднялъ ихъ снова. Но прекрасная начальница глядѣла теперь уже не на него, а на сцену, на осыпанную брилліантами Эме—grande duchesse,—внимательно, неотступно глядѣла, видимо занятая изученіемъ новаго для нея „типа“.

Павелъ Павлычъ съ своей стороны ничего не видѣлъ и не слышалъ. Самое знаменитое „le sabre, le sabre, le sabre de mon père“ пронеслось беззвучно для его уха. Онъ сидѣлъ какъ

на булавкахъ и нетерпѣливо ждалъ конца акта, чтобъ итти объясниться съ женою Цезаря.

Онъ нашелъ ее въ салончикѣ передъ ложею, гдѣ поданъ былъ чай, а графиня Ваханская—по свѣтскому прозвищу ея „Boulotte"—курила папироску, затягиваясь во всю грудь.

— Qu'en direz vous? расхохоталась она дребезжащимъ смѣхомъ, при видѣ входящаго, указывая на Татьяну Дмитріевну:—въ первый разъ въ буффахъ, въ жизни въ первый разъ, и въ восхищеніи... Не говорите нѣтъ, не говорите нѣтъ! крикнула она ей,—по глазамъ, по губамъ вижу,—въ восхищеніи!..

Татьяна Дмитріевна съ унылою улыбкою приподняла плечи...

Вошедшій вслѣдъ за Павломъ Павлычемъ конногвардеецъ отвлекъ вниманіе Булотты; она такъ и накинулась на него съ обычнымъ своимъ смѣхомъ, съ какими-то вопросами и бранью...

— Съ какою это женщиною разговаривали вы сейчасъ? сразу поставленъ былъ Павлу Павлычу этотъ жгучій вопросъ, когда онъ усѣлся подлѣ Татьяны Дмитріевны.

Но онъ былъ готовъ на него: улыбка, тонъ его отвѣта соображены, приноровлены были заранѣе.

— Эта звѣзда первой величины на извѣстномъ небѣ, — madame d'Aranjuez, насмѣшливо - вѣско протянулъ онъ,—особа, имѣющая счастье внушать неограниченное къ себѣ довѣріе одному изъ вашихъ друзей, князю Питеру Биберштейну.

Это имя должно было, по его мнѣнію, служить ему лучшимъ громоотводомъ.

— И онъ, вѣроятно, поручилъ ее вашему участію, уѣзжая сегодня въ Парижъ, pour affaires d'état? съ пронзившею его иронією спросила Татьяна Дмитріевна, которой, разумѣется, все, что относилось до „affaires d'état", всегда было первой извѣстно.

Онъ нашелся и тутъ, однако.

— Я въ прошломъ году ѣхалъ изъ-за границы въ одномъ поѣздѣ съ ними, немилосердно солгалъ Павелъ Павлычъ, и потому нѣсколько знакомъ съ нею. Она тоже уѣзжаетъ на

днях и продаетъ весь свой mobilier. А у нея, говорятъ, есть одинъ великолѣпный венеціанскій шкафъ. Я ее спрашивалъ, когда могу заѣхать посмотрѣть на него... Вы понимаете, быстро и ловко перемѣняя тонъ, добавилъ онъ къ этому, что не изъ-за удовольствія же пріятной бесѣды подошелъ я сейчасъ къ ней... Я, благодаря вашей благосклонности, такъ привыкъ къ *иному*—онъ почтительно нѣжнымъ взглядомъ глянулъ на прекрасную начальницу, — что *подобное* общество, конечно, можетъ внушать мнѣ только отвращеніе...

Татьяна Дмитріевна примолкла на мигъ.

— Послушайте, начала она затѣмъ,—мнѣ какъ-то не приходится бранить васъ *здѣсь*, я сама заслуживала бы головомойки, comme on dit, примолвила она съ очаровательною улыбкою,—за то, что позволила себя увлечь сюда par cette tête folle! Она указала на Булотту.—Но все же вы заслуживаете порицанія. Кто, какъ вы, готовитъ себя къ высшей государственной дѣятельности, обязанъ смолоду относиться строго къ малѣйшему изъ своихъ faits et gestes. А публичные разговоры съ подобными созданіями...

Татьяна Дмитріевна не договорила и улыбнулась опять, какъ только одна она умѣетъ улыбаться, то-есть съ неотразимо-серьезною прелестью.

— Конецъ проповѣди—до завтра. Пріѣзжайте чай пить вечеромъ къ мужу, entre dix et onze. Мы обѣдаемъ во французскомъ посольствѣ; тамъ сидятъ очень долго — и я устану. Кромѣ васъ, никого принимать не велю... Завтра мое рожденіе, но въ мои лѣта такой день долженъ быть величайшая тайна, промолвила прелестная женщина, поднося палецъ къ нижней губѣ, — и потому не только не смѣйте являться поздравлять утромъ, но и никому ни слова!

Она поднялась съ мѣста: ауденція, молъ, твоя кончена.

— Что за восторгъ эта моя принципалка! говорилъ себѣ Павелъ Павлычь, съ легкимъ сердцемъ выходя изъ ложи.

Онъ отправился изъ театра прямо домой и тотчасъ же принялся за перо. Покряхтѣвъ часика полтора надъ сочиненіемъ посланія къ подарку, который имѣлъ преподнести пре-

красной Испанкѣ, онъ остановился на слѣдующей его редакціи:

„Идолъ души моей“ (этотъ прямой пламенный возгласъ какъ-то счастливо подвернулся Павлу Павлычу прямо изъ Гильомъ Теля: „O, Mathilde, idôle de mon âme!“), каждое изъ словъ, оброненныхъ вчера вашими прелестными устами, ласкаетъ, волнуетъ и жжетъ мое сердце. Что̀ не досказали эти уста, дозволено-ли мнѣ дочесть въ королевски покоряющемъ взглядѣ вашемъ, въ вашей серафимовой улыбкѣ (это была также фраза, счастливо подвернувшаяся изъ недавно прочтеннаго романа Доде: „Dans votre regard royalement vainqueur, dans votre sourire séraphique“)? О, не отнимайте у меня вѣры, не обрывайте крылья моимъ надеждамъ“!..

За этимъ поставленно было нѣсколько краснорѣчивыхъ точекъ—и начиналась новая строка:

„Видъ препровождаемой при семъ бездѣлицы на вашемъ очаровательнымъ пальцѣ („la vue de la bagatelle ci-jointe mise à votre doigt adorable“) вознесетъ меня на самыя вершины человѣческаго счастья („aux plus haut sommets du bonheur humain“).

И ничего больше. Подпись.

Такъ писалъ, такъ умѣлъ писать Павелъ Павлычъ!

Затѣмъ, въ виду букета, который онъ намѣревался, вмѣсто запрещеннаго поздравительнаго визита, отправить тѣмъ же утромъ къ прекрасной „принципалкѣ“, онъ взялъ визитную карточку и скромно мелкимъ почеркомъ начерталъ „humble hommage“ надъ крупно налитографированнымъ „Paul Fedossief“.

Письмо и карточку онъ вложилъ въ блѣдно зеленые сатинированные конверты съ оттисненнымъ золотомъ на нихъ своимъ шифромъ, аккуратно уложилъ ихъ рядомъ на письменномъ столѣ,—и легъ спать, говоря себѣ, какъ Титъ милосердый, что истекшій день не пропалъ у него даромъ. Самыя сладостныя и поэтическія сновидѣнія снились ему до зари: Татьяна Дмитріевна, въ видѣ ночи, несла ето на газовыхъ крылахъ сквозь небесное пространство къ лучезарной звѣздѣ, имѣвшей форму орденской, а изъ самой середки золотаго

мѣсяца выступалъ очаровательный обликъ Juana d'Aranjuez, съ кастаньетами въ рукѣ и слышались ему неотразимыя слова: „je t'aime bien, va, mon gros chien bête!"...

Все слѣдующее утро, до департамента, онъ прорыскалъ по ювелирамъ; онъ нашелъ искомое рубиновое, въ подлежащей бриллiантовой оправѣ, кольцо у Фаберже, за которое затребовали съ него 400 руб., пріобрѣлъ его за 350, заѣхалъ затѣмъ въ Большую Конюшенную, къ Ушакову, гдѣ заказалъ для „принципалки" большой букетъ изъ однѣхъ бѣлыхъ розъ („Noblesse et pureté",—надѣюсь, она поймета? говорилъ себѣ при этомъ Павелъ Павлычъ), отсчиталъ за него 50 р., велѣлъ уложить его подобающимъ образомъ,—и, вернувшись затѣмъ домой, приказалъ камердинеру своему Фридриху, изъ *Нѣмцовъ*, отвезти сейчасъ же на извощикѣ сдѣланныя имъ пріобрѣтенія, каждое по адресу приложеннаго къ нему конверта, надписаннаго и запечатанаго имъ еще наканунѣ.

Сладостныя награды, которыхъ онъ былъ въ правѣ ожидать за свои щедроты, а главное—мысль обратить въ Менелая такого матадора, какъ князь Питеръ Биберштейнъ, такъ сильно волновали Павла Павлыча, что онъ не былъ въ силахъ просидѣть долго въ департаментѣ въ это утро и ушелъ оттуда, не дописавъ даже спѣшнаго доклада, порученнаго Цезаремъ его „элегантному перу".

Ѣхать самому къ Испанкѣ вслѣдъ за посланнымъ подаркомъ онъ почиталъ въ высшей степени не „gentlemanlike". А онъ сгоралъ, между тѣмъ, нетерпѣніемъ увидѣть эффектъ этого подарка...

Сегодня въ Буффахъ новая оперетка „La boulangère a des écus", вдругъ вспомнилось ему,—она тамъ, вѣроятно, будетъ!

Она была тамъ, дѣйствительно,—и не одна на этотъ разъ: съ нею сидѣла Coralie, одна изъ самыхъ юныхъ, но изъ самыхъ бойкихъ на языкъ нимфъ полусвѣта.

Кресло Павлу Павлычу досталось недалеко отъ ихъ ложи. Онъ поклонился съ мѣста съ таинственно-торжествующею улыбкою. Juana отвѣтила короткимъ кивкомъ, переглянулась съ товаркою—и обѣ онѣ усмѣхнулись.

Страннымъ показалось это Павлу Павлычу. Страннѣе было еще то, что, въ противорѣчіе вчерашнему, очаровательная Испанка не только не глядѣла на него сегодня, но видимо морщилась, чувствуя на себѣ неотступный взглядъ нашего героя.

Это требовало объясненія.

Въ антрактѣ онъ подошелъ къ ея ложѣ съ вопросительнымъ и нѣсколько оробѣвшимъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Je vous dois un merci, какъ бы желая отдѣлаться скорѣе, поспѣшила коротко проговорить Juana.

— О, это бездѣлица! скромно молвилъ Павелъ Павлычъ.

— Puisque nous sommes en carême! сказала на это она, закусывая губу, и насмѣшливо повела плечомъ.

Павелъ Павлычъ недоумѣло глянулъ на нее во всѣ глаза.

— Je ne comprends pas, пробормоталъ онъ...

— Eh bien, elle était maigre, l'offrande! пояснила Coralie,—и обѣ онѣ залились своимъ неудержимымъ, пронзительнымъ французскимъ смѣхомъ.

„Постное приношеніе“—кольцо въ 400 рублей; за однѣ *надежды!* Во что же она себя цѣнитъ? воскликнулъ внутренно Павелъ Павлычъ, покраснѣвшій какъ ракъ отъ злости и конфуза.

— „L'humble hommage“! говорила между тѣмъ сквозь смѣхъ Испанка.

— Des roses blanches—symbole d'innocence! вторила ей, помирая, Coralie.

Бѣлыя розы, приписка его на карточкѣ, посланной съ букетомъ Татьянѣ Дмитріевнѣ—о, Господи, что же такое!..

Быстрѣе вспугнутаго воробья вылетѣлъ Павелъ Павлычъ изъ театра—и понесся къ себѣ на квартиру.

— Что ты со мною сдѣлалъ; что ты со мною сдѣлалъ? могъ онъ только выговорить, подступая съ сжатыми кулаками къ выбѣжавшему на его бѣшеный звонъ Фридриху и неистово топоча ногами:—кому ты отнесъ утромъ письма и посылку?

— По адресу отнесъ, кому слѣдовало, отвѣчалъ Фридрихъ съ достоинствомъ и осторожно отступая на два шага.

— Ты перепуталъ все... свинья!.. Ты... погубилъ меня, du

hast mich zu Grunde gerichtet! воскликнулъ даже для вящшей силы по-нѣмецки совершенно растерявшійся Павелъ Павлычъ...

Но изъ дальнѣйшихъ, болѣе обстоятельныхъ, объясненій оказалось, что даже этого утѣшенія не оставалось ему. Перепуталъ не Фридрихъ, а онъ самъ:—наканунѣ вечеромъ онъ, полусонный, надписалъ, по ошибкѣ, на конвертѣ съ карточкою, предназначавшеюся къ букету Татьянѣ Дмитріевнѣ, адресъ madame d'Aranjuez... а письмо къ ней, о, ужасъ! любовное письмо вмѣстѣ съ рубиновымъ кольцомъ, пошло на имя жены Цезаря, его начальника, Цезаря, который за это можетъ на вѣки сгубить его карьеру... O horrible, horrible, most horrible! вспомнилъ даже при этомъ Павелъ Павлычъ профессора Тернера, читавшаго о Шекспирѣ въ ихъ привилегированномъ заведеніи...

„Одно средство", рѣшилъ Павелъ Павлычъ, „сейчасъ же повиниться ей во всемъ, объяснить, признаться въ безумномъ, минутномъ увлеченіи, въ которомъ онъ кается, отъ котораго онъ уже вытрезвленъ, молить ея прощенія, помощи, спасенія. Она строга, но умна, и благородна,—она пойметъ... ей даже, очень можетъ быть, покажется достойнымъ ея (digne d'elle) спасти, вырвать такого молодаго человѣка, какъ онъ, изъ рукъ „подобнаго созданія" („une de ces créatures"), какъ выражается она"...

И чуть-чуть поуспокоенный Павелъ Павлычъ, облекшись во фракъ, направился во Владимірскую, гдѣ жилъ Цезарь.

Сердце его захолонуло, когда онъ очутился у дверей начальнической квартиры.

„А какъ вдругъ услышу: „дома нѣтъ-съ", или просто даже: „не велѣно принимать", что тогда?"—пронеслась у него ужасная мысль...

Но его приняли; благоволившій къ нему старый слуга Степанъ съ тою же своею улыбочкою провелъ его въ кабинетъ „генерала", а самъ „генералъ", завидя его изъ-за письменнаго стола, за которымъ подписывалъ исходящіи бумаги, крикнулъ ему своимъ все тѣмъ же дружественнымъ тономъ:

— Bonsoir, mon cher, пройдите къ женѣ; у меня, видите, какой ворохъ,—на полчаса еще хватитъ!..

Онъ ничего, видимо, не зналъ... И за то спасибо!

Татьяна Дмитріевна сидѣла въ своемъ интимномъ будуарчикѣ, на низкомъ, шелковомъ диванѣ, освѣщенная большою, подъ бѣлымъ колпакомъ лампою, и вырѣзывала цвѣты изъ длинной полосы кретона, лежавшей передъ нею на столѣ.

О, кто скажетъ, что происходило въ душѣ Павла Павлыча, когда онъ переступалъ за порогъ этого будуара!

Онъ вошелъ со вздрагивавшими поджилками... Она подняла голову—и вдругъ вся покраснѣла.

Онъ замѣтилъ это,—но не зналъ, обрадоваться-ли этому, или напротивъ... Онъ смущенно и молча поклонился...

— Садитесь! сказала Татьяна Дмитріевна, замѣтно перемогаясь.

Онъ сѣлъ все такъ же безмолвно.

— Прежде всего, начала она не сейчасъ,—возьмите это! Она вынула изъ-подъ подушки дивана футлярный ящикъ съ его злополучнымъ кольцомъ, протянула ему черезъ столъ и взялась опять за ножницы.

— Madame, заговорилъ было онъ...

Она прервала его:

— Вы сами должны понимать, до какой степени вы забылись. Я не знаю, что это были у меня вчера за „побѣдные взгляды“ (regards vainqueurs) и „оброненныя слова“, — она чуть-чуть усмѣхнулась, не отрывая глазъ отъ своего кретона,—которые привели васъ въ такой экстазъ... Но вы должны были бы вспомнить, что вся моя жизнь—тутъ (toute ma vie est là), чтобъ гарантировать меня противъ такихъ невѣроятныхъ признаній (pour me garantir contre d'aussi incroyables aveux).

Она проговорила все это разомъ, какъ заученый урокъ, строгимъ, догматическимъ тономъ. Менѣе смущенный и болѣе опытный свѣтскій человѣкъ понялъ бы, что тутъ было гораздо болѣе придуманнаго, *дѣланнаго*, чѣмъ настоящаго гнѣва.

— Неужели, все такъ же продолжала она,—могли вы, хотя на мгновеніе, дѣлать себѣ иллюзіи на счетъ *качества* того расположенія, которое я вамъ оказывала?

— Madame, могъ только вымолвить еще разъ совершенно раздавленный Павелъ Павлычъ.

Она глянула на него изподлобья и осталась, повидимому, совершенно довольна произведеннымъ ею впечатлѣніемъ. Улыбка, ея обычная улыбка пробѣжала по изгибу ея рта.

— Наконецъ, Павелъ Павлычъ, заговорила она вдругъ по-русски,—какъ могъ не понимать такой безспорно умный, хотя молодой — слишкомъ даже *молодой*, протянула она уже съ извѣстнымъ лукавоженственнымъ оттѣнкомъ,—человѣкъ, какъ вы, что писемъ въ такомъ стилѣ не пишутъ à des femmes comme il faut... и, главное, не посылаютъ имъ въ подарокъ драгоцѣнныхъ камней?..

— Мнѣ это, конечно, и въ голову никогда притти не могло! вскрикнулъ Павелъ Павлычъ, несказанно обрадованный этою явною для него перемѣною тона;—письмо и подарокъ предназначались не вамъ, Татьяна Дмитріевна!..

Да, онъ, дѣйствительно, былъ еще „слишкомъ молодъ!“.

Татьяна Дмитріевна подняла голову — и пристально уставилась на него:

— Не мнѣ? повторила она.

— Нѣтъ, подтвердилъ онъ чуть слышно.

— Такъ кому же? спросила она, нервно помаргивая рѣсницами.

Онъ только теперь понялъ, какъ трудно было отвѣчать на этотъ, несомнѣнно долженствовавшій послѣдовать вопросъ.

— Я жду, сухо проговорила она, безъ жалости теперь къ болѣе чѣмъ когда либо несчастному выраженію его лица.

— Этой женщинѣ... донеслись до нея невнятные звуки его голоса.

— Какой женщинѣ?

— Которую вы... вы видѣли... вчера въ театрѣ-Буффъ...

Она ничего не сказала на это,—только губы ея дрогнули...

— Я никогда не прощу себѣ этой оплошности, объяснялъ черезъ силу злополучный Павелъ Павлычъ:—вы мнѣ сказали вчера, что сегодня день вашего рожденія, и я считалъ себѣ дозволеннымъ поднести вамъ букетъ... при немъ была моя кар-

точка... Все это попало не къ вамъ... а на обложкѣ этого несчастнаго письма я... я надписалъ, въ разсѣянности, ваше имя.

— Мое имя... Какъ же могло попасть оно у васъ рядомъ съ именемъ этой женщины! пылко вырвалось у нея...

Татьяна Дмитріевна была сама добродѣтель, добродѣтель, возведенная въ кубъ. Она, какъ мы видѣли, себя такою и показала сейчасъ... Но именно потому, что она была — добродѣтель, ей было невыразимо досадно теперь, что этотъ „мальчишка“, это „глупое письмо“... что предметомъ, поводомъ всѣхъ такихъ „глупостей“ служатъ вообще „эти женщины“, а не воспитанныя, изящныя, чистыя „femmes comme il faut“...

— Скажите мнѣ, научите, восклицалъ между тѣмъ въ отчаяніи растерянный ловеласъ,—чѣмъ, какъ могу я извиниться?..

Она нежданно для него засмѣялась,—и какимъ смѣхомъ! Бѣдный Павелъ Павлычъ!

— Къ чему? проронила она:—лучшее извиненіе ваше, — ваша откровенность!

Павелъ Павлычъ смутно понялъ, что этими словами она сказала ему: дуракъ... Онъ замолкъ, какъ рыба.

Такъ прошло довольно много времени. Татьяна Дмитріевна продолжала вырѣзывать свой кретонъ...

— Если хотите чаю,—позвоните! сказала она, наконецъ, чуть-чуть морща брови.

Онъ поднялся съ мѣста.

— Нѣтъ, рѣшилъ онъ, — позвольте мнѣ лучше уйти. Я такъ деморализованъ сегодня, что, кромѣ глупостей, ничего сказать не съумѣю, чувствую... Другой разъ, можетъ быть, я буду счастливѣе, домолвилъ онъ заискивающимъ и трепетнымъ тономъ.

— Bonne nuit, сказала она ему просто на это, лѣниво поднимая руку навстрѣчу его протянутой рукѣ.

Онъ робко сжалъ оконечности ея пальцевъ, низко поклонился—и вышелъ черезъ пріемныя комнаты (пройти черезъ кабинетъ Цезаря ему показалось страшнымъ послѣ этого объясненія)...

Татьяна Дмитріевна кинула работу свою на столъ—и прошла къ мужу.

Онъ поднялъ глаза и спросилъ:

— А Ѳедосьевъ гдѣ же?

— У меня голова разболѣлась; я его и отослала, небрежно отвѣчала она, опускаясь въ кресло подлѣ письменнаго стола.

— А я сейчасъ о немъ представленіе подписалъ, сказалъ Цезарь, продолжая подмахивать свои исходящія.

— Какъ, опять? лѣниво промолвила Татьяна Дмитріевна: —онъ, кажется, въ прошломъ году что-то получилъ!

— Да,—чинъ. А теперь мы его въ камеръ-юнкеры представляемъ... Это не въ счетъ! промолвилъ онъ, улыбнувшись.

— А я нахожу, что ты ихъ всѣхъ ужасно какъ балуешь. Ce n'est pas sage...

— Ѳедосьевъ отличный работникъ, сказалъ онъ.

— Можетъ быть... Но человѣкъ во всякомъ случаѣ не умный! И Татьяна Дмитріевна зѣвнула.

Цезарь былъ такъ изумленъ этимъ словомъ, что брызнулъ чернилами на росчеркѣ во всю бумагу.

— Ѳедосьевъ не уменъ?

— Я удивляюсь, какъ, съ *твоимъ* умомъ, ты не замѣтилъ этого до сихъ поръ... И къ тому еще... промолвила она тѣмъ же лѣнивымъ тономъ, отыскивая затылкомъ знакомую ямочку на откидистой спинкѣ кресла.

— „Къ тому", что? спросилъ Цезарь, макая перо въ чернильницу.

— Къ тому, какъ это говорится, засмѣялась она: — до женскихъ сердецъ лакомъ.

Перо выпало изъ рукъ ея мужа; онъ выпрямился, моргнулъ утомленными отъ свѣта и письма вѣками:

— Таня!

— Что? спросила она, не перемѣняя положенія.

Онъ слегка покраснѣлъ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ,—я... я не хочу спрашивать, потому что... если-бъ онъ что-нибудь... ты бы мнѣ сказала!..

Она слегка повернулась къ нему лицомъ.

— Ничего бы я тебѣ не сказала, потому что это не твое дѣло. Ты знаешь мои правила: la femme de Cézar...

— Ne doit pas être soupçonnée, договорилъ онъ съ сіяющею улыбкою—и потянулся къ ней...

Она положила на его ладонь свою бѣлую, длинную, прекрасную руку; онъ приникъ къ ней нѣжнымъ и долгимъ поцѣлуемъ...

— А я никакъ не думалъ бы этого про Ѳедосьева, сказалъ онъ вслѣдъ затѣмъ, пододвигая къ себѣ кипу уже подписанныхъ имъ бумагъ и принимаясь рыться въ нихъ.

— И думать о немъ нечего,—и Татьяна Дмитріевна зѣвнула еще разъ,—mais pour en revenir къ нашему вопросу, я такъ думаю, что съ общею массою подчиненныхъ надо быть строго справедливымъ и награждать ровно столько, сколько они этого стоятъ, — а особенные *фаверы* беречь для *безукоризненно*-достойныхъ. Voilà mon avis?

— Онъ знаетъ объ этомъ представленіи его! сказалъ Цезарь, пробѣгая глазами отысканную имъ бумагу, — и ужасно будетъ дуться на меня, промолвилъ онъ съ нѣсколько насилованнымъ смѣхомъ,—если оно не пойдетъ къ Святой.

— Ахъ, Боже мой, сказала на это Татьяна Дмитріевна,— пойдетъ оно или не пойдетъ, ты понимаешь, что это мнѣ совершенно все равно. Les détails m'occupent peu, vous savez... Для меня важенъ всегда вопросъ принципа. У тебя большой недостатокъ для государственнаго человѣка,—сердце! Возьми les vrais hommes d'état, Ришелье, Талейранъ, Бисмарка: они могли сдѣлать то, что они сдѣлали, только потому, что передъ собою всегда видѣли одну свою идею, а сердце на вѣки вѣковъ запечатано было у нихъ Соломоновою печатью.

Цезарь взялъ лежавшій передъ нимъ листъ съ представленіемъ о пожалованіи надворнаго совѣтника Павла Ѳедосьева въ камеръ-юнкеры, поднялъ его до высоты своихъ глазъ—и разорвалъ на четыре куска...

СВОБОДНАЯ ДУША *).

(Психологическій этюдъ.)

I.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—именно въ августѣ мѣсяцѣ 1874 года,—стоялъ я у кассы московско-курской желѣзной дороги и бралъ билетъ прямаго сообщенія въ Одессу, куда ѣхалъ по одному весьма скучному дѣлу. Укладывая въ портмоне полученную отъ кассира книжку билетовъ и сдачу съ моихъ пятидесяти рублей, я толкнулъ локтемъ какого-то, ждавшаго подлѣ меня своей очереди, господина.

— Извините! поспѣшилъ я сказать.

— Сдѣлайте милость! отвѣчалъ мнѣ звучный—и до того дружелюбный и веселый—голосъ, что я почувствовалъ необходимость взглянуть въ лицо его любезнаго владѣльца.

Это было одно изъ тѣхъ широкихъ, съ густою темною бородою и сѣдѣющею гривою волосъ, свѣжихъ русскихъ лицъ, которымъ на видъ можно точно также дать 35, какъ и 45 лѣтъ. Онъ былъ довольно высокъ ростомъ и коренастъ въ плечахъ. Глаза его такъ и горѣли довольствомъ, счастіемъ жизни, показалось мнѣ... Я приподнялъ шляпу, улыбнулся ему въ знакъ благодарности — и тотчасъ же отправился занять мѣсто въ вагонѣ.

Вагонъ былъ отличный, новенькій, съ раскидывающимися креслами-кроватями, длинными настолько, что хоть фланго-

---

*) Впервые напечатано въ №№ 161, 168 и 175 „С.-Петерб. Вѣд.“, 13-го, 20-го и 27-го іюня 1876 г.

вому Преображенскаго полка уложиться на нары, и мягкими достаточно, чтобъ двадцать четыре часа сряду проспать на нихъ безъ-просыпу.

Двѣ трети пространства въ этого рода вагонахъ отданы пассажирамъ мужскаго пола. Остальная часть, отдѣленная отъ первой бархатною занавѣскою, протянутою въ ширину всего вагона, составляетъ женское отдѣленіе. Я занялъ кресло въ углу, у самой этой занавѣси. Во-первыхъ, я обезпечивалъ себя хоть съ этой стороны отъ храпа сосѣдей, — женщины если и храпятъ, то все же нѣсколько цѣломудреннѣе,—во-вторыхъ, уже тѣмъ, что не на проходѣ...

Итакъ я устроился, уложилъ на сѣтку плэдъ свой и мѣшокъ, закурилъ папироску и сталъ глядѣть въ окно.

Гляжу, идетъ мой веселый господинъ — и съ дамою подъ руку.

Я совершенно понялъ, откуда это довольство, это счастіе на его лицѣ.

Золотистые волосы изъ-подъ черныхъ перьевъ шляпы, глаза синіе, глубокіе, брови какъ вырисованныя, лѣтъ 23-хъ, свѣжа какъ ландышъ, что-то строгое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лѣнивое въ выраженіи, поступи,—словомъ, царь-барыня!..

А онъ идетъ, будто ногъ подъ собою не чувствуетъ; глядите, молъ, на эту красавицу, она—моя, понимаете, *мо — я!*

Усадилъ онъ ее въ женское отдѣленіе, долго возился, устраивая ее тамъ; хотѣлъ даже остаться, усѣсться подлѣ нея. Но она не допустила. „Здѣсь не ваше мѣсто!“ сказала она ему тихимъ, но рѣшительнымъ голосомъ (мнѣ все было слышно съ мѣста, изъ-за занавѣси)...

Онъ приподнялъ занавѣсь и вышелъ въ мужское отдѣленіе. Пассажировъ было насъ немного, и никого, какъ оказалось, ни у него, ни у меня знакомыхъ. Тѣмъ не менѣе, едва тронулся поѣздъ, завязался тотчасъ же общій разговоръ.

Онъ много разсказывалъ—и очень не глупо и интересно. Человѣкъ онъ былъ, сколько можно судить, практическій и повидавшій кое-что на своемъ вѣку: служилъ когда-то въ черноморскомъ флотѣ, послѣ севастопольскаго разгрома перешелъ на службу русскаго общества пароходства, въ качествѣ аген-

та его жилъ долго на Востокѣ. Онъ занимался теперь какими-то оборотами: самъ имѣлъ пароходъ, принималъ грузы, торговалъ... Зиму онъ провелъ въ Петербургѣ, а теперь ѣхалъ въ Крымъ съ *женою*,—„она еще не видала никогда южнаго берега“... Эту „жену“ онъ вклеивалъ постоянно въ свои рѣчи: „*жена* восхищается Патти“, „*жена* ежедневно каталась въ саняхъ по Невскому“, „понятно, что женщина молодая и недурная, какъ моя *жена*, должна любить наряды“, — и надо было слышать, съ какою неискусною скромностью произносилось имъ это прилагательное „*недурная*“, приставленное къ гремѣвшему въ устахъ его слову *жена*.

И вотъ-съ, ѣдемъ мы съ нимъ такимъ образомъ, бесѣдуемъ о Востокѣ, объ упадкѣ цѣнъ на дома въ Одессѣ,—а красавица его тамъ за занавѣсью, dos à dos со мною. И все его къ ней тянетъ. Нѣтъ, нѣтъ, и юркнетъ въ женское отдѣленіе: то плодовъ купитъ на станціи и ей понесетъ, то, на-ходу, побѣжитъ съ какимъ нибудь вздорнымъ вопросомъ справиться: не холодно-ли ей, не поднять-ли, или не опустить-ли окно?.. Его усердіе ей докучало,—она отвѣчала коротко, нехотя и, наконецъ, просто замѣтила ему, чтобъ онъ такъ часто не заходилъ, что онъ стѣсняетъ другихъ дамъ.

— Я тебѣ предлагалъ взять купе, Вѣраша, смиренно сказалъ онъ ей на это.

— Тамъ душно и скучно! отрѣзала она ему въ отвѣтъ.

Онъ, бѣдный, болѣе уже не входилъ туда... Сама она на станціяхъ не выходила; онъ подбѣгалъ къ окну съ разными предложеніями,—она изрѣдка дозволяла чуть-чуть приподнять губку въ видахъ улыбки: ну, на молъ тебѣ, а теперь отстань!..

А хороша была она, дѣйствительно, такъ, что весь нашъ вагонъ—человѣкъ шесть—готовъ былъ, кажется, пасть къ ея ногамъ, у того же окна: улыбнись каждому изъ насъ хотя этакъ!..

Когда стемнѣло, вечеромъ она наконецъ соблаговолила выйти—чай пить гдѣ-то. Я усѣлся недалеко отъ нея... Отпивъ чашку, слышу, говоритъ она мужу:

— Я залягу спать сейчасъ,—на этихъ креслахъ отлично,—

и тебѣ совѣтую то же! Во всякомъ случаѣ прошу меня не тревожить!

— Когда же я тревожу тебя, Вѣраша? чуть не плача сказалъ онъ на это.

Она прошла не отвѣчая...

Онъ улегся, дѣйствительно, какъ она желала,—и проспалъ, должно быть, до самаго Курска. Бѣдняга, какъ онъ довѣрчиво—и гнусно—храпѣлъ при этомъ!.. А тѣмъ временемъ...

II.

Было это въ августѣ, я уже сказалъ; ночи совсѣмъ темныя въ ту пору, къ тому же луны не было. Къ полуночи въ обоихъ отдѣленіяхъ все спало, казалось; я самъ начиналъ смыкать глаза подъ одуряющій гулъ колесъ...

Но вотъ—стопъ, остановились... Сонъ мой прервался... Станція; впереди тускло горятъ фонари, мороситъ мелкій дождикъ... Вдругъ за занавѣсью послышался мнѣ шорохъ, легкій затѣмъ стукъ опускаемаго окна...

— Вѣра? донесся до меня осторожный шопотъ. Я, какъ можете себѣ представить, весь обратился въ слухъ.

— Тс!.. И красавица что-то прошептала, чего я разслышать не могъ.

Но собесѣдникъ ея за окномъ никакъ не могъ, видно, сладить со своимъ прорывавшимся отъ волненія голосомъ:

— Нѣтъ, говорилъ онъ,—за Орломъ, въ половинѣ третьяго, станція Зміевка,—помни!

— Гдѣ ты сидишь? спросила она уже громче.

— Въ третьемъ классѣ, между Евреемъ и кормилицею.

Окно быстро поднялось опять и, по глухимъ, сдержаннымъ звукамъ, долетавшимъ до меня, я понялъ, что она старалась удержать внезапный взрывъ смѣха, возбужденнаго въ ней вѣроятно этимъ отвѣтомъ ея любовника...

Ну, да, ея *любовника*! Кто же это могъ бы быть иначе?.. А бѣдный мужъ тутъ, въ пяти шагахъ, спалъ какъ убитый, повинуясь ея желанію!.. Мнѣ страстно захотѣлось посмотрѣть

на нее въ эту минуту. Я осторожно потянулъ сторонку занавѣси, пристегнутую къ стѣнкѣ вагона, и жадно вперилъ глаза въ образовавшуюся между ними щель.

Она была отъ меня такъ близко, что, если-бъ въ эту щель вздумалось мнѣ сунуть руку, я бы могъ дотронуться до нея. Синеватый свѣтъ обтянутаго на ночь фонаря падалъ на ея лицо, на ручку въ сѣрой дорожной перчаткѣ, державшую у рта батистовый платокъ. Головка была откинута назадъ, на спинку кресла, и слегка прижмуренные глаза недвижно устремлены были впередъ. Ни упрека себѣ, ни сожалѣнія, ничего не выражалось на ея красивомъ, свѣжемъ лицѣ,—ничего, кромѣ какой-то холодной,—безпощадной, готовъ я былъ бы сказать, — думы. Меня такъ и подмывало вскочить, бѣжать, толкнуть этого гнусно храпѣвшаго мужа, крикнуть ему: „Проснись, открой глаза, слѣпецъ, слѣпецъ, безсмысленный человѣкъ“! (Воображаю, какъ бы онъ меня поблагодарилъ за это!) „Въ Зміевкѣ, въ половинѣ третьяго“... И что тамъ должно произойти, въ Зміевкѣ? спрашивалъ я себя, словно не догадываясь,—и кто этотъ говорившій съ нею?.. Не смотря на шопотъ, голосъ его былъ мнѣ какъ будто знакомъ,—молодой, еще не умѣвшій сдерживать себя голосъ... Мой билетъ прямаго сообщенія до Одессы годенъ былъ на цѣлыя три недѣли. Я рѣшился выйти въ Зміевкѣ, увидѣть того счастливца съ нею... высмотрѣть, выслѣдить ихъ... Не скрываю, досадно мнѣ было до боли... Невозможный ералашъ всякихъ мыслей и ощущеній пробѣгалъ у меня въ головѣ: то приливала какая-то невыразимая злость, и я пресерьезно говорилъ себѣ, что если-бъ мужу вздумалось ее зарѣзать тутъ же, я ни за что не отстранилъ бы отъ нея его руки, то доказывалъ себѣ, что она гораздо моложе своего мужа, что въ каждомъ молодомъ, здоровомъ существѣ законно желаніе жить, любить, быть счастливымъ... и что безконечно счастливъ тотъ, отъ кого ждетъ она этого счастія...

Поѣздъ миновалъ Орелъ, до Зміевки было уже близко. Мужъ ея продолжалъ храпѣть. Я опять приставилъ глазъ къ щели... Она видимо собиралась покинуть вагонъ. Двѣ бывшія еще съ нею въ отдѣленіи дамы спали крѣпкимъ сномъ, за-

вернутыя въ плащи свои и платки. На незанятомъ креслѣ, подлѣ нея, лежалъ ея свернутый плэдъ, дорожный мѣшокъ и какая-то шкатулка. Она наклонилась надъ этою шкатулкою, перебирала что-то рукою, съ которой снята была перчатка. Широкій капюшонъ покрывалъ ея голову вмѣсто шляпки, отложенной тутъ же къ плэду... Свѣча въ фонарѣ догорала, свѣтъ замиралъ въ темныхъ складкахъ ея плаща... Она въ этихъ тяжелыхъ складкахъ и съ наклоненною головою будто какія-то злыя чары готовила, будто волхвовала... Очень ужь настроено было мое воображеніе, какъ видите... Но вотъ засвистѣлъ локомотивъ, выпуская пары передъ станціею; — она быстро замкнула шкатулку, двинула ее къ остальнымъ вещамъ, выпрямилась, откинула слегка капюшонъ на затылокъ и сѣла,—сѣла прямо, и какимъ-то нервнымъ движеніемъ запахнула на колѣняхъ обѣ полы своего плаща, будто всю себя въ эту минуту хотѣла собрать во что-то, скоро и удобно движимое. Лицо ея теперь казалось все также спокойно, но, отъ пламени, что-ли, вспыхивавшей на-послѣдяхъ свѣчи, оно было страшно блѣдно, и глаза глядѣли неподвижно впередъ въ какомъ-то мрачномъ окаменѣніи...

Мнѣ самому нечего было терять времени. Я накинулъ плэдъ мой на руку, захватилъ чемоданчикъ и вышелъ на площадку, съ которой соскочилъ на помостъ, лишь только успѣлъ остановиться поѣздъ въ Зміевкѣ... Все это было очень глупо,— но меня влекло неодолимое любопытство... Почти одновременно со мною мелькнуло что-то по другую сторону вагона. Это была *она*... Кто-то стоялъ на платформѣ, съ протянутыми вверхъ руками; она, сходя, прямо упала на эти руки... Я, что есть мочи, побѣжалъ къ двери станціи: *они* не могли миновать меня такимъ образомъ... Въ дверяхъ человѣкъ, выбѣгавшій оттуда, чуть не сшибъ меня съ ногъ,—и въ то же время раздался за мною торопливый вопросъ: „лошади здѣсь?“

— Готово-съ!

Я обернулся: *она* шла подъ руку съ.... Фамиліи его я не назову, но это былъ знакомый мнѣ молодой человѣкъ. Я только успѣлъ удержать неумѣстное восклицаніе. Не знаю, замѣтилъ ли онъ тоже, узналъ-ли меня. Но онъ какъ будто прибавилъ

шагу, увлекая и ее, спѣша съ нею къ выходу. *Она* опустила капюшонъ на самые глаза и шла, прижавшись къ нему, будто въ маскарадѣ, таинственная и безмолвная... Я машинально двинулся за ними. На дворѣ станціи стояла лихая четверня подъ коляскою съ поднятымъ верхомъ. Онъ посадилъ въ нее свою спутницу, вскочилъ за нею; лошади съ мѣста помчались маршъ-маршемъ,—и я, что̀ говорится, дуракъ-дуракомъ остался на станціи, не зная, что̀ изъ себя дѣлать до ближайшаго поѣзда...

Помню, я прогулялъ такъ на платформѣ, одинъ, до свѣту.

Все это происшествіе произвело на меня очень сильное впечатлѣніе, и я долго не могъ успокоиться.

— Такъ, безъ дальнихъ околичностей, разсуждалъ я, — взялъ, увезъ, отнялъ ее у этого человѣка, такъ пламенно любящаго ее, что, какъ отецъ Гамлета, „не дозволялъ вѣтрамъ лица ея касаться“... А она такъ беззастѣнчиво, такъ жестоко, безъ сожалѣнія, безъ борьбы... Борьба! Да есть-ли на нее матеріалъ въ этой женщинѣ? отправлялся я отъ частнаго къ общему. Вѣдь тутъ прежде всего вопросъ: за *что̀*, во имя *чего* бороться? Тутъ нуженъ извѣстный нравственный устой, нужно нѣчто ясно и твердо усвоенное, съ чѣмъ приходится биться горячей волнѣ страсти... А гдѣ у насъ эти устои, гдѣ тѣ могучіе корни, глубоко запущенные въ женскую душу, которые вырвать изъ себя не могла бы она безъ потрясенія всего своего нравственнаго бытія? Тамъ же, гдѣ все дѣло сводится на простое разсужденіе, что „ну, а теперь довольно, я другаго люблю, мое почтеніе!“—*что̀* вы тутъ подѣлаете и *чѣмъ* остановите?..

Размышленія мои, какъ видитъ читатель, были самаго мизантропическаго свойства. Тѣмъ не менѣе, любопытство дѣлало свое дѣло между тѣмъ: я разговорился съ дежурнымъ сторожемъ и узналъ отъ него, что коляска и лошади, умчавшіе моихъ любовниковъ, присланы были отъ одного молодаго помѣщика, проживающаго въ своей усадьбѣ въ 10-ти верстахъ отъ Зміевки. Все остальное оставалось покрытымъ мракомъ неизвѣстности.

Часу въ шестомъ, гляжу, подходитъ ко мнѣ начальникъ станціи:

— Позвольте, говоритъ, узнать: вы прибыли сюда съ такимъ-то поѣздомъ?

— Да, отвѣчаю нѣсколько сконфуженно, — преглупо замѣшкался тутъ и—остался...

Онъ какъ-то очень двусмысленно поглядѣлъ на меня...

— Вотъ, началъ онъ опять,—я сейчасъ изъ Курска телеграмму получилъ: спрашиваетъ какой-то господинъ, не сходила-ли здѣсь одна дама—супруга его, должно быть,—въ бархатной, каштановаго цвѣта, мантиліи и шляпка круглая съ перомъ. Я положительно не могу сказать, сходила или нѣтъ такая дама, — я не замѣтилъ. А вы, какъ бывшій на томъ поѣздѣ, можетъ быть, знаете ее, и видѣли, что она сошла здѣсь. И, говоря это, глядитъ онъ мнѣ все въ лицо самымъ инквизиторскимъ образомъ,—а между тѣмъ, замѣчаю, будто и самъ онъ смущенъ. Я вспомнилъ тутъ, что его красная фуражка мелькнула у меня въ глазахъ въ ту самую минуту, когда красавица садилась въ коляску. Начальникъ станціи, несомнѣнно, видѣлъ все, догадывался, или, что̀ еще вѣрнѣе, зналъ въ чемъ дѣло,—и теперь допытывалъ меня: что̀ я, другъ или недругъ.

— Я положительно могу сказать то, отвѣчалъ я, глядя ему точно также въ самые глаза, — что въ *бархатной мантиліи и шляпѣ съ перомъ* никакая дама не выходила со мною здѣсь, и что я ни съ какою дамою изъ бывшихъ на поѣздѣ не знакомъ.

— Отлично! воскликнулъ онъ, весь просіявъ, — я такъ именно отвѣчу, что по означеннымъ въ депешѣ примѣтамъ не замѣчено было на станціи никакой дамы... Да не угодно-ли вамъ будетъ выкушать у меня чаю? предложилъ онъ, протягивая мнѣ руку.

Я согласился, выпилъ у него чаю — о ночномъ происшествіи не обмѣнено было нами ни единаго слова,—и уѣхалъ съ почтовымъ поѣздомъ въ Курскъ.

III.

Вернувшись зимою въ Петербургъ, я не преминулъ, разумѣется, справиться о моемъ ловеласѣ. Но никто не могъ со-

общить мнѣ о немъ подробностей: „онъ гдѣ-то за границею, никому не пишетъ“.

О похищеніи, кромѣ меня, не было вѣдомо никому.

Я совершенно забылъ объ этой исторіи, какъ вдругъ, годъ спустя, въ ноябрѣ, проходя по Фонтанкѣ, мимо дома Гулевича, — было это часу въ пятомъ,—вижу я, подъѣзжаетъ къ его крыльцу наемная, изъ *мѣсячныхъ*, карета, а изъ нея выходитъ...

Я чуть не крикнулъ.

Это была она,—она, съ золотистыми волосами Аріадна, похищенная знакомымъ мнѣ Тезеемъ!..

Она здѣсь, въ Петербургѣ! Съ нимъ? Съ нимъ. Онъ вышелъ за нею изъ кареты на крыльцо,—но не пошелъ за нею далѣе. Она обернулась въ дверяхъ и что-то поспѣшно и горячо, показалось мнѣ, проговорила ему. Онъ пожалъ плечами, далъ ей исчезнуть за дверями—и перебѣжалъ черезъ улицу на тротуаръ.

Мы очутились носъ къ носу (извините за галлицизмъ!)

— Ахъ, какъ я радъ васъ видѣть! заговорилъ онъ развязно, но подозрительно моргая глазами.

— И я тоже! Давно вы здѣсь? Говорили—вы за границею?

— Само собою! отвѣчалъ онъ, смѣясь, — я на дняхъ вернулся.

— На зиму?

— Какъ случится!..

— Какая хорошенькая женщина, съ которою вы сейчасъ пріѣхали!

— Д-да, это одна моя... знакомая...

— Очень хорошенькая, повторилъ я какъ можно равнодушнѣе и дѣлая видъ, что не гляжу на него.

Мы шли съ нимъ теперь рядомъ по Фонтанкѣ.

— Вы не на службѣ? спросилъ я.

— Нѣтъ, будетъ-съ! Отбылъ свое. И христолюбиваго воинства испробовалъ въ-сласть, и три года предводительствовалъ. Довольно! надо и для себя пожить!..

— И весело?

— Чего?

— Такъ жить?

Онъ какъ бы поморщился, помолчалъ и неожиданно проговорилъ:

— Я, говоритъ, не помню кто, Шатобріанъ, что-ли, сказалъ очень вѣрно, что счастье только въ пробитыхъ колеяхъ,— а какъ только своротишь...

— Споткнешься?

— Нѣтъ, сказалъ онъ... а... просто...

— Не хорошо выходитъ? договорилъ я.

— Пожалуй! И онъ улыбнулся насильно, помолчалъ опять и воззрился на меня вдругъ пристальнымъ и какъ бы заискивающимъ взглядомъ:

— Знаете что, не хотите-ли познакомиться съ этой дамой... которую вы сейчасъ нашли такою хорошенькою?

Я геройски выдержалъ этотъ взглядъ.

— Почему же нѣтъ,—если она такъ же мила, какъ хороша собою...

— Вотъ увидите, сказалъ онъ, какъ бы обрадовавшись;— она здѣсь никого не знаетъ, недавно вернулась изъ-за границы и, я увѣренъ, очень будетъ рада...

— Она замужемъ? спросилъ я самымъ невиннѣйшимъ тономъ.

— Д-да... но съ мужемъ... не въ ладахъ... И такъ, si cela vous arrange, поспѣшилъ промолвить мой ловеласъ,—сегодня dans l'avant soirée, часу въ девятомъ, приходите, — она тутъ живетъ en garni,—и велите мнѣ сказать: я ее заранѣе предварю и буду ждать васъ у нея...

— Очень хорошо, приду!

Мы доходили до Невскаго.

— Итакъ, до свиданія, сказалъ онъ, пожимая мнѣ руку,— ѣду обѣдать въ картофельный клубъ, а съ 8-ми будемъ ждать васъ.

Онъ сѣлъ на извощика и укатилъ. Я пошелъ обратно по Фонтанкѣ.

— А какъ мнѣ однако ее спросить вечеромъ? вспомнилъ я:—я фамиліи ея не знаю. Зайти у швейцара справиться...

— Любезный, сказалъ я, входя въ сѣни, — тутъ сейчасъ

въ каретѣ пріѣхала, у васъ живетъ, одна знакомая мнѣ дама изъ-за границы, госпожа...

— Госпожа Ноготкова? на мое счастье сейчасъ же догадался швейцаръ,—пожалуйте сюда, налѣво!..

— Нѣтъ, сказалъ я,—мнѣ теперь некогда, я хотѣлъ только узнать, гдѣ она живетъ,—я буду вечеромъ сегодня...

И я взялся за ручку двери, уходить, какъ вдругъ кто-то съ той стороны толкнулъ эту дверь такъ, что я чуть не свалился,—и въ сѣни ввалился въ шубѣ и мѣховой шапкѣ высокій господинъ, котораго я тотчасъ же призналъ. Это былъ мужъ красавицы!..

— Господи! чуть не крикнулъ я.

Онъ, со своей стороны, меня не узналъ, — да и едва-ли замѣтилъ... глаза его растерянно сверкали изъ-подъ шапки...

— Здѣсь живетъ госпожа Змаичъ? бухнулъ онъ сразу, глядя въ упоръ въ глаза швейцара.

„Это ея настоящая фамилія—Змаичъ!“ сказалъ я себѣ.

— Змаичъ? повторилъ швейцаръ;—нѣтъ у насъ такой!..

— Молодая, бѣлокурая... изъ-за границы вернулась на дняхъ? проговорилъ торопливо тотъ: въ тонѣ его голоса было что-то надрывающее...

Швейцаръ подозрительно воззрился на него — потомъ на меня.

— Такъ тѣ госпожа Ноготкова... изъ-за границы...

— Ноготкова... Голосъ вошедшаго явственно дрогнулъ... Ноготкова, повторилъ онъ,—она дома?

— Дома, сквозь зубы проговорилъ швейцаръ и глянулъ опять на меня: „тебѣ же, молъ, теперь чего еще нужно?“

Я все дѣлалъ видъ, что не могу справиться съ моею отставшею на задкѣ калошею... Теперь приходилось убираться по-добру, по-здорову...

Я потянулъ ручку—и вышелъ, сильно заинтригованный:

— Приметъ она его, или не приметъ? А если приметъ, что изъ этого произойдетъ? Вѣдь это драмою, кровавою драмою пахнетъ. Этотъ Змаичъ, севастопальскихъ временъ морякъ, онъ... Моему похитителю, во всякомъ случаѣ, придется

провести дурную четверть часа, какъ говорятъ французы, такъ или иначе...

Съ добрыхъ полчаса времени самъ я проволновался, гуляя по набережной, противъ дома Гулевича, въ ожиданіи, что вотъ-вотъ выскочитъ на тротуаръ непринятый мужъ, кликнетъ взволнованнымъ голосомъ извощика... Но онъ не выходилъ:—она его, значитъ, приняла... Я почти ничего не ѣлъ за обѣдомъ, такъ нетерпѣливо ожидалъ часа, когда мнѣ можно будетъ, въ нѣкоторой мѣрѣ, провѣдать о томъ, что же вышло изъ этого свиданія современнаго Менелая со своею прекрасною и вѣроломною супругою.

IV.

Въ началѣ девятаго я звонилъ у дверей г-жи *Ноготковой*-Змаичъ.

— Кого вамъ? рѣзко проговорилъ швейцаръ, выступивъ въ ту же минуту изъ своей конуры.

— Какъ видишь! отвѣчалъ я, грозно взглянувъ на него.

— Не велѣно никого принимать! не смущаясь и рѣшительнымъ видомъ подходя ко мнѣ, отвѣтилъ онъ.

— Это до меня не касается, мнѣ... назначено...

Въ это время дверь квартиры отворилась на половину и въ узкомъ пространствѣ образовавшагося просвѣта показалась вопрошающая и явно испуганная фигура горничной, державшейся за ручку съ очевиднымъ намѣреніемъ не допустить меня войти.

— Что вамъ угодно?

— Мнѣ... назначено, повторилъ я безсознательно слова, сказанныя мною швейцару:—господинъ (я назвалъ фамилію моего молодого человѣка) пригласилъ меня быть... Онъ здѣсь?

— Не знаю! Потрудитесь подождать!.. И она безцеремонно захлопнула за собою дверь, чуть не задѣвъ меня ею по носу.

Я остался въ сѣняхъ подъ подозрительнымъ и, что обиднѣе было для меня, насмѣшливымъ, какъ показалось мнѣ, наблюденіемъ швейцара.

Это, къ моему счастью, продолжалось не долго; ключъ снова щелкнулъ въ замкѣ двери, и, торопливо распахнувъ ее, выбѣжалъ въ сѣни мой молодой знакомый съ весьма замѣтно разстроеннымъ лицомъ.

— Почтеннѣйшій другъ, быстро заговорилъ онъ по-французски, схватывая и пожимая мою руку до боли, — прошу у васъ тысячу извиненій, но madame... эта дама... она въ настоящую минуту не можетъ васъ принять. Она... Намъ сегодня дано было пройти черезъ такія перипетіи, шопотомъ промолвилъ онъ, тщетно стараясь вызвать улыбку на свои блѣдныя губы.

— Да-а? протянулъ я, вопросительно глядя ему въ лицо.

Онъ смутился, видимо понявъ, что мнѣ гораздо болѣе извѣстно, чѣмъ онъ думалъ, или хотѣлъ думать до сихъ поръ.. И вдругъ словно просіялъ отъ внезапно осѣнившей его мысли:

— Послушайте, сказалъ онъ съ тѣмъ заискивающимъ выраженіемъ тона и взгляда, которое я замѣтилъ уже въ немъ утромъ,—мнѣ необходимъ совѣтъ, и вы именно тотъ человѣкъ, который можетъ дать мнѣ его... Можете-ли вы пожертвовать мнѣ часомъ времени для бесѣды... для объясненія *наединѣ?* какъ бы подчеркнулъ онъ.

— Могу, сказалъ я.

— Когда?

— Когда хотите.

— Сегодня можно? Поздно, можетъ быть, не знаю, какъ отсюда удастся... Но такъ, часовъ въ одиннадцать?..

— Хорошо! Я съ десяти буду ждать васъ, и хоть вплоть до зари.

— Вашъ адресъ?

Я сказалъ.

Онъ неожиданно кинулся мнѣ на шею:

— Вы меня просто спасти можете! проговорилъ онъ мнѣ на ухо.

— Э-э, братъ, подумалъ я,—севастопольскіе моряки видно не шутятъ.

V.

Подъ самую полночь, громкій звонокъ колокольчика въ моей передней возвѣстилъ мнѣ о пріѣздѣ моего героя.

Это былъ дѣйствительно онъ (для удобства окрещу его, пожалуй, Волгинымъ).

Началъ онъ, какъ водится, съ извиненій за безпокойство...

— Хотите чаю? прервалъ я его.

— Нѣтъ... А впрочемъ да, пожалуйте! Ужасно холодно сегодня на дворѣ, я прозябъ весь...

Чайникъ у меня стоялъ на комфоркѣ въ кабинетѣ. Слуга былъ высланъ... За чаемъ мой Волгинъ началъ такъ:

— Я знаю, говорилъ онъ,—что не имѣю никакого права на то,—онъ нѣсколько смутился—на то, о чемъ имѣю желаніе просить васъ: я вамъ едва знакомый человѣкъ. Но, во-первыхъ, я знаю, что вы человѣкъ хорошій, по словамъ покойнаго дяди моего ***, съ которымъ вы воспитывались и у котораго я и имѣлъ удовольствіе съ вами познакомиться, а, во-вторыхъ, мое положеніе таково, что я... что васъ мнѣ какъ бы сама судьба послала...

— Это такъ, сказалъ я, съ намѣреніемъ скорѣе притти къ сути предмета, судьба, именно. Я, долженъ вамъ сказать, былъ на томъ самомъ поѣздѣ, съ которымъ ѣхала госпожа *Змаичъ*,—я подчеркнулъ нарочно ея настоящую фамилію,—и съ котораго она на *станціи Зміевкѣ* сошла и ускакала затѣмъ съ вами въ невѣдомыя уже мнѣ страны.

Онъ покраснѣлъ и отвернулся:

— Вы были... да, я догадывался... я тогда узналъ васъ... И, извините меня, тоже понялъ, что вы сошли на той станціи не для чего инаго, какъ чтобы... что вамъ интересно было узнать...

Я въ свою очередь должно быть покраснѣлъ до самыхъ ушей.

— Да, поспѣшилъ я отвѣтить,—но вы можете быть увѣрены, что если я и любопытенъ, то не болтливъ и...

— О, я знаю, знаю, прервалъ онъ меня и схватилъ за

руку,—я видѣлся здѣсь со многими нашими общими знакомыми, которымъ вы въ сущности имѣли полное право сообщить объ этомъ... происшествіи. Но вы этого не сдѣлали, и я безконечно вамъ за это благодаренъ. Отношенія мои къ... къ этой женщинѣ (мнѣ не нравилось это слово въ его устахъ, а еще менѣе выраженіе, съ которымъ произнесъ онъ его), остались такимъ образомъ тайною для всѣхъ, по крайней мѣрѣ, здѣсь, въ Петербургѣ. И это самое обстоятельство какъ бы заставляетъ меня обратиться именно къ вамъ, какъ къ единственному человѣку, посвященному, такъ сказать...

— Мужъ госпожи Змаичъ здѣсь? сказалъ я просто на это.

— Вы знаете?

— Да, я съ нимъ столкнулся въ сѣняхъ дома Гулевича, послѣ того, какъ мы разстались съ вами... Онъ вызываетъ васъ на дуэль?

Волгинъ смутился снова отъ этого прямо поставленнаго вопроса: онъ потупился,—но тутъ же быстро поднялъ голову и тревожно глянулъ мнѣ въ глаза. „Ужь не думаешь-ли ты, что я трушу?“ говорилъ его взглядъ.

— Дуэль, сказалъ онъ:—я съ той минуты, со *Зміевки*, ожидалъ и былъ готовъ на нее... Нѣтъ, хуже.

— Какъ „хуже“?

— А такъ, что этотъ человѣкъ, который... котораго я не могу не уважать, проговорилъ онъ съ усиліемъ, — что онъ обращается къ моей совѣсти...

— Проситъ васъ вернуть ему жену?

Волгинъ засунулъ руку за отворотъ своего моднаго застегнутаго сюртука, досталъ изъ кармана письмо и подалъ его мнѣ:

— Прочтите! коротко сказалъ онъ.

Письмо было слѣдующаго содержанія:

„Милостивый Государь!

„Я былъ сейчасъ у той, которой далъ свое, ничѣмъ не замаранное, имя, и которая, послѣ двухъ лѣтъ моей безграничной любви къ ней, покинула меня внезапно и ушла съ вами. На мой вопросъ: за что это? она отвѣчала, что не любитъ

меня, а любитъ васъ, а потому желаетъ жить съ вами, а не со мною. Больше ничего, кромѣ такихъ словъ, я не могъ отъ нея добиться. Но этого для меня не достаточно, потому она такъ еще молода, что сама не понимаетъ, что̀ можетъ ее ожидать на такомъ скользкомъ пути, а я взялъ ее невинною изъ дома родительскаго и почитаю себя обязаннымъ охранять ее и впредь отъ гибели. А потому обращаюсь къ вашей совѣсти отвѣтить мнѣ: намѣрены-ли вы обезпечить ея будущее, какъ то̀ есть долгъ честнаго человѣка, законнымъ бракомъ? Въ такомъ случаѣ я готовъ принять на себя все, что̀ для этого требуется у насъ закономъ.

„Видѣться съ вами лично я не желаю, по причинамъ, которыя вы должны понимать. Но я буду ожидать вашего отвѣта или письменно, или черезъ какое либо лицо, если у васъ имѣется честный и скромный человѣкъ, которому вы можете вполнѣ и безъ опасенія довѣрить.

Остаюсь вашъ слуга
Ѳеофилъ Змаичъ,

Гостинница Знаменская, противъ Николаевской желѣзной дороги, № 12“.

— Госпожа Змаичъ объ этомъ письмѣ знаетъ? спросилъ я, дочитавъ.

— Нѣтъ! отвѣтилъ, чуть-чуть сморщившись, Волгинъ.

— Но она, конечно...

— Нѣтъ, не „конечно“! послѣдовалъ неожиданный отвѣтъ.

— Какъ такъ? повторилъ я, остолбенѣвъ.

Волгинъ улыбнулся какою-то кислою улыбкою:

— Она говоритъ, что любитъ меня теперь и будетъ любить, „пока хватитъ у нея на меня чувства“, и что поэтому все равно, будемъ мы или нѣтъ связаны „формальными узами“...

— Это, положимъ, та̀къ теперь, возразилъ я:—но для будущаго...

Онъ опять такъ же кисло улыбнулся:

— А за будущее, говоритъ она, никто поручиться не можетъ: ты, говоритъ, можешь полюбить другую, я, говоритъ, измѣниться,—такъ для чего намъ усложнять наши отношенія?..

И нельзя не признаться, что она въ принципѣ права, поспѣшилъ примолвить Волгинъ, какъ бы въ предупрежденіе возраженія съ моей стороны,—и совершенно честно поступаетъ, говоря то, что̀ думаетъ. Она, нужно вамъ сказать, что̀ говорится, „свободная душа“, необыкновенно правдива, а лгать ей такъ же не возможно, какъ солнцу, напримѣръ, подниматься не съ востока, а съ запада.

— Позвольте однако, замѣтилъ я: — вѣдь, сколько мнѣ извѣстно, мужъ ея никоимъ образомъ не былъ предваренъ ею о томъ, что вы должны были увезти ее въ Зміевкѣ. Она приказала ему просто спать лечь,—я это слышалъ,—и онъ самымъ послушнымъ и довѣрчивымъ образомъ прохрапѣлъ все время, нужное вамъ для похищенія жены его. Это обстоятельство, пожалуй, могло бы мнѣ послужить аргументомъ противъ вашихъ выводовъ.

— Ахъ, у насъ объ этомъ былъ съ нею разговоръ однажды за границею, воскликнулъ молодой человѣкъ:—и я ей тогда поставилъ à peu près вопросомъ то, что̀ вы сейчасъ сказали. А она мнѣ на это отвѣчала, что онъ „человѣкъ старыхъ предразсудковъ“, что онъ не въ состояніи понять „здравыхъ мыслей“, и что „терять свои слова съ такими людьми и безполезно, и глупо“. Онъ бы „самъ только мучиться умѣлъ, а мнѣ помѣшалъ бы“, говорила она:—„я потому ему и не сказала“.

За этимъ наступило какое-то неловкое для насъ обоихъ молчаніе.

— Послушайте, сказалъ я, наконецъ:—разъ у насъ дѣло пошло на откровенность, позвольте уже мнѣ прямо поставить вамъ вопросъ: любите-ли вы ее еще?

Молодой человѣкъ блеснулъ глазами, придвинулъ свое кресло къ моему и положилъ руку на мое колѣно:

— Разрѣшите это вы мнѣ,—самъ я не въ состояніи!.. Бывали минуты, когда мнѣ казалось, что, если-бъ она вздумала меня кинуть, я бы завтра застрѣлился. За то бываютъ другія, когда я самъ бы ее, кажется, застрѣлилъ со злости и отчаянія!... Чувству ея ко мнѣ я не могу не вѣрить,—я вамъ сказалъ:—лгать она не способна. Какъ хороша она, вы знаете!.. И эти глаза! Глубокіе, задумчивые... Я, признаюсь вамъ, долго

предавался всякимъ фантазіямъ, глядя на эти удивительные глаза,—а между тѣмъ... Я-ли не того требую, она-ли не такая, какою слѣдуетъ быть женщинѣ, только я испытываю съ нею... какъ бы вамъ это сказать?.. какъ бы вѣчно неутоленную жажду... Она за это обзываетъ меня „идеалистомъ“, — а какой ужь я идеалистъ изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ! съ самоуниженною улыбкою промолвилъ Волгинъ.— Знаю я только одно: при такомъ разладѣ жизнь для меня далеко не радость, закончилъ онъ горячимъ, изъ души вырвавшимся взрывомъ и, судорожно прижмуривъ глаза, откинулся въ спинку своего кресла.

— Въ чемъ же вы именно расходитесь? спросилъ я, болѣе для того, чтобъ дать ему выговориться до конца, чѣмъ изъ необходимости дальнѣйшихъ разъясненій.

— Какъ бы вамъ сказать? отвѣчалъ онъ не сейчасъ: — я вотъ, извольте видѣть, современный человѣкъ и совершенно сочувствую прогрессу нашего вѣка, развитію и прочее... Но у меня не порваны еще, такъ сказать, всѣ связи съ прошлымъ, много еще тамъ такого, что̀ мнѣ дорого, близко,—хоть бы, напримѣръ, семья, отношенія, преданія... наконецъ, все русское, родное... все это невольно выливается (онъ нѣсколько путался въ словахъ)... И наконецъ въ наше время такъ много еще такого неразрѣшеннаго, надъ чѣмъ поневолѣ приходится задуматься и волноваться... Для нея — все это не существуетъ... Смѣшно какъ-то все это для нея... Она, надо вамъ сказать, воспитывалась въ гимназіи, въ Одессѣ; родители ея, сколько я знаю, люди не далекіе: отецъ—толстый новороссійскій помѣщикъ; мать—пустая женщина. Она сама себя, можно сказать, воспитала и представляетъ собою, такъ сказать, продуктъ самоновѣйшей формаціи. Все у нея опредѣлено и рѣшено, — все какъ бы ножемъ отрѣзано. Ни вопросовъ, ни сомнѣній, ни даже особенныхъ желаній... „Живи, пока живется“, говоритъ она и смѣется; „надоѣстъ — пуля или нѣсколько капель синильной кислоты, и конецъ!..“ И это съ этими небесными глазками! воскликнулъ неожиданно Волгинъ. — Она такъ и живетъ, „пока ей живется“. Ее ничто особенно не трогаетъ, ничто не умиляетъ... Книги любитъ

она читать — и только. Уѣхали тогда мы съ нею въ Италію. У меня, конечно, по моему образованію, никакой артистической подготовки нѣтъ,—но всѣ эти сокровища, картины, этотъ Рафаэль,—поневолѣ поднимаетъ это все тебя, уноситъ. Гляди, бывало, говорю ей, Вѣра, что̀ за прелесть! Да, отвѣчаетъ она,—ничего, только, когда люди достигнутъ, говоритъ, полнаго развитія, они будутъ болѣе полезнымъ заниматься... Она дѣтей не любитъ. Какъ-то въ первое время, когда я еще имѣлъ иллюзіи, я, разговорившись, сказалъ ей, какъ былъ бы я счастливъ, если-бъ у насъ... Она меня вдругъ сердито прервала: „что̀ же, это вы желали бы видѣть во мнѣ типъ Толстовской самки!“... Это, помните, въ „Войнѣ и мірѣ“, Наташа Безухая въ послѣдней части...

— Но васъ-то она вѣдь любитъ, сами вы говорите? сказалъ я.

— Да; но это опять какая-то не женская, не отвѣчающая, а вызывающая любовь, возразилъ молодой человѣкъ, слегка краснѣя: — вѣдь она, первая, неожиданно сдѣлала мнѣ признаніе... И мысль, чтобъ я увезъ ее... и все, все отъ нея идетъ. Я какая-то игрушка, орудіе въ ея рукахъ... И знаете, пылко воскликнулъ онъ опять:—вѣдь она должна же наконецъ меня презирать за эти... за эту мою подчиненную роль...

Онъ порывисто поднялся и началъ ходить по комнатѣ, какъ бы избѣгая моего взгляда послѣ такого признанія.

Я замолчалъ.

— Такъ вотъ какое мое положеніе! заговорилъ онъ опять, снова опускаясь въ кресло и опуская голову на руку... Признаться-ли вамъ,—когда, вернувшись сейчасъ отъ нея въ Бельвю, гдѣ я остановился, я нашелъ письмо на мое имя съ припискою на конвертѣ „отъ Змаича“, я, еще не распечатывая его, сказалъ себѣ: „это вызовъ“,—и обрадовался. Да, я былъ радъ съ нимъ драться,—радъ, если-бъ онъ убилъ меня... Но вы знаете, чего онъ требуетъ, а требованіе это, если-бъ я самъ и рѣшился, malgré tout, его исполнить, то она не допустила бы меня до этого.

— Вы полагаете?

— Я увѣренъ. У меня былъ съ нею разговоръ,—именно,

когда вы приходили, — бурное объясненіе... Посѣщеніе мужа сегодня ее озлило... Онъ ее, бѣдняга, до сихъ поръ безумно любитъ... (Волгинъ вздохнулъ), и, вмѣсто упрековъ и гнѣва, началъ съ увѣщеваній, предлагалъ ей вернуться къ нему, а когда убѣдился, что это не сбыточно, имѣлъ неловкость сказать ей, что онъ готовъ на все, лишь была бы она спокойна и обезпечена, и предложилъ ей формальный разводъ, на тѣхъ условіяхъ, о которыхъ онъ говоритъ въ письмѣ ко мнѣ, т. е. принимая грѣхъ на себя. „Это меня окончательно взорвало“, разсказывала она мнѣ, „и я его попросила уйдти!“ За что же? говорю я ей, онъ же тебѣ добра желаетъ. „Это разсчетъ, это подкупъ!“ вскрикнула она:—„развѣ ты не понимаешь? Это вексель на мою благодарность и право самоуслажденія своимъ прекраснодушіемъ. А мнѣ ни опеки, ни одолженій его не надо! Съ той минуты, когда я оставила его,—счеты наши съ нимъ покончены, и непрошенныя предложенія услугъ я считаю для себя оскорбленіемъ!“.. И вотъ-съ, каково мое положеніе! промолвилъ еще разъ злополучный мой похититель;—затѣмъ, предоставляю вамъ рѣшить: что мнѣ дѣлать?..

Задача была не легка.

— Мнѣ кажется, началъ я,—что, во всякомъ случаѣ, Змаича нельзя оставить безъ отвѣта: съ нимъ слѣдуетъ объясниться.

— Конечно, молвилъ Волгинъ,—но вы читали: онъ не желаетъ меня видѣть...

— Я готовъ поѣхать къ нему...

— Вы чудеснѣйшій человѣкъ! воскликнулъ молодой человѣкъ:—но... что вы ему скажете?

— Все то, что слышалъ сейчасъ отъ васъ, — что вы готовы на ней жениться... Такъ?

— Да, прервалъ онъ меня,—но чтобы онъ не подумалъ, что это я вслѣдствіе письма его, что я изъ страха...

— Онъ васъ ничѣмъ не стращаетъ въ этомъ письмѣ и, какъ видно, нисколько не жаждетъ вашей крови. Онъ несомнѣнно озабоченъ единственно судьбою этой женщины, которую „безумно еще любитъ“, какъ вы говорите. Тутъ нечего итти, что говорится, par quatre chemins, а надо прямо и от-

кровенно, какъ вы это сейчасъ со мною сдѣлали, объяснить ему ваше положеніе.

— Дѣлайте, какъ знаете; послѣ минутнаго молчанія проговорилъ Волгинъ:—я вамъ вполнѣ довѣряюсь.

Онъ захватилъ обѣ мои руки въ свои, крѣпко сжалъ ихъ,— и мы разстались, условившись, что онъ завтра, въ ту же пору пріѣдетъ ко мнѣ узнать о послѣдующемъ.

VI.

Часу въ десятомъ утра на другой день я входилъ въ Знаменскую гостиницу. Змаичъ былъ у себя въ нумерѣ. Я послалъ ему черезъ корридорнаго карточку мою съ припискою карандашемъ: „отъ Волгина". Черезъ нѣсколько минутъ корридорный вернулся съ отвѣтомъ:—„просятъ".

Онъ стоялъ у стола, съ устремленными на дверь глазами, въ ожиданіи меня. Глаза эти замѣтно и недружелюбно изучали меня, пока я проходилъ отъ дверей къ его мѣсту. Онъ поклонился, не протягивая мнѣ руки, указалъ на близъ стоявшій стулъ,—и самъ сѣлъ.

— Мы, кажется, гдѣ-то уже съ вами встрѣчались? проговорилъ онъ безъ улыбки.

Какъ мало походилъ онъ теперь на того молодца-счастливца, какимъ представился онъ мнѣ тогда, въ яркомъ блескѣ лѣтняго дня, подъ руку съ сіяющею красавицею и самъ сіяющій весь!.. Видимо, надломлена была теперь эта богатырская натура, и печальная повѣсть сказывалась въ его внезапной сплошной сѣдинѣ, въ этихъ усталыхъ глазахъ, незамѣтно высматривавшихъ меня изъ своихъ темныхъ впадинъ...

— Да, сказалъ я прямо:—въ прошломъ году, въ августѣ, я имѣлъ удовольствіе находиться съ вами въ одномъ вагонѣ московско-курской желѣзной дороги.

Онъ вспомнилъ—и глаза его внезапно блеснули:

— Да... и вы, кажется, ѣхали тогда до Одессы?

— Такъ точно.

— Вы отъ... господина Волгина? спросилъ онъ торопливо;

онъ, видимо, преслѣдовалъ какую-то мысль. И вслѣдъ за тѣмъ тутъ же:—вы гдѣ-то однако, до Курска, вышли тогда ночью?

Я понялъ: онъ подозрѣвалъ во мнѣ участника въ похищеніи его жены.

— Да, отвѣтилъ я, глядя ему въ самые глаза,—но господинъ Волгинъ не причемъ въ этомъ обстоятельствѣ.

Рѣшительность моего тона подѣйствовала очевидно на него.

— Конечно, пробормоталъ онъ... притомъ ваши лѣта...

— Совершенно справедливо, и мои лѣта должны сказать вамъ достаточно, что я не могу находиться въ отношеніяхъ, такъ сказать, „легкаго“ свойства съ весьма молодымъ человѣкомъ, каковъ мой довѣритель. Но я былъ тѣсно связанъ съ однимъ его дядею, черезъ котораго и узналъ его, и онъ, имѣя, согласно желанію, изъявленному вами въ письмѣ къ нему, трактовать съ вами о предметѣ довольно щекотливомъ или письменно, или чрезъ посредство довѣреннаго третьяго лица, просилъ меня...

— Очень радъ, не далъ мнѣ докончить Змаичъ и протянулъ мнѣ свою большую мускулистую руку. Недовѣрчивое выраженіе, съ которымъ онъ до этой минуты глядѣлъ на меня, дало мѣсто сосредоточенному, печальному вниманію.

Я изложилъ ему почти дословно все, что̀ слышалъ наканунѣ отъ Волгина. Онъ слушалъ меня, все время опершись головою на руку и опустивъ глаза и не прерывая меня ни словомъ, ни движеніемъ.

— Онъ ея не любитъ — и никогда не любилъ! тихо сказалъ онъ, когда я кончилъ,—и поднялъ голову (глаза его были влажны):—самолюбіе, одно самолюбіе!.. Онъ отнялъ ее у меня, потому что его льстило... Теперь онъ не переноситъ ея превосходства... Всѣ они теперь такіе!

— Но, позвольте, замѣтилъ я,—въ данномъ обстоятельствѣ затрудненіе идетъ не отъ господина Волгина, а...

— Да, перебилъ меня Змаичъ,—знаю, она мнѣ говорила... Все отъ того же, отъ безумнаго, больнаго самолюбія... Всѣ они безумные, съ толку сбитые (онъ говорилъ какъ бы про себя, лихорадочно, отрывисто и не поднимая на меня глазъ).

Ихъ надо жалѣть... Любить надо,—тогда поймешь... Вѣдь и это у нея все отъ хорошаго, отъ хорошаго побужденія идетъ. Она ушла потому, что не полагала честнымъ оставаться женою человѣка, котораго она уже не любила, и ушла, слова не сказавши, глухо промолвилъ онъ,—потому что ей жаль было меня... Онъ не понималъ, что ее надо спасти, — помимо ея воли спасти! Онъ долженъ, понимаете, долженъ жениться на ней!..

— Но вѣдь однако, сказалъ я, нельзя же заставить ее силою...

Онъ не далъ мнѣ кончить:

— Она его любитъ,—любимое существо всемогуще,—онъ можетъ найти средство уговорить ее. Это его дѣло... А я не могу такъ оставить... Я ее взялъ дѣвочкою... Я не могу допустить, чтобы женщина, носящая мое имя... чтобъ жена моя... состояла на положеніи содержанки господина Волгина, подъ фамиліею какой-то госпожи Ноготковой!

— Надо быть однако послѣдовательнымъ, началъ я опять: разъ вы не желаете воспользоваться правами, предоставленными вамъ, какъ мужу, закономъ...

— Я и послѣдователенъ, я и послѣдователенъ: я не пользуюсь моими правами, — я даже готовъ на все, на все.... Но только съ тѣмъ, чтобъ другой... любимый ею... замѣнилъ меня въ этихъ законныхъ моихъ правахъ быть ей другомъ, покровителемъ до самой смерти. А иначе я не согласенъ!.. Я не съ тѣмъ взялъ ее и уступаю ее теперь, примолвилъ Змаичъ съ усиліемъ, отъ котораго все лицо его побагровѣло,—чтобъ она изъ моихъ рукъ попала въ бездну. Я не допущу ее сдѣлаться распутною женщиною!

— Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, пробовалъ я успокоить его: — тутъ, сколько я понимаю, и, какъ вы сами замѣтили, весь вопросъ въ самолюбіи. Она не желаетъ обязываться вамъ и „въ вашемъ великодушіи видитъ вексель на ея благодарность“.

— Мое великодушіе! повторилъ онъ и горько усмѣхнулся.—Да, я говорю вамъ: всѣ они съ толку сбиты! И сами передъ собою стыдятся лучшихъ своихъ побужденій! Ей

жаль меня и совѣстно, просто, — я это видѣлъ въ каждой чертѣ ея лица; она просила меня уйти, чтобъ не выдать мнѣ то лучшее, что говорило въ ту минуту въ ея душѣ. Я понималъ,—я ее знаю!.. А онъ, этотъ... этотъ любимый ею человѣкъ, онъ обвиняетъ ее въ черствости душевной и не понимаетъ... А я вамъ вотъ что скажу, неожиданно, вскакивая съ мѣста, прервалъ себя Змаичъ и протянулъ впередъ руку:— онъ или дастъ мнѣ расписку, что обязывается обвѣнчаться съ нею тотчасъ по окончаніи формальнаго развода, или я воспользуюсь моими правами и вытребую возвращенія мнѣ жены моей черезъ полицію!

— Вы этого не сдѣлаете! невольно вырвалось у меня.

— Сдѣлаю! вскрикнулъ онъ, сверкнувъ глазами, въ которыхъ какъ бы внезапно сказалась вся огромная сумма энергіи, на которую способенъ былъ этотъ человѣкъ:—мнѣ наплевать, что люди скажутъ! Вы такъ и скажите этому... жалкому господину!.. А если-бъ, въ случаѣ его отказа, да вздумалось ему затѣмъ помѣшать мнѣ сдѣлать то, что сочту я нужнымъ, чтобъ не дать ей окончательно погибнуть, я его убью какъ собаку! Такъ и скажите ему!..

„Къ этому, рано или поздно, должно было притти“, подумалъ я.

— Я могу вамъ повторить только то, сказалъ я послѣ нѣкотораго молчанія,—что имѣлъ уже честь вамъ сообщить:— не его, а другая воля представляетъ помѣху къ осуществленію вашего требованія,—по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту, поспѣшилъ я прибавить.

— А я вамъ повторяю, сказалъ онъ,—его дѣло ее урезонить. На то онъ...

Змаичъ провелъ рукою по лицу, какъ бы отъ внезапнаго ощущенія боли, и затѣмъ быстро и строго взглянулъ на меня:

— Я ему даю три дня сроку; если по прошествіи ихъ я не получу отъ него удовлетворительнаго отвѣта, я начну дѣйствовать!

— Я позволю себѣ однако замѣтить... началъ было я.

— Онъ поклонился мнѣ короткимъ кивкомъ и, тономъ не допускавшимъ возраженія:

— Другаго сказать, проговорилъ онъ,—я ничего не имѣю и не желаю!

Послѣ этого мнѣ разумѣется ничего не оставалось, какъ взять шляпу, также коротко поклониться ему и отправиться домой,—что̀ я и сдѣлалъ.

Не совсѣмъ однако. Я приказалъ себя завезти на Невскій въ Бельвю, гдѣ жилъ Волгинъ. Лучше, не ожидая вечера, теперь же сообщить ему, рѣшилъ я.

Онъ тоже былъ дома и пилъ чай.

Докладъ мой выслушалъ онъ съ видомъ еще болѣе унылымъ, чѣмъ тотъ, съ которымъ слушалъ меня Змаичъ.

— Лучше бы онъ просто вызвалъ меня и положилъ на мѣстѣ! вскрикнулъ онъ съ какимъ-то отчаяніемъ, когда я кончилъ.

— Послушайте, строго замѣтилъ я ему, — это съ вашей стороны ребячество, не соотвѣтствующее, позвольте мнѣ вамъ сказать, той роли, которую сами вы себѣ создали во всемъ этомъ дѣлѣ. Вы увезли жену этого человѣка, на васъ лежитъ и обязанность...

Онъ перебилъ меня нетерпѣливо:

— Знаю я это, все знаю, и повѣрьте, не уступлю ему въ великодушіи, съ какою-то нескладною ироніею промолвилъ онъ;—но что̀ могу я съ нею сдѣлать?

— Желаете-ли вы, сказалъ я ему на это, — чтобы мужъ дѣйствительно вытребовалъ ее къ себѣ черезъ полицію?

На моего похитителя жалко было смотрѣть: онъ блѣднѣлъ, краснѣлъ, то поднималъ, то опускалъ глаза. „И чортъ же меня попуталъ лѣзть въ эту яму!“ словно говорило его плачевно помутившееся лицо.

„Ахъ ты, герой нашего времени!“ подумалось мнѣ.

— Во всякомъ случаѣ, сказалъ я громко, — вы обязаны сообщить ей объ этомъ ультиматумѣ ея мужа.

— Обязанъ, да! проговорилъ Волгинъ, какъ сквозь сонъ. И, какъ бы просыпаясь вдругъ:—вы, сказалъ онъ, не откаже-

тесь, надѣюсь, повторить ей лично эти его слова, если-бъ въ томъ оказалась надобность?

— Не откажусь, конечно, разъ ужь я принялъ на себя обязанность довѣреннаго вами лица...

— Я право ужь и не знаю, какъ благодарить васъ, началъ было онъ опять, но всталъ и сталъ прощаться.

— Такъ вы мнѣ позволите извѣстить васъ письмомъ, въ случаѣ...

— Сдѣлайте милость, сказалъ я.

Мы разстались холодно. Онъ, кажется, чего-то инаго ждалъ отъ меня. Мнѣ онъ былъ жалокъ,—чтобъ не сказать больше...

Вечеромъ я получилъ отъ него записку, которою онъ извѣщалъ меня нѣсколько оффиціальнымъ тономъ, что „Вѣра Николаевна Змаичъ приглашаетъ меня пожаловать къ ней завтра утромъ, часу во второмъ".

Признаюсь, я былъ не мало доволенъ этому приглашенію. Увидимъ, наконецъ, говорилъ я себѣ, что̀ это за „продуктъ новѣйшей формаціи", эта странная женщина, о которой такъ мягко отзывается покинутый ею мужъ и такъ жестко тотъ, для котораго покинула она его...

Въ назначенный часъ я сидѣлъ въ гостиной нумера, занимаемаго Вѣрою Николаевною. Круглый столъ отдѣлялъ меня отъ дивана, на которомъ помѣщалась она. Какая-то затасканная книга, очевидно взятая изъ библіотеки для чтенія, небрежно кинута была ею на этотъ столъ при моемъ входѣ въ комнату и какимъ-то грязнымъ пятномъ распластывала на показъ свои открытые, истерзанные листы. Волгинъ, видимо нервный и растревоженный, расхаживалъ безмолвно вдоль и поперекъ комнаты.

Она тоже молчала и глядѣла на меня глазами, въ которыхъ, за напускною холодностью, ясно для меня читались безпокойство и раздраженіе, а еще болѣе всего этого, что-то глубоко и печально внимавшее... Это были удивительно красивые по очерку и цвѣту ихъ глаза, но въ ихъ выраженіи было теперь очень мало той „небесности", о которой говорилъ Волгинъ.

— Такъ какъ же это, онъ меня думаетъ черезъ полицію вытребовать? небрежно и презрительно проронила она наконецъ, когда я, по просьбѣ молодаго человѣка (онъ, представляя меня ей, наговорилъ множество фразъ о моей обязательности, добротѣ, скромности и т. п.), передалъ ей отъ слова до слова весь разговоръ мой съ ея мужемъ.

— Какъ водится, я полагаю, въ этихъ случаяхъ, нѣсколько замявшись, отвѣчалъ я на это.

— То-есть, это какъ же... „водится?“ повторила она мое выраженіе тѣмъ же презрительнымъ тономъ.

— Пріѣдетъ къ вамъ полиціймейстеръ... или кто тамъ другой, пригласитъ васъ проѣхать отсюда въ нумеръ гостиницы, занимаемый... господиномъ Змаичемъ...

— И я такъ и поѣду—вы думаете? вскрикнула она, сверкнувъ зрачками.

Меня даже ошеломилъ этотъ вопросъ.

— Вы понимаете, сказалъ я не сейчасъ, — что въ этомъ случаѣ полиція, дѣйствуя во имя закона...

Она меня прервала:

— А онъ тамъ у себя въ нумерѣ запирать меня будетъ на ключъ, чтобъ не ушла я опять? Ошейникъ надѣнутъ, на своркѣ держать будутъ,—какъ вы полагаете?..

Я не отвѣчалъ.

— Вѣдь это насиліе! Такъ нельзя же поступать въ нашъ вѣкъ...

Живою краскою зарумянилось блѣдное до этой минуты лицо молодой женщины.

Съ этимъ румянцемъ негодованія на щекахъ, раскрытыми губами и направленнымъ на меня блестящимъ взглядомъ темно-синихъ глазъ—она была обворожительно хороша.

Я продолжалъ молчать, любуясь ею...

Она замѣтила это, не то стыдливо, не то сердито отвернулась и досадливо сказала мнѣ:

— Что же вы глядите и молчите?

Я не могъ не улыбнуться:

— Что прикажете вамъ сказать?..

— Вы находите поступокъ моего... вашего господина Змаича, поправилась она,—правильнымъ?

— Прежде всего, сказалъ я,—онъ не „мой“...

— Все равно! нетерпѣливо перебила она меня опять:—я только васъ спрашиваю, полагаете-ли вы честнымъ съ его стороны прибѣгнуть къ тому, чѣмъ онъ мнѣ теперь грозитъ?

— Да, рѣшительнымъ тономъ проговорилъ я: — для меня неоспоримо то, что побужденіе его въ этомъ случаѣ совершенно честно.

Она мгновенно вскинула опять на меня свои большіе загорѣвшіеся глаза; губы ея раскрылись для возраженія... но она не нашла его—и отвернулась снова, не то разгнѣванная, не то смущенная...

— Онъ говоритъ, продолжалъ я,—что видитъ въ этомъ дѣло своей совѣсти, что онъ взялъ васъ неопытною дѣвушкою отъ вашихъ родителей...

— Моимъ родителямъ до всего этого никакого дѣла нѣтъ! проговорила она пылко, но не поднимая уже глазъ.

— Вы допускаете однако, сказалъ я на это,—что у людей убѣжденія могутъ быть различны? Онъ убѣжденъ въ томъ, что въ вашей судьбѣ онъ отвѣтственъ предъ вами и предъ вашими родителями.

— И хочетъ поэтому благодѣтельствовать мнѣ насильно? возразила она съ видимо напускною ироніею.

Я помолчалъ—и затѣмъ:

— Вѣра Николаевна, не знаю, дозволите-ли вы мнѣ быть совершенно откровеннымъ съ вами?

— Говорите! коротко отвѣтила она.

— Вашего... господина Змаича, поправился я нарочно, въ подраженіе ей,—вы перестали любить:—такъ?

— Брови ея гнѣвно сдвинулись:

— Такъ что же?

— И въ этомъ судьею, продолжалъ я,—можетъ быть только ваша совѣсть.

— Еще бы! такъ же пылко, но такъ же не подвимая глазъ, вскрикнула она.

— Но онъ...

— Что „онъ“?

— Онъ продолжаетъ все такъ же горячо, безгранично и безкорыстно, подчеркнулъ я, — любить васъ, Вѣра Николаевна.

Она опять видимо хотѣла что-то сказать,—и не сказала. На мигъ, на мигъ одинъ, ея снова поблѣднѣвшее лицо приняло мягкое, будто бы умиленное выраженіе. Но она какъ бы тутъ же испугалась того, что происходило въ душѣ ея въ этотъ мигъ.

— Что же изъ этого? отрывисто, сурово спросила она.

— А то, отвѣчалъ я,—что этотъ человѣкъ прежде всего желаетъ того, что, смѣю думать, вы сами должны желать: онъ свои законныя права такимъ же законнымъ путемъ желаетъ передать другому, вами избранному, любимому вами лицу.

Я пріостановился. Она молчала, будто сжавшись вся, будто вся уйдя въ самую глубь своего внутренняго я... Волгинъ, ходившій все время по комнатѣ, остановился теперь у стола и, засунувъ руки въ карманы пальто, исподлобья поглядывалъ то на Вѣру Николаевну, то на меня.

Я продолжалъ:

— Только къ случаѣ, если-бъ вамъ, по какимъ-либо непонятнымъ для него—да и для меня, признаюсь вамъ, прибавилъ я невольно,—причинамъ, не угодно было принять его предложеніе—его жертву, почтетъ онъ себя въ необходимости воспользоваться своими правами мужа... А разъ онъ рѣшится,—онъ сдѣлаетъ! сказалъ я, живо вспоминая въ эту минуту энергическое выраженіе лица и жестовъ Змаича...

— Да, онъ сдѣлаетъ! сказала вдругъ молодая женщина... И страненъ, страненъ до невѣроятности показался мнѣ тонъ этихъ внезапныхъ словъ: будто чѣмъ-то довольнымъ звучали они, какимъ-то торжествующимъ сознаніемъ того, что этотъ человѣкъ дѣйствительно не поколеблется вытребовать ее къ себѣ силою...

— Я смѣю полагать по этому, заговорилъ я снова,—что тутъ между вами происходитъ какое-то, извините меня, дикое недоразумѣніе. Или я очень ошибаюсь, или въ сущности то, что предлагаетъ Змаичъ, должно удовлетворить всѣхъ васъ

троихъ: онъ желаетъ, чтобъ господинъ Волгинъ женился на васъ, господинъ Волгинъ въ свою очередь желаетъ на васъ...

Молодая женщина, не давъ мнѣ кончить, неожиданнымъ движеніемъ закинула нѣсколько назадъ голову и, устремивъ въ упоръ сверкавшіе глаза въ лицо стоявшаго подлѣ нея Волгина:

— Вы желаете, Владиміръ Павловичъ? спросила она его съ насмѣшливою улыбкою.

Но эта улыбка не обманула меня: — за нею сказывался далеко не шуточный, тревожный вопросъ, не разъ вѣроятно уже обсуждавшійся между ними, но отъ рѣшенія котораго теперь, въ эту минуту, какъ бы зависѣла вся ея дальнѣйшая судьба. И она, чувствовалось, лихорадочно ждала желаннаго слова, звука...

Онъ... онъ заикнулся и прищурился, будто ослѣпленный ея горячимъ, пристальнымъ взглядомъ...

— Конечно, Вѣра, я... ты сама знаешь...

Нѣтъ, это было не то слово, не тотъ звукъ!..

Глаза мгновенно потускнѣли; недоброе выраженіе приняло ея измѣнившееся лицо:

— Что я знаю? спросила она.

— Я всегда говорилъ тебѣ, что... если ты желаешь... Но ты...

Онъ взглянулъ на меня, будто говоря: „Вы видите, что съ моей стороны...“

— Но я,—я не желала? точно подгоняла она его между тѣмъ.

— Да, ты всегда говорила, что церковный бракъ...

— Я говорила, правда!.. А вы что же думали, что я вамъ стану навязываться съ нимъ...

Это вырвалось у нея нервно, стремительно, безсознательнымъ порывомъ, отъ котораго она тутъ же застыдилась и отвернулась, вся мгновенно заалѣвъ. И, Боже мой, сколько почуялось мнѣ теперь женственной нѣжности и врожденной деликатности сердца въ этомъ „сбитомъ съ толку“ существѣ, какъ говорилъ про нее мужъ, „въ этомъ—продуктѣ самоновѣйшей формаціи“, какъ выражался о ней ея любовникъ!..

Онъ самъ очевидно почуялъ въ эту минуту, что̀ сказывалось за этими словами ея, и, покраснѣвъ тоже, взглянулъ еще разъ на меня, какъ бы виноватыми глазами.

Не знаю, что̀ прочелъ онъ въ моихъ, но онъ съ видимымъ усиліемъ вызвалъ улыбку на свое прекрасное лицо и, обернувшись къ молодой женщинѣ:

— Какъ бы то ни было, проговорилъ онъ развязно шутливымъ тономъ:—только я днесь честь имѣю формально просить вашей руки, Вѣра Николаевна.

„Ты видишь“, говорилъ мнѣ опять этотъ тонъ,—„что по части великодушія я, какъ сказалъ тебѣ, никому не уступлю“...

— Вы просите „формально“? повторила она; — въ виду чего же это?

— Для моего... для нашего счастья! храбро отвѣтилъ онъ.

— Ну конечно! заключила она — и расхохоталась на всю комнату...

Меня передернуло отъ этого смѣха... Она въ свою очередь скользнула по мнѣ быстрымъ, злобнымъ взглядомъ, какъ бы говоря: „что̀, нравится тебѣ“? и такимъ же быстрымъ движеніемъ откинулась всѣмъ тѣломъ отъ стола въ спинку своего дивана.

— Итакъ, продолжая смѣяться, сказала она мнѣ:—господинъ Змаичъ хочетъ, господинъ Волгинъ хочетъ,—оба хотятъ... а если я не захочу, тогда полиція... Такъ?

— И вы согласитесь, я не сомнѣваюсь! сказалъ я, заставляя себя принять веселый видъ.

Она не отвѣтила. Всѣ мы примолкли на мигъ...

Я обернулся къ Волгину:

— Такъ какой же вы думаете дать отвѣтъ господину Змаичу? Онъ ждетъ.

— Чѣмъ рѣшитъ Вѣра Николаевна, то я и сдѣлаю! поспѣшилъ отвѣтить молодой человѣкъ, но это, разумѣется, совершенно не въ связи съ требованіями этого господина, которыя почитаю для себя необязательными, подчеркнулъ онъ,—и даже ноздри раздулъ...

— Вы, молвила на это молодая женщина,—какъ настоящій

феодалъ, очень даже были бы рады найти тутъ случай показать себя со стороны турнирской храбрости?

— Конечно, кисло возразилъ Волгинъ,—вы почитаете это несовременнымъ понятіемъ, абсурдомъ, какъ вы изволите выражаться... Но я... я на этихъ „дикихъ предразсудкахъ“ воспитанъ и...

— И другаго мужества не понимаете! быстро договорила она.—А сколько онъ даетъ вамъ срока на отвѣтъ? промолвила она тутъ же.

— Три дня, отвѣтилъ я за Волгина.

Что-то рѣшительное и безпощадное пробѣжало у нея молніею по лицу:

— А онъ тамъ, въ своемъ нумерѣ, воображаю, кусаетъ себѣ ногти со злости, стараясь угадать, что я выберу лучше: обвѣнчаться-ли съ Владиміромъ Павловичемъ, чтобъ спастись отъ его полиціи, или уйти къ нему подъ ключъ, чтобы спастись отъ Владиміра Павловича?—желчно, подъ тѣмъ же видомъ шутки, проговорила она, мелькомъ взглянула на досадливо прикусившаго губу Волгина,—печально и презрительно взглянула,—и затѣмъ медленно и отчетливо:

— Хорошо, сказала она:—до того срока онъ будетъ знать, чѣмъ я покончу съ этимъ вопросомъ.

Я съ какою-то неизъяснимою тревогою вскинулъ на нее глаза...

Она спокойно, почти весело улыбалась теперь.

Я всталъ и взялъ шляпу.

— Затѣмъ позвольте, Вѣра Николаевна, пожелать вамъ добраго рѣшенія и всякаго успѣха. А когда я вамъ опять понадоблюсь, промолвилъ я, обращаясь къ Волгину,—вы меня извѣстите.

Благовоспитанный молодой человѣкъ принялся жать мнѣ благодарно руки и расшаркиваться...

— Вы уходите? сказала мнѣ поспѣшно Вѣра Николаевна;—не захватите-ли уже и его съ собою? Я собираюсь сегодня на цѣлый день на Васильевскій островъ къ одной подругѣ, Одесситкѣ тоже... А онъ мнѣ помѣшаетъ, приставать будетъ!..

— Съ чѣмъ это „приставать“? повторилъ Волгинъ тономъ надувшагося ребенка.

— А на счетъ „формальнаго“, — вы уже забыли? Не хорошо! расхохоталась она вдругъ опять тѣмъ рѣзкимъ, насилованнымъ смѣхомъ, который и въ первый разъ поразилъ меня чѣмъ-то недобровѣщимъ.

Онъ пожалъ плечомъ и повелъ кругомъ глазами, отыскивая шляпу...

— Правда, что Сѣченовъ переходитъ опять сюда, въ медицинскую академію? совершенно для меня нежданно спросила вдругъ красавица.

— Говорятъ, а впрочемъ, не умѣю вамъ сказать... Васъ это интересуетъ?

— Разумѣется! насмѣшливо отвѣтилъ за нее Волгинъ:— Вѣра Николаевна постоянно посѣщала его лекціи въ Одессѣ.

— Буду и здѣсь посѣщать, если онъ пріѣдетъ.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю! съ замѣтнымъ оттѣнкомъ раздраженія проговорилъ онъ.

— И васъ тоже! усмѣхнулась она.

— Что же, идемъ? сказалъ мнѣ Волгинъ, со шляпою въ рукѣ.

— Я къ вашимъ услугамъ.

Онъ подошелъ къ молодой женщинѣ и протянулъ ей руку:

— До свиданья! Вы когда думаете вернуться?

— Никакъ не раньше... одиннадцати... двѣнадцати...

— Можно будетъ зайти провѣдать васъ?

Она на мигъ сжала брови:

— Не поздно-ли будетъ?

— Поздно—прогоните; а нѣтъ—дадите чаю.

— Какъ знаете! проговорила она вскользь и, протягивая мнѣ руку:

— Надѣюсь, до свиданія! Если впрочемъ, промолвила она вдругъ, весело улыбнувшись,—если я вамъ не слишкомъ противною показалась... Вы вѣдь, кажется, консерваторъ?

— Я?.. Опытъ меня сдѣлалъ эклектикомъ, Вѣра Николаевна, отвѣтилъ я въ тонъ этой внезапной веселости.

— Эклектикъ? Это что-то опять новенькое... Вы объясните мнѣ въ будущій разъ, когда мы съ вами увидимся?..

— Съ большимъ удовольствіемъ, насколько сумѣю.

— Во всякомъ случаѣ, нежданно серьезнымъ голосомъ сказала она мнѣ,—спасибо вамъ!

— Помилуйте,. за что же?..

— Нѣтъ, я вижу,—вы хорошій человѣкъ...

А у нея самой какіе хорошіе и грустные глаза были при этомъ!

Она крѣпко, по-мужски, пожала мнѣ руку своею длинною, горячею рукою, кивнула головою Волгину...

Мы вышли съ нимъ въ сѣни.

— Ну, теперь вы сами могли видѣть, каково мое положеніе? заговорилъ онъ, едва мы очутились на улицѣ.

Многое, многое могъ бы я сказать въ отвѣтъ на это эгоистическое восклицаніе, но я отвѣтилъ тѣмъ, что стояло у меня теперь коломъ въ головѣ:

— Вы, смотрите, берегите ее!

— А что? воскликнулъ онъ испуганно.

„Что“—это было трудно сказать. Опасенія мои были совершенно инстинктивнаго свойства, и не могли быть въ сущности ни опредѣлены, ни даже объяснены ничѣмъ.

— Вы полагаете, она вернется къ мужу? спросилъ Волгинъ съ какою-то вдругъ высокомѣрною насмѣшливостью въ тонѣ.

— По правдѣ сказать, отвѣтилъ я ему на это,—это лучшее, что могла бы она придумать.

Онъ махнулъ рукою усталымъ жестомъ:

— Ахъ, хоть бы чѣмъ нибудь это кончилось!

Онъ мнѣ нисколько не былъ интересенъ, и, доведя его до Аничкова моста, я поспѣшилъ съ нимъ раскланяться.

— Вы не пройдетесь по Невскому? спросилъ онъ;—день сегодня чудесный.

— Нѣтъ, мнѣ есть дѣло...

— До свиданія! Скоро увидимся?

Я не отвѣчалъ, сѣлъ на извощика и уѣхалъ домой.

VIII.

Никакъ я не ожидалъ, что увидать его опять мнѣ суждено было въ тотъ же вечеръ. А между тѣмъ вышло такъ: я собирался уже спать ложиться, какъ раздался у меня въ передней сильный ударъ звонка, и хотя въ мою холостую квартиру весьма нерѣдко врывались досужіе пріятели и не въ такіе еще поздніе часы ночи, я тотчасъ же почему-то догадался, что звонитъ Волгинъ, — и съ внезапно охватившею меня тревогою, какъ стоялъ у постели своей со свѣчею въ рукахъ, поспѣшилъ съ нею къ нему навстрѣчу.

— Что случилось? вырвалось у меня невольно, пока онъ сбрасывалъ съ себя шинель на руки моего слуги.

— Она уѣхала! вскрикнулъ онъ одновременно съ моимъ вопросомъ.

— Къ мужу? было моею первою мыслью.

— Въ Москву.

— Въ Москву? Къ кому? Для чего?

— Кто же ее вѣдаетъ!.. Можетъ быть и не въ Москву, можетъ быть и къ мужу. Я совершенно теряюсь, отвѣчалъ онъ, входя ко мнѣ въ кабинетъ и опускаясь въ изнеможеніи на первое попавшееся ему кресло. Онъ былъ совершенно разстроенъ и запыхался отъ волненія и отъ крутой лѣстницы въ мой четвертый этажъ.

— Хотите вина, чего нибудь выпить?

Онъ осушилъ залпомъ большой стаканъ воды и, нѣсколько успокоившись, передалъ мнѣ слѣдующее:

Онъ, ничего не подозрѣвая, провелъ преспокойно вечеръ въ Оперѣ—Буффъ. Онъ зналъ, что у Вѣры Николаевны была дѣйствительно одна одесская подруга по гимназіи, нѣкто Анна Карловна Гроссманъ, занимавшаяся химіею, которая жила на Васильевскомъ острову. Вѣра Николаевна довольно часто ѣздила къ ней и прежде, но онъ не видалъ ея никогда, а точнаго адреса ея не знаетъ. Послѣ Буффъ онъ отправился въ домъ Гулевича „чай пить“; тамъ ему швейцаръ объявилъ, что въ нумерѣ осталась одна горничная, а госпожа Ноготкова

уѣхала въ Москву... Онъ не повѣрилъ даже ему въ первую минуту, предположилъ какое-нибудь недоразумѣніе:—въ Москвѣ, онъ зналъ, у нея не было никакихъ знакомыхъ... Горничную онъ нашелъ въ совершенномъ недоумѣніи: барыня ея уѣхала тотчасъ послѣ нашего ухода, приказавъ ей нанять извощика на Васильевскій островъ,—не то въ 11, не то въ 14 линію, она не помнила,—а въ шестомъ часу вернулась, сказала ей, что̀ уѣзжаетъ въ Москву съ курьерскимъ поѣздомъ, и принялась тотчасъ же укладывать сама кое-какое бѣлье и туалетныя вещи въ дорожный мѣшокъ. Горничная ея спросила, что̀ изъ платья и прочаго прикажетъ она уложить въ чемоданъ и на сколько времени она ѣдетъ? Но та отвѣтила, что никакого чемодана не нужно, и что она скоро, „очень скоро“, вернется. Однако тутъ же спросила ее о жалованьи и разочла ее до копѣйки, даже пять рублей дала лишняго, и сказала, чтобъ „остающіяся вещи и прочее передать Владиміру Павловичу, когда они будутъ“... Никакого письма не оставила, а „призвала только швейцара, и, его также спросивши о счетѣ за нумеръ, передала 35 рублей по сегодняшній день, сколько слѣдовало, и велѣла, когда получитъ онъ въ нихъ расписку отъ управителя, отдать ее также Владиміру Павловичу“. Въ исходѣ седьмаго часа она послала за извощикомъ на Николаевскую желѣзную дорогу и уѣхала съ однимъ мѣшкомъ, сказавъ горничной, „что она сама справится и провожать ее не стоитъ“.

— И она навѣрное поѣхала на Николаевскую желѣзную дорогу? спросилъ я.

— Да, это кажется несомнѣнно, сказалъ Волгинъ, видимо съ трудомъ цѣпляясь за мысли, разбѣгавшіяся въ хаосѣ его ощущеній: — извощикъ... его видѣлъ потомъ швейцаръ... Онъ стоитъ тутъ обыкновенно, на канавѣ... онъ хвалился ему, что барыня за этотъ конецъ „цѣлкашемъ его наградила“... И съ чѣмъ это она уѣхала? воскликнулъ опять молодой человѣкъ:— я хорошо знаю, что у нея вчера никакъ не болѣе ста рублей оставалось въ шкатулкѣ. Заплативъ за нумеръ и горничной, она слѣдовательно съ какими нибудь сорока рублями отправилась въ Москву... Зачѣмъ?.. Къ кому?.. Надо будетъ отыс-

кать эту Анну Карловну Гроссманъ,—она должна знать... Я поѣду завтра къ ней... зачѣмъ въ Москву! Онъ вдругъ прервалъ себя:—скажите, ради Бога, полагаете-ли вы, что я подалъ ей чѣмъ-нибудь поводъ къ этому... къ этому отъѣзду?.. Мысль эта такъ мучитъ меня теперь, если-бъ вы знали!

— Я полагаю, сказалъ я ему съ невольною горечью,—что она ни въ какомъ случаѣ не уѣхала бы, если-бъ вы такъ же рѣшительно и настойчиво потребовали, чтобъ она вышла за васъ замужъ, какъ этого требовалъ отъ васъ ея мужъ.

— Но сами вы тутъ были, слышали, возразилъ онъ: — я говорилъ ей... а заставлять силою...

— Кто сильно любитъ—заставитъ, сказалъ я, признаюсь, нѣсколько сентенціозно.

Онъ схватился за голову обѣими руками.

— О, Боже мой, если это еще должно лежать на моей совѣсти!

— Послушайте, началъ я опять:—объ этомъ надо извѣстить ея мужа.

— Ея мужа? растерянно повторилъ онъ.

— Да. Разъ она не сочла болѣе возможнымъ оставаться съ вами, спасти ее... да, спасти отъ бездны, повторилъ я невольно выраженіе Змаича,—можетъ теперь одинъ онъ.

Волгинъ вскочилъ, какъ ужаленный. Губы его побѣлѣли, глаза загорѣлись будто два угля.

— Вы можете дѣлать, какъ знаете, едва въ силахъ былъ онъ выговорить,—только скажите уже кстати этому мужу, что я ему уступлю ее только съ жизнью.

Я увѣренъ, что онъ былъ совершенно искренъ въ этой театральной выходкѣ:—самолюбіе не та-ли же страсть?..

Онъ схватился за шапку — и изчезъ, не простившись со мною.

IX.

На другое утро, въ началѣ одиннадцатаго, я спрашивалъ Змаича въ гостиницѣ.

Мнѣ отвѣчали, что онъ уже выѣзжалъ и только сейчасъ вернулся.

Дверь его нумера была открыта, и я еще изъ корридора увидѣлъ его у письменнаго стола: — онъ пересматривалъ какія-то бумаги и укладывалъ ихъ въ портфель.

— Извините меня, сказалъ я входя,—но я счелъ долгомъ пріѣхать извѣстить васъ...

— Она уѣхала, не далъ онъ мнѣ договорить.

— Вы знаете?..

— Да. Во всякомъ случаѣ, искренно благодарю васъ, сказалъ онъ. — Меня извѣстили (онъ не назвалъ кто), и я сейчасъ былъ у одной ея подруги.

— У госпожи Гроссманъ?..

— Да. Онѣ вмѣстѣ воспитывались, и она была тамъ вчера.

— Я знаю! сказалъ я опять. — Узнали вы отъ нея что нибудь?

Змаичъ провелъ рукою по лицу. Онъ былъ страшно блѣденъ, и лицо его то-и-дѣло подергивалось нервными содроганіями, но глаза глядѣли прямо и голосъ звучалъ ровно и спокойно:

— Эта госпожа ничего не знаетъ... или не хочетъ сказать... Она заѣзжала къ ней вчера „проститься“, говоря, что уѣзжаетъ въ Москву. Когда та спросила ее: на долго-ли? она отвѣчала, что сама не знаетъ. Никакихъ будто у нихъ другихъ объясненій не было, да она и не долго тамъ оставалась. Это послѣднее дѣйствительно такъ, — я знаю, примолвилъ Змаичъ (онъ несомнѣнно видѣлъ горничную Вѣры Николаевны). *Она* только спросила: знаетъ-ли та дешевую гостиницу, гдѣ-бы она могла остановиться въ Москвѣ,—и та назвала ей какую-то „Сѣверную звѣзду“,—это почти подлѣ самой станціи... Она сказала на это: „Ахъ, это очень хорошо, спасибо!“—и затѣмъ уѣхала...

— Объясняете-ли вы себѣ, что могло подать поводъ къ этому неожиданному ея отъѣзду? спросилъ я, когда онъ кончилъ.

Онъ быстро поднялъ глаза и уперся ими мнѣ прямо въ лицо:

— Вы имѣете болѣе меня возможности найти къ этому ключъ: вы были у нея вчера за нѣсколько часовъ до ея отъѣзда...

Онъ все зналъ отъ горничной... Я впрочемъ нисколько не почиталъ нужнымъ таиться, ни таить отъ него что-либо въ эту минуту и, безъ всякихъ комментаріевъ, оставивъ въ сторонѣ личныя мои впечатлѣнія при этомъ, передалъ ему сущность вчерашнихъ переговоровъ у Вѣры Николаевны.

Онъ не глядѣлъ на меня, пока я говорилъ,—онъ очевидно не хотѣлъ мнѣ дать увидѣть выраженіе своихъ глазъ,—и нервно перебиралъ въ лежавшихъ на столѣ бумагахъ, будто отыскивая въ нихъ что-то нужное...

— „Спасаться", повторилъ онъ переданное мною, между прочимъ, выраженіе его жены,—да, ей приходилось спасаться... Отъ меня—гордость мѣшала ей вернуться, — и отъ него, съ которымъ... О, жалкій человѣкъ! Я говорилъ вамъ въ тотъ разъ,—онъ не въ состояніи былъ понять ее... онъ не любилъ ея никогда!.. И она „спасалась" отъ него!.. Она къ роднымъ уѣхала, въ Одессу! вдругъ, видимо подъ вліяніемъ только-что мелькнувшей у него мысли, воскликнулъ громко Змаичъ.

Эта догадка показалась мнѣ въ первую минуту совершенно основательною, но я тутъ же вспомнилъ:

— Съ чѣмъ она туда доѣдетъ? Мнѣ говорили, что она отправилась съ сорока рублями въ карманѣ.

Онъ испуганно взглянулъ на меня, но лицо его черезъ мигъ приняло успокоенное выраженіе:

— У меня агентъ есть въ Москвѣ; она его знаетъ и адресъ, — онъ всегда ей можетъ дать сколько нужно... Я ему даже сейчасъ телеграфирую; хорошо, что вспомнилъ!..

И онъ присѣлъ къ столу писать эту телеграмму.

— Хорошо, замѣтилъ я,—если-бъ этотъ вашъ агентъ самъ, какъ бы отъ себя, отыскалъ ее сегодня же и предложилъ...

— Да, да, воскликнулъ онъ опять,—благодарю васъ! А то она, при своей гордости... О, если-бъ сутки, однѣ сутки! вырвалось наконецъ неудержимо изъ груди этого человѣка слово, изобличавшее тотъ мучительный страхъ, которымъ исполненъ онъ былъ весь, не смотря на его усилія казаться спокойнымъ.

— Вы сами ѣдете сегодня?

— Черезъ часъ, съ экстреннымъ поѣздомъ... Я бы успѣлъ,

пожалуй, ранѣе ея въ Москву пріѣхать, если-бъ извѣстили меня объ ея отъѣздѣ не сегодня, а какъ только она вчера уѣхала!..

— Желаю вамъ исполненія всѣхъ вашихъ желаній, сказалъ я съ искреннимъ увлеченіемъ, протягивая ему руку, но при этомъ, припомнилъ я тутъ,—я обязанъ передать вамъ, по порученію этого молодаго человѣка... Волгина, что онъ не намѣренъ... уступить ее вамъ...

Змаичъ на это поглядѣлъ только на меня съ такимъ выраженіемъ, что какъ-молъ тебѣ, въ твои лѣта, не совѣстно передавать мнѣ такой вздоръ!..

Я самъ это почувствовалъ — и нѣсколько сконфуженно примолвилъ:

— Я говорю вамъ это потому, что онъ, по всей вѣроятности, сегодня также отбудетъ въ Москву.

Змаичъ не отвѣчалъ. Мы вслѣдъ затѣмъ простились...

Онъ молча провелъ меня по корридору до лѣстницы, сильно пожалъ мнѣ руку однимъ быстрымъ движеніемъ и все такъ же безмолвно повернулся на каблукахъ и ушелъ въ свой нумеръ.

Черезъ нѣсколько дней въ московскихъ газетахъ читалось слѣдующее:

„19-го числа текущаго мѣсяца, въ одиннадцать часовъ утра, остановилась въ гостиницѣ „Сѣверная Звѣзда“, вблизи отъ станціи Николаевской желѣзной дороги, прибывшая съ пассажирскимъ поѣздомъ изъ Петербурга, молодая, бѣлокурая дама, замѣчательно красивой наружности. При ней былъ одинъ небольшой сакъ-вояжъ. Дама заняла дешевый нумеръ въ верхнемъ этажѣ гостиницы и потребовала себѣ чаю, говоря, что иззябласъ въ дорогѣ. Она, повидимому, собралась ѣхать къ Троицѣ, такъ какъ справлялась у прислуги, въ которомъ часу отправляется туда поѣздъ. Напившись чаю, она просила горничную постлать ей постель, сказавъ, что она ни минуты не могла заснуть на желѣзной дорогѣ и очень устала.

Горничная затѣмъ ушла, и дама заперла на ключъ дверь своего нумера. Въ началѣ третьяго часа въ гостиницу пріѣзжалъ г. Ж., довольно извѣстный въ московскомъ коммер-

ческомъ мірѣ коммисіонеръ,—справляться, не остановилась-ли здѣсь одна, имѣвшая прибыть изъ Петербурга, молодая дама, которую онъ назвалъ г-жею З. Хотя пріѣхавшая не предъявила никакого вида, но по примѣтамъ ея, даннымъ г. Ж., ему указали на ея нумеръ. Но дверь въ него изъ корридора оказалась запертою, и встрѣтившаяся горничная сказала г. Ж., что дама очень устала и легла спать. Г. Ж. удалился, сказавъ, что онъ заѣдетъ опять черезъ два часа, причемъ просилъ передать г-жѣ З., что пріѣзжалъ по порученію ея мужа, отъ котораго получилъ утромъ телеграмму. Дѣйствительно, въ половинѣ шестаго часа, г. Ж. пріѣхалъ опять и поднялся въ верхній этажъ, гдѣ у двери комнаты, занимаемой дамою, засталъ горничную и корридорнаго слугу, которые, съ разстроенными лицами, сказали ему, что такъ какъ дама хотѣла ѣхать къ Троицѣ, они хотѣли предварить ее, что пора ей собираться, и нѣсколько разъ принимались для того стучаться въ эту дверь, сначала тихо, а затѣмъ и съ „громомъ“, но отвѣта не получали. Встревоженный г. Ж. потребовалъ хозяина гостиницы, а затѣмъ послано было за полиціею, въ присутствіи которой дверь и была выломана. Дама найдена была лежавшею на постели, на правомъ боку, лицомъ къ стѣнѣ, и уже совершенно охолодѣлою. Она, какъ казалось, уже нѣсколько часовъ какъ застрѣлилась. Небольшой револьверъ, почти игрушечнаго калибра, изъ котораго она выпустила разомъ два заряда въ полость сердца, и подушка, которую прижимала она къ себѣ лѣвою рукою, пока стрѣляла правою, могутъ служить, въ нѣкоторой мѣрѣ, объясненіемъ, почему шумъ выстрѣловъ не былъ слышенъ ни въ сосѣднихъ съ ея комнатою нумерахъ, ни въ корридорѣ, на который выходитъ она. По мнѣнію производившаго медицинское освидѣтельствованіе врача, смерть за выстрѣлами послѣдовала мгновенно. Что заставило несчастную разстаться съ жизнью, пока не извѣстно“.

„Намъ сообщаютъ при этомъ, что мужъ самоубійцы, г. З. прибывшій на слѣдующій день изъ Петербурга съ экстреннымъ поѣздомъ, узнавъ объ этомъ происшествіи, пораженъ былъ нервнымъ ударомъ, вслѣдствіе котораго жизнь его находится въ опасности“.

БѢЛОКУРАЯ КРАСАВИЦА *).

Было это въ 1845 году. Мнѣ было 22 года. За два года передъ этимъ я поступилъ на службу въ Петербургъ—и ѣхалъ теперь въ Одессу, въ отпускъ, на свиданіе съ родными.

Ѣхалъ я, какъ могъ ѣхать въ тѣ патріархальныя времена новоиспеченный коллежскій секретарь, не получавшій еще отъ казны ни гроша и весьма мало изъ родительскаго дома, т. е. по подорожной на двѣ лошади, перекидывая бренное тѣло съ не менѣе бреннымъ чемоданомъ съ казенной телѣги на телѣгу, изловчаясь прикурнуть на полчасика, между перекладками, на каменной лежанкѣ, или голыхъ доскахъ *диванов*ъ тѣхъ невообразимыхъ клоповниковъ, что̀ именовались тогда почтовыми станціями, и обливая голову водою у каждаго попадавшагося по дорогѣ колодца. Августъ шелъ уже на исходъ, но жара стояла страшная, — ни тучки на небѣ отъ самой Москвы, и палящій вѣтеръ новороссійскихъ степей, съ его неизсякаемыми волнами черной, удушливой, всепроницающей пыли, пристающей корою къ облитому по̀томъ лицу... Нынѣшнія поколѣнія не имѣютъ понятія о тѣхъ пыткахъ.

Въ Дофиновку, послѣднюю къ Одессѣ станцію, пріѣхалъ я въ десятомъ часу вечера. Помню какъ теперь, съ какимъ сладкимъ замираніемъ сердца, соскакивая съ перекладной, приникъ я ухомъ къ доносившемуся до меня ропоту недалекаго моря. Этотъ шумъ волнъ, подъ который прошла моя юность,—онъ говорилъ мнѣ о дорогомъ, родномъ, близкомъ,

*) Впервые напечатано за подписью М. въ № 299 „С.-Петер. Вѣд.“ 29 октября 1876 г.

словно высланный ко мнѣ впередъ съ привѣтомъ, съ лаской отъ нихъ, отъ тѣхъ, что̀ ждали меня теперь тамъ... „Двадцать одна верста, всего двадцать одна!“ повторялъ я мысленно, почти не вѣря этому счастью и съ трудомъ удерживаясь отъ поползновенія облобызать проворнаго писаря, который на вопросъ, есть-ли лошади, отвѣчалъ скороговоркой: „Сейчасъ готово-съ, пожалуйте подорожную!“

За уплатою прогоновъ у меня оставались двѣ пяти рублевыя бумажки и серебряная монета въ полтора рубля,—десять злотыхъ, — такóвыя существовали еще тогда въ Россійской Имперіи...

— Десять злотыхъ тебѣ на водку, если черезъ часъ мы будемъ на таможнѣ! сказалъ я ямщику, вваливаясь въ высоконабитое въ перекладную сѣно.

— Извольте на часы поглядѣть! подбирая вожжи, сказалъ онъ мнѣ только на это...

Синее ночное небо, сіяніе полнаго мѣсяца, озаренное море, въ одномъ мѣстѣ подкатившее свою серебряную пѣну подъ самыя колеса моей телѣги, темныя пятна заночевавшаго въ степи стада воловъ, храпъ несущихся коней, свистъ ямщика, замелькавшіе вдругъ и все ближе и ближе несущіеся навстрѣчу огни на *Пересыпи*, таможня, грохотъ мостовой, уличные фонари, плошки на тумбахъ и, наконецъ, вотъ, вотъ, направо, на Дерибасовской, длинный, трехъ этажный домъ... О, какъ все это живо, какъ ярко, будто вчера!..

Но, что̀ же это?—сердце у меня упало,—въ окнахъ темно... У насъ въ домѣ всѣ были извѣстные полунощники, ранѣе часу, двухъ утра не расходились никогда. А теперь одиннадцать... Что̀ это значитъ? Тутъ-ли они, благополучно-ли все у насъ?.. Ноги подкашивались у меня, вбѣгая на лѣстницу. Дрожащею рукою рванулъ я звонокъ...

Старикъ Флягинъ, камердинеръ отца моего, тридцать лѣтъ выслужившій у насъ въ домѣ, кинулся мнѣ на шею, выронивъ изъ-за этого свѣчу, съ которою выбѣжалъ отворять дверь. Онъ всхлипывалъ и бранился отъ радости и досады, обшаривая впотьмахъ рукою полъ, по которому, зазвенѣвъ, покатился куда-то шандалъ... Благодареніе Создателю, говорилъ

онъ, всѣ живы и здравы, только никого дома нѣтъ,—всѣ на балѣ.

— На балѣ? Какъ это, у кого?

— Въ Биржевомъ залѣ: городъ Полякамъ балъ отдаетъ.

Я вспомнилъ:—такіе балы давались тогда въ Одессѣ каждый годъ. Польскіе помѣщики кіевскаго генералъ-губернаторства, для которыхъ добыть заграничный паспортъ въ тѣ трудныя времена представлялось дѣломъ величайшаго затрудненія, пріѣзжали толпою, вслѣдъ за своею пшеницею, на купанье въ морѣ, въ городъ, который, благодаря тогдашнему его главному начальнику, графу (впослѣдствіи князю) Воронцову, изо всѣхъ русскихъ городовъ наиболѣе, дѣйствительно, носилъ на себѣ подобіе европейскаго. Пріѣздъ ихъ составлялъ *сезонъ*, оканчивавшійся неизмѣнно баломъ, который они давали по подпискѣ поживившейся отъ нихъ Одессѣ, а благодарная за наживу Одесса отплачивала польской любезности, черезъ нѣсколько дней затѣмъ, такимъ же баломъ въ той же своей, объемистой и красивой биржевой залѣ.

Я именно пріѣхалъ въ вечеръ такого бала, 30-го Августа,—день табельный, тезоименитство Наслѣдника Цесаревича.—То-то плошки горѣли на улицахъ, вспомнилъ я...

— Я непремѣнно за *папенькою* съѣзжу сейчасъ, объявилъ мнѣ Флягинъ, добывъ наконецъ огня:—они васъ ждутъ не дождутся...

Старикъ отецъ мой прискакалъ, едва успѣлъ я отмыть наслоившуюся на тѣлѣ моемъ десятисуточную грязь.

— Одѣвайся, сказалъ онъ мнѣ, послѣ первыхъ изліяній радости,—ѣдемъ!

— Куда? вскрикнулъ я въ недоумѣніи...

— На балъ.

— Помилуйте, батюшка, на кого я похожъ!..

— На себя похожъ, возразилъ онъ смѣясь; хуже мы были послѣ Аустерлица... Загорѣлъ—не бѣда. А тамъ всѣ наши друзья, рады будутъ увидать тебя. Матери сюрпризъ какой,—я ей, нарочно, ничего не сказалъ.

— Да какъ же такъ? все еще колебался я.

Отецъ пуще разсмѣялся.

— Да такъ, просто, „какъ Чацкій, съ корабля на балъ“, отвѣчалъ онъ мнѣ стихомъ изъ Онѣгина, къ которому питалъ настоящую страсть.

Черезъ полчаса мы входили съ нимъ въ танцовальный залъ.

Представьте же себѣ, читатель, теперь, послѣ десяти дней телѣги, пыли, грязи, ломоты, спаленныхъ степей, душу воротящихъ станцій, вонючихъ армяковъ, истерзанныхъ лошадей,— что̀ долженъ былъ испытать 22-хъ-лѣтній юноша, перенесенный внезапно, словно въ какой-то волшебной сказкѣ, въ это море свѣта, звуковъ, благоуханья, волнующееся море цвѣтовъ, перьевъ, воздушныхъ тканей надъ цѣлымъ полкомъ очаровательныхъ женскихъ головокъ кругомъ, мраморныхъ блистательныхъ плечъ!..

У меня, въ первую минуту, буквально замутилось въ глазахъ.

Мазурка неслась прямо на насъ во всей своей польской, щегольской, беззавѣтной, опьяняющей удали. Мы съ отцомъ только успѣли посторониться. Впереди всѣхъ, ведя фигуру, летѣлъ невысокаго роста, но чрезвычайно стройно сложенный и съ выразительными чертами лица молодой человѣкъ, брюнетъ. Довольно коротко, à la mal content, остриженные его волосы надвигались своими пятью углами на гладкій, невысокій лобъ; небольшіе усики загибались спѣсиво къ верху, черные глаза горѣли, какъ два угля,—и когда онъ лихимъ, извѣстнымъ настоящимъ мазуристамъ, колѣнцемъ пріостановился на поворотѣ, поводя плечами и быстро постукивая каблукомъ о каблукъ, эти черные глаза, какъ двѣ стрѣлы, метнулись въ глаза его дамы...

Боже мой, что̀ же и за красавица это была? Высокая, почти одного роста съ нимъ, бѣлокурая, того золотого оттѣнка, что̀ не то спѣлый колосъ, не то свѣжеотлитая мѣдь, съ васильками въ этихъ золотыхъ, безконечно густыхъ волосахъ, съ васильками, усѣянными по бѣлой, воздушной кисеѣ платья, обнимавшаго ее будто облакомъ, и глазами синими, какъ эти васильки, длинными, подъ длинными и темными рѣсницами... Другой подобной я уже не встрѣчалъ въ жизни...

Она тоже на поворотѣ выдѣлывала свое женское мазурочное колѣнце: тонкій станъ, плечи, бедра подъ складками кисеи чуть-чуть вздрагивали и поджимались съ какою-то лѣнивозабористою, неотразимой граціей. Смиренно опущены были рѣсницы, блѣдное лицо не улыбалось, но упоеніе танца сказывалось въ расширенномъ очеркѣ тонкихъ, почти прозрачныхъ, какъ у кровнаго арабскаго скакуна, ноздрей, въ изгибахъ влажныхъ губъ, со сверкавшею между ними тонкою линіею тѣсныхъ бѣлыхъ зубовъ...

И вотъ мгновеннымъ, словно неудержимымъ движеніемъ, вскинула и она глаза на своего кавалера,—и, какъ двѣ птицы, сорвались они опять и помчались назадъ подъ звуки страстно заливавшейся мазурки.

— Кто это, ради Бога? спросилъ я, схватывая отца за руку.

— А, а, хороша, не правда-ли? засмѣялся онъ,—это Полька, panna Blondowska, blonde comme son nom, какъ видишь; отецъ ея, старый мой знакомый, кавалеристъ отставной, у Константина Павловича служилъ, въ Варшавѣ. Хочешь, я тебя представлю?

— Ни за что! воскликнулъ я съ какимъ-то невольнымъ испугомъ, заставившимъ отца моего расхохотаться изо всей мочи.

— Боишься сердце потерять? говорилъ онъ, — не трудно, она прелестна. Не первымъ будешь! примолвилъ онъ.

— Этотъ молодой человѣкъ, — что съ нею танцуетъ, не правда-ли? сказалъ я,—какъ его фамилія?

— Стецкій. Онъ, дѣйствительно, влюбленъ въ нее, какъ сумасшедшій. И напрасно,—она невѣста другаго.

Пары пронеслись между тѣмъ; мы могли теперь пробраться къ мѣсту, гдѣ сидѣла моя мать...

Балъ длился до четырехъ часовъ утра. Матушка вскорѣ уѣхала, въ числѣ другихъ пожилыхъ одесскихъ дамъ; но мы съ отцомъ оставались до конца, любуясь непрерывавшеюся мазуркою, какъ умѣютъ ее танцовать только Поляки объ руку

съ польскими красавицами, когда каждое мгновенное замышленіе кавалера угадывается такъ же мгновенно его дамою, когда оба они, составляя какое-то вдохновенное цѣлое, мчатся въ огнѣ танца, соперничая изяществомъ, ловкостью и страстью. Денисъ Давыдовъ, если не ошибаюсь, недаромъ говорилъ, что кто не видалъ польскаго бала, не знаетъ, что̀ такое прелесть и упоеніе жизни.

Царица этого вечера была панна Блондовская. Ее то-и-дѣло поднимали, то-и-дѣло мелькало по залу ея бѣлое съ васильками платье. Мы съ отцомъ встали неподалеку отъ ея мѣста. Въ рѣдкія минуты, когда приходилось ей отдыхать рядомъ съ танцовавшимъ съ нею Стецкимъ, она быстро, не переводя дыханія и не поднимая на него глазъ, отвѣчала короткими, сколько можно было замѣтить, словами на его спѣшныя, какъ бы раздраженныя, судя по выраженію его глазъ, рѣчи. И затѣмъ срывалась на поклонъ новаго приглашающаго — и уносилась по залѣ... Онъ складывалъ руки на приподнятое колѣно и, прищурясь, слѣдилъ за нею неотрывающимся взглядомъ. Она снова прилетала, опускалась на стулъ, тяжело дыша и чуть-чуть улыбаясь; онъ, сжавъ брови, начиналъ говорить опять, спѣшно, торопливо, какъ бы дорожа каждымъ мгновеніемъ. И на одно мгновеніе, замѣтилъ я, въ отвѣтъ на его слова чуть-чуть дрогнули ея великолѣпныя плечи, и приподнявшіеся глаза блеснули мимолетнымъ, тутъ же потухшимъ блескомъ...

— Вотъ и женихъ ея! сказалъ мнѣ отецъ,—Головинскій, богатый галиційскій помѣщикъ.

Это былъ типъ настоящаго джентльмена; холодный, сдержанный, изысканный, человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, гладко выбритый, съ рѣдкими уже волосами надъ высокимъ лбомъ, въ бальномъ костюмѣ безукоризненнаго парижскаго покроя тѣхъ временъ. Онъ гораздо болѣе походилъ на Англичанина, чѣмъ на Поляка. Было что-то презрительное въ его сдержанности, въ его ледяномъ взглядѣ, въ тонкихъ губахъ, едва шевелившихся, когда оиъ говорилъ, или, видимо насилуя себя, усмѣхался. Онъ будто—мнѣ, по крайней мѣрѣ, такъ представилось это,—всею своею наружностью, пріемами, старался отдѣлить

себя отъ своихъ земляковъ, какъ бы говоря: „Я все же подданный цивилизованной страны, не то, что вы, стоящіе подъ москалемъ“. Онъ не танцовалъ и сидѣлъ у стѣны подлѣ какой-то пожилой дамы, съ плоскимъ клякомъ своимъ на колѣняхъ и неподвижно сложенными руками на расшитомъ передѣ рубашки, застегнутой тремя великолѣпными бирюзовыми запонками.

Онъ, медленными шагами пробираясь за танцующими, подошелъ теперь къ своей невѣстѣ, остановился за ея стуломъ и, чуть-чуть наклонившись къ ней, проговорилъ нѣсколько словъ. Она, съ живой усмѣшкой и какъ бы нѣсколько смущеннымъ взглядомъ, обернула къ нему голову и заговорила въ свою очередь. Онъ качнулъ головою, улыбнулся ей одними глазами—и отошелъ такъ же медленно къ своему мѣсту у стѣны. Стецкій, откинувшись на спинку своего стула, съ замѣтною тревогой въ глазахъ слѣдилъ за движеніемъ ихъ устъ въ продолженіи короткаго ихъ разговора. Головинскій не удостоилъ его ни единаго взгляда.

— Этотъ Стецкій, сообщалъ мнѣ, между тѣмъ, отецъ мой,— очень хорошей фамиліи молодой человѣкъ. Подолянинъ, и состояніе отличное имѣлъ. Только остался онъ сиротою слишкомъ рано; состояніе это, кажется, все прахомъ у него уже пошло. Изъ-за того-то и разошлось у него съ этою красавицею; онъ, говорятъ, уже объявленнымъ ея женихомъ былъ, да старикъ Блондовскій испугался его безумной жизни и отказалъ ему.

— И она безъ сожалѣнія со своей стороны на это согласилась, какъ вы думаете? невольно спросилъ я.

— Ну, этого, милый мой, она мнѣ не повѣряла, засмѣялся въ отвѣтъ мой старикъ; а только, полагаю, очень хорошо она дѣлаетъ, что выходитъ не за него, а за Головинскаго: человѣкъ это, какъ слышно, весьма уважаемый, отличный хозяинъ, очень богатъ, воспитывался въ Англіи, и, какъ самъ ты видишь, un homme tout à fait comme il faut.

— А теперь, mon cher, пойдемъ ужинать; ты, чай, крѣпко проголодался съ дороги...

У меня, дѣйствительно, съ утра, что говорится, маковой

росинки во рту не было. Тѣмъ не менѣе за этимъ ужиномъ комьями стояли у меня въ горлѣ проглатываемые мною куски. Золотые волосы и длинные синіе глаза панны Блондовской не выходили у меня изъ головы. Разсѣянно отвѣчалъ я на вопросы и шутки старыхъ знакомыхъ и товарищей-Ришельевцевъ *), встрѣченныхъ мною на балѣ, къ которымъ теперь присоединились мы съ отцомъ въ столовой. Усталости я не чувствовалъ никакой,—напротивъ: меня всего пронимало какое-то лихорадочное возбужденіе, пополамъ съ досадою, чуть не съ тоскою...

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ столовую Стецкій и сѣлъ за столъ, прямо насупротивъ насъ. Онъ вѣжливо поклонился моему отцу.

— Мы вотъ съ нимъ, сказалъ ему тотъ, кивнувъ на меня, все время любовались на васъ; отличный вы мазуристъ!.. Мой сынъ, рекомендую.

Стецкій приподнялся слегка и протянулъ мнѣ черезъ столъ руку. Я пожалъ ее, заглянувъ ему при этомъ случаѣ прямо въ глаза. Они горѣли полымемъ; лобъ его еще былъ весь влаженъ отъ танцевъ.

— *Фляжку шампанскѐго!* сказалъ онъ слугѣ, отталкивая подносимое ему блюдо съ неизбѣжнымъ маіонезомъ.

Подали бутылку. Онъ налилъ отцу и мнѣ въ стаканы. Я выпилъ мой залпомъ.

Батюшка спросилъ шампанскаго въ свою очередь.

За нами послѣдовала вся сидѣвшая тутъ компанія. Пошли тосты, поздравленія съ моимъ пріѣздомъ. Едва опорожненныя бутылки замѣнялись тотчасъ же другими. Стецкій пилъ вино, какъ воду, стаканъ за стаканомъ, и, каждый разъ, какъ принимался за новый, подносилъ его на высоту своего лица съ улыбкою и кивкомъ по моему адресу. Я долженъ былъ дѣлать то же, и дѣлалъ это съ какою-то далеко непривычною мнѣ алчностью. Отецъ мой изрѣдка поглядывалъ на меня и хмурился. Но вино не производило на меня никакаго дѣй-

*) Въ Одессѣ въ ту пору состоялъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ *Ришельевскій лицей.*

ствія; я чувствовалъ—я могъ бы безконечно пить въ этотъ вечеръ...

— Мазурка кончилась? спросилъ я Стецкаго.

Да... по крайней мѣрѣ, для меня, отвѣтилъ онъ:—женихъ моей дамы побоялся для нея утомленія танцевъ и — промолвилъ онъ, словно шипя,—повелъ прохлаждать ее по заламъ, comme un cheval après la course (разговоръ шелъ у насъ разумѣется по-французски).

— Счастливый онъ человѣкъ! вырвалось у меня на это совершенно безсознательно.

— Видно, стоитъ этого! расхохотался вдругъ молодой человѣкъ громкимъ, истерическимъ смѣхомъ.

Батюшка, разговаривавшій съ кѣмъ-то сидѣвшимъ по другую его сторону, обернулся, оглядывая насъ обоихъ совершенно уже недовольными глазами.

Онъ увелъ меня, едва успѣлъ я доѣсть какое-то желе, подававшееся послѣднимъ блюдомъ.

— Пора и честь знать! сказалъ онъ мнѣ громко — и обрывисто.

Мы молча прошли уже опустѣвшій танцовальный залъ. Въ передней толпились уѣзжающіе, толкались лакеи, добираясь до своихъ барынь съ плащами и накидками.

Панна Блондовская, съ высокимъ, красивымъ, совершенно сѣдымъ старикомъ-отцомъ своимъ подъ руку, стояла, укутанная вся въ бѣлый, настоящій арабскій бурнусъ; надѣтый на голову капюшонъ его строго обрамлялъ ея прелестныя черты. Она, подъ этимъ капюшономъ, напоминала портреты M-lle de la Valière въ монашеской одеждѣ; — я живо припоминаю именно это впечатлѣніе, сдѣланное ею на меня въ ту минуту. Она казалась глубоко усталою и вся висѣла на рукѣ здоровяка-отца, ухватившись за его локоть обѣими руками. Женихъ, въ широкомъ, свѣтломъ пальто, со своимъ распущеннымъ клякомъ на головѣ, стоялъ недвижно подлѣ нихъ, словно изваянный въ статую благовоспитанности и приличія.

— А, добрый вечеръ! заголосилъ весело по-польски старикъ Блондовскій, завидѣвъ моего отца,—отъ-то, что̀ называется, вмѣстѣ да врозь: въ одномъ мѣстѣ были, да не вида-

лись весь вечеръ. Сынъ панскій? По сходству узналъ. Сдалека пріѣхалъ?

— Изъ Петербурга, четыре часа тому назадъ, отвѣчалъ отецъ, обернувшись на меня, и такъ же весело улыбнулся, успокоившись, повидимому, глядя на мое лицо, насчетъ многочисленныхъ стакановъ, выпитыхъ мною въ перегонку съ Стецкимъ. Mademoiselle, permettez moi de vous présenter mon fils!“ прибавилъ онъ къ этому, обращаясь къ бѣлокурой красавицѣ.

Красавица мелькомъ повела на меня взглядомъ, кивнула своею золотистою головкою, и тутъ же, лѣнивымъ движеніемъ, обернулась къ жениху, отвѣчая на какой-то вопросъ его.

— Долго вы еще въ Одессѣ пробудете? спросилъ отецъ мой ея отца.

— А завтра ѣдемъ, завтра вечеромъ, поспѣшилъ онъ отвѣтить, пора до Подолу, домой! Черезъ двѣ недѣли *шлюбъ* (свадьбу) вотъ ея справлю,—онъ опять весело, счастливо улыбнулся, взглянувъ на дочь,—такъ спѣшить надо!..

Что говорило ея лицо? Я тщетно старался угадать это. Ничего, казалось, кромѣ той же глубокой усталости,—только будто еще тѣснѣе жались ея руки кругомъ отцовской руки, и очаровательная головка, съ опущенными глазами, глубже уходила подъ капюшонъ...

У меня какимъ-то уже совсѣмъ глупымъ манеромъ замирало сердце, глядя на нее. Женихъ пребывалъ все въ томъ же невозмутимомъ величіи и глядѣлъ на свои сложенныя, въ чистѣйшихъ перчаткахъ, руки.

Отецъ раскланялся. Мы вышли съ нимъ на улицу.

— Экая ночь! воскликнулъ онъ:—что мы домой пѣшкомъ, или ты не въ силахъ?

— Даже очень радъ, сказалъ я,—пойдемте бульваромъ, я радъ буду море увидѣть...

Мы прошли до статуи *Дюка* *) и повернули влѣво, по площади, мимо „Новороссійской гостиницы“. У воротъ ея

*) Герцога Ришелье. Памятникъ его стоитъ по самой серединѣ Приморскаго бульвара въ Одессѣ.

стояла вѣнская коляска съ стекляннымъ передкомъ,—экипажъ особенно любимый польскими семействами въ оное время. Это были Блондовскіе; они, какъ видно, не жили тутъ, а заѣхали выпустить жениха, который стоялъ еще у коляски и разговаривалъ съ сидѣвшимъ въ ней будущимъ тестемъ. Басистый голосъ старика торопливо звучалъ на пустынной улицѣ, въ гулкомъ ночномъ воздухѣ. Я оставилъ отца итти по тротуару, мимо гостиницы, и направился прямо, норовя пройти по другой сторонѣ экипажа. Опершись головою на руку, сидѣла по этой сторонѣ красавица и глядѣла въ дверцы, видимо равнодушная къ раздававшемуся о-бокъ ея разговору. Она какъ бы вся отдавалась теперь тишинѣ и свѣжести ночи, послѣ духоты и лихорадочныхъ впечатлѣній бала. Капюшонъ свой она откинула на затылокъ; полный мѣсяцъ обливалъ палевымъ сіяніемъ ея сбившіеся на лбу волосы, приподнятые къ небу глаза и полную, обнаженную до локтя, руку, выпроставшуюся изъ мягкихъ складокъ окутывавшаго ея бурнуса.

Медленно и осторожно подвигался я, безшумно переступая по камнямъ мостовой, жадно вглядываясь въ этотъ прелестный, озаренный мѣсяцемъ обликъ, выдвигавшійся изъ темной рамы коляски, бѣлый весь и задумчивый какъ видѣнье...

Я прошелъ въ пяти шагахъ отъ нея. Она замѣтила меня, быстро, судорожно подалась впередъ... Я приподнялъ шляпу.

Увы, другаго, очевидно, чаяла она узрѣть въ этомъ прохожемъ... Еще быстрѣе собрала она кругомъ себя складки своего бурнуса—и откинулась въ темную глубину коляски.

Чуть не бѣгомъ отбѣжалъ я отъ нея. Я чувствовалъ, какъ вся кровь прилила мнѣ въ голову и лицо мое пылало какъ въ огнѣ...

Я нагналъ отца у Пале-Ройаля *). Онъ не сказалъ мнѣ ни слова, а только, какъ бывало съ нимъ въ веселыя минуты, принялся напѣвать изъ какого-то водевиля Аустерлицкихъ временъ:

L'amour est un enfant volage...

---

*) Одесскій гостиный дворъ.

Не смотря на смертельную усталость, помню, я только въ десятомъ часу утра могъ уснуть послѣ этого бала.

Они, дѣйствительно, отецъ, невѣста и женихъ, выѣхали на другой день изъ города „до Подола на шлюбъ“. Я узналъ это отъ Стецкаго, съ которымъ встрѣтился вечеромъ въ оперѣ. Давали „Пуританъ“. Дюжинные итальянскіе пѣвцы орали немилосердно; меломаны-евреи такъ же немилосердно рукоплескали имъ въ партерѣ. Въ половинѣ послѣдняго акта Стецкій скользнулъ мимо моего кресла:

— Я бы всю эту жидовину, и съ пѣвцами ихъ вмѣстѣ, охотно пересѣкъ, сказалъ онъ смѣясь; не хотите-ли, вмѣсто этой какофоніи, пойти выпить бутылку у Каруты *)?

Я предпочелъ дослушать какофонію до конца; изъ послѣднихъ моихъ двухъ пятирублевыхъ бумажекъ оставалось у меня теперь въ карманѣ два другривенныхъ.

Онъ оставался еще съ недѣлю въ Одессѣ, безумно соря деньгами, поя и кормя цѣлую толпу прихлебателей, собиравшуюся кругомъ него въ ранніе и поздніе часы трапезъ. Наканунѣ своего отъѣзда онъ давалъ ужинъ, на который назвалъ множество народа. Одинъ изъ старыхъ товарищей моихъ, лицеистовъ, участвовавшій на немъ, разсказывалъ мнѣ потомъ, что подъ конецъ того ужина, когда выпито было уже очень много, Стецкій, бывшій все время до того необычайно веселымъ и забавнымъ, схватился вдругъ за голову и залился слезами, за которыми послѣдовалъ такой страшный судорожный припадокъ, что его насилу отлили водою...

Прошло десять лѣтъ. Рыцарскіе защитники луны и Пророка стояли подъ Севастополемъ. Другъ нашъ, Австрія, удивляла міръ своею неблагодарностью. Гвардія вышла изъ Петербурга. Уныло глядѣлъ городъ, пусто на улицахъ, въ теа-

*) Извѣстный тогда содержатель кафе-ресторана въ новоотстроенномъ Пале-Ройалѣ.

трахъ,—вездѣ, гдѣ недавно собирались, двигались, шумѣли люди...

Въ декабрѣ однажды подъ полночь, возвращаясь съ одного унылаго, какъ и все остальное въ тѣ дни, вечера, заѣхалъ я съѣсть котлетку къ Дюссо,—къ старому, волоокому, не говорливому и вѣчно сонному Дюссо.

Въ ресторанѣ было тихо, какъ въ могилѣ. Содержатель за прилавкомъ, спиною къ стѣнкѣ, вертѣлъ пальцемъ о палецъ, воздѣвъ очи въ потолокъ. Татары его, съ салфетками въ рукахъ, клевали носомъ на стульяхъ и диванахъ. Звонокъ отворенной мною двери заставилъ все это вскочить на ноги. Вся узкоглазая и скуластая компанія кинулась встрѣчать меня. „Пожалуйте сюда-съ, въ кабинетъ прикажете?“ вопило это все, перебивая другъ друга. Я объявилъ, что мнѣ все равно ужинать въ общей. Меня повели въ общую чуть-ли не подъ руки. Гость, очевидно, былъ теперь дорогимъ товаромъ, — cosa rara, какъ говорятъ итальянцы.

Оказалось насъ, однако, въ общей комнатѣ двое: въ углу за столикомъ сидѣлъ какой-то черномазый господинъ, поглощенный въ чтеніе „Journal de St. Pétersbourg“, развернутый въ длину листъ котораго полузакрывалъ ему лицо. Онъ отъ времени до времени протягивалъ руку къ рюмкѣ съ какимъ-то ликеромъ, стоящей подлѣ него, медленно поднималъ ее ко рту, прихлебывалъ и такъ же медленно ставилъ ее опять на столъ, не отрывая, казалось, глазъ отъ газеты. При входѣ моемъ онъ поднялъ, однако, голову и, какъ я могъ замѣтить, пристально поглядѣлъ на меня.

Мнѣ стало вскорѣ очевидно, что онъ все внимательнѣе и настойчивѣе высматривалъ меня изъ-за своего листа, пока я перекидывался словами съ татариномъ, перечислявшимъ мнѣ наизусть французскія названія всякихъ блюдъ, годныхъ на ужинъ. Наконецъ, какъ бы окончательно убѣдившись, что я—я, поднялся и двинулся къ моему столу.

— Господинъ ***, если не ошибаюсь? Началъ онъ по-французски.

— Точно такъ... А вы, виноватъ... пробормоталъ я, при-

знавая несомнѣнно знакомое мнѣ лицо, но никакъ не вспоминая, какую къ этому лицу слѣдовало приложить кличку.

— Стецкій. Мы съ вами когда-то, въ юности нашей, промолвилъ онъ съ невеселою усмѣшкою, пировали въ Одессѣ...

— Ахъ, Боже мой, какъ же! Я очень радъ, говорилъ я, пожимая ему руку и вглядываясь въ его, дѣйствительно, замѣтно поблекшую съ той поры физіономію.—По какому случаю вы здѣсь? Поселились, или на время пріѣхали?..

Онъ, вздыхая, отвѣчалъ мнѣ на это, что уже третій годъ принужденъ проживать по зимамъ въ Петербургѣ, изъ-за „цѣлаго легіона процессовъ, которые имѣлись у него въ сенатѣ", что два изъ нихъ онъ уже выигралъ, а остается еще цѣлыхъ пять, и Богъ знаетъ, когда придется дождаться ему ихъ рѣшенія; что онъ ужасно скучаетъ всѣмъ этимъ, болѣетъ въ этомъ медвѣжьемъ климатѣ...

— Но что же дѣлать? говорилъ онъ, продолжая вздыхать,— зрѣлымъ лѣтамъ приходится, видно, расплачиваться за заблужденія юности. А весело все же было, помните, въ тѣ годы, въ Одессѣ...

Онъ тамъ былъ въ прошломъ году, весною, въ самое время бомбардированія, „когда одесское населеніе такъ мужественно показало себя, толпами разгуливая по бульвару, пока гранаты лопались надъ городомъ".

— А впрочемъ, Одесса не тронута, она все та же... *мы* только перемѣнились, уныло промолвилъ онъ—и, тотчасъ же спохватившись, примолвилъ съ польскою льстивою любезностью;—я не про васъ говорю, вы все тотъ же, такой же свѣжій (aussi frais), какимъ я васъ зналъ тогда... Но я, благодаря всѣмъ этимъ моимъ заботамъ, поблекъ, такъ сказать, ранѣе времени.

Я глядѣлъ на него, мало тронутый его лестными отзывами о моей „свѣжести", не менѣе равнодушный къ его воздыханьямъ о безвременной поблеклости собственной его особы, но подъ монотонный и нѣсколько, признаться, скучноватый тонъ его книжныхъ французскихъ фразъ передо мною съ какою-то захватывавшею за сердце силою воскресали картины и впечатлѣнія, пережитыя въ тѣ нѣсколько часовъ моей первой встрѣчи

съ нимъ:—залитый свѣтотъ залъ, польская огненная мазурка, южная ночь и тотъ прелестный, бѣлокурый и синеокій образъ, озаренный луннымъ сіяніемъ...

— А какъ хороша была та особа, съ которою, помню, неслись вы прямо на меня въ мазуркѣ въ ту минуту, когда увидѣлъ я васъ въ первый разъ! сказалъ я.

— Ванда Блон... госпожа Головинская! поправился онъ... Ея ужь нѣтъ! опустивъ вдругъ голову, промолвилъ онъ глухо.

Я такъ и вскрикнулъ.

— Умерла?..

— Да, сказалъ онъ, для міра—умерла.

— Что̀ это значитъ?

— Она въ монастырѣ, постриглась.

— Давно!

— Съ 1848 года.

— Какъ же такъ, недоумѣло допрашивалъ я,—овдовѣла она?

— Нѣтъ, мужъ и до сихъ поръ живъ...

— Такъ разошлась съ нимъ, не вынесла?

Стецкій закачалъ головою.

— Нѣтъ, они, говорятъ, были счастливы... Но съ нею, промолвилъ онъ съ замѣтнымъ усиліемъ, приключилось нѣчто столь ужасное, что послѣ того ей, дѣйствительно, въ мірѣ оставаться было нельзя.

Я уже не спрашивалъ, а глядѣлъ на него во всѣ глаза, ожидая объясненія...

— Вы, конечно, знаете, читали о крестьянскомъ возстаніи, въ 1848 году, въ Галиціи. Но вамъ, можетъ быть, не извѣстно, что это была организованная рѣзня, une jacquerie... Какъ и кѣмъ было это подстроено, мы не будемъ говорить. Фактъ тотъ, что нѣмецкія полицейскія власти во всемъ этомъ дѣлѣ руководились политико-экономическимъ лозунгомъ laissez faire, laissez aller и оставляли народъ нашу братью-помѣщиковъ грабить, жечь и рѣзать, какъ барановъ... Имѣнія Головинскаго находились въ самомъ центрѣ возмущенія. Какъ такъ случилось, что въ самое это страшное время онъ находился въ Львовѣ, а молодую жену рѣшился оставить дома, — я не сумѣю вамъ сказать. Нѣтъ никакого сомнѣнія, поспѣшилъ прибавить Стец-

кій, что онъ никакъ не предвидѣлъ опасности, что онъ уѣхалъ, вѣроятно, когда гроза была еще далека, еще не начиналась, быть можетъ,—подробностей я не знаю. Какъ бы то ни было, но толпа возставшихъ, грабившая и палившая окрестные замки, ввалилась и къ нему въ имѣніе во время его отсутствія. Начали, разумѣется, съ погребовъ, разбили, выпили, что̀ могли. Принялись затѣмъ за расправу, потребовали управляющаго, конторщиковъ, — и повѣсили безъ дальнѣйшаго разговора... Гдѣ паны? спрашиваютъ наконецъ; узнали, что пана нѣтъ, одна панни дома. Гда она?.. Несчастная женщина, полумертвая отъ страха, заперлась, забилась въ своей спальнѣ. Къ ней выломали двери,— и вся эта пьяная, остервенѣлая толпа ринулась на эту женщину, на эту красавицу...

— Господи! могъ я только вскрикнуть.

И Стецкій, и я—мы долго молчали...

— Она, какъ я слышалъ, заговорилъ онъ наконецъ, пришла въ себя лишь черезъ сутки. Когда съ жизнью возвратилось къ ней и сознаніе своего несчастія, своего позора, она рѣшила, что для нея все кончено. Когда вернулся мужъ въ свой разоренный замокъ, онъ не нашелъ ея болѣе тамъ; она, до его пріѣзда, велѣла отвезти себя въ находившійся недалеко оттуда монастырь Урсулинокъ... Съ тѣхъ поръ ни мужъ, никто изъ родныхъ не видалъ ея. Мнѣ говорили, что даже подруги ея, монахини, не видали ея, — она не снимаетъ вуаля, глухо закрывающаго это, когда-то прелестное лицо, осквернённое подлымъ плебейскимъ насиліемъ!... вырвалось у Стецкаго неудержимымъ порывомъ...

Скажу въ заключеніе, что послѣ этого ужина у Дюссо я, какъ въ ту сіяющую ночь, десять лѣтъ передъ тѣмъ, вернувшись домой, не могъ заснуть до зари.

АНЕКДОТИСТЪ.

(Фотографическая сценка).

Въ гостиной, послѣ званаго обѣда въ честь пріѣзжаго дипломата. Общество человѣкъ въ десять. Хозяйка, „мечтательная“ брюнетка лѣтъ 30-ти, полулежитъ, загораживаясь ручнымъ экраномъ отъ огня пылающаго подлѣ камина. Рядомъ, справа, пьетъ кофе ложечкою пріятельница ея, бойкая особа, называемая въ свѣтѣ: „l'intransigeante“; слѣва, украдкою вздыхаетъ страстно, но безуспѣшно до сихъ поръ влюбленный въ хозяйку кавалергардикъ съ губами въ формѣ сердечка. Спиною къ камину, растопыривъ фалды фрака, грѣется мужъ-хозяинъ, бельомъ лѣтъ за 40, вида нѣсколько бычачьяго. Центръ позиціи занимаетъ виновникъ обѣда; онъ только что договорилъ очень тонкій, притомъ неизданный анекдотъ о Талейранѣ. (*Общіе возгласы одобренія:*)

— Délicieux!.. Talleyrand... Un esprit si fin!..

Дипломатъ (вѣско). Notre maître à tous.

Пріятельница хозяйки (*восторженнымъ кликомъ*). Но вы и разсказываете comme un ange!..

(*Дипломатъ благодарственно прикладываетъ руку къ сердцу*).

Хозяинъ (*съ мѣста, густымъ и самоувѣреннымъ басомъ*). Я знаю про Талейрана другой, еще болѣе остроумный анекдотъ...

(*Всѣ оборачиваются на него съ любопытствомъ.*)

Пріятельница (*испуганно на ухо хозяйкѣ*). Mon Dieu, de quoi va t'il accoucher?

Хозяинъ (*принимая не то лукавый, не то внушительный видъ*). Надо вамъ сказать, что Талейранъ un beau matin, про-

ходя въ Парижѣ по boulevard Montmartre... встрѣчаетъ короля Луи-Филиппа, который говоритъ ему: „mon cher ami“... (*Нежданно смолкаетъ и третъ себѣ лобъ рукою*).

Пріятельница (*язвительно, словно обиженно*). Eh bien, après?

Хозяинъ. Ah voilà... Я не совсѣмъ помню, что̀ сказалъ Louis—Philippe... Но тотъ, comprenez .vous,—Талейранъ (*торжественно улыбаясь*) отвѣчаетъ ему: „Sire“ (*обрываетъ и растерянно чешетъ себѣ за ухомъ*)...

Хозяйка (*опуская экранъ, задыхающимся голосомъ*). Eh bien, après? Finissez donc!

Хозяинъ (*смущенно и принимаясь насилованно смѣяться*). Après, après... Mille pardons, но я совершенно забылъ, что̀ Talleyrand отвѣтилъ... Vous comprenez, послѣ обѣда... la mémoire... (*окончательно нѣмѣетъ*).

(*Внезапное общее молчаніе. На всѣхъ лицахъ страстное, съ трудомъ сдерживаемое приличіемъ, желаніе расхохотаться. Находчивый дипломатъ принимается усиленно кашлять*).

Пріятельница (*сверкая глазами, на ухо хозяйкѣ*). Ma chère, если бы злая судьба наградила меня такимъ мужемъ,—я бы завтра же отправила его à tous les diables!..

Хозяйка (*закрываясь опять экраномъ и еле замѣтнымъ движеніемъ оборачивая голову къ унылому кавалергардику*). Завтра вечеромъ, въ девять часовъ... venez... я буду одна...

УТРО КАРЬЕРИСТА.

(Эпизодъ изъ неоконченнаго романа).

I.

На одной изъ улицъ сосѣднихъ съ Владимірской, въ нероскошной, но довольно просторной и опрятно содержимой квартирѣ втораго этажа стараго, окрашеннаго казенно-желтою краской дома только-что возсталъ отъ сна молодой человѣкъ лѣтъ тридцати двухъ. Онъ лежалъ въ постели, широко раскрывъ глаза и закинувъ руки надъ головой, за высокими ширмами, обтянутыми еще свѣжимъ французскимъ кретономъ, которымъ задрапированы были и двери, и единственное окно его небольшой спальни. Видъ этой спальни съ ея недорогимъ, но густымъ и мягкимъ ковромъ во весь полъ, большимъ зеркаломъ въ золоченой рамѣ и обширнымъ, съ мраморною на немъ доскою, столомъ, на которомъ наставлены были въ изобиліи всякія фаянсовыя, стеклянныя, стальныя и щетинныя принадлежности омовенія и туалета, — видъ этой спальни свидѣтельствовалъ о томъ, что хозяинъ ея принадлежалъ по привычкамъ своимъ и воспитанію къ породѣ людей, называемыхъ *свѣтскими*.

Владиміръ Ивановичъ Жиздринъ происходилъ, дѣйствительно, изъ старинной и извѣстной русской фимиліи, владѣвшей еще за его память большими помѣстьями на югѣ Россіи, гдѣ и прошло его дѣтство. Воспитанъ онъ былъ въ роскоши и холѣ, на старыхъ дворянскихъ преданіяхъ, то-есть при помощи

всякихъ Швейцарцевъ, Англичанъ и Нѣмцевъ-гувернеровъ, поступилъ затѣмъ въ Харьковскій университетъ, куда ѣздилъ на лекціи въ собственной коляскѣ и гдѣ учился прилежно и *амбиціозно*, жадно добиваясь полныхъ пятерокъ на экзаменахъ. Но ко времени его совершеннолѣтія, совпавшаго съ эпохою освобожденія крестьянъ, номинальное состояніе, считавшееся еще до той минуты за его родителями, въ одинъ прекрасный Божій день какъ-то разомъ разлетѣлось въ прахъ. Отецъ его, лихой лейбъ-гусаръ тридцатыхъ годовъ, знаменитый въ свое время „прожигатель жизни“, умеръ отъ удара, не переживъ этого разгрома. Герой нашъ, по окончаніи курса, переселился съ матерью въ Петербургъ, гдѣ и существовали они съ тѣхъ поръ небольшими доходами вырваннаго ими какимъ-то чудомъ изъ общаго крушенія полтавскаго имѣнія, десятинъ въ 600, и тѣмъ, что̀ давала Владиміру Ивановичу служба, оказавшаяся для него съ первымъ шагомъ поступленія его на нее, далеко не „мачихою“.

Онъ вернулся домой наканунѣ съ бала въ австрійскомъ посольствѣ, часу въ четвертомъ утра.—Но уже въ 8-мъ, еще среди полутьмы петербургскаго зимняго разсвѣта, открылъ глаза и не закрывалъ ихъ уже болѣе. Онъ лежалъ, какъ мы видѣли, въ постели, со сложенными надъ головой руками и неподвижно устремленнымъ въ какую-то точку на противоположной стѣнѣ взглядомъ. Жиздринъ глядѣлъ упорно въ эту точку, и какая-то счастливая улыбка пробѣгала отъ времени до времени по его полураскрытымъ губамъ. Онъ видимо отдавался весь въ эту минуту одному изъ тѣхъ блаженныхъ мечтаній, которыя такъ неотразимо уносятъ молодыя воображенія на радужныхъ крылахъ своихъ... Но читатель весьма ошибся бы, если бы предполагалъ, по старой рутинѣ, что это мечтаніе олицетворялось въ какомъ-нибудь обаятельномъ женскомъ образѣ. Владиміръ Ивановичъ былъ сынъ своего *„реальнаго“* вѣка, въ полномъ объемѣ этого слова. Изъ вчерашняго блестящаго бала, на которомъ были всѣ Петербургскія красавицы, онъ вынесъ въ воспоминаніи одинъ только образъ: образъ старой дѣвы, давно уже не танцовавшей и слегка красноносой, но которая, въ промежуткѣ между двумя кадрилями, подо-

звала его къ себѣ едва замѣтнымъ кивкомъ и, когда онъ наклонился къ ней, шепнула ему, играя вѣеромъ и спокойно глядя въ другую сторону: C'est fait, вы назначены, но пока никому ни слова".

Этотъ голосъ, эти слова звучали неотразимо и сладко въ ухѣ нашего героя. Онъ повторялъ мысленно коротенькую фразу,—онъ упивался ею; договоривъ, начиналъ снова, будто дилеттантъ, преслѣдуемый неотвязчивымъ мотивомъ. И точно, для него эти слова были первымъ звукомъ побѣды, для достиженія которой онъ употребилъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, не мало трудовъ и дарованныхъ ему свыше способностей.

— Наконецъ, наконецъ-то... повторялъ онъ изрѣдка шопотомъ,—первый шагъ, а теперь, теперь...

И все сладостнѣй, все свѣтлѣе, вереницей прелестной и манящей, словно виллисы фантастической легенды, парящія подъ мѣсяцемъ въ теплую майскую ночь, тянулись передъ нимъ задушевныя, чудесныя видѣнія; съ невыразимо-сладкимъ замираньемъ сердца прозрѣвалъ онъ ихъ внутреннимъ окомъ, in the mind's eye, какъ выражался покойный Гамлетъ. По мѣрѣ того, какъ они проходили передъ нимъ, онъ переводилъ ихъ словами, а именно:

— Статскаго совѣтника я получу теперь, къ новому году, за выслугу, — со старшинствомъ. Черезъ годъ слѣдовательно должны мнѣ дать на шею,—но не возьму ни за что; je serai vierge de décorations до первой здѣзды; устрою, чтобы представили въ дѣйствительные... Князь теперь непремѣнно будетъ меня сильно награждать; онъ пойметъ, что *обязанъ* это дѣлать, чтобъ оправдать теперешнее мое назначеніе... Если удастся тамъ что-нибудь реорганизировать, или написать эффектный *проектъ*, еще черезъ годъ — звѣзда... Въ тридцать лѣтъ съ небольшимъ—ce sera beau! Мнѣ скажутъ, что „Питтъ 25-ти лѣтъ отъ роду управлялъ Англіею", да вѣдь то Англія!... Да и наконецъ почему же... Думалъ-ли я, когда пріѣхалъ въ Петербургъ... Тѣмъ временемъ я женюсь... съ *прежнимъ* на дняхъ покончу... Если на той, о которой мнѣ говорили, наберется съ моими тысячъ тридцать слишкомъ въ годъ, sans compter les espérances... Домъ поставляю sur un pied sévère... Un sa-

lon sérieux... Хорошенькая жена... le corps diplomatique будетъ ѣздить... Броницина года черезъ три должны сдѣлать сенаторомъ, мѣсто директора будетъ вакантнымъ...

Богъ вѣсть, до чего домечтался бы Владиміръ Ивановичъ Жиздринъ, если бы въ его спальню не вошелъ его слуга, съ сапогами въ рукахъ.

— Что тебѣ нужно? закричалъ ему нетерпѣливо изъ-за ширмъ баринъ, прерванный на самомъ интересномъ мѣстѣ честолюбиваго мечтанія.

— Приказывали раньше будить, такъ я и пришелъ пробужать, отвѣчалъ обиженнымъ голосомъ Демьянъ, или, какъ онъ самъ называлъ себя, Демянъ, суровый и упрямый Хохолъ, бывшій крѣпостной человѣкъ Жиздриныхъ.

— Не знаешь, матушка встала?

— А когда-жь онѣ ранѣнько такъ выбираются съ постели! объяснилъ Демянъ, презрительно поведя плечомъ.

— Поди, узнай!

— А я ужь знаю, *почему* я спрашивалъ Авдотью Ефимовну, а пойду я теперича опять къ нимъ, такъ онѣ мнѣ безъ всякихъ цивилизацій въ глаза плюнутъ, *почему* Авдотья Ефимовна слишкомъ капризная и гримасы любятъ.

— Дуракъ, когда ты выучишься говорить полюдски! крикнулъ на это Владиміръ Ивановичъ. Ступай, принеси мнѣ чаю!

Глубоко уязленный Демянъ (онъ ужасно старался говорить красно по-русски, для чего употреблялъ въ разговорѣ самыя, какія могъ придумать, *мудреныя* слова), опустилъ съ шумомъ сапоги на полъ и выскочилъ изъ горницы, нѣсколько похожій на кота, котораго мальчишки облили водой.

— Прогоню на дняхъ этого болвана вонъ, подумалъ вслѣдъ ему баринъ,—теперь мнѣ даже и не прилично держать у себя эту рожу... Если-бъ можно было достать порядочнаго Нѣмца, вотъ какъ у графа Брынскаго... Пора завести наконецъ у себя une valetaille quelque peu présentable...

Что, въ свою очередь, думалъ въ то же время Демьянъ, не дошло до нашего свѣдѣнія...

Вставъ съ постели, Владиміръ Ивановичъ тщательно совершилъ свои омовенія, надѣлъ туфли и щегольской халатъ

съ бархатными отворотами и кистями, — и перешелъ въ свой кабинетъ. Подойдя къ окну, взглянулъ на градусникъ, потомъ на улицу. По улицѣ тащился ванька на изнуренной кляченкѣ; Охтянка со своими жестянками скользила, спѣша, по тротуару; городовой на углу переминался съ ноги на ногу, хлопая себя руками по плечамъ; дымъ вился изъ трубъ; снѣгъ валилъ хлопьями; изъ воротъ противоположнаго дома прошмыгнула дѣвка, поднявъ платокъ на голову, и тутъ же исчезла въ сосѣдней лавочкѣ:—всѣмъ и давно извѣстныя картины петербургской будничной жизни...

— Отвратительная улица! сказалъ про себя Владиміръ Ивановичъ, выставляя впередъ нижнюю губу въ знакъ глубокаго презрѣнія; — непремѣнно перемѣню квартиру; теперь можно. Должно, прибавилъ онъ, и какая-то строгая важность мгновенно разлилась по его лицу.

Онъ отошелъ отъ окна, взглянулъ на часы. — Къ князю еще рано, сказалъ онъ мысленно и, взявъ съ этажерки большой портфель, вынулъ изъ него бумаги и сѣлъ за письменный столъ.

Давно уже изъ комнатъ матери Жиздрина вынесенъ былъ на старинномъ серебряномъ подносѣ и стылъ въ передней чай Владиміра Ивановича, но Демьянъ не шевелился. Онъ видимо мстилъ барину. Опершись на окно локтями, онъ также глядѣлъ на улицу, но другими глазами, чѣмъ баринъ. Охтенка, будочникъ, проѣзжій, ванька—были ему все лица любезныя, въ которыхъ онъ принималъ видимое участіе; онъ слѣдилъ за ними, улыбался, качалъ головою и бормоталъ себѣ что-то подъ носъ. Увидя дѣвку, путешествующую въ лавочку, онъ даже довольно громко вскрикнулъ: „Чтобъ тебя, толстогубую! пятый разъ, анаѳема, продираетъ къ лавочнику. Чего твоя барыня смотритъ?.. Вотъ я бы тебя пробралъ, такого бы тебѣ перцу задалъ“...

Сильный ударъ колокольчика, почти надъ самымъ его ухомъ, прервалъ справедливое негодованіе Демьяна. Онъ вздрогнулъ.

— Экъ его звонитъ, проклятый! сказалъ онъ, не двигаясь впрочемъ съ мѣста и продолжая глядѣть на улицу.

— И чего она въ лавочкѣ забыла?—спрашивалъ онъ себя, возвращаясь къ „своимъ мыслямъ", какъ говорятъ гадальщицы. Колокольчикъ брякнулъ опять.

— Демьянъ! послышалось изъ кабинета,—гдѣ ты? Не слышишь, звонятъ?

— Валяй, валяй, оборви ручку! бормоталъ Демьянъ, отворяя двери.

Въ переднюю вошелъ довольно высокій и здоровый человѣкъ, въ енотовой шубѣ, съ заиндевѣвшимъ воротникомъ; изъ подъ нахлобученной шляпы выглядывало пухлое лицо и живые, большіе глаза.

— Встамши Владиміръ Ивановичъ? спросилъ онъ, скидывая шубу и шляпу и глядясь, какъ замѣтно было,—не безъ удовольствія, въ зеркало, висѣвшее въ передней.

— Всталъ! отвѣтилъ угрюмо слуга.

Нѣсколько словъ о посѣтителѣ. Мартынъ Ивановичъ Прыжковъ, служившій по одному вѣдомству съ Жиздринымъ, принадлежалъ къ созвѣздію тѣхъ весельчаковъ-чиновниковъ, которыми изрѣдка освѣщается тусклый горизонтъ петербургскихъ канцелярій. Отдѣленіе, въ которомъ онъ сидѣлъ столоначальникомъ по дѣламъ о наградахъ и производствахъ, оглашалось ежедневно, въ продолженіи пятнадцати лѣтъ, громкимъ его смѣхомъ, похожимъ на звукъ валторны, неожиданнымъ, внезапнымъ и порывистымъ смѣхомъ, отъ котораго ежедневно, въ продолженіи пятнадцати лѣтъ, каждый разъ вздрагивалъ начальникъ отдѣленія, зеленоватый и подслѣповатый человѣчекъ, постоянно зябнувшій и вообще походившій на собаченку американской породы. Но общая симпатія къ Мартыну Ивановичу была такъ велика, что бѣдный страдалецъ въ этихъ случаяхъ только ежился, искривлялъ тоскливой улыбкой свои тонкія и дрожащія губы и говорилъ: „Веселая голова Мартынъ Иванычъ,—счастливый организмъ!" И точно: счастливый организмъ былъ Мартынъ Иванычъ!.. Усидчивый, по службѣ смѣтливый, услужливый до крайности, любимый сослуживцами, равно какъ и строгимъ, но справедливымъ начальствомъ, онъ дослужился до пряжки, не вѣдая ни безсонныхъ ночей, ни тоскливыхъ сомнѣній, — „змѣи сокрытой

сей",—ни боли въ поясницѣ, ни сердечныхъ угрызеній, ни флюсовъ, ни калошъ, о которыхъ отзывался съ гордымъ презрѣніемъ, говоря, что онѣ ему столь же невѣдомы, сколько еврейскій языкъ. Эпикуреецъ по призванію и сангвиникъ темпераментомъ, Мартынъ Ивановичъ внѣ службы былъ нѣжнѣйшимъ поклонникомъ красоты, зимою велъ балы въ странахъ, смежныхъ съ Аларчинымъ и Кокушкинымъ мостами, лѣтомъ занимался донъ-жуанствомъ по всему протяженію Карповки и Черной рѣчки.

Владиміръ Ивановичъ, съ первыхъ же дней поступленія своего на службу, почелъ нужнымъ, вслѣдствіе какихъ-то особыхъ соображеній, сдѣлать себѣ закадычнаго пріятеля изъ Прыжкова. Нашему герою удалось это тѣмъ легче, что, кромѣ природной своей услужливости и того, что Жиздринъ пользовался прямою и явною протекціею князя Катырева, главнаго начальника ихъ вѣдомства, Мартынъ Ивановичъ питалъ еще самое чистосердечное, млѣющее благоговѣніе къ свѣтскимъ людямъ. Глаза его прыгали при обмѣнѣ поклономъ съ княземъ на Невскомъ; отъ рукопожатія графа (онъ почему-то предпочиталъ графовъ князьямъ) онъ утопалъ въ сладчайшей патокѣ. Онъ безусловно и съ какой-то умилительной покорностью сознавалъ превосходство этихъ „избранниковъ Провидѣнія", какъ выражался онъ, надъ остальнымъ человѣчествомъ: читалъ лишь одни „великосвѣтскіе" романы и въ кругу товарищей-служакъ любилъ держать еретическія рѣчи, въ родѣ того, что „большой свѣтъ не признаетъ служебныхъ преимуществъ, что тамъ всѣ равны и что отличія, которыя кажутся намъ такъ важными, для свѣта одинъ миѳъ и пустая мечта". „Какъ вы полагаете, напримѣръ", говорилъ онъ, поражая дерзостью софизма противниковъ своихъ, старовѣровъ службы,— „что̀ лестнѣе для образованнаго человѣка: принятымъ быть, напримѣръ, въ домѣ княгини Краснорѣцкой, или въ молодыхъ лѣтахъ получилъ орденъ на шею, а?.." При подобномъ умственномъ расположеніи понятно, что дружескія отношенія съ такимъ „свѣтскимъ козыремъ", какимъ былъ Жиздринъ, Мартынъ Ивановичъ почиталъ для себя нѣкоею благостынею. Бывало, когда въ театрѣ, выходя изъ ложи прелестной графини

Мытищевой, великолѣпныя плечи которой пожиралъ эротическимъ взоромъ Мартынъ Ивановичъ изъ своихъ креселъ, Жиздринъ возвращался на свое мѣсто и, проходя мимо него, жалъ ему руку, Мартынъ Ивановичъ испытывалъ ощущеніе, похожее на то, какъ вотъ бы взяли человѣка и неожиданно опустили въ тепленькое и благовонное масло: сначала какое-то внезапное замираніе охватывало его, а потомъ нѣга, рай, рай невыразимый! Ему въ эти минуты чудилось, что черезъ посредство Жиздрина онъ самъ какъ бы уже вошелъ въ этотъ заколдованный кругъ, гдѣ каждый день, и близко, можно видѣть эти великолѣпныя плечи, что между нимъ и недоступной графиней произошло, все чрезъ того же Жиздрина, какое-то таинственное общеніе, и что онъ Мартынъ Ивановичъ, только не хочетъ, а стоитъ лишь ему захотѣть, — и онъ самъ, собственной своей особой, отправится вотъ сейчасъ на мѣсто Жиздрина, сидѣть за этими плечами, упиваться этимъ аристократическимъ дыханіемъ, которое, по его мнѣнію, должно было быть непремѣнно чѣмъ-то въ родѣ bouquet de l'Impératrice, любимыхъ духовъ Мартына Ивановича. За то же и стоялъ онъ за Жиздрина, и готовъ былъ вцѣпиться въ глаза лучшему другу, если-бъ тотъ осмѣлился изъявить малѣйшее сомнѣніе въ государственныхъ способностяхъ и европейскомъ образованіи свѣтскаго его пріятеля. Надо сказать, что съ своей стороны, до самой той минуты, когда начинается нашъ разсказъ, Владиміръ Ивановичъ, хотя повидимому не имѣлъ особенной нужды въ Прыжковѣ, обходился съ нимъ, какъ съ совершенно себѣ равнымъ, и называлъ его не иначе, какъ „милѣйшій“, или „любезнѣйшій“ Мартынъ Ивановичъ.

Прыжковъ отворилъ дверь кабинета.

— А, почтеннѣйшій, добро пожаловать! воскликнулъ хозяинъ, оборачиваясь въ креслѣ и протягивая руку гостю: — вотъ не думалъ, не гадалъ... Тѣмъ лучше; садитесь, пожалуйте... Что, на дворѣ скверно?

— Такъ и сыпетъ, что твоя смоленская крупа, отвѣчалъ Мартынъ Ивановичъ и громко разсмѣялся. — Я, признаться, думалъ застать васъ еще въ объятіяхъ соннаго божества. А вы, смотрите, какимъ молодцомъ,—уже за дѣломъ!

— Я всегда рано встаю, сказалъ съ серьезнымъ видомъ Жиздринъ:—утро лучшее время для занятій, — aurora musis amica,—вы помните латинскую пословицу...

— Какъ же, какъ же! помню!.. aurora musam... ха, ха, ха! Да, да, я самъ во время оно знавалъ не мало ихъ, пословицъ-то этихъ... были славныя, помню... какъ бишь это: per risum multum... А вотъ это хорошо: tolle me, mu, mi, mis, si declinare domus vis... Господи, старина-то, старина, преданія старины глубокой!..

И Мартынъ Ивановичъ такъ расхохотался при этомъ, что даже закашлялся и замахалъ руками.

— Чѣмъ вы это занимаетесь, Владиміръ Ивановичъ? спросилъ онъ, пріѣдя въ нормальное положеніе и глядя на Жиздрина глазами, которые такъ и говорили: а вотъ, погоди, я имѣю сообщить тебѣ кой-какія новости, за которыя ты мнѣ скажешь спасибо. Владиміръ Ивановичъ чуть-чуть только улыбнулся на это. Со входомъ Прыжкова въ комнату онъ догадался о причинѣ его посѣщенія, но лицо его оставалось спокойнымъ.

— Да вотъ, надо окончить подробный отчетъ по моему слѣдствію, отвѣчалъ онъ.

— А! по просьбѣ этихъ подрядчиковъ, да, да, знаю. Да развѣ вы не видались съ княземъ съ вашего пріѣзда?

— Видѣлся и объяснялся лично; теперь надо представить по формѣ.

— Ну что, они правы?

— Вздоръ: отъ жира бѣсятся люди.

— Вотъ какъ! А я думалъ, что ужь если этотъ народъ рѣшается жаловаться...

— Конечно, со стороны мѣстнаго управленія были придирки, которыя я и вывелъ, и отъ князя будетъ нахлобучка, кому слѣдуетъ; онъ ужь мнѣ говорилъ; но въ принципѣ,—и при этомъ Жиздринъ откинулъ голову назадъ и взглянулъ выразительно и почти строго на Прыжкова,—въ принципѣ этимъ кляузамъ нельзя давать повадки; это бы значило перевернуть вверхъ дномъ всю администрацію. Для разбора такого дѣла есть предлежащія мѣста и власти,—а это съ чѣмъ же согла-

симо, если со всѣхъ концовъ Имперіи будутъ приходить сюда съ жалобами, въ ногахъ валяться. То-то и вся бѣда наша, что у насъ въ Россіи вы нигдѣ не найдете чувства легальности, уваженія къ закону... Посмотрите въ Англіи, что̀ одинъ констебль со своей палочкой значитъ...

— Конечно, конечно, сказалъ Прыжковъ, котораго рѣчь Жиздрина привела даже въ нѣкоторое умиленіе.—Эхъ, право, Владиміръ Ивановичъ, промолвилъ онъ, касаясь слегка рукой до его колѣнки и не замѣчая, что эта фамильярность повидимому не понравилась Жиздрину,—какъ посмотрю на васъ, право, въ сорочкѣ родились вы.

— Отчего же вы такъ полагаете? холодно спросилъ тотъ.

— А то нѣтъ? Родились аристократомъ, умны, образованы, въ женщинахъ счастливы...

— А вамъ это первое дѣло, замѣтилъ, неловко улыбнувшись, Владиміръ Ивановичъ.

— Помилуйте, еще бы женщинъ не любить! Вѣдь это, Владиміръ Ивановичъ, такъ сказать, одно утѣшенье въ юдоли сей;—вы, можетъ быть, не любите, ни! прибавилъ Прыжковъ съ громкимъ смѣхомъ и уже заносилъ руку, чтобъ снова коснуться колѣна Жиздрина, но на этотъ разъ Владиміръ Ивановичъ весьма ловко откатилъ свое кресло назадъ, и рука веселаго чиновника прогулялась по пустому пространству.

— Владиміръ Ивановичъ, воскликнулъ онъ вдругъ, перемѣняя тонъ:—вѣдь я къ вамъ съ доброю вѣстью... Магарыча дадите?

— За что̀?

— За что̀!—Вы назначены!

— Куда? спросилъ Жиздринъ съ видомъ изумленія, будто рѣшительно не понималъ, о чемъ идетъ рѣчь.

— Не догадываетесь? А помните, мы съ вами встрѣтились подъ аркой, и я сообщилъ вамъ, что Косицкій на ладанъ дышетъ; вотъ, говорю, вамъ, Владиміръ Ивановичъ, мѣсто—проситесь..!

— Ну?

— Назначены; сегодня же формальную бумагу получите.

— Неужели? сказалъ нашъ герой, будто все еще недоумѣвая;—вотъ ужь, подлинно, неожиданно!

— Признаюсь, самъ я не думалъ. Я очень хорошо зналъ, какъ расположенъ къ вамъ князь, но все же, согласитесь, въ такихъ молодыхъ лѣтахъ... Вѣдь какіе, батюшка, конкурренты-то у васъ были! Хоть бы Огородниковъ, напримѣръ: тузъ, можно сказать, давно дѣйствительный, ко звѣздѣ представленъ и человѣкъ опытный. Просился и онъ. Приходилъ ко мнѣ. „Сдѣлайте милость, говоритъ, Матвѣй Ивановичъ любезнѣйшій, нельзя-ли поразвѣдать, имѣетъ-ли кого нибудь въ виду князь на мѣсто Косицкаго“. Смѣхота, скажу вамъ, вѣдь онъ скупердяй страшный: позвалъ меня съ собою къ Дюссо обѣдать.

— Вотъ какъ!

— Разумѣется, я не пошелъ; провались онъ со своими обѣдами! Надулъ же я только его. Признаюсь, вы все у меня въ мысляхъ-то были;—думаю, начнетъ онъ тамъ по заднимъ крылечкамъ похаживать, дѣла можетъ не сдѣлаетъ, а пожалуй и напакоститъ намъ. Вотъ, знаете, я и принялъ это таинственный видъ и говорю ему: знаете, говорю, слышалъ я стороной, что нашъ директоръ, Иліодоръ Николаевичъ, прочитъ на это мѣсто шурина своего Арташевича, Антона Ивановича. Какъ услыхалъ то мой Огородниковъ, такъ и носъ повѣсилъ: „Ну, говоритъ, князь Иліодору Нколаевичу не откажетъ; нечего дѣлать, прощайте, говоритъ, Мартынъ Ивановичъ“, и вздохнулъ даже. Умора, просто! Я ему чуть въ носъ не фыркнулъ.

— Неужели Иліодоръ Николаевичъ въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ помѣстить сюда своего шурина? спросилъ Жиздринъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Вѣдь онъ же изъ другаго вѣдомства?

— Говорили такъ, говорили, а навѣрное кто-жь его знаетъ? Нашъ-то, конечно, не станетъ никому повѣрять своихъ плановъ. Можетъ быть, у нихъ съ княземъ былъ какой-нибудь разговоръ, да вѣдь это же дѣло темное, семейное...

— Какъ же вы узнали о моемъ назначеніи?

— Да такъ, неожиданно, будто громомъ въ колокольню

хватило: сегодня рано, часу въ девятомъ, посылаетъ онъ за мною. Прихожу къ нему внизъ, онъ еще въ халатѣ, чай пьетъ. Надо заготовить, говоритъ, бумагу къ Жиздрину: онъ назначается на мѣсто Косицкаго.

— И не замѣтили вы, что̀, какъ онъ?

— У! Андрей Степанычемъ глядитъ!

— Какимъ Андрей Степанычемъ? спросилъ съ удивленіемъ хозяинъ.

— Букою, букою, то-есть, отвѣчалъ расхохотавшись веселый столоначальникъ; это у насъ въ канцеляріи острятъ...

— Да, какъ же вы думаете, не доволенъ онъ?

— Ужь не безъ того, конечно. Хотя, положимъ, онъ о шуринѣ своемъ и не думаетъ, да все-таки назначены-то вы помимо его; ну, а сами знаете, человѣкъ самолюбивый, съ гоноромъ...

— Не намекалъ онъ вамъ чего-нибудь?

— И, что̀ вы! ни гугу... Даже поторопилъ исполненіемъ. Бумаги, говоритъ,—только, знаете, такъ отрывисто, будто рѣжетъ,—бумаги отправить надо къ князю до 12 часовъ; поторопитесь прислать мнѣ скрѣпить.

— И не знаете, когда все это сдѣлалось?

— Должно быть, сегодня же; на столѣ у него лежала записка, почеркъ князя,—я сейчасъ узналъ. Должно быть, только что получилъ.

— Да, князь рано встаетъ, замѣтилъ Жиздринъ съ легкою улыбкой.

— Ну, что̀ же, Владиміръ Ивановичъ, началъ опять гость послѣ нѣкотораго молчанія,—не моя правда? и не признаете вы себя счастливчикомъ? Девятый годъ на службѣ и этакое мѣсто! Сами начальникъ, канцелярія своя. Ну, и содержаніе отличное,—до пяти тысячъ всего наберется.

— Да, я очень радъ, сказалъ Владиміръ Ивановичъ,—и постараюсь, по мѣрѣ силъ и способностей, оправдать довѣріе князя.

— Конечно, вамъ съ перваго раза можетъ и трудненько покажется, дѣло новое, непривычное, да у васъ тамъ будутъ хорошіе помощники, старые дѣльцы...

— Я на помощниковъ не разсчитываю, перебилъ хозяинъ съ необыкновеннымъ чувствомъ достоинства:—надѣюсь самому справиться.

— Конечно, конечно, возразилъ на все согласный столоначальникъ,—не боги горшки лѣпили, а ума-то вамъ не занимать стать... А признайтесь, удивилъ я васъ, не ожидали?

— Никакъ, и много вамъ благодаренъ, любезный Прыжковъ, за то, что потрудились пріѣхать сами.

— Помилуйте, Владиміръ Ивановичъ, вы намъ теперь отецъ и командиръ... И при этомъ Мартынъ Ивановичъ шаркнулъ ножкой и опять разсмѣялся. — А что вы думаете, спросилъ онъ полусерьезно, полушуткой, не проситься-ли мнѣ теперь къ вамъ подъ начало? Подъ вашимъ крылышкомъ авось либо и мы въ люди вышли бы!

— Вамъ и на вашемъ мѣстѣ хорошо: поглядите, какъ всѣ вамъ кланяются, отвѣчалъ, улыбаясь любезно, Владиміръ Ивановичъ, но такимъ тономъ, который не подалъ бы большой надежды бѣдному Прыжкову, въ случаѣ, если бы онъ въ самомъ дѣлѣ думалъ просить мѣсто у „счастливчика"-пріятеля.

— Не жалуюсь, сказалъ онъ смиренно,—пока мѣсто мое годится; да, признаюсь, иногда беретъ меня раздумье: впередъ-то ничего не видать.

— Э, батюшка, повѣрьте, рано-ли, поздно-ли, всѣ въ сенатѣ сойдемся. Терпѣніе и усердіе,—вотъ главное. Помните великое изреченіе: усердіе все превозмогаетъ.

— Такъ-то такъ, тихо проговорилъ невѣсть отчего вдругъ сконфузившійся Прыжковъ;—однако, прощайте, Владиміръ Ивановичъ, мнѣ пора, у меня-то тамъ дѣла гибель; отлучился всего на четверть часа, извѣстить васъ хотѣлъ... До пріятнаго свиданія!

— Прощайте, любезный Прыжковъ, еще благодарю васъ, сказалъ Жиздринъ, подавая ему руку, но не подымаясь съ креселъ.

„Ловкій человѣкъ, Владиміръ Ивановичъ, очень ловкій, далеко пойдетъ, разсуждалъ Мартынъ Ивановичъ, спускаясь съ лѣстницы,—а имя и отчество мое забылъ, должно быть; все Прыжковымъ называлъ... Э, да что, сказалъ веселый столона-

чальникъ послѣ минутнаго размышленія,—для этихъ господъ законъ не писанъ... Ей! извощикъ!“

Мимо тротуара въ саняхъ проѣхала какая-то барыня въ собольей шапочкѣ.

— Четвертакъ тебѣ, воскликнулъ онъ, садясь на извощика,— догоняй вотъ эти сани, да живо!..

II.

Влидиміръ Ивановичъ, оставшись одинъ, только-что принялся за работу, какъ Демьянъ внесъ совершенно остывшій чай и доложилъ, что Прасковья Николаевна просятъ ихъ на свою половину.

Жиздринъ положилъ перо и отправился къ матери.

Прасковья Николаевна, еще не очень старая и весьма молодившаяся барыня, нѣсколько тучная и съ весьма пухлыми и бѣлыми руками, которыми она очень щеголяла, сидѣла въ своей спальнѣ на диванѣ, въ бѣломъ пеньюарѣ и утреннемъ чепчикѣ съ длинными лентами, и кушала чай.

— Хорошъ былъ балъ? было ея первымъ словомъ, когда вошелъ въ комнату сынъ.

— Новость лучше, отвѣчалъ онъ, садясь за столъ противъ матери,—я получилъ мѣсто. Дайте мнѣ чаю, пожалуйста, мой болванъ принесъ мнѣ совершенно холодный.

— Получилъ мѣсто! воскликнула Прасковья Николаевна,— и это вѣрно, вѣрно?

— Графиня Fanny сказала мнѣ первая вчера на балѣ, а вотъ только-что былъ у меня одинъ нашъ чиновникъ,—бумаги пишутъ...

— Ахъ, Господи, какое счастье, какое счастье! Да поцѣлуй меня, другъ мой, на радостяхъ.

Владиміръ Ивановичъ поднялся съ креселъ и подошелъ къ матери. Она его поцѣловала въ щеку; онъ слегка коснулся губами ея руки.

— Ахъ, какъ я рада, какъ я рада, повторяла она; — жалованье тамъ хорошее, ты мнѣ говорилъ...

— Да, тысячъ до пяти всего наберется.

— Прежде на ассигнаціи это составляло бы двадцать тысячъ, вздохнула почтенная дама,—mais à l'heure qu'il est...

— Будемъ и этимъ довольны, maman, строго возразилъ на это сынъ.

— Certainement, mon cher, поспѣшила сказать она, — я только такъ говорю... Это все-таки чудесно, pour commencer... Надо будетъ прежде всего перемѣнить намъ квартиру, Voldemar!

— Успѣемъ, сказалъ онъ съ нетерпѣливымъ движеніемъ плеча, хотя за часъ передъ этимъ самъ помышлялъ о томъ же.

— Въ Сергіевской если-бъ можно было, вкрадчиво замѣтила Прасковья Николаевна и умильно взглянула на сына;— здѣсь точно въ глуши какой-то... А какъ я благодарна à la cousine Fanny, какъ она это все скоро обдѣлала.

— Не даромъ же я ей все проигрываю и на скучные вечера ѣзжу, сказалъ Жиздринъ, который, какъ человѣкъ положительный, имѣлъ мало иллюзій и не расточалъ легкомысленно чувства благодарности.

— А я-то, мой другъ, какъ ей надоѣдала, сказала, смѣясь, Прасковья Николаевна; — какъ встрѣтимся только, я каждый разъ ей говорю: „Cousine, когда же вы устроите Вольдемара?“

— Ну, признаться, это не очень было тонко, замѣтилъ небрежно сынъ, обмакивая сухарь въ чашкѣ.

— Тонко или не тонко, а не надоѣдай я ей, она бы и забыла, пожалуй. А ей стоило только научить дядю, графа Василія Ѳедоровича,—оно, вотъ видишь, и устроилось.

Жиздринъ покачалъ головой.

— Какъ вы отстали, maman, сказалъ онъ;—графъ Василій давно ничего не можетъ; это свѣтило давно угасло... А притомъ онъ даже когда и въ силѣ былъ,—имѣлъ дурную привычку просить за встрѣчнаго и поперечнаго: — его рекомендація всегда мало уважалась.

— Какъ? воскликнула изумленная Прасковья Николаевна,—какъ же ты мѣсто получилъ?

— Да, воскликнулъ онъ, — князь всегда былъ обо мнѣ очень хорошаго мнѣнія.

— Однако ты мнѣ говорилъ, что онъ тебѣ отказалъ, когда ты заговорилъ о мѣстѣ...

— Отказалъ!... Онъ собственно не отказывалъ, а находилъ только, что такое быстрое повышеніе мое можетъ показаться обиднымъ для людей, которые старше меня по службѣ.

— Ну да, ну да; тогда мы обратились къ Фанни... Чрезъ кого же она дѣйствовала?

— Чрезъ свою amie intime, маркизу Тривульчи, отвѣчалъ сквозь зубы Владиміръ Ивановичъ: — старикъ совершенно въ ея рукахъ...

— Давно-ли? вскрикнула Прасковья Николаевна и расхохоталась, прибавивъ:—pauvre vieux, уходитъ его эта италіанка?

— Помилуйте, съ самаго лѣта жили на островахъ рядомъ. Это всѣмъ извѣстно! замѣтилъ Жиздринъ, какъ бы удивляясь, какъ могла не знать этого мать.

— Но скажи мнѣ, Владиміръ, ты вѣдь, кажется, къ ней не ѣздишь?..

— Ахъ, maman, возразилъ онъ, пожимая плечами,—я рѣшительно убѣждаюсь, что въ васъ недостаетъ соображенія. Ну, сами посудите, къ чему бы я къ ней ѣздилъ? Во-первыхъ, старикъ, чего добраго, и приревновалъ бы меня къ ней, а потомъ всѣ бы говорили, что я интригами черезъ Тривульчи получилъ мѣсто... Помилуйте, я дорожу своей репутаціей.

— Правда, правда, свѣтъ такъ золъ, а тутъ черезъ Fanny въ сторонѣ... Ты уменъ, Вольдемаръ, заключила разнѣженная мать и влажными глазами взглянула на сына.

— Поцѣлуй меня, мой другъ, сказала она.

Но сынъ будто не разслышалъ. Онъ закинулъ голову на спинку кресла и, запахивая полы своего халата:

— Умному человѣку не вездѣ удача, заговорилъ онъ: — что вы меня не спросите о пріятельницѣ вашей, m-me Vautiau?

— А что? Развѣ съ ней случилось что-нибудь? спросила Прасковья Николаевна съ любопытствомъ.

— А то, что Сугорская выгнала ее изъ дому.

— Можетъ-ли быть? Что же у нихъ вышло?

— Дура она, француженка вѣтреная, чуть меня совсѣмъ не скомпрометтировала... А вы во всемъ виноваты, maman; вы, право, иногда дѣйствуете какъ малый ребенокъ.

— Что ты, Вольдемаръ, что ты? воскликнула встревоженная Прасковья Николаевна, всплеснувъ своими пухлыми руками,—я-то здѣсь чѣмъ виновата?

— Скажите, такъ-ли надо было дѣйствовать? Вздумалось вамъ женить меня на Катенькѣ Сугорской, такъ вы бы и вели дѣло съ тактомъ, осторожно, исподоволь... А вы что? воспользовались моимъ отсутствіемъ—при мнѣ этого бы не случилось,—и наплели Богъ знаетъ что этой француженкѣ про мою soi disant любовь, а та и пошла, дай только волю, наговорила съ три короба, дѣвочку съ толку сбила, дѣвочка краснѣетъ при одномъ моемъ имени... Понятно, дѣвочкѣ 17 лѣтъ, въ свѣтѣ не была еще! Ну, а нашлись добрые люди, — шепнули матери;—та гувернантку со двора вонъ,—и хорошо сдѣлала! Хорошо еще, что Vautiau насъ не выдала. Сугорская допрашивала ее.

— Ахъ, Боже мой! воскликнула жалобно Прасковья Николаевна,—а она что?

— Говоритъ, клялась, что у ней никогда ни съ вами, ни со мною не было рѣчи о M-lle Сугорской, а что хвалила она меня по убѣжденію, безъ всякой цѣли, зная меня съ дѣтства.

— Гдѣ ты видѣлъ Vautiau?

— У ней на квартирѣ. Она писала мнѣ; она переѣхала въ chambres garnies.

— Несчастная! что съ ней будетъ?

— Она мнѣ сказала, что Наденька Полорѣцкая обѣщала ей мѣсто на дняхъ, у кого-то въ Москвѣ.

— Наденька! вскрикнула Прасковья Николаевна, какъ бы пораженная внезапнымъ открытіемъ:—мой другъ, сказала она, во всей этой исторіи безъ Наденьки не обошлось.

— Можетъ быть, сказалъ спокойно Владиміръ Ивановичъ. Мать взглянула вопросительно на сына, какъ бы ожидая, что онъ прибавитъ еще что-нибудь.

— Но однако не все еще потеряно? спросила она, не дождавшись ничего иного.

— Совершенно потеряно, рѣзко сказалъ Жиздринъ:—Сугорская сказала между прочимъ Vauliau, что она напрасно трудилась, что Катеньку никогда бы не выдали за меня.

— Ахъ она дрянь! воскликнула, вся вспыхнувъ, Прасковья Николаевна; прошу покорно! что же, ты не партія для ея дочери? Да кого же ей надобно,—нѣмецкаго принца, что-ли?

— А вы что думали? замѣтилъ холодно и иронически г-нъ Жиздринъ;—вы воображали, можетъ быть, что она вотъ съ перваго раза такъ и бросится мнѣ на шею и поблагодаритъ за честь? Въ такомъ случаѣ что же вы не обратились прямо къ ней,—она же вамъ и родней приходится,—а подучали гувернантку влюблять въ меня дочь?

Прасковья Николаевна, нѣсколько сбитая съ толку силою этого аргумента, промолчала и опустила очи. Поднявъ ихъ опять, она взглянула на сына: онъ равнодушно игралъ кистями своего халата съ отворотами.

— Я все же не пойму, сказала она,—изъ чего она такъ чуфырится. Слава Богу, Жиздрины не послѣдняя фамилія въ Россіи, получше, кажется, Сугорскихъ... Богъ ихъ еще знаетъ, откуда они... А что она княжна Ижемская de son nom de fille, такъ вѣдь она меня этимъ не удивитъ. Дѣдъ мой, князь Карголомскій, генералъ-аншефъ былъ!

— Да вѣдь этого никто не помнитъ, maman, отвѣчалъ Владиміръ Ивановичъ, продолжая играть своими кистями,—разрядныя книги давно сожгли. Положительно во всемъ этомъ то, что Ижемскіе нажили, а Сугорскіе сохранили свое состояніе; Карголомскіе же, сколько ихъ ни на есть, всѣ промотались.

Въ этихъ словахъ заключался вѣроятно горькій и невеликодушный упрекъ: они видимо задѣли мать Жиздрина прямо за сердце. Слезы выступили на ея глазахъ и ея розовыя ногти внезапно побѣлѣли.

— Прошлаго не воротишь, Вольдемаръ, проговорила она, тихо утирая слезы батистовымъ платкомъ;—не мало, кажется, проплакала я отъ своей глупости... Что же дѣлать?.. Молоды мы были съ отцомъ твоимъ... онъ не то, чтобы меня удержать... въ гусарахъ самъ служилъ, игралъ... За то, съ жи-

востью промолвила она,—оставшись вдовою, я всю себя посвятила на твое воспитаніе, старалась, чтобъ ты былъ un homme distingué... Все можетъ назадъ притти, ты сдѣлаешь карьеру... Прости меня, не сердись, мой другъ...

— Съ чего вы взяли, что я сержусь, maman? возразилъ сынъ съ нѣкоторою досадой;—я говорю вамъ для того, чтобъ вы на будущее время были осторожнѣе. Въ свѣтѣ нужно прежде всего savoir faire, а, не въ обиду вамъ сказать, вамъ часто этого недостаетъ. Сдѣлайте одолженіе, съ Сугорскими будьте любезны попрежнему, какъ бы ни въ чемъ не бывало. Дѣло испорчено, и его не поправишь. Спасибо и за то, что сухи изъ воды вышли, если только Vautiau не лжетъ. Хуже не напортите!

— Жаль мнѣ, что эта дѣвочка не будетъ твоей женою, Вольдемаръ, говорила въ раздумьи Прасковья Николаевна,— она такая кроткая, не избалована... мать вѣдь ее не очень любитъ... Я была бы счастлива назвать ее своею дочерью.

— Всѣ они милы до замужства, отвѣчалъ зѣвнувъ Вольдемаръ. — А вотъ еще, сказалъ онъ: — и свѣдѣнія ваши не вѣрны. Катенька имѣнія не получаетъ въ приданое; отецъ даетъ десять тысячъ въ годъ; всѣ его капиталы въ дѣлахъ, и до смерти дочь у него будетъ на пенсіи.

— Какъ же такъ? Мнѣ говорила сама Сугорская...

— Много она смыслитъ!.. А я встрѣтился на дорогѣ съ товарищемъ Сугорскаго по банку, Мурзинымъ; онъ мнѣ говорилъ,—онъ всѣ ихъ дѣла въ подробности знаетъ.

— Десять тысячъ! Только! Да Богъ съ ними! воскликнула въ благородномъ негодованіи Прасковья Николаевна, у которой это извѣстіе, видимо, отбило совершенно охоту назвать дѣвицу Сугорскую своею дочерью.

— Конечно, не много, при моемъ положеніи, сказалъ Владиміръ Ивановичъ и задумался.—У меня лучше въ виду, промолвилъ онъ вполголоса, какъ бы про себя.

— Кто такое, кто? съ любопытствомъ спросила мать; скажи, Вольдемаръ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, подымаясь съ креселъ,—вы знаете,

я не люблю тратить словъ попустому. Это еще такъ, одно предположенье... Надо будетъ разузнать... Скажу современемъ.

— Скажи теперь, скажи! настаивала Прасковья Николаевна.

Но сынъ не слушалъ. Онъ исчезалъ уже за дверью комнаты.

— Вольдемаръ, а Вольдемаръ! вдругъ закричала она ему вслѣдъ:—можешь-ли ты мнѣ дать семьдесятъ рублей... серебромъ, прибавила она тономъ ниже.

— На что вамъ? спросилъ сынъ недовольнымъ голосомъ, показавшись опять въ дверяхъ.

— Мой другъ, сказала она робко и потупившись, — отъ m-me Jzombard приходили...

— Помилуйте, maman, давно-ли заплачено ей по счету триста рублей?

— Мой другъ, не виновата же я, что она мнѣ счеты подаетъ! возразила наивно Прасковья Николаевна.

Сынъ не могъ не улыбнуться:

— Нельзя-ли поменьше тратить на туалетъ?

— Такъ мнѣ прикажешь салопницей ходить! воскликнула она обиженнымъ тономъ.

— Однако, сказалъ онъ, раздосадованный въ свою очередь, — когда не откуда взять, поневолѣ приходится поудержаться.

— Что же, Владиміръ, сказала она дрожащимъ отъ волненія голосомъ, — ты этого не можешь сдѣлать для матери? Такая бездѣлица, какъ какіе нибудь семьдесятъ рублей разорятъ тебя?

— Бездѣлица! Вотъ этими-то бездѣлицами ухлопали вы съ папашей моимъ три тысячи бывшихъ душъ!

И, запахнувъ съ сердцемъ отвернувшуюся полу своего халата, Владиміръ Ивановичъ ушелъ къ себѣ.

По уходѣ сына, Прасковья Николаевна принялась плакать. Чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ Демьянъ и принесъ отъ Владиміра Ивановича деньги,—пятьдесятъ цѣлковыхъ,—завернутыя въ бумагѣ. Она взяла ихъ, тяжко вздохнувъ, и спросила, что дѣлаетъ сынъ. Демьянъ отвѣчалъ, что они одѣваются и

приказали карету закладывать. Прасковья Николаевна поглядѣла на Демьяна, будто хотѣла о чемъ-то спросить его, но ничего не спросила и сказала только:

— Хорошо, ступай!

Затѣмъ она утерла не обсохшія еще слезы и позвала свою горничную:

— Дунюшка, сколько надо M-me Jzombard?

— Да онѣ-съ онамедни счетъ приносили-съ, такъ по немъ приходится двѣсти, не то двѣсти двадцать рублевъ, не запомню, да вотъ въ счетѣ посмотрѣть можно...

— Не нужно, не нужно, а вотъ что, Дунюшка: Володя беретъ карету, такъ я не успѣю къ ней заѣхать, а ты ступай, промолвила Прасковья Николаевна съ новымъ глубокимъ вздохомъ,—отнеси ей вотъ эти деньги, чтобъ она взяла въ счетъ тѣхъ, и скажи ей, чтобъ она мнѣ приготовила къ послѣ-завтра, слышишь, непремѣнно къ послѣ-завтра, чепчикъ изъ bruxelles, точно такой же, какъ я видѣла у нея вчера для французской актрисы M-lle Fabien,—будешь помнить, Fabien?..

— Фабва, слушаюсь.

— Да. Я послѣ-завтра у баронессы Бернгеймъ обѣдаю.

— Надежда Петровна Полорѣцкая, доложилъ вошедшій Демьянъ.

— Проси, проси!..

III.

Владиміръ Ивановичъ, въ вицмундирѣ и съ шляпой въ рукѣ, только-что собирался уѣхать, какъ въ запертую на ключъ дверь его кабинета, за которымъ находилась гостиная его матери, послышался легкій стукъ.

— Кто тамъ? спросилъ онъ.

— Я, заговорилъ торопливый женскій голосъ,—если вамъ можно, пустите меня на минуту.

— Это вы, Nadine! Pardon, я сейчасъ ѣду, отвѣчалъ нашъ герой, хмуря брови и съ видимымъ неудовольствіемъ направляясь къ двери.

— Мнѣ вамъ только два слова сказать.

Дверь отворилась и, съ легкимъ шелестомъ шелковаго платья, скользнула въ комнату женщина, еще молодая, высокая и тонкая, въ бархатной, расшитой стеклярусомъ мантильѣ и темносиней шляпкѣ, изъ-подъ которой вились роскошные волосы пепельнаго цвѣта. На первый взглядъ едва-ли можно бы было назвать ее красивою. Лицо ея напоминало выцвѣтшій пастелевый портретъ, въ которомъ глазъ съ трудомъ отыскиваетъ исчезающія очертанія. Тонкія его линіи сливались въ какой-то общій, смутный, изжелта-блѣдный абрисъ; губы были безцвѣтны, прекраснаго очерка голубые глаза подъ свѣтлыми бровями словно потухли. А между тѣмъ на балѣ эта блѣдная, усталая женщина была обворожительна. То была кровная петербургская красавица, умирающая на солнцѣ и разцвѣтающая при блескѣ огней, въ тепличномъ воздухѣ свѣтскихъ вечеровъ. Кто бы узналъ ее тамъ! Глаза ея сіяли тихимъ, но свѣтлымъ пламенемъ, губы горѣли, румянецъ игралъ подъ тонкою кожей. Молодежь роилась вокругъ нея, не смотря на то, что она уже лѣтъ десять состояла на положеніи Бальзаковской femme de trente ans. Молодежь была права: стройная, гибкая, вся потонувшая въ цвѣтахъ и кружевѣ, со своими густыми пепельными волосами, въ дымкѣ и кружевахъ, она напоминала идеальные женскіе образы романовъ Вальтеръ-Скотта. Недаромъ общимъ голосомъ названа она была Брендою, когда въ первый разъ появилась въ свѣтъ, юная и застѣнчивая,

„Съ раздумьемъ тайнымъ на челѣ...“

— Ты уѣзжаешь? спросила она, быстро окинувъ взглядомъ комнату и убѣдившись, что они одни. — Bonjour, промолвила она, вынимая изъ муфты длинную, почти прозрачную ручку, съ множествомъ блестящихъ колецъ на безымянномъ пальцѣ и подымая ее на высоту губъ Владиміра Ивановича.

— По какому случаю такъ рано? сказалъ онъ, улыбаясь слегка и цѣлуя эту красивую руку.

— Я не сплю третью ночь; съ зарею я на ногахъ... право, это не весело. Я заѣхала увезти твою мать, она одѣвается, nous allons rouler, а потомъ она у меня обѣдаетъ. Ты пріѣдешь?

— Мнѣ сегодня нельзя, сказалъ онъ, я отозванъ.

— Къ кому? Къ Сугорскимъ?

И она пристально взглянула ему въ лицо.

— Нѣтъ, не къ Сугорскимъ. Отчего же непремѣнно къ Сугорскимъ?

— Такъ... я думала... Да, — и черты ея старались принять самое равнодушное выраженіе,—объясните мнѣ, прошу васъ, матушка ваша дѣлала мнѣ сейчасъ какіе-то намеки... Я не совсѣмъ поняла...

— Какіе намеки? спросилъ еще болѣе спокойно Владиміръ Ивановичъ, угадавшій съ первыхъ словъ своей собесѣдницы, что Прасковья Николаевна опять наболтала какого-нибудь вздора.

— Она мнѣ сейчасъ давала понимать, будто я виновата въ томъ, что Сугорскіе отослали m-me Vautiau.

— Матушка вамъ говорила это?

— Я такъ поняла изъ ея словъ.

— Странно, тѣмъ болѣе странно, что матушка не видала ея съ той поры, сказалъ громко Владиміръ Ивановичъ. „Поди“, думалъ онъ въ то же время, „поправляй теперь ребяческія глупости моей почтенной матушки; когда же я ото всего этого избавлюсь?“

— Почему же она знаетъ?

— Что знаетъ?

— Про исторію m-me Vautiau, mon Dieu! проговорила она нетерпѣливо.

Владиміръ Ивановичъ чувствовалъ приближеніе грозы; онъ собрался встрѣтить ее неуклонно и смѣло.

— Я ей сказалъ какъ-то, отвѣчалъ онъ небрежно.

— А, вы сказали! Monsieur daigne s'interesser à m-me Vautiau?

— Вы развѣ забыли, сказалъ онъ любезно, — сколько у нея права на мое участіе? во-первыхъ, она была у насъ въ домѣ, а потомъ, главное, не ей-ли я обязанъ знакомствомъ съ вами?.. Надѣюсь, промолвилъ онъ, смѣясь и взявъ ее за руку,—что вы не ревнуете...

Она отдернула руку.

— Что же вы еще говорили матушкѣ? Что значатъ ея слова?

— Рѣшительно не понимаю, сказалъ онъ... Или скорѣе вы не такъ поняли. Пойдемте къ ней, спросимъ...

— Не нужно, быстро возразила она:—къ чему? Будто я не знаю, что вы заставите ее сказать все, что захотите!

— Такъ чего же ты хочешь, Nadine? началъ было онъ ласково:—что это, инквизиція?

— Прошу отвѣчать мнѣ прямо, сказала Nadine голосомъ, въ которомъ все болѣе и болѣе слышалось волненіе: — вы знаете, отчего отослали m-me Vautiau?

Вопросъ былъ такъ поставленъ, что скрыть истину было довольно затруднительно. Жиздринъ впрочемъ и не намѣренъ былъ прямо скрывать ее.

— Знаю, отвѣчалъ онъ съ неподражаемо-искусной улыбкой, въ которой его собесѣдница могла прочесть развѣ какое-то беззаботное чувство сожалѣнія къ участи неосторожной гувернантки, потерпѣвшей изгнаніе по собственной винѣ.

Но госпожу Полорѣцкую также было не всегда легко провести.

— А, воскликнула она,—вы ее видѣли, elle vous a dit le fait, а вы въ свою очередь сказали вашей матушкѣ, что, вѣроятно, сдѣлала все это я, чтобъ помѣшать вамъ жениться на Катенькѣ Сугорской!

Владиміръ Ивановичъ молчалъ.

— Отвѣчайте же! сказала она настойчиво, ударивъ ножкою объ полъ.

— Я никогда не говорилъ этого матушкѣ, отвѣчалъ Жиздринъ, продолжая улыбаться тою же разсѣянной, беззаботной улыбкой;—я никогда этого не говорилъ, и вамъ бы никогда не сказалъ, но если вы непремѣнно хотите знать мое мнѣніе, извольте,—мое мнѣніе, что въ этомъ дѣлѣ вы таки постарались...

— Это неправда!

— Тѣмъ лучше для васъ...

— Ты мнѣ не вѣришь, Вольдемаръ? сказала она вдругъ нѣжнымъ, вкрадчивымъ голосомъ.

— Честное слово? спросилъ онъ,—и тутъ почувствовалъ, что поступилъ неловко,—но было уже поздно.

— Ah, vous y tenez donc? воскликнула она, и глаза ея потемнѣли.—А если-бъ это сдѣлала я, я, что бы вы сказали?

— Что вы очень дурно поступили, продолжалъ онъ хладнокровно:—вы лишили мѣста бѣдную женщину изъ-за того, что ей какъ-то вздумалось похвалить меня передъ своей воспитанницей...

— Какая невинность въ самомъ дѣлѣ! И эта бѣдная женщина, — ее жалѣть нечего, я ей лучше мѣсто нашла, — эта несчастная женщина дѣйствовала такъ, по собственному вдохновенію, безъ вашего участія, не такъ-ли? Вы сами не думали жениться на Катенькѣ?..

— Извините меня, сказалъ Владиміръ Ивановичъ,—я право не знаю, изъ-за чего вы мнѣ дѣлаете эту сцену. Я не отвѣтчикъ за госпожу Vautiau... И притомъ, прибавилъ онъ, ища глазами шляпу,—вы выбрали для объясненій такое время, когда мнѣ рѣшительно некогда,—меня ждетъ князь Катыревъ по службѣ...

— Нѣтъ, Вольдемаръ, воскликнула эта слабая женщина, ухвативъ его за руку съ такою силою, что нашъ ловеласъ даже поморщился,—нѣтъ, ты не уйдешь отсюда, пока не поклянешься мнѣ, что ты не намѣренъ былъ жениться на Катенькѣ Сугорской...

Бѣднаа Бренда! Она не повѣрила бы ему, можетъ быть, если-бъ онъ далъ ей эту клятву,—а между тѣмъ ей такъ жадно хотѣлось, чтобъ онъ произнесъ ее!

Жиздринъ на нее взглянулъ. Его не тронуло выраженіе страсти, говорившее въ ея дрожащихъ устахъ, въ умоляющемъ и влажномъ взорѣ. А когда-то онъ такъ упорно добивался ея любви! Но съ тѣхъ поръ много воды утекло. Страсть эта уже давно стала для него бременемъ и помѣхой. „Какая досада“, думалъ онъ въ настоящую минуту, „мнѣ давно пора къ князю, а между тѣмъ, пропустивъ сегодня случай, долго, можетъ быть, не представится такой оказіи объясниться съ нею разъ навсегда:—сама напрашивается;—нечего дѣлать, опоздаю къ князю“...

— Послушайте, сказалъ онъ, освобождая свою руку,—я

вамъ уже говорилъ и считаю лишнимъ повторять сто разъ, что въ этой глупой исторіи я совершенно въ сторонѣ. Я былъ, вы знаете, въ командировкѣ, и въ мое отсутствіе старая егоза, Француженка, а можетъ быть и матушка, je vous la livre, придумали это умное дѣло. Я же узналъ все только вчера отъ Vautiau.—Но скажите мнѣ, продолжалъ онъ медленнымъ голосомъ, пристально глядя на нее,—если бы въ самомъ дѣлѣ, когда нибудь, мнѣ вздумалось жениться, я бы всегда встрѣтилъ васъ на моей дорогѣ?

— Такъ это правда! прошептала она, измѣняясь въ лицѣ, и закрыла лицо руками, — но вдругъ быстро подняла голову.

— Всегда! восликнула она, смѣло взглянувъ въ глаза своему любовнику.

— А! это вызовъ! проговорилъ онъ, закусивъ губу.

Онъ почувствовалъ, что желчь подымается въ немъ, но господинъ Жиздринъ умѣлъ владѣть собою. Онъ скрестилъ руки, взглянулъ на кончикъ своего сапога—и послѣ небольшаго молчанья продолжалъ:

— И такъ, вы меня обрекаете на вѣчное безбрачіе, Надежда Петровна, началъ онъ насмѣшливо, но не измѣняя прежнему хладнокровію,—а не то безпощадная война, не такъли? C'est une idée comme une autre... Но позвольте вамъ сдѣлать нескромный вопросъ: къ чему это васъ поведетъ?

— Отомстить вамъ—и я буду счастлива!

— „Кинжаломъ я владѣю,
Я близъ Кавказа рождена!“

сказалъ Владиміръ Ивановичъ съ ироническимъ смѣхомъ.

Но сарказмъ его пропалъ даромъ: она его и не слышала. Свѣтская Бренда далеко не походила на пылкую Зарему. Ея слабая натура не выдержала мгновенной вспышки страсти; она упала на кресло съ глухимъ рыданіемъ.

— Такъ, теперь слезы, проговорилъ Жиздринъ, пожимая плечами, и взглянулъ на часы:—половина перваго! Не попаду я сегодня къ князю.

— Я заслужила это, говорила она между тѣмъ,—я васъ слишкомъ любила, я слишкомъ долго вѣрила въ васъ... я имѣ-

ла право вѣрить... зачѣмъ вы меня обманывали? Помните, какъ долго вы преслѣдовали меня. Я была уже не ребенокъ, я долго боролась... я не отдалась вамъ безумно, по капризу... Вы были такъ постоянно страстны и нѣжны... вы такъ терпѣливо, покорно и настойчиво просили моей любви... О, вы умѣете быть настойчивымъ и терпѣливымъ, когда надо!.. Я повѣрила вамъ, вашимъ клятвамъ... Вы были такъ молоды; я думала, молодость не обманываетъ... Зачѣмъ было лгать, зачѣмъ было говорить, что вся ваша жизнь принадлежитъ мнѣ, когда все это должно было кончиться такъ! — Вы знали меня, вы знали, что я не какая-нибудь Варенька Лисовская, что я не шучу любовью... Гдѣ же ваше постоянство, ваши клятвы...

— Да чѣмъ же я васъ обманулъ? возразилъ онъ нетерпѣливо: — неужели тѣмъ, что сегодня въ первый разъ послѣ шести лѣтъ осмѣлился сказать, что когда-нибудь могу жениться...

— Не надо было говорить, я это знала! Развѣ я давно не вижу, что я вамъ въ тягость,—уже два года я это вижу... Вы никогда не поймете, какъ невыносимо для женщины такое униженіе — замѣчать, что она надоѣдаетъ тому, кого любитъ. Развѣ ужь вы давно не перемѣнились? Гдѣ прежніе восторги?.. Прежде, я помню, какъ нетерпѣливо, бывало, просите вы свиданья... Теперь вы меня избѣгаете. Вы, напримѣръ, недѣлю какъ вернулись, а я сегодня въ первый разъ вижу васъ наединѣ... и то я пришла къ вамъ, вошла почти насильно!.. Quelle honte pour moi!.. Вамъ вѣчно некогда, вы заняты, вы сдѣлались государственнымъ человѣкомъ!.. Какое мнѣ до этого дѣло! воскликнула она съ новымъ увлеченьемъ: — я хочу любви! Что я сдѣлала! За что вы меня разлюбили?

— „Что ты сдѣлала?“ повторилъ онъ мысленно, смотря тѣмъ временемъ съ безпощаднымъ вниманіемъ на тонкія, лучеобразныя морщинки, образовавшіяся у ней въ углахъ глазъ,—„что ты сдѣлала?“.. Chère Nadine, сказалъ онъ громко,—я не переставалъ васъ любить, но вы, надѣюсь, не имѣете претензіи дѣлать изъ меня героя романа madame Sand. Нельзя требовать, какъ вы говорите, восторговъ послѣ шести лѣтъ постоянной связи! Это было бы безуміе! Шесть лѣтъ,—подумайте!—

да это вѣчность въ любви. Про насъ давно въ свѣтѣ говорятъ, что намъ слѣдуетъ пряжку дать за взаимную вѣрную службу.— Графиня Мытищева назвала меня вчера Филемономъ..! Encore un peu et nous tomberons dans le ridicule... Не пора-ли намъ вспомнить, Надежда Петровна, что и въ любви, какъ въ супружествѣ, настаетъ наконецъ минута, когда страсть должна уступить болѣе безмятежнымъ чувствамъ!.. а шесть лѣтъ, шесть лѣтъ любви... Поищите-ка другой примѣръ такого постоянства!..

— А князь Пинскій? сказала она совершенно неожиданно, поднимая на него глаза еще полные слезъ.

— Что такое? спросилъ онъ съ изумленіемъ.

— Да, старикъ князь Пинскій? Онъ на дняхъ женится на графинѣ Шрекенфельсъ. Вы знаете, что въ продолженіе тридцати лѣтъ онъ любилъ ее и былъ вѣренъ, comme aux premiers jours de sa passion. Мужъ ея умеръ въ прошломъ году — и Пинскій теперь на ней же...

Бѣдная Бренда! скажемъ мы опять. Въ минуты одинокаго размышленія, когда она печально припоминала малѣйшія подробности свиданій своихъ съ Жиздринымъ, когда съ тревожнымъ біеніемъ сердца она сознавалась, что съ каждымъ новымъ днемъ, уносящимъ постепенно ея красоту, все труднѣе, все несбыточнѣе становится для нея удержать охладѣвающаго любовника, мысль о князѣ Пинскомъ и о его долголѣтней привязанности къ замужней женщинѣ представлялась ей какимъ-то спасительнымъ якоремъ, къ которому прикрѣпляла она свои угасающія надежды. Примѣръ этихъ двухъ посѣдѣлыхъ любовниковъ, идущихъ рука объ руку сквозь бури жизни, успокоивалъ примиряющимъ поученіемъ своимъ больное сердце легкомысленной, но любящей женщины. „Отчего же наконецъ и ея Вольдемару не оставаться ей вѣрнымъ, какъ старикъ Пинскій вѣренъ старушкѣ Шрекенфельсъ?“ Она забывала въ эти минуты все то, надъ чѣмъ она иногда такъ горько задумывалась, забывала и тѣ темныя стороны характера своего любовника, которыя, послѣ долгаго ослѣпленія, увы! яснѣли для нея съ каждымъ днемъ, сжимая грудь ея все болѣе и болѣе безнадежною тоскою. Она все забывала, — и въ ея романи-

ческомъ воображеніи рисовалась для Жиздрина и для нея та же судьба,—въ далекомъ будущемъ ждалъ ихъ, тогда обоихъ свободныхъ, тотъ же обѣтованный край супружества послѣ долгаго любовнаго странствованія... Бѣдная Бренда! эта мысль, ея ultima ratio, такъ наконецъ усвоилась ей, такъ съ нею сроднилась, что и теперь, когда для нея рѣшался такой важный вопросъ, когда всякая другая женщина нашла бы тысячи средствъ удалить хоть на время роковую минуту разрыва, она не нашла ничего иного, какъ призвать на помощь тотъ же примѣръ князя Пинскаго, какъ неоспоримый, побѣдоносный доводъ, на который, по ея мнѣнію, Жиздринъ не могъ найти отвѣта и долженъ былъ слѣдовательно пасть къ ея ногамъ, нѣжно и пламенно моля о прощеніи.

Какое грустное ждало ее разочарованіе!

— Князь Пинскій! воскликнулъ Владиміръ Ивановичъ и разразился звучнымъ, искреннимъ,—дѣтскимъ хохотомъ, прибавили бы мы, если-бъ у насъ была малѣйшая возможность предполагать что-нибудь дѣтское во Владимірѣ Ивановичѣ.— Князь Пинскій, графиня Шрекенфельсъ! Monsieur et madame Denis! И онъ даже запѣлъ (чего съ нимъ никогда не случалось,) отрывокъ изъ старинной французской пѣсни о двухъ карикатурныхъ супругахъ-старикахъ, вспоминающихъ свою молодость:

Ma culotte en bouracan,
Souvenez vous en, souvenez vous en.

— Да, князь Пинскій, что вы тутъ находите смѣшнаго? говорила Надежда Петровна, совершенно растерянная и смотря на него почти съ ужасомъ.

— Милая Наденька, сказалъ онъ, подходя къ ней, — и взялъ ее за обѣ руки, которыя она отдала ему безчувственно и безсознательно,—у васъ бываютъ иногда безцѣнныя фантазіи. Князь Пинскій — вамъ одной могутъ притти въ голову такія забавныя помышленія,—получилъ послѣ тридцати лѣтъ воздыханій беззубый предметъ своей страсти; такъ и намъ вздыхать столько же? Прелестно! Мнѣ, значитъ, остается каждый день молить Творца о прекращеніи счастливыхъ дней лучшаго моего друга, Ивана Леонтьевича... Ну, а вообразите,

какъ вдругъ Творецъ не услышитъ смиренной моей молитвы,—и Иванъ Леонтьевичъ возьметъ, да и переживетъ насъ съ вами? Une bonne farce, n'est-ce-pas?

Иванъ Леонтьевичъ, скажемъ мимоходомъ, былъ мужъ Надины. Это былъ штатскій генералъ безъ должности, толстый, плѣшивый и очень богатый. Въ свѣтѣ звали его вѣчнымъ именинникомъ. Онъ вполнѣ оправдывалъ это прозваніе. Ни для кого жизнь не казалась такимъ даромъ, какъ для почтеннаго Ивана Леонтьевича. Счастье, довольство собою и другими дышали въ его благодушной, важной, открытой и вѣчноулыбающейся наружности. Знаменитый гастрономъ, амфитріонъ по прозванію, все то, что̀ прозывается аристократическимъ Петербургомъ, съѣзжалось на его Лукулловскіе пиры. У него не было враговъ ни единаго! Къ женѣ онъ питалъ нѣжнѣйшую и самую безкорыстную привязанность, вмѣняя ей въ единственный относительно себя долгъ—непремѣнно присутствовать на его обѣдахъ. Во всемъ остальномъ онъ доводилъ терпимость до крайнихъ предѣловъ. Свѣтъ долго потѣшался разсказомъ, какъ однажды Иванъ Леонтьевичъ, вернувшись очень поздно изъ клуба, наткнулся въ полуосвѣщенной гостиной на Жиздрина, выходившаго изъ уборной его жены. Положеніе было довольно затруднительное, и въ первую минуту Жиздринъ страшно сконфузился. Но Иванъ Леонтьевичъ скоро совершенно успокоилъ его; онъ прошелъ мимо, сказавъ ему скороговоркой: „Уходите осторожнѣе, вы можете сейчасъ встрѣтить Заборова и Бѣловѣжскаго, которыхъ я звалъ изъ клуба кончать партію“.

— Какъ же вы думаете, повторилъ Владиміръ Ивановичъ, что̀ намъ тогда дѣлать, прелестный другъ мой?

— Оставьте меня! говорила съ отчаяніемъ Надежда Петровна. Она чувствовала себя въ положеніи утопающаго, у котораго набѣгъ волны вырвалъ изъ руки обломокъ мачты, — единственную ея надежду достигнуть берега.—Оставьте меня, у васъ ничего нѣтъ святаго! Я все понимаю теперь... Вы давно ужь задумали оставить меня, развязаться съ женщиной, которая не нужна болѣе вамъ. Да! Не нужна... вы человѣкъ разсчетливый... на что̀ я вамъ теперь, les ailes vous ont poussé.

Вы твердо стали... а любви, сердечной привязанности вамъ не нужно, никогда не было нужно! О! я хорошо понимаю, вы не меня любили...

— Надежда Петровна! громко произнесъ Жиздринъ...

— Не пугайте меня, я васъ не боюсь. Давно уже все это накипѣло у меня въ сердцѣ; я все удаляла страшную, унизительную для себя мысль, но въ васъ не было даже довольно деликатности, чтобъ дать себѣ трудъ обманывать меня до конца. Въ вашихъ глазахъ я всегда была женщина недальняя, съ которой очень церемониться было не для чего... Вы были правы,—я была непростительно глупа, но приходитъ наконецъ минута, когда и слѣпой откроетъ глаза...

— Надежда Петровна, довольно! началъ было опять все болѣе и болѣе блѣднѣвшій отъ внутренняго гнѣва Владиміръ Ивановичъ. Но она его не слушала.

— Если не изъ сожалѣнія, то хоть изъ благодарности, говорила она съ возрастающею энергіею, — должны бы вы были щадить меня, а не показывать мнѣ такъ явно, съ такимъ нахальнымъ смѣхомъ, что я стала для васъ une non valeur, что меня можно выбросить теперь въ окно, какъ выжатый лимонъ. Вспомните, *чѣмъ* я была для васъ... вспомните, что мнѣ, мнѣ одной должны вы вашимъ положеніемъ въ свѣтѣ... Когда вы пріѣхали сюда изъ провинціи, кто васъ зналъ, кто принималъ въ васъ участіе? У васъ родни былъ полонъ городъ, но вы были бѣдны, не извѣстны, отецъ вашъ оставилъ послѣ себя дурную репутацію. Вы сами разсказывали мнѣ, что графъ Брынскій, родной cousin вашей матери, съ которымъ вы теперь другъ и пріятель, одинъ разъ какъ-то рѣшился въ то время пригласить васъ обѣдать, да и то, когда вы пріѣхали, было вамъ отказано подъ какимъ-то предлогомъ... Съ трудомъ нашли вы тогда какое-то мѣсто безъ жалованья. Я узнала про васъ отъ m-me Vautiau; она меня заинтересовала вами, вашимъ труднымъ положеніемъ. Иванъ Леонтьевичъ еще служилъ тогда, управлялъ департаментомъ у князя Катырева; васъ по моей просьбѣ перевели, повысили; я пожелала познакомиться съ вами... Вспоминать-ли остальное? Я была для васъ первою ступенью къ успѣху. Принятые на короткой но-

гѣ въ нашемъ домѣ,—весь Петербургъ былъ открытъ для васъ; замѣченные мною, васъ замѣтилъ свѣтъ. Я выпросила, наконецъ, для васъ у мужа двадцать тысячъ денегъ, чтобы спасти послѣднее ваше имѣніе...

— Вы женщина, прервалъ ее Владиміръ Ивановичъ, сверкая глазами,—я на ваши неприличныя слова отвѣчать тѣмъ-же не стану. Прощайте! И кинулся къ своей шляпѣ.

Но Надежда Петровна дошла въ негодованіи своемъ до того предѣла, когда остановиться нѣтъ уже никакой возможности:

— Ступайте, говорила она голосомъ звенѣвшимъ, какъ струна,—ступайте, ищите богатаго приданаго, но вспомните, что если вы теперь въ такомъ положеніи, что имѣете право его искать,—то и этимъ вы мнѣ, и только мнѣ обязаны. Боже мой! воскликнула она и вдругъ зарыдала, — могла-ли я думать, что все это такъ кончится, что для этого безжалостнаго, безстыднаго человѣка я всѣмъ пожертвовала, обманывала мужа, забыла все...

— Для меня-ли одного? возразилъ онъ съ злобнымъ, дурнымъ смѣхомъ.

Надежда Петровна схватилась рукой за грудь, выпрямилась, взглянула на него—и какъ взглянула!...

— Вы мерзавецъ! воскликнула она—и кинулась вонъ изъ комнаты.

Прасковья Николаевна, разодѣтая въ пухъ и прахъ, встрѣтила ее въ гостиной.

— Я готова, Nadine, сказала она, — ѣдемъ!.. Но та, не слушая, не замѣтивъ даже ея, пробѣжала мимо, спустилась съ лѣстницы—и уѣхала.

— Что это значитъ, что съ ней? говорила растерянно такъ нежданно покинутая мать Жиздрина... Уѣхала: вотъ сюпризъ!... Должно быть, повздорили, сообразила она затѣмъ и развела руками... Однако этакъ я рискую остаться безъ экипажа...

И Прасковья Николаевна, удвоивъ шаги, поспѣшила въ кабинетъ къ сыну. Но кабинетъ былъ пустъ, и Демьянъ изъ передней крикнулъ ей, что Владиміръ Иванычъ „уѣхамши къ министру“. Видно въ книгѣ судебъ рѣшено было, что на этотъ день почтенная барыня останется безъ кареты...

ИЗЪ ПРОЖИТЫХЪ ДНЕЙ *).

I.

Августъ мѣсяцъ.

Мы жили тогда съ Левушкою (Львомъ Ивановичемъ) Арнольди въ Ваганьковскомъ переулкѣ, что̀ между Вздвиженкою и Знаменкою, почти прямо противъ воротъ двора дома Пашкова (нынѣ Румянцевскаго музея), въ домѣ бывшемъ Левашова, доставшемся затѣмъ нѣкоему Скопину, отдававшему его теперь внаймы.

Бывшій его владѣлецъ, отставной гвардіи полковникъ, состоятельный баринъ стараго времени и холостой человѣкъ, извѣстенъ былъ въ Москвѣ тѣмъ, что не ложился никогда спать въ постель, которой у него даже и въ заводѣ не было. Въ 1814 году, по вступленіи въ Парижъ побѣдоносныхъ нашихъ войскъ, отправился онъ однажды къ извѣстной госпожѣ Ленорманъ, гадальщицѣ, у которой перебывала въ тѣ дни едва-ли не вся до единаго находившаяся во Франціи русская военная молодежь, судя по огромному числу прорицаній ея, сохранившихся въ семейныхъ преданіяхъ русскаго дворянства. Левашову пророчица объявила, что онъ преспокойно умретъ въ своей постели. Онъ такъ съ тѣхъ поръ и не ложился никогда, и умеръ, на зло предсказанію, въ креслѣ, въ маленькой „боскетной“ въ одно окно, именно въ той комнатѣ, которую я выбралъ себѣ спальнею.

*) Впервые напечатано въ №№ 141 142 и 143 „С.-Петер. Вѣд.“ 23-го 24-го и 25-го мая 1884 года.

Умеръ онъ въ преклонныхъ лѣтахъ и, какъ всѣ старики, страдалъ безсонницею, засыпая лишь къ утру и проводя половину ночей въ тоскливомъ блужданіи по комнатамъ со свѣчею въ рукѣ. Свѣча эта, прогуливавшаяся съ трепетнымъ сіяніемъ мимо оконъ комнатъ, выходившихъ на передній дворъ, чудилась обитавшей во флигелькѣ, подлѣ воротъ, дворницкой семьѣ долго еще послѣ смерти хозяина, въ тѣ два или три года, когда домъ оставался пустъ, вслѣдствіе спора о принадлежности его между наслѣдниками покойнаго. Помню, какъ, послѣ первой проведенной мною въ немъ ночи, разбуженъ я былъ рано утромъ скрипомъ двери, противъ которой спалъ, и увидѣлъ въ просвѣтѣ ея просунувшееся изъ корридора, видимо встревоженное, лицо моего слуги и выглядывавшую изъ-за его спины какую-то бородатую фигуру въ тулупѣ.

— Что̀ такое? воскликнулъ я съ-просонковъ, очень раздосадованный, такъ какъ далеко еще не успѣлъ выспаться досыта.

— Благополучно-ли изволили почивать? какъ бы растерянно пролепеталъ мой Иванъ.

— Убирайся!

И, повернувшись на бокъ, я тутъ же заснулъ тѣмъ мгновеннымъ, блаженнымъ сномъ молодости, котораго, увы! я такъ давно уже не знаю.

Поднявшись въ свой часъ, я вспомнилъ о несвоевременной заботѣ моего Личарды о благополучіи моего „почиванія“ и спросилъ у него объясненія.

Онъ, по обыкновенію, очень глупо улыбаясь и показывая мнѣ при этомъ свои брусничнаго цвѣта десны, сообщилъ, что былъ перепуганъ дворникомъ, пришедшимъ къ нему на зарѣ съ тѣмъ, чтобы онъ „безпремѣнно шелъ навѣдаться къ барину, все-ли у нихъ какъ слѣдоваетъ, потому, значитъ, чтобы можетъ они чего не испужались“. — „Чего это?“ спросилъ Иванъ. Дворникъ долго мялся прежде, чѣмъ рѣшиться отвѣтить, что, „значитъ, такое у нихъ замѣчаніе, что покойный старикъ баринъ по комнатамъ со свѣчею ходитъ“. На скептическое же замѣчаніе Ивана, что это, молъ, можетъ у тебя самого спьяна плошки въ глазахъ горятъ, онъ отвѣтилъ, что „испро-

бовано-де", потому они съ сыномъ „нарочито для эвтого песочкомъ полы посыпали, когда въ домѣ жильцовъ не было, а на другой день пришли, глядимъ: по песочку-то слѣдъ идетъ, въ акуратѣ какъ они (старый баринъ, то-есть) въ бархатныхъ сапожкахъ завсегда ходили, такъ они и есть". Послѣ подобнаго убѣдительнаго доказательства Иванъ уже болѣе не колебался и отправился навѣдаться, не понесъ-ли я какого изъяна отъ неугомоннаго ходебщика въ бархатныхъ сапожкахъ. Изъяна, ниже чего подобнаго ни въ эту ночь, ни въ послѣдующія я не потерпѣлъ и провелъ въ этомъ домѣ три едва-ли не счастливѣйшіе года моей жизни.

Съ Арнольди мы были дружны съ дѣтства, проведеннаго въ двухъ сосѣднихъ домахъ, подъ кіевскимъ небомъ, на Печерскѣ, откуда, бывало, помню, шумною толпою однолѣтковъ отправлялись мы, подъ предводительствомъ гувернеровъ и учителей, въ праздничные лѣтніе дни, на долгія прогулки по берегамъ Днѣпра. Ближайшимъ путемъ спускалась къ нимъ веселая компанія наша съ высотъ царскаго сада, то-есть скользя попросту на спинѣ по покатой отлогости мелкаго желтаго песку прибрежныхъ горъ... Что смѣху и клику, что шалостей и безполезныхъ наставническихъ увѣщаній и угрозъ было при этомъ!.. Зимою, на святкахъ, та же компанія превращалась въ труппу актеровъ: то въ томъ, то въ другомъ домѣ игрались по-французски пьесы изъ дѣтскаго театра Беркена (Berquin) и отрывки изъ трагедій Озерова. Помню, какъ я однажды (мнѣ тогда было лѣтъ десять), въ красной рубахѣ, подпоясанной какою-то лентою, съ картонными мечемъ и шишакомъ, оклееннымъ золотою бумагою, игралъ роль Бренскаго въ „Дмитріи Донскомъ"; помню даже до сихъ поръ два стиха, которые я произносилъ, повидимому, съ большимъ эффектомъ, такъ какъ зрители очень сильно мнѣ за нихъ апплодировали, и одинъ старикъ назвалъ меня даже за это, въ видѣ остроты, не Бренскимъ, а Брянскимъ, то-есть именемъ петербургскаго актера, пользовавшагося въ тѣ годы большою славою въ трагическихъ роляхъ:

Стремишься ты на смерть: и я стремлюсь съ тобою,
И часть мою съ твоей не разлучу судьбою...

Разстались мы съ Левушкою, когда шло обоимъ намъ по тринадцатому году. Отецъ его, извѣстный артиллерійскій генералъ, одинъ изъ героевъ двѣнадцатаго года, лишившійся правой ноги подъ Лейпцигомъ, повезъ его, вмѣстѣ со старшими сыновьями своими, въ Петербургъ, гдѣ эти старшіе помѣщены были въ пажескій корпусъ и артиллерійское училище, а Лева, какъ довольно слабый здоровьемъ и почитавшійся поэтому непригоднымъ къ военной службѣ, въ гимназію. По окончаніи тамъ курса, онъ поступилъ въ петербургскій университетъ, откуда перешелъ (по желанію отца, командовавшаго въ ту пору всею артиллеріею въ Южномъ краѣ и штабъ котораго находился въ Кременчугѣ, то-есть въ 400 верстахъ всего отъ Одессы) на третій курсъ юридическаго отдѣленія ришельевскаго лицея, въ которомъ я въ ту пору кончалъ курсъ. Дѣтская дружба наша возобновилась съ большею еще силою въ юношескомъ возрастѣ. Черезъ годъ мы очутились съ нимъ оба опять уже на службѣ, въ Петербургѣ, а въ 1848 году въ Москвѣ, гдѣ онъ состоялъ совѣтникомъ губернскаго правленія, а я—чиновникомъ особыхъ порученій при тогдашнемъ военномъ генералъ-губернаторѣ, графѣ Закревскомъ.

Домъ Скопина, не особенно обширный и одноэтажный съ небольшимъ подвальнымъ помѣщеніемъ для прислуги, нанятъ былъ подъ аукціонную камеру, состоявшую въ ту пору подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ генералъ-губернатора, которымъ и возложено было на меня, въ числѣ другихъ моихъ занятій, вслѣдствіе открытыхъ тамъ безпорядковъ, ближайшее „завѣдываніе“ ею, за что̀ и пользовался я при ней казенною квартирою.

Состояла эта квартира изъ четырехъ комнатъ, изъ которыхъ кабинетъ мой въ два окна выходилъ въ крошечный садикъ, огороженный полуразвалившеюся деревянною рѣшеткою, вдо̀ль которой тянулись шпалерами кусты сирени, а у самой стѣны каменнаго забора, отдѣлявшаго нашъ дворъ отъ двора сосѣдняго дома, принадлежавшаго князю Леониду Голицыну, раскидывала вѣтви свои одинокая яблоня, вся покрывавшаяся весною бѣлымъ, какъ снѣгъ, съ чуть-чуть розоватымъ оттѣнкомъ, цвѣтомъ. (Какъ нетерпѣливо, бывало, ожидалъ я каж-

дый годъ этихъ первыхъ теплыхъ дней, когда разцвѣтали эти мои сирень и яблоня, и въ открытыя окна врывалась ихъ проницающая, душистая свѣжесть!). Кабинетомъ Левушкѣ служила бывшая гостиная покойнаго Левашова. Довольно широкій корридоръ раздѣлялъ мою отъ его спальни.

Какъ это почти всегда бываетъ между молодыми холостяками, живущими на одной квартирѣ, мы днемъ не видались почти никогда. Онъ въ десятомъ часу каждое утро уѣзжалъ аккуратно въ свое правленіе; я, часомъ или двумя позднѣе,— къ начальству, съ докладомъ или за приказаніями, и оба затѣмъ пропадали до ночи. Принадлежа къ тому же обществу, мы проводили время, однако, въ довольно отличныхъ другъ отъ друга кружкахъ его. Арнольди былъ честолюбивъ, чаялъ скораго вице-губернаторства и держался человѣкомъ серьезнымъ, посѣщая преимущественно степенные дома, гдѣ велись дѣльные разговоры и играли въ вистъ, котораго онъ былъ большой охотникъ и мастеръ. Я, признаюсь откровенно, былъ моложе своихъ лѣтъ, страстно любилъ балы до зари зимняго утра, любительскіе спектакли, веселые ужины...

Увы, на разныя забавы
Я много жизни погубилъ,

могъ бы я сказать съ Пушкинымъ, если бы дѣйствительно жалѣлъ объ этомъ „погубленномъ“ времени. Но я не жалѣю о немъ: много еще въ тѣ дни было поэзіи въ этой размашистой жизни старой дворянской Москвы!..

Но по заведенной какъ-то съ перваго же дня совмѣстнаго житья нашего привычкѣ, возвращаясь домой ночью, ни одинъ изъ двухъ насъ не засыпалъ, не дождавшись возвращенія другаго. Кто позднѣе пріѣхалъ, тотъ непремѣнно заходилъ къ лежавшему уже въ постели, съ книгою въ рукахъ, пріятелю съ отчетомъ о проведенномъ днѣ. Оба мы были по природѣ то, что называютъ полуночниками; нервы наши разыгрывались во-всю именно въ то время, когда у большинства порядочныхъ людей тяжелѣютъ вѣжды отъ законно, въ свой часъ наступающей, дремоты. Разсказы и пренія затягивались у насъ часто до звона колоколовъ къ заутрени. Левушка вспоминалъ

тогда вдругъ, что ему надо встать рано, что эта „безобразная“ жизнь его окончательно въ „чахотку вгонитъ“, и гналъ меня съ проклятіями изъ своей спальни. Но на другой день входилъ въ мою въ такой же поздній часъ, и начинались опять нескончаемые разговоры:

„О Шиллерѣ, о славѣ, о любви“..

Оба мы любили литературу, поэзію особенно, до какого-то бѣшенства, оба владѣли на стихи огромною памятью, оба пописывали ихъ; онъ—русскіе, я—французскіе, сознавая, впрочемъ, каждый, что настоящаго поэтическаго дара у насъ нѣтъ никакого и вздыхая подъ часъ объ этомъ, хотя и не съ особеннымъ сокрушеніемъ. Мы за то знали наизусть Пушкина, Лермонтова, Баратынскаго, Виктора Гюго, Шенье, всѣ непропускаемыя или урѣзываемыя тогдашнею цензурою стихотворенія и строфы русскихъ поэтовъ, всѣ ходившіе въ рукописяхъ по рукамъ сатирическіе стихи и эпиграммы на лица и событія того времени, и очень досадовали вмѣстѣ съ тѣмъ на пародіи, появлявшіяся въ то время въ „Современникѣ“, на пріятеля нашего Щербину, котораго я за годъ передъ тѣмъ (въ 1850 году) нашелъ въ Одессѣ и привезъ съ собою въ Москву, а Арнольди опредѣлилъ помощникомъ редактора „Губернскихъ Вѣдомостей“, издававшихся при губернскомъ правленіи.

На литературу и стихи сворачивали неизмѣнно наши ночныя бесѣды, съ какого бы предмета онѣ ни начинались, причемъ въ сужденіяхъ Арнольди сказывалось довольно сильное вліяніе близко знакомаго ему кружка московскихъ тогдашнихъ славянофиловъ и Гоголя, друга сестры его по матери, извѣстной красавицы и умницы, Александры Осиповны Смирновой, рожденной Россетъ, у которой, скажу кстати, онъ имѣлъ случай слышать чтеніе самимъ Гоголемъ втораго тома „Мертвыхъ душъ“ *). Я же Гоголя видѣлъ всего раза два у той

*) Имъ были написаны воспоминанія его объ этомъ чтеніи (происходившемъ въ Калугѣ, въ ту пору, когда былъ тамъ губернаторомъ мужъ Александры Осиповны и Гоголь гостилъ у нихъ), которыя послѣ смерти его напечатаны были въ 60-хъ годахъ, не помню именно въ какомъ, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.

же Александры Осиповны (впечатлѣніе онъ на меня произвелъ очень непріятное), съ большинствомъ славянофиловъ почти вовсе знакомъ не былъ и держался мнѣній эклектическихъ, если не совсѣмъ западническихъ. Tempi passati, какъ видите!..

И вотъ, однажды, въ это время, свѣтлымъ весеннимъ днемъ, пріѣзжаю я обѣдать въ ресторанъ Шевалье (позднѣе Шевріе, гдѣ нынѣ магазинъ Дарзанса), въ Газетномъ переулкѣ, лучшій, и едва-ли въ то время не единственный, куда ѣздили трапезовать люди, не пристрастные спеціально къ отечественной кухнѣ, и застаю тамъ моего сожителя съ какимъ-то незнакомымъ мнѣ молодымъ человѣкомъ нашихъ лѣтъ, невысокаго роста, черноволосымъ, съ правильнымъ блѣднымъ лицомъ и большими темными и, какъ теперь помню, какъ-то очень ярко горѣвшими глазами. Арнольди представилъ насъ другъ другу. Звали его Евгеніемъ Александровичемъ Арсеньевымъ. Онъ былъ тульскій помѣщикъ и жилъ обыкновенно въ деревнѣ, откуда по временамъ наѣзжалъ въ Москву. Съ перваго же взгляда, по рѣчамъ его и пріемамъ, видѣнъ былъ хорошо рожденный и хорошо воспитанный человѣкъ.

Усѣлись мы втроемъ въ отдѣльной комнатѣ и принялись весело за обѣдъ. Къ концу его Арнольди обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Ты куда отсюда думаешь?

— Въ паркъ, къ Оболенскимъ.

— Успѣешь. Я предлагаю сейчасъ отсюда ѣхать всѣмъ намъ тремъ въ одно мѣсто.

— Куда?

— Къ Ивану Яковлевичу, съ полуусмѣшкою говоритъ Левушка.

Я разсмѣялся. Иванъ Яковлевичъ (по фамиліи Корейша) былъ извѣстный юродивый, или корчившій юродство, увѣчный, содержавшійся въ одной изъ московскихъ больницъ, въ даръ прорицанія и цѣленія котораго вѣрила вся неграмотная и двѣ трети грамотной Москвы того времени. Въ русской печати извѣстнаго пошиба и до сихъ поръ можно встрѣтить это имя, когда заходитъ рѣчь о легендарномъ „мракобѣсіи“ Бѣ-

локаменной. Но вѣра въ него дѣйствительно доходила тогда у многихъ до безпредѣльнаго фанатизма; онъ, говоря безъ шутокъ, могъ бы, какъ второй Петръ Амьенскій, поднять Москву на крестовый походъ за освобожденіе гроба Господня, если бы это ему вздумалось, или, вѣрнѣе, если бы вышло ему на то дозволеніе отъ полиціи...

Арнольди былъ очень религіозный по природѣ, и даже, какъ Гоголь, съ весьма замѣтною наклонностью къ мистицизму человѣкъ. Но до Ивана Яковлевича отъ этого было еще очень далеко.

— Что̀ это ты вздумалъ! воскликнулъ я невольно.

— Очень просто, интересно, отвѣтилъ онъ, не смущаясь,— поѣдемте всѣ!

— Ни за что̀! брезгливо сказалъ я, — онъ грязенъ, говорятъ, до гадости и сквернословитъ, какъ послѣдній извозчикъ,— что̀ за охота! Я къ тому же обѣщалъ быть въ паркѣ ровно въ шесть, а теперь уже половина шестаго.

— Типъ! улыбнулся Арнольди иронически. — А вы поѣдете? обратился онъ къ Арсеньеву.

— Увольте! проговорилъ тотъ съ какимъ-то страннымъ, будто испуганнымъ выраженіемъ, такъ что я съ невольнымъ изумленіемъ поглядѣлъ на него.

Онъ это замѣтилъ и слегка покраснѣлъ даже... Онъ былъ мнѣ очень симпатиченъ своею благовоспитанною сдержанностью и чѣмъ-то какъ бы болѣзненнымъ, сказывавшимся въ его лицѣ, когда не оживлялся онъ разговоромъ.

— Я не люблю всѣхъ этихъ... вѣщихъ, тутъ же улыбнулся онъ, какъ бы нарочно отыскавъ въ памяти это необычное слово для выраженія своей мысли.

Арнольди оно очень понравилось:

— Славный эпитетъ! „Вѣщій Олегъ“, подчеркнулъ онъ,— народъ „вѣдунами“ ихъ зоветъ... вѣдаютъ... А вы не вѣрите, что этотъ даръ вѣдѣнія дается инымъ? Я вѣрю, прямо говорю.

— И я тоже, сказалъ Арсеньевъ смущенно, поднося къ губамъ поспѣшно стоявшій передъ нимъ стаканъ шамберте-

на, какъ бы для того, чтобы скрыть свое смущеніе,—и потому ихъ не люблю.

И Арнольди, и я какъ-то разомъ почуяли, что онъ имѣлъ какія-то особыя причины не любить этихъ „вѣщихъ“. Оба мы молча уставились на него невольно вопрошающими глазами.

Онъ самъ, будто невольно побуждаемый нашимъ нѣмымъ вопросомъ, проговорилъ запинаясь:

— Со мною былъ одинъ случай, въ дѣтствѣ... и я съ тѣхъ поръ...

— Разскажите, пожалуйста, разскажите! такъ и присталъ къ нему теперь мой сожитель.

Арсеньевъ нервно сдвинулъ брови:

— Мнѣ это тяжело вспоминать всегда; но, пожалуй, я вамъ разскажу...

Мы такъ и замерли.

— Мнѣ было лѣтъ двѣнадцать. Мы жили всею семьею въ Тульской деревнѣ, но у отца моего было еще имѣніе въ Симбирской губерніи, куда онъ ѣзжалъ отъ времени до времени надзирать за хозяйствомъ. Собрался онъ такимъ образомъ однажды весною ѣхать туда и взялъ меня съ собою. Я, разумѣется, былъ въ восхищеніи. Ѣхали мы въ покойной коляскѣ, погода стояла чудесная, ясная, лѣса, поля зеленѣли кругомъ, — чудесное это было путешествіе!.. Вотъ, какъ-то утромъ, я еще спалъ, прижавшись въ углу къ подушкѣ, лошади остановились. Я открылъ глаза, гляжу: станція, лошадей ведутъ перепрягать, а отецъ мой, не выходя изъ коляски, разговариваетъ съ вышедшимъ къ нему на дорогу смотрителемъ. А въ то же время, съ моей стороны, тащится навстрѣчу намъ кочевье цыганъ: телѣги, лошади, смуглыя женщины съ грудными дѣтьми, босоногіе ребята, отвратительныя старухи въ лохмотьяхъ. Поравнявшись съ нами, одна такая старуха отдѣлилась отъ прочихъ, быстро подошла ко мнѣ и такъ же быстро и шопотомъ проговорила: „Молодой баринъ, дай ручку!“ Я машинально протянулъ ее. Но отецъ мой обернулся на ея голосъ, увидалъ цыганку и крикнулъ на нее съ досадою: „Убирайся вонъ, вѣдьма!“ Она тотчасъ же отошла и скрылась за полуприподнятымъ кузовомъ коляски. Отецъ

заговорилъ опять со смотрителемъ. А цыганка, скользнувъ ко мнѣ, прошептала снова: „Дай, молодой баринъ, ручку, всю правду скажу“... Я до сихъ поръ, будто вчера это произошло, помню впечатлѣнія мои въ эту минуту: какой-то ужасъ и отвращеніе, которое производилъ на меня видъ этой грязной, лохматой, со страшными глазами старухи, и неодолимое любопытство, и вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то странное чувство, что я никакъ не могу не сдѣлать того, что̀ она требуетъ. Я протянулъ руку. Она схватила ее своими костлявыми и холодными какъ у мертвой пальцами, повернула ее ладонью вверхъ и, низко наклонившись надъ нею, жалобно проговорила: „Ай, берегись, молодой баринъ, берегись августа мѣсяца“. Отецъ мой въ то же время обернулся еще разъ на нее и, разсердившись не на шутку, заставилъ ее грознымъ крикомъ торопливо отбѣжать къ своимъ, а меня разбранилъ за непослушаніе. Лошадей между тѣмъ запрягли, новый ямщикъ полѣзъ на козлы, и мы снова тронулись въ путь.

Въ молодые годы не долговѣчны впечатлѣнія, и я очень скоро, само собою, забылъ о цыганкѣ и объ ея загадочномъ предостереженіи. Пріѣхавъ въ нашу Симбирскую деревню, я очутился тамъ въ такихъ счастливыхъ для моего возраста условіяхъ жизни, какими не могъ пользоваться дома. Тамъ за нами, дѣтьми, установленъ былъ постоянный надзоръ, существовалъ правильный распорядокъ занятій, трапезъ, прогулокъ. Здѣсь я былъ на полной свободѣ. Отецъ съ утра до ночи погруженъ былъ въ хозяйство и въ повѣрку управляющаго, оказавшагося мошенникомъ, и котораго приходилось смѣнить, и не имѣлъ поэтому времени надзирать за мною. Я пропадалъ на цѣлые дни въ поляхъ и лѣсахъ, удилъ рыбу, ходилъ косить съ крестьянами въ луга, жилъ, словомъ, какъ говорится, въ полное свое удовольствіе. Пребываніе наше здѣсь, какъ думалъ сначала отецъ, никакъ не должно было продолжаться долѣе мѣсяца. Но прошелъ и іюнь, и іюль, а мы не трогались съ мѣста: отецъ все ждалъ пріѣзда новаго управляющаго и все еще бился, учитывая стараго. Такъ протянулось до половины августа.

Погода все это лѣто стояла жаркая, и отецъ мой, доволь-

но тучный отъ природы человѣкъ, очень страдалъ отъ нея и отправлялся въ рѣчку купаться два раза на день... 14-го числа, — памятенъ мнѣ этотъ день! — возвращаюсь я съ однимъ деревенскимъ мальчикомъ, часу въ 6-мъ послѣ обѣда, со ржанаго поля—поймали мы тамъ двухъ перепеловъ и очень счастливы были, — подходимъ къ дому... Вдругъ слышимъ со стороны рѣки несутся голоса, крикъ какой-то... Кинулись мы на этотъ крикъ... Не успѣли добѣжать до берега, — а намъ навстрѣчу нѣсколько человѣкъ, дворовые наши, несутъ на рукахъ тѣло, съ раскинутыми безжизненно руками... Я какъ увидѣлъ его, такъ и упалъ замертво.

Отца моего, какъ узналъ я уже потомъ, поразилъ въ водѣ апоплексическій ударъ. Онъ только вскрикнуть успѣлъ и опустился тутъ же подъ воду. Когда бывшій съ нимъ камердинеръ, замѣтивъ это, бросился одѣтый съ берега въ рѣку и вытащилъ его, онъ уже былъ мертвъ. А со мною сдѣлалась горячка, и я, какъ оказалось, на девятый только день пришелъ въ себя. Одинъ сердобольный сосѣдъ нашъ по имѣнію, узнавъ о положеніи сироты-мальчика, пріѣхалъ съ докторомъ посѣтить меня и перевезъ къ себѣ въ усадьбу, гдѣ я и оставался, пока мать моя, извѣщенная о случившемся, не успѣла пріѣхать за мною. Едва еще оправившагося отъ болѣзни, увезла она меня оттуда домой... Мы ѣхали по той же дорогѣ, по которой весною такъ весело катилъ я съ моимъ бѣднымъ отцомъ, такимъ тогда еще бодрымъ, молодымъ,—ему и 50-ти лѣтъ еще не было... А теперь, рядомъ со мною, въ той же коляскѣ, сидѣла убитая горемъ матушка, въ черномъ съ головы до ногъ, исхудалая и блѣдная, и вся природа кругомъ точно хмурилась и плакала подъ стать ей: кропилъ день и ночь мелкій осенній дождикъ безъ перерыва и просвѣта... Я отъ слабости и унынія дремалъ почти всю дорогу. Просыпаюсь однажды опять раннимъ утромъ,—узнаю вдругъ мѣсто: тутъ именно, противъ самой этой станціи, подошла ко мнѣ старуха-цыганка,—и тутъ только въ первый разъ припомнились мнѣ ея слова: „Берегись августа мѣсяца“ и то, что *его* именно въ августѣ не стало. Невообразимый ужасъ охватилъ меня теперь, я кинулся на шею матери и разрыдался.

Арсеньевъ примолкъ, видимо очень взволнованный. И мнѣ, и Арнольди, вызвавшему его на этотъ разсказъ, было какъ бы теперь совѣстно глядѣть на него.

Но онъ осилилъ себя, улыбнулся черезъ мочь и продолжалъ:

— Съ тѣхъ поръ прошло шестнадцать лѣтъ. За это время пришлось мнѣ перенести много тяжелыхъ утратъ и даже несчастій. Я лишился довременно матери, любимой сестры, старшаго брата, чуть не задохся однажды со всею семьею въ загорѣвшемся у насъ ночью домѣ, чуть не убитъ былъ лошадью на охотѣ, прошелъ черезъ всякія болѣзни,—и все это, повѣрьте, случалось никакъ не въ иную пору, какъ въ томъ же роковомъ для меня августѣ мѣсяцѣ.

Прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ возобновился разговоръ,—очень ужь поразительно подѣйствовалъ на меня съ Арнольди этотъ разсказъ.

Обѣдъ нашъ между тѣмъ пришелъ къ концу, мы отпили кофе. Я взглянулъ на часы.

— Мнѣ пора, сказалъ я, — меня ждутъ въ паркѣ. Извините.

Я поднялся, крѣпко пожалъ руку Арсеньеву, спросилъ, долго-ли онъ еще останется въ Москвѣ, и искренно подосадовалъ, получивъ отъ него въ отвѣтъ, что онъ собирается завтра же назадъ въ деревню, о томъ, что не увижусь съ нимъ болѣе (я чувствовалъ къ нему самое сердечное влеченіе); затѣмъ взялъ шляпу и уѣхалъ.

Вернулся я домой часу въ первомъ.

— Дома Левъ Ивановичъ? спросилъ я у сторожа, вышедшаго отворять мнѣ со свѣчею въ рукѣ.

— Съ часъ какъ вернулись.

Я прошелъ къ нему въ спальню.

Онъ лежалъ въ постели, опершись рукою на локоть, покоившійся на подушкѣ, и читалъ книгу.

— Гдѣ ты былъ? спросилъ я:—у Марьи Аполлоновны?

Онъ утвердительно кивнулъ.

Марья Аполлоновна Волкова—личность, съ которою имѣлъ случай познакомиться русскій читатель по письмамъ ея, на-

печатаннымъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ „Вѣстникѣ Европы“, подъ нелѣпымъ заглавіемъ „Грибоѣдовская Москва“. Заглавіе это, придуманное очевидно писакою-демократомъ, лишеннымъ всякаго литературнаго и историческаго чутья и никогда не видавшимъ порядочнаго общества, не имѣетъ ничего общаго съ сущностью и тономъ самихъ писемъ этой умной, живой, наблюдательной и образованной особы, принадлежавшей къ высшему кругу общества ея времени и пользовавшейся въ немъ большимъ уваженіемъ и сочувствіями. Старая дѣва, фрейлина императрицъ Маріи и Елисаветы, весьма цѣнимая императоромъ Николаемъ, любившимъ ея „прямодушную московскую рѣчь“ и искавшимъ бесѣдъ съ нею каждый разъ, какъ встрѣчалъ ее въ Москвѣ или Петербургѣ (куда она пріѣзжала изрѣдка, для свиданія съ родственною ей семьею Віельгорскихъ), — она въ тѣ дни, къ которымъ относится мое повѣтствованіе, была уже почти 70-лѣтнею старушкою, но необыкновенно бодрою, юношески оживленною, съ некрасивымъ, похожимъ на ликъ мопса, но чрезвычайно умнымъ и привлекательнымъ въ этой невзрачности своей лицомъ. Съ утра затянутая въ корсетъ, по всѣмъ правиламъ традиціоннаго благоприличія, въ неизмѣнномъ чепцѣ на головѣ, острословка, страстная охотница посмѣяться, неизмѣнный другъ друзей своихъ, она въ своемъ небольшомъ, собственномъ одноэтажномъ домикѣ на Сѣнной площади, подлѣ Екатерининскаго института, въ которомъ все, отъ почтенныхъ сѣдыхъ слугъ и до фарфоровыхъ горшковъ съ цвѣтами на окнахъ, носило на себѣ печать старо-дворянскаго житья, возродившагося на пожарищахъ 12-го года,—представляла собою бережно сохранившійся образчикъ своеобразнаго духа, независимыхъ понятій и благовоспитанныхъ привычекъ образованныхъ людей того времени. Память у нея была огромная; читала она все интересное, дѣльное, появлявшееся тогда въ европейскихъ литературахъ, и слѣдила за событіями съ какою-то совершенно молодою жадностью. Собирались у нея раза три въ недѣлю играть въ вистъ; но карты были здѣсь гораздо скорѣе предлогъ, нежели цѣль. Между тремя роберами и по окончаніи ихъ шли оживленные разговоры о новостяхъ дня, о свѣже-вышедшей книгѣ,

о какой-нибудь статьѣ „Revue des deux Mondes““ или „Indépendance Belge“, которымъ мѣткія, всегда неожиданныя замѣчанія хозяйки и воспоминанія о прошломъ, воскресавшія въ ея памяти по этому поводу, придавали особенную занимательность. Общество при этомъ было всегда не многочисленное, люди коротко всѣ знакомые другъ съ другомъ, что̀ придавало обмѣну мыслей между ними характеръ особенной искренности и задушевности.

Къ Левушкѣ Арнольди Марія Аполлоновна питала большое благоволеніе. Онъ, въ свою очередь, никого не посѣщалъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ ее, и не пропускалъ ни одного изъ ея пріемныхъ вечеровъ.

— Что̀, ты выигралъ? спросилъ я его.

— Не играли совсѣмъ, болтали... А что̀-жь ты меня не спрашиваешь, быстро перемѣняя разговоръ и садясь на кровать, проговорилъ онъ,—объ Иванѣ Яковлевичѣ?

— А ты былъ тамъ?

— Былъ... Съ Арсеньевымъ, примолвилъ онъ, и голосъ у него чуть-чуть дрогнулъ.

— Онъ согласился поѣхать?

— Да, я имѣлъ глупость уговорить его.

— А что̀?

— Вотъ слушай! началъ онъ съ видимымъ волненіемъ.— Пріѣзжаемъ мы; вводятъ насъ въ особую, довольно просторную комнату. Сидитъ этотъ уродъ, небритый, грязный, въ больничномъ халатѣ, спустивъ ноги со своей постели, и жадно, руками, ѣстъ цыпленка. Передъ нимъ пять, шесть какихъ-то мѣщанокъ и купчихъ въ платочкахъ, глядятъ на него, сложивъ руки, будто передъ образомъ. Слышимъ, одна изъ нихъ молитъ его стонущимъ голосомъ: „Помоги утробушкѣ моей, блаженный, заставь за себя вѣчно Бога молить!“ Молчитъ онъ и продолжаетъ ѣсть. Она ему въ ноги повалилась: „Помоги!“ вопитъ. А онъ ей на это: „Брысь“, какъ на кошку, оторвалъ мякоти отъ лежавшей передъ нимъ на столѣ краюхи хлѣба, скаталъ ее этими грязными, масляными руками и кинулъ ей на полъ шарикъ. Она поползла на колѣняхъ доставать его, подняла и вся дрожитъ отъ радости. „Что̀ прикажешь

съ эвтимъ дѣлать, блаженный?"—„Ѣшь!" Она въ ротъ, проглотила и крестится... Меня чуть не стошнило, признаюсь. Я, однако, пересилилъ себя, — не уѣзжать же, разъ ужъ здѣсь, — подхожу къ нему. „Скажи мнѣ что-нибудь, Иванъ Яковлевичъ?" Онъ пристально поглядѣлъ на меня, — глаза у него острые, умные, совсѣмъ не юродивые,—и отвѣчаетъ: „Не великъ червякъ, а и сосну одолѣетъ".

Я невольно засмѣялся.

— Что же, говорю Левушкѣ, — для такого честолюбца, какъ ты, это даже лестно.

— Ты сказалъ! усмѣхнулся и онъ.—Отошелъ я отъ него къ Арсеньеву. А онъ стоитъ у дверей въ самой глубинѣ комнаты, и на лицѣ у него написано глубокое отвращеніе и какой-то ужасъ... И не могу я себѣ простить, воскликнулъ Арнольди съ отчаяньемъ, ударяя рукою по одѣялу,—присталъ я, чтобы онъ подошелъ, тоже спросилъ что-нибудь... А тотъ...

Голосъ оборвался у него на этомъ словѣ...

— Что же!..

— А тотъ, какъ только увидѣлъ его, откинулся спиною къ стѣнкѣ, замахалъ руками и закричалъ: „Бойся августа мѣсяца, бойся августа мѣсяца!.."

— Что ты? воскликнулъ я, опускаясь къ нему на постель: у меня ноги подгибались.

— Буквально, какъ тебѣ говорю, подтвердилъ, блѣдный какъ полотно, Арнольди.

— Что же Арсеньевъ? спросилъ я.

— Такъ и замеръ на мѣстѣ... Я думалъ, онъ въ обморокъ упадетъ. Однако, ничего, выдержалъ. Я его взялъ подъ руку, увелъ, воды заставилъ выпить...

— Сказалъ тебѣ что-нибудь?

— Одно только слово: „Вы видите!" И улыбнулся при этомъ такъ, что я того вѣкъ не забуду...

Прошло девять лѣтъ. Много перемѣнъ произошло за то время въ нашей съ Левушкою судьбѣ. Оба мы перешли опять на службу въ Петербургъ: я — въ государственную канцеля-

рію, онъ—въ министерство внутреннихъ дѣлъ, откуда назначенъ былъ вице-губернаторомъ въ Калугу. Онъ поселился тамъ съ молодою женою, Варварою Дмитріевною (домъ отца ея, Дмитрія Николаевича Свербѣева *), на Собачьей площадкѣ, былъ очень въ свое время извѣстенъ въ Москвѣ происходившими въ немъ горячими преніями собиравшихся туда славянофиловъ и западниковъ, равно привлекаемыхъ любезною гостепріимностью умныхъ и образованныхъ хозяина его и хозяйки), и принялся ревностно за службу. Но планамъ его на карьеру, на которую способности его давали ему несомнѣнно право, не суждено было осуществиться. Чахотка, грозившая ему дѣйствительно съ юныхъ лѣтъ, начала сказываться уже совершенно опредѣленно, когда перевалило ему за 35-тилѣтній возрастъ. Онъ принужденъ былъ выйти въ отставку, переѣхалъ жить на югъ, въ Одессу, потомъ за границу... Мы не видѣлись съ нимъ года четыре. Въ 1859 году въ началѣ сентября, возвращаясь изъ Баденъ-Бадена, гдѣ я провелъ большую часть лѣта, встрѣтился я съ нимъ на „Прусскомъ Орлѣ“, пароходѣ, совершавшемъ тогда почтовые рейсы между Штетиномъ и Петербургомъ. Мы очень обрадовались другъ другу, но я былъ скорбно пораженъ его болѣзненнымъ видомъ. Онъ возвращался изъ Содена, гдѣ выдержалъ курсъ, въ Москву, къ женѣ, гостившей у родителей. Онъ говорилъ, что Соденъ замѣтно помогъ ему, но что полнаго исцѣленія онъ не ждетъ и давно знаетъ, что ему суждено умереть рано. Онъ при этомъ былъ очень бодръ и ясенъ духомъ и какъ-то особенно кротокъ... Выйдя изъ рѣки въ море, пароходъ нашъ начала довольно сильно качать засвѣжѣвшая погода, сопровождавшая насъ до самаго Кронштадта. Вѣтеръ былъ, впрочемъ, попутный и качка довольно сносная. Спутники наши, не смотря

*) Д. Н. Свербѣевымъ напечатано было въ „Русскомъ Архивѣ“ нѣсколько чрезвычайно интересныхъ отрывковъ изъ воспоминаній его объ этомъ времени и крупныхъ людяхъ—посѣтителяхъ его гостиной, между прочимъ объ одинокой, печальной кончинѣ Герцена, котораго, въ одну изъ поѣздокъ своихъ въ Парижъ, нашелъ онъ въ гробу, поставленномъ на четырехъ стульяхъ посреди комнаты, занимаемой имъ гдѣ-то въ отелѣ, въ видѣ какой-то поклажи, безъ псаломщика, безъ единой души при немъ...

на это, скоро попрятались по своимъ каютамъ; но ни мой бѣдный Левушка, ни я не страдали морскою болѣзнью и просиживали всѣ дни вдвоемъ на палубѣ, припоминая прошлые дни и вздыхая о нихъ... Онъ говорилъ мнѣ, между прочимъ, какъ о „патологическомъ“ фактѣ, что въ немъ какъ-то вдругъ, съ утра на вечеръ, замерло то честолюбивое чувство, которое развито было въ немъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ. „Проснулся въ одинъ прекрасный Божій день и вдругъ почувствовалъ, что все это такой вздоръ, дребедень, что надо просто жить, какъ живутъ птицы, какъ трава растетъ, жить, смирясь и думая о душѣ своей...“

— А помнишь, сказалъ я смѣясь, — какъ Иванъ Яковлевичъ предсказывалъ тебѣ, что ты „сосны одолѣвать“ будешь.

Онъ уныло усмѣхнулся и вспомнилъ въ свою очередь:

— Да, ты знаешь, Арсеньевъ этотъ, который со мною тогда у него былъ...

— Ну? вскрикнулъ я съ любопытствомъ.

— Онъ умеръ скоропостижно, отъ разрыва сердца...

— Давно?

— Три года назадъ; мнѣ разсказывалъ одинъ его сосѣдъ, съ которымъ встрѣтился я въ Парижѣ, и какъ предсказано было ему, въ томъ же роковомъ для него августѣ мѣсяцѣ.

Четыре мѣсяца послѣ этого послѣдняго свиданія моего съ Арнольди не стало и его самого. Онъ умеръ въ январѣ 1860 года.

ИЗЪ ПРОЖИТЫХЪ ДНЕЙ *).

II.

Профили старыхъ временъ.

Поколѣніе, къ которому принадлежу я, было дѣйствительно „воспитано на Пушкинѣ“. Мнѣ шелъ девятый годъ, когда попалась въ руки послѣдняя пѣснь Онѣгина, издававшагося, какъ извѣстно, поэтомъ отдѣльными книжками, по мѣрѣ написанныхъ имъ главъ. Помню до сихъ поръ, какъ поражено было мое молодое существо музыкальною прелестью первыхъ прочтенныхъ мною строкъ:

Въ тѣ дни, когда въ садахъ лицея
Я безмятежно расцвѣталъ,
Читалъ охотно Апулея,
А Цицерона не читалъ;
Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
Весной при кликахъ лебединыхъ,
У водъ сіявшихъ въ тишинѣ...

Эта музыкальность именно,—я слишкомъ малъ былъ, разумѣется, чтобы имѣть возможность цѣнить то существенное, что̀ облекалось въ эти божественные звуки,—врѣзалась сразу въ мою память. За обѣдомъ, къ удивленію и смѣху отца моего и матери, я прочелъ наизусть эту первую строфу только-что появившейся восьмой главы... О Пушкинѣ слышалъ я впрочемъ и ранѣе. Отецъ мой, страстный его поклонникъ, усѣвшись въ

*) Впервые напечатано въ №№ 164, 165, 167, 168 и 170 „С.-Петерб. Вѣдомостей“, 16-го, 17-го, 19-го, 20-го и 22-го Іюня 1884 года.

сумерки за фортепіано, подбиралъ аккорды къ распѣваемымъ въ тѣ дни по всей Россіи „Талисману“ и „Тройкѣ“, и на мотивъ послѣдней пѣвалъ пушкинскую „Телѣгу жизни“. „Птичку Божію“ выучила меня съ голоса мать, вмѣстѣ со „Стрекозою“ и „Осломъ и соловьемъ“ Крылова, когда я еще не умѣлъ читать. И по мѣрѣ того, какъ росъ я, все шире, живительнѣе и слаще набѣгала, охватывала и уносила меня въ бодрящее теченіе свое пушкинская волна, если дозволено мнѣ будетъ такъ выразиться.

Когда мнѣ минуло десять лѣтъ, мнѣ дали „русскаго учителя“. Съ глубокою благодарностью и любовью вспоминаю я о немъ. Звали его Василій Григорьевичъ Юшковъ. (Онъ у меня подъ этимъ же именемъ воспроизведенъ, смѣю сказать фотографически, въ романахъ моихъ: „Четверть вѣка назадъ“, „Переломъ“ и „Бездна“). Ему въ то время было лѣтъ 26—27; это былъ чистѣйшій идеалистъ тѣхъ далекихъ временъ, воспитанный въ свою очередь на Жуковскомъ и вносившій въ жизнь, въ отношенія къ ученикамъ своимъ, всю ту какую-то женственную чистоту и нѣжность, ту нѣсколько сентиментальную мечтательность, которыми отличался его кумиръ, безсмертный творецъ „Свѣтланы“ и „Людмилы“, какъ выражался онъ. Уроки его были для меня настолько же наслажденіемъ, насколько мукою преисполняла меня нѣмецкая грамматика Гейнзіуса, которую преподавалъ мнѣ въ то же время суровый гувернеръ мой, пруссакъ Музольфъ. Я какъ-то чрезвычайно быстро прошелъ сквозь дебри отечественнаго правописанія и синтаксиса и продѣлалъ весь курсъ упражненій въ орѳографіи по составленной Гречемъ книгѣ, въ которой заключался рядъ фразъ и маленькихъ разсказовъ съ нарочитыми ошибками въ правописаніи и конструкціи, которыя ученикъ долженъ былъ исправлять и возстановлять грамматически правильно... Помню одинъ эпизодъ, относящійся до этихъ упражненій и очень характерно рисующій моего милаго Василія Григорьевича. Въ книгѣ была, между прочимъ, фраза: „Въ рощѣ поетъ соловей“. Я очень хорошо понималъ, что здѣсь шла рѣчь о пѣніи и что поэтому слѣдуетъ поставить третье лицо настоящаго времени изъявительнаго наклоненія

отъ глагола „пѣть“, но подумалъ—и написалъ въ своей тетради такъ, какъ было напечатано въ книгѣ. „Ай-ай-ай, воскликнулъ Юшковъ, когда я ему подалъ заданное упражненіе,— какъ же вы, милый, могли пропустить такую грубую ошибку“? — „Я знаю, отвѣтилъ я, — что слѣдуетъ собственно написать поетъ, потому что соловей — птица, но я думалъ, — именно потому, что онъ такъ сладко поетъ,—что его можно назвать также поэтомъ“... Никогда не забуду выраженія его лица: глаза его заморгали, онъ захватилъ мою голову обѣими руками. „Ахъ мой милый, милый мальчикъ!“—и заплакалъ...

Не смотря на свое личное пристрастіе къ Жуковскому (слезы буквально точились изъ его глазъ, когда онъ читалъ, бывало, мнѣ подъ конецъ урока „Эолову арфу“: „Владыка Морвены, жилъ въ дѣдовскомъ замкѣ могучій Орданъ...“), Василій Григорьевичъ признавалъ Пушкина не менѣе великимъ поэтомъ; рядомъ со „Свѣтланою“ и „Пѣвцомъ въ станѣ русскихъ воиновъ“ онъ диктовалъ мнѣ, для выучки затѣмъ наизусть, „Вѣщаго Олега“ и „Полтаву“, изъ которой, впрочемъ, тщательно выключались имъ строки, относящіяся до любовныхъ отношеній Мазепы къ Маріи, „какъ менѣе интересныя“, объяснялъ онъ. Онъ такъ былъ чистъ душою, что помимо руководившихъ его очевидно при этомъ соображеній, что объ этомъ „рано знать“ двѣнадцатилѣтнему мальчику, самъ, надо́ полагать, краснѣлъ, когда попадались ему на глаза подобныя „мѣста“ въ книгахъ... Душевная чистота эта, юношеская восторженность сохранились въ немъ, какъ старая влага драгоцѣннаго вина въ засмоленной бутылкѣ, до позднихъ лѣтъ. Четверть вѣка послѣ того, когда, оба рыдая, разстались мы съ нимъ въ Кіевѣ, откуда родные мои переѣзжали на жительство въ деревню, мнѣ однажды утромъ, въ Петербургѣ, доложилъ слуга о „какомъ-то старичкѣ“, который приходилъ уже седодня рано утромъ и, узнавъ, что я сплю еще, не приказалъ будить, ушелъ, а теперь опять вернулся и спрашиваетъ меня.

— Кто такой?

— Не сказывали, а велѣли только сказать: узнаете-ли вы?

— Проси.

Входитъ, дѣйствительно, старичекъ, видимо провинціалъ, сѣдой, съ большими голубыми, влажными глазами.

— Узнаете? спрашиваетъ онъ меня дрожащимъ голосомъ, называя меня по имени.

— Виноватъ.

— Юшковъ.

— Василій Григорьевичъ!

И мы кинулись другъ другу въ объятія. Онъ отыскалъ меня по справкѣ изъ адреснаго стола и явился „обнять милаго ученика“, не забытаго имъ въ теченіи всего этого долгаго времени. Я былъ несказанно обрадованъ этому свиданію. Онъ уѣзжалъ на другой же день, куда-то спѣшилъ по дѣлу, и я только узналъ отъ него, что онъ все время, „послѣ учительства въ гимназіи“, занималъ должность смотрителя уѣзднаго училища въ городѣ Б., Харьковской губерніи, а теперь выслужилъ пенсію и собирается „на покой“ въ томъ же городѣ. Но онъ былъ все тотъ же, какъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Входя въ мой скромный холостой кабинетъ, онъ увидѣлъ на полкахъ библіотеки подобранный рядъ русскихъ и иностранныхъ поэтовъ. Голубые глаза его такъ и засіяли. „Пушкинъ, Жуковскій, Шиллеръ, Гёте, громко прочелъ онъ,—вѣренъ, милый, прежнему, вѣренъ!“—и кинулся обнимать меня еще разъ.

Въ деревнѣ мы прожили три года безвыѣздно. Тамъ русскій языкъ soi-disant преподавалъ мнѣ пріѣзжавшій изъ сосѣдняго города, сонный и точно разбитый весь учитель уѣзднаго училища, нѣкто Семеновскій. Изъ воспоминаній о немъ осталось у меня лишь то, что онъ однажды, оставшись очень доволенъ передѣланнымъ мною на русскіе нравы изъ французской дѣтской повѣстушки разсказомъ, представленнымъ мною ему въ видѣ упражненія, сказалъ мнѣ, что „эта вещица достойна быть напечатанною“. Онъ велѣлъ мнѣ переписать разсказъ мой начисто и, дѣйствительно, послалъ его, при письмѣ отъ себя, въ редакцію издававшагося тогда Очкинымъ „Дѣтскаго Журнала“, который мы въ деревнѣ получали, вмѣстѣ съ „Сѣверною Пчелою“ и „Библіотекою для Чтенія“ Сенковскаго (которую я, сказать кстати, жадно прочи-

тывалъ отъ доски до доски, уходя съ книгою въ какой-нибудь дальній уголъ дома или сада, такъ какъ боялся, чтобы ее у меня не отняли). Какъ описать мое торжество и радость, когда въ слѣдующемъ же нумерѣ привезеннаго намъ почтою „Дѣтскаго Журнала“ я увидѣлъ въ немъ напечатанную „какъ есть“ мою „Золотую монету“, съ подстрочною замѣткою „отъ редакціи“ слѣдующаго содержанія: „Повѣсть эта прислана намъ отъ имени тринадцатилѣтняго мальчика. Съ удовольствіемъ печатаемъ ее, чтобы не лишить новаго сочинителя заслуженной имъ чести“. Я ногъ подъ собою не чувствовалъ и въ продолженіи нѣсколькихъ дней смотрѣлъ на братьевъ и сестру съ глубочайшимъ презрѣніемъ. „Я сочинитель, а вы кто!“ говорилъ я имъ съ высоты своего величія... Вслѣдъ затѣмъ въ „Дѣтскомъ Журналѣ“ помѣщено было еще нѣсколько моихъ разсказовъ, состоявшихъ изъ передѣланныхъ въ повѣствовательной формѣ историческихъ эпизодовъ, которые я вычитывалъ въ Карамзинѣ... Я вслѣдствіе этого самымъ серьезнымъ образомъ представлялъ себѣ, что непремѣнно долженъ буду сдѣлаться „большимъ сочинителемъ“, такъ какъ въ разныхъ французскихъ книжкахъ, писанныхъ для юношества, которыя, вмѣстѣ съ другими, выписывались въ большомъ числѣ отцомъ моимъ изъ Петербурга, я вычиталъ, что большинство извѣстныхъ писателей, а также художниковъ и музыкантовъ, начинали рано, „то-есть, какъ я“. Но мечты мои какъ-то разомъ вдругъ обрушились и развѣялись затѣмъ на много-много лѣтъ.

Я прочелъ только-что появившіеся тогда „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“.

Никогда ничто „въ прозѣ“ не производило до тѣхъ поръ на меня такого впечатлѣнія. Тутъ въ первый разъ въ моей 13-лѣтней головѣ сказалось, что не нужно риѳмъ, не нужно размѣренныхъ строчекъ, чтобы вызывать въ читающемъ то самое „восхищеніе“, какое производилъ на меня стихами своими Пушкинъ. Даже напротивъ, иные стихи теперь наводили на меня просто скуку, какъ напримѣръ „Торквато Тассо“ Кукольника, котораго Сенковскій въ это время превозносилъ до небесъ въ своей „Библіотекѣ для Чтенія“, между тѣмъ

какъ этотъ никому неизвѣстный Рудый Панько (имя Гоголя еще не стояло на этомъ первомъ его изданіи,) меня просто „съ ума сводилъ своею прелестью“. Ощущеніе, возбуждаемое во мнѣ его разсказами, было тѣмъ сильнѣе, что я имѣлъ въ нѣкоторой степени возможность повѣрять по существу все, что было въ нихъ „настоящей правды“. Я жилъ на землѣ „старой гетманьщины“, подъ Уманью, мнѣ знакомы были не по одной этой книгѣ божественныя украинскія ночи, заросшіе вербами пруды, вишневые сады съ ихъ ссыпающимся весною снѣжно-розовымъ цвѣтомъ, бѣло-вымазанныя хаты подъ золотистою соломою крышъ, паробки, „колядующіе“ въ пору святочныхъ вечеровъ подъ замерзлыми оконцами широко раскинувшагося села, бурсаки изъ кіевскаго братскаго монастыря, въ Рождество приходившіе къ намъ въ домъ съ „вертепомъ“, въ которомъ, облеченные въ тряпички, фольгу и золотую бумагу, проходили предъ восторженно-изумленными дѣтскими взорами нашими ясли съ божественнымъ младенцемъ, и Пресвятая Матерь, и волхвы, предшествуемые звѣздою, и царь Иродъ въ зубчатой коронѣ, и, въ заключеніе, какой-то, помню, съ кѣмъ-то бодавшійся козелъ изъ бѣлой ваты, съ длинными золотыми рогами... И при этой близко знакомой мнѣ дѣйствительности, все это невыразимое обаяніе содержанія: Левко и Ганна, и Голова, и замученная злою мачихою „панночка“ Оксана, съ ея черевичками, которые влюбленный кузнецъ Вакула ѣздилъ верхомъ на чортѣ добывать для нея съ ножки самой царицы въ Петербургѣ, и колдунъ Пасюкъ, которому изъ миски прыгаютъ сами галушки въ ротъ... Выразить-ли мнѣ теперь то былое, словно всего меня насквозь пронизывавшее обаяніе этихъ образовъ, этихъ картинъ!.. И какъ чисты, здоровы, благотворны были впечатлѣнія, вносимыя подобными книгами въ открывавшіяся тогда къ жизни молодыя души! Ихъ не дано было знать, увы! позднѣйшимъ поколѣніямъ, воспитавшимся на Некрасовѣ и критикахъ покойнаго „Современника“.

Я не разставался съ „Вечерами на хуторѣ“, заучивалъ изъ нихъ наизусть цѣлыя страницы, бралъ изъ нихъ мотивы для сочиненія драматическихъ сценъ, которыя разыгрывалъ съ

братьями и сестрою въ праздничные зимніе вечера. Но сочинительство свое за то я отложилъ окончательно въ сторону, совершенно ясно выведя въ головѣ такое заключеніе, что „такъ сочинять, какъ этотъ Рудый Панько, я никогда не буду въ состояніи, а слѣдовательно лучше не сочинять и вовсе“...

Одолѣвалъ уже очень меня при этомъ французскій языкъ и упражненія во французскомъ стихотворствѣ. Родители мои имѣли рѣдкое въ то время счастье напасть на француза-гувернера, дѣйствительно благовоспитаннаго, образованнаго и нравственнаго. M-r Queiréty (я его тоже выставилъ подъ настоящимъ его именемъ въ романѣ моемъ „Забытый вопросъ“, въ которомъ нашли себѣ мѣсто многіе дѣйствительные эпизоды изъ моей юношеской жизни) былъ родомъ изъ южной Франціи, провансалецъ, безъ всякаго, впрочемъ, провансальскаго акцента, и поэтъ ламартиновской школы. Онъ писалъ очень недурные стихи, исполненные чувства безконечной тоски по родинѣ, которую онъ долженъ былъ покинуть „pour gagner son pain sur la terre étrangère и о возвращеніи въ которую онъ страстно, болѣзненно думалъ каждый день. Но ему не суждено было увидѣть опять затопленные солнцемъ виноградники и нивы своей „belle Provence“. Скоротечная чахотка унесла его 37 лѣтъ отъ роду, въ какіе-нибудь три-четыре мѣсяца, къ величайшему огорченію всей нашей семьи, любившей его, какъ роднаго... Никогда не забуду одного утра зимою, дня три передъ его кончиною. Кругомъ его постели сидѣли матушка, тетка, гостившая у насъ, 12-тилѣтняя сестра моя и я. Queiréty дремалъ, тяжело дыша, покрытый по горло одѣяломъ. Печать смерти уже лежала на его осунувшемся, блѣдномъ, какъ саванъ, лицѣ, на его ввалившихся, посинѣвшихъ губахъ. Онъ вдругъ открылъ глаза и повернулъ ихъ къ окну. Тамъ за стеклами—поднявшаяся метель несла хлопьями крупный, ослѣпительный снѣгъ. Онъ судорожно откинулъ голову въ сторону моей матери и зарыдалъ: „Oh, madame, il n'y a jamais de neige dans mon pays, promettez-moi qu'il n'y en aura pas sur ma tombe“... Завѣтъ его былъ свято исполненъ: на уманьскомъ католическомъ кладбищѣ, надъ камнемъ, поставленнымъ отцомъ моимъ надъ его могилою, соору-

жена была желѣзная крыша, съ которой церковному сторожу приказано было тщательно сметать снѣгъ, когда онъ покрывалъ ее, что̀ и соблюдалось до самой той поры, когда мы навсегда покинули эти мѣста...

Мѣсяца полтора до смерти Queiréty испыталъ большую радость. Онъ получилъ изъ Петербурга напечатанное имъ тамъ изданіе, экземпляровъ въ 1,000, стихотвореній своихъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Fleurs de l'éxil". Кромѣ нашей семьи и двухъ-трехъ сосѣдокъ нашихъ, чувствительныхъ до поэзіи, едва-ли кто другой въ Россіи, а на родинѣ его тѣмъ паче, имѣлъ въ рукахъ эти „цвѣты изгнанія" бѣднаго француза...

Къ преподавательскимъ своимъ обязанностямъ Queiréty относился не только добросовѣстно, но и съ выходящею изъ всякихъ предѣловъ ревностью. Мы учились буквально цѣлый день, отъ девяти часовъ утра до трехъ, т.-е. до обѣда, и затѣмъ отъ шести до девяти. Ложились спать въ десять. Такимъ образомъ, отдохновеніемъ пользовались мы только въ теченіи трехъ часовъ послѣ обѣда и одного до минуты сна. И это безъ перерыва, круглый годъ, зимою, какъ лѣтомъ. Три раза въ недѣлю пріѣзжалъ давать намъ уроки латинскаго языка пресмѣшной монахъ уманьскаго греко-уніатскаго базиліанскаго монастыря (вскорѣ затѣмъ упраздненнаго), по фамиліи Дашкевичъ, носившій длинную черную сутану, полы которой онъ вѣчно придерживалъ руками, такъ какъ подъ нею не носилъ ничего, кромѣ нижняго бѣлья, а въ домѣ были дамы, „пани",—ихъ же онъ страшно боялся, и при встрѣчѣ съ ними краснѣлъ и опускалъ глаза, какъ мальчикъ. Преподавалъ онъ мнѣ по-нѣмецки, такъ какъ по-польски я не зналъ. Латинистъ онъ былъ посредственный, но латинскимъ склоненіямъ и спряженіямъ выучилъ меня довольно твердо. Въ другіе три дня недѣли являлся на два часа Семеновскій, кромѣ русскаго языка преподававшій намъ математику, въ которой съ первыхъ же дней преподаванія ея мнѣ и до послѣдняго затѣмъ времени пребыванія моего въ гимназіи я оказался сущимъ идіотомъ. Все остававшееся отъ этихъ уроковъ время посвящено было французскому языку, исторіи, миѳологіи и географіи, которыя преподавались намъ m-r Queiréty.

Даже географіи Россіи учились мы по-французски, по изданной на этомъ языкѣ книгѣ Всеволожскаго. Наставникъ нашъ гналъ насъ, какъ выгоняютъ садовники цвѣты въ парникѣ. Въ два года времени я, какъ старшій, прошелъ съ нимъ полный подробный курсъ французской грамматики и словесности отъ Alain Chartier и Charles d'Orléans, поэтовъ XIV и XV вѣковъ, до Виктора Гюго и романтиковъ включительно, и искусился во всѣхъ тонкостяхъ французскаго стихосложенія по трактату Буаста. Исторію „отъ мидянъ и персовъ" прошелъ я также довольно подробно, до самой семилѣтней войны, такъ что затѣмъ въ гимназіи не открывалъ уже ни разу ни одного русскаго учебника, содержаніе которыхъ заключалось въ рамкахъ гораздо болѣе узкихъ, чѣмъ тѣ, въ какихъ учился я исторіи у моего француза-наставника.

Четырнадцати лѣтъ отъ роду я поступилъ въ пятый гимназическій классъ ришельевскаго лицея, въ Одессѣ, куда родные мой переселились на жительство изъ деревни. Тамъ между учителями были еще тогда курьезнѣйшіе экземпляры старосвѣтскихъ педагоговъ. Нѣкто Жуковъ, напримѣръ, малороссъ, съ сильнѣйшимъ хохлацкимъ акцентомъ, преподавалъ намъ исторію по Кайданову, „отъ такой-то страницы до такой-то", т. е. читалъ просто вслухъ, прижмуривъ лѣвый глазъ, данное число страницъ учебника, которыя имѣли мы выучить „къ будущему разу". Длина заданнаго урока зависѣла отъ болѣе или менѣе игриваго расположенія его духа. Игривости было менѣе вообще, когда урокъ въ гимназіи приходился послѣ часа урока его въ женскомъ институтѣ, гдѣ онъ преподавалъ русскую словесность. Онъ тогда особенно сильно смущался гамомъ и драчбою учениковъ при входѣ его въ классъ и начиналъ съ крику: „Смирно, гайдамаки, пираты!" а затѣмъ, когда шумъ умолкалъ, принимался за назиданіе, въ которомъ главнымъ мотивомъ служило сравненіе „благочинія молодыхъ отроковицъ" съ нашимъ „негодяйствомъ". Въ первый разъ, когда, по поступленіи моемъ въ гимназію, вызвалъ онъ меня отвѣчать,—какъ теперь помню, о первой пунической войнѣ,—я началъ было довольно подробно по французскому руководству Сегюра, по которому проходилъ древнюю исторію

дома. Жуковъ нахмурился, поглядѣлъ на меня съ высоты каѳедры и остановилъ величественнымъ движеніемъ руки: „Не распространяйся, ох(ф)ранцуженное дытя, держысъ книжечки!“ И затѣмъ не спрашивалъ меня уже ни разу до окончанія курса, а на экзаменахъ, не успѣвалъ я бывало еще раскрыть рта, говорилъ мнѣ „довольно“ и ставилъ полный баллъ—12.

Совершенно въ другомъ родѣ, но не менѣе курьезный и забавный типъ представлялъ собою учитель латинскаго языка старшихъ классовъ, Кнорре, или, какъ неизмѣнно назывался онъ всею гимназіею, „Domine Кнорре“. Представьте себѣ плечистаго и рослаго, вершковъ 12, человѣка лѣтъ сорока, съ гладко, по-рекрутски, обстриженною головою, огромными, шлепающими, какъ у негра, губами, переломленнымъ по самой серединѣ носомъ и судорожнымъ подергиваньемъ всѣхъ членовъ тѣла, дѣлавшимъ его поразительно похожимъ на какую-то огромную куклу театра маріонетокъ, руки и ноги которой двигаютъ за кулисами какія-то невидимыя нити. При этомъ голосъ какъ изъ бочки, и внезапные взрывы смѣха въ родѣ ослинаго рева. Мягкій и уступчивый, какъ женщина, въ обычномъ теченіи жизни, на него находили иной разъ припадки вспыльчивости, гдѣ онъ ничего не помнилъ и готовъ былъ бы убить, кажется, того, кто въ эту минуту возбуждалъ его болѣзненный гнѣвъ. Онъ былъ грозою маленькихъ классовъ, надзоръ за которыми порученъ былъ ему, какъ помощнику инспектора, и въ которыхъ мальчишки усердно стремились раздразнить и вывести изъ себя эту громадную фигуру, съ задоромъ мосекъ, лающихъ на слона. Никогда не забуду одной сцены. Всѣ гимназическіе классы лицея помѣщались вдоль одного длиннаго, монастырскаго пошиба, корридора (лицей построенъ былъ, въ пору генералъ-губернаторства герцога Ришелье, іезуитами для школы, основанной ими тамъ, и въ которой состоялъ принципаломъ извѣстный аббатъ Nicole, бывшій прежде того руководителемъ такой же школы въ Петербургѣ), въ который во время перемѣнъ и высыпала шумною ордою вся ученическая толпа. Кнорре неизмѣнно въ эту пору укоренялся, словно дубъ, посреди корридора, противъ одной

изъ дверей своихъ классовъ, и наблюдалъ за порядкомъ. Мальчишки гикали, прыгали кругомъ него, дергали за полы его длиннаго, однобортнаго, со стоячимъ воротникомъ, форменно-синяго цвѣта сюртука, съ форменными же золотыми пуговицами, который онъ самъ себѣ сочинилъ и постоянно носилъ, вопреки положенію, вмѣсто установленнаго тогда мундирнаго фрака. Пока все это, по его мнѣнію, было только „Kinderspiel", онъ былъ кротокъ какъ агнецъ, самъ гоготалъ и даже игралъ, бѣгалъ и ловилъ маленькихъ первоклассниковъ; но когда шалость переходила въ „Skandal" и расходившіеся мальчуганы переставали повиноваться его „Stille" и "Нэ съ такой шумъ!" онъ начиналъ сначала браниться. Брань же его состояла въ двухъ, грозно произносимыхъ словахъ, не имѣющихъ впрочемъ на нашемъ языкѣ никакого ругательнаго свойства, а именно: „Земледѣльцы! хлѣбопашцы!" Это должно было значить собственно „мужики", но такъ какъ въ нѣмецко-русскомъ словарѣ, въ которомъ Domine Knorre, въ первую пору своей педагогической дѣятельности въ русскихъ заведеніяхъ, искалъ перевода нѣмецкаго слова Bauer, онъ прочелъ первыя стоявшія: „земледѣлецъ, хлѣбопашецъ", то и зазубрилъ ихъ на память, пропустивъ безъ вниманія слѣдовавшіе „крестьянинъ" и „мужикъ", изъ которыхъ только послѣднее соотвѣтствовало именно тому бранному смыслу, который требовался ему для обихода съ „ungebildeten russischen Schülern". Russische Shüler, разумѣется, разражались нескончаемымъ хохотомъ въ отвѣтъ на эту брань. Въ гигантѣ просыпался тогда левъ, и горе уже тому изъ дерзновенныхъ, кто подвертывался ему подъ руку. Въ тотъ день, о которомъ я говорю, попались ему именно такіе двое, изъ которыхъ одинъ былъ десятилѣтній младшій братъ мой. Knorre ухватилъ одного изъ нихъ правою, а другаго лѣвою рукою за воротники ихъ растегнутыхъ сюртучковъ, и, растянувъ эти руки во всю ихъ безконечную длину, понесъ à bras tendus дрыгавшихъ ножками на разстояніи полуаршина отъ пола и ревущихъ бѣлугами отъ боли и страха преступниковъ черезъ весь корридоръ, по направленію карцера, помѣщавшагося въ нижнемъ этажѣ зданія. Но на половинѣ пути гнѣвъ успѣлъ съ него соскочить; онъ механическимъ движе-

ніемъ уронилъ, разжавъ пальцы, мальчишекъ на землю, прочелъ имъ подобающую нотацію и отпустилъ затѣмъ съ Богомъ, поцѣловавъ и притомъ,—по неизмѣнной своей въ этихъ случаяхъ привычкѣ, — щелкнувъ ихъ пальцемъ по лбу... Оригиналъ онъ былъ первостепенный. Окончивъ курсъ въ дерптскомъ университетѣ, онъ вздумалъ совершить по образу пѣшаго хожденія „діагональное“ путешествіе съ сѣверо-востока на юго-западъ Европы, а именно отъ Дерпта до Лиссабона. И совершилъ его, какъ разсказывалъ онъ бывало намъ въ классѣ, въ два съ половиною года, питая постоянную мечту въ томъ же діагональномъ, но наперекрестъ прежняго, направленіи предпринять новый вояжъ, отъ Тифлиса и до Гебридскихъ острововъ.

— И все это пѣшкомъ; черезъ моря на острова? пресерьезно спросилъ кто-то изъ насъ.

— Ну, черезъ море можно на лодка ѣхать, потому ноги до дна не достанутъ! какъ бы не менѣе серьезно отвѣчалъ Кнорре, и тутъ же, очень довольный своимъ вицемъ, захохоталъ своимъ ослинымъ ревомъ...

Онъ по природѣ своей былъ настоящій „буршъ“, и анекдотамъ, болѣе или менѣе достовѣрнымъ, о немъ въ гимназіи не было конца. Разсказывали, между прочимъ, что обѣдалъ онъ однажды у законоучителя лицея, протоіерея Павловскаго, человѣка весьма умнаго, чтимаго во всей Одессѣ, и между ними произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Скоро постъ наступаетъ, Domine Кнорре, говоритъ ему, въ видѣ шутки, хозяинъ,—намѣрены вы поститься?

— О, нэтъ, никогда! хохочетъ Кнорре.

— Почему же такъ?

— Почэму? Нэ въ мой религія это приказано.

— Да, я знаю, говоритъ опять Павловскій, — что лютеранство отвергаетъ посты. Я позволю себѣ замѣтить однако, что оно при этомъ забываетъ примѣръ, поданный единымъ для всѣхъ христіанъ божественнымъ учителемъ нашимъ, Іисусомъ Христомъ, который сорокъ дней и сорокъ нощей...

— Ну, это хорошо для Исусъ Христосъ, прерываетъ его тотъ,—онъ Богъ билъ (былъ), а не я такой глупецъ буду...

Кнорре любилъ выпить—и сильно. Увѣряли даже, что онъ

ложился каждый вечеръ спать не иначе, какъ мертвецки пьяный, но никто изъ учениковъ однако не видалъ его въ такомъ состояніи. Умеръ онъ года два по выпускѣ моемъ изъ лицея, отъ воспаленія брюшины. Старые товарищи мои разсказывали мнѣ впослѣдствіи, что за день до смерти посѣтилъ его пасторъ, которому онъ весьма истово выражалъ вѣру свою въ безсмертіе души и желаніе покончить скорѣе съ земною жизнью, „такъ какъ тамъ должно быть гораздо болѣе интересно (es soll dort vielmehr interessant sein...)

Учитель онъ былъ далеко неудовлетворительный: превосходный самъ латинистъ, онъ лишенъ былъ всякой способности приноровлять свои познанія къ уровню требованій гимназическаго преподаванія. Extemporalia онъ намъ не задавалъ почти никакихъ и, читая съ нами Цезаря и Саллюстія, требовалъ только бѣглаго перевода и „a verbo“, то-есть флексій, встрѣчавшихся въ текстѣ неправильныхъ глаголовъ, мало останавливаясь на объясненіи синтаксическихъ формъ, а сообщая намъ взамѣнъ этого, по поводу той или другой страницы „Bella Gallica“ или „Bella Ingurthina“, множество интереснѣйшихъ по содержанію и совершенно безполезныхъ въ лексическомъ отношеніи этнографическихъ и археологическихъ подробностей объ исторіи и бытѣ римлянъ и покоряемыхъ ими народовъ. Все это притомъ сообщалось въ хаотическомъ, отрывочномъ видѣ, соотвѣтственно тому, какъ „Богъ ему на душу положитъ: сегодня много, завтра мало, послѣ завтра нѣтъ ничего“, какъ выражались у насъ про него въ гимназіи... Плохъ, правду сказать, очень плохъ былъ нашъ лицейскій классицизмъ!..

За то былъ у насъ тамъ превосходный учитель русскаго языка, кандидатъ московскаго университета, Будринъ, средняго роста, довольно полный, съ рѣдкими бѣлокурыми волосами на головѣ и внушительнымъ видомъ, человѣкъ лѣтъ 35-ти. По пріемамъ своимъ и рѣчи онъ представлялъ собою совершенную противоположность съ моимъ милымъ Василіемъ Григорьевичемъ Юшковымъ; строгій, иногда даже грубоватый, но въ высшей степени справедливый и добросовѣстный, онъ внушалъ къ себѣ полное уваженіе въ разноплеменномъ сбродѣ учениковъ своихъ...

Про Одессу тѣхъ временъ посѣтившій ее десятью годами ранѣе Пушкинъ не даромъ сказалъ:

...гдѣ ходятъ гордый славянинъ,
Французъ, испанецъ, армянинъ,
И грекъ, и молдаванъ тяжелый,
И сынъ Египетской земли...

Лицей нашъ, соотвѣтственно этому, полонъ былъ воспитанниками всевозможныхъ народностей, состоящихъ подъ русскимъ скипетромъ. Изъ сорока человѣкъ, бывшихъ въ моемъ классѣ, едва-ли можно было насчитать четыре или пять учениковъ великорусскаго происхожденія; остальные были малороссы, новороссійцы съ греческими, сербскими, французскими, левантскими фамиліями,—дѣти или внуки иностранныхъ пришельцевъ, населившихъ наши южныя степи въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, бессарабскіе молдаване, пероты, родители которыхъ имѣли случай оказать ту или другую услугу нашему правительству во время войнъ его съ Турціею, и которые вслѣдствіе этого принимаемы были въ лицей на казенный счетъ, евреи (въ весьма ограниченномъ еще тогда числѣ) и т. п. Большинство товарищей моихъ пятиклассниковъ были здоровенные малые, лѣтъ отъ 18 до 20-ти, съ густою растительностью на черномазыхъ физіономіяхъ, такъ какъ далеко уже не дѣтьми поступили всѣ они въ младшіе классы заведенія, да еще просиживали въ нихъ по два, если и не по три года. Способностями они вообще не отличались, особенно „тяжелые“ молдоване, всякіе Стамо, Коронелли, Бачеи, Червенводали. Брали они за то удивительнымъ развитіемъ мышцъ, суровою важностью рѣчи и выправкою „почти военнаго человѣка“. Они подъ плечи своихъ гимназическихъ шинелей съ тогдашнимъ краснымъ на нихъ воротникомъ подшивали ваты, имѣвшей изобразить подобіе отсутствующихъ офицерскихъ эполетъ, и въ этихъ шинеляхъ отправлялись прохаживаться передъ кордегардіею, помѣщавшеюся на Соборной площади. Такъ какъ кокардъ на военныхъ фуражкахъ тогда еще не существовало, а красный цвѣтъ воротника и околыша былъ у насъ общій съ офицерами армейской пѣхоты, то солдатъ, стоявшій у будки, дѣлалъ имъ зачастую на караулъ, прини-

мая ихъ за офицеровъ, чего они только и добивались. Прикладывали ему въ отвѣтъ два пальца къ козырьку и маршировали далѣе, исполненные самодовольства... Къ младшимъ изъ товарищей, къ числу которыхъ принадлежалъ я и большой мой тогда пріятель Валеріанъ Мазаракій, однихъ лѣтъ со мною, миніатюрный и очень способный мальчикъ, шедшій у насъ первымъ по всѣмъ предметамъ, — лже-офицеры наши относились съ величайшимъ презрѣніемъ, называли насъ „шпиргелями“ (скворцы на бессарабско-румынскомъ нарѣчіи), „выскочками“ и „долбилами“. Будучи они какъ-то особенно возмущали своею пошлостью, и онъ не стѣснялся при случаѣ обзывать ихъ „телятиною“ и „дубьемъ“... Но когда я вспоминаю обо всемъ, относящемся къ эпохѣ этихъ моихъ Lehrjahren, меня, сравнительно съ тѣми днями, которые суждено мнѣ было пережить подъ старость, поражаетъ одно обстоятельство. Эти соученики мои, принадлежавшіе къ самымъ разноплеменнымъ, по происхожденію, преданіямъ и первоначальному воспитанію, семьямъ, какъ бы претворялись всѣ въ одно русское цѣлое воспитывавшимъ ихъ заведеніемъ, принимали русскій складъ, усвоивали себѣ русскую суть, если можно такъ выразиться, не только безропотно, но съ несомнѣннымъ чувствомъ гордости какого-то завоеваннаго права. Это замѣчалось даже между дѣтьми поляковъ, помѣщиковъ или чиновниковъ, давно жительствовавшихъ въ Новороссійскомъ краѣ. Исключенія бывали рѣдки, и я имѣлъ случай натыкаться на нихъ лишь въ ту же пору, когда былъ студентомъ, и на университетскіе курсы лицея стали переходить въ довольно большомъ, сравнительно, числѣ студенты-поляки изъ Кіевскаго университета. Они тотчасъ же сформировали отдѣльную, тѣсно сплоченную группу, замѣтно чуждавшуюся русскихъ или успѣвшихъ вполнѣ обрусѣть въ гимназіи товарищей. Но общій тонъ, общій духъ, общій языкъ „ришельевцевъ“ моихъ временъ были, повторяю, чисто русскіе; никто бы изъ нихъ и не понялъ тогда даже возможности тѣхъ „сепаратическихъ“ измышленій, которыми затуманено въ наши дни не мало молодыхъ головъ на русскихъ окраинахъ. Сильная правительственная власть заставляла невольно эти окраины тянуть къ государственному

центру, какъ бы спеціально,—какъ въ Одессѣ, напримѣръ, съ ея тогда порто-франко,—и ни преобладали въ нихъ мѣстныя бытовыя условія самаго космополитическаго свойства.

Здѣсь опять невольно лучезарною звѣздою сіяетъ предо мною великое имя Пушкина. „Его стиховъ плѣнительная сладость“ служила несомнѣнно тѣмъ связующимъ цементомъ, на которомъ слагалось это претвореніе чуждыхъ по происхожденію другъ другу элементовъ нашего лицея въ одно русское цѣлое. Дѣти лавочниковъ-грековъ, буджакскихъ помѣщиковъ *) и мелитопольскихъ колонистовъ заучивали и повторяли эти стихи съ тѣмъ же восхищеніемъ, какъ и молодые великороссы и украинцы, не мечтавшіе еще тогда объ отдѣльной литературѣ съ Шевченкою во главѣ. Недолгое пребываніе Пушкина въ Одессѣ, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, оставило тѣмъ не менѣе въ ней живую и свято оберегавшуюся между учащеюся молодежью память. Всѣ мы знали наизусть извѣстныя строфы изъ пропущенной главы Онѣгина:

Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной, —
Тамъ долго ясны небеса...

Всѣмъ намъ знакомы были два окна во второмъ этажѣ дома барона Рено, на углу Ришельевской улицы, изъ которыхъ, по сложившейся уже легендѣ, высовывалась курчавая голова поэта и кликалъ онъ для расплаты стоявшихъ на этомъ углу биржевыхъ извозчиковъ, которымъ оставался долженъ за ѣзду во дни безденежья. Всѣ мы какъ бы обязательно ходили пить шоколадъ и кофе въ незврачную, окрашенную бѣлою клеевою краскою, кофейную Пфейфера на Дерибасовской, съ единственнымъ въ ней убогенькимъ прилавкомъ, на которомъ стояли скромныя тарелки съ бисквитами, леденцами и обсахареннымъ миндалемъ,—ходили изъ-за благоговѣйнаго чувства къ дырѣ въ мягкомъ камнѣ, изъ котораго строятся дома въ Одессѣ, пробитой въ одной изъ стѣнъ этой кофейни оконечностью желѣзной палки, которую носилъ постоянно съ собою Пушкинъ, приходившій сюда почти каждый день „Sein Taschen Kaffe

*) Буждакъ—южная часть Бессарабіи.

trinken", какъ горделиво пояснялъ намъ старый нѣмецъ-хозяинъ, тщательно оберегавшій неприкосновенность этого увѣчья своей стѣны, какъ несомнѣнно плодоприносящую выгодамъ его реликвію... Уроки Будрина, читавшаго намъ въ пятомъ классѣ частную риторику и теорію стихосложенія, причемъ постоянно цитировались имъ мѣста изъ Пушкина, указывались красоты его и „возвышенности мысли",—поддерживали въ общемъ настроеніи это восторженное отношеніе наше къ творцу „Онѣгина" и „Бориса Годунова"... Имъ же была сообщена намъ страшная вѣсть о кончинѣ этого „властителя нашихъ думъ"... Какъ живо помню я до сихъ поръ ту печальную минуту! Нашъ учитель русскаго языка, какъ я уже сказалъ, внушалъ всей гимназіи чрезвычайное къ себѣ уваженіе и даже нѣкоторый страхъ. За нѣсколько еще минутъ до его прихода на урокъ въ классѣ обыкновенно водворялся какъ-то невольно порядокъ, и онъ входилъ въ него всегда при общемъ почтительномъ молчаніи. Онъ вошелъ въ этотъ день какъ-то особенно озабоченный и сумрачный... „Будетъ рѣзать сегодня", подумалось многимъ, такъ какъ на этотъ разъ назначена была „репетиція". Мы поклонились, но онъ, не замѣчая и не поднимая глазъ, тихо прошелъ къ каѳедрѣ, поднялъ ногу на первую ея ступеньку и, обернувшись вдругъ къ намъ, проговорилъ судорожно-задрожавшимъ голосомъ: „Господа, великое горе постигло Россію—Пушкина не стало!" Весь классъ, какъ одинъ человѣкъ, вскочилъ съ лавокъ. „А—ахъ" стономъ кликнуло все. Поэтъ нашъ, осьмнадцати-лѣтній Ашикъ *), которому суждено было самому умереть годъ спустя отъ чахотки, истерически зарыдалъ и упалъ

*) Онъ былъ братъ извѣстнаго тогда археолога, директора Керченскаго музея, Ашика, отличался необыкновенною памятью и писалъ очень недурные съ технической стороны стихи, въ романтическомъ, само собою, духѣ. Поэма его „Измѣнница" была имъ даже напечатана и удостоилась затѣмъ похвалы въ „Одесскомъ Вѣстникѣ". Онъ и В. Мазаракій получали у насъ въ классѣ полные баллы по всѣмъ предметамъ, между тѣмъ какъ я никогда не могъ подняться „по математикѣ„ выше 6-ти при 12-балльной системѣ, и при этомъ непереводномъ баллѣ переводился каждый разъ въ высшій классъ лишь въ виду совокупности удовлетворительныхъ балловъ по другимъ предметамъ.

навзничь, въ обморокѣ. И затѣмъ все кругомъ громко зарыдало...

Пушкинъ! Чистѣйшія мечты моей юности, высшія и лучшія помышленія молодыхъ лѣтъ моихъ относятся къ этому незабвенному имени. Впослѣдствіи, въ самыя тяжелыя минуты жизненныхъ битвъ и невзгодъ, его „елей благоуханный“ вливалъ мнѣ каждый разъ въ душу неописуемое утѣшеніе, примиреніе и усладу. Если поздняя моя писательская дѣятельность заключаетъ въ себѣ что-либо имѣющее „уйти отъ тлѣнія“, если отъ написанныхъ мною страницъ могло, быть можетъ, иной разъ повѣять на душу моихъ читателей добрымъ чувствомъ, то все это неотъемлемо, исключительно принадлежитъ тому благословенному вліянію, которое отъ самой зари моей жизни и до склона ея имѣлъ на нее великій мой и всѣхъ насъ учитель. И до сихъ поръ съ тою же, неизсякнувшею съ годами, силою негодованія вспоминаю я о тѣхъ, обреченныхъ на проклятіе потомства, годахъ, когда сбродъ дикихъ семинаристовъ и нахальныхъ недоучекъ закидывалъ вонючею грязью своею, подъ одобрительные клики русской „либеральной интеллигенціи“, его священную тѣнь...

Шестнадцати лѣтъ я перешелъ изъ гимназіи въ высшіе курсы лицея, переформированные тогда, по образцу университетскихъ факультетовъ, на три отдѣленія: юридическое, камеральное и восточныхъ языковъ. Я поступилъ на юридическое faute de mieux, такъ какъ меня влекло единственно къ чисто словеснымъ наукамъ, а къ законовѣдѣнію нисколько. Я поэтому хотя и кончилъ курсъ вторымъ по списку, но вынесъ весьма шаткія свѣдѣнія изъ области юридическихъ знаній, которыя намъ впрочемъ и преподавались весьма жалкими профессорами. Тѣ предметы за то, которыми я единственно серьезно занимался, читались на мое счастье лицами, дѣйствительно знающими и добросовѣстно относившимися къ своему дѣлу: Римская словесность и „Antiquitates Romanae“—профессоромъ Беккеромъ, бывшимъ впослѣдствіи директоромъ Ришельевскаго лицея (отцомъ стяжавшаго себѣ двадцать лѣтъ послѣ того печальную извѣстность покушеніемъ на жизнь нынѣшняго императора германскаго, тогда еще только короля

прусскаго, Оскара Беккера, — на процессѣ котораго, скажу мимоходомъ, я присутствовалъ въ 1859 году, въ г. Бруксалѣ, въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ); исторія — чрезвычайно симпатичнымъ и скромнымъ, при большой начитанности, профессоромъ Филиппомъ Карловичемъ Бруномъ, и Русская словесность—незабвеннымъ для меня, по его горячей ко мнѣ дружбѣ, весьма молодымъ еще тогда, магистромъ Московскаго университета, Константиномъ Петровичемъ Зеленецкимъ, воспитанникомъ того же Ришельевскаго лицея, откуда посланъ онъ былъ въ Москву, на казенный счетъ, на философскій, какъ тогда назывался онъ, факультетъ. Зеленецкій не принадлежалъ къ такъ называемымъ „даровитымъ натурамъ“; онъ былъ совершенно лишенъ ораторскихъ способностей, читалъ вяло, путался въ рѣчи, не отличался ни ясностью, ни изяществомъ изложенія. Но онъ много трудился, много зналъ, какъ по русской, такъ и по иностраннымъ литературамъ, а главное—что могли оцѣнить лишь тѣ, кто, какъ я, были близки къ нему, въ неофиціальныхъ бесѣдахъ съ нимъ, — онъ весь горѣлъ любовью къ „прекрасному“, какъ говорилось въ тѣ дни. Я съ нимъ перечелъ систематически, въ хронологическомъ порядкѣ, всѣхъ поэтовъ и писавшихъ стихами въ Россіи, начиная съ Кантемира, Хераскова, Сумарокова и Ломоносова до Туманскаго, Теплякова и Подолинскаго, второстепенныхъ и даже третьестепенныхъ свѣтилъ лучезарной пушкинской плеяды. Я съ раннихъ лѣтъ дѣтства, какъ большинство впрочемъ людей моего времени, былъ то, что французы называютъ un liseur infatigable, т. е. имѣлъ способность поглощать ежедневно огромную массу чтенія, самаго разнообразнаго по содержанію и въ самомъ хаотическомъ безпорядкѣ. Но, подъ руководствомъ Зеленецкаго, чтеніе это въ нѣкоторой мѣрѣ упорядочилось и, насколько это возможно было, восполняло тѣ пробѣлы, которые оставлялъ въ моемъ образованіи недостатокъ строгой классической школы,—о чемъ впрочемъ мнѣ приходилось сожалѣть всю мою жизнь. Въ гимназіи у насъ преподавался греческій языкъ, но предметъ этотъ былъ не обязателенъ, и девять-десятыхъ гимназистовъ, а въ томъ числѣ и я, не учились ему. На юридическомъ отдѣленіи

лицея профессоръ Беккеръ имѣлъ у насъ въ первомъ курсѣ четыре часа въ недѣлю на чтеніе авторовъ (онъ читалъ намъ Цицерона, „Георгики“ Виргилія и Горація), а во второмъ—три урока, изъ которыхъ два на авторовъ и одинъ на древности. Лекціи читались имъ на латинскомъ языкѣ, и прекрасно, съ большимъ одушевленіемъ и тѣмъ, что̀ нѣмцы называютъ Tüchtigkeit. Я съ наслажденіемъ слушалъ эти лекціи и прилежно готовился къ нимъ, но плохая наша грамматическая подготовка въ гимназіи давала себя постоянно чувствовать: зачастую приходилось замѣнять „смѣкалкою“ то, что̀ должно было бы быть усвоеннымъ какъ дважды два четыре и не представлять ни малѣйшихъ затрудненій уже и въ ту пору, когда читали мы Федровы басни и „De viris illustribus“... Но поэтическія красоты Виргилія Горація все же производили на меня сильное впечатлѣніе. Я до сихъ поръ вспоминаю одну изъ лекцій Беккера, на которой пришлось мнѣ переводить „Carmen saeculare“. Дойдя до стиха:

Nihil possis urbe Roma visere majus,

у меня вдругъ голосъ задрожалъ отъ какого-то внезапнаго прилива восторга. Въ воображеніи моемъ такъ живо въ эту минуту предстало всемірное величіе этого семихолмнаго града, повелителя вселенной, необъятная панорама его храмовъ, дворцовъ, площадей, тріумфальныя шествія его диктаторовъ и проконсуловъ, ведущихъ въ цѣпяхъ со всѣхъ концовъ міра царей и царицъ порабощенныхъ ими странъ, вся эта безконечная картина торжествъ и могущества,—что я будто самъ въ это мгновеніе обратился въ римлянина, и едва-ли не съ тѣмъ же восторженнымъ чувствомъ, съ какимъ должны были пропѣть эту пѣсню юноши и дѣвы, которымъ влагаетъ ее въ уста поэтъ миродавца-Августа, возгласилъ на распѣвъ:

„Ясное солнце, обѣгающее на пламенной колесницѣ своей вселенную, ничего на лучезарномъ пути твоемъ не можешь увидать ты болѣе великаго, чѣмъ градъ Римъ!“

Беккеръ замѣтилъ мое необычное одушевленіе, слегка усмѣхнулся и промолвилъ, не глядя на меня, своею скороговоркою: „Macte animo, generose puer, sic itur ad astra“,—что̀ въ его устахъ (онъ далеко не былъ падокъ на похвалы)

звучало столько же ироніею, сколько и поощреніемъ, такъ что я, помню, сразу остылъ послѣ этихъ словъ и опустился на скамью, покраснѣвъ и не смѣя поднять глазъ на улыбавшихся товарищей.

Съ Зеленецкимъ я иронiи не боялся: онъ самъ, когда мы съ нимъ à tour de rôle по вечерамъ читали русскихъ и нѣмецкихъ поэтовъ, приходилъ въ то восторженное состояніе духа, способность къ которому представляется на склонѣ лѣтъ едва-ли не лучшимъ изъ даровъ, выпадающихъ на долю счастливой юности, и которую такъ рѣдко дано сохранить въ душѣ своей человѣку, прошедшему сквозь всякій переломъ и кипѣнь жизни. Невольно припоминаются мнѣ здѣсь соотвѣтствующіе этому стихи Баратынскаго, тогда, въ тѣ счастливые молодые годы, прочтенные мною въ первый разъ:

Вѣрь тотъ надеждѣ обольщающей,
Кто сердцемъ бодръ и бодръ умомъ,
Кто, по молвѣ разновѣщающей,
Съ судьбой насмѣшливой знакомъ.
Идите-жь, юноши кипящіе,
Идите, крылья вамъ даны,
Для васъ и замыслы блестящіе,
И сердца трепетные сны...

Не однихъ поэтовъ читалъ я съ Зеленецкимъ. Онъ очень хлопоталъ о моемъ „эстетическомъ образованіи“ и давалъ мнѣ изъ своей довольно обширной библіотеки многія, имѣвшія способствовать этому, русскія и иностранныя теоретическія сочиненія: лекціи Надеждина и Шевырева, „Лаокоона“ Винкельмана, „Stimmen der Völker“ Гердера, статьи Лессинга о французскомъ псевдо-классицизмѣ, „Исторію романскихъ литературъ“ Сисмонди, „Les origines du Dante“ Форіэля и т. д. Онъ же далъ мнѣ случай познакомиться въ первый разъ съ Шекспиромъ въ извѣстномъ нѣмецкомъ переводѣ братьевъ Шлегелей, и поставилъ мнѣ въ обязанность проштудировать въ не менѣе извѣстномъ переводѣ Фосса гомеровскую „Иліаду“, съ которою я былъ знакомъ до тѣхъ поръ по жалкой французской интерпретаціи m-me Dacier (Гнѣдичевъ переводъ я прочелъ почему-то уже позднѣе).

Читалъ я весьма много и по исторіи... Вспоминая объ этомъ теперь, едва-ли ошибусь, говоря, что учившаяся молодежь моего времени была вообще гораздо начитаннѣе, чтобы не сказать прямо культурнѣе, чѣмъ нынѣшняя. Читать, много читать, хотя бы далеко не систематично, не въ достодолжномъ порядкѣ и съ надлежащимъ разборомъ дѣйствительно нужнаго и ненужнаго—было какою-то потребностью у каждаго изъ насъ, претендовавшаго на званіе „образованнаго человѣка“. Большинство нашихъ лицеистовъ, разумѣется, какъ всегда и вездѣ въ Россіи, училось для экзаменовъ, для перехода изъ класса въ классъ и полученія, по выходѣ изъ заведенія, вмѣстѣ съ XII классомъ, перворазрядныхъ правъ на службѣ. Но извѣстное меньшинство, далеко не довольствуясь тѣмъ, что давали намъ профессорскія лекціи, жадно искало удовлетворить горѣвшую въ немъ потребность знанія ближайшимъ знакомствомъ съ литературою того предмета, который приходился наиболѣе по душѣ каждому. Замѣтьте при этомъ, что никто изъ насъ не готовился къ ученой карьерѣ, и что мы поэтому въ правѣ были сказать, что для насъ существовало знаніе единственно для знанія, безотносительно къ тому, на что оно могло пригодиться намъ въ дѣйствительности. Въ то время, особенно въ нашемъ заведеніи, ничего похожаго на какой-либо „политическій“ оттѣнокъ, на какую-нибудь „тенденцію“ и въ понятіяхъ ни у кого не было (за исключеніемъ развѣ двухъ-трехъ болгаръ, братьевъ Мутевыхъ и Палаузова *), готовившихся по окончаніи курса въ лицеѣ ѣхать учителями на стонавшую тогда подъ игомъ турокъ родину свою, съ цѣлью пробужденія ея къ умственной жизни, и перешедшихъ, впрочемъ, вскорѣ изъ лицея въ Боннскій университетъ). Чтенія наши поэтому никакъ не отличались односторонностью, и мы далеко не искали въ нихъ, какъ это дѣлается теперь молодежью, именующею себя спеціально „интеллигентною“, единственно подтвержденія извѣстныхъ, заказныхъ, а priori возводимыхъ въ непреложный принципъ, „убѣжденій“. Эта нынѣшняя молодежь ужасно кичится,—или кичи-

*) Спиридонъ Николаевичъ, умершій лѣтъ 8—9 тому назадъ, въ Петербургѣ, членомъ и секретаремъ Археографической комиссіи.

лась, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ,—такими своими „убѣжденіями“. Убѣжденія же эти, какъ уже замѣчено было Тургеневымъ, по отношенію ихъ къ знанію, сводятся на простѣйшую изъ простѣйшихъ формулу: схвати за хвостъ „послѣднее слово науки“, а тамъ все остальное, факты—по боку! Она фактовъ никакихъ и не вѣдаетъ, эта молодежь. (Я зналъ одного университетскаго кандидата современной формаціи, который однажды при мнѣ самымъ докторальнымъ образомъ доказывалъ „по Луи Блану“, что „французская революція прямо истекла изъ реформаціи Лютера“; но когда по этому поводу завязался разговоръ, къ немалому изумленію моему, оказалось, что ученый нашъ и о Лютерѣ, и о самой реформаціи имѣлъ самыя дѣтскія понятія и относилъ и его, и ее къ XII вѣку (sic). — „Нѣсколько позднѣе!“ осмѣлился я замѣтить. Онъ прервалъ меня, высокомѣрно усмѣхаясь: „Къ XII или XVIII— это все равно-съ, подробность, а главное, что здѣсь идеи вы ничѣмъ не выкинете!..“ Я, разумѣется, тутъ же и примолкъ). Болѣе скромные, мы съ любовью изучали и затверживали факты, и въ концѣ концовъ, право, не знаю, слѣдуетъ-ли людямъ нашего поколѣнія расшаркиваться раболѣпно передъ новымъ... „Не идеи“—образы, а съ ними опредѣленные идеалы добра, доблести, культуры, извѣстный подъемъ мышленія, слагались въ головахъ нашихъ изъ совокупности свѣдѣній, почерпаемыхъ нами изъ того необузданнаго, готовъ я сказать, чтенія, которому предавались мы въ тѣ годы... Кромѣ чисто литературнаго чтенія, скажу мимоходомъ, я въ годы моего студентства прочелъ Іоганна Миллера („Всеобщая исторія“) Гиббона, Нибура, Мишо („Исторія крестовыхъ походовъ“), Гизо („Исторія цивилизаціи Европы“), Робертсона („Исторія Карла V“ и „Открытіе Америки“), Амедея Тьери („Исторія завоеванія Англіи“), „Исторію Англіи“ Юма и Галама „Middle age“, Карамзина и Полеваго („Исторія русскаго народа“), Тьера и Минье („Исторія французской революціи“), массу французскихъ мемуаровъ, относящихся до исторіи Франціи прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій, не говоря уже объ историческихъ романахъ, которые пожиралъ я десятками въ двѣ-три недѣли, начиная съ Вальтера-Скотта (сохраняющаго

для меня и по сей день все свое прежнее обаяніе) и кончая Ал. Дюма, Фредерикомъ Сулье, Bibliophile Jacob и т. под.

Въ то же время читалъ я „Фауста“ и „Трилогію Валленштейна“ съ нашимъ лекторомъ нѣмецкаго языка, Морицемъ Карловичемъ Эртелемъ, превосходнымъ знатокомъ своего дѣла и такимъ же пламеннымъ любителемъ поэзіи. Уроки его слушали только двое студентовъ, товарищъ мой по курсу Аржіо, французъ по происхожденію, и я. Не разъ при чтеніи какого-нибудь трогательнаго мѣста, какъ напримѣръ „Zueignung“ къ Фаусту, или въ знаменитомъ монологѣ Теклы, плакали мы отъ умиленія всѣ трое: лекторъ и оба его слушателя.

При совершенно иномъ настроеніи приходилось мнѣ слушать нашего „профессора“ итальянскаго языка, „статскаго совѣтника и кавалера“ Пиллера. Это былъ весьма забавный и премилый старичекъ. Невысокаго роста, кругленькій, румяный, лѣтъ подъ шестьдесятъ, вѣчно веселый, онъ преподавалъ свой предметъ какъ бы шутя, но немногочисленные слушатели его преуспѣвали, тѣмъ не менѣе, въ немъ очень изрядно. Мнѣ не случалось въ жизни встрѣчать человѣка, болѣе довольнаго своею судьбою, чѣмъ этотъ, вѣчно готовый на шутку, на буффонство, съ его гирляндою густыхъ и бѣлыхъ, какъ лунь, волосъ кругомъ красной лысины лба, старый итальянецъ. Онъ имѣлъ, впрочемъ, полное право на это довольство жизнью, въ виду тѣхъ скромныхъ данныхъ, съ которыми вступилъ онъ въ нее. Не смотря на свою нѣмецкую фамилію, онъ былъ родомъ римлянинъ, учился, что̀ говорится, на мѣдныя деньги, или вѣрнѣе даже, безъ всякихъ денегъ, изъ милости, въ какой-то монашеской школѣ для бѣдныхъ дѣтей, и по выходѣ изъ нея, весьма еще юнымъ малымъ, сдѣлался чичероне, т.-е. водилъ иностранцевъ показывать храмы и памятники древности вѣчнаго города. Въ этомъ ремеслѣ онъ пріобрѣлъ тѣ знанія, которыя заключаются въ любомъ, нѣсколько полно составленномъ гидѣ по Италіи, къ которымъ присоединялъ, впрочемъ, кое-что вычитываемое имъ и въ книгахъ, случайно попадавшихъ ему въ руки. Надо прибавить къ этому устныя преданія, которыхъ такъ много сохраняется въ народной памяти въ Италіи, вмѣстѣ съ тѣмъ

наглядным образованіемъ, почерпаемыхъ обитателями этой классической страны въ постоянномъ зрѣлищѣ историческихъ и художественныхъ поученій, начертаннымъ на камняхъ, мѣди и полотнѣ, на каждомъ углу ихъ городовъ. Молодой, смѣтливый чичероне, понабравшись всякихъ такихъ дешево достающихся свѣдѣній, могъ легко казаться кладезем учености большинству тѣхъ, болѣе богатыхъ золотомъ, чѣмъ свѣдѣніями, путешественниковъ, которыхъ водилъ онъ по Святому Петру и развалинамъ Колизея. Такимъ „ученымъ чичероне“ онъ и остался бы, надо полагать, вѣкъ свой, если бы случай не натолкнулъ его на одного русскаго благодѣтеля, а именно Александра Яковлевича Булгакова (бывшаго долго почтъ-директоромъ въ Москвѣ, извѣстнаго дружескими связями своими съ арзамасцами и страстью къ перепискѣ. Въ „Русскомъ Архивѣ“ были въ разное время напечатаны многія, весьма интересныя по содержанію письма его къ разнымъ извѣстнымъ лицамъ), который предложилъ ему ѣхать съ нимъ въ Россію, гдѣ обѣщалъ опредѣлить на должность учителя и доставить много уроковъ въ богатыхъ дворянскихъ семьяхъ. По возвращеніи Булгакова въ Москву, онъ, дѣйствительно, доставилъ своему protégé должность лектора итальянскаго языка при Московскомъ университетѣ. Но частныхъ уроковъ оказалось гораздо менѣе, чѣмъ этого ожидалось, и нашъ лекторъ черезъ нѣсколько времени перешелъ изъ Москвы въ Одессу, полуитальянскій тогда городъ, на такое же мѣсто въ Ришельевскомъ лицеѣ. Тамъ, по старому уставу, преподаватели наукъ и иностранныхъ языковъ пользовались равными по службѣ правами, и на вакансіи „профессоровъ“ поступали равно тѣ и другіе по старшинству выслуженныхъ годовъ. Такимъ образомъ, Пиллеръ, пятидесяти съ чѣмъ-то лѣтъ, достигъ всѣхъ почестей, какія только могла доставить тогда высшая педагогическая служба въ русскомъ второклассномъ заведеніи. Эти достигнутыя вершины исполняли его душу неумолчною, ежечасною усладою. Читаемъ мы съ нимъ, бывало, Данте:

Leggiavamo un giorno per diletto
Di Lancilotto come l'amor lo strinse,

знаменитый эпизодъ Франчески ди-Римини, убитой мужемъ въ ту минуту, когда она съ возлюбленнымъ Гвидо читала любовныя страницы того романа о Ланчилотѣ... Пиллеръ улыбнется, поправитъ недостаточно a bocca aperta (открывая ротъ) произнесенное читающимъ слово (онъ, какъ римлянинъ, владѣлъ лучшимъ, какое существуетъ въ Италіи, произношеніемъ), и, поджавъ мясистый подбородокъ, глянетъ изъ-подъ опустившихся вѣкъ на вальяжный анненскій крестъ, висѣвшій на всегда свѣжей орденской лентѣ у него на шеѣ,—посмотритъ и опять улыбнется и неожиданно воскликнетъ, указывая пальцемъ на этотъ крестъ: „C'est ponrtant beau, messious, avouez, d'être статскій совѣтникъ, ваше высокородіе et d'avoir Santa Anna au cou!"—„Très beau, m-r Piller, superbe!" отвѣчаемъ мы хоромъ и принимаемся тутъ же пѣть изъ Семирамиды: „V-va superba, va superba". Пиллеръ бьетъ одобрительно тактъ рукою, затѣмъ стучитъ линейкою по столу: довольно, молъ, теперь, и мы послушно продолжаемъ читать о злополучныхъ любовникахъ:

Soli eravamo e senza alcun sospetto...

Жена добродушнаго „профессора" держала пансіонъ для дѣвицъ, пользовавшійся хорошею репутаціею въ Новороссійскомъ краѣ,а потому выпускавшій каждый годъ довольно значительное число воспитанницъ. Выпуски эти всегда сопровождались баломъ, на который, само собою, получали неизмѣнно приглашеніе „синіе воротники" (какъ гордились мы тогда этими нашими студенческими синими, съ двумя золотыми петлицами, воротниками и шпагою при бедрѣ!), слушавшіе курсъ итальянскаго языка. Нужно-ли говорить, какъ весело было на этихъ балахъ, гдѣ старшему изъ кавалеровъ было никакъ не болѣе двадцати, а изъ дамъ 18 лѣтъ?.. Но царицею, помрачавшею всѣхъ сверстницъ своихъ прелестью, была signora Elvira, дочь самого „профессора", роскошная въ полномъ смыслѣ этого слова красавица, высокая, съ цѣлымъ лѣсомъ черныхъ волосъ на тонко выточенной головѣ и такими пле-

чами и огнемъ темно-карихъ въ голубоватомъ бѣлкѣ глазъ, которыми, бывало, бредилось намъ и днемъ, и ночью... Старикъ нашъ обожалъ эту дочь; онъ нашелъ даже возможность втиснуть ея имя въ изданную имъ на французскомъ языкѣ итальянскую грамматику, такъ какъ оно постоянно встрѣчалось въ примѣрахъ по различнымъ отдѣламъ ея: имена собственныя: „Elvira"; уменьшительныя: „Elviruccia"; согласованіе прилагательнаго съ существительнымъ: „come è bella la mia Elvira" и т. д. И нельзя было сдѣлать ему бо́льшаго удовольствія, какъ заговорить съ нимъ о красотѣ его дочери. Мы, само собою, весьма мало расположены были лишать его этого удовольствія. Чуть не на каждомъ урокѣ, послѣ каждаго прочтеннаго сонета Петрарки, начинались разноголосыя варіаціи на ту же тему: „come è bella la signora Elvira." Старикъ словно въ маслѣ купался отъ этихъ похвалъ и подбивалъ насъ къ дальнѣйшимъ упражненіямъ въ томъ же родѣ со своею чисто итальянскою, наивно-циническою откровенностью: „Ze (je) crois bien qu'elle est belle, mon Elvira, vous avez vou (vu) quelles epaules et quelle gorze (gorge) elle a. Ma (mais) ce n'est pas pour vous, petits coquins, — и онъ при этомъ оттягивалъ оконечностью пальца нижнюю вѣку лукаво прищуренаго праваго глаза,—ze loui (lui) ai trouvé oune (un) mari, souperbe (superbe); Moussiou Venturi, qui a la plus belle cantine (cave) de vin à Catano en Sicile"... Бѣдная красавица Эльвира вышла дѣйствительно за этого Вентури, который, какъ узнали мы послѣдствіи, билъ ее какъ козу изъ ревности, и свелъ въ могилу черезъ годъ послѣ свадьбы. Вѣсть объ этомъ такъ поразила бѣднаго отца ея, что его хватилъ тутъ же апоплескическій ударъ, отъ котораго онъ и умеръ вскорѣ послѣ выпуска моего изъ лицея.

Въ нынѣшнее время, сколько мнѣ извѣстно, въ массѣ учащейся молодежи поэты, за исключеніемъ развѣ Некрасова, не пользуются большою „популярностью"; во всякомъ случаѣ, не пользуются особымъ сочувствіемъ тѣ изъ нихъ, которые были идолами эпохи моей молодости: ни обращенный прогрессивною критикою шестидесятыхъ годовъ въ „добраго

пошляка“ Шиллеръ, ни „олимпіецъ“, какъ называли мы его въ ту пору, или „сытый индифферентъ“, какъ обозвала его та же отечественная критика, Гёте, ни наконецъ Пушкинъ, о которомъ передавали мнѣ недавно такого рода отзывъ нѣкоего современнаго молодаго стихоплета: „Я, знаете, отношусь къ Пушкину, какъ къ доброй старой болтуньѣ - нянѣ, которая, конечно, ничему здравому васъ не научитъ, но иногда разскажетъ вамъ кое-что занимательное про старыхъ людей и старый вздоръ“. Но едва-ли за то и выноситъ изъ временъ своего студенчества эта моледежь тѣ благодарныя воспоминанія, тѣ свѣтлые помыслы и чистыя наслажденія, которые воспринимали мы, люди поколѣнія сороковыхъ годовъ, отъ могущественнаго вѣянія духовныхъ вожаковъ нашей юности. Положительности, того, что̀ значится нынѣ подъ извѣстною радикальною формулою „трезваго отношенія къ жизни“, они, конечно, намъ не давали; они пріучали насъ, пожалуй, гораздо болѣе къ „витанію въ мірѣ грезъ“ и „несбыточныхъ аспирацій“, чѣмъ къ разумѣнію житейской мудрости; но несомнѣнно то, что подъ вліяніемъ ихъ выработывался въ насъ, повторяю, извѣстный идеалъ, страстное отношеніе къ человѣческой цивилизаціи, къ искусству, вѣра въ свѣтлое будущее, ожидающее міръ, просвѣтленный знаніемъ и „развитіемъ чувства прекраснаго въ погруженныхъ до тѣхъ поръ во мракъ невѣжества массахъ“. Не забудемъ, впрочемъ, и того, что идеализмъ этой нашей, такъ нагло оплеванной слѣдовавшимъ за нами поколѣніемъ „прогрессистовъ“, эпохи, не помѣшалъ, чтобы не сказать прямо—способствовалъ, людямъ ея служить отечеству своему незабвенную службу въ дѣлѣ освобожденія русскаго народа отъ крѣпостнаго состоянія и создать цѣлый рядъ высоко-художественныхъ произведеній, которымъ теперь начинаютъ все болѣе и болѣе удивляться и завидовать иностранцы, знакомящіеся съ нашимъ языкомъ и литературнымъ творчествомъ. Въ этомъ самомъ лагерѣ (оскудѣвающемъ, впрочемъ, съ каждымъ днемъ все замѣтнѣе) отечественныхъ „прогрессистовъ“, гдѣ такъ еще недавно строчили самоувѣренно перья всякихъ недоучекъ и „аблакатовъ“ о ничтожествѣ значенія какихъ-нибудь Тургеневыхъ и Гончаровыхъ „по отно-

шенію ихъ къ молодому поколѣнію *) сравнительно съ такими настоящими выразителями идеаловъ этого поколѣнія, каковы Помяловскіе, Рѣшетниковы и комп.,—въ ономъ лагерѣ, говорю я, все чаще приходится слышать теперь невольное признаніе заслугъ „людей сороковыхъ годовъ“, рядомъ съ обличеніемъ самого себя, своихъ жалкихъ „новыхъ“ людей въ полной неспособности создать въ какой бы то ни было области человѣческаго творчества нѣчто, могущее подняться до уровня ихъ, еще вчерашнихъ, ребячески-нахальныхъ притязаній.

А между тѣмъ высшія учебныя заведенія нашего времени, исключая развѣ Московскій университетъ, высоко дѣйствительно стоявшій по общему въ немъ духу преподаванія въ тѣ блестящія для него „строгоновскія“ времена, далеко не отвѣчали возлежащимъ на нихъ задачамъ. Наука въ строгомъ значеніи этого слова имѣла въ нихъ весьма немного представителей, достойныхъ стать на ряду своихъ европейскихъ собратій. Въ Ришельевскомъ лицеѣ, исключая профессора Нордмана, преподававшаго естественную исторію на камеральномъ отдѣленіи, ученаго первоклассnаго, ни одинъ въ сущности изъ нашихъ профессоровъ (а вся коллегія ихъ тѣмъ паче) никакъ не поднимался къ верхамъ, занимаемымъ свѣтилами тогдашняго ученаго міра. Да и мы, студенты, весьма не зрѣлые по подготовкѣ, мало походили на твердо стоящихъ на ногахъ своихъ слушателей какихъ-нибудь германскихъ университетовъ. Тѣмъ не менѣе, относясь къ тому времени на разстояніи почти полувѣка, мнѣ приходится въ настоящую пору чуть не удивляться той культурной окраскѣ, которая получалась все-таки тогда нѣкоторыми изъ насъ въ этомъ заведеніи, особенно вспомнивъ опять тѣ условія разноплеменности, меркантильнаго духа и полнаго отсутствія воспитательныхъ традицій въ такомъ городѣ, какимъ была, да и едва-ли не всегда будетъ Одесса. Въ средѣ „озабоченныхъ купцовъ“, исключительно поглощенныхъ разсчетами своей торговли, жирныхъ помѣщиковъ, хлыщеватыхъ польскихъ пановъ, корчившихъ па-

*) Зри хотя бы статьи нѣкоего г. Утина въ „Вѣстникѣ Европы“ прошлыхъ лѣтъ.

рижанъ, и доморощенныхъ жуировъ, ожидавшихъ лишь „устрицъ отъ цареградскихъ береговъ“ *), эта группа юношей, страстная до поэзіи, жаждущая чистаго знанія, безъ примѣси всякаго соображенія о практической выгодѣ, какую можно было изъ него извлечь впослѣдствіи, представляется мнѣ теперь чѣмъ-то какъ бы анормальнымъ даже... Надо признаться, впрочемъ, что насъ было очень немного, и всѣ почти были дѣти образованныхъ дворянскихъ семей. Мы, прибавлю къ этому, и держались тѣсно другъ друга, какъ бы инстинктивно ограждая нашъ общій свѣтлый внутренній міръ отъ нечистыхъ прикосновеній... „Иныхъ уже нѣтъ“ давно изъ этихъ дорогихъ товарищей моихъ, „а тѣ далече“... Невольно припоминаются мнѣ имена... Л. И. Арнольди, о которомъ я имѣлъ уже случай говорить на этихъ столбцахъ, умеръ еще въ 1860 г. Въ прошломъ году угасъ извѣстный знатокъ Китая, бывшій русскій генеральный консулъ въ Шанхаѣ, К. А. Скачковъ. Карлъ и Александръ Минчіаки (сыновья бывшаго нашего генеральнаго консула въ румынскихъ княжествахъ во время управленія ими графомъ Киселевымъ), поступивъ на дипломатическую службу, провели большую часть жизни внѣ Россіи. Старшій, Карлъ, состоитъ до сихъ поръ генеральнымъ консуломъ въ Неаполѣ; Александръ, занимавшій такую же должность въ Копенгагенѣ, живетъ теперь на покоѣ на родинѣ своей, въ Одессѣ. По выходѣ изъ лицея мы очутились всѣ на службѣ въ Петербургѣ, и въ теченіи двухъ лѣтъ жили втроемъ на одной квартирѣ. Равно тяжелъ былъ для насъ этотъ жизненный новиціатъ нашъ на угрюмыхъ берегахъ Невы; мы долго не могли свыкнуться съ холодомъ сѣвера, съ его короткими зимними и безконечно-долгими лѣтними ночами, съ казенщиною, духовною нищетою и чиновными интересами Петербурга... Я ѣздилъ въ свѣтъ, но выносилъ оттуда гораздо болѣе угнетавшихъ меня, чѣмъ сладостныхъ впечатлѣній. Сожители мои, кромѣ французскаго театра, никакихъ развлеченій не знали. Большую часть вечеровъ про-

*) Но мы, ребята безъ печали
Средь озабоченныхъ купцовъ, —
Мы только устрицъ поджидали
Отъ цареградскихъ береговъ.

водили мы за тѣми же дорогими намъ книгами, читали французскихъ историковъ, итальянскихъ поэтовъ и Пушкина; все того же верховодца Пушкина, изъ за котораго, помню, велъ я въ тѣ дни такіе горячіе споры съ Д. А. Т., сверстникомъ нашимъ, который, съ своей стороны, страстно увлеченный вѣяніемъ недавно еще погибшаго Лермонтова, никого не хотѣлъ признавать выше творца „Демона“ и „Пѣсни о купцѣ Калашниковѣ“... За нѣсколько времени до перехода моего на службу въ Москву братья Минчіаки покинули тоже равно ненавистный намъ Петербургъ и переселились „въ страны, любимыя солнцемъ“... Не болѣе какъ пять или шесть разъ въ жизни съ тѣхъ дней случилось мнѣ встрѣтиться съ этими старыми друзьями, но то были всегда все тѣ же, братски-радостныя встрѣчи...

Готовясь съ нѣкоторыми товарищами къ выходному изъ 3-го курса экзамену при іюньской, невыносимой, градусовъ въ тридцать, жарѣ, не помню, кто изъ насъ, совершенно разваренный, воскликнулъ съ комическимъ отчаяніемъ: „Я буду такъ счастливъ, когда сдамъ послѣдній предметъ, что готовъ расцѣловать въ обѣ щеки сторожа Егорку“. Всѣ мы расхохотались: сторожъ Егорка былъ старый, кривой, грязный, съ вѣчно подмараннымъ табачнымъ сокомъ подносьемъ, — инвалидъ, сильно подпивавшій и грубый, котораго студенты постоянно дразнили, на что онъ, въ свою очередь, отвѣчалъ презабавными ругательствами. Но мысль товарища въ эту минуту показалась намъ такою счастливою, что мы положили тутъ же всѣмъ, сколько насъ тамъ было, „по алфавитному порядку“, расцѣловать Егорку по сдачѣ послѣдняго предмета. Такъ и было сдѣлано. Выходя изъ актовой залы, гдѣ происходили испытанія, мы кинулись хохочущею гурьбою отыскивать старика. Онъ плелся, какъ нарочно, намъ навстрѣчу, по коридору, своею разваливавшеюся старческою походкою, съ метлою въ одной рукѣ и шваброю въ другой. На нашъ внезапный натискъ онъ отвѣтилъ, поднявъ на насъ эту метлу свою и грозя „такъ и смазать шваброю барчуковъ по мордасамъ“. Угрозы, разумѣется, оказались тщетными. „Первый по алфавиту“ вырвалъ у него боевыя орудія изъ рукъ и принялся ло-

бызать, не смотря на его громкое ораніе. За нимъ послѣдовали другіе. Я былъ такъ же веселъ, какъ и товарищи, такъ же счастливъ „покончить съ проклятыми экзаменами“, но когда дошла моя очередь обнимать сторожа, меня внезапно охватила мысль, что за этимъ „все кончено, я болѣе не студентъ, и эти стѣны, эти веселые товарищи, все это болѣе не будетъ существовать для меня“,—и мнѣ сдѣлалось вдругъ такъ больно, такъ жутко, что слезы чуть не брызнули у меня изъ глазъ. Егорка видимо удивился, когда я, напечатлѣвъ настоящій поцѣлуй на его морщинистой щекѣ, сказалъ ему дрогнувшимъ голосомъ: „Ну, прощай, старина, не поминай насъ лихомъ!“ Но старый служивый, видно, чутьемъ почуялъ, что происходило у меня на душѣ въ эту минуту; онъ покачалъ головою и зашамкалъ, замѣтно смягчившись: „Ну, Богъ съ вами, озорниками, счастливо вамъ оставаться“... Извѣстныя ощущенія сообщительны. Общее шутовское расположеніе какъ-то разомъ слетѣло съ насъ; всѣ мы примолкли. Какія у кого были деньги въ карманѣ, перешли въ руки инвалида, а выходя затѣмъ изъ воротъ лицея, мы какъ-то сурово переглянулись, пожимая другъ другу руку,—сурово, такъ какъ иначе мы бы, вѣроятно, расплакались. Каждому сказывалось въ душѣ, что эта минута была финалъ, „прощанье съ жизнью молодою“, съ хорошею, невозвратною жизнью...

ИЗЪ ПРОЖИТЫХЪ ДНЕЙ *).

III.

На югѣ въ сороковыхъ годахъ.

Тамъ все Европой дышетъ, вѣетъ...

—сказалъ про Одессу Пушкинъ, посѣтившій ее лѣтъ за пятнадцать до того времени, къ которому относятся мои воспоминанія. Этотъ европейскій характеръ носила она и въ ту пору моихъ студенческихъ годовъ. „Единственный уголокъ въ Россіи, гдѣ дышется свободно“, говорили недоружившіе службою господа и баре, испытавшіе недочеты на этой службѣ или разорившіеся на ней, переселяясь изъ столицъ или поселяясь временно въ этомъ дѣйствительно жившемъ непохожею на тогдашнюю жизнь русскихъ городовъ жизнью, окраинномъ мѣстечкѣ Россіи. „Отъ аржанаго хлѣба даже отвыкли, каждый день франзолю **) жуешь, умирать не надо!“ говорилъ въ свою очередь пришлый (на половину бѣглый, изъ среднихъ губерній) народъ, находившій въ Одессѣ вѣрный и обильный заработокъ, долгое тепло юга и безпаспортную вольную волюшку. Хорошо было дѣйствительно и господамъ, и крѣпостному люду, бѣжавшимъ съ холоднаго, строгаго сѣвера „николаевскихъ временъ“, на этихъ берегахъ, гдѣ такими потоками лились солнечные лучи и иностранное золото, и такъ мало было полицейскихъ и иныхъ стѣсненій; гдѣ жить было такъ

*) Впервые напечатано въ №№ 223, 224, 226, 227 и 230 „С.-Петерб. Вѣд.“ 14-го, 15-го, 17-го, 18-го и 21-го августа 1884 года.

**) Мѣстное названіе бѣлаго, французскаго хлѣба.

баснословно дешево, а разживаться, кто имѣлъ на то охоту и способность, представлялся случай на каждомъ шагу... Но разживались тамъ, какъ водится на всѣхъ концахъ необъятной матушки-Руси, почти исключительно чужеземцы, да матерый кулакъ или старообрядецъ, переносящій равно во всѣ эти концы свою племенную сметку и прирожденное скопидомство. Русскіе господа и въ этомъ дешевомъ городѣ, какъ и въ покинутыхъ ими дорогихъ столицахъ, проживали впередъ свои „грядущіе доходы“ и, говоря языкомъ все того же Пушкина, „средь озабоченныхъ купцовъ“ умѣли только „поджидать устрицъ отъ цареградскихъ береговъ“.

А устрицы эти—повѣритъ-ли кто этому въ наше время?—самыя крупныя стоили тамъ тогда 1 рубль сотня... Правда, то былъ тогда настоящій, звонкій, серебряный рубль,—монета, по чеканкѣ и достоинству почитавшаяся едва-ли не лучшею во всемъ мірѣ. Десять такихъ крупныхъ серебряныхъ рублей въ карманѣ жилета — и ты видишь себя, бывало, Крезомъ, сокровищамъ котораго дна не видно. На три, на четыре дня на пиры и всякое удовольствіе хватитъ. Судите сами. Самымъ дорогимъ рестораномъ въ Одессѣ была Ришельевская гостиница, содержимая Отономъ (Autonne). Въ немъ порція любаго блюда на выборъ стоила 15 копѣекъ. Отчего у васъ дороже другихъ? спрашиваешь почтеннаго, грузнаго, съ правильными чертами старо-французскаго лица, неторопливо-предупредительнаго, важно-любезнаго хозяина.—„Oh, mon Dieu, monsieur, c'est pour n'avoir chez moi qu'une société choisie.“—Monsieur Autonne, вѣдь вы воспѣты Пушкинымъ, говоришь ему опять какъ-то невольно льстиво.—J'ai entendu dire, en effet, отвѣчаетъ онъ съ величавымъ видомъ министра, которому докладываютъ между прочимъ о хвалебной статьѣ, напечатаной про него въ какой-нибудь ничтожной газетѣ,—que monsieur Pouskine avait eu la bonté de parler de moi dans ses vers *). C'est

*) Шумъ, споры, легкое вино
На столъ сейчасъ принесено
Рукой услужливой Отона.
Часы летятъ, а грозный счетъ
Межъ тѣмъ невидимо растетъ.

très aimable à lui de l'avoir fait".—Онъ часто обѣдалъ у васъ здѣсь?—„Très souvent, oui, monsieur. Il préférait le Saint-Péray à toutes les autres marques de champagne, et j'en ai toujours eu d'excellent dans ma cave". И улыбнется при этомъ, точно орденомъ пожалуетъ... Прелестнѣйшій образчикъ француза стараго закала былъ monsieur Antonne.

Но „société choisie", которою дорожилъ почтенный рестораторъ, кромѣ пріѣзжихъ, останавливавшихся въ самомъ отелѣ, посѣщало заведеніе его только въ экстренныхъ случаяхъ. Любимымъ „трактиромъ" одесской jeunesse dorée моего времени былъ Маттео, въ Новороссійской гостиницѣ. Тамъ та же порція всѣхъ безъ исключенія блюдъ au choix стоила 10 коп. И какъ отлично, какъ жирно, совсѣмъ по-итальянски ѣли тамъ! Что шампанскаго было тамъ перепито, настоящаго, по пяти рублей ассигнаціями за бутылку! И какъ весело пилось и ѣлось, и болталось, среди „ребятъ безъ печали" тѣхъ временъ!

Эта, какъ я уже сказалъ, баснословная дешевизна въ тогдашней Одессѣ распространялась на все, что служитъ потребностямъ и фантазіямъ человѣка. Тотъ же рубль серебромъ стоило око лучшаго турецкаго табаку, прямо выписаннаго изъ Константинополя,—а око равняется тремъ фунтамъ. За тотъ же рубль вы пріобрѣтали кресло въ театрѣ во всѣхъ рядахъ безразлично... За наемъ цѣлаго двухъэтажнаго дома съ конюшнями и отдѣльными службами для помѣщенія людей, въ которомъ жило наше семейство, отецъ мой платилъ хозяину его, извѣстному И. И. Фундуклею, 1,200 рублей ассигнаціями, что соотвѣтствовало тогда тремъ стамъ рублямъ серебряною монетою. Содержаніе четверки лошадей обходилось рублей во сто ассигнаціями, и все остальное въ тѣхъ же пропорціяхъ.

А небо южное, а море!
Чего-жь вамъ болѣе друзья...
Благословенные края.

Благословенные были они и въ самомъ дѣлѣ для нашей братьи, учащейся молодежи, для богатѣвшихъ негоціантовъ, да для много испытавшихъ, обманутыхъ или пресыщенныхъ

жизнью свѣтскихъ скитальцевъ, ничего уже болѣе не требовавшихъ отъ нея, какъ солнца, покоя и недорого обходящагося комфорта. Одесса давала этого имъ вдосталь, какъ открывала она искателямъ фортуны всякое средство достигнуть ея легко и быстро. Но на требованія высшаго, духовнаго порядка не находилось матеріала въ этомъ матеріальномъ „европейскомъ“ городѣ. То, что̀ извѣстно въ нынѣшнее время подъ именемъ „общественныхъ вопросовъ“ (вопросовъ „объ общемъ благѣ“-тожь), по поводу которыхъ, сказать кстати, наболтано у насъ было такъ много, такъ нудно и такъ, по большой части, вздорно со дней Крымской войны, — озабочивало вообще въ тѣ дни весьма еще немногихъ. Но умственное движеніе, въ аналитическомъ стремленіи своемъ проникавшее все далѣе и далѣе въ изученіи и разъясненіи причинности извѣстныхъ явленій и условій нашего государственнаго и соціальнаго бытія, сказывалось уже весьма замѣтно въ мыслящихъ центрахъ Россіи, особенно въ Москвѣ, гдѣ духовная жизнь, благодаря болѣе слабому на нее воздѣйствію официальныхъ сферъ, благотворному вліянію тогдашняго университета и той дворянской, образованной и независимой по средствамъ и духу средѣ, въ которой слагалась тогда ея „интеллигенція“ (употребляю здѣсь терминъ, тогда еще не выдуманный, или вѣрнѣе— незаимствованный еще тогда русскою печатью у польской),— гдѣ эта жизнь, говорю я, находила наиболѣе благотворную почву для успѣшнаго роста своего и развитія. Высшія задачи и интересы образованія вызывали тамъ живые отзвуки въ обществѣ; сознаніе національной самобытности, коренныхъ основъ ея и правъ на законное, само себѣ довлѣющее, существованіе начинало слагаться въ самостоятельную, гордую теорію, заимствовавшую отъ осмѣянной „Арзамасомъ“ шишковской „Бесѣды“ свое названіе славянофильства, подъ которымъ суждено ей было занять такое видное мѣсто въ дальнѣйшемъ поступательномъ ходѣ русской мысли. Теорія эта теперь уже смѣло выступала противъ слѣпаго и рабскаго поклоненія Западу, которымъ въ тѣ дни, какъ и нынѣ, щеголяла и кичилась выстроенная Петромъ на болотахъ Ингріи столица, какъ драгоцѣннѣйшимъ перломъ своимъ, какъ синтезомъ всей сво-

ей raison d'être. Въ періодической, или, вѣрнѣе, журнальной литературѣ (такъ какъ газеты, при строгости тогдашней цензуры, имѣли возможность лишь очень поверхностно касаться серьезныхъ вопросовъ), начиналось горячее препирательство между Петербургомъ и Москвою по этому, сознаваемому уже и здѣсь, и тамъ принципіальному вопросу... Ничему подобному не было мѣста въ Одессѣ; все это едва-едва, глухимъ, отдаленнымъ, ничего и никого не пробуждавшимъ эхомъ доносилось до той случайной амальгамы индивидовъ изъ всѣхъ странъ и племенъ міра, которая, проходя сквозь общую реторту торгашескаго духа и внѣшняго европейскаго лоска, претворялась въ концѣ концовъ въ типъ тогдашняго одессита. Въ петербургскихъ придворныхъ сферахъ городъ, въ которомъ вырабатывалась эта особь, слылъ почему-то „карбонарскимъ" городомъ. Ничего не было забавнѣе того заблужденія, которому одолжена была Одесса этою кличкою; ни съ какой стороны не заслуживала она

Ni cet excès d'honneur, ni cette indignité.

Изъ всѣхъ городовъ Россійской имперіи наименѣе чертъ подобія находилось у нея съ Москвою, а наиболѣе аналогическихъ точекъ можно было въ ней указать съ тѣмъ самымъ Петербургомъ, въ которомъ такъ подозрительно глядѣли на нее съ дворскихъ высотъ. Ели мыслящаго москвича могло коробить, пожалуй, здѣсь отъ ярко кидавшагося въ глаза иностраннаго характера, сказывавшагося во всемъ наружномъ обликѣ какъ самого города, такъ и его населенія, отъ „языка Италіи златой", новогреческой, румынской и жидовской рѣчей, звучащихъ на улицахъ, въ трактирахъ, погребахъ, лавкахъ и купальняхъ (въ „магазинахъ" аристократы-приказчики изъяснялись по-французски); если соплеменники его, какіе-нибудь курскіе или орловскіе кацапы *) ломали здѣсь свой чисто русскій говоръ, уснащая его всякими коверканными чужеземными словцами и оборотами безобразнаго ново-

*) Великоруссовъ, какъ извѣстно, малороссы называютъ кацапами, т.-е. козлами.

россійскаго діалекта, въ виду быть удобнѣе понятыми разношерстнымъ населеніемъ, въ которомъ тонули они, какъ капли свѣтлаго вина въ тинѣ взбаламученнаго озера; если наконецъ въ одесскихъ гостиныхъ московскій пріѣзжій натыкался опять на такое же пестрое по составу свѣтское общество, на людей приличныхъ, благовоспитанныхъ, часто весьма образованныхъ даже, но для которыхъ совершенно было не понятно то, въ чемъ состояла его особенная русская сущность, — то истый петербуржецъ, напротивъ, находилъ во всемъ этомъ тѣ любезныя ему черты шаблоннаго европеизма, которыя отличали его самого и представлялись ему съ пеленокъ исключительными признаками высшей культуры.

И сходсто этимъ не ограничивалось. Если въ словѣ карьера выражался безусловный идеалъ, къ которому жадно, болѣзненно, неуклонно стремились всѣ вожделѣнія тогдашняго петербуржца, то идеалъ, такъ же страстно и упорно преслѣдуемый одессистомъ, выражался въ словѣ нажива; тамъ чины и ордена, здѣсь—англійскіе фунты стерлинговъ и французскіе луидоры; тамъ—консерватизмъ чиновника, дорожащаго пріобрѣтеннымъ имъ почетнымъ или выгоднымъ мѣстомъ, здѣсь—подобный же консерватизмъ алчнаго буржуа, дрожащаго надъ наживаемыми имъ милліонами. И здѣсь, и тамъ—полное равнодушіе и презрительное невѣдѣніе того, что̀ не прямо, не непосредственно относилось къ личнымъ, своекорыстнымъ интересамъ того и другаго... Едва-ли ошибусь я, предполагая, что этимъ именно объяснялось то обстоятельство, что изъ числа переселявшихся тогда съ Сѣвера на постоянное или временное жительство въ Одессу лицъ изъ высшаго сословія болѣе всего было петербуржцевъ, а менѣе всего москвичей.

Объясняется это, съ другой стороны, и тѣмъ притяженіемъ личности тогдашняго главноначальника Новороссійскаго края, графа (княжескій титулъ онъ получилъ уже позднѣе, на Кавказѣ) Воронцова, личности, хорошо извѣстной Петербургу и вовсе незнакомой въ Москвѣ, которая группировала кругомъ него этихъ переселявшихся съ береговъ Невы свѣтскихъ людей... Говоря о русскомъ югѣ тѣхъ временъ, никакъ нельзя обойти эту во всякомъ случаѣ очень крупную индивидуальность,

заслугъ которой на его пользу этотъ русскій югъ никогда не въ правѣ будетъ забыть.

Извѣстная эпиграмма Пушкина:

Полу-милордъ, полу-купецъ,
Полу-подлецъ, полу-невѣжда,—
И говорятъ, ужь есть надежда,
Что будетъ цѣлый наконецъ,

принадлежащая, скажу мимоходомъ, къ наименѣе у него удачнымъ, грѣшитъ уже тѣмъ, что злость ея бьетъ совсѣмъ не туда, куда мѣтитъ. Графъ Воронцовъ никакъ не былъ половинчатымъ человѣкомъ. Это былъ совершенно цѣльный характеръ и умъ несомнѣнно государственный,—и вся дѣятельность его носитъ на себѣ именно этотъ отпечатокъ просвѣщенности, который, само собою, исключаетъ упрекъ въ „полуневѣжествѣ“, дѣлаемый ему Пушкинымъ. Но по природѣ своей онъ былъ, конечно, одинъ изъ тѣхъ людей, которые менѣе всего способны были оцѣнить по настоящей мѣркѣ геніальность молодаго поэта и прощать ему изъ-за нея его тогдашній строптивый нравъ, невоздержность языка и далеко не всегда подчинявшуюся строгимъ приличіямъ манеру держать себя, какъ это дѣлалъ добродушнѣйшій нѣмецъ Инзовъ, относившійся къ находившемуся у него передъ тѣмъ подъ началомъ изганнику съ совершенно отеческими снисходительностью и участіемъ. Графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ далеко не походилъ на этого кроткаго, съ большими мечтательно-голубыми глазами (я какъ теперь вижу его старческую, почтенную, необыкновенно симпатичную фигуру) генерала-піэтиста. Въ немъ, воспитанномъ въ Англіи чуть не до 20-лѣтняго возраста, была „вся англійская складка, и такъ же онъ сквозь зубы говорилъ“, такъ же былъ сдержанъ и безукоризненъ во внѣшнихъ пріемахъ своихъ, такъ же гордъ, холоденъ и властителенъ in foro interno, какъ любой изъ сыновей аристократической Британіи. Его прирожденная чопорность, его чисто англійскій cant не могли инстинктивно переносить слишкомъ независимые „аллюры“, ни необычайную популярность среди молодежи этого „подражателя Байрона“ (какъ выражался онъ про него въ

извѣстномъ письмѣ своемъ къ графу Нессельроде), ни язвительныхъ словечекъ дерзкаго стихослагателя по его адресу, передаваемыхъ ему услужливыми сикофантами. Пламенный нравъ Пушкина тѣхъ годовъ, „вмѣнявшаго себѣ въ законъ страстей единый произволъ“, возмущался въ свою очередь безпредѣльною спѣсью и неукротимымъ своевластіемъ, скрывавшимися подъ утонченными формами учтивости и наружною либеральностью его новаго начальника. Сдерживаться онъ никогда не умѣлъ, а графъ Воронцовъ никогда не умѣлъ прощать...

Вслѣдъ за извѣстнымъ письмомъ къ графу Нессельроде, Пушкинъ, какъ мы знаемъ, былъ исключенъ изъ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ и сосланъ въ деревню. Видѣлся-ли онъ передъ отбытіемъ своимъ изъ Одессы съ виновникомъ новой своей ссылки, не видно ни изъ какихъ свидѣтельствъ, относящихся къ этому времени его жизни. Но можно навѣрное сказать, что въ то самое время, когда замышлялась на него невзгода, графъ Воронцовъ при встрѣчѣ съ поэтомъ улыбался и жалъ ему руку съ особенною любезностью. Таковъ былъ неизмѣнный обычай у Михаила Семеновича. Чѣмъ ненавистнѣе былъ ему человѣкъ, тѣмъ привѣтливѣе обходился онъ съ нимъ; чѣмъ глубже вырывалась имъ яма, въ которую готовился онъ пихнуть своего недоброхота, тѣмъ дружелюбнѣе жалъ онъ его руку въ своей. Тонко разсчитанный и издалека заготовляемый ударъ падалъ всегда на голову жертвы въ ту минуту, когда она менѣе всего ожидала таковаго... Много могъ бы я разсказать слышанныхъ мною въ юности примѣровъ подобнаго образа дѣйствій тогдашняго новороссійскаго проконсула. Но я не пишу его біографіи, да и вообще это повлекло бы меня слишкомъ далеко...

А все же, скажу опять, остріе пушкинской эпиграммы не попадаетъ въ намѣченную цѣль, и менѣе всего заслуживаетъ предметъ ея прозвища „полу-милорда“. Графъ Воронцовъ былъ grand seigneur, и притомъ русскій баринъ въ полномъ значеніи этого слова. Достаточно припомнить лишь два факта. Во время отечественной войны обширный домъ родоваго его помѣстья Андреева, во Владимірской губерніи, былъ обращенъ

имъ въ лазаретъ, гдѣ 300 раненыхъ офицеровъ пользовались, кормились, снабжались бѣльемъ и платьемъ, и по выпускѣ изъ числа больныхъ получили (кто нуждался) пособіе на счетъ владѣльца имѣнія. Въ 1815 году графъ Воронцовъ начальствовалъ оккупаціоннымъ корпусомъ нашихъ войкъ, оставленнымъ во Франціи послѣ второй реставраціи Бурбоновъ; по выходѣ его оттуда, корпусный начальникъ заплатилъ изъ своего кармана всѣ долги, сдѣланные его офицерами въ занятой странѣ, сумма которыхъ, говорятъ, превосходила 500,000 рублей... Это послѣднее обстоятельство, говорили злые языки, имѣло послѣдствіемъ бракъ, заключенный графомъ Воронцовымъ въ 1819 году со встрѣченною имъ въ Парижѣ дочерью извѣстной богачки, графини Браницкой, любимой, какъ извѣстно, племянницы князя Потемкина, оставившаго ей значительнѣйшую часть своего огромнаго состоянія.

И наружность его поражала своимъ истинно барскимъ изяществомъ. Есть извѣстный его портретъ (весьма искусно воспроизведенный гравюрою), писанный знаменитымъ англійскимъ живописцемъ Лауренсомъ чуть-ли еще не до 1820 года; графъ Воронцовъ сохранялъ съ нимъ сходство до позднихъ лѣтъ. Если бы не русскій генеральскій мундиръ и военная форменная шинель, небрежно накинутая на плечи, вы бы поклялись, что это англійскій пэръ, типъ утонченнаго временемъ и цивилизаціею потомка одного изъ желѣзныхъ сподвижниковъ Вильгельма Завоевателя. Высокій, сухой, замѣчательно благородныя черты, словно отточенныя рѣзцомъ, взглядъ необыкновенно спокойный, тонкія, длинныя губы съ этою вѣчно игравшею на нихъ ласково-коварною улыбкою... Несомнѣнно, что въ этомъ человѣкѣ было нѣчто обаятельное, противъ чего рѣдко кто изъ состоявшихъ съ нимъ въ близкихъ или даже дальнихъ отношеніяхъ въ силахъ былъ устоять. Во многихъ изъ наиболѣе приближенныхъ къ нему культъ его доходилъ до фанатизма. Въ Одессѣ и Крыму, его любимыхъ дѣтищахъ, онъ состоялъ на положеніи какого-то божества. „Графъ“—выше этого имени и этой власти словно и не подозрѣвалъ простой народъ этой дальней русской окраины; „le comte“—былъ Гогъ и Магогъ, альфа и омега, за которые не считалъ нужнымъ и загляды-

вать одесскій биржевикъ, пришелецъ съ береговъ Адріатики или Архипелага. Графъ Воронцовъ зналъ это, и былъ въ высшей степени то, что̀ французы называютъ „bon prince.“ Благодаря своему англійскому воспитанію, онъ былъ прирожденный врагъ всякаго безполезнаго стѣсненія личной свободы. „Main de fer et gant de velours“ было, можно сказать, девизомъ его управленія. Широкое довѣріе и глубокое уваженіе, которыя питалъ къ нему императоръ Николай, давали ему возможность распоряжаться почти совершенно своевластно на всемъ пространствѣ ввѣреннаго ему края,—и горе тому, кто осмѣливался подвергать сомнѣнію правильность его образа дѣйствій и воззрѣній въ этомъ его status in statu! Но онъ искреннѣйшимъ образомъ радѣлъ за то, чтобы обитавшимъ въ этомъ подвѣдомомъ ему краѣ людямъ жилось какъ можно болѣе легко и удобно. Убѣжденный поборникъ свободы торговли, врагъ крѣпостнаго состоянія, онъ unguibus et rostro (а когти и клювъ были у него изъ ряду вонъ тверды и безпощадны) ратовалъ за сохраненіе порто-франко въ Одессѣ, которое и отстоялъ до конца своего управленія, и покрывалъ бѣглыхъ крестьянъ изъ внутреннихъ губерній, которыми населялось огромное пространство безлюдныхъ до тѣхъ поръ Новороссійскихъ степей.

Европеецъ, дѣйствительно, со всѣми качествами и недостатками, присущими этому названію, гр. Воронцовъ заботливо поддерживалъ тотъ иностранный характеръ, который носила на себѣ Одесса со временъ еще первыхъ ея главноправителей французовъ, герцога Ришелье и графа Ланжерона, и сочувственно усмѣхался уже во весь ротъ, когда называли ее при немъ „итальянскимъ городомъ“. И дѣйствительно, улица пользовалась въ Одессѣ свободою неслыханною, да и немыслимою во всей остальной Россіи тѣхъ временъ. Тамъ курили, разгуливали въ жаркіе дни безъ сюртуковъ, торговали всѣмъ, чѣмъ угодно, выносили свободно на тротуары передъ окнами и воротами домовъ, передъ кофейнями и магазинами, стулья и столы, за которые усаживались компаніями пить по вечерамъ чай, „пробавляться“ арбузами и мороженымъ... Вотъ эта-то самая уличная свобода и порождала въ петербургскихъ вла-

стяхъ мрачное представленіе о „карбонарствѣ“ буржуазнѣйше-консервативной Одессы.

Популярность свою графъ Михаилъ Семеновичъ поддерживалъ съ удивительнымъ тактомъ, безъ малѣйшей тѣни заискиванія ея, и съ тѣмъ особымъ оттѣнкомъ, при которомъ врожденная въ немъ спѣсь удивительно уживалась съ самымъ демократическимъ, повидимому, внѣшнимъ обращеніемъ. Доступный всѣмъ и каждому, онъ всѣмъ равно, съ тою же, знакомою намъ, привѣтливою усмѣшкою тонкихъ губъ, подавалъ и жалъ руку: старому генералу-ветерану, увѣшанному орденами, и послѣднему греченку или нѣмчику, плясавшему у него на вечерахъ по понедѣльникамъ въ числѣ гуртомъ приглашаемыхъ кавалеровъ. Въ этомъ полномъ отсутствіи нюансовъ обращенія съ людьми, стоявшими на различныхъ ступеняхъ общественной іерархіи, внимательный наблюдатель могъ весьма основательно заподозрить надменную заднюю мысль: „Я, а ниже меня всѣ остальные равны“. Но нѣмчикъ и греченокъ изъ конторы Пуля, или Ралли съ Родоконаки, почитали себя, само собою, чрезмѣрно польщенными тѣмъ, что „графъ“ любезенъ съ ними ровно столько же, сколько и съ самымъ заслуженымъ генераломъ... Заслуженый генералъ былъ, пожалуй, другаго мнѣнія, но молчалъ, хотя бы уже и потому, что жаловаться на это было какъ-то не ловко,—да и некому...

Я упомянулъ о танцовальныхъ вечерахъ по понедѣльникамъ въ домѣ графа Воронцова, на которые приглашались кое-кто изъ нашей братіи студентовъ. Вечера эти, по составу съѣзжавшагося на нихъ общества, представляли опять-таки собою нѣчто, что въ тѣ времена вы не встрѣтили бы рѣшительно ни въ какомъ иномъ русскомъ городѣ, гдѣ еще такъ рѣзко отдѣлялись тогда другъ отъ друга сословія, и одно дворянство пользовалось правами свѣтскаго гражданства. До сихъ поръ помню забавно, почти испуганно раскрывшіеся глаза одной, весьма юной тогда, свѣтской дамы, проѣзжавшей съ мужемъ изъ Крыма обратно въ Петербургъ, когда на одномъ изъ этихъ понедѣльниковъ, на вопросъ ея: „Кто вашъ визави?“—я отвѣтилъ ей: „M-r S., employé de la maison Maas“. — „Quelle maison?“ воскликнула она въ полномъ недоумѣніи. Я объяснилъ

ей, что это былъ весьма извѣстный въ Одессѣ торговый домъ. „Oh, mon Dieu, всплеснула она съ ужасомъ руками, — on reçoit ces gen-là ici“!... А между тѣмъ, этотъ С., молодой человѣкъ, воспитанный въ парижской политехнической школѣ, и попавшій противъ воли, вслѣдствіе семейныхъ обстоятельствъ въ купцы, былъ одинъ изъ самыхъ образованныхъ, умныхъ и благовоспитанныхъ одесситовъ тѣхъ дней. Дочь его, скажу мимоходомъ, носитъ въ настоящую пору двойную, княжескую и графскую, корону надъ своимъ гербомъ и принадлежитъ по мужу къ высшему обществу того же Петербурга, который, въ лицѣ моей тогдашней танцорки, княгини К., такъ высокомѣрно относился сорокъ лѣтъ тому назадъ къ société mêlée баловъ графа Воронцова.

На балахъ этихъ хозяинъ встрѣчалъ своихъ гостей въ неизмѣнно томъ же, любимомъ своемъ мундирѣ пѣхотнаго (кажется, нарвскаго) армейскаго полка, котораго онъ былъ шефомъ; онъ носилъ его не по формѣ, растегнутымъ, съ виднѣвшимся подъ нимъ бѣлымъ пикейнымъ жилетомъ, георгіевскимъ крестомъ на шеѣ и со стоячими, по-англійски, воротниками сорочки надъ высокимъ чернымъ галстухомъ. Пережавъ всѣмъ руки и проговоривъ каждому сквозь зубы свое неизмѣнное „Enchanté de vous voir“, онъ отправлялся въ особую комнату играть въ старинную игру ломберъ съ тремя одними и тѣми же всегда партнерами (изъ которыхъ одинъ, тогдашній начальникъ портовой таможни, Гамалѣй, весьма плохо кончилъ, попавъ подъ судъ и затѣмъ какъ-то черезчуръ скоропостижно умеревъ), и затѣмъ выходилъ въ залу уже только къ ужину. Ужинъ же былъ неизмѣнно скверенъ, что̀ приписывалось друзьями дома тому, что ни графъ, ни графиня „ничего не понимали въ кухнѣ“, а злыми языками объяснялось скупостью хозяйки, наслѣдовавшей-де это качество отъ матери, графини Браницкой, о скопидомствѣ которой, помню, было въ тѣ дни не мало разсказовъ (что̀ не помѣшало ей однако, какъ слышалъ я изъ вѣрнаго источника, передать не одинъ милліонъ любимому зятю на постройку волшебнаго замка его въ Алупкѣ).

Танцы на этихъ вечерахъ велъ ex-officio чиновникъ осо-

быхъ порученій и главный тогда любимецъ графа, Сафоновъ. Это былъ типъ вылощеннаго чиновника, отплясывавшій такъ же искусно и усердно, какъ и докладывалъ бумаги начальству, почитая и то, и другое равно необходимымъ для споспѣшествованія по службѣ, въ которой онъ дѣйствительно преуспѣвалъ отличнымъ манеромъ *).

— Вы рѣшительно неутомимы, Степанъ Васильевичъ, сказалъ ему однажды при мнѣ, въ видѣ любезности, кто-то.

— Скачи враже, якъ панъ каже, отвѣтилъ онъ съ молчановскимъ смиреніемъ, но сопровождая его улыбкою, имѣвшею, видимо, выразить протестъ противъ этой своей танцорской обязанности.

Кромѣ Сафонова, пользовавшіеся наибольшимъ расположеніемъ графа чиновники были: состоявшій съ нимъ въ дальнемъ родствѣ Михаилъ Павловичъ Щербининъ (уже сенаторъ, въ шестидесятыхъ годахъ главноначальствовавшій въ управленіи по дѣламъ печати), Иванъ Ѳедоровичъ Золотаревъ, весьма еще недавно скончавшійся и оставившій такую по себѣ добрую память въ славянскомъ комитетѣ, въ благой дѣятельности котораго онъ принималъ столь живое и сердечное участіе, состоя въ немъ казначеемъ **), и баронъ Николаи (бывшій министръ народнаго просвѣщенія), съ отцомъ котораго графъ Воронцовъ былъ очень друженъ, вслѣдствіе чего поступившій изъ Царскосельскаго лицея подъ начальство его сынъ этого друга имѣлъ въ домѣ его квартиру и столъ... Первые два изъ этихъ лицъ пользовались въ Одессѣ всеобщимъ сочувствіемъ и уваженіемъ. Это были дѣйствительно отличные, прекрасно образованные, расположенные къ добру люди, не жертвовавшіе всѣми и всѣмъ для узкихъ разсчетовъ честолюбія своего и благосостоянія.

Сила, по объясненію тогдашнихъ одесскихъ политикановъ, которою графъ Воронцовъ поддерживалъ свое положеніе и „не

*) Въ пору намѣстничества графа Воронцова на Кавказѣ, Сафоновъ былъ директоромъ его канцеляріи, а затѣмъ сенаторомъ въ Петербургѣ, гдѣ и умеръ.

**) Онъ былъ на Кавказѣ директоромъ походной канцеляріи намѣстника князя Воронцова.

давалъ забывать о себѣ въ Петербургѣ", заключалась, главнымъ образомъ, въ многочисленной и систематической перепискѣ, которую велъ онъ какъ съ самимъ Государемъ, такъ и съ разными правительственными лицами въ Петербургѣ. Онъ „проводилъ", выражаясь извѣстнымъ канцелярскимъ оборотомъ, предположенія свои и добивался своего не путемъ официальныхъ бумагъ, а частными письмами, въ которыхъ было ему гораздо свободнѣе развивать свою тему со всѣми исходящими изъ нея варіаціями, чѣмъ въ казенныхъ рамкахъ „доклада", „представленія" и т. д. Въ Петербургъ онъ ѣздилъ рѣдко. На моей памяти, съ 1837 года, когда, послѣ извѣстнаго вознесенскаго смотра, императоръ Николай посѣтилъ Одессу, и до 1845 года, когда былъ онъ вызванъ государемъ въ столицу, предъ назначеніемъ своимъ на Кавказъ, онъ изъ своего генералъ-губернаторства выѣхалъ только разъ, на короткую побывку въ Англію у сестры своей, леди Пэмброкъ. Онъ не жаждалъ, какъ изъ этого можно видѣть, „личныхъ докладовъ" и не боялся „подкапываній" подъ себя враговъ, точившихъ на него зубы въ Петербургѣ. Графъ Воронцовъ при случаѣ ломалъ имъ шею самымъ искуснымъ и рѣшительнымъ образомъ, какъ это было въ томъ же 1845 году со статсъ-секретаремъ Позеномъ, креатурою и любимцемъ военнаго министра, князя Чернышова, который, какъ извѣстно, былъ тоже не малый тузъ въ эту эпоху...

Переписку графъ Воронцовъ велъ, впрочемъ, далеко не съ одними правительственными лицами: онъ совершенно по англійскому обычаю поддерживалъ ее регулярно съ родными своими, старыми друзьями, управляющими своихъ имѣній и т. д. Велась она преимущественно на французскомъ языкѣ и на нее посвящались имъ два или три часа утренняго занятія. Самъ онъ не писалъ почти никогда, а диктовалъ чиновнику, секретарю, обязанности котораго только въ этомъ и заключались. Этимъ секретаремъ по иностранной перепискѣ былъ сначала М. П. Щербининъ, котораго замѣнилъ, по пріѣздѣ своемъ въ Одессу, баронъ Николаи, продолжавшій занимать эту должность при патронѣ своемъ и на Кавказѣ, до самаго, если не ошибаюсь, назначенія его, барона, попечителемъ та-

мошняго учебнаго округа. На мѣсто его поступилъ тогда лицейскій товарищъ мой, А. Минчіаки, о которомъ я имѣлъ уже случай упомянуть. Минчіаки, по оставленіи княземъ Воронцовымъ своего поста намѣстника предъ Крымскою войною, сопровождалъ его за границу и оставался при немъ до самой его смерти.

Здѣсь невольно припоминается мнѣ разсказъ стараго товарища моего о впечатлѣніи, которое произвела на этого ледянаго съ виду человѣка вѣсть о кончинѣ императора Николая. Получивъ объ этомъ депешу, больной старикъ выронилъ ее изъ рукъ, челюсти его судорожно задрожали, и со словами: „L'Empereur n'est plus!“, онъ закрылъ глаза обѣими руками и зарыдалъ какъ ребенокъ... Едва-ли кто до тѣхъ поръ видѣлъ Михаила Семеновича Воронцова плачущимъ. Но здѣсь, вопреки всей своей англійской стойкости и власти надъ собою, сказался вѣрный слуга и сынъ Россіи, пораженный въ сердце ударомъ, падавшимъ на отечество въ ту минуту, когда чуть не вся Европа ополчилась на него...

У Михаила Семеновича былъ сынъ, Семенъ Михайловичъ, учившійся одновременно со мною въ Ришельевскомъ лицеѣ. На голубомъ воротникѣ своего студенческаго мундира онъ велѣлъ вышить золотыя петлицы, между тѣмъ какъ всѣ мы носили форменныя, галунныя: это все, что̀ я могу сказать про его Lehrjahre. Онъ умеръ въ позапрошломъ году, въ званіи генералъ-адъютанта: едва-ли что̀ другое будетъ въ состояніи сказать и про все его остальное curriculum vitae историкъ рода, кончившагося съ нимъ... Кромѣ того же, довольно высокаго роста, онъ ни одною, ни наружною, ни духовною чертою не напоминалъ своего родителя; тонкія линіи и общее изящество облика отца замѣнялись у сына грубыми, мясистыми очертаніями бѣлокурой головы и далеко не изобличавшими хорошаго воспитанія и добраго нрава внѣшними пріемами. Онъ по наружности вышелъ, какъ говорится, въ материнскую родню, а именно въ Голицыныхъ; откуда шло остальное, довольно трудно понять... да и не интересно.

Какое за то милое, „любезное очамъ“, добросердечное и привѣтливое существо была жившая въ домѣ Воронцовыхъ

племянница хозяйки, вдова, графиня Варвара Григорьевна Шуазель, урожденная княжна Голицына. Оставшись послѣ мужа, полу-француза, полу-поляка, безъ всякаго, если не ошибаюсь, состоянія, она нашла у этихъ родныхъ своихъ пріютъ и ласку, за которые отплатила цѣлою жизнью благодарности, любви и заботъ о нихъ въ старости. Елисавета Ксаверіевна, вдова князя-фельдмаршала, пережила, какъ извѣстно, многими годами мужа, по смерти котораго переселилась на старое пепелище, въ Одессу, гдѣ всю себя посвятила дѣламъ милосердія. Графиня Шуазель была ея ангеломъ хранителемъ, ближайшею и усерднѣйшею помощницею ея, и по кончинѣ тетки, долго еще, обратившись въ настоящую монахиню, состояла начальницею основанной княгинею въ Одессѣ общины сестеръ милосердія... Въ отошедшемъ навсегда въ вѣчность этомъ поколѣніи русскихъ свѣтскихъ женщинъ можно встрѣтить не мало типовъ, отъ которыхъ вѣетъ какимъ-то неотразимымъ, романическимъ благоуханіемъ...

Но въ тѣ годы, къ которымъ относятся мои воспоминанія, графиня Варвара Григорьевна была женщина лѣтъ 35 — 36, высокая, „blonde comme les blés“, съ задушевными голубыми глазами и „плечами-мраморомъ“, большая охотница играть на сценѣ и очень мило, а еще болѣе охотно, съ музыкальностью, врожденною всей вѣтви Голицыныхъ, къ которой принадлежала она, распѣвавшая русскіе и иные романсы того времени... Не могу забыть до сихъ поръ одного изъ нихъ на слова Бенедиктова, слышанный мною изъ ея устъ въ одинъ волшебный весеній вечеръ, въ началѣ апрѣля, въ залѣ съ открытыми окнами на море, гдѣ, подъ серебрянымъ сіяніемъ полной луны, по темно-синимъ, едва колыхавшимся волнамъ скользили суда подъ надутыми парусами, словно какіе-то изваянные лебеди на матовомъ фонѣ античной вазы...

Небо полночное звѣздъ міріадами
Взорамъ безсоннымъ горитъ,
Дивный вѣнецъ его блещетъ плеядами,
Альдебараномъ горитъ...

Долго, долго еще потомъ сохранялся въ душѣ моей невыразимо сладостный arrière-goût того, всего меня охватившаго,

поэтическаго впечатлѣнія, которое произвели на меня при этой обстановкѣ музыкальные звуки совершенно безсмысленнаго по словамъ романса... Да нѣтъ, я не буду лгать: самая безсмысленность этихъ словъ служила, быть можетъ, тому очарованію, тому неотразимому захвату юнаго, мечтательнаго чувства, уносившаго меня въ ту минуту... И теперь, вспоминая о ней,

Das strenge Herz es fühlt sich mild und weich ..

Любительскіе спектакли въ Одессѣ не стѣснены были обычными въ столицахъ узкими рамками залы какого-нибудь частнаго дома (достаточно большой залы для этого не было тогда ни въ одномъ домѣ города). Они давались на сценѣ настоящаго, единственнаго тогда тамъ театра, съ благотворительною цѣлью, и дѣлались всегда полные сборы, такъ какъ, кромѣ временно, преимущественно лѣтомъ, залетавшихъ провинціальныхъ актерскихъ компаній, въ которыя иной разъ пріѣзжалъ гастролировать изъ Москвы Щепкинъ (а также превосходный, пользовавшійся тогда большою репутаціею, провинціальный комикъ Соленикъ), никакой драматической труппы въ Одессѣ не было, и пробавлялась она одною имѣвшеюся у нея постоянною итальянскою оперою. „Благородные спектакли“, иниціатива которыхъ принадлежала графинѣ Шуазель, доставляли поэтому тамошней публикѣ истинное удовольствіе. Сама она исполняла въ нихъ первые женскіе grands rôles, вѣрнѣе роли jeune première, такъ какъ давались преимущественно небольшія комедіи и водевили. Ingénue играла не очень, какъ и сама графиня, молодая, но еще весьма привлекательная наружностью и съ очень милымъ голосомъ, княгиня Гагарина, рожденная Бороздина, бывшая замужемъ за декабристомъ Поджіо, и по ссылкѣ мужа на каторгу вышедшая замужъ за князя Александра Ивановича Гагарина, отличнѣйшаго человѣка, одного изъ тогдашнихъ адъютантовъ графа Воронцова. (Онъ впослѣдствіи, въ званіи Кутаисскаго генералъ-губернатора, былъ зарѣзанъ въ этомъ городѣ какимъ-то бѣшенымъ мѣстнымъ княземъ, вмѣстѣ со служившимъ подъ его начальствомъ пріятелемъ своимъ, Ильинымъ, весьма из-

вѣстнымъ въ Одессѣ въ тѣ дни, о которыхъ я говорю, своимъ остроуміемъ, любовью къ вину и діогеновскимъ неряшествомъ, чтобы не сказать болѣе, своей наружности). Присяжнымъ jeune premier былъ чрезвычайно красивый молодой новороссійскій помѣщикъ, отставной гвардейскій офицеръ, Шостакъ, обладавшій прелестнѣйшимъ теноромъ, весьма изящными внѣшними пріемами и прекрасными черными глазами, горѣвшими тѣмъ особымъ блескомъ, который замѣчается у людей, склонныхъ къ чахоткѣ. Онъ дѣйствительно вскорѣ затѣмъ умеръ отъ этой болѣзни, послѣ двухъ лѣтъ счастливѣйшаго брака съ дочерью тогдашняго одесскаго откупщика, Николая Михайловича Исленьева, такою же, какъ и онъ, красивою брюнеткою, Екатериною Николаевною. (Вдова его въ настоящую пору состоитъ начальницею петербургскаго николаевскаго института). Два превосходные комика были М. П. Щербининъ и А. И. Соколовъ, одинъ изъ одесскихъ чиновниковъ, бывшій студентъ Московскаго университета, довольно приземистый, грузный, и тѣмъ болѣе комичный на сценѣ, чѣмъ менѣе можно было этого ожидать отъ него, претендовавшаго въ обыкновенной жизни изображать собою модную въ тѣ печоринскія времена „романтическую мрачность“ внѣшности. Роли всякаго жанра, и комическія, и серьезныя, исполнялъ въ этой свѣтской труппѣ и „знаменитый“ графъ Самойловъ.

Я не могу не остановиться на этомъ лицѣ. Графъ Самойловъ, сынъ извѣстнаго екатерининскаго генералъ-прокурора, племянника князя Таврическаго, представлялъ собою рѣдкое соединеніе самыхъ блестящихъ внутреннихъ и внѣшнихъ качествъ и такихъ же яркихъ, если можно такъ выразиться, пороковъ. Типъ чисто русскій, — ему, казалось, все было дано лишь для того, чтобы ничто изъ щедротъ, разсыпанныхъ на него судьбою, не пошло ему въ прокъ. Въ судьбѣ его повторилась именно та старинная сказка, въ которой забытая приглашеніемъ волшебница является непрошенная вслѣдъ за другими позванными къ новорожденному царскому младенцу, и ко всѣмъ дарамъ, напророченнымъ ему уже ея сестрами, прибавляетъ въ гнѣвѣ своемъ: „Да, онъ будетъ все это имѣть, но ничѣмъ не воспользуется“. Тщательно воспитанный, пре-

восходно образованный, одаренный необыкновенною физическою силою, неотразимымъ, мужественнымъ и съ тѣмъ вмѣстѣ сладкопроницающимъ органомъ голоса и красотою какого-то античнаго бога, знатный и богатый, первый стрѣлокъ и всадникъ въ Россіи, необычайно ловкій во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ,—онъ былъ замѣчательнѣйшій, а вмѣстѣ съ тѣмъ несчастнѣйшій... и развратнѣйшій человѣкъ во всей Русской имперіи. Адъютантъ Ермолова на Кавказѣ, затѣмъ, если не ошибаюсь, флигель-адъютантъ, онъ женился на богатѣйшей въ то время русской невѣстѣ, графинѣ Паленъ, въ которую, какъ говорятъ, былъ страстно влюбленъ. Но счастье промелькнуло для него быстрѣе лѣтнихъ розъ. Широкій разгулъ его натуры, не только не укладывавшейся въ строгія рамки брачной жизни, но и пренебрегавшей тѣми компромиссами съ нею, которыя называютъ въ свѣтѣ convenances, повлекъ за собою обычныя послѣдствія. Онъ вскорѣ долженъ былъ убѣдиться, что обманутъ въ свою очередь... Подробности происшедшаго затѣмъ разрыва его съ женою, возмездіе, которое, съ своей стороны, заставилъ онъ претерпѣть захваченнаго имъ на мѣстѣ преступленія оскорбителя своего,—все это, по едва вѣроятному своему содержанію, могло бы быть передано лишь наивно скабрезнымъ перомъ Боккаччіо, Брантома или Tallemant des Réaux, и носитъ на себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ печать той полудикой, но чуть не грандіозной безудержности, съ которою говорятъ страсти у людей, скроенныхъ, какъ графъ Самойловъ, по размѣру сказочныхъ богатырей... Какъ бы то ни было, но вслѣдъ за этою „исторіею“ съ женою, онъ въ чинѣ полковника, вышелъ въ отставку (императоръ Николай питалъ къ нему самое рѣшительное нерасположеніе). Началась безцѣльная бродячая жизнь по Россіи (за границу, кажется, его, по повелѣнію нелюбившаго его императора Николая, не пускали). Онъ жилъ то въ Москвѣ *), то въ бога-

*) Ко времени одного изъ этихъ пребываній его въ Москвѣ относится эпизодъ съ Живокини, разсказъ о которомъ, со словъ самого покойнаго московскаго актера, я еще весьма недавно видѣлъ гдѣ-то въ печати, и именно такъ, какъ онъ переданъ былъ мнѣ лично еще во дни моего студентства однимъ изъ ближайшихъ пріятелей графа Самойлова. Одно очень вы-

томъ своемъ кіевскомъ имѣніи Смѣлъ (наслѣдованномъ послѣ его смерти сестрою его, графинею Бобринскою, и принадлежащемъ нынѣ ея сыновьямъ), откуда ѣздилъ по зимамъ въ Кіевъ на „контракты", въ Харьковѣ и Одессѣ, гдѣ прожилъ три или четыре года сряду, въ пору моего тамъ студентства. Это была печальная, разбитая жизнь, сознаніе которой мучительно точило его внутренно и побуждало искать забвенія въ безумныхъ пирахъ и наслажденіяхъ самой низкой, по большей части, пробы. Гульба съ обѣда и до утра слѣдующаго дня, превращавшаяся часто въ настоящія сатурналіи, въ компаніи бѣшеныхъ друзей и погибшихъ, но далеко не милыхъ созданій,—вотъ на что тратились дары, расточенные какъ бы на смѣхъ судьбою этому Алкивіаду пополамъ съ Геркулесомъ. Въ тѣ дни „романтическихъ вѣяній" онъ невольно наводилъ мысль на сравненіе его съ мильтоновскимъ падшимъ ангеломъ. „L'ange déchu" — такъ и называли его свѣтскія женщины, которыхъ онъ, съ своей стороны, видимо избѣгалъ. На насъ, молодежь, онъ производилъ какое-то невыразимое обаяніе и наводилъ этимъ ужасъ на нашихъ матерей, которымъ представлялся онъ дѣйствительно какимъ-то дьяволомъ-искусителемъ, общество котораго должно было неминуемо повести дѣтей ихъ къ окончательной гибели. Но онъ, съ своей стороны, нисколько не расположенъ былъ вести компанію съ молокососами, а, бывая у нашихъ отцовъ, старыхъ товарищей или добрыхъ знакомыхъ своихъ, походилъ такъ мало на того „ужаснаго Самойлова", о которомъ передавались тогда на ухо другъ другу цѣлыя легенды, что намъ приходилось только недоумѣвать, какъ мо-

---

сокопоставленное лицо (дворъ былъ въ ту пору въ Москвѣ) пожелало, чтобъ Живокини выставилъ блестящаго красавца, мозолившаго ему глаза, въ карикатурномъ видѣ на сценѣ. Актеръ повиновался, и вышелъ графомъ Самойловымъ, если не ошибаюсь, въ роли Транжирина, въ комедіи этого названія. Но замышляемый уколъ непріятному человѣку не попалъ въ цѣль. Оригиналъ карикатуры сидѣлъ тутъ же на этомъ представленіи въ первомъ ряду креселъ, смѣялся и апплодировалъ больше всѣхъ и, по окончаніи спектакля, послалъ сказать Живокини, что онъ доставилъ ему искреннѣйшее удовольствіе, но что для полнаго сходства его съ нимъ, ему недоставало тѣхъ настоящихъ брилліантовыхъ пуговицъ, которыя онъ, Самойловъ, имѣетъ привычку носить на рубашкѣ, а потому онъ и посылаетъ ихъ ему на добрую память.

жетъ человѣкъ въ одно и то же время совмѣщать въ себѣ „столько зла и столько прелести“. Дѣйствительно, внѣ своей разгульной компаніи, въ свѣтѣ или въ семейномъ домѣ, графъ Самойловъ представлялъ собою образецъ утонченнѣйшаго gentilhomme de l'ancien régime, учтиваго до конца ногтей и сдержаннаго чуть не до робости. Эта послѣдняя черта, при его блистательной наружности и циническої репутаціи, придавала ему именно ту прелесть „à la quelle aucune femme ne saurait résister“, какъ говорила одна изъ тогдашнихъ одесскихъ красавицъ. При нѣсколько внимательномъ наблюденіи нельзя было не замѣтить при этомъ тотъ оттѣнокъ какой-то будто неодолимой меланхоліи, которая то-и-дѣло ложилась на его прекрасное лицо даже въ тѣ минуты, когда онъ, повидимому, былъ наиболѣе весело настроенъ. Этотъ „ужасный“ человѣкъ, послѣ всего перелома жизни, исполненной невѣроятнѣйшихъ перипетій и приключеній, обладалъ чувствительностью, которой могъ бы позавидовать чуть не самъ Вертеръ. Я имѣлъ случай лично убѣдиться въ этомъ.

Въ театрѣ шли репетиціи спектакля, имѣвшаго быть составленнымъ изъ трехъ пьесъ: двухъ-актной комедіи-водевиля „Барышня-крестьянка“, французской комедіи съ куплетами „Dieu vous bénisse“, и стараго водевиля Хмѣльницкаго „Карантинъ“. Пользуясь правомъ ходить на эти репетиціи, такъ какъ и мнѣ иной разъ давали играть на этихъ спектакляхъ маленькія выходныя роли, я въ одинъ прекрасный вечеръ зашелъ на одну изъ нихъ. Проникнувъ въ театръ черезъ актерскій входъ, и почти ощупью, сквозь тьму, царствовавшую въ глубинѣ сцены, пробравшись къ кулисѣ, за которою привѣшенъ былъ кенкетъ, послужившій мнѣ маякомъ, я увидѣлъ за этою кулисою графа Самойлова, со шляпою на головѣ, одиноко сидѣвшаго у столика, на которомъ стоялъ стаканъ и бутылка шампанскаго. Онъ ожидалъ окончанія репетиціи водевиля, такъ какъ за нимъ должна была итти проба репетиціи французской пьесы, въ которой онъ игралъ полукомическую роль проведеннаго добродѣтельною кокеткою соблазнителя-маркиза (и какъ игралъ, какъ носилъ пудреный парикъ, кружевное жабо и шитый блестками бархатный кафтанъ временъ Людовика XV!). Я

остановился незамѣченный имъ, прислушиваясь къ глухо доносившемуся до этого мѣста діалогу репетировавшихъ у рампы актеровъ. Но вотъ послышалась музыка: струнный квартетъ заигралъ ритурнель еврейскаго мотива, на который пѣлъ куплеты свои М. П. Щербининъ, игравшій въ „Карантинѣ“ роль жида Мовши. Глаза мои въ это время машинально остановились на недвижно внимавшемъ графѣ Самойловѣ. Вижу: изъ подъ золотыхъ его очковъ явственно капаютъ на щеки крупныя слезы. Онъ вынулъ поспѣшно платокъ утереть ихъ — и увидалъ меня. Онъ видимо прочелъ на лицѣ моемъ тутъ же то впечатлѣніе, какое произвели на меня эти слезы его, и протянулъ мнѣ руку.—„Тебя удивляетъ, что я плачу, какъ бы вырвалось у него невольно,—этотъ мотивъ... мнѣ вспомнилась Сарра, — слышалъ ты про нее? Это была единственная женщина, которая меня искренно любила“. Онъ поспѣшно всталъ затѣмъ, допилъ свой стаканъ и направился быстрыми шагами вдоль кулисъ къ рампѣ, какъ бы застыдясь вдругъ этой нежданной имъ самимъ откровенности своей съ юношею и чувства, подавшаго къ ней поводъ.

Про Сарру я слышалъ, какъ и всѣ въ тѣ времена. Это была красавица—еврейка, дочь одного изъ богатѣйшихъ бердичевскихъ купцовъ, страстно влюбившаяся въ „ясновельможнаго графа“, и которую онъ увезъ изъ родительскаго дома въ бѣлый день, передъ лицомъ всего тамошняго израиля, преслѣдуемый на всемъ пространствѣ города неистовою, рвавшеюся остановить его лошадей и отбить увозимую имъ дѣвушку, толпою, отъ которой долженъ онъ былъ отбиваться съ пистолетами въ обѣихъ рукахъ... Отецъ проклялъ опозорившую его сѣдины и все еврейство дочь. Это былъ, какъ разсказывали мнѣ люди, знавшіе ее, ударъ смертельный для этой тонко развитой въ психическомъ отношеніи и нѣжной по организму натуры. Она безумно любила своего обольстителя и не въ силахъ была его покинуть, но и не въ силахъ была перенести мучительныхъ упрековъ совѣсти за попранный ею отеческій законъ. Борьба этихъ двухъ чувствъ изнурила и свела въ могилу бѣдную Сарру черезъ годъ съ чѣмъ-то послѣ увоза ея графомъ Самойловымъ. Смерть ея,

говорили, произвела на него такое потрясающее впечатлѣніе, что онъ едва былъ въ состояніи вынести его, и близкіе къ нему люди дрожали, ожидая то-и-дѣло, что онъ сойдетъ съ ума или застрѣлится...

Года полтора или два послѣ тѣхъ веселыхъ одесскихъ любительскихъ спектаклей, этотъ, Богъ вѣсть для чего и какъ, загубившій жизнь свою даровитый человѣкъ умеръ въ Петербургѣ отъ удара, въ объятіяхъ „продажной прелестницы“, какъ выражались у насъ въ литературѣ въ двадцатыхъ годахъ, 43-хъ или 44-хъ лѣтъ отъ роду!

Разгульная компанія, центромъ и знаменемъ которой служилъ онъ въ тѣ дни, нашла себѣ вскорѣ послѣ его отъѣзда изъ Одессы новаго поителя и кормителя, въ лицѣ нѣкоего Кологривова, кромѣ богатства и нравственной распущенности не имѣвшаго ничего общаго съ тою блистательною личностью, но о которомъ стоитъ упомянуть, какъ о новомъ образчикѣ той едва вѣроятной для иностранцевъ нелѣпости, въ которую можетъ иной разъ складываться жизнь русскаго человѣка. Шатаніе мысли и воли, безтолковое исканіе чего-то, имѣющаго наполнить чувствуемую внутри себя пустоту, не есть что-либо присущее новой пореформенной эпохѣ въ Россіи: не мало всего этого было и въ дворянской Руси. Представьте себѣ, напримѣръ, этого самаго Кологривова. Воронежскій помѣщикъ, лишившійся лѣтъ двадцати съ чѣмъ-то отца и матери, оставившихъ ему тысячъ двѣсти (на ассигнаціи) рублей ежегоднаго дохода, отправляется онъ учиться въ Германію, и поступаетъ въ Тюбингенѣ — куда бы вы думали? Въ протестантскій богословскій факультетъ, гдѣ прослушиваетъ усидчиво и успѣшно всѣ шесть семестровъ, и по сдачѣ экзамена получаетъ дипломъ доктора теологіи. Пасторомъ затѣмъ онъ, само собою, не дѣлается, а отправляется въ Парижъ, гдѣ держитъ новый экзаменъ на поступленіе въ политехническую школу, курсъ которой точно такъ же кончаетъ отлично въ 1830 году, въ самый моментъ іюльской революціи. Извѣстно участіе, принятое школою въ этомъ событіи, и увѣнчавшееся полнымъ успѣхомъ содѣйствіе ея дѣлу инсургентовъ. Кологривовъ вмѣстѣ съ товарищами усерднѣйшимъ образомъ де-

рется на баррикадахъ за „свободу“ противъ законной монархіи, за что̀ получаетъ даже вмѣстѣ съ другими „іюльскій крестъ“, „la croix de juillet“, отъ воцарившагося затѣмъ парламентарнаго правительства. Но вѣтеръ тутъ же перемѣняется. Въ Испаніи идетъ междоусобная война. Кологривовъ переѣзжаетъ Пиринеи и поступаетъ въ войско претендента Донъ-Карлоса, подъ предводительствомъ котораго и оказывается теперь сражающимся за легитимную, законную монархію противъ конституціонной, съ ея свободою и парламентомъ. О подвигахъ русскаго искателя приключеній доходятъ слухи до императора Николая, не любившаго, какъ извѣстно, давать повадку такимъ самовольнымъ пруэссамъ своихъ подданныхъ на пользу какой бы то ни было чужеземной cause. Кологривову приказано было воротиться въ отечество, подъ угрозою отобранія имѣнія его въ казну въ случаѣ неповиновенія. Онъ повинуется, само собою: баррикады въ Парижѣ и легитимизмъ въ Испаніи — вещи, конечно, отличныя, но мѣнять на нихъ своихъ воронежскихъ мужичковъ и тысячи десятинъ чернозема — превосходило мѣру преданности его „убѣжденіямъ“. Пріѣзжаетъ въ Петербургъ и, по желанію государя, привозится въ его кабинетъ шефомъ жандармовъ. Разсказъ самого Кологривова (переданный мнѣ tout chaud однимъ изъ слышавшихъ его) объ этой „аудіенціи“ его у государя былъ чрезвычайно забавенъ:

„Что̀ побудило васъ, спрашиваетъ онъ меня грозно, — къ тому, что вы дѣлали во Франціи и Испаніи?“ Но я не смутился; я люблю величественность, а этотъ человѣкъ величественъ, я долженъ въ этомъ сознаться; онъ подкупилъ меня этою величественностью,—я ему и говорю съ полнымъ моимъ человѣческимъ достоинствомъ: „Желалъ, говорю, ваше величество, показать иностранцамъ, какъ умѣютъ драться люди, имѣющіе счастье быть вашими подданными“. Отвѣтъ мой привелъ его въ восхищеніе. „Я узнаю въ тебѣ достойнаго сына Россіи,—поцѣлуй меня“. Мы поцѣловались. Я вышелъ изъ его кабинета, унося высокое чувство удовлетворенія и имъ, и собою... И что̀ же? Объявляютъ мнѣ на другой день въ III отдѣленіи резолюцію,—синтезъ, такъ сказать, этого свиданія

великаго монарха съ однимъ изъ недюжинныхъ,—вѣско подчеркивалъ Кологривовъ,—сыновъ его имперіи. Коротко-съ, два слова всего: „Рядовымъ на Кавказъ“. Признаюсь вамъ, я этого не ожидалъ. Конечно, это не изъ его прямаго чувства вышло: чувство это, я видѣлъ, понималъ, побуждало его простить меня, — можетъ быть даже больше, приблизить меня къ себѣ. Тутъ видимо повліялъ на него Бенкендорфъ и вся нѣмецкая партія. Но, все равно, этого поступка его со мною исторія не проститъ ему никогда,—я тернъ въ листахъ его вѣнца!“

„Тернъ“ этотъ дѣйствительно выслали съ жандармомъ и продержали на Кавказѣ рядовымъ 7 лѣтъ невступно. Онъ произведенъ былъ затѣмъ въ офицеры и выпущенъ въ отставку. Пріѣхавъ на пароходѣ въ Одессу, съ цѣлью ѣхать къ себѣ въ имѣніе, онъ неожиданно застрялъ тутъ, найдя знакомаго ему по Кавказу Льва Сергѣевича Пушкина, черезъ котораго перезнакомился съ эпигонами бывшей самойловской компаніи. Беззавѣтная гульба воскресла опять, какъ фениксъ изъ своего пепла, подъ кологривовскою хоругвью. Для большаго удобства и полной свободы дѣйствій купленъ былъ имъ черезъ нѣсколько времени продававшійся послѣ смерти извѣстнаго друга Коцебу и ученаго православнаго писателя Александра Скарлатовича Стурдзы, хуторъ верстахъ въ $1^1/_2$ отъ города, на которомъ бывшимъ владѣльцемъ его похоронена была сестра его, графиня Эдлингъ, женщина высоконравственная, оставившая по себѣ славу чуть не святой, вслѣдствіе чего въ народѣ ходили какіе-то слухи объ исцѣленіяхъ, вымаливаемыхъ-де ею недужнымъ, приходившимъ молиться на ея могилу. Нашъ докторъ теологіи тюбингенской alma mater почелъ поэтому нужнымъ разсѣять такое „безсмысленное суевѣріе темнаго люда“ и избралъ эту самую могилу мѣстомъ, гдѣ, какъ дошло вскорѣ до начальства, совершались по ночамъ самыя возмутительныя оргіи... Въ эту пору графъ Воронцовъ состоялъ уже намѣстникомъ на Кавказѣ и жилъ въ Тифлисѣ, а новороссійскимъ генералъ-губернаторствомъ, надъ которымъ онъ сохранялъ высшую власть, правилъ на мѣстѣ генералъ Ѳедоровъ, креатура его, выведенный имъ изъ полиціймейстеровъ г. Николаева до

этого высокаго поста. При графѣ Воронцовѣ, надо полагать, то, что̀ дѣлалось на бывшемъ хуторѣ Стурдзы, повело бы къ чему-либо болѣе рѣшительному, чѣмъ объявленное его новому владѣльцу деликатное замѣчаніе: „не подавать повода ходящимъ по городу слухамъ о производящихся будто у него безчинствамъ“,—такъ какъ графъ имѣлъ достаточно уже основанія точить на него зубы. Въ бытность графа Воронцова еще въ Одессѣ Кологривовъ просилъ его о разрѣшеніи ему произвести на купленномъ имъ небольшомъ суднѣ ученое изслѣдованіе береговъ Чернаго моря. Это было еще на самыхъ первыхъ порахъ переселенія бывшаго кавказскаго разжалованнаго въ Одессу. Графъ Воронцовъ не зналъ еще, что̀ это была за птица, и весьма сочувственно, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, отнесся „къ прекрасной цѣли его предпріятія“, приказавъ даже извѣстить о немъ начальника всѣхъ прибрежныхъ мѣстъ своего генералъ-губернаторства, съ приглашеніемъ оказать всякое содѣйствіе ученому изслѣдователю. Изслѣдователь нагрузилъ судно свое огромнымъ количествомъ всевозможнаго вина и съ грузомъ этимъ отправился дѣйствительно разъѣзжать по всѣмъ портамъ крымскаго и кавказскаго побережья. Приплыветъ въ гавань, кинетъ якорь, съѣдетъ на берегъ и отправляется знакомиться со всѣми находящимися тамъ морскими и армейскими офицерами. Въ тотъ же день весь этотъ народъ плыветъ къ нему гуртомъ на яхту, и начинается питье на смерть. Споивъ здѣсь все и вся, онъ поднимаетъ паруса и плыветъ дальше, изъ Ѳеодосіи въ Керчь, изъ Керчи въ Тамань и вдоль всей кавказской береговой линіи, укладывая послѣдовательно въ лоскъ мадерою своею и коньякомъ военный персоналъ слѣдовавшихъ тамъ одно за другимъ укрѣпленій. Узнавъ о настоящемъ свойствѣ тѣхъ „ученыхъ трудовъ“, которымъ почелъ онъ нужнымъ оказать свое просвѣщенное покровительство, графъ Михаилъ Семеновичъ очень, говорятъ, гнѣвался, и даже сказалъ будто бы со своимъ англійскимъ процѣживаньемъ сквозь зубы: „Этотъ господинъ Кологривовъ совсѣмъ негодный человѣкъ“.

„Этого господина“ я встрѣтилъ разъ или два въ 1845 году, въ Одессѣ, куда пріѣзжалъ въ отпускъ изъ Петербурга,

гдѣ уже состоялъ на службѣ. Это была оригинальная фигура: роста немного ниже средняго, нѣсколько сутулый, широкоплечій, въ очкахъ, съ длинными по плечи волосами, облеченный въ длинное черное пальто и бархатную шапочку совершенно монашескаго покроя. Къ женщинамъ онъ питалъ непримиримую ненависть и обладалъ, какъ увѣряли меня лица компетентныя, огромною начитанностью... Мы видѣли, какое полезное употребленіе онъ дѣлалъ изъ нея... Проживъ нѣсколько лѣтъ въ Одессѣ этою своею назидательною и душеспасительною жизнью, онъ добился наконецъ заграничнаго паспорта, въ которомъ отказывали ему въ теченіи многихъ лѣтъ, и отправился на Востокъ, куда давно тянули его мечтанія и нравы, и попалъ, разсказывали мнѣ потомъ, въ большую милость къ тогдашнему хедиву Измаилъ-пашѣ, котораго тоже споилъ-де на смерть. Свѣдѣнія мои объ этомъ „антикѣ“, какъ назвалъ мнѣ его однажды извѣстный въ тѣ дни въ Одессѣ факторъ Мошка, засимъ прекращаются.

Хорошъ былъ также другой типъ, топтавшій въ тѣ дни одесскія мостовыя. Звали его Посниковымъ, Иваномъ Захаровичемъ. Онъ по рожденію и родству принадлежалъ къ лучшему столичному обществу. Внукъ извѣстнаго сановника александровскихъ временъ, Архарова, онъ былъ по матери родной племянникъ извѣстной Александры Ивановны Васильчиковой, весьма просвѣщенной женщины *) (тещи покойнаго князя В. А. Черкасскаго и матери автора прекрасной „Монографіи семейства Разумовскихъ“). Лишившись родителей до совершеннолѣтія, Посниковъ состоялъ одно время подъ опекою этой тетки своей и очень былъ любимъ ею, что̀ подавало поводъ къ самымъ забавнымъ эпизодамъ въ ихъ отношеніяхъ (объ одномъ изъ нихъ я разскажу ниже). Воспитанный весьма тщательно дома, онъ поступилъ затѣмъ въ петербургскій университетъ на филологическій факультетъ, гдѣ оказался лучшимъ ученикомъ извѣстнаго тогда эллиниста, профессора Грефе, и вышелъ первымъ кандидатомъ своего курса.

*) Гоголь одно время былъ наставникомъ у дѣтей ея, о чемъ весьма интересныя строки читаются въ воспоминаніяхъ покойнаго графа Соллогуба, напечатанныхъ нѣсколько лѣтъ назадъ въ „Русскомъ Архивѣ“.

Характера онъ былъ милѣйшаго, мягчайшаго, ребячески добродушнаго, что̀ имѣло какой-то особенно комичный оттѣнокъ при его огромномъ ростѣ и богатырскомъ сложеніи; это была какая-то разваренная до кашеобразности рѣпа, ростомъ въ колокольню. Воли никакой, и пьяница жесточайшій. Тетку онъ приводилъ въ отчаяніе. Боялся онъ ея ужасно и лилъ слезы, словно изъ лохани воду, какъ только начинала она наставлять его на путь истины, билъ себя въ грудь кулаками, призывая всѣхъ святителей во свидѣтели, что „больше не будетъ“,—и въ тотъ же день лежалъ гдѣ-нибудь подъ столомъ, напившись до безчувствія. Билась съ нимъ Александра Ивановна, билась, придумала наконецъ отправить его подъ начало графа М. С. Воронцова, въ Одессу. Снарядила его, раба Божія, надѣлала ему платья, бѣлья, снабдила деньгами и „погребцомъ“ на дорогу, необходимою тогда принадлежностью каждаго путешествовавшаго по Россіи, въ которомъ, между прочимъ, находились три дюжины серебряныхъ ложекъ. Деньги Иванъ Захаровичъ, не выѣзжая еще изъ Москвы, пропилъ почти всѣ, такъ что остатка отъ нихъ хватило ему едва чтобы доѣхать до Харькова. А оттуда до Одессы прогоны на станціяхъ платилъ онъ уже этими своими серебряными ложками изъ „погребца“... Графъ Михаилъ Семеновичъ принялъ его отлично, въ его двойномъ качествѣ человѣка извѣстнаго общества и классически-образованнаго юноши, и поручилъ ему заняться разборомъ, приведеніемъ въ порядокъ и составленіемъ каталога своей обширной библіотеки. Посниковъ принялся за задачу съ рвеніемъ, и каждый день аккуратно, въ положенный часъ, являлся исправлять порученное ему дѣло въ комнату, въ которой помѣщалась эта библіотека, рядомъ съ кабинетомъ его начальника. И сидитъ тутъ такимъ образомъ каждое утро Иванъ Захарычъ, корпитъ за каталогомъ,—уйти не смѣетъ, пока тотъ у себя, подлѣ, принимаетъ доклады и письма диктуетъ, между тѣмъ какъ пьяная компанія, съ которою Посниковъ, разумѣется, успѣлъ сойтись съ первыхъ же дней прибытія своего въ городъ, собралась уже гдѣ нибудь у Маттео, или у графа Самойлова, и пируетъ безъ него.

Но я лучше передамъ рѣчь о послѣдующемъ самого Ивана Захаровича, съ которымъ много лѣтъ спустя встрѣтились мы опять въ Москвѣ, гдѣ онъ жилъ въ ту пору на покоѣ, послѣ всѣхъ своихъ служебныхъ и житейскихъ невзгодъ (т.-е. пропивъ свое состояніе), у той же тетки своей, А. И. Васильчиковой.

— Сижу это, знаете, я—слегка и презабавно пришепетывалъ онъ, разсказывая это мнѣ,—въ этой библіотекѣ, и досада такая разбираетъ, особенно когда эта проклятая пушка на бульварѣ въ полдень грянетъ *), потому въ эту самую минуту барабанщики у меня въ желудкѣ начнутъ нещадно тревогу бить, ѣсть-пить захочется смерть,—а ты тутъ сиди, потому и онъ сидитъ, неравно процѣдитъ: „Come in, Posnikof dear!..“ И возымѣлъ я къ этой пушкѣ ненависть лютую; погублю тебя, шельма, рѣшилъ я это, знаете, внутренно. Вотъ я, этакъ ночью, часу въ третьемъ, и отправился на бульваръ; колъ, знаете, на которомъ она на цѣпи съ замкомъ привязана была, вытащилъ совсѣмъ изъ земли, ухватился за эту цѣпь и потащилъ на двухъ ея колесахъ, вдоль бульвара, въ биржевой садъ. А тамъ, помните, одно только названіе, что садъ: пустырь съ кое-какими акаціями, бурьяномъ да колючками поросшій. Я ее въ этотъ самый репейникъ густой-прегустой, въ самую чащу, и ткнулъ; руки даже себѣ накололъ... На другой день я въ положенный часъ, какъ всегда,—на службу. Сѣлъ, перо взялъ, и такъ и уткнулся въ каталогъ. А дверь въ его кабинетъ, по обыкновенію, отворена, и все оттуда мнѣ слышно. „Что-то будетъ?“ жду, потому сейчасъ къ нему должны полиціймейстеръ и комендантъ съ ежедневнымъ рапортомъ явиться... Дѣйствительно, слышу, загремѣла сабля: это Александръ Андреевичъ Шостакъ, полиціймейстеръ. И съ-оника доноситъ о происшествіи: „Необыкновенное, молъ, обстоятельство—пушка съ бульвара пропала“.—Какъ пропала?—„Такъ и пропала, ваше сіятельство, не могутъ отыскать...“ Тутъ ста-

*) Полдень возвѣщается и до сихъ поръ въ Одессѣ выстрѣломъ изъ пушки, стоящей противъ монумента герцога де-Ришелье. Въ ту пору знакъ къ нему подавался изъ дома графа Воронцова, по находившемуся тамъ хронометру.

рикъ мой пришелъ въ такой гнѣвъ, что я чуть со стула моего не свалился; накричалъ на Шостака самымъ ужаснѣйшимъ манеромъ, хрипитъ даже отъ злости! „Отыскать, отыскать, и узнать непремѣнно, кто позволилъ себѣ это сдѣлать и съ какою цѣлью“.—„Я ужь распорядился“, говоритъ Шостакъ совсѣмъ уже перепуганнымъ, слышу, голосомъ. А тотъ ему на это: „Я ваше распоряженіе послѣ этого происшествія въ грошъ не ставлю; я самъ наряжу слѣдствіе. Posnikof, come in!“.. Вотъ тебѣ и разъ! Однако, я ничего, обдернулся, вхожу: „Что прикажете, ваше сіятельство?“ А у него даже губы дрожатъ. „Вотъ, говоритъ,—что позволяютъ себѣ дѣлать въ городѣ, пушка съ бульвара пропала!“ Я повелъ очами къ небу, развелъ руками, и тутъ же головою поникъ: ужасно, молъ, ваше сіятельство!—„Наряжаю тебя произвести строжайшее слѣдствіе по этому безчинству... Прошу по совѣсти, не щадя никого, кому это могло бы быть не пріятно“, прибавляетъ онъ это уже по адресу Шостака. Я опять вздохнулъ изъ всей груди и приложилъ руку къ сердцу,—какъ это, молъ, ни тяжело мнѣ, но я на все готовъ для исполненія воли вашего сіятельства. — „Хорошо, отправляйся сейчасъ въ канцелярію и принимайся за дѣло. Можете итти“, и повернулся къ полиціймейстеру спиною. Полная, значитъ, немилость.

— Что же, перебилъ я на этомъ мѣстѣ Ивана Захаровича, покатываясь со смѣху,—вы такъ дѣйствительно и производили слѣдствіе, и успѣшно?

— По всѣмъ правиламъ искусства. Все начальство къ слѣдствію привлекъ: полиціймейстера, коменданта, градоначальника, начальника инвалидной роты, управляющаго таможнею и карантинное начальство; бланки себѣ особенные велѣлъ отлитографировать съ заголовкомъ: „Чиновникъ по особому порученію его сіятельства главнаго начальника края, производящій слѣдствіе по дѣлу о пропажѣ съ одесскаго приморскаго бульвара сигнальной пушки“, трехъ писарей изъ канцеляріи вытребовалъ, по шестидесяти нумеровъ исходящихъ въ день выпускалъ.

— И нашли виновнаго?

— Остался неизвѣстенъ.

— А пушку?

— Я же самъ ее дня черезъ два изъ биржеваго сада обратно притащилъ и на мѣсто поставилъ, только жерломъ не къ морю, а прямо направивъ его на ликъ бронзоваго дюка: берегись, молъ, неравно выпалю!

— Какъ же ваше слѣдствіе кончилось?

— Пришли къ графу хоромъ жаловаться власти, которыхъ я привлекъ къ дѣлу. „Не въ-терпежъ, говорятъ,—ваше сіятельство, замучилъ насъ Посниковъ вопросами своими и требованіями. Избавьте насъ отъ него". Ну, а у того гнѣвъ успѣлъ пройти, пушка же опять на мѣстѣ стояла. Онъ и велѣлъ мнѣ прекратить: „Благодарю тебя, говоритъ, — ты, можетъ быть, слишкомъ много усердія приложилъ къ дѣлу, но въ молодомъ человѣкѣ это не дурно". Похвалу, какъ видите, еще получилъ отъ начальства...

По назначеніи графа Воронцова намѣстникомъ на Кавказъ, Иванъ Захаровичъ послѣдовалъ за нимъ туда, — но карьеры онъ тамъ не сдѣлалъ. Очень ужь хорошо было тамъ кахетинское вино и соблазнительно общество любителей его. Онъ вернулся оттуда въ Москву въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, настоящимъ gros Jean comme devant, какъ говорятъ французы, подъ ту же руку продолжавшей радѣть о немъ, вопреки всему, „тетушки Васильчиковой"... По пути съ Кавказа „откололъ" онъ съ нею, какъ говорится, невообразимую „штуку". Получаетъ однажды Александра Ивановна съ какой-то станціи письмо отъ неизвѣстнаго ей лица, извѣщающаго ее, что племянникъ ея, Иванъ Захаровичъ Посниковъ, съ которымъ встрѣтился онъ на этой станціи, умеръ тамъ скоропостижно, и что при немъ не оказалось ни гроша, на что можно бы было его прилично похоронить, о чемъ онъ и считаетъ долгомъ извѣстить его родственницу. Почтенная особа, само собою, очень всполошилась, расплакалась и поспѣшила распорядиться посылкою на означенную станцію довѣреннаго слуги, вручивъ ему денегъ для перевоза тѣла племянника въ Москву, гдѣ долженъ онъ былъ быть погребенъ въ фамильномъ склепѣ. Каково же было ея удивленіе, радость, а затѣмъ и гнѣвъ, когда черезъ нѣсколько дней послѣ этого предсталъ предъ нею во плоти и

духѣ самъ мертвецъ, болѣе грузный, объемистый и блаженно улыбающійся, чѣмъ когда-либо.

— Какъ же это ты рѣшился такъ напугать меня? говорила она ему въ волненіи.

— А я дѣйствительно умеръ, отвѣчаетъ тотъ,—со страха, что у меня деньги всѣ вышли и нечѣмъ съ этой станціи дальше ѣхать; написать просто—вы пожалуй бы не дали, а тутъ я зналъ, что похоронить меня съ честью ужь вы навѣрно похороните.

И надо было видѣть, какъ наивно комично разсказывалъ это самъ Иванъ Захаровичъ!

Въ Москвѣ вздумали его женить и нашли ему дѣйствительно премилую молодую особу, единственную дочь почтеннаго отца, съ которою Иванъ Захаровичъ сочетался бракомъ... Но что̀ изъ этого вышло, могъ бы опять-таки разсказать лишь какой-нибудь Брантомъ или ему подобный лѣтописецъ стародавнихъ facéties et histoires drolitiques... Кончилось, кажется, разводомъ, послѣ чего самъ онъ вскорѣ умеръ. Я въ ту пору перешелъ опять на службу изъ Москвы въ Петербургъ и потерялъ его изъ виду.

Къ Одессѣ временъ моей молодости, во многихъ отношеніяхъ въ ту пору дѣйствительно заслуживавшей прозваніе „Капуи“, данное ей кѣмъ-то въ насмѣшку, я возвращусь какънибудь...

ИЗЪ ПРОЖИТЫХЪ ДНЕЙ *).

IV.

Бальзакъ и его женитьба.

Лѣтомъ 1843 года (я за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ поступилъ на службу въ Петербургъ), на дачѣ у С. С. Б—вой, имѣлъ я случай увидать французскаго писателя, съ произведеніями котораго познакомился, еще бывши ребенкомъ (лѣтъ 14 отъ роду прочелъ я въ первый разъ „La recherche de l'inconnu", печатавшееся въ Revue étrangère", французскомъ журналѣ, много лѣтъ издававшемся въ Петербургѣ книгопродавцемъ Бельмуаромъ, и къ которому питалъ съ тѣхъ дней самое восторженное сочувствіе). Его привезла къ хозяйкѣ дачи неожиданно, — по крайней мѣрѣ для гостей, собравшихся у нея въ тотъ вечеръ, — богатая польская дама, г-жа Ганска, на которой впослѣдствіи женился Бальзакъ и съ которою онъ пріѣхалъ въ то время въ Петербургъ изъ ея подольскаго имѣнія... Въ изящной полной цвѣтовъ и растеній гостиной сидѣло общество за чаемъ, когда они вошли въ комнату: плотная, чтобы не сказать толстая, невысокая женщина лѣтъ 40, съ широкимъ лицомъ и далеко не элегантною походкою, и за нею такой же невысокій и плотный, съ длинными русыми волосами „à la mougik", по модѣ 30-хъ годовъ, мужчина... Я въ первую минуту не повѣрилъ даже, когда,—не помню теперь, кто — сидѣвшій подлѣ меня за столомъ шепнулъ мнѣ

*) Впервые напечатано въ №№ 270 и 272 С.-Петерб. Вѣд., 30-го сентября и 2-го октября 1884 года.

на ухо: „Это Бальзакъ“... Бальзакъ, авторъ „Eugénie Grandet и Père Goriot“ — этотъ грузный, съ какимъ-то спящимъ и грубымъ лицомъ человѣкъ, „похожій на пѣхотнаго маіора изъ бурбоновъ, отростившаго себѣ волосы, какъ дьяконъ“, подумалось мнѣ,—и мнѣ сдѣлалось какъ-то ужасно грустно. Не такимъ представляло себѣ мое двадцатилѣтнее воображеніе великаго писателя (къ тому же перваго, котораго мнѣ суждено было видѣть), и, только внимательнѣе вглядываясь въ него, призналъ я нѣкоторое сходство оригинала съ литографированнымъ его портретомъ, который я, въ пору моего студенчества, выдралъ изъ той же „Revue étrangère“ и, вставивъ его подъ стекло, повѣсилъ въ моей комнатѣ, рядомъ съ подобнымъ же портретомъ Жоржъ-Зандъ, въ мужскомъ костюмѣ и съ такою же, какъ у него, длинною прическою... Хозяйка тотчасъ же представила вошедшихъ сидѣвшимъ подлѣ нея дамамъ. Начался общій разговоръ; дамы то-и-дѣло обращались къ Бальзаку то съ тѣмъ, то съ другимъ вопросомъ. Онъ отвѣчалъ немногословными, обрывчатыми фразами, а затѣмъ и совсѣмъ замолкъ, насупившись, съ видомъ болѣе еще чѣмъ прежде соннымъ. На меня онъ произвелъ впечатлѣніе человѣка, не почитающаго нужнымъ метать перлы передъ обществомъ, неспособнымъ понимать его *), и мнѣ въ то же время стало досадно на него и обидно за всѣхъ „насъ“. А у него, можетъ быть, въ это время просто голова болѣла, или ему дѣйствительно спать хотѣлось отъ утомленія цѣлаго дня, проведеннаго, какъ объясняла г-жа Ганска, въ обозрѣніи всѣхъ достопримѣчательностей Петербурга. Спутница его за то не умолкала все время; говорила она бойко, отчетливо и чрезвычайно книжно, съ удовольствіемъ, очевидно, слушая сама себя

*) Насколько это впечатлѣніе мое было не основательно, служитъ доказательствомъ отзывъ покойнаго Рамазанова, который, нѣсколько дней послѣ вечера, о которомъ я говорю здѣсь, уѣхалъ изъ Петербурга за границу въ одной почтовой каретѣ съ Бальзакомъ, возвращавшимся на родину. Въ весьма интересныхъ воспоминаніяхъ своихъ объ этомъ отъѣздѣ своемъ и пребываніи за границею, напечатанныхъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ нѣсколько лѣтъ назадъ, художникъ не нахвалится обходительностью, веселостью и сообщительностью обращенія знаменитаго спутника своего, съ которымъ доѣхалъ до самаго Дрездена, сколько мнѣ помнится.

и какъ бы давая понимать остальнымъ слушающимъ, что она гораздо еще болѣе, чѣмъ привезенная ею знаменитость, заслуживаетъ быть центромъ общаго вниманія. Но о чемъ она говорила, я рѣшительно не помню. Глаза мои не отрывались отъ Бальзака, въ глазахъ, въ улыбкѣ котораго мнѣ упорно хотѣлось все отыскать „l'éclair du génie", какъ я выражался тогда мысленно. Но никакого éclair, кромѣ усталости или скуки, подмѣтить мнѣ было не дано... Часа черезъ полтора-два онъ повелъ какъ бы молящимъ взглядомъ на г-жу Ганску. Она вняла ему и поднялась съ мѣста. Они простились и уѣхали.

Подъ такимъ, далеко не поэтическимъ освѣщеніемъ пришлось мнѣ увидѣть этихъ двухъ лицъ, отношенія которыхъ другъ къ другу представляютъ между тѣмъ собою весьма занимательный романъ, съ перипетіями, тянувшимися на пространствѣ болѣе 20 лѣтъ.

Г-жа Ганска, рожденная графиня Ржевуская, принадлежала къ весьма древней и даровитой польской аристократической семьѣ. Изъ братьевъ ея, графъ Адамъ Ржевускій, состоящій и понынѣ генералъ-адъютантомъ Его Величества, веселый и остроумный человѣкъ, женатъ былъ первымъ бракомъ на вдовѣ Жеребцовой, рожденной княжнѣ Лопухиной (женщинѣ гораздо его старше), приходящейся бабушкою съ материнской стороны нынѣшнему нашему послу въ Берлинѣ, князю Н. А. Орлову; во второмъ — на дочери бывшаго министра юстиціи въ царствованіе императора Николая, Дашкова, которой онъ лѣтъ на 30 былъ старше, и въ третьемъ — на соплеменницѣ своей,—по фамиліи Бжозовской, если не ошибаюсь,—между которой и имъ существуетъ еще большая разница лѣтъ. Другой братъ, графъ Генрихъ, долго состоявшій въ Варшавѣ при князѣ Паскевичѣ, извѣстенъ какъ одинъ изъ даровитѣйшихъ польскихъ беллетристовъ. Изъ двухъ сестеръ ея, госпожъ Ризничъ и Собаньской, послѣдняя почиталась въ свое время одною изъ самыхъ блестящихъ красавицъ польскаго общества русскаго юга... Я помню ее еще въ тридцатыхъ годахъ въ Кіевѣ, въ домѣ отца моего, — помню, какъ теперь, пунцовую бархатную току съ страусовыми перьями,

необыкновенно красиво шедшую къ ея высокому росту, пышнымъ плечамъ и огненнымъ чернымъ глазамъ; помню гораздо позднѣе, уже во дни студенчества моего въ Одессѣ, когда, разведясь съ мужемъ изъ-за страстной любви къ одному изъ донъ-жуановъ первой четверти нашего вѣка, графу Витту *), и послѣ разрыва съ нимъ вышла она faute de mieux замужъ за адъютанта его, Чирковича. Оставшись затѣмъ вскорѣ вдовою, она на шестомъ десяткѣ обвѣнчалась третьимъ бракомъ съ Paul Lacroix, извѣстнымъ во французской литературѣ подъ псевдонимомъ „Bibliophile Jacob“, занимательнымъ и весьма свѣдущимъ по исторіи отечества своего писателемъ. „Le salon de monsieur et madame Paul Lacroix“, престарѣлой, но отмѣнно любезной, гостепріимной четы, по нѣжной привязанности своей другъ къ другу „напоминающей собою трогательное древнее сказаніе о Филемонѣ и Бавкидѣ“, какъ говорилъ мнѣ еще лѣтъ 20 тому назадъ покойный Méry **), весьма долго (если и не до сихъ поръ, такъ какъ супруги, по свѣдѣніямъ моимъ, живы и понынѣ) почитался однимъ изъ пріятнѣйшихъ центровъ „du Paris intelligent“.

Г-жѣ Ганска суждено было закончить бракомъ съ такимъ же французскимъ писателемъ, но послѣ прошедшаго, проведеннаго при совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, которыя выпали на долю ея блестящей сестрѣ... Лѣтъ 30 послѣ встрѣчи моей съ нею и Бальзакомъ, разсказана мнѣ была родною ея племянницей, графинею К., слѣдующая достовѣрная повѣсть ихъ двадцатилѣтней любовной эпопеи.

Г-жа Ганска вышла 16-лѣтнею дѣвушкою за своего, очень богатаго, образованнаго и тогда уже почти 50-лѣтняго супруга. Эта огромная разница лѣтъ между нимъ и женою, чуть еще не ребенкомъ, возбудила въ Ганскомъ на первыхъ же порахъ справедливыя опасенія за прочность чаемаго имъ съ нею счастья. Онъ совершенно ясно сознавалъ, что рано или поздно въ этомъ ребенкѣ можетъ пробудиться женщина, съ

*) Умеръ на югѣ въ сороковыхъ годахъ инспекторомъ поселенной кавалеріи, въ званіи генералъ-адъютанта и генерала отъ кавалеріи.

**) Извѣстный поэтъ и романистъ, авторъ „La Floride“, „La guerre du Nizam“ и другихъ имѣвшихъ большой успѣхъ въ свое время произведеній.

сердцемъ, требующимъ любви, но что предметомъ ея будетъ не онъ, старый, отжившій человѣкъ и мужъ, что на тайный зовъ ея можетъ отозваться кто-нибудь другой, такой же молодой и свѣжій, какъ сама она. Слѣдовало поэтому первымъ дѣломъ отдалить это дѣвственное еще сердце отъ всякаго случая къ соблазну, не давать молодой женѣ встрѣтиться ни съ кѣмъ, кто способенъ былъ бы зажечь въ ней искру еще невѣдомой пока страсти. Надо было вмѣстѣ съ тѣмъ дать и надлежащую пищу ея духовнымъ потребностямъ, той умственной воспріимчивости и жаждѣ знанія, замѣченнымъ имъ въ ней, которыя при разумномъ развитіи могли, разсуждалъ онъ, вполнѣ замѣнить для нея обычную женщинамъ ея круга жажду свѣтскихъ развлеченій, въ омутѣ которыхъ погибаетъ такъ много супружескихъ благополучій и добродѣтельныхъ женщинъ... Всего этого пожилой супругъ счелъ возможнымъ достигнуть, запершись съ женою въ своемъ деревенскомъ „палацѣ на Подолѣ“ (т.-е. въ Подольской губерніи), откуда и онъ, и она не выѣзжали въ теченіи болѣе чѣмъ 10 лѣтъ и куда принимались лишь ближайшіе родственники и друзья владѣльца и ни единаго молодаго человѣка. Молодая жена за то была завалена книгами, приходившими къ ней со всѣхъ концовъ Европы. Ганскій самъ былъ человѣкъ начитанный и довольно многосторонній по образованію, познакомилъ жену съ нѣкоторыми отраслями знанія, въ которыхъ самъ дилеттантствовалъ довольно удачно, съ языками, съ которыми она не знакома была до тѣхъ поръ. Даровитая молодая женщина преуспѣвала въ этомъ болѣе даже, чѣмъ онъ ожидалъ. Но литература, весьма понятно, привлекала ее все сильнѣе и—что еще понятнѣе, — преимущественно литература французская, только-что вырвавшаяся въ ту пору изъ-подъ двухвѣковаго гнета своего псевдо-классицизма и смѣло водружавшая пестрое „романтическое“ знамя надъ взятыми ею приступомъ бастиліями традицій, говорившихъ во имя непререкаемаго авторитета Буало, Расина и Вольтера. Это было интересное, живое, полное горячихъ стремленій и яркихъ красокъ время. Послѣ невыносимо безцвѣтныхъ, безъидейныхъ, безпомощныхъ писакъ и сентиментальныхъ романистокъ первой имперіи и рестав-

раціи, всякихъ Фонтановъ, Арно, Лемьеровъ, госпожъ Cottin, de Genlis и de Souza, со дня на день, вдругъ, на тощей литературной почвѣ взростаетъ цѣлый коверъ цвѣтовъ, поражающихъ, ослѣпляющихъ глазъ нежданною смѣлостью, разнообразіемъ и несомнѣнною привлекательностью рисунковъ своихъ и колеровъ; густой рядъ молодыхъ дарованій, невѣдомыхъ вчера, говорятъ смѣло о себѣ сегодня, какъ о ближайшихъ властителяхъ умственнаго движенія во всемъ мірѣ. Поэтическое творчество другихъ народовъ переносится на французскую землю и становится достояніемъ всей вселенной, проходя сквозь реторту яснаго французскаго ума и всѣмъ доступной французской популяризаціи... Тридцатые годы были для Франціи повтореніемъ „великаго вѣка“ (grand siècle) Людовика XIV: остальные народы признавали въ ней вновь стоящую во главѣ интеллектуальнаго міра націю... Здѣсь не мѣсто входить въ разсужденія, въ какой мѣрѣ окружавшій ее тогда ореолъ соотвѣтствовалъ дѣйствительно принесеннымъ ею заслугамъ въ широкой области человѣческой мысли. Нельзя отрицать, во всякомъ случаѣ, что время это было для нея временемъ дѣйствительныхъ, болѣе или менѣе крупныхъ талантовъ, изъ которыхъ нѣкоторые, чрезмѣрно возвеличенные въ ту пору, отошли въ наши дни на болѣе или менѣе задній планъ; другіе же, напротивъ, только въ наши дни поднялись въ глазахъ ихъ соотечественниковъ на ту заслуженную ими степень знаменитости, въ которой отказывали имъ во время ихъ жизни. Къ этимъ послѣднимъ принадлежитъ едва-ли не величайшій изъ всѣхъ ихъ, творецъ „Человѣческой комедіи“ („Comédie humaine“). Дебютировавшій на литературной аренѣ многими годами ранѣе романтиковъ цѣлою серіею своеобразныхъ произведеній, писанныхъ подъ разными псевдонимами *), пропущенныхъ безъ вниманія читающею публикою, и которыми прежде всего былъ не доволенъ онъ самъ, онъ заставляетъ говорить о себѣ лишь послѣ появленія своей „Physiologie du mariage“, съ которой начинаетъ подписываться уже полнымъ своимъ именемъ. Вся жизнь его проходитъ затѣмъ въ неустанномъ, крѣпчающемъ

*) Изъ которыхъ всего чаще подписывался онъ „Saint-Albin“.

съ каждымъ годомъ творчествѣ, въ которомъ онъ является вполнѣ самъ и одинокъ, какъ могучій дубъ среди иныхъ древесныхъ породъ, отъ которыхъ рѣзко отдѣляется широкимъ захватомъ своихъ корней, густотою и сочностью своей зелени. Но въ самой этой силѣ захвата и своеобразности творчества, черпавшаго мотивы свои прямо изъ жизни, „aus dem frischen Menschenleben“, по выраженію Гёте, лежалъ источникъ того относительнаго равнодушія, какое встрѣчали въ самой Франціи произведенія его генія. Онъ не ослѣплялъ трескомъ бойкихъ фразъ и вычурныхъ сопоставленій, на половину мишурною колоссальностью образовъ Виктора Гюго, не умилялъ, не чаровалъ сердца и слухъ прелестью картинъ природы и любви и соловьиною рѣчью Жоржъ-Зандъ, не раздражалъ и не потѣшалъ воображеніе читательской массы, какъ Александръ Дюма; онъ никогда и не пользовался обаяніемъ и популярностью этихъ совмѣстниковъ своихъ въ предѣлахъ отечества... Можно прямо сказать, что слава Бальзака создана ему была при жизни гораздо болѣе чужеземными, чѣмъ французскими читателями. Его жадно поглощали въ образованныхъ кружкахъ Англіи, Германіи, особенно Россіи, въ польскомъ аристократическомъ обществѣ...

На далекомъ „Подолѣ“, въ одинокой жизни своего панскаго „палаца“, молодая жена стараго супруга молилась на творца „Peau de chagrin“ и „Père Goriot“, — а быть можетъ и „Physiologie du mariage“, если только допустить, что эта злобная сатира на бракъ не была конфискована ревнивымъ владыкою ея, прежде чѣмъ попасть въ ея руки... Ей вздумалось однажды выразить на бумагѣ все восхищеніе, испытуемое ею при чтеніи даровитаго писателя, и послать это ему въ Парижъ. Мужъ одобрилъ ея намѣреніе: не ревновать же было ему, въ самомъ дѣлѣ, къ незнакомому лицу, обитающему на другомъ концѣ Европы и къ которому чувство жены его могло быть, само собою, лишь чисто идеальнаго свойства. Г-жа Ганска, сильная этимъ дозволеніемъ, вылила, надо полагать, „всю душу свою“, какъ говорится, въ этомъ первомъ письмѣ къ Бальзаку, такъ какъ впечатлѣніе, произведенное имъ на него, было огромное. Онъ переживалъ въ ту пору одну изъ тѣхъ

трудныхъ минутъ, которыми полна была его жизнь, когда нужда, чрезмѣрная работа, то недовольство формою, слогомъ, съ которымъ онъ никогда справиться не могъ (что̀ понуждало его къ неустаннымъ выправкамъ и варіантамъ цѣлыхъ листовъ написаннаго текста), и наконецъ придирки враждебной къ нему критики приводили его въ крайне угнетенное нравственное состояніе, какъ свидѣтельствуетъ это опубликованная, нѣсколько лѣтъ назадъ, переписка его съ сестрою, г-жею Сюрвиль. Нежданное посланіе изъ далекой страны отъ молодой, „очевидно прекрасной“, говорило ему воображеніе, и несомнѣнно, судя по тому, что̀ писала она, умной и широкообразованой женщины, доставило ему невыразимое утѣшеніе, разогнало уныніе, воскресило духъ. Онъ отвѣчалъ горячо, сердечно, пространно... Завязалась корреспонденція, изо дня въ день, изъ года въ годъ принимавшая все болѣе интимный, все болѣе нѣжный характеръ. Такъ прошли три или четыре года. Ганскій хмурился, желчно иронизируя подъ часъ надъ „эпистолярною страстью“ жены, но не препятствовалъ ей. Эти безплотныя отношенія къ кому-то, не облеченному ни для нея, ни для него въ видимый, осязательный образъ, служили ему какъ бы гарантіею, что ему нечего бояться со стороны жены увлеченій болѣе положительнаго свойства. Къ этому присоединилось извѣстнаго рода тщеславіе: поклонникомъ его „пани“ былъ первостепенный писатель, „всемірная знаменитость“... Самъ онъ, между тѣмъ, начиналъ ветшать и болѣть; доктора предписали ему курсъ лѣченія въ Карлсбадѣ. Онъ отправился въ путь съ женою и единственною дочерью, дѣвочкою лѣтъ 9 (вышедшею впослѣдствіи замужъ за графа Мнишка). Изъ Карлсбада, по окончаніи его курса, Ганскіе проѣхали въ Вѣну.

Г-жѣ Ганскѣ перешло уже тогда за тридцать, и мужъ, удерживаемый часто дома плохимъ состояніемъ своего здоровья, предоставлялъ ей извѣстную внѣшнюю свободу, которою она и пользовалась для поѣздокъ по очаровательнымъ мѣстамъ гульбищъ, которыми изобилуетъ Вѣна. Ей въ особенности нравился Шёнбрунъ, и она почти ежедневно ѣздила по утрамъ туда на прогулку съ дочерью... Въ одинъ прекрасный солнечный день шла она такимъ образомъ съ нею по большой аллеѣ отъ дворца

на возвратномъ уже пути къ воротамъ, за которыми ждалъ ихъ экипажъ. Дѣвочка весело бѣжала передъ нею, подгоняя палочкою свое серсо. Вдругъ споткнулась она о какой-то камешекъ, упала и громко закричала. Перепуганная мать кинулась къ ней, но какой-то мужчина, шедшій впереди по той же аллеѣ, предупредилъ ее, подбѣжалъ къ ребенку, поднялъ его на руки и, быстро выхвативъ платокъ изъ кармана, принялся утирать струившіяся по его лицу капельки крови изъ царапины, произведенной гравіемъ, на который упала дѣвочка. Увѣчья, кромѣ этого, никакого не оказалось; дѣвочка вскорѣ перестала плакать, но поднявшій ее незнакомецъ упросилъ ея мать дозволить донести ее на рукахъ до экипажа. Та благодарила и, вся занятая дочерью, не обратила въ первое время никакого вниманія на наружность того, къ кому относилась ея благодарность. Только когда вышли они втроемъ за ворота и ожидавшій тамъ слуга крикнулъ коляску своей барыни, г-жа Ганска взглянула въ лицо своего спутника, и сердце ея внезапно забилось.

— Позвольте мнѣ еще разъ поблагодарить васъ отъ всего сердца, промолвила она, — и узнать имя того, чье участіе къ моей дѣвочкѣ я никогда не въ состояніи буду забыть.

Незнакомецъ снялъ шляпу и низко поклонился.

— On me nomme Honoré de Balzac, madame.

Молодая женщина вскрикнула и повалилась бы наземь, если бы рука Бальзака не ухватила и не поддержала ее за станъ.

Романъ, вращавшійся до сихъ поръ въ области чистой метафизики, вошелъ, какъ говорится, въ плоть и кровь съ минуты этой дѣйствительно неожиданной встрѣчи, которую влюбленные наши, съ тѣмъ суевѣріемъ, которое такъ присуще вообще страсти, объясняли себѣ какимъ-то особымъ проявленіемъ благоволящей къ нимъ судьбы. Но судьба эта готовила имъ еще много испытаній, прежде чѣмъ „увѣнчать ихъ пламень“, couronner leurs feux, какъ говорятъ французы, законнымъ торжествомъ Гименея, такъ какъ внѣ его не допускала любви молодая женщина... Она представила Бальзака мужу, который очень любезно отнесся къ знаменитому писателю и въ

числѣ другихъ учтивостей сказалъ ему, что онъ почелъ бы себя счастливымъ принять его когда-нибудь въ своемъ замкѣ на Подолѣ—приглашеніе, которое, по его мнѣнію, такъ и должно было остаться учтивостью: какъ было въ самомъ дѣлѣ предположить, что Бальзакъ приметъ его въ-серьезъ и вздумаетъ прикатить изъ Парижа въ глубь Россіи, при тогдашнихъ пространствахъ и медленныхъ способахъ передвиженія по нимъ! Но тотъ принялъ его au mot и пріѣхалъ въ слѣдующій же годъ, а затѣмъ еще разъ, если не два. Мучительныя перипетіи, черезъ которыя за все это время переходила неизсякавшая любовь его къ госпожѣ Ганскѣ, съ неустанными скачками отъ золотыхъ надеждъ къ полному отчаянію и обратно, переданы имъ весьма подробно и съ какою-то особенною страстностью изложенія въ извѣстномъ романѣ его „Le lys dans la vallée“, въ которомъ старый брюзга-мужъ и страдалица долга своего—жена, monsieur et madame de Mortsauf никто иные, какъ чета Ганскихъ. Самъ же Бальзакъ изобразилъ себя въ лицѣ молодаго дипломата Félix de Vandenesse, мучительно подавляющаго свои желанія въ силу благоговѣнія, возбуждаемаго въ немъ святымъ смиреніемъ, съ которымъ исполняетъ свой тяжелый супружескій долгъ страстно любимая имъ мужняя жена...

Не могу, кстати, не припомнить, говоря объ этомъ романѣ, объ эпизодѣ, которымъ почти начинается онъ, и который, между прочимъ, представляетъ собою образчикъ того mauvais goût, которымъ, къ сожалѣнію, нерѣдко грѣшилъ этотъ большой, очень большой писатель.

Vandenesse изображенъ тутъ въ первую минуту дебюта его въ жизни. Онъ воспитанъ въ деревенскомъ замкѣ родителей его, строгихъ легитимистовъ, въ понятіяхъ почти аскетической сдержанности и приличія. Но страстная натура вырывается неотразимо наружу изъ-подъ нравственныхъ веригъ, наложенныхъ на нее. Онъ попадаетъ какъ-то вечеромъ въ департаментскомъ городѣ на какой-то большой концертъ или зрѣлище. Спиною къ нему, на ближайшей скамьѣ эстрады, на которой нашелъ онъ себѣ мѣсто, сидитъ молодая женщина въ вечернемъ декольтированномъ платьѣ, изъ котораго выступа-

ютъ восхитительныя, бѣлыя, полныя плечи. Видъ этихъ плечей возмущаетъ всю кровь молодаго человѣка. Онъ не въ силахъ противостоять своему желанію, кидается сзади на эту женщину (оказывающуюся затѣмъ героинею романа, madame de Mortsauf) и „вкусывается въ эти прекрасныя плечи, какъ въ грушу“ (et je mordis dans ces belles épaules comme dans une poire). Картина далеко не эстетичная, хотя и весьма рельефная!...

„Le lys dans la vallée“ заключаетъ, между прочимъ, цѣлый рядъ писемъ, которымъ обмѣниваются любовники въ отсутствіе другъ друга, писемъ, какъ говорятъ, прямо скопированныхъ съ дѣйствительной корреспонденціи автора и предмета его страсти.

Какъ въ романѣ, такъ и въ дѣйствительности, героиня обѣщала любимому человѣку, въ случаѣ смерти мужа, никому, кромѣ него, не принадлежать. Но Бальзаку долго пришлось еще ожидать осуществленія этого обѣта. Ганскій дряхлѣлъ, хилѣлъ, становился все брюзгливѣе и сварливѣе, но умирать все-таки не рѣшался. Прошло еще лѣтъ 7 или 8. Наконецъ...

Нѣтъ, это еще не былъ конецъ. Госпожа Ганска овдовѣла, но по одному изъ тѣхъ, повидимому необъяснимыхъ, но несомнѣнно сущихъ, психическихъ измѣненій, которымъ такъ подвержено женское,—да и одно-ли женское?—сердце, въ ту самую минуту, когда, вполнѣ свободная располагать собою, ей оставалось только протянуть руку человѣку, съ которымъ связывала ее почти 20-лѣтняя взаимная страсть,—она внезапно почувствовала отвращеніе къ нему, отклонила пріѣздъ его къ ней, въ ея „палацъ на Подолѣ“ и перестала отвѣчать на его письма. Можно себѣ представить отчаяніе Бальзака. Онъ тѣмъ не менѣе пріѣхалъ.

Къ этому времени, по всей вѣроятности, относится путешествіе его съ госпожею Ганска въ Петербургъ, куда ее призывалъ какой-то процессъ. Вернулся онъ оттуда въ Парижъ съ новыми, надо полагать, надеждами, судя по тому, по крайней мѣрѣ, что спутникъ его въ ту пору, Рамазановъ, гово-

ритъ въ своихъ воспоминаніяхъ о добромъ расположеніи его духа во время пути.

Овдовѣвшая капризница, тѣмъ не менѣе, долго еще держала его le bec dans l'eau, какъ говорятъ французы. Освободившись отъ многолѣтняго гнета, подъ которымъ изныла ея молодость, она, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, очевидно, страшилась новыхъ супружескихъ узъ и оттягивала, насколько могла, моментъ исполненія обѣта, даннаго ею своему обожателю. Вышла она, наконецъ, за него замужъ весьма незадолго (не помню вѣрно, но кажется года за полтора, не болѣе) до его смерти, а умеръ онъ въ 1850 г., на пятьдесятъ второмъ году своей жизни, то-есть въ полной еще силѣ возраста и таланта.

Женитьба на богатой польской вдовѣ обезпечивала Бальзаку матеріальное благосостояніе и почетное положеніе въ обществѣ, къ которымъ стремился онъ въ теченіи всей своей тяжелой трудовой жизни. Но судьба, бывшая ему вѣчно мачихою, не дала ему времени насладиться этими, такъ поздно давшимися ему наконецъ въ руки, благами. Онъ умеръ внезапно, отъ удара, въ прекрасномъ, пріобрѣтенномъ въ Парижѣ его женою домѣ (сохраняющемъ и до сихъ поръ свое названіе hôtel Balzac, хотя онъ, кажется, послѣ недавней кончины его владѣлицы, перешелъ уже въ чужія руки), испытывая до самаго утра, въ которое застала его смерть, передавала мнѣ моя разсказчица,—къ своей, такой же, какъ и онъ, пятидесятилѣтней супругѣ то юношески страстное чувство, съ которымъ герой его „Лиліи въ долинѣ“ „впивался зубами, какъ въ грушу“, въ прекрасныя плечи m-me de Mortsauf.

PG
3467
M327
1885
t.9-11

Markevich, Boleslav
Miklaĭlovich
Polnoe sobranie sochine-
niĭ

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY